
AP50
.Z45
g.10
1905
no.1-6

3-j

ГОДЪ X. 1905. № 1. ЯНВАРЬ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Журналъ для всѣхъ.

П. П. ГАЙДЕБУРОВЪ.

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.

Въ годину трудную, неслышными шагами
Нежданно ты ушелъ отъ сумрачной земли...
Твои печали слишкомъ больно жгли
Страдальческую грудь безсмертными слезами.

Но если бы хоть тамъ, въ лазоревой дали,
Покрывъ тебя воздушными слезами,
Святые ангелы смѣющимися снами
Обвѣять ласково твою печаль могли!..

Ты бъ отдохнулъ тогда... Но здѣсь твои мечты
Съ больною родиной страдать не перестанутъ,
Пока, подъ топоромъ склонившись, не увянутъ

Вишневыхъ зарослей безплодные цвѣты,
И къ солнцу теплому любви и красоты
Побѣги юные душистый цвѣтъ протянутъ...

АЛЕКСАНДРЪ ОВСЯННИКОВЪ.

ВОЙНА.

Она приходитъ къ намъ, окутанная тьмой,
Но взоръ ея горитъ огнемъ зловѣщимъ, жаднымъ,
Огнемъ безумія, холодно-безпощаднымъ;
И всѣхъ она томитъ мучительной тоской,
Тоской отчаянья и горемъ безотраднымъ,
И море жгучихъ слезъ несетъ она съ собой.

Ея оружье — смерть, а ужасъ — вѣрный другъ.
Все гибнетъ подъ ея свирѣпымъ дуновеньемъ.
Добычи жаждетъ смерть съ безумнымъ наслажденьемъ
И жертвъ намѣченныхъ не выпуститъ изъ рукъ,
Всегда запятнанныхъ кровавымъ преступленьемъ;
И ужасъ рветъ сердца, какъ землю рѣжетъ плугъ.

Уйдетъ она, и смерть умчится вслѣдъ за ней,
Но ужасъ будетъ жить въ сердцахъ, тоской разбитыхъ.
И вѣчной памятью страданій пережитыхъ,
Какъ сумрачный кошмаръ кроваво-мрачныхъ дней,
Недвижный рядъ крестовъ, вѣнками перевитыхъ,
Безмолвно выростетъ надъ трупами людей.

ALLEGRO.

КЪ НОЧИ.

Вечеръ сумраченъ и страшенъ,
Ночь беззвѣздная близка.
Какъ уступы тяжкихъ башенъ,
Взгромоздились облака.
Гулокъ моря шумъ усталый...
Тамъ, надъ сизою горой,
Словно кровью темно-алой,
Воздухъ зыблется сырой.
Все слышнѣй во мракѣ зоркомъ
Чьи-то вздохи и слова;
Дыбомъ встала надъ пригоркомъ
Въ страхѣ черная трава.
Я иду прибрежьемъ голымъ,
Свѣтлый отдыхъ такъ далекъ,
Леденитъ стопы тяжелымъ,
Мертвымъ холодомъ песокъ.
И къ померкнувшимъ долинамъ
Неотвязно вслѣдъ за мной
Съ тихимъ шорохомъ змѣинымъ
Ужасъ крадется ночной.

Помнишь, мы надъ тихою рѣкою
Въ ранній часъ шли дѣтскою четой,
Я — съ моею огненной тоскою,
Ты — съ твоею бѣлою мечтой.
И вездѣ, гдѣ взоръ мой замедлялся,
И вездѣ, куда глядѣла ты,
Міръ, огнемъ сверкая, загорался,
Вырастали бѣлые цвѣты.
Люди шли, рождались, умирали,
Ихъ пути намъ были далеки,
Мы, склонясь надъ берегомъ, внимали
Тихимъ сказкамъ медленной рѣки.
Если тьма дышала надъ землею,
Мы боролись съ злою темнотой:
Я — моею огненной тоскою,
Ты — своею бѣлою мечтой.
И теперь, когда уходятъ годы,
Узкій путь къ закату насъ ведетъ,
Гдѣ насъ ждутъ не меркнущіе своды,
Гдѣ намъ вѣчность пѣснь свою поетъ.
Мы, какъ встарь, идемъ рука съ рукою
Для людей непонятой четой:
Я — съ моею огненной тоскою,
Ты — съ твоею бѣлою мечтой.

М. ПОЖАРОВА.

КАЧЕЛИ.

I.

Въ лунномъ блескѣ стынутъ ели,
окoлдованныя снами.
Какъ летятъ мои качели между темными
стволами!
Точно въ высь меня уносятъ чьи-то
радостныя крылья,
Точно таетъ, исчезаетъ сумракъ прежняго
безсилья!
Пусть изъ рощи льются пѣсни,—я душой
имъ не отвѣчу:
Съ дивной пѣсней про свободу мчится
вѣтеръ мнѣ навстрѣчу!
Пусть, обрызганы росою, грезятъ розы,
иммортели,—
Выше! выше надъ землею взвейтесь,
легкія качели!
Чу! Звѣзда стрѣлой упала... Меркнетъ
слѣдъ ея сіянья.
О, звѣзда! Я загадала въ мигъ
волшебный пожеланья.
Не сули земную ласку, не пророчь о
пышной долѣ,—
Ты властнѣй!—пошли мнѣ сказку,
сказку въ звѣздномъ ореолѣ!

II.

Я въ тихую полночь качаюсь,
Качаюсь на легкой доскѣ.
Я къ соннымъ вѣтвямъ поднимаюсь,
А звѣзды глядятъ вдалекѣ.
Долины свѣтлы и туманны,
И призрачна зелень березъ,
Неясные звуки такъ странны,
Какъ шорохъ роняемыхъ слезъ.

Въ истомѣ волшебной и сладкой
Земля отдалась забытью
И нѣжитъ и мучитъ загадкой
Безгласную душу мою.
Растутъ непонятныя чары,
Полночная тайна растетъ,—
И въ сердцѣ все громче удары,
Все выше свободный полетъ.
И кто-то несется все ближе,
Но взоромъ его не найти...
И кто-то мнѣ шепчетъ: „Лети же!
Душой неустанно лети,
И вѣруй, пока ты летаешь
Въ глубокомъ молчаньи чудесъ,
Что все на землѣ разгадаешь,
Когда долетишь до небесъ!“

III.

Что будетъ завтра — я не знаю,
О прошломъ я не вспоминаю,
Былой тоски не растравлю;
Сегодня я благословляю,
Надѣюсь, вѣрю и люблю!
Въ моей душѣ, какъ звонъ свирѣли,
Мечтанья свѣтлыя запѣли,
Смѣется молодость во мнѣ.
Несутъ, несутъ меня качели
Къ завороженной вышинѣ!
И звѣзды свѣтятъ безмятежно
Огнемъ росы, упавшей нѣжно
Съ цвѣтовъ заоблачныхъ полей,
Слезами радости безбрежной,
Слезами ангельскихъ очей!

ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Разсказъ.

I.

Въ десять часовъ ровно, выпивъ заказную порцію молока, онъ шелъ по набережной. Майское утро было великолѣпно. Нагрѣтое море чуть-чуть ежилось широкими, шелковыми складками, посылая на берегъ волну благодатнаго воздуха, насыщеннаго морскими испареніями. Высокое весеннее небо чуть-чуть было тронуто расползавшимися по глубокой синевѣ султанами бѣлыхъ облачковъ. Окружавшія Ялту громаднымъ амфитеатромъ горы, изборожденныя глубокими каменными морщинами, уже дымились первой зеленью.

— Хорошо... невольно проговорилъ онъ, набирая всей грудью всеисцѣляющій морской воздухъ.—Ахъ, какъ хорошо!.. Жаль, что приходится пользоваться этой благодатью одному.

Онъ вспомнилъ невольно далекую, холодную родину, гдѣ осталось все дорогое и близкое.

Рабочая Ялта просыпалась рано и ожила своей кипучей жизнью. Тысячи рабочихъ, какъ муравьи, расползлись по набережной, а въ гавани цѣлыми вереницами сновали на суда и обратно. Подъ защитой мола слабо курились два большихъ морскихъ парохода. Рядомъ разгружались и нагружались десятки парусныхъ судовъ. По заливу безшумно бороздили шелковую воду турецкія кочермы, большія лодки и мелкія лодченки. Издали послѣднія напоминали мухъ, ползавшихъ по зеркальному стеклу.

Собственно Ялта, Ялта богатыхъ людей и богатыхъ пріѣзжихъ, еще спала крѣпкимъ сномъ.

— Баринъ, баринъ... купи!.. окрикнулъ его на углу тощаго сквериказ оборванный, грязный, всегда улыбавшійся татарченокъ.

Онъ каждое утро поджидалъ „барина“ и совалъ ему букетъ изъ свѣжихъ розъ.

— Купи, баринъ... Ухъ! хорошія розы у Ахметки...

Онъ молча отобралъ нѣсколько розъ, сунулъ улыбавшемуся мальчугану двугривенный и пошелъ дальше. Да, періодъ розъ уже наступалъ въ Ялтѣ. Ихъ носили горничныя у корсажа, татары-проводники, почтальоны. Даже извозчичьи лошади были украшены розами.

Купивъ у разносчика только что вышедшій номеръ газеты, онъ пошелъ въ городской садикъ. Набережная дальше, заставленная извозчичьими колясками, ничего особеннаго не представляла, да и воздухъ былъ здѣсь насыщенъ специфическимъ ароматомъ давно нечищенной конюшни. Ялтинскій обыватель добросовѣстно сдѣлалъ все, чтобы отравить міазмами даже самое море.

Утромъ въ садикѣ собственно публики не было. Гуляли одни дѣти со своими нянями и боннами, да какъ тѣни бродили два-три больныхъ, пользовавшихся утренней прохладой. Онъ прошелъ мимо деревянной эстрады, гдѣ по вечерамъ игралъ военный оркестръ, и свернулъ налѣво, въ единственную во всемъ садикѣ тѣнистую аллею. На одной изъ скамеекъ сидѣла худенькая дѣвушка въ сѣромъ платьѣ и сѣрой соломенной шляпѣ. Она дѣлала видъ, что читаетъ только-что полученную книгу моднаго автора.

— Доброе утро, Евгенія Васильевна!.. проговорилъ онъ, подавая цвѣты.

— Ахъ, это вы, Андрей Павлычъ!.. отвѣтила она тихимъ голосомъ, поднимая на него свои большіе сѣрые глаза.—Зачѣмъ вы тратите деньги на цвѣты?..

— А если это мнѣ доставляетъ удовольствіе? Я такъ люблю цвѣты...

Блѣдное лицо дѣвушки покрылось слабымъ румянцемъ, и она прятала его въ цвѣтахъ. Она знала, что онъ придетъ и что онъ принесетъ цвѣты, и все-таки не могла сдержать волненія, которое охватывало ее каждый разъ при такихъ утреннихъ встрѣчахъ.

— Какъ вы сегодня провели ночь, Евгенія Васильевна?

— Ничего... Благодарю васъ.

— Кашель лучше?

— Какъ будто лучше... Впрочемъ, объ этомъ не стóитъ говорить. Мнѣ просто надоѣло быть больной... Скучно. Говорятъ, что больные любятъ безъ конца разсказывать о своихъ страданіяхъ... Я этого не понимаю. Кому это интересно?..

— А вотъ мнѣ интересно...

— Ахъ, будемте говорить о чемъ-нибудь другомъ... Я знаю, что вы очень добрый человѣкъ; но не желаю, чтобы вы жалѣли именно меня...

Она опустила глаза и легонько вздохнула. Онъ смотрѣлъ на ея худенькую фигурку, на худенькое лицо съ тонкимъ профилемъ, на тонкія руки съ прозрачной кожей, и ему дѣлалось совѣстно за свое мужское здоровье. Черноволосый, плотный, румяный, съ темными, живыми глазами, онъ рядомъ съ ней казался богатыремъ, хотя въ настоящемъ смыслѣ слова и не могъ считать себя здоровымъ. Это богатырское здоровье незримо подтачивала модная болѣзнь, нейрастенія. У него были свои скверные часы, когда онъ не зналъ, куда дѣваться. Это случалось по вечерамъ. Въ затылкѣ чувствовалась непріятная тяжесть, въ горлѣ появлялись спазмы, а когда онъ ложился спать, конвульсіи заставляли вздрагивать все тѣло. Врачи послали его на благословенный югъ отдохнуть и встряхнуться.

— Въ болѣзняхъ, можетъ быть, мода встрѣчается чаще и разнообразнѣе, чѣмъ въ дамскихъ туалетахъ, шутилъ на прощаньи лѣчив-

шій его докторъ.—Двигайтесь, питайтесь, дышите и ничего не дѣлайте...

Послѣднее было самымъ труднымъ. Сѣверяне вообще не умѣютъ отдыхать. Отъ бездѣйствія ихъ заѣдаетъ мертвая скука. Да и както нелѣпо слоняться безъ всякаго дѣла, когда другіе работаютъ и живутъ полной жизнью.

Наступила пауза. Она посмотрѣла на него своими умными, грустными глазами и точно отвѣтила на его тайную мысль:

— Мнѣ тоже васъ жаль, Андрей Павлычъ... Наша женская жалость не обидна. Принято почему-то думать, что жалѣютъ только сильные, а по моему мнѣнію, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: жалѣютъ именно слабые, т. е. тѣ, которые не въ силахъ помочь. Это ихъ послѣднее право, и женщинѣ, именно женщинѣ принадлежитъ оно во всей своей полнотѣ. Право въ слабости, сила въ безсиліи—это кажется парадоксомъ, но есть такія вещи... Наши дешевыя женскія слезы—развѣ это ни сила? Вы жалѣете плачущую женщину, потому что вы безсильны передъ ней, потому что безсильны осушить эти слезы...

— А если мужчина плачетъ?

— Ну, это несправедливая конкуренція, и плачущій мужчина вызываетъ участіе, окрашенное скрытымъ презрѣніемъ. Впрочемъ, довольно философствовать, Андрей Павлычъ. Какъ ваши нервы?

— Тоже конкурирую съ женщинами, Евгенія Васильевна...

Ихъ разговоры всегда носили немного странный характеръ. Она любила пофилософствовать, вѣрнѣе, говорить парадоксами, при чемъ часто проявлялся иронической оттѣнокъ. О самой себѣ она говорила, какъ о постороннемъ человѣкѣ. Онъ любилъ ее слушать и часто думалъ: „Какая она умненькая... Вся умненькая...“ И эта милая дѣвушка была приговорена къ смерти... Туберкулезъ дѣлалъ свое дѣло, и она точно откашливала свою молодую жизнь капля за каплей. Умирать въ девятнадцать лѣтъ,—что могло быть ужаснѣе?

Когда была дурная погода, и она не могла дѣлать обычную утреннюю прогулку, онъ чувствовалъ, что ему чего-то недостаетъ. Были другіе знакомые, но это было „то, да не то“.

— Нѣтъ, она не должна умереть! повторялъ Андрей Павлычъ самому себѣ, точно предъ кѣмъ-то оправдывался.—Это несправедливо...

Съ ней онъ познакомился въ Ялтѣ, вотъ въ этомъ садикѣ. Изъ разговоровъ онъ зналъ только то, что она съ Волги, что отца и матери у нея нѣтъ, что она кончила гимназію и гдѣ-то служила, что у нея былъ плевритъ, а туберкулезъ явился его послѣдствіемъ. О себѣ она говорила неохотно, точно въ прошломъ у нея было что-то такое, о чемъ было тяжело вспоминать.

Она знала, что онъ изъ далекой сѣверной губерніи, что живетъ онъ со своей старушкой матерью, что служитъ по судебному вѣдомству и очень этимъ тяготится. О себѣ онъ тоже не любилъ говорить, и тоже получалось такое впечатлѣніе, что и у него есть свое тяжелое прошлое.

— А вѣдь это хорошо: говорить съ человѣкомъ, котораго совсѣмъ не знаешь, говорила она съ своей больной улыбкой.—Не правда ли? Разстанешься, и больше никогда-никогда не встрѣтишься...

— Что же въ этомъ хорошаго, Евгенія Васильевна? удивлялся онъ.

— Хорошо то, что... какъ это вамъ сказать? Ну, однимъ словомъ, останутся одни добрыя воспоминанія о случайномъ знакомомъ, а у женщинъ къ этому прибавляется легкая грусть о чемъ-то недосказанномъ, невыясненномъ, неиспользованномъ. Всякая женщина по натурѣ неисправимая эгоистка и поэтому не выноситъ своего женскаго общества.

— Вы клевещете на женщинъ...

— Клевещу на себя больше всего.

II.

Сегодня Евгенія Васильевна была въ ударѣ и шутила больше, чѣмъ когда-нибудь.

— Ахъ, какъ мнѣ иногда хочется жить! повторяла она, когда они гуляли въ садикѣ.

— Почему иногда?

— Вотъ этого я и не умѣю объяснить... Вѣроятно, настроеніе зависитъ отъ погоды. Вы это испытываете?

— Не скажу, чтобы испытывалъ. А вотъ чувствовать себя больнымъ для меня очень непріятно, и какъ это ни глупо, я начинаю даже сердиться на собственные нервы. Вѣдь обидно, когда кругомъ себя видишь столько здоровыхъ людей, которые понятія не имѣютъ о какихъто нервахъ.

— Нѣтъ, это совсѣмъ другое, Андрей Павлычъ. Вы испытывали, конечно, сильную жажду? Такъ вотъ это очень похоже, съ той разницей, что физическая жажда удовлетворяется такъ легко, а душевная никогда... Вонъ посмотрите, какъ все кругомъ насъ живетъ и живетъ красиво, особенно цвѣты: розы, глициніи, тысячи другихъ цвѣтовъ...

— Къ сожалѣнію, они всѣ очень не долго наслаждаются жизнью...

— Какъ не долго? Недѣля, двѣ недѣли—вѣдь это же цѣлая вѣчность. По-моему, у каждаго органическаго существа въ этомъ отношеніи своя ариѳметика и своя хронологія. Поденка, которую мы жалѣемъ, какъ хронологическое ничтожество, въ однѣ сутки изживаетъ то же, что человѣкъ изживаетъ въ свои шестьдесятъ-семьдесятъ лѣтъ. Вѣдь цѣль жизни тутъ и тамъ остается одна и та же: давать жизнь другимъ. Да...

Она съ грустью посмотрѣла на бѣгавшихъ по площадкѣ дѣтей и сразу умолкла.

Да, цвѣли розы и глициніи, дѣти наполняли своимъ задорнымъ смѣхомъ воздухъ, южное

солнце любящимъ окомъ смотрѣло на землю, давая жизнь всему; а она должна была думать о смерти...

Онъ понималъ ея настроеніе и постарался выбрать другую тему для разговора, чтобы отвлечь наболѣвшую мысль.

— Вотъ что, Евгенія Васильевна... да... Вы заговорили о жизни,—отсюда слѣдуетъ простой и естественный выводъ: надо пользоваться жизнью... Да?

Она посмотрѣла на него немного испуганными глазами.

— Я предложу вамъ самый маленькій масштабъ въ этомъ смыслѣ: устроимте поѣздку на водопадъ Учанъ-Су. Вѣдь это очень недурно провести цѣлый день въ лѣсу... Вы тамъ бывали?

— Нѣтъ... Все еще собираюсь, да и одной неудобно.

— Такъ вотъ я вамъ предлагаю свои услуги, въ качествѣ тѣлохранителя и гида. Прелестное мѣстечко, какъ говорятъ... Я тоже не бывалъ тамъ.

Она ничего не отвѣчала.

— Ахъ, да... Васъ, можетъ быть, смущаетъ мое предложеніе, какъ незнакомаго человѣка. Будемте говорить откровенно...

— Немножко, да... Положимъ, у меня здѣсь нѣтъ никого знакомыхъ, и рѣшительно никому не интересно, съ кѣмъ я поѣду на водопадъ... Вообще, позвольте мнѣ подумать.

— А я думалъ такъ, Евгенія Васильевна: позавтракаемъ, я возьму коляску и отправимся. Зачѣмъ откладывать въ долгій ящикъ то, что можно сдѣлать сейчасъ? До водопада что-то всего около часа ѣзды...

— Ахъ, нѣтъ... сегодня никакъ не могу.

Она почему-то смутилась и даже покраснѣла.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте завтракать, Евгенія Васильевна. Скоро двѣнадцать часовъ... Хотите здѣсь или на морѣ? Знаете, гдѣ устроена терраса надъ водой?.. Тамъ очень хорошо. Для васъ самое главное—какъ можно больше ѣсть, а морской воздухъ вызываетъ аппетитъ.

Когда они уже сидѣли въ ресторанѣ надъ водой, Евгенія Васильевна съ виноватой улыбкой проговорила:

— Вы не подумайте, Андрей Павлычъ, что я отказалась отъ сегодняшней поѣздки на водопадъ по такъ называемому женскому капризу... Нѣтъ, у меня есть неотложное дѣло и вдобавокъ очень непріятное.

— Не могу ли я быть вамъ полезенъ?

— Ѳ, нѣтъ... Благодарю васъ. Есть непріятности, которыя приходится переживать одному. Представьте себѣ, — мнѣ приходится въ пятый разъ перемѣнять квартиру...

— Не можете найти удобной?

— Нѣтъ... Меня находятъ неудобной, какъ квартирантку, и, говоря по настоящему, прямо выгоняютъ на улицу.

— Васъ?!..

— Да, меня, какъ и многихъ другихъ. И представьте себѣ, я даже не имѣю права сердиться на своихъ хозяевъ. Сначала я ничего не понимала по свойственной провинціаламъ наивности...

— И я тоже ничего не понимаю...

— Сейчасъ я вамъ все объясню... Вы, кажется, остановились въ „Центральной гостиницѣ“? Я прямо съ парохода тоже попала туда и заняла недорогой номеръ гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ... временно, пока искала меблированную комнату. Мнѣ сразу не повезло... Цѣлыхъ три дня я мыкалась по всему городу и даже пришла въ отчаяніе. Одна, въ незнакомомъ городѣ, больная... Меня болѣе всего удивляло то, что меня всѣ хозяева меблированныхъ комнатъ встрѣчали какъ-то подозрительно и, вѣроятно, чтобы отдѣлаться, назначали несообразно высокія цѣны. Но я послѣдняго еще не понимала... Кажется, это было на третій день... да... Ко мнѣ является въ номеръ какой-то господинъ и въ самой вѣжливой формѣ извиняется за безпокойство, но, какъ онъ объяснилъ, испортился какой-то дымовой ходъ и мой номеръ подвергнется серьезному ремонту, а посему мнѣ придется изъ него выѣхать. Другого свободнаго номера не оказалось, и я переѣхала въ другую гостиницу. И, представьте себѣ, тамъ я прожила всего одинъ день, и опять та же исторія: является вѣжливый господинъ и изъ слова въ слово повторяетъ исторію съ дымовымъ ходомъ. Не правда ли, какое странное совпаденіе?

— И свободнаго номера тоже не оказалось?

— Нѣтъ, были, но такіе дорогіе, что я при всемъ желаніи не могла ими воспользоваться. Но тутъ я разыскала комнату уже въ частномъ домѣ...

Она сдѣлала передышку, вторично переживая свои злоключенія.

— Но и тутъ мнѣ пришлось жить всего нѣсколько дней, потому что хозяйка, очень милая и интеллигентная женщина, въ одно прекрасное утро заявила, что съ моей комнатой произошло недоразумѣніе. Напутала прислуга, не знавшая, что моя комната уже сдана по телеграммѣ. Хозяйка показала мнѣ и самую телеграмму, какъ оправдательный документъ. Очевидно, меня преслѣдовала сама судьба и черезъ дымовыя трубы и по телеграфу... Нечего дѣлать, пришлось искать новую квартиру. Это уже номеръ четвертый по счету. И здѣсь тоже не пришлось остаться. Даже не помню, подъ какимъ предлогомъ меня выкурили...

Андрей Павлычъ догадывался въ чемъ дѣло, но не хотѣлъ этого высказать, щадя волновавшуюся разсказчицу.

— Теперь мнѣ приходится переѣзжать съ пятой квартиры, продолжала Евгенія Васильевна.—И это даже меня не удивляетъ. Ко всему можно привыкнуть... И мнѣ даже жаль моей хозяйки, очень почтенной старушки, которая только и живетъ своими меблированными ком-

натами. Она такая добрая и такъ по хорошему меня жалѣла и берегла. А вчера приходитъ вечеромъ и даже расплакалась. Я поняла безъ словъ, въ чемъ дѣло, и предупредила неловкое для нея объясненіе. Оказалось, что бунтуютъ другіе квартиранты, которыхъ раздражаетъ по ночамъ мой кашель. Всѣ боятся заразиться...

Она даже засмѣялась, что вышло какъ-то жутко,—это былъ смѣхъ отчаянія.

— Да, положеніе изъ некрасивыхъ... виновато пробормоталъ Андрей Павлычъ нахмурившись.—Очень жаль, что вы мнѣ этого раньше не разсказали...

— Къ чему? Я и сейчасъ не желаю вашей помощи. Да... Вѣдь я не одна такая въ Ялтѣ... Много насъ... Насъ чураются, какъ прокаженныхъ и парій. Я еще не настолько больна, а сколько совершенно безпомощныхъ и безнадежныхъ больныхъ, которыхъ буквально отовсюду гонятъ. Я не понимаю, зачѣмъ только наши доктора посылаютъ насъ умирать на благословенный югъ.

Она поднялась и начала торопливо прощаться.

— Послѣзавтра я къ вашимъ услугамъ, Андрей Павлычъ. Конечно, если погода останется хорошей... Кстати, моя милая старушка уже нѣсколько дней хлопочетъ для меня и обыскиваетъ всю Ялту. Сегодня будемъ ходить вмѣстѣ, а завтра переѣздъ и необходимыя съ этимъ событіемъ хлопоты.

Для него весь день былъ испорченъ. Ему все время мерещились эти скорбныя тѣни, которыя блуждали по Ялтѣ, напрасно отыскивая себѣ уголъ. Получался какой-то больной дантовскій адъ...

Вечеромъ онъ опять былъ въ городскомъ саду, который ему казался пустымъ, несмотря на то, что было много публики, играла музыка и рѣзвились тѣ дѣти, которыхъ выпускали по вечерамъ. Онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, что-то такое говорилъ, что-то такое слушалъ и что-то такое отвѣчалъ невпопадъ. Потомъ ужиналъ, и почему-то шашлыкъ изъ молодого барашка показался ему очень невкуснымъ, такъ что у него даже явилась мысль сдѣлаться вегетаріанцемъ.

Отбывъ всѣ повинности ничегонедѣланія (есть и такія), онъ къ одиннадцати часамъ вернулся въ свой номеръ, распахнулъ окно и долго смотрѣлъ на высеребренное луной море.

— Гдѣ-то *она*, бѣдная, теперь? шептало это море, ежась теплой шелковой волной у холоднаго каменистаго берега.

III.

Евгенія Васильевна, благодаря хлопотамъ своей доброй старушки хозяйки, устроилась въ тотъ же день, т. е. переѣхала въ маленькую комнатку гдѣ-то на аутскомъ шоссе. На другой день она была совершенно свободна, но, по непонятному для самой себя упрямству, въ городской садъ не пошла. Ей и хотѣлось туда итти, и въ то же время что-то удерживало. Рано утромъ она на дилижансѣ уѣхала въ Алупку, гдѣ и провела цѣлый день въ паркѣ. Тѣ же розы, тѣ же глициніи, много другихъ цвѣтовъ, названія которыхъ, какъ сѣверянка, она не знала... Ихъ нѣмая красота сегодня какъ-то не производила на нее впечатлѣнія. Вѣдь и люди въ сущности тоже всю жизнь молчатъ, т. е. не высказываютъ главнаго, что ихъ мучитъ и что они уносятъ съ собой неиспользованнымъ. Бываютъ, конечно, рѣшающіе моменты, о которыхъ такъ красиво пишутъ въ книгахъ; но Евгенія Васильевна какъ-то имъ не довѣряла.

Великолѣпный алупкинскій паркъ тоже не понравился сегодня Евгеніи Васильевнѣ. Слишкомъ ужъ онъ былъ вылощенъ, вылизанъ и причесанъ. Деревья собрались точно на балъ и скучали, какъ скучаютъ только на балахъ. Оставалось живымъ одно море.

„И все-таки скучно"... невольно подумала она.

То ли дѣло тамъ, на далекомъ сѣверѣ, гдѣ сейчасъ тоже наступаетъ весна, бѣдненькая сѣверная весна со своими скромными цвѣточками, шелковой травой-муравой, съ блѣдной зеленью березъ и липъ. А Волга въ полномъ разливѣ... Красавица Волга, эта вѣковѣчная работница, которая стоитъ десяти морей.

— Нѣтъ, надо уѣзжать домой... рѣшила Евгенія Васильевна.—Югъ не для насъ... Скучно...

Въ Ялту Евгенія Васильевна вернулась вечеромъ, когда въ городскомъ саду уже играла музыка. Ее тянуло завернуть туда, но она еще разъ удержалась и даже немножко разсердилась на себя. Что это такое, въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны, она точно боится Андрея Павлыча, а съ другой выходило что-то въ родѣ свиданій. Кстати, въ теченіе дня она почти не думала объ этомъ неизвѣстномъ неврастеникѣ, и не одинъ разъ пожалѣла, что такъ легкомысленно согласилась на поѣздку къ Учанъ-Су.

На другое утро она нарочно пошла въ городской садъ позже обыкновеннаго и опять сердилась на себя, теперь уже за то, что волнуется, какъ институтка, назначившая свиданіе юнкеру. Въ сущности рѣшительно ничего особеннаго не предстояло, кромѣ самой обыкновенной прогулки за городъ. Затѣмъ, нужно было принять во вниманіе нѣкоторыя исключительныя обстоятельства: одиночество, приподнятое болѣзнью настроеніе, наконецъ, эту южную весну, такъ вызывающе глядѣвшую на всѣхъ милліонами глазъ своихъ цвѣтовъ, дышавшую ихъ сладко туманившимъ ароматомъ, согрѣвавшую, оживлявшую...

Странно, когда она вошла въ садъ, никакого неловкаго чувства не осталось и слѣда. Онъ ее ждалъ на своей скамеечкѣ.

— Я думалъ, что вы раздумали ѣхать, Евгенія Васильевна...

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Напротивъ, я съ удовольствіемъ...

Она выглядѣла сегодня почти здоровой. Усталое выраженіе лица исчезло. Въ тонѣ голоса чувствовалась здоровая женщина. Такая быстрая метаморфоза поразила его, точно прежней Евгеніи Васильевны не бывало.

„Съ ней что-то случилось"... невольно подумалъ онъ.

Экипажъ уже ждалъ ихъ у воротъ сада. Евгенія Васильевна посмотрѣла на плетеную корзинку съ дорожными припасами и укоризненно покачала головой.

— Къ чему лишніе расходы?

— На воздухѣ является аппетитъ... отвѣтилъ онъ.

Они поѣхали по правому берегу рѣки Учанъ-Су, гдѣ вилось аутское шоссе пылившей лентой. Богатыя виллы постепенно оставались назади, и дорогу обступали съ обѣихъ сторонъ низкія татарскія сакли, лѣпившіяся по кручамъ и сползавшія въ рѣчную долину, гдѣ тянулись табачныя плантаціи.

— Дѣлается жарко... замѣтила она, чтобы сказать что-нибудь.

— Скоро будетъ лѣсъ...Тамъ ѣхать не пыльно.

— Ахъ, какъ я соскучилась по лѣсѣ, если бы вы знали, Андрей Павловичъ!

— Мы цѣлый день проведемъ въ лѣсу... Вы для чего это взяли съ собой книгу, Евгенія Васильевна?

Она засмѣяласьи какъ-то по-дѣтски отвѣтила:

— А сама не знаю... По привычкѣ вездѣ таскать съ собой книгу. Да и книга-то дрянная, хотя и моднаго автора... Читаю и удивляюсь. Неужели ужъ рѣшительно ничего нѣтъ хорошаго въ жизни, и всѣ люди поголовно негодяи? Я этому не вѣрю и не могу повѣрить, потому что лично знаю много очень хорошихъ людей. А вы какъ думаете?

— Я съ вами вполнѣ согласенъ, Евгенія Васильевна.

— Нѣтъ, я знаю, что вы сейчасъ думаете... Въ вашихъ глазахъ вѣдь я—только барышня, которой доступна только казовая сторона жизни. Развѣ барышня, это тепличное растеніе, можетъ вообще что-нибудь понимать? Настоящая жизнь для барышни скрыта за семью печатями. Вѣдь всѣ мужчины такъ думаютъ и ошибаются. Да, ошибаются... Мы, можетъ быть, знаемъ больше, чѣмъ полагается спеціальной моралью для барышни, еще больше догадываемся инстинктивно, предчувствуемъ и даже преувеличиваемъ подводную, цѣломудренно скрытую отъ нашихъ невинныхъ глазъ, часть зла. Передъ каждой дѣвушкой вѣчно стоитъ неразрѣшимой загадкой древо познанія добра и зла... Зла—океаны, а добра тѣ гомеопатическія дозы когда счетъ идетъ на милліонныя дѣленія.

Отъ волненія она закашлялась. Лицо покрылось красными пятнами, на глазахъ выступили слезы, но она улыбнулась, сдерживая свое настроеніе. Ему сдѣлалось ее жаль, и онъ со злобой посмотрѣлъ на взволновавшую ее книгу.

— Я не понимаю, зачѣмъ все знать впередъ, Евгенія Васильевна? заговорилъ онъ дружескимъ, успокаивающимъ тономъ.—Въ свое время все будетъ... Я гдѣ-то читалъ, что если бы наука дошла до такого совершенства, что могла бы предсказывать день и часъ нашей смерти, то вѣдь всѣ люди превратились бы въ несчастныхъ, какъ приговоренные къ смертной казни. Конечно, это парадоксъ, какъ еще большимъ парадоксомъ будетъ проповѣдь счастья незнанія... Но вѣдь мы живемъ съ вами только потому, что не знаемъ, когда наступитъ моментъ нашей смерти. Это ужъ мой парадоксъ, за который и спѣшу извиниться...

Она была не согласна и молчала, потому что не могла отвѣтить настоящими словами на эту схему невѣдѣнія. Проклятая книга подняла въ ней столько жгучихъ вопросовъ, о которыхъ неудобно было говорить.

Вторая половина дороги шла по красивымъ мѣстамъ. Начался лѣсъ. Въ зеленой чащѣ прятались уютные домики, въ которыхъ, вѣроятно, такъ хорошо жилось неизвѣстнымъ счастливымъ людямъ.

— Ахъ, какъ хочется жить!.. невольно вырвалось у Евгеніи Васильевны.

Онъ молча пожалъ ея руку.

На Учанъ-Су они провели цѣлый день, чудный весенній день. Какъ хорошъ былъ вѣковой лѣсъ, лѣпившійся по скаламъ и полонившій рѣчную долину. Водопадъ работалъ полной силой. Они долго гуляли подъ руку, что сначала ее очень стѣсняло, но она очень уставала и не могла отказаться отъ этой маленькой помощи. Потомъ они отдыхали въ маленькомъ деревянномъ буфетѣ, у самой дороги, гдѣ можно было достать яйца, молоко и чай.

— Хорошо здѣсь... тихо восхищалась она.—Такъ уютно, точно гдѣ-нибудь въ монастырѣ.

Эту монастырскую тишину нарушали своимъ неистовымъ скрипомъ татарскія арбы да конскій топотъ проѣзжавшихъ мимо кавалькадъ. Публики постепенно набиралось. Было нѣсколько „счастливыхъ парочекъ", сторонившихся отъ остальной публики. Счастливые люди ѣхали сюда, чтобы быть еще счастливѣе.

— И все-таки у насъ на сѣверѣ лучше, Евгенія Васильевна, говорилъ онъ.

Она вспомнила свои вчерашнія мысли въ Алупкѣ и засмѣялась.

— Я думаю, Андрей Павлычъ, что вездѣ хорошо, когда на душѣ хорошо. Я гдѣ-то читала, что Гарунъ-аль-Рашидъ насчиталъ въ своей жизни только четырнадцать счастливыхъ дней, а великій Гете всего одну четверть часа... Это неправда.

Въ Ялту они возвращались въ сумерки. Онъ снялъ съ себя верхнее пальто и закуталъ ее въ него. Она тихо смѣялась, согрѣтая этимъ вниманіемъ мужчины.

— Я не боюсь простудиться... шептала она.— Я теперь ничего не боюсь...

Кучеръ Сергѣй, изъ отставныхъ солдатъ, съ рыжими щетинистыми усами и бритымъ затылкомъ отъ уха до уха, только встряхивалъ своей орловской головой. Онъ не понималъ, о чемъ говорили господа, т. е. говорилъ баринъ, но зато отлично слышалъ звукъ перваго поцѣлуя.

„Этакій баловникъ баринъ“... подумалъ Сергѣй, движеніемъ головы передвигая свою кучерскую шляпу съ уха на ухо. „И навѣрно женатый. Холостые-то боятся дѣвушекъ обманывать, потому сейчасъ: принимай законъ! А съ женатаго, какъ со святого, не пуговицу сорвешь. Ну, дѣвица поплачетъ, а тамъ и носи—не потеряй“...

IV.

Кучеръ Сергѣй хотя и былъ философъ, какъ всѣ русскіе кучера, но въ данномъ случаѣ онъ ошибся. Ровно черезъ двѣ недѣли состоялось въ ялтинской церкви скромное вѣнчаніе рабы Божіей Евгеніи съ рабомъ Божіимъ Андреемъ. Все произошло съ головокружительной быстротой. Нашелся докторъ, который увѣрялъ, что процессъ въ легкихъ Евгеніи Васильевны можетъ остановиться и что бракъ этому способствуетъ.

— А самое главное, меня теперь не будутъ гнать съ квартиры на квартиру, шутила Евгенія Васильевна.

Счастье нахлынуло, какъ морская волна. Тотъ же докторъ сказалъ Андрею Павлычу, что и для него женитьба является самымъ лучшимъ лѣкарствомъ отъ нервовъ.

Однимъ словомъ, все было отлично. Молодые рѣшили остаться въ Крыму до наступленія лѣтнихъ жаровъ, а потомъ вернуться на милый сѣверъ. А сейчасъ такъ хорошо было на южномъ берегу Крыма: въ Алупкѣ, въ Массандрѣ, въ Гурзуфѣ, въ горныхъ лѣсничествахъ.

— Со временемъ, когда мы состаримся, непремѣнно поселимся здѣсь, мечталъ онъ.—Да? Купимъ клочокъ земли гдѣ-нибудь на самомъ берегу, выстроимъ маленькій домикъ... да?

— О, тысячу разъ: да.

— Потомъ у насъ будутъ дѣти... Они будутъ пріѣзжать навѣщать насъ, стариковъ. Ты будешь такая худенькая старушка... А я буду такой толстый. Вмѣстѣ получится цифра 10.

Она смѣялась счастливымъ смѣхомъ и не могла понять, какъ раньше могла жить иначе. Въ сущности, ей ужасно хотѣлось домой, на милый сѣверъ, но онъ желалъ, чтобы она прошла до конца назначенный курсъ. Ее тянуло вить свое гнѣздо, а съ другой стороны такъ хорошо было повиноваться чужой волѣ. Господи, какъ глупо пишутъ въ книгахъ о какой-то равноправности, мужскомъ эгоизмѣ, о женскомъ рабствѣ.

— Я хочу быть твоей рабой, мой повелитель, мой деспотъ... шептала она, замирая отъ счастья.—Вѣдь это и есть наше бабье счастье...

— Это сначала такъ кажется, Женя, а тамъ увидимъ, что будетъ. Насколько мнѣ приходилось наблюдать жизнь на другихъ примѣрахъ, деспотами являются главнымъ образомъ женщины. И представь себѣ, я соглашаюсь съ этимъ впередъ, и тебѣ только нужно воспользоваться своими преимуществами.

Они теперь вмѣстѣ читали тѣ книги, которыя такъ ее волновали, разсуждали на поднятыя ими темы, спорили и не могли согласиться. Онъ ужъ слишкомъ снисходительно смотрѣлъ на описываемыя гадости, и въ ея душу постепенно закрадывалось сомнѣніе, что косвенно онъ оправдываетъ этимъ самого себя. Вѣдь у него тоже было прошлое, какъ у всѣхъ мужчинъ, и она боялась объ этомъ думать, какъ больные боятся діагноза врача. Раньше она имѣла объ этомъ теоретическое представленіе, которое ее отталкивало и возмущало. Сейчасъ она смутно представляла себѣ цѣлый рядъ женщинъ, своихъ счастливыхъ предшественницъ... Это было во всякомъ случаѣ ужасно. Откровенныхъ разговоровъ на эту тему не было и не могло быть, но оставалась глухая боль и затаенная обида.

— Нѣтъ, лучше не думать объ этомъ, повторяла она самой себѣ.

Они гуляли, конечно, только вдвоемъ и, какъ всѣ счастливые люди, избѣгали даже тѣхъ знакомыхъ, которыхъ пріобрѣли только въ Ялтѣ. Ее интересовали главнымъ образомъ дѣти. Кто не любитъ дѣтей? Это смѣшной вопросъ. Но раньше ее интересовали главнымъ образомъ здоровыя дѣти, тѣ пухлыя „бэби“, какихъ вы встрѣтите на страницахъ каждой дешевой иллюстраціи. Ребенокъ и здоровье—синонимы. А сейчасъ, сидя въ томъ же городскомъ саду, Евгенія Васильевна съ нараставшимъ ужасомъ наблюдала только больныхъ дѣтей. Ихъ оказалось гораздо больше, чѣмъ казалось раньше. Рахитики, эпилептики, туберкулетики, и т. д. и т. д. Откуда они взялись? За этими жалкими существами, обреченными на страданія и смерть, стояли гдѣ-то въ сторонѣ ихъ родители, люди, которые дали имъ жизнь.

„Чѣмъ виноваты эти дѣти?“ невольно думала Евгенія Васильевна, переживая тяжелые приступы тоски. „Гдѣ виновники ихъ несчастія?“

Эти мысли начали преслѣдовать ее все настойчивѣе и настойчивѣе. Евгенія Васильевна накупила книгъ, гдѣ разбирался вопросъ о наслѣдственности, и зачитывалась ими.

— Ну, это ты напрасно, Женя, уговаривалъ ее Андрей Павловичъ.—Только напрасно будешь себя разстраивать... Лично я думаю, что ученые преувеличиваютъ значеніе наслѣдственности. Конечно, она существуетъ и даже очень существуетъ. Отрицать этого никто не будетъ, но опять нельзя же все сводить на одну наслѣдственность.

— А наслѣдственность болѣзней? Вѣдь это

фактъ... Чѣмъ я больше думаю объ этомъ, тѣмъ мнѣ дѣлается грустнѣе. Я даже плакала нѣсколько разъ.

— Однимъ словомъ, оставь читать книги о наслѣдственности.

Но эти успокоенія не производили надлежащаго дѣйствія. Евгенія Васильевна продолжала волноваться, сдѣлалась задумчивой и начала даже замѣтно худѣть. Андрей Павлычъ обратился къ доктору, чтобы онъ по-своему успокоилъ Евгенію Васильевну. Но и это не подѣйствовало.

— А какъ по вашему мнѣнію, докторъ, хорошо или дурно производить на свѣтъ больныхъ, зараженныхъ дѣтей, которыя впередъ приговорены къ смерти?

— Каждый человѣкъ приговоренъ къ смерти, Евгенія Васильевна. Весь вопросъ только во времени...

— Милый докторъ, вы напрасно уклоняетесь отъ прямого отвѣта... А я прихожу къ убѣжденію, что производить на свѣтъ калѣкъ и уродовъ—преступленіе. Честные люди не должны этого дѣлать...

Докторъ заговорилъ о томъ, что и у совершенно нормальныхъ, здоровыхъ родителей бываютъ болѣзненныя дѣти и что случается и наоборотъ.

Вопросъ оставался открытымъ. Волненіе жены передалось и Андрею Павловичу. Онъ тоже началъ перечитывать литературу о наслѣдственности и вырожденіи, пока не швырнулъ всѣ книги.

— Этакъ и жить на бѣломъ свѣтѣ нельзя, Женя! возмущался онъ.—Къ чему же тогда культура, прогрессъ, побѣдоносныя завоеванія медицинской науки? Однимъ словомъ, я не согласенъ вырождаться... Да, несогласенъ.

Она слушала его, опустивъ глаза.

— Нервы... объяснялъ докторъ.—Пройдетъ само собой.

Андрей Павлычъ рѣшилъ уѣхать на сѣверъ ранѣе назначеннаго срока, разсчитывая на то, что лучшимъ лѣкарствомъ будетъ перемѣна обстановки. Евгенія Васильевна была согласна.

Ровно за два дня до отъѣзда Евгенія Васильевна утромъ ушла за какими-то покупками и долго не возвращалась. Андрей Павлычъ началъ безпокоиться. Онъ пошелъ быстро одѣваться и только теперь замѣтилъ лежавшую на столѣ записку.

„Милый, дорогой мужъ!.. Одинъ Богъ видитъ, какъ мнѣ тяжело писать эти строки... Но иначе нельзя... Я совершенно измучилась... Мы должны разстаться... Мое замужество является страшнымъ преступленіемъ, тѣмъ болѣе страшнымъ, что ни я, ни ты не понесемъ за него наказанія, а будутъ расплачиваться наши несчастныя дѣти... Какъ честные люди, мы этого не имѣемъ права дѣлать... Итакъ, прощай, прощай навсегда, мой милый, хорошій, любимый!.. Разстанемся друзьями... Не старайся меня догонять... Твоя душой Женя“.

У Андрея Павлыча все запрыгало предъ глазами. Пароходъ уже ушелъ, и вернуть сумасшедшую было нельзя. Но нужно же было что-нибудь сдѣлать, и онъ бросился къ доктору, которому и предъявилъ молча роковое письмо. Докторъ прочелъ его съ обиднымъ равнодушіемъ и спокойно проговорилъ:

— Она беременна...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

ВЪ СУМАСШЕДШЕМЪ ДОМѢ.

Разговоръ не клеился. Мой собесѣдникъ, когда-то мой однокашникъ, а теперь врачъ, завѣдующій большой земской психіатрической больницей, очень измѣнился за то время, что мы не видѣлись: успокоился, облысѣлъ, потолстѣлъ и, какъ это бываетъ съ огромнымъ большинствомъ русскихъ интеллигентовъ, опошлѣлъ и оподлѣлъ. Все въ немъ было чужимъ и даже враждебнымъ мнѣ: и это сытое лицо, и заплывшіе „свиные“ глазки, и мелкія морщинки вокругъ нихъ, и это солидное брюшко, украшенное золотой цѣпочкой, и эта какая-то нелѣпая шутливость.

— Я къ тебѣ съ небольшой просьбой... проговорилъ я наконецъ, послѣ долгой паузы, оборвавшей нашъ нескладный разговоръ.—Покажи мнѣ, пожалуйста, твоихъ больныхъ...

— Что это тебѣ вздумалось? поднявъ свои густыя брови, почему-то засмѣялся онъ.

— Такъ... нехотя отвѣчалъ я.—Меня интересуютъ нѣкоторые вопросы человѣческаго духа... Ну, вообще, интересно...

— Что же, можно... сказалъ онъ.—Мнѣ какъ разъ теперь и самому заглянуть туда нужно...

Но только что мы вышли изъ его убраннаго съ мѣщанской претензіей на солидность кабинета, какъ у двери задребезжалъ звонокъ, и въ переднюю, шурша шелковыми юбками, вошла худая, пожилая дама, одѣтая во все черное, въ сопровожденіи худосочнаго молодого человѣка съ золотымъ пэнснэ на блѣдномъ, горбоносомъ лицѣ.

— Можно видѣть доктора? усталымъ, тусклымъ голосомъ спросила она у румяной, грудастой горничной, въ обращеніи которой съ хозяиномъ я не могъ не подмѣтить нѣкоторой подозрительной фамильярности.

— Что вамъ угодно? любезно освѣдомился докторъ.

— Посовѣтоваться... Вотъ о немъ... отвѣчала дама все тѣмъ же голосомъ, слегка указывая затянутой въ перчатку рукой на своего спутника.

— Милости прошу... сказалъ докторъ, слегка кланяясь.—А ты иди ужъ одинъ,—тамъ нашъ фельдшеръ, Тихонъ Ивановичъ, онъ тебѣ все покажетъ. А можетъ быть, и мой ассистентъ еще не ушелъ,—совѣтую познакомиться: большой оригиналъ. А я, какъ освобожусь, зайду за тобой и вмѣстѣ поѣдемъ въ городъ,—мнѣ надо кое-куда заѣхать. Сюда, сюда, мадамъ! предупредительно отворяя дверь своего кабинета, сказалъ онъ.—Ну, такъ до свиданія!..

Я прошелъ обширнымъ дворомъ, заставленнымъ тяжеловѣсными и неуклюжими больничными зданіями, и аллеей тощихъ, точно больныхъ, тополей подошелъ къ высокому дому, обнесенному сѣрымъ, сумрачнымъ заборомъ. Подслѣповатыя, запыленныя окна его были защищены прочными ржавыми рѣшетками; одна изъ нихъ была какъ-то судорожно выгнута изнутри, и въ этихъ погнутыхъ прутьяхъ было что-то тоскливое, мрачное. За дверями, внутри слышался безтолковый гамъ голосовъ; чей-то высокій теноръ сперва распѣвалъ какую-то дикую пѣсню, а потомъ разразился вдругъ ужасными ругательствами и неожиданно кончилъ раскатомъ смѣха, отъ котораго у меня невольно пробѣжали мурашки по спинѣ... Я позвонилъ. Тяжелый, безпорядочный звукъ колокольчика, какъ скомканная металлическая цѣпь, упалъ въ этотъ хаосъ смутныхъ звуковъ, и за дверями сразу наступила какая-то жуткая тишина. И это впечатлѣніе жути усиливалось еще болѣе видомъ страннаго, апокалиптическаго звѣря, неумѣлой рукой нарисованнаго мѣломъ на сумрачномъ заборѣ, и блѣдными лицами больныхъ, появившимися въ окнахъ. Одинъ изъ нихъ, едва увидавъ меня, началъ униженно кланяться, просовывая сквозь рѣшетку какую-то бумагу. Но въ эту минуту сухо щелкнулъ замокъ и дверь осторожно пріотворилась.

— Что вамъ угодно?

Я отвѣчалъ, что желаю видѣть фельдшера Тихона Ивановича или г. ассистента.

— Г. ассистентъ, кажется, уже ушли... отвѣчалъ усатый служитель, тщательно заперевъ за мной дверь.—А Тихона Ивановича сейчасъ вызову. Пожалуйте въ пріемную,- отъ въ эту дверь...

Я вошелъ въ высокую, мрачную комнату съ запыленнымъ рѣшетчатымъ окномъ, у котораго стоялъ большой „дѣловой“ письменный столъ, заваленный какими-то папками и бумагами за номерами. Слѣва стоялъ шкафъ съ инструментами, справа большая кожаная кушетка и умывальникъ. Я сѣлъ на единственный стулъ,—кромѣ тяжелаго кресла у письменнаго стола,—и сталъ ждать. Изъ-за двери доносился все тотъ же непріятный, безтолковый гамъ, точно подчеркивавшій пыльную, тяжелую тишину пріемной. Въ углу осторожно заскребли мыши, и въ насторожившейся въ этой странной обстановкѣ душѣ невольно мелькнула почему-то мысль о бренности всего земного. А сквозь запыленныя стекла, изъ-за рѣшетки, смотрѣлъ на меня, изрыгая пламя, бѣлый апокалиптическій звѣрь, и я чувствовалъ въ немъ, и въ этомъ гамѣ людей, и въ осторожномъ шорохѣ мышей какую-то холодную тайну...

Вдругъ за дверью послышались шаги, и въ комнату вошелъ, одѣтый въ черную рабочую блузу, молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ мягко сіяли глубокіе глаза.

— Ахъ, виноватъ... проговорилъ онъ тихимъ, груднымъ голосомъ, останавливаясь при видѣ меня.—Вы, можетъ быть, къ кому-нибудь изъ больныхъ?

Я, почему-то догадавшись, что предо мной ассистентъ, объяснилъ. Онъ улыбнулся.

— Да что же въ этомъ интереснаго? сказалъ онъ.—Развѣ тамъ, за стѣнами, сумасшедшихъ мало?.. Вездѣ одно и то же безуміе...

— Ну, не одно и то же!.. усмѣхнулся я.

— Не знаю... Чѣмъ болѣе я наблюдаю этихъ сумасшедшихъ, тѣмъ болѣе затрудняюсь... нащупать разницу... отвѣчалъ онъ.—По мнѣнію тѣхъ—эти сумасшедшіе, по мнѣнію этихъ—тѣ; а кто правъ, трудно сказать. По моему, разницы нѣтъ.

Я улыбнулся.

— Вотъ вы улыбаетесь, думаете, можетъ быть, что я кокетничаю, остроумничаю... продолжалъ онъ, и въ его тонѣ было что-то искреннее. — Ну, хорошо, вотъ вамъ примѣръ. Смотрите! указалъ онъ въ окно, за сумрачный заборъ, на два строющихся огромныхъ корпуса.—Это зданіе, что налѣво, кухня для всей больницы, на постройку которой земство намѣрено по смѣтѣ ухлопать 30.000 рублей; а это, направо,—новый домъ для умалишенныхъ, фигурирующій въ смѣтѣ въ 80.000 рублей. Главный контингентъ больныхъ у насъ, конечно, крестьяне. И вотъ, съ этихъ самыхъ крестьянъ снимаютъ послѣднюю рваную рубаху и, взамѣнъ ея, когда они съ голодовки зачахнутъ, ихъ ведутъ сюда ѣсть гигіеническій обѣдъ изъ тридцатитысячной кухни. Пока мужикъ здоровъ, онъ ѣстъ отруби, осиновую кору, живетъ такъ, какъ жили развѣ троглодиты, задыхается въ грязи, тонетъ въ водкѣ, гніетъ отъ сифилиса, гибнетъ отъ недоѣданья, отъ тяжести жизни; а вотъ рядомъ, выстроенный на его деньги, его руками, огромный, чистый, теплый и свѣтлый дворецъ, гдѣ все—послѣднее слово науки, гдѣ даже ватерклозеты и печные отдушники были предметомъ долгихъ думъ и стараній многихъ образованныхъ людей. Да, но для того, чтобы попасть въ этотъ рай, онъ долженъ—сойти съ ума! А выздоровѣетъ, станетъ снова полезнымъ членомъ общества,—опять въ свинятникъ. Ну, развѣ это не безуміе? Вѣдь людей, воздвигающихъ это, нужно бы передать на попеченіе психіатра... если бы, впрочемъ, психіатры понимали что-нибудь; а ихъ вмѣсто того...

— Но, позвольте... перебилъ я.—Что же, по-вашему, сдѣлать съ больными? Бросить такъ, на произволъ судьбы?

— Нѣтъ. Это частный вопросъ, который рѣшится тогда, когда рѣшится общій, отвѣтилъ онъ.—Устройте здоровыхъ, тогда больные будутъ устроены. А это—безсмыслица, ложь... Надо сперва рѣшить то, что важнѣе, общее...

— Но пока, пока? Что же дѣлать съ сумасшедшими, съ опасными?

— Да ничего... Никакого смысла нѣтъ въ томъ, чтобы посадить пятокъ за рѣшетку, а милліоны и самыхъ опасныхъ оставить на свободѣ.

— Виноватъ-съ... просунувъ свою усатую голову въ дверь, перебилъ насъ служитель.— Тихонъ Ивановичъ извиняются,—они заняты съ больнымъ. Очень буйствуетъ...

— Ну, ничего... отвѣчалъ мой собесѣдникъ.— И безъ него устроимся какъ-нибудь... Ну-съ, такъ если вамъ угодно посмотрѣть нашихъ совершенно безобидныхъ сумасшедшихъ, — вѣдь они у голоднаго не отнимаютъ послѣдняго куска хлѣба на глупости!—такъ милости просимъ...

Мы вышли въ переднюю.

— Заглянемъ на минутку въ женское отдѣленіе... проговорилъ докторъ, отворяя одну изъ дверей, за которой слышался немолчный плескъ голосовъ.

Мы вошли въ безконечно-длинный, невысокій, но свѣтлый коридоръ, по которому безцѣльно слонялись нѣсколько женщинъ въ бѣлыхъ косынкахъ и больничныхъ халатахъ. Тотчасъ же къ нимъ присоединились другія, высыпавшія изъ выходящихъ въ коридоръ покоевъ, и всѣ онѣ обступили насъ, сѣрыя, жалкія, возбужденныя. Одна изъ нихъ, обращаясь ко мнѣ, стала жаловаться, что ее здѣсь держатъ зря, и просить, чтобы я приказалъ ее выпустить; но тотчасъ же ее перебила другая, третья, всѣ,—всѣ на что-то жаловались, чего-то хотѣли, чего-то просили, и сердце тоскливо сжималось, полное безконечной жалости къ этимъ существамъ...

— Хорошо, хорошо... громко отвѣчалъ докторъ, перебивая ихъ и энергично пробираясь впередъ.—Сразу всѣхъ нельзя... Потомъ разберемъ и все сдѣлаемъ. Хорошо, хорошо, непремѣнно...

Сидѣлки, съ улыбкой поклонившіяся ассистенту, помогли намъ кое-какъ освободиться отъ осаждавшей насъ толпы.

— Такъ ужъ, пожалуйста, господинъ!.. кричали намъ вслѣдъ.—Не позабудьте, ваше величество!..

Докторъ остановился около одной изъ кроватей, на которой лежала пожилая, страшно исхудавшая женщина съ безконечно-скорбнымъ лицомъ. Ея блѣдныя губы были искривлены въ горькой складкѣ, и сквозь спутанныя космы сѣдыхъ волосъ, какъ два угля, дико горѣли, полные мольбы и страданія, глаза.

— Нѣсколько разъ покушалась на самоубійство... вполголоса проговорилъ мой спутникъ.— Но все неудачно,—спасали. Теперь убѣждена, что уже не можетъ никогда умереть, и это служитъ источникомъ безконечныхъ страданій.

— Да, да... вдругъ приподнявшись, подхватила больная, обостренный слухъ которой уловилъ эти слова. — Все, все перенесла бы, только бы не эта вѣчная жизнь! Охъ, Боже мой, Боже мой!.. вдругъ застонала она, въ смертельной тоскѣ схватившись за голову.—Только бы умереть!

— Но почему же вамъ такъ хочется умереть? спросилъ я.

— Почему? Какъ почему?.. воскликнула она, остановивъ на мнѣ свои страшные глаза, полные изумленія и укора.—Потому, что я жить недостойна! Я ѣмъ, я пью, я дышу,—и хлѣбъ, и воду, и воздухъ я отнимаю у другихъ людей, которые лучше меня въ милліонъ разъ! Просила доктора: выбросьте хоть меня вонъ, на дворъ, въ собачью конуру,— вѣдь я мѣсто тутъ занимаю! Нѣтъ, не хочетъ!.. И я дышу, я ѣмъ, я пью и—не могу умереть! Господи, прости меня, смилуйся, пошли мнѣ смерть!

И она ломала руки, сжимая ихъ такъ, что трещали пальцы.

— Припомните, тихонько отходя отъ больной, серьезно проговорилъ мой спутникъ,— когда лѣтъ двадцать тому назадъ великій Толстой, міровой геній, вдругъ объявилъ, что все его дѣло—нуль, меньше, отрицательная величина, огромная ошибка, что онъ хотѣлъ повѣситься,—его *тоже* сочли сумасшедшимъ... Точно такая же исторія произошла раньше съ Гоголемъ... Табунъ сумасшедшихъ не можетъ допустить, чтобы кто-нибудь изъ нихъ подвергъ такой уничтожающей критикѣ самого себя, а слѣдовательно, и ихъ. Ихъ разумность, ихъ цѣнность должна стоять внѣ сомнѣній! Но скажите,— все также серьезно продолжалъ онъ,—кто болѣе сумасшедшій: эта ли бѣдная страдалица или тѣ безчисленные, захлебнувшіеся въ самодовольствѣ, министры, писатели, художники, филантропы, офицеры, промышленники, актеры и пр., которые твердо убѣждены, что безъ нихъ все пойдетъ прахомъ? Что было бы лучше: если бы каждый человѣкъ, какъ это есть теперь, былъ убѣжденъ въ своихъ необыкновенныхъ достоинствахъ и требовалъ поэтому признанія своихъ огромныхъ правъ, забывая о всякихъ, хотя бы самыхъ микроскопическихъ обязанностяхъ, или же если бы всѣ вдругъ поняли, что они вѣдь ѣдятъ, пьютъ, дышутъ, можетъ быть, не имѣя на это никакого права, какъ думаетъ эта женщина? Ну, гдѣ, гдѣ настоящіе сумасшедшіе? которые? Нашъ милый докторъ убѣжденъ, что эти; но вѣдь онъ за это двѣ тысячи рублей въ годъ получаетъ, одну цѣпь золотую на животѣ носитъ, а другую на душѣ. А человѣкъ искренній не можетъ... ну, хоть не задуматься, по крайней мѣрѣ... Ну, вотъ вамъ еще экземпляръ, показалъ онъ на дородную женщину, стоявшую у входа въ сосѣдній покой и съ циничной улыбкой глядѣвшую на насъ масляными глазами.—Это дьяконица изъ Углича; для удовлетворенія своей половой похоти она готова, буквально, на все. Здѣсь она

только потому, что не выучилась риѳмовать строчки; а если бы она умѣла дѣлать это, то могла бы занять замѣтное мѣсто среди современныхъ литераторовъ, какъ г. А. и г. Б., и г-жа В., которые открыто, на страницахъ журналовъ, предаются половому общенію и съ дѣвушками, и съ мальчиками, и съ мертвецами, и прямо заявляютъ, что для достиженія своихъ цѣлей они готовы на все,—даже на преступленіе! Эта соблазнила какого-нибудь дьячка, двухъ кучеровъ и одного приказчика, и вотъ она уже два года сидитъ въ этомъ ящикѣ, слоняясь съ утра до ночи изъ угла въ уголъ и учиняя иногда дебоши; а тѣ изъ всѣхъ силъ способствуютъ развращенію и духовной гибели десятковъ, сотенъ тысячъ молодежи и—получаютъ гонораръ!.. Вонъ тѣ двѣ брюнетки, у окна, страдаютъ маніей преслѣдованія... продолжалъ онъ.—Одной изъ нихъ все кажется рука съ ножомъ: куда ни посмотритъ, рука тянется къ ней,—болѣзнь, которою страдаютъ всѣ европейскіе народы поголовно. Но только эта лишь бѣжитъ и прячется отъ грознаго призрака, а тѣ снимаютъ съ себя послѣднюю рубаху, отнимаютъ у дѣтей послѣднюю корку хлѣба для того, чтобы, защищая что-то такое отъ ножа воображаемаго, вооружиться до зубовъ не воображаемыми пушками, штыками, броненосцами, колючей проволокой и т. п.,—реализируютъ, такъ сказать, свой бредъ и тѣмъ самымъ превращаютъ всю свою жизнь въ какой-то, дѣйствительно, страшный бредъ!.. Вотъ эта, что лежитъ совсѣмъ неподвижно на кровати, воображаетъ, что она давно, тысячу лѣтъ тому назадъ, умерла; а по улицамъ городовъ мечутся тысячи и тысячи мертвецовъ, которые воображаютъ, что они живы. Ну-съ, кого же вамъ показать еще? проговорилъ онъ осматриваясь. — Вотъ развѣ эту,—вонъ та, что все какъ будто ощипываетъ, обираетъ съ себя что-то. Ей кажется, что въ ея тѣло лѣзетъ лампа, носорогъ, слонъ или даже цѣлая колокольня. Она мнѣ напоминаетъ одного писателя, который написалъ массу статей и о вредѣ носовыхъ платковъ, и о пагубности кармановъ, и о гибельности поцѣлуя, и объ ужасныхъ опасностяхъ рукопожатія безъ перчатокъ, и о еще бо̀льшихъ опасностяхъ самихъ перчатокъ. Всюду онъ видѣлъ бациллъ, которыя были страшнѣе каждая цѣлой колокольни; дрожалъ, заставлялъ дрожать другихъ и, конечно, получалъ гонораръ...

Послѣднія слова онъ проговорилъ уже въ передней, откуда мы начали обходъ.

— Ну, теперь, если хотите, поднимемся въ мужское отдѣленіе... сказалъ онъ, указывая на лѣстницу, защищенную съ края рѣшеткой изъ толстыхъ желѣзныхъ прутьевъ.—Къ буйнымъ итти безъ доктора не совсѣмъ удобно, да и стоитъ ли? Ихъ вездѣ много. Все ходятъ ничего себѣ и вдругъ, подъ вліяніемъ алкоголя, патріотизма или газетной брехни, и полѣзутъ на стѣну... И здѣсь такіе же, только пооригинальнѣе развѣ... Да, вздохнулъ онъ,—какъ вглядишься попристальнѣе въ жизнь такъ называемаго цивилизованнаго человѣка, такъ ужасъ прямо беретъ,—ночь, тьма, безуміе... Вотъ сюда налѣво сперва,—направо „хроники"...

Едва мы отворили дверь, какъ изъ сразу обступившей насъ опять толпы настойчиво протянулась ко мнѣ рука со сложеннымъ вчетверо листомъ сѣрой бумаги. Пока служители успокаивали больныхъ, увѣряя, что мы разберемъ все по порядку, я заглянулъ въ бумагу. Тамъ, среди фантастическихъ фигуръ и узоровъ, тянулись безграмотныя каракули, которыя разобрать было тѣмъ труднѣе, что почти во всякое слово былъ втиснутъ слогъ „та": *дорогата, матуташка*... Это было письмо,—нѣтъ, вопль мученика, рвавшагося домой, къ своимъ. „Умоляю, вспомоществуйте!" повторялъ онъ чуть не въ каждой строкѣ письма.

Пока мы читали письмо, его авторъ, молодой мужикъ, съ открытымъ, симпатичнымъ лицомъ, опушеннымъ русой, вьющейся бородкой, все время низко кланялся.

— Ужъ, пожалуйста, вашескородіе, передайте... Богомъ прошу!.. повторялъ онъ.—Пусть возьмутъ меня отсюда... Весь истомился...

— Непремѣнно, непремѣнно! отвѣчалъ я, пряча письмо въ карманъ.—Какъ адресъ вашихъ родныхъ?

— Тамъ, на письмѣ обозначено... Ужъ будьте отцомъ роднымъ!.. Сколько писемъ ни посылалъ черезъ начальство, ни одно не дошло...

— И меня выпустите!.. И меня!.. И меня!.. летѣли со всѣхъ сторонъ раздраженные, злые голоса.—Зря держатъ съ сумасшедшими... Я не боленъ!.. И меня!.. Шестой годъ томятъ, собаки...

— Вотъ это едва ли не самое тяжелое, что приходится испытывать здѣсь... сумрачно проговорилъ мой спутникъ.—Всѣ рвутся вонъ!

— Что же тутъ удивительнаго? сказалъ я, весь подъ давящимъ впечатлѣніемъ обстановки.—Не понимаю, какъ можно держать людей въ этихъ клѣткахъ цѣлые годы безъ дѣла, безъ связи съ близкими, безъ развлеченій... Это прямо ужасно... И какъ тутъ служители только уживаются!

— Страшно бѣгутъ... отвѣчалъ онъ.—Въ годъ весь персоналъ раза три перемѣнится...

— Ваше превосходительство, прикажите разобрать мое дѣло, заступитесь!.. взволнованно прервалъ его румяный, низкаго роста, худенькій старичокъ въ сильныхъ очкахъ, дѣлавшихъ его лицо чрезвычайно добродушнымъ.—Царю три письма послалъ... Вотъ ужъ сколько лѣтъ не могу добиться правды!..

— Не вы одинъ, голубчикъ, не можете добиться ея... серьезно отвѣчалъ врачъ.—Многіе добивались и добиваются, да...

— Мое дѣло ясное... продолжалъ старичокъ не слушая.—Я говорю, что вѣра эта не истинная, что людей обманули... Пусть назначатъ всенародный судъ, я выйду, докажу; пусть на-

родъ разсудитъ, правъ я или нѣтъ! Не правъ— пусть докажутъ, пусть мучаютъ, какъ хотятъ, жгутъ... Нѣтъ, не слушаютъ!..

— Да что ты съ ними толкуешь! презрительно воскликнулъ низкорослый, но плотный больной съ желтымъ лицомъ, покрытымъ рѣдкой растительностью.—Развѣ ты не видишь, кто они? Мошенники! дармоѣды... Противъ Бога народъ бунтуютъ, противъ царя. „Васъ, говорятъ, притѣсняютъ, васъ обираютъ". Ладно, такъ... Ну, а *вы-то* не притѣсняете, не пьете нашу кровь, сукины дѣти?

— Не надо такъ, не ругайся!.. остановили было его сторожа; но это только подлило масла въ огонь.

— А-а, ишь-ты!.. закричалъ тотъ съ саркастическимъ смѣхомъ.—Они кровь твою пьютъ, а ты и выругаться не смѣй, а? А вы-то что ихъ сторону держите? Или пятнадцать серебренниковъ получили? Я и пятьдесятъ получалъ, да вамъ не покоряюсь... Насквозь вижу васъ, подлецовъ!.. Стоило бы мнѣ только слово одно сказать, и оба вы простояли бы всю жизнь, какъ каменные столбы, на этомъ мѣстѣ... Ну, да чортъ съ вами,—идите... А ты къ нимъ съ вѣрой! Одна у нихъ, кровопійцевъ, вѣра: „Подавай сюда!" „Ты мнѣ братъ, говорятъ—поцѣлуй меня сегодня, а я тебя завтра!"

Румяный старичокъ безнадежно махнулъ рукой и отошелъ прочь.

— Это что же, онъ всѣхъ такъ?.. тихо спросилъ я, проходя дальше.

— Всѣхъ... Обличитель... За это и попалъ сюда... отвѣчалъ докторъ.—И недурно съ своей задачей справляется...

— Ага! Не нравится!.. торжествовалъ сзади тотъ.—Погодите, я васъ еще не такъ отбрею какъ-нибудь!.. То-то, знаетъ кошка, чье мясо съѣла!..

Но къ намъ, почтительно кланяясь, подходилъ уже высокій старикъ въ старомъ операціонномъ фартукѣ, съ лысиной во всю голову и сѣдой бородкой на смугломъ, морщинистомъ лицѣ, на которомъ играла теперь почтительная улыбка.

— Услыхалъ о вашемъ пріѣздѣ... бормоталъ онъ кланяясь.—Счелъ долгомъ явиться начальству...

Это былъ бывшій земскій фельдшеръ. Его очень безпокоютъ спиритическіе духи, которые по ночамъ заводятъ съ нимъ „теологически-экономическіе споры обо всякихъ предметахъ и обзываютъ, можно даже сказать, неприличными словами."

— Какъ же именно? спросилъ докторъ.

— А такъ, что „дуракъ вы, Григорій Иванычъ", говорятъ...

Его смѣнилъ веселый, жизнерадостный парень, который попалъ сюда, по словамъ доктора, за то, что *слишкомъ* веселъ, какъ та старуха, недостойная жить, за то, что *слишкомъ* печальна. Парень, „на радостяхъ", что видитъ насъ, сплясалъ и, ударивъ доктора по плечу, весело воскликнулъ:

— Такъ-то вотъ, Васильичъ!.. Чего дремать-то тутъ? Шевелись!

Но и онъ, хотя и улыбаясь, попросился домой...

Мы уже вышли изъ палаты, какъ вдругъ насъ нагналъ блѣдный и мрачный больной, съ узкимъ и длиннымъ тѣломъ и длинными руками.

— Прикажите освободить людей, ваше благородіе! таинственно, низкимъ басомъ проговорилъ онъ, осторожно озираясь вокругъ.

— Какихъ людей?

— А тѣхъ, что подъ поломъ, въ темнотѣ держатъ... отвѣчалъ онъ, указывая внизъ.— Заперли и не выпускаютъ... Много... Мы по нимъ ходимъ... Кричатъ... Нехорошо...

— Знаю, что нехорошо, да что же я сдѣлаю?

— Прикажите освободить!

— Иди, иди назадъ!.. Куда вышелъ? въ перебой говорили оба сторожа, подталкивая больного назадъ, въ палату.—Нельзя тутъ тебѣ быть...

— Зачѣмъ пришли?.. закричалъ кто-то изъ изолятора, противъ котораго мы стояли, молодымъ, страдающимъ голосомъ.—Идите, идите прочь,—я не могу видѣть васъ...

И по блѣдному, опухшему, обрамленному русой бородой лицу, виднѣвшемуся въ маленькое окошечко, изъ воспаленныхъ глазъ покатились крупныя слезы.

Мы быстро отошли отъ изолятора.

— Это студентъ-медикъ пятаго курса, одинъ изъ самыхъ здоровыхъ людей, которыхъ я когда-либо видѣлъ... сказалъ врачъ.—Какъ только началась эта война, онъ отправился санитаромъ; но какъ только вышелъ въ первый разъ на мѣсто битвы—это было послѣ Вафангоу,—когда бой уже кончился, остановился, посмотрѣлъ вокругъ и разрыдался. И съ тѣхъ поръ, вотъ уже три мѣсяца, рыдаетъ почти не переставая, и гонитъ отъ себя всѣхъ, крича, что теперь онъ не можетъ видѣть людей... Вотъ это нормальный, здоровый человѣкъ, несомнѣнно... Ну, а это вотъ нашъ послѣдній этапъ, хроники...

Наше появленіе здѣсь не вызвало такого эффекта, какъ въ другихъ палатахъ,—большинство больныхъ осталось на своихъ мѣстахъ. Здѣсь было еще болѣе тѣсно, чѣмъ въ другихъ отдѣленіяхъ, воздухъ крайне тяжелый, свѣта отъ запыленныхъ оконъ еще меньше. И въ этой сѣрой, затхлой атмосферѣ тѣснились десятки людей въ халатахъ и въ одномъ бѣльѣ. Одни безпокойно метались по коридору изъ угла въ уголъ, другіе неподвижно, пластомъ лежали на вытянутыхъ убійственно правильными шеренгами кроватяхъ, третьи сидѣли рядами на неудобныхъ скамейкахъ, разговаривая, ругаясь или тупо уставивъ безсмысленные, мутные глаза въ одну точку. Молодой глухонѣмой, съ неописуемымъ выраженіемъ на

лицѣ, точно онъ вотъ-вотъ выскажетъ всю тоску, всю муку, все, что накопилось у него въ душѣ за долгое время молчанія,—знаками попросилъ у меня покурить, и когда я, не имѣя табаку, далъ ему денегъ на папиросы, долго, трогательно выражалъ мнѣ свою благодарность. За нимъ подошелъ высокій, статный мужчина,—бывшій купецъ—и, любезно улыбаясь и кланяясь, началъ что-то говорить, набирая слоги безъ всякаго смысла и безъ конца.

— Здѣсь стоитъ обратить вниманіе вотъ на этого каталептика... сказалъ докторъ.—Лежитъ совершенно неподвижно вотъ уже два года, надежды на выздоровленіе никакой. Челюсти его такъ сжаты, что его все время кормятъ черезъ носъ,—зачѣмъ, не знаю: онъ уже почти мертвецъ. А тамъ тысячи, милліоны дѣтей гибнутъ отъ „недоѣданія", т. е. прямо отъ голода... Затѣмъ посмотрите вотъ на этихъ двухъ... указалъ онъ на двухъ больныхъ, которые, не обращая никакого вниманія на происходящее вокругъ, съ азартомъ рѣзались на полу въ карты.—За этимъ занятіемъ они проводятъ цѣлые дни, и игра ихъ неизбѣжно кончается тѣмъ, что оба остаются въ выигрышѣ: если одинъ обыгралъ другого на милліонъ, то этотъ считаетъ, что онъ обыгралъ своего партнера на десять милліоновъ, и оба страшно довольны, не такъ, какъ тамъ, за стѣнами, гдѣ сумасшедшіе съ дикимъ азартомъ обыгрываютъ одни другихъ и всѣ остаются въ проигрышѣ и всѣ недовольны...

— Позвольте васъ спросить, господинъ... перебилъ его высокій крестьянинъ съ большой рыжей бородой и суровыми глазами, глубоко сидящими подъ густыми, нависшими бровями.

— Что скажете, голубчикъ?

— А вотъ извольте взглянуть... проговорилъ больной и подвелъ насъ къ одной изъ скамеекъ, на которой неподвижно сидѣлъ крошечный человѣкъ съ огромной, черной, гладко выбритой головой и блѣднымъ, совершенно деревяннымъ лицомъ. Глаза его, мутные, тупые, были неподвижны, какъ у мертваго; по обѣимъ сторонамъ рта свѣшивались на невѣроятно грязную рубаху длинныя нити слюны.—Вотъ посмотрите-съ...

— Вижу... Ну, что же?

Больной пытливо, не моргая остановилъ на немъ свои суровые глаза и тихимъ голосомъ, медленно, точно подчеркивая каждое слово, проговорилъ:

— А что, какъ по-вашему, и этотъ человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію или же нѣтъ?

Въ его вопросѣ было что-то страшное,—чувствовалось, какъ безконечно много вкладывалъ онъ въ него... Мнѣ показалось, что мой спутникъ какъ будто поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ!.. Этотъ—нѣтъ!.. живо отвѣчалъ онъ.—По образу и подобію Божію сотворенъ идеалъ человѣка, а не всякій человѣкъ...

И, обернувшись ко мнѣ, продолжалъ какимъ-то страннымъ тономъ:

— Это, знаете, одна изъ тѣхъ несовершенныхъ формъ, которыя заставили меня такъ много... пережить... Впрочемъ, я что-то усталъ... ослабѣвшимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Пойдемте отсюда... А съ вами я поговорю въ другой разъ... обратился онъ къ рыжему больному—До свиданія!..

Мы вышли изъ палаты и, сопровождаемые умоляющимъ „уйдите, уйдите отсюда!" изъ изолятора спустились по лѣстницѣ.

— Пойдемте въ мою комнату, отдохнемъ... сказалъ онъ.—Или вотъ въ кабинетъ доктора,—теперь тутъ никого нѣтъ...

Но тамъ оказался фельдшеръ, исцарапанное лицо котораго было едва видно изъ-за бинтовъ. Онъ рылся въ „скорбныхъ листахъ" на письменномъ столѣ.

— Вотъ какъ отдѣлали! глухо усмѣхнулся онъ сквозь перевязку, глядя на насъ улыбающимися сѣрыми глазами.

— Ничего, заживетъ, Тихонъ Ивановичъ! отвѣчалъ врачъ.—Благодарите еще Бога, что вы не на волѣ: тамъ безумные, можетъ быть, разорвали бы васъ или распяли бы.

— Оно, конечно... добродушно согласился тотъ.—Это вы, кажется, спрашивали меня? обратился онъ ко мнѣ.

— Да... Но только теперь мы уже осмотрѣли съ докторомъ все, что меня интересовало, отвѣчалъ я.—Благодарю васъ...

— Ну, и отлично... А вы, кажется, очень устали, г. докторъ?

— Не бѣда, голубчикъ, отдохну...

— Ну, такъ до свиданія!..

И, захвативъ одинъ изъ скорбныхъ листовъ, онъ вышелъ.

Нѣкоторое время мы просидѣли въ молчаніи. Въ хмурой тишинѣ комнаты слышался лишь глухой гулъ отдаленныхъ голосовъ...

— Да, эти „несовершенныя формы" многаго мнѣ стоили... тихо заговорилъ вдругъ докторъ.—Онѣ такъ безобразили жизнь, что первое время мнѣ казалось, что задача всякаго мыслящаго человѣка состоитъ въ борьбѣ съ ними, въ уничтоженіи ихъ, и я началъ дѣлать опыты, чтобы самому прослѣдить, такъ сказать, ихъ судьбу въ круговоротѣ жизни.

— Какіе опыты? заинтересованный, спросилъ я.

— Да просто я возвращалъ ихъ природѣ и смотрѣлъ, что изъ этого будетъ, отвѣчалъ онъ.—Сперва я возвратилъ такъ старую свинью, собаку, разбитую параличомъ, и нѣсколько другихъ животныхъ, потомъ своего двоюроднаго брата, который, заразившись сифилисомъ, постепенно превратился въ полнаго идіота.

— Т. е., я все-таки не понимаю... пробормоталъ я, смутившись почему-то.—Вы, такъ сказать...

— Убилъ его, ціанистымъ кали... отвѣ-

чалъ онъ спокойно.—Вѣдь жизнь его была одно сплошное страданіе и безобразіе... Такъ какъ мои опыты съ животными были замѣчены, на меня покосились какъ будто; но я увѣрилъ всѣхъ, что онъ самъ отравился въ моей лабораторіи, нечаянно. Мнѣ какъ будто повѣрили, а я сталъ опять и опять наблюдать. Я зналъ, что происходитъ тамъ, подъ этимъ зеленымъ холмикомъ; видѣлъ миріады отвратительныхъ бѣлесоватыхъ червей, кишащихъ въ распадающемся зловонномъ мясѣ. Мясо исчезло, точно растаяло, безъ слѣда, казалось бы, но на холмикѣ выросла трава, зацвѣли цвѣты!.. И я слышалъ, видѣлъ, осязалъ *его* всюду: и въ ласковомъ шелестѣ вѣтвей плакучей березы, склонившейся вѣтвями надъ могилами и черпающей свою живую красоту въ удобренной его больнымъ тѣломъ землѣ, и въ тепломъ, душистомъ ульѣ, въ капляхъ янтарнаго меда, собраннаго пчелами на тѣхъ цвѣтахъ, и въ горячей пѣснѣ соловья, въ нѣжно-сизой, едва уловимой дымкѣ тумана, поднявшагося надъ зелеными холмиками, въ бриллiантахъ росы, въ утреннемъ облачкѣ, въ золотой стрѣлѣ молніи, въ каплѣ дождя, упавшей на хлѣбное поле, въ золотомъ колосѣ, въ душистомъ зернѣ подъ тяжелымъ жерновомъ, въ счастьѣ молодой матери, склонившейся надъ колыбелью своего первенца, въ искоркахъ его голубыхъ глазокъ, похожихъ на звѣзды и на незабудки, въ невидимой бациллѣ, равнодушно погасившей его прелестную улыбку, въ рыданьяхъ матери, въ новомъ зеленомъ холмикѣ, въ землѣ, въ небѣ, въ радости, въ горѣ, въ красотѣ, въ безобразіи, во всемъ!.. Я ощупывалъ безсмертіе руками, духъ жизни принималъ предо мною самыя неожиданныя, самыя причудливыя формы, и моя душа расширялась какою-то безмѣрной радостью... Для того, чтобы испытать съ новой силой это окрыляющее, необыкновенное чувство, я сдѣлалъ попытку убить одного пьяницу-нищаго, но мнѣ помѣшали... Потомъ я попалъ сюда и хотѣлъ было продолжать мои опыты надъ несовершенными существами, которыхъ здѣсь не мало, начиная хотя бы съ нашего милаго доктора; но во мнѣ забрезжила заря новой, чудной мысли... Я все яснѣе и яснѣе началъ сознавать, чувствовать родство всего сущаго... Вѣдь во всемъ *одна* жизнь... Всѣ существа, всѣ эти перлы, эти чудныя искры жизни летятъ изъ одного таинственнаго, общаго имъ всѣмъ Источника, всѣ одни дѣти одного отца, всѣ они люди, животныя, цвѣты, все—братья! И, когда я понялъ это, мнѣ стало еще радостнѣе, и прежняя радость была чужда и непонятна мнѣ теперь. Вѣдь если у меня есть любимая мать, отецъ, жена, дѣти, все это увеличиваетъ мое счастье; любимый котенокъ, птичка какая-нибудь—и это все счастье. Значитъ, если я полюблю *все*, какимъ океаномъ счастья будетъ вся моя жизнь! Родство всего существующаго и вытекающая изъ него любовь ко всему—вотъ истина. И теперь я понялъ ту боль души, которую я испытывалъ при моихъ опытахъ,—она показывала мнѣ, что я на ложномъ пути, что не въ насильственномъ разрушеніи формъ жизни, а въ любовномъ сліяніи съ жизнью задача мыслящаго существа и даже не столько въ сліяніи, сколько въ *неотдѣленіи*. Въ самомъ дѣлѣ, я не могу не видѣть, не чувствовать могучее теченіе рѣки матеріи изъ внѣшняго міра въ меня и изъ меня во внѣшній міръ; на могилѣ брата я понялъ, что все, что я чувствую, сознаю, созерцаю,—и земля съ ея облаками и цвѣтами и людьми, и вся голубая безконечность съ милліардами міровъ, все это какъ бы одинъ огромный, вѣчный Я! Все, что я вижу, ощущаю, все это мои предки и потомки—въ возможности. Тоже и въ области духа: преемственностью, общностью чувствъ, желаній, мысли я соединенъ въ одно со всѣми милліардами жившихъ, живущихъ и грядущихъ въ жизнь людей, чрезъ любимыхъ животныхъ соединенъ въ духѣ со всѣми животными, чрезъ любимыя растенія со всѣми растеніями Я—Единый, Вѣчносущій!.. Вѣдь когда я восторженно любуюсь цвѣткомъ или переливами звѣздъ въ небѣ, я сливаюсь съ цвѣткомъ и со звѣздами въ одно цѣлое, невыразимо прекрасное и вѣчное. И кто знаетъ, кто скажетъ, гдѣ кончаюсь я, гдѣ начинаются звѣзды?.. Вы понимаете меня? спросилъ онъ вдругъ, взглянувъ на меня сіяющими отъ охватившаго его волненія глазами.

— Да, вполнѣ... отвѣчалъ я.

— Я очень радъ... улыбнулся онъ свѣтлой улыбкой и задумался.

— Да... вздохнулъ онъ тихонько.—Все это, взятое вмѣстѣ, и заставило меня понять, что только въ себѣ самомъ властенъ я поднять жизнь на высшій уровень, сдѣлать ее болѣе прекрасной и свѣтлой и *чрезъ это* сдѣлать болѣе прекрасной и всю жизнь... И какъ посмотришь назадъ, сердце замираетъ отъ этого головокружительнаго полета жизни въ высь... Куда, куда мы прилетимъ? Я думаю, это будетъ что-то до такой степени прекрасное, что теперь мы даже и думать объ этомъ не можемъ...

— Да, но „головокружительный полетъ"... возразилъ я.—Мнѣ казалось бы, напротивъ, что только медленно, страшно медленно, съ усиліемъ поднимаемся мы кверху...

— Конечно, если вы возьмете какой-нибудь коротенькій промежутокъ времени, вѣкъ, тысячелѣтіе, напримѣръ... отвѣчалъ онъ.—А вы идите въ самую глубь, туда, въ царство гигантскихъ папортниковъ и крылатыхъ ящеровъ. Вѣдь на мѣстѣ мрачныхъ зарослей лишаевъ загорѣлся уже геній человѣка, любящее сердце его, ревъ безобразныхъ чудовищъ смѣнился музыкой Бетховена, жадное чавканье окровавленной пасти—Нагорной проповѣдью! Смерть, этотъ великій, необходимый учитель жизни, учитель правды, однимъ взмахомъ своей страшной для слѣпыхъ

косы разбиваетъ милліоны формъ и снова сѣетъ жизнь въ разверстыя пасти могилъ, и снова оттуда подымается молодая, лучшая жизнь, и снова все-таки недовольная ею смерть коситъ ее, и снова сѣетъ, и жизнь цвѣтетъ все пышнѣе и пышнѣе и, поднимаясь все выше и выше въ небо, все болѣе и болѣе забываетъ о страшномъ прежде косцѣ... Вотъ теперь заболтали вдругъ о какомъ-то „сверхчеловѣкѣ“, усмѣхнувшись продолжалъ онъ.—Вѣдь вотъ, подумаешь, торопятся! До человѣка,—который сотворенъ по образу и подобію Божію,—еще не доросли, а имъ надо уже что-то „сверхъ“!.. Нѣтъ, сперва до человѣка подняться надо, стряхнуть проклятыя цѣпи орангутанга, которыя душатъ еще человѣка. Развѣ тѣ существа, которыя живутъ такъ, что страшно дѣлается, глядя на нихъ, которые всю жизнь употребляютъ на то, чтобы обманывать, насиловать, рѣзать другъ друга,—развѣ это человѣки? Это нѣчто промежуточное между крылатымъ ящеромъ и человѣкомъ,—сверхорангутанги, если хотите. Александры Македонскіе, Цезари, Наполеоны, Бисмарки—это не великіе люди, какъ ихъ, по недоразумѣнію, еще называютъ нѣкоторые, а великіе орангутанги, которыхъ скоро, поднявшись на высшую ступень, человѣчество будетъ стыдиться... Да, было время, когда землю населяли „бѣлокурые звѣри“, съ блестящими, бѣлыми клыками, существа, вся жизнь которыхъ была одной сплошной грызней; а теперь среди нихъ встали люди, которые охотнѣе дадутъ убить себя, чѣмъ убьютъ кого-нибудь, которые, какъ простой, едва грамотный мужикъ, духоборецъ Алдоша, уже задумываются, какъ бы устроить жизнь человѣка такъ, чтобы не убивать не только людей и животныхъ, но даже растеній. Среди ордъ дикихъ пелазговъ—давно ли прошли онѣ? вчера!—встали Сократы; тамъ, гдѣ недавно стояли убогіе шатры скиѳовъ, стоитъ „Ясная Поляна“; дикій вой германцевъ, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры, замѣнился словомъ Канта. Вчера бѣлокурый звѣрь, весь въ крови, дрожалъ при блескѣ молніи, а сегодня Галилеи и Ньютоны, вскрывъ его мозгъ, ввергли туда всю вселенную со всѣми ея громами и молніями, милліардами міровъ, живущихъ, мертвыхъ, нарождающихся... Правда, и Канты, и Толстые, и Алдоши, и Сократы окружены еще сверхорангутангами, съ чашей цикуты за пазухой,—ну, такъ что же? Вѣдь, вчера были одни орангутанги, а сегодня есть уже среди нихъ и человѣки. Развѣ это не гигантскій шагъ, не головокружительный полетъ въ небо?.. Теперь человѣкъ похожъ на гору: широкимъ основаніемъ онъ прикованъ къ землѣ, а вершиной уходитъ за облака, въ царство вѣчной лазури. И чѣмъ дальше онъ живетъ, тѣмъ уже и уже становится его основаніе, тѣмъ шире вершина и тѣмъ глубже уходитъ она въ небо, тѣмъ больше является въ его душѣ точекъ соприкосновенія съ Божествомъ. И придетъ время—эта гора, этотъ треугольникъ совсѣмъ перевернется и основаніе его будетъ въ небѣ, а вершина на землѣ,—только одной точкой будетъ онъ касаться ея, чтобы не забыть, что онъ все-таки сынъ земли, человѣкъ, а не Богъ... И треугольникъ долженъ сдѣлать это *самъ*... Окружающая насъ бездна страданій, ужасъ жизни не безсмысленны, какъ это хочется нѣкоторымъ думать, напротивъ, въ нихъ глубочайшій смыслъ. Ихъ безсмыслица убила бы человѣка, ихъ смыслъ окрыляетъ. Гдѣ-то въ Библіи сказано, что Іегова грозилъ людямъ покарать ихъ за ихъ грѣхи не только въ нихъ самихъ, но и въ ихъ потомствѣ, „до десятаго колѣна“... Это глубокое мѣсто! И тогда уже люди понимали, хотя и грубо, что все связано вмѣстѣ, все—одно. Кто-то когда-то гдѣ-то сдѣлалъ несправедливость, злое дѣло, думая, что никакихъ результатовъ, кромѣ „выгоды“ для него, оно имѣть не можетъ; но прошли года, вѣка, тысячелѣтія, и отъ этого страдаютъ тысячи, милліоны людей. Никакой поступокъ человѣка, какъ ни казался бы онъ незначителенъ, не пропадаетъ безслѣдно, но имѣетъ безконечныя послѣдствія. И безразличныхъ поступковъ нѣтъ, есть или хорошіе или дурные,—вотъ чего не понимаютъ люди... Мы всѣ страдаемъ по волѣ нашихъ отцовъ, не вѣдавшихъ, что они творятъ, и поэтому, чтобы за наши грѣхи не были наказаны наши потомки—о, если бы только до десятаго колѣна!—надо быть справедливымъ, чистымъ, свѣтлымъ, надо помнить, что каждый шагъ нашъ, каждое слово, каждый вздохъ находитъ свой откликъ въ вѣчности. Пусть ужасъ предъ огромностью преступленія отцовъ сдѣлаетъ насъ лучшими. И пусть всякій понимающій это, не дожидаясь другихъ, расправляетъ крылья и летитъ, за нимъ полетятъ и другіе! Гори, свѣти, рви дерзкими лучами давящую міръ тьму,—пусть жизнь превратится въ свѣтлый, ликующій праздникъ, въ волшебную, золотую грезу... И это будетъ! Настрадавшись, страданьемъ раздувъ въ себѣ искру истинной жизни, все живое само пойметъ, лучше пойметъ цѣну этой, земной жизни. Говорятъ, несправедливо, что *бывшее* не знало этого, а узнаетъ лишь *будущее*; но вѣдь и бывшіе вернутся на праздникъ жизни, такъ какъ, въ сущности, нѣтъ ни бывшаго, ни будущаго, а есть лишь вѣчно возрождающееся одно, вѣчно бывшее, вѣчно сущее, вѣчно будущее,—вѣчно одно...

Вдохновенная рѣчь замерла на глубокомъ, пророческомъ аккордѣ, и въ еще горящую прекрасными мыслями тишину комнаты ворвался безобразный, дикій гамъ отдаленныхъ голосовъ сумасшедшихъ; но это длилось только мгновеніе, и снова раздался его взволнованный соприкосновеніемъ съ тайнами жизни, льющійся изъ самой глубины души голосъ.

— Я былъ теменъ, я сталъ свѣтелъ, тихо говорилъ онъ, закрывъ глаза рукой точно для того, чтобы лучше разсмотрѣть прекрасныя ви-

дѣнья своей души.—Я былъ теменъ, я сталъ свѣтелъ и свѣтомъ моимъ я заражу темныхъ, и мертвые воскреснутъ моей жизнью, и своимъ воскресеніемъ зажгутъ новые огни во вселенной, и на новые огни поднимутся новые мертвецы, и искра жизни, брошенная въ міръ Великимъ Непостижимымъ, разгорится пожаромъ необъятнымъ, и свершится воля Его, въ началѣ временъ Повелѣвшаго: „Да будетъ свѣтъ!" О, какое это счастье жить свободнымъ отъ всякаго безумія! вдругъ воскликнулъ онъ вскакивая.—Какъ горная вершина, стоишь надъ темнымъ моремъ всѣхъ этихъ безумныхъ, позорящихъ вселенную своей дикой свалкой... Страшно иногда своего здоровья и свободы, и жутко, и безумно хорошо... И...

Дверь растворилась и въ комнату вошелъ докторъ.

— Что это вы тутъ дѣлаете? со своей обычной дѣланной шутливостью воскликнулъ онъ, переводя свои глаза съ меня на ассистента.—Э-э, да вы опять, кажется, разволновались, коллега! протянулъ онъ, внимательнѣе всматриваясь въ его лицо, по которому ходили еще волны неостывшаго чувства.—Дайте-ка пульсъ!..

— Ахъ, да отстаньте! отдернувъ руку, досадливо, чуть не съ отвращеніемъ воскликнулъ тотъ.

На моемъ лицѣ, очевидно, отразилось, противъ моей воли, недоумѣніе.

— Васъ, кажется, ввела въ заблужденіе моя относительная свобода... со слабой улыбкой на поблѣднѣвшемъ лицѣ сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ.—Вы не догадались, съ кѣмъ имѣете дѣло...

— Я принялъ васъ за г. ассистента... смутившись пробормоталъ я.

— Вы ошиблись... Я хоть и врачъ, но не ассистентъ. Я—сумасшедшій, и вотъ онъ хочетъ меня вылѣчить... сказалъ онъ, небрежнымъ жестомъ указывая на сытую, толстую фигуру.

—Сумасшедшій! запротестовалъ тотъ слегка.—Было, правда, немножко, но теперь все въ порядкѣ... Опыты наши мы перестали дѣлать, выглядимъ молодцами... Скоро, скоро выпустимъ васъ,—идите съ Богомъ, сердитый человѣкъ! Ну, однако, намъ пора... замѣтивъ нетерпѣливую гримасу на лицѣ своего паціента, поспѣшилъ онъ прибавить.—А то я опоздаю...

— Я готовъ... отвѣчалъ я.

— И отлично. Мнѣ надо забѣжать только на минутку домой, переодѣться...

— Да вы и такъ хоть подъ вѣнецъ...

— Ну, все-таки неловко,—визитка... Еще обидятся...

— Ну, вотъ видите!.. усмѣхнулся его паціентъ.—А онъ сумасшедшихъ лѣчить еще хочетъ!..

Мы простились.

Уже выходя, незамѣтно отъ доктора, я пожалъ еще разъ руку сумасшедшаго и тихонько шепнулъ ему:

— Не выздоравливайте!

Онъ молча улыбнулся въ отвѣтъ.

Докторъ шептался о чемъ-то съ фельдшеромъ, и не дожидаясь его, я одинъ вышелъ на крыльцо, изъ маленькаго дома для умалишенныхъ въ большой, необъятный, гдѣ самые страшные безумные ходятъ безъ присмотра на свободѣ, облеченные часто ужасающей властью надъ себѣ подобными, гдѣ апокалиптическимъ звѣрямъ невѣжества и изувѣрства приносятся часто въ жертву милліоны окровавленныхъ, истерзанныхъ человѣческихъ тѣлъ, гдѣ за рѣшетками предразсудка и рабскаго страха томятся въ безъисходной тоскѣ тысячи тысячъ живыхъ душъ и гдѣ такъ рѣдки, до боли, до слезъ рѣдки безумные, дерзко отвергающіе то, что есть, и требующіе того, чего нѣтъ, но что должно быть...

Ив. Наживинъ.

Лучинское.
Ноябрь. 1904 г.

ВСЕВОЧКА.

I.

Я и моя сестра Надя жили тогда въ городѣ Никольскѣ-Уссурійскомъ. Мужъ мой, артиллерійскій штабсъ-капитанъ, находился въ дѣйствующей арміи, подъ Ляояномъ. Однажды я прочла, что батарея, въ которой онъ служилъ, особенно отличилась, но было много убитыхъ и искалѣченныхъ, и потомъ въ теченіе двухъ недѣль я не получила отъ Коли ни телеграммы, ни письма, ни записочки. Окружавшіе люди были совсѣмъ чужіе. Они или веселились, какъ на пиру во время чумы, или ходили вялые, отупѣвшіе, уставшіе чего-то ждать.

Съ Надей ничѣмъ нельзя было подѣлиться. Ей было двадцать семь лѣтъ, а мнѣ двадцать три, но казалось, будто я старше. Она не умѣла налить сама себѣ чаю, не выходила на улицу, не сказавъ объ этомъ мнѣ, не могла купить безъ моего совѣта шляпу. Съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали сюда, ея лицо пожелтѣло еще больше, а глаза смотрѣли мутно и уныло. Я посовѣтовала ей посѣщать курсы для желавшихъ сдѣлаться сестрами милосердія, и она съ радостью ухватилась за эту мысль. Но затѣмъ оказалось, что Надя не можетъ видѣть крови и слышать стоновъ, не рискуя упасть въ обморокъ.

Когда, еще въ Россіи, было рѣшено, что вмѣстѣ съ Колей на Востокъ ѣду и я, то Надя въ одну ночь похудѣла и осунулась, точно послѣ долгой болѣзни.

Помню, вечеромъ, стоя на колѣняхъ передъ чемоданомъ, я укладывала бѣлье, а Коля безъ

конца ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и курилъ.

Возлѣ окна онъ на минуту остановился и не оборачиваясь сказалъ:

— А вѣдь Надя безъ насъ пропадетъ.

— Да, я боюсь за нее: послѣ смерти мамы она стала какая-то странная... отвѣтила я и выпрямилась.

— Такъ возьмемъ ее съ собою?

Я поднялась съ пола, подошла къ Колѣ и крѣпко его обняла.

— Конечно, возьмемъ! Милый ты мой, чудесный человѣкъ, все, что только вокругъ страдаетъ, все тебя трогаетъ.

— Ну, ну, ну, не сантиментальничать!

Я не вытерпѣла и сейчасъ же побѣжала къ Надѣ. Еще не совсѣмъ раздѣтая, а только въ бѣлой ночной кофточкѣ и нижней юбкѣ, она полулежала на кровати и тихо всхлипывала. Въ комнатѣ было уже темно, только передъ иконой трещалъ огонекъ въ розовомъ стаканчикѣ.

— Надя! окликнула я.

Она вздрогнула и подняла съ подушки голову.

— Надя, не плачь,—ты поѣдешь съ нами и, дастъ Богъ, все будетъ хорошо.

— Правда?

— Да, Коля сказалъ.

Она молча схватила мою руку и прижалась къ ней горячими губами.

— Сумасшедшая... Что ты дѣлаешь?.. Ну, ложись спать!

Я поцѣловала ее въ лобъ и вышла.

Коля уѣхалъ со своей частью въ воинскомъ поѣздѣ, а мы съ Надей пробыли въ Москвѣ еще цѣлыхъ полторы недѣли. Посмотрѣли „Вишневый Садъ", который произвелъ на меня страшное впечатлѣніе; кое-что купили и выѣхали въ воскресенье вечеромъ, съ экспрессомъ.

До Иркутска поѣздка была похожа на огромный пикникъ. Цѣлый день въ вагонѣ-столовой бренчалъ рояль. Офицеры много пили и ухаживали за мной и за Надей. Сквозь табачный дымъ всѣ лица казались одинаковыми. Я не сердилась на нихъ и не слушала того, что мнѣ говорили, а часто думала: „Можетъ, каждый изъ васъ переживаетъ теперь конецъ своихъ дней. Если эти дни скрашиваетъ алкоголь, то пусть алкоголь. Вотъ подпоручикъ, котораго всѣ называютъ Ванюшей, сидитъ въ кожаномъ креслѣ и отъ души смѣется по поводу глупѣйшаго анекдота; а пройдетъ мѣсяцъ, два и, можетъ быть, этотъ Ванюша будетъ лежать на чужой холодной землѣ, съ судорожно сжатыми руками и полуразложившимся лицомъ". Когда приходило въ голову, что, можетъ, также будетъ валяться и трупъ моего Коли, то мнѣ становилось холодно и сами собой дергались руки.

Цѣлую недѣлю мимо оконъ бѣжали покрытыя снѣгомъ горы и поля и такія бѣлыя, что глазамъ было непріятно на нихъ смотрѣть. Черезъ Байкалъ мы ѣхали на тройкѣ по удивительно прозрачному льду. Я глядѣла на обступившія насъ голубыя горы, и мнѣ казалось, что сказочная ихъ красота теперь неумѣстна и даже цинична.

Надя почти всю дорогу была покойна. На одной изъ станцій мы съ нею пошли въ буфетъ, чтобы съѣсть чего-нибудь мѣстнаго. За столомъ, противъ насъ, сидѣлъ саперный офицеръ, человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, блѣдный, съ большими рыжими усами. Онъ былъ пьянъ и говорилъ неестественно громко, почти кричалъ:

— А вѣдь изъ нихъ многіе, многіе не вернутся! и тыкалъ пальцемъ въ воздухъ.—Правду я говорю? правду?

Товарищи его скоро увели.

Когда мы снова были въ вагонѣ, Надя сказала:

— Знаешь, я ручаюсь чѣмъ угодно, что не вернется и онъ...

Потомъ она заплакала и не могла утѣшиться до самаго вечера.

Въ Харбинѣ мы догнали Колю и снова провели съ нимъ двое сутокъ, а затѣмъ разстались надолго.

Я боялась сойти съ ума, и немного пришла въ себя только въ Никольскѣ. Здѣсь жизнь состояла въ чтеніи писемъ и телеграммъ.

Взявъ изъ рукъ почтальона конвертъ, я глядѣла на адресъ и думала: „Его рука. Значитъ, живъ, слава Богу".

Нельзя сказать, чтобы мы скучали, какъ нельзя сказать, что голодающіе люди—это больные люди. Въ новомъ городѣ все казалось страннымъ. Меня удивляли китайцы—и продавцы и „boy" *). Проживъ въ Никольскѣ десять - двѣнадцать лѣтъ, они все же не могли связать по-русски нѣсколькихъ словъ. Надя ихъ боялась, какъ боятся дѣти пауковъ или большихъ мухъ. Меня также удивляли извозчики изъ переселенцевъ. Почти всѣ они были малороссы и говорили по-малороссійски, но одѣвались въ красныя рубахи и поддевки.

Съ наступленіемъ лѣта на душѣ ужъ не было такъ тревожно, а только тупо. Привезли первыхъ раненыхъ, и мы съ Надей пошли на вокзалъ смотрѣть на нихъ. Одного за другимъ ихъ бережно выводили и выносили, блѣдныхъ, молчаливыхъ, забинтованныхъ. Помню, сбоку стояла молоденькая сестра милосердія и, заложивъ руки за фартукъ, умоляющимъ голосомъ говорила санитарамъ:

— Ногами впередъ, ногами впередъ...

II.

Я тоже хотѣла поступить въ госпиталь, но въ сестрахъ милосердія недостатка не было.

Въ концѣ іюня наступили жары и по улицамъ носились огромные клубы пыли. Мы съ Надей выходили на воздухъ только послѣ сумерекъ, когда стихалъ жгучій вѣтеръ. Однажды мы за-

*) Boy—лакей.

сидѣлись на крылечкѣ особенно долго. За крышами домовъ подымалась луна и казалось, что тамъ начался пожаръ. Черезъ полчаса она была уже высоко и свѣтила мягкимъ серебристымъ свѣтомъ. Говорить о войнѣ больше не хотѣлось, а другихъ темъ не было, и мы молчали. Всю улицу охватила тишина. Изрѣдка безшумно проѣдетъ по пыли извозчикъ, будто на резинахъ, и опять никого нѣтъ.

Когда Надя собиралась уже спать, мимо насъ медленно прошелъ офицеръ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ обернулся и сталъ. Было видно, что его правая рука забинтована и лежитъ на широкой, надѣтой черезъ плечо, перевязи. Мягко звеня шпорами, офицеръ вернулся къ намъ и, сдѣлавъ свободной рукой подъ козырекъ, нерѣшительно поклонился.

— Кажется, Марія Ѳедоровна и Надежда Ѳедоровна? произнесъ онъ.

Голосъ былъ удивительно знакомый, почти родной, но я никакъ не могла сообразить—чей.

— Не узнаете? повторилъ офицеръ.

— Нѣтъ.

— Холодовъ.

Теперь я узнала его и вдругъ взволновалась. Надя какъ-то жалобно айкнула. Наконецъ, мы поздоровались..

— Боже, Боже, какихъ только здѣсь встрѣчъ не бываетъ! сказалъ Холодовъ.

— Да... Садитесь, пожалуйста, и разскажите о себѣ... пригласила его я.

Онъ сѣлъ на нижнюю ступеньку, возлѣ моихъ ногъ.

— Что же разсказывать?.. Вотъ подъ Вафангоу испортило мнѣ шрапнелью руку. Господа доктора мудрили, мудрили и сдѣлали такъ, что кисть руки останется на мѣстѣ, но сгибаться она уже не будетъ. Сухожилье уничтожено.

— Это ужасно.

— Бываютъ вещи ужаснѣе...

Я стѣснялась разспрашивать его о ранѣ болѣе подробно, и не знала, съ чего начать разговоръ. Надя совсѣмъ онѣмѣла, и мы надолго замолчали. Мнѣ какъ-то не вѣрилось, что это сидитъ сынъ нашего сосѣда по имѣнію, Всевочка Холодовъ. Тотъ самый Всевочка, возлѣ котораго прошла вся моя юность. И все, что случилось въ милой Полтавской губерніи, теперь всплыло въ моей памяти на рѣдкость отчетливо. Нехорошее это было время, особенно послѣдніе два года.

Я перешла въ восьмой классъ гимназіи. Надя давно жила дома. Всевочка былъ по второму году корнетомъ. Высокій, голубоглазый блондинъ, съ выхоленными усами, онъ, когда говорилъ, то иногда немного заикался, и это къ нему шло. Его полкъ стоялъ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ, и Всевочка часто пріѣзжалъ домой къ отцу. И тогда не было дня, чтобы онъ не прискакалъ на своемъ ворономъ жеребцѣ въ нашу усадьбу, и не было также дня, чтобы онъ не говорилъ мнѣ о своей любви. То же самое Всевочка говорилъ мнѣ и два года назадъ, когда былъ юнкеромъ, и еще раньше, когда былъ кадетомъ, а я ходила въ короткомъ платьѣ. И ни тогда, ни послѣ въ сердцѣ у меня не проснулось къ нему никакого чувства, кромѣ досады и нервной усталости. Онъ умѣлъ находить меня вездѣ...

Случалось, что вечеромъ я одна уходила въ поле. Узенькій проселокъ кажется фіолетовымъ. Уже сѣло солнце и на томъ мѣстѣ лежатъ только золотыя полосы; надъ ними небо яркооранжевое, а повыше блѣдно-зеленое, съ одной первой, робко выглянувшей звѣздочкой. На горизонтѣ ясно выступили темно-синіе силуэты тополей и деревьевъ отдаленнаго хутора; узкое, длинное, фіолетовое облако точно касается ихъ верхушекъ. Едва ощущаемый вѣтерокъ доноситъ запахъ скошеннаго въ долинѣ сѣна и тѣхъ цвѣтовъ, которые лежатъ среди покосовъ и никогда уже не зацвѣтутъ снова. Разстояніе скрадывается. Идешь долго, а все кажется, будто наша усадьба осталась въ нѣсколькихъ шагахъ.

И въ такіе чудесные вечера думалось грустно, а иногда и плакать хотѣлось.

Отецъ уже давно не выходилъ изъ своего кабинета и послѣднее время много пилъ. Почти всѣ сосѣди прекратили съ нимъ знакомство. Имѣніе наше уже два раза назначалось въ продажу съ публичныхъ торговъ, и я знала, что такъ или иначе, оно вмѣстѣ съ домомъ, садомъ и прудомъ скоро будетъ принадлежать кому-то чужому. И чтобы не переживать этого позора, мнѣ хотѣлось уѣхать въ Москву, поступить на курсы и вообще приготовиться ко вполнѣ самостоятельной, независимой отъ мужчины, жизни. Я шла и мечтала о томъ, какъ пробѣжитъ этотъ учебный годъ и я, наконецъ, стану вольной птицей.

За моей спиной вдругъ послышался мѣрный топотъ, а затѣмъ храпъ лошадиной морды. Съ виноватымъ выраженіемъ на лицѣ, поскрипывая кожей сѣдла, Всевочка слѣзъ съ коня и, взявъ его за поводъ, пошелъ за мною.

— Что вамъ нужно? спрашивала я.

— Ничего. Только быть возлѣ васъ.

— Поймите вы, что это скучно и не умно!

— Очень можетъ быть.

Я молча поворачивала обратно и старалась итти какъ можно быстрѣе. А онъ также молча шелъ сзади, какъ собака за человѣкомъ, который несетъ хлѣбъ. Возлѣ усадьбы я кивала Всевочкѣ головою и спѣшила въ свою комнату. Здѣсь меня ждала Надя, нахмуренная, блѣдная, немного растрепанная. Слышно было, какъ кашлялъ отецъ и жалобнымъ голосомъ говорила о чемъ-то съ приказчикомъ моя мать,—худенькая, въ коричневой блузѣ и съ заострившимся носомъ.

Ужинали мы не вмѣстѣ, а какъ-то въ разбродъ. Надя выпивала стаканъ парного молока; отецъ закусывалъ у себя таранью; мама начинала и не кончала тарелку простокваши. Я

вечеромъ не ѣла ничего, и спѣшила въ свою комнату, чтобы лечь въ постель раньше Нади. Черезъ полчаса приходила и она и, медленно раздѣваясь, вдругъ произносила:

— Маруся! зачѣмъ ты мучаешь человѣка?

— Я не мучаю его, онъ самъ себя мучаетъ...

— Стыдно тебѣ, стыдно...

И такъ бывало почти каждый вечеръ. Уѣхать я не могла, да и не на что было. Съ наступленіемъ августа на душѣ повеселѣло. Скучная пансіонная жизнь въ чужомъ городѣ казалась мнѣ теперь раемъ, и я рвалась туда. На рождественскіе праздники въ этомъ году я даже не поѣхала домой и чувствовала себя прекрасно. Мучили только письма Всевочки.

III.

Снова пришли каникулы, снова я дома. Первое время жилось не очень грустно. Надя какъ-то посвѣжѣла. Отецъ надолго оставилъ водку. Восьмой классъ уже былъ за мною, а впереди— Москва, курсы и самостоятельность. Я ходила въ лѣсъ съ милой нашей горничной Домахой и пѣла съ ней малороссійскія пѣсни. Раннимъ утромъ мы бѣгали купаться. У священника я достала за цѣлыхъ два года старыхъ журналовъ и много читала. Но въ концѣ іюня пріѣхалъ Всевочка и началось...

Помню, въ тихій, темный вечеръ я ушла къ пруду, разостлала большой платокъ и легла на немъ. Тополи тихо шелестѣли листьями. Мнѣ хорошо было одной со своими мыслями.

Вдругъ послышался знакомый звонъ шпоръ. Захотѣлось вскочить, закричать, кого-то ударить... Но я сдержала себя и, когда Всевочка поздоровался, только спросила:

— Кто вамъ сказалъ, что я здѣсь?

— Мнѣ сказала Надежда Ѳедоровна.

— Совершенно напрасно...

Мысленно я рѣшила, что не произнесу больше ни одного слова. Холодовъ облокотился о стволъ тополя и тоже долго молчалъ. Заговорилъ онъ тихо и жалобно:

— Марія Ѳедоровна, голубчикъ, Марія Ѳедоровна, я вамъ не буду больше надоѣдать, только выслушайте меня еще одинъ, единственный разъ. Если человѣкъ любитъ васъ съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ, то развѣ его чувство можно назвать вздоромъ? Вѣрьте мнѣ или не вѣрьте, но съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ въ офицеры, я, во имя ваше, не прикасался ни къ одной женщинѣ. А въ нашемъ быту это почти невозможно... Простите, что въ присутствіи васъ, чистой, я говорю о нечистомъ. Но вы умны, читали и думали больше моего, несмотря на вашу молодость, и потому должны все понять. Можетъ, вы презираете меня за то, что я драгунскій корнетъ, а не студентъ?.. Но увѣряю васъ, что если бы я даже былъ монахомъ, то любилъ бы васъ не меньше. Я совсѣмъ не умѣю говорить, можетъ быть, потому, что недостаточно развитъ; но и безъ словъ ваши нервы должны подсказать вамъ, что я чувствую, когда вижу васъ. Если вы согласитесь быть моей женой, то даю слово, я сумѣю сдѣлать васъ счастливой. Если для этого нужно выйти въ отставку, я выйду. Если для этого нужно жить за границей, я буду жить за границей. Отецъ любитъ меня и я одинъ у него. Тѣ десять тысячъ годового дохода, которыя онъ получаетъ, въ сущности, мои... Когда вамъ было четырнадцать лѣтъ, я и тогда любилъ васъ такъ же, какъ и теперь. Скажите мнѣ хоть что-нибудь, чтобы я могъ надѣяться. Можетъ быть, вы любите другого?..

Меня поразило, что на этотъ разъ Всевочка почти не заикался. Страстность же его словъ, какъ и всегда, меня не тронула.

„Должно быть, я въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ неспособна любить“, подумала я и отвѣтила:

— Ничего я вамъ сказать не могу, и никого я не люблю. А говорить о вашихъ доходахъ вамъ совсѣмъ бы не слѣдовало,—я не продаю себя...

Всевочка отошелъ отъ дерева и сѣлъ возлѣ меня. Изъ жалости къ нему я не отодвинулась. Я не видѣла его лица, но въ послѣднихъ его словахъ будто послышались слезы, и мнѣ стало страшно.

— Марія Ѳедоровна, если я сказалъ глупость, то простите меня. Если вы не будете моей, то мнѣ лучше не жить. Я увѣренъ, что никто никого и никогда еще не любилъ такъ, какъ люблю я васъ. Неужели у васъ не найдется для меня хоть ласковаго словечка?

— Нѣтъ...

Всевочка вдругъ схватилъ мою руку и прижалъ ее къ своимъ сухимъ, горячимъ губамъ такъ, что мнѣ стало больно; а потомъ упалъ головою на мои колѣни и заплакалъ, вздрагивая все чаще и чаще.

Я испугалась еще сильнѣе и вскочила. Онъ продолжалъ лежать, и его длинное тѣло рѣзко выдѣлялось на сѣромъ платкѣ.

Откуда и какимъ образомъ въ это время здѣсь очутилась Надя,—я не поняла. Я только услыхала ея крикъ:

— Всеволодъ Николаевичъ, Всеволодъ Николаевичъ! не унижайтесь передъ нею. Не стоитъ она этого!..

Я бѣгомъ побѣжала по дорожкѣ, въ гору, домой. Въ столовой я наткнулась на маму. Она тревожно посторонилась, но ни о чемъ меня не спросила, зная, что я не люблю дѣлиться своими печалями и радостями.

Теперь мнѣ было жаль Нади и казалось, что она унизилась больше, чѣмъ Всевочка. Что произошло потомъ между ними, я никогда не могла себѣ представить. Спать въ одной комнатѣ съ Надей въ эту ночь я тоже не могла. Я взяла свою подушку, тихонечко прошла въ темную гостиную и прилегла тамъ на диванѣ. Сердце все еще стучало. Думалось о многомъ.

Бракъ я понимала какъ союзъ, основанный на совершенно одинаковой силѣ любви двухъ существъ. Всевочку же я не любила. Онъ казался мнѣ и не солиднымъ и не умнымъ. Всѣ его слова говорились искренно, и тѣмъ не менѣе я была увѣрена, что, ставъ моимъ мужемъ, онъ стѣснялъ бы каждый мой шагъ. Когда любишь мужчину сама, то приносить ему всякія жертвы— это наслажденіе; но когда не любишь, то это— вѣчная пытка. Мнѣ хотѣлось еще хоть одинъ-два года поучиться. Хотѣлось узнать на опытѣ, можетъ ли знаніе дать женщинѣ счастье?..

Въ шесть часовъ утра я пошла къ пруду и выкупалась. Мнѣ противно было то мѣсто, гдѣ вчера еще Всевочка валялся и цѣловалъ мои руки, и я обошла его. Нервы освѣжились. Одѣвшись, я еще погуляла въ саду. Людей не было. Тростникъ безшумно трепеталъ своими стройными листьями. Въ самой чащѣ его ровныхъ стеблей покрикивала птичка, которую у насъ называютъ „очеретянка".

Милая птичка... Чего бы я не дала, чтобы услышать ея привѣтливое чи...чи...чи... въ этомъ ужасномъ краю.

Вернувшись домой, я съѣла творогу со сметаной, сказала Домахѣ, чтобы она принесла мой зонтикъ, и пошла черезъ деревню къ батюшкѣ. Онъ сидѣлъ на крыльцѣ и читалъ газету. Глубокій старикъ, вдовецъ, батюшка интересовался всѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ, какъ молодой. Онъ предложилъ мнѣ чаю и спросилъ, почему я какъ будто блѣдная. Я отвѣтила, что объ этомъ разскажу послѣ. Мы начали обычный нашъ разговоръ о цѣли жизни для женщины. Я спорила. Онъ возражалъ мягко и чуть улыбаясь,—дескать: „поживешь—увидишь"...

Солнце поднялось уже совсѣмъ высоко, какъ вдругъ въ ворота вбѣжала Домаха и захлебываясь проговорила:

— Бога ради, идить скорійше додому,—барышня Надя помирають...

— Что?

— Кажу, барышня Надя помирають...

У меня похолодѣли ноги, и я съ мольбою посмотрѣла на батюшку.

— Идите, Марія Өедоровна, идите! сказалъ онъ.—Вѣроятно, дѣйствительно, случилось несчастье. Можетъ, и я понадоблюсь, тогда дайте знать; а пока старайтесь владѣть собою.

Почти задыхаясь, мы съ Домахой въ пять минутъ дошли до нашей усадьбы. По дорогѣ я только и успѣла спросить:

— Что же съ нею такое?

— Барыня казалы, мабудь, отрунылись...

Надя лежала на своей кровати блѣдная, точно уже умершая. Иногда она подкатывала зрачки подъ самый лобъ и чуть поворачивала голову то вправо, то влѣво. Возлѣ нея сидѣлъ нашъ земскій врачъ. Мама стояла въ дверяхъ съ кувшиномъ въ рукѣ. Пахло нашатырнымъ спиртомъ и чѣмъ-то кислымъ, отвратительнымъ. Одна шторка на окнѣ была спущена, и слышно было, какъ за ней гудѣли мухи и стучала о стекло, должно быть, оса. Потомъ пришелъ съ трясущимися руками отецъ и, кивая головой, нѣсколько разъ сказалъ:

— Ну, теперь все прошло, все прошло...

Оказалось, что Надя отравилась растворомъ сулемы, въ семь часовъ утра, но сейчасъ же испугалась и подняла крикъ. Успѣли дать рвотнаго и съѣздить за докторомъ. Меня же хватились только въ десятомъ часу. Къ вечеру Надя совсѣмъ оправилась. Мнѣ было жаль ее, но казалось, что если я съ ней еще поживу, то моимъ нервамъ придетъ конецъ. Тяжелѣе всего пришлось отцу. Вечеромъ съ нимъ случилось что-то въ родѣ легкаго удара, и потомъ онъ цѣлую недѣлю молчалъ. Надя не выходила изъ своей комнаты и тоже молчала. И когда разъ Домаха, на огородѣ, звонкимъ голосомъ запѣла на мотивъ казачка:

> Ой, мамо, хочу исты,
> Та боюсь у погрибъ лизты...

То мнѣ показалось, что она сошла съ ума. Потомъ я пришла къ другому заключенію, что, пожалуй, Домаха нормальна, а всѣ мы сошли съ ума. Всевочка, спасибо ему, не показывался.

Въ слѣдующую субботу, вечеромъ, я вошла въ комнату къ мамѣ и, въ первый разъ въ жизни, совершенно откровенно разсказала ей о томъ, что случилось недѣлю назадъ, и разсказала, какъ невыносимо тяжела для меня любовь Всевочки. Также въ первый разъ въ жизни я попросила у нея денегъ на поѣздку въ Москву, чтобы пожить у тетки и попытаться поступить на курсы.

Мама поняла меня. Я положила голову ей на колѣни, а она тихонько гладила меня по волосамъ. Ничто не отнимало у меня матери и раньше, но я съ четырнадцати лѣтъ стала дикой и боялась всякаго выраженія чувства. Хорошо мнѣ было въ этотъ вечеръ съ мамой. Должно быть, душа моя прощалась съ роднымъ домомъ. Каждая вещь въ ея комнаткѣ запоминалась особенно ясно.

Огромныя связки грибовъ въ углу, выцвѣвшія фотографіи въ круглыхъ деревянныхъ рамочкахъ, оклеенный золотой бумагой артосъ передъ потемнѣвшими иконами,—все это теперь кажется особеннымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ, а тогда казалось ненужнымъ и неинтереснымъ.

IV.

Я уѣхала черезъ два дня. У тети не было дѣтей, и она приняла меня такъ радостно, какъ я не ожидала. Немного отдохнувъ, я начала осматривать городъ и каждый день находила что-нибудь новое, очень интересное. Третьяковская галлерея и театры меня очаровали.

По воскресеньямъ у тети собиралось довольно большое общество и молодыхъ и старыхъ людей. Бывали тутъ и журналисты, и настоящіе писа-

тели, и художники, и военные. Я прислушивалась къ разговорамъ и наблюдала отдѣльныхъ личностей, и мнѣ приходило въ голову, что если вдуматься во внутреннюю жизнь мѣстной интеллигенціи, то сейчасъ же станетъ понятнымъ, почему сюда такъ рвались чеховскія три сестры.

Одно было горе—мнѣ не удалось поступить на курсы; но я рѣшила дождаться слѣдующаго учебнаго года, а пока нашла себѣ урокъ въ двадцать пять рублей. Этими деньгами я платила тетѣ за обѣдъ, и на совѣсти было весело.

У тети же я познакомилась со своимъ мужемъ Колей. Онъ былъ офицеръ, и это сразу не расположило меня къ нему. Шпоры напоминали Всевочку. Тѣмъ не менѣе мы съ Колей разговаривали и съ каждой новой встрѣчей все дольше. На меня произвело сильное впечатлѣніе его замѣчательно простое и замѣчательно ясное доказательство того, что умъ и глупость, симпатичность и несимпатичность человѣка, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, не зависятъ отъ его профессіи. Я согласилась съ этимъ, но съ этого момента начала считать всѣхъ артиллеристовъ умными, потому что Коля былъ артиллеристъ.

Затѣмъ онъ убѣдилъ меня, что на тотъ и на другой путь ставятъ людей, не сами они себя, а воспитаніе и вся ихъ прошлая жизнь. И хвалить человѣка за то, что онъ присяжный повѣренный, а не чиновникъ, такъ же нелѣпо, какъ и бранить кого-нибудь за то, что онъ брюнетъ, а не блондинъ. Что каждый находится въ колоссальной зависимости отъ наслѣдственности и денегъ... И только исключительныя индивидуальности могутъ съ этимъ не считаться, а большинство, при неблагопріятности этихъ условій, погибаютъ, какъ мухи безъ свѣта и тепла...

Я разсказала ему о Надѣ и Всевочкѣ,—о томъ, что они мнѣ несимпатичны. И снова Коля доказалъ мнѣ, какъ дважды два четыре, что Надя со всѣмъ ея характеромъ есть результатъ тѣхъ условій, которыя окружали ее съ момента зачатія и до настоящаго дня.

Правъ былъ Коля или не правъ, но слушать его слова мнѣ было пріятно, какъ хорошую музыку.

Послѣ Рождества мы рѣшили повѣнчаться. Такъ и сдѣлали.

Съ тѣхъ поръ, какъ я вышла замужъ, у меня было тяжело на душѣ только три раза. Въ концѣ января я получила телеграмму о смерти отца. Благодаря гололедицѣ и заносамъ, она попала ко мнѣ въ руки, когда я уже не могла поспѣть на похороны. Весной мама написала мнѣ, что наша усадьба и земля проданы съ аукціона, и въ остаткѣ на долю ея и Нади получилось только три тысячи рублей. Послѣ Пасхи Надя съ мамой тоже переѣхали въ Москву и наняли себѣ крохотную квартирку на Щипкѣ. Въ сентябрѣ умерла и мама, и Надя стала жить у насъ.

О Всевочкѣ мы съ ней никогда не говорили, точно молчаливо условились объ этомъ.

Слава Богу, онъ пересталъ мнѣ писать совсѣмъ, а только снился. Когда я говорила объ этомъ мужу, онъ моталъ головой и добродушно улыбался.

Я глубоко была убѣждена, что не увижу Всевочку уже никогда. И вотъ теперь, черезъ три года, гдѣ-то на краю свѣта, въ Никольскѣ, Всевочка опять сидѣлъ возлѣ меня. Ужасно это было странно.

V.

— А вы давно здѣсь? спросилъ наконецъ Всевочка.

— Порядочно.

— Боитесь за мужа?

— Вы были въ огнѣ, видѣли все сами и можете представить себѣ лучше, есть ли основаніе бояться.

— Да...

Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нимъ говорили, но и теперь въ нашихъ голосахъ уже зазвучала легкая пикировка. Надя, охвативъ колѣни, сидѣла не двигаясь. Казалось, будто она увидѣла выходца съ того свѣта и все еще не вѣрила своимъ глазамъ. Я оправилась скорѣе и, взявъ равнодушный тонъ, спросила:

— Какъ вы думаете, скоро окончится война?

— Никто и ничего не можетъ предсказать. Я думаю, что не скоро.

Къ нашему прошлому мы словно боялись притрогиваться. Всевочка только сказалъ, что перевелся въ другой полкъ, чтобы попасть въ дѣйствующую армію; но и теперь, когда онъ уже выбылъ изъ строя, ему не хочется возвращаться въ Россію. Онъ посидѣлъ еще съ полчаса и сталъ раскланиваться.

— Заходите, пожалуйста!.. сказала я.

Мягко звякнули шпоры, и знакомая фигура стушевалась въ темнотѣ. Когда мы съ Надей вошли въ комнату, молчать было уже трудно.

— Вѣдь это судьба... съ глубокимъ волненіемъ въ голосѣ произнесла Надя.

— Какая тамъ судьба!.. А если и судьба, то не одного Холодова, а всѣхъ военныхъ.

Я поскорѣе легла спать. Сердце немного тревожилось. На слѣдующій день отъ Коли получилось хорошее письмо, и прочитавъ его, я почувствовала потребность быть ласковой со всѣми окружающими. Испуганное выраженіе съ лица Нади не сходило. Когда стемнѣло, Всевочка опять пришелъ. Мы пили чай на выходившемъ въ садъ балконѣ. Было такъ тихо, что лампа не мигала.

— Что же вы думаете дѣлать, когда вернетесь въ Россію? спросила я.

— Вѣ-ѣроятно, хозяйничать въ деревнѣ. Папаша постарѣлъ сильно. Только еще не ско-оро.

— Почему бы вамъ не уѣхать теперь на свой счетъ? Вѣдь рана вамъ не мѣшаетъ?

— Не мѣша-аетъ. Я и самъ не знаю... Можетъ, еще вернусь въ полкъ.

— Да васъ не примутъ.

— Не-е знаю...

Я набралась храбрости и шутливо спросила:

— Ну, а ухаживать вы больше не собираетесь?

— Нѣ-ѣтъ... Я теперь сталъ такой смирнюша... Анненскій темлякъ получилъ,—неудобно, знаете... и онъ тоже засмѣялся.

Пробило двѣнадцать, а Всевочка не уходилъ. Я выпила еще стаканъ чаю, извинилась и пошла спать. Надя осталась съ нимъ вдвоемъ. И онъ сталъ бывать у насъ каждый день, какъ и три года назадъ, но въ любви мнѣ не объяснялся и дѣйствительно былъ, по его выраженію, „смирнюша".

А война все тянулась. Каждый новый день приносилъ извѣстія о новыхъ тысячахъ людей, стертыхъ съ лица земли. Колѣ везло: онъ не былъ даже раненъ, хотя участвовалъ въ двухъ отчаянныхъ сраженіяхъ. Я дрожала, читая его письма. Они были коротки, какъ телеграммы, но краткость эта казалась страшнѣе иной газетной корреспонденціи.

Изболѣвшійся организмъ часто перестаетъ реагировать на самые сильные наркотики. Такъ и мнѣ казалось, что рѣшительно ничего не можетъ произойти на свѣтѣ, внѣ войны, чтобы могло меня взволновать, заинтриговать или удивить.

И дѣйствительно, я не была очень поражена, когда однажды вечеромъ Всевочка пожелалъ мнѣ спокойной ночи, а потомъ затоптался на мѣстѣ и не сразу выговорилъ:

— Д-да, Марія Өедоровна, я долженъ еще вамъ сказать ба-альшущую новость... Видите ли, мы съ Надеждой Өедоровной хотимъ пожениться... и въ са-амомъ непродолжительномъ времени, во-овторой половинѣ августа.

— Вы это серьезно?

— Са-авершенно серьезно... и онъ какъ-то безпомощно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

Въ лѣвомъ ухѣ у меня зазвенѣло. Но волненіе быстро улеглось. Я подумала: „Это возмездіе. Они будутъ счастливы здѣсь, возлѣ меня, и, вѣроятно, уже до конца жизни, тихой и радостной. А я каждый день буду ждать телеграммы или письма, каждый день могу узнать, что Коля уже не существуетъ. Я никогда уже не взгляну на родную усадьбу, на Домаху, на милаго нашего деревенскаго батюшку; а Надя будетъ жить въ пяти верстахъ отъ всего этого и полной хозяйкой... А я, можетъ быть, уже никогда не поцѣлую Колю"... И мнѣ опять стало до крика страшно.

— Ну, что же, это ваше дѣло. Пошли вамъ Богъ... отвѣтила я, стараясь произносить слова спокойно.

Всевочка еще разъ какъ-то церемонно поклонился и ушелъ. Съ Надей мы встрѣтились въ спальнѣ. Какъ будто не произошло ничего особеннаго. Мы говорили о томъ, что китаецъ плохо моетъ бѣлье, и слѣдовало бы его отдавать настоящей прачкѣ. Когда Надя легла въ постель, то спросила:

— Ты, конечно, уже знаешь?

— Да. Какъ это случилось?

— Я и сама не понимаю. Онъ говорилъ, что у каждаго человѣка, кромѣ кровныхъ родныхъ, есть еще родные по духу, и жить безъ нихъ такъ же тяжело, какъ и безъ родныхъ настоящихъ. Онъ говорилъ, что для него наша семья самое чистое и самое дорогое, что есть на свѣтѣ, и что весь смыслъ его жизни во мнѣ...

Надя немного замялась и потомъ продолжала:

— Ну, онъ говорилъ, что лучше бы его убили при Вафангоу, чѣмъ жить безъ меня и безъ... А потомъ сказалъ: „Надежда Өедоровна, я все помню... Давайте повѣнчаемся, поѣдемъ въ родныя мѣста... Будемъ тамъ кататься въ санкахъ, а весною соловьевъ слушать. Я знаю, и папа будетъ радъ моему выбору. Только скажите: согласны вы или нѣтъ,—но сейчасъ же, теперь же, а не мучьте". Я сказала—да. Всевочка поцѣловалъ мою руку, а затѣмъ мы рѣшили, что объ этомъ должна знать и ты.

— Согласись, что твоя свадьба нѣсколько несвоевременна, сказала я и испугалась отъ мысли, что Надя можетъ обидѣться.

— Но согласись также, что и я имѣю нѣкоторое право на личное счастье, отвѣтила она.

Я пожала плечами.

— Повѣрь мнѣ, дорогая Надя, что никто тебѣ не желаетъ такъ искренно счастья, какъ я. Но будетъ ли оно? Правда, Всевочка очень богатъ, но этого еще недостаточно. Кромѣ того, ты не можешь не сознавать, что все это произошло такъ неожиданно, такъ странно. Я боюсь за тебя.

— А я не боюсь...

Съ каждой новой фразой голосъ Нади мѣнялся: изъ нерѣшительнаго онъ мало-по-малу перешелъ въ настойчивый, почти упрямый.

Я чувствовала, что она не хочетъ разсуждать и ухватилась за мысль о замужествѣ чисто инстинктивно. Съ этого времени Надя стала гораздо живѣе и, что меня особенно удивляло, старалась одѣваться какъ можно изящнѣе. Она сама съѣздила во Владивостокъ, купила себѣ двѣ шляпы, накидку, духовъ и бѣлые ботинки, которые дѣлали ея большую ногу еще уродливѣе.

Иногда Надя напоминала мнѣ ребенка, которому на именины обѣщали подарить давно желанную игрушку, и съ приближеніемъ этого дня онъ со страхомъ думаетъ: „А что, если эта мечта почему-нибудь не осуществится?"

Она стала худо спать. Однажды мы заговорились до разсвѣта и я едва дождалась, пока Надя задремала. Какъ вдругъ подъ окномъ раздался хриплый голосъ китайца, продавца рыбы:

— Ли-пааа!..

Надя вскочила на постели и забормотала:

— Что, что?

— Ничего. Манза кричитъ, отвѣтила я.

— Господи, какъ я испугалась!

Она прошла босикомъ черезъ комнату и, сильно стуча графиномъ о стаканъ, налила себѣ

воды. Когда она пила, ея шея казалась особенно тонкой, а через рубаху виднѣлись позвонки спинного хребта. Испуганная, растрепанная, съ плоскою грудью, она была ужасно некрасива.

„И через нѣсколько недѣль Всевочка будетъ обнимать это тѣло“, подумала я. „Значитъ, онъ любитъ ея душу, и это хорошо. И вотъ, пожалуй, у Нади будутъ дѣти, будетъ дѣйствительно счастье. А Колю могутъ убить“...

Меня передернуло. Я укрылась одѣяломъ съ головою, перекрестилась и пробормотала: „Господи помилуй, Господи помилуй!“

VI.

Мы стали готовиться къ свадьбѣ, то-есть, приводить въ порядокъ гардеробъ Нади и ходить примѣрять вѣнчальное платье. Всевочка сидѣлъ у насъ съ утра до вечера, но со мной говорилъ мало, а встрѣчаясь глазами, сейчасъ же опускалъ вѣки. Я ни разу не замѣтила, чтобы онъ обнялъ или поцѣловалъ Надю. Его рука поджила, но кисть ея такъ и не разгибалась и была синеватаго цвѣта. Это обстоятельство, повидимому, его мало трогало.

Отъ Коли давно не было писемъ, и я мучилась. Надя мнѣ казалась сумасшедшей, и если бы я вздумала подѣлиться съ нею своимъ горемъ, то, вѣроятно, оно стало бы еще острѣе. Причесываясь утромъ передъ зеркаломъ, я замѣтила, какъ я похудѣла и подурнѣла. Весь міръ теперь для меня не существовалъ. Если бы Всевочка и Надя сказали мнѣ, что они рѣшили вмѣсто того, чтобы жениться, другъ друга убить, то, кажется, и это бы меня не тронуло. Я послала Колѣ телеграмму съ оплаченнымъ отвѣтомъ, но отвѣта не было. Такъ тянулось еще цѣлый мѣсяцъ.

Наконецъ, пришло письмо. Оно было страстное, любящее, и въ одинъ день оживило меня, хотя, читая его, я не могла удержаться отъ слезъ.

Въ этотъ годъ я выучилась двумъ вещамъ: плакать и молиться.

У Всевочки не ладилось со священникомъ. Нехватало какихъ-то документовъ. Чтобы убѣдить его окончательно, что онъ не родственникъ Нади, Всевочка привелъ батюшку ко мнѣ.

— Такъ не родственникъ? переспросилъ онъ меня.

— Нѣтъ.

— И не свойственникъ?

— Нѣтъ.

— Охъ, что-то женихъ какъ будто похожъ на васъ...

— На меня? удивилась я.

— Да, да. Выраженіе глазъ такое и въ губахъ есть что-то общее.

— Увѣряю васъ, что между нами нѣтъ ни малѣйшаго родства.

— Ну, хорошо. Вѣрю, вѣрю... А если мнѣ придется, благодаря вамъ, сѣять муку въ монастырѣ, то нехорошо будетъ.

— Да нѣтъ же...

Всевочка и Надя вѣнчались тридцать перваго августа. Шаферами были пожилой уже драгунскій ротмистръ, взятый изъ запаса, и стрѣлокъ подпоручикъ. Изъ женщинъ, кромѣ меня, въ церковь пришла только наша знакомая старушка Анна Павловна. У нея сынъ былъ уже подполковникъ и тоже находился въ дѣйствующей арміи. Познакомилась я съ ней въ церкви, и съ ней одной я только и могла говорить и чувствовала, какъ она понимаетъ мою тоску.

Священникъ поздравилъ молодыхъ. Я крѣпко поцѣловала Надю въ губы, а Всевочку въ лобъ; онъ почтительно приложился къ моей рукѣ. Потомъ я подумала: „Какъ странно... Если бы еще два мѣсяца назадъ мнѣ кто-нибудь сказалъ, что я поцѣлую Всевочку, даже въ голову, то я бы только искренно засмѣялась. Теперь же приходилось убѣждаться, что на этомъ свѣтѣ все возможно“.

Замужество Нади мало измѣнило нашу жизнь. Только на кухнѣ, кромѣ китайца боя и таракановъ, появился еще денщикъ и оклеилъ стѣну надъ своей койкой невѣроятными картинами.

Надину кровать перенесли въ другую комнату, и я часто оставалась ночевать у Анны Павловны. Всевочка числился въ отпуску и зналъ, что для службы онъ больше негоденъ, но медлилъ подавать въ отставку и не собирался въ Россію. Надя была такая же, только иногда, безъ всякаго повода, сильно краснѣла.

Осень наступила великолѣпная, какая бываетъ на южномъ берегу Крыма въ октябрѣ. Коля писалъ чаще. Послѣдней новостью было извѣстіе, что онъ прикомандированъ къ одному изъ корпусныхъ штабовъ. По тону письма можно было заключить, что Коля этимъ недоволенъ; но я радовалась и была убѣждена, что тамъ меньше опасности.

Иногда мнѣ дѣлалось стыдно. Припоминалось, что раньше я говорила Аннѣ Павловнѣ, будто меня давятъ не только мысли о судьбѣ мужа, а также и о тѣхъ тысячахъ, которыя полегли и еще полягутъ въ Манчжуріи и никогда не вернутся домой. Теперь эти тысячи продолжали умирать, а я уже могла думать о томъ, какое надѣну платье, когда пойду въ церковь. И это происходило только потому, что окрѣпла моя надежда на спасеніе дорогого человѣка.

Случалось, что до слезъ хотѣлось чего-нибудь новаго, радостнаго. Я со злобою смотрѣла на добродушныя лица китайцевъ и не разсуждая ненавидѣла, какъ мнѣ казалось, за глупость переселенцевъ, добровольно поѣхавшихъ въ этотъ край.

„Пройтись бы теперь съ Колей подъ руку по Тверской; съѣздить бы подъ вечеръ на лихачѣ на тихое кладбище Ново-Дѣвичьяго мо-

настыря; просмотрѣть бы книжку журнала, отъ которой еще пахнетъ типографской краской... Надю и Всевочку все это ждетъ скоро и навѣрное, а меня не скоро и не навѣрное. И чего они здѣсь сидятъ? Не хотятъ оставить меня одну? Но зачѣмъ они мнѣ, со своей странною любовью, и зачѣмъ я имъ?“ думала я.

VII.

День Надиныхъ именинъ Всевочка рѣшилъ отпраздновать особенно. Онъ пригласилъ бывшаго у него шаферомъ ротмистра и уговорилъ меня уѣхать на цѣлый день, за четыре станціи, въ такъ называемую „Сѣданку“, дачную мѣстность, куда на лѣто переѣзжаютъ жители Владивостока и Никольска. Я согласилась. Ужасно страннымъ только мнѣ казалось, что здѣсь, во время войны, могутъ еще быть какія-то дачи и дачники.

— Увѣряю васъ, тамъ чудесно! горячился Всевочка.

— Воображаю!..

— Н-ну, вотъ у-увидит-те!

Утромъ не было пассажирскаго поѣзда по направленію къ Владивостоку. Но ротмистръ и это уладилъ. Онъ два раза побывалъ въ управленіи дороги и, въ результатѣ, намъ обѣщали прицѣпить вагонъ третьяго класса къ товарному поѣзду.

Удивительный человѣкъ былъ этотъ ротмистръ. Говорилъ онъ мало, а все улыбался. Сдѣлать кому-нибудь пріятное для него было высшимъ наслажденіемъ. Однажды я въ шутку сказала, что мнѣ хотѣлось бы съѣсть домашняго сухого варенья. Черезъ два дня ротмистръ принесъ огромную коробку этого варенья и ни за что не хотѣлъ сказать, какимъ образомъ онъ его досталъ. Пилъ онъ много, но совсѣмъ не пьянѣлъ. Дома онъ могъ только спать и одиночества вообще не выносилъ. Солдаты его любили и, какъ я слыхала отъ Всевочки, называли его между собою Вильгельмомъ, вѣроятно, за слишкомъ поднятые вверхъ усы и огромный ростъ.

Шестнадцатаго сентября, вечеромъ, мы съ ротмистромъ изготовили большую корзину съ провизіей и виномъ. На слѣдующее утро я встала рано. Поѣздка на вокзалъ, да еще съ вещами, меня взволновала. Въ этотъ день я особенно ясно почувствовала, что разумъ и душа живутъ въ человѣкѣ отдѣльною жизнью. Разумъ говорилъ: „Проѣдете четыре станціи, погуляете и назадъ вернетесь“. А душа трепетала и пѣла: „Наконецъ-то ѣдемъ домой, наконецъ-то мимо опять бѣгутъ телеграфные столбы, множество станцій минуемъ, утомимся, а въ Москвѣ будемъ“...

На платформѣ „Сѣданки“ было пусто. Слѣва шумѣлъ прибой и открылся огромный заливъ моря. Мы подозвали носильщика корейца, такъ называемаго „ирбо“, и онъ, поскрипывая корзиной, пошелъ впередъ.

Всевочка бывалъ здѣсь и раньше и повелъ насъ по пути узкоколейной дороги, построенной для вывоза дровъ изъ тайги. Итти было удобнѣе въ затылокъ, и я машинально переступала ногами по шпаламъ за широкой, какъ стѣна, спиной ротмистра.

Мы перешли по мосткамъ надъ узкой, быстрой и чистой рѣченкой.

— Здѣсь форели должны быть, сказалъ ротмистръ,—непремѣнно достану...

За мостомъ, слѣва, стоялъ небольшой домикъ о трехъ окнахъ, съ облупившимися стѣнами. Его окружалъ на скорую руку сбитый заборъ, сквозь доски котораго былъ виденъ грязный дворъ и полоскавшійся въ лужѣ гусь.

— Это уже дачи начинаются? спросила Надя.

— Нѣтъ, но это замѣчательная избушка и въ ней живутъ замѣчательные люди, сказалъ Всевочка.

— Чѣмъ же они замѣчательны?

— Да... ви-идишь ли, здѣсь обитаетъ одна женщина, бывшая ссыльно-каторжная и когда-то замѣчательная красавица, хотя и крестьянка. Ну-съ, и вотъ она жи-иветъ, такъ сказать, съ двумя мужьями одновременно, и д-дѣло въ томъ, что всѣ трое очень довольны. Пришла же она на Сахалинъ за убійство мужа, котораго тоже очень любила. Одинъ изъ теперешнихъ ея мужей лѣсной сторожъ, а другой на желѣзной дорогѣ служитъ. Я какъ-то былъ здѣсь на охотѣ и заходилъ къ нимъ напиться воды, потому все это и знаю.

— Нечего сказать, молодцы... произнесъ ротмистръ.

— Подобныя исторіи возможны только въ этомъ, Богомъ проклятомъ, краю, сказала я.

— А мнѣ ка-ажется, что подобныя исторіи возможны вездѣ, гдѣ только сердце человѣческое умѣетъ любить во всю... отвѣтилъ Всевочка, отчеканивая каждое слово, особенно ясно.

Затѣмъ всѣ шли молча, и я была увѣрена, что каждый изъ насъ въ это время думалъ о той женщинѣ и ея двухъ любовникахъ. Миновали нѣсколько плохенькихъ дачъ, перешли еще одинъ мостъ и, двигаясь по долинѣ все той же рѣченки, очутились въ настоящей тайгѣ.

Я выросла въ Малороссіи, среди деревьевъ, цвѣтовъ и возлѣ воды. И, съ тѣхъ поръ какъ вышла замужъ, видѣла все это только изъ окна вагона. Теперь я глядѣла вокругъ себя, впередъ, и думала, что осень, пожалуй, самое красивое изъ временъ года.

Справа и слѣва, густою стѣной пестрѣли ярко-оранжевые, голубоватые, фіолетовые, темнокрасные и совсѣмъ золотые листья. Много ихъ упало на землю и они мягко шелестѣли подъ ногами. Тонкіе стволы невысокихъ и самыхъ разнообразныхъ деревьевъ почти сплетались. Впереди подымались, къ самому небу, гранитные уступы сопки, и ближайшія впадины казались синими, а далекія—лиловыми. Кое-гдѣ, изъ трещинъ выступалъ яркій стволъ сосны,

широко разставившей свои темныя вѣтви. Волнистые контуры сопокъ рѣзко очерчивались на блѣдно-голубомъ, безъ единаго облачка, небѣ.

Дорожка, по которой мы шли, все время извивалась и дальше была видна только на нѣсколько саженей. Раза два перебѣгали фазаны и слышно было, какъ шуршали по сухимъ стеблямъ ихъ хвосты. Дышалось легко. Запахъ вяленыхъ листьевъ щекоталъ обоняніе и точно эфиръ немного опьянялъ.

Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ и очутились на просторѣ, снова возлѣ рѣченки. Изъ расщелины вдругъ очутившейся передъ нами гранитной стѣны сбѣгала широкой струей свѣтлая вода. Внизу громоздились большіе гранитные обломки, и между ними образовалось озерцо.

Всевочка и ротмистръ остановились. Всѣ рѣшили, что лучшаго мѣста для отдыха и найти трудно. Ирбо молча поставилъ корзину на камни и глубоко вздохнулъ.

Я никакъ не могла представить себѣ, что такъ близко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ земля пропитана кровью, а воздухъ насыщенъ запахомъ разлагающихся труповъ, — можетъ быть такая красота. Я съ жадностью глядѣла вокругъ себя и думала: „Вотъ бы такую декорацію написать для „Потонувшаго колокола!"

VIII.

Въ первыя минуты, когда застучали тарелки и захлопали пробки, мнѣ стало досадно. Куда только ни явится человѣкъ, сейчасъ набросаетъ окурковъ, крошекъ, бумажекъ и осквернитъ своимъ языкомъ молчаніе горъ и деревьевъ...

— Ну что, правда, здѣсь хорошо? спросилъ Всевочка.

— Не вредно, сказалъ ротмистръ.

— А тебѣ, Надя, нравится здѣсь?

— Нравится.

Начали ѣсть и говорили мало. Надя дѣлала Всевочкѣ бутерброды и клала ихъ прямо ему въ ротъ; онъ ловко подхватывалъ локтемъ падавшіе кусочки. Раскупорили шампанское и выпили за здоровье именинницы. Надя закашлялась и виновато улыбнулась. Я только пригубила свой стаканъ. Всевочка и ротмистръ выпили почти три бутылки и дали стопочку ирбо, который, какъ и Надя, закашлялся. Затѣмъ всѣ мы рѣшили еще пойти вглубь тайги, но не по рельсамъ узкоколейной дороги, а прямо по тропиночкѣ.

Случилось такъ, что пока я прятала въ корзину стаканы и непочатую коробку консервовъ, Надя и ротмистръ ушли впередъ. Всевочка остался и ждалъ меня.

— Довольно вамъ уже хозяйничать, сказалъ онъ,—идемте гулять...

— Ну, идемте!

Я спѣшила и хотѣла догнать Надю.

— Марія Ѳе-едоровна, куда вы, ей Богу, такъ летите? сказалъ Всевочка. — Вѣдь намъ не на па-а-жаръ поспѣть нужно. Лучше такъ: рразъ, дваа...

Я ничего не отвѣтила и пошла тише. Тропинка все суживалась. Наши локти и плечи часто сталкивались. Всевочка предложилъ мнѣ руку, и я взяла ее. Я думала о томъ, что если на насъ теперь нападутъ хунхузы и убьютъ, то выйдетъ такъ, что наши трупы найдутъ вмѣстѣ, и это будетъ величайшая иронія судьбы надъ человѣческой волей.

— Кажется, съ тѣхъ поръ, какъ существую на свѣтѣ, еще никогда такъ хорошо себя не чувствовалъ. Ей Богу!.. сказалъ Всевочка.

— Просто вы лишнее выпили, и у васъ явился нѣкоторый подъемъ духа.

— Н-нѣтъ. Для меня это пустяки...

Мы снова пошли молча. Я сердилась на ротмистра и Надю, и думала о томъ, куда они пропали.

— Марія Ѳеодоровна, какъ вы думаете, говорилъ ли когда-нибудь кто-нибудь любимой женщинѣ самую сущую правду? спросилъ Всевочка вдохновеннымъ голосомъ, и глаза его заблестѣли.

— Не понимаю вашего вопроса.

— Ну, вотъ, видите ли, если мужъ и жена любятъ другъ друга, то можно ли предположить, что онъ знаетъ все ея прошлое, а она его, ну и, само собой разумѣется, и настоящее?

— Конечно.

— А я вамъ скажу, что этого никогда не бываетъ и быть не можетъ. Вотъ вы думаете, что знаете исторію всей жизни вашего супруга; но навѣрное въ ней есть такіе уголки, о которыхъ онъ вамъ никогда не скажетъ. Надя тоже думаетъ, что знаетъ мою жизнь, такъ какъ она, вся почти, прошла у нея на глазахъ... И тѣмъ не менѣе, Надя не знаетъ, что женился я на ней только потому, что люблю васъ...

Кровь прилила мнѣ въ голову. Я до сихъ поръ не могу себѣ объяснить почему я, вмѣсто того, чтобы оборвать его, продолжала слушать эти страшныя слова.

— ...Когда вы вышли замужъ, то этимъ самымъ для меня была потеряна всякая возможность сдѣлаться близкимъ вамъ человѣкомъ. Въ тотъ годъ я проигралъ и прокутилъ три тысячи наличными и почти столько же сдѣлалъ долгу, кромѣ денегъ, полученныхъ отъ отца. У меня была на содержаніи самая красивая женщина во всемъ городѣ; обнимая ее, я закрывалъ глаза и представлялъ себѣ васъ! Я слѣдилъ по приказамъ за каждой перемѣной въ службѣ вашего мужа... Какъ только я узналъ, что вы ѣдете сюда, я съ величайшими трудностями добился перевода въ полкъ, который уходилъ на Дальній Востокъ. Я люблю жизнь, но смѣю васъ увѣрить, что мысль о смерти не пугала меня потому, что я надѣялся, прежде чѣмъ умереть, увидѣть васъ. Я любилъ

и люблю васъ до сумасшествія, а сумасшедшіе, какъ извѣстно, умѣютъ хитрить, кромѣ того, они отличные актеры. Развѣ за эти два мѣсяца я выдалъ себя хоть однимъ словомъ, хоть однимъ движеніемъ? Я велъ себя смирнюшей, слушалъ Надины глупости, а самъ думалъ о томъ, что вы теперь раздѣваетесь въ спальнѣ...

— Ранѣ своей я даже обрадовался. Подъѣзжая въ вагонѣ къ Никольску, я уже зналъ навѣрное, что увижу васъ. Отъ одной этой мысли у меня закружилась голова, и я чуть не упалъ съ площадки вагона. Докторъ приписалъ это недавней потерѣ крови, которой, нужно сказать, вышло далеко не такъ много. Если вашъ супругъ вызоветъ меня на дуэль и убьетъ, то я буду радъ умереть изъ-за васъ. Такъ или иначе, но теперь я вамъ близокъ и по праву родственника; каждый день буду видѣть васъ, — не мою самую дорогую, не мою...

— Всеволодъ Николаевичъ, вы пьяны! пробормотала я и почувствовала, какъ гнутся мои колѣни отъ страха.

— Н-нѣтъ, не моя дорогая, я не пьянъ, а если и пьянъ, то только вашимъ присутствіемъ. Знаете ли, самымъ сладкимъ моментомъ въ моей свадьбѣ былъ вашъ поцѣлуй въ голову, онъ пришелся почти въ щеку,—вспомните; и это я сдѣлалъ нарочно...

Онъ крѣпко сжалъ своей лѣвой рукой мою руку и хотѣлъ ее поцѣловать, но я рванулась въ сторону.

— Всеволодъ Николаевичъ! если вы скажете еще хоть одно слово или сдѣлаете движеніе, я закричу. Я буду просить защиты у ротмистра.

Всевочка покраснѣлъ до волосъ, опустилъ глаза и будто очнулся. Я остановилась и быстро овладѣла собою. Отъ мысли, что вотъ-вотъ изъ-за деревьевъ могутъ показаться ротмистръ и Надя,—мнѣ стало жарко. Я старалась говорить тихо, но скоро и отчетливо. Я пользовалась своей властью надъ нимъ.

— Дайте мнѣ слово, что вы не произнесете больше ни звука о томъ, о чемъ не имѣете нравственнаго права говорить.

— Даю... сказалъ онъ.

— Мало того, вы должны мнѣ обѣщать, что исполните все, о чемъ я вамъ сейчасъ скажу. Обѣщаете?

— Обѣщаю... отвѣтилъ онъ и низко опустилъ голову.

— Ну, смотрите же, иначе я васъ буду презирать, какъ совсѣмъ безвольнаго человѣка. Оставаясь здѣсь, вы будете, вольно или невольно, издѣваться надъ чувствомъ Нади,—я вамъ этого не позволю. Въ недѣльный срокъ вы съ нею должны уѣхать въ Россію,—скажите, что это необходимо для лѣченія вашей раны. Затѣмъ, Надя никогда не должна узнать о томъ, о чемъ сегодня вы имѣли безуміе мнѣ говорить. Только на этихъ условіяхъ я буду считать васъ родственникомъ и буду разговаривать съ вами въ присутствіи третьихъ лицъ, но никогда одинъ-на-одинъ. А теперь идемте назадъ...

Мы повернули. Сердце мое еще сильно стучало. Теперь для меня не существовало больше ни тайги съ разноцвѣтными листьями, ни голубыхъ сопокъ, ни яснаго неба. Почему-то пришло въ голову, что, можетъ быть, въ эти самыя минуты Коля подвергается смертельной опасности.

— А-а-а!.. пропѣлъ сбоку голосъ ротмистра.

— Вы тутъ, кажется, безъ насъ, флиртомъ стали заниматься? Гдѣ же вы были? Мы васъ искали, искали!..

— А мы васъ искали... сказала я твердымъ голосомъ.

Надя покраснѣла и кусала губы. Всевочка срывалъ съ ближайшаго дерева листокъ за листкомъ и молчалъ. Оказалось, что ротмистръ и Надя пошли не прямо, а въ сторону, и потому мы ихъ не могли догнать. Я силилась рѣшить вопросъ, былъ ли ротмистръ въ заговорѣ со Всевочкой, или все это вышло случайно?

— Ну, господа, теперь идемте на станцію... сказала я.—Ваше шампанское сдѣлало то, что у меня разболѣлась голова.

Я лгала. Да, лгала. Мучительно это было сознавать.

— Позвольте, милостивая государыня, сказалъ ротмистръ:—я благородный свидѣтель того, что вы выпили едва половину стопочки, а отъ этого не заболитъ голова и у малаго ребенка.

Я ничего не возразила и подумала: „Онъ или зналъ, или предполагаетъ, что Всевочка говорилъ со мною о своей глупой любви“.

Остальная часть дня прошла томительно и неинтересно. Мы очень долго ждали поѣзда и всѣ лица были грустны. Радовался одинъ ирбо, который получилъ въ подарокъ корзину со всѣмъ въ ней оставшимся.

Ночью я долго не могла уснуть и думала о Всевочкѣ: „Возможно, что въ это время онъ обнимаетъ Надю и мысленно представляетъ себѣ меня. И никакъ этого не узнаешь, и ничего противъ этого не подѣлаешь!.. Уѣзжалъ бы поскорѣе съ глазъ долой“... Никогда онъ еще не казался мнѣ такимъ несчастнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ отвратительнымъ, какъ въ этотъ день.

IX.

Всевочка слово сдержалъ. Но все время, до ихъ отъѣзда, было моимъ сплошнымъ мученіемъ. Мнѣ казалось, что если Всевочка поѣхалъ сюда, имѣя полную возможность остаться въ Россіи, если онъ потерялъ руку, то косвенно въ этомъ виновата я. Если онъ женился на старшей себя и нелюбимой женщинѣ, то въ этомъ тоже виновата я. Если, черезъ три-четыре года, Надя станетъ еще несчастнѣе, чѣмъ была, то и въ

этомъ моя вина. И въ то же время я сознавала, что моя воля здѣсь ни при чемъ.

Надя оживилась. По вечерамъ она съ любовью устилала газетной бумагой сундуки, чистила бензиномъ Всевочкины тужурки и брюки, а днемъ ходила по магазинамъ. Я завидовала ей. Писемъ отъ Коли снова не было, а я все ждала ихъ и по ночамъ плакала.

Всевочка и Надя уѣхали въ субботу, въ три часа дня. На вокзалѣ онъ ходилъ скорымъ шагомъ, бранилъ деньщика и потерялъ багажную квитанцію. Послѣ третьяго звонка мы съ Надей крѣпко поцѣловались. Всевочка не поцѣловалъ мнѣ даже руки, но на глазахъ у него были слезы. Сдавило горло и у меня. Когда поѣздъ тронулся, то мнѣ казалось, будто двинулось какое-то необычайное погребальное шествіе.

Дома жизнь стала невыносимой. Равнодушное выраженіе лица боя-китайца злило. Мнѣ опять стало казаться, что я схожу съ ума. На дворѣ захолодало. По вечерамъ было совсѣмъ жутко. Я ужасно обрадовалась, когда однажды, послѣ вечерни, Анна Павловна предложила мнѣ переѣхать къ ней. Какъ разъ въ этотъ день принесли телеграмму отъ Коли: „Здоровъ, цѣлую“. А я ждала письма, въ которомъ бы онъ разсказалъ подробно все, что тамъ думаетъ и переживаетъ...

У Анны Павловны чувствовалось немного лучше: душевная боль перешла изъ острой въ тупую. Въ четыре часа мы обѣдали, а потомъ зажигали лампу и переходили въ гостиную, за круглый, покрытый плюшевой скатертью, столъ. Поминутно поправляя очки, Анна Павловна раскладывала пасьянсъ, а я глядѣла на дверь и все ждала, ждала...

Б. Лазаревскій.

ВЪ ДОРОГѢ.

Этюдъ.

Мнѣ вспоминается осенняя степь и гладкая, твердая дорога, по которой мы ѣхали на тройкѣ въ рессорномъ экипажѣ съ поднятымъ кожанымъ верхомъ. Ночь была свѣтлая, лунная, но по осеннему холодная, ядрено-прозрачная.

Луна, круглая и тоже какъ бы прозрачная,— плыла высоко въ зеленовато-матовомъ небѣ и далеко освѣщала холодную степную даль... Безжизненная, безмолвная степь, полная грустной тишины, освѣщенная мертвеннымъ свѣтомъ, казалась теперь еще таинственнѣе, еще шире и размашистѣе, чѣмъ днемъ.

Торжественную тишину нарушали только мы: рессоры мягко похрустывали, копыта лошадей мѣрно ударяли въ звонкую дорогу, да цѣлый рой бубенчиковъ словно летѣлъ и вился надъ лошадьми и назойливо пѣлъ что-то однообразное, пустое и безпечное...

Мой спутникъ дремалъ или о чемъ-то думалъ, а кучеръ Аѳанасій далъ полную волю быстрой, рѣзвой тройкѣ, и я смотрѣлъ, какъ летѣли мы, будто на орлиныхъ крыльяхъ, и какъ мчалась навстрѣчу намъ ровная, серебристая степь. И казалась она полной таинственныхъ чудесъ и волшебныхъ сказокъ... Пустое, высокое, безоблачное небо прозрачнымъ куполомъ опрокинулось надъ нею, и казалось, что мы улетаемъ за край этого купола, въ невѣдомый, безграничный просторъ, а человѣческое лицо мѣсяца мчится вслѣдъ за нами и насмѣшливо улыбается.

Аѳанасій съ какимъ-то особеннымъ смакомъ присвистывалъ, покрикивалъ и взлеталъ на облучкѣ: онъ гналъ тройку для собственнаго удовольствія. Наконецъ, въ упоеніи, онъ придержалъ горячихъ степныхъ лошадей, и мы поѣхали обыкновенной рысью.

Степь и луна тоже какъ будто поплыли медленнѣе, а прозрачная тѣнь экипажа и тройки, растянувшись рядомъ съ нами по землѣ, стала отчетливѣе. Бубенчики заболтали протяжнѣе, словно жаловались на что-то.

Аѳанасій обернулся ко мнѣ въ полоборота.

— Вотъ Косолапый—такъ лошадь! внезапно сказалъ онъ, кивая на коренника.— Цѣны нѣтъ коню!.. Вѣкъ бы съ нимъ жилъ— не разстался! У земскаго ямщика—ужъ на что лошади хорошія,—ну, а супротивъ нашихъ хе-хе-хе! куда-же? гдѣ ему?

Аѳанасій тихо, снисходительно разсмѣялся.

— Никогда не выстоитъ! убѣжденно сказалъ онъ. Онъ говорилъ вѣско и поучающе, какъ говорятъ люди съ природной склонностью къ резонерству; а въ голосѣ его всегда звучало знаніе истины, убѣжденность и увѣренность въ превосходствѣ надъ всѣмъ окружающимъ его міромъ.

Онъ покосился на моего спящаго спутника и, понижая тонъ, добавилъ пренебрежительно:

— Нашъ баринъ рази въ лошадяхъ что понимаетъ?

И уже съ явнымъ презрѣніемъ и горечью, оскорбленно заявилъ:

— Ни-че-вво! Ему хоть свинью запряги, ли-ишь бы бѣ-ж-жала!

Это было презрѣніе аристократа къ варвару, художественной, талантливой натуры къ бездарности. Лошадей онъ любилъ страстно и дорожилъ ими болѣе, чѣмъ людьми. Передъ тѣмъ, какъ намъ ѣхать, баринъ его заболѣлъ въ имѣніи ночью и такъ тяжело, что рѣшили послать за врачомъ, который жилъ верстахъ въ двадцати отъ имѣнія; но Аѳанасій отказался ѣхать: дорога ночью, съ пере-

правой черезъ рѣчку вбродъ, показалась ему опасной для здоровья лошадей.

— Тамъ баринъ умреть ли, нѣтъ ли, а за лошадей кто отвѣчать станетъ? резонерствовалъ онъ.

Всеобщее негодованіе нисколько не поколебало его.

„Баринъ" не умеръ, благодаря счастливой случайности: врачъ самъ проѣзжалъ мимо и заѣхалъ. Потомъ вся прислуга приходила поздравлять съ выздоровленіемъ, пришелъ и Аѳанасій, искренно обрадованный: онъ все-таки любилъ и барина, съ которымъ его связывали давнишнія и довольно странныя отношенія.

— Нашъ баринъ—простякъ! говорилъ онъ мнѣ теперь.—Добрѣющій человѣкъ: всѣмъ онъ пособляетъ, всѣ его обираютъ...

И опять неожиданно добавилъ:

— Ка-акъ дур-рака!

Аѳанасій подобралъ вожжи и повернулся ко мнѣ для объяснительнаго разговора. Лошади пошли шагомъ. Лунный свѣтъ искорками блестѣлъ на свѣтлыхъ бляхахъ упряжи, на потныхъ спинахъ вороныхъ лошадей, на окованной дугѣ коренника и ярко облилъ смугловатое лицо ямщика, обрамленное курчавой бородой.

— Лѣтъ пятнадцать я у него въ кучерахъ... началъ онъ.—Разъ восемь уходилъ—и вотъ подижъ ты, гдѣ ни хожу, а все ворочусь и ворочусь опять къ нему же! Лошади у него завсегда безъ меня переболѣютъ да переколѣютъ—срамъ! А управляющій всегда—нѣмецъ, ну, и конечно, гдѣ же нѣмцу русскаго кучера понимать? Идетъ къ барину. „Или меня, говоритъ, или Аѳанасія увольте: грубитъ и не слушается". Ну, барину не оставаться же изъ-за пустяковъ безъ управляющаго,—призоветъ меня и скажетъ: „Ступай, Аѳанасій, куда-нибудь мѣсяца на два, а потомъ опять приходи,—приму!" Ну, я и ходилъ. Былъ вездѣ: и на Дону, и на Кубани, гдѣ, говорили, вольныя земли есть, и въ хохлахъ,—нѣтъ! нигдѣ въ Рассеѣ не нашелъ я настоящаго житья: вездѣ это тебя живо согнутъ въ дугу, подкуютъ, взнуздаютъ и запрягутъ: вези! И стало-быть, никуда отъ этого самаго утѣсненія дѣться человѣку нельзя! Вонъ видишь степь-то? Аѳанасій провелъ полукругъ кнутовищемъ по воздуху.—Шпроко? Убѣжалъ бы да скрылся ото всей этой музыки, откачнулся бы ото всей жизни, ото всѣхъ податей,—анъ, нѣтъ! никто не откачнется! Каждый человѣкъ есть жукъ на ниткѣ,—сколько ни летай, а не улетишь: дернутъ за нитку—и опять, значитъ, угодишь въ прежнее мѣсто.

Аѳанасій помолчалъ, пошевелилъ вожжами и заключилъ съ досадой:

— А насчетъ вольныхъ земель—враки! нѣтъ ихъ!

И, грозя кому-то въ пространствѣ кнутовищемъ, онъ желчно продолжалъ:

— Никуда не улетишь, братецъ ты мой, нѣ-ѣтъ!.. не вырвешься!..

На эту тему мы съ нимъ разговаривали, и прежде онъ глубоко вѣрилъ въ какую-то злобную силу судьбы, которой, по его мнѣнію, не стоило и сопротивляться. Мнѣ были непріятны его мрачныя разсужденія, и я попытался перемѣнить разговоръ.

— А вѣдь, пожалуй, придется заночевать въ какой-нибудь деревнѣ? спросилъ я.

— Ночевать? сразу возмутился Аѳанасій.—Ну, нѣтъ... ночевать не придется!.. Да и гдѣ тутъ ночевать? Тутъ и людей-то нѣтъ,—вездѣ сплошь одна мордва несчастная! Я—ночь-полночь,—а ужъ въ мордовской избѣ ночевать не стану.

— Почему такъ?

— А такъ...

Голосъ Аѳанасія зазвучалъ съ такимъ оттѣнкомъ, какъ будто бы онъ, Аѳанасій, знаетъ что-то о мордовской избѣ, но не хочетъ сказать.

— Рази это люди, мордва? съ презрѣніемъ продолжалъ онъ.—Такъ, необразованные дикари! И вѣра-то у нихъ глупая: идоламъ, дурачье, кланяются! Въ другихъ-прочіихъ вѣрахъ хоть книги есть, а у нихъ, у дураковъ, н-нѣтъ ничего! Только и есть, что два деревянныхъ бога: одинъ валяется на заднемъ дворѣ—такъ себѣ, просто сказать, чурбанъ... А другой маленькій: тотъ въ избѣ, въ переднемъ углу, на божницѣ стоитъ: та-акъ—др-рянь...

Голосъ Аѳанасія выразилъ омерзѣніе.

— К-кукла! продолжалъ онъ, уже озлобляясь.—Но... вр-ред-на-я!..

— Почему же вредная?

Аѳанасій дернулъ вожжами, повозился на облучкѣ и, помолчавъ, отвѣтилъ мнѣ тихо, тономъ глубокаго убѣжденія:

— На глаза болѣзнь пущаетъ!

Обернувшись къ лошадямъ и натягивая вожжи, онъ продолжалъ что-то говорить о „вредномъ" и ехидномъ богѣ:

— Я—ночь-полночь... доносилось до меня,—а ужъ...

Впереди блеснула обмелѣвшая рѣчка. Серебряный столбъ луннаго свѣта дрожалъ на ней металлическими бликами, и казалось, будто со дна ея всплываютъ зажигаясь языки бѣлаго огня, несутся по водѣ, гаснутъ и безъ конца смѣняются новыми дрожащими, легкими огнями.

Дорога шла по самому краю отвѣснаго обрыва надъ оврагомъ. Узкій и глубокій оврагъ былъ полонъ черной тьмой и казался бездоннымъ... Стоило колесамъ соскользнуть вбокъ на четверть аршина или лошадямъ испугаться чего-нибудь, и мы полетѣли бы въ бездну.

— Осторожнѣе, Аѳанасій!..

Аѳанасій преспокойно посвистывалъ.

— Доѣдемъ! послышался его самоувѣренный голосъ.

Лошади настороженившись пряли ушами и близко прижимались одна къ другой. Бубенчики, то замолкая, то погромыхивая, безпечно переговаривались между собою.

И вдругъ мы прямо съ высокаго, обрывистаго берега бултыхнулись въ рѣку. Зашумѣли волны и едва не хлынули въ повозку. Лошади фыркая почти плыли.

Мой спутникъ проснулся.

— Рѣка? спросилъ онъ, открывая глаза.

— Рѣка! отвѣчалъ Аѳанасій.—Слава те, Господи, попали на самый бродъ!

— А что? спросилъ я.

— Да рази увидишь ее, дорогу-то, сквозь воду? Шутъ ее знаетъ, гдѣ она; а влѣво-то на сажень подайся—и какъ разъ въ омутъ угодишь!

— Такъ ты смотри, Аѳанасій!..

— Доѣдемъ!

Вороная тройка красивыхъ, сильныхъ лошадей звучно вспѣнивала воду, купаясь въ ней и въ серебряномъ свѣтѣ мѣсяца. Казалось, что мы утопаемъ и боремся за жизнь. А кругомъ безучастно молчала мертвая степь да чернѣла подъ высокимъ, размытымъ берегомъ коварная рѣка. Мы дѣйствительно доѣхали, хотя могли и не доѣхать. Выбравшись на противоположный плоскій берегъ, мы опять покатили по гладкой, ровной дорогѣ. Бубенчики неугомонно болтали, перебивая другъ друга. Аѳанасій запѣлъ себѣ подъ носъ тонкимъ дѣтскимъ голосомъ замѣчательно-грустную, протяжную пѣсню.

— Э-эхъ... э-о-э... э-о!.. безъ конца тянулъ онъ.

Мой спутникъ завозился и, пошуршавъ спичками, закурилъ папиросу. Красный огонь спички на минуту освѣтилъ въ тѣни кибитки холеные пальцы барскихъ рукъ, мужественное, красивое лицо въ дорожномъ капюшонѣ, живые, молодые глаза и совершенно сѣдую, словно серебряную, небольшую бороду. Бѣлый капюшонъ широкаго плаща придавалъ ему видъ бедуина или рыцаря.

— Не спали? спросилъ онъ меня своимъ звучнымъ голосомъ.

— Нѣтъ.

— А я вздремнулъ. Да спросонья-то, когда зашумѣла вода,—напугался: представилось мнѣ, что по морю ѣдемъ. Чортъ бы побралъ эти мои постоянные разъѣзды! Все перепутывается!

Онъ затянулся папиросой, выпустилъ дымъ изъ ноздрей и продолжалъ:

— Фантастичнѣе дѣйствительности все-таки даже и во снѣ ничего не увидишь, не выдумаешь и не сочинишь! Иной разъ оглянешься назадъ, въ прошлое,—Господи, Боже мой! неужели все это было? все это переживалъ, во всѣхъ этихъ боговъ вѣрилъ? Невѣроятно! Боготворилъ инфузорію, поклонялся клѣточкѣ, ходилъ въ народъ... Якутія... этапы жизни... потомъ—проповѣдь малыхъ дѣлъ... травосѣяніе, молотилки, воздушная желѣзная дорога!.. Тьфу!.. Жена бросила... дѣти всѣ врозь и всѣ—чужіе... А жизнь шла, молодость уходила, имѣніе мое трещало, тучи сгущались, темныя силы торжествовали и гнали насъ, лишенныхъ вѣры, въ пустоту, въ холодный мракъ!.. Бр! Понимаете... даже во снѣ сердце болитъ... постоянно, обо всемъ болитъ...

Собесѣдникъ мой вздохнулъ и помолчалъ. Молчала степь, словно зачарованная въ безъисходной тоскѣ... Пологими, едва замѣтными волнами уходила она въ серебряную даль, и мнѣ чудилось, что холодная грудь ея начинаетъ чуть-чуть колыхаться, двигаться, жить... Чудилось, что горизонтъ поднимается и гонится за нами, какіе-то далекіе, воинственные голоса и вопли преслѣдуютъ насъ, и мы летимъ все ниже и ниже, въ бездонный провалъ. Я сдѣлалъ усиліе надъ собой и очнулся. Мой спутникъ говорилъ:

— Мнѣ пятьдесятъ два года. Давно уже я работаю во всю въ такъ называемомъ буржуазномъ направленіи, которое отъ души ненавижу. Но въ прежнее время я по крайней мѣрѣ думалъ, что въ эти годы буду имѣть покой, буду имѣть возможность уйти куда-нибудь отъ буржуазнаго направленія... И вотъ все еще ѣду... верчусь, какъ бѣлка въ колесѣ... Жизнь моя все еще попрежнему проходитъ въ ѣздѣ. Ѣду въ вагонѣ, ѣду на пароходѣ, ѣду по рѣкамъ и по морямъ, и на лошадяхъ по степи, и вбродъ... все ѣду. И, ей Богу, самъ не знаю, когда же и куда я, наконецъ, пріѣду. Ѣздилъ кругомъ свѣта, а вышло, что совершилъ восемьдесятъ тысячъ лье вокругъ самого себя!.. Съ какимъ бы удовольствіемъ я ушелъ бы и отъ самого себя и отъ всей этой чертовщины, которая именуется русской жизнью, и отъ всей этой путаницы отношеній, понятій, настроеній, увлеченій въ области словъ и неподвижности въ области дѣла... Говорятъ, заря занимается, новая волна идетъ; а какъ вспомнишь, сколько разъ эта самая заря занималась и ни разу не взошла, сколько разъ мы ждали новой волны, а она обращалась въ затишье,—что, право, куда же, наконецъ, итти-то?

— Э-о-э... о-э!..

Стонала и плакала надрывающая душу пѣсня Аѳанасія. Лошади шли шагомъ и бубенчики жалобно и недоумѣвающе спрашивали о чемъ-то другъ друга. Луна быстро опускалась за горизонтомъ. Вотъ она словно прикоснулась къ землѣ и начала таять... Изъ серебряной стала кроваво-золотой и, словно стыдясь чего-то, окунулась въ густой сумракъ ночи.

Темно и скучно стало въ безотрадно-печальной степи.

Я очнулся, почувствовавъ, что экипажъ остановился, и открылъ глаза: было раннее, сѣрое утро. По небу ползли скучныя, сѣрыя облака, быстро гонимыя вѣтромъ.

Мы стояли у околицы какой-то очень бѣдной деревни: раскрытыя на кормъ скоту соломенныя крыши придавали ей разоренный видъ. Обнаженныя, черныя стропила словно вопіяли къ небу о помощи, но хмурое небо безучастно и безжалостно смотрѣло на ободранную до костей деревню.

Въ ворота околицы татары гнали косякъ исхудалыхъ крестьянскихъ лошадей. Это были жалкіе, полумертвые одры. Неуклюжія морды съ громадными, безсильно и какъ-то безучастно-отвислыми ушами страдальчески смотрѣли добрыми, большими глазами, и изъ глазъ этихъ, тусклыхъ и какъ бы не видящихъ, тихо текли крупныя слезы. Медленно и грустно, безжизненно ступая разбитыми ногами, какъ ходулями, одно за другимъ проходили эти фантастическія животныя, и въ шествіи ихъ было что-то похожее на печальный, зловѣщій сонъ.

У шалаша стоялъ мужикъ.

Онъ былъ безъ шапки, и вѣтеръ шевелилъ его нечесаные волосы. Рваный кафтанъ распахнулся, пестрядиная рубаха разстегнулась, обнажая костлявую, загорѣлую грудь, и онъ стоялъ, прижавъ къ этой груди закорузлый кулакъ, а лицо его, обвѣтренное, худое и обросшее безцвѣтной, лохматой бороденкой, носило выраженіе полной растерянности.

— Что же это? что же это? спрашивалъ онъ, жестомъ отчаянія прижимая кулакъ свой къ сухой, уродливой груди и смотря на насъ какими-то пустыми, тоскливыми глазами:

— Что же это будетъ? Вѣдь этакъ можно и отъ начальства отшатиться...

Мы молчали.

Тогда Аѳанасій сурово повернулъ къ нему голову, свысока взглянулъ на него и, сдерживая раздраженіе, желчно и зло сказалъ мужику:

— Дур-р-ракъ!

Затѣмъ, найдя нужнымъ пояснить свою мысль, болѣе снисходительнымъ тономъ и все-таки презрительно и сурово—спросилъ его:

— Куда ты отшатишься?

И, не получивъ отвѣта, онъ злорадно взмахнулъ кнутомъ.

— Н-но-о!..

Мы поѣхали. Околица, одры, шалашъ и мужикъ,—все исчезло, и кругомъ опять поплыла однообразная степь, а по небу до самаго горизонта ползли сѣрыя тучи.

Мы неслись, какъ подхваченные вихремъ, словно за нами гналась истерзанная деревня и плачущіе одры и дуракъ.

Я оглянулся: деревня, околица и шалашъ словно уплывали назадъ, а у шалаша въ прежней позѣ, неподвижно стоялъ мужикъ: рука, сжатая въ кулакъ, была попрежнему у груди, голова опущена, и вѣтеръ трепалъ его спутанные волосы, бороду, кафтанъ...

Скиталецъ.

ПОСЛѢДНЕЕ ДѢЛО.

О. Андрей, послѣ тяжелой болѣзни, заставившей его пролежать въ постели два мѣсяца, въ первый разъ обозрѣвалъ свое хозяйство на дворѣ. Исхудалый и блѣдный, онъ, несмотря на теплый лѣтній день, одѣтъ былъ въ нагольный полушубокъ; изъ-подъ зимней шапки чернаго кошачьяго мѣха выбивались густыя пряди сѣдыхъ волосъ; на ногахъ были валенки.

— А кто соху своротилъ? спрашивалъ онъ и самъ же отвѣчалъ:—Навѣрно, боровъ... чесался... Хотѣлось о. Андрею поставить соху на свое мѣсто, но она не поддавалась.

— Экая тяжелина̀! воскликнулъ онъ.—Точно чугунная стала... Неужто не смогу? И вновь напрягъ силы... Въ глазахъ мелькнули синіе круги, и онъ тихо опустился на уголъ бороны, воткнутой зубьями въ землю.

Черезъ минуту батюшка всталъ и медленной, старческой походкой прошелъ въ противоположную сторону, къ экипажамъ. Телѣга на половину выѣхала изъ-подъ крыши, ее могъ мочить дождь. О. Андрей поднялъ оглобли, потянулъ подъ навѣсъ, но телѣга не вкатывалась.

— Ты тоже? высказалъ онъ ей упрекъ; опустилъ руки, и оглобли задребезжали.

До болѣзни этого не было. Тогда все двигалось по его желанію...

— А теперь?.. Эхъ!.. глубоко вздохнулъ батюшка, оглядывая трясущіяся руки, и печальнымъ взоромъ скользнулъ по соломенной повѣти, подпертой толстыми, неуклюжими столбами, на которыхъ намѣренно оставлены были сучья для того, чтобы вѣшать хомуты и дуги.

О. Андрей любилъ свой дворъ и все дѣлалъ самъ, оставляя всюду своеобразный личный отпечатокъ. Батюшкиной бороной можно было боронить въ полѣ только на батюшкиной же сытой лошади,—такъ велико было это полевое орудіе—вдвое больше обыкновеннаго крестьянскаго, тяжелое. Такого же характера были и сохи, и телѣги, и все прочее, выходившее изъ рукъ о. Андрея. За изяществомъ онъ не гнался.

— Только одно надо,—чтобы прочно было и уѐмисто. Если въ телѣгу укладывается триста сноповъ, если въ коробо̀къ можно усадить шесть человѣкъ, то о чемъ больше хлопотать? говорилъ онъ.—Что изъ того, что дуга не окрашена, гужи желтые, сѣделка взбучилась на лошади какъ верблюжій горбъ?.. Безвкусица? безобразіе—по - вашему?.. Чепуха это—ваша красота...

О. Андрей даже хомуты дѣлалъ самъ, при помощи шила и собственныхъ зубовъ, сохранившихъ крѣпость и бѣлизну до старости. Онъ

терпѣть не могъ покупать что-либо готовое, и въ стремленіи обойтись собственными силами уходилъ иногда довольно далеко: разъ испортилъ шкуру палаго мерина, желая выдубить кожу, гнулъ ободья для колесъ и тоже безъ пути. Однако, это не убѣждало его въ томъ, что есть и должна быть граница въ самодѣльщинѣ, и лишь открывалась возможность самому что-либо сдѣлать, онъ не обращалъ вниманія на массу времени и труда, уходившихъ за такой работой.

— Сботано! вотъ что онъ слышалъ о дѣлахъ своихъ рукъ.

— Зато самъ! отвѣчалъ о. Андрей и внутренно былъ удовлетворенъ.—Никому не поклонился..

Если же и приходилось прибѣгать къ чужимъ услугамъ, то только къ церковному сторожу Лаврентію да къ кузнецу Василію. Послѣдній всегда былъ необходимъ для о. Андрея въ тѣхъ случаяхъ, когда батюшкина „холодная“ кузница оказывалась безсильной. Тогда о. Андрей обыкновенно собиралъ всевозможные обломки ржаваго желѣза, воткнутые въ щели и дыры дома, а Васька-кузнецъ долженъ былъ все это „сварить“, при чемъ батюшка самолично раздувалъ жаръ кузнечными мѣхами и, загнувъ полы полукафтанья, билъ тяжелымъ молотомъ; а когда получалась желѣзная полоса, они оба ее, раскаленную, тащили клещами и прикладывали къ деревянной оси; полоса жгла дерево, шипя, искрясь и дымя, они же захлебывались отъ восторга:

— А-а... фа... ффа!.. Здорово, Василій?

— Важный подосельникъ, батюшка... Ужъ не сорвется.

Въ молодости о. Андрей такъ не уходилъ въ хозяйство. Въ то время онъ любилъ перечитывать Гоголя и выписывалъ „Современныя Извѣстія“, гдѣ когда-то обвелъ карандашомъ сообщеніе о смерти критика Писарева и сбоку написалъ: „Жаль“... Но потомъ пошли дѣти, дѣти... много дѣтей. Газеты были забыты, книги заброшены, а на дворѣ появился „ноевъ ковчегъ“, въ которомъ о. Андрей возилъ дѣтей въ ученье, иногда вразъ по пяти человѣкъ... И постепенно исчезала мысль о томъ, кого надо жалѣть, кого ненавидѣть и въ какое время онъ живетъ... Ему казалось, что живетъ онъ въ скверное время, и это время становится все хуже и хуже съ годами. И не было у него никакого желанія облегчить бремя жизни другимъ..

— Батюшка! напиши ты намъ жалобу на подлеца старшину,—прямо грабитель! просили прихожане.

— Не мое дѣло! угрюмо отвѣчалъ о. Андрей.

— Обхлопочи насъ передъ барской конторой, батюшка...

— А ну васъ!..

— Писемцо бы написать сыну солдатику... просила иная вдова.

— Сами грамотные...

— Ну, хоть адресъ.

— Отстань!

Уходилъ о. Андрей и отъ своей семьи, гдѣ тоже бывало горе: то дочь вдовѣла, то сынъ спивался, то зятя засаживали въ монастырь за некрасивое дѣльце... Обо всемъ этомъ не хотѣлось ни говорить, ни думать, ни отвѣчать на письма...

— Ничего и никого не хочу знать! восклицалъ о. Андрей.—Живите, какъ хотите! И шелъ въ поле, на гумно, на дворъ, въ кузницу, на мельницу. Дома онъ только обѣдалъ, чай пилъ, спалъ,—спалъ на сундукѣ, между двумя стѣнами темнаго, безъ оконъ, глухого и пыльнаго чулана, настолько узкаго, что, вытягивая ноги, онъ поднималъ ихъ вверхъ и упиралъ въ стѣну.

Трудно было о. Андрею остаться безъ работы хоть минуту и потому онъ постоянно что-нибудь пилилъ, долбилъ, строгалъ, всегда одинъ, всегда молча и не соображая, къ чему, напримѣръ, у него наготовлено двѣ сотни оглобель и тридцать сохъ, когда всей пахотной земли на его долю приходилось не больше пятнадцати десятинъ.

Ничего онъ со своего двора не продавалъ, только изрѣдка дарилъ ось какому-нибудь „хорошему“ мужику, который потомъ за это привозилъ ему сырыхъ жердей.

— Вотъ тебѣ, батюшка... изъ удѣльной рощи... Ѣхалъ мимо и... того... Ужъ и вилы же у тебя изъ этихъ рогулинъ выдутъ! на славу... Всѣ пять кленовыя...

И батюшка выдѣлывалъ кленовыя вилы и ставилъ ихъ рядомъ съ осиновыми и березовыми, которыхъ и безъ того было сорокъ.

О. Андрей самъ не далъ бы себѣ яснаго отчета въ томъ, зачѣмъ онъ такъ жилъ, когда въ немъ не было ни особой жадности, ни тѣмъ болѣе желанія запасти вещей лѣтъ на пятьдесятъ своимъ преемникамъ, къ которымъ относился съ полнымъ равнодушіемъ.

— И къ чему ты, попъ, все это мастеришь? осуждала его жена.—Пора бы и остановиться.

— Въ Писаніи что сказано?.. „Трудись“...

— Безъ толку-то... неладно.

— А лежебокомъ быть—ладно?

— Другое бы что нашелъ...

— Не все ли равно?

Несомнѣнно, какой-то зудъ былъ во всемъ тѣлѣ у о. Андрея, когда онъ оставался безъ работы, и ему надо было всякій разъ доходить до изнеможенія, чтобы освободиться отъ хандры, навѣваемой покоемъ.

Всякій гость, подъѣзжая къ дому о. Андрея, неизмѣнно слышалъ мѣрный стукъ топора и замѣчалъ про себя:

— Тешетъ...

Хозяинъ не спѣшилъ къ пріѣзжему. Гость самъ шелъ подъ навѣсъ и вопрошалъ:

— Все тешешь, отецъ?

— Тешу... Колъ вотъ...

— Ну, теши, теши!.. и шелъ къ матушкѣ въ домъ. А о. Андрей, оставаясь на дворѣ, недоумѣвалъ:

— Къ чему только ѣздятъ эти господа? И бралъ другой и третій колъ, какъ будто совсѣмъ забывъ о гостѣ, который успѣвалъ за это время чаю напиться, всѣ новости разсказать и выслушать, но все не могъ дождаться хозяина, чтобы выпить съ нимъ рюмочку-другую...

— Попъ, да что это такое? Вѣдь нехорошо... обидятся... усовѣщивала матушка мужа и звала его; а онъ выкрикивалъ раздраженно:

— А ну васъ! бросалъ топоръ, бирюкомъ входилъ въ комнату, гдѣ неохотно поддерживалъ разговоръ или упрямо и сурово молчалъ. Только когда гость брался за шапку, о. Андрей оживлялся, говоря почти любезно:— Прощай! прощай!..

Такъ изъ года въ годъ, изо дня въ день тесалъ о. Андрей. Жизнь стремилась острымъ клиномъ вонзиться въ его душу, свое и чужое, громко кричавшее горе готово было выжать изъ него слезу или ругательство, а онъ тесалъ не переставая и оттесался отъ жизни, уйдя весь безъ остатка въ колья, вилы, бороны и телѣги своего двора. И то, что онъ создалъ своими руками, такъ гармонировало съ его угрюмымъ одиночествомъ. Всѣ эти слеги такъ спокойно стояли въ углу навѣса, никого не ушибая, бороны мирно сплелись зубцами, „ноевъ ковчегъ“ жилъ какъ будто бы въ большой дружбѣ съ „дрожками-катафалкой“, оглобли одного экипажа покоились взаимно на облучкѣ другого... Много было всего на дворѣ о. Андрея—до излишества, до нелѣпости...

— Тебѣ скоро своего двора нехватитъ! подсмѣивалась матушка. — Куда поѣдешь со всѣмъ этимъ?

— Ну, скажешь!.. замѣчалъ на это о. Андрей.

Самый дворъ священника былъ на отшибѣ, у погоста, на холмикѣ, вдали отъ села, рядомъ съ мирно молчавшей деревянной церковкой. Не долеталъ туда крикъ, шумъ и гамъ улицы, которая задавала вопросы:

— Почему Егоръ Косоротый убилъ свою жену и пошелъ на каторгу? Почему Машка Пряникова, дѣвка, родила и ее бьютъ смертнымъ боемъ? Отчего гнилая болѣзнь пошла по селу... и всякая гадость и всякая мерзость?.. и пожары, и голодовки?..

— Какъ жить, отецъ? Скажи, какъ надо жить! настойчиво спрашивала улица. А о. Андрей заперъ наглухо свои ворота, и только изрѣдка произносилъ чьи-то мертвыя слова о спасительности самодовлѣющаго труда.

На 60-мъ году постигла его болѣзнь; онъ едва не умеръ. И теперь, уйдя отъ смерти, о. Андрей думалъ вернуться къ обычнымъ занятіямъ. Но видя, что всѣ его вещи становятся ему чужими, онъ печально вымолвилъ:

— Не мои вы... не мои... Ему было грустно. Онъ сѣлъ на толстое бревно около погреба и проговорилъ:

— И я не вашъ...

— Но чей же я? черезъ минуту спросилъ себя о. Андрей вставая, и задумался, глядя на голубое небо; оно не подавало отвѣта.

— Чей? повторилъ онъ вопросъ, наклонившись надъ большой, пустой кадкой, приготовленной для огурцовъ. Вопросъ звучалъ звонко и странно, какимъ-то чужимъ голосомъ, словно кто невидимый метался и плясалъ въ чуткой пустотѣ.

Какъ ребенка, приколдовала о. Андрея пустота; онъ оперся руками на края кадки, глубже опустилъ туда голову и заговорилъ вкрадчиво:

— Умирать, что ли? а?.. Если я чужой и для себя... Что же, я не боюсь... Смерть...

О. Андрей такъ жадно ловилъ свои звуки и особенно послѣднее слово, произнесенное въ растяжку: „ссме-эрть“,—что не слышалъ позади себя звона церковныхъ ключей.

— Батюшка! вскрикнулъ сторожъ.—Батюшка!

— А? что? вынулъ голову о. Андрей изъ кадки.—Это ты, Лаврентій?

— Ключи принесъ...

— Ладно. А что, бишь, я тебѣ хотѣлъ сказать? Да, да... Вотъ перенеси-ка это бревно!

Лаврентій исполнилъ приказаніе.

— Хороша вѣдь лѣсина?

— Да... ядреная. И Лаврентій пнулъ бревно ногой въ знакъ одобренія и ласки.

— Такъ вотъ что... Немного поправлюсь, я позову тебя. Уставимъ козлы, вкатимъ его... Пила у насъ есть такая... Чай, сладимъ?

— Ну, еще бы! увѣренно отвѣчалъ сѣдой Лаврентій.—Да развѣ отъ нашихъ рукъ что отобьется? Вонъ сѣнница, вонъ конюшня и хлѣвъ,—все вѣдь мы же дѣлали...

Дня черезъ три старики возились съ бревномъ. Лаврентій дѣйствовалъ пилой сверху, батюшка снизу. Сторожу трудно было стоять между небомъ и землей на кругломъ бревнѣ, ноги дрожали и сердце трепетало.

— Въ грудяхъ спираетъ, батюшка...

— Спираетъ?.. Такъ отдохнемъ... Не къ спѣху.

Къ концу недѣли съ козелъ сняли четыре бѣлыхъ, крѣпкихъ, смолистыхъ доски, и о. Андрей радостно изрекъ:

— Слава Богу! Теперь ты, Лаврентій, мнѣ пока не нуженъ,—иди себѣ...

— Кепарисомъ пахнетъ... замѣтилъ сторожъ, обнюхивая приставленную вдоль столба сосновую доску, и ушелъ.

А о. Андрей, оставшись одинъ, прислонился къ доскѣ и отмѣрилъ на ней длину своего роста.

— Восемь съ половиной четвертей... Надо на запасъ припустить вершка три... Такъ... И сталъ пилить доски поперекъ.

— Попъ, опять ты за свое! говорила матушка.—Ухалястаешь себя. Брось!

— Нельзя, мать,—дѣло такое...

— И когда ты перестанешь? Весь вѣкъ...

— Да... А вотъ главное упустилъ... Только на-дняхъ догадался... Надо бы давно-давно этимъ заняться...

— Не то корыто, не то колода... разводила руками матушка.—И безъ того много у насъ этого добра...

— Корыто... произнесъ о. Андрей съ легкой усмѣшкой, которую скрылъ отъ жены, отвернувшись въ сторону, и смолкъ.

— Колода... повторилъ онъ потомъ подъ навѣсомъ, когда окончилъ работу.—Съ крышкой колода эта... Ну-ка, попробую, подойдетъ ли? Онъ улегся на спину и произнесъ съ упоеніемъ:

— Какъ хорошо... Главное—ногамъ просторно...

И тутъ только онъ вспомнилъ, что всю жизнь не имѣлъ своей кровати и мучился по ночамъ на короткомъ сундукѣ. Теперь онъ вытянулся во всю длину, руки заложилъ за голову и смотрѣлъ вверхъ, въ повѣть, которая мѣшала видѣть бездонное голубое небо и быстро мчавшіяся облака.

— А вѣдь можно и уснуть... Право... Ногамъ очень хорошо, свободно... вытянешь ихъ и не замѣчаешь, есть онѣ у тебя или нѣтъ... Не то, что тамъ, въ чуланѣ, на прокрустовомъ ложѣ... Хорошо, хорошо...

Онъ задремывалъ.

Было такъ тепло и тихо... Кругомъ ходили куры, разводя на разные лады свои наивно-старушечьи пѣсни; залетали воробьи и садились около колодца, однообразно чирикая; звенѣли крыльями голуби и увѣщательно гулькали на оглобляхъ; а за заборомъ, въ огородѣ жужжали шмели и мухи, и ветла слегка шумѣла листьями подъ слабымъ, знойнымъ вѣтеркомъ. Батюшка уснулъ, убаюкавшись музыкою лѣтняго дня. На его губахъ застыла скромная, старческая улыбка.

— Попъ! отпрянула матушка, увидя спящаго мужа въ гробу.—Что выдумалъ! и всплеснула руками.

— А что? И мягче и свѣтлѣе разлилась улыбка по глубокимъ морщинамъ лица о. Андрея.—Ага, испугалась!.. А ты полюбуйся, какова домовина! восхищался о. Андрей.—Пощупай, какъ твердо... Сдѣлано на совѣсть... Глазетомъ не обивай! Слышишь, попадья?.. Не порть работу.

— Ахъ, попъ, попъ!.. Матушка гнала отъ себя черныя думы, а близкій человѣкъ рѣзалъ ея сердце, идя навстрѣчу вѣчному покою съ какимъ-то упрямымъ злорадствомъ.

— Хочешь, и тебѣ такой же сдѣлаю?.. Довольна останешься...

Матушка роняла слезы.

— Слезомойка! упрекалъ о. Андрей.—Ишь, не выплакалась за шестьдесятъ лѣтъ!.. Ну, реви, если нравится; а я пойду въ кузницу: надо гвозди сдѣлать подлиннѣе да покрѣпче, а то, пожалуй, машинными станете забивать... Неудобные гвозди... гнутся.

С. Елеонскій.

МОСКВА И ЕЯ КНЯЗЬЯ ВЪ УДѢЛЬНЫЯ ВѢКА *).

Власть хана была грубымъ татарскимъ ножомъ, разрѣзавшимъ узлы, въ какіе умѣли потомки Всеволода III запутывать дѣла своей земли. Русскіе лѣтописцы не напрасно называли поганыхъ агарянъ батогомъ Божіимъ, вразумляющимъ грѣшниковъ, чтобы привести ихъ на путь покаянія. Всѣхъ удачнѣе пользовались этимъ батогомъ великіе князья московскіе противъ своей братіи. Особенно явственно обнаружилось это во время единственной усобицы, разыгравшейся между московскими князьями въ княженіе Василія Темнаго. Эта усобица произошла вслѣдствіе притязанія кн. Юрія галицкаго, дяди Василія, занять великокняжескій столъ помимо племянника. Этотъ дядя, опираясь на свое старшинство и ссылаясь на духовную своего отца Димитрія Донского, не хотѣлъ признать старшимъ десятилѣтняго племянника, и въ 1431 г. поѣхалъ въ Орду тягаться съ нимъ. Успѣхъ Юрьева притязанія перенесъ бы великое княженіе въ другую линію московскаго княжескаго дома, разстроилъ бы порядки, заводившіеся Москвой цѣлое столѣтіе, и грозилъ безконечной усобицей. Ханъ разсѣкъ узелъ: отуманенный льстиво-насмѣшливою рѣчью ловкаго московскаго боярина Всеволожскаго, доказывавшаго, что источникъ права—его ханская милость, а не старые лѣтописцы и не мертвыя грамоты (т. е. духовная Донского),—ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу Василія.

Другое благопріятное условіе заключалось въ новомъ порядкѣ преемства великокняжеской власти. Значеніе, какое пріобрѣтало Московское княжество своими успѣхами, все доставалось великому князю, старшему изъ московскихъ князей, который сверхъ своего московскаго удѣла владѣлъ еще великокняжеской Владимірской областью. Съ Ивана Калиты въ продолженіе ста лѣтъ такимъ великимъ княземъ становился почти всегда старшій сынъ предшествовавшаго великаго князя, у котораго въ минуту смерти обыкновенно не оказывалось на

*) Этимъ отрывкомъ изъ печатаемой II части „Курса русской исторіи" заканчивается обзоръ возвышенія Московскаго княжества (до Ивана III), постепеннаго расширенія его территоріи и усиленія власти великаго, т. е. старшаго князя московскаго. Рядъ благопріятныхъ условій содѣйствовалъ успѣхамъ Москвы. Одно изъ нихъ заключалось въ отношеніяхъ къ татарамъ. Какъ ни бѣдственно было для Руси татарское иго, оно возбуждало силы порабощеннаго, но не павшаго народа, заставляя его искать выхода изъ тяжкаго положенія. Властвуя надъ Русью издали, завоеватели не навязывали ей своихъ порядковъ и даже мѣшали развитію внутренней неурядицы господствовавшаго въ ней удѣльнаго порядка. Гроза ханскаго гнѣва иногда удерживала задорныхъ князей отъ усобицъ.

В. К

лицо младшихъ братьевъ. Случилось такъ, что московскій княжескій домъ не разрастался въ боковыя вѣтви; младшіе дяди во-время уходили со сцены, не становясь поперекъ дороги старшимъ племянникамъ. Потому переходъ великокняжескаго достоинства въ нисходящей линіи до смерти Калитина правнука, вел. кн. Василія Димитріевича, не вызывалъ спора среди московскихъ князей, а князьямъ другихъ линій, соперничавшимъ съ московскими, ни суздальскимъ, ни тверскимъ, не удалось перебить у нихъ великаго княженія. Случайность, повторяясь, становится прецедентомъ, который силой привычки превращается въ обязательное требованіе, въ правило. Не оспариваемый переходъ великокняжеской власти отъ отца къ сыну, повторявшійся въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, сталъ, по выраженію лѣтописи, „отчествомъ и дѣдствомъ", обычаемъ, освященнымъ примѣрами отцовъ и дѣдовъ, на который общество начало смотрѣть, какъ на правильный порядокъ, забывая о прежнемъ порядкѣ преемства по старшинству. И это условіе рѣзко вскрылось въ той же московской усобицѣ. Продолженная по смерти Юрія его сыновьями, она взволновала все русское общество, руководящіе классы котораго, духовенство, князья, бояре и другіе служилые люди, рѣшительно стали за Василія. Галицкіе князья встрѣчены были въ Москвѣ какъ чужіе и какъ похитители чужого, и чувствовали себя здѣсь одиноко, окруженные недовѣріемъ и недоброжелательствомъ. Когда сынъ Юрія Шемяка, по смерти отца наслѣдникъ его притязаній, нарушилъ свой договоръ съ Василіемъ, послѣдній отдалъ дѣло на судъ духовенства. Духовный соборъ изъ пяти епископовъ съ нѣсколькими архимандритами (тогда не было митрополита на Руси) въ 1447 г. обратился къ нарушителю договора съ грознымъ посланіемъ, и здѣсь іерархи высказали свой взглядъ на политическій порядокъ, какой долженъ существовать на Руси. Духовенство рѣшительно возстало противъ притязаній Шемякина отца на великокняжескій столъ, признавая исключительное право на него за племянникомъ, старшимъ сыномъ предшествовавшаго великаго князя. Притязаніе Юрія, помыслившаго беззаконно о великомъ княженіи, духовенство сравниваетъ съ грѣхомъ праотца Адама, возымѣвшаго желаніе „равнобожества", внушенное сатаной. „Сколько трудовъ понесъ отецъ твой, писали владыки, сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжескаго стола онъ все-таки не получилъ, чего ему не дано Богомъ, ни *земскою изначала пошлиной*". Итакъ, духовенство считало единственно правильнымъ порядкомъ преемство великокняжескаго стола въ нисходящей линіи, а не по очереди старшинства, и даже наперекоръ исторіи признавало такой порядокъ исконной *„земской пошлиной"*, т. е. стариннымъ обычаемъ Русской земли. Этотъ новый порядокъ пролагалъ дорогу къ установленію единовластія, усиливая одну прямую старшую линію московскаго княжескаго дома, устраняя и ослабляя боковыя младшія. И усобица еще не кончилась, а глава русской іерархіи уже провозглашалъ единовластіе законнаго московскаго великаго князя совершившимся фактомъ, предъ которымъ обязано преклониться все русское общество, и князья, и простые люди. Новопосвященный митрополитъ Іона въ извѣстительномъ окружномъ посланіи 1448 г. о своемъ посвященіи призываетъ князей, *пановъ*, бояръ, воеводъ и все христоименитое „людство" бить челомъ своему господарю, вел. князю Василію, отдаться въ его волю; если же они этого не сдѣлаютъ и допустятъ Шемяку возобновить усобицу, съ нихъ взыщется вся пролитая кровь христіанская, въ землѣ ихъ никто не будетъ больше зваться христіаниномъ, ни одинъ священникъ не будетъ священствовать, всѣ церкви Божіи будутъ затворены.

Въ дѣятельной поддержкѣ, оказанной обществомъ во время усобицы новому порядку преемства великокняжеской власти, сказалось третье и самое важное условіе, упрочившее политическіе и національные успѣхи Московскаго княжества. Какъ скоро изъ среды удѣльныхъ князей поднялся одинъ съ такими средствами, какими обладалъ, со стремленіями, какія проводилъ преемственный рядъ великихъ князей московскихъ,—вокругъ него начали сосредоточиваться политическіе помыслы и народные интересы всего сѣверно-русскаго населенія. Это населеніе ждало такого вождя и это ожиданіе шумно проявилось въ усобицѣ. Здѣсь фамильныя усилія московскихъ великихъ князей встрѣтились съ народными нуждами и стремленіями. Первоначальной движущей пружиной дѣятельности этихъ князей былъ династическій интересъ, во имя котораго шло и внѣшнее усиленіе ихъ княжества и внутреннее сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ. Но этотъ фамильный, своекорыстный интересъ былъ живо поддержанъ всѣмъ населеніемъ сѣверной Руси съ духовенствомъ во главѣ, лишь только почувствовали здѣсь, что онъ совпадаетъ съ „общимъ добромъ всего нашего православнаго христіанства", какъ писалъ въ одномъ посланіи тотъ же митрополитъ Іона. Эта поддержка объясняется фактомъ, незамѣтно совершившимся въ сѣверной Руси подъ шумъ княжескихъ усобицъ и татарскихъ погромовъ. Мы знаемъ, какія обстоятельства заставили массу русскаго населенія передвинуться изъ старой днѣпровской Руси въ область верхней Волги. Это передвиженіе сопровождалось раздробленіемъ народныхъ силъ, выразившимся въ удѣльномъ дробленіи верхневолжской Руси. Очутившись въ новыхъ условіяхъ въ непривычной обстановкѣ, среди чуждаго имъ туземнаго населенія, пришельцы съ юга не могли ни возстановить стараго, ни скоро установить но-

ваго общаго порядка и разсыпались по многочисленнымъ, все мельчавшимъ удѣламъ. Но они не смыкались въ замкнутые удѣльные міры, отчужденные другъ отъ друга, какъ были отчуждены удѣльные князья. Народное броженіе продолжалось, и сами князья поддерживали его своими усобицами: лѣтописи прямо говорятъ, что ссоры тверскихъ и другихъ князей заставляли обывателей ихъ княжествъ уходить въ болѣе спокойные края. А съ конца XIV в. поднялось усиленное переселенческое движеніе изъ междурѣчья на сѣверъ, за Волгу. Размѣщаясь мелкими поселками, ведя болѣе двухъ вѣковъ дробную работу по мѣстамъ, но при сходныхъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ, переселенцы современемъ сложились всюду въ сходные общественные типы, освоились между собою, выработали на значительныхъ пространствахъ извѣстныя взаимныя связи и отношенія, юридическій бытъ и хозяйственный оборотъ, нравы, ассимилировали окрестныхъ инородцевъ, и изъ всѣхъ этихъ этнографическихъ элементовъ, прежде разсыпанныхъ и разъединенныхъ, къ половинѣ XV в. среди политическаго раздробленія сложилась новая національная формація. Такъ завязалась и окрѣпла въ составѣ русскаго населенія цѣлая плотная народность—*великорусское племя*. Оно складывалось тяжело и терпѣливо. Въ продолженіе 234 лѣтъ (1228—1462) сѣверная Русь вынесла 90 внутреннихъ усобицъ и до 160 внѣшнихъ войнъ, при частыхъ повѣтріяхъ, неурожаяхъ и неисчислимыхъ пожарахъ. Выросши среди внѣшнихъ грозъ и внутреннихъ бѣдъ, быстро уничтожавшихъ плоды многолѣтней кропотливой работы, оно чувствовало потребность въ политическомъ сосредоточеніи своихъ неустроенныхъ силъ, въ твердомъ государственномъ порядкѣ, чтобы выйти изъ удѣльной неурядицы и татарскаго порабощенія. Эта потребность и была новой, скрытой, но могущественной причиной успѣховъ вел. князя московскаго, присоединившейся къ первоначальнымъ и основнымъ, какими были: *экономическія выгоды* географическаго положенія г. Москвы и Московскаго княжества, *церковное значеніе*, пріобрѣтенное Москвой при содѣйствіи того же условія, и согласованный съ обстоятельствами времени *образъ дѣйствій* московскихъ князей, внушенный ихъ генеалогическимъ положеніемъ.

Той же потребностью объясняется неожиданный и чрезвычайно важный для сѣверной Руси исходъ московской усобицы. Начавъ княженіе чуть не ребенкомъ, мягкій и благодушный Василій, казалось, совсѣмъ не годился для боевой роли, какая ему была суждена. Не разъ побитый, ограбленный и заточенный, наконецъ, ослѣпленный, онъ, однако, вышелъ изъ 19-тилѣтней борьбы съ пріобрѣтеніями, которыя далеко оставили за собою все, что заработали продолжительными усиліями его отецъ и дѣдъ. Когда онъ вступалъ на спорный великокняжескій столъ, московская вотчина была раздѣлена на цѣлый десятокъ удѣловъ; а когда онъ писалъ свою духовную, вся эта вотчина была въ его рукахъ, кромѣ половины одного изъ прежнихъ удѣловъ (верейская половина Можайскаго княжества). Сверхъ того, ему принадлежало Суздальское княжество, вотчичи котораго служили ему или бѣгали по чужимъ странамъ; московскіе намѣстники сидѣли по рязанскимъ городамъ, Новгородъ Великій и Вятка были во всей его волѣ. Наконецъ, онъ не только благословилъ своего старшаго сына великимъ княженіемъ, что еще колебался сдѣлать его отецъ, но и прямо включилъ великокняжескую область въ составъ своей наслѣдственной вотчины. Такіе успѣхи достались Темному потому, что все вліятельное, мыслящее и благонамѣренное въ русскомъ обществѣ стало за него, за преемство великокняжеской власти въ нисходящей линіи. Приверженцы Василія не давали покоя его соперникамъ, донимали ихъ жалобами, протестами и происками, брали на свою душу его клятвы, пустили въ дѣло на его защиту всѣ матеріальныя и нравственныя средства, какими располагали. Внукъ Донского попалъ въ такое счастливое положеніе, не имъ созданное, а имъ только унаслѣдованное, въ которомъ цѣли и способы дѣйствія были достаточно выяснены, силы направлены, средства заготовлены, орудія приспособлены и установлены,—и машина могла уже работать автоматически, независимо отъ главнаго механика. Какъ скоро населеніе сѣверной Руси почувствовало, что Москва способна стать политическимъ центромъ, около котораго оно могло собрать свои силы для борьбы съ внѣшними врагами, что московскій князь можетъ быть народнымъ вождемъ въ этой борьбѣ,—въ умахъ и отношеніяхъ удѣльной Руси совершился переломъ, рѣшившій судьбу удѣльнаго порядка: всѣ дотолѣ затаенныя или дремавшія національныя и политическія ожиданія и сочувствія великорусскаго племени, долго и безуспѣшно искавшія себѣ надежнаго пункта прикрѣпленія, тогда сошлись съ династическими усиліями московскаго великаго князя и понесли его на высоту національнаго государя Великороссіи. Такъ можно обозначить главные моменты политическаго роста Московскаго княжества.

Часто даютъ преобладающее значеніе въ ходѣ возвышенія Московскаго княжества личнымъ качествамъ его князей. Окончивъ обзоръ политическаго роста Москвы, мы можемъ оцѣнить и значеніе этихъ качествъ въ ея исторіи. Нѣтъ надобности преувеличивать это значеніе, считать политическое и національное могущество Московскаго княжества исключительно дѣломъ его князей, созданіемъ ихъ личнаго творчествъ, ихъ талантовъ. Историческіе памятники XIV и XV вв. не даютъ намъ возможности живо воспроизвести обликъ каждаго изъ этихъ князей. Московскіе великіе князья являются въ этихъ

памятникахъ довольно блѣдными фигурами, преемственно смѣнявшимися на великокняжескомъ столѣ подъ именами Ивана, Семена, другого Ивана, Димитрія, Василія, другого Василія. Всматриваясь въ нихъ, легко замѣтить, что передъ нами проходятъ не своеобразныя личности, а однообразныя повторенія одного и того же фамильнаго типа. Всѣ московскіе князья до Ивана III, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга, такъ что наблюдатель иногда затрудняется рѣшить, кто изъ нихъ Иванъ и кто Василій. Въ ихъ дѣятельности замѣтны нѣкоторыя индивидуальныя особенности; но онѣ объясняются различіемъ возраста князей или исключительными внѣшними обстоятельствами, въ какія попадали иные изъ нихъ; эти особенности не идутъ далѣе того, насколько измѣняется дѣятельность одного и того же лица отъ такихъ условій. Слѣдя за преемственной смѣной московскихъ князей, можемъ уловить въ ихъ обликахъ только типическія фамильныя черты. Наблюдателю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а скорѣе манекенами; онъ разсматриваетъ въ каждомъ его позу, его костюмъ, но лица ихъ мало что говорятъ зрителю.

Прежде всего московскіе Даниловичи отличаются замѣчательно устойчивой посредственностью—не выше и не ниже средняго уровня. Племя Всеволода Большого Гнѣзда вообще не блестѣло избыткомъ выдающихся талантовъ, за исключеніемъ развѣ одного Александра Невскаго. Московскіе Даниловичи даже среди этого племени не шли въ передовомъ ряду по личнымъ качествамъ. Это князья безъ всякаго блеска, безъ признаковъ какъ героическаго, такъ и нравственнаго величія. Во-первыхъ, это очень мирные люди; они неохотно вступаютъ въ битвы, а вступая въ нихъ, чаще проигрываютъ ихъ; они умѣютъ отсиживаться отъ непріятеля за дубовыми, а съ Дмитрія Донского за каменными стѣнами московскаго Кремля; но еще охотнѣе при нападеніи врага уѣзжаютъ въ Переяславль или куда-нибудь подальше, на Волгу, собирать полки, оставляя въ Москвѣ для ея защиты владыку-митрополита да жену съ дѣтьми. Не блестя ни крупными талантами, ни яркими доблестями, эти князья равно не отличались и крупными пороками или страстями. Это дѣлало ихъ во многихъ отношеніяхъ образцами умѣренности и аккуратности; даже ихъ наклонность выпить лишнее за обѣдомъ не возвышалась до столь извѣстной страсти древнерусскаго человѣка, высказанной устами Владиміра Святого. Это средніе люди древней Руси, какъ бы сказать, больше хронологическіе знаки, чѣмъ историческія лица. Лучшей ихъ фамильной характеристикой могутъ служить черты, какими характеризуетъ великаго князя Семена Гордаго одинъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ: „Великій князь Симеонъ былъ прозванъ Гордымъ, потому что не любилъ неправды и крамолы, и всѣхъ виновныхъ самъ наказывалъ, пилъ медъ и вино, но не напивался допьяна и терпѣть не могъ пьяныхъ, не любилъ войны, но войско держалъ наготовѣ". Въ шести поколѣніяхъ одинъ Димитрій Донской далеко выдался впередъ изъ строго выровненнаго ряда своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Молодость (умеръ 39 лѣтъ), исключительныя обстоятельства, съ 11 лѣтъ посадившія его на боевого коня, четырехсторонняя борьба съ Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумомъ и тревогами его 30-лѣтнее княженіе, и болѣе всего великое побоище на Дону—положили на него яркій отблескъ Александра Невскаго, и лѣтопись съ замѣтнымъ подъемомъ духа говоритъ о немъ, что онъ былъ „крѣпокъ и мужественъ и взоромъ дивенъ зѣло". Віографъ современникъ отмѣтилъ и другія, мирныя качества Димитрія, набожность, семейныя добродѣтели, прибавивъ: „аще книгамъ не ученъ сый добрѣ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имяше". При этомъ единственномъ исключеніи художнику высокаго стиля вообще мало дѣла съ московскими князьями. Но не блистая особыми доблестями, эти князья совмѣщали въ себѣ много менѣе дорогихъ, но болѣе доходныхъ качествъ, отличались обиліемъ дарованій, какими обыкновенно надѣляются недаровитые люди. Прежде всего эти князья дружно живутъ другъ съ другомъ. Они крѣпко держатся завѣта отцовъ: „жити за одинъ". Въ продолженіе четырехъ поколѣній, со смерти Данила до смерти Василія Димитріевича, Московское княжество было, можетъ быть, единственнымъ въ сѣверной Руси, не страдавшимъ отъ усобицъ собственныхъ князей. Потомъ московскіе князья—очень почтительные сыновья: они свято почитаютъ память и завѣтъ своихъ родителей. Поэтому среди нихъ рано складывается наслѣдственный запасъ понятій, привычекъ и пріемовъ княженія, образуется фамильный обычай, отцовское и дѣдовское преданіе, которое замѣняло имъ личный разумъ, какъ намъ школьная выучка нерѣдко замѣняетъ самодѣятельность мысли. Отсюда твердость поступи у московскихъ князей, ровность движенія, послѣдовательность дѣйствія; они дѣйствуютъ болѣе по памяти, по затверженному завѣту отцовъ, чѣмъ по личному замыслу, и потому дѣйствуютъ навѣрняка, безъ капризныхъ перерывовъ и съ постояннымъ успѣхомъ, какъ недаровитому ученику крѣпкая память позволяетъ тверже отвѣчать урокъ сравнительно съ бойкимъ мальчикомъ, привыкшимъ говорить своими словами. Работа у московскихъ князей идетъ ровной и непрерывной нитью, какъ шла пряжа въ рукахъ ихъ женъ, повинуясь движенію веретена. Сынъ цѣпко хватается за дѣло отца и по мѣрѣ силъ ведетъ его дальше. Уваженіе къ отцовскому завѣту въ ихъ холодныхъ духовныхъ грамотахъ порой согрѣвается до степени теплаго набожнаго чувства. „А пишу вамъ се слово,—такъ Семенъ Гордый заканчиваетъ

завѣщаніе младшимъ братьямъ,—того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша и свѣча бы не погасла“. Въ чемъ же состояло это фамильное преданіе, эта наслѣдственная политика московскихъ князей? Они хорошіе хозяева - скопидомы по мелочамъ, понемногу. Недаромъ первый изъ нихъ, добившійся успѣха въ невзрачной съ нравственной стороны борьбѣ, перешелъ въ память потомства съ прозваніемъ Калиты, денежнаго кошеля. Готовясь предстать предъ престоломъ Всевышняго Судіи и диктуя дьяку духовную грамоту, какъ эти князья внимательны ко всѣмъ подробностямъ своего хозяйства, какъ хорошо помнятъ всякую мелочь въ немъ! Не забудутъ ни шубки, ни стадца, ни пояса золотого, ни коробки сердоликовой,—все запишутъ, всему найдутъ мѣсто и наслѣдника. Сберечь отцовское стяжаніе и прибавить къ нему что-нибудь новое, новую шубку построить, новое сельцо прикупить,—вотъ на что, повидимому, были обращены ихъ правительственные помыслы, какъ они обнаруживаются въ ихъ духовныхъ грамотахъ. Эти свойства и помогли ихъ политическимъ успѣхамъ.

У каждаго времени свои герои, ему подходящіе, а XIII и XIV вѣка были порой всеобщаго упадка на Руси, временемъ узкихъ чувствъ и мелкихъ интересовъ, мелкихъ, ничтожныхъ характеровъ. Среди внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій люди становились робки и малодушны, впадали въ уныніе, покидали высокіе помыслы и стремленія; въ лѣтописи XIII—XIV в. не услышимъ прежнихъ рѣчей о Русской землѣ, о необходимости оберегать ее отъ поганыхъ, о томъ, что не сходило съ языка южно-русскихъ князей и лѣтописцевъ XI—XII в. Люди замыкались въ кругу своихъ частныхъ интересовъ и выходили оттуда только для того, чтобы попользоваться на счетъ другихъ. Когда въ обществѣ падаютъ общіе интересы и помыслы его руководителей замыкаются въ сердоликовую коробку, положеніемъ дѣлъ обыкновенно овладѣваютъ тѣ, которые энергичнѣе другихъ дѣйствуютъ во имя интересовъ личныхъ; а такими чаще всего бываютъ не наиболѣе даровитые, а наиболѣе угрожаемые, тѣ, кому наиболѣе грозитъ это паденіе общихъ интересовъ. Московскіе князья были именно въ такомъ положеніи: по своему генеалогическому значенію это были наиболѣе безправные, приниженные князья, а условія ихъ экономическаго положенія давали имъ обильныя средства дѣйствовать во имя личной выгоды. Потому они лучше другихъ умѣли приноровиться къ характеру и условіямъ своего времени и рѣшительнѣе стали дѣйствовать ради личнаго интереса. Съ ними было то же, что бываетъ съ промышленниками, у которыхъ ремесло усиленно развиваетъ смѣтливость и находчивость на счетъ другихъ, высшихъ качествъ и стремленій. Купецъ, чѣмъ энергичнѣе входитъ въ свое купеческое дѣло, забывая другіе интересы, тѣмъ успѣшнѣе ведетъ его. Я хочу сказать, что фамильный характеръ московскихъ князей не принадлежалъ къ числу коренныхъ условій ихъ успѣховъ, а былъ самъ произведеніемъ тѣхъ же условій: ихъ фамильныя свойства не создали политическаго и національнаго могущества Москвы, а сами были дѣломъ историческихъ силъ и условій, создавшихъ это могущество, были такой же второстепенной, производной причиной возвышенія Московскаго княжества, какою, напримѣръ, было содѣйствіе плотнаго московскаго боярства, привлеченнаго въ Москву удобнымъ ея положеніемъ,—боярства, которое не разъ и выручало своихъ князей въ трудныя минуты. Условія жизни нерѣдко складываются такъ своенравно, что крупные люди размѣниваются на мелкія дѣла, подобно кн. Андрею Боголюбскому, а людямъ некрупнымъ приходится дѣлать большія дѣла, подобно князьямъ московскимъ.

В. Ключевскій.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА *).

1 декабря 1826 года.

I.

30 іюля 1824 года Пушкинъ, давъ наканунѣ подписку, которой обязуется слѣдовать безостановочно по предписанному маршруту, выѣхалъ изъ Одессы и 9-го августа прибылъ въ Михайловское въ Опочецкомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Здѣсь, „въ забытой глуши, во мракѣ заточенья, въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада“,—сначала подъ надзоромъ пустого и взбалмошнаго отца, а потомъ подъ гражданскимъ и духовнымъ присмотромъ мѣстнаго гу-

---

*) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года; поступилъ въ Царскосельскій лицей 12 августа 1811 года; окончилъ курсъ 9 іюня 1817 года и зачисленъ на службу по Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ началѣ мая 1820 года высланъ на югъ Россіи, въ распоряженіе и подъ надзоръ попечителя колоній южнаго края, генерала Инзова, благодаря просвѣщенному отношенію котораго получилъ возможность побывать на Кавказѣ, въ Крыму, въ Кіевѣ и Бессарабіи и обогатиться новыми впечатлѣніями, отразившимися на его геніальныхъ произведеніяхъ; въ маѣ 1823 г. принятъ на службу генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края графомъ Воронцовымъ и переѣхалъ въ Одессу; 30 мая 1824 года высланъ на принудительное жительство въ село Михайловское; женился въ Москвѣ, 18 февраля 1831 года, на Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой. Смертельно раненый на дуэли съ барономъ Дантесомъ 27 января 1837 г., скончался 29 января,—погребенъ въ Святогорскомъ монастырѣ 6 февраля.

Ред.

бернатора и настоятеля Святогорскаго монастыря, прожилъ онъ „въ опальномъ домѣ“ два года, согрѣваемый лишь заботою „дряхлой голубки, подруги дней его суровыхъ“ и близостью Тригорскаго. Но именно въ эти два года онъ, по собственнымъ словамъ, почувствовалъ, что „духъ его вполнѣ развился и онъ можетъ творить“. Изъ-подъ пера его вылились рядъ главъ *Евгенія Онѣгина* (3—6,) *Борисъ Годуновъ*, *Графъ Нулинъ*, *Сцена изъ Фауста*, *Цыганы* и рядъ удивительныхъ лирическихъ произведеній, между которыми достаточно назвать: *„19 октября“*, *Я помню чудное мгновенье*, *Подражаніе Корану*, *Пророкъ* и *Андрей Шенье*.

Поэтому, когда, 8 сентября 1826 г., доставленный въ Москву по Высочайшему повелѣнію, онъ предсталъ предъ Императоромъ Николаемъ I, онъ уже сознавалъ, что отъ земной власти могли зависѣть многія существенныя условія его личной жизни и даже объемъ содержанія темъ для его творчества, но не его „предназначенье“. Онъ чувствовалъ, что его призваніе быть „пророкомъ“ своей родины, „глаголомъ жечь сердца людей“ и ударять по нимъ „съ невѣданною силой“. Его ждало загадочное и тревожившее его разрѣшеніе его судьбы, но онъ не забывалъ, что ему, „избранному небомъ пѣвцу“, нельзя „молчать, потупя очи долу“. Онъ взялъ съ собою, по словамъ Веневитинова, для доставленія Государю стихи, кончавшіеся словами: „Возстань, возстань, пророкъ Россіи,—позорной ризой облекись...“ и, вѣрный своей ненависти ко лжи, до забвенія собственной опасности, „мужаясь, презирая обманъ и стезею правды бодро слѣдуя“, на роковой вопросъ: „принялъ ли бы онъ участіе въ мятежѣ 14 декабря 1825 г.?“—отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на свою дружбу съ заговорщиками.

Государь оцѣнилъ прямодушіе поэта, „почтилъ его вдохновеніе и освободилъ его мысль“,—Пушкинъ получилъ свободу жить въ Москвѣ. Онъ не могъ еще предвидѣть, какъ,—согласно народной поговоркѣ „жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь“,—лукаво и оскорбительно для него извратитъ шефъ жандармовъ Бенкендорфъ обѣщаніе Государя быть *самому* его цензоромъ, извратитъ до такой степени, что Пушкину придется въ 1835 году въ прошеніи, исполненномъ ироніи и подавленнаго гнѣва, *всеуниженно* просить цензурный комитетъ объ урегулированіи своихъ отношеній къ цензурѣ и скрывать имя автора при печатаніи „Капитанской дочки“.

Уже въ ноябрѣ 1826 года Бенкендорфъ сталъ между двумя царями—царемъ русской земли и царемъ русской поэзіи,—ограничивая великодушіе перваго и стѣсняя великій талантъ второго. Но въ сентябрѣ этого еще не было, и Пушкинъ послѣ 8 сентября сразу окунулся въ шумную, по случаю коронаціонныхъ торжествъ, жизнь московскаго общества. „Москва приняла Пушкина, остановившагося у пріятеля своего Соболевскаго, съ восторгомъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Шевыревъ:—его вездѣ носили на рукахъ, во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ, первое вниманіе устремлялось на него, въ мазуркѣ и котильонѣ дамы выбирали поэта безпрерывно“.

„Однозвучный жизни шумъ“ не могъ однако увлечь Пушкина. Онъ жаждалъ дѣлиться послѣдними плодами своего творчества и провѣрять его въ кружкахъ истинныхъ цѣнителей и судей. Онъ трижды читалъ у князя Вяземскаго и Веневитинова „Бориса Годунова“, относительно котораго ему былъ впослѣдствіи преподанъ, подъ вліяніемъ записки Бенкендорфа, совѣтъ „передѣлать свою комедію, *по нужном очищеніи*, въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтеръ-Скотта“. Слушатели чтеній,—Веневитиновъ, Баратынскій, Мицкевичъ, Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, Шевыревъ, князь Вяземскій,—не раздѣляли, однако, такого взгляда, находя, повидимому, что подражать Вальтеръ-Скотту въ томъ, что достойно Шекспира, не слѣдуетъ. „О какое удивительное было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! восклицаетъ Погодинъ, вспоминая черезъ 40 лѣтъ объ одномъ изъ такихъ чтеній:—не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать; да едва ли кто и спалъ въ эту ночь: такъ были мы потрясены“.

Въ началѣ ноября Пушкинъ на очень краткое время покинулъ Москву и 9-го уже сообщаетъ изъ Михайловскаго князю Вяземскому о „поэтическомъ наслажденіи возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму“. Но 21 ноября онъ опять въ Москвѣ, откуда пишетъ Языкову, по поводу сотрудничества его въ „Московскомъ Вѣстникѣ“. Это вторичное пребываніе его въ Москвѣ было, очевидно, очень непродолжительнымъ, такъ какъ въ концѣ ноября онъ уже собирается изъ *Михайловскаго* пріѣхать въ Москву къ 1 декабря, но болѣзнь задерживаетъ его во Псковѣ, откуда ему удается выбраться лишь около половины декабря.

Въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 9 ноября Пушкинъ, между прочимъ, говоритъ: „Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му (декабря)... *она велѣла*. Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться“. Ему же пишетъ онъ изъ Пскова отъ 1 декабря: *„Ѣду къ вамъ и не доѣду*. Какой! Меня доѣзжаютъ... Во Псковѣ, вмѣсто того, чтобы писать седьмую главу Онѣгина, *я проигрывалъ въ штосъ четвертую*. Не забавно!..“ Въ концѣ ноября изъ Пскова онъ посылаетъ Соболевскому какое-то письмо на имя Зубкова, говоря: „Перешли *письмо Зубкову*, безъ задержанія малѣйшаго. *Твои догадки гадки, виды мои гладки*. На дняхъ буду у васъ, покамѣстъ сижу или лежу во Псковѣ“

II.

Письмо къ Зубкову нынѣ найдено... Съ разрѣшенія обладательницы этого письма, вдовы покойнаго выдающагося русскаго ученаго и мыслителя, Бориса Николаевича Чичерина, письмо это печатается ниже. Нужно ли говорить о прелести его содержанія и языка, въ которыхъ такъ ярко вылился Пушкинъ со всѣми благородными сторонами своей пылкой натуры, со всѣмъ блескомъ своего искрометнаго ума? Это письмо раскрываетъ еще невѣдомую доселѣ страницу въ жизни поэта и служитъ новымъ опроверженіемъ того „предательскаго привѣта", которымъ почтилъ его въ своихъ запискахъ другъ его юности, графъ Корфъ. Оно подтверждаетъ также указанія, содержащіяся въ приведенныхъ письмахъ къ кн. Вяземскому и Соболевскому.

Василій Петровичъ *Зубковъ*, родившійся 14 мая 1800 года (по формулярному списку ему, однако, въ 1851 году значилось 53 года) воспитывался дома и обучался затѣмъ въ основанной и руководимой генераломъ Н. Н. Муравьевымъ „школѣ для колонно-вожатыхъ". Это замѣчательное заведеніе, содержимое на частныя средства своего учредителя, съ чрезвычайно разумною и цѣлесообразно практическою программой, готовило молодыхъ людей, главнымъ образомъ, къ дѣятельности, нынѣ свойственной офицерамъ генеральнаго штаба. Но изъ него вышло нѣсколько выдающихся дѣятелей не на одномъ военномъ поприщѣ, сохранившихъ о Муравьевѣ самыя благодарныя воспоминанія. По словамъ одного изъ нихъ (А. Ф. Вельтмана), ученіе въ школѣ шло „свободно, легко и весело", увлекая „молодыя чувства, полныя стремленій къ жизни, къ дѣятельности, къ участію въ общественной пользѣ". Здѣсь „наука воплощалась въ опытъ, мысль и слово—въ дѣло, а голова не была въ разлукѣ съ мышцами, требующими движенія". Тяжелое нездоровье заставило, однако, Зубкова оставить службу въ колонно-вожатыхъ, которые считались состоящими въ свитѣ Государя, и перейти въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, откуда въ 1823 году онъ поступилъ на службу по судебному вѣдомству Совѣтникомъ Московской Палаты Гражданскаго Суда. Въ 1843 году онъ былъ уже Оберъ-прокуроромъ 8-го Департамента Сената въ Москвѣ, въ 1846 году Оберъ-прокуроромъ Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ, въ 1851 году Оберъ-прокуроромъ I Департамента, а въ 1855 году сдѣланъ Сенаторомъ, но въ томъ же году, по болѣзни, уволенъ въ отставку. Человѣкъ всесторонне образованный, продолжавшій интересоваться наукою въ обширномъ смыслѣ слова до конца дней, привѣтливый и добрый, онъ вносилъ въ разрѣшеніе дѣлъ въ Сенатѣ строгое безпристрастіе и нелицемѣрное стремленіе къ правосудію, умѣя пользоваться трудомъ и практическимъ знаніемъ канцелярскихъ дѣльцовъ стараго покроя, не давая имъ въ то же время возможности злоупотреблять своимъ положеніемъ. Подъ его вліяніемъ въ 8 Департаментѣ Сената создалась плодотворная школа для молодыхъ юристовъ, между которыми были такіе замѣчательные цивилисты, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, и не мало будущихъ дѣятелей судебной реформы.

По выходѣ въ отставку, Зубковъ переселился въ Москву, гдѣ и скончался въ 1862 году. Въ молодые годы онъ вращался въ свѣтскомъ обществѣ Москвы и былъ близокъ съ Пушкинымъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и кн. Вяземскимъ. О немъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ И. И. Пущинъ, разсказывая, какъ кн. Юсуповъ, увидя въ 1824 году на балу у Московскаго Генералъ-Губернатора неизвѣстнаго „штатскаго", танцующаго съ дочерью хозяина, спросилъ Зубкова о томъ, кто это такой? и узнавъ, что это судья Надворнаго Суда Пущинъ („освятившій собою избранный санъ", по выраженію Пушкина),—воскликнулъ: „Какъ! надворный судья и танцуетъ съ дочерью Генералъ-Губернатора?! Это вещь небывалая, тутъ кроется что-нибудь необыкновенное"... Василій Петровичъ Зубковъ былъ женатъ на воспитанницѣ Екатерины Владиміровны Апраксиной, Аннѣ Ѳедоровнѣ Пушкиной, очень дальней родственницѣ поэта. Зубкова была, по воспоминаніямъ Елизаветы Петровны Яньковой, изящна, какъ фарфоровая саксонская куколка. Ея сестра, Софія Ѳедоровна, тоже воспитанница Апраксиной, была настоящею красавицею. Стройная, высокая ростомъ, съ прекраснымъ греческимъ профилемъ и черными „какъ смоль" глазами, эта умная и милая въ обращеніи дѣвушка произвела сильное впечатлѣніе на Пушкина во время его пребыванія въ Москвѣ осенью 1826 года. Къ ней относятся въ письмѣ его къ кн. Вяземскому слова: *„она вельла"*, и можно не безъ основанія предположить, что именно о ней говоритъ поэтъ въ стихотвореніи, написанномъ 1 ноября 1826 года въ Москвѣ и относимомъ Анненковымъ то къ Кюхельбекеру, то къ Плещееву:

„Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать
И неизбѣжную разлуку
Въ уныньи робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

Пушкинъ останавливался, по предположенію П. О. Морозова, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву въ 1826 году у Зубкова. У него же написалъ онъ свои „Стансы", вызвавшіе несправедливыя нареканія „друзей", и чудесный его отвѣтъ имъ въ 1828 г.: „Нѣтъ, я не льстецъ"...

Поэтъ былъ суевѣренъ, вѣрилъ въ примѣты и талисманы. Въ качествѣ послѣднихъ у него было нѣсколько перстней. Гаевскій указываетъ на четыре такихъ: одинъ съ сердоликомъ, подаренный Пушкину графинею Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой, принадлежавшій впослѣдствіи И. С. Тургеневу и пожертвованный г-жею Віардо Пушкинскому музею Лицея; другой, подаренный умирающимъ Пушкинымъ Далю—съ изумрудомъ; третій—съ блѣдной, грушевидной бирюзою, подаренный поэту Нащокинымъ и снятый секундантомъ Пушкина Данзасомъ уже съ его похолодѣвшей руки,—и четвертый съ маленькою бирюзою.

Быть можетъ, въ припискѣ къ письму Пушкина Зубкову рѣчь идетъ именно объ этомъ послѣднемъ перстнѣ, такъ какъ, по удостовѣренію Анненкова, другой перстень съ бирюзою былъ заказанъ уже въ 30-хъ годахъ.

Софья Ѳедоровна Пушкина вышла замужъ за Валеріана Александровича Панина и имѣла трехъ сыновей и дочь.

Графъ Николай Александровичъ Самойловъ, котораго поздравляетъ Пушкинъ въ припискѣ къ письму, былъ послѣднимъ въ родѣ, который пресѣкся съ его смертью въ іюлѣ 1842 г. Въ 1825 г. онъ женился на графинѣ Юліи Павловнѣ фонъ-деръ-Паленъ.

---

l'aime il est impossible de l'aimer d'avantage, comme il est impossible de la trouver plus belle encore avec le tems, car il est impossible d'être plus belle — Ангел мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Паниным скверным и жени меня

А. П.

à Moscou, je vous dirai quelque chose. Je tiens à ma turquoise ~~toute~~ infame qu'elle est. Je félicite le C-te Somoilof

III.

Cher Zoubkof, vous n'avez pas reçu de lettre de moi et en voici la raison: je voulois vous arriver comme une bombe le 1 dec. c. à. d. aujourd'hui, il y a donc 5 à 6 jours que je suis parti de mon maudit village en перекладная—vu les chemins détestables.—Les ямщикъ de Pskov n'ont eu rien de plus pressé que de me verser, j'ai le côté foulé, la poitrine malade, je ne puis respirer, de rage je joue et je perds.—En voilà assez: j'attends que je sois tant soit peu mieux pour reprendre la poste.

Vos deux lettres sont charmantes; mon arrivée eût été la meilleure réponse aux réflexions, objections etc. Mais puisque me voilà dans une auberge de Pskov au lieu d'être aux pieds de Sophie, jasons, c. à. d. raisonnons.

J'ai 27 ans, cher ami.—Il est tems de vivre, c. à. d. de connaître le bonheur.—Vous me dites qu'il ne peut être éternel: belle nouvelle! Ce n'est pas mon bonheur à moi qui m'inquiète, pourrois-je n'être pas le plus heureux des hommes auprès d'elle—je tremble seulement en songeant au sort qui, peut-être, l'attend—je tremble de ne pouvoir

la rendre aussi heureuse que je le désire. Ma vie jusqu'à présent si errante, si orageuse, mon caractère inégal, jaloux, susceptible, violent et faible tout à la fois—voilà ce qui me donne des moments de réflexions pénibles.—Dois je attacher à un sort aussi triste, à un caractère aussi malheureux, le sort d'un être si doux, si beau? Mon Dieu qu'elle est jolie! et que ma conduite avec elle a été ridicule.—Cher ami, tâchez d' effacer les mauvaises impressions qu'elle a pu lui donner—dites lui que je suis plus raisonnable que je n'en ai la mine et la preuve —что тебѣ въ голову придетъ. Мерзкій этотъ Панинъ, два года влюбленъ, а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ—а я вижу разъ ее въ ложѣ, въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь! Si elle trouve que Панинъ a raison, elle doit croire que je suis fou, n'est-ce pas? Expliquez lui donc que c'est moi qui ai raison, que quand on l'a vue, il n'y a pas à balancer, que je ne puis avoir des prétentions à la séduction, que j'ai donc très bien fait d'en venir tout droit au dénouement, qu'une fois qu'on l'aime il est impossible de l'aimer d'avantage, comme il est impossible de la trouver plus belle encore avec le tems, car il est impossible d'être plus belle.—Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Панинымъ сквернымъ и жени меня.

А. П.

A Moscou je vous dirai quelque chose. Je tiens à ma Turquoise toute infâme qu'elle est. Je félicite le C-te Samoilof.

(На листѣ почтовой сѣроватой бумаги, большого формата, безъ водяныхъ знаковъ, съ золотымъ обрѣзомъ).

Дорогой Зубковъ, Вы не получили письма отъ меня, и вотъ этому объясненіе: я самъ хотѣлъ 1 декабря, т. е. сегодня, прилетѣть къ Вамъ какъ бомба, такъ что выѣхалъ тому пять-шесть дней изъ моей проклятой деревни на перекладной, въ виду отвратительныхъ дорогъ. Псковскіе ямщики не нашли ничего лучшаго, какъ опрокинуть меня. У меня помятъ бокъ, болитъ грудь и я не могу дышать. Взбѣшенный—я играю и проигрываю. Но довольно: какъ только мнѣ немного станетъ лучше, буду продолжать мой путь почтой.

Ваши два письма прелестны. Мой пріѣздъ былъ бы лучшимъ отвѣтомъ на размышленія, возраженія и т. д. Но такъ какъ я, вмѣсто того, чтобы быть у ногъ Софи, нахожусь на постояломъ дворѣ во Псковѣ, то поболтаемъ, т. е. станемъ разсуждать.

Мнѣ 27 лѣтъ, дорогой другъ. Пора жить, т. е. познать счастье. Вы мнѣ говорите, что оно не можетъ быть вѣчнымъ: прекрасная новость! Не мое личное счастье меня тревожитъ,—могу ли я не быть самымъ счастливымъ человѣкомъ съ нею!—я трепещу лишь думая о судьбѣ, быть можетъ, ее ожидающей;—я трепещу передъ невозможностью сдѣлать ее столь счастливою, какъ это мнѣ желательно. Моя жизнь такая доселѣ кочующая, такая бурная, мой нравъ—неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый,—вотъ что внушаетъ мнѣ тягостное раздумье.

Слѣдуетъ ли мнѣ связать судьбу столь нѣжнаго, столь прекраснаго существа съ судьбою до такой степени печальною, съ характеромъ до такой степени несчастнымъ?—Боже мой, до чего она хороша! и какъ смѣшно было мое поведеніе по отношенію къ ней! Дорогой другъ, постарайтесь изгладить дурное впечатлѣніе, которое оно могло на нее произвести. Скажите ей, что я разумнѣе, чѣмъ имѣю видъ, и доказательство тому—что тебѣ въ голову придетъ. Мерзкій этотъ Панинъ два года влюбленъ, а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ,—а я вижу ее разъ въ ложѣ, въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь! Если она полагаетъ, что Панинъ правъ, она должна думать, что я сошелъ съ ума,—не правда ли? Объясните же ей, что правъ я, что увидѣвъ ее нельзя колебаться, что не претендуя увлечь ее собою, я прекрасно сдѣлалъ, прямо придя къ развязкѣ,—что полюбивъ ее, нѣтъ возможности полюбить ее сильнѣе (моего), какъ невозможно впослѣдствіи найти ее еще прекраснѣе, ибо прекраснѣе быть невозможно... Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Панинымъ скврнымъ и жени меня.

А. П.

Въ Москвѣ я Вамъ кое-что разскажу. Я дорожу моей бирюзой, какъ она ни гнусна. Поздравляю графа Самойлова.

Сообщилъ *А. Ѳ. Кони.*

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

I.

Когда говорятъ „крестьянскій вопросъ“, то подразумѣвается нѣчто нерѣшенное или неясное по отношенію къ крестьянамъ. Иначе не было бы никакого вопроса. Что же такое неясно или не рѣшено по отношенію къ крестьянамъ, на что нужно дать отвѣтъ, что нужно сдѣлать по крестьянскому дѣлу? На первый взглядъ кажется, что все главное уже давно сдѣлано и рѣшено. Вѣдь наше крестьянство существуетъ уже не первую сотню лѣтъ, и нельзя же предполагать, чтобы всѣ эти долгіе вѣка оно такъ и прожило подъ знакомъ вопроса. Вѣдь крестьяниномъ уже былъ чуть ли не былинный богатырь Микула Селяниновичъ...

Нерѣдко и слышатся поэтому возраженія, что крестьянскаго вопроса нѣтъ, что это-де одно „праздное слово“. Крестьянство—старое, историческое сословіе, сложившееся окончательно въ незапамятныя времена. Въ послѣдній разъ болѣе или менѣе крупный вопросъ возбуждался по отношенію къ крестьянству въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда предстояло освободить помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устроить, на одинаковыхъ основаніяхъ, управленіе всѣми многочисленными разрядами крестьянъ. Все это давно сдѣлано. Крѣпостное право отмѣнено. У всѣхъ разрядовъ крестьянъ (бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ, удѣльныхъ и т. д.) введено однородное, сельское и волостное, общественное управленіе. Учреждены вездѣ волостные суды. Сами крестьяне (одинъ разрядъ за другимъ) получили постепенно опредѣленные земельные надѣлы. Для завѣдыванія крестьянскими дѣлами образованы особыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ. Однимъ словомъ, окончательно опредѣлены и выяснены всѣ подробности крестьянскаго устройства, которое, до преобразованій шестидесятыхъ годовъ, имѣло еще нѣкоторыя неясныя стороны. Съ тѣхъ поръ прошло около сорока лѣтъ. За это время пришлось передѣлать нѣкоторыя мелочи крестьянскаго устройства, улучшить и преобразовать отдѣльныя крестьянскія учрежденія, дополнить тѣ части крестьянскаго законодательства, въ которыхъ замѣчены были, съ теченіемъ времени, небольшіе пробѣлы. Такъ, напримѣръ, учрежденные въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, для завѣдыванія крестьянскими дѣлами, мировыя посредническія учрежденія были замѣнены, по закону 27 іюня 1874 г., уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями; а когда выяснилась бездѣятельность этихъ присутствій, то они, въ свою очередь, были замѣнены земскими начальниками (законъ 12 іюля 1889 г.). Тогда же, по временнымъ правиламъ 12 іюля 1889 г., былъ преобразованъ волостной судъ. Затѣмъ, когда было обнаружено, что частые семейные раздѣлы причиняютъ большой вредъ крестьянскому хозяйству, то былъ изданъ дополнительный законъ 18 марта 1886 г. о порядкѣ и объ условіяхъ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ. Особые дополнительные законы были изданы также: о порядкѣ передѣловъ общинной земли (8 іюня 1893 г.); о неотчуждаемости надѣльныхъ земель (14 декабря 1893 г.); о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ (23 іюня 1899 г.); объ удовлетвореніи продовольственныхъ потребностей сельскаго населенія (12 іюня 1900 г.) и др. Всѣ эти дополнительные законы и дополнительныя преобразованія не измѣняли основаній искони сложившагося устройства крестьянъ, не разрушали того зданія крестьянства, которое возведено многолѣтней его исторіей, а были только мелочными исправленіями въ этомъ зданіи. Такія же мелочныя исправленія могутъ потребоваться и теперь и въ будущемъ времени. Но совокупность тѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ и сомнѣній, которыя возбуждаются отдѣльными несовершенствами и недостатками крестьянскаго устройства, не составляетъ еще общаго крестьянскаго вопроса. Имѣются несомнѣнно отдѣльные, неразрѣшенные еще вопросы по крестьянскому дѣлу, но общаго крестьянскаго вопроса нѣтъ, потому что общія основанія крестьянскаго устройства совершенно ясны, прочны и незыблемы.

Такимъ образомъ, разногласіе между двумя мнѣніями по крестьянскому дѣлу (о томъ, что имѣются на лицо отдѣльные неразрѣшенные вопросы крестьянскаго устройства или общій крестьянскій вопросъ) сводится въ сущности къ тому, касается ли совокупность отдѣльныхъ необходимыхъ преобразованій въ крестьянскомъ дѣлѣ самыхъ основаній существующаго крестьянскаго устройства, или же эти необходимыя преобразованія только поверхностны и не относятся къ основнымъ началамъ крестьянскаго дѣла, которыя постоянно слѣдуетъ имѣть въ виду при разрѣшеніи отдѣльныхъ крестьянскихъ вопросовъ. Какъ при ремонтѣ и мелочныхъ передѣлкахъ зданія, въ которомъ обнаружились отдѣльныя неудобства, необходимо всегда имѣть въ виду его общій планъ и взаимное соотношеніе его частей, точно такъ же и при измѣненіи отдѣльныхъ подробностей крестьянскаго устройства и крестьянскаго законодательства не слѣдуетъ отступать отъ общихъ основаній того и другого. Только въ томъ случаѣ можно и слѣдуетъ нарушить весь планъ зданія и перестроить его съ самыхъ основаній, если неудобства его такъ существенны, что однѣми передѣлками ничего не подѣлаешь. Точно также только въ томъ случаѣ можетъ быть поставленъ общій крестьянскій вопросъ, если разрѣшеніе отдѣльныхъ вопросовъ по необходимому измѣненію тѣхъ или другихъ частей крестьянскаго устройства соприкасается съ самыми его основаніями, если измѣненія эти столь су-

щественны, что не могутъ быть достигнуты безъ измѣненія всего плана крестьянскаго зданія.

Каковы же отдѣльные вопросы по крестьянскому дѣлу, въ чемъ заключается ихъ существо, кто ихъ возбудилъ, откуда они пошли?

Вопросы эти не всплыли сразу и одновременно въ послѣдніе годы. Уже давно указывалось, что многое неладно въ крестьянскомъ дѣлѣ. Въ разное время отмѣчались различные недостатки въ крестьянскомъ устройствѣ и предлагались разныя мѣры для устраненія этихъ недостатковъ. Немногія изъ этихъ предложеній (наиболѣе давнія) получили силу закона, но громадное ихъ большинство еще не вышло изъ области пожеланій.

Для того, чтобы установить общій объемъ и общее содержаніе крестьянскихъ вопросовъ, которые привлекаютъ къ себѣ въ настоящее время особеное вниманіе, полезно привести, хотя бы въ главныхъ чертахъ, краткій перечень однихъ только офиціальныхъ предположеній о тѣхъ или иныхъ преобразованіяхъ въ крестьянскомъ устройствѣ за время послѣ освобожденія крестьянъ.

По приведеніи въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ 1861 г., существенные недостатки обнаружены были прежде всего въ учрежденныхъ, по правиламъ этихъ положеній, волостныхъ судахъ. Поэтому, независимо отъ изданія закона 14 февраля 1866 г. о порядкѣ отмѣны рѣшеній волостныхъ судовъ (что не было предусмотрѣно въ положеніяхъ 1861 г.), состоялось 16 декабря 1871 г. Высочайшее повелѣніе о производствѣ подробнаго изслѣдованія волостныхъ судовъ. Это изслѣдованіе было возложено на особую комиссію подъ предсѣдательствомъ сенатора (впослѣдствіи члена Государственнаго совѣта) М. Н. Любощинскаго. Члены комиссіи, со своими сотрудниками, лично объѣздили волости въ 15 губерніяхъ и вездѣ знакомились на мѣстѣ: съ личнымъ составомъ волостныхъ судей, съ количествомъ и свойствомъ дѣлъ, разбираемыхъ волостными судами, съ порядкомъ производства дѣлъ въ волостныхъ судахъ и съ существомъ ихъ рѣшеній. При этомъ, путемъ личныхъ опросовъ крестьянъ и должностныхъ лицъ, а также путемъ истребованія письменныхъ отзывовъ отъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, комиссія собрала очень большое количество отвѣтовъ на разные вопросы, касающіеся положенія волостныхъ судовъ. Обсудивъ собранныя свѣдѣнія, комиссія высказала цѣлый рядъ предположеній объ улучшеніи и измѣненіи устройства и дѣятельности волостныхъ судовъ. Въ частности, комиссія считала необходимымъ: установить болѣе продолжительный срокъ службы волостныхъ судей, вмѣсто годичнаго срока, установленнаго въ положеніяхъ 1861 г.; допускать въ судьи, по возможности, только грамотныхъ; назначить постоянное жалованье волостнымъ судьямъ; подчинить вѣдомству волостного суда проживающихъ въ селеніяхъ мѣщанъ и отставныхъ солдатъ; установить обжалованіе рѣшеній волостныхъ судовъ въ съѣзды мировыхъ судей, причемъ предоставить мировымъ съѣздамъ перерѣшать по существу обжалованныя рѣшенія волостныхъ судовъ; составить для волостныхъ судовъ правила гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, примѣнительно къ судебнымъ уставамъ; издать уставъ о проступкахъ, подвѣдометвенныхъ волостному суду, и т. п. Большая часть этихъ пожеланій, за исключеніемъ, однако, двухъ послѣднихъ, осуществились черезъ много лѣтъ, въ изданныхъ 12 іюня 1889 г. временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ.

Затѣмъ, разнообразные вопросы, относящіеся къ крестьянскому дѣлу, были затронуты въ такъ называемой Валуевской комиссіи. Комиссія эта учреждена была, согласно Высочайше утвержденному 26 мая 1872 г. положенію Комитета министровъ, подъ названіемъ Особой комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, но называется обыкновенно „Валуевской“, по имени ея предсѣдателя, б. министра государственныхъ имуществъ, П. А. Валуева. Какъ видно изъ того офиціальнаго наименованія, которое получила эта комиссія, она не была созвана, въ особенности, для обсужденія вопросовъ, касающихся крестьянскаго дѣла. Ея задача была болѣе общая — „разъяснить вопросъ объ увеличеніи или уменьшеніи, въ общемъ итогѣ, производительнаго труда населенія Россіи“; но вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіи поручено было разсмотрѣть этотъ вопросъ, въ частности, и по отношенію къ крестьянамъ *). Члены этой комиссіи уже не выѣзжали на мѣста, какъ члены комиссіи Любощинскаго, но собирали необходимыя для работъ комиссіи свѣдѣнія иными способами: путемъ письменныхъ сношеній съ губернаторами, предводителями дворянства, предсѣдателями земскихъ управъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, а также путемъ опроса лицъ, вызванныхъ въ засѣданія комиссіи. Такихъ лицъ было вызвано 181 **). Въ полученныхъ комиссіей письменныхъ отзывахъ и въ выслушанныхъ ею словесныхъ показаніяхъ были засвидѣтельствованы многочисленные недостатки крестьянскаго дѣла. Большое вниманіе въ этихъ отзывахъ и показаніяхъ удѣлялось несоотвѣтствію размѣра крестьянскихъ повинностей (казенныхъ, земскихъ и мірскихъ) съ размѣрами доходности надѣльныхъ земель. Кромѣ того, въ отдѣльныхъ отзывахъ указывалось: на плохое устройство волостныхъ правленій, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является наемный волостной писарь; далѣе — на безпорядки мірского хозяйства и растраты

*) Всеподданнѣйшій докладъ Валуева 2 мая 1872 г.

**) Въ томъ числѣ: губернаторовъ—11, предводителей дворянства—25, предсѣдателей земскихъ управъ—11, землевладѣльцевъ—111, управляющихъ частными имѣніями—5, хлѣбный торговецъ—1, лицъ, знакомыхъ со спеціальными отраслями сельской промышленности—9 и съ врачебно-ветеринарной частью—3, скотопромышленниковъ—2, волостныхъ старшинъ изъ подстоличныхъ волостей—2 и крестьянинъ-собственникъ—1.

мірскихъ суммъ; на стѣснительность и неудобства общиннаго землевладѣнія и т. п. Въ окончательныхъ своихъ заключеніяхъ Валуевская комиссія полагала необходимымъ принять слѣдующія мѣры по крестьянскому дѣлу: устранить замѣченные недостатки крестьянскаго управленія, облегчить условія выхода отдѣльныхъ крестьянъ изъ общинъ, а также издать новыя правила о передѣлахъ земли и о семейныхъ раздѣлахъ. Изъ этихъ предположеній осуществились только два послѣднія (законы 18 марта 1886 г. и 8 іюня 1893 г.).

Болѣе широко и опредѣленно поставлено было обсужденіе вопроса объ устройствѣ крестьянскаго управленія въ Высочайше учрежденной 4 сентября 1881 г. Особой комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія. Сокращенно, по имени ея предсѣдателя, статсъ-секретаря Каханова, комиссія эта называется очень часто Кахановской комиссіей.

Хотя Кахановская комиссія не была образована спеціально для обсужденія вопросовъ, относящихся только къ крестьянскому управленію, а имѣла, какъ и Валуевская комиссія, болѣе общую задачу — переустройство всего мѣстнаго (губернскаго и уѣзднаго) управленія, но необходимость переустройства собственно крестьянскаго управленія послужила главнымъ и первымъ основаніемъ для образованія комиссіи.

Произошло это такимъ образомъ.

Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 декабря 1880 г. предложено было земскимъ собраніямъ и мѣстнымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ представить соображенія о преобразованіи существовавшихъ въ то время уѣздныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ (уѣздныя по кр. д. присутствія). По естественной связи этого вопроса съ устройствомъ сельскихъ и волостныхъ учрежденій, недостатки которыхъ уже сознавались въ то время, земскія собранія, а также и нѣкоторыя изъ губернскихъ присутствій, связали эти вопросы вмѣстѣ и представили отзывы по тому и другому вопросу. Другія пошли еще дальше, присоединивъ къ этимъ вопросамъ также и предположенія о переустройствѣ всего мѣстнаго управленія.

Въ то же время, по этому послѣднему вопросу собирались свѣдѣнія посредствомъ сенаторскихъ ревизій.

При такихъ условіяхъ, въ виду выясненной непосредственной связи между всѣми указанными вопросами (крестьянскаго и общаго управленія), для совокупнаго ихъ обсужденія и была образована Кахановская комиссія. Не удивительно, что при такомъ происхожденіи комиссіи, обсужденіе въ ней вопросовъ крестьянскаго управленія пріобрѣло особенно важное значеніе.

Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе всего хода работъ Кахановской комиссіи, слѣдуетъ отмѣтить тѣ чрезвычайно крупныя преобразованія, которыя предполагались комиссіей по крестьянскому управленію.

По части сельскаго управленія въ средѣ комиссіи высказано было и поддерживалось предложеніе о выдѣленіи изъ состава сельскаго управленія крестьянскихъ поземельныхъ обществъ, съ тѣмъ, чтобы въ завѣдываніи этихъ обществъ (которыя составлялись бы каждое изъ каждой группы крестьянъ, имѣющихъ общее землевладѣніе) были оставлены исключительно поземельныя дѣла. Затѣмъ, для завѣдыванія относящимися нынѣ къ вѣдѣнію сельскихъ обществъ дѣлами мѣстнаго благоустройства и порядка, предполагалось учредить административныя сельскія общества изъ мѣстныхъ жителей всѣхъ сословій.

Что касается волостного управленія, то по этому предмету въ Кахановской комиссіи возникло предположеніе о совершенномъ упраздненіи крестьянскихъ волостей, въ виду того, что волости эти потеряли сословное значеніе. Подъ названіемъ волостей, проектировались въ комиссіи административные округи, или участки, находящіеся въ завѣдываніи единоличныхъ должностныхъ лицъ (волостелей или участковыхъ).

Точно также въ комиссіи предположено было совершенно упразднить особыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, съ тѣмъ, чтобы обязанности ихъ были распредѣлены между волостелями, мировыми судьями и общимъ уѣзднымъ управленіемъ.

По поводу всѣхъ этихъ предположеній, которыя поддерживались значительнымъ числомъ членовъ комиссіи, въ комиссіи не состоялось, однако, согласныхъ рѣшеній и работы ея не имѣли никакихъ ближайшихъ послѣдствій.

Съ иной стороны было обращено вниманіе на крестьянское дѣло Государственнымъ совѣтомъ, при обсужденіи представленія министерства внутреннихъ дѣлъ о мѣрахъ къ ограниченію продажи надѣльныхъ земель (вслѣдствіе этого представленія послѣдовалъ упомянутый выше законъ 14 декабря 1893 г.).

По поводу указаннаго представленія Государственный совѣтъ разсуждалъ, что изданіемъ правилъ о порядкѣ распоряженія надѣльными землями далеко не исчерпываются предстоящія законодательству задачи по крестьянскому дѣлу. „При осуществленіи крестьянской реформы, самой трудною ея стороной являлась развязка отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными людьми, путемъ выкупной операціи. На эту собственно сторону было по необходимости обращено преимущественное вниманіе и ей посвящена большая часть положеній 19 февраля; постановленіямъ же о прочихъ сторонахъ жизни крестьянъ, а именно объ общественномъ ихъ устройствѣ и объ имущественномъ ихъ бытѣ, удѣлено въ сихъ положеніяхъ, сравнительно, незначительное мѣсто. Благодаря подобному положенію вещей, многія важнѣйшія стороны

крестьянской жизни остаются донынѣ неупорядоченными, можно сказать, даже—незатронутыми со стороны закона, въ прямой ущербъ сельскому населенію. Въ подтвержденіе сего достаточно указать, напримѣръ, на отсутствіе правилъ объ опекахъ и наслѣдованіи у крестьянъ, на неопредѣленность правилъ о составленіи сельскихъ сходовъ и о порядкѣ ихъ дѣятельности и мн. др.". Указывая далѣе, что еще во время изданія положеній 1861 г. предполагалось начертать для крестьянъ сельскій уставъ, и что съ тѣхъ поръ въ крестьянской средѣ возникли новыя потребности, совершенно не удовлетворяемыя неполнымъ и недостаточнымъ крестьянскимъ законодательствомъ,—Государственный совѣтъ признавалъ своевременнымъ приступить къ пересмотру и къ дополненію этого законодательства. При этомъ Государственный совѣтъ полагалъ, что „трудъ сей долженъ будетъ обнять всѣ стороны сельскаго быта и коснуться наиболѣе существенныхъ и жизненныхъ интересовъ многомилліоннаго крестьянскаго населенія" (Журналъ соединенныхъ департаментовъ Государственнаго совѣта 1893 г. № 77).

Во исполненіе такихъ сужденій Государственнаго совѣта, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ составленію программы для пересмотра крестьянскаго законодательства. Программа эта, изложенная въ видѣ отдѣльныхъ вопросовъ (всего 66 вопросовъ), была разослана при циркулярѣ министерства отъ 7 іюня 1894 г., на обсужденіе особыхъ губернскихъ совѣщаній, которыя были образованы въ каждой губерніи, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ чиновъ мѣстной крестьянской администраціи и другихъ приглашенныхъ губернаторомъ лицъ.

Въ самой программѣ и въ доставленныхъ на нее отвѣтахъ затронуты были разнообразнѣйшіе вопросы, обнимающіе едва ли не всѣ стороны крестьянскаго дѣла: устройство сельскихъ обществъ и волостей; составъ и порядокъ дѣйствій волостныхъ и сельскихъ сходовъ; условія общественной службы по крестьянскому управленію; порядокъ пріема въ общества новыхъ членовъ и увольненія изъ обществъ; семейные раздѣлы и выдѣлы изъ двора; опеки; общественное призрѣніе; мірское хозяйство и мірское обложеніе; передѣлы земли и вообще условія землепользованія; устройство нотаріальной части въ селеніяхъ, и т. п.

Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по указаннымъ вопросамъ былъ изданъ земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1897 г. (въ четырехъ томахъ).

Затѣмъ, относительно дальнѣйшаго направленія работъ по пересмотру крестьянскаго законодательства возникали различныя предположенія, но ни одно изъ нихъ не осуществилось въ дѣйствительности.

Въ этотъ промежутокъ нѣкотораго застоя указанныхъ работъ, на крестьянскій вопросъ было, между прочимъ, обращено вниманіе во всеподданнѣйшемъ докладѣ бывшаго министра финансовъ о государственной росписи на 1899 г. Въ этомъ докладѣ статсъ-секретарь Витте указывалъ, что главную причину, задерживающую развитіе крестьянскаго хозяйства, слѣдуетъ искать— „въ неопредѣленности имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, порождающей многообразныя затрудненія въ самомъ распорядкѣ веденія личнаго хозяйства, въ наиболѣе выгодномъ распоряженіи силами и средствами и въ накопленіи послѣднихъ... Подобная неустойчивость и неопредѣленность обусловливается неполнотой законодательства о сельскихъ обывателяхъ".

Наконецъ, по всеподданнѣйшему докладу б. министра внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина, рѣшено было приступить къ пересмотру крестьянскаго законодательства. При этомъ, въ правительственномъ сообщеніи по этому поводу было указано, что задачей такой законодательной работы должно быть: „измѣненіе, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній, о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ положеній 19 февр. 1861 г. и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе" (Прав. Вѣст. 1902 г., прибавленіе къ № 11). Какъ видно изъ того же правительственнаго сообщенія, самый объемъ пересмотра, независимо отъ указанныхъ основныхъ его началъ, былъ намѣченъ весьма широко. Этому пересмотру подвергались правила: а) объ общественномъ крестьянскомъ управленіи; б) о землепользованіи и гражданскихъ правахъ сельскихъ обывателей; в) объ общественномъ хозяйствѣ крестьянъ, и г) о волостномъ судѣ.

Пока въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, особой редакціонной комиссіей, подъ предсѣдательствомъ товарища министра А. С. Стишинскаго, составлялись первоначальные проекты новыхъ узаконеній для крестьянъ (по указаннымъ выше вопросамъ), Государю Императору благоугодно было объявить въ августѣ мѣсяцѣ 1902 г. (во время курскихъ маневровъ), что составленные въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проекты, до приведенія ихъ въ исполненіе, будутъ переданы на обсужденіе губернскихъ комитетовъ, съ участіемъ дворянства и земства. Это Высочайшее соизволеніе было затѣмъ подтверждено въ Манифестѣ 26 февраля 1903 г.

Къ началу 1904 г. были закончены труды редакціонной комиссіи по составленію проектовъ новыхъ положеній о крестьянахъ. Такихъ проектовъ было составлено шесть: 1) положеніе о крестьянскомъ общественномъ управленіи; 2) положеніе о волостномъ судѣ; 3) волостной уставъ о наказаніяхъ; 4) сельскіе уставы о договорахъ и наслѣдованіи; 5) положеніе о надѣльныхъ земляхъ, и 6) правила объ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ и объ ихъ разверстаніи

съ черезполосными угодьями частнаго владѣнія.

Перечисленные проекты особыхъ положеній, уставовъ и правилъ должны, по предположенію редакціонной комиссіи, служить не дополненіемъ къ дѣйствующимъ крестьянскимъ законамъ, а прямо замѣнить послѣдніе, въ соотвѣтственныхъ частяхъ.

По заключеніи работъ редакціонной комиссіи, послѣдовалъ Высочайшій указъ 8 января 1904 г. объ учрежденіи, для обсужденія этихъ работъ, особыхъ губернскихъ совѣщаній. Въ указѣ этомъ вновь подтверждено, чтобы пересмотръ крестьянскихъ узаконеній совершался „на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 г.“, т. е. на очень широкихъ и не стѣснительныхъ началахъ. Особыя оговорки имѣются въ указѣ только относительно сохраненія общиннаго и вообще сословно-земельнаго крестьянскаго строя, а также относительно неотчуждаемости отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель.

Занятія губернскихъ совѣщаній, начавшіяся весной 1904 г., въ настоящее время, въ свою очередь, близятся къ концу.

Совершенно независимо отъ общаго хода работъ по пересмотру крестьянскаго законодательства, разнообразныя сужденія и предположенія по крестьянскому дѣлу возникли въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ, учрежденныхъ для обсужденія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. Комитеты эти были образованы по распоряженію Высочайше учрежденнаго 23 января 1902 г., подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Витте, Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности,—для доставленія этому совѣщанію отзывовъ и мнѣній о мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ. Разсматривая, между прочимъ, положеніе крестьянскаго хозяйства, комитеты указывали, что плохое его положеніе зависитъ не только отъ причинъ чисто хозяйственнаго свойства (несовершенство обработки земли, засухи, неурожаевъ и т. н.), но также, въ значительн й степени, отъ причинъ, вліяющихъ вообще на предпріимчивость крестьянъ. Къ числу такихъ причинъ, кромѣ малой образованности крестьянъ, комитеты относили разнообразныя неустройства крестьянскаго дѣла, дѣйствующія на крестьянъ и на ихъ хозяйство угнетающимъ образомъ. Не предлагая подробно разработанныхъ проектовъ новыхъ узаконеній о крестьянахъ (что и не входило въ задачу комитетовъ), комитеты указывали вообще на желательность поставить крестьянъ въ однородныя условія гражданскаго быта со всѣмъ остальнымъ населеніемъ. Въ этомъ отношеніи комитеты исходили изъ главныхъ началъ положеній 1861 г., которыя, по мнѣнію комитетовъ, были именно направлены къ возможному, по условіямъ земледѣльческаго быта крестьянъ, сближенію ихъ съ остальными сословіями въ обще-гражданской жизни.

Тотъ же взглядъ на конечную цѣль предпринятаго пересмотра узаконеній о крестьянахъ выразился въ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату 12 декабря 1904 г., въ которомъ повелѣно, „чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“.

Приведенный краткій очеркъ развитія вопросовъ по пересмотру крестьянскаго законодательства несомнѣнно указываетъ, что такихъ нерѣшенныхъ вопросовъ состоитъ многое множество и что пересмотръ этотъ, привлекшій къ себѣ особое вниманіе правительства и общества, долженъ во всякомъ случаѣ обнять едва ли не всѣ, безъ исключенія, стороны и части крестьянскаго устройства и крестьянскаго законодательства. Одни только размѣры предстоящаго пересмотра уже даютъ право сказать, что мы имѣемъ на лицо общій крестьянскій вопросъ, хотя бы только съ внѣшней стороны. Пересмотръ является настолько всеобщимъ, что возбуждаемая имъ совокупность отдѣльныхъ вопросовъ по справедливости составляетъ общій вопросъ по отношенію къ крестьянству. Иное дѣло, конечно, составляетъ ли совокупность этихъ вопросовъ по отношенію къ крестьянству также и общій вопросъ о самомъ крестьянствѣ, о его положеніи и значеніи въ строѣ государственной жизни. Выяснить это можно только путемъ послѣдовательнаго разсмотрѣнія тѣхъ отдѣльныхъ преобразованій, которыя требуются жизнью и предлагаются по отдѣльнымъ частямъ крестьянскаго устройства, ибо основанія этого устройства заключаются въ отдѣльныхъ его составныхъ частяхъ. Къ какимъ бы окончательнымъ выводамъ ни привела такая попытка (къ постановкѣ ли общаго вопроса о крестьянствѣ, или только къ выясненію подробностей общаго преобразованія крестьянскаго устройства, на существующихъ главныхъ основаніяхъ), послѣдовательный обзоръ существующихъ составныхъ частей крестьянскаго устройства и законодательства, въ связи съ преобраз вательными о нихъ предположеніями, вп лнѣ правдывается широкимъ объемомъ уже предпринятаго и находящагося въ движеніи общаго пересмотра узаконеній о крестьянахъ.

Рук вдясь, по крайнему разумѣнію, тѣми положенными въ осн ваніе предстоящаго пересмотра—„главными началами преобразованія 1861 г.“, а также—„дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства“, мы попытаемся въ слѣдующихъ очеркахъ разсмотрѣть въ постепенномъ порядкѣ тдѣльныя зак ноп ложенія и установленія крестьянскаго быта и управленія, съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ указаннымъ „началамъ“, „потребностямъ“ и „пользамъ“.

Ив. Страховскій.

КЪ СОРОКАЛѢТІЮ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ.

Уже немного осталось современниковъ, которые по личному опыту знаютъ, что такое былъ старый, такъ называемый, дореформенный судъ. Но всѣмъ, конечно, извѣстны безсмертныя произведенія Гоголя, Щедрина и др., ярко воспроизводящія картину того ужаснаго состоянія безсудія, въ которомъ находилась наша родина до судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г.

„Если бы, говоритъ В. Д. Спасовичъ, насъ въ то время спросили: что же такое судъ? гдѣ же онъ?—то мы были бы въ затрудненіи и не знали бы, что сказать. Настоящаго суда не было, а была только всевластная, всемогущая полиція“. Зависимый отъ администраціи, отъ которой зависѣло назначеніе и утвержденіе рѣшеній, угодливый и подкупный, судъ этотъ былъ „воистину мерзостью запустѣнія на мѣстѣ святѣмъ“, и смѣло можно сказать, что не было того преступленія, на которое его не соблазнила бы взятка. Изъ многочисленныхъ разсказовъ о дореформенномъ судѣ чрезвычайно характернымъ мнѣ представляется слѣдующій фактъ, оглашенный недавно въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. Одинъ крестьянинъ ограбилъ торговца и на слѣдствіи признался въ этомъ. Его засадили въ острогъ, и алатырскій уѣздный судъ осудилъ его, но дѣло перешло въ уголовную палату, гдѣ брали съ живого и мертваго. Въ видѣ задатка палатѣ было дано сто рублей, и обвиняемаго выпустили изъ острога на поруки. Освобожденный грабитель укралъ у одного купца 600 руб., которые и передалъ въ палату. Палата усмотрѣла изъ дѣла, что надъ обвиняемымъ не сдѣланъ повальный обыскъ, т. е. опросъ его одножителей о его поведеніи. При обыскѣ въ поведеніи его не одобрили. Палата рѣшила: „Такъ какъ обвиняемый въ поведеніи не одобренъ, то вѣры его признанію не давать, приговоръ уѣзднаго суда отмѣнить, а обвиняемаго отъ суда освободить“. Стоитъ хоть на минуту вдуматься въ этотъ ужасный случай и сразу же можно себѣ представить, сколько нужно было накопить зла, сколько наглаго издѣвательства надъ священнѣйшими правами человѣческой личности, чтобы на этой почвѣ могло расцвѣсти такое изумительное крючкотворство для обѣленія преступника. И, что самое важное, это безсудіе, отсутствіе гарантій личной и имущественной безопасности отнюдь не было случайнымъ, меньше всего зависѣло отъ личностей. Встрѣчались хорошіе люди. И. С. Аксаковъ разсказываетъ, напр., какъ онъ вмѣстѣ со своими товарищами „ринулся со всѣмъ пыломъ юношескаго негодованія на неравную борьбу съ судейской неправдой“, какъ онъ оказался совершенно безсильнымъ, и ему „ничего не оставалось, какъ сотворить... неправду“.—Ничего не оставалось, потому что судъ былъ лишь однимъ изъ звеньевъ той тяжелой цѣпи, которою сковало Россію крѣпостное право. Весь государственный строй былъ насквозь проникнутъ крѣпостными началами, дѣлавшими огромную часть населенія „крещеной вещью“. Всѣ отношенія покоились на самомъ неограниченномъ произволѣ, и что же могъ сдѣлать судъ, задача котораго заключается въ огражденіи и возстановленіи права? Судъ былъ немыслимъ, потому что закона никто не признавалъ и не считался съ нимъ.

И дѣйствительно, нельзя сказать, что правительство въ то время не понимало или игнорировало столь ненормальное состояніе правосудія. Напротивъ, имѣются многочисленныя данныя (въ частности, рядъ чрезвычайныхъ, категорическихъ отмѣтокъ Николая I), свидѣтельствующихъ, что правительство отлично сознавало весь ужасъ положенія и не переставало обсуждать способы выхода изъ него, но продолжительные, безконечные труды не приводили ни къ чему, кромѣ нагроможденія печатной и писаной бумаги въ канцеляріяхъ. Никакихъ реальныхъ результатовъ не было, но если бы и были введены „немаловажныя улучшенія“, которыя предлагались въ проектахъ гр. Блудова и другихъ, то они несомнѣнно разбились бы безплодно о ту неприступную стѣну произвола, которая окружала русскую дѣйствительность. Такъ продолжалось до того момента, когда пало крѣпостное право. Какъ мы уже высказывали въ другомъ мѣстѣ *), при всей грандіозности акта 19 февраля 1861 г., самъ по себѣ онъ ничего положительнаго не давалъ; онъ уничтожалъ только стародавнее зло, которое держало несчастную страну въ состояніи полнѣйшаго разложенія, какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго и умственнаго. Созидательная работа предстояла вся впереди и, какъ свидѣтельствуютъ прямыя заявленія правительства, крѣпостныя начала должны были быть уничтожены во всей нашей внутренней жизни, предполагалось обновить всѣ стороны государственнаго зданія.

Судебная реформа и должна была явиться первымъ шагомъ на пути къ этому обновленію. Шагъ этотъ именно долженъ былъ быть первымъ, ибо, какія бы мы учрежденія ни вводили, какіе бы законы ни создавали, но безъ правильно устроеннаго суда, который бы эти законы ограждалъ и нарушителей ихъ, кто бы они ни были, каралъ,—безъ этого всѣ учрежденія кажутся висящими въ воздухѣ. Но, съ другой стороны, была и отрицательная сторона въ поставленіи судебной реформы на первую очередь. Разработка ея, начавшаяся съ 1861 г., совершалась въ то время, когда традиціи крѣпостного права еще живы были во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія, будущее преобразованіе рисовалось еще весьма туман-

*) I. Гессенъ, Судебная реформа, стр. 55.

нымъ, и это не могло не оказать губительнаго вліянія на чистоту и послѣдовательное проведеніе принциповъ, которые предложено было положить въ основу судебнаго преобразованія. Признавалось, напр., основнымъ началомъ правильной судебной организаціи, чтобы судъ былъ равнымъ для всѣхъ. Но затѣмъ пришлось допустить рядъ исключеній—для дѣлъ о должностныхъ преступленіяхъ, для преступленій государственныхъ, для преступленій противъ вѣры и др. Высказывалось непремѣннымъ условіемъ, что судъ долженъ быть совершенно независимымъ отъ администраціи; а затѣмъ послѣдовательнымъ рядомъ уступокъ дошли до того, что назначеніе на судебныя должности всецѣло сосредоточивалось въ рукахъ министерства юстиціи, и т. д. Но, несмотря на многочисленныя уступки, всѣ согласны въ томъ, что судебные уставы 20 ноября 1864 г. вырыли непроходимую пропасть между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ. Недоступная общественному контролю тайная стряпня канцеляріи замѣнилась гласнымъ и устнымъ судомъ; угодливые чиновники, трепетавшіе предъ губернаторомъ, уступили мѣсто несмѣняемымъ иначе, какъ за опредѣленныя въ законѣ преступленія, судьямъ; формальная теорія доказательствъ, подчинявшая безконечное разнообразіе жизни внѣшнимъ признакамъ и превращавшая судью въ безжизненный механизмъ, замѣнилась въ дѣлахъ гражданскихъ убѣжденіемъ судьи, контролируемымъ законами логики и ограниченнымъ немногими правилами, а въ дѣлахъ уголовныхъ—судомъ присяжныхъ, свободнымъ отъ обязанности мотивировать свой вердиктъ; выборный мировой судъ, понятный и доступный населенію,—все это такъ было ново, такъ невѣроятно рядомъ съ вчерашнимъ днемъ, представлявшимъ неограниченное царство произвола, что теперь, когда мы уже свыклись съ правильнымъ судоустройствомъ, мы и представить себѣ не можемъ, какое громадное впечатлѣніе на страну должна была произвести реформа.

„Первое время, говоритъ А. Ѳ. Кони, никто не смотрѣлъ на занятіе (судебное) должностей, какъ на обычную рядовую службу. Это была дѣятельность, задача, призваніе. Это была первая любовь. Такая любовь существуетъ не только въ личной жизни человѣка, но и въ общественной; и тутъ и тамъ она, войдя первою въ сердце, послѣднею выходитъ изъ него“. И, что самое замѣчательное, несмотря на всю новизну, на полную, казалось бы, неподготовленность къ новому судебному строю, сразу же появились блестящіе судебные дѣятели, выдающіеся судебные ораторы, и сразу же новая машина стала функціонировать правильно, безпощадно вытѣсняя произволъ изъ тѣхъ областей, которыя остались доступными воздѣйствію суда. Всѣ правительственныя вѣдомства и губернаторы всѣхъ губерній единодушно сообщали, что введеніе судебной реформы имѣло самыя благодѣтельныя послѣдствія.

Но именно потому, что дѣло сразу было поставлено правильно и велось неуклонно, именно потому чуть не съ перваго дня начались тернія, которыя въ дальнѣйшемъ все росли и росли. Прежде еще, чѣмъ судебное преобразованіе осуществилось, планъ общаго государственнаго преобразованія былъ оставленъ и многія стороны нашей государственной жизни сохранены были въ прежнемъ видѣ. Такимъ образомъ новыя судебныя учрежденія оказались вдвинутыми въ чуждую для нихъ среду, несогласованную съ ними и рѣзко враждебную. Первые приговоры суда вызвали неудовольствіе администраціи, и началась упорная борьба. Вышедшій по случаю столѣтія министерствъ офиціальный историческій очеркъ министерства юстиціи констатируетъ, что исходъ нѣсколькихъ процессовъ, не соотвѣтствовавшій ожиданіямъ администраціи, вызвалъ нареканія на дѣятельность суда, и эти нареканія вскорѣ поколебали положеніе министра юстиціи Замятнина. Въ началѣ 1867 г. онъ оставилъ свой постъ. Гораздо позже, въ началѣ 1880 года гр. Лорисъ-Меликовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Императору Александру II писалъ: „Новые суды, созданные при недостаточныхъ полицейскихъ порядкахъ, стали въ изолированное отъ общаго строя положеніе“. И вотъ, съ момента увольненія Замятнина судебные уставы начинаютъ подвергаться безконечнымъ измѣненіямъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи, не прекращаются вплоть до нашихъ дней. Преемникъ Замятнина, гр. Паленъ началъ свою дѣятельность съ уничтоженія института несмѣняемыхъ судебныхъ слѣдователей, которые были замѣнены чиновниками министерства юстиціи, командируемыми къ исправленію обязанностей слѣдователя и могущими быть отозванными безъ всякаго объясненія причинъ. Такое положеніе дѣла сразу сдѣлало лицъ, ведущихъ слѣдствіе, зависимыми отъ прокуратуры, которая, заботясь объ обвиненіи подсудимыхъ, направляла слѣдствіе чрезвычайно односторонне. А между тѣмъ, предварительное слѣдствіе являлось основой уголовнаго процесса, и ошибки и пробѣлы, допущенные судебнымъ слѣдователемъ, большею частью оказываются непоправимыми въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса. Такимъ образомъ, все уголовное правосудіе сразу же соскользнуло съ правильнаго пути, и каждому читателю, несомнѣнно, извѣстны многочисленные случаи, когда результаты судебнаго слѣдствія совершенно расходились съ данными предварительнаго. Отдѣльныя громкія дѣла, въ родѣ Золотовой, Тальмы, Скитскихъ, приковывающія къ себѣ на моментъ вниманіе общества и заставляющія всѣхъ задумываться о недостаткахъ нашей слѣдственной части, являются въ сущности каплей въ морѣ будничныхъ, сѣренькихъ процессовъ, въ которыхъ—большей частью неграмотные и неразвитые подсудимые—тщетно бьются въ тискахъ тенденціозно нагро-

мождениыхъ уликъ. Въ 1875 г. было остановлено развитіе самоуправленія адвокатскаго сословія; во вновь образуемыхъ судебныхъ округахъ совѣты присяжныхъ повѣренныхъ уже не открывались, и адвокаты въ своей профессіональной дѣятельности поставлены были подъ руководство окружныхъ судовъ. А такъ какъ магистратура и адвокатура только въ самое первое время дѣйствія судебныхъ уставовъ шли рука объ руку, а впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ судъ все больше и больше ассимилировался съ окружающей его средой, въ адвокатахъ стали видѣть не пособниковъ доктрины правосудія, а помѣху ему,—то между указанными двумя элементами нерѣдко стали возникать столкновенія, и судъ оказывался судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Въ 1885 г. закономъ 20 іюня существенно ограничена несмѣняемость судей и ихъ независимость наряду съ усиленіемъ власти министра юстиціи и старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ. Этотъ законъ, въ связи съ послѣдовавшей затѣмъ отмѣной запрещенія производства въ чины, превратилъ судебное вѣдомство въ обыкновенное бюрократическое, построенное на іерархическомъ началѣ, и сходство это было окончательно завершено введеніемъ формы, разработкѣ которой министерство юстиціи не перестаетъ посвящать свои силы до послѣднихъ дней. Безконечнымъ измѣненіямъ подвергался судъ присяжныхъ, занявшій центральное мѣсто въ яростныхъ нападеніяхъ на новые суды. Компетенція его постепенно суживалась; одинъ за другимъ рядъ дѣлъ изымался изъ вѣдѣнія его; непрестанно повышался въ разныхъ направленіяхъ цензъ для присяжныхъ засѣдателей и такимъ образомъ ограничивался кругъ лицъ, изъ котораго вербовался судъ общественной совѣсти. Мало того, до послѣдняго времени не прекращаются споры о томъ, въ правѣ ли присяжные оправдывать подсудимаго, если самый фактъ совершенія преступленія установленъ ими и нѣтъ на лицо указанныхъ въ законѣ причинъ, освобождающихъ отъ наказанія,—или же присяжные засѣдатели ничѣмъ не стѣснены, кромѣ убѣжденія. Какъ оно ни невѣроятно, но наше высшее судебное учрежденіе—Правительствующій Сенатъ, назначеніе котораго—слѣдить за единообразнымъ примѣненіемъ закона, по этому основному вопросу неоднократно высказывался въ противоположномъ смыслѣ, и какъ велика вносимая этой неустойчивостью смута, можно судить по тому, что бывали случаи, когда присяжные засѣдатели, въ результатѣ ожесточенныхъ споровъ, которые они ведутъ постоянно въ совѣщательной комнатѣ, обращались къ предсѣдателю суда съ просьбой разъяснить имъ ихъ право при постановленіи вердикта. Въ 1889 г. уничтоженъ былъ институтъ мировыхъ судей, который, по отзывамъ сенаторовъ, ревизовавшихъ въ концѣ 70-хъ годовъ, привлекъ общія симпатіи населенія вплоть до самыхъ низшихъ слоевъ его, предпочитавшихъ этотъ институтъ волостному суду, и который, какъ эти гг. сенаторы единодушно заявляли, представлялся единственнымъ свѣтлымъ пятномъ на мрачномъ фонѣ провинціальной жизни. Мировые судьи замѣнены были земскими начальниками, соединившими въ своихъ рукахъ и административныя функціи, и такимъ образомъ основное начало судебныхъ уставовъ—отдѣленіе судебной власти отъ административной — было поколеблено въ мѣстной юстиціи, этомъ, по удачному выраженію нынѣшняго министра юстиціи Н. В. Муравьева, „фундаментѣ всего зданія правосудія, фундаментѣ уже потому, что именно изъ хода мѣстныхъ судебныхъ дѣлъ ежедневно слагается живое, непрерывное воздѣйствіе закона и права на жизнь народную“.

Мы не можемъ прослѣдить здѣсь подробнѣе за всѣми измѣненіями, да и по существу задача эта представляется чрезмѣрной, ибо, по удостовѣренію Муравьева, до 1884 г. въ измѣненіе судебныхъ уставовъ послѣдовало свыше 700 узаконеній. Для всякаго ясно, что такое отношеніе къ судебнымъ уставамъ не могло не повліять на ходъ судебнаго дѣла, ассимиляція съ другими частями нашей государственной машины, въ интересахъ которой всѣ эти измѣненія совершались, неизбѣжно должна была наступить, и дѣйствительно, въ своихъ отчетахъ о ревизіи сенаторы, о коихъ мы только что упоминали, констатируютъ, что тѣ пререканія между судебными и административными властями, которыя имѣли мѣсто въ первые годы дѣйствія судебныхъ уставовъ, уже исчезли, замѣнившись хорошими отношеніями, и это достигнуто исключительно уступками судебныхъ властей въ строгомъ исполненіи требованій закона. Наконецъ, и въ послѣднемъ Высочайшемъ указѣ 12 декабря признано, что судебныя учрежденія наши самостоятельностью не пользуются, что эту необходимую самостоятельность еще предстоитъ имъ обезпечить. Такимъ образомъ, въ результатѣ мы, спустя сорокъ лѣтъ по введеніи судебныхъ уставовъ, стоимъ передъ той же задачей, какая предстояла дѣятелямъ шестидесятыхъ годовъ,—ввести у насъ настоящій судъ, ибо, какъ указывалъ справедливо И. С. Аксаковъ, судъ зависимый не есть судъ; эти два понятія нельзя мыслить въ сочетаніи.

Наиболѣе характернымъ во всей набросанной эпопеѣ намъ представляется то обстоятельство, что когда только объявлены были въ 1862 г. основныя положенія судебной реформы, нѣкоторые органы печати, несмотря на повышенное и свѣтлое настроеніе, въ которомъ тогда всѣ находились подъ вліяніемъ ожидавшихся преобразованій, указывали, что судьба новаго судоустройства зависитъ не только и даже не столько отъ совершенства составляющихъ его правилъ, сколько отъ общихъ условій, среди коихъ этимъ правиламъ придется функціонировать. Мы видѣли, что дѣйствительность какъ нельзя болѣе оправдала эти предсказанія. А между тѣмъ,

чѣмъ дальше отъ 60-хъ годовъ, тѣмъ какъ будто все туманнѣе становилось сознаніе, что судьба судебной реформы предрѣшается общимъ направленіемъ внутренней политики. При всякомъ измѣненіи въ судебныхъ уставахъ наши лучшіе органы печати настойчиво и горячо отстаивали старину, но вся ихъ работа оказывалась, конечно, совершенно безплодною, ибо мы неизбѣжно должны были стремиться ко взаимной согласованности всѣхъ частей государственнаго механизма. И когда въ концѣ 90-хъ годовъ на смѣну судебнымъ уставамъ былъ опубликованъ проектъ новыхъ уставовъ, выработанный комиссіей Н. В. Муравьева и упраздняющій всѣ основныя начала судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., при чемъ Н. В. Муравьевъ въ своихъ рѣчахъ и докладахъ прямо заявилъ, что эти основныя начала противорѣчатъ самодержавному строю,— то и тогда наша печать не стала на предложенную министромъ точку зрѣнія и критиковала проектъ внѣ всякой связи съ тѣми учрежденіями, среди которыхъ они призваны дѣйствовать. И только теперь, съ момента сорокалѣтняго юбилея, почти вся наша повременная печать и общество единодушно сошлись на томъ, что вопросъ о правильномъ судопроизводствѣ не имѣетъ своей особой судьбы, а связанъ неразрывно съ общими условіями нашей жизни, вокругъ которыхъ и должно быть сосредоточено все вниманіе людей, радѣющихъ о благѣ своей родины.

I. Гессенъ.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

Борьба государства съ клерикалами во Франціи.

Лѣтъ десять тому назадъ иностранецъ, посѣтившій Францію, врядъ ли могъ бы подмѣтить какіе-либо признаки неудовольствія противъ власти римской церкви или же тревоги, вызванной ея силой. Лѣтъ пять-шесть тому назадъ, во время знаменитаго процесса Дрейфуса, казалось даже, что народныя массы во Франціи не только не тяготятся пребываніемъ безчисленныхъ католическихъ монаховъ и аббатовъ, но наоборотъ, готовы даже ввѣрить въ руки клерикальной и націоналистической партіи судьбы своей страны. И вдругъ все перемѣнилось. Сначала правительство Вальдека-Руссо и затѣмъ еще рѣзче министерство Комба провозгласили своимъ политическимъ девизомъ краткую формулу,—ту самую формулу, которую четверть вѣка тому назадъ провозгласилъ Гамбетта „Le cléricalisme—voilà l'ennemi!" (Клерикализмъ—вотъ нашъ врагъ). Закрыты по рѣшенію парламента монастыри, изгнаны изъ предѣловъ Франціи монашескіе ордена, наложены печати на католическія школы, принятъ въ принципѣ законопроектъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, и, тѣмъ не менѣе, народныя массы не только не подымаются на защиту своихъ священнослужителей, но наоборотъ, все съ бóльшимъ и бóльшимъ единодушіемъ сочувствуютъ дѣятельности своихъ избранныхъ представителей.

Чѣмъ же объяснить эту внезапную перемѣну въ народномъ настроеніи? Обратимся къ исторіи отношеній французскаго государства и римской церкви. Въ теченіе цѣлаго вѣка эти отношенія регулировались особымъ договоромъ, заключеннымъ въ 1801 г. между Наполеономъ I и папой Піемъ VII. Договоръ этотъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ конкордата, отдавалъ католической церкви всѣ тѣ привилегіи, какія удалось до того отнять у нея лишь путемъ величайшихъ усилій и жертвъ; конкордатомъ католическая церковь ставилась снова въ положеніе господствующей во Франціи церкви, такъ какъ имъ офиціально признавалось, что „католическая, апостолическая и римская религія составляла религію огромнаго большинства французскихъ гражданъ". Наконецъ, конкордатъ устанавливалъ казенное жалованье и пенсіи для католическаго духовенства и давалъ ему рядъ существенныхъ матеріальныхъ выгодъ, о которыхъ сама клерикальная партія и мечтать перестала. И всѣ эти привилегіи и матеріальныя выгоды Наполеонъ далъ римской церкви въ то самое время, когда эта церковь въ своей борьбѣ противъ Французской Революціи была, казалось, окончательно побѣждена, и когда Франція могла, наконецъ, диктовать папѣ какія угодно условія. Черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія конкордата папскій посолъ Консальви писалъ изъ Парижа своему двору: „Всѣ находящіеся здѣсь послы иностранныхъ державъ, такъ же, какъ и всѣ благонамѣренныя и просвѣщенныя лица, считаютъ заключеніе конкордата настоящимъ чудомъ, а особенно то обстоятельство, что его удалось заключить такимъ выгоднымъ путемъ, какой казался невозможнымъ при настоящемъ положеніи вещей. Я самъ, на глазахъ котораго онъ заключенъ, съ трудомъ могу вѣрить этому". Радость самого Пія VII была безмѣрна. Въ то время, какъ кардиналы обсуждали въ Римѣ этотъ договоръ, папа, по словамъ французскаго посла Како, находился „въ ажитаціи, безпокойствѣ и нетерпѣніи молодого супруга, еще не смѣющаго наслаждаться великимъ днемъ своего бракосочетанія".

Католическая церковь построена на началахъ строжайшей централизаціи и абсолютизма власти, сосредоточенной въ рукахъ верховнаго владыки — папы, живущаго въ Римѣ. Низшіе священнослужители обязаны безусловнымъ послушаніемъ высшимъ, а послѣдніе отвѣтственны лишь передъ однимъ папой. Владѣя такимъ орудіемъ, какъ исповѣдь, которой они пользовались въ корыстныхъ цѣляхъ, религіозныя школы, воспитывавшія духъ безусловнаго подчиненія и подавлявшія всякую критическую мысль,—католическіе аббаты, іезуиты и другіе монашескіе ордена постепенно накопили колоссальныя богатства, при помощи которыхъ они держали въ своихъ рукахъ цѣлые округи. Въ то же время епископами и вообще высшими служителями этой церкви назначались члены богатыхъ аристократическихъ семей Франціи. Такимъ образомъ, въ моментъ взрыва Великой Революціи интересы католической церкви въ значительной степени совпадали съ интересами короля и аристократіи стараго режима. Естественно поэтому, что въ борьбѣ между ста-

рымъ и новымъ порядкомъ, между эмигрировавшими аристократами, поднявшими постепенно противъ своей родины военныя силы всѣхъ европейскихъ монархическихъ странъ, и пламенными патріотами, составлявшими тогдашнюю революціонную Францію,—католическая церковь безповоротно приняла сторону стараго режима, соединилась съ заговорщиками-эмигрантами. И очень скоро клерикальная партія сдѣлалась центромъ, руководителемъ и неустаннымъ подстрекателемъ всей тогдашней оппозиціи противъ режима, установленнаго революцией. Эта роль выпала на долю римской церкви, благодаря двумъ крайне важнымъ сторонамъ ея организаціи: необычайному совершенству ея централистически-абсолютнаго строя и ея международному или, вѣрнѣе, внѣ-государственному положенію. Тотъ фактъ, что католицизмъ черпаетъ свои рессурсы не въ одной странѣ, а во всѣхъ странахъ міра, и что эти колоссальныя и удивительно дрессированныя силы направляются центромъ, живущимъ не во Франціи, а въ Римѣ,—этотъ фактъ дѣлалъ римскую церковь самымъ опаснымъ и столько же могучимъ, сколько и ожесточеннымъ противникомъ новой Франціи.

Вотъ почему, въ теченіе всего десятилѣтія, протекшаго отъ начала революціи и до паденія директоріи, правительству новаго режима приходилось вести неустанную борьбу противъ католической церкви. Участіе аббатовъ въ кровавомъ вандейскомъ возстаніи заставило тогдашнюю французскую республику принять рѣшительныя мѣры противъ мятежныхъ служителей католической церкви. Въ умахъ воинствующихъ патріотовъ католическая религія была дискредитирована, такъ какъ имъ приходилось безпрерывно бороться противъ нашествія чужеземцевъ, призванныхъ аббатами и аристократіей. „Повсюду", говоритъ французскій историкъ Оларъ *),—„гдѣ замѣчалось скрытое или явное сопротивленіе установленію революціоннаго правительства, повсюду, гдѣ плохо выполнялись законы о наборѣ, повсюду, гдѣ казалось, что успѣху національной защиты мѣшали недоброжелательство или апатія, во всѣхъ заговорахъ и во всѣхъ интригахъ, направленныхъ противъ революціи, эмиссары Конвента, когда они добирались до сути дѣла, всегда находили руку священника". И чѣмъ болѣе умножались опасности, окружавшія французскую юную республику, тѣмъ быстрѣе исчезала религіозная терпимость правительства, тѣмъ сильнѣе дѣлались репрессивныя мѣры, направленныя противъ католическаго духовенства. Еще Робеспьеръ былъ противъ крайнихъ мѣръ. Но вскорѣ послѣ его казни Конвентъ принялъ предложеніе Камбона, сводившееся, въ дѣйствительности, къ отдѣленію государства отъ церкви. Было рѣшено, что „французская республика не оплачиваетъ отнынѣ ни издержекъ, ни жалованья какого бы то ни было культа". Эта мѣра, вмѣстѣ съ конфискацiей церковныхъ имуществъ, била католицизмъ по самому больному мѣсту. Санъ католическаго священника сдѣлался выборнымъ, и отправлять богослуженіе разрѣшалось только тѣмъ аббатамъ, которые давали присягу вѣрности конституціи. Не давшихъ присяги заключали въ тюрьмы и ссылали цѣлыми сотнями. Множество церквей было закрыто, колокола перелиты въ пушки, священническіе дома проданы. Всякія религіозныя процессіи были запрещены, и орнаментальная сторона культа признана незаконной. Крестьянство вначалѣ не только не сопротивлялось этой религіозной политикѣ, но даже шло навстрѣчу ей и радовалось изгнанію аббатовъ и монаховъ, такъ какъ эта политика гарантировала крестьянамъ спокойное обладаніе купленными ими церковными землями. Недовольство среди крестьянъ стало проявляться лишь послѣ того, какъ было запрещено звонить въ колокола и совершать богослуженіе въ церквахъ *).

Тѣмъ не менѣе, населеніе все болѣе и болѣе сживалось съ отдѣленіемъ церкви отъ государства. Свобода и полное равенство всѣхъ культовъ вызвали во Франціи необычайное развитіе религіозной жизни и большое разнообразіе религіозныхъ группъ. Концентрированная сила католической церкви была разбита, и потребность въ религіи вызвала къ жизни созданіе множества новыхъ соперничавшихъ между собою культовъ. Такимъ образомъ, главная цѣль республики — ослабленіе силъ клерикализма—была достигнута, и наиболѣе энергично и искусно работалъ въ этомъ направленіи раньше самъ Наполеонъ, въ бытность свою членомъ Директоріи. Фактически никто тогда не требовалъ возстановленія государственной церкви. „Если бы", говоритъ Оларъ, „тогда существовала свобода печати (а она была уничтожена Наполеономъ), то идея конкордата вызвала бы почти единодушный протестъ со стороны общественнаго мнѣнія. Ни среди окружавшихъ Бонапарта, ни среди его противниковъ, ни въ рядахъ какого-либо духовенства, ни при римскомъ дворѣ (гдѣ не могли думать, чтобы глава французскаго государства самопроизвольно отказался отъ выгодъ системы отдѣленія церкви отъ государства) никто не требовалъ конкордата" **). Никто, такимъ образомъ, кромѣ самого Наполеона, не желалъ конкордата, и самъ Наполеонъ раньше съ удивительнымъ тактомъ и успѣхомъ поддерживалъ систему отдѣленія церкви отъ государства. Почему же онъ вдругъ сталъ желать союза съ Римомъ?

Онъ заключилъ конкордатъ не изъ благочестія, такъ какъ самъ онъ былъ совершенно равнодушенъ къ религіи и отказывался исполнять какіе бы то ни было религіозные обряды; даже передъ смертью онъ не исповѣдывался и не пріобщался. Но онъ видѣлъ въ католицизмѣ могучее орудіе для вліянія на умы людей и при помощи союза съ папой онъ надѣялся осуществить свою завѣтную мечту, — мечту объ установленіи абсолютной имперіи и притомъ — имперіи всемірной. Разговаривая съ Бонапартомъ, въ моментъ переговоровъ о конкордатѣ, епископъ Грегуаръ былъ скандализованъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ религіи не для самого себя, а для народа, для „служанокъ и сапожниковъ".

Со стороны Наполеона заключеніе конкордата было самымъ крупнымъ актомъ, прочистившимъ ему дорогу къ абсолютной императорской власти. Всѣ судебныя корпораціи, всѣ философы, всѣ свободомыслящіе и значительная часть арміи относились враждебно къ

*) См. прекрасный русскій переводъ этого замѣчательнаго сочиненія: А. Оларъ, *„Политическая исторія французской революціи"*. Переводъ съ франц. Н. Кончевской, изд. Скирмунта. Москва, 1902 г. Стр. 580 и др.

*) Свобода религіи, однако, не была стѣснена для гражданъ. Но богослуженія предписывалось совершать въ домахъ частныхъ лицъ. Статья 354 Конституціи III года гласитъ: „Никто не можетъ быть тревожимъ въ отправленіи избраннаго имъ культа. Никого не слѣдуетъ принуждать участвовать въ расходахъ на культъ. Республика не будетъ оплачивать ни одного изъ нихъ". Это былъ режимъ свѣтскаго государства, отдѣленіе церкви отъ государства.

**) Id., стр. 839—890.

возобновленію союза съ Римомъ. Они прямо говорили первому консулу, что если онъ хочетъ уничтожить республику и вернуть монархію, то этотъ союзъ—самое вѣрное средство. Особенно враждебно относилась къ нему армія, которой за предыдущіе годы пришлось пролить много крови въ битвахъ противъ папистской партіи. Генералы неохотно присутствовали при церемоніи въ Соборѣ Парижской Богоматери, происходившей по поводу обнародованія конкордата.

Возстановленное, такимъ образомъ, господство католической церкви не соотвѣтствовало ни желаніямъ націи, ни интересамъ республики. Изъ всѣхъ актовъ разрушительной и реакціонной дѣятельности Бонапарта, болѣе или менѣе сознательно направленной имъ противъ созданной революціей республиканской Франціи, самымъ реакціоннымъ актомъ является конкордатъ. Но отдавая народъ во власть клерикаловъ, Наполеонъ сдѣлалъ эту церковь, однако, лишь настолько сильной, насколько это было безопасно для его собственной власти. И только съ исчезновеніемъ Наполеона власть церкви снова стала соперничать съ властью государственной. Согласно конкордату, Наполеонъ долженъ былъ назначать архіепископовъ и епископовъ, а папа—утверждать ихъ по каноническимъ правиламъ; священники должны были назначаться епископами, но ихъ выборъ могъ падать только на лицъ, угодныхъ правительству (ст. 10). Духовенству было назначено жалованье, простиравшееся, вмѣстѣ съ пенсіями, по бюджету 1802 г., до 5 мил. франковъ. Черезъ пять лѣтъ бюджетъ культовъ составлялъ уже около 40 мил. Такимъ образомъ, устанавливая опеку клерикализма надъ народомъ, Наполеонъ покупалъ покорность этого духовенства деньгами, взятыми изъ народной казны. Къ конкордату было еще присоединено 77 такъ называемыхъ органическихъ статей, которыми Наполеонъ обезпечивалъ подчиненность церкви государству. Согласно имъ, запрещалось примѣнять къ Франціи безъ разрѣшенія правительства какое бы то ни было рѣшеніе или предписаніе римскаго двора или церковныхъ соборовъ; ими также постановлялось, что въ случаѣ какого-нибудь нарушенія закона дѣйствія духовенства передавались на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Папа этихъ органическихъ статей не подписалъ, да его подписи и не требовалось, потому что эти статьи были изданы въ видѣ закона страны.

Всѣ эти предосторожности, однако, потеряли значительную часть своей силы, лишь только исчезла могучая личность Наполеона. Подъ эгидой Наполеоновской имперіи и еще болѣе при Реставраціи клерикальная партія быстро набиралась силы. Благодаря своей централизованной организаціи, выдержавшей вѣка испытаній, она очень скоро вытѣснила при реакціонномъ режимѣ болѣе свободныя религіи и снова подчинила себѣ народную совѣсть. И въ теченіе всего XIX вѣка она была неизмѣнно союзницей и вдохновительницей всѣхъ реакціонныхъ и монархическихъ партій. Когда Наполеонъ III задумалъ уничтожить Вторую Республику и сдѣлаться императоромъ, онъ прежде всего заручился поддержкой клерикальной партіи. Законъ Фаллу 1850 г., поставившій низшія, среднія и высшія школы подъ контроль духовенства и сдѣлавшій епископовъ и архіепископовъ обязательными членами университетскихъ совѣтовъ,—былъ взяткой, полученной католической церковью за свое будущее участіе въ государственномъ переворотѣ 1852 г. Этимъ закономъ также устанавливалась крайне узкая программа для первоначальныхъ школъ—чтеніе, письмо, ариѳметика и начатки грамматики,—и было позволено всякому желающему, хотя бы и лишенному какого бы то ни было аттестата, открывать низшія или среднія школы. Этимъ путемъ давалась возможность монахамъ и монахинямъ захватить въ свои руки низшее и среднее образованіе. До закона 1850 г. іезуиты не имѣли въ своихъ рукахъ ни одной средней школы. Черезъ 15 лѣтъ они уже завѣдывали 27 средними школами. Нужна была франко-прусская война, съ ея побѣдами „прусскаго школьнаго учителя“ надъ бонапартистской невѣжественной Франціей, чтобы открыть глаза французскаго народа на опасность, вытекавшую изъ захвата народнаго образованія католической церковью. Въ 1878 г. въ школахъ монашескихъ орденовъ обучалось 2.301.943 дѣтей, т. е. около половины дѣтей школьнаго возраста. И хотя вскорѣ послѣ этого первоначальное образованіе было сдѣлано свѣтскимъ, даровымъ и обязательнымъ, даже въ 1901 г. въ школахъ монашескихъ орденовъ все еще обучалось болѣе 1.200.000 дѣтей. А та часть закона Фаллу, которая позволяетъ открывать среднія школы лицамъ, не имѣющимъ никакого преподавательскаго ценза, осталась до сихъ поръ въ силѣ и позволяетъ монашескимъ орденамъ вліять на подрастающее поколѣніе Франціи. Въ извѣстномъ заговорѣ Макъ-Магона противъ Третьей Республики, въ 1875 г., центральную роль играла католическая церковь, добивавшаяся всецѣло захватить въ свои руки всѣ университеты. Католическое духовенство было также душой буланжистскаго движенія; и пламенная клерикалка, герцогиня д'Юзесъ дала три милліона франковъ на необходимые расходы. Наконецъ, эта же церковь была центромъ недавняго потока антисемитизма, націонализма и монархизма, вызваннаго знаменитымъ процессомъ Дрейфуса. Она была главнымъ организаторомъ этого послѣдняго заговора противъ республики и демократіи. Въ несгораемомъ шкафу о. Ипполита изъ ордена ассумпціонистовъ полиція во время обыска нашла 1.800.000 франковъ и цѣлыя тысячи компрометирующихъ документовъ. Было открыто, что французскіе избиратели были тщательно распредѣлены, согласно своей готовности или враждебности къ роялистскому перевороту. Католическая газета „Croix“ сдѣлалась центромъ пропаганды среди военныхъ, и 96 военныхъ клубовъ оказались замѣшанными въ этой пропагандѣ. „Употребленіе силы при настоящемъ кризисѣ является не только законнымъ и лояльнымъ актомъ, но и актомъ обязательнымъ“, сказалъ доминиканскій монахъ о. Дидонъ въ присутствіи главнокомандующаго французской арміей.

Республика, казалось, висѣла на волоскѣ. Все было предуготовлено предусмотрительными слугами клерикализма къ тому, чтобы повторить переворотъ, продѣланный при ихъ помощи раньше Наполеономъ I и Наполеономъ III. И тѣмъ не менѣе республика уцѣлѣла, заговоръ клерикально-націоналистическихъ партій былъ разбитъ, и французская демократія стала наносить чувствительные удары тѣмъ самымъ аббатамъ и монахамъ, которые еще такъ недавно казались всесильными и непобѣдимыми. И теперь передъ французскимъ парламентомъ стоитъ та самая задача отдѣленія церкви отъ государства, которая уже разъ была разрѣшена болѣе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, первой французской

республикой. Но въ то время, какъ церковная реформа конца XVIII в. была результатомъ долгой и кровавой революціи, церковные законы начала XX в. проходятся и отчасти уже проведены безъ кровопролитій, мирнымъ парламентскимъ путемъ.

Этими побѣдами первѣйшей важности Франція обязана прежде всего, тѣмъ учрежденіямъ, какія выросли на развалинахъ Второй Имперіи. Въ ряду этихъ учрежденій одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ свѣтская, даровая и обязательная первоначальная школа. Благодаря ей, французскій народъ въ массѣ въ моментъ кризиса оказался совершенно не тѣмъ, какимъ онъ былъ при Наполеонѣ I или III. Именно этой перемѣны не замѣтили іезуиты, надѣявшіеся, что имъ удастся такъ же легко провести народъ, какъ имъ это удалось полувѣкомъ раньше. Программа Вальдека-Руссо, объединившаго всѣ прогрессивные элементы Франціи, не шла дальше изгнанія нѣсколькихъ наиболѣе опасныхъ монашескихъ орденовъ. Его политическая мысль не шла дальше потому, что онъ вѣрилъ въ силу приверженности народа къ конгрегаціямъ. Но очень скоро муниципальные и парламентскіе выборы показали, что Вальдекъ-Руссо отсталъ отъ своего народа. Вальдекъ-Руссо уступилъ мѣсто болѣе рѣшительному Комбу, но и послѣдній не велъ за собой парламентъ, какъ это всегда было при прежнихъ премьерахъ, а наоборотъ, былъ увлекаемъ парламентомъ все дальше и дальше въ борьбѣ противъ римской церкви.

Франція избѣгла гражданской войны не благодаря одной только свѣтской первоначальной школѣ. Школа только подготовила умы массъ къ болѣе чуткому отношенію къ дѣламъ и судьбамъ страны. Она разрыхлила почву, и на этой почвѣ могли взойти какъ хорошія, здоровыя сѣмена, такъ и ядовитые злаки. Если бы французская конституція не гарантировала полной свободы высказаться всѣмъ мнѣніямъ, если бы она не давала полной свободы слова, печати и собраній, аббаты и іезуиты сумѣли бы настроить народъ въ желательномъ для нихъ направленіи. Что сталось бы съ республиканской Франціей, если бы Эмилю Золя было запрещено выступить со своимъ громовымъ J'Accuse (Я обвиняю), если бы Урбанъ Гойэ не имѣлъ возможности выпустить свои обличительныя статьи противъ генеральнаго штаба, если бы Жоресъ и Клемансо не могли печатать открыто и произносить свои филиппики противъ козней клерикальной и націоналистической партій? Благодаря этой ничѣмъ не ограниченной дѣятельности личности, въ единоборствѣ истины съ ложью, побѣда естественно должна была достаться истинѣ, и дѣятельность клерикаловъ и роялистовъ, выставленная мужественными обличителями къ свѣту, оттолкнула отъ себя народъ...

Не забудемъ, однако, той роли, какая досталась въ теперешней борьбѣ французской республики съ клерикализмомъ на долю парламента. Когда пала Вторая Имперія, Тьеръ назвалъ смѣнившую ее республику „монархіей безъ монарха"; этимъ онъ хотѣлъ указать на ея консервативный характеръ. Конституція 1875 г. представляетъ собою крайне остроумную комбинацію широкихъ демократическихъ принциповъ со строгимъ консерватизмомъ, желательнымъ для выработавшихъ эту конституцію буржуазныхъ классовъ. По своей основѣ французскій парламентъ вполнѣ демократиченъ, такъ какъ обѣ палаты выборныя; выборы въ нижнюю палату совершаются путемъ всеобщаго избирательнаго права и тайной подачи голосовъ, и члены обѣихъ палатъ получаютъ жалованье изъ казны, дающее возможность и бѣднымъ людямъ дѣлаться законодателями своей страны. Но по своей организаціи французскій парламентъ является твердыней консерватизма. Онъ состоитъ изъ двухъ палатъ—палаты депутатовъ и сената. Члены палаты депутатовъ избираются на четыре года. Сенаторы же въ началѣ были пожизненными, а потомъ, по мѣрѣ вымиранія первоначальныхъ сенаторовъ, они стали выбираться въ каждомъ департаментѣ особыми коллегіями, состоящими изъ депутатовъ этого департамента, выборныхъ членовъ департаментскаго совѣта (conseillers généraux), выборныхъ членовъ совѣта аррондисмановъ (conseillers d'arrondissement) и делегатовъ, избираемыхъ выборнымъ муниципальнымъ совѣтомъ (delegués du conseil municipal). Такимъ образомъ сенаторы избираются путемъ двойныхъ и даже тройныхъ выборовъ. Срокъ избранія равняется 9 годамъ, каждые 3 года обновляется одна треть сенаторовъ. Результатомъ этой сложной системы выборовъ является то, что въ сенаторы попадаютъ почти исключительно представители высшихъ классовъ, и такъ какъ ихъ мѣста обезпечены на цѣлыхъ 9 лѣтъ, то они не чувствуютъ той отвѣтственности передъ избирателями, какую чувствуютъ члены нижней палаты. Сенатъ и палата депутатовъ имѣютъ одинаковое право инииціативы и выработки законовъ. Только финансовые законопроекты должны быть обсуждаемы и приняты сначала палатой депутатовъ и потомъ лишь переходятъ въ сенатъ. Всякій законопроектъ только тогда обращается въ законъ, когда онъ принятъ обѣими палатами. Пересмотръ конституціи имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда того потребуетъ абсолютное большинство въ обѣихъ палатахъ; въ такомъ случаѣ сенатъ и палата депутатовъ соединяются въ *національное собраніе*, которое вноситъ измѣненія въ конституцію тоже абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Національное собраніе можетъ быть созвано для пересмотра всей конституціи или лишь отдѣльныхъ ея положеній. Національное собраніе выбираетъ также абсолютнымъ большинствомъ президента республики (на семь лѣтъ). Министры отвѣтственны передъ нижней палатой и назначаются президентомъ республики изъ числа членовъ ея большинства.

Мы видимъ, слѣдовательно, что палата депутатовъ является выразителемъ желаній всей націи и служитъ, такимъ образомъ, представительницей максимума требованій всѣхъ классовъ и слоевъ французскаго населенія. Сравнительная частота выборовъ палаты депутатовъ является какъ бы предохранительнымъ клапаномъ противъ взрывовъ накопляющагося въ массахъ недовольства. Наоборотъ, сенатъ представляетъ собою выраженіе минимума требованій націи, такъ какъ онъ состоитъ изъ людей, посланныхъ крупной и мелкой буржуазіей, крупнымъ крестьянствомъ и землевладѣльцами. Луи Бланъ, подавшій 25-го февраля 1875 г. свой голосъ въ національномъ собраніи противъ учрежденія „верхней палаты", заявилъ: „Я предвижу, что сенатъ, представляющій крѣпость для прикрытія враждебнаго намъ лагеря и созданный изъ недовѣрія ко всеобщему народному голосованію, будетъ наносить постоянныя пораженія авторитету избранниковъ народа и поставитъ страну между безсиліемъ и революціей". Исторія оправдала это предсказаніе лишь отчасти. Сенатъ дѣйствительно оказался консервативной силой, обезсиливавшей палату депутатовъ

вплоть до конца XIX в. Но когда показалась во всю свою величину опасность клерикализма и монархической реакціи, сенатъ, въ *силу своего консерватизма*, всталъ на защиту существующаго строя. Когда самимъ интересамъ свободомыслящей буржуазіи стала угрожать серьезная опасность, сенатъ соединился съ демократіей, чтобы поразить общаго врага—клерикализмъ. И когда этотъ общій врагъ будетъ окончательно пораженъ, сенатъ снова войдетъ въ свою старую роль,—роль тормаза на пути развитія демократіи.

Но будетъ ли, можетъ ли этотъ врагъ быть окончательно пораженъ въ ближайшемъ будущемъ? Мы въ этомъ болѣе, чѣмъ сомнѣваемся. Законы Вальдека-Руссо и Комба разогнали монашескіе ордена, но значительная часть монаховъ осталась во Франціи, только переодѣвшись въ рясу аббатовъ или въ штатское платье. Многія католическія школы были закрыты, но онѣ еще далеко не исчезли. Правда, Pére Renard въ штатской одеждѣ далеко не производитъ на простыхъ людей и женщинъ того впечатлѣнія, какое производилъ тотъ же Père Renard въ монашескомъ одѣяніи, съ четками въ рукахъ; но его вліяніе все еще будетъ значительно. Не забудемъ, что въ началѣ текущаго вѣка во Франціи жило до 200.000 монаховъ и монахинь, и что одна недвижимая собственность, принадлежавшая имъ, оцѣнивалась въ милліардъ франковъ.

Итакъ, клерикализмъ настоящей борьбой во Франціи не будетъ уничтоженъ, а только значительно ослабленъ. И когда снова обострится борьба во Франціи между усиливающейся демократіей и консервативной буржуазіей, онъ можетъ опять оказаться желаннымъ союзникомъ владѣющихъ классовъ. Благодаря своей могущественной и всемірной организаціи, клерикализмъ явится въ будущемъ самымъ могущественнымъ и *послѣднимъ* врагомъ демократіи. Изгнанный изъ Франціи, онъ укрѣпится въ другихъ странахъ. Въ Испаніи и Бельгіи онъ держитъ власть въ своихъ рукахъ. Въ Ирландіи его вліяніе всесильно и въ Американской республикѣ его значеніе быстро растетъ. Въ Германіи клерикальный центръ оказываетъ все большее давленіе на правительство и увлекаетъ его по пути *міровой политики*, состоящей изъ постояннаго усиленія арміи, увеличенія флота и насильственнаго захвата чужихъ территорій, такъ называемыхъ колоній. „Страшный ростъ нашего государственнаго долга, воскликнулъ Бебель въ своей рѣчи въ рейхстагѣ, 5 дек.,—начался съ 1898 года, съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили на путь *міровой* политики. Центръ... виновенъ въ томъ, что мы все болѣе углубляемся по этому пути и что мы такъ глубоко завязли теперь въ этомъ болотѣ. Вы, въ центрѣ, прежде всѣхъ несете отвѣтственность за то, что было сдѣлано по этому пути за послѣднія 8 лѣтъ."

Въ Австріи еще только нѣсколько недѣль тому назадъ былъ проведенъ антисемитами реакціонный школьный законъ. Наконецъ, въ Италіи на послѣднихъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто два мѣсяца тому назадъ, клерикалы впервые приняли открытое участіе въ политической борьбѣ. Они соединились съ правительствомъ, и благодаря этому прогрессивныя партіи потерпѣли пораженіе. Этотъ фактъ имѣетъ огромное значеніе для Италіи. Со времени отнятія у папы его свѣтской власти, клерикальная партія, т. е. служители католической церкви, придерживалась политики непризнаванія, игнорированія существующаго въ Италіи режима и потому воздерживалась отъ участія, по крайней мѣрѣ открытаго, въ избирательной борьбѣ. Но теперь клерикалы, изгнанные изъ Франціи, рѣшили, повидимому, приложить свои силы въ Италіи къ завоеванію господствующаго вліянія на политическую жизнь страны. Этотъ переходъ клерикаловъ къ активной политикѣ несомнѣнно вызоветъ крупныя измѣненія въ соотношеніяхъ итальянскихъ политическихъ партій.

Д. Альбіоновъ.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА.

Именной Высочайшій указъ Правительствующему сенату.—Записка по крестьянскому вопросу С. Ю. Витте.—Сорокалѣтній юбилей Судебныхъ уставовъ.—Офиціальныя сообщенія о манифестаціяхъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Радомѣ.—Приговоръ С.-Петербургской судебной палаты по дѣлу объ убійствѣ министра В. К. Плеве.—Правительственное сообщеніе о ходатайствѣ Черниговскаго губернскаго земскаго собранія.—Патріотическій адресъ 250-ти лицъ изъ Тамбова.—Правительственное сообщеніе о различныхъ собраніяхъ.—Распоряженія по дѣламъ печати.

14-го декабря года опубликованъ именной Высочайшій указъ Правительствующему сенату о принятіи мѣръ къ исполненію „предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ внутреннихъ преобразованій... при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи".

Какъ гласитъ указъ, дѣло „о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія" уже подвергается обсужденію. Съ одной стороны работаютъ губернскіе комитеты, обсуждающіе проектъ реформы крестянскаго быта, выработанный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ началѣ прошлаго (1904) года; съ другой стороны, въ Особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности „изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности". Указъ повелѣваетъ: „чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей".

Послѣднія слова—полноправные свободные сельскіе обыватели — заимствованы изъ Высочайшаго Манифеста 19 февраля 1861 г., въ которомъ полноправными сельскими обывателями называются бывшіе крѣпостные по окончаніи временно-обязаннаго состоянія по отношенію къ помѣщикамъ.

„Для упроченія правильнаго хода государственной и общественной жизни Высочайшій Указъ признаетъ „неотложнымъ":

1) принять дѣйствительныя мѣры къ охра-

ненію полной силы закона,—важнѣйшей въ Самодержавномъ Государствѣ опоры Престола,—дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Намъ властей и мѣстъ, неисполненіе же ея неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій лицамъ способы достиженія правосудія;

2) предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; съ цѣлью успѣшнѣйшаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ въ небольшихъ по пространству участкахъ;

3) въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, внести должное единство въ устройство судебной въ Имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность;

4) въ дальнѣйшее развитіе принятыхъ уже Нами мѣръ по обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ, озаботиться введеніемъ государственнаго ихъ страхованія;

5) пересмотрѣть изданныя во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться при этомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности;

6) для закрѣпленія выраженнаго Нами въ Манифестѣ 26 февраля 1903 года неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную Основными Законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры, подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія;

7) произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами Государства и явною пользою Русскаго Народа,

и 8) устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи".

Высочайшій Указъ устанавливаетъ порядокъ для осужденія способовъ осуществленія предстоящихъ преобразованій. Комитету министровъ повелѣвается войти въ разсмотрѣніе вопросовъ о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь Высочайшихъ предначертаній и докладывать Государю о дальнѣйшемъ ходѣ разработки означенныхъ дѣлъ.

Въ настоящее время предсѣдателемъ Комитета министровъ состоитъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте, членами: Ихъ Императорскія Высочества, Великіе Князья: Михаилъ Александровичъ, главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа Владиміръ Александровичъ, генералъ-адмиралъ Алексѣй Александровичъ, предсѣдатель Государственнаго совѣта Михаилъ Николаевичъ, главноуправляющій торговымъ мореплаваніемъ и портами Великій Князь Александръ Михаиловичъ.

Предсѣдатели департаментовъ Государственнаго совѣта: государственной экономіи ст.-секр. гр. Д. М. Сольскій, законовъ ст.-секр. Э. В. Фришъ, промышленности, наукъ и торговли ген.-ад. адмиралъ П. М. Чихачевъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Н. Н. Герардъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода ст.-секр. К. П. Побѣдоносцевъ, главноуправляющій Собственною Его Величества канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи г.-ад. ген.-отъ-кав. гр. Н. А. Протасовъ-Бахметевъ.

Министры: Императорскаго Двора и удѣловъ ген.-ад. баронъ В. Б. Фредериксъ, военный ген.-ад. В. В. Сахаровъ, внутреннихъ дѣлъ ген.-ад. кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій, финансовъ В. Н. Коковцовъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ стат.-секр. А. С. Ермоловъ, юстиціи ст.-секр. Н. В. Муравьевъ, иностранныхъ дѣлъ ст.-секр. гр. Ламздорфъ, путей сообщенія кн. М. И. Хилковъ, народнаго просвѣщенія ген.-лейт. В. Г. Глазовъ, государственный контролеръ ген.-отъ-инф. П. Л. Лобко, управляющій морскимъ министерствомъ г.-ад. Ф. К. Авеланъ, государственный секретарь баронъ Ю. А. Икскуль-фонъ-Гильденбрантъ. Управляющимъ дѣлами Комитета министровъ состоитъ ст.-секр. бар. Э. Ю. Нольде.

Тов. минист. и главноупр., а равно замѣняющія послѣднихъ лица: Оливъ, С. В., шталм. кн. Оболенскій-Нелединскій-Мелецкій, В. С., шталм. кн. Оболенскій. А. Д., тс.: Дурново, П. Н., Кутлеръ, Н. А., Дмитріевъ, Н. Э., Романовъ, П. М., Аргиропуло, К. Э., Мясоѣдовъ-Ивановъ, В. А., Манухинъ, С. С., Рухловъ, С. В., Тимирязевъ, В. И., Никитинъ, Р. П., Ренаръ, И. К., сенаторъ Саблеръ, В. К., ген.-м. Рыдзевскій, К. Н., Св. Е. И. В. контр.-адм. Абаза. А. М., дсс. Лукьяновъ, С. М., Философовъ, Д. А., вице-адмиралъ Безобразовъ, К. Э., ген.-лейт. Фроловъ, П. А.

Въ Особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности обсуждается „Записка по крестьянскому дѣлу", составленная С. Ю. Витте, предсѣдателемъ Особаго совѣщанія. При составленіи этой записки, авторъ ея стремился согласовать свои предложенія съ одной стороны съ Высочайшими предначертаніями, съ другой стороны съ мнѣніемъ большинства сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Необходимость такого согласованія, по мнѣнію С. Ю. Витте, имѣетъ первостепенное значеніе, такъ какъ постановленія мѣстныхъ комитетовъ имѣютъ практическое значеніе для предстоящаго пересмотра законодательства о крестьянахъ лишь въ предѣлахъ стро-

гаго соотвѣтствія Высочайше предуказаннымъ основаніямъ сего пересмотра".

Авторъ записки признаетъ необходимымъ серьезно считаться съ мнѣніемъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, указывая, что „общее число членовъ комитетовъ 49 губерній Европейской Россіи превысило, какъ извѣстно, 11.000. При подобныхъ условіяхъ едва ли сужденія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу возможно отнести къ области абстрактныхъ умозаключеній, чуждыхъ живой дѣйствительности. И если въ этомъ многочисленномъ и разнородномъ составѣ совершенно естественнымъ путемъ, внѣ какого-либо объединительнаго воздѣйствія, мнѣнія соединяются и образуютъ большинство, рѣшительно подавляющее всѣ прочія группировки по тому же вопросу, то фактъ этотъ не можетъ быть оставленъ безъ вниманія и серьезной оцѣнки, при проектированіи соотвѣтственныхъ мѣропріятій".

Авторъ весьма подробно останавливается на выясненіи основного Высочайшаго указанія относительно предстоящей реформы, требующаго, чтобы пересмотръ узаконеній о крестьянахъ совершился на почвѣ основныхъ началъ положеній 19-го февраля 1861 г. и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе.

С. Ю. Витте никоимъ образомъ не хочетъ согласиться съ толкованіемъ основныхъ началъ великой освободительной реформы, принятымъ редакціонной комиссіей проекта, выработаннаго при покойномъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Какъ извѣстно, редакціонная комиссія видѣла основное начало реформы 19-го февраля въ сословной обособленности крестьянъ, и со своей стороны предложила еще болѣе усугубить эту обособленность.

По мнѣнію автора записки, основныя начала освободительнаго акта заключались какъ разъ въ обратномъ: въ уменьшеніи этой обособленности крестьянъ. Какъ документально доказываетъ записка, составители положеній 19-го февраля 1861 г. развитіе этихъ началъ понимали, какъ дальнѣйшее приближеніе крестьянъ къ равноправности съ другими сословіями, къ устраненію сословныхъ различій, допущенныхъ въ качествѣ временной, переходной мѣры. По новому проекту, волостной судъ долженъ быть замѣненъ общимъ для всего населенія низшимъ судомъ, независимымъ отъ администраціи и входящимъ въ составъ общаго судебнаго управленія. Во главѣ такого суда проектируется выборное лицо съ образовательнымъ цензомъ, при этомъ лицѣ — очередные засѣдатели отъ мѣстнаго сельскаго населенія.

Обязанности крестьянскаго общественнаго управленія расчленяются. Въ вѣдѣніи сословно-крестьянскихъ союзовъ остаются только дѣла, обусловленныя общностью владѣнія надѣльной землей. Всѣ дѣла общественнаго благоустройства переходятъ къ организаціямъ земскаго типа, объединяющимъ все населеніе, независимо отъ его сословныхъ отличій; такихъ организацій намѣчается двѣ: въ видѣ „земскаго округа" и „поселковаго общества", вѣдающихъ интересы благоустройства; первый - въ предѣлахъ части уѣзда, второе—въ предѣлахъ отдѣльнаго населеннаго пункта.

Засимъ обязанности полицейскія и податныя, исполняемыя нынѣ крестьянами въ порядкѣ сословной натуральной повинности, крайне отяготительной для населенія и, по мнѣнію комитетовъ, нерѣдко даже разорительной для крестьянскаго хозяйства, — эти обязанности проектируется возложить на наемныхъ лицъ, содержимыхъ на средства всего населенія, а не однихъ только крестьянъ, и притомъ назначаемыхъ и увольняемыхъ исполнительными органами земства; послѣднее обезпечиваетъ контроль мѣстнаго населенія въ лицѣ его выборныхъ властей, безъ котораго „въ условіяхъ сельской жизни можетъ встрѣтиться слишкомъ мало препятствій для произвольныхъ дѣйствій" низшихъ чиновъ сельской полиціи. Лицомъ, объединяющимъ дѣятельность земской стражи и общей полиціи и наблюдающимъ за законностью дѣйствій мелкихъ земскихъ организацій, намѣчается земскій начальникъ, какъ органъ чисто административный, освобожденный отъ всѣхъ обязанностей судебнаго характера. Къ этому же органу и къ подвѣдомственнымъ ему чинамъ общей и земской полиціи переходятъ прочія административныя обязанности крестьянскаго общественнаго управленія—по регистраціи населенія, паспортному дѣлу, воинской и военно-конской повинности.

Проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ, сохраняя особый сословный судъ для крестьянъ, предлагаетъ также выработать особые законы, коимъ должны быть подчинены споры по имущественнымъ отношеніямъ, а равно и порядокъ наслѣдованія въ крестьянскомъ имуществѣ. Записка С. Ю. Витте проектируетъ, соотвѣтственно пожеланіямъ преобладающаго большинства мѣстныхъ комитетовъ, общегражданскій законъ. Точно также записка находитъ излишнимъ особливые для крестьянъ уголовные законы. Авторъ записки допускаетъ только немногіе законы для крестьянъ, такъ какъ общій законъ не предусматриваетъ условій уравнительнаго пользованія полевой землей. Записка допускаетъ также нѣкоторыя изъятія изъ общегражданскаго права въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно существуютъ нормы обычнаго права, отличающіяся отъ нормъ общаго (преимущественно въ наслѣдственномъ правѣ, какъ это было указано мѣстными комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности). Но, какъ утверждаетъ записка, такими частичными и, вѣроятно, временными исключеніями отнюдь не нарушается тотъ основной принципъ объединенія всего населенія однимъ гражданскимъ закономъ, который долженъ быть въ виду при пересмотрѣ каждаго законодательнаго опредѣленія, касающагося крестьянъ. Кромѣ того, дабы обычай былъ дѣйствительно источникомъ права, а не произвола, авторъ записки считаетъ „совершенно необходимымъ, во-первыхъ, точно опредѣлить въ законѣ случаи и условія примѣненія обычая и, во-вторыхъ, подвергнуть его всестороннему изслѣдованію, и впослѣдствіи, если это изслѣдованіе дастъ что-либо положительное, внести необходимѣйшія нормы обычнаго права въ законъ.

Относительно сохраненія общиннаго землевладѣнія проводится мысль о необходимости предоставить разрѣшеніе этого вопроса самимъ крестьянамъ; не должно существовать принудительнаго удержанія отдѣльныхъ крестьянъ въ условіяхъ этого землепользованія, и необходимо вернуть имъ право свободнаго выхода съ выдѣломъ своего надѣла въ подворное пользованіе, предоставленное Положеніемъ 19 февраля 1861 г. и только впослѣдствіи отмѣненное.

Авторъ записки очень сурово относится къ административной опекѣ надъ хозяйственной жизнью общины. „Регламентація и дискреціонное право вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь общины, предоставленное земскимъ

начальникамъ, въ корнѣ противорѣчитъ Высочайшему предуказанію о „неприкосновенности общины и совершенно лишаетъ ее свойствъ частно-правового союза. При современномъ положеніи она имѣетъ многія черты публично-правовой организаціи, невольно напоминающія о военныхъ поселеніяхъ".

Записка рѣшительно высказывается противъ семейнаго владѣнія (двора), противопоставляя ему начало личнаго владѣнія.

„Сущность семейнаго владѣнія заключается въ отрицаніи имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ и въ принудительномъ удержаніи ихъ въ составѣ двора, какъ семейно-трудового союза. Подобнаго рода правовая конструкція могла бы быть допустима въ условіяхъ примитивнаго экономическаго строя, но въ настоящее время она является серьезнѣйшимъ стѣсненіемъ для хозяйственной самодѣятельности и предпріимчивости и приноситъ только вредъ, о чемъ весьма доказательно свидѣтельствуютъ мѣстные комитеты".

Выходъ изъ крестьянскихъ обществъ и временныя отлучки по паспортамъ, по новому проекту, должны быть совершенно свободны, такъ какъ большая часть существующихъ стѣсненій обусловлена податными цѣлями, потерявшими въ настоящее время, съ отмѣною круговой поруки, всякое значеніе. Новый проектъ крестьянской реформы въ общемъ встрѣченъ сочувственно почти всѣмъ обществомъ; появленіе его привѣтствуется, какъ нѣкоторая гарантія того, что проектъ реформы, выработанный въ министерствѣ покойнаго В. К. Плеве, никогда не превратится въ законодательный актъ.

Подробныхъ свѣдѣній о томъ, какъ встрѣченъ новый проектъ въ Особомъ совѣщаніи, не опубликовано. По словамъ „Руси", обмѣнъ мнѣній членовъ перваго засѣданія, посвященнаго обсужденію записки, съ очевидностью показалъ, что проектъ не можетъ быть осуществленъ въ томъ объемѣ, въ какомъ предлагалъ его авторъ. Нѣкоторые члены въ слѣдующихъ засѣданіяхъ внесутъ контръ-записку, въ которой будутъ предложены нѣкоторыя измѣненія.

20-го ноября минуло 40 лѣтъ со дня утвержденія Императоромъ Александромъ II Судебныхъ Уставовъ, навсегда похоронившихъ старый, дореформенный судъ, съ его волокитой, лицепріятіемъ, безсердечіемъ и открытымъ взяточничествомъ, съ его попираніемъ закона въ угоду сильнымъ. Постоянныя попытки улучшить дореформенный судъ, не прекращавшіяся съ 1843 г., давали ничтожные результаты; въ безправной и нѣмой крѣпостной Россіи могъ существовать только призракъ защиты права. Только освобожденіе крестьянъ сдѣлало возможнымъ введеніе суда „скораго, праваго и милостиваго", гдѣ бывшій крѣпостной и его душевладѣлецъ-помѣщикъ должны были явиться равными передъ закономъ. Не могъ явиться гласный судъ при полной вынужденной нѣмотѣ дореформенной Россіи: слишкомъ явно вскрывались бы язвы общественнаго быта,—язвы, которыхъ не могла касаться дореформенная печать. Коротко сказать, введеніе новаго суда было возможно только при одновременной реформѣ другихъ сторонъ нашей жизни: „великія реформы" шестидесятыхъ годовъ были одной общей реформой, при чемъ жизненность и плодотворность каждой изъ реформъ находилась въ большой зависимости отъ жизненности всѣхъ другихъ. Общее обновленіе жизни нашей родины, начавшееся послѣ крымской кампаніи, сдѣлало возможнымъ коренную реформу суда. Судебные Уставы были построены на основаніяхъ, совершенно новыхъ для нашего суда, не оставившихъ ничего отъ прежняго судоустройства.

Судебные Уставы проводили въ жизнь принципъ полнаго отдѣленія власти судебной отъ административной, принципъ независимости судей, гарантируемой ихъ несмѣняемостью и выдѣленіемъ изъ общаго круга чиновниковъ. Судебное производство сдѣлалось гласнымъ и устнымъ, процессъ уголовный и гражданскій состязательнымъ; была введена защита, представителямъ которой, присяжнымъ повѣреннымъ, была дана независимая корпоративная организація; общество было привлечено къ отправленію правосудія въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей и выборныхъ мировыхъ судей; были созданы гарантіи правъ подсудимаго. Судъ сдѣлался для всѣхъ не фиктивнымъ, а дѣйствительнымъ защитникомъ правъ политическихъ, личныхъ и общественныхъ. Судъ сдѣлался школой развитія правовой личности изъ безправнаго обывателя; ему въ значительной мѣрѣ общество обязано развитіемъ правового самосознанія, сознанія возможности и необходимости борьбы съ произволомъ, съ безправіемъ. Но въ дальнѣйшемъ ростъ правового самосознанія въ обществѣ встрѣчалъ препятствія въ усиленіи личнаго усмотрѣнія, и цѣлый рядъ спеціальныхъ узаконеній и административныхъ распоряженій значительно исказили основные принципы новаго суда.

Въ столичныхъ газетахъ напечатаны слѣдующія *офиціальныя* сообщенія объ уличныхъ манифестаціяхъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

„28-го ноября, въ 1 часъ дня, на Невскомъ проспектѣ, на протяженіи между Полицейскимъ мостомъ и Садовой улицей, при большомъ стеченіи публики, произошелъ уличный безпорядокъ, въ которомъ принимала участіе преимущественно учащаяся молодежь въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Въ разныхъ мѣстахъ раздавалось демонстративное пѣніе, крики; было выкинуто десять красныхъ флаговъ съ противоправительственными надписями. Мѣрами пѣшей и конной полиціи и жандармскаго дивизіона толпа быстро была разсѣяна, флаги немедленно отобраны, а флагоносцы и лица, оказывавшія сопротивленіе полиціи, задержаны. Во время общаго смятенія и давки демонстранты пустили въ дѣло палки, а чины полиціи послѣ ушибовъ вынуждены были обнажить шашки, которыми дѣйствовали плашмя. Не обошлось, конечно, безъ потерпѣвшихъ отъ побоевъ, ушибовъ, случайныхъ пораненій, но не было ни убитыхъ, ни увѣчій, ни тяжкихъ поврежденій. Энергичными дѣйствіями полиціи порядокъ къ 3-мъ часамъ дня былъ совершенно возстановленъ, а къ 4-мъ часамъ Невскій проспектъ принялъ свой обычный характеръ".

Въ дополнительномъ офиціальномъ сообщеніи сказано, что „зарегистрировано 42 человѣка, потерпѣвшихъ отъ побоевъ, ушибовъ и пораненій; но несомнѣнно были и такіе потерпѣвшіе, которые съ мѣста происшествія отправились домой. Пострадали также: одинъ офицеръ конной стражи (ударъ палкой по колѣну), четверо городовыхъ и четверо дворниковъ".

„Послѣ уличнаго безпорядка, имѣвшаго мѣсто въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, 28 минувшаго ноября, среди учащейся молодежи гор. Москвы началась усиленная агитація за устройство безпорядковъ и въ здѣшней столицѣ. Означеннымъ настроеніемъ молодежи воспользовалась преступная органи-

зація, именующая себя „Московскимъ комитетомъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ", и вскорѣ появились прокламаціи, которыя распространялись въ разныхъ частяхъ города, приглашающія 5-го и 6-го текущаго декабря на политическую демонстрацію.

„5-го декабря, съ 12 час. дня, было замѣчено необычное движеніе публики по тротуарамъ отъ Страстной площади до Чернышевскаго пер., при чемъ группы гуляющихъ почти исключительно составляли студенты высшихъ учебныхъ заведеній и слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ.

„Во 2-мъ часу дня на Тверской улицѣ, между Леонтьевскимъ и Чернышевскимъ переулками, образовалась уже значительная толпа, среди которой послышалось революціонное пѣніе и были выкинуты красные флаги съ антиправительственными надписями. Толпа эта вступила въ драку съ направленнымъ противъ нея пѣшимъ нарядомъ полиціи, пользуясь для сего палками, кистенями и желѣзными прутьями; былъ сдѣланъ и выстрѣлъ изъ револьвера. Чины полиціи принуждены были обнажить шашки, но немедленно разогнали толпу, отобравъ флаги.

„Такія же попытки въ теченіе дня возобновлялись и въ другихъ частяхъ города, но демонстранты и тамъ немедленно разгонялись полиціей...

„Попытка возобновить безпорядки была произведена 6-го декабря на Страстной площади, но не была допущена нарядомъ полиціи, окружившимъ и задержавшимъ демонстрантовъ".

Послѣ уличныхъ демонстрацій учебныя занятія въ Московскомъ университетѣ прекращены.

По словамъ „Москов. Вѣд.", совѣтъ университета въ засѣданіи 11-го декабря постановилъ довести до свѣдѣнія начальства слѣдующее его мнѣніе: „Вслѣдствіе крайняго возбужденія студентовъ Московскаго университета, вызваннаго уличными происшествіями 5-го и 6-го декабря, нормальное теченіе учебной жизни сдѣлалось невозможнымъ не только въ настоящее время, но, быть можетъ, и въ будущемъ семестрѣ. Въ виду этого совѣтъ призналъ единогласно желательнымъ и большинствомъ голосовъ даже необходимымъ обстоятельное и всестороннее разслѣдованіе этихъ событій, полнота и безпристрастіе коего были бы достаточно обезпечены и результаты котораго были бы доведены до общаго свѣдѣнія".

Сообщивъ министру народнаго просвѣщенія это постановленіе, попечитель учебнаго округа вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ совѣту возможность чрезъ комиссію ознакомиться съ фактическими данными, относящимися къ дѣлу. Если бы засимъ были какіе-либо другіе факты, касающіеся опредѣленныхъ студентовъ, то, по разъясненіи попечителя учебнаго округа, профессорская комиссія, обязанная пещись о студентахъ, имѣетъ возможность узнать о томъ точно отъ каждаго изъ непосредственно заинтересованныхъ студентовъ, давъ ему соотвѣтствующій совѣтъ и оказавъ ему вообще помощь для полнаго и безпристрастнаго обезпеченія его интересовъ законными путями. Внѣ же фактическихъ основаній было бы невозможно разобраться въ массѣ ложныхъ слуховъ, распространяемыхъ иногда искусственно для поддержанія общественнаго волненія". Признаніе совѣтомъ университета невозможности правильнаго теченія учебной жизни послужило основаніемъ къ закрытію университета до начала будущаго учебнаго полугодія.

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ" напечатано слѣдующее сообщеніе: „Въ ночь съ 11 на 12 декабря въ Радомѣ, послѣ богослуженія и выхода молящихся изъ костела, выдѣлилась группа манифестантовъ, которая, выкинувъ красный флагъ съ надписями революціонно-соціалистическаго характера, устроила шествіе съ революціоннымъ пѣніемъ. Предложеніе полиціи и войсковыхъ патрулей разойтись и прекратить демонстрацію участниками ея было оставлено безъ вниманія. Демонстранты начали стрѣлять изъ револьверовъ, вслѣдствіе чего были вызваны войска—рота 26 пѣхотнаго полка. Въ то же время къ мѣсту происшествія подъѣхалъ командиръ могилевскаго полка, полковникъ И. И. Булатовъ; выйдя изъ экипажа, онъ подошелъ къ толпѣ, уговаривая ее прекратить демонстрацію. Въ отвѣтъ раздались выстрѣлы изъ револьверовъ, и однимъ изъ нихъ, произведеннымъ въ упоръ, полковникъ Булатовъ былъ убитъ на мѣстѣ. Это событіе, явившееся результатомъ агитаціи соціально-революціонной партіи, никакой связи съ призывомъ запасныхъ не имѣетъ. Въ Радомѣ, какъ и въ другихъ городахъ, мобилизація прошла совершенно спокойно".

Петербургская судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей объявила 30 ноября приговоръ по дѣлу объ убійствѣ министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Сазоновъ приговоренъ къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, Сикорскій также къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ 20-ти-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ.

Въ окончательной формѣ приговоръ объявленъ 14-го декабря. Милость, дарованную Высочайшимъ манифестомъ отъ 11-го августа 1904 года, постановлено признать подлежащей примѣненію къ осужденнымъ въ порядкѣ и при условіяхъ 26 п. 19 ст. означеннаго Манифеста. Какъ извѣстно, по усмотрѣнію мѣстной административной власти, срокъ наказанія можетъ быть уменьшенъ въ такомъ порядкѣ: безсрочная каторга ограничена 14-ю годами, а 20-ти-лѣтняя—10-ю годами.

Въ „Прав. Вѣстн." напечатано: „6 декабря предсѣдатель черниговскаго губернскаго земскаго собранія, черниговскій губернскій предводитель дворянства представилъ Его Императорскому Величеству по телеграфу ходатайство означеннаго собранія по цѣлому ряду вопросовъ общегосударственнаго свойства. На телеграммѣ этой Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было Собственноручно начертать:

„Нахожу поступокъ предсѣдателя черниговскаго губернскаго земскаго собранія дерзкимъ и безтактнымъ. Заниматься вопросами государственнаго управленія не дѣло земскихъ собраній, кругъ дѣятельности и правъ которыхъ ясно очерченъ законами".

Собравшіяся въ городѣ Тамбовѣ 250 лицъ различныхъ сословій обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ со слѣдующею телеграммою:

„Почтительнѣйше просимъ Ваше Сіятельство повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества вѣрноподданническія чувства болѣе чѣмъ 250 русскихъ людей всѣхъ сословій, случайно собравшихся въ гор. Тамбовѣ, и ихъ непреклонную увѣренность въ томъ, что только Онъ одинъ, Государь Самодержецъ, можетъ вывести Россію изъ тяжелаго положенія, созданнаго небольшой группой внутреннихъ враговъ ея. По порученію собравшихся, распорядитель патріотическаго обѣда, присяжный повѣренный Гавріилъ Николаевичъ Луженовскій".

На всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ означенной телеграммы, Его Императорское Величество Государь Императоръ, 5 сего декабря, собственноручно изволилъ начертать: *„Прочелъ съ удовольствіемъ"*.

Правительственное сообщеніе. „Осенью текущаго года въ Петербургѣ происходили собранія нѣкоторыхъ гласныхъ разныхъ губернскихъ земствъ, выразившія рядъ пожеланій о необходимыхъ, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформахъ внутренняго управленія Имперіею. Пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего или по инымъ поводамъ собраній, а также, вопреки требованіямъ закона, обсуждались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту и воспользовавшихся возникшимъ въ обществѣ волненіемъ умовъ, преимущественно въ воспріимчивой средѣ молодежи,—въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи произошелъ рядъ шумныхъ сборищъ, заявлявшихъ о необходимости представить правительству различныя требованія, недопустимыя въ силу освященныхъ основными законами Имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя, и цѣлыми скопищами устраивались уличныя демонстраціи, при чемъ оказывалось полиціи и властямъ открытое сопротивленіе. Такое движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое русскому народу, вѣрному исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя, старается придать означеннымъ волненіямъ несвойственное имъ значеніе общаго стремленія. Охваченныя этимъ движеніемъ лица, въ забвеніи тяжелой годины, выпавшей нынѣ на долю Россіи, ослѣпленныя обманчивыми призраками тѣхъ благъ, которыя они ожидаютъ отъ коренного измѣненія вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на пользу не родины, а ея враговъ.

„Законный долгъ Правительства ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе отъ всякихъ попытокъ прервать правильный ходъ внутренней жизни,—поэтому всякое нарушеніе порядка и спокойствія и всякія сборища противуправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращаемы всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами, а виновные въ сихъ нарушеніяхъ, особенно же лица, состоящія на государственной службѣ, будутъ привлекаемы къ законной отвѣтственности. Земскія и городскія установленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію предметовъ и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденія не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, должны, съ своей стороны, ввести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ послѣднее время отъ правильнаго теченія".

По дѣламъ печати состоялись слѣдующія распоряженія:

1) Въ виду не прекращающагося вреднаго направленія газеты *Сынъ Отечества*, выразившагося между прочимъ въ отдѣлѣ „Провинція" въ номерѣ 12-мъ, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ объявить газетѣ третье предостереженіе съ пріостановленіемъ изданія на три мѣсяца.

2) Въ виду вреднаго направленія газеты *Право*, выразившагося между прочимъ въ статьѣ „Итоги юбилея" въ номерѣ 48-мъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ опредѣлено объявить газетѣ второе предостереженіе.

3) Въ виду вреднаго направленія газеты *Русская Правда*, выразившагося между прочимъ во второй передовой статьѣ въ номерѣ 243-мъ, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ объявить газетѣ первое предостереженіе и воспретить розничную продажу газеты.

4) Изданіе газеты *Бессарабецъ* распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ пріостановлено на три мѣсяца.

А. Л.

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

Давно уже не переходили мы въ столь тяжелое время черезъ порогъ новаго года и съ такою грустью не оглядывались на старый. Страшный годъ, о которомъ можно повторить сказанное много лѣтъ тому назадъ поэтомъ:

О любовь! гдѣ всѣ твои усилья?
Разумъ! гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Жадный пиръ злодѣйства и насилья,
Торжество картечи и штыковъ!
Этотъ годъ готовитъ и для внуковъ
Сѣмена раздора и войны...

Около милліона человѣкъ съ той и другой стороны встрѣтятъ новый годъ далеко отъ отчизны, среди подготовленій къ рѣшительному бою, если только не въ самомъ бою. Всѣ эти массы людей вынуждены переносить суровую манчжурскую зиму, во время которой въ Мукденѣ (расположенномъ на той же широтѣ, какъ Батумъ или Константинополь) морозы зачастую достигаютъ 20° Р. при рѣзкихъ вѣтрахъ, въ наскоро вырытыхъ землянкахъ, среди всяческихъ трудовъ и лишеній.

Вотъ какъ описываетъ въ „Русск. Инв." П. Красновъ устройство этихъ землянокъ. „Надъ четырехугольными ямами изъ деревьевъ ставится остовъ двускатной крыши. На повозкахъ и двуколкахъ подвозятъ гаолянъ. Солдаты разбираютъ его снопы, накладываютъ крышу изъ него, потомъ отправляются въ деревню на поиски за кирпичами. Еще черезъ день въ землянкѣ сложена печка, на поверхность выведена узкая труба, изъ которой цѣлый день валитъ дымъ, прокопаны нары, и жилище на цѣлую зиму готово. Теперь уже многое зависитъ отъ заботы командировъ ротъ, батальоновъ, полковъ, отъ личнаго искусства жителей землянки. Появляется рама со стекломъ; жидкій свѣтъ льется на полъ, на земляныя стѣны и нары. Еще день, другой, стѣны уже побѣлены известкой, въ углу привѣшена икона, надъ койками съ матрацами изъ гаоляна у кого-нибудь виситъ подобранный на офицерской квартирѣ портретъ кого-либо изъ героевъ войны съ коробки кон-

фектъ фабрики Васильева или вырѣзанный изъ газеты.

„Офицерская квартира—такая же землянка. Въ ней менѣе тѣсно; стоятъ походныя койки; полъ покрытъ брезентомъ; есть случайно найденный въ китайскомъ домѣ столъ; иногда есть чернильница, бумага, чей-нибудь портретъ въ рамкѣ. Здѣсь, сидя на койкахъ, на табуретахъ, созданныхъ изъ тяжелыхъ обрубковъ, ведутся горячіе споры; здѣсь пишутъ вамъ письма; здѣсь тоскуютъ и надѣются; здѣсь жаждутъ подвиговъ и побѣдъ. Отсюда вечеромъ выходятъ люди въ полушубкахъ при револьверахъ и, забравши маленькій отрядъ, уходятъ на всю ночь".

Подобный типъ землянокъ удается, впрочемъ, устраивать далеко не всѣмъ войскамъ; уже одинъ недостатокъ лѣса препятствуетъ этому. Часто бываетъ и такъ, что въ боковыхъ стѣнкахъ тѣхъ глубокихъ траншей и стрѣлковыхъ рвовъ, которыми изборождена наша позиція, устраиваются просто-напросто углубленія—норы, и въ нихъ помѣщаются и живутъ недѣлями люди.

Приблизительно въ такомъ же положеніи находятся и стоящіе противъ насъ японцы. „Болѣе 200.000 человѣкъ, пишетъ иностранный корреспондентъ, расположены въ подземномъ городѣ, протяженіемъ почти въ 100 километровъ! Длинные ходы соединяютъ разныя части города, но эти улицы проложены въ землѣ. Большинство изъ нихъ имѣютъ лишь такую ширину, что пропускаютъ одного или двухъ человѣкъ, идущихъ рядомъ. Только черезъ каждые 50 шаговъ ходы расширены такъ, что нѣсколько человѣкъ могутъ проходить мимо другъ друга. Для защиты отъ шрапнельныхъ и ружейныхъ пуль вдоль „улицъ" тянутся земляные валы. Эти валы покрыты палисадами, турами и цѣлыми горами земляныхъ мѣшковъ, передъ которыми находится цѣлый лабиринтъ фантастическихъ „форштатовъ" съ изгородями и заборами. Входъ въ подземный городъ устроенъ въ видѣ старинныхъ городскихъ воротъ. Этотъ входъ прикрывается цѣлою системою рвовъ и валовъ, между которыми тянутся проволочныя загражденія, высокими брустверами изъ земляныхъ мѣшковъ, усиленныхъ листами брони. Отъ непогодъ улицы прикрываются крышами съ отверстіями по серединѣ, пропускающими дневной свѣтъ. По обѣ стороны улицъ расположены жилыя помѣщенія (блиндажи), глубиною 8—12 и даже 14—16 футовъ, врытыя въ землю и снабженныя узкимъ двернымъ или оконнымъ отверстіемъ, которое закрывается рѣшеткою. Вдоль стѣнъ тянутся нары съ теплыми одѣялами. По стѣнамъ развѣшаны спальныя шубы солдатъ. Въ каждомъ блиндажѣ помѣщается 4—6 человѣкъ. Запасы продовольствія разложены на особыхъ доскахъ, въ углу стоитъ чайникъ и кухонный аппаратъ. Температура, какъ въ блиндажахъ, такъ и въ улицахъ-траншеяхъ, поразительно тепла. Всюду проложены трубы, проводящія тепло изъ топокъ, расположенныхъ на перекресткахъ улицъ. За этимъ подземнымъ городомъ находится „верхній городъ", надземный, имѣющій видъ обыкновеннаго города. Однако, и онъ имѣетъ весьма оригинальный характеръ, состоя изъ китайскихъ деревень, соединенныхъ между собою безконечными рядами дощатыхъ построекъ, навѣсовъ и сараевъ. Здѣсь помѣщены склады японской арміи. Здѣсь же расположены строевые штабы, артиллерія, кавалерія и всѣ интендантскія учрежденія. Еще дальше назадъ помѣщены полевые госпитали, гдѣ все оборудовано весьма удобно и цѣлесообразно. Однако, по всему видно, что японцы не намѣрены долго оставаться на мѣстѣ, и все подготовлено для скораго выступленія. Имѣющіяся въ обозѣ лагерныя палатки не примѣняются, такъ какъ слишкомъ недостаточно предохраняютъ отъ холода".

Морозы въ Манчжуріи длятся съ конца ноября по конецъ марта, и нашимъ войскамъ еще долгое время предстоитъ оставаться въ описанныхъ условіяхъ. Въ случаѣ же зимняго похода послѣднія обѣщаютъ еще ухудшиться. Естественъ поэтому тотъ интересъ, который общество проявляетъ къ вопросамъ санитарнаго состоянія войскъ, обезпеченія ихъ пищею, одеждою и пр. Особенно большія, по офиціальнымъ сообщеніямъ, затрудненія связаны съ пріобрѣтеніемъ необходимыхъ огромныхъ количествъ топлива, а также фуража для массы находящихся при арміи лошадей. Относительно продовольствія и одежды самихъ войскъ имѣются самыя разнообразныя показанія, на почвѣ которыхъ появилось въ газетахъ нѣсколько опроверженій со стороны интендантскаго вѣдомства. Санитарное состояніе нашихъ войскъ, повидимому, пока довольно благопріятно, такъ какъ тяжелыхъ эпидемій среди нихъ еще не возникало.

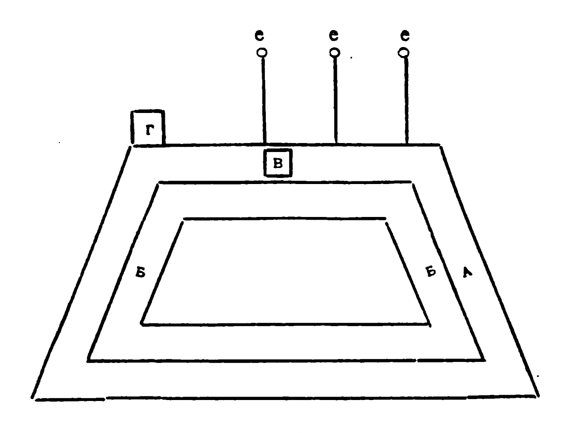
О японцахъ можно сказать только, что они съ обычною своею тщательностью и аккуратностью принимаютъ всѣ возможныя мѣры для облегченія своимъ, менѣе привычнымъ, чѣмъ наши, къ холоду войскамъ тяжелыхъ условій зимовки.

Стоящія лицомъ къ лицу арміи съ каждымъ днемъ количественно усиливаются подкрѣпленіями и кромѣ того снабжаются все новыми, болѣе сильными орудіями разрушенія. У насъ особенно увеличена тяжелая артиллерія и мортирныя батареи. Послѣднія крайне необходимы потому, что наши скорострѣльныя полевыя орудія снабжены исключительно шрапнелями, т. е. снарядами для пораненія преимущественно людей, и не имѣютъ гранатъ съ сильнымъ зарядомъ взрывчатаго вещества, для разрушенія закрытій, на подобіе японскихъ гранатъ-шимозе. У насъ роль послѣднихъ должны играть снаряды мортиръ, и недостатокъ послѣднихъ не разъ (напр., передъ деревнею Линъ-Шинь-Пу) отражался неблагопріятно на военныхъ дѣйствіяхъ.

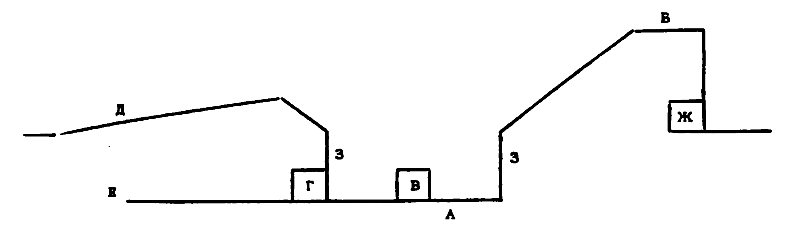
Общее положеніе дѣлъ характеризуется слѣдующимъ образомъ извѣстнымъ „учителемъ японцевъ" нѣмецкимъ генераломъ Меккелемъ: „Японцы прикрываютъ осаду Портъ-Артура, и русскіе не чувствуютъ себя еще достаточно сильными, чтобы сдѣлать новую попытку освобожденія этой крѣпости. Взятіе Портъ-Артура и уничтоженіе русскаго флота въ немъ являются главной цѣлью японцевъ. Они, если желаютъ поступить осторожно, не должны возобновлять своихъ операцій противъ русской полевой арміи прежде, чѣмъ не достигнутъ этой цѣли и не притянутъ къ своимъ главнымъ силамъ, отвлеченныхъ сейчасъ осадою войскъ. Русскимъ, наоборотъ, важно напасть на японскую армію и разбить ее прежде, чѣмъ падетъ Портъ-Артуръ, чтобы успѣть спасти его. То, что они, послѣ первой неудачной попытки, еще не рѣшаются теперь на это, показываетъ, что, несмотря на ихъ численный перевѣсъ, они все же не чувствуютъ себя, какъ сказано, достаточно сильными".

Во время битвъ на Шахэ ген.-ад. Куропаткинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 9 корпусовъ (I—VI сибирскіе, I, X и XVII европейскіе армейскіе). Послѣ того, онъ уже получилъ или долженъ еще получить, если вѣрить „Berl. Tgbt." (цитируемъ по „Рус. Вѣд.",

10 дек.) слѣдующія подкрѣпленія: „8-й корпусъ уже въ концѣ ноября былъ собранъ въ Мукденѣ. Вслѣдъ за этимъ корпусомъ прибыло большое количество резервныхъ войскъ. Для укомплектованія однихъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ понадобилось 13.400 солдатъ; кромѣ того укомплектована также крѣпостная артиллерія. 4-го декабря полки 1-й европейской стрѣлковой бригады проѣхали станцію Тайгу, около Томска. 6-го и 7-го декабря я встрѣтилъ послѣднія части 1-й бригады, а 7-го декабря части 2-й бригады въ окрестностяхъ Петропавловска въ поѣздахъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. 8-го декабря встрѣтилъ я части 5-й бригады у Челябинска и на Уралѣ, 9-го декабря—войска 16-го армейскаго корпуса. 25-я дивизія проѣхала на западъ отъ Урала. 10-го декабря артиллерія этой дивизіи миновала Пензу. Въ

Планъ форта.

Разрѣзъ рва и вала.

тотъ самый день я встрѣтилъ также войска 4-й дивизіи, т. е. 2-й дивизіи 16-го корпуса. 16-й армейскій корпусъ соберется такимъ образомъ въ Манчжуріи даже ранѣе середины января, вѣроятно, къ 10-му января; а слѣдующій за нимъ 4-й армейскій корпусъ прибудетъ къ концу января; 3-я и 4-я стрѣлковыя бригады самое позднее—10-го февраля. Затѣмъ будутъ отправлены, какъ говорятъ, 18-й и 21-й корпусы, а возможно, что еще и 13-й. 1-я и 2-я манчжурская арміи находятся, слѣдовательно, уже теперь въ полной боевой готовности. Каждая изъ трехъ армій будетъ состоять изъ 5-ти армейскихъ корпусовъ".

Вопросъ о томъ, сколько времени удастся еще продержаться Портъ-Артуру, имѣетъ, на основаніи сказаннаго выше, первостепенную важность. До сихъ поръ крѣпость удивительно удачно выдерживала трудную осаду и доказала, что укрѣпленія ея значительно сильнѣе, чѣмъ думало о нихъ большинство. О будущемъ, однако, конечно, трудно говорить, такъ какъ ни состояніе средствъ обороны, ни силы оставшагося въ строю послѣ $7^1/_2$-мѣсячныхъ боевъ гарнизона намъ неизвѣстны. Укрѣпленія Портъ-Артура въ общемъ располагаются нѣсколькими концентрическими линіями. Далеко впередъ, для задержанія японцевъ, выдвинуты были возведенныя уже во время войны укрѣпленія на Волчьихъ горахъ и др. передовыхъ пунктахъ. Затѣмъ, японцамъ пришлось брать линію передовыхъ фортовъ, о которыхъ мы уже говорили въ прошломъ обозрѣніи. Въ настоящее время атака уже сосредоточена противъ главной линіи фортовъ. Повидимому, однако, и эта линія имѣетъ также свои передовые и болѣе сильные тыловые, господствующіе надъ первыми, форты. Взятые японцами на западѣ Высокая гора и на востокѣ Кикваншанъ являются именно передовыми фортами главной линіи, предварительное овладѣніе которыми необходимо для штурма главныхъ фортовъ, но не влечетъ еще за собою паденія ихъ. Теперь намъ слѣдуетъ ждать уже атакъ японцевъ на эти главные форты, къ которымъ они подобрались вплотную. Взявъ нѣсколько изъ нихъ и прорвавъ, такимъ образомъ, главную линію обороны, японцы встрѣтятся еще съ линіею внутреннихъ укрѣпленій (крѣпостная ограда), поддерживаемыхъ огнемъ береговыхъ фортовъ. Въ состояніи ли эта внутренняя линія выдержать продолжительную борьбу—намъ неизвѣстно; большинство иностранныхъ источниковъ полагаетъ, что паденіе главныхъ фортовъ рѣшитъ уже судьбу Портъ-Артура.

Для взятія крѣпостей примѣняется главнымъ образомъ такъ называемая постепенная атака, заключающаяся въ послѣдовательномъ, систематическомъ уничтоженіи активныхъ и пассивныхъ средствъ обороны огнемъ осадной артиллеріи и столь же послѣдовательномъ приближеніи къ крѣпости пѣхотнаго отряда, который, занимая рядъ приближающихся позицій, обезпечиваетъ себя траншейными работами, и такимъ образомъ, подойдя вплотную къ крѣпостнымъ веркамъ, овладѣваетъ послѣдними. Защита ведется какъ пассивными, такъ и активными средствами обороны. Главнымъ пассивнымъ средствомъ являются именно форты.

Современный фортъ въ схематическомъ видѣ представляетъ изъ себя обыкновенно четырехъ или пятиугольное укрѣпленіе, обращенное длинною стороною къ крѣпости, а остальными къ непріятелю. Состоитъ оно изъ внутренняго вала (*Б*) и окружающаго его рва (*А*). Стѣнки рва (*З*) называются: внутренняя—эскарпомъ, внѣшняя — контръ-эскарпомъ. Чтобы непріятельская артиллерія не могла прямымъ

огнемъ обрушить эскарпъ, на внѣшней сторонѣ рва также дѣлается насыпь, слабымъ склономъ, такъ наз. гласисомъ (*Д*), спускающаяся въ сторону непріятеля. Впереди гласиса, на немъ самомъ и на главномъ валу имѣются, часто въ нѣсколько рядовъ и ярусовъ, окопы для гарнизона. Подъ гласисомъ закладываются мины (*Е*), чтобы взорвать ту часть его, на которой успѣетъ утвердиться противникъ. На днѣ рва, дабы затруднить переходъ черезъ него, устраиваются различныя препятствія: волчьи ямы, проволочныя загражденія, ставятся высокія желѣзныя рѣшетки, закладываются фугасы и пр. Такія же препятствія дѣлаются на гласисѣ и передъ нимъ.

Все описанное одинаково относится къ долговременнымъ и полевымъ укрѣпленіямъ. Для первыхъ характерно, однако, еще возведеніе безопасныхъ отъ бомбъ помѣщеній. Таковыя нужны, во-первыхъ, для храненія снарядовъ, помѣщенія гарнизона и легкихъ противоштурмовыхъ орудій, и дѣлаются внутри форта, обыкновенно за толщею вала (*Ж*). Во-вторыхъ, такія же помѣщенія, такъ называемые капониры, необходимы для защиты рва. Капониры располагаются либо въ самомъ рву, въ видѣ низкой, недоступной прямому огню противника постройки (*В*), либо устраиваются подъ защитой гласиса, въ углахъ контръэскарповъ (*Г*). Они вооружены скорострѣльными орудіями и обстрѣливаютъ рвы убійственнымъ продольнымъ огнемъ. Упомянемъ еще, чтобы покончить съ фортомъ, о такъ называемомъ редюитѣ его, т. е. о сильномъ, способномъ сопротивляться артиллерійскому огню сооруженіи, расположенномъ близъ задней линіи форта, куда можетъ отступить сбитый съ вала (бруствера) гарнизонъ, и затѣмъ оттуда либо обстрѣливать валъ, не давая непріятелю утвердиться на немъ, либо дѣлать вылазки для того, чтобы отбить обратно фортъ.

Форты, такимъ образомъ, играютъ въ общемъ ходѣ обороны крѣпости пассивную роль, являясь лишь прочными пѣхотными позиціями. Было бы ошибочно думать, что они всегда вооружены тяжелыми орудіями. Противъ непріятельской осадной артиллеріи фортъ борется пассивно; гарнизонъ прячется въ казематы и лишь въ моментъ штурмовъ выходитъ наружу и вывозитъ съ собою легкія противоштурмовыя орудія. Тяжелыя же орудія ставятъ преимущественно въ особыхъ прифортовыхъ, тщательно закрытыхъ и обезпеченныхъ отъ атакъ пѣхоты батареяхъ.

Активную роль въ оборонѣ крѣпости играетъ прежде всего гарнизонъ, дѣлающій вылазки и занимающій впереди фортовъ, для задержанія атаки противника, выдвинутыя позиціи (контръ-апроши), на которыхъ окапывается. Затѣмъ, активно ведетъ оборону артиллерія, преимущественно такъ называемый „главный резервъ" ея. Этотъ главный резервъ подвиженъ и бываетъ направляемъ на тѣ пункты, противъ которыхъ противникъ начинаетъ вести свою постепенную атаку; здѣсь защитники возводятъ батареи на заранѣе выбранныхъ и подготовленныхъ позиціяхъ и стараются своимъ огнемъ подавить непріятельскій. До сихъ поръ успѣшной оборонѣ Портъ-Артура мы въ большой степени обязаны нашей тяжелой артиллеріи, которая не дала японцамъ на большей части линіи фортовъ пріобрѣсти рѣшительный перевѣсъ въ огнѣ и достаточно подготовить атаку.

Въ случаѣ паденія форта, на него немедленно направляется огонь сосѣднихъ фортовъ и батарей, чтобы не дать непріятелю въ немъ утвердиться. Кромѣ того взятый фортъ взрываютъ посредствомъ предварительно заложенныхъ подъ него минъ.

Нападающій съ своей стороны сперва устанавливаетъ свои тяжелыя батареи и стремится уничтожить артиллерійскую оборону защитника; затѣмъ уже, подъ защитою батарей, онъ возводитъ первую траншейную позицію для пѣхоты и постепенно подвигаетъ се къ фортамъ, все время мѣшая своимъ огнемъ оборонѣ и, по возможности, разрушая защитныя ихъ сооруженія. Пододвигается пѣхота, устраивая свои траншеи (параллели) все ближе къ противнику, соединяя ихъ другъ съ другомъ, занимая постепенно непріятельскіе окопы и пр. Такимъ образомъ, она доходитъ до послѣдней траншейной позиціи передъ гласисомъ или на немъ самомъ (японцы передъ однимъ изъ нашихъ фортовъ окопались всего на 4 метра отъ края гласиса), послѣ чего начинаются приготовленія къ рѣшительной атакѣ. Нападающій пытается обрушить контръ-эскарпъ и эскарпъ взрывомъ минъ (это и удалось японцамъ передъ однимъ изъ фортовъ) и уничтожить капониры (японцы употребляютъ для этого ручныя бомбы). Навѣснымъ огнемъ мортиръ онъ стремится къ тому же, а также къ уничтоженію препятствій на днѣ самого рва. Защитники, конечно, оказываютъ сопротивленіе, и въ этой, дѣлающейся все болѣе интенсивной, близкой борьбѣ проявляется подчасъ съ обѣихъ сторонъ столько энергіи, мужества и искусства, что нельзя не чувствовать нѣкотораго восхищенія передъ силами человѣческой личности и глубокаго горя при мысли о той убійственной цѣли, на которую направлены всѣ эти силы.

Мы можемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ описать послѣднія подготовленія къ штурму и производство его. Пѣхота атакующаго изъ своихъ траншей спускается въ ровъ или по сдѣланному минами обвалу контръ-эскарпа (при этомъ, въ виду огня защитниковъ, приходится часто и черезъ этотъ обвалъ подвигаться траншеями), или по подземной галлереѣ, прорытой съ гласиса ко дну рва. Стрѣлки со стороны наступающаго поддерживаютъ атаку огнемъ изъ траншей; защитники, въ свою очередь, такимъ же огнемъ встрѣчаютъ атакующихъ и взрываютъ подъ ними фугасы. Особенно убійственно дѣйствіе уцѣлѣвшихъ капонировъ, пулеметы которыхъ, стрѣляя въ упоръ вдоль рва, вырываютъ солдатъ цѣлыми рядами. Съ обѣихъ сторонъ употребляютъ ручныя гранаты. Иногда, въ случаѣ особенно энергичной обороны, наступающимъ приходится самый ровъ брать шагъ за шагомъ, вырывая траншеи на днѣ его. Черезъ водяные рвы приходится строить цѣлыя плотины, иногда крытыя, для защиты отъ навѣснаго огня защитниковъ. Словомъ, невозможно исчерпать въ краткихъ словахъ чудеса изобрѣтательности и смѣлости, проявляемыя въ этой жестокой борьбѣ.

Наступаетъ, наконецъ, послѣднее дѣйствіе драмы — атака обрушеннаго эскарпа; опять взрываются фугасы, бросаются ручныя бомбы, дѣло доходитъ до штыковаго боя. Резервы защитниковъ пытаются отчаянными атаками сбросить атакующихъ обратно въ ровъ. Въ случаѣ неудачи—происходитъ отступленіе въ редюитъ и продолженіе оттуда обороны. Отдѣльные казематы или капониры еще долго безнадежно защищаются. Въ концѣ концовъ—слѣдуетъ очищеніе форта, взрывы въ немъ, бомбардированіе утомленнаго побѣдителя и рядъ энергичныхъ атакъ главныхъ резервовъ

защитниковъ для отнятія у него дорого купленной позиціи.

О всѣхъ этихъ перипетіяхъ боя намъ сообщалось уже изъ-подъ Портъ-Артура. Неизвѣстно только, какъ сказано, насколько въ нихъ дѣйствовали передовые или главные форты. Во всякомъ случаѣ японцы теперь подошли достаточно близко и къ послѣднимъ, чтобы со дня на день можно было ждать сообщеній объ удачныхъ или неудачныхъ штурмахъ ихъ.

Кромѣ фортовъ Портъ-Артура, японцы энергично бомбардировали и самый городъ, чтобы уничтожить въ немъ склады, магазины, портовыя сооруженія и пр. Съ конца же ноября, получивъ послѣ взятія 203-метровой вершины превосходный наблюдательный пунктъ, они открыли огонь и противъ судовъ въ гавани.

Такимъ образомъ, для борьбы съ японскимъ флотомъ приходится намъ опираться пока на одну эскадру Рожественскаго и на стоящіе во Владивостокѣ крейсера. Въ дѣлѣ освобожденія Портъ-Артура флотъ долженъ сыграть рѣшающую роль, не говоря уже о томъ, что, какъ общепризнано теперь, лишь господство наше на морѣ можетъ нанести смертельный ударъ видамъ японцевъ на Корею. Оживленному обсужденію подвергся поэтому въ послѣднее время въ печати нашей вопросъ о дальнѣйшемъ усиленіи нашей Тихоокеанской эскадры, т. е. объ отправленіи на Дальній Востокъ еще третьей эскадры, въ подкрѣпленіе Рожественскому. Обсужденіе это (наиболѣе важны и интересны статьи кап. II ранга Кладо въ „Нов. Вр.“) дало крайне любопытные результаты въ одной своей сторонѣ—критической. Въ теченіе его опредѣленно была показана вся неосновательность надеждъ, которыми мы себя убаюкивали, надеждъ на то, что японскій флотъ сильно уменьшился въ составѣ за время войны, что суда его отъ долгаго плаванья потерпѣли аваріи, а экипажи чрезмѣрно утомились промежуточной кампаніей и пр. Ясно были разобраны и указаны всѣ тѣ огромныя трудности, съ которыми Рожественскому должно еще считаться. Ужъ лучше будемъ готовы къ худшему, и этимъ самымъ, по выраженію ген. Леера, мы будемъ готовы ко всему.

Слабѣе оказались сдѣланныя положительныя предложенія о посылкѣ 3-й эскадры. Да они и не могли быть иными, такъ какъ сейчасъ у насъ въ Балтійскомъ морѣ нѣтъ больше ни одного крупнаго современнаго судна, кромѣ достраивающагося броненосца „Слава“; изъ Чернаго же моря едва ли можно было бы вывести хотя бы одно судно, безъ серьезнаго конфликта съ Англіею. При такихъ условіяхъ, 3-я эскадра могла бы почти исключительно состоять лишь изъ судовъ болѣе старыхъ возрастовъ. Дѣйствительно, по опубликованному въ „Руси“ сообщенію, въ нее должны были бы войти и сейчасъ быть отправлены на Дальній Востокъ: броненосецъ Александръ II (8400 тоннъ, 14 узловъ, спущенъ въ 1887 г.), береговые броненосцы Адмиралъ Ушаковъ, Адмиралъ Сенявинъ и Адмиралъ Апраксинъ (4100 тоннъ, 16 узловъ, 1893—1896 гг.) и крейсера Владиміръ Мономахъ (5800 тоннъ, 15 узловъ, 1882 г.) и Адмиралъ Корниловъ (5000 тоннъ, 17 узловъ, 1887 г.). За ними могли бы послѣдовать весною Слава (13500 тоннъ, 18 узловъ, 1903 г.), Николай I (однотипенъ Александру II) и Память Азова (6000 тоннъ, 14 узловъ, 1888 г.). Все это суда, могущія оказаться очень полезными для ряда вспомогательныхъ операцій, но (кромѣ Славы) для эскадреннаго боя съ современными броненосцами или броненосными крейсерами не подходящія. Адм. Рожественскому для боя съ эскадрою Того придется поэтому все же разсчитывать только на свои собственныя силы. Въ теченіе предстоящаго мѣсяца можно ожидать развитія важныхъ событій на морѣ, о которыхъ сообщимъ въ слѣдующемъ обозрѣніи.

Б. Симскій.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ТЕЛЕГРАММЫ

на имя Его Императорскаго Величества отъ ген.-адъют. Стесселя.

I. *15 декабря 1904 года.*

Положеніе крѣпости становится очень труднымъ. Наши главные враги — цынга, которая коситъ людей, и одиннадцати-дюймовыя бомбы, для которыхъ нѣтъ преградъ и закрытій. Очень мало осталось людей, не пораженныхъ цынгой. Всѣ возможныя мѣры, доступныя намъ, приняты, но цынга прогрессируетъ. Пассивное сидѣніе, пальба непріятеля повсюду одиннадцати-дюймовыми бомбами, безъ возможности отвѣчать по недостатку снарядовъ, цынга, убыль массы офицеровъ,—все это ежедневно ослабляетъ защитниковъ. Цыфры потерь старшихъ начальниковъ указываютъ на тѣ громадныя потери, которыя мы понесли. Изъ десяти генераловъ: убиты два—Кондратенко и Церпицкій, умеръ Разнатовскій, ранено два, я и генералъ Надѣинъ, контуженъ Горбатовскій. Изъ десяти командировъ полковъ: убито два—полковникъ князь Мачабели и Науменко, умерло отъ ранъ два—Дунинъ и Глаголевъ, ранено четыре—Гандуринъ, Савицкій, Грязновъ и Третьяковъ. Убитъ пограничной стражи подполковникъ Бутусовъ, раненъ командиръ 3-го запаснаго баталіона подполковникъ Покровскій, раненъ командиръ сотни есаулъ Концевичъ. Въ полевой артиллеріи раненъ полковникъ Ирманъ, изъ восьми командировъ полевыхъ батарей убитъ полковникъ Петровъ, ранены: полковники Лаперовъ и Романовскій, капитанъ Бенуа, подполковникъ Добровъ, контужены подполковникъ Саблуковъ и командиръ 57-ми миллиметровой батареи капитанъ Петренко; изъ прочихъ штабъ-офицеровъ убито, умерло и по нѣсколько разъ раненыхъ громадный процентъ. Многими ротами командуютъ зауряд-прапорщики, въ ротѣ въ среднемъ не болѣе 60 человѣкъ. Японцы послѣ 5 декабря на штурмы не отваживаются; вчера они взорвали мину подъ укрѣпленіемъ 5-мъ. Около 20 смѣльчаковъ японцевъ вскочили на валъ, но всѣ были уничтожены штыками и бомбочками; зато японцы день и ночь стрѣляютъ всюду одиннадцати-дюймовыми снарядами, особенно по госпиталямъ и лазаретамъ, зная, что наши раненые герои при малѣйшей возможности вновь пополняютъ ряды защитниковъ. Больныхъ и раненыхъ въ госпиталяхъ до 14.000 и ежедневно прибываетъ до 300 человѣкъ.

II. *16-го декабря 1904 года.*

Вчера, въ десятомъ часу утра, японцы произвели взрывъ части бруствера форта третьяго; затѣмъ, открывъ сильную бомбардировку по всему фронту и особенно по форту третьему, около часу дня, изъ рва и съ гласиса, гдѣ сидѣли, бросились въ атаку на брустверъ. Двѣ атаки были отбиты, но японцы заняли воронку взрыва и, усиленные резервомъ, стали

группами перебѣгать ровъ. Около пяти часовъ они заняли брустверъ, а въ сумерки, силою около двухъ батальоновъ, проникли вовнутрь форта. Наши дрались съ ретраншемента, который былъ сильно разбитъ; часть нашихъ войскъ засѣла въ казематахъ, но японцы передъ выходомъ изъ казематовъ поставили пулеметы и этимъ прекратили сидѣвшимъ въ казематахъ всякую возможность оттуда выйти для атаки. Три нашихъ контръ-атаки извнѣ резервами не могли удаться по одному ходу сообщенія, а потому фортъ остался въ ихъ рукахъ. Потери нашихъ значительны, особенно офицерами; гарнизонъ форта удалось вывести черезъ окно. По занятіи этого форта японцы дѣлаются хозяевами всего сѣверо-восточнаго фронта крѣпости. Продержимся лишь нѣсколько дней: у насъ снарядовъ почти нѣтъ. Приму мѣры, чтобы не допустить рѣзни на улицахъ. Цынга очень валитъ гарнизонъ; у меня подъ ружьемъ теперь 10.000 и всѣ нездоровые. Генералы Фокъ и Никитинъ—истинные герои и помощники.

ЧИФУ, 20 декабря (2 января). (Рейтеръ). Русскіе офицеры всѣ безъ разногласія описываютъ положеніе крѣпости. За 5 дней бомбардировки происходили непрестанные штурмы днемъ и ночью. Ужасы послѣднихъ дней превосходятъ всякое описаніе. Снаряды попадали въ госпиталя; раненые отказывались оставаться въ нихъ. Несмотря на сильный холодъ, нѣкоторые изъ нихъ ложились на улицахъ на груды обломковъ, другіе съ трудомъ добирались до линіи боя, бросали въ японцевъ камнями и оставались на позиціяхъ, пока не попадали въ плѣнъ или не падали мертвыми. Это продолжалось 5 дней и 5 долгихъ ночей. Госпитали были переполнены. Хотя снаряды расходовались очень бережливо, но уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ нихъ началъ ощущаться недостатокъ. Подъ непрестаннымъ свистомъ бомбъ и шрапнелей, осыпавшихъ портъ и городъ, собрался общій военный совѣтъ, который скоро пришелъ къ единодушному рѣшенію сдаться на почетныхъ условіяхъ или умереть въ бою (Р. А.).

ЧИФУ, 21 декабря (3 января), (12 ч. 15 м. ночи). (Рейтеръ). Вчера утромъ загорѣлись „Ретвизанъ“, „Полтава“ и „Паллада“. Послѣ полудня они еще горѣли. Русскіе взорвали „Севастополь“. (Р. А.).

Ускользнули изъ Портъ-Артура контръминоносцы: „Скорый“, „Статный“, „Властный“, „Сердитый“, „Смѣлый“ и „Бойкій“. Судьба двухъ послѣднихъ неизвѣстна; предполагаютъ, что они направились въ Кіаочао.

ЧИФУ, 20 декабря (2 января). (Рейтеръ). Капитанъ Карцовъ сообщилъ представителю агентства Рейтеръ: Портъ-Артуръ палъ вслѣдствіе изнеможенія. Остатокъ гарнизона совершилъ геройскій подвигъ въ теченіе пяти дней и пяти ночей. Вчера была достигнута граница человѣческаго терпѣнія. Въ казематахъ вездѣ видны были черныя лица, на которыхъ были замѣтны слѣды голода, изнеможенія и крайняго нервнаго возбужденія. Люди, къ которымъ обращались съ вопросами, не отвѣчали. Глаза ихъ ясно говорили, что они не понимали вопроса. Недостатокъ припасовъ былъ всеобщій. Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ на нѣкоторыхъ фортахъ не было снарядовъ. Они молчали, такъ какъ не могли отвѣчать непріятелю. При атакахъ русскіе отбрасывали непріятеля штыками. Еще вчера Стессель хотѣлъ продолжать борьбу, несмотря на страданія отъ полученныхъ ранъ. „Но мы не можемъ болѣе держаться“, говорили его генералы.—„Наши люди не могутъ двигаться, они засыпаютъ, они не могутъ стоять на ногахъ. Мы можемъ командовать, но они не могутъ исполнять команды“.—„Такъ деритесь сами, господа генералы“, воскликнулъ Стессель, сжимая кулаки. Онъ былъ какъ бы въ изступленіи. Лощинскій, Виренъ, Смирновъ, Фокъ и другіе упавшимъ голосомъ дали совѣтъ рѣшиться на шагъ, котораго всѣ такъ долго боялись. Портъ-Артуръ давно началъ бы переговоры, если бы Стессель не настаивалъ на томъ, что онъ долженъ сдержать данное своему Государю слово. Карцовъ назвалъ ложью слухи, что Стессель одинъ желалъ сдачи крѣпости. Если бы не вышли припасы, крѣпость держалась бы еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Высокая гора одна стоила русскимъ 5.000 человѣкъ. Занятіе этой высоты было началомъ конца. Общее число потерь неизвѣстно даже высшимъ офицерамъ. Начиная съ августа, бои были безпощадны. Въ рукопашномъ бою японцы были значительно слабѣе русскихъ. Одинъ русскій одолѣвалъ въ штыковомъ бою четырехъ японцевъ. Взятіе крѣпости стоило японцамъ отъ 80 до 100.000 человѣкъ. „Когда однажды былъ убитъ японскій принцъ“, разсказывалъ Карцовъ, — „японцы попросили выдачи тѣла. Мы вѣжливо приняли посланцевъ и предложили имъ бутылку пива, желая показать, что припасы у насъ въ изобиліи. На дѣлѣ это была наша послѣдняя бутылка. Въ дѣйствительности наша пища въ теченіе трехъ мѣсяцевъ состояла только изъ риса. Вслѣдствіе этого сотни людей заболѣли цынгой“. Относительно переговоровъ капитанъ сказалъ, что представителемъ Стесселя былъ полковникъ Рейсъ. Соглашеніе ожидалось ранѣе полуночи. Уполномоченные выказали другъ къ другу большую предупредительность. Они обмѣнялись любезностями, восхваляя храбрость осаждавшихъ и осажденныхъ. Былъ накрытъ столъ съ винами и кушаньями. Свѣдѣнія о томъ, что въ Портъ-Артурѣ осталось 5.000 человѣкъ въ строю, невѣрно въ томъ отношеніи, что большинство изъ нихъ хвораетъ или же страдаетъ отъ легкихъ ранъ. Извѣстіе о томъ, что Стессель согласился начать переговоры о капитуляціи, было встрѣчено солдатами съ чувствомъ величайшаго облегченія. Бомбардировка послѣднихъ нѣсколькихъ дней была ужасна. Всѣ говорили, что даже Стессель долженъ былъ убѣдиться въ безполезности дальнѣйшаго сопротивленія, такъ какъ русскія орудія не могли болѣе отвѣчать.

ЧИФУ, 21 декабря (3 января). Въ воскресенье, 19 декабря, въ четыре часа пополудни, генералъ-адъютантъ Стессель отправилъ прикомандированнаго къ штабу укрѣпленія прапорщика запаса Мальченко съ письмомъ къ командующему японской арміей, генералу Ноги, съ предложеніемъ капитуляціи крѣпости на слѣдующихъ условіяхъ: во-первыхъ, пропустить всѣхъ способныхъ носить оружіе выйти изъ крѣпости съ оружіемъ въ рукахъ, съ обязательствомъ ихъ не принимать дальнѣйшаго участія въ этой кампаніи; во-вторыхъ, раненыхъ и больныхъ по выздоровленіи отправить въ Россію съ ихъ оружіемъ; въ-третьихъ, частныхъ лицъ, женщинъ, дѣтей и иностранцевъ генералъ Стессель оставляетъ на попеченіе японцевъ.

ТОКІО, 21 декабря (3 января). (Рейтеръ). Соглашеніе о капитуляціи подписано сторонами вчера въ 9 ч. 48 м. вечера (Р. А.).

Издатель В. С. Миролюбовъ. Редакторъ П. В. Голяховскій.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„СЕМЬЯ и ШКОЛА".

Журналъ предназначается для дѣтей преимущественно 10—12 лѣтъ и будетъ примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной, городской и сельской школы.

Журналъ будетъ выходить разъ въ мѣсяцъ книжками отъ 4-хъ до 5-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ въ годъ **2** РУБ. **50** КОП. съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Безъ доставки въ Москвѣ у Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ „Трудъ" и Н. Карбасникова.

Цѣна журнала безъ доставки — **2** руб.

Книжнымъ магазинамъ и конторамъ, принимающимъ подписку, 5% скидки.

Подробная программа журнала высылается по требованію изъ редакціи безплатно.

Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа", *Москва, Гончарная ул., домъ № 17.*

Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

Варшавскій аукціонъ
въ ВАРШАВѢ,

предлагаетъ по небывало дешевымъ цѣнамъ ЭКОНОМІЮ въ 40% получаетъ каждый. Требуйте и убѣдитесь.

Важно и для торговцевъ.

Часы карманные вороненой англійской стали мужскіе или дамскіе открытые ремонтуаръ заводящіеся разъ въ 36 часовъ, лучшей конструкціи	2 р.	35 к.
Такіе же глухіе	3 »	10 »
Часы американскаго новаго золота открытые	2 »	75 »
» такіе же глухіе	3 »	75 »
» черные открытые анкеръ Роскопфъ, 1-го сорта	2 »	85 »
» серебр. 84-й пр. глухіе анкеръ, зав. ключемъ	6 »	25 »
» такіе же на 15 камняхъ, корпусъ покрѣпче	7 »	35 »
» такіе же на 23 камняхъ	8 »	25 »
» тяжеловѣсные 80 гр. съ брегетовскимъ волоскомъ	9 »	90 »
» дамскіе глухіе, ремонтуаръ, серебрян. 84-й пробы	5 »	60 »
» сер. муж. ремонтуаръ, т. е. зав. головк. отъ 7, 8, 9, 10 и 15	»	— »
» дамскіе золотые 56 пробы, глухіе . . 16, 18 и 25	»	— »
» мужскіе » » » » . . 30, 45 и 50	»	— »

Цѣпь америк. нов. золота или никел. 30 к., брелокъ серебр. 84 пробы 20 к., ножикъ англ. стали 25 к., кожаное портмонэ со штемп. изъ лучш. кожи 60 к., портсигаръ кожан. или никел. 30 к., золот. кольцо 56 пр. съ камнемъ 45 к., серьги золот. 56 пр. съ камнями или безъ 70 к., музык. ящикъ съ зеркал. «Симфонія», играющій пріятно и звучно пьесы лучш. композ. 2 р., стереоскопъ съ 30-ю видами 75 к. Высылаетъ немедленно наложен. платежомъ безъ задатка. Пересылка за счетъ заказчика согласно почтоваго тарифа.

Адресовать: „Т-ву Варшавскій аукціонъ" въ Варшавѣ.

Распродаются также дешево: ложки накладного серебра, столовыя, десертныя 3 р. дюжина, вилки 3 р., чайныя 1 р. 75 к., ножи 4 р., гармоніи лучшей заграничной фабрики шт. 2 р. 75 к., аккордеоны игральные, лучшее развлеченіе 1 р. 25 к. 6137

НѢТЪ ни одного человѣка, который не призналъ бы рекомендуемаго мною новѣйш. металлич. стереоскопа „Имперіалъ" съ приспособленіемъ для наставленія на рѣзкость весьма интересной и дешевой вещью въ домѣ, показывающей буквально, какъ въ натурѣ, всевозможные виды, жанры и группы пикантн. содержанія. Цѣна стереоскопу съ 50-ю разнородными фотограф. карточками 1 р. 75 к. За пересылку 25 к., въ Азіатскую Россію (2 и 3 поясъ) 50 к. Высылается и наложен. платеж. Картинокъ имѣется 42 серіи по 25 шт. каждая. Цѣна серіи 50 к. Треб. адресовать:

Ш. КУЛЬВАРСКОМУ,
Варшава, Холодная, 18—10.

Списокъ картинъ и прейсъ-курантъ безплатно.

ГИТАРА

Усл. заочнаго обученія игрѣ безплатно. 1-я лекц. 35 коп. г. Тюмень, Тобольск. г.

А. АФРОМѢЕВУ.

МІРОКЪ

Дѣтскій иллюстрированный ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ

„ЛИСТКА ДЛЯ МАТЕРЕЙ"

и безплатной преміей:

Въ годъ съ доставкой и пересылкой **1 р.**

СОБРАНІЕ СКАЗОКЪ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

(около 23 печат. лист.) съ 25—30 иллюстраціями. Въ отдѣльной продажѣ цѣна книги будетъ 75 коп.

Открыта подписка на 1905 г. (IV-й годъ изданія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ журнала съ „Листкомъ для Матерей" и съ преміей, съ доставкой и пересылкой

ОДИНЪ РУБЛЬ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ МОСКВѢ, въ конторѣ редакціи: Садовники, д. Власовой, кв. № 4. Въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. и 10 к. въ пользу магазина. Налож. платежомъ 1 р. 20 к.

Редакторъ-издательница *Зинаида Шарапова.*

ЛУЧШИМЪ въ РОССІИ ВИНОМЪ ПРИЗНАНО КАХЕТИНСКОЕ.

Ведро вина безъ посуды: 5, 6, 7, 8, 10, 12 руб. Ящ. въ 54 бут.: 15, 18, 21, 24, 30, 36 руб.

Пересылка обходится всюду по жел. дор. 30—50 коп. съ пуда.

ЦЕРКОВНОЕ ВИНО

съ пересылкою ведро 10 руб. Высылается по полученіи задатка.

ВИНА УДОСТ. ВЫСШ. НАГРАДЪ НА ВЫСТАВКАХЪ.

Торговцамъ %. Прейсъ-курантъ безплатно.

Складъ Кахетинскихъ винъ садовладѣльца А. С. Вартазарова. ВЛАДИКАВКАЗЪ.

Въ лучш. кн. маг. прод.: М. Д. Чаадаевъ

Общед. руковод. къ практ. изучен. **Стенографія.**

Ц. 75 к. съ перес. 90 к. Налож. пл. 1 р. Выпис. отъ автора: Харьковъ, Университетъ, или Старо-Московская, 26, кв. 13.

Открыта подписка на 1905 годъ.

„РОДНАЯ НИВА"

самый дешевый еженедѣльный иллюстрированный художественный литературный журналъ „Родная Нива"

Подписная цѣна

въ годъ съ доставкою и персылкою во всѣ мѣста Россiйской Имперiи. **2 р.** на 1/2 года 1 р. 10 к., РАЗСРОЧКА: при подп. 1 р., къ 1 iюня 1 р., за гран. 4 р.

Въ 1905 г. подписчики получатъ всего за ДВА руб:

52 №№ богато иллюстрированнаго журнала съ многочисленными рисунками.

52 №№ хроники Русско-японской войны, съ массою рисунковъ, портретовъ, плановъ и чертежей.

12 кн. Бесѣдъ по сельскому хозяйству, обильно снабженныхъ рисунками и чертежами.

6 кн. „Мiръ искусства" новости живописи и архитектуры, новости въ области театра и музыки, ноты, критики библ.

12 книж. Русскiя сказки" со многими иллюстрацiями.

12 Картинъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныхъ красками на лучшей меловой бумагѣ.

12 №№ „По городамъ и селамъ", посвѣщенныхъ жизни родной провинцiи, всѣмъ наиболѣе выдающимся явленiямъ провинцiальнаго дня и нуждамъ современной Россiи въ широкомъ и безпристрастномъ освѣщенiи.

6 кн. „Игры и забавы" съ фотографическ. снимками съ нат.

4 №№ „Моды" Парижа Вѣны и Петербурга—Весна, Лѣто, Осень, Зима.

1 отѣнной календарь на 1905 г.

Сверхъ того всѣ гг. Подписчики, внесшiе сполна подписную плату до 1 января 1905 г., получать особое приложенiе.

118 прило-женiй. АЛЬБОМЪ ГЕРОЕВЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ. **118** прило-женiй.

Роскошное изданiе на мѣловой бумагѣ.
Иллюстр. объявл. о подпискѣ высыл. безплатно. Пробный № высыл. за двѣ 7-ми коп. марки.

АДРЕСЪ: Спб., Въ Контору журн. „РОДНАЯ НИВА"—Невскiй пр., № 112.

За Редактора В. А. Рышковъ. Издатель А. Н. Касаткинъ.

НѢТЪ ни одного человѣка, который не призналъ бы рекомендуемаго нами новѣйш. металлическаго Стереоскопа „ИМПЕРIАЛЪ" съ приспособленiемъ для наставленiя на рѣзкость весьма интересной и дешевой вещью въ домѣ, показывающей буквально какъ въ натурѣ всевозможные виды, жанры и группы пикантнаго содержанiя. Цѣна стереоскопу съ 50-ю разнородными фотографическими карточками 1 р 75 к. За перес. 25 коп., въ Азiатск. Россiю (2 и 3 поясъ) 50 коп., высылается и наложеннымъ платежомъ. Картинокъ имѣется въ 42 серiяхъ по 25 шт. каждая. Цѣна серiи 50 к. Требованiя адресовать:

Тов. „КОМЕТА",

Варшава, 20.

Прим. При заказѣ 6 шт. прил. 1 стер. безплатно.

НѢТЪ ни одного человѣка, который не призналъ бы рекоменд̆уемаго мною новѣйш. металлич. стереоскопа „Имперiалъ" весьма интересной и дешевой вещью въ домѣ. показывающей буквально какъ въ натурѣ всевозможные виды, жанры и группы пикантн. содержанiя. Цѣна стереоскопу съ 100 разнородными фотогр. карточками 3 р. Высылается и наложен. платеж. Картинки имѣются въ 40 серiяхъ по 25 шт. каждая. Цѣна серiи 50 коп. Адрес. М. Левинъ, Варшава, Холодная 42—6.

2.000—4.000 рублей побочнаго ежегоднаго дохода

можетъ имѣть каждый, кто за 300—600 руб. (допускается разсрочка платежа) прiобрѣтетъ у насъ машину съ указанiями и рецептами, какъ устроить заводъ и самому безъ предварительной подготовки выдѣлывать фруктовыя, ягодныя, сельтерскiя и т. п. минеральныя воды, лимонадъ, газесъ, разные квасы, медъ, французскiе игристые напитки и вина (сидръ, шампань, оранжъ и т. п.). Смѣты богато иллюстрированныя и весьма наглядно и практически составленныя, прейсъ-куранты высылаемъ за 15 шт. 7 коп. почт. марокъ. Фабрика машинъ Иппо и К° Варшава. Грибная ул., домъ № 15—ж.

За 1 р. (можно марками) вышлю натурал. мет. франц. или нѣмецк. яз. Ничего не знающ. въ 3 мѣс. безусловно научится (безъ учителя) оч. легко разговору. граммат., ком. корресп. Получ. награды на конкурсѣ въ Вѣнѣ и тысячи благодарн. отъ обучающихся. Проф. Ж. СКАРБЬЕ. Курсы нов. яз. Одесса. Полицейская, 27.

Поступилъ въ продажу 1-й выпускъ роскошнаго художественнаго изданiя большого in quarto

„БЫЛИНЫ": „ВОЛЬГА".

Рисунки И. Я. Билибина. ———

——— **Изданiе И. Я. Билибина.**

Главный складъ въ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ (СПБ., Гостиный дворъ, 18. Москва, Кузнецкiй мостъ, 12); получать можно и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

ГОДЪ X. 1905. № 2. ФЕВРАЛЬ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Журналъ для всѣхъ.

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ.

ГИТАНА. СОНЕТЪ.

По платью нищая, красой движеній—жрица,
Въ толпѣ цыганъ она плясала для меня:
То, быстрая какъ вихрь, чаруя и дразня,
Кружилась бѣшенно; то гордо, какъ царица,
Ступала по ковру, таинственно маня;
То вздрагивала вся, какъ раненая птица...
И взоръ ея тускнѣлъ отъ скрытаго огня,
И вспыхивала въ немъ безумная зарница!
Ей было весело отъ пѣсенъ и вина,
Ее несла волна, ее пьянила пляска
И ритмы кастаньетъ и пристальная ласка
Моихъ влюбленныхъ глазъ. И вся была она
Призывна какъ мечта и какъ любовь грозна—
Гитана и дитя, и женщина, и сказка!

А. ѲЕДОРОВЪ.

Сумерки зимнія, сумерки синія
Пали на лѣсъ, посѣдѣлый отъ инея,
Мутью морозною даль затуманили,
Грустью беззвѣздною сердце мнѣ ранили.

Тянется, вьется дорога далекая...
Сблизила съ ней меня жизнь одинокая.
Молча ведетъ она въ даль опустѣлую
Снѣжной равниной, равниною бѣлою.

Встрѣчъ я не жду и никто мнѣ не встрѣтится,
Въ долгую ночь огонекъ не засвѣтится—
Такъ я и сгину въ потемкахъ унынія
Въ сумерки зимнія, сумерки синія.

Л. М. ВАСИЛЕВСКІЙ.

ИЗЪ ПЕРСИДСКИХЪ МОТИВОВЪ.

ДЕРВИШЪ.

Шумливый торгъ. Бѣгутъ туда, оттуда,
И смѣхъ, и брань, и крики безъ конца.
Скрипъ ишака, порой звонокъ верблюда
И визгъ пилы, и молотъ кузнеца.
Вбѣжалъ дервишъ, безумный, полуголый;
И смоль кудрей, разсыпанныхъ до плечъ,
И взглядъ очей, горячій и тяжелый,—
Все дышетъ страстью, какъ и рѣчь.
Полусвятой и вмѣстѣ дерзкій нищій,
Поэтъ и рабъ, онъ къ людямъ прибѣжалъ,
Чтобъ напоить сердца духовной пищей
И выпросить униженно реалъ.

ALLEGRO.

МОТЫЛЕКЪ.

Какъ утомился отъ знойнаго дня я,
Ночь коротка, горяча.
Плачетъ тихонька свѣча,
Бѣлыя слезы роняя.
Вздохи полночные пламя колышатъ,
Дышетъ и крадется мгла,
Вотъ мотылька принесла:
Сердце полетъ его слышитъ.
Къ свѣту все ближе летитъ онъ мятежный,
Тускло стекляннымъ крыломъ
Рѣетъ, кружась надъ огнемъ,
Страстный и смѣлый, и нѣжный.
Жду я... Такъ близко возможность спасенья;
Встану, закрою окно:
Тамъ, на землѣ, гдѣ темно,
Ждутъ его жизни мгновенья.
Медлю, колеблюсь... Ты жаждешь сіянья
И не дождешься зари...
Нѣтъ, не лишайся восторговъ страданья,
Въ свѣтѣ — сгори!

М. ПОЖАРОВА.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ.

Лазурь еще свѣтла и алостью прощальной
Пушистые снѣга мерцаютъ на зарѣ,
А ночь уже идетъ дорогою хрустальной,
Вся въ голубыхъ тѣняхъ и въ звѣздномъ
серебрѣ.

Застыли облака. Бѣлѣя въ бѣлой нишѣ,
Покоится луна безстрастнымъ божествомъ.
О, ночь! Моя печаль загадочнѣй и тише,
Мнѣ сладко быть одной въ безмолвіи
лѣсномъ.

Алмазный, снѣжный сонъ... Обвѣянная
тайной
Расширилась душа, покорная мечтѣ,
И тянется въ просторъ зовущій
и безкрайный,
Къ непознаннымъ мірамъ, къ предвѣчной
красотѣ.

Мнѣ сладко быть одной, о призракъ
снѣжнокрылый,
Исполненная чаръ, недышащая ночь!
Какъ будто отъ земли безвластной
и унылой
Въ заоблачную даль я уплываю прочь...

Какъ будто я средь звѣздъ, въ лазури
небосклона,
Гдѣ вспыхнулъ нѣжный блескъ тріады
золотой,
И въ грудь мою скользятъ съ лучами
Оріона
Безгорестная тишь, забвенье и покой.

Г. ГАЛИНА.

СТѢНА.

Меня давно-давно отъ всѣхъ
Отрѣзала стѣна.
Несу я людямъ только смѣхъ,
А плачу я одна.

Я не пойду за лаской къ нимъ,
Любви отъ нихъ не жду.
Всегда одна, путемъ моимъ
Свободная иду...

Пусть въ трудный день руки своей
Они мнѣ не дадутъ:
Я не боюсь суда людей,—
Въ душѣ мой высшій судъ!

И не хочу я правды ихъ,—
Въ ней скрыта ложь всегда...
Я вѣрю солнцу грёзъ моихъ,
Но людямъ—никогда!..

Л. АНДРУСОНЪ.

Все утро я плакала... Маму
Я видѣла ночью во снѣ:
Ребенкомъ ложусь я въ кроватку,
И мама подходитъ ко мнѣ,
Играетъ со мною, смѣется,
Ласкаетъ, цѣлуетъ меня,
Уходитъ и набожно креститъ:
„Спи, милая крошка моя“...
Потомъ вижу ниву родную.
Рожь мама высокую жнетъ,
А я васильки собираю.
Жнетъ мама и пѣсню поетъ.
По небу крылатыя тучки
Проносятся вольной толпой.
Волнами широкими вѣтеръ
Гуляетъ по ржи золотой...
Проснулась... и плакала долго...
Одна-одинешенька я:
Въ могилѣ сырой и холодной
Спитъ милая мама моя.

Н. КРАНДІЕВСКАЯ.

Маленькое солнце у меня въ груди.
Погляди въ глаза мнѣ, милый, погляди!
Развѣ ты не видишь солнечныхъ лучей
Въ окрыленномъ взорѣ юности моей?
Утро такъ душисто... Дали такъ чисты...
Расцвѣтаютъ въ сердцѣ бѣлые цвѣты...
И несу тебѣ я на разсвѣтѣ дня
Все, что есть и было въ сердцѣ у меня.
Для тебя согрѣетъ землю впереди
Маленькое солнце у меня въ груди!

ПОСЛѢ БАЛА.

Свѣчи потушены. Зала темна.
Брошены кѣмъ-то цвѣты у окна.
Ты улыбнулся, прощаясь со мной...
Думы летятъ за тобой, за тобой!
Милый, единственный... Знаю вѣдь я,
Сонъ мимолетный—улыбка твоя.
Сонъ мимолетный—и счастье и ты!..
Вянутъ забытые кѣмъ-то цвѣты.

М. ВЕСКИНЪ.

Не говори мнѣ о мукахъ,—
Ложь въ этихъ жалкихъ словахъ.
Горю нѣтъ выхода въ звукахъ,
Нѣтъ облегченья въ слезахъ.
Въ горѣ изсякнутъ всѣ слезы;
Слезы—красивый обманъ;
Плачутъ весеннія грозы,
Но не свинцовый туманъ.
Горе, какъ смерть, молчаливо,
Горе таится на днѣ
Тихо, какъ воды залива,
И глубоко, какъ онѣ.

РАЗСТРОЙСТВО КОМПЕНСАЦІИ.

Неоконченный разсказъ Антона Павловича Чехова. Изъ его бумагъ и набросковъ.

Въ домѣ уѣзднаго предводителя Бондарева Михаила Ильича шла всенощная. Служилъ молодой священникъ, полный блондинъ съ длинными кудрями и съ широкимъ носомъ, похожій на льва. Пѣли только дьячокъ и псаломщикъ. Михаилъ Ильичъ, серьезно больной, неподвижно сидѣлъ въ креслѣ, блѣдный, съ закрытыми глазами, точно мертвецъ; жена его Вѣра Андреевна стояла рядомъ, склонивъ голову набокъ, въ лѣнивой и покорной позѣ человѣка, равнодушнаго къ религіи, но обязаннаго стоять и изрѣдка креститься. Александръ Андреевичъ Яншинъ, родной братъ Вѣры Андреевны, и его жена Леночка стояли позади кресла и тоже рядомъ. Былъ канунъ Троицы. Въ саду тихо шумѣли деревья и прекрасная вечерняя заря горѣла по праздничному, захвативъ полнеба.

Слышался ли въ открытыя окна трезвонъ городскихъ и монастырскихъ колоколовъ, кричалъ ли на дворѣ павлинъ или кашлялъ кто-нибудь въ передней,—всѣмъ невольно приходило на мысль, что Михаилъ Ильичъ серьезно боленъ, что доктора приказали, какъ только ему станетъ легче, везти его за границу, но что изо дня въ день ему становилось то лучше, то хуже, ничего нельзя было понять, а время шло, неопредѣленность наскучила. Яншинъ еще на Пасху пріѣхалъ сюда, чтобы помочь сестрѣ везти мужа за границу; но вотъ ужъ онъ прожилъ здѣсь со своей женой почти два мѣсяца, вотъ ужъ служится при немъ чуть ли не третья всенощная, а будущее все еще въ туманѣ и ничего нельзя понять. И никто бы не могъ поручиться, что этотъ кошмаръ не будетъ тянуться до осени.

Яншинъ былъ недоволенъ и скучалъ. Ему надоѣло каждый день собираться за границу, и ужъ хотѣлось домой, къ себѣ въ Новоселки. Правда, и дома не весело, но зато тамъ нѣтъ этой просторной залы съ четырьмя колоннами по угламъ, нѣтъ бѣлыхъ креселъ съ золотистой обивкой, желтыхъ портьеръ, люстры и всей этой мѣщанской безвкусицы, претендующей на великолѣпіе, нѣтъ эхо, повторяющаго ночью каждый твой шагъ, а главное—нѣтъ этого болѣзненнаго, желтаго, пухлаго лица съ закрытыми глазами. Дома можно смѣяться, говорить глупости, громко ссориться съ женой или съ матерью, однимъ словомъ, жить, какъ хочешь; а здѣсь, точно въ пансіонѣ, ходи на цыпочкахъ, шепчись, говори только умное, или вотъ стой и слушай всенощную, которая служится не изъ религіознаго чувства, а, какъ говоритъ самъ Михаилъ Ильичъ, по традиціи... И ничто такъ не утомляетъ и не принижаетъ, какъ это состояніе, когда приходится смиряться передъ человѣкомъ, котораго въ глубинѣ души считаешь ничтожествомъ, и няньчиться съ больнымъ, котораго не жаль.

Яншинъ думалъ еще объ одномъ обстоятельствѣ: въ прошлую ночь жена Леночка объявила ему, что она беременна. Эта новость была интересна только потому, что вносила въ вопросъ о поѣздкѣ еще новую смуту. Какъ теперь быть? Везти ли Леночку съ собой за границу или же отправить ее къ матери въ Новоселки? Но путешествовать въ ея положеніи было бы неудобно, а домой она ни за что не поѣдетъ, такъ какъ не ладитъ со своею свекровью и не согласится жить въ деревнѣ одна безъ мужа.

— Или мнѣ воспользоваться этимъ предлогомъ и вмѣстѣ съ нею уѣхать домой? думалъ Яншинъ, стараясь не слушать дьячка.—Нѣтъ, неловко оставлять тутъ Вѣру одну... рѣшилъ онъ, взглянувъ на стройную фигуру своей сестры.—Но какъ же быть?

Онъ думалъ и спрашивалъ себя: „Какъ же быть?“ И его жизнь представлялась ему крайне сложной и запутанной. Всѣ эти вопросы—о поѣздкѣ, сестрѣ, женѣ, зятѣ и проч., каждый въ отдѣльности, быть можетъ, рѣшились бы очень легко и удобно, но всѣ они были спутаны вмѣстѣ и походили на невылазное болото, и стоило только рѣшить какой-нибудь одинъ, чтобы отъ этого еще пуще запутались другіе.

Когда священникъ, передъ тѣмъ, какъ читать Евангеліе, обернулся и сказалъ: „Миръ всѣмъ“! больной Михаилъ Ильичъ вдругъ открылъ глаза и задвигался въ креслѣ.

— Саша! позвалъ онъ.

Яншинъ быстро подошелъ къ нему и нагнулся.

— Мнѣ не нравится, какъ онъ служитъ... сказалъ Михаилъ Ильичъ вполголоса, но такъ, что слова его ясно пронеслись по залѣ; дыханіе у него было тяжелое, со свистомъ и хрипомъ.—Я уйду отсюда. Проводи меня, Саша!

Яншинъ помогъ ему подняться и взялъ его подъ руку.

— Ты останься, милая... сказалъ Михаилъ Ильичъ слабымъ, просящимъ голосомъ женѣ, которая хотѣла взять его подъ руку съ другой стороны.—Останься! повторилъ онъ съ раздраженіемъ, взглянувъ на ея равнодушное лицо.—Я и такъ дойду.

Священникъ стоялъ съ раскрытымъ Евангеліемъ и ждалъ. Среди наступившей тишины ясно послышалось стройное хоровое пѣніе мужскихъ голосовъ. Пѣли гдѣ-то за садомъ, должно быть, на рѣкѣ. И вышло очень мило, когда вдругъ зазвонили въ сосѣднемъ монастырѣ и этотъ мягкій, мелодичный звонъ смѣшался съ пѣніемъ. У Яншина сжалось сердце отъ сладкаго предчувствія чего-то хорошаго, и онъ едва не забылъ, что ему нужно вести больного. Посторонніе звуки, прилетѣвшіе въ залу, по-

чему-то напомнили ему, какъ мало въ его теперешней жизни наслажденія и свободы, и какъ мелки, ничтожны и неинтересны задачи, которыя онъ съ такимъ напряженіемъ рѣшалъ каждый день отъ утра до ночи. Когда онъ повелъ больного и прислуга, сторонясь и давая дорогу, поглядывала съ мрачнымъ любопытствомъ, съ какимъ обыкновенно въ деревняхъ глядятъ на мертвое тѣло, — онъ вдругъ почувствовалъ ненависть, тяжелую, острую ненависть къ пухлому, бритому, актерскому лицу больного, къ его рукамъ воскового цвѣта, къ плюшевому халату, къ дыханію, къ стуку его черной палки. Отъ этого чувства, которое онъ теперь испытывалъ впервые за все время, пока жилъ, и которое такъ неожиданно захватило его,—у него похолодѣли голова и ноги и сильно застучало сердце. Ему страстно захотѣлось, чтобы Михаилъ Ильичъ умеръ сію же минуту, чтобъ онъ вскрикнулъ въ послѣдній разъ и хлопнулся о полъ; но въ одно мгновеніе онъ вообразилъ себѣ эту смерть и съ ужасомъ отвернулся отъ нея. Когда вышли изъ залы, онъ хотѣлъ ужъ не смерти больного, а жизни для себя: оторвать бы руки отъ теплой подмышки и бѣжать, бѣжать, бѣжать безъ оглядки.

Постель для Михаила Ильича была устроена въ кабинетѣ на турецкомъ диванѣ. Въ спальнѣ больному казалось жарко и неудобно.

— Что-нибудь одно: будь попомъ или гусаромъ! сказалъ онъ, тяжело опускаясь на диванъ.—Что за манеры! Ахъ, Боже мой!.. Я бы такого ферта-попа въ дьячки разжаловалъ.

Глядя на его капризное, несчастное лицо, Яншинъ хотѣлъ возразить ему, сказать какую-нибудь дерзость, сознаться въ своей ненависти; но вспомнилъ приказъ докторовъ не волновать больного, и промолчалъ. Впрочемъ, не въ докторахъ дѣло. Чего бы только нельзя было наговорить и накричать, если бы съ этимъ ненавистнымъ человѣкомъ не была связана навѣки и безнадежно судьба сестры Вѣры? У Михаила Ильича была манера постоянно выпячивать впередъ сжатыя губы и двигать ими въ стороны, точно онъ сосалъ леденецъ, и это движеніе бритыхъ и полныхъ губъ раздражало теперь Яншина.

— Ты, Саша, иди туда... сказалъ Михаилъ Ильичъ.—Ты здоровъ и, кажется, равнодушенъ къ церкви. Для тебя все равно, кто бы ни служилъ. Иди!

— Но ты вѣдь тоже равнодушенъ къ церкви... тихо проговорилъ Яншинъ, сдерживая себя.

— Нѣтъ, я вѣрую въ Провидѣніе и признаю церковь.

— Вотъ именно, какъ мнѣ кажется, въ религіи тебѣ нужны не Богъ и не истина, а такія слова, какъ „Провидѣніе“, „свыше“...

Яншинъ хотѣлъ прибавить: „иначе бы сегодня ты не оскорбилъ такъ священника“; но замолчалъ. Ему казалось, что онъ ужъ позволилъ себѣ сказать и безъ того слишкомъ много.

— Иди, пожалуйста! проговорилъ нетерпѣливо Михаилъ Ильичъ, который не любилъ, когда съ нимъ не соглашались или говорили о немъ самомъ.—Я никого не желаю стѣснять. Я знаю, какъ тяжело сидѣть около больного... Знаю, братъ! Всегда говорилъ и буду говорить: нѣтъ тяжелѣе и святѣе труда, какъ трудъ сидѣлки. Иди, сдѣлай милость!

Яншинъ вышелъ изъ кабинета. Спустившись къ себѣ внизъ, онъ надѣлъ пальто и шляпу и черезъ парадную дверь прошелъ въ садъ. Былъ уже девятый часъ. Наверху пѣли канонъ. Пробираясь между клумбъ, розовыхъ кустовъ, голубыхъ изъ геліотропа вензелей V и M (т. е. Вѣра и Михаилъ) и мимо множества чудесныхъ цвѣтовъ, которые въ этой усадьбѣ никому не доставляли удовольствія, а росли и цвѣли, вѣроятно, тоже „по традиціи“,—Яншинъ спѣшилъ и боялся, какъ бы не окликнула его сверху жена. Она легко могла его увидѣть. Но вотъ онъ, пройдя немного паркомъ, вышелъ на еловую аллею, длинную и темную, сквозь которую по вечерамъ бываетъ виденъ закатъ. Тутъ старыя, дряхлыя ели всегда, даже въ тихую погоду издаютъ легкій, суровый шумъ, пахнетъ смолой и ноги скользятъ по сухимъ игламъ.

Яншинъ шелъ и думалъ о томъ, что ненависть, которая сегодня во время всенощной такъ неожиданно овладѣла имъ, уже не оставитъ его, и съ нею придется считаться; она вносила въ его жизнь еще новое осложненіе и обѣщала мало хорошаго. Но отъ елей, спокойнаго, далекаго неба и отъ праздничной зари вѣяло миромъ и благодатью. Онъ съ удовольствіемъ прислушивался къ своимъ шагамъ, которые одиноко и глухо раздавались въ темной аллеѣ, и ужъ не спрашивалъ себя: „Какъ же быть?“

Почти каждый вечеръ онъ ходилъ на станцію получать газеты и письма, и это, пока онъ жилъ у зятя, было его единственнымъ развлеченіемъ. Почтовый поѣздъ приходилъ въ три четверти десятаго, именно въ то время, когда дома начиналась нестерпимая вечерняя скука. Въ карты играть было не съ кѣмъ, ужинать не давали, спать не хотѣлось и потому приходилось поневолѣ или сидѣть около больного, или же читать вслухъ Леночкѣ переводные романы, которые она очень любила. Станція была большая, съ буфетомъ и съ книжнымъ шкафомъ. Можно было закусить, выпить пива, посмотрѣть книги. Больше же всего Яншину нравилось встрѣчать поѣздъ и завидовать пассажирамъ, которые куда-то ѣхали и, казалось ему, были счастливѣе, чѣмъ онъ.

Когда онъ пришелъ на станцію, то на платформѣ уже гуляла въ ожиданіи поѣзда та публика, которую онъ привыкъ видѣть здѣсь каждый вечеръ. Тутъ были дачники, жившіе около станціи, два-три офицера изъ города, какой-то помѣщикъ со шпорой на правой ногѣ и съ догомъ, которой ходилъ за нимъ, печально опустивъ голову. Дачники и дачницы,

очевидно, хорошо знакомые между собой, громко разговаривали и смѣялись. Какъ всегда, больше всѣхъ былъ оживленъ и громче всѣхъ смѣялся дачникъ-инженеръ, очень полный мужчина лѣтъ 45, съ бакенами и съ широкимъ тазомъ, одѣтый въ ситцевую рубаху на выпускъ и плисовыя шаровары. Когда онъ, выпятивъ впередъ свой большой животъ и поглаживая бакены, проходилъ мимо Яншина и ласково взглядывалъ на него своими масляными глазами, то Яншину казалось, что этотъ человѣкъ живетъ съ большимъ аппетитомъ. У инженера было даже особенное выраженіе на лицѣ, которое нельзя было иначе прочесть, какъ только: „Ахъ, какъ вкусно“! Фамилія у него была нескладная, тройная, и Яншинъ помнилъ ее только потому, что инженеръ, любившій громко поговорить о политикѣ и поспорить, часто клялся и говорилъ:

— Не будь я Битный-Кушле-Сувремовичъ!

Говорили, что онъ былъ большой весельчакъ, хлѣбосолъ и страстный винтеръ. Яншину давно уже хотѣлось познакомиться съ нимъ, но подойти къ нему и заговорить онъ не рѣшался, хотя догадывался, что тотъ былъ не прочь отъ знакомства. Гуляя одиноко по платформѣ и слушая дачниковъ, Яншинъ всякій разъ почему-то вспоминалъ, что ему уже 31 годъ и что, начиная съ 24 лѣтъ, когда онъ кончилъ въ университетѣ, онъ ни одного дня не прожилъ съ удовольствіемъ: то тяжба съ сосѣдомъ изъ-за межи, то у жены выкидышъ, то кажется, что сестра Вѣра несчастна, то вотъ Михаилъ Ильичъ боленъ и нужно везти его за границу. Онъ соображалъ, что все это будетъ продолжаться и повторяться въ разныхъ видахъ безъ конца и что въ 40 и 50 лѣтъ будутъ такія же заботы и мысли, какъ и въ 31; однимъ словомъ, изъ этой твердой скорлупы ему не выйти уже до самой смерти. Надо умѣть обманывать себя, чтобы думать иначе. И ему хотѣлось перестать быть устрицей хотя на одинъ часъ; хотѣлось заглянуть въ чужой міръ, увлечься тѣмъ, что не касалось его лично, поговорить съ посторонними для него людьми, хотя бы съ этимъ толстымъ инженеромъ или съ дачницами, которыя въ вечернихъ сумеркахъ всѣ были такъ красивы, веселы, а главное—молоды.

Пришелъ поѣздъ. Помѣщикъ съ одной шпорой встрѣтилъ полную, пожилую даму, которая обняла его и нѣсколько разъ повторила взволнованнымъ голосомъ:—„Alexis“! По всей вѣроятности, это была его мать. Онъ церемонно, точно балетный jeun premier, звякнулъ шпорой, предложилъ ей руку и сказалъ носильщику бархатнымъ, слащавымъ баритономъ:

— Будьте такъ любезны, получите нашъ багажъ!

Скоро поѣздъ ушелъ. Дачники получили свои газеты и письма и разошлись по домамъ. Наступила тишина... Яншинъ погулялъ еще немного по платформѣ и пошелъ въ залу I класса. Ѣсть ему не хотѣлось, но онъ все-таки съѣлъ порцію телятины и выпилъ пива. Церемонныя, изысканныя манеры помѣщика со шпорой, его слащавый баритонъ и вѣжливость, въ которой было такъ мало простоты, произвели на него неотвязчивое, болѣзненное впечатлѣніе. Онъ вспоминалъ его длинные усы, доброе и не глупое, но какое-то странное, непонятное лицо, его манеру потирать руки, какъ будто было холодно, и думалъ о томъ, что если полная, пожилая дама, дѣйствительно, мать этого человѣка, то, вѣроятно, она очень несчастна. Ея взволнованный голосъ говорилъ только одно слово: „Alexis“, но робкое, растерянное лицо и любящіе глаза договаривали все остальное.

II.

Вѣра Андреевна видѣла въ окно, какъ уходилъ ея братъ. Она знала, что онъ идетъ на станцію, и вообразила себѣ еловую аллею всю до конца, потомъ спускъ къ рѣкѣ, широкій видъ и то впечатлѣніе покоя и простоты, какое всегда производили на нее рѣки, заливные луга, а за ними станція и березовый лѣсъ, гдѣ жили дачники, а направо вдали уѣздный городокъ и монастырь съ золотыми главами... Потомъ она вообразила опять аллею, темноту, свой страхъ и стыдъ, знакомые шаги и все то, что можетъ повториться опять, быть можетъ, даже сегодня... И она вышла изъ залы на минутку, чтобы распорядиться насчетъ чаю для батюшки, и прійдя въ столовую, достала изъ кармана письмо въ твердомъ конвертѣ и съ заграничной маркой, согнутое вдвое. Это письмо было принесено ей минутъ за пять до всенощной, и она успѣла уже прочесть его два раза.

„Милая моя, дорогая, мученіе мое, тоска моя“, прочитала она, держа письмо въ обѣихъ рукахъ и давая имъ обѣимъ упиваться прикосновеніемъ къ этимъ милымъ, горячимъ строкамъ. „Милая моя“, начала она опять съ перваго слова, „дорогая, мученіе мое, тоска моя, ты пишешь убѣдительно, но я все-таки не знаю, что мнѣ дѣлать. Ты тогда сказала, что навѣрное уѣзжаешь въ Италію, и я, какъ сумасшедшій, поскакалъ впередъ, встрѣтить тебя здѣсь и любить мою милую, мою радость. Я думалъ, что здѣсь ты уже не будешь въ лунныя ночи бояться, какъ бы мою тѣнь не увидѣли изъ окна твой мужъ или братъ. Здѣсь я гулялъ бы съ тобою по улицамъ, и ты не боялась бы, что Римъ или Венеція узнаютъ о томъ, что мы любимъ другъ друга. Прости, мое сокровище, но есть Вѣра робкая, малодушная, нерѣшительная; есть другая Вѣра—равнодушная, холодная, гордая, которая при постороннихъ называетъ меня „вы“ и дѣлаетъ видъ, что едва замѣчаетъ меня. Я хочу, чтобы меня любила эта другая, эта гордая и прекрасная... Я не хочу быть филиномъ, который имѣетъ право наслаждаться только вечеромъ и ночью. Дай мнѣ свѣта! Потемки гнетутъ меня,

милая, и эта наша любовь урывками и украдкой держитъ меня впроголодь, и я раздраженъ, страдаю, бѣшусь... Ну, однимъ словомъ, я думалъ, что моя Вѣра, не первая, а другая, здѣсь, за границей, гдѣ отъ надзора легче укрыться, чѣмъ дома,—дастъ мнѣ хоть одинъ часъ полной, настоящей любви, безъ оглядки, чтобы я хоть одинъ разъ, какъ слѣдуетъ, почувствовалъ себя любовникомъ, а не контрабандистомъ, чтобы ты, когда обнимаешь, не говорила:—„Мнѣ уже пора!“ Я думалъ такъ, но вотъ прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ я живу во Флоренціи, тебя нѣтъ и ничего неизвѣстно. Ты пишешь: „Въ этомъ мѣсяцѣ мы едва ли выберемся.“ Что же это такое? Отчаяніе мое, что ты дѣлаешь со мной!? Пойми, я безъ тебя не могу, не могу, не могу!!! Говорятъ, Италія прекрасна; но мнѣ скучно, я точно въ изгнаніи и моя сильная любовь томится какъ ссыльная. Мой каламбуръ, скажешь, не смѣшонъ, но вѣдь зато я смѣшонъ, какъ шутъ. Я мечусь то въ Болонью, то въ Венецію, то въ Римъ, и все смотрю, нѣтъ ли въ толпѣ женщины, похожей на тебя. Отъ скуки я по пять разъ обошелъ уже всѣ картинныя галлереи и музеи, и видѣлъ на картинахъ только тебя одну. Въ Римѣ я съ одышкою взбираюсь на Monte Pincio и смотрю оттуда на Вѣчный городъ, но вѣчность, красота, небо—все сливается у меня въ одинъ образъ съ твоимъ лицомъ и въ твоемъ платьѣ. А здѣсь, во Флоренціи я хожу по лавкамъ, гдѣ продаютъ скульптуру, и когда никого не бываетъ въ лавкѣ, обнимаю статуи, и мнѣ кажется, что это я тебя обнимаю. Ты нужна мнѣ сейчасъ, сію минуту... Вѣра, я безумствую, но прости, я не могу, я завтра уѣду къ тебѣ... Это письмо лишнее, ну, да пусть! Милая, значитъ, рѣшено: я завтра ѣду“...

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.

I.

Въ актовомъ залѣ университета, биткомъ набитомъ публикой, происходилъ диспутъ Перикордина.

Было около 3-хъ часовъ. Въ залѣ становилось душно.

Диспутантъ, брюнетъ лѣтъ 35-ти, средняго роста, въ открытомъ жилетѣ и фракѣ, нѣсколько широкомъ для него, стоялъ на каѳедрѣ и слушалъ, что говорилъ ему офиціальный оппонентъ Тарусовъ. Онъ смотрѣлъ на огромный лобъ Тарусова, переходящій непосредственно въ лысину, на сѣдыя кудряшки, вьющіяся на его вискахъ съ какимъ-то задорно-молодецкимъ видомъ, смотрѣлъ и думалъ: „А хорошо, должно быть, прожилъ свой вѣкъ этотъ Николай Михайловичъ: вѣдь вотъ ужъ старикъ, а какой жизнерадостный“! И онъ, слушая въ полъ-уха возраженія, задумался о томъ, гдѣ, собственно, надо искать корней этой жизнерадостности: въ крови? въ нервахъ? въ желудкѣ? въ сердцѣ? или въ такъ называемой душѣ?

А Тарусовъ продолжалъ между тѣмъ говорить своимъ ровнымъ, звучнымъ, переливчатымъ голосомъ, ласково и вмѣстѣ строго упрекая диспутанта въ нѣкоторыхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ:

— Вы необыкновенно прочно заложили фундаментъ позитивизма, вы съ рѣдкой талантливостью защищаете основы его противъ всякихъ научныхъ и ненаучныхъ посягательствъ, и за это честь вамъ и слава; но у васъ есть одна брешь, опасная для всего зданія: я говорю о послѣдней главѣ вашей цѣнной книги. Она представляется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ знаменитаго „угольнаго мѣшка“ въ Млечномъ пути...

„Славный у него голосъ“, думалъ между тѣмъ Перикординъ: „такой сочный, жизненный. Навѣрное, въ молодости пѣлъ романсы“.

Онъ вспомнилъ, что ему придется отвѣчать на возраженія, и сталъ слушать Тарусова; но лица сидящихъ и стоящихъ людей неотвязно лѣзли ему въ глаза и мѣшали сосредоточить вниманіе.

Вотъ старый профессоръ Филиппъ Ивановичъ, со своей вѣчно подвязанной щекой, сидитъ и дремлетъ; вотъ благообразный Сенделѣевъ, предсѣдатель диспута, щуритъ на каѳедру свои умные глаза; вотъ дама въ первомъ ряду, вся въ черномъ. „Должно быть, устала,— у нея такой унылый видъ“. А вотъ стоятъ студенты съ раскраснѣвшимися отъ жары лицами; одинъ высокій навалился на переднихъ и, кажется, хочетъ вскочить въ глаза диспутанту. А вотъ...

И вдругъ Перикординъ почувствовалъ, что ему скучно, до отвращенія скучно! Какая-то не то тѣнь, не то мимолетная судорога скользнула молніей по его лицу. Онъ повелъ вокругъ себя глазами, точно отыскивая инстинктивно лазейку, куда бы онъ могъ скрыться отъ огромной, душной толпы, отъ тяжелой, безконечной сѣти словъ, которою ласково опуталъ его этотъ жизнерадостный человѣкъ съ завитушками.

— Вотъ все, что я имѣлъ возразить вамъ... послышались заключительныя слова Тарусова, и вслѣдъ затѣмъ наступила тишина.

Перикординъ молчалъ и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на своего оппонента, на профессоровъ, на публику. Томительная пауза тянулась не болѣе полуминуты, но показалась всѣмъ страшно длинной. Профессора переглянулись между собой, и затѣмъ Тарусовъ еще ласко-

вѣе, чѣмъ прежде, резюмировалъ для диспутанта свои возраженія. И опять наступила пауза, и слышно было глухое дребезжанье колесъ на улицѣ.

— Посмотрите, Филиппъ Ивановичъ!.. шепнулъ Тарусовъ, указывая глазами на диспутанта.—Онъ „какъ будто стоя спитъ“... Нездоровъ онъ, что ли?

Въ самомъ дѣлѣ, красныя, припухшія вѣки придавали лицу Перикордина не то больное, не то измятое выраженіе.

Ѳенделѣевъ перегнулся за спиной сосѣда къ Тарусову и шепнулъ:

— Вы знаете? У него семейное горе...

Затѣмъ, принявъ офиціальный видъ, обратился къ диспутанту:

— Николай Михайловичъ кончилъ. Такъ что, если вамъ угодно...

Перикординъ провелъ рукой по лбу.

— Я совершенно согласенъ съ Николаемъ Михайловичемъ... произнесъ онъ негромко.

Голосъ его былъ странно глухимъ, далекимъ, какимъ-то неживымъ: казалось, онъ исходилъ изъ фонографа, а не изъ устъ этого стоящаго за каѳедрой человѣка во фракѣ. Въ публикѣ среди тишины произошло какое-то движеніе: точно чья-то огромная грудь съ усиліемъ перевела духъ.

— А вѣдь какой прежде боецъ былъ! шепнулъ Сенделѣевъ своему сосѣду, Кукуеву, пожилому профессору съ холоднымъ, морщинистымъ лицомъ.

— Я думаю, что диспутъ сегодня не затянется... отвѣтилъ тотъ, вынимая часы.

Началъ возражать другой офиціальный оппонентъ, молодой еще профессоръ Столяровскій, представительный шатенъ, съ красивыми, насмѣшливыми глазами.

Тихимъ голосомъ и самымъ смиреннымъ тономъ, подъ которымъ скрывалась тонкая, какъ игла, иронія, Столяровскій, въ видѣ вступленія, высказалъ нѣсколько комплиментовъ по адресу талантливаго изложенія книги, упомянулъ вскользь о нѣкоторыхъ частныхъ недосмотрахъ и затѣмъ обратился къ общимъ выводамъ диссертаціи, къ ея основной мысли. Въ залѣ зашевелились и зашуршали бумажками, гдѣ были отпечатаны тезисы. Оппонентъ началъ издалека: онъ любилъ сначала покружиться, не торопясь, въ воздухѣ, а потомъ сразу ринуться на свою жертву. Публику очень интересовали эти ловкіе подходы, когда диспутантъ долго не понимаетъ, съ какой стороны на него налетятъ. Рѣчь Столяровскаго, начавшаяся мирнымъ adagio, постепенно переходила въ allegro con brio. Столяровскій обвинялъ диспутанта въ грубомъ матеріализмѣ, сравнивалъ его съ идолопоклонникомъ, который не признаетъ ангела, кромѣ своего деревяннаго, бездушнаго божка; особенно безпощадно обрушился онъ на диспутанта за его нападки на метафизику и на „всякую отвлеченность“.

— Послѣдняя глава вашей книги, говорилъ онъ, все болѣе возвышая голосъ и отчеканивая каждое слово,—указываетъ на то, что вы сами чувствуете свою вину передъ умозрѣніемъ; но вмѣсто того, чтобы сознаться чистосердечно, вы предпочитаете, подобно древнему Зевсу, закрыться облакомъ и, незамѣтно для простыхъ смертныхъ, исчезнуть въ той туманной, таинственной выси, отъ которой сами до сихъ поръ такъ упорно отмахивались.

Раздался громъ апплодисментовъ, продолжавшійся довольно долго. Высокій студентъ, висѣвшій на плечахъ своихъ коллегъ, выпрямился, высоко поднялъ вверхъ руки и оглушительно захлопалъ.

Профессора подъ шумокъ вставали со стульевъ и переговаривались между собою.

Трескъ ладоней вывелъ Перикордина изъ его странной спячки. Онъ заговорилъ, и въ его померкшихъ глазахъ блеснулъ огонекъ, на неподвижномъ лицѣ заиграла краска. Сначала онъ запинался, останавливался, словно прислушиваясь къ своимъ словамъ; но скоро увлекся и забылъ о себѣ. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ глубоко и страстно убѣжденный, продумавшій свою идею до самыхъ мельчайшихъ ея развѣтвленій. Онъ не гнался за красотой оборотовъ, какъ Столяровскій, не подбирая эффектныхъ выраженій, пренебрегая остроумными выходками: всѣ чувствовали, что ему не до словъ, и это производило неотразимое впечатлѣніе на слушателей. Всѣхъ подкупала необыкновенная ясность его мыслей, прозрачность его изложенія, удивительное умѣнье схватить главную идею противника за самое ея больное мѣсто и тутъ же, на глазахъ всѣхъ, такъ препарировать ее, что отъ оппонента, точно отъ ощипанной птицы, оставались одни перья.

— Экая здоровая голова! одобрительно шепнулъ Тарусовъ, покачивая своими кудряшками.

— А я было сначала думалъ, что онъ немножко того... отвѣтилъ тихонько Сенделѣевъ, выразительно постукивая пальцами по лбу.

Кукуевъ, за спиной котораго происходилъ обмѣнъ мыслей, долго переводилъ свои глаза сфинкса съ диспутанта на оппонента, слѣдя за тѣмъ, какъ изъ Столяровскаго „летѣли перья“, и потомъ замѣтилъ, не обращаясь ни къ кому:

— Ну, теперь вижу, что диспутъ затянется...

Опять громъ апплодисментовъ, еще болѣе продолжительный. Опять высокій студентъ выпрямился, вытянулъ надъ головами товарищей руки, захлопалъ и закричалъ: „браво!“ Въ залѣ чувствовалось оживленіе, слышалось жужжанье голосовъ, виднѣлись раскраснѣвшіяся, возбужденныя лица.

Столяровскій снова началъ говорить, еще болѣе рѣзко и саркастически, но лицо Перикордина уже выражало попрежнему не то усталость, не то апатію. Казалось, онъ вдругъ ухнулъ куда-то глубоко-глубоко и до него едва

доносится невнятный шумъ жизни. Когда оппонентъ кончилъ свою безпощадную отповѣдь и сдѣлалось тихо, Перикординъ поднялъ глаза отъ каѳедры, растерянно посмотрѣлъ передъ собой, потомъ промямлилъ нѣсколько фразъ, которыхъ не разслышали даже въ первыхъ рядахъ, и опять замолчалъ, смотря куда-то въ уголъ. Въ залѣ раздавалось сдержанное покашливанье, и было ощущеніе чего-то неловкаго и страннаго... Тогда поднялся среди публики высокій, худой, какъ скелетъ, пожилой господинъ съ трясущейся головой, и, въ качествѣ неофиціальнаго оппонента, просилъ для себя слова. Этого бѣдно одѣтаго, всегда мрачно-одинокаго человѣка, по фамиліи Жмурко, знали многіе изъ публики и профессоровъ, въ томъ числѣ и Перикординъ. Онъ всюду, гдѣ только ему позволяли, читалъ свои рефераты въ защиту мистицизма и защищалъ свои вѣрованія „до послѣдняго издыханія". Одни считали его фанатикомъ, вѣрящимъ въ свою миссію, другіе—просто помѣшаннымъ. Предсѣдатель сначала переглянулся вопросительно съ коллегами, потомъ смущенно потеръ руки и разрѣшилъ Жмурко говорить.

Голова Жмурко еще сильнѣе задрожала, глаза сверкнули вдохновеніемъ безумнаго, и изъ устъ его, какъ потокъ раскаленной лавы, полилась звучная, пламенная рѣчь. Слова его никого не убѣждали, но экзальтація дѣйствовала на нервы, напрягая ихъ и покоряя людей чему-то необъяснимому, непріятно-жуткому и вмѣстѣ властно затягивающему. Голосъ становился грознымъ, рѣчь дѣлалась все неистовѣе... Жмурко проклиналъ диспутанта и его книгу, называлъ его „врагомъ Бога", „ненавистникомъ человѣка", отнимающимъ у него высшее утѣшеніе. Предсѣдатель пытался остановить его, но Жмурко билъ себя въ грудь и продолжалъ выкрикивать.

Перикординъ очень внимательно и серьезно смотрѣлъ на оратора: казалось, онъ изучалъ Жмурко и силился разгадать на немъ какую-то загадку. По временамъ на его лицѣ проскальзывало даже что-то похожее на сочувствіе. Наконецъ, предсѣдатель, привставъ на мѣстѣ, началъ усиленно звонить, и Жмурко сѣлъ, докрикивая послѣднія слова. Изъ публики слышалось шиканье... Высокій студентъ крикнулъ громко:

— Довольно!

— Угодно вамъ отвѣтить? спросилъ Сенделѣевъ у диспутанта.

— Что? Нѣтъ, нѣтъ... разсѣянно отозвался тотъ, продолжая слѣдить взглядомъ за Жмурко, вытиравшимъ себѣ глаза и лобъ коричневымъ платкомъ.

Диспутъ кончился. Перикординъ былъ удостоенъ ученой степени... Публика, очень довольная тѣмъ, что можетъ теперь выйти изъ духоты на воздухъ и размять усталыя отъ сидѣнья ноги, апплодировала съ веселымъ оживленіемъ. Профессора и знакомые поздравляли диспутанта. Жмурко уходилъ изъ залы, гордо поднявъ свою трясущуюся голову и не обращая вниманія на насмѣшливо-любопытные взгляды публики и перешептыванья.

— Отчего вы не осадили этого стараго дурака? сказалъ профессоръ Лобастовъ, высокій, плечистый мужчина, взявъ подъ руку диспутанта и выходя съ нимъ въ швейцарскую.

— Онъ по-своему правъ... произнесъ Перикординъ, слѣдя въ раздумьи за уходившимъ Жмурко.

— Откуда столько вѣры и страсти въ этомъ бѣдномъ чудакѣ?

— Ну, батюшка!.. протянулъ въ изумленіи Лобастовъ и даже вынулъ свою руку.

— Да... продолжалъ все въ томъ же раздумьи Перикординъ, наблюдая, какъ Жмурко, безъ помощи служителя, напяливалъ на себя желтое, смѣшное пальто съ нелѣпымъ капюшономъ.—Вотъ онъ вернется сейчасъ въ свою нищенскую берлогу, будетъ сидѣть одинъ—и не чувствовать, что онъ одинъ, не замѣчать своего нищенства...

Лобастовъ пожалъ плечами.

— Я понимаю, когда мыслитель... А вѣдь онъ просто-напросто полоумный.

— Какъ хотите, назовите: дѣло не въ терминахъ... сказалъ Перикординъ, странно улыбаясь.

Онъ смотрѣлъ въ лицо своему собесѣднику, но по глазамъ его было замѣтно, что онъ видитъ передъ собой не профессора Лобастова, а что-то другое.

— Знаете... молвилъ Лобастовъ, наклоняя къ собесѣднику свое румяное, добродушное лицо. —Мнѣ мерещится, что мы съ вами разговариваемъ по телефону; вы, напримѣръ, находитесь сейчасъ въ Петербургѣ, а я—въ Москвѣ...

— А, такъ и вамъ „мерещится"? вдругъ разсмѣялся какъ-то по-дѣтски Перикординъ...

Когда онъ вышелъ на улицу, глаза его были серьезны, но губы все еще смѣялись: точно онъ по разсѣянности забылъ убрать во-время эту не идущую къ дѣлу усмѣшку.

II.

Былъ 7-ой часъ вечера, когда Перикординъ вылѣзъ на полустанкѣ изъ вагона и сѣлъ въ ожидавшій его тарантасъ.

Поѣздъ свистнулъ и ушелъ, а тарантасъ медленно поволокся по глубокой весенней грязи мимо рощи, неподвижной, голой и мокрой.

Когда затихло вдалекѣ глухое, мѣрное постукиваніе поѣзда, стало вдругъ поразительно тихо, такъ тихо, что Перикординъ невольно весь насторожился, точно почуявъ около себя и надъ собой, и спереди, и сзади присутствіе чего-то огромнаго, невидимаго, затаеннаго... Онъ даже оглянулся по сторонамъ, какъ будто въ глубинѣ обнаженнаго лѣса или среди кустовъ ельника, окруженнаго болотомъ, скрыва-

лось нѣчто такое, отъ чего все кругомъ зацѣпенѣло въ осторожномъ безмолвіи...

Трехъ часовъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ Перикординъ стоялъ на каѳедрѣ передъ толпой; теперь ему казалось, что это было безконечно давно и происходило не съ нимъ, а съ кѣмъ-то другимъ, что мысли, которыя онъ недавно высказывалъ,—не его мысли, и языкъ, которымъ онъ говорилъ,—не его языкъ. Онъ даже нарочно произнесъ вполголоса: „методъ позитивной науки", „теорія познанія", „законъ причинности", „детерминизмъ..." И странно прозвучали среди напряженной тишины эти слова, точно сказанныя чьимъ-то чужимъ голосомъ, и страннымъ до дикости казался онъ самъ себѣ.

Онъ силился представить, какимъ онъ былъ прежде, и вспоминалъ себя, какъ стараго знакомаго, съ которымъ давно не видался и съ которымъ успѣлъ уже утратить всякую внутреннюю близость. Онъ попрежнему раздѣляетъ взгляды этого стараго знакомаго, но они ему не нужны, какъ и самъ знакомый. Вотъ этотъ дубъ стоялъ тутъ и лѣтомъ; это все одинъ и тотъ же дубъ, но теперь зеленые, шумливые листья отлетѣли отъ него, и онъ стоитъ неподвижный, безмолвный, растопыривъ какъ попало свои оголенныя вѣтви, и кажется, что никогда на немъ не было этихъ зеленыхъ, живыхъ листьевъ, скрывающихъ непріятную наготу...

Пролетѣла неслышно надъ кустами птица и затерялась въ глубинѣ рощи. Прошелъ на станцію, увязая въ грязи, мужикъ съ котомкой и длинной палкой, похожій на странника; мелькнуло изрытое морщинами, изможденное лицо, жаждущее покоя... А впереди разстилались луга, покрытые кочками и лужами, и дорога вилась среди нихъ какъ длинный, грязный червякъ. На горизонтѣ далеко-далеко виднѣлась стоящая на холмѣ бѣлая церковь, словно колоссальный надгробный камень. Тамъ, за церковью, сейчасъ будетъ село Ельницкое, а рядомъ съ нимъ, за перелѣскомъ,—имѣніе тестя Перикордина, „Холмики". Два года тому назадъ Перикординъ каждый вечеръ гулялъ среди этихъ луговъ, обдумывая основную идею своей книги, примѣняя ее мысленно къ природѣ, къ жизни, къ исторіи человѣчества. Когда онъ, гордый и радостный при мысли, что онъ охватываетъ своей глубоко продуманной работой всѣ области жизни, возвращался съ прогулки домой, крестъ далекой колокольни сверкалъ передъ нимъ ликующимъ блескомъ отъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца, и на душѣ Перикордина было такъ покойно, такъ ясно...

И прошлымъ лѣтомъ гулялъ онъ по этой вьющейся среди луговъ дорогѣ, работая мысленно надъ своей диссертаціей, которую готовился отдать въ печать. Какъ и прежде, была прозрачна для него основная идея, но иногда сквозь эту прозрачность вдругъ просвѣчивало для него что-то темное, уродливое, и тогда мысли Перикордина, всегда гибкія, послушныя, бѣгущія стройными рядами, начинали спотыкаться и пятиться въ смутной тревогѣ. Туберкулезъ мозга у ребенка, только что начавшаго жить! Изъ какой бездны вылѣзло это мрачное чудовище и какими еще бѣдами грозитъ оно въ будущемъ?.. Онъ вспомнилъ свѣжую, крохотную могилку на кладбищѣ, возлѣ церкви, и лучезарный блескъ заката на куполѣ казался ему зловѣщимъ миражемъ. Но безобразные, темные призраки должны были отступить передъ могуществомъ ясной, какъ солнце, мысли, и она опять шла побѣдоносно впередъ, гордая своей непоколебимой силой и твердой вѣрой въ себя.

Потомъ наступила осень, зима, потомъ началась эта страшная весна, когда рядомъ съ крошечной могилкой, успѣвшей уже порасти травой, появилась новая могила, большая и свѣжая. Перикординъ помнитъ, какъ онъ ѣхалъ по этой дорогѣ на саняхъ съ полустанка, везя въ „Холмики" знаменитаго доктора, какъ дрожало и ныло въ немъ сердце; помнитъ, какъ вся жизнь, все его мыслящее и не мыслящее „я"—слились въ немъ въ холодное ощущеніе безконечнаго страха передъ однимъ ужаснымъ словомъ: „чахотка". Помнитъ, какъ потомъ произошло *это страшное*, отъ котораго мгновенно оцѣпенѣла его мысль: чудовище опять выползло изъ своей мрачной бездны и потомъ ушло туда со своей жертвой...

Въ тотъ моментъ точно какая-то черная заслонка вдругъ отгородила Перикордина отъ всего, чѣмъ онъ жилъ прежде.

Тѣ же луга, та же дорога, та же колокольня на горѣ впереди и даже тотъ же рыженькій кучеръ на козлахъ; но они стали теперь непонятными, докучными, ненужными; и только эта таинственная тишина заключаетъ въ себѣ что-то притягивающее, къ чему хочется чутко прислушиваться...

Тарантасъ въѣхалъ на гору.

Вотъ она, эта бѣлая, страшная церковь... Вотъ и кладбище, гдѣ... Перикординъ зажмурилъ глаза.

III.

Передъ ветхой террасой стараго деревяннаго дома была лужайка, на краю которой, подъ вѣтвями широко разросшейся липы, лежало толстое бревно, грузно внѣдрившееся въ рыхлую почву.

Надвигались сумерки, и воздухъ становился матовымъ, когда Перикординъ взялъ пледъ и вышелъ посидѣть на это бревно.

Позапрошлое лѣто они съ женой часто сидѣли здѣсь въ жаркіе дни подъ тѣнью липы, а крошечный бѣленькій мальчикъ возился передъ ними въ прогрѣтомъ солнцемъ пескѣ... Потомъ они сиживали здѣсь съ Леной вдвоемъ, глядя на кучи песку и вспоминая крошечнаго мальчика... Или выходили сюда передъ

закатомъ солнца и оба задумчиво глядѣли на сверкающій крестъ колокольни. Большіе, сѣро-голубые глаза Лены, тихіе, добрые, чистые и скорбные, отражали въ себѣ всю ея потрясенную до дна душу, полную любви, нѣжной печали и затаеннаго ужаса передъ страшной загадкой жизни... Когда послѣдніе лучи солнца соскальзывали съ креста колокольни и въ воздухѣ вѣяло сыростью, Перикординъ уводилъ жену въ комнаты, а она упрямилась и говорила, что въ комнатахъ чувствуетъ себя гораздо хуже...

Теперь онъ сидитъ здѣсь одинъ подъ голыми вѣтвями липы и смотритъ на бѣлѣющую въ сумеркахъ вершину колокольни, на потемнѣвшее небо, на сѣрый домъ съ антресолями... Смотритъ и вспоминаетъ невольно, какъ онъ послѣ похоронъ вернулся домой. Все было попрежнему—и небо, и колокольня, и домъ, и лужайка,—но онъ ничего не узнавалъ; ему казалось, что все мгновенно умерло,—остались только мертвыя деревья, мертвые камни, мертвый, тяжелый песокъ. Все это притворялось раньше живымъ, какъ хорошо сдѣланныя восковыя фигуры, но дымка разсѣялась, и поддѣлка стала очевидной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его поразила тогда тишина: было много людей, звуковъ, суеты, но звуки эти казались ему страшно тусклыми, тоже какими-то мертвыми, и среди нихъ особенно напряженно выдѣлялась тишина, робкая, оторопѣлая. Даже часовой маятникъ тикалъ какъ-то особенно осторожно, почти пугливо, и все вокругъ дома и внутри дома—стѣны, портреты, неуклюжія кресла, занавѣски на окнахъ,—все замерло въ оторопѣло-испуганномъ ожиданіи какого-то конца, и казалось, что все это отжило свой вѣкъ, никому и ни на что уже не нужно, что надо бросить все это и бѣжать отсюда въ какое-нибудь жилое мѣсто... Но онъ зналъ, что не можетъ бѣжать отсюда: для него было одно только жилое мѣсто—здѣсь, въ этомъ домѣ, на этой террасѣ, на этой лужайкѣ,—и другого у него нѣтъ и не будетъ. И онъ бродилъ весь день по комнатамъ и вокругъ дома, точно отыскивая, не притаилась ли здѣсь гдѣ-нибудь жизнь или хоть слабая тѣнь ея? А когда наступила ночь, онъ заперся у себя въ кабинетѣ и...

IV.

— Александръ Петровичъ! послышался съ террасы старческій, дребезжащій голосъ, прервавшій его воспоминанія.—Это вы тамъ сидите?

— Я.

Старичокъ долго и нерѣшительно спускался съ четырехъ ступенекъ террасы и потомъ, медленно волоча ноги, направился къ бревну. Перикординъ всталъ и пошелъ навстрѣчу этой страшно сгорбленной, кашляющей и качающейся на ходу фигурѣ. Иванъ Онуфріевичъ былъ въ тепломъ пальто и ботикахъ, но съ непокрытой головой. Сѣдые нечесанные волосы свалялись комками на его головѣ, точно комья грязнаго, не успѣвшаго еще растаять снѣга; изрытое безобразными морщинами и давно не бритое лицо напоминало какой-то изрѣзанный оврагами и поросшій сорной травой пустырь.

— Вѣдь нынче... охъ!.. девятый день... промолвилъ Иванъ Онуфріевичъ со вздохами, похожими на стоны. Онъ страдалъ одышкой и едва переводилъ духъ.

— Мы здѣсь... охъ!.. служили панихиду... безъ васъ.

— Да, я долженъ былъ ночевать въ городѣ, иначе я не поспѣлъ бы.

— Вы бы завтра заказали... охъ!.. панихидку-то, а то вѣдь... охъ!.. до двадцатаго дня ждать...

Перикординъ молчалъ. Изъ комнатъ вышелъ Матвѣй Ивановичъ, худой, съ длинной, кривой шеей, на которой уныло моталась маленькая голова.

— А вы бы, папаша, шапку надѣли! сказалъ онъ, подходя стариковской походкой.

На немъ было пальто съ большимъ воротникомъ, теплыя галоши и шапка; руки онъ держалъ глубоко засунутыми въ рукава.

— Про васъ нынче батюшка спрашивалъ... замѣтилъ Иванъ Онуфріевичъ, обращаясь къ зятю, и пошелъ къ бревну, гдѣ кряхтя усѣлся.

Перикординъ помѣстился рядомъ съ нимъ. Матвѣй Ивановичъ пощупалъ бревно и не сѣлъ, а сталъ ходить вдоль него, оставляя на сыромъ пескѣ отпечатки огромныхъ, не по росту, ступней.

— Переспорили? спросилъ Иванъ Онуфріевичъ.

— Кого?

— А на диспутаціи-то нынче? Вѣдь тамъ кто кого переспоритъ...

Перикординъ усмѣхнулся и не отвѣчалъ.

— Папаша, надѣньте шапку: простудитесь! произнесъ Матвѣй Ивановичъ съ раздражительной заботой въ голосѣ.

— Ну, и простужусь. Велика важность! Это тебѣ надо беречь жизнь, а мнѣ зачѣмъ она? Все ужъ было въ жизни, новаго ничего не будетъ: вотъ и умереть бы. Леночка умерла, а мнѣ чего ждать?

Онъ засопѣлъ носомъ и засуетился, стараясь нашарить носовой платокъ въ карманахъ.

— Эхъ, папаша! сказалъ Матвѣй Ивановичъ и еще глубже засунулъ руки въ рукава.

Между тѣмъ Иванъ Онуфріевичъ добрался до платка и, вытащивъ что-то безконечно заношенное, сталъ утирать глаза.

— Платокъ-то у васъ, папаша... замѣтилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Вотъ Леночка... прежде всегда... бывало, перемѣнитъ платокъ.

Глаза его опять наполнились слезами; онъ началъ всхлипывать.

— Эхъ... папаша!

Матвѣй Ивановичъ моталъ головой, дергалъ худыми плечами, вытягивалъ безпомощно свою тощую, искривленную шею и, казалось, употреблялъ всѣ силы, чтобы не разрыдаться.

— Леночкѣ теперь хорошо тамъ... говорилъ сморкаясь старикъ.

— Гдѣ это, тамъ? Подъ мокрой, холодной землей? пробормоталъ сердито Матвѣй Ивановичъ.

— Что ты говоришь? Что ты такое говоришь? заволновался Иванъ Онуфріевичъ и вдругъ перешелъ въ строгій, торжественный тонъ.

— Тамъ, въ землѣ, одна видимость... одна скорлупа... Да. А душа-то ея здѣсь, съ нами. До сорока дней здѣсь, а потомъ улетитъ высоко, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали, ни воздыханья. Тамъ души праведниковъ упокоиваются; а вѣдь моя Леночка праведница,—душа у ней чистая. Да...

Перикординъ смотрѣлъ на тестя такимъ же напряженнымъ, испытующимъ взглядомъ, какимъ недавно смотрѣлъ на Жмурко. Но въ лицѣ Ивана Онуфріевича не было и тѣни того вдохновенья, какимъ горѣлъ Жмурко; красные отъ слезъ глаза старика были тоскливо-мутны, и когда онъ говорилъ о свѣтлой, покойной жизни, ожидающей его дочь, голосъ его звучалъ какъ похоронный колоколъ.

— Вы вотъ вѣрите въ землю, а не вѣрите въ душу... вдругъ обернулся старикъ къ зятю.— Оттого вы и блуждаете, и нѣтъ вамъ счастья, и не будетъ... Да...

Онъ долго говорилъ о вѣчной жизни, о блаженномъ успокоеніи; но ни въ голосѣ его, ни въ изрытомъ страшными морщинами лицѣ, ни въ тусклыхъ глазахъ Перикординъ не видѣлъ жизни; а счастья и спокойствія старикъ никогда не зналъ. Весь свой вѣкъ онъ безпрестанно о чемъ-нибудь тревожился, плакался, безпрерывно чего-нибудь боялся, хотя и вѣрилъ, что даже волосъ безъ Божьей воли не упадетъ съ головы. Онъ зналъ, что все сдѣлается не такъ, какъ мы хотимъ, а какъ Богъ захочетъ; но это не мѣшало ему съ утра до ночи тормошиться, входить во всѣ мелочи хозяйства, слѣдить за работниками и прислугой, всѣхъ подозрѣвать, переполнять свою старую голову и сердце грошевыми расчетами, пустыми страхами, черствыми, мизерными заботами и опасеніями. Ходилъ ли онъ съ кряхтѣньемъ и стонами между косцовъ, поглядывая въ испугѣ на небо, распоряжался ли онъ дома по хозяйству, —вся его фигура говорила, что добра ни откуда ждать нельзя, что вотъ-вотъ все разрушится и пойдетъ прахомъ. И Перикордину казалось, что онъ всю жизнь хлопочетъ уныло на чьихъ-то похоронахъ: хоронитъ сѣно, которое непремѣнно должно сгнить отъ дождей, хоронитъ домъ, готовый ежедневно сгорѣть или рухнуть, хоронитъ работника, который неизбѣжно и въ самомъ скоромъ времени сопьется, хоронитъ самого себя и только удивляется: какъ это онъ до сихъ поръ еще живъ?..

— Иванъ Нуфричъ! послышался съ террасы голосъ кухарки.—Управляющій пришелъ.

— А чего же онъ раньше думалъ? забрюзжалъ Иванъ Онуфріевичъ.—Люди спать, а онъ за дѣлами идетъ? Ужъ не случилось ли чего-нибудь?.. вдругъ испугался онъ и, жалобно кряхтя, всталъ съ бревна.—Эхъ, непремѣнно сгніетъ бревно! Хорошее бревно, а сгніетъ отъ сырости. Я сто разъ говорилъ, что надо подпорки подложить.

V.

Матвѣй Ивановичъ все ходилъ вдоль бревна, накренившись, по своему обыкновенію, набокъ и втягивая шею въ плечи. По верхушкамъ деревьевъ проносился время отъ времени чуть слышный, замирающій шопотъ. На небѣ тускло засвѣтилась одна блѣдная звѣздочка, за ней другая, третья.

Изъ-за колокольни вышла бѣлесоватая луна и освѣтила крестъ своимъ мертвенно-блѣднымъ свѣтомъ...

— Знаете... сказалъ вдругъ послѣ долгаго молчанія Матвѣй Ивановичъ, останавливаясь противъ Перикордина.—Я все думалъ, что мнѣ жалко Лену; а вѣдь мнѣ ея не жалко...

Его лицо казалось при свѣтѣ луны тоже мертвенно-блѣднымъ, маленькая, жидкая бородка тряслась, а губы беззвучно шевелились, точно нашептывая какія-то заклинанія.

— Мнѣ жаль себя, васъ, папашу, а не Лену... говорилъ онъ, низко наклонившись къ Перикордину.—Вѣдь теперь она не боится, а мы боимся...

— Чего? спросилъ Перикординъ, уже угадывая отвѣтъ.

— Жить страшно... жить... прошепталъ Матвѣй Ивановичъ и, какъ бы обезсилѣвъ сразу, присѣлъ на бревно рядомъ съ Перикординымъ.—Одно вѣдь только и есть страшное: жизнь... Я хотѣлъ бы быть камнемъ или вотъ этимъ бревномъ, только бы ничего не чувствовать, ничего не бояться...

Онъ вспомнилъ, что бревно—сырое, торопливо поднялся съ мѣста, подумалъ, потомъ дрожащими руками вынулъ изъ кармана стеклянный мундштукъ, сунулъ въ него клочокъ гигіенической ваты, вставилъ папиросу и закурилъ.

— Папаша вѣритъ въ какую-то безконечную жизнь и желаетъ ея; а я не вѣрю... почти совсѣмъ не вѣрю... И не желаю. Жизнь—это одно безпокойство... Нѣтъ, нѣтъ, гораздо лучше—знать, что придетъ смерть и съ нею все кончится... рѣшительно все. Это такъ просто, такъ пріятно... Это успокаиваетъ... Вонъ ученые говорятъ, что человѣкъ произошелъ изъ протоплазмы... Счастливая эта протоплазма! А чѣмъ дальше отъ нея, тѣмъ все хуже, несчастнѣе—да!..

Онъ затянулся папироской, но убѣдившись, что она потухла, положилъ недокуренную папиросу обратно въ портъ-сигаръ: онъ выкури-

валъ теперь ровно восемь штукъ въ день, и каждый окурокъ поэтому былъ у него на счету... Засунувъ руки въ рукава, онъ опять засѣменилъ вдоль бревна, продолжая говорить обиженнымъ тономъ о жестокостяхъ и ужасахъ жизни, о благодѣяніяхъ смерти, которая одна можетъ успокоить, о томъ, что человѣкъ вѣчно виситъ на волоскѣ надъ какой-то страшной пропастью, ежеминутно готовый сорваться и упасть туда, о мудрецѣ Керимѣ и двухъ мышахъ, непрерывно подтачивающихъ корни жизни... А Перикординъ, слушая его, глядѣлъ въ высившуюся надъ нимъ глубину неба, и ему казалось, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ всматривается и въ глубину внутри себя, такую же неразличимую и бездонную; и ни тамъ, ни здѣсь взглядъ его не могъ остановиться и отдохнуть на чемъ-нибудь такомъ, дальше чего не слѣдовало бы новой глубины, новой неразличимости... Луна, поднявшаяся высоко надъ колокольней, уставилась прямо на Перикордина своими мертвыми глазами и казалась ему эмблемой смерти. Было что-то оцѣпеняющее въ этомъ отжившемъ небесномъ свѣтилѣ, которое съ незапамятныхъ временъ дѣлаетъ свои безцѣльные круги, какъ гигантское кладбище, какъ громадный призракъ смерти, отбрасывающій намъ, живымъ, свой мертвенно - холодный блескъ, это постоянное зловѣщее memento mori...

Вдругъ Перикординъ вздрогнулъ... Матвѣй Ивановичъ стоялъ передъ нимъ и тихонько трогалъ его за плечо.

— А что, если все это существуетъ не такъ, какъ намъ представляется? прошепталъ онъ, точно пугаясь собственныхъ словъ. — Знаете, со мной часто бываютъ кошмары, и тогда вотъ что происходитъ...

Онъ вдругъ умолкъ, стараясь справиться съ своимъ сомнѣніемъ, и нѣкоторое время беззвучно шевелилъ губами. Потомъ онъ сѣлъ на бревно и прижался плечомъ къ Перикордину. Александръ Петровичъ чувствовалъ, какъ по временамъ вздрагивало нервно все его худое, немощное тѣло, отъ котораго, казалось, не исходило никакого тепла...

— Да... Такъ я говорю относительно кошмаровъ... произнесъ Матвѣй Ивановичъ и издалъ при этомъ такой звукъ, точно хлебнулъ какой-то горячей жидкости и обжегъ ротъ.— Тамъ ужаснѣе всего то, что даже самое обыкновенное представляется страшнымъ, зловѣщимъ... Тамъ какой-то совсѣмъ особенный міръ, и я иногда во снѣ думаю: „Вотъ это-то и есть адъ“... Чувствуешь, какъ со всѣхъ сторонъ ползетъ на тебя ужасъ; стараешься проснуться, мотаешь головой, руками... Потомъ представляется, что ты проснулся, но тебѣ все еще страшно... Видишь себя совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, но и тутъ тебѣ жутко, безпокойно... и точно что подстерегаетъ тебя... Сознаешь, что ты еще не совсѣмъ проснулся; опять собираешь всю волю и силишься, силишься проснуться... Это такъ трудно, такъ мучительно... словно лѣзешь на ледяную гору... Но все-таки въ концѣ-концовъ просыпаешься, а между тѣмъ чувствуешь, что еще не совсѣмъ проснулся, потому что опять мерещится что-то тяжелое, противное... И опять бьешься, какъ рыба объ ледъ, чтобы еще разъ проснуться... Наконецъ, ужъ въ самомъ дѣлѣ будишь себя, но и тутъ долго лежишь въ темнотѣ и не понимаешь, гдѣ ты, кто ты и что съ тобой дѣлается, и точно какія-то тѣни ходятъ около тебя... А когда совсѣмъ опомнишься, то первое время не можешь разобрать, было ли все прежнее во снѣ или наяву, гдѣ начинается и гдѣ кончается сонъ, и долго смотришь на себя и на все совершенно другими глазами... И тогда дѣлается страшно не оттого, что видишь что-нибудь страшное, а оттого, что не можешь поручиться ни за себя, ни за...

Матвѣй Ивановичъ остановился съ полуоткрытымъ ртомъ и вопросительно глядѣлъ на Перикордина расширенными глазами.

— Вамъ лѣчиться надо... сказалъ Перикординъ.

Отвѣтъ этотъ какъ будто поразилъ Матвѣя Ивановича своей неожиданностью. Онъ въ недоумѣніи замигалъ и пролепеталъ растерянно:

—Да я вовсе не о томъ... Тутъ не во мнѣ дѣло...

— А въ чемъ же?

Перикординъ зналъ, въ чемъ дѣло, и самъ уже внутренно отвѣтилъ за Матвѣя Ивановича и даже успѣлъ сдѣлать рядъ возраженій на этотъ отвѣтъ; но у него гдѣ-то въ непроницаемой глубинѣ души оставалась надежда, что вдругъ онъ услышитъ нѣчто новое, непредвидѣнное имъ: „Можетъ быть, и въ психической области есть также иксъ-лучи, которые можно увидѣть только при исключительныхъ обстоятельствахъ?“ Впрочемъ, онъ тутъ же мысленно усмѣхнулся...

— Я вотъ что хотѣлъ... говорилъ съ натугой Матвѣй Ивановичъ, морщась отъ напряженія и потирая лобъ. Онъ какъ будто забылъ, съ чего началъ и къ чему велъ рѣчь... Къ тому же его опять начала смутно безпокоить сырость бревна. Онъ поднялся, ощупалъ рукой мѣсто, гдѣ сидѣлъ, и еще разъ убѣдившись, что бревно сыровато, сталъ торопливо ходить съ видомъ человѣка, старающагося согрѣться. Долго слышалось въ тишинѣ шмурыганье его галошъ и его стариковское покряхтыванье. Наконецъ, онъ собрался съ мыслями, и тогда вся фигура его сдѣлалась странно-таинственной.

— Александръ Петровичъ... сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.—А что, если мы съ вами и теперь спимъ? Можетъ быть, намъ необходимо сдѣлать усиліе, чтобы проснуться? Можетъ быть, это страшно трудно, но если мы сдѣлаемъ его, тогда вдругъ все увидимъ совсѣмъ въ другомъ видѣ?..

Перикординъ уже понималъ, и по губамъ его уже скользила та усмѣшка, которую часто видѣли у него за послѣднее время: смѣялись по старой памяти однѣ его губы, а глазамъ было не до смѣха. Какъ будто губы отвѣчали одному собесѣднику, а глаза—другому.

— Мнѣ, видите ли, все такія странныя мысли приходятъ въ голову... продолжалъ Матвѣй Ивановичъ, придвигаясь вплотную къ Перикордину.

— Я вамъ скажу откровенно... Я знаю, что вы не вѣрите; но я все-таки скажу вамъ..

Онъ сдѣлалъ жестъ, видимо, желая дотронуться до Перикордина, но не рѣшился, а только прижалъ свою ногу еще тѣснѣе къ его ногѣ.

— Я вѣдь тоже не вѣрю... Но когда я тушу на ночь свѣчку, я каждый разъ думаю: „Вотъ стало темно, огонь пропалъ куда-то; вѣдь если бы онъ не пропалъ, его было бы видно въ темнотѣ". Не правда ли? Но его нигдѣ не видно. Потомъ я чиркнулъ спичкой—и опять огонь, опять свѣтло. Откуда же онъ взялся? Если бы я не зналъ, что онъ берется изъ спички, я бы никогда не повѣрилъ, что въ темнотѣ скрывается огонь. Не могъ бы даже вообразить себѣ... Вотъ такъ, можетъ быть, и душа: она исчезла, ея нигдѣ не видишь, не слышишь,— а вдругъ она здѣсь же гдѣ-нибудь скрывается, какъ огонь въ спичкѣ? Огонь мы знаемъ и не удивляемся, потому что сами сколько разъ зажигали; а душу мы не знаемъ, потому что мы сами никогда не зажигали ее... т. е., я хотѣлъ сказать... Вамъ смѣшно?

— Нисколько.

— Хотѣлъ сказать... Если въ темнотѣ можетъ существовать огонь, котораго мы не видимъ, то и въ пустотѣ можетъ скрываться жизнь... только мы не знаемъ ея... не замѣчаемъ... А она, можетъ быть,—вотъ здѣсь, возлѣ насъ... въ этомъ пескѣ, въ этомъ бревнѣ, въ воздухѣ... во всемъ? А? Что, если это такъ и есть? Что, если?.. Страшно подумать объ этомъ.

Его голосъ становился похожъ на невнятный шопотъ листьевъ вверху, то разрастающійся, то замирающій, всегда тревожный, недоговоренный, неуловимый... Матвѣй Ивановичъ умолкъ, точно самъ растерялся и остолбенѣлъ отъ собственныхъ словъ. Вверху со всѣхъ сторонъ пронесся шелестъ и какъ будто исчезъ гдѣ-то вдали; казалось, пролетѣло невидимое существо и бросило на лету нѣсколько таинственныхъ словъ, похожихъ на вздохъ.

Перикординъ вздрогнулъ и порывисто всталъ съ мѣста, такъ что Матвѣй Ивановичъ въ испугѣ отступилъ.

— Я пойду къ себѣ... пробормоталъ Перикординъ, странно волнуясь.—Я, знаете, усталъ сегодня. И вообще... Покойной ночи!

Матвѣй Ивановичъ проводилъ его перепуганными глазами, и вдругъ ему сдѣлалось страшно при мысли, что онъ стоитъ здѣсь одинъ, а луна заливаетъ его свѣтомъ. Онъ втянулъ голову въ плечи и въ страхѣ побѣжалъ къ террасѣ, выкрикивая задыхающимся голосомъ:

— Александръ Петровичъ! Александръ Петровичъ!..

VI.

Перикординъ вошелъ въ большую, неуклюжую, оклеенную свѣтло-сѣрыми обоями, комнату, гдѣ былъ устроенъ его кабинетъ. Онъ заперъ за собою дверь, задернулъ на окнахъ бѣлыя занавѣски, зажегъ лампу и присѣлъ къ старому, тяжелому, покрытому пылью, письменному столу.

На столѣ стояла, въ рѣзной рамкѣ, карточка покойнаго сына: бѣленькій, пухленькій ребенокъ въ одной рубашкѣ, съ полуоткрытымъ ротикомъ, съ серьезнымъ и добрымъ личикомъ. Надъ столомъ висѣлъ на стѣнѣ большой портретъ Лены: удивительно ласковое, задумчивое лицо съ нѣжнымъ оваломъ, слегка сбившаяся прическа, простенькое темное платье. Тутъ было хорошо схвачено характерное для Лены выраженіе, когда она, раскрывъ широко свои сѣро-голубые глаза и приподнявъ брови, останавливала на комъ-нибудь свой добрый, довѣрчивый взглядъ, устремленный какъ будто въ самую душу. Глаза эти смотрѣли со стѣны какъ живые: при видѣ ихъ на душѣ дѣлалось свѣтлѣе, и такъ и хотѣлось заговорить о чемъ-нибудь хорошемъ...

Перикординъ сидѣлъ въ томъ самомъ креслѣ, которое давно еще вкатили сюда нарочно для Лены. Она любила сидѣть тутъ по вечерамъ: мужъ работалъ, а она читалъ или шила. Она даже перенесла сюда всѣ свои любимыя книги, альбомы, картины. Часто, перемогаясь она вставала съ постели и тайкомъ приходила сюда изъ своей комнаты, чтобы посидѣть въ этомъ креслѣ. И теперь все осталось здѣсь такъ, какъ было при ея жизни: и длинное кресло, и книги, и картины Лены, и даже какое-то вязанье, давнымъ - давно заброшенное ею. На лампѣ тотъ же зеленый абажуръ, сдѣланный собственноручно Леной и очень удобный для глазъ; въ раскрытой книгѣ лежитъ закладка, вышитая ею за полгода до смерти. Когда она умерла, прислуга, по распоряженію Ивана Онуфріевича, хотѣла завѣсить портретъ Лены или повернуть его къ стѣнѣ, но Перикординъ не позволилъ прикоснуться къ портрету, и онъ продолжалъ висѣть такъ же, какъ и при жизни Лены, и такой же лаской свѣтились со стѣны ея прекрасные, нѣжные глаза.

Перикординъ сидѣлъ и ждалъ, когда въ домѣ водворится полная тишина. Издали отчетливо доносилось щелканье на счетахъ и брюзжащій голосъ Ивана Онуфріевича, который подсчитывалъ кухарку. На антресоляхъ, почти надъ головой Перикордина, поскрипывали половицы: это ходилъ Матвѣй Ивановичъ, дѣлая на ночь моціонъ, чтобы не было кошмара. Наконецъ онъ угомонился; слышно было, какъ онъ укла-

дывается въ постель... А Иванъ Онуфріевичъ все еще спорилъ съ кухаркой.

— Да куда же дѣвается молоко? слышался его голосъ, и сердитый, и плачевный, и испуганный.—Никто не пьетъ, а молока нѣтъ!

— А вы посчитайте хорошенько! твердила кухарка.—Анъ, обознались!

Иванъ Онуфріевичъ долго охалъ, щелкалъ костяшками; потомъ заскребъ ногами по полу, и Перикординъ понялъ, что тотъ идетъ къ нему за совѣтомъ. Онъ шелъ медленно-медленно, съ покашливаніемъ и вздохами, болѣе похожими на стоны, и слышно было, что онъ несетъ въ рукахъ счеты.

— Александръ Петровичъ! окликнулъ онъ жалобно.

Перикординъ, вмѣсто отвѣта, погасилъ лампу.

— Вы спите?

Перикординъ сидѣлъ не шевелясь и молчалъ. Старичокъ, тяжело дыша, постоялъ у двери.

— Куда молоко дѣвается? сказалъ онъ самъ себѣ слезливо и заскребъ ногами обратно.

Когда въ домѣ наступила могильная тишина, Перикординъ всталъ съ кресла и пересѣлъ на диванчикъ у противоположной стѣны, какъ разъ противъ портрета. Лунный свѣтъ, пробираясь сквозь вѣтви деревьевъ и черезъ занавѣшенныя окна, прихотливо рисовалъ свѣтлые узоры на полу, на столѣ, на креслѣ. Они колебались вмѣстѣ съ колебаніемъ вѣтвей, измѣняясь въ то же время по мѣрѣ того, какъ передвигалась луна, и эта безмолвная жизнь тѣней нравилась Перикордину. Ему рисовался особый міръ безмолвія, полный своеобразной жизни, о которой не имѣютъ никакого понятія среди шума и сутолоки обыденнаго существованія. Тамъ, среди безмолвія, нѣтъ ни яснаго свѣта, ни яснаго звука, ни дней, ни ночей. ни временъ года, ни возраста, ни разстоянія. Тамъ видятъ не глазами и слышатъ не ушами, а ощущаютъ предметы и звуки внутреннимъ существомъ; тамъ мысль не упирается въ каменныя стѣны, поставленныя со всѣхъ сторонъ для человѣческаго ума, а просвѣчиваетъ сквозь нихъ въ безконечность; тамъ чувство не знаетъ ни разлуки, ни смерти, ни деревенящей привычки, ни утомленья, а свободно льется черезъ всѣ преграды вѣчно свѣжей, вѣчно глубокой волной.

— Ну, вотъ теперь мы опять одни съ тобой, Лена... сказалъ Перикординъ, обращаясь къ портрету.

Онъ не зналъ, вымолвилъ ли онъ это вслухъ или только подумалъ; онъ зналъ только, что сейчасъ будетъ такъ, какъ было вчера и позавчера и всѣ эти ночи. Онъ видѣлъ, какъ при словѣ *Лена* рѣсницы на ея глазахъ дрогнули, и она сдѣлала неуловимое движеніе, совершенно такое же, какъ вотъ эта лунная полоса на стѣнѣ.

— Теперь намъ, Лена, никто не помѣшаетъ...

Лена сидѣла уже въ своемъ креслѣ, въ своей обычной позѣ, со своимъ вязаньемъ въ рукахъ.

— Вотъ такъ... Хорошо... сказалъ Перикординъ.—Я вѣдь знаю, что ты не покинешь меня, Лена. Я помню: когда ты умирала, твои глаза, твое лицо, все твое измученное тѣло говорили мнѣ, что если въ тебѣ еще бьется остатокъ жизни, если ты находишь еще силу бороться за послѣднюю искру жизни, то потому только, что въ твоей душѣ дрожитъ тревога за меня, что тебѣ жаль покинуть меня... и послѣдній твой взглядъ говорилъ мнѣ, что ты все-таки будешь со мной... Вѣдь такъ, Лена?.. Такъ?

Лена чуть замѣтно кивнула головой, и Перикординъ услыхалъ ея слабый, мелодичный голосъ. Тембръ ея голоса звучалъ такой музыкой, что слова, произносимыя ею, стушевывались передъ красотой звука, и оставалось только чувство, что она сказала что-то удивительно прекрасное и задушевное...

— Лена, вѣдь я знаю, что ты не болѣе, какъ моя мечта... медленно говорилъ Перикординъ, какъ бы вдумываясь въ смыслъ каждаго своего слова и провѣряя его.—Мертвые не встаютъ изъ гробовъ, и призраки живутъ только въ воображеніи... Но мнѣ нужна эта моя мечта, какъ воздухъ, котораго мы не видимъ, не осязаемъ, но безъ котораго задыхаемся... То, что я вижу, слышу, осязаю,—умерло для меня; а то, что умерло, что существуетъ только, какъ отраженіе больного мозга,—влечетъ меня къ себѣ какими-то чарами. Не странно ли, Лена, что я живу теперь тѣмъ, что само не живетъ, чего вовсе нѣтъ ни въ природѣ, ни...

Онъ вдругъ выпрямился на диванѣ и замеръ, смотря на кресло: оно было пусто, и только лунная полоса неслышно скользила по его спинкѣ...

— Лена! вскрикнулъ съ тоской Перикординъ.—Зачѣмъ ты ушла отъ меня?

Съ портрета глядѣло на него неподвижное, грустное лицо, странно-загадочное и чуждое всему... За занавѣской билась въ тревогѣ по стеклу ночная бабочка, и такъ же тревожно колотилось сердце въ груди Перикордина... Серди глубокой тишины онъ слышалъ собственное прерывистое дыханіе, и ему представлялось, что въ немъ кто-то беззвучно рыдаетъ... Мертвая луна глянула поверхъ занавѣски въ комнату, заблестѣла на мѣдномъ отдушникѣ... Матвѣй Ивановичъ судорожно заворочался; кровать нѣсколько разъ жалобно простонала; потомъ опять все смолкло...

Холодъ одиночества пахнулъ на Перикордина. Это было почти физическое ощущеніе, отъ котораго онъ вздрогнулъ и съежился. Тоскливымъ, долгимъ взглядомъ обвелъ онъ комнату: стѣны, вѣчно одинаковыя, недвижныя, бездушныя, тупо глядѣли на него со всѣхъ сторонъ, твердя ему на своемъ деревянномъ языкѣ все одно и то же, одно и то же: „Вотъ ты сп-

дишь здѣсь и чего-то ждешь; а она лежитъ въ могилѣ, — значитъ, все кончено, и нечего тутъ ждать. Все это очень просто"...

— Лена, Лена! взмолился Перикординъ.

Ему показалось, что вѣки ея опять дрогнули, а губы какъ будто шевельнулись. Широко раскрывъ глаза, онъ жадно всматривался въ ея лицо; и чѣмъ больше всматривался, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что это просто портретъ въ черной рамкѣ за стекломъ; онъ даже вспомнилъ невольно, при какихъ обстоятельствахъ былъ снятъ этотъ портретъ...

Снова холодная волна одиночества хлынула ему въ душу; снова уставились на него деревяннымъ взглядомъ безсмысленныя стѣны... „Лена! Лена!" шепталъ съ отчаяніемъ Перикординъ, не чувствуя, какъ холодныя слезы ползутъ по его щекамъ... Вдругъ онъ вздрогнулъ, точно отъ толчка, и взглянулъ затуманившимися отъ слезъ глазами на кресло... „Лена!"...

Она сидѣла на креслѣ въ той же позѣ, съ тѣмъ же вязаньемъ въ рукахъ, и въ упоръ смотрѣла на него глубокимъ, проникновеннымъ взглядомъ.—„Сплю я или не сплю?" спросилъ себя Перикординъ.—„Да вѣдь это все равно, это безразлично!" тотчасъ же отвѣтилъ онъ себѣ, чувствуя, какъ и нѣжность, и радость, и теплота жизни вливаются въ его сердце...

— Ты опять со мной, Леночка! говорилъ онъ торопливо, голосомъ, дрожащимъ отъ неожиданнаго, переполнившаго его сладкаго чувства.—Такъ хорошо смотрятъ на меня твои добрые, вдумчивые глаза... Ты не уходи... Дай мнѣ высказать тебѣ... Я вѣдь многаго еще не успѣлъ сказать... Ты знаешь, Лена, какъ я любилъ тебя; но теперь мнѣ кажется, что я мало любилъ и мало сказалъ тебѣ... Я жилъ, не замѣчая времени,—а вѣдь оно прошло, прошло!.. О, если бы ты знала, какъ меня мучитъ, что я самаго важнаго не договорилъ тебѣ!..

Лена не двигалась и продолжала молчать, но ея большіе, прозрачные глаза свѣтились нѣжнымъ участіемъ и нѣжной печалью...

— Ты, Лена, была мнѣ всегда страшно близка... съ первой минуты нашей встрѣчи. Ты понимала меня безъ словъ... Понимала даже лучше, чѣмъ я себя понималъ... Ты угадала во мнѣ чуткимъ сердцемъ то, что было скрыто отъ меня... Давно ли я гордился тѣмъ, что все взвѣсилъ, измѣрилъ, подсчиталъ, продумалъ и заковался въ непроницаемую броню?.. А вотъ теперь я точно голый на морозѣ... Я растерялся въ самой глубинѣ своего существа, Лена!.. Меня терзаетъ мысль, что я не могу вернуть тебя хоть на минуту, спросить тебя... Невыносимо больно сознавать это!.. Чего я ждалъ, когда ты была со мной?

— Вѣдь надо было дорожить каждой минутой... Мы были съ тобой друзьями, но, Боже мой, какою ничтожной кажется мнѣ наша близость передъ тою, какая мнѣ теперь открылась! Я вижу по твоимъ глазамъ, я чувствую, что ты ушла отъ меня, не сказавъ мнѣ самаго важнаго, самаго завѣтнаго... Ты пыталась высказать мнѣ это передъ смертью—и не могла; а я не могъ понять тебя безъ словъ. Ты мучилась этимъ,—и сколько тоски было въ твоихъ меркнущихъ глазахъ!.. Скажи мнѣ теперь, Лена, то, чего не могла сказать на смертномъ одрѣ!.. А если не можешь говорить, дай мнѣ почувствовать твою душу,—теперь я умѣю безъ словъ понимать...

За дверью послышался шорохъ. Кто-то пытался отворить ее и испуганно дышалъ.

— Кто тамъ? спросилъ Перикординъ и самъ не узналъ своего голоса.

— Отоприте!...

— Что такое?..

— Отоприте, ради Бога!

Перикординъ всталъ, какъ во снѣ, и отперъ дверь. Передъ нимъ стоялъ съ искаженнымъ отъ страха лицомъ Матвѣй Ивановичъ. Онъ былъ въ пальто и туфляхъ, надѣтыхъ на босыя костлявыя ноги, и держалъ передъ собою свѣчку, которая прыгала въ его рукѣ и заплывала стеариномъ...

— Я боюсь... произнесъ онъ голосомъ, полнымъ ужаса.—У меня опять кошмаръ былъ... Я проснулся весь въ поту... Все лежалъ съ зажженной свѣчкой... Такая страшная тишина... И все шорохи какіе-то: точно кто подкрадывается. А я одинъ тамъ, наверху... Вышелъ на балконъ: въ саду какія-то тѣни... Мнѣ показалось, что бревно шевелится...

— Какое бревно?

— На которомъ мы сидѣли... Такое огромное, тяжелое, а волнуется, какъ вода. Это, должно быть, мѣсяцъ освѣщаетъ его,—вотъ и представляется...

Матвѣй Ивановичъ взглянулъ на Перикордина, и ему показалось, что тотъ спитъ съ открытыми глазами.

— Вы тутъ въ темнотѣ? пробормоталъ онъ, дрожа мелкой дрожью и не зная, что сказать.—А я пришелъ къ вамъ... Мнѣ страшно... Я не могу одинъ... Я посижу тутъ...

Онъ пролѣзъ въ дверь мимо Перикордина, поставилъ свѣчку на столъ и почти упалъ въ кресло.

— Куда вы садитесь? крикнулъ было Перикординъ, но сейчасъ же опомнился и началъ угрюмо ходить изъ угла въ уголъ, потирая грудь и не глядя на Матвѣя Ивановича.

— Мнѣ послышалось, что здѣсь у васъ кто-то мычитъ или стонетъ... говорилъ тотъ, вглядываясь тревожно въ Перикордина.—Странное такое мерещилось... Вотъ папаша говорилъ, что будто бы душа до сорока дней... Не надо было говорить этого на ночь. Онъ-то вонъ спитъ, а я...

— Вы *ея* боитесь? рѣзко спросилъ Перикординъ.

— Да... прошепталъ чуть слышно Матвѣй Ивановичъ и невольно осмотрѣлся по сторонамъ.

Перикординъ покосился съ презрѣніемъ на жалкую, костлявую фигуру, сидѣвшую съ поджатыми ногами въ креслѣ, и произнесъ брезгливо:

— Идите спать!..

— Нѣтъ, нѣтъ... Я не могу... залепеталъ Матвѣй Ивановичъ, выкатывая въ испугѣ свои голубые, словно поблѣднѣвшіе глаза, всегда такіе наивные, безпомощные.—Не прогоняйте меня, а то у меня сердце лопнетъ... Я посижу у васъ... Я... Право, вы бы лучше завѣсили портретъ... Я, конечно, не вѣрю въ это, а все-таки думается... Ахъ, ужъ поскорѣй бы утро наставало!.. Вы ложитесь?.. Господи, какъ же я теперь?.. Посидите со мной, ради Бога!.. У меня все дрожитъ внутри... Александръ Петровичъ! Александръ Петровичъ!..

Но Перикординъ уже лежалъ, скорчившись на маленькомъ диванѣ и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

VII.

Ему казалось, что онъ идетъ по безконечной обледенѣлой пустынѣ, идетъ давно, томительно долго. Странно и угрюмо то, что его окружаетъ. Какіе-то не то камни, не то куски льду; какія-то гробницы или развалины. Нигдѣ ни звука. Тишина, полная жути.

Кругомъ повсюду безконечная сумрачная пустота, заполняющая вселенную. Среди нея тамъ и сямъ загораются свѣтлыя точки, безсильныя освѣтить мглу: вспыхиваютъ и потухаютъ, опять вспыхиваютъ и опять потухаютъ. А грозная пустая мгла, всегда одинаковая, безъ начала, безъ конца, безъ предѣла, молчаливая и безстрастная, объемлетъ собою все и даже не замѣчаетъ искръ, тлѣющихъ на ея необъятномъ полѣ.

Оторопѣвъ въ ужасѣ отъ зрѣлища холоднаго пустого сумрака, Перикординъ спѣшитъ впередъ: ему кажется, что тамъ, за горизонтомъ, блеснетъ для него животворящій лучъ.

Съ тоской вспоминаетъ онъ о лучахъ солнца, о молодой, свѣжей зелени, о быстрыхъ серебристыхъ рѣкахъ. Ему кажется, что онъ видѣлъ все это когда-то давно-давно, въ раннемъ дѣтствѣ... или, можетъ быть, просто во снѣ. Ахъ, если бы хотя одинъ разъ еще увидѣть залитое солнцемъ небо!

Но все кругомъ сумрачно, неподвижно, мертво. И чѣмъ дальше, тѣмъ безотраднѣе мгла... Но ужаснѣе всего то, что не видно ни одного живого существа. Есть только деревья, камни, песокъ: мертвыя деревья, мертвые камни, мертвый песокъ. Быть можетъ, они были когда-то живыми, а теперь ихъ покрыла ледяная кора.

Выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, Перикординъ все идетъ, идетъ, падаетъ на мерзлую землю, встаетъ и опять идетъ. Ему хочется убѣжать отъ этого зрѣлища смерти, встрѣтить хоть тѣнь жизни, притаившейся гдѣ-нибудь въ глубокомъ ущельи, подъ камнями, среди льда. И вотъ въ узкой ледяной трещинѣ онъ замѣтилъ безобразное пресмыкающееся, распластанное на обледенѣлыхъ камняхъ. Задыхаясь отъ восторга, онъ бросается къ нему, жадно ищетъ въ немъ движенія жизни, уцѣлѣвшей какимъ-то чудомъ среди безпредѣльнаго холода смерти, и убѣждается съ содраганіемъ, что это жалкое, уродливое существо давно заледенѣло, какъ и все кругомъ.

Тогда онъ понялъ, что нѣтъ ни солнца, ни тепла, ни жизни, что все это онъ видѣлъ только въ дѣтскомъ радостномъ снѣ. Не существуетъ ничего, кромѣ мертвой земли, схоронившей въ своихъ нѣдрахъ все живое, и мертвой зіяющей пустоты, что пройди онъ милліоны, билліоны, трилліоны верстъ, вездѣ неизмѣнно будетъ царить холодное *ничто*, что блестки, искрящіяся тамъ и сямъ въ невообразимой дали, это только смутное воспоминаніе видѣнныхъ давно-давно сновъ.

И когда онъ понялъ это, онъ почувствовалъ, что и самъ начинаетъ леденѣть. Онъ хотѣлъ въ ужасѣ бѣжать, но ноги не повиновались ему: онъ уже не ощущалъ въ нихъ жизни. Тогда въ отчаяніи легъ онъ на мерзлую землю и, закрывъ глаза, покорно отдался леденящему дыханію смерти.

Но вдругъ изъ темной, неразличимой глубины его замирающей души смутно зазвучалъ голосъ, говорящій ему, что вѣдь это только сонъ, что есть и жизнь, и солнце, и много дорогого, прекраснаго, что надо сдѣлать усиліе, разбудить себя, и тогда... „Проснуться, поскорѣй проснуться!“

Онъ напрягъ всю свою волю и съ безконечной радостью почувствовалъ, что просыпается. Еще одно усиліе, и онъ увидѣлъ себя лежащимъ въ своей комнатѣ на диванѣ.

Попрежнему свѣтила луна, отражаясь на мѣдномъ отдушникѣ; все также колебались тѣни на полу и стѣнахъ, и Лена, какъ прежде, сидѣла въ своемъ креслѣ, смотря на Перикордина пристальнымъ, проникновеннымъ взглядомъ.

— Боже мой, какой ужасный сонъ я сейчасъ видѣлъ, Лена! сказалъ онъ задыхаясь, и голосъ его показался ему какимъ-то жалобно-дѣтскимъ, точно младенецъ, проснувшись ночью, зоветъ мать или няню. — Мнѣ снилось, будто все мертвое. А вотъ теперь я проснулся и вижу, что все живо... даже то, что умерло. Вѣдь такъ, Лена? Я знаю, что ты живешь, что ты чувствуешь меня. Ты умерла только для того, чтобы съ новой силой ожить для меня. Я опустилъ твое бездыханное тѣло въ могилу, но принялъ тебя въ свою душу, и ты живешь теперь въ ней.

— Ты живешь во мнѣ, со мною, кругомъ меня.. Я тобой дышу, тобой движусь. Твой образъ съ каждымъ днемъ растетъ для меня... Вся эта комната, каждая мелочь въ ней, самыя стѣны—все полно тобой. Ты умерла для того, чтобы твой образъ, твоя душа, любовь, все

сказанное и все невысказанное тобой, все, къ чему ты прикасалась, во что вложила хоть малѣйшую частицу души своей,—чтобы все это сдѣлалось для меня священнымъ! И не только священнымъ, но и полнымъ невѣдомой мнѣ доселѣ жизни, потому что оба вы—ты и нашъ ребенокъ—живы, живы! Я знаю, я чувствую это... И вы оба чувствуете это! Взгляни на сына: видишь, онъ улыбается, онъ пошевелился... Андрюша... малютка мой... милый мой мальчикъ, пойди ко мнѣ!

И вотъ ребенокъ уже выставился изъ рамки, онъ растетъ, дышетъ, смѣется беззвучно, протягиваетъ ручонки... Вотъ ужъ ясно видно все его личико, съ поразительно нѣжной кожей, съ нѣжными, бѣлыми волосиками, съ ямочками на щекахъ. Вотъ ужъ онъ совсѣмъ большой, живой, идетъ по столу. Вотъ уже мать съ радостной улыбкой простираетъ къ нему руки... Вотъ онъ уже на самомъ краю стола... Господи, да онъ упадетъ сейчасъ!..

Перикординъ съ крикомъ бросился къ ребенку, готовый схватить его, и... проснулся.

VIII.

Раннее бѣлое утро глядѣло сквозь занавѣски. Свѣча сгорѣла до тла, и въ комнатѣ носился смѣшанный запахъ жженой бумаги и стеарина. Матвѣй Ивановичъ спалъ въ креслѣ, свѣсивъ голову набокъ и открывъ ротъ.

Перикординъ посмотрѣлъ на его блѣдное, землистое лицо, со слипшимися на лбу волосами, на изсохшую кривую шею, на оголенныя ноги со впадинами около лодыжекъ отъ худобы, на всю его конвульсивно скрючившуюся въ креслѣ фигуру, потомъ обвелъ глазами комнату, взглянулъ на неподвижный портретъ, на деревянныя неподвижныя стѣны, выступившія при утреннемъ свѣтѣ во всей своей наглой ясности,—и понялъ, что онъ окончательно проснулся и что ему некуда спастись отъ ужасающей очевидности. Бѣлый, безпощадный свѣтъ дня окутывалъ собою все, какъ огромный саванъ, и сквозь прозрачную бѣлизну его смотрѣла со всѣхъ сторонъ неумолимая, бездушная смерть...

Перикординъ съ отвращеніемъ зажмурилъ глаза, но дневной свѣтъ, усиливаясь съ каждой минутой, проникалъ къ нему черезъ закрытыя вѣки и, казалось, забирался холодной струей ему подъ платье.

Перикординъ простоналъ, какъ отъ физической боли. „О, этотъ ненавистный свѣтъ, эта безпощадная ясность, созданные для того только, чтобы мы воочію видѣли всемогущую власть смерти и собственное безсиліе, невозвратимость нашихъ потерь и безнадежность нашихъ желаній! Я не хочу такого свѣта, я не принимаю его... Но что я могу сдѣлать противъ него? Закрыть глаза? ослѣпнуть? Но этотъ ясный, всепроникающій свѣтъ сидитъ уже въ глубинѣ моего существа, моего мозга и освѣщаетъ передо мной весь путь, ведущій къ могиламъ. Онъ не позволяетъ мнѣ повѣрить въ мечту, укрыться въ спасительную тѣнь грезы; онъ освѣщаетъ передо мной всѣ уголки существующаго, всѣ складки собственной моей души, всему придаетъ мертвенно-опредѣленныя очертанія и отовсюду рѣжетъ мнѣ глаза мертвымъ остовомъ. Я вижу, я сознаю съ проклятіемъ, что отъ моей Лены остался только вотъ этотъ ничтожный кусокъ холста, что и она и это крошечное созданье, едва выглянувшее въ жизнь, покрыты навсегда безсмысленной, неподвижной, покорной одному заступу землей; что жизнь ихъ навѣки исчезла, какъ звукъ, замирающій вдали. Я знаю, что и самъ я, какъ вотъ этотъ живой мертвецъ, спящій въ креслѣ, началъ уже разрушаться внутренно, и жизнь быстро тускнѣетъ во мнѣ и будетъ тускнѣть до тѣхъ поръ, пока не порвется гнилая нитка, привязывающая меня къ существованію. Теперь я знаю, что нѣтъ спасенія отъ этой мертвящей душу, неподкупной, неизмѣнной, непоколебимой ясности, ужасной для всего живого: все такъ очевидно и просто... и такъ ничтожно. Нельзя уйти изъ-подъ власти неподвижныхъ голыхъ стѣнъ, заточившихъ въ себѣ навѣки и душу и жизнь. О, этотъ ненавистный свѣтъ!“

Перикординъ вскочилъ съ дивана и принялся съ лихорадочной поспѣшностью закрывать, чѣмъ попало, окна, проклиная лѣзущее во всѣ щели солнце, и ясное утреннее небо, вѣчно далекое, вѣчно холодное, и равнодушныя стѣны, неизмѣнныя въ своей оскорбительной мертвой неподвижности. А Матвѣй Ивановичъ тихонько нылъ во снѣ и безпомощно моталъ головой, силясь проснуться.

Н. Тимковскій.

ВЪ НЕУРОЧНОЕ ВРЕМЯ.

Шестерни перебора журчатъ пѣвуче и однообразно, и точно убаюкать хотятъ меня.

Я усталъ, страшно усталъ,—уснуть бы теперь... или хоть растянуться вотъ на этомъ грязномъ верстакѣ.

Склонившись надъ суппортомъ станка, я перестаю видѣть, хотя смотрю широко раскрытыми глазами.

Вверху, надъ головой, мягко шумитъ валъ, унизанный шкивами; слѣва слабо стонетъ машина и, кажется, все дальше, все глуше...

— Ауа... Ауа... предательски поютъ шестерни.

Глаза мыкаются крѣпче, тѣснѣе.

— Нѣтъ, надо думать о чемъ-нибудь,— напряженно такъ. О чемъ? О чемъ же думать? Ни одной мысли!

... Я дома. Отецъ давно уже храпитъ на кровати.

Мать колышетъ въ зыбкѣ братишку Костю и тихо напѣваетъ что-то однообразное и ласкающее,—я даже слышу:

— Ауа!.. Ауа!..

И задумчиво смотритъ на огонь жестяной лампочки. Поздно. Я склонился надъ столомъ и совсѣмъ положилъ голову на задачникъ. Мнѣ такъ хорошо, такъ покойно на душѣ...

— Сашенька! Саша, иди спать, голубчикъ! тихо окликнула мать.

Я вздрогнулъ, поднялъ голову и оглянулся кругомъ,—пусто: въ небольшой мастерской работаю только я; другіе пять станковъ стоятъ, точно застыли въ угрюмыхъ думахъ. Лампа свѣтитъ скупо, и всюду тѣни, особенно по угламъ, и безъ того закопченнымъ,—онѣ такія страшныя... Не даромъ Козубко говоритъ, что видѣлъ разъ Гаврилова, убитаго въ прошломъ году сорвавшимся шкивомъ.

Я кажусь такимъ заброшеннымъ, одинокимъ... Мнѣ чудится, что сзади меня стоитъ „нѣчто", которое грозится уничтожить меня. Я знаю, знаю, что тамъ ничего нѣтъ, и—оборачиваюсь.

Легкой зыбью пробѣжала по спинѣ и ногамъ дрожь. Я взялъ кронциркуль и съ дѣланно-спокойнымъ видомъ помѣрилъ скалку.

Скоро полночь. Работать еще часа три.

Цѣлыхъ три часа!

Прошелъ мастеръ, здоровый и надушенный, въ свѣжемъ инженерскомъ мундирѣ,—вѣроятно, несетъ городу дань... зашелъ сюда мимоходомъ, приказать поторопиться.

Ну, что жъ?! Скоро и я кончу работу и до шести часовъ утра перестану быть токаремъ за № 76.

Да, цѣлыхъ четыре часа я буду... тоже личностью! Ха... ха!..

Я нервно началъ ходить около станка.

Э-эхъ... выпить бы теперь!

Больно. Хочется крикнуть, какъ крикнулъ бы со дна глубокаго колодца упавшій туда... Потомъ все приходитъ въ тупой порядокъ, и мнѣ хочется только уснуть, забыться.

Изъ кузницы, сквозь дверь, сюда вдругъ ворвалась полоса яркаго свѣта и послышались быстрые, звонкіе удары. И тотчасъ же, тяжело торопясь, раздались размѣренныя уханья большого молота.

— Тра-та, ти-та! Тра-та, ти-та! смѣясь и точно поддразнивая, прыгалъ ручникъ кузнеца Мотылева.

— Гупп!.. Гупп!.. важно, но, слышно, нервно садитъ „максимка", и будто догоняетъ онъ пустомелю ручника и злится, что не догонитъ. Отъ каждаго удара тяжелаго молота брызжутъ искры съ добѣла раскаленнаго желѣза, и дрожитъ сарай-депо.

— Скорѣй! скорѣй! ну! хрипло выкрикиваетъ Мотылевъ и все учащаетъ удары. Квадратное лицо, заросшее курчавыми, когда-то черными волосами, всегда сбитыми въ копну, кажется злымъ.

— Живѣй!

Рындя чуть замѣтно повелъ густыми бровями и плотно сжалъ губы.

— Гуп! Гуп! Гуп! уже стонетъ наковальня.

Высокій и стройный, Рындя плавно и граціозно покачивается и будто безъ всякихъ усилій, играючи, описываетъ широкіе круги тридцатифунтовымъ молотомъ и шлетъ ударъ за ударомъ на раскаленную полосу. Круглая голова, съ чистымъ лбомъ, забѣжавшимъ съ боковъ назадъ, слегка запрокинулась и оттого кажется, что и смотритъ онъ на наковальню съ презрѣніемъ и бьетъ-то по желѣзу изъ милости.

Не даромъ онъ пользуется славой отличнаго молотобойца: онъ артистъ своего несложнаго дѣла. Говорятъ, что въ большой мастерской его не надолго хватило бы; но не зря болтаетъ и старый Мотылевъ, что пока у него Рындя, не нужно ему и парового молота.

— Тише! Легче! хрипитъ Мотылевъ, тихой дробью позвякивая молоткомъ, и клюетъ имъ по потемнѣвшей уже полосѣ.

— Стой!..

Рындя швырнулъ молотъ наземь и, слегка пошатываясь, пошелъ къ раскрытой двери. Въ нее давно уже смотрѣла темная, теплая ночь,—она подстерегала,—и когда Рындя перешагнулъ порогъ кузни, она обняла его...

Мотылевъ вложилъ полосу въ горно и присѣлъ на корточки возлѣ наковальни. Онъ весь осунулся, будто выдохся, сгорбился и застылъ.

...Снова свѣтъ, звяканье ручника и уханье молота...

Рындя пришелъ ко мнѣ и тяжело, съ размаху опустился на обрубокъ. Онъ весь дрожалъ. Лицо конвульсивно подергивалось, дышалъ онъ тяжело и хрипло. Грязная рубаха была мокра и колыхалась на широкой, волосатой груди.

— И куда?.. Чего торопятся? хрипло бросалъ онъ.—Тачаютъ горячку... точно сказъ пашелъ... А зачѣмъ, спрашивается?

Закуривъ папироску, онъ помолчалъ; потомъ тихо сказалъ:

— Здоровье вотъ пропадаетъ. Силъ уже нѣтъ тѣхъ...

Я молчалъ и нервно, безъ нужды „ширялъ" кронциркулемъ.

— Н-ну—жизнь! воскликнулъ Рындя и опять замолкъ.

Я смотрѣлъ на его большую, взъерошенную голову, которая задернулась слегка дымомъ папироски, и тоже задумался.

Мастерская рождала лишь мягкіе, шуршащіе звуки. Машина озабоченно и напряженно дышала, а надъ крышей гдѣ-то чохвалъ переработанный паръ. И чудилось, будто мы въ поѣздѣ—куда-то ѣдемъ, ѣдемъ...

— Вотъ, скажемъ, на самоходѣ у васъ станокъ идетъ: точитъ рѣзецъ скалку... и все

тоньше да тоньше она становится... можно и на нѣтъ сточить, совсѣмъ... Рындя помолчалъ и кончилъ:

— И такъ вотъ, братецъ ты мой, и жизнь наша... больше вертишься—больше къ нѣту приходишь. Понялъ? А тамъ и тово... совсѣмъ ужъ...

Мнѣ было тяжело, будто что-то тупое и безсмысленное охватило меня и стискивало.

— А знаете что? спросилъ вдругъ Рындя.— Все это черезъ гармонію!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Ей Богу, черезъ нее, проклятую! Вы думаете, что мнѣ лопать нечего? Нѣтъ, братъ, жрать-то мнѣ всегда будетъ что, потому жена на базарѣ вторгуетъ. А вотъ... онъ удивленно развелъ руками.

— Ну, такъ бросьте ее къ чорту, гармонію эту самую.

— Бросить?.. Кого, гармонію? изумился онъ.— Ха, ха, ха! Ну, и ска-азалъ... чудакъ, ей Богу! Да развѣ жъ можно бросить такую гармонію, какъ у меня? Онъ придвинулся ко мнѣ; глаза заискрились.—Ты видѣлъ ее? Это, я тебѣ скажу, цѣлая хата, а не гармонія. Органъ! Однихъ басовъ двадцать четыре! Понимаешь—двадцать че-ты-ре! а? Трехрядная, вѣнскій строй. А играетъ—слышалъ? Э-эхъ, ты-ы... да это цѣлый оркестръ! Не вѣришь? Подлецъ я буду, если вру! Да вотъ: ты былъ въ „Большой закускѣ"? Слышалъ тамъ, какъ Криворучка играетъ?

— Ну?

— Помнишь, играетъ онъ вальсъ „Невозвратное время"? Ну, онъ еще такъ начинается: та-ра, ра-ра, ра-ра-а... а басами тутъ какъ сдѣлаетъ—гуррр... Помнишь?

— Помню. Хорошо играетъ.

— Хорошо? Ну, а я еще лучше играю.

Я выразилъ удивленіе.

— Лучше. Спроси, кто слышалъ,— всѣ тебѣ скажутъ.

Онъ перемѣнилъ позу и принялъ такое выраженіе, какъ будто хотѣлъ сказать: „А—а, ты думалъ, что я только молотомъ и умѣю бить? ого?"

Въ это время раздались острые звуки молотка, и Мотылевъ крикнулъ:

— Э-эй, ты! музыкантъ!

Рындя бросилъ на меня смущенный взглядъ и поднялся.

— Чортъ старый... сова!.. бормоталъ онъ по адресу Мотылева, шагая въ кузницу.

Я оживился, досталъ изъ ящика книжку и попробовалъ читать.

Станокъ журчалъ. Летѣлъ куда-то валъ, махая шкивами. Стонала наковальня.

Я перестаю понимать смыслъ написаннаго, хотя и подолгу смотрю на ровныя строки. Буквы начинаютъ прыгать въ глазахъ черными точками и задернулись туманной дымкой. А звуки все уходятъ куда-то... Я точно плыву... Съ большимъ усиліемъ раскрылъ глаза и посмотрѣлъ передъ собою,—все тоже: тиски, окно, переплетенное желѣзной рѣшеткой, колонна,— все кажется въ густомъ туманѣ.

Время тянется медленно, тяжело...

— А-у-а!.. А-у-а!..

Я опускаюсь... быстро, въ какую-то темную, глубокую рѣку.

Вдругъ переборъ сбился съ ритма и громко загрохоталъ, злобно выбрасывая отрывистыя, рѣзкія фразы.

Я очнулся и привычной рукой быстро остановилъ станокъ. Тревога оказалась напрасной: на скалкѣ только раковина, по которой и прыгалъ рѣзецъ. Пустивъ станокъ, я выпилъ крѣпкаго чаю и принялся ходить передъ станкомъ. Но скоро почувствовалъ утомленіе и сѣлъ на обрубокъ.

Взглянувъ въ кузню, я разсмѣялся: Мотылевъ сидѣлъ на наковальнѣ и со строгимъ видомъ курилъ цыгарку; его волосатое лицо съ косматыми бровями заволоклось дымомъ, и онъ былъ похожъ на колдуна. А Рындя... держа на плечахъ кувалду, онъ задумчиво смотрѣлъ въ огонь горна и быстро перебиралъ пальцами по древку кувалды, точно по клавишамъ.

— Рындя, играешь? окрикнулъ я.

Онъ вздрогнулъ и выпрямился. Увидѣвъ меня, улыбнулся и подошелъ ко мнѣ.

— Играешь все? повторилъ я смѣясь.

— Да это... такъ, знаете, привычка. И опять же—стоишь вотъ такъ, какъ чучело, ну... а если вспоминаешь что, такъ оно и ничего, какъ будто и не въ мастерской стоишь. Оно и легче какъ-то...

Помолчавъ, онъ взялъ со станка книжку и сказалъ, тыкая пальцемъ въ ея корешокъ:

— То же самое... какъ гармонія сушитъ.

Я улыбнулся. Онъ воодушевился.

— А то скажете, что неправда? Вы думаете, что меня или вотъ васъ работа сушитъ? Нѣ-ѣтъ, братъ, не работа... Думки сушатъ человѣка, вотъ что.

Онъ махнулъ рукой и замолчалъ. Молчалъ и я.

Глухо двигался поршень машины, и чудилось, что дышитъ мастерская, тяжело и напряженно.

— А можетъ, оно и лучше, что я неграмотный... въ разумьи произнесъ Рындя.

— Это почему же?

— Да какъ вамъ сказать?.. Опасно нашему брату грамоту знать,—еще въ бѣду какую попадешь... Да опять же, должно, грамотному и думки разныя въ голову лѣзутъ. Ну, а я человѣкъ, того... характерный. И такъ вотъ... Какъ насмотришься кругомъ да какъ подумаешь это, пошевелишь мозгами своими дурацкими... Э-эхъ!..

Мы помолчали.

— А я вотъ съ бабой своей воюю! неожиданно произнесъ Рындя и, точно боясь возраженій, продолжалъ возбуждаясь:

— Да какъ же! „Не траться, говоритъ, на гармонiи,—побью ихъ“ А? Вотъ подлая! А того и не беретъ въ резонъ, что мнѣ не гармонiя нужна. Хо! Да если можно бъ было на губахъ играть или на палкѣ, такъ, значитъ, и игралъ бы на нихъ, и гармонiи не покупалъ бы,—правильно?

— А все-таки я на сторонѣ вашей жены.

— Н-ну! протянулъ Рындя и поморщился.— Это насчетъ того, что баба такой же человѣкъ? А положимъ, можетъ, оно гдѣ и есть такiя... умныя... ну только, я вамъ то скажу, что моя — настоящая баба, баба и больше ничего. За богатствомъ дуреха, должно быть, погналась.

— За какимъ это богатствомъ?

Рындя махнулъ рукой.

— Было. Тысячъ на пятнадцать послѣ отца осталось. Спустилъ...

На его лицо набѣжало облачко, но черезъ минуту онъ смѣясь разсказывалъ:

— Мы держали биржу. Человѣкъ десять извозчиковъ было да лошадей штукъ двадцать. Учить меня наукамъ не хотѣли,—знаете, старинный народъ какой. Сталъ я, значитъ, ѣздить. Лошади у насъ были хорошiя, особенно одинъ жеребецъ, Султанъ,—вотъ лошадь была! Ну, и я тогда, тово... ничего себѣ былъ. Кгы...

Рындя выпятилъ богатырскую грудь и вытянулъ руки, сжавъ ихъ въ кулаки; на нихъ веревками вырѣзалась желѣзная мускулатура.

Я невольно залюбовался имъ. А онъ улыбнулся и съ нѣкоторымъ самодовольствомъ повторилъ:

— Ничего былъ парень... Да... Возилъ я, бывало, пассажировъ въ Сокольники... весело ѣхать такъ... Ну, вотъ разъ ѣду я—Султанъ такъ и плыветъ... Народу много было. Вдругъ меня перегоняетъ одинъ—извозчикъ же. Смотрю—и лошаденка какъ будто незавидная, а вотъ... Ну, понимаешь, сколько я ни гналъ Султана, никакъ не могу обойти! Кричу: „Давай мѣняться!“ А тотъ посмотрѣлъ да и говоритъ: „Такъ на такъ не хочу!“ Ахъ ты жъ! Ну, ладно. Прiѣзжаю домой, къ отцу: такъ и такъ, говорю, давай денегъ. Онъ меня за волосы... А только я вечеромъ же взялъ Султана, припрегъ другую еще лошадь... и вымѣнялъ таки. Такъ-то. Ну, ужъ и лошадь же была... птица, а не лошадь! Э-эхъ!

Рындя дрожалъ отъ волненiя. Глаза возбужденно блестѣли.

Я почему-то оглянулъ мастерскую—она смотрѣла на насъ сурово и зловѣще,—и не къ мѣсту здѣсь показался мнѣ Рындя.

Онъ вдругъ задумался и уставился на водянку, изъ которой частыми каплями падала на рѣзецъ вода.

— Жилось когда-то... заговорилъ онъ затѣмъ.—И друзья были и все... а теперь...

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Все лошади увезли? улыбнулся я.

Рындя перевернулъ нѣсколько страницъ книги, положилъ ее на станокъ и, не отрывая отъ нея глазъ, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не только лошади. Отецъ умеръ, все осталось на мнѣ. А я жилъ, не перечилъ себѣ... Мѣнялъ лошадей, мѣнялъ экипажи... ну, и домѣнялся до того, что ничего не осталось... Да оно и то—надоѣло. Женился... ну, только это тоже... Пить началъ... Ну, вотъ тутъ-то я и напалъ на гармонiю. Тоже мѣнять началъ... все и доканалъ.

— Да вы въ руки себя взяли бы!

— Пробовалъ,—хуже еще выходитъ: злой становлюсь, какъ собака, дерусь... Разъ даже стрѣлялся.

— Стрѣлялся?

— Да. Было... Нашло такъ-то разъ, ну... Вотъ, видите, шрамъ остался... Онъ наклонился ко мнѣ и показалъ пальцемъ на високъ.

Тамъ былъ едва замѣтный шрамъ.

— Плохой револьверъ попался... Такъ-то!.. Ну, потомъ пробовалъ грамотѣ учиться,—не вышло толку.

— Почему?

— А какъ вамъ сказать? Ежели бы ее можно было скоро выучить, тогда такъ; а то вѣдь что же—черезъ часъ по столовой ложкѣ! Скука! Посидѣлъ-посидѣлъ, да и бросилъ: видно, ужъ на роду написано мнѣ... неграмотному быть.

Я возражалъ. Я съ ожесточенiемъ доказывалъ ему не только возможность усвоить грамоту, но и обязанность каждаго изъ насъ вооружиться грамотою для того, чтобы внимательнѣе слѣдить за жизнью, что кипитъ вокругъ, и, какъ фонаремъ, освѣщать ею то, что коварно притаилось въ тѣни...

Рындя слушалъ меня, широко раскрывъ глаза, точно все это было ново для него. Но скоро его лицо стало утомленнымъ, и онъ неловко топтался на мѣстѣ.

— Что жъ... все это, конечно... я понимаю... сказалъ онъ, когда я остановился. — И думалъ я объ этомъ... только гдѣ ужъ нашему брату! Какъ въ лѣсу ходишь, все равно. Да признаться, и того... боюсь я думать... все перепутается тамъ... Рындя показалъ на лобъ.— И такое начнется свѣтопреставленiе!—ну его! закончилъ онъ вдругъ, махнулъ рукой и ушелъ въ кузню.

... Пошабашили!

Ноги отекли, и я брелъ домой, слегка пошатываясь.

Я вырвался изъ моей тюрьмы. Табельщикъ запишетъ мнѣ въ журналъ цѣлыхъ 18 часовъ; но эти же часы будутъ вычеркнуты изъ моей жизни... вычеркнуты невозвратно... какъ длинный рядъ въ прошломъ и, можетъ быть, другой впереди...

На душѣ было тяжело... Но когда я вошелъ въ широкую улицу, мнѣ въ лицо потянулъ свѣжiй вѣтерокъ, и я жадно глоталъ его живительную струю.

Небо слегка поблѣднѣло, особенно съ восточной стороны; оно было такое задумчивое, и изъ его глубины привѣтливо мигали чистыя звѣзды. Гдѣ-то сдавленно кричалъ пѣтухъ. Сторожъ спросонья ударилъ колотушкой и опять умолкъ.

Боль и раздраженіе затихали. Только что пережитое начинало казаться сномъ. Не думать бы теперь!..

Меня нагналъ Рындя и пошелъ рядомъ со мною. Онъ несъ картузъ въ одной рукѣ, а другою широкими жестами шевелилъ на головѣ волосы.

— Хороша ноченька! будто про себя воскликнулъ онъ черезъ минуту.

— Хороша... глухо отозвался я.

— Знаете что? Идемте въ поле?!

— Въ поле? Я подумалъ и молча кивнулъ головой.

Постройки кончились. Мы вышли въ поле. Невдалекѣ отъ насыпи дороги стояли три березки, робко прижавшись другъ къ другу: казалось, что задумали онѣ уйти на просторъ, въ широкое поле, да на дорогѣ захватила ихъ молчаливая, загадочная ночь, и страшно имъ стало итти дальше...

Рындя бросилъ рваное пальтишко на землю, и мы сѣли, прислонясь къ бѣлымъ стволамъ березъ.

Далеко гдѣ-то перекликались коростели и глухо гудѣли лягушки. Откуда-то доносились далекія волны хорового пѣнія, и въ нихъ выдѣлялось сильное, густое контральто, — то, видно, парубки и дивчата встрѣчали зореньку ясную...

А казалось такъ тихо, точно заворожено... точно въ мірѣ совершалось что-то великое, и вся природа чутко прислушивалась...

— Хорошо! восторженно прошепталъ Рындя.

Я вздрогнулъ и такъ же тихо отвѣтилъ:

— Хорошо.

— Вотъ, если бъ была гармошка... тихонечко такъ что-нибудь душевное такое сыграть... а?

— И такъ хорошо.

Рындя помолчалъ. Потомъ разсѣянно бросилъ:

— И то правда...

Я посмотрѣлъ на него: выраженія лица нельзя было разобрать; но я замѣтилъ, какъ толстые и неуклюжіе пальцы его шевелились, будто онъ игралъ на гармоникѣ. Можетъ, онъ мысленно укладывалъ въ звуки свое настроеніе?.. или просто игралъ онъ... „Невозвратное время?..“

Далеко-далеко, надъ лѣсомъ загорѣлся край неба. Ночь дрогнула и поблѣднѣла, и медленно, неслышно потянулась къ западу. Замѣтно посвѣжѣло.

Показались три огненныя точки. Приближаясь, онѣ росли и протягивали къ намъ блестящія, острыя иглы. Дружно громыхая, мимо пробѣжалъ поѣздъ и пронзительно засвистѣлъ, пройдя семафоръ.

— Половина четвертаго... замѣтилъ я.

Рындя глубоко вздохнулъ и потянулся.

— Черезъ два часа на работу... сказалъ онъ.

И у меня что-то дрогнуло внутри и тяжело упало.

— Пора...

Мы съ усиліемъ поднялись и хмурые побрели по домамъ.

Городъ еще спалъ. Только двѣ старыя торговки тащились съ корзинами на базаръ и провожали насъ подозрительными взглядами. Коегдѣ тявкали собаки.

Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ раздастся свистокъ и властно и настойчиво позоветъ въ мастерскую. Тогда я вздрагивалъ, ежился и крѣпко прижималъ руки къ груди...

А. Бибикъ.

ВЪ ТЕМНОТѢ.

Рисунокъ тушью.

Стояла темная ночь поздняго лѣта, тихая и душная. Бичуевъ шелъ по дорогѣ, но не видѣлъ ея. Да ему и не нужно было: слишкомъ хорошо онъ зналъ эту дорогу. Въ концѣ ея, за большимъ полемъ стоялъ маленькій домъ и въ немъ жила женщина, которую онъ любилъ. По этой дорогѣ возвращался онъ отъ нея домой послѣ дальнихъ прогулокъ и долгихъ бесѣдъ и въ бѣлыя весеннія ночи, когда тревожно-неумирающій свѣтъ не озарялъ, а только усиливалъ окружающую тайну, и лѣтомъ, когда темная дорога сѣдѣла отъ мѣсячнаго сіянія. По ней ходилъ онъ взадъ и впередъ и въ эти послѣднія темныя ночи уходящаго лѣта, когда въ сердцѣ родилась тревога, и женщина, которую онъ любилъ, стала смущать его непонятной перемѣной: то взволнованная и недобрая, то шумно веселая или слишкомъ спокойная.

Въ этотъ день онъ долженъ былъ съ утра уѣхать въ городъ. Вернулся поздно, зналъ, что она уже спитъ, но не могъ заснуть и пошелъ бродить въ темнотѣ.

Вся земля казалась черной, и небо было черно отъ низкихъ, тяжелыхъ тучъ. Только изрѣдка, прорвавъ мракъ, мигала испуганная, блѣдная зарница, и на одинъ мигъ рождались то часть поля съ высокою, густою рожью, то черные зубцы и щетина лѣса. Бичуевъ шелъ вдоль поля. Иногда его руки касались нѣжнымъ уколомъ усики поникшихъ колосьевъ. Иногда изъ влажной прохлады, пахнущей спѣлой рожью, онъ вступалъ въ полосу нагрѣтаго воздуха, точно земля тепло дышала ему въ лицо. На

сердцѣ было темно и душно, какъ на землѣ отъ тяжелыхъ тучъ, и тревога вспыхивала слабо, но упорно, какъ дрожь зарницъ на небѣ. Онъ замедлялъ шаги и слушалъ тишину. Быть можетъ, это былъ шумъ крови въ головѣ, но ему казалось, что онъ различаетъ глухой и мѣрный гулъ далекаго океана, и надъ волнами тають звоны большихъ, тихихъ колоколовъ. Онъ остановился, чтобы звукъ его шаговъ не мѣшалъ вслушаться въ едва уловимый звонъ тишины. Но тишины больше не было: воздухъ теперь колебался отъ слабыхъ, тупыхъ звуковъ. Они шли справа, оттуда, гдѣ кончалось поле и гдѣ стоялъ ея домъ. Бичуевъ бросился впередъ и опять остановился, прислушиваясь и не понимая. Все черно и тихо... А вотъ опять, опять глухой, жалкій звукъ. Онъ побѣжалъ вдоль поля, и навстрѣчу ему бѣжали выростая звуки. Вотъ и домикъ, какъ черный бугорокъ. Въ окнахъ нѣтъ огня, но теперь ясно слышно, что внутри его плачетъ ребенокъ, всхлипываетъ, затихаетъ и опять плачетъ. Бичуевъ подбѣжалъ къ двери, нащупалъ ручку и остановился. Какая-то самая страшная мысль безъ слова обожгла смертельнымъ холодомъ его сердце. А въ ушахъ стоялъ жалобный-жалобный, некончающійся плачъ ребенка.

Онъ тихонько постучался. Плачъ оборвался и радостный дѣтскій крикъ, какъ золото, ярко прозвенѣлъ въ темной тишинѣ. Все страданье и весь восторгъ маленькой души вылились въ одномъ словѣ: „мама!"

Бичуевъ распахнулъ дверь и чуть не упалъ: что-то подкатилось ему прямо подъ ноги и маленькія руки стиснули его колѣни.

— Мама... мама!

— Это я, Никъ. А развѣ мамы нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... я одинъ, боюсь... Мнѣ страшное приснилось; я проснулся, зову, а мамы нѣтъ... и на кроваткѣ ея нѣтъ, и она такъ долго-долго не приходитъ... Темно... я бою-ю-юсь... И ребенокъ снова заплакалъ, прижимаясь головой къ ногамъ пришедшаго.

— А гдѣ же Аннушка?

Аннушка еще съ вечера ушла къ своей мамѣ и не воротилась.

Чиркнула спичка. Свѣтло-желтое пламя, съ темно-голубымъ основаніемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ чернѣя коробилась спичка, освѣтило блѣдное лицо, часть комнаты и бѣлой постели въ глубинѣ, не касаясь угловъ, гдѣ еще металась спугнутая темнота.

— Гдѣ мама?.. Пойдемъ искать маму! всхлипнулъ Никъ.

— Пойдемъ, я только хочу тебя одѣть.

Бичуевъ подошелъ къ столику, раздѣлявшему большую кровать отъ маленькой, и зажегъ свѣчу.

Взглядъ его внимательно скользнулъ по гладкому одѣялу и не смятымъ подушкамъ. На столикѣ, рядомъ съ подсвѣчникомъ, стояла тарелка съ водою и въ ней незабудки, вырытыя съ корнями. Это онъ ихъ принесъ третьяго дня. Онъ одѣвалъ мальчика похолодѣвшими руками, неумѣло натягивая ему крошечныя панталоны и застегивая пуговицы. Никъ пересталъ плакать, только изрѣдка глубоко всхлипывалъ, и на его красныхъ и шершавыхъ, какъ персикъ, щекахъ остановились не высохшія слезы.

Они вышли въ темную ночь. Большой велъ маленькаго за руку. Маленькій дѣлалъ три шага, въ то время какъ большой дѣлалъ одинъ.

— Куда мы пойдемъ? Ты знаешь, куда мама ушла? спросилъ мальчикъ.

— Пойдемъ въ деревню и будемъ спрашивать,—кто-нибудь видѣлъ ее.

— Теперь темно, ночь, въ деревнѣ всѣ спятъ... да?

— Всѣ спятъ... безсознательно повторилъ Бичуевъ.

Мальчикъ понялъ и почувствовалъ его неувѣренность и незнаніе. Ему опять захотѣлось плакать, но онъ побоялся и только крѣпче уцѣпился холодными пальчиками за большую, жесткую руку.

Они шли въ темнотѣ, и лишь блѣдныя зарницы показывали имъ на мигъ то кусокъ поля съ неподвижно-сонными колосьями, то черныя извилины лѣса.

А въ головѣ Бичуева горячія, злыя и мучительныя мысли вели безумный хороводъ.

— Днемъ у васъ былъ кто-нибудь? спросилъ онъ вдругъ, и его хриплый, недобрый голосъ точно ударилъ тишину.

— Приходилъ черный дядя,—знаешь, котораго я не люблю? Онъ долго говорилъ съ мамой, а потомъ разсердился и ушелъ. Я стоялъ на дорожкѣ, а онъ шелъ мимо и толкнулъ меня въ затылокъ.

Опять надъ обоими замкнулась темная тишина, а мысли въ головѣ Бичуева стали еще горячѣе, злѣе и мучительнѣе, кружась въ безобразномъ вихрѣ. Тучи повисли еще тяжелѣе и ближе надъ землею. Онѣ не хотѣли, чтобы зарницы раскрывали ихъ тайну, и блѣдные трепеты становились все слабѣе и рѣже.

Бичуевъ и Никъ шли въ совершенной темнотѣ, ничего не видя, не думая о томъ, куда идутъ.

Они давно миновали поле, но не повернули къ деревнѣ, а взяли налѣво и шли, все шли, а имъ казалось, что они не подвигаются впередъ, потому что все та же темнота была кругомъ.

Мальчикъ усталъ. Бичуевъ чувствовалъ, какъ онъ оттягиваетъ назадъ его руку.

Вдругъ они услышали далекіе голоса и оба сразу остановились.

— Люди идутъ,—спросимъ ихъ про маму! сказалъ Никъ, но рука Бичуева крѣпко стиснула его руку.

— Молчи!

Испуганный ребенокъ замеръ на мѣстѣ, и оба, затаивъ дыханіе, слушали.

— Ха, ха, ха!.. что, братъ, не ожидалъ? донесся до нихъ грубый, молодой голосъ.

— Да, не повѣрилъ бы, если бъ не видѣлъ собственными глазами... отвѣчалъ другой, болѣе тихій и немного хриплый.

— А я тебѣ скажу, подхватилъ первый:— ты хоть и старше меня, а ничего въ этихъ дѣлахъ не смыслишь. Тутъ важна не чистота и не порочность, важна только минута, и кто чутьемъ узнаетъ эту минуту, тотъ и беретъ женщину, и тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ она добродѣтельнѣе и чище. Что у людей добродѣтель, то для природы порокъ. Молодое дерево должно зеленѣть и цвѣсти, покоряясь природѣ, и тогда его трудно поджечь; если же оно непокорно, природа его сушитъ, и одной спички довольно, чтобы остался пепелъ.

Голоса приближались, разговаривавшіе подходили.

— Мы всѣ увивались вокругъ этой бѣлой женщины съ рыжими волосами, но она ограждалась отъ насъ своимъ ребенкомъ, какъ ангеломъ-хранителемъ отъ дьяволовъ... Ну, а этотъ выждалъ, понялъ минуту, пришелъ и слопалъ... ха—ха—ха!..

— Они не про маму говорятъ? Это не ее людоѣдъ съѣлъ? съ ужасомъ прошепталъ Никъ, дергая за руку своего спутника. Бичуевъ схватилъ его на руки, бросился въ сторону и почти упалъ на землю, прижимая къ себѣ ребенка и шепча ему на ухо: „Молчи, молчи!..“

Они лежали притаившись, чувствуя колючую траву, холодъ атласныхъ листьевъ и запахъ влажной земли.

Прохожіе поравнялись съ ними, миновали ихъ.

— А Бичуевъ чего же смотрѣлъ? донесся голосъ старшаго уже издали.

— А Бичуевъ разговаривалъ съ нею объ идеалахъ, цѣлыхъ пять лѣтъ... Каждому свое... отвѣчалъ молодой и грубо и рѣзко захохоталъ.

— Отчего ты у нихъ ничего не спросилъ? Они знаютъ что-то про маму, они и тебя называли... прошепталъ Никъ, не смѣя говорить громко и пугаясь молчанія, которое опять наползало на нихъ со всѣхъ сторонъ. Отвѣта не было, голоса смолкли вдали, черное небо висѣло надъ черной землей; мальчикъ тихонько плакалъ, уткнувшись лицомъ въ колючую траву; слезы падали на холодные атласные листья и скатывались на влажную землю.

Черезъ нѣсколько времени Бичуевъ приподнялся и сѣлъ.

— Не плачь, Никъ!.. произнесъ онъ усталымъ голосомъ.

— Эти люди не знаютъ... не знаютъ всего того, что намъ съ тобою важно знать. Онъ взялъ мальчика къ себѣ на колѣни и прижался худымъ, бородатымъ лицомъ къ маленькой, мокрой отъ слезъ щекѣ.

— Ночь скоро пройдетъ... продолжалъ онъ.— Какъ станетъ свѣтло, я пойду за мамой и найду ее, и все будетъ по старому... Ты только не плачь!.. Я приведу къ тебѣ маму... Ты вѣришь мнѣ?

— Вѣрю... всхлипнулъ Никъ и охватилъ его рукою за шею.

Такъ они сидѣли долго, и мальчикъ заснулъ, а Бичуевъ натягивалъ на маленькія, безсильно повисшія ноги полу своей куртки, думалъ, думалъ безъ конца и ждалъ разсвѣта. Ему вспоминались всѣ слова, произнесенныя людьми, которые прошли мимо нихъ въ темнотѣ. Онъ хорошо зналъ и не любилъ этихъ людей. При первыхъ словахъ младшаго, у него отъ злобы сжалось горло и закружилась голова. Если бъ не ребенокъ, онъ бросился бы на проходившихъ. Ему хотѣлось бить ихъ, заставить замолчать, убить. Но слишкомъ большая власть была въ крошечныхъ, холодныхъ ручкахъ, вцѣпившихся въ него съ тоскою и страхомъ, и онъ подчинился этой власти... Люди прошли, ихъ больше не было, остались только произнесенныя ими слова, и въ словахъ была правда. За послѣднее время она мелькала иногда и въ его головѣ короткимъ свѣтомъ, но никогда смѣло не доходила до сознанія и разбивалась среди блеска, шума, бѣготни и мелочей жизни. Теперь тишина и темнота страшной для него ночи помогали ему вдумываться, близость ребенка успокаивала мечущіяся мысли, и онъ начиналъ видѣть не короткій свѣтъ правды, а всю ее.

Онъ глядѣлъ на нее не отрываясь, безъ страха: въ ней не было жестокости, она только не могла ни жалѣть, ни измѣняться. Онъ вспоминалъ всѣ пять лѣтъ, день за днемъ и начиналъ понимать, что должно было случиться именно то, что случилось. „Бѣлая женщина съ рыжими волосами“... вспомнились ему слова проходившаго человѣка. Да, для нихъ она была только бѣлой женщиной съ рыжими волосами. Онъ одинъ въ бѣлизнѣ ея кожи и въ золотѣ ея волосъ видѣлъ ясное отраженіе нездѣшней бѣлизны и нездѣшняго золота. Ему было больше дано, чѣмъ имъ всѣмъ; какъ же могъ онъ не видѣть правды, которую въ нѣсколькихъ голыхъ словахъ высказалъ проходившій молодой, грубый, но неглупый человѣкъ?

Онъ вспоминалъ ее, и она казалась ему теперь другой, хотя любовь его не измѣнилась. Она была похожа бѣлизной на лепестки первыхъ цвѣтовъ весны, а ея рыжіе волосы напоминали грозди хмеля, заалѣвшія отъ поцѣлуя осени. И въ душѣ ея непонятно сливались осень и весна.

Должно было случиться именно то, что случилось... Она не была виновата, что весна горѣла въ ея крови, а въ душѣ дрожала осенняя печаль и послѣдняя жажда любви и поцѣлуевъ, тѣхъ, которымъ тайна и преступность даютъ особенную терпкость и нездѣшній огонь, какъ осеннимъ краскамъ и осеннему воздуху даютъ невыразимое очарованіе запахъ тлѣнія и близость смерти. Онъ не могъ дать ей этого: онъ пять лѣтъ молился на нее, бѣлую, съ ребен-

комъ на рукахъ, цѣлыхъ пять лѣтъ говорилъ ей о другихъ законахъ и желаніяхъ, старался зажечь въ ней вѣру въ невѣроятное... Должно было случиться именно то, что случилось. И злоба его таяла, а боль становилась тихой, глубокой и ясной...

Что-то дрогнуло въ воздухѣ. Кто-то невидимый принесъ первую вѣсть о разсвѣтѣ, и ночь, испуганная, поблѣднѣла и вздохнула. Шершавый листокъ коснулся лба Бичуева, потрепеталъ и поникъ. Потянуло влажнымъ холодкомъ. Бичуевъ вздрогнулъ и тѣснѣе прижалъ къ себѣ отяжелѣвшее отъ сна, теплое тѣло ребенка. Между тучами проступили зеленоватыя пятна. На нихъ выдѣлилась передъ самымъ лицомъ Бичуева извилистая черная вѣтка съ тѣмъ листкомъ, который коснулся его лба. Сзади, въ кустахъ, что-то завозилось и слабо чирикнуло спросонокъ. Бичуевъ уже начиналъ различать мутное пятно далекаго поля, зубчатыя очертанія лѣса,—тамъ, гдѣ расходились поднимаясь тучи,—и полосу дороги. По ней онъ долженъ былъ итти съ проснувшимся ребенкомъ туда, въ жизнь, гдѣ было столько же ужасныхъ и прекрасныхъ тайнъ, гдѣ сочеталось столько же противорѣчій, сколько ихъ было и во всемъ существѣ бѣлой женщины съ рыжими волосами.

Онъ любилъ жизнь, какъ эту женщину, и эту женщину, какъ жизнь. Въ душѣ его не было ни ревности, ни страха.

Ночь проходила.

Allegro.

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКИХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

I. Литература о земскихъ соборахъ. II. Происхожденіе земскихъ соборовъ. III. Представительство на первомъ земскомъ соборѣ. IV. Другія формы совѣщаній въ XVI вѣкѣ. V. Начало выборнаго представительства въ Московскомъ государствѣ. VI. Роль выборнаго представительства въ Смутное время. VII. Земскіе соборы Смутнаго времени. VIII. Соборъ 1613 года. IX. Земскіе соборы времени царя Михаила Ѳедоровича. X. Земскій соборъ 1648 года и Уложеніе. XI. Конецъ земскихъ соборовъ и ихъ замѣстители.

I.

Съ середины XVI-го до середины XVII-го вѣка въ Московскомъ государствѣ рядомъ съ постоянною государевою думою дѣйствуетъ другой совѣщательный органъ, называемый въ наукѣ „земскимъ соборомъ", а въ памятникахъ того времени „совѣтомъ всея земли", „всею землею", или просто „соборомъ". Очень давно этотъ „совѣтъ всея земли" сталъ интересовать ученыхъ изслѣдователей, и они пытались дать ему научное опредѣленіе. Нашъ извѣстный юристъ, недавно умершій Б. Н. Чичеринъ отнесъ соборы къ тому типу сословныхъ представительныхъ собраній, который развился въ средневѣковыхъ европейскихъ государствахъ и исчезъ съ усиленіемъ монархическаго начала въ концѣ среднихъ вѣковъ [1]). Полную параллель нашихъ соборовъ съ западно-европейскими сословными собраніями старался установить В. И. Сергѣевичъ, полагавшій, что и причины возникновенія соборовъ на Руси были одинаковы съ причинами, породившими сословныя собранія на западѣ: и тамъ и здѣсь народное представительство служило орудіемъ государственнаго объединенія. Монархическая власть въ своей объединительной дѣятельности искала опоры себѣ въ сословіяхъ и созывала на совѣтъ ихъ представителей; когда же объединеніе достигалось, тогда необходимость въ такой опорѣ упразднялась, и сословныя собранія исчезали изъ практики [1]). Но въ то время, какъ Чичеринъ смотрѣлъ отрицательно на политическое значеніе московскихъ соборовъ и думалъ, что они исчезли „просто вслѣдствіе внутренняго ничтожества", проф. Сергѣевичъ наблюдалъ въ соборахъ „условія жизненности". По его словамъ, „въ патріотической дѣятельности ихъ (то-есть, соборовъ) московскіе государи всегда находили поддержку всѣмъ своимъ благимъ начинаніямъ. Соборы всегда стояли на стражѣ закона и безопасности государства. Если государи перестали созывать соборы, то причину этого надо искать въ стороннихъ вліяніяхъ". Самъ г. Сергѣевичъ это стороннее вліяніе приписывалъ московскимъ боярамъ. Взглядъ г. Сергѣевича былъ принятъ послѣдующими изслѣдователями соборовъ, и среди нихъ стало господствовать желаніе возможно полнѣе представить дѣятельность соборовъ и возможно яснѣе доказать ихъ жизнеспособность. Первой цѣли думали достигнуть тѣмъ, что въ изложеніе исторіи соборовъ включали не только дѣйствительные соборы, но и всѣ тѣ явленія московской жизни, въ которыхъ желали видѣть ту или иную форму „обращенія къ народу", или же проявленіе „соборнаго начала". Такимъ способомъ создано было понятіе о соборахъ „неполныхъ" и „фиктивныхъ", иначе говоря, о соборахъ, которые вовсе не были соборами. Внѣшняя исторія соборовъ, благодаря этому,

[1]) *Б. Н. Чичеринъ.* О народномъ представительствѣ. М. 1866. (Второе изданіе: М. 1899).

[1]) *В. И. Сергѣевичъ.* Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ („Сборникъ Государственныхъ Знаній", т. II, Спб. 1875).

стала запутанной и сбивчивой и не давала (напримѣръ, въ наиболѣе „полномъ“ изложеніи г. Латкина [1]) никакого понятія о внутреннемъ развитіи изучаемаго учрежденія. Второй цѣли думали достигнуть тѣмъ, что доказывали активную роль соборовъ въ строеніи государственнаго порядка и не считали возможнымъ представлять ихъ „чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ“ при монархѣ. Но такъ какъ ограничительнаго значенія соборы явно не имѣли, то оставалось утверждать, что ихъ роль была велика, но точно не опредѣлима, и что въ основѣ соборовъ „лежалъ фактъ, а не право“. Это утвержденіе редактировалось иногда и иначе, словами извѣстнаго славянофила К. С. Аксакова, говорившаго, что на соборахъ „отношенія царя и народа опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія“ [2]). Подобными формулами правовое значеніе соборовъ, конечно, не могло быть точно выяснено; но существенно важная роль соборовъ въ жизни государства все-таки была показана.

Новый періодъ въ изученіи нашихъ соборовъ настaлъ тогда, когда появились труды М. Ф. Владимірскаго-Буданова („Обзоръ исторіи русскаго права“) и В. О. Ключевскаго („Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси“) [3]). Первый изъ этихъ ученыхъ съ чрезвычайною точностью и ясностью мысли подвергъ критикѣ выводы своихъ предшественниковъ въ изученіи соборовъ, далъ правильное опредѣленіе самаго понятія о земскомъ соборѣ, бросилъ новый свѣтъ на обстоятельства происхожденія и прекращенія соборной практики, представилъ впервые строго научный обзоръ дѣятельности соборовъ и ихъ компетенціи,—словомъ, далъ прекрасный очеркъ изучаемаго учрежденія, отвѣчающій всѣмъ требованіямъ ученой критики. Немногимъ позже В. О. Ключевскій поставилъ заново вопросъ о составѣ представительства на земскихъ соборахъ и пришелъ къ выводу, что въ XVI вѣкѣ московская жизнь не знала еще выборнаго представительства въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы его себѣ теперь представляемъ. На соборахъ XVI вѣка „изъ городовъ выборъ“ могъ и не означать выбранныхъ мѣстными обществами представителей; составъ представителей опредѣлялся самимъ московскимъ правительствомъ, которое звало на совѣщаніе тѣхъ провинціальныхъ людей, которыхъ оно само знало и считало способными судить о мѣстныхъ нуждахъ и взглядахъ, хотя никто ихъ къ тому и не выбиралъ и не уполномочивалъ. Мысль о выборномъ сословномъ представителѣ, уполномоченномъ представлять на соборѣ нужды и желанія своихъ избирателей, выработалась среди смуты, въ началѣ XVII в., и соборы при государяхъ новой династіи сложились уже по иному типу. Этотъ выводъ В. О. Ключевскаго, принятый затѣмъ и проф. Владимірскимъ-Будановымъ, открылъ смыслъ внутренняго развитія въ жизни соборовъ. Въ исторіи соборовъ обнаружено было извѣстное движеніе, и старый взглядъ, что соборы не пережили своей зачаточной фазы, былъ окончательно осужденъ.

Предлагаемая статья имѣетъ своею цѣлью, воспользовавшись накопившимся въ нашей наукѣ матеріаломъ, представить въ возможно краткомъ очеркѣ изложеніе того, какъ возникли соборы, какія внутреннія перемѣны въ нихъ произошли за время ихъ столѣтняго существованія и какія причины повели къ прекращенію соборовъ. Краткій очеркъ внутренней исторіи соборовъ имѣетъ въ виду познакомить читателя съ самымъ существеннымъ и любопытнымъ въ жизни изучаемаго учрежденія—съ внутреннимъ ростомъ соборной практики и съ обстоятельствами ея паденія.

II.

Для того, чтобы отличить земскій соборъ отъ иного рода собраній или скопищъ, надобно помнить, что соборъ слагался изъ трехъ необходимыхъ составныхъ частей. Во-первыхъ, въ составъ „совѣта всея земли“ входилъ *освященный соборъ* русской церкви съ митрополитомъ, позднѣе патріархомъ во главѣ; освященный соборъ имѣлъ свое собственное устройство и включался въ соборъ земскій, какъ отдѣльная его часть, дѣйствовавшая по своимъ привычнымъ правиламъ и подававшая свой голосъ особо отъ прочихъ группъ соборныхъ участниковъ. Во-вторыхъ, въ составъ земскаго собора включалась *боярская дума*, составлявшая постоянный совѣтъ государя и сохранявшая въ составѣ собора свое обычное устройство, свою „старину и пошлину“. Дѣйствовавшая обыкновенно нераздѣльно съ монархомъ, дума участвовала съ нимъ въ занятіяхъ собора въ качествѣ руководящаго органа, не смѣшиваясь съ массою собора, а какъ бы возвышаясь надъ нею. И, въ-третьихъ, въ составъ земскаго собора входили *земскіе люди*, представлявшіе собою различныя группы населенія и различныя мѣстности государства. Присутствіе этихъ земскихъ представителей было необходимо для того, чтобы освященный соборъ и дума, составлявшіе вмѣстѣ высшій правительственный совѣтъ, могли превратиться въ „совѣтъ всея

---

1) Земскіе соборы древней Руси. *В. Латкина* (Спб. 1885).

2) Исторія права Московскаго государства. *Н. П. Загоскина*. Томъ I, Казань, 1877, стр. 336 и слѣд. Полное собраніе сочиненій *К. С. Аксакова*. Т. I, М. 1861, стр. 150, 296 (по второму изданію: М. 1889, стр. 147, 283).

3) Первыя два изданія „Обзора“ проф. Владимірскаго-Буданова появились въ 80-хъ годахъ, третье—въ 1900 году. Статьи проф. Ключевскаго напечатаны въ „Русской Мысли“ 1890 г. (январь), 1891 г. (январь) и 1892 г. (январь). Онѣ, съ сожалѣнію, не окончены; нѣкоторымъ продолженіемъ ихъ могутъ служить страницы 377—379 третьяго изданія книги г-на Ключевскаго „Боярская дума древней Руси“ (М. 1902).

земли". Безъ земскихъ людей „соборъ" изъ духовенства и бояръ не представлялъ собою „всю землю" и такъ не назывался; равнымъ образомъ, если въ какомъ-либо совѣщаніи отсутствовала дума или освященный соборъ, то совѣщаніе это—не „земскій соборъ", а нѣчто другое, чему надо сыскать другое имя. Словомъ, наличность всѣхъ трехъ указанныхъ составныхъ частей есть необходимое условіе для земскаго собора; „отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаетъ соборъ не неполнымъ, а невозможнымъ" (слова проф. Владимірскаго-Буданова).

Соединеніе въ одномъ совѣщаніи думы и духовнаго собора было исконнымъ древнерусскимъ обычаемъ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ государственной практики и церковной жизни государь съ своимъ „синклитомъ" и митрополитъ (позже—патріархъ) „со властями" (такъ назывались іерархи) сходились вмѣстѣ и сообща обсуждали предлежащее дѣло. Вопросъ о времени происхожденія земскихъ соборовъ есть въ сущности вопросъ о томъ, когда именно къ экстреннымъ совѣщаніямъ „властей" и бояръ стали призываться новые совѣтники—„всякихъ чиновъ люди", взятые изъ среды управляемаго общества. Такъ поставленный вопросъ избавляетъ насъ отъ необходимости разсуждать о томъ, были ли земскіе соборы продолженіемъ и замѣною вѣча, или не были. Всѣ серьезнѣйшіе изслѣдователи сошлись на одномъ мнѣніи, что между вѣчемъ и соборомъ нѣтъ непосредственнаго реальнаго преемства. Шумъ вѣчевыхъ собраній затихъ на Руси раньше, чѣмъ созрѣлъ и окончательно сложился тотъ политическій порядокъ, котораго плодомъ и выраженіемъ были земскіе соборы. Вмѣсто того, чтобы выслѣживать пережитки вѣчевыхъ традицій въ позднѣйшую пору московскихъ порядковъ, основательнѣе будетъ посмотрѣть, не было ли въ древнѣйшія времена чего-либо напоминающаго земскій соборъ, то-есть, совѣщаній княжескихъ бояръ и церковныхъ властей съ представителями земщины. Если бы мы нашли такія совѣщанія, то для насъ были бы обнаружены родоначальники изучаемыхъ нами соборовъ и намъ стало бы понятно, что соборы идутъ не отъ вѣчевыхъ традицій, а отъ иной формы княжескаго народосовѣтія.

Мы не будемъ долго останавливаться на извѣстіи лѣтописи подъ 1096 годомъ о томъ, что князья, враждовавшіе съ Ольгомъ Святославичемъ, звали его на миръ такими словами: „Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людми градьскыми". Въ этомъ перечнѣ нельзя, конечно, видѣть ни вѣча, ни земскаго собора. Ученые согласны въ томъ, что это—совѣщаніе „властей" и думы, къ которому предполагалось привлечь „градскихъ людей", то-есть, тѣхъ „старѣйшинъ", которые тогда постоянно призывались въ княжескія совѣщанія. Интересно здѣсь, однако, установить, что и въ эпоху вѣчевыхъ собраній существовали такія независимыя отъ вѣча формы совѣщаній, въ которыхъ правительственный элементъ сходился съ земскимъ. Для насъ гораздо важнѣе извѣстіе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ подъ 1211 г. о томъ, какъ великій князь Всеволодъ укрѣпилъ за своимъ вторымъ сыномъ Юріемъ, мимо старшаго сына Константина, городъ Владиміръ. „Князь великій Всеволодъ", говоритъ лѣтописецъ, „созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей и епископа Іоана и игумены и попы и купцы и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себѣ". На первый взглядъ, здѣсь дѣйствуетъ прямой земскій соборъ: и бояре, и „власти", и „вси люди", при чемъ на совѣтъ созваны даже лица „съ городовъ и волостей". И. Е. Забѣлинъ, поддаваясь первому впечатлѣнію, написалъ прямо: „былъ созванъ земскій соборъ, первый по времени (1211 г.)" [1]). Но свойства приведеннаго извѣстія таковы, что заставляютъ быть осторожными въ выводѣ. Прежде всего, не во всѣхъ лѣтописяхъ дѣло изложено одинаково: есть разсказъ о данномъ дѣлѣ, по которому передача Владиміра Юрію была рѣшена по совѣту однихъ бояръ и епископа. На основаніи этого послѣдняго разсказа проф. Ключевскій склоненъ думать, что при Всеволодѣ не было „всесословнаго собора или земскаго вѣча, ни законодательнаго, ни совѣщательнаго" [2]). На это можно было бы замѣтить, что въ двухъ лѣтописныхъ разсказахъ переданы два разныхъ момента дѣла: сначала съ епископомъ и боярами князь выработалъ рѣшеніе („много совѣтоваша о семъ"); затѣмъ на общемъ соборѣ это рѣшеніе получило окончательную санкцію („*да* сыну своему Юрью"). Но въ извѣстіи о соборѣ все-таки есть нѣчто сомнительное. Оно слишкомъ исключительно для данной эпохи, слишкомъ одиноко: въ лѣтописномъ матеріалѣ удѣльнаго періода не встрѣчается извѣстій, съ нимъ однородныхъ. Невольно является мысль, не перенесъ ли редакторъ даннаго лѣтописнаго свода въ изображаемую эпоху чертъ своего времени? Онъ работалъ въ началѣ XVI вѣка, если не въ концѣ XV-го: въ его пору скорѣе, чѣмъ въ XIII вѣкѣ, могли существовать совѣщанія, подобныя тому, какое онъ изобразилъ въ 1211 году [3]). Мы знаемъ, что въ 1471 году, предъ походомъ на Нов-

---

[1]) *И. Е. Забѣлинъ*. Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія („Историч. Вѣстникъ", 1881, февраль, стр. 256—257).

[2]) *В. О. Ключевскій*. Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. М. 1902, стр. 46.

[3]) Въ этомъ извѣстіи Воскресенскаго и лицевого Никоновскаго сводовъ сомнительно для XIII вѣка упоминаніе „дворянъ" послѣ „купцовъ". Терминъ „дворяне", обычный въ московское время, рѣдко встрѣчается въ лѣтописяхъ болѣе раннихъ эпохъ; но и въ нихъ онъ означаетъ княжескихъ слугъ, упоминанія о которыхъ мы ждали бы прежде упоминанія о купцахъ.

городъ, Иванъ III „разосла по всю братію свою и по *вся* епископы земли своея, и по князи и по бояря свои и по воеводы, и по *вся воя* своя, и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ возвѣщаетъ мысль свою, что ити на Новгородъ ратію... И *мысливше* о томъ *не мало* и конечное положыша упованіе на Господа Бога. И князь великій пріемъ благословеніе отъ митрополита... и отъ *всего священнаго собора* и начатъ вооружатися ити на нихъ; такоже и братіа его, и вси князи его и бояря, и воеводы и *вся воя* его". Въ этихъ словахъ предъ нами рисуется картина многолюднаго совѣщанія. Въ немъ участвуетъ „весь священный соборъ", затѣмъ дума („князи и бояря") и сверхъ того „воеводы и вся воя", то-есть, та служилая среда, которая не входила въ составъ постояннаго государева совѣта. Если даже не вѣрить разсказу о соборѣ 1211 г. и считать, что онъ редактированъ лѣтописцемъ позднѣйшимъ, то разсказъ о 1471 годѣ заставляетъ насъ повѣрить тому, что въ XV вѣкѣ Московская Русь знала уже форму народосовѣтія, близкую къ нашему опредѣленію земскаго собора. Правда, земскіе люди на совѣтѣ 1471 года представлены только воеводами и „воями", то-есть, одними служилыми людьми: но мы увидимъ, что таково или почти таково было представительство и на первыхъ точно намъ извѣстныхъ земскихъ соборахъ XVI столѣтія. Таковъ былъ земскій элементъ и на знаменитомъ Стоглавомъ соборѣ 1551 года, гдѣ вмѣстѣ съ духовными отцами сидѣли „князи и боляре и воини". Царь Иванъ Васильевичъ, обращаясь къ участникамъ этого собора, взывалъ не къ одному духовенству: „весь священный соборъ (говоритъ онъ) и иноцы и прочіи вси Божіи молебницы, такоже и братія моя вси любиміи мои князи, и боляре и воини, и все православное христіанство, помогайте ми и пособствуйте вси единодушно вкупѣ!" Присутствіе на Стоглавомъ соборѣ свѣтскихъ чиновъ, и повидимому не однихъ думныхъ, заставило такого осторожнаго изслѣдователя, каковъ былъ покойный проф. И. Н. Ждановъ, признать этотъ соборъ „церковно-земскимъ" [1]). Къ тому же заключенію ведетъ и программа занятій Стоглаваго собора, выходившая изъ сферы собственно церковныхъ вопросовъ въ область государственно-земскую.

Представленные здѣсь примѣры правительственныхъ собраній, въ составъ которыхъ входили, сверхъ обычныхъ освященнаго собора и боярской думы, еще совѣтники изъ управляемаго общества, показываютъ намъ, гдѣ намъ надобно искать предшественниковъ земскихъ соборовъ. Ими были не вѣча, а соединенныя собранія „властей" и бояръ съ участіемъ въ нихъ приглашенныхъ со стороны постороннихъ лицъ. Если бы удалось показать, что эти постороннія лица были изъ разныхъ общественныхъ классовъ и почитались за представителей „всея земли", можно было бы говорить, что мы знаемъ земскіе соборы еще въ XV вѣкѣ и что ихъ возникновеніе, пожалуй, позволительно возводить и на два вѣка далѣе, въ самое начало удѣльной поры. Но въ томъ-то и дѣло, что представительный элементъ въ разсмотрѣнныхъ собраніяхъ слишкомъ неопредѣленъ и случаенъ. Поэтому никто изъ ученыхъ и не рѣшается начать исторію земскихъ соборовъ ранѣе XVI столѣтія. Разсматривая же болѣе ранніе примѣры совѣщаній широкаго состава, ученые (И. Н. Ждановъ и В. О. Ключевскій) подмѣчаютъ, что доминирующее въ нихъ положеніе занимаетъ освященный соборъ, и потому ставятъ вопросъ: „Не имѣлъ ли вліянія, какъ примѣръ и образецъ, на зарожденіе мысли о земскомъ соборѣ и на самую его организацію совѣтъ іерарховъ?" „Это вліяніе болѣе чѣмъ вѣроятно (говоритъ В. О. Ключевскій), только трудно опредѣлить его степень и указать его слѣды". „Земскій соборъ (говоритъ И. Н. Ждановъ) появляется въ Московскомъ государствѣ какъ будто незамѣтно; учрежденіе это выростаетъ на одномъ стволу съ соборомъ церковнымъ" [1]). Ходъ мысли нашихъ изслѣдователей, очевидно, таковъ. Освященный соборъ у насъ съ глубокой древности былъ благоустроеннымъ, канонически опредѣленнымъ, учрежденіемъ. Не разъ соборы іерарховъ призывались самою жизнью къ обсужденію государственныхъ вопросовъ и получали государственное значеніе. Сходясь въ такихъ случаяхъ съ „властями" въ одинъ совѣтъ, свѣтскіе совѣтники государя, его дума, уступали „властямъ" первое мѣсто и подпадали дѣйствію тѣхъ порядковъ, какими былъ давно крѣпокъ соборъ „властей". Такъ сложился типъ совмѣстныхъ совѣщаній „властей" и думы— подъ вліяніемъ освященнаго собора. Дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ совѣщаній было призваніе въ нихъ людей изъ общества, превратившее эти совѣщанія въ земскій соборъ.

Таковъ наиболѣе вѣроятный генезисъ земскихъ соборовъ. Соборы не возникли внезапно, подъ давленіемъ экстренныхъ событій или подъ вліяніемъ творческой политической мысли; они развились постепенно изъ давнишней правительственной практики, изъ стараго обычая усиливать государевъ совѣтъ совѣтниками изо „всѣхъ людей".

---

[1]) Объ излагаемыхъ извѣстіяхъ см.: *М. А. Дьяконовъ*. Нѣсколько словъ по поводу новаго историко-юридическаго изслѣдованія (въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1885 г. № 3, стр. 173—185) и *И. Н. Ждановъ*. Церковно-земскій соборъ 1551 года (въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1880 г., февраль; перепечатано въ „Сочиненіяхъ И. Н. Жданова", томъ I, Спб. 1904).

[1]) *В. О. Ключевскій* въ „Русской Мысли" 1892, I, стр. 143; *И. Н. Ждановъ* въ „Истор. Вѣстникѣ", 1880, II, стр. 302, и въ „Сочиненіяхъ" т. I, стр. 368.

III.

Поэтому-то земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ и появились „какъ будто незамѣтно“ (по выраженію проф. Жданова). Первый земскій соборъ, отъ котораго дошелъ до насъ документъ съ точными свѣдѣніями о составѣ собора и его предметѣ, былъ соборъ 1566 года. Составъ его, какъ увидимъ, весьма близокъ къ составу тѣхъ совѣщаній, которыя мы только что наблюдали, и весьма мало походитъ на позднѣйшіе, болѣе благоустроенные земскіе соборы XVII столѣтія. По типу своему этотъ земскій соборъ есть нѣчто промежуточное между старымъ совѣщаніемъ широкаго состава и представительнымъ собраніемъ позднѣйшимъ.

Однако, намъ могутъ замѣтить, что, начиная нашу рѣчь о соборахъ соборомъ 1566 года, мы забываемъ знаменитый „соборъ“ 1550 года, на которомъ Грозный искалъ примиренія между „землей“ и боярами, собравъ „свое государство изъ городовъ всякого чину“ и лично обѣщавъ народу правый судъ и оборону. Именно этимъ соборомъ прежде и начинали исторію земскихъ соборовъ на Руси. Въ особыхъ обстоятельствахъ созванія этого собора искали объясненія причинъ возникновенія соборовъ вообще. Верховная власть искала будто бы въ земскомъ представительствѣ опоры противъ боярства съ его бюрократическими злоупотребленіями. Приведенная Карамзинымъ рѣчь Грознаго, произнесенная земскому собору на Красной площади съ Лобнаго мѣста, въ сѣни хоругвей, въ окруженіи духовенства и бояръ, легла въ основаніе яркой психологической характеристики Грознаго, данной славянофилами. Вообще моментъ перваго обращенія царя къ народу въ 1550 году признавался столь важнымъ и знаменательнымъ, что даже попалъ въ учебники. Тѣмъ досаднѣе необходимость разоблачить истину. Разсказъ объ обращеніи царя къ народу на Лобномъ мѣстѣ находится всего въ одной лишь рукописи, въ такъ называемой Степенной книгѣ Андрея Хрущова, и составляетъ въ ней позднѣйшую вставку, сочиненную въ концѣ XVII вѣка или началѣ XVIII-го, на основаніи нѣкоторыхъ литературныхъ пособій. Это—вымыселъ, которому нельзя вѣрить, потому что онъ произволенъ и даже не всегда искусенъ. Если тщательно разобраться въ обстоятельствахъ дѣла [1]), то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что въ 1550 году не было никакого особаго собора по дѣлу примиренія бояръ съ „землей“ и никакой рѣчи на Красной площади къ людямъ „изъ городовъ всякого чину“. Гражданскія реформы, которыми былъ занятъ тогда Грозный и о которыхъ онъ говорилъ Стоглавому собору, были обсуждаемы и рѣшаемы на совѣщаніяхъ стараго порядка съ „властями“, боярами и „воинами“. Дѣятельность этихъ совѣщаній хорошо освѣщена въ талантливыхъ статьяхъ покойнаго проф. Жданова, который, не зная еще о подложности разсказа Хрущовской книги, тѣмъ не менѣе ставилъ знаменитую рѣчь Грознаго народу въ рядъ второстепенныхъ и несущественныхъ эпизодовъ преобразовательной дѣятельности Грознаго, и писалъ еще четверть вѣка назадъ: „До 1566 года мы не встрѣчаемъ указаній на созваніе земскаго собора“.

Итакъ, первый достовѣрный земскій соборъ—это соборъ 1566 года. Отъ него до насъ дошелъ „приговорный списокъ“ съ именами участниковъ собора и съ изложеніемъ соборныхъ мнѣній и, кромѣ того, лѣтописная запись о соборномъ приговорѣ. Сопоставленіе обоихъ документовъ ведетъ къ точнымъ заключеніямъ о составѣ собора и его дѣятельности [1]). Созванъ былъ соборъ для того, чтобы обсудить желательныя и возможныя условія мира съ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Въ составъ собора вошелъ освященный соборъ безъ митрополита („а митрополита у того приговора не было, что Ѳеонасей митрополитъ въ то время митрополію оставилъ“); духовные отцы этого собора подали особое отъ другихъ чиновъ мнѣніе „всѣ соборнѣ“ и подписали соборный приговоръ, архіереи же сверхъ того приложили свои печати къ приговору. Затѣмъ въ составъ собора вошла государева дума („всѣ бояре“), въ коей сверхъ боярскихъ чиновъ поименованы государевы казначеи и дьяки. Отъ бояръ послѣдовало также особое по дѣлу мнѣніе. Далѣе въ составѣ собора поименованы: „дворяне первая статья“ 97 человѣкъ), „дворяне и дѣти боярскіе другіе статьи“ (99 человѣкъ), „Торопецкіе и Луцкіе помѣщики“ (9 человѣкъ служилыхъ людей изъ Торопца и Великихъ Лукъ), „діаки и приказные люди“ (33 человѣка). Всѣ эти группы можно разсматривать, какъ представителей служилаго класса. Наконецъ, на соборѣ были „гости и купцы и Смольняне“ (всего 75 человѣкъ), о которыхъ лѣтопись дважды выражается: „гости и купцы и *всѣ торговые* люди“. Въ этой группѣ надлежитъ видѣть представителей торгово-промышленнаго класса, ставшаго наверху „тяглыхъ“, то-есть, податныхъ слоевъ московскаго населенія. Если бы этой послѣдней группы не значилось въ числѣ участниковъ собора, мы имѣли бы полное основаніе отнести соборъ къ числу совѣщаній стараго типа, въ которыхъ къ „властямъ“ и думѣ присоединялись одни „воины“, то-есть, служилые люди. Только участіе въ совѣтѣ новаго элемента, „всѣхъ торговыхъ людей“, выдѣляетъ этотъ совѣтъ изъ ряда предшествующихъ совѣщаній XV—XVI вѣ-

[1]) Это сдѣлано въ статьѣ *П. Г. Васенко* „Хрущовскій списокъ Степенной книги“ (въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1903, апрѣль).

[1]) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, I, № 192; Русская Историческая Библіотека, III, стр. 277—278.

ковъ. Тѣмъ болѣе близокъ соборъ 1566 года къ старымъ соборамъ, что на немъ мы не видимъ *выборнаго* представительства: нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что земскіе представители явились на соборъ въ силу общественнаго выбора. Самыя обстоятельства той минуты, когда былъ созванъ соборъ, косвенно указываютъ на то, что какъ будто и не было времени требовать и ждать выборныхъ отъ провинцій. Соборъ собрался для обсужденія обстоятельствъ, которыя выяснились въ переговорахъ съ литовскими послами, прибывшими въ Москву. Переговоры происходили 17—25 іюня; соборъ состоялся 28 іюня; его приговоръ былъ составленъ 2 іюля; приговоры съ послами продолжались съ 5 іюля [1]). Въ такіе промежутки времени нельзя было и думать о созывѣ выборныхъ изъ разныхъ мѣстъ государства. Очевидно, на соборъ были призваны, въ качествѣ земскихъ представителей, только тѣ дворяне и торговые люди, которые были, такъ сказать, подъ рукою, въ самой Москвѣ.

Однако, если на соборѣ не было выборнаго представительства, все-таки нельзя считать составъ собора случайнымъ. Вѣдь было же какое-нибудь основаніе, по которому изо всей массы служилаго люда, бывшаго въ Москвѣ, на соборъ позвали съ небольшимъ двѣсти человѣкъ, а изъ торгово-промышленнаго населенія Москвы всего 75 человѣкъ. Такое основаніе обнаружено и указано проф. Ключевскимъ. Не прибѣгая къ выборному началу въ устройствѣ представительства, московское правительство все же желало слышать голосъ „всея земли", и само позвало на соборъ совѣтниковъ съ такимъ расчетомъ, чтобы они могли представлять собою различныя мѣстности страны и разные слои населенія. В. О. Ключевскій приходитъ къ догадкѣ, что „дворянскихъ представителей подбирали на соборъ, между прочимъ, по ихъ мѣстному значенію, по ихъ положенію среди служилыхъ землевладѣльцевъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ находились ихъ вотчины или помѣстья и къ которымъ они или ихъ отцы были приписаны по службѣ (ранѣе перевода на службу въ самую Москву)". Иначе говоря, человѣка, служившаго въ Москвѣ, звали на соборъ не спроста, а потому, что онъ имѣлъ ту или иную связь съ какою-либо областью и могъ за нее представительствовать на соборѣ.

Равнымъ образомъ изъ торгово-промышленнаго класса были позваны на соборъ, по словамъ В. О. Ключевскаго, „сосредоточенные въ столицѣ мѣстные капиталисты"; но это высшее столичное купечество, собранное въ Москву со всей страны, представляло на соборѣ всѣ низшіе слои своего класса, и московскіе и провинціальные, почему лѣтопись и называетъ его „*всѣми* торговыми людьми". Мы не будемъ останавливаться на изложеніи того метода, которымъ проф. Ключевскій пришелъ къ своему цѣнному выводу, но отмѣтимъ, что этотъ выводъ даетъ намъ новую точку зрѣнія на соборъ 1566 года. Прежде этотъ соборъ считался неполнымъ въ томъ смыслѣ, что на немъ была представлена не вся земля, а столица да два-три провинціальныхъ города; зато бывшіе на соборѣ представители считались выборными, каждый отъ своего чина и мѣста. Теперь мы отрицаемъ присутствіе выборнаго начала на этомъ соборѣ, но признаемъ, что призванные на соборъ общественные представители были подобраны такъ, что представляли собою въ глазахъ правительства цѣлые десятки уѣздовъ и городовъ и всѣ важнѣйшіе „чины" свободнаго населенія государства. Поэтому соборъ и можетъ почитаться „земскимъ", представляющимъ собою „всю землю". Только въ соборномъ представителѣ надлежитъ видѣть, по выраженію г. Ключевскаго, „не столько *уполномоченнаго* какой-либо сословной или мѣстной корпораціи, сколько *призваннаго* правительствомъ отъ такой корпораціи". „Соборъ 1566 года (продолжаетъ г. Ключевскій) былъ въ точномъ смыслѣ совѣщаніемъ правительства съ своими собственными агентами". Въ этомъ отношеніи, прибавимъ мы, соборъ 1566 года совершенно походилъ на старыя совѣщанія XV—XVI вв., на которыхъ являлись въ качествѣ экстренныхъ совѣтниковъ представители мѣстной администраціи. Отличался же соборъ 1566 года отъ старыхъ совѣщаній тѣмъ, что имѣлъ общеземскій характеръ. Впервые мы видимъ на немъ опытъ представительства—хотя бы и своеобразный опытъ—за всю страну и за всѣ классы свободнаго населенія. Въ этомъ-то и заключается важное значеніе собора 1566 г. въ исторіи земскихъ соборовъ.

IV.

Другихъ соборовъ такого же состава, какъ соборъ 1566 года, мы въ царствованіе Грознаго болѣе не видимъ. Зато можемъ указать, что старая форма совѣщаній „властей" съ „синклитомъ" не была забыта. Соборъ о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ 1580 года имѣлъ именно такую форму. Съ царемъ Иваномъ и съ царевичемъ Иваномъ митрополитъ Антоній „со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ царскимъ синклитомъ" уложили свой приговоръ по дѣлу. Такое же соединеніе высшихъ учрежденій, собора и синклита, произошло тотчасъ

[1]) Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 71, стр. 336 и слѣд. (Посольство пановъ Хоткевича и Тишкевича). Послы пріѣхали въ Москву 30 мая (стр. 316); переговоры начались 9-го іюня (стр. 353), но получили дѣловой характеръ не ранѣе 17-го іюня, когда бояре съ государемъ приговорили вести дѣло не къ вѣчному миру, а къ перемирію (стр. 377 и 380). Именно о возможныхъ условіяхъ этого перемирія и шла рѣчь на земскомъ соборѣ, какъ это видно изъ боярскаго отвѣта на соборѣ. См. *М. Клочкова* „Дворянское представительство на земскомъ соборѣ 1566 г." (въ „Вѣстникѣ Права", 1904, ноябрь); авторъ не совсѣмъ точно указываетъ на перерывъ переговоровъ до 12-го іюля.

послѣ смерти Грознаго, когда его преемникъ, царь Ѳеодоръ и митрополитъ Діонисій 28 іюля 1584 г. уложили, „чтобъ впередъ тарханомъ не быти“ [1]). Для насъ важно отмѣтить, что вѣковой обычай „смѣстныхъ“ засѣданій „властей“ и бояръ по важнѣйшимъ государственнымъ и церковнымъ дѣламъ не былъ вытѣсненъ изъ жизни новою формою земскаго собора. Мы увидимъ, что въ XVII вѣкѣ значеніе этого вѣкового обычая какъ бы воскресло съ новою силою, и послѣ 1653 г. соборы „властей“ и бояръ замѣнили собою вышедшіе изъ обычая земскіе соборы.

Съ другой стороны, намъ важно отмѣтить въ эпоху Грознаго существованіе еще одного типа совѣщаній, примѣненнаго при обсужденіи вопроса о лучшемъ способѣ обороны южной границы государства отъ набѣговъ татаръ. Извѣстно, что все лѣто 1570 года татары безпокоили южную Московскую украйну, и отношенія Москвы и Крыма испортились. Подъ вліяніемъ татарскихъ угрозъ московское правительство поставило себѣ задачею „поустроити станицы и сторожи“, то-есть, привести въ порядокъ и улучшить ту сѣть сторожевыхъ разъѣздовъ и неподвижныхъ наблюдательныхъ постовъ, которая давно была раскинута на южной украйнѣ государства и оказывалась теперь не вполнѣ состоятельной. Дѣло было поручено боярину князю М. И. Воротынскому. Въ началѣ января 1571 года онъ потребовалъ себѣ „прежніе списки“ сторожевыхъ постовъ и разъѣздовъ и распорядился вызвать изъ южныхъ городовъ въ Москву опытныхъ въ сторожевой службѣ лицъ, „которые прежъ сего ѣзживали (сторожить по украйнѣ) лѣтъ за десять или за пятнадцать“. Эти лица, „изъ всѣхъ украинныхъ городовъ дѣти боярскіе, станичники и сторожи и вожи, въ генварѣ, а иные въ февралѣ къ Москвѣ всѣ съѣхались“. О нихъ было доложено государю, и онъ велѣлъ Воротынскому ихъ „распросити“ и съ ними составить новый планъ сторожевой охраны границъ. Въ исполненіе этого приказа Воротынскій „съ дѣтьми боярскими, съ станичными головами и съ станичники и съ вожи (то-есть, съ проводниками)“ въ февралѣ 1571 года постановилъ рядъ „приговоровъ“, опредѣлявшихъ новый порядокъ сторожевой службы, мѣста расположенія наблюдательныхъ пунктовъ („сторожъ“) и маршруты сторожевыхъ разъѣздовъ („станицъ“). Возникавшіе при этой технической работѣ административные вопросы передавались боярской думѣ, которая и разрѣшала ихъ своими „приговорами“ [2]). Такимъ порядкомъ выработанъ былъ цѣлый сводъ правилъ украинной службы, цѣлесообразность которыхъ была оправдана дальнѣйшимъ ходомъ событій на украйнѣ. Въ этой любопытной комиссіи знатоковъ пограничныхъ мѣстъ и сторожевой службы мы имѣемъ примѣръ обращенія правительства къ свѣдущимъ людямъ за техническими свѣдѣніями и совѣтомъ въ дѣлѣ ихъ спеціальности. Свѣдущіе люди, призванные въ Москву, дѣйствуютъ подъ руководствомъ боярина и находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи боярской думы. Попадаютъ они въ составъ комиссіи по выбору и указанію правительства, а не вслѣдствіе полномочій отъ мѣстныхъ корпорацій.

Итакъ, рядомъ съ новою формою народосовѣтія, земскимъ соборомъ, въ XVI вѣкѣ существовали старые „соборы“ духовныхъ властей съ боярами и комиссіи свѣдущихъ людей при боярской думѣ. Всѣ эти три вида совѣщаній перешли и въ XVII вѣкъ. Ни въ одномъ изъ нихъ практика XVI столѣтія не выработала выборнаго представительства, и участники этихъ совѣщаній приходили на совѣтъ не уполномоченные тѣми земскими мірами, которые они иногда представляли въ глазахъ призвавшаго ихъ правительства.

Начало выборнаго представительства стало примѣняться въ московскомъ обществѣ только на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ, а первые его твердые опыты заставило произвести Смутное время.

V.

Первыхъ представителей по выбору мѣстныхъ обществъ проф. Ключевскій видитъ на земскомъ соборѣ 1598 года, избравшемъ въ цари Бориса Годунова. Составъ этого собора г. Ключевскій признаетъ однороднымъ съ составомъ собора 1566 года по основанію представительства и значенію представителей, въ огромномъ большинствѣ призванныхъ, а не избранныхъ на соборъ. Но въ массѣ представителей, явившихся на соборъ въ силу своего должностного положенія во главѣ служебныхъ или торгово-промышленныхъ организацій, г. Ключевскій различаетъ группу дворянъ, названныхъ въ перечнѣ соборныхъ участниковъ общимъ наименованіемъ „изъ городовъ выборъ“. Ихъ всего 34. Слово „выборъ“ въ приложеніи къ служилымъ людямъ тогда могло значить не „выборные отъ городского дворянства“, а „отборные изъ состава городскихъ дворянъ“. Нѣкоторое число такихъ „отборныхъ“ дворянъ призывалось въ то время изъ городовъ на постоянную столичную службу на срокъ до трехъ лѣтъ. Именно такіе „отборные“, а не выборные, и могли разумѣться въ соборномъ спискѣ. Однако, проф. Ключевскій рядомъ соображеній приводитъ читателя къ выводу, что эти 34 человѣка „были выборные депутаты провинціальнаго дворянства, а не провинціальные дворяне выборнаго чина, прямо призванные на соборъ по должностному по-

---

[1]) Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, I, № 200 и № 202. „Тарханы“—льготы, принадлежавшія крупнымъ землевладѣльцамъ въ сферѣ податей и повинностей.

[2]) Документы, относящіеся къ этому дѣлу, изданы въ „Актахъ Московскаго Государства“, т. I, (Спб. 1890), №№ 1—14.

ложенію, какое они занимали въ минуту призыва". Можно признать этотъ выводъ за правильный, и тогда можно повторить за г. Ключевскимъ, что „присутствіе выборныхъ представителей впервые становится замѣтно на послѣднемъ земскомъ соборѣ XVI вѣка и первымъ классомъ, которому досталось такое представительство, было провинціальное дворянство". Но можно и усомниться въ томъ, что въ Москвѣ въ 1598 году, составляя соборъ изъ 500 человѣкъ по старому принципу должностного представительства, предоставили новое право быть выборными представителями всего тремъ десяткамъ провинціальныхъ дворянъ. Въ случаѣ такого сомнѣнія, придется отодвинуть возникновеніе выборнаго представительства у дворянъ всего на семь лѣтъ позднѣе. Интересъ, какой для насъ представляетъ въ настоящую минуту соборъ 1598 года, заключается не въ этомъ вопросѣ о порядкѣ представительства, а въ томъ, что изслѣдованіе В. О. Ключевскаго окончательно установило правильность организаціи земскаго собора 1598 года. Въ прежнее время историки (И. Д. Бѣляевъ, Н. И. Костомаровъ) съ легкимъ сердцемъ объявляли этотъ соборъ игрушкою въ рукахъ Бориса и недостойною комедіей; теперь г. Ключевскій доказалъ, что „въ составѣ избирательнаго собора нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ". Если вѣрить современнымъ сообщеніямъ о такой агитаціи, то надо, вмѣстѣ съ г. Ключевскимъ, сказать, что „подстроенъ былъ ходъ дѣла, а не составъ собора". Изъ недавно обнародованныхъ матеріаловъ, польскихъ и нѣмецкихъ по преимуществу, относящихся къ избранію Бориса, стало хорошо видно, кто и какъ хотѣлъ влiять на ходъ дѣла въ 1598 году. Борьба за престолъ шла тогда главнымъ образомъ между Борисомъ Годуновымъ и Θедоромъ Никитичемъ Романовымъ, и обѣ стороны одинаково упорно стремились къ власти и побѣдѣ; однако, нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пытался нарушить законную форму собора [1]). Соборъ составленъ былъ такъ, какъ указывала традиція, по тому типу, какой былъ данъ соборомъ 1566 года, и съ значительной полнотою представительства, при чемъ на соборъ прошла въ большомъ числѣ московская знать, чуждая и враждебная Борису, и въ незначительномъ количествѣ та общественная среда, въ которой Борисъ имѣлъ популярность и которую поляки означали однимъ словомъ „посполъство" (простонародье) въ противоположность панству (боярству). Соборъ по характеру представительства былъ аристократическимъ и столичнымъ; такой его составъ, судя отвлеченно, слѣдуетъ признать мало благопріятнымъ для Бориса и во всякомъ случаѣ менѣе благопріятнымъ для него, чѣмъ для Романовыхъ. Правильно составленный земскій соборъ съ формальной стороны совершенно правильно отдалъ вѣнецъ Борису не потому, чтобы былъ подтасованъ въ своемъ составѣ, а потому, что былъ приведенъ къ убѣжденію въ необходимости такъ поступить. Возможна различная оцѣнка политики собора, но невозможно сомнѣніе въ ея правомѣрности и въ правильности самого собора. А это очень важно для моральной оцѣнки изучаемаго нами учрежденія.

Кончая свою рѣчь о соборахъ XVII вѣка, В. О. Ключевскій осторожно замѣчаетъ, что „въ составѣ соборовъ XVI вѣка мало замѣтенъ выборный элементъ, *если* только онъ присутствовалъ". Первое прямое указаніе на его присутствіе, по мнѣнію г. Ключевскаго, относится къ 1605 году и читается у иностранцевъ, наблюдавшихъ московскіе порядки при Самозванцѣ. Здѣсь мы разойдемся съ г. Ключевскимъ въ томъ, что предпочтемъ неопредѣленнымъ указаніямъ иноземцевъ русское, и притомъ офиціальное, свидѣтельство 1606 года. Оно таково. При Самозванцѣ, какъ извѣстно, были оказаны большія милости помѣстному дворянству: дворянъ по городамъ верстали землями и одѣляли деньгами „для его государева царскаго вѣнца (коронаціи) и многолѣтняго здоровья". Въ связи, очевидно, съ этимъ верстаньемъ весною 1606 года было послано изъ Москвы въ Деревскую пятину распоряженіе: „Велѣно дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ изъ Деревскіе пятины выбрати дворянъ и дѣтей боярскихъ къ Москвѣ съ челобитными о помѣстномъ верстаньи и о денежномъ жалованьи и бити челомъ государю царю и великому князю Дмитрію Ивановичу". Мы не знаемъ, состоялись ли выборы и ѣздили ли выборные въ Москву отъ Деревской пятины; не знаемъ и того, были ли вызываемы выборные изъ другихъ областей и предполагалось ли ихъ соединеніе въ Москвѣ въ одну коллегію. Но передъ нами безспорный фактъ: Москва требуетъ представителей отъ мѣстнаго дворянскаго общества и указываетъ порядокъ ихъ назначенія—общественный выборъ; для чего бы ни требовались эти лица въ Москву, они—выборные представители своего класса [1]). Вполнѣ возможно предположеніе, что такое требованіе выборныхъ отъ помѣстнаго дворянства случилось именно при Самозванцѣ по той причинѣ, что дворъ Самозванца былъ подъ сильнымъ вліяніемъ литовско-польскимъ. Какъ самъ Самозванецъ, такъ и его друзья, получившіе вліяніе въ Москвѣ, легко переносили на московскую почву литовско-польскія понятія. Какъ „дума" превратилась на ихъ

[1]) Обстоятельства избирательнаго періода 1598 г. изложены въ моей книгѣ „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ" (глава III, § 3).

[1]) Акты юридическіе, Спб. 1838, № 365. *С. Платоновъ*, Очерки по исторіи смуты, глава IV, § 2 и примѣч. 101.

языкѣ въ „раду“, а „бояре“ въ „сенаторовъ“ („ordo senatorum“), такъ дворянскій представитель получилъ въ ихъ глазахъ видъ земскаго посла, избираемаго шляхтою въ повѣтахъ и воеводствахъ для посылки отъ мѣстнаго сеймика на государственный сеймъ. Какъ шляхта изъ своей среды *выбирала* „людей бачныхъ и ростропныхъ“ (разсудительныхъ и благоразумныхъ), такъ и дворяне должны были *выбрать* своихъ представителей для посылки въ Москву. Разумѣется, это лишь догадка; но она позволительна потому, что освѣщаетъ намъ нѣсколько тотъ кругъ понятій и идей, въ которомъ легче всего могла оформиться мысль о выборномъ порядкѣ служилаго представительства въ московскомъ государствѣ [1]). Что касается до выборнаго представительства московскихъ тяглыхъ классовъ, то врядъ ли оно нуждалось въ примѣрѣ Рѣчи Посполитой. Выборное начало издавна процвѣтало въ общественной жизни московскихъ податныхъ общинъ. Можно не сомнѣваться, что присутствовавшіе на соборѣ 1598 года старосты и сотскіе купеческихъ и черныхъ сотенъ были мірскіе выборные люди; но они были избраны не для собора, а для веденія хозяйственно-податныхъ дѣлъ своихъ сотенъ; на соборъ же они попали, вѣроятно, по своимъ должностямъ, а не по особому мірскому полномочію. Въ Смутное время, вынужденныя къ самодѣятельности политическою безурядицею, тяглыя общины сами перенесли выборное начало изъ хозяйственной въ политическую сферу и создали представительство, которымъ и воспользовалась позднѣе государственная власть.

VI.

Переходимъ къ поворотному моменту въ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ—къ Смутному времени.

Въ Смутное время мы видимъ слѣдующіе земскіе соборы: соборъ стараго типа, созванный въ іюнѣ 1605 года для суда надъ Шуйскими и намъ очень мало извѣстный; избирательный соборъ 1610 года, важный потому, что его хотѣли образовать по новому началу выборнаго представительства, „сослався съ городы“; собраніе ратныхъ уполномоченныхъ въ подмосковномъ лагерѣ 1611 года, почитавшее само себя за „совѣтъ всея земли“; соборъ въ нижегородскомъ ополченіи 1612 года и, наконецъ, избирательный соборъ 1613 года. Изъ этихъ пяти соборовъ нѣтъ нужды говорить о первомъ, повторившемъ повидимому образцы XVI вѣка; бесѣдѣ же объ остальныхъ необходимо предпослать нѣкоторыя предварительныя замѣчанія. Они помогутъ намъ уяснить себѣ, какимъ образомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ практика представительства въ странѣ могла сдѣлать столь значительные шаги впередъ и на соборѣ 1613 г. явилась уже съ большимъ развитіемъ.

Податное самоуправленіе „тяглыхъ“ общинъ въ московской Руси было „исконивѣчнымъ“ явленіемъ. Князь налагалъ на общину общую сумму податныхъ платежей; разнести эту сумму по частямъ на отдѣльныя податныя хозяйства было дѣломъ самой общины. Изъ этого дѣла вытекала необходимость извѣстнаго мірского устройства, такого, которое бы позволило распредѣлить податное бремя равномѣрно на всѣхъ членовъ общины и собрать во-время податные взносы отъ отдѣльныхъ плательщиковъ. Дѣлалось это посредствомъ выборныхъ „земскихъ старостъ“, ведшихъ мірское хозяйство. Въ серединѣ XVI вѣка правительство Грознаго нашло возможнымъ передать мѣстнымъ податнымъ мірамъ всѣ функціи мѣстнаго управленія: и полицію, и судъ, и финансы; если община просила о дарованіи ей самоуправленія, правительство уже не назначало въ данную мѣстность своего намѣстника, а разрѣшало мѣстному населенію самому избрать изъ своей среды административный штатъ и самому вѣдать какъ податныя дѣла, такъ и судъ и администрацію въ своей волости. Размѣры самоуправлявшихся волостей бывали иногда очень велики. Такъ, Важская „земля“, или Важскій уѣздъ, получившій въ 1552 году право самоуправленія, охватывалъ бассейнъ р. Ваги, большаго притока Сѣв. Двины. Этотъ старый „уѣздъ“ соотвѣтствовалъ двумъ нынѣшнимъ—Шенкурскому и Вельскому, и дѣлился тогда на семь становъ. Дѣлаясь въ такомъ составѣ округомъ самоуправленія, Вага получала право избрать двѣ коллегіи уполномоченныхъ „о всякихъ дѣлахъ земскихъ управа чинить“—одну для Шенкурской, другую для Вельской половины уѣзда. Понятно, что каждый членъ такой коллегіи являлся въ ней какъ бы представителемъ той части уѣзда (посада, стана, волости), которая его выбрала и уполномочила. Кругъ дѣлъ такихъ коллегій былъ очень широкъ, и „излюбленныя головы“, „судейки“ и „старосты“ иногда превращались въ мѣстное представительное собраніе не только по текущимъ дѣламъ, но и по дѣламъ особымъ. Такъ, въ XVII вѣкѣ намъ извѣстенъ случай, когда въ городѣ Устюгѣ собрались изъ уѣзда всѣхъ волостей выборные люди и составили челобитье государю о томъ, чтобы отдѣлить ихъ крестьянское самоуправленіе отъ городского и учредить всеуѣздную земскую избу отдѣльно отъ посадской избы города Устюга. Ихъ челобитье было удовлетворено, несмотря на противодѣйствіе горожанъ. Если мы будемъ помнить, что такого рода земскія учрежденія существовали на всемъ московскомъ сѣверѣ и не только въ черныхъ (государственныхъ) тяглыхъ общинахъ, но и на частновладѣльческихъ земляхъ, монастырскихъ и боярскихъ,—то мы поймемъ, что выборное начало было хорошо извѣстно московскому обществу. Нельзя поэтому удивляться

1) Выбираемые въ XVI вѣкѣ дворянами въ уѣздахъ „окладчики“ не кажутся намъ представителями корпораціи; это эксперты, необходимые администраціи для точнаго учета служебныхъ силъ уѣзда, и только.

А. П. Рябушкинъ. Ѣдутъ... (Ожиданіе посольства въ допетровской Москвѣ. Музей Александра III).

той роли, какую стали себѣ усваивать земскія организаціи московскаго сѣвера въ Смутное время. Царь Василій Шуйскій, растерявъ въ борьбѣ съ Тушинскимъ воромъ свои обычныя воинскія средства, сталъ искать экстренныхъ и между прочимъ сталъ возбуждать къ дѣятельности сѣверное населеніе, прося его своими силами отстаивать свои мѣста отъ тушинцевъ, а если будетъ возможно, то итти черезъ Ярославль на помощь Москвѣ. Здѣсь ясенъ расчетъ на дѣйствіе мѣстныхъ организацій; но еще яснѣе сказался этотъ расчетъ въ мѣропріятіяхъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго, посланнаго царемъ Василіемъ въ Новгородъ за войскомъ. Изъ Новгорода черезъ Каргополь и еще чаще черезъ Вологду, Скопинъ входилъ въ сношенія съ сѣверными тяглыми мірами отъ Перми до Соловковъ, посылалъ туда своихъ агентовъ, давалъ руководящія указанія и объединялъ дѣятельность городскихъ и волостныхъ міровъ, направляя ее къ освобожденію Москвы отъ Тушина. Сѣверъ воодушевился. Изъ многихъ мѣстъ земскія рати, собранныя и снабженныя тяглыми общинами, становились подъ начальство излюбленныхъ міромъ „головъ", служилыхъ людей и не служилыхъ, даже вдовыхъ поповъ, и шли на югъ, на бой противъ „воровъ". За ними оставались въ тылу, руководя походомъ и собирая новыя дружины и средства для борьбы, мірскіе совѣты или обычнаго состава, изъ старостъ и „лучшихъ людей", или же составленные особымъ порядкомъ. Въ Вологдѣ, которая по многимъ причинамъ получила значеніе одного изъ главныхъ центровъ земскаго движенія, образовался совсѣмъ особенный совѣтъ. Зимою 1608—1609 года въ Вологдѣ собралось много иностранныхъ купцовъ и „всѣ лучшіе люди, московскіе гости"; они ѣхали съ товарами и казною изъ Архангельска въ Москву и, не попавъ туда по причинѣ смутъ и осады Москвы тушинцами, зазимовали въ Вологдѣ. Узнавъ объ этомъ, царь Василій приказалъ вологодскимъ воеводамъ привлечь къ дѣлу обороны Вологды этихъ иноземцевъ и гостей: выборные отъ нихъ должны были участвовать въ руководствѣ военными дѣйствіями „съ головами и ратными людьми въ думѣ за одинъ".

Въ одной „думѣ", стало быть, сошлись представители разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, а не одни тяглые люди мѣстной податной общины. Двумя годами позднѣе, когда правительственный порядокъ въ странѣ исчезъ вовсе и области были предоставлены самимъ себѣ, такіе общесословные совѣты образовались по всѣмъ крупнымъ городамъ сѣвера. Они не только вѣдали оборону своего города, но стремились къ освобожденію Москвы отъ враговъ и вступали въ письменныя сношенія съ другими городскими мірами съ цѣлью достичь общеземскаго согласія и устройства. Особеннымъ краснорѣчіемъ отличался ярославскій совѣтъ, грамоты котораго, отлично написанныя, свидѣтельствуютъ, что ярославскій „міръ" считалъ себя въ ту минуту (1611 г.) средоточіемъ всѣхъ сѣверныхъ областей. Изъ этихъ грамотъ, подписанныхъ мірскими совѣтниками, мы видимъ, что въ ярославскомъ совѣтѣ участвовали люди всѣхъ сословій: духовенство, дворяне, посадскіе люди. Такъ было и въ другихъ городахъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ, напримѣръ, всѣмъ міромъ, отъ архимандритовъ и воеводъ до стрѣльцовъ и служилыхъ иноземцевъ, снаряжали гонцовъ къ патріарху Гермогену съ „совѣтными челобитными". Отъ всесословныхъ совѣтовъ въ отдѣльныхъ городахъ былъ одинъ шагъ до совѣтовъ нѣсколькихъ городовъ, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Въ томъ же 1611 году городскіе міры усвоили обычай посылать „для добраго совѣта" въ другіе города своихъ представителей. Такъ знаменитый рязанскій воевода Ляпуновъ послал въ Нижній „для договора" дворянина Биркин съ дьякомъ, дворянами и всякихъ чиновъ людьм а въ Калугу своего племянника съ дворянам Изъ Казани на Вятку ѣздили послами сы боярскій, два стрѣльца и посадскій человѣ Пермь отправила двухъ „посыльщиковъ" Устюгъ „для совѣту о крестномъ цѣлованьѣ о вѣстехъ". Изъ Галича на Кострому „ добраго совѣта" прислали дворяне одного дв нина, а посадскіе люди одного посадскаго ч вѣка. Изъ Ярославля „отъ всего гор дворянинъ да посадскій человѣкъ пос были въ Вологду. Изъ Владиміра въ Су отправили „на совѣтъ" дворянъ и п скихъ „лучшихъ" людей. Словомъ, по представителей, выбранныхъ мѣстными ствами, изъ одного города въ другой обычаемъ, и соединеніе въ одномъ всес номъ „совѣтѣ" представителей нѣско областей образовалось естественно вслѣдстві исключительныхъ событій Смутной эпохи. Мѣс ная самоуправляющаяся община съ своей в борной „земской избою" служила какъ бы новою, на которой возникалъ сначала вс словный совѣтъ „всего города", а затѣмъ вѣтъ и нѣсколькихъ городовъ, образуемы борными всѣхъ слоевъ свободнаго нас именно духовенства, дворянства и тяглы дей. На этой же основѣ возникъ и в „совѣтъ всея земли"—въ тотъ момент совѣтные люди изъ городовъ соединил вые въ общеземскомъ соборѣ. Прои не сразу, но очень скоро, въ 1610—1612 г.

VII.

Лѣтомъ 1610 года царю Василію Шуйскому, по старому выраженію, былъ „обрядъ": его лишили власти и постригли въ монахи. На его мѣсто московскіе бояре желали избрать государя „всѣмъ за одинъ, всею землею, сослався со всѣми городы". Изъ Москвы въ іюлѣ 1610 г. пошли въ города, даже самые дальніе, грамоты съ приглашеніемъ прислать къ Москвѣ „изо всѣхъ чиновъ выбравъ по человѣку" для

А. П. Рябушкинъ. Московская улица допетровскаго времени въ праздничный день (Соб. В. А. Фролова).

А. П. Рябушкинъ. Боярская дума при Михаилѣ Өедоровичѣ.

избранія царя. Въ первый разъ мы видимъ такія призывныя грамоты, которыя требуютъ *выборныхъ* представителей отъ *всѣхъ* чиновъ для участія въ соборѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда, помимо всякихъ отвлеченныхъ соображеній о выборномъ принципѣ представительства (если только они были), на выборное начало указывала вся практика сѣверныхъ городовъ за послѣдніе годы, содѣйствовавшая освобожденію Москвы отъ Тушина. Но исключительныя обстоятельства той минуты помѣшали земщинѣ воспользоваться московскимъ приглашеніемъ, и Москва, осажденная и поляками и Воромъ, не получила областныхъ представителей. Черезъ мѣсяцъ послѣ приглашенія выборныхъ, въ августѣ 1610 года, боярская дума свидѣтельствовала сама, что въ Москву „изъ городовъ посямѣста никакіе люди не бывали". Между тѣмъ земскій соборъ былъ необходимъ боярамъ для того, чтобы утвердить избраніе предположеннаго „царя" Владислава Сигизмундовича. Тогда, повидимому, въ Москвѣ составили земскій соборъ старымъ порядкомъ: къ „властямъ" и думѣ присоединили московскихъ дворянъ и людей придворныхъ чиновъ, затѣмъ человѣкъ около 40 „дворянъ съ городовъ, которые служатъ по выбору" (какъ было на соборѣ 1598 года), и, наконецъ, выборныхъ отъ московскаго торговаго и тяглаго населенія. Соборъ оказался, по старымъ понятіямъ, правильнымъ и правомочнымъ. Поэтому московскіе послы къ Сигизмунду объ избраніи Владислава говорили, что Владиславъ избранъ не ѳдними боярами, а „всѣми людьми". Они отказывались повиноваться приказамъ боярской думы, потому что бояре, по словамъ пословъ, пишутъ къ намъ одни, мимо патріарха и всего освященнаго собора и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго государства". Послы же считали себя уполномоченными именно отъ всего земскаго собора: „а отъ однихъ бы бояръ (говорилъ кн. Голицынъ) я, князь Василій, и не поѣхалъ". Считая себя послами собора, старшіе послы, правя свое посольство подъ Смоленскомъ, собирали на совѣтъ къ себѣ прочихъ членовъ соборнаго посольства и во вражескомъ лагерѣ устраивали нѣчто въ родѣ маленькаго „совѣта всея земли", говоря литовско-польскимъ дипломатамъ, что они безъ общаго совѣта ничего не предпринимаютъ и не рѣшаютъ. Въ словахъ и поступкахъ соборнаго посольства мы впервые слышимъ отъ московскихъ людей признаніе непререкаемаго авторитета земскаго собора и свидѣтельство того, что въ безгосударное время не бояре и даже не патріархъ, а лишь „вся земля" и „совѣтъ всѣхъ людей" имѣетъ значеніе верховной власти. Съ тѣхъ поръ, говоря словами В. О. Ключевскаго, „о земскомъ соборѣ думаетъ каждое возникающее правительство, каждая новая политическая комбинація цѣпляется за него, какъ за источникъ власти и необходимую опору порядка; среди общаго броженія образъ земскаго собора все явственнѣе очерчивается въ смущенныхъ умахъ, и этотъ образъ не похожъ на земскій соборъ прежняго времени". Въ 1610 г. въ Москвѣ хотѣли, но не могли создать выборное представительство, „сослався съ городы". Въ 1611—1612 гг. сами „городы" успѣли изъ знакомыхъ имъ формъ мѣстнаго выборнаго представительства создать выборный „совѣтъ всея земли" и передать въ его руки верховное руководительство дѣлами страны.

Кандидатура королевича Владислава на московскій престолъ не удалась. Сигизмундъ не принялъ московскихъ условій, а московскіе люди не приняли его власти на иныхъ условіяхъ. Занятая польскимъ гарнизономъ Москва подверглась осадѣ со стороны земскихъ ополченій, желавшихъ изгнать „литву" и выбрать всею землею новаго государя. Со всѣхъ сторонъ къ Москвѣ подходили отряды народныхъ войскъ, въ которыхъ группировались три общественныхъ слоя: во-первыхъ, московскіе люди стараго порядка, ранѣе державшіеся Шуйскаго, во-вторыхъ, ратные люди, тушинцы, со смертью Тушинскаго вора потерявшіе предводителя и программу дѣйствій, и въ-третьихъ, казачьи скопища. Изъ многихъ вождей перваго слоя выдѣлялся Прокопій Ляпуновъ, второго—князь Дм. Т. Трубецкой, а третьяго—Заруцкій. Когда всѣ отряды московскаго войска установились подъ Москвою въ постоянныхъ лагеряхъ, „таборахъ", обжились и осмотрѣлись въ исключительной обстановкѣ осадной войны, то московскіе люди поняли, что имъ необходима какая-либо прочная организація. За осадною ратью была вся Русь, которая потеряла обычное свое правительство, плѣненное въ Москвѣ поляками, и которой надо было дать новые органы управленія. Ратнымъ людямъ мало было устроиться самимъ, но надо было „строить" и самую землю. Послѣ нѣкоторыхъ разрозненныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, названные воеводы рѣшили общимъ совѣтомъ обдумать ратный и земскій порядокъ и собрали 29—30 іюня 1611 года въ своемъ ратномъ станѣ „всю землю". Приговоръ всей земли 30-го іюня и даетъ нѣкоторую возможность судить о томъ, что это былъ за ратный совѣтъ. Судя по тексту приговора, въ составъ совѣта вошли представители разныхъ частей подмосковной рати, а не разныхъ городовъ и уѣздовъ государства. Но такъ какъ ратные отряды представляли собою свои города и уѣзды, то ратный совѣтъ почиталъ себя представителемъ не одного ополченія, но всей земли, и дѣйствовалъ за все государство, называя себя совѣтомъ всея земли и дѣлая постановленія общегосударственнаго характера. Онъ установилъ подъ Москвою новыя государственныя учрежденія, „приказы", административные, финансовые и судебные, и сдѣлалъ рядъ распоряженій по служилому землевладѣнію и мѣст-

*А. П. Рябушкинъ. „Втерся паре
въ хороводъ, — ну старуха охат*

*А. П. Рябушкинъ. Купеческая сем
XVII-го вѣка. (Соб. В. А. Фролов*

ному управленію. Эти учрежденія и распоряженія упраздняли прежнее московское правительство, запертое въ осажденной Москвѣ, и отмѣняли все признанныя неудобными, ранѣе дѣйствовавшія законоположенія. Словомъ, „совѣтъ всея земли“ считалъ себя въ правѣ распоряжаться судьбами всей страны и видѣлъ въ себѣ самомъ законнаго выразителя народной мысли и воли.

Однако, намъ нельзя видѣть въ этомъ совѣтѣ нормальнаго земскаго собора. Онъ состоялъ изъ ратныхъ людей, большинство которыхъ принадлежало къ служилому классу и лишь нѣкоторая часть вышла изъ рядовъ городского и уѣзднаго податного класса, пославшаго подъ Москву свои дружины. Но эти представители городского населенія могли сами не быть горожанами и „мужиками“, а всего вѣрнѣе, что въ огромномъ большинствѣ были тоже служилыми людьми, только „излюбленными“, то-есть, выбранными въ „головы“ къ тяглымъ ратямъ тяглыми людьми. По крайней мѣрѣ, нѣтъ ни одного упоминанія о выборныхъ тяглецахъ въ составѣ ратнаго собора 1611 года, и это даетъ намъ основаніе сказать, что земскіе представители на этомъ соборѣ, если и представляли оба сословія, служилое и тяглое, сами принадлежали только къ первому. О составѣ совѣта 1611 года какъ лѣтопись, такъ и самый приговоръ 30 іюня выражаются такъ: „всякіе служилые люди и дворовые и казаки“; о торговыхъ же и черныхъ людяхъ они ни разу не говорятъ. Стало быть, представительство на совѣтѣ далеко не было полнымъ и нормальнымъ. Кромѣ того, въ составъ „совѣта всея земли“ не вошли ни патріархъ съ властями, ни боярская дума: патріархъ и бояре были затворены въ Москвѣ, въ плѣну у польско-литовскаго гарнизона. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія нашей теоріи, совѣтъ 1611 года никакъ не могъ именовать себя „всею землею“ и почитаться за земскій соборъ. Если ратное совѣщаніе и усвоило себѣ право думать за всю землю и заботиться о всей землѣ, то, конечно, не потому, что представители рати считали себя земскимъ соборомъ нормальнаго состава, а потому, что имъ удалось соединить въ своемъ приговорѣ представителей очень многихъ мѣстныхъ всесословныхъ совѣтовъ, отъ которыхъ пришли подъ Москву городскія и волостныя рати. Односословный по составу *ратный* совѣтъ отражалъ собою *всесословные городскіе міры*, дѣйствовалъ по ихъ довѣрію, стремился обезпечить ихъ интересы, наконецъ, преслѣдовалъ общую народную задачу — освобожденіе Москвы. Чувствуя за собою общенародное довѣріе, а предъ собою общенародную цѣль, совѣтъ 1611 года съ увѣренностью въ правотѣ называлъ себя „всею землею“ и законодательствовалъ за всю землю.

Судьба этой первой попытки всеземскаго единенія была, однако, очень печальна. Внутренняя рознь казачества и консервативныхъ слоевъ населенія погубила ляпуновское ополченіе. Служилые люди побѣжали изъ ополченія послѣ того, какъ Ляпуновъ былъ убитъ казаками, и казаки остались одни въ своихъ таборахъ подъ Москвою. Въ ихъ рукахъ оставалась правительственная организація, созданная приговоромъ 30-го іюня 1611 года; но казачьему правительству не желали повиноваться городскіе міры, хорошо узнавшіе разрушительность казачьихъ инстинктовъ и тенденцій. Въ городахъ искали новаго центра и новыхъ вождей, и когда изъ Нижняго Новгорода послышался призывъ къ новому единенію, онъ вызвалъ быстрое сочувствіе земщины. Въ Нижнемъ дѣло пошло обычнымъ въ то время порядкомъ. Воззванія патріарха Гермогена возбудили прежде всего городскую тяглую общину Нижняго съ ея выборнымъ старостою Козьмою Мининымъ во главѣ. Рѣшивъ собирать средства и людей „для московскаго очищенія“, посадскіе люди передали дѣло въ прочіе слои нижегородскаго населенія. Въ городскомъ соборѣ протопопъ Савва и Мининъ объявили дѣло всему городу, и нижегородцы всѣмъ городомъ поручили устройство рати и организацію похода князю Пожарскому съ „товарищемъ“ Биркинымъ (рязанскимъ посломъ въ Нижній) и дьякомъ Юдинымъ. Этотъ „приказъ“ отъ имени всего Нижняго тотчасъ же, въ концѣ 1611 года, вступилъ въ сношенія съ окрестными городами и объявилъ имъ свою программу, состоявшую въ томъ, чтобы итти одинаково противъ поляковъ и противъ казаковъ и не повторять роковой ошибки Ляпунова, считавшаго возможнымъ союзъ съ казачествомъ. Отъ городовъ Пожарскій просилъ присылки средствъ и людей въ помощь нижегородцамъ. Люди требовались не только ратные: „для справки“ (то-есть, для соглашенія и устройства) и „для земскаго совѣта“ Пожарскій просилъ города и волости прислать въ Нижній „дворянъ и дѣтей боярскихъ и земскихъ лучшихъ людей, изо всѣхъ чиновъ по человѣку“. Съ самаго начала дѣла нижегородцы желали имѣть у себя всесословный „земскій совѣтъ“, и мы знаемъ, что онъ образовался и началъ дѣйствовать, распространяя свое вліяніе и власть на весь тотъ районъ, который присоединялся къ нижегородскому движенію.

Такъ было въ началѣ дѣла. Когда же, весною 1612 года, Пожарскій отбилъ отъ казаковъ Ярославль и распространилъ вліяніе Нижняго на весь сѣверъ и Поволжье, то онъ сдѣлалъ центромъ своей рати именно Ярославль, какъ крупнѣйшій городъ всего средняго Поволжья, а въ Ярославлѣ собралъ уже не мѣстный „земскій совѣтъ“, а общегосударственный земскій соборъ. Въ началѣ апрѣля 1612 года изъ Ярославля пошла по городамъ грамота Пожарскаго и того „общаго совѣта“, который при немъ находился. Въ грамотѣ послѣ изложенія происшедшихъ событій и усвоенной ярослав-

скимъ ополченіемъ программы было приглашеніе поскорѣе прислать въ Ярославль „изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками“. Все государство приглашалось прислать представителей съ наказами, въ которыхъ былъ бы совѣтъ, „какъ бы въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударными“. Пожарскій, видимо, не спѣшилъ итти подъ Москву и думалъ въ Ярославлѣ создать общеземское правительство и избрать государя, предоставляя своимъ врагамъ подъ Москвою, полякамъ и казакамъ, истощать свои силы въ долгой борьбѣ. Призывъ Пожарскаго не остался безъ отвѣта, и въ Ярославлѣ на самомъ дѣлѣ сформировался соборъ правильнаго состава. Интересны свѣдѣнія объ этомъ соборѣ, къ сожалѣнію, только косвенныя и приблизительныя: точныхъ данныхъ нѣтъ, потому что документовъ отъ практики собора 1612 г. не сохранилось. Разумѣется, освященнаго собора въ его правильномъ и полномъ составѣ тогда собрать было нельзя: патріархъ Гермогенъ уже умеръ, а старшіе митрополиты были въ плѣну, новгородскій — у шведовъ, а ростовскій — у поляковъ. Однако, въ Ярославлѣ непремѣнно хотѣли имѣть освященный соборъ и создали его такимъ порядкомъ, что призвали въ Ярославль бывшаго на покоѣ стараго ростовскаго митрополита Кирилла и при немъ составили духовный совѣтъ. Сносясь по важнѣйшимъ дѣламъ съ казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ, этотъ духовный совѣтъ вѣдалъ церковное управленіе и именовалъ себя „священнымъ соборомъ“. Въ этомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, не было узурпаціи: въ 1563 году, напримѣръ, при взятіи Полоцка, въ рати Грознаго бывшаго тамъ коломенскаго владыку Варлаама съ состоявшимъ при немъ духовенствомъ тоже называли „освященнымъ соборомъ“. Точно также не могло быть въ Ярославлѣ нормальной боярской думы, „всѣхъ бояръ“, такъ какъ „всѣ бояре“ сидѣли съ поляками въ Москвѣ, но и они уже не считались законнымъ „синклитомъ“. Однако, въ Ярославлѣ хотѣли имѣть и синклитъ. Въ рати Пожарскаго были два лица съ боярскимъ саномъ: В. П. Морозовъ и князь В. Т. Долгорукій. Съ ними вмѣстѣ въ высшемъ административно-военномъ совѣтѣ Пожарскаго дѣйствовали старшіе ратные предводители. Это и былъ „синклитъ“, который называли тогда опредѣленными терминами: „бояре и воеводы“, „начальники“. Начальники и замѣняли собою „бояръ всѣхъ“. Къ этимъ двумъ постояннымъ органамъ ярославскаго правительства, то-есть, къ митрополиту Кириллу со властями (освященный соборъ) и Пожарскому съ начальниками (синклитъ) были присоединены выборные земскіе представители служилаго и тяглаго сословія,— и получился полный земскій соборъ. Онъ самъ считалъ себя „совѣтомъ всея земли“; на его „приговоры“ опиралась исполнительная власть въ ополченіи; его почитали верховнымъ правительствомъ не только русскіе города, шедшіе за земскимъ ополченіемъ, но и иностранцы, именно шведы, начавшіе изъ занятаго ими Новгорода переговоры съ Пожарскимъ и „московскими чинами“ (die Musscowitischen Stände).

Такъ впервые въ Московскомъ государствѣ былъ осуществленъ земскій соборъ на началѣ выборнаго представительства. Это начало было воспитано Смутнымъ временемъ, тою самодѣятельностью мѣстныхъ міровъ, которая развилась вслѣдствіе паденія государственнаго порядка. Съ уничтоженіемъ привычнаго правительственнаго строя, самою силою вещей въ важнѣйшихъ мѣстныхъ дѣлахъ на замѣну приказной власти являлось мірское полномочіе и довѣріе и вмѣсто приказнаго человѣка дѣйствовалъ мірской выборный человѣкъ. Когда мѣстные міры успѣли соединить свои силы въ одномъ общемъ порывѣ къ возстановленію народной независимости и государственнаго порядка; ихъ выборные люди соединились въ „общій совѣтъ“, дѣйствовавшій уже за „всю землю“. Вверху этого совѣта былъ, „по избранью всѣхъ чиновъ людей Россійскаго государства“, стольникъ и воевода Дмитрій Пожарскій, съ нимъ рядомъ „выборный человѣкъ всею землею“ Козьма Мининъ, а внизу простые „изо всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ“ выборные люди. Эти излюбленные люди и государя желали избрать всею землею, „кого намъ Богъ дастъ“.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Проф. *С. Платоновъ*.

ИЗЪ ЖИЗНИ ЯПОНІИ.

Государственное устройство Японіи.

Государственное устройство Японіи до реставраціи власти микадо въ 1867 г.—Причины реставраціи.—«Обѣщаніе» въ присягѣ нынѣ царствующаго императора Мутсу-Хито, произнесенной при восшествіи его на престолъ, учрежденія представительнаго правительства въ Японіи.—Указъ микадо 12-го октября 1881 года о предстоящемъ учрежденіи парламента.—Манифестъ о конституціи 11-го февраля 1889 года.—Замѣчаніе о монархическомъ характерѣ японской конституціи.—Права императора по конституціи.—Организація и права японскаго имперскаго сейма.—Права подданныхъ по конституціи.—Тайный Совѣтъ императора и кабинетъ министровъ.—О мѣстномъ самоуправленіи въ Японіи; мѣстные совѣты; права и обязанности «резидентовъ» и «гражданъ».—О дѣятельности политическихъ партій въ Японіи.

По своему государственному устройству, Японія представляетъ, съ 11-го февраля 1889 г., наслѣдственную конституціонную монархію, въ которой престолъ принадлежитъ династіи Дзимму-Тенно. Это устройство страны было, такъ сказать, „предрѣшено“ вмѣстѣ съ завершеніемъ

въ 1867 году того государственнаго переворота, который извѣстенъ подъ названіемъ реставраціи и началъ собою новую эру въ жизни Японіи—эру „Мейдзи“, что значитъ „просвѣщеніе“.

Для того, чтобы понять сущность и значеніе упомянутаго переворота, необходимо помнить, что Японія „съ незапамятныхъ временъ“ представляла собою абсолютную монархію, подъ державнымъ владычествомъ неограниченнаго въ своей власти монарха (микадо), который, по понятіямъ народа, былъ „прямымъ потомкомъ свѣтлой богини солнца (Аматерасу)“ и потому былъ окруженъ въ глазахъ своихъ подданныхъ священнымъ ореоломъ. По внутреннему устройству Японія дѣлилась на множество клановъ, т. е. областей. Во главѣ каждой области стоялъ князь, или даймій, уподоблявшійся, по своему положенію въ странѣ, феодальнымъ баронамъ средневѣковой Англіи. Тотъ или другой изъ этихъ дайміевъ, по выбору микадо, назначался на должность начальника военныхъ силъ страны съ дарованіемъ ему титула сіогуна. Но уже съ XII вѣка замѣчается въ Японіи процессъ захвата такими сіогунами дѣйствительной власти въ государствѣ, съ оставленіемъ за микадо только фикціи ея. Наконецъ, въ 1600 году, знаменитый Іеясу, изъ рода Токугавъ, не только сдѣлался самъ фактическимъ правителемъ государства, но и добился учрежденія постояннаго сіогуната, сдѣлавъ должность сіогуна наслѣдственной въ своей „династіи“. Резиденція сіогуновъ, городъ Едо (нынѣ Токіо), сдѣлался административнымъ центромъ страны; микадо же жили въ своемъ дворцѣ въ Кіото, совершенно изолированные отъ мірскихъ дѣлъ, занимались исключительно жертвоприношеніями и богослуженіемъ, выдавали сіогунамъ патенты, словомъ, „были обращены въ живыя священныя куклы, подъ опекой наслѣдственно подобранныхъ придворныхъ, и утопали въ праздности и тунеядствѣ“. Но при этомъ въ глазахъ народа фикція о верховенствѣ микадо оставалась нетронутой, и сіогуны пользовались ею для „божественнаго освященія своихъ дѣлъ и сана“, придавая этимъ полную законность своему правленію. Такъ продолжалось въ теченіе почти 250 лѣтъ; но наконецъ настало время, когда дѣйствительная власть опять вернулась въ руки микадо, по причинамъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, вполнѣ естественнымъ.

Такъ какъ до учрежденія наслѣдственнаго сіогуната каждый изъ дайміевъ могъ сдѣлаться сіогуномъ, то у многихъ изъ нихъ таилась въ душѣ ревность къ роду Токугава и часто просыпалось убѣжденіе, что Токугавы насильно присвоили себѣ власть управленія страной, а вмѣстѣ съ нею и тѣ доходы, которые не принадлежали имъ по праву. Это убѣжденіе перешло въ обоснованную увѣренность, когда, съ развитіемъ въ Японіи изученія отечественныхъ лѣтописей, историками ея былъ сдѣланъ выводъ не въ пользу законности существующаго порядка. Вслѣдствіе этого въ концѣ XVIII вѣка среди интеллигенціи страны образовалась цѣлая школа, проповѣдывавшая необходимость возвращенія „къ государственному строю предковъ“ съ микадо, какъ самодержавнымъ царемъ и первосвященникомъ во главѣ, котораго не отдѣляли бы отъ народа сіогунъ и феодалы.

Пока сіогунатъ имѣлъ дѣло только съ внутренними врагами, онъ могъ успѣшно бороться, съ народившимся такимъ образомъ движеніемъ благодаря принятой имъ „системѣ надзора и раздѣленія“. Но всякое внѣшнее потрясеніе, непредвидѣнное этою системой, должно было повести къ разрушенію этого сложнаго государственнаго строя. И вотъ, когда при первыхъ попыткахъ вторженія въ страну европейцевъ и американцевъ партія приверженцевъ старины, „сако“, возставая противъ открытія границъ для международнаго обмѣна, начала борьбу противъ партіи либераловъ, „кайкоку“, съ сіогуномъ во главѣ, то центромъ партіи старины сталъ микадо.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ возникшей такимъ образомъ борьбы, сіогунатъ былъ низверженъ, и въ послѣднихъ числахъ 1867 года былъ обнародованъ императорскій указъ о принятіи на себя 15-лѣтнимъ, царствующимъ и нынѣ, микадо Мутсу-Хито, сыномъ только что умершаго микадо Комеи, фактическаго управленія государствомъ.

Такъ свершилась реставрація императорской власти въ Японіи. Однако, по счастью для нея, главные дѣятели переворота (лучшіе представители военнаго и въ то же время наиболѣе образованнаго въ странѣ сословія самураевъ) понимали невыгодныя стороны абсолютизма и сумѣли воспользоваться моментомъ для посѣва сѣмянъ прогрессивнаго развитія страны. Подъ вліяніемъ этихъ людей, извѣстныхъ въ Японіи подъ именемъ „основателей эры Мейдзи“, новый императоръ, въ присягѣ *), произнесенной „предъ лицомъ неба и земли“, заявилъ о своемъ желаніи, „чтобы государственныя дѣла рѣшались въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ и чтобы законныя желанія всѣхъ классовъ народа были удовлетворены“.

Это заявленіе императора можетъ разсматриваться какъ исходный пунктъ движенія по направленію къ организаціи конституціонныхъ установленій. Разъ возникнувъ, послѣднее, несмотря на временныя препятствія и затрудненія, неудержимо шло впередъ, и наконецъ, въ знаменательный въ лѣтописяхъ Японіи 1881 г., 12-го октября, его величество, императоръ провозгласилъ знаменитый указъ, въ которомъ дано было обѣщаніе, что парламентъ будетъ учрежденъ въ 1890 году. Этотъ указъ гласилъ слѣдующее:

---

*) Го Сеймонъ, въ 14-й день 3-го мѣсяца 1-го года Мейдзи (6-го апрѣля 1868 года).

„Мы симъ объявляемъ, что въ 23-й годъ Мейдзи будетъ учрежденъ парламентъ для того, чтобы привести въ исполненіе рѣшеніе, которое мы возвѣстили при вступленіи на престолъ; и мы поручаемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ до того времени сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія для достойнаго принятія этого новаго учрежденія. По отношенію къ ограниченіямъ императорской власти и организаціи парламента мы объявимъ надлежащее рѣшеніе въ свое время“.

Одной изъ подготовительныхъ мѣръ къ осуществленію обѣщаннаго была посылка въ 1882 г. Ито (нынѣ маркиза и виднѣйшаго государственнаго дѣятеля), въ сопровожденіи значительнаго числа молодыхъ чиновниковъ, для изученія политическихъ системъ на Западѣ. Этимъ какъ бы исполнялся тотъ пунктъ присяги императора, въ которомъ заявлялось, что на благо страны „мудрость и знаніе будутъ черпаться со всего свѣта“. Ито и его товарищи окончили свою работу годомъ ранѣе, чѣмъ имъ было назначено, и 11-го февраля 1889 г. былъ провозглашенъ тотъ знаменитый документъ, который навсегда вывелъ Японію изъ состоянія восточнаго деспотизма и поставилъ ее въ рядъ конституціонныхъ монархій.

Согласно конституціи, первоисточникомъ и формальнымъ воплощеніемъ всякой правительственной власти въ Японіи является попрежнему микадо. Но эта власть теперь ограничена: 1) въ важнѣйшихъ фактахъ законодательства—согласіемъ сейма, 2) въ важнѣйшихъ фактахъ управленія—содѣйствіемъ Тайнаго Совѣта и министровъ и, наконецъ, 3) въ рѣшеніи спорныхъ правовыхъ вопросовъ — приговоромъ независимыхъ судовъ.

Итакъ, конституція дарована японскому народу неограниченнымъ до тѣхъ поръ правителемъ добровольно. Образцомъ для японской конституціи послужила прусская; но слѣдуетъ замѣтить, что первая имѣетъ еще болѣе рѣзкій монархическій характеръ, чѣмъ послѣдняя. Можно даже сказать, что какъ манифестъ о японской конституціи, такъ и нѣкоторыя статьи ея, касающіяся власти императора, какъ будто имѣютъ цѣлью убѣдить народъ, что новое государственное устройство отнюдь не развѣнчиваетъ „священнаго происхожденія микадо“ и не лишаетъ его „священныхъ“ правъ. Дѣйствительно, въ упомянутомъ манифестѣ читаемъ:

„Императорскій тронъ Японіи, благоденствующій по милости небесъ подъ главенствомъ вѣчной и непрерывной династіи, переданъ намъ черезъ послѣдовательный рядъ царствованій. Нашимъ священнымъ прародителямъ обязаны мы тѣмъ, что основаніе нашей имперіи положено вѣчно и ненарушимо и что оно горитъ ярко до сихъ поръ, какъ небесныя свѣтила. Мы теперь желаемъ выразить болѣе точно и ясно наставленія нашихъ предковъ и утвердить законъ въ нашемъ потомствѣ“.

Приведемъ теперь, частью въ буквальномъ переводѣ, частью въ сокращенномъ изложеніи, главнѣйшія изъ статей конституціи, касающихся правъ императора.

Въ Японской имперіи будетъ царствовать и править императорская династія, не прерываемая во вѣки вѣковъ (ст. I). Особа императора священна и неприкосновенна (ст. II). Императоръ есть глава монархіи, обладающій правами верховной власти; онъ проявляетъ ихъ согласно положеніямъ настоящей конституціи (ст. IV). Императоръ утверждаетъ законы, издаетъ указы объ ихъ обнародованіи и вступленіи въ силу; такъ что всякое мѣропріятіе, одобренное даже обѣими палатами, получаетъ силу закона лишь послѣ того, какъ оно утверждено императоромъ (ст. VI). Императоръ созываетъ сеймъ, открываетъ, закрываетъ и отсрочиваетъ его занятія, а также распускаетъ палату представителей (ст. VII). Когда сеймъ распущенъ, то въ случаяхъ неотложной необходимости, для сохраненія общественной безопасности или для предотвращенія народныхъ бѣдствій, императоръ издаетъ указы, имѣющіе силу закона. Однако, послѣдніе должны быть доложены имперскому сейму, когда онъ соберется, и если не будутъ одобрены имъ, то правительство объявляетъ ихъ недѣйствительными на будущее время (ст. VIII). Императору предоставляется опредѣлять организацію каждой отрасли управленія, устанавливать размѣры содержанія военныхъ и гражданскихъ чиновъ, назначать и увольнять ихъ (ст. X). Императоръ неограниченно повелѣваетъ сухопутными и морскими силами; опредѣляетъ ихъ организацію и постоянный составъ ихъ (ст.ст. XI и XII); объявляетъ войну и заключаетъ миръ, а также утверждаетъ заключеніе трактатовъ (ст. XIII); императоръ объявляетъ осадное положеніе (ст. XIV); жалуетъ титулы, ордена и другіе знаки отличія (ст. XV). Императору предоставлены права амнистіи, помилованія, ослабленія наказанія и возстановленія правъ подданныхъ (ст. XVI).

Монархическій характеръ японской конституціи особенно рельефно выясняется въ статьѣ LXXIII-й, въ которой читаемъ: „Если въ будущемъ представится необходимость въ измѣненіи положенія настоящей конституціи, то проектъ этого измѣненія передается императорскимъ указомъ на обсужденіе сейма“. Этимъ самымъ конституція оставляетъ за монархомъ исключительное право иниціативы въ дѣлѣ пересмотра или измѣненія основного закона. При всемъ томъ, однако, императоръ не можетъ также свободно взять конституцію назадъ, какъ онъ даровалъ ее, такъ какъ въ той же статьѣ говорится, что „никакое измѣненіе основного закона не можетъ быть принято иначе, какъ по рѣшенію, постановленному большинствомъ двухъ третей

голосовъ въ собраніи сейма, въ которомъ присутствуетъ не менѣе двухъ третей всѣхъ его членовъ".

Засимъ, въ статьѣ LXVII-й находимъ значительное ограниченіе правъ сейма въ дѣлѣ установленія бюджета: она прямо запрещаетъ отклонять или измѣнять безъ согласія правительства тѣ „уже существующія выдачи, которыя, согласно конституціи, подлежатъ исключительно власти императора или возникаютъ на основаніи силы закона, или обусловливаются законными обязанностями правительства". Къ ограниченію правъ сейма надо отнести и статьи конституціи, согласно которымъ императоръ, во-первыхъ, опредѣляетъ организацію и численность арміи и флота совершенно самостоятельно, безъ какого бы то ни было участія народнаго представительства, а во-вторыхъ, имѣетъ право издавать временные указы финансоваго содержанія впредь до созыва сейма, если они являются необходимыми для обезпеченія общественной безопасности. Въ силу этихъ постановленій, рѣзко отличающихъ японскій имперскій сеймъ отъ парламентовъ европейскихъ державъ, онъ совершенно лишенъ того могучаго средства борьбы съ правительствомъ, которое состоитъ въ правѣ парламента отказать правительству въ полномъ утвержденіи бюджета.

Японскій имперскій сеймъ состоитъ изъ двухъ палатъ—верхней, или палаты перовъ, и нижней, или палаты представителей. Члены, входящіе въ составъ первой нынѣ въ числѣ 328, раздѣляются на три категоріи: *наслѣдственные* (члены императорской фамиліи, князья и маркизы), *выборные* на семилѣтній срокъ (изъ лицъ, имѣющихъ званіе графовъ, бароновъ и виконтовъ, а также изъ числа наиболѣе крупныхъ плательщиковъ податей, по одному отъ каждой *фу* и *кенъ*) *) и *по назначенію* императоромъ, пожизненно, изъ числа лицъ, оказавшихъ особыя услуги государству или извѣстныхъ выдающейся ученой дѣятельностью.

Цѣль такого состава верхней палаты характеризуется въ „комментаріяхъ" маркиза Ито къ конституціи слѣдующимъ образомъ:

„Если палата перовъ будетъ выполнять свое назначеніе, то она явится могучимъ орудіемъ для поддержанія равновѣсія между политическими властями... Она предназначена для сохраненія гармоніи между правительствомъ и управляемымъ имъ народомъ и для обезпеченія безопасности страны и благосостоянія населенія. Назначеніе палаты перовъ состоитъ не только въ томъ, чтобы допустить къ обсужденію законодательныхъ мѣръ высшіе классы, но и въ томъ, чтобы создать представительство народнаго благоразумія, опытности, знаній и трудолюбія путемъ соединенія людей, оказавшихъ выдающіяся заслуги государству, съ людьми свѣдущими вообще, а также съ крупными представителями капитала".

Нижняя палата состоитъ изъ членовъ (нынѣ въ числѣ 376), которые избираются закрытой баллотировкой, „согласно предписаніямъ закона о выборахъ". Срокъ полномочій выборныхъ—4 года, если только они не теряютъ своихъ мѣстъ ранѣе, вслѣдствіе распущенія сейма, что случается довольно часто. *Избираться* въ нижнюю палату могутъ только японскіе подданные мужескаго пола, не ниже 30-лѣтняго возраста и не состоящіе на военной и военно-морской службахъ. Право же *избирать* распространяется на лицъ, достигшихъ 25-лѣтняго возраста, если они живутъ въ данныхъ *фу* или *кенъ* въ теченіе не менѣе одного года передъ выборами и при этомъ платятъ прямыхъ налоговъ не менѣе 10 енъ въ годъ (по курсу около 10 р.). Въ 1903 году число избирателей было только около милліона. Принимая во вниманіе, что все населеніе Японіи достигало тогда, по крайней мѣрѣ, 49.000.000, нельзя не видѣть, что упомянутое число избирателей не говоритъ объ обремененіи въ то время подданныхъ Японской имперіи большими налогами.

Въ „комментаріяхъ" маркизъ Ито подчеркиваетъ положеніе, что депутаты не получаютъ отъ своихъ избирателей порученія отстаивать ихъ спеціальные интересы, а „являются представителями интересовъ всей страны".

Согласно конституціи и закону объ учрежденіи палатъ, сейму предоставляются слѣдующія права: 1) принимать петиціи, 2) подносить адреса императору, 3) дѣлать запросы правительству и требовать отъ него объясненій, 4) контролировать финансы и 5) утверждать или отвергать предлагаемые вновь законы.

Ясно, что послѣднее право сейма составляетъ въ то же время одно изъ самыхъ дорогихъ правъ японскихъ подданныхъ вообще.

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что, въ отличіе отъ конституціи другихъ государствъ, въ Японіи весь порядокъ внутренняго производства дѣлъ въ палатахъ, выборы должностныхъ лицъ, порядокъ засѣданій, учрежденіе комиссій, отношенія палатъ другъ къ другу и внутренняя дисциплина каждой палаты почти цѣликомъ опредѣлены въ конституціонномъ законѣ и потому не подлежатъ самостоятельному измѣненію со стороны каждой палаты. Въ согласіи съ этимъ, какъ и вообще съ монархическимъ характеромъ японской конституціи, президентъ и вице-президентъ какъ палаты перовъ, такъ и нижней палаты, назначаются императоромъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ изъ числа избранныхъ нижнею палатою кандидатовъ.

Противовѣсомъ несамостоятельнаго характера дѣлопроизводства японскаго сейма является установленное закономъ право „интерпелляціи" или запросовъ со стороны членовъ палаты пра-

*) *Фу*—префектуры нынѣшней столицы—Токіо и прежнихъ столицъ—Кіото и Осака. *Кенъ*—провинціи (въ числѣ 47).

вительству по поводу тѣхъ или другихъ недостатковъ или правонарушеній въ области государственнаго управленія; при этомъ одинъ изъ министровъ обязанъ или немедленно отвѣтить на запросъ или же назначить время для такого отвѣта. Если же министръ не отвѣчаетъ на запросъ, то каждый членъ палаты имѣетъ право продолжать запросы правительству, пока не послѣдуетъ опредѣленнаго отвѣта со стороны его представителей.

По отношенію къ правамъ подданныхъ, японская конституція признается многими писателями заслуживающей названія „великой хартіи свободы японскаго народа". И дѣйствительно, она устанавливаетъ прежде всего неприкосновенность личности и огражденіе ея отъ произвольныхъ административныхъ взысканій: „Ни одинъ японскій подданный не можетъ быть арестованъ, задержанъ, подвергнутъ допросу или наказанъ иначе, какъ только согласно закону" (ст. XXIII). Онъ „не можетъ быть лишенъ права быть допрошеннымъ передъ своими законными судьями" (ст. XXIV). „Въ домъ японскаго подданнаго нельзя войти или произвести обыскъ безъ его согласія иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ" (ст. XXV). „Тайна писемъ японскаго подданнаго должна быть неприкосновенной, за исключеніемъ случаевъ, опредѣленныхъ закономъ" (ст. XXVI). Весьма важными дополненіями къ этимъ постановленіямъ служатъ статьи: LVIII, обезпечивающая несмѣняемость судей, и LIX-я, устанавливающая публичность судопроизводства. Далѣе, конституція обезпечиваетъ каждому японскому подданному „свободу вѣроисповѣданія, въ предѣлахъ, не нарушающихъ мира и порядка и не противорѣчащихъ обязанностямъ подданнаго (ст. XXVIII),—и „свободу слова, печати, журналистики, публичныхъ собраній и ассоціацій" (ст. XXIX)... „Все это суть средства", говоритъ маркизъ Ито въ своихъ офиціальныхъ комментаріяхъ къ этой статьѣ, „путемъ которыхъ подданные микадо могутъ проводить свои идеи въ политическихъ или соціальныхъ сферахъ. Но такъ какъ каждое изъ этихъ обоюдоострыхъ орудій легко можетъ быть употреблено для вредныхъ цѣлей и съ вредными послѣдствіями, то необходимо, для сохраненія общественнаго порядка, наказывать по закону и предупреждать полицейскими мѣрами, предусмотрѣнными закономъ, всякое оскорбленіе чести или нарушеніе правъ личности и нарушеніе мира въ странѣ, или же подстрекательство къ преступленію. *Всѣ ограниченія, однако, должны быть опредѣлены закономъ и лежать внѣ сферы указовъ и предписаній*.

Перейдемъ теперь къ учрежденіямъ, составляющимъ, въ своей совокупности, правительство имперіи.

Тайный Совѣтъ (Сумитсу-Инъ) есть совѣщательное учрежденіе, къ которому императоръ обращается для обсужденія особенно важныхъ государственныхъ дѣлъ. Онъ состоитъ изъ президента, вице-президента, секретаря съ помощниками и 25 членовъ, по назначенію императора, „изъ лицъ, которыя оказали серьезныя услуги государству и которыя извѣстны своею опытностью въ государственныхъ дѣлахъ". Министры ex officio (по должности) суть члены разсматриваемаго Совѣта. Въ обязанность Совѣта входитъ, главнымъ образомъ, разъясненіе статей закона и указовъ, но онъ отнюдь не имѣетъ ни исполнительныхъ, ни законодательныхъ функцій.

Кабинетъ состоитъ изъ 10 членовъ: министра-президента, или премьера (перваго министра), и министровъ: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, военнаго, морского, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и торговли и министра путей сообщенія. Лицо, стоящее во главѣ управленія императорскимъ дворомъ, также носитъ титулъ министра, но не состоитъ членомъ кабинета. Титулы министровъ говорятъ сами за себя и не нуждаются въ разъясненіи.

Согласно IV-й главѣ конституціи, всѣ министры назначаются и увольняются отъ должности императоромъ и отвѣтственны только передъ нимъ; но тѣмъ не менѣе всякіе императорскіе указы и императорскіе рескрипты, относящіеся къ данному министерству, дѣлаются дѣйствительными только послѣ подписанія ихъ соотвѣтствующимъ министромъ. Кромѣ того, хотя по праву—de jure министры совершенно безотвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ и независимы отъ общественнаго мнѣнія страны, на дѣлѣ—de facto имъ приходится всегда считаться съ ними. Такъ, со времени учрежденія конституціи до текущаго года, т. е. за болѣе, чѣмъ 15-ти-лѣтній періодъ существованія ея, министерства смѣнялись десять разъ, при чемъ три раза вслѣдствіе столкновенія кабинета съ сеймомъ и четыре раза вслѣдствіе разногласій въ самомъ кабинетѣ, вызванныхъ желаніемъ большинства его удовлетворить требованіямъ общественнаго мнѣнія. Яркимъ примѣромъ этого служитъ фактъ, что въ 1898 году маркизъ Ито отказался отъ поста перваго министра и предпринялъ поѣздку по Японіи для чтенія рефератовъ о необходимости преобразованія политическихъ партій въ томъ духѣ, чтобы онѣ, „имѣя основной цѣлью блага народа, и защищая права его, въ то же время отнюдь не мѣшали бы спокойному теченію работъ кабинета".

Характеренъ, однако, тотъ фактъ, что при частыхъ смѣнахъ министерствъ въ Японіи портфели военнаго и морского министровъ остаются въ тѣхъ же рукахъ или переходятъ въ другія руки, независимо отъ треволненій внутренней политики. Замѣтимъ еще, что министры

такъ же, какъ и правительственные делегаты, спеціально назначаемые въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могутъ занимать мѣста и говорить въ той или другой палатѣ сейма.

Для цѣлей мѣстнаго самоуправленія Японская имперія раздѣлена на 47 префектуръ, или провинцій (кенъ), на три фу (префектуры настоящей столицы—Токіо и двухъ прежнихъ столицъ—Кіото и Осака), 653 графства (гэнъ), 48 городовъ (си) и 14.734 округа, которые получаютъ названіе „цо", т. е. городской, и „сонъ", т. е. сельскій, въ зависимости отъ числа домовъ, ихъ составляющихъ. Въ управленіи каждымъ изъ нихъ проведенъ принципъ народнаго представительства, которое въ фу и кенахъ осуществляется мѣстными совѣтами *фукваи* и *кенкваи*, работающими каждый подъ предсѣдательствомъ губернатора.

Не входя въ подробности организаціи органовъ мѣстнаго самоуправленія, приведемъ слѣдующую характеристику его, данную компетентнымъ знатокомъ вопроса—американцемъ Эрнестомъ Клементомъ *).

Если мы тщательно „измѣримъ" степень ограниченій власти японскихъ провинціальныхъ совѣтовъ, говоритъ онъ, то найдемъ, что въ теоріи эти *кенкваи* и *фукваи* никоимъ образомъ не стоятъ вполнѣ независимо отъ центральнаго правительства и даже, можетъ быть, они не владѣютъ абсолютнымъ контролемъ въ дѣлахъ *кенъ* и *фу*. Во всѣхъ случаяхъ требуется окончательное утвержденіе рѣшеній совѣта или губернаторомъ, а если онъ не согласенъ съ совѣтомъ, то—департаментомъ внутреннихъ дѣлъ, который имѣетъ даже власть „распускать" совѣты по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, кажется, что теоретически *фукваи* и *кенкваи* находятся въ значительной мѣрѣ въ зависимости отъ центральной власти и представляютъ собою, съ американской точки зрѣнія, скорѣе выборныя совѣщательныя учрежденія, чѣмъ законодательныя.

Но на практикѣ мудрый губернаторъ, хотя онъ и является чиновникомъ по назначенію центральнаго правительства, не часто становится въ оппозицію съ общественнымъ мнѣніемъ, за исключеніемъ, быть можетъ, случаевъ чрезвычайной важности, такъ какъ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ неохотно проявляетъ свою власть, если только въ этомъ не встрѣчается настоятельной необходимости. „Центральное правительство, конечно, не отказывается отъ своей власти, но оно въ то же время уважаетъ общественное мнѣніе и допускаетъ самостоятельность мѣстнаго самоуправленія въ весьма широкой степени".

Въ высшей степени интересны и нижеслѣдующія свѣдѣнія, приводимыя Клементомъ, такъ какъ они являются яркою характеристикой проявленія со стороны японскаго населенія тѣхъ чувствъ отвѣтственности и долга въ дѣлѣ пользованія его своими правами, которыя, надо думать, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ успѣха политическихъ реформъ въ Японіи.

Жители даннаго города или селенія раздѣляются на *дзуминъ* (резиденты) и *коминъ* (граждане), и между ними существуетъ рѣзкое отличіе въ отношеніи правъ и обязанностей. „Резидентами называются всѣ тѣ, которые живутъ въ городѣ или селеніи, безъ различія пола, возраста, цвѣта кожи, національности или состоянія". Гражданами же могутъ быть только независимыя и полноправныя лица мужескаго пола, состоящія въ японскомъ подданствѣ, т. е. такія, которыя достигли 25-лѣтняго возраста и обладаютъ недвижимымъ имуществомъ въ размѣрѣ, который опредѣляетъ извѣстную долю участія ихъ въ уплатѣ налоговъ для покрытія издержекъ на мѣстныя нужды. Права гражданина, которыхъ обыкновенный резидентъ не имѣетъ, состоятъ въ привилегіи его быть избирателемъ на мѣстныхъ выборахъ и избираться на почетныя должности. Что же касается обязанностей гражданина, то онѣ состоятъ въ томъ, что онъ не можетъ уклониться, если къ тому нѣтъ особенно важныхъ причинъ,—отъ принятія на себя должности, на которую избранъ или назначенъ, „не лишившись права гражданства въ періодъ отъ 3 до 4 лѣтъ и не уплачивая въ теченіе того же періода добавочнаго налога на мѣстныя издержки, въ размѣрѣ отъ одной восьмой до одной четвертой доли той суммы, какая опредѣляется его имущественнымъ и общественнымъ положеніемъ". Таковъ принудительный духъ общества. Въ цѣломъ, говоритъ Клементъ, гражданство разсматривается здѣсь болѣе, какъ обязанность, чѣмъ какъ привилегія; и граждане, наиболѣе подготовленные для занятія офиціальныхъ должностей „по довѣренности общества", встрѣчаютъ гораздо больше затрудненій, чѣмъ въ Америкѣ „держаться въ сторонѣ отъ мѣстной политики".

Замѣтимъ еще, что права мѣстнаго самоуправленія распространяются на всѣ части Японской имперіи, за исключеніемъ Хоккаидо (островъ Езо) и Формозы, которые управляются, какъ „территоріи", центральнымъ правительствомъ.

Въ европейскихъ конституціонныхъ державахъ, въ виду необходимости для правительства сообразоваться со взглядами и указаніями господствующихъ въ парламентѣ партій и осо-

*) Ernest W. Clement. „A Handbook of Modern Japan". Chicago, 1904.

бенно съ политикой большинства палаты общинъ, за которой обычаемъ утвердилось право разсматривать въ частностяхъ финансовые проекты,—неизбѣжно долженъ былъ сложиться порядокъ, въ силу котораго члены правительства назначались бы согласно съ желаніями господствующей политической партіи. Вслѣдствіе этого мало - помалу (въ Англіи уже въ теченіе XVIII-го вѣка) установился принципъ такъ называемаго *кабинетскаго* правленія, по которому всѣ отдѣльные министры и приравненные къ нимъ члены правительства составляютъ одну коллегію, солидарны въ отвѣтственности за главныя мѣры политики и получаютъ направленіе отъ преобладающей въ парламентѣ партіи. Такимъ образомъ двойственность властей законодательной и исполнительной фактически устраняется. Послѣдняя подчиняется первой и поставлена въ необходимость искать въ парламентѣ опоры и направленія для своей дѣятельности.

Такого положенія дѣлъ во внутренней политикѣ Японіи еще не могло, конечно, сложиться вслѣдствіе кратковременности дѣйствія конституціи; однако, и тамъ, еще даже до провозглашенія ея,—вскорѣ послѣ того, какъ съ высоты трона дано было обѣщаніе организовать представительное собраніе,—начали образовываться политическія партіи, которыя мало-помалу пріобрѣли значительное вліяніе. Выдающимися изъ нихъ являются, безспорно, партія *кенсеи-хонто*, прогрессистская, подъ главенствомъ горячаго патріота графа Окумы, и *риккенъ-сейю-кваи* (конституціонная), основанная въ 1900 году мудрымъ государственнымъ дѣятелемъ, главнымъ редакторомъ и комментаторомъ конституціи, маркизомъ Ито, который и нынѣ состоитъ предсѣдателемъ этой партіи.

Въ исторіи дѣятельности политическихъ партій въ Японіи мы находимъ полный залогъ того, что онѣ стоятъ на пути къ развитію, которое въ не далекомъ будущемъ дастъ имъ такое же значеніе, какое партіи пріобрѣли въ Англіи и въ другихъ конституціонныхъ странахъ. Но въ настоящее время политическая жизнь Японіи, по мнѣнію видныхъ изслѣдователей ея, руководится скорѣе *отдѣльными лицами*, чѣмъ политическими партіями. И интересное объясненіе этому факту находимъ мы въ соображеніяхъ, высказанныхъ англійскимъ профессоромъ Гриффиномъ и сводящихся къ слѣдующимъ выводамъ:

Въ политикѣ, какъ и во многихъ другихъ сторонахъ японской жизни, можно видѣть интересную смѣсь старой Японіи съ самымъ послѣднимъ и самымъ передовымъ изъ всего того, что выработалъ Западъ. Наиболѣе вліятельный, если не величайшій, англійскій политическій философъ девятнадцатаго столѣтія, Джонъ Стюартъ Милль сказалъ, что, если бы даже мы и могли быть увѣрены, что автократъ, всевластный правитель, будетъ управлять страною болѣе мудро, чѣмъ народное правительство, то, несмотря на то, мы должны были бы предпочесть послѣднее, въ силу того воспитательнаго вліянія, которое имѣетъ на народъ участіе въ управленіи. И вотъ, слѣдованіе этой идеѣ—сознательное или несознательное,—и замѣчается въ прогрессѣ представительнаго правительства въ Японіи. Однако, въ рѣзкую противоположность съ исторіей народнаго правительства на Западѣ, гдѣ парламенты, въ дѣлѣ защиты народныхъ правъ, вліяли на правительство снизу, въ Японіи благо представительства было даровано народу сверху. Этому не противорѣчитъ тотъ фактъ, что борьба между соперничающими другъ съ другомъ кланами всегда была господствующимъ факторомъ во внутренней политикѣ страны со дней реставраціи. Но агитація партій направлялась не столько противъ мѣръ правительства, сколько противъ того, что народному представительству не отводилось надлежащаго мѣста.

Затѣмъ, вліяніе старой Японіи выражается характеромъ политической лояльности—преданности вождю въ партіяхъ. „Физіономія" каждой изъ такихъ партій опредѣляется здѣсь скорѣе ея вождемъ, чѣмъ какими-либо другими факторами ея организаціи и дѣятельности. Въ старой Японіи личная преданность феодальному князю была однимъ изъ сильнѣйшихъ чувствъ каждаго, и это чувство дало отличительный характеръ и современной жизни страны. Съ уничтоженіемъ феодализма исчезла безвозвратно и та политическая и экономическая организація японскаго общества, которая была на немъ основана; но духъ, проникавшій эту организацію, не умеръ и остается въ личной преданности партійнымъ вождямъ. Чѣмъ была бы партія *сейюкваи* безъ маркиза Ито или *прогрессистская* партія безъ графа Окумы? Безъ сомнѣнія, если бы этихъ вождей нестало, то на сцену выступили бы другіе; но если бы при этомъ и сохранились названія партій, то составъ членовъ въ нихъ претерпѣлъ бы огромныя перемѣны.

Такое положеніе дѣла, въ виду быстроты и радикальности, характеризующихъ реформу государственнаго устройства Японіи, надо признать вполнѣ естественнымъ нынѣ, въ переходную еще эпоху политической жизни ея; но въ то же время его нельзя считать такимъ, сохраненія котораго страна должна была бы желать. Въ самомъ дѣлѣ, основывать систему политической жизни страны на вліяніи группы вождей—значитъ стремиться „къ господству немногихъ, олигархіи", которая во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ организаціяхъ осуждена исторіей. Но такого стремленія пока не замѣчается ни со стороны японскаго правительства, ни со стороны вождей политическихъ партій. Это видно ясно изъ того, что обѣ стороны солидарны между собою въ дѣятель-

ныхъ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ цѣлью органическую подготовку народа къ той роли, которую онъ долженъ играть въ странѣ съ представительнымъ правительствомъ. Главнѣйшимъ, или даже основнымъ, изъ такихъ мѣропріятій является, конечно, широкое распространеніе народнаго образованія. Въ Японіи, уже къ 1 января 1902 года 94% всего числа мальчиковъ школьнаго возраста (6 л.—14 л.) посѣщали школу... Но вопросу о состояніи образованія въ этой странѣ нами будетъ посвящена въ слѣдующемъ номерѣ журнала отдѣльная статья.

Н. Азбелевъ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

II.

Въ кругѣ тѣхъ особыхъ учрежденій, совокупность которыхъ составляетъ существующее крестьянское устройство, прежде всего бросается въ глаза и рѣзче всего выдѣляется на первое мѣсто особенное *крестьянское управленіе:* сельскія общества и волости; общественные крестьянскіе сходы; волостные старшины, сельскіе старосты и другія крестьянскія должностныя лица; особыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, какъ-то: земскіе начальники, уѣздные съѣзды и губернскія присутствія, а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерніяхъ—мировые посредники, крестьянскіе начальники, чиновники по крестьянскимъ дѣламъ и т. п. Крестьяне имѣютъ особыя общественныя учрежденія, въ которыя не входятъ лица другихъ сословій, и въ то же время всѣми крестьянскими дѣлами завѣдуютъ не общія административныя установленія, но особыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

На чемъ основано такое устройство крестьянскаго управленія? Въ чемъ заключается его главная цѣль? Въ какой мѣрѣ оно соотвѣтствуетъ, съ одной стороны, главнымъ началамъ Положеній 1861 г., а съ другой—современнымъ потребностямъ жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ? Каковы наиболѣе важные недостатки существующаго устройства крестьянскаго управленія, съ точки зрѣнія указанныхъ „началъ“ и „потребностей“, и какими способами можно исправить эти недостатки?

До реформы 1861 г., крестьяне раздѣлялись на множество отдѣльныхъ разрядовъ, которые не имѣли однороднаго управленія. Каждый разрядъ крестьянъ былъ приписанъ къ какому-либо отдѣльному вѣдомству и входилъ въ него, какъ составная его часть. Были крестьяне: государственные, удѣльные, адмиралтейскіе, вѣдомства военныхъ поселеній, колонисты и многіе другіе. Помѣщичьи крестьяне считались „подданными“ помѣщиковъ. Каждое вѣдомство устраивало своихъ крестьянъ по-своему. Наиболѣе подробно разработаннымъ было устройство государственныхъ крестьянъ. Въ цѣляхъ управленія, государственные крестьяне были раздѣлены на волости и сельскія общества *). Составъ волостей и сельскихъ обществъ опредѣлялся, во-первыхъ, численностью населенія (для волости до 6.000, а для сельскаго общества до 1.500 ревизскихъ душъ мужского пола) и во-вторыхъ, разстояніемъ отдѣльныхъ селеній волости или сельскаго общества отъ средоточія волостного или сельскаго управленія (для волости 40, а для сельскаго общества 15 верстъ). Какъ въ волостяхъ, такъ и въ сельскихъ обществахъ, учреждены были сходы изъ выборныхъ отъ крестьянъ. Сходы вѣчевого устройства, т. е. сходы домохозяевъ, допускались только въ видѣ исключенія, для обсужденія и разрѣшенія земельныхъ дѣлъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда селенія, не составляющія цѣлыхъ сельскихъ обществъ, имѣли особо отведенныя имъ земли (при отводѣ же земель на цѣлыя сельскія общества земельныя дѣла обсуждались и разрѣшались обыкновеннымъ порядкомъ, т. е. на выборныхъ сельскихъ сходахъ). Кромѣ сходовъ сельскія общества и волости имѣли сельскія и волостныя управленія, а также сельскія и волостныя расправы (по дѣламъ судебнымъ). Должностныя лица управленій и расправъ замѣщались частію по выбору, а частію по назначенію. Такъ, волостные головы и сельскіе старшины, по общему правилу, избирались сходами, но могли быть, по прослуженіи трехлѣтія, оставляемы на службѣ по распоряженію начальства, безъ новыхъ выборовъ. Кромѣ того, допускалось, съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, назначеніе на должности головъ и старшинъ, безъ всякихъ выборовъ, благонадежныхъ отставныхъ или отпускныхъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и вахмистровъ. Волостные и сельскіе писаря обязательно назначались по распоряженію начальства. Волостныя и сельскія управленія были подчинены окружнымъ начальникамъ, а послѣдніе—палатамъ государственныхъ имуществъ. Весь этотъ строй учрежденій государственныхъ имуществъ составлялъ одно приказное цѣлое, которое завѣдывало какъ государственными имуществами вообще (землями и оброчными статьями), такъ и особымъ родомъ этихъ имуществъ — государственными крестьянами. Въ составѣ этихъ учрежденій нельзя даже положительно различить, по свойству исполнявшихся ими обязанностей, учрежденія, завѣдывавшія крестьянскими дѣлами, отъ учрежденій, завѣдывавшихъ государственными имуществами. Чисто чиновничьи учрежденія указаннаго строя (окружные начальники и

*) Только въ сѣверо и юго-западныхъ, а также въ бѣлорусскихъ губерніяхъ (всего въ 9 губерніяхъ) учреждены были одни сельскія общества безъ волостей.

палаты государственныхъ имуществъ) распоряжались не только казенными землями, но также и дѣлами поселенныхъ на нихъ государственныхъ крестьянъ. Съ другой стороны, получиновничьи волостныя и сельскія управленія несли на себѣ, кромѣ завѣдыванія крестьянскими дѣлами, дополнительныя обязанности по завѣдыванію не состоявшими въ пользованіи крестьянъ казенными оброчными статьями и лѣсами, т. е. обязанности такъ называемаго „казеннаго управленія". Порядокъ дѣйствій тѣхъ и другихъ учрежденій опредѣлялся многими сотнями статей и правилъ, изложенныхъ въ разныхъ уставахъ, наказахъ и инструкціяхъ.

Большое сходство съ устройствомъ управленія государственныхъ крестьянъ представляло управленіе удѣльныхъ крестьянъ, у которыхъ учреждены были удѣльные приказы, головы, приказные сходы, казенные и приказные старшины и т. п. Однородныя начала смѣшаннаго, приказно-выборнаго управленія, проведены были въ устройство поселянъ-колонистовъ, которое составляло во всѣхъ инстанціяхъ, т. е. степеняхъ (отъ низшихъ до высшихъ), такое же обособленное „вѣдомство", какъ и вѣдомства удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ.

Помѣщичьи крестьяне вѣдались помѣщиками, которые признавались помѣстными „полиціймейстерами". Своими крестьянами помѣщики управляли посредствомъ приказчиковъ, бурмистровъ и старостъ. Въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ созывались иногда мірскія сходки для разрѣшенія тѣхъ дѣлъ внутренняго крестьянскаго распорядка, которыя помѣщичья власть предоставляла вѣдѣнію самихъ крестьянъ. Только своими дворовыми людьми помѣщики всегда распоряжались непосредственно. Кромѣ этой послѣдней черты, въ управленіи помѣстьями было въ общемъ очень мало однороднаго. Все зависѣло отъ обычаевъ мѣстности и отъ способа дѣйствій каждаго отдѣльнаго помѣщика.

При начертаніи Положеній 1861 г., имѣлось въ виду не устройство крестьянъ вообще, а лишь устройство освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ. Поэтому выраженныя въ Положеніяхъ 1861 г. главныя начала устройства крестьянскаго управленія должны быть принимаемы съ большими оговорками. Необходимо различать, въ какой степени эти начала относились къ крестьянскому управленію, вообще, и къ устройству управленія помѣщичьихъ крестьянъ, въ особенности. Послѣдняя оговорка представляется тѣмъ болѣе важной, что помѣщичьи крестьяне не получили сразу полной свободы. На первое время послѣ отмѣны крѣпостного права, т. е. полной и почти неограниченной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, сохранялись еще особыя временно-обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ по дѣламъ землепользованія и отбыванія повинностей (денежныхъ или натуральныхъ, т. е. оброка или барщины) за отведенные крестьянамъ надѣлы изъ помѣщичьихъ земель. Эти особыя временно-обязательныя отношенія должны были прекратиться только съ переходомъ крестьянъ на выкупъ или съ пріобрѣтеніемъ ими въ собственность отведенныхъ имъ надѣловъ. До такого пріобрѣтенія или выкупа крестьяне назывались временно-обязанными, а послѣ получали названіе крестьянъ-собственниковъ. Естественно, что съ временно-обязаннымъ положеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ которое эти крестьяне вступали тотчасъ по уничтоженіи крѣпостного права, должны были сообразоваться многія особенности ихъ общественнаго устройства и управленія. Такимъ образомъ совершенно понятно, что въ Положеніяхъ 1861 г. должны были заключаться, на ряду съ общими, коренными началами такого устройства, также и временныя правила. Только первымъ принадлежитъ названіе „основныхъ началъ преобразованія 1861 г.", которыя должны были пережить это преобразованіе и быть положены въ фундаментъ всего зданія крестьянскаго управленія, а вторыя—достояніе прошлаго, временныя надстройки, которыя подлежали сломкѣ, по миновании въ нихъ надобности.

Кромѣ того, слѣдуетъ помнить, что то время, когда совершалось освобожденіе крестьянъ, было вообще для нашего отечества временемъ переходнымъ, когда обновлялось и преобразовывалось все наше государственное и общественное устройство. Крестьянское преобразованіе было первымъ по очереди, но за нимъ должны были слѣдовать и уже были въ ходу преобразованія: судебное, земское и др. При такихъ условіяхъ тѣ новыя отношенія къ государству и обществу, въ которыя вступало освобожденное крестьянство (вслѣдствіе самаго освобожденія его отъ крѣпостной зависимости), оказывались еще неопредѣленными и для другихъ разрядовъ населенія. Изъ своей крѣпостной неволи крестьяне выходили не въ благоустроенную и мирно-текущую жизнь, а въ сутолоку и суету капитальнаго строительства. Недавніе узники крѣпостного права были, такъ сказать, выпущены изъ своей темницы на площадь, на которой рушились старыя зданія, суетились и спѣшили въ облакахъ пыли архитекторы и рабочіе, высились лѣса и подъ громъ, стукъ и всеобщій гулъ голосовъ возводились едва еще видныя отъ земли зданія, устройство которыхъ было еще неизвѣстно и таилось лишь въ мысляхъ главныхъ строителей. Нельзя было заранѣе опредѣлить, какія помѣщенія могутъ быть отведены крестьянамъ въ новыхъ зданіяхъ, съ какими частями населенія вновь устраиваемаго города крестьяне заживутъ общею жизнью, какъ сложится ихъ дальнѣйшее бытіе въ условіяхъ обновляемаго государства? Чтобы крестьяне не растерялись въ сутолокѣ этой всеобщей перестройки, оправились бы отъ долгой неволи и окрѣпли для

новой дѣятельной жизни того большого города, который какъ бы выросталъ вокругъ нихъ изъ земли, нужно было въ сторонѣ отъ суеты строительства, на краю, на выгонѣ, дать имъ временный тихій пріютъ и кровъ,—хотя бы въ наскоро устроенныхъ шалашахъ. Только съ окончаніемъ постройки, отдохнувшіе и окрѣпшіе крестьяне могли бы вступить въ общую жизнь всего остального населенія, занявъ въ ней подходящее для нихъ мѣсто.

При такихъ условіяхъ незавершеннаго еще преобразованія всѣхъ сторонъ государственной жизни, составители Положеній о крестьянахъ не могли дать окончательнаго выраженія всѣмъ новымъ возникавшимъ для помѣщичьихъ крестьянъ отношеніямъ ихъ къ этой жизни, а должны были позаботиться только о временномъ устройствѣ этихъ отношеній, особомъ отъ предстоявшихъ преобразованій.

Такія случайныя обстоятельства, при которыхъ совершалось освобожденіе крестьянъ, должны были наложить на установленное въ Положеніяхъ 1861 г. крестьянское устройство не меньше временныхъ особенностей, чѣмъ тѣ временно-обязательныя отношенія, въ которыхъ, впредь до выкупа, оставались къ помѣщикамъ освобожденные крестьяне.

Приведенныя общія оговорки объясняютъ весьма многое въ созданномъ Положеніями 1861 г. устройствѣ крестьянскаго управленія, которое, какъ и всякое вообще управленіе, было не самоцѣльно, но преслѣдовало цѣли устройства и упорядоченія отдѣльныхъ опредѣленныхъ отношеній.

Въ трудахъ редакціонныхъ коммисій по составленію Положеній 1861 г. намѣчаются три разряда отношеній, которыя возникали для крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости: 1) отношенія къ помѣщикамъ, 2) отношенія къ землепользованію и 3) общегражданскія отношенія, т. е. отношенія къ правительству, къ суду и къ дѣламъ мѣстнаго благоустройства и порядка.

„Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей",—таково было одно изъ главныхъ, Высочайше преподанныхъ въ руководство редакціоннымъ комиссіямъ, началъ для установленія взаимныхъ отношеній между временно-обязанными крестьянами и помѣщиками. Изъ этого начала естественно вытекалъ выводъ, принятый редакціонными комисіями, что крестьяне каждаго помѣщика должны составить особый „міръ", или союзъ, черезъ посредство котораго происходили бы сношенія крестьянъ съ помѣщикомъ. Такіе обобщественные союзы крестьянъ одного помѣщика получили въ трудахъ редакціонныхъ комисій первоначально названіе „мірскихъ обществъ", а затѣмъ „сельскихъ обществъ".

Далѣе, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ съ землей и отвода земельныхъ надѣловъ не каждому крестьянину въ отдѣльности, а всѣмъ крестьянамъ каждаго помѣщика въ совокупности, устанавливались особыя взаимныя отношенія между крестьянами по владѣнію и пользованію отведенными имъ общими надѣлами. Завѣдываніе такими отношеніями, въ свою очередь, требовало установленія соотвѣтственныхъ общественныхъ союзовъ. Для этой цѣли, однако, не нужно было создавать новыхъ, дополнительныхъ союзовъ, независимо отъ указанныхъ выше мірскихъ или сельскихъ обществъ. Такъ какъ крестьяне каждаго помѣщика получали надѣлы отдѣльно отъ крестьянъ другихъ помѣщиковъ, то очевидно, что образуемые изъ крестьянъ каждаго помѣщика общественные союзы, собственно для посредничества между помѣщикомъ и крестьянами, являлись въ то же время самыми подходящими союзами для завѣдыванія надѣлами, которые были отведены крестьянамъ каждаго помѣщика. Устройство такихъ союзовъ, для того, чтобы они могли обслуживать послѣднюю новую цѣль, требовало только одной небольшой поправки. А именно, въ большихъ помѣщичьихъ вотчинахъ, въ которыхъ крестьяне составляли нѣсколько деревень, отдаленныхъ одна отъ другой и имѣвшихъ поэтому каждая отдѣльное землепользованіе, представлялось вполнѣ справедливымъ отводить надѣлы не на всѣ деревни вмѣстѣ, но на каждую въ отдѣльности, и учредить для завѣдыванія отведенными надѣлами не одинъ земельный союзъ, а нѣсколько. Чтобы достигнуть совпаденія такихъ земельныхъ союзовъ съ мірскими обществами, достаточно было раздѣлить мірское общество каждой большой общины на столько отдѣльныхъ обществъ, сколько въ этой вотчинѣ состояло отдѣльныхъ земельныхъ единицъ. Другими словами, для достиженія этой цѣли необходимо было оговорить въ правилахъ объ образованіи мірскихъ или сельскихъ обществъ, что крестьяне каждаго помѣщика только въ томъ случаѣ составляютъ одно общество, если они, независимо отъ принадлежности одному помѣщику, имѣютъ общее землепользованіе; въ противномъ же случаѣ изъ нихъ образуется, соотвѣтственно числу земельныхъ единицъ, нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ обществъ.

Указанные два признака (принадлежность одному помѣщику и общность землепользованія) и послужили основаніями для образованія сельскихъ обществъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. По этому предмету въ ст. 40 Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (ст. 48 Общ. Пол., изд. 1902 г.), было указано, что „сельское общество составляется изъ крестьянъ, *водворенныхъ на землѣ одного помѣщика*", и можетъ состоять „либо изъ цѣлаго селенія (села или деревни), либо изъ одной части разнопомѣстнаго селенія, либо изъ нѣсколькихъ мелкихъ, по возможности смежныхъ, и во всякомъ случаѣ, ближайшихъ между собою п селковъ

(какъ-то: выселковъ, починковъ, хуторовъ, застѣнковъ, односелій, или отдѣльныхъ дворовъ и т. п.), *пользующихся всѣми угодьями или нѣкоторыми изъ нихъ сообща*, или же имѣющихъ другія общія хозяйственныя выгоды".

Итакъ, для посредничества между крестьянами и помѣщиками по дѣламъ ихъ взаимныхъ, временно-обязательныхъ отношеній, а также для завѣдыванія земельными отношеніями крестьянъ, были образованы изъ освобожденныхъ крестьянъ „сельскія общества", устроенныя на помѣстно-земельномъ началѣ.

Далѣе, послѣ освобожденія крестьянъ отъ неограниченной власти помѣщиковъ, которые были для крестьянъ и полиціймейстерами, и судьями, и опекунами, заслоняя крестьянъ своей личностью и своей властью отъ протекавшей въ сторонѣ общегосударственной жизни,—для освобожденныхъ крестьянъ открывался просторъ общегражданскихъ отношеній, потребностей и заботъ. Исполненіе крестьянами государственныхъ повинностей (уплата подушной подати, отбываніе воинской и другихъ натуральныхъ повинностей) ставило ихъ въ отношенія къ правительственной власти. Гражданско-имущественный оборотъ, въ который вступали крестьяне (наемъ на работы, купля, продажа, наслѣдованіе и т. д.), вызывалъ въ крестьянской средѣ гражданскія отношенія между крестьянами, взаимно, и съ лицами другихъ сословій. Затѣмъ, въ деревняхъ открывались присущія всякимъ населеннымъ мѣстамъ потребности полицейскаго порядка, общественнаго благоустройства и призрѣнія, школьнаго обученія, содержанія дорогъ и т. п. Вся эта сложная совокупность отношеній и потребностей, завѣдываніе которыми носитъ общее названіе „управленія", требовала, очевидно, какихъ-либо учрежденій для замѣны помѣщичьяго управленія, упразднявшагося одновременно съ упраздненіемъ крѣпостного права.

Полное упраздненіе помѣщичьяго управленія первоначально не входило въ намѣренія правительства, которое останавливалось на предположеніи сохранить за помѣщиками вотчинную полицію, присвоивъ помѣщикамъ названіе „начальниковъ сельскихъ обществъ". Предположеніе это поддерживалось во многихъ губернскихъ комитетахъ, но уже при самомъ началѣ работъ редакціонныхъ комиссій, которыя составляли Положенія о крестьянахъ на основаніи отзывовъ губернскихъ комитетовъ, этимъ комиссіямъ преподано было Высочайшее повелѣніе—не стѣсняться указаннымъ выше предположеніемъ.

Разсматривая поставленный вопросъ, редакціонныя комиссіи нашли, со своей стороны, что присвоеніе помѣщикамъ званія начальниковъ сельскихъ обществъ, съ соотвѣтственными этому званію правами, создало бы только новые способы зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ и привело бы къ возстановленію многихъ печальныхъ сторонъ упраздняемаго крѣпостного права, а потому комиссіи совершенно отвергли это предположеніе.

Что же, затѣмъ, оставалось сдѣлать комиссіямъ? Чѣмъ можно было замѣнить помѣщиковъ? Существовавшія въ то время приказныя учрежденія для этого не годились, потому, во-первыхъ, что они сами зависѣли во многомъ отъ помѣщиковъ, а во-вторыхъ, учрежденія эти, въ свою очередь, подлежали упраздненію или преобразованію. Кромѣ того, многія изъ открывавшихся для крестьянъ потребностей управленія (какъ, напримѣръ, потребности общественнаго призрѣнія, школьнаго обученія, деревенскаго благоустройства и т. п.) требовали, по самому своему свойству, чтобы ими завѣдывали не приказныя, но общественныя учрежденія. На какихъ же основаніяхъ слѣдовало устроить такія учрежденія? Редакціоннымъ комиссіямъ было, между прочимъ, не чуждо предположеніе объ устройствѣ такъ называемыхъ всесословныхъ или безсословныхъ волостей, т. е. о соединеніи крестьянъ со всѣми остальными мѣстными жителями другихъ сословій въ общіе самоуправляющіеся союзы. Отъ этой мысли редакціонныя комиссіи, однако, отказались, потому что боялись, что едва только освобожденное крестьянство, не привыкшее къ общественной дѣятельности, встрѣчаясь въ такихъ союзахъ съ представителями другихъ сословій (во многихъ случаяхъ—съ бывшими помѣщиками, съ которыми еще сохранялись обязательныя отношенія), могло быть ими обижено или подавлено. Независимо отъ этого, самый опытъ устройства всесословныхъ общественныхъ учрежденій былъ еще неиспытанной новизной въ тогдашней Россіи, которая не имѣла еще земскихъ учрежденій. По этимъ причинамъ редакціонныя комиссіи, считая преждевременнымъ устройство всесословныхъ волостей, пока еще существовали временно-обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, еще живы были воспоминанія о крѣпостномъ правѣ, а также и неясны черты предполагавшагося новаго земскаго устройства, — предпочли ограничиться освобожденіемъ крестьянъ отъ всякаго вліянія помѣщиковъ въ вопросахъ управленія и временно, впредь до новаго земскаго устройства, поручить завѣдываніе дѣлами крестьянскаго управленія выборнымъ представителямъ отъ самихъ крестьянъ. Въ виду указанныхъ выше обстоятельствъ, т. е. опасности помѣщичьяго вліянія и неопредѣленности предстоявшаго земскаго преобразованія, такое рѣшеніе—поставить крестьянъ на время совершенно въ сторонѣ отъ общаго строя управленія, на краю жизни, было, конечно, правильно.

Производство выборовъ въ должности по крестьянскому управленію необходимо было, разумѣется, пріурочить къ болѣе обширнымъ, а также иначе устроеннымъ крестьянскимъ союзамъ, чѣмъ сельскія общества. Въ то же время, для удобства управленія, слѣдовало опредѣлить

пространство дѣйствій крестьянскаго управленія болѣе или менѣе однородными величинами, не зависящими отъ случайнаго состава отдѣльныхъ сельскихъ обществъ, среди которыхъ могли встрѣчаться чрезвычайно мелкія общества. Прежде всего редакціонныя комиссіи предполагали пріурочить устройство крестьянскаго управленія къ существовавшимъ приходамъ, съ тѣмъ, чтобы крестьяне каждаго прихода составляли отдѣльную единицу управленія. Но приходы, въ свою очередь, оказались чрезвычайно различными по величинѣ. Поэтому, въ концѣ концовъ, редакціонныя комиссіи остановились на рѣшеніи соединять сельскія общества и крестьянское населеніе приходовъ въ такіе союзы, общее населеніе которыхъ колебалось бы отъ 300 до 2.000 ревизскихъ душъ, съ тѣмъ, чтобы при такомъ соединеніи не дробились сельскія общества, а также, по возможности, не дробились бы и приходы. Такія соединенія крестьянъ въ цѣляхъ управленія были названы послѣ продолжительныхъ споровъ *волостями*. Это послѣднее названіе, однако, понималось редакціонными комиссіями не въ смыслѣ волостей государственныхъ крестьянъ, которыя были второй степенью общаго управленія государственными имуществами, а въ смыслѣ первой и единственной степени исключительно крестьянскаго управленія.

Изложенныя соображенія редакціонныхъ комиссій выразились вполнѣ въ изданномъ 19 февраля 1861 г. Общемъ Положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. А именно, въ этомъ Положеніи было указано, что крестьяне „для ближайшаго управленія и суда соединяются въ волости" (ст. 17); что волости образуются изъ „смежныхъ сельскихъ обществъ", при чемъ „сельскія общества не раздробляются" (ст. 42); что въ основаніе образованія волостей принимается „нынѣшнее раздѣленіе на приходы, т. е. изъ каждаго прихода образуется волость" (ст. 44), если только этому не препятствуетъ малолюдность прихода; въ противномъ случаѣ, приходы соединяются съ такимъ расчетомъ, чтобы населеніе волостей составляло отъ 300 до 2.000 ревизскихъ душъ (ст. 43 и 44). *).

Въ волостяхъ образованы были волостные сходы изъ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ, волостныя правленія и волостные суды.

Соотвѣтственно указанному выше значенію волостей (завѣдывать дѣлами крестьянскаго управленія и суда) опредѣлены были и предметы вѣдомства волостныхъ учрежденій. А именно, къ вѣдомству волостного схода были отнесены, кромѣ выбора волостныхъ должностныхъ лицъ, мѣры общественнаго призрѣнія, учрежденіе училищъ и вообще постановленія о хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлахъ волости, а также—дѣла по отправленію воинской и другихъ крестьянскихъ повинностей (Общ. Пол., ст. 78). Затѣмъ волостному правленію предоставлено было свидѣтельствованіе крестьянскихъ сдѣлокъ и договоровъ, а также производство продажи крестьянскаго имущества по частнымъ и казеннымъ взысканіямъ (тамъ же, ст. ст. 89 и 91). Далѣе, на волостной судъ возложено было разбирательство споровъ и тяжбъ между крестьянами, а также и дѣлъ о маловажныхъ ихъ проступкахъ (тамъ же, ст. 95). Наконецъ, на волостного старшину возложены были многочисленныя обязанности по исполненію требованій правительственныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ и по разнообразнымъ съ нимъ сношеніямъ, касающимся крестьянскихъ дѣлъ (податныхъ, паспортныхъ и т. д.), а также наблюденіе за общимъ полицейскимъ порядкомъ въ волостяхъ и сельскихъ обществахъ (тамъ же, ст. ст. 83—85).

Въ такомъ своемъ устройствѣ, волостное управленіе по качеству и свойству своей дѣятельности существеннымъ образомъ отличалось отъ сельскихъ обществъ, дѣятельность которыхъ должна была заключаться исключительно въ завѣдываніи земельно-помѣстными отношеніями крестьянъ. Это отличіе, на которомъ особенно настаивали редакціонныя комиссіи, однако, нѣсколько сгладилось впослѣдствіи, не въ пользу того общаго плана, по которому работали редакціонныя комиссіи. А именно, въ виду заявленныхъ противъ волостного устройства возраженій, что оно, будучи до извѣстной степени удаленнымъ отъ мелкихъ средоточій крестьянскихъ общественныхъ отношеній (селъ и деревень), не въ состояніи будетъ принимать дѣятельнаго участія въ завѣдываніи всѣми этими отношеніями,—редакціонныя комиссіи, уступая этимъ возраженіямъ, признали возможнымъ возложить завѣдываніе нѣкоторыми дѣлами крестьянскаго общественнаго благоустройства (опеки, призрѣніе, обученіе грамотѣ и другія общественныя нужды) также и на сельскія общества (п. 8 ст. 51 Общ. Положен.) Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы полицейская власть волостного старшины имѣла представителей въ сельскихъ обществахъ, на сельскихъ старостъ, на ряду съ земельными обязанностями, возложены были также нѣкоторыя полицейскія обязанности (тамъ же, ст. ст. 60 и 63). По предположеніямъ комиссій, исполненіе сельскими старостами и сельскими обществами указанныхъ выше особыхъ обязанностей не должно было, однако, нарушать самой природы и устройства сельскихъ обществъ, предназначенныхъ главнымъ образомъ для завѣдыванія земельно-помѣстными отношеніями, но служило бы только дополненіемъ дѣятельности волостного управленія по завѣдыванію общегражданскими отношеніями крестьянъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда по мѣстнымъ условіямъ пришлось бы образовать волости изъ такихъ сельскихъ обществъ, которыя находятся на значительномъ разстояніи одно отъ другого.

*) Общ. Пол., изд. 1902 г., ст. 49—51.

Какъ бы то ни было, въ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей завершался, по предположеніямъ редакціонныхъ комиссій, кругъ особыхъ крестьянскихъ учрежденій, завѣдывающихъ земельно-помѣстными и общегражданскими отношеніями временно обязанныхъ крестьянъ, ибо редакціонныя комиссіи не предполагали затѣмъ устанавливать какой-либо особый порядокъ завѣдыванія крестьянскими дѣлами въ высшихъ степеняхъ управленія, подобно порядку, существовавшему въ то время у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и приводившему къ образованію изъ этихъ разрядовъ крестьянъ особыхъ „вѣдомствъ". Редакціонныя комиссіи совсѣмъ не имѣли въ виду устраивать еще новое вѣдомство временно-обязанныхъ крестьянъ, а потому разсуждали и выразили въ законѣ (ст. 19 Общ. Пол. 1861 г.), что „крестьяне и общественныя ихъ учрежденія подчиняются общимъ губернскимъ и уѣзднымъ управленіямъ". Только „для приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ и для разрѣшенія особыхъ дѣлъ, возникающихъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами", были учреждены, согласно ст. 20 Общ. Пол., временныя установленія по крестьянскимъ дѣламъ (мировые посредники, ихъ съѣзды и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія). Самое назначеніе мировыхъ посредниковъ было первоначально произведено только на три года.

Соображая всѣ изложенныя данныя объ общественно - административномъ устройствѣ крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, очень трудно выдѣлить изъ этихъ данныхъ какія-либо основныя начала не только для устройства всѣхъ крестьянъ вообще, но также и для постояннаго устройства однихъ только бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ правилахъ Положеній 1861 года по части крестьянскаго управленія было гораздо больше временнаго и случайнаго, чѣмъ постояннаго и основного. Временныя цѣли посредничества между крестьянами и помѣщиками по дѣламъ ихъ временно-обязательныхъ отношеній преслѣдовались въ устройствѣ сельскихъ обществъ; временно, для устраненія всякаго вліянія помѣщиковъ на дѣла крестьянскаго управленія, въ первое время по освобожденіи крестьянъ были учреждены крестьянскія волости изъ помѣстноземельныхъ сельскихъ обществъ; наконецъ, временная цѣль устройства особыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ была прямо указана въ самомъ законѣ.

Только два постоянныхъ начала общественно-административнаго устройства крестьянъ могутъ быть выдѣлены изъ временныхъ положеній 1861 г.: 1) пріуроченіе завѣдыванія земельными дѣлами крестьянъ къ составу такихъ обществъ или союзовъ крестьянъ, которые пользуются земельными угодьями сообща, и 2) подчиненіе крестьянъ по дѣламъ управленія власти общихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій.

Послѣдовательное проведеніе въ жизнь этихъ двухъ основныхъ началъ, а въ особенности устройство ближайшаго, мѣстнаго завѣдыванія общегражданскими отношеніями крестьянъ, способы котораго оставались совершенно открытыми, могли осуществиться только по прекращеніи временно-обязательныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками и по завершеніи другихъ преобразованій, которыя готовились въ мѣстной жизни.

Между тѣмъ, временно-обязательное положеніе крестьянъ затянулось, такъ какъ переходъ крестьянъ на выкупъ совершался довольно медленно. Съ другой стороны, при новомъ земскомъ и судебномъ строительствѣ, освобожденные крестьяне были совсѣмъ забыты въ своихъ волостныхъ шалашахъ. Ихъ обошли эти преобразованія, или точнѣе, очень мало ихъ коснулись.

При такихъ условіяхъ постепенно выдвигались вопросы объ устройствѣ тѣхъ разрядовъ крестьянъ, которые принадлежали къ разнымъ особымъ „вѣдомствамъ" (крестьяне государственные, удѣльные и др.). Можно было думать, что устройство этихъ разрядовъ крестьянъ, при которомъ можно было не считаться съ какой-либо помѣщичьей опасностью или съ какими-либо временно-обязательными отношеніями, подвинетъ общее разрѣшеніе вопроса объ окончательномъ общественно-административномъ устройствѣ всего крестьянства и что по этому окончательному образцу будетъ завершено также и временное устройство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Но случилось иначе. Какъ всегда бываетъ послѣ большихъ государственныхъ преобразованій, творческая мысль утомилась, и новый, искомый образецъ общаго крестьянскаго устройства ей не давался. Поэтому преобразованіе всѣхъ отдѣльныхъ крестьянскихъ вѣдомствъ совершилось по временному образцу, данному въ Положеніяхъ 1861 г. Эти Положенія, носившія въ законѣ названія Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, либо о крестьянахъ временно-обязанныхъ,—прямо распространялись на такихъ крестьянъ, которые никогда не состояли ни въ какой зависимости отъ помѣщиковъ и не были имъ ничѣмъ обязаны. Повсюду введены были сельскія общества, волости и мировыя посредническія учрежденія, которыя по своему устройству были предназначены только для развязки отношеній между крестьянами и помѣщиками. При этомъ не обошлось безъ большихъ недоразумѣній. Такъ, напримѣръ, во время распространенія на государственныхъ крестьянъ Положеній 1861 г., у этихъ крестьянъ уже были сельскія общества и волости, хотя и не имѣвшія ничего общаго съ устройствомъ сельскихъ обществъ и волостей по Положеніямъ 1861 года. Ближе, но все-таки не совсѣмъ, къ понятію волостей по Положе-

ніямъ 1861 года подходили сельскія общества государственныхъ крестьянъ, а волости ихъ, ни по своему составу, ни по своему значенію, не имѣли въ Положеніяхъ 1861 г. никакихъ однородныхъ учрежденій. Между тѣмъ, въ виду созвучія названій, сельскія общества и волости государственныхъ крестьянъ, при распространеніи на нихъ Положеній 1861 г., были, по большей части, оставлены въ прежнемъ составѣ и только относительно порядка ихъ дѣйствій къ первымъ были примѣнены правила 1861 г. о сельскихъ обществахъ, а ко вторымъ—о волостяхъ *). Можно себѣ представить, какая внутренняя путаница произошла въ крестьянскомъ устройствѣ, несмотря на однородность названій и внѣшней стороны этого устройства. Путаница эта постепенно увеличивалась еще производившимися нерѣдко, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, измѣненіями въ составѣ сельскихъ обществъ и волостей у различныхъ разрядовъ крестьянъ, не исключая и бывшихъ помѣщичьихъ. Мелкія земельно-помѣстныя сельскія общества бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ иногда соединялись вмѣстѣ, несмотря на обособленность ихъ землепользованія, въ видахъ удобства управленія,т. е., точнѣе, въ видахъ распространенія полицейской власти сельскихъ старостъ на болѣе округленные районы. Въ тѣхъ же цѣляхъ увеличивался размѣръ волостей, путемъ соединенія вмѣстѣ нѣсколькихъ мелкихъ волостей. Сельскія общества и волости кроились, перекраивались, упразднялись и вновь учреждались.

Весь этотъ пестрый и запутанный строй крестьянскихъ учрежденій, въ которомъ смѣшались остатки временныхъ правилъ 1861 г. съ учрежденіями государственныхъ имуществъ и другихъ, существовавшихъ до 1861 г. особыхъ вѣдомствъ, дожилъ до настоящаго времени. Изъ всѣхъ частей указаннаго строя, за сорокалѣтнее его существованіе, крупнымъ преобразованіямъ подвергались за истекшее время только высшія его степени, а именно учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ. Мировыя посредническія учрежденія имѣли настолько опредѣленное временное устройство, что не могли долго удержаться. Была такая минута, когда можно было ожидать исполненія одного изъ главныхъ началъ преобразованія 1861 г., а именно подчиненія крестьянъ дѣйствію общихъ учрежденій. Уже въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія возникало предположеніе о совершенномъ упраздненіи мировыхъ посредниковъ, съ распредѣленіемъ ихъ обязанностей между мировыми судьями и нѣкоторыми иными уѣздными учрежденіями. Предположеніе это, однако, не осуществилось и, послѣ очень продолжительныхъ законодательныхъ работъ, мировые посредники были только замѣнены новыми, столь же особо-крестьянскими, но уже не временными, а постоянными уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Независимо отъ своего постояннаго значенія, вновь образованныя уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія имѣли то существенное отличіе отъ мировыхъ посредническихъ учрежденій, что въ ихъ устройствѣ было впервые выражено совершенно чуждое законодательству 1861 г. начало особаго завѣдыванія крестьянскими дѣлами и руководства, какъ самими крестьянами, такъ и общественными ихъ установленіями (ст. 15 закона 27 іюня 1874 г.). Это послѣднее начало было естественнымъ увѣнчаніемъ того зданія обще-крестьянскаго вѣдомства, которое, противъ ожиданій составителей законовъ 1861 г., было возведено не на главныхъ основаніяхъ преобразованія 1861 г., а на временныхъ, изданныхъ для недолгаго періода временно-обязательныхъ отношеній, правилахъ и постановленіяхъ. Послѣдовавшее новое преобразованіе въ 1889 г. учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, съ замѣной уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій земскими начальниками и уѣздными съѣздами, было только дальнѣйшимъ развитіемъ того же начала особаго завѣдыванія крестьянами, которое проявилось уже достаточно ясно въ 1874 г.

Такимъ образомъ, оказывается, что подлежащее нынѣ пересмотру устройство крестьянскаго управленія, въ томъ видѣ, въ какомъ оно сложилось за послѣднія сорокъ лѣтъ, только въ немногихъ частяхъ опирается на основныя начала преобразованія 1861 г. и далеко отъ нихъ отошло въ другихъ частяхъ, воспринявъ не только отдѣльныя случайныя примѣси въ мелочахъ и подробностяхъ, но и новыя основныя начала, совершенно несоотвѣтствующія духу Положеній 1861 г.

Одно только несоотвѣтствіе существующаго крестьянскаго устройства главнымъ началамъ Положеній 1861 г. не можетъ, однако, служить достаточнымъ поводомъ для полнаго его осужденія и уже совершенно недостаточно для опредѣленія способовъ необходимаго его преобразованія, ибо съ 1861 г. условія сельской жизни значительно измѣнились. Поэтому недостатки указаннаго устройства должны быть провѣрены не только со стороны соотвѣтствія или несоотвѣтствія его главнымъ началамъ Положеній 1861 г., но также и со стороны современныхъ условій и потребностей деревенской жизни.

Ив. Страховскій.

---

*) Сельскія общества бывшихъ государственныхъ крестьянъ были преобразованы, какъ и слѣдовало, въ волости по Положеніямъ 1861 г. лишь въ тѣхъ девяти упомянутыхъ выше губерніяхъ, гдѣ у государственныхъ крестьянъ совсѣмъ не было волостей, а были только сельскія общества.

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

Паденіе Портъ-Артура является главнѣйшимъ военнымъ событіемъ всего перваго періода идущей нынѣ великой борьбы на берегахъ Тихаго океана. Скорбный день, въ который приходится учитывать утрату нашего оплота на крайнемъ югѣ далекой восточной окраины, насталъ скорѣе, чѣмъ то можно было ожидать. Мы не станемъ здѣсь описывать послѣдніе дни многострадальной крѣпости: ихъ тяжелая картина до боли ясно рисуется въ представленіи каждаго изъ насъ.

Паденіе Портъ-Артура принадлежитъ къ тѣмъ событіямъ, о которыхъ лаконическая телеграмма скажетъ больше, нежели самое подробное краснорѣчивое описаніе. Задача хроникера сводится къ объективному воспроизведенію самого событія и къ безпристрастной его оцѣнкѣ. Съ этой точки зрѣнія выполненіе первой части задачи какъ нельзя болѣе легко. Оно сводится къ краткому указанію: 20 декабря 1904 года въ Шуишинѣ были подписаны слѣдующія условія капитуляціи Портъ-Артура, переданныя 11 января изъ Чифу по телеграфу:

Ст. I. Русская армія, флотъ, охотники и должностныя лица въ крѣпости и въ водахъ Портъ-Артура становятся военно-плѣнными.

Ст. II. Всѣ форты, батареи, броненосцы, корабли, лодки, оружіе, аммуниція, лошади и всѣ другіе предметы войны, равно какъ деньги и другіе предметы, принадлежащіе Русскому Правительству, должны быть переданы японской арміи въ томъ видѣ, въ которомъ находятся въ данный моментъ.

Ст. III. Если двѣ предыдущія статьи будутъ приняты, то, въ видѣ гарантіи за точное исполненіе, русская армія и флотъ должны вывести всѣ гарнизоны изъ всѣхъ фортовъ и батарей на Итцушанѣ, Шуаньшишанѣ и Таяншишанѣ и со всей цѣпи холмовъ на юго-востокъ отъ вышепоименованныхъ горъ, и передать форты и батареи японской арміи 3-го января до полудня.

Ст. IV. Если будетъ замѣчено, что русская армія и флотъ разрушаютъ и какимъ бы то ни было способомъ измѣняютъ настоящее состояніе предметовъ, указанныхъ въ ст. II, послѣ подписанія капитуляціи, японская армія прекратитъ всякіе переговоры и будетъ имѣть свободу дѣйствій.

Ст. V. Русскія военныя и морскія власти должны выбрать и передать японской арміи планы и укрѣпленія Портъ-Артура и карту съ указаніемъ мѣстъ фугасовъ, подводныхъ минъ и другихъ опасныхъ предметовъ, таблицу организаціи арміи и флота, находящихся въ Портъ-Артурѣ, номенклатуру военныхъ и морскихъ офицеровъ, опредѣляющую ихъ чины и обязанности; то же самое относительно военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; то же самое о броненосцахъ, корабляхъ и лодкахъ съ номенклатурой экипажей, таблицу, показывающую число, полъ, расу и профессію мирныхъ жителей.

Ст. VI. Все оружіе, включая носимое частными лицами, аммуниція, предметы, принадлежащіе Правительству, лошади, броненосцы, корабли и лодки со всѣмъ находящимся на нихъ имуществомъ, кромѣ частнаго, должны содержаться въ порядкѣ на прежнихъ мѣстахъ. Способъ передачи ихъ долженъ быть рѣшенъ русско-японскимъ комитетомъ.

Ст. VII. Въ воздаяніе почести храбрымъ защитникамъ Портъ-Артура, русскимъ военнымъ и морскимъ офицерамъ и чиновникамъ разрѣшается носить холодное оружіе и имѣть при себѣ предметы, необходимые для нихъ. Тѣ изъ офицеровъ, охотниковъ и чиновниковъ, которые дадутъ письменное обѣщаніе не браться снова за оружіе и ни въ какомъ случаѣ не дѣйствовать противъ интересовъ Японіи во время настоящей войны, могутъ отправиться на свою родину. Каждый офицеръ имѣетъ право имѣть одного денщика, который, какъ исключеніе, освобождается отъ письменнаго обѣщанія.

Ст. VIII. Обезоруженные унтеръ-офицеры, солдаты и моряки русской арміи и флота, а также охотники должны двинуться цѣлыми частями подъ командой ихъ непосредственныхъ офицеровъ къ мѣсту сбора, указанному японской арміей, въ присвоенной имъ формѣ, имѣя при себѣ походныя палатки и собственныя вещи первой необходимости. Подробности этого будутъ указаны японскимъ комитетомъ.

Ст. IX. Для ухода за больными и ранеными и для обезпеченія плѣнныхъ, санитарный персоналъ и интендантская часть русской арміи и флота въ Портъ-Артурѣ должны оставаться до тѣхъ поръ, пока японская армія считаетъ ихъ необходимыми, и оказывать услуги подъ управленіемъ японскихъ санитарныхъ и интендантскихъ чиновъ.

Ст. X. Размѣщеніе частныхъ жителей, передача административныхъ дѣлъ и финансовъ города, вмѣстѣ съ документами относительно послѣднихъ, и другія дѣла, связанныя съ исполненіемъ настоящей капитуляціи, должны быть разсматриваемы въ дополненіи, которое имѣетъ такую же обязательную силу, какъ статьи капитуляціи.

Ст. XI. Настоящая капитуляція должна быть подписана уполномоченными обѣихъ сторонъ и вступить въ силу тотчасъ же послѣ подписанія.

Гораздо труднѣе выясненіе значенія перехода крѣпости въ руки противника. Въ настоящее время мы можемъ коснуться только ближайшихъ послѣдствій этого событія, полный же его учетъ принадлежитъ исторіи.

Портъ-Артуръ крѣпость морская и сухопутная и этимъ опредѣляется его двоякое значеніе для текущихъ операцій на морѣ и на сушѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Портъ-Артуръ главнымъ образомъ предназначенъ служить морской крѣпостью, являясь опорнымъ пунктомъ для веденія всяческихъ операцій на морѣ. Такое его назначеніе опредѣляется важнымъ стратегическимъ положеніемъ въ водахъ Желтаго моря и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ занимаетъ далеко выдвинутое, крайнее положеніе относительно возможныхъ сухопутныхъ театровъ войны и не можетъ оказывать непосредственное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій на Квантунскомъ полуостровѣ, въ Манчжуріи и въ Кореѣ. Тѣмъ не менѣе, даже при второстепенномъ значеніи Портъ-Артура для хода сухопутныхъ операцій, заключающемся въ отвлеченіи на себя значительныхъ силъ противника, стремящагося имъ овладѣть для развитія операцій въ Желтомъ морѣ,—все же приходится его учитывать, какъ крѣпость сухопутную. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и надо разсматривать значеніе потери нами Портъ-Артура, при чемъ значеніе это естественно складывается изъ того, что мы потеряли, а противникъ нашъ пріобрѣлъ въ моментъ паденія крѣпости, и

изъ того, что онъ сможетъ извлечь въ будущемъ, опираясь на Портъ-Артуръ уже какъ на свою крѣпость.

Ближайшимъ результатомъ перехода крѣпости въ руки японцевъ явилось уничтоженіе портъ-артурской эскадры и, слѣдовательно, крушеніе нашихъ надеждъ спасти суда для продолженія морской кампаніи. Теперь, надо полагать, мало остается сомнѣній относительно причинъ спѣшной посылки 2-й эскадры. Адмиралъ Рожественскій вышелъ съ силами, далеко уступающими въ количественномъ отношеніи силамъ адмирала Того; но онъ шелъ на значительные резервы въ Портъ-Артурѣ и во Владивостокѣ. Какъ бы ни были повреждены и ослаблены суда портъ-артурской эскадры, но пока они могли держаться на водѣ, чтобы сдѣлать переходъ во Владивостокъ и пока на нихъ была крупная артиллерія (а она по послѣднимъ свѣдѣніямъ была на нихъ даже въ моментъ затопленія судовъ передъ сдачей крѣпости), они представляли грозное подкрѣпленіе силамъ адмирала Рожественскаго, и доставка ихъ во Владивостокъ имѣла бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ переходъ съ теченіемъ времени господства на морѣ въ наши руки. Необходимость для японцевъ отдѣлить часть силъ ко Владивостоку для противодѣйствія нашему крейсерскому отряду, невозможность далеко отойти отъ Портъ-Артура главнымъ силамъ японскаго флота изъ опасенія прорыва нашихъ судовъ во Владивостокъ и, наконецъ, приближеніе сильной эскадры адмирала Рожественскаго — все это создавало стратегическое положеніе, изъ котораго мы могли извлечь много выгодъ для себя. И вотъ, паденіе Портъ-Артура разрушило всѣ наши планы. Это и есть главнѣйшій непосредственный результатъ утраты нами нашей крѣпости.

Вторымъ по степени важности ближайшимъ послѣдствіемъ паденія Портъ-Артура явилось рѣзкое усиленіе арміи маршала Оямы за счетъ дивизій генерала Ноги и особенно за счетъ его сильной артиллеріи, насчитывающей большое число тяжелыхъ орудій.

Занятіе крѣпости, кромѣ того, принесло японцамъ значительныя матеріальныя выгоды, точно опредѣляемыя статьей II вышеприведеннаго условія капитуляціи Портъ-Артура. Особенно цѣнными являются крѣпостныя сооруженія и затопленныя на мелкихъ мѣстахъ суда, которыя могутъ при разборкѣ дать значительное количество пригоднаго дорогого матеріала.

Нельзя не упомянуть о моральномъ значеніи паденія Портъ-Артура. Нѣтъ сомнѣнія, что взятіе этой крѣпости создало тотъ подъемъ духа у противника, который въ вооруженной борьбѣ можетъ въ большей или меньшей степени учитываться какъ матеріальное приращеніе силъ. На туземное населеніе переходъ Портъ-Артура въ руки противника также оказалъ замѣтное вліяніе въ духѣ усиленія партизанской дѣятельности китайскаго населенія. Части отряда генерала Мищенко, при выполненіи своего послѣдняго набѣга въ тылъ расположенія лѣваго крыла японской арміи, неоднократно сталкивались съ хорошо организованными партіями хунхузовъ, оказавшими на этотъ разъ во многихъ случаяхъ упорное сопротивленіе. Успѣхъ японцевъ подъ Портъ-Артуромъ долженъ, наконецъ, сказаться на упроченіи кредитоспособности нашего противника, которая является могущественнѣйшимъ факторомъ веденія современныхъ войнъ и исключительно важна для слабой въ финансовомъ отношеніи Японіи.

Разсмотрѣнныя непосредственныя слѣдствія перехода Портъ-Артура въ руки противника не исчерпываютъ еще полностью всѣхъ пріобрѣтенныхъ имъ выгодъ. Вліяніе этого событія сказалось бы въ сильной степени при нашемъ переходѣ въ наступленіе на морѣ и на сушѣ. Адмиралъ Рожественскій можетъ отнынѣ базироваться въ своихъ операціяхъ только на Владивостокъ, который лежитъ въ сторонѣ отъ главнаго театра морской войны, Желтаго моря. Нѣтъ надобности пояснять, какъ трудно въ такихъ условіяхъ бороться, особенно принимая во вниманіе, что флотъ противника въ Желтомъ морѣ будетъ опираться въ своихъ операціяхъ на Портъ-Артуръ и на базы въ южной части японскихъ островов. При подобныхъ условіяхъ адмиралу Рожественскому понадобится сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ находящіеся на лицо резервы Балтійскаго моря, и при всемъ томъ борьба будетъ долгая и упорная, обусловливаясь исключительно выгоднымъ стратегическимъ положеніемъ японскаго флота. Вліяніе паденія Портъ-Артура на операціи обѣихъ сторонъ въ Манчжуріи, помимо указаннаго усиленія маршала Оямы войсками и артиллеріей генерала Ноги, особенно рѣзко сказалось бы при переходѣ ген.-ад. Куропаткина въ наступленіе. Ему пришлось бы вести кампанію одновременно на двухъ самостоятельныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій: въ Кореѣ и на Квантунскомъ полуостровѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ главныя линіи сообщенія—коммуникаціи армій противника были бы обезпечены со стороны моря, заканчиваясь прочными морскими базами въ Корейскомъ проливѣ и въ Портъ-Артурѣ. Сообщенія же нашихъ армій, по крайней мѣрѣ со стороны Желтаго моря, подвергались бы ударамъ значительныхъ, подвозимыхъ по морю дессантныхъ отрядовъ, что сдѣлало бы необходимымъ для насъ стремиться къ значительному численному превосходству для обезпеченія линій своихъ сообщеній. При ограниченной провозоспособности одноколейнаго Сибирскаго пути, подобное обстоятельство создало бы значительныя затрудненія, которыя сейчасъ трудно даже предвидѣть.

Достаточно сказаннаго, чтобы понять всю важность перехода Портъ-Артура въ руки нашего противника. Безъ сомнѣнія, это событіе является гранью, отдѣляющею первый періодъ успѣшной для японцевъ войны отъ неизвѣстнаго по окончательному результату, но безспорно тяжкаго для обѣихъ сторонъ второго періода идущей борьбы. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что конецъ портъ-артурской эпопеи вызвалъ сторонниковъ мира на горячій призывъ къ окончанію войны. Но кончать войну можно только на вполнѣ опредѣленныхъ условіяхъ, пріемлемыхъ обѣими сторонами. Чтобы успѣшнѣе подойти къ этимъ условіямъ, необходимо прослѣдить, какъ они мѣнялись съ самаго начала возникновенія конфликта и до послѣднихъ дней. „Нов. Вр.", затрогивая этотъ вопросъ, приводитъ въ № 10360 его исторію, излагая ее въ хронологическомъ порядкѣ. Оставляя достовѣрность сообщенныхъ свѣдѣній на отвѣтственности газеты, приводимъ ихъ такъ, какъ они изложены на страницахъ этого органа.

30 іюня г. Курино вручилъ графу Ламсдорфу первый японскій проектъ въ шести статьяхъ. Сущность этого соглашенія, весьма краткаго, заключалась въ слѣдующемъ:

1) Взаимное признаніе независимости и территоріальной неприкосновенности Китая и Кореи.

2) Признаніе преимущественныхъ интересовъ Японіи въ Кореѣ и желѣзнодорожныхъ интересовъ Россіи въ Манчжуріи.

3) Право Японіи въ Кореѣ и Россіи въ Манчжуріи развивать свои экономическія предпріятія, поскольку это не будетъ противорѣчить ст. 1-й.

4) Право посылать войска для обезпеченія интересовъ, обозначенныхъ въ ст. 2-й, и для подавленія возстаній.

5) Исключительное право Японіи давать Кореѣ совѣты по вопросамъ объ улучшеніи ея внутренней администраціи, въ томъ числѣ и военной.

20 сентября баронъ Розенъ вручилъ барону Комура, японскому министру иностранныхъ дѣлъ, такъ называемый русскій контръ-проектъ. Этотъ документъ былъ составленъ на особомъ совѣщаніи, созванномъ ген.-ад. Алексѣевымъ въ Портъ-Артурѣ, при участіи, между прочимъ, и барона Розена, спеціально для этого вызваннаго изъ Токіо. Сущность русскаго контръ-проекта сводилась къ слѣдующему:

1) Взаимное признаніе независимости и территоріальной неприкосновенности Кореи.

2) Право Японіи давать корейцамъ совѣты по вопросамъ объ улучшеніи ихъ гражданскаго управленія.

3) Право Японіи развивать свои экономическія предпріятія въ Кореѣ.

4) Право Японіи вводить въ Корею войска для подавленія безпорядковъ, каждый разъ съ вѣдома Россіи.

5) Обязательство Японіи не пользоваться корейской территоріей для стратегическихъ цѣлей и не укрѣплять ея береговъ въ такихъ мѣстахъ, откуда можно было бы угрожать свободѣ плаванія черезъ Корейскій проливъ.

6) Устройство въ Кореѣ нейтральной зоны къ сѣверу отъ 39° сѣв. широты.

7) Признаніе Манчжуріи лежащей внѣ сферы японскихъ интересовъ.

17 октября японское правительство переслало въ С.-Петербургъ свои окончательныя измѣненія (definite amendments). 30 ноября Россія отвѣтила на нихъ новымъ согласительнымъ предложеніемъ. 8 декабря японцы обратились къ намъ съ просьбой пересмотрѣть (reconsider) это предложеніе. 24 декабря баронъ Розенъ вручилъ новый отвѣтъ русскаго правительства. 31 декабря г. Курино передалъ графу Ламсдорфу вербальную ноту, въ которой указывалось, что японское правительство „пришло къ окончательному убѣжденію о необходимости указанныхъ имъ измѣненій". Это не былъ ультиматумъ, но это звучало весьма похоже на таковой.

Послѣ этого наше дипломатическое вѣдомство циркулярно оповѣстило иностранныя государства о сохраненіи за ними правъ и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ въ Манчжуріи по трактатамъ съ Китаемъ. Далѣе послѣдовали переговоры нашей дипломатіи съ китайскимъ правительствомъ объ эвакуаціи Манчжуріи, окончившіеся, какъ извѣстно, вторичнымъ занятіемъ нашими войсками Мукдена.

Въ этотъ моментъ произошелъ разрывъ, а затѣмъ, почти немедленно, и начало военныхъ дѣйствій.

Протекшій годъ успѣшной для японцевъ войны повысилъ въ чрезмѣрной степени ихъ требованія. Послѣднія свѣдѣнія объ условіяхъ, на которыхъ Японія заключила бы миръ, сводятся по иностраннымъ источникамъ къ оккупаціи остр. Сахалина, къ денежному вознагражденію въ размѣрѣ милліарда рублей и къ условіямъ, отдающимъ Корею въ руки японцевъ и упрочивающимъ ихъ экономическое положеніе въ Манчжуріи. Если таковы въ дѣйствительности предлагаемыя Японіей условія мира, то нельзя не сознаться, что самые горячіе сторонники окончанія войны станутъ втупикъ передъ разрѣшеніемъ вопроса, можно ли на этихъ условіяхъ заключить миръ. Впрочемъ, почти всѣ наши прогрессивные органы печати, являющіеся убѣжденными сторонниками окончанія войны, высказались противъ территоріальныхъ уступокъ и противъ денежнаго вознагражденія. Такимъ образомъ, какъ это ни тяжело, но надо сознаться самимъ себѣ, что шансы на немедленный миръ, при одномъ желаніи его только съ нашей стороны, невелики. Очевидно, для самой возможности переговоровъ о мирѣ, необходимо заручиться какимъ-либо цѣннымъ аргументомъ.

Планъ нашихъ операцій на морѣ не могъ, конечно, не потерпѣть существенныхъ измѣненій послѣ паденія Портъ-Артура. Многое, что прежде составляло основныя цѣли движенія эскадры адмирала Рожественскаго, упразднилось съ переходомъ нашей крѣпости въ руки противника. Пока у насъ была хотя бы незначительная надежда спасти и объединить все еще сильные остатки 1-ой тихоокеанской эскадры, пока были шансы выручить осажденную крѣпость, 2-я эскадра должна была итти впередъ, несмотря даже на рискъ потерпѣть неудачу при столкновеніи съ болѣе сильнымъ противникомъ. Переходъ Портъ-Артура въ руки противника и, какъ слѣдствіе, уничтоженіе замкнутой тамъ эскадры — совершенно мѣняютъ положеніе вещей. Передъ адмираломъ Рожественскимъ нѣтъ въ настоящее время ближайшихъ цѣлей, которыя оправдывали бы рискъ столкновенія съ сильнѣйшей эскадрой адмирала Того. Капитанъ II ранга Кладо, ближайшій помощникъ адмирала Скрыдлова, бывшаго командующаго флотомъ въ Тихомъ океанѣ, приводитъ на страницахъ „Нов. Вр." слѣдующія сравнительныя цифры нѣкоторыхъ боевыхъ элементовъ нашей 2-й эскадры и японскаго флота въ томъ составѣ, въ какомъ онъ предполагается въ настоящее время:

	2-я эскадра Тихаго океана.	Японскій флотъ.
Число судовъ . . .	15	33
(за исключеніемъ миноносцевъ).		
Общее ихъ водоизмѣщеніе. . . .	95.200 тон.	216.000 тон.
Общее число орудій.	703	941
Изъ нихъ:		
крупнаго калибра. .	36	63
средняго „	115	214
малаго „	552	664
Минныхъ аппаратовъ	54	125
Изъ нихъ подводныхъ	14	52
Команды	8.521 чел.	14.435 чел.

Выражая тактическіе элементы въ особеннымъ образомъ находимыхъ коэфиціентахъ, г. Кладо нашелъ отношеніе силъ японскаго флота къ нашей 2-й эскадрѣ какъ 1,8 къ 1. Присоединеніе къ эскадрѣ отряда крейсеровъ изъ Владивостока измѣнило бы это отношеніе на 1,3, т. е. мы все же остались бы значительно слабѣе своего противника. Всѣ эти обстоятельства побудили наше морское вѣдомство задержать наступленіе 2-й эскадры до присоединенія къ ней вооружаемыхъ нынѣ въ Либавѣ и Кронштадтѣ резервовъ Балтійскаго моря.

Вопросъ по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ рѣшенъ въ томъ духѣ, что адмиралъ Рожественскій до подхода подкрѣпленій будетъ крейсеровать въ Индійскомъ океанѣ. Неизвѣстно, будетъ ли онъ ожидать только первый эшелонъ подкрѣпленій или выждетъ сосредоточенія всѣхъ резервовъ. Этотъ вопросъ безусловно находится въ прямой зависимости отъ образа дѣйствій владивостокскихъ крейсеровъ, такъ какъ удачное ихъ присоединеніе и подходъ подкрѣпленій въ составѣ перваго эшелона третьей эскадры дали бы возможность адмиралу Рожественскому перейти въ наступленіе для прохода во Владивостокъ. Но послѣднія извѣстія съ театра войны указываютъ на широкія мѣры, предпринятыя японцами съ цѣлью воспрепятствовать проходу крейсеровъ черезъ проливы, выводящіе изъ Японскаго моря въ Тихій океанъ. Будетъ поэтому благоразумнѣе не разсчитывать на успѣшное присоединеніе крейсеровъ ко 2-й эскадрѣ и разсматривать измѣненіе силъ адмирала Рожественскаго только въ зависимости отъ подхода подкрѣпленій изъ портовъ Европейской Россіи. Первыми могутъ присоединиться ко 2-ой эскадрѣ слѣдующія крупныя суда: эскадренный броненосецъ „Императоръ Николай I", броненосцы береговой обороны—„Адмиралъ Сенявинъ", „Адмиралъ Ушаковъ", „Адмиралъ Апраксинъ" и крейсера „Владиміръ Мономахъ" и „Адмиралъ Корниловъ". Это составило бы замѣтное приращеніе силъ адмирала Рожественскаго. Онъ получилъ бы 6 крупныхъ судовъ съ общимъ водоизмѣщеніемъ въ 34.518 тоннъ, несущихъ 180 орудій и 27 минныхъ аппаратовъ. Особенно цѣнными въ этомъ вооруженіи явились бы 17 пушекъ тяжелой артиллеріи. Команды и офицеровъ въ этомъ отрядѣ насчитывается 2.800 человѣкъ *). Прибавляя эти цифры къ цифрамъ, опубликованнымъ г. Кладо, видимъ, что суда перваго эшелона 3-й эскадры не дѣлаютъ еще нашъ наступающій флотъ равносильнымъ съ флотомъ противника. Приблизительное равенство силъ достигается только съ подходомъ второго эшелона резервовъ, состоящаго, какъ извѣстно, изъ эскадренныхъ броненосцевъ „Слава" и „Императоръ Александръ II" и крейсера „Память Азова". Этотъ отрядъ усиливаетъ эскадру адмирала Рожественскаго на 29.434 тонны водоизмѣщенія, на 134 орудія, изъ которыхъ 12 тяжелыхъ, и на 12 аппаратовъ для выбрасыванія минъ Уайтхеда. Съ такими силами адмиралъ Рожественскій можетъ итти во Владивостокъ безъ риска потерпѣть неудачу при выполненіи этого стратегическаго хода. Болѣе подробное изслѣдованіе показало бы намъ нѣкоторыя слабыя и сильныя стороны обоихъ флотовъ, но мы ограничимся здѣсь указаніемъ на главнѣйшія особенности боевой организаціи нашей и японской эскадръ. Къ преимуществамъ нашего противника необходимо отнести: во-первыхъ, большую полноту тактической организаціи его флота, заключающуюся въ соотвѣтствіи числа броненосцевъ, крейсеровъ разнаго класса и минныхъ судовъ; во-вторыхъ, превосходство въ скорости хода броненоснаго ядра его эскадры и болѣе современное минное вооруженіе крупныхъ судовъ, именно, большимъ числомъ подводныхъ минныхъ аппаратовъ, исключительная пригодность которыхъ въ достаточной степени выяснена настоящей войной. Въ противовѣсъ этому адмиралъ Рожественскій будетъ располагать большимъ числомъ броненосцевъ, боевыя качества которыхъ являются главными факторами успѣха современнаго эскадреннаго боя. Эти главныя качества эскадръ противниковъ сохранятъ свое значеніе и на будущее время, почему ихъ и сейчасъ можно учитывать. Многія же важныя для боя данныя ко времени столкновенія потерпятъ такія измѣненія и несутъ въ себѣ столько неопредѣленнаго, что принимать ихъ въ расчетъ въ настоящее время является преждевременнымъ. Къ такимъ факторамъ надо отнести число судовъ, которыя будутъ ко времени рѣшительнаго столкновенія вполнѣ закончены постройкой, техническую исправность плавающихъ кораблей, относительное количество миноносцевъ, количество подводныхъ лодокъ, ихъ качества, умѣніе личнаго состава использовать ихъ для боевыхъ цѣлей и т. п.

Пока же дойдетъ дѣло до рѣшительнаго боя, который по многимъ признакамъ можетъ произойти въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, обѣ стороны направляютъ свои усилія на разрѣшеніе стратегическихъ задачъ. Противникъ нашъ старается использовать затрудненія для адмирала Рожественскаго, связанныя съ недостаткомъ какихъ бы то ни было базъ для его эскадры и съ необходимостью преодолѣвать при такихъ условіяхъ громадныя разстоянія. Пользуясь этимъ, японцы стараются увеличить ему затрудненія по снабженію эскадры и лишить его возможности проникнуть во Владивостокъ — единственную нашу базу на Дальнемъ Востокѣ. Съ этой цѣлью ими организуется кампанія противъ коммерческихъ пароходовъ, зафрахтованныхъ для 2-й эскадры, и подготовляются операціи противъ Владивостока съ суши и съ моря. Фактическое осуществленіе первой части этого плана пока ограничилось высылкой быстроходныхъ судовъ навстрѣчу адм. Рожественскому и въ довольно строгомъ надзорѣ за выходами изъ Японскаго моря. Послѣдняя мѣра направлена главнымъ образомъ противъ нашихъ крейсеровъ во Владивостокѣ, но попутно разрѣшаетъ вопросъ о затрудненіи снабженія Владивостока со стороны моря.

Что касается приготовленій къ дѣйствіямъ противъ Владивостока съ сухого пути, то прямыхъ указаній на этотъ счетъ нѣтъ, но есть признаки, указывающіе, что въ самомъ Владивостокѣ считаются съ возможностью такого оборота дѣлъ. Телеграммы, поступающія оттуда, указываютъ на энергичныя приготовленія нашей крѣпости ко встрѣчѣ противника у своихъ твердынь. Жителямъ, не желающимъ подвергнуться тяжестямъ осады, предложено подать заявленіе о выѣздѣ къ опредѣленному сроку. Учебныя заведенія переводятся въ Иркутскъ, Читу и другіе города. Банки также переходятъ изъ Владивостока въ мѣста, болѣе обезпеченныя отъ неожиданностей военнаго времени. Цѣны въ городѣ быстро растутъ, т. е. колеблется барометръ, наиболѣе чувствительный къ грядущимъ событіямъ. Рядомъ съ этимъ изъ Японіи идутъ извѣстія о сформированіи пятой арміи и корейскія дороги подготовляются къ перевозкѣ значительнаго количества войскъ изъ Дальняго, т. е. изъ состава арміи генерала Ноги.

Почти до половины января положеніе на рѣкѣ Шахэ оставалось безъ перемѣнъ. Обѣ арміи, зарывшись въ землю, продолжали, повидимому, бездѣйствовать. Такая недѣятельность была, конечно, только кажущейся. Не было значительныхъ внѣшнихъ проявленій ихъ силъ, но внутренняя, скрытая работа лихорадочно проявлялась обѣими сторонами. Главныя усилія противниковъ были напра-

*) Подсчетъ сдѣланъ на основаніи данныхъ справочной книжки В. К. А. М.

влены на достиженіе количественнаго превосходства своихъ армій, достаточнаго для успѣшнаго перехода въ наступленіе. Въ то же время обѣ стороны старались укрѣпиться на занятыхъ позиціяхъ, дабы имѣть возможность выдѣлить какъ можно болѣе силъ для стратегическихъ ходовъ и съ цѣлью не дать противнику получить достаточное количественное преобладаніе. Послѣдняя задача обусловливалась тѣмъ соображеніемъ, что искусственное укрѣпленіе позицій можетъ возмѣщать численный недостатокъ войскъ. Кромѣ того, энергично велись развѣдки. Въ центрѣ расположенія, гдѣ линіи сторожевого охраненія сблизились до нѣсколькихъ сотъ шаговъ, другихъ развѣдокъ, кромѣ поисковъ охотничьихъ командъ, не было и не могло быть. На флангахъ развѣдки велись болѣе сложныя, включая сюда и операціи значительныхъ отрядовъ изъ трехъ родовъ оружія. Къ такимъ усиленнымъ поискамъ надо отнести операціи японцевъ отъ Цзянчана на Цинхеченъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашего расположенія. Энергичная попытка этого рода была произведена японцами 10 января, окончившись и на этотъ разъ возстановленіемъ нашей передовой линіи охраненія, утерянной на время при первомъ натискѣ противника.

Въ концѣ декабря былъ произведенъ набѣгъ конницы ген. Мищенко въ тылъ лѣваго фланга расположенія японской арміи. Рядъ офиціальныхъ извѣстій объ этомъ набѣгѣ и свѣдѣнія изъ иностранныхъ источниковъ позволяютъ нарисовать болѣе или менѣе подробную картину этого блестящаго рейда нашей кавалеріи. 26 декабря ген. Мищенко, во главѣ значительнаго коннаго отряда, при артиллеріи, перешелъ р. Хуньхе и направилъ свои силы къ югу, двигаясь между рѣками Ляохэ и Хуньхэ. Черезъ двое сутокъ, 28 декабря отрядъ достигъ мѣста сліянія рѣкъ Ляохэ и Тайцзыхэ. Въ этотъ день вечеромъ былъ атакованъ и уничтоженъ отрядъ японцевъ, занимающій одну изъ деревень у селенія Уцзятай и включавшій въ своемъ составѣ полторы роты пѣхоты и полъ-эскадрона конницы. 29 декабря занятъ былъ старый Ньючжуанъ послѣ разсѣянія незначительнаго японскаго гарнизона, состоящаго изъ роты пѣхоты и двухъ эскадроновъ кавалеріи. 30 декабря къ вечеру отрядъ подошелъ къ Инкоу; наша артиллерія открыла огонь по станціи и зажгла находящіеся тамъ склады. Атака станціи спѣшенной конницей не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ много обстоятельствъ сгруппировалось въ неблагопріятномъ для насъ отношеніи. Передъ самымъ началомъ атаки Инкоу туда подошелъ со ст. Дашичао поѣздъ со значительными подкрѣпленіями для противника; японскія позиціи были сильно укрѣплены искусственными препятствіями; численность нашего отряда была недостаточна и, наконецъ, наша конница не располагаетъ въ пѣшемъ строю надлежащимъ наступательнымъ оружіемъ: у нея нѣтъ штыковъ. Все это побудило ген. Мищенко отказаться отъ попытки занятія Инкоу, а опасеніе быть отрѣзаннымъ заставило его поспѣшно отступить на сѣверъ. Дѣйствительно, уже 1 января одна изъ колоннъ отряда ген. Мищенко была фактически отрѣзана нѣсколько сѣвернѣе Ньючжуана и ей пришлось пробиваться къ сѣверу, что она и выполнила съ успѣховъ.

Таково было движеніе силъ ген. Мищенко съ 26 декабря по 2 января. За все это время главное ядро выдѣляло болѣе или менѣе значительные летучіе отряды, главное назначеніе которыхъ было разрушать полотно желѣзной дороги и портить телеграфную и телефонную проводки. Особенно пострадало полотно желѣзной дороги къ сѣверу отъ Хайчена и участокъ Дашичао-Инкоу. Сѣвернѣе Хайчена было произведено крушеніе большого поѣзда съ двумя паровозами, у Инкоу былъ опрокинутъ на полномъ ходу паровозъ. Желѣзнодорожный мостъ у Дашичао былъ взорванъ, и путь въ этомъ мѣстѣ попорченъ на протяженіи $1^1/_2$ версты. Кромѣ того, были захвачены и уничтожены значительные транспорты, сожжены многочисленные склады и разрушены нѣкоторые укрѣпленные пункты. За время набѣга въ конномъ отрядѣ убито 7 офицеровъ и 73 нижнихъ чина, ранено 32 офицера и 237 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропало 21 нижній чинъ. Лошадей убито 69, ранено 75.

Этотъ рейдъ нашей конницы показалъ слабую оборону мѣстности къ западу отъ полотна желѣзной дороги до рѣки Ляохэ. По всей вѣроятности, японцы имѣли охранную линію на высотѣ расположенія своихъ главныхъ силъ и не допускали возможности проникновенія южнѣе ея значительныхъ нашихъ частей, такъ какъ такое движеніе, по ихъ мнѣнію, имѣло бы послѣдствіемъ гибель отрядовъ, попадавшихъ какъ бы въ западню. Успѣхъ набѣга ген. Мищенко показалъ, что подобный расчетъ неоснователенъ, и японцамъ теперь придется имѣть соотвѣтствующіе гарнизоны во всей мѣстности, подверженной ударамъ нашей кавалеріи. Усиленіе обороны тыла своего лѣваго фланга можетъ быть достигнуто ими только за счетъ ослабленія главнаго фронта расположенія ихъ армій. Такимъ образомъ, наша многочисленная кавалерія оттянетъ на себя соотвѣтствующее количество войскъ противника, чего до сихъ поръ не было.

12 января ген.-ад. Куропаткинъ двинулъ свое правое крыло, часть арміи ген. Гриппенберга, противъ лѣваго фланга японскаго расположенія. Главнымъ исходнымъ пунктомъ наступленія нашихъ войскъ, судя по офиціальному донесенію маршала Оямы отъ 15 января, послужилъ Чжантань—селеніе, расположенное на правомъ берегу рѣки Хуньхэ, приблизительно въ 30 миляхъ къ юго-западу отъ Мукдена. Въ первый же день наступленія наши войска съ боя взяли селенія Тутайцзы, Хайлатоза, Читайцзы и Мамыкай. Послѣ упорной защиты японцы были вытѣснены изъ сильно укрѣпленныхъ позицій у селенія Хейгоутай. На слѣдующій день одной изъ нашихъ колоннъ было предпринято наступленіе на Сандепу. Войска къ вечеру овладѣли послѣ упорнаго боя большею частью этой укрѣпленной деревни, но не смогли взять сильный редюитъ, устроенный японцами въ сѣверо-восточной части селенія, и принуждены были отступить изъ загорѣвшейся деревни подъ сильнымъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ. Послѣ отхода нашихъ войскъ изъ Сандепу на позицію была вызвана артиллерія, которая приступила къ бомбардировкѣ какъ селенія, такъ и редюита, съ цѣлью подготовить атаку войскамъ. Въ теченіе 13-го и 14-го января нѣсколько нашихъ колоннъ овладѣли пунктами, прикрывающими доступъ къ Сандепу со стороны Ляояна и отъ Сяобейхэ, мѣста наибольшаго сближенія рѣкъ Тайцзыхэ и Хуньхэ. Отрядъ, овладѣвшій деревней Хейгоутай, распространился къ югу отъ Сандепу и 14 января атаковалъ селенія Сумапу и Паоцяо, расположенныя къ югу и юго-востоку, верстахъ въ 5—6 отъ названной деревни. Въ ночь на 15 января нашимъ

войскамъ удалось взять Сумапу. Въ это же приблизительно время другія наши колонны, которыя опустились вдоль рѣки Хуньхэ значительно южнѣе, атаковали съ запада деревни Сюерпу и Ландунгоу, при чемъ первая деревня была занята нашими войсками, а въ Ландунгоу, расположенномъ верстахъ въ 8 къ югу отъ Сандепу, они были уже встрѣчены противникомъ, превосходящимъ ихъ въ количественномъ отношеніи. Съ 14-го на 15-е января японцы, получивъ значительныя подкрѣпленія, сами перешли въ наступленіе и повели его на фронтъ нашихъ войскъ Хейгоутай — Сандепу. Послѣ двухдневнаго упорнаго боя генералъ Гриппенбергъ принужденъ былъ очистить всѣ занятыя имъ деревни къ югу отъ района Сандепу — Хейгоутай. Послѣднія свѣдѣнія, которыя мы заносимъ въ эту хронику, сводятся къ телеграфнымъ извѣстіямъ объ упорныхъ бояхъ изъ-за деревни Чжаньтаньхенанъ на лѣвомъ берегу рѣки Хуньхэ, противъ Чжантаня, исходнаго пункта нашего наступленія. Въ теченіе 20-го и 21-го января этотъ пунктъ два раза переходилъ изъ рукъ въ руки и, наконецъ, окончательно остался за нами.

Такимъ образомъ, окончательнымъ результатомъ этихъ дней надо считать маловажное въ стратегическомъ отношеніи измѣненіе линіи расположенія войскъ нашего праваго фланга. Фронтъ арміи ген. Гриппенберга 21 января отмѣчался укрѣпленными селеніями: Холянтай, Фуцзячжуанзы и Бейтадзы, перечисленными въ порядкѣ ихъ расположенія съ востока на западъ.

Сравнительно продолжительный перерывъ, послѣдовавшій послѣ боевъ 12-го—16-го января, позволяетъ разсматривать ихъ какъ законченную операцію на нашемъ правомъ флангѣ. Послѣ боевъ на рѣкѣ Шахэ и Ляоянскаго сраженія столкновеніе у Сандепу надо признать значительнѣйшимъ въ текущую кампанію. Сопоставленіе нѣсколькихъ донесеній указываетъ на участіе съ нашей стороны 1-го сибирскаго корпуса, частей 8-го и 10-го армейскихъ корпусовъ, 61-й сибир-

ской резервной дивизіи, конницы ген. Мищенки и, кажется, нѣкоторыхъ стрѣлковыхъ бригадъ. Силы противника, по свѣдѣніямъ агентства „Рейтеръ", къ концу боевъ превосходили силы ген. Гриппенберга. Масса столкнувшихся войскъ и напряженность происходившихъ боевъ привели обѣ стороны къ значительнымъ потерямъ. По офиціальному донесенію главной японской квартиры, потери маршала Оямы достигли 7.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Начальникъ санитарной части манчжурскихъ армій выражаетъ нашъ уронъ слѣдующими цифрами: за время съ 13-го по 21-е января прибыло въ Мукденъ офицеровъ раненыхъ 231, больныхъ 86, нижнихъ чиновъ раненыхъ 8,409, больныхъ—2.356. Полныя наши потери опредѣлятся, если къ этимъ цифрамъ прибавить еще число убитыхъ, пока офиціально не возвѣщенное.

До сихъ поръ не совсѣмъ выяснены цѣли, которыя нашъ главнокомандующій преслѣдовалъ, предпринимая наступленіе однимъ правымъ крыломъ своей арміи. Первоначальное предположеніе о началѣ общаго наступленія отпало само собой, такъ какъ ни нашъ центръ, ни лѣвый флангъ, за исключеніемъ незначительныхъ демонстративныхъ дѣйствій, не проявили никакой дѣятельности даже въ теченіе наиболѣе труднаго для насъ періода борьбы на правомъ флангѣ. Мысль о такъ называемой „усиленной рекогносцировкѣ" приходится оставить, такъ какъ количество двинутыхъ войскъ для выполненія подобной операціи было слишкомъ значительно. Остается предположить стремленіе нашего главнокомандующаго захватить какіе-либо пункты, важные въ стратегическомъ отношеніи. Подобная задача какъ нельзя болѣе разрѣшалась овладѣніемъ укрѣпленнаго района деревень Сандепу и Хейгоутай, такъ какъ тогда мы заняли бы угрожающее положеніе по отношенію къ такимъ важнымъ позиціямъ, какъ Чанланпу, Линшинпу и Ламутунь, и открыли бы себѣ путь для дальнѣйшаго наступленія въ тылъ японской арміи.

Возможно, что такой планъ зародился, благодаря доставленнымъ генераломъ Мищенко свѣдѣніямъ послѣ его послѣдняго набѣга со своей конницей на лѣвый флангъ японскаго расположенія. Если бы ген. Гриппенбергу удалось захватить эти пункты и укрѣпить ихъ за собой, то послѣдствіемъ такого нашего успѣха явилась бы необходимость для японцевъ отодвинуться со своихъ позицій на рѣкѣ Шахэ нѣсколько къ югу или перейти въ общее наступленіе для облегченія операцій на своемъ лѣвомъ флангѣ. Въ послѣднемъ случаѣ противнику пришлось бы испытать всѣ невзгоды наступленія на сильно укрѣпленныя позиціи и притомъ ранѣе, чѣмъ то входило бы въ его планы.

Степняковъ.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА.

Государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1905 г. Работы Комитета министровъ по Высочайшему указу 12 декабря 1904 г. Забастовки рабочихъ въ Петербургѣ. Пріостановка выхода газетъ. Событія 9 января. Назначеніе генералъ-губернаторства въ Петербургѣ. Правительственное сообщеніе. Представленіе Государю депутаціи рабочихъ и рѣчь Государя. Отраженіе петербургскихъ событій на другихъ городахъ. Пріостановка занятій 16. земск. собраній. Перемѣны въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Несчастный случай 6 января. 150-тилѣтній юбилей Московскаго университета.

Хроника внутренней жизни Россіи за январь мѣсяцъ необыкновенно богата событіями потрясающей силы и чрезвычайнаго значенія, заслонившими собой даже интересъ къ войнѣ. Но прежде, чѣмъ говорить объ этихъ событіяхъ, мы должны дать краткій обзоръ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1905 г., какъ отражающей на себѣ въ извѣстной мѣрѣ состояніе внутренней жизни страны въ предшествующій годъ и дающей перспективы на будущій годъ. Вотъ „Сводъ" этой росписи:

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ.

I. *Обыкновенные доходы*

	Доходы, ожидаемые въ 1905 г.
Прямые налоги	139.361.354 р.
Косвенные налоги	399.838.500 „
Пошлины	105.324.374 „
Правительственныя регаліи	592.791.300 „
Казенныя имущества и капиталы	579.994.897 р.
Отчужденіе государственныхъ имуществъ	561.004 „
Выкупные платежи	76.408.100 „
Возмѣщеніе расходовъ государственнаго казначейства.	77.721.224 „
Доходы разнаго рода	5.044.865 „
Итого обыкновенныхъ доходовъ	1.977.045.618 р.

II. *Чрезвычайные рессурсы.*

Вклады въ государственный банкъ на вѣчное время	2.750.000 р.
	1.979.795.618 р.
Изъ наличныхъ средствъ государственнаго казначейства	14.838.638 р.
Всего	1.994.634.256 р.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ.

I. *Обыкновенные расходы.*

	Расходы, назначенные въ 1905 г.
Платежи по государственному долгу	303.018.190 р.
Высшія государственныя учрежденія	3 418.035 „
Вѣдомство Святѣйшаго Синода	28.952.790 „
Министерство Императорскаго двора	16.127.920 „
Министерство иностранныхъ дѣлъ	5.704.035 „
Военное министерство	367.054 867 „
Морское министерство	116.637.050 „
Министерство финансовъ	341.640.895 „
Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ.	47.332.933 „
Министерство внутреннихъ дѣлъ	108.603.833 „
Министерство народнаго просвѣщенія	43.608.486 „

	Расходы, назначенные въ 1905 г.
Министерство путей сообщенія.	448.299.104 „
Главное управленіе торговаго мореплаванія и портовъ .	12.346.668 „
Министерство юстиціи	49.854.629 „
Государственный контроль .	9.173.326 „
Главное управленіе государственнаго коннозаводства .	1.832.810 „
	1.903.065.571 р.
На случай возвышенія стоимости провіанта и фуража.	3.000.000 „
Расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности .	10.000.000 „
Итого обыкновенныхъ расходовъ.	1.916.065.571 р.
Превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами	60.980.047 р.

II. *Чрезвычайные расходы.*

На сооруженіе Сибирск. желѣзной дороги	11.780.000 р.
На сооруженіе другихъ жел. дорогъ	60.801.685 „
На выдачу частнымъ обществамъ ссудъ для дорожныхъ сооруженій	5.987.000 „
Итого чрезвычайныхъ расходовъ	78.568.685 р.
Всего	1.994.634.256 р.

Подписалъ министръ финансовъ, сенаторъ *В. Коковцовъ.*

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ по поводу росписи доходовъ и расходовъ на 1905 годъ говорится, между прочимъ, что „роспись эта, послѣ свыше двадцатипятилѣтняго періода мирнаго развитія Россіи, впервые составляется при исключительныхъ условіяхъ военнаго времени. Эти условія вызываютъ необходимость соблюденія сдержанности въ разрѣшеніи по росписи на будущій годъ расходовъ и особливой осторожности въ предвидѣніи доходовъ“.

Уже въ минувшемъ 1904 году, по Высочайшему повелѣнію по случаю войны, были сокращены предназначенные на тотъ годъ расходы на 134 милліона рублей преимущественно по операціоннымъ и строительнымъ кредитамъ, а именно: на постройку и улучшеніе желѣзныхъ дорогъ, на устройство и ремонтъ водныхъ путей, на разнаго рода расходы по продажѣ питей и введенію винной монополіи, на разныя воспособленія изъ казны и т. п. Этими сокращеніями, а также и другими роспись на 1904 годъ была сравнена съ росписью на 1903 годъ. Внесенные же въ роспись на 1905 годъ расходы сравнительно съ назначеніями на два предшествующіе года (1903 и 1904) еще подверглись сокращенію, при чемъ по сравненію съ 1904 годомъ сокращеніе въ общемъ итогѣ послѣдовало на $68^1/_2$ мил. руб., а по сравненію съ дѣйствительными расходами въ 1903 году, сокращеніе на 1905 годъ произошло на 113 мил. рублей. По какимъ же статьямъ послѣдовало сокращеніе расходовъ на 1905 годъ сравнительно съ предшествующими годами? Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ приводятся по этому поводу слѣдующія данныя: сокращенію подверглись преимущественно чрезвычайные расходы, уменьшенные сравнительно съ исполненіемъ росписи 1903 года на 142 мил. руб. и сравнительно съ росписью 1904 года на 75,3 мил. руб. Изъ чрезвычайныхъ расходовъ сокращенія на 75,3 мил. руб. послѣдовали главнымъ образомъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Остальные чрезвычайные расходы на 1905 г. въ суммѣ 78,6 мил. руб. предназначены на разныя желѣзнодорожныя постройки, связанныя отчасти съ войной, а также на выдачу ссудъ частнымъ обществамъ дорожныхъ предпріятій. Изъ обыкновенныхъ же расходовъ уменьшенія послѣдовали сравнительно съ предшествующими годами въ довольно значительныхъ размѣрахъ по министерству финансовъ (на 15,3 мил. руб. противъ 1904 г. и на 21,5 мил. руб. противъ 1903 года), а именно: на пособія обществамъ желѣзныхъ дорогъ, дворянскимъ обществамъ на устройство и содержаніе пансіонъ-пріютовъ и кассъ взаимопомощи, сокращено пособіе крестьянскому поземельному банку и т. п. Незначительное сокращеніе послѣдовало по министерству путей сообщенія. По другимъ министерствамъ, напротивъ, послѣдовали увеличенія: по военному министерству смѣта увеличена на 6,3 мил. руб. сравнительно съ 1904 годомъ; по морскому на 4,2 мил. руб.; по министерству внутреннихъ дѣлъ сравнительно съ 1904 годомъ прибавлено 1,6 мил. руб., а противъ 1903 года на 6,4 мил. руб.; при чемъ увеличеніе произведено на развитіе почтово-телеграфныхъ учрежденій, на преобразованіе полиціи, на содержаніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, т. е. земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ и пр. Наконецъ, на 13,7 мил. руб. сравнительно съ 1904 годомъ увеличились расходы на платежи по государственнымъ долгамъ. Наименьшее увеличеніе расходовъ послѣдовало по министерству народнаго просвѣщенія, а именно на 498 тысячъ руб. сравнительно съ 1904 годомъ. „Изложенное сравненіе росписи на 1905 г., говорится въ докладѣ министра финансовъ, со смѣтными предположеніями ближайшихъ предшествующихъ лѣтъ показываетъ, что война остановила ростъ нашего государственнаго бюджета“. При этомъ, какъ указывается въ томъ же докладѣ, расходы на веденіе войны съ Японіей въ 1905 году не включены въ роспись расходовъ. Этого рода расходы удовлетворяются за счетъ чрезвычайныхъ смѣтныхъ ассигнованій. Подробныя данныя о всѣхъ произведенныхъ на войну расходахъ и о средствахъ, обращенныхъ на ихъ покрытіе, будутъ „въ свое время изложены въ отчетахъ государственнаго контроля“. Въ настоящемъ же докладѣ министръ финансовъ приводитъ „лишь предварительныя свѣдѣнія по этому предмету за минувшее время“. „Общая сумма открытыхъ по конецъ декабря по всѣмъ вообще вѣдомствамъ чрезвычайныхъ кредитовъ на расходы военнаго времени опредѣляется весьма большою цифрою: въ 621 мил. руб.“. Средства для этихъ расходовъ взяты были изъ свободной наличности государственнаго казначейства 156,6 мил. руб.; сокращеніе государственныхъ расходовъ дало 148,3 мил. р. Кромѣ того реализація выпущенныхъ въ апрѣлѣ 1904 г. 5% обязательствъ и въ августѣ 3% билетовъ государственнаго казначейства дала въ общемъ 432 мил. руб.

Что касается доходовъ, исчисленныхъ по росписи на 1905 годъ, то въ этомъ отношеніи было принято во вниманіе вліяніе, оказываемое войною на поступленія. Въ нормальное время доходъ съ вина, изъ года въ годъ, обыкновенно увеличивается, вслѣдствіе прироста населенія; въ минувшемъ же 1904 году, напротивъ, оказалось сокращеніе потребленія вина, въ виду чего доходъ отъ продажи казеннаго

вина исчисленъ на 1905 годъ сравнительно съ 1903-мъ меньше на 30 мил. рублей. По таможенному доходу также ожидается сокращение, исчисленное сравнительно съ 1904-мъ годомъ на 23,5 мил. р. Выкупныхъ платежей предположено меньше на 9,7 мил. р. Предположено сокращеніе доходовъ и по другимъ статьямъ: по лѣсному доходу, пошлинъ съ переходящихъ имуществъ и пр. Увеличеніе же доходовъ ожидается въ сборахъ по эксплоатаціи казенныхъ жел. дорогъ, по налогамъ — поземельному, съ недвижимыхъ имуществъ, съ промысловъ и торговли, съ табака, нефти, гербовые сборы и друг.

Съ половины декабря минувшаго года начались работы Комитета министровъ по выполненію предначертаній къ усовершенствованію государственнаго порядка, намѣченныхъ въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря. Въ засѣданіи 14 декабря прежде всего обсуждался порядокъ выполненія изложенныхъ въ Именномъ указѣ предначертаній, при чемъ Комитетъ министровъ призналъ необходимымъ подвергнуть внимательному разсмотрѣнію каждое изъ сихъ предначертаній въ отдѣльности. Прежде всего высказано было, что сообразно сложности поднимаемыхъ указомъ вопросовъ надлежитъ поручить разработку дѣлъ подлежащимъ министрамъ или же образовать для сего особыя внѣвѣдомственныя совѣщанія подъ предсѣдательствомъ лицъ, призванныхъ къ тому Его Императорскимъ Величествомъ, въ составѣ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ и наиболѣе компетентныхъ лицъ, въ томъ числѣ также и мѣстныхъ дѣятелей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ представиться надобность возбудить предъ Его Величествомъ предположеніе о передачѣ вопросовъ для предварительнаго обсужденія на мѣстахъ. Нѣкоторыя изъ предстоящихъ мѣропріятій, какъ высказался Комитетъ министровъ, по всей вѣроятности окажется возможнымъ выполнить административнымъ порядкомъ или черезъ Комитетъ министровъ. Но и вопросы, окончательное разрѣшеніе которыхъ возможно лишь въ законодательномъ порядкѣ, черезъ Государственный совѣтъ, Комитетъ министровъ точно также призналъ возможнымъ обсуждать и разрабатывать, при чемъ, однако, Государственный совѣтъ будетъ имѣть полную возможность относиться къ этимъ работамъ столь же свободно, какъ обсуждаетъ онъ всѣ прочія дѣла. Затѣмъ, по мнѣнію Комитета, залогомъ успѣха должно послужить и возможно широкое оглашеніе въ печати Высочайше утверждаемыхъ предположеній по исполненію указа 12 декабря. Таковое положеніе Комитета министровъ удостоилось 27 декабря Высочайшаго утвержденія. До настоящаго времени въ печати опубликованы извлеченія изъ двухъ подлинныхъ журналовъ засѣданій Комитета министровъ, а именно: 1) отъ 14 декабря, сущность котораго изложена выше, и 2) отъ 21, 24 декабря и 4 января. Въ этихъ засѣданіяхъ Комитета министровъ разсматривался I пунктъ указа объ охраненіи полной силы закона, „дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Намъ властей и мѣстъ“. Изъ журнала Комитета видно, что имъ признано необходимымъ установить, чтобы всѣ правила, положенія и все, что носитъ характеръ временнаго закона, не вступало бы въ дѣйствіе помимо санкціи Государственнаго совѣта. Изъятіемъ изъ этого общаго порядка должны почитаться только случаи, когда законъ издается по непосредственному изволенію Монаршему, въ видѣ указа за Собственноручнымъ Императорскаго Величества подписаніемъ.

По вопросу о поддержаніи силы закона и обезпеченіи неуклоннаго его примѣненія, путемъ усиленія надзора и облегченія способовъ обжалованія и отмѣны незаконныхъ распоряженій, Комитетъ министровъ призналъ настоятельную необходимость преобразованія въ Россіи административной юстиціи, съ постановленіемъ во главѣ ея Правительствующаго сената и съ учрежденіемъ на мѣстахъ подчиненныхъ ему административно-судебныхъ органовъ. Относительно отвѣтственности должностныхъ лицъ, Комитетъ министровъ призналъ, что правильная постановка гражданской отвѣтственности служащихъ является едва ли не болѣе надежнымъ средствомъ обезпеченія законности управленія, чѣмъ самыя суровыя уголовныя кары. Гражданскій искъ можетъ быть предъявленъ къ служащему и въ уголовномъ судѣ, сопутствуя уголовному обвиненію; но преимущественное значеніе имѣетъ чисто гражданскій искъ объ убыткахъ, причиненныхъ незаконными дѣйствіями и распоряженіями служащаго.

Въ виду всего изложеннаго, Комитетъ призналъ несомнѣнно желательнымъ неотложное проведеніе въ жизнь болѣе совершенныхъ, по сравненію съ дѣйствующими узаконеніями о гражданской отвѣтственности служащихъ, постановленій проекта новой редакціи Устава гражданскаго судопроизводства.

Обсуждая положенія о печати, Комитетъ министровъ, по сообщенію газетъ, большинствомъ голосовъ высказался за необходимость установить однообразныя правила о печати, независимо отъ мѣста изданія, отвѣтственность ея передъ судомъ, отмѣнить предварительную цензуру и административныя взысканія (запрещеніе розничной продажи); во время обмѣна мыслей было указано, что узаконенія, исходившія отъ Комитета министровъ, были наиболѣе тяжелы для печати; объ отмѣнѣ ихъ предположено помимо Государственнаго совѣта повергнуть на Высочайшее утвержденіе, а полный пересмотръ законовъ о печати поручить комиссіи, работы которой должны быть основаны на принципѣ упраздненія предварительной цензуры для періодической печати. Разработку крестьянскаго вопроса предложено поручить Особому совѣщанію о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, при чемъ большинство членовъ Комитета высказалось за уравненіе крестьянъ съ прочими сословіями въ личныхъ правахъ, въ правахъ судимости, сохранивъ обособленность въ той части, которая обусловливается ихъ имущественнымъ положеніемъ и семейнымъ строемъ. По пункту II-му Высочайшаго указа о предоставленіи земствамъ и городамъ большей самостоятельности въ отношеніи самоуправленія было признано, что многія изъ существующихъ положеній не удовлетворяютъ требованіямъ раціональной постановки самоуправленія, иногда даже нарушаютъ основныя требованія закона; такъ, напр., земства и города иногда бываютъ лишены права самостоятельно распоряжаться собираемыми ими суммами, на распредѣленіе которыхъ нерѣдко оказываютъ вліяніе комиссіи, съ преобладающимъ участіемъ въ нихъ чиновниковъ, незнакомыхъ съ мѣстными нуждами. Новое Положеніе было признано желательнымъ обосновать на принципахъ Положенія 1864 года, расширенныхъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ стѣсненія самоуправленія за 40 лѣтъ успѣли устарѣть. Разработку вопросовъ самоуправленія постановлено поручить особой комиссіи, при

чемъ передъ поступленіемъ проекта на утвержденіе Государственнаго совѣта признано желательнымъ созвать съѣздъ представителей земствъ и городовъ. Мысль объ учрежденіи мелкой земской единицы встрѣчена Комитетомъ сочувственно.

Къ Положенію объ усиленной охранѣ Комитетъ министровъ отнесся въ принципѣ отрицательно, при чемъ Комитетъ призналъ, что изданныя не надлежащимъ законодательнымъ органомъ положенія, касающіяся усиленной охраны, подвергаясь непрерывному возобновленію, пріобрѣли характеръ постоянныхъ законовъ, противорѣчащихъ основнымъ законамъ и нарушающихъ личныя права гражданъ. Возобновленіе положеній объ усиленной охранѣ признано нежелательнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ срокъ дѣйствія ихъ истекъ, за исключеніемъ случаевъ, угрожающихъ государственной безопасности, при чемъ срокъ дѣйствія ихъ опредѣленъ до выработки особой комиссіей новыхъ по этому предмету узаконеній. Работы комиссіи должны быть основаны на слѣдующихъ принципахъ: узаконенія по объявленію мѣстностей на положеніи усиленной охраны должны быть ясно и точно формулированы и внесены въ законы; въ нихъ должны быть установлены обстоятельства, при которыхъ она можетъ быть объявлена. При объявленіи мѣстности на положеніи усиленной охраны должна быть обозначаема статья закона, по которой она вводится, срокъ и районъ дѣйствія.

Въ томъ же засѣданіи 11 января предсѣдатель Комитета министровъ С. Ю. Витте, какъ сообщила „Русь", поднялъ вопросъ о текущихъ событіяхъ и необходимости здѣсь же высказаться по этому поводу, заняться изслѣдованіемъ причинъ и выработать мѣры для предупрежденія на будущее время. Предложеніе это, однако, не встрѣтило сочувствія и было отклонено. Событія, о которыхъ поднялъ вопросъ С. Ю. Витте, были печальные дни 9, 10 и 11 января, окончившіеся кровопролитіемъ на улицахъ Петербурга.

Началомъ этихъ событій послужила забастовка рабочихъ Путиловскаго завода со 2 января. Ближайшимъ поводомъ забастовки было увольненіе 4-хъ рабочихъ, которыхъ путиловскіе рабочіе требовали вновь принять и уволить мастера Тетявкина. Когда администрація завода отказалась исполнить это требованіе, рабочіе бросили работу и предъявили требованія о сокращеніи рабочаго дня до 8 часовъ, установленіе минимума заработной платы, отмѣну сверхурочныхъ работъ, расцѣнку издѣлій выборными рабочихъ, улучшеніе санитарныхъ условій труда и т. п. Съ 5 января къ забастовавшимъ путиловцамъ присоединились Франко-русскій заводъ, Невскій судостроительный, фабрика Штиглица и др. Движеніе затѣмъ скоро охватило почти всѣ фабрики и заводы, а также и типографіи, такъ что съ 8-го января прекратился выходъ всѣхъ газетъ, за исключеніемъ „Правительственнаго Вѣстника" и „Вѣдомостей градоначальства". 9-го января, въ воскресенье, разыгралась на улицахъ столицы страшная драма, какъ финалъ предшествующихъ дней забастовки. На слѣдующій день, 10 января, было опубликовано слѣдующее правительственное сообщеніе: .

„Въ началѣ 1904 года, по ходатайству нѣсколькихъ рабочихъ фабрикъ и заводовъ Петербурга, былъ утвержденъ въ законномъ установленномъ порядкѣ уставъ „С.-Петербургскаго общества фабричныхъ и заводскихъ рарабочихъ", имѣвшаго цѣлью удовлетвореніе ихъ духовныхъ и умственныхъ интересовъ и отвлеченіе рабочихъ отъ вліянія преступной пропаганды. Общество это, избравшее своимъ предсѣдателемъ священника с.-петербургской пересыльной тюрьмы Георгія Гапона, по мѣрѣ своего распространенія на всѣ фабричные районы Петербурга, стало заниматься обсужденіемъ существовавшихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ отношеній между рабочими и хозяевами, а затѣмъ въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года побудило рабочихъ Путиловскаго завода вмѣшаться въ вопросъ объ увольненіи съ завода четверыхъ рабочихъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ оказалось впослѣдствіи, даже не были уволены, а оставили занятія добровольно. Тѣмъ не менѣе, возбуждаемые священникомъ Гапономъ и членами означеннаго общества, рабочіе Путиловскаго завода 2-го января прекратили работы и помимо требованія о возвращеніи ихъ товарищей, подъ вліяніемъ той же агитаціи, предъявили требованія объ измѣненіи порядка назначенія расцѣнки работъ и увольненія рабочихъ. Мѣры увѣщанія со стороны фабричной инспекціи оказались безуспѣшными, и къ стачкѣ подъ вліяніемъ тѣхъ же лицъ присоединились поголовно рабочіе нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ заводовъ Петербурга; а затѣмъ стачка стала быстро распространяться, охвативъ почти всѣ фабрично-заводскія предпріятія столицы. При чемъ, по мѣрѣ распространенія стачки, возрастали и требованія рабочихъ. Требованія эти въ письменномъ изложеніи, составленномъ въ большинствѣ случаевъ священникомъ Гапономъ, были распространяемы среди рабочихъ. Первоначально они касались лишь мѣстныхъ, для отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ вопросовъ, затѣмъ перешли къ вопросамъ общимъ: о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, объ участіи рабочихъ организацій въ разрѣшеніи споровъ между рабочими и хозяевами и т. п. Хозяева охваченныхъ стачкой промышленныхъ заведеній, собравшись на совѣщаніе, признали, что удовлетвореніе нѣкоторыхъ изъ домогательствъ рабочихъ должно повлечь за собою полное паденіе русской промышленности, другія же могли бы быть разсмотрѣны, а частью и удовлетворены въ мѣрѣ, посильной для каждаго отдѣльнаго предпріятія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывая готовность вступить съ рабочими въ переговоры, признали, что таковые возможны при условіи веденія ихъ съ организаціей стачечниковъ во всей ихъ совокупности и достижимы только по отдѣльнымъ фабрикамъ и заводамъ. Отъ такого обсужденія требованій рабочіе отказывались. Въ виду того, что стачка не была соединена съ нарушеніемъ порядка, никакихъ репрессивныхъ мѣръ властями предпринимаемо не было, и со времени ея возникновенія не было произведено ни одного ареста и обыска въ рабочей средѣ. Однако, къ агитаціи, которую вело „Общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ", вскорѣ присоединилось и подстрекательство подпольныхъ революціонныхъ кружковъ. Само вышеупомянутое общество, со священникомъ Гапономъ во главѣ, съ утра 8-го января перешло къ пропагандѣ, явно революціонной. Въ этотъ день священникомъ Гапономъ была составлена и распространена петиція отъ рабочихъ на Высочайшее Имя, въ коей рядомъ съ пожеланіями объ измѣненіи условій труда были изложены дерзкія требованія политическаго свойства. Въ рабочей средѣ былъ распущенъ слухъ и распространены письменныя заявленія о необходимости собраться къ 2 час. дня 9-го января на Дворцовой площади и

черезъ священника Гапона представить Государю Императору прошеніе о нуждахъ рабочаго сословія; и въ этихъ слухахъ и заявленіяхъ о требованіяхъ политическаго характера умалчивалось, и большинство рабочихъ вводилось въ заблужденіе о цѣли созыва на Дворцовую площадь.

„Фанатическая проповѣдь, которую въ забвеніи святости своего сана велъ священникъ Гапонъ, и преступная агитація злонамѣренныхъ лицъ возбудили рабочихъ настолько, что они 9-го января огромными толпами стали направляться къ центру города. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между ними и войсками, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія толпы подчиниться требованіямъ разойтись, а иногда даже нападенія на войска, произошли кровопролитныя столкновенія. Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургскомъ трактѣ, у Нарвскихъ воротъ, близъ Троицкаго моста, на 4-й линіи и Маломъ проспектѣ Васильевскаго острова, у Александровскаго сада, на углу Невскаго проспекта и улицы Гоголя, у Полицейскаго моста и на Казанской площади. На 4-й линіи Васильевскаго острова толпа устроила изъ проволокъ и досокъ три баррикады, на одной изъ которой прикрѣпила красный флагъ, при чемъ изъ оконъ сосѣднихъ домовъ въ войска были брошены камни и произведены выстрѣлы; у городовыхъ толпа отнимала шашки и вооружались ими, разграбила оружейную фабрику Шаффа, похитивъ около ста стальныхъ клинковъ, которые, однако, были большею частью отобраны; въ 1-мъ и 2-мъ участкахъ Васильевской части толпою были порваны телефонные провода и опрокинуты телефонные столбы; на зданіе 2-го полицейскаго участка Васильевской части произведено нападеніе и помѣщеніе участка разбито; вечеромъ на Большомъ и Маломъ проспектахъ Петербургской стороны разграблено 5 лавокъ.

„Общее количество потерпѣвшихъ отъ выстрѣловъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ больницами и пріемными покоями къ 8-ми часамъ вечера, составляетъ: убитыхъ 76 человѣкъ (въ томъ числѣ околоточный надзиратель), раненыхъ 233 (въ томъ числѣ тяжело раненый помощникъ пристава и легко раненые рядовой жандармскаго дивизіона и городовой).

„На 10-е января къ охранѣ города приняты тѣ же мѣры, которыя были приняты 9-го числа.

„Въ теченіе 10 января въ г. Петербургѣ столкновеній толпы, производившей безпорядки, съ войсками не было, и воинскимъ командамъ не пришлось прибѣгать къ оружію, такъ какъ при появленіи войска толпа разбѣгалась. Днемъ была произведена во-время предупрежденная попытка нападенія на Гостинный дворъ. Къ вечеру къ стачкѣ присоединились рабочіе электрическихъ станцій, вслѣдствіе чего, пользуясь темнотой, отдѣльныя группы принялись бить оконныя стекла магазиновъ на разныхъ улицахъ; но порядокъ повсюду былъ быстро возстановленъ.

„Въ теченіе 10 января убитыхъ и раненыхъ не было; число пострадавшихъ въ теченіе 9 числа по точному подсчету оказывается: убитыми 96 человѣкъ и ранеными 333 (въ томъ числѣ 53 зарегистрированы въ амбулаторныхъ пунктахъ)".

13 января часть рабочихъ на столичныхъ фабрикахъ и заводахъ приступила къ работамъ.

Въ Императорскихъ театрахъ и на частныхъ сценахъ состоялись спектакли при нормальныхъ условіяхъ.

Вслѣдъ затѣмъ отъ 11 января послѣдовалъ Именной Высочайшій указъ объ учрежденіи въ Петербургѣ и Петербургской губерніи генералъ-губернаторства. Указъ этотъ гласитъ слѣдующее:

„Событія послѣднихъ дней въ С.-Петербургѣ указали на необходимость прибѣгнуть къ исключительнымъ по обстоятельствамъ времени мѣрамъ, въ видахъ охраненія государственнаго порядка и общественной безопасности.

„Съ этою цѣлью Мы признали необходимымъ учредить должность с.-петербургскаго генералъ-губернатора, на основаніяхъ, указанныхъ въ законоположеніяхъ о главныхъ начальникахъ губерній, и нижеслѣдующихъ правилъ:

„1) С.-Петербургскому генералъ-губернатору подчиняются городъ С.-Петербургъ и С.-Петербургская губернія.

„2) По предметамъ, относящимся къ охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности, генералъ-губернатору подчиняются всѣ мѣстныя гражданскія управленія и учебныя заведенія всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ.

„3) Генералъ-губернаторъ имѣетъ право, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, принимать мѣры, указанныя въ ст. 140 Уст. цензурн.

„4) Генералъ-губернатору, независимо отъ права по изданію обязательныхъ постановленій въ порядкѣ правилъ о положеніи усиленной охраны, предоставляется издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся до благоустройства и благочинія, въ предѣлахъ генералъ-губернаторства, съ установленіемъ взысканій и порядка разрѣшенія дѣлъ о нарушеніяхъ сихъ постановленій согласно статьямъ 15 и 16 Полож. усил. охр., при чемъ генералъ-губернаторъ можетъ уполномочивать на рѣшеніе сихъ дѣлъ подчиненныхъ ему с.-петербургскаго губернатора и градоначальника.

„5) Генералъ-губернатору предоставляется право вызывать, для содѣйствія гражданскимъ властямъ, войска во всѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ это необходимымъ, и опредѣлять по своему усмотрѣнію какъ родъ оружія, такъ и количество потребованныхъ войсковыхъ частей, которыя съ момента вызова дѣйствуютъ по его указанію.

„6) Власти генералъ-губернатора, въ предѣлахъ генералъ-губернаторства, подчиняются какъ с.-петербургское губернское жандармское управленіе, такъ и жандармскія полицейскія управленія желѣзныхъ дорогъ и въ полицейскомъ отношеніи—всѣ учрежденія и должностныя лица въ полосѣ желѣзно-дорожнаго отчужденія.

„7) Генералъ-губернатору подчиняются въ полицейскомъ отношеніи всѣ казенныя фабрики, заводы и мастерскія въ предѣлахъ генералъ-губернаторства.

„8) Всѣ права министра внутреннихъ дѣлъ по утвержденію въ должностяхъ лицъ городского общественнаго и земскаго управленій въ предѣлахъ столицы и губерніи передаются генералъ-губернатору,—и

„9) Генералъ-губернатору предоставляется воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ столицѣ и С.-Петербургской губерніи.

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего сдѣлать надлежащее распоряженіе.

„На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*Николай*".

Въ Царскомъ Селѣ.
11-го января 1905 года".

Въ слѣдующіе дни было опубликовано объявленіе министра финансовъ статсъ-секретаря В. Коковцова и генералъ-губернатора Д. Трепова, въ которомъ дѣлается призывъ къ рабочему люду возвратиться къ обычному труду.

„И, возвращаясь къ работѣ, говорится въ этомъ объявленіи, пусть знаетъ трудящійся людъ, что его нужды близки сердцу Государя Императора такъ же, какъ и нужды всѣхъ Его вѣрныхъ подданныхъ; что Его Величество еще столь недавно повелѣть соизволилъ, по личному Своему произволенію, приступить къ разработкѣ вопроса о страхованіи рабочихъ, имѣющемъ своею задачею обезпечить ихъ на случай увѣчья и болѣзни; что этою мѣрою не исчерпываются заботы Государя Императора о благѣ рабочихъ, и что одновременно съ симъ, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, министерство финансовъ готово приступить къ разработкѣ закона о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени и такихъ мѣръ, которыя дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своихъ нуждахъ".

19-го января Государю Императору была представлена депутація изъ 34 рабочихъ столичныхъ и пригородныхъ заводовъ и фабрикъ, при чемъ Государь обратился къ нимъ со слѣдующею рѣчью:

„Я вызвалъ васъ для того, чтобы вы могли лично отъ Меня услышать слово Мое и непосредственно передать Его вашимъ товарищамъ. Прискорбныя событія съ печальными, но неизбѣжными послѣдствіями смуты произошли отъ того, что вы дали себя вовлечь въ заблужденіе и обманъ измѣнниками и врагами Нашей родины. Приглашая васъ итти подавать Мнѣ прошеніе о нуждахъ вашихъ, они поднимали васъ на бунтъ противъ Меня и Моего правительства, насильственно отрывая васъ отъ честнаго труда въ такое время, когда всѣ истинно русскіе люди должны дружно и не покладая рукъ работать на одолѣніе нашего упорнаго внѣшняго врага. Стачки и мятежныя сборища только возбуждаютъ безработную толпу къ такимъ безпорядкамъ, которыя всегда заставляли и будутъ заставлять власти прибѣгать къ военной силѣ, а это неизбѣжно вызываетъ и неповинныя жертвы. Знаю, что не легка жизнь рабочаго. Многое надо улучшить и упорядочить; но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хозяевамъ и считаться съ условіями Нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять Мнѣ о своихъ нуждахъ преступно. Въ попеченіяхъ Моихъ о рабочихъ людяхъ озабочусь, чтобы все возможное къ улучшенію быта ихъ было сдѣлано и чтобы обезпечить имъ впредь законные пути для выясненія назрѣвшихъ ихъ нуждъ. Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а потому прощаю имъ вину ихъ. Теперь возвращайтесь къ мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дѣло вмѣстѣ съ вашими товарищами, и да будетъ Богъ вамъ въ помощь".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, движимыя чувствомъ сердечнаго состраданія къ семьямъ убитыхъ и раненыхъ во время безпорядковъ 9 сего января въ С.-Петербургѣ, всемилостивѣйше соизволили назначить изъ собственныхъ средствъ 50.000 р. для оказанія помощи нуждающимся членамъ этихъ семей. Сумма эта препровождена министромъ Императорскаго двора въ распоряженіе с.-петербургскаго генералъ-губернатора для распредѣленія ея между пострадавшими, на основаніи подробныхъ данныхъ объ ихъ положеніи, выясненіе коихъ возлагается на особую комиссію въ составѣ, образуемомъ по усмотрѣнію генералъ-губернатора.

Довольно широко шла и частная помощь. Помощники прис. повѣренныхъ обложили себя ежемѣсячными взносами по 1 р. и по 7 р. единовременно.

С.-Петербургская городская дума ассигновала 25 тыс. р. для семействъ пострадавшихъ рабочихъ.

14 января редакторы рѣшительно всѣхъ повседневныхъ петербургскихъ изданій, начиная съ „Новаго Времени", „Свѣта", и кончая „Петербургской газетой" представили министру внутреннихъ дѣлъ краткую записку о необходимости свободы печати и созыва земскаго собора для успокоенія Россіи.

Вслѣдъ за стачками и волненіями рабочихъ въ Петербургѣ началось рабочее движеніе во многихъ другихъ городахъ. По сообщеніямъ газетъ, съ 10 января началась забастовка рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ въ *Москвѣ*. Всего въ забастовкѣ участвовало 130 фабрикъ и заводовъ. Газовый и электрическій заводы и Мытищенскій водопроводъ работали подъ охраной воинской команды. По городу расклеено было объявленіе и. д. градоначальника, приглашающее воздерживаться отъ сборищъ и скопленій народа и предупреждающее, что къ устраненію будутъ приниматься рѣшительныя мѣры. Въ теченіе нѣсколькихъ дней не выходили газеты. Московскими рабочими предъявлены были тѣ же требованія, какъ и петербургскими. 15 и 16 января большинство фабрикъ и заводовъ г. Москвы начало работать.

Въ эти же дни, по сообщенію Р. Агентства, начались забастовки въ *Варшавѣ*. 14-го января въ мѣстныхъ газетахъ было напечатано объявленіе варшавскаго оберъ - полиціймейстера, приглашающее жителей къ спокойствію съ указаніемъ, что въ случаѣ нарушенія порядка можетъ быть примѣнена военная сила. Въ *Ковно* 11 января въ городѣ и окрестностяхъ забастовали сначала пять металлическихъ заводовъ, а 12 забастовка охватила всѣ промышленныя и ремесленныя заведенія; не работали трамвай и электрическая станція, закрылись магазины. Вслѣдъ затѣмъ появилось такое же объявленіе мѣстнаго губернатора, какъ и въ Варшавѣ. Въ *Вильнѣ* 11 января забастовали на большинствѣ заводовъ, а также на всѣхъ иногороднихъ. Газеты не выходили. Въ *Ревелѣ* 12-го января также забастовали всѣ фабрики и заводы, магазины были закрыты. 12-го же января начались забастовки въ *Кіевѣ*: забастовали тамъ механическіе заводы, машиностроительные и даже хлѣбопекарни. Цѣны на хлѣбъ повысились. Ночью по городу ходили военные патрули. Въ тотъ же день начались забастовки въ *Саратовѣ*. Кромѣ рабочихъ заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ, забастовали служащіе Рязанско-уральской ж. дороги. Такія же забастовки произошли въ тѣ же самые дни въ *Либавѣ*, *Ригѣ*, *Самарѣ*, *Одессѣ*. Въ нѣкоторыхъ городахъ, кромѣ Петербурга, въ Варшавѣ, Либавѣ, Ригѣ были примѣненія военной силы, при чемъ оказалось много пострадавшихъ. Такъ, въ Ригѣ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, при столкновеніи народа съ войсками 13 января у желѣзнодорожнаго моста убито 22 человѣка. По сообщенію „Рос. Аг.", заграничный слухъ объ убійствѣ или пораненіи варшавскаго оберъ-полиціймейстера барона Нолькена—оказался неосновательнымъ.

Общія волненія отразились и въ различныхъ другихъ областяхъ общественной и государственной жизни. Въ Петербургѣ временно закрыты высшія учебныя заведенія. Преподаватели С.-петербургскаго технологическаго института, по словамъ газетъ, подали въ учебный комитетъ института заявленіе, въ которомъ они, находясь подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій, указываютъ на невозможность руководить занятіями студентовъ при настоящихъ ненормальныхъ условіяхъ русской жизни. Единственный выходъ изъ такого тяжелаго положенія высшей школы преподаватели института видятъ въ установленіи гарантій неприкосновенности личности и въ другихъ коренныхъ нововведеніяхъ. Подъ заявленіемъ подписалось около 20-ти преподавателей.

Нѣкоторыя изъ губернскихъ земскихъ собраній, какъ Новгородское, прервали свои занятія, вслѣдствіе охватившаго гласныхъ волненія по случаю событій въ Петербургѣ 9 января. Гл. А. П. Храповицкій просилъ предсѣдателя собранія навести справки о томъ, что совершилось въ Петербургѣ. Его просьбу поддержали и нѣкоторые другіе гласные. Предсѣдатель собранія кн. Голицынъ не допустилъ обсуждать этотъ вопросъ. Но затѣмъ состоялось частное совѣщаніе гласныхъ, а послѣ того собраніе прервало свои занятія. Пріостановили занятія или отложили ихъ до февраля и марта, хотя и по другимъ причинамъ, слѣдующія губернскія земскія собранія: Саратовское, Уфимское, Воронежское, Московское, С.-Петербургское. Въ Уфимскомъ и Воронежскомъ собраніяхъ засѣданія пріостановились: въ первомъ потому, что по распоряженію губернатора въ залъ засѣданія введена была полиція, во второмъ потому, что, тоже по распоряженію губернатора, засѣданія собранія были объявлены непубличными. Въ Саратовскомъ земствѣ гласные отказались продолжать занятія на томъ основаніи, что они могли обсуждать интересующіе ихъ общіе вопросы только при условіи нарушенія предсѣдателемъ собранія сдѣланнаго ему запрещенія допускать обсужденіе такихъ вопросовъ. Предсѣдатель собранія кн. А. А. Ухтомскій заявилъ земскому собранію, что хотя онъ и получилъ такое предписаніе, но если угодно, то онъ подчинится желанію собранія. Гласные не пожелали, чтобы пострадалъ предсѣдатель собранія, и рѣшили прервать занятія. На многихъ изъ губернскихъ земскихъ собраній нынѣшней сессіи присутствуетъ масса публики, принимающей живѣйшее участіе въ томъ, что происходитъ на собраніяхъ. По словамъ мѣстныхъ газетъ, въ Саратовское собраніе была подана отъ имени земскихъ плательщиковъ и жителей города петиція о необходимости измѣненія современныхъ общественныхъ и государственныхъ условій жизни. На первомъ засѣданіи присутствовало болѣе 500 чел. публики. Въ Уфимскомъ и Воронежскомъ собраніяхъ публика открыто и громко выражала свое одобреніе и неодобреніе по поводу обсужденій гласными общихъ вопросовъ, вслѣдствіе чего и приняты были мѣстными властями вышеупомянутыя мѣры.

Во второй половинѣ января произошли въ высшихъ правительственныхъ сферахъ слѣдующія важныя перемѣны: уволенъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскій отъ занимаемой имъ должности министра, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. Вмѣсто него на должность министра внутреннихъ дѣлъ назначенъ членъ Государственнаго совѣта, гофмейстеръ *Булыгинъ*, бывшій помощникомъ московскаго генералъ-губернатора.

Министръ юстиціи, статсъ-секретарь Муравьевъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Италіи. Вскорѣ послѣ событій 9 января вышелъ въ отставку С.-Петербургскій градоначальникъ Фуллонъ. На его мѣсто назначенъ начальникъ штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ ген.-м. Дедюлинъ.

Изъ выдающихся событій въ теченіе января необходимо отмѣтить несчастный случай, происшедшій 6-го числа во время водосвятія на Невѣ. Правительственное сообщеніе объ этомъ гласитъ такъ:

„Вчера, 6 января, во время водосвятія на Невѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, при производствѣ установленнаго салюта произошелъ несчастный случай. Однимъ изъ орудій, расположенныхъ близъ биржи батарей, былъ произведенъ, вмѣсто холостого, выстрѣлъ картечью. Пули попали въ помостъ у Іордани и на набережную, а также въ фасадъ Зимняго Дворца, въ четырехъ окнахъ котораго ими разбиты стекла. Раненъ одинъ нижній чинъ с.-петербургской городской полиціи. Другихъ несчастій съ людьми, насколько это до сихъ поръ выяснилось, не было. Слѣдствіе производится".

Затѣмъ, по офиціальному сообщенію, изъ дознанія, произведеннаго особою комиссіею, обнаружилось, что выстрѣлъ картечью произошелъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе того, что въ каналѣ одного изъ орудій осталась одна изъ учебныхъ картечей со времени домашняго ученія 1-й батареи гвардейской конно-артиллерійской бригады 4 января. Заряжая орудія для холостой стрѣльбы, ихъ не пробанили, какъ то требуется уставомъ при стрѣльбѣ холостыми снарядами, а прямо вложили фиктивные снаряды и заряды. Для окончательнаго установленія всѣхъ обстоятельствъ дѣла и выясненія степени виновности причастныхъ лицъ назначено предварительное слѣдствіе, порученное военному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, подъ наблюденіемъ военнаго прокурора Петерб. военно-окружного суда.

Однимъ изъ свѣтлыхъ дней въ печальной русской дѣйствительности долженъ бы быть въ настоящемъ году Татьянинъ день 12 января, совпадающій со 150-тилѣтнимъ юбилеемъ основанія московскаго университета. Но этого не случилось,—торжественное празднованіе этого юбилея не могло состояться. Тѣмъ не менѣе московскій университетъ получилъ въ этотъ день множество привѣтственныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи. Какъ образецъ этихъ привѣтствій, приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ адреса профессоровъ харьковскаго университета. Отмѣчая знаменательный для всего русскаго просвѣщенія день 150-лѣтняго юбилея московскаго университета, харьковскіе профессора говорятъ:

„За это продолжительное время изъ московскаго университета вышли или въ немъ трудились такіе крупные дѣятели въ области науки, литературы, государственнаго и общественнаго служенія, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевы Сергѣй и Владиміръ, Буслаевъ, Тихонравовъ, Рѣдкинъ, Кавелинъ, Чичеринъ, Чебышевъ, Рулье, Пироговъ, Боткинъ, Юрій Самаринъ и Николай Милютинъ. Съ именами многихъ изъ нихъ связаны въ русскомъ обществѣ его лучшіе идеалы и великія освободительныя реформы.

„Въ настоящій серьезный моментъ, переживаемый русскимъ обществомъ, мы волнуемся вмѣстѣ съ нашимъ старѣйшимъ собратомъ однѣми и тѣми же тревогами и въ единеніи ищемъ благопріятнаго разрѣшенія назрѣвшихъ

академическихъ задачъ. Чувствуя свое безсиліе при дѣйствіи устава 1884 года и неудачныхъ къ нему поправокъ выполнить свой долгъ передъ отечествомъ въ дѣлѣ образованія и просвѣщенія молодежи, мы, вмѣстѣ съ нашими коллегами другихъ университетовъ, считаемъ для упорядоченія академической жизни, для возстановленія взаимнаго довѣрія учащихъ и учащихся и для правильнаго представительства академическихъ интересовъ передъ государствомъ и обществомъ,—необходимой организацію всероссійскаго союза и періодическихъ съѣздовъ профессоровъ и преподавателей всѣхъ нашихъ высшихъ школъ.

„Ясно сознавая, что этотъ первый шагъ самодѣятельности профессорской коллегіи для оздоровленія академической жизни и для устраненія господствующихъ въ ней апатіи и унынія возможенъ лишь при условіи гарантіи свободы личности, свободы слова и печати и свободы союзовъ и собраній,—мы вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ нетерпѣливо ждемъ осуществленія этихъ началъ въ нашей жизни. Мы глубоко убѣждены, что безъ твердаго правопорядка, гарантированнаго закономъ и общественнымъ контролемъ, немыслимъ прогрессъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ нашей страны".

N.

Издатель **В. С. Миролюбовъ**. Редакторъ **П. В. Голяховскій**.

1905-й годъ (5-й годъ изданія).

На ½ года съ 1 января **1 р. 25 к.** съ перес.	**„РУССКОЕ ЧТЕНІЕ"** ОБЩЕДОСТУПНАЯ ГАЗЕТА СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ ЖУРНАЛОМЪ.	Въ годъ **2 р. 50** съ перес.

„Русское Чтеніе" съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія выписывается для частей войскъ гвардіи и арміи, въ коихъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволитъ состоять Шефомъ.

РЕКОМЕНДОВАНО: Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Министерствами Народнаго Просвѣщенія и Финансовъ, Главнымъ Штабомъ и мн. др.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

1) ГАЗЕТУ: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

2) Особый еженедѣльный журналъ „Сборникъ Рус. Чтенія" по субботамъ съ картинами (болѣе 500), который составитъ за годъ томъ болѣе 500 стр.

3) **4 преміи безплатно:** 1-я — Стѣнной табель-календарь на 1905 г. съ портретами Ихъ Величествъ и рисунками.—2-я. Большая картина „Русско-Японская война"—3-я. Домашній лѣчебникъ, составленный Д-ромъ мед. П. П. Орловымъ.—4. Наглядная таблица съ рисунками „Скотоводство въ Россіи".

„РУССКОЕ ЧТЕНІЕ" и въ 5-мъ году своего изданія останется вѣрнымъ своему направленію и будетъ стремиться давать полезное чтеніе и возможно полныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ, совершающихся какъ у насъ на Руси, такъ и въ чужихъ земляхъ. По прежнему будутъ помѣщаться разсказы, повѣсти, стихотворенія и проч. Обращено особое вниманіе на разработку вопросовъ **по сельскому хозяйству и домоводству и на извѣстія съ войны.**

Каждый годовой подписчикъ имѣетъ право получать совѣты и отвѣты на вопросы; въ срочныхъ дѣлахъ отвѣты эти даются особыми письмами.

Досточтимый всѣмъ русскимъ народомъ батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій, благословившій „Русское Чтеніе" при первыхъ его шагахъ, три года тому назадъ, снова удостоилъ газету и читателей ея своимъ пастырскимъ благопожеланіемъ съ присылкой своего портрета съ надписью:

«Доброму «Русскому Чтенію» съ благопожеланіемъ успѣховъ и редакціи и русскимъ читателямъ». Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ, 8 января 1904 года. (См. сборн. „Рус. Чт." № 3).

При выпискѣ 15 годовыхъ экз. «Русскаго Чтенія» — 16 предоставляется безплатно.

Для подп. „Рус. Чт." **1 р. 50 к.** Отдѣльно **2 руб.**	**„НАРОДНАЯ ЧИТАЛЬНЯ"** ежемѣсячный иллюстрированный журналъ, 12 КНИГЪ въ годъ СО МНОГИМИ КАРТИНАМИ. Допущенъ въ учит. библіотеки народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.	Для подп. „Рус. Чт." **1 р. 50 к.** Отдѣльно **2 руб.**

☛ Въ каждомъ нумерѣ „Русскаго Чтенія" дются подробныя и вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о войнѣ съ Японіей. Помѣщаются картины войны, портреты участниковъ, планы, карты и проч.

Подписка на оба изданія принимается въ Главной Конторѣ и Редакціи: Спб., Надеждинская ул., 19 и во всѣхъ мѣстахъ по пріему подписки.

Пробные нумера „Русскаго Чтенія" высылаются БЕЗПЛАТНО, „Народной Читальни" за 15 коп. марками.

Редакторъ-издатель Полковникъ Дубенскій.

ГОДЪ X. 1905. № 3. МАРТЪ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Журналъ для всѣхъ.

В. БАШКИНЪ.

СЕРЕБРЯНАЯ СКАЗКА.

Нанизанъ жемчугъ на каждой ниткѣ,
На каждой складкѣ одежды синей...
Мы прислонились съ тобой къ калиткѣ,
Съ застывшихъ вѣтокъ стряхнули иней.
Мерцаетъ мѣсяцъ за тихимъ садомъ.
Ночь сыплетъ звѣзды надъ бѣлымъ полемъ.
Міръ смотритъ въ душу спокойнымъ взглядомъ,
А мы проститься себя неволимъ.
Ночь, какъ царица, а ты царевна.
Пуглива сказка... Мечта тревожна...
И все уходитъ, что было гнѣвно,
И сердце бьется такъ осторожно.

БЕЗСИЛЬЕ.

Было прошлое грустно и нѣжно.
Настоящее стало убого.
Смолкло сердце мое безнадежно,
Развѣнчавъ милосерднаго Бога.
Нѣтъ въ тоскѣ ни вражды, ни насилья,
Поднимаются слабыя руки.
Все трепещутъ усталыя крылья,
Все поютъ утомленные звуки.
Унестись бы къ лазури надзвѣздной,
Утонуть бы въ пустынѣ бездонной,
Гдѣ за темной ликующей бездной
Скрылся Богъ, навсегда возмущенный.

М. ПОЖАРОВА.

Лебедями златоперыми
Пролетаютъ облака;
Надъ застывшими озерами
Гаснетъ шелестъ тростника.
Поднялись туманы пѣнные,
Льется сказка тишины...
Воскресаютъ сокровенные,
Неоплаканные сны;
Свѣтятъ радостью негрѣющей,
Шепчутъ вкрадчивый обманъ,
Подъ луною пламенѣющей
Расплываются въ туманъ.
Сердце сдавлено укорами,
Скорбь земная глубока...
И крылами златоперыми
Манятъ къ небу облака.

ALLEGRO.

Спитъ рѣка въ бреду своихъ тумановъ,
И надъ ней, приплывъ издалека,
Словно рати двухъ враждебныхъ становъ,
Разорвавшись, встали облака.

Птица вдругъ проплакала ночная,
И опять все тихо и темно.
Спитъ земля, но спитъ, не отдыхая...
Я иду и думаю одно.

И моимъ тревожнымъ мыслямъ вторя,
Тихо бредитъ сонная рѣка,
А въ небесномъ сумрачномъ просторѣ,
Поблѣднѣвъ, застыли облака.

Снѣжнымъ облакомъ летѣли
Блѣдноликія мятели
Изъ полночныхъ странъ,
И взвивался, и качался,
И со стономъ разсыпался
Снѣжный ураганъ.

Но довольно пѣла вьюга,
Вѣсть весны на сѣверъ съ юга
Льется все смѣлѣй.
Дни свѣтлы и необъятны,
И душѣ влюбленной внятны
Крики журавлей.

Л. АНДРУСОНЪ.

РАБЪ.

Вернулся я... Тебя забыть нѣтъ силы.
Прости, тебя не могъ я разлюбить:
Жизнь безъ тебя страшна, какъ мракъ могилы,
Я не могу тебя забыть и жить.
Хочу въ глаза твои опять смотрѣть съ мольбою,
Твою улыбку взглядомъ цѣловать.
Люблю тебя, и быть хочу съ тобою:
Тебѣ одной всю жизнь мою отдать.
Зачѣмъ, зачѣмъ ты смотришь такъ сурово?
Смѣешься... Я боюсь въ твои глаза смотрѣть...
Не прогоняй меня... Прости, скажи хоть слово...
Уйти?.. забыть тебя?.. Нѣтъ, — лучше умереть.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

ВЕСНА.

Скучно въ лощинахъ березамъ,—
Туманная муть на поляхъ.
Конскимъ размокшимъ навозомъ
Въ туманѣ чернѣется шляхъ.

Въ сонной степной деревушкѣ
Пахучіе хлѣбы пекутъ.
Медленно двѣ побирушки
Съ мѣшками къ деревнѣ бредутъ.

Тамъ ужъ на улицѣ—лужи,
Зола и весенняя грязь.
Въ избахъ—угаръ, а снаружи
Завалинки тлѣютъ, дымясь.

Жмурясь, сидитъ у амбара
Овчарка на ржавой цѣпи.
Въ избахъ—темно отъ угара,
Туманно и тихо—въ степи.

Только пѣтухъ беззаботно
Весну воспѣваетъ весь день...
Въ полѣ—тепло и дремотно,
А въ сердцѣ—счастливая лѣнь...

ЕЛИСАВЕТА ДИТЕРИХСЪ.

Сегодня Новый годъ... Предъ образомъ лампада
Горитъ таинственнымъ и трепетнымъ огнемъ.
Въ груди моей покой,—и это мнѣ награда
Въ мучительномъ страданіи моемъ.

О, какъ мнѣ хорошо! Какимъ порывомъ тайнымъ
Охвачена душа... Какъ хочется любить,
Какъ хочется назвать все грустное случайнымъ,
И слезы, и тоску, и прошлое забыть.

О, какъ я жду тебя, грядущее иное,
Счастливое, какъ яркая весна!
О, сумрачная жизнь! твое дитя больное
Не вѣруетъ теперь, что счастьемъ ты бѣдна...

И въ этотъ свѣтлый мигъ я вѣрой оживаю,
Глубокой вѣрой въ то, что будетъ впереди,
И тихо, какъ дитя, предъ образомъ рыдаю
И счастію шепчу: приди, приди, приди!...

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ.

УТРО.

Проснулось озеро. Воздушны очертанья
Холмовъ. Ужъ ночи нѣтъ, и всюду свѣтъ проникъ,
Ужъ воздухъ дышетъ имъ, и сводъ небесъ великъ,
Какъ замыселъ Творца въ предвѣчный день созданья.
И весь прекрасенъ міръ, весь—нѣжность и сіянье,
Весь—трепетъ юности!.. Какъ будто въ этотъ мигъ,
Не вѣдая ни зла, ни счастья, ни страданья,
Изъ тьмы невѣдомой впервые онъ возникъ!
Свѣтаетъ. Но во мглѣ еще неуловимы
Границы береговъ; ихъ склоны еле зримы.
Сквозными кажутся вершины горъ вдали.
И струи озера блестятъ какъ хрустали...
И таютъ, чуть дрожа, какъ розовые дымы,
Въ прозрачностяхъ небесъ прозрачности земли.

Л. М. ВАСИЛЕВСКІЙ.

ИЗЪ ПЕРСИДСКИХЪ МОТИВОВЪ

Въ двѣнадцать лѣтъ жена и въ двадцать пять старуха,
Одѣтая въ броню ревниваго плаща,
Она влачитъ свой вѣкъ безрадостно и глухо,
Безъ животворнаго луча.
Безъ смѣха и любви, безъ шутки и свободы,
Не смѣя поплясать, побѣгать, помечтать,
Она хранитъ завѣтъ Праматери-Природы,
Она—не женщина, а мать.
Закутавшись плащомъ, она себя сковала
Какъ тайну бытія, рожденья и судьбы,
И хочется сорвать Изиды покрывало
Съ суровой жрицы и рабы!

Г. ГАЛИНА.

МАТЬ.

Съ какою нѣжностью покоитъ на рукахъ
Она свое дитя въ задумчивомъ молчаньи...
На сомкнутыхъ губахъ лежитъ печать страданья,
И ласка тихая въ опущенныхъ глазахъ...
Съ тревогою прижавъ дитя къ груди своей,
Въ его грядущее она глядитъ съ тоскою,
И хочетъ мать закрыть безпомощной рукою
Свое дитя отъ слезъ, печали и скорбей...
И въ сердцѣ у нея тяжелая боязнь:
Лишиться дорогой, единственной святыни!..
Вѣдь безъ него весь міръ останется пустыней...
И за него—она пойдетъ на казнь!

ВЪ ГЛУШИ.

Очеркъ изъ деревенской жизни.

I.

Въ усадьбѣ Дмитрія Ивановича Кольцова жили: самъ Дмитрій Ивановичъ, его жена Софья Андреевна и дочь ихъ Нина, молоденькая дѣвушка, недавно окончившая институтъ. Дмитрій Ивановичъ Кольцовъ былъ когда-то зажиточнымъ малорусскимъ помѣщикомъ; имѣлъ водяную мельницу и нѣсколько вѣтряныхъ, держалъ много лошадей и рогатаго скота. Онъ говорилъ по-французски, хорошо одѣвался и часто ѣздилъ за границу. Потомъ онъ женился на простой, мало образованной женщинѣ, и сталъ жить почти безвыѣздно въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ, которое съ каждымъ годомъ все шло на убыль, ругая рабочихъ и подкрѣпляясь настойкой отъ „сорока мучениковъ". Онъ сильно постарѣлъ и опустился.

Его жена, Софья Андреевна была деревенская дама, т. е. родилась, воспитывалась и постоянно жила въ деревнѣ. Она любила сама копаться въ огородѣ, выколачивать подсолнухи, доить коровъ и сплетничать съ деревенскими бабами. Вставала она съ восходомъ солнца и ложилась съ его заходомъ. Она ходила всегда непричесанной, въ платкѣ и въ большихъ, съ протертой резинкой, башмакахъ. Мужа своего называла „купцомъ", а дочь „барышней".

Нина, сравнительно со своими родителями, дѣйствительно имѣла видъ барышни. Она только всего два года, какъ пріѣхала въ усадьбу, и еще не успѣла потерять вида горожанки. Она хорошо одѣвалась, говорила по-французски, много читала, каталась верхомъ и кокетничала съ единственнымъ молодымъ помѣщикомъ, Евграфомъ Степановичемъ Пулей.

Пуля былъ плотный мужчина лѣтъ 35, съ великолѣпной бородой и мускулатурой. Онъ усиленно занимался битьемъ рабочихъ и запираніемъ въ хлѣвъ пойманныхъ на своей землѣ чужихъ коровъ и лошадей. Онъ говорилъ, что всѣ мужики „хамы" и „иродово племя" и что съ ними только и можно взять кулакомъ.

Нина по этому поводу съ нимъ часто спорила, но онъ съ ней никогда не соглашался и называлъ ее „ничего незнающей институточкой". Она на него сердилась и долгое время не хотѣла съ нимъ разговаривать, но потомъ ей одной становилось скучно, и она возобновляла съ нимъ знакомство. Пуля зналъ это и, самодовольно улыбаясь и задерживая ея руку въ своей рукѣ, говорилъ ей:

— Ну-съ, значитъ, миръ?

Нина освобождала свою руку и отвѣчала:

— Я и не думала на васъ сердиться.

Пуля тихо посмѣивался.

Однажды они гуляли въ рощѣ, недалеко отъ кольцовской усадьбы. Нина разсказывала ему про свою институтскую жизнь. Онъ косился на нее и, пощипывая бороду, думалъ: „А славненькая институточка, шутъ ее возьми!"

— У васъ, говорятъ, въ институтахъ анекдоты скабрезные разсказываютъ? спросилъ онъ и, сорвавъ одуванчикъ, дунулъ на нее пухомъ.

Она покраснѣла.

— Что значитъ скабрезные? Не понимаю этого слова.

— Ой ли? Не вѣрю. Теперешнія барышни и не такія слова понимаютъ. Я зналъ одну барышню,—гимназію въ прошломъ году окончила,—такъ она меня всегда просила скабрезные анекдоты ей разсказывать. Мы съ ней большіе друзья были. Я ей про нашего брата много антимоніи всякой разводилъ, а она мнѣ про вашу сестру бары растабарывала.

— Такъ что вы, значитъ, по ней о всѣхъ женщинахъ судите?

— Да всѣ вы на одинъ манеръ. У всѣхъ васъ въ тихомъ омутѣ черти водятся. Съ виду скромненькія, тихенькія, святенькія, а пощупайка васъ хорошенько, такъ еще почище нашего брата будете. Знаемъ мы васъ, моргнулъ онъ ей глазомъ,—знаемъ!

„Онъ, кажется, меня совсѣмъ не уважаетъ", подумала Нина.

И вспомнила своихъ институтскихъ знакомыхъ: кадетовъ, студентовъ, офицеровъ, вспомнила ихъ обращеніе съ собою и съ грустью подумала: „Какіе они были славные, вѣжливые"... Передъ ея глазами промелькнула недавняя институтская жизнь, вечера, ухаживанія...

„Какое то было хорошее время"! подумала она.

— Вы это что же, институточка, разсердились на меня, аль замечтались? громкимъ голосомъ прервалъ ея размышленія Пуля. Нина даже вздрогнула.

— Да, замечталась немного... проговорила она и пошла по направленію къ своей усадьбѣ.

— Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость! Э, постойте! Куда это вы лыжи-то навострили? Домой собрались? Нѣтъ-съ, дама изъ Амстердама, это вы ужъ оставьте. Еще погуляемте немного. Поглядите, погодка-то какова!

— Нѣтъ, я пойду.

— А если я васъ не пущу?

— Не смѣете!

— Нѣтъ, смѣю...

Пуля сталъ ей на дорогѣ и растопырилъ руки.

— Вотъ возьму и не пущу!

Нина пожала плечами и хотѣла его обойти, но онъ снова загородилъ ей дорогу и схватилъ ее за руки.

— Не пущу!

— Евграфъ Степановичъ, оставьте, пожалуйста, мои руки! Что у васъ за привычка сейчасъ за руки хватать?

— Люблю-съ ваши ручки. Онѣ такія нѣжненькія, такія тепленькія, такія славненькія... Онъ приблизилъ къ ней свое лицо.—Дюньцикъ вы мой, дюньцикъ!

Нина повернулась къ нему бокомъ и съ тоской проговорила:

— Пустите! Я пойду...

— Дюньцикъ вы, миленькій дюньцикъ!

— Ну что за глупости вы говорите? Я разсержусь...

Пуля почти вплотную приблизилъ къ ней свое лицо и вдругъ быстро поцѣловалъ ее въ щеку и въ губы. Потомъ онъ хотѣлъ обнять ее, но она вырвалась у него изъ рукъ. Кровь залила ей лицо, шею и уши. Пуля отступилъ отъ нея шага на два и, глядя на нее заигравшими глазами, проговорилъ:

— Ухъ, какъ сладко! точно конфетку съѣлъ...

— Какъ же вы осмѣлились меня поцѣловать? прерывающимся голосомъ спросила она.— Кто вамъ далъ на это право?

Пуля провелъ перевернутой ладонью у себя подъ усами.

— Нравитесь вы мнѣ ужъ больно. Не удержался. Ишь глазенки-то разгорѣлись какъ! Еще прибьете, чего добраго!..

Нина, ничего не отвѣчая, быстро пошла домой.

Пуля нѣсколько секундъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, качая головой.

„Эхъ, славная дѣвочка!“ думалъ онъ: „и бочка пышненькіе, и ручки полненькія, и шейка бѣленькая. Хорошо будетъ такую женушку имѣть. Бутончикъ и только“. Онъ пошелъ за ней.

— Послушайте! закричалъ онъ:—развѣ вы ужъ такая царевна-недотрога, что съ вами и пошутить нельзя? Ну что такого, что я васъ поцѣловалъ? Верните мнѣ поцѣлуй и будемъ квиты!

Но Нина, не обращая на него вниманія, продолжала итти впередъ. Тогда Пуля остановился, поправилъ на головѣ картузъ, махнулъ рукой и проговорилъ: „Не хочешь—и шутъ съ тобой!“ Потомъ онъ легъ на траву лицомъ вверхъ и, разстегнувъ на груди парусиновую куртку, закинулъ за голову руки и закрылъ глаза. Скоро онъ заснулъ. Горячее іюльское солнце, пробиваясь сквозь жидкую листву молодого, невысокаго орѣшника, пекло ему лицо. Муравьи и маленькіе черненькіе жучки бѣгали по его рукамъ, забирались въ носъ и заставляли его морщиться; но Пуля, несмотря на все это, продолжалъ крѣпко спать, раскраснѣвшись отъ жары и сопя носомъ.

II.

Вернувшись домой, Нина прошла въ палисадникъ и легла въ повѣшенный между двумя толстоствольными деревьями гамакъ. Это было ея любимое мѣсто. Здѣсь было прохладно и пахло липой, розами и табакомъ. Невдалекѣ виднѣлся огородъ съ работающими на немъ крестьянками. Онѣ пололи и пѣли однообразныя и безмотивныя пѣсни, но Нина любила слушать ихъ. Когда она только что пріѣхала въ усадьбу и ей все здѣсь казалось новымъ, неизвѣстнымъ, и когда она одиноко блуждала по лѣсамъ и лугамъ, думая о томъ, какая жизнь ожидаетъ ее здѣсь,—она услыхала эти пѣсни. Тогда кругомъ было тихо. Солнце спускалось за деревья и багрило листья, стволы и зеленую, свѣжую травку. Гдѣ-то кричала кукушка, а вблизи частыми ударами стучалъ дятелъ. Нина слушала пѣніе, смотрѣла вокругъ себя, вдыхала полной грудью запахъ листвы и цвѣтовъ, и ей казалось, что здѣсь можно жить хорошо и нескучно. Съ тѣхъ поръ, какъ она полюбила это пѣніе, оно напоминало ей первый день пріѣзда, первыя ея впечатлѣнія деревенской природы и первое ея знакомство съ новой, еще неизвѣстной для нея жизнью.

Она долго лежала въ гамакѣ, обдумывая поступокъ Пули.

„Какая дерзость, какая дерзость!“ думала она, вспоминая его поцѣлуи.

Когда она въ первый разъ увидѣла Пулю, онъ ей даже понравился. Онъ произвелъ на нее впечатлѣніе простого, немного грубоватаго, но славнаго малаго. Но чѣмъ больше она его узнавала, тѣмъ онъ становился ей противнѣе. Онъ съ каждымъ днемъ дѣлался съ ней все безцеремоннѣе и нахальнѣе. Онъ намѣтилъ ее себѣ въ жены и смотрѣлъ на нее, какъ на дѣвушку, которая скоро будетъ всецѣло принадлежать ему. Дмитрій Ивановичъ и Софья Андреевна знали объ этомъ и были очень рады. Они надѣялись этимъ бракомъ поправить свои пошатнувшіяся дѣла. Пуля былъ богатъ, и они знали, что, породнившись съ ними, онъ можетъ многое для нихъ сдѣлать.

— Вотъ кабы Пулю себѣ въ мужья наша „барышня“ словила... говорила часто Софья Андреевна мужу.

— Ишь ты, отвѣчалъ мужъ, прищелкивая языкомъ,—губа-то у тебя не дура. Вѣдь у Пули тысяча десятинъ земли... Такого зятька хоть куда!

— Въ томъ-то и дѣло. Тогда бы опять можно водяную мельницу завести и землицы купить.

— Да, пускай дѣвка старается, пускай старается... отвѣчалъ Дмитрій Ивановичъ.

Они хвалили дочери Пулю, и Нина знала, что они хотятъ, чтобы она вышла за него замужъ.

И вотъ теперь, лежа въ гамакѣ, она серьезно задумалась надъ своей жизнью. Ей было 19 лѣтъ и она была хорошенькая. Живя въ городѣ, она, конечно, могла бы встрѣтиться съ человѣкомъ, котораго полюбила бы и съ которымъ составила бы себѣ счастье; но живя здѣсь въ глуши и не бывая никогда даже у сосѣдей, она должна была помириться съ Пулей или рисковать на всю жизнь остаться при родителяхъ. Она видѣла, что они не любятъ ее и тя-

готятся ею, какъ совершенно чужимъ для себя элементомъ.

Мать часто говорила ей:

— Вотъ, когда отпразднуемъ твою свадьбу, то будетъ то-то и то-то.

Нина понимала, что ее „гонятъ замужъ“, и ей было горько и жалко себя.

Когда солнце стало опускаться и его косые лучи начали ударять въ лицо Нины, она поднялась съ гамака и пошла къ себѣ въ комнату. Въ ту минуту, когда она проходила черезъ дворъ, изъ конюшни послышались громкая брань и отхаркиваніе Дмитрія Ивановича.

— Прохвосты! кричалъ онъ.—Почему кобылу не подковали? Все вамъ носомъ нужно тыкать?! А! Носомъ тыкать!

Кормившая куръ Софья Андреевна соскочила съ крыльца и, перепрыгивая черезъ разлитые по двору помои и лошадиный навозъ, побѣжала въ конюшню.

— Хорошенько его, хорошенько! послышался оттуда ея визгливый и вдругъ сразу озлобившійся голосъ.—Никто ничего дѣлать не хочетъ.

— Прохвосты! Черти! продолжалъ кричать Дмитрій Ивановичъ.

Курносая дѣвка Малашка, съ краснымъ, веснущатымъ лицомъ, выглянула въ кухонное окно и, жуя жареную картошку, стала смотрѣть на ворота конюшни, ожидая драки.

Нина поспѣшно прошла въ свою комнату. Здѣсь она сѣла на кровать и въ тоскѣ закрыла лицо руками.

III.

Нина не видѣлась съ Пулей больше недѣли. Гнетущая тоска начала овладѣвать ею отъ одиночества и подозрительныхъ взглядовъ отца и матери. Повидимому, они догадывались, что у нея съ Пулей что-то произошло.

Однажды мать спросила ее:

— Что это Евграфъ Степановичъ къ намъ такъ долго не жалуетъ? Ужъ не обидѣла ли ты его чѣмъ-нибудь?

Нина въ это время ходила по цвѣтникамъ и поливала цвѣты. Она не знала, что сказать, и растерялась, но потомъ, совладавъ съ собой, отвѣчала:

— Онъ меня поцѣловалъ, а я разсердилась. Больше ничего.

Софья Андреевна, держа въ рукахъ бутылку со сбиваемымъ масломъ, высунулась въ окно.

— Какъ разсердилась? закричала она.—Ты, можетъ быть, выругала его? Посмотрите, финти-минти какіе! Что ты за принцесса такая заморская, что съ тобой и пошутить нельзя! Ой, смотри, дѣвка, носа-то не задирай! Вѣдь за душой-то у тебя кромѣ заплатанныхъ рубашекъ ничего нѣтъ.

Нина выпустила изъ рукъ лейку и покраснѣвъ пошла отъ цвѣтовъ.

— Да ты спину-то мнѣ не ворочай! закричала ей вслѣдъ мать. — А то, гляди, я не посмотрю, что ты барышня,—за космы такъ оттаскаю, что ты будешь меня помнить!

Половшія на огородѣ дѣвки перестали работать и съ любопытствомъ стали прислушиваться. На улицѣ игравшій на гармоникѣ парень пересталъ играть и пригнувшись сталъ смотрѣть въ щель забора.

Нина шла все впередъ, стараясь не слушать крика матери; а та продолжала браниться, размахивая руками и взвизгивая.

Когда Нина отошла настолько, что до ея слуха уже не доносился голосъ матери, она сѣла на траву и стала смотрѣть на небо. Въ небѣ было ясно, свѣтло и спокойно. Невдалекѣ пѣлъ соловей и кричала иволга. Легкій вѣтеръ шелестѣлъ надъ ея головой листьями дикой груши. Изрѣдка съ нея срывались маленькіе плоды и съ легкимъ шумомъ падали на землю. На сердцѣ Нины было грустно. Слезы душили ее. Съ каждымъ днемъ она все больше и больше убѣждалась, что ни отецъ, ни мать не любятъ ее и что она одна во всемъ бѣломъ свѣтѣ. Сегодняшняя выходка матери окончательно доказала ей это.

„Не выйду я замужъ за Пулю, и они прогонятъ меня или сдѣлаютъ чернорабочей“... думала она, и ей стали представляться двѣ жизни: одна по выходѣ замужъ за Пулю, другая— въ домѣ родителей. И та и другая казались ей ужасными.

Стало вечерѣть. Съ рѣки потянуло прохладой и заквакали лягушки. Соловей умолкъ. Гдѣ-то заиграла свирѣль.

Отъ ея звуковъ на душѣ у Нины сдѣлалось еще грустнѣе...

„Зачѣмъ у меня складывается такъ жизнь?..“ подумала она, и ей представилась другая, свѣтлая, хорошая жизнь.

Ей представились добрые родители, которые могли бы быть у нея, которые любили бы ее и ласкали; ей представился вмѣсто Пули любимый человѣкъ, съ которымъ она раздѣлила бы свою жизнь и свое счастье... Зачѣмъ у другихъ все это есть, а у нея нѣтъ ничего? А она такъ бы хотѣла родительской ласки и свѣжей, хорошей любви.

Поздно вечеромъ вернулась она домой. На небѣ ярко горѣли звѣзды и полная, красная луна медленно поднималась изъ-за мельницъ. Растущій около дома табакъ раскрылъ свои лепестки и испускалъ нѣжный, слегка острый запахъ.

Она распахнула окно и долго вдыхала въ себя ароматъ цвѣтовъ и ночную прохладу.

IV.

Черезъ два дня пріѣхалъ Пуля. Здороваясь съ Ниной, онъ прищурился и, посмотрѣвъ ей прямо въ глаза, сказалъ:

— А я сладкую конфетку до сихъ поръ помню. Все время облизывался, когда домой пріѣхалъ.

За завтракомъ онъ много пилъ, ругалъ косарей и жаловался на дешевизну сѣна и хлѣба. Софья Андреевна поддакивала ему, а Дмитрій Ивановичъ угощалъ его настойкой „сорока мучениковъ“ и говорилъ:

— Прохвосты, что и говорить, прохвосты!

Потомъ онъ разсказалъ, какъ недавно побилъ кучера за то, что тотъ не подковалъ лошади.

— Хамово племя! проговорилъ Пуля, выливая въ ротъ рюмку настойки и закусывая селедкой съ лукомъ.

Потомъ зашелъ разговоръ о предстоящихъ вблизи кольцовской усадьбы маневрахъ, которые обыкновенно повторялись каждыя пять лѣтъ.

— Повеселятъ насъ немножко, повеселятъ... оживляясь проговорилъ Дмитрій Ивановичъ.

Послѣ завтрака Пуля надѣлъ картузъ, прихлопнулъ его на головѣ и, поднявшись со скамейки, сказалъ:

— Ну-съ, милые сосѣди, вы здѣсь попрохлаждайтесь послѣ подкрѣпленія, а я съ Ниной Дмитріевной пойду променадъ маленькій сдѣлаю. Мнѣ съ ней кстати и поговорить кое о чемъ нужно.

Нина поблѣднѣла, а Дмитрій Ивановичъ и Софья Андреевна многозначительно переглянулись.

— Какого вы мнѣнія насчетъ променада, Нина Дмитріевна? обратился къ молодой дѣвушкѣ Пуля, смотря на нее играющими глазами.

— Конечно, пойдетъ... поспѣшно проговорила Софья Андреевна и сердито посмотрѣла на дочь.

Пуля заложилъ руки въ карманы и оттопырилъ панталоны.

— Ну-съ, ежели итти, такъ идемте! проговорилъ онъ. — А то мнѣ скоро домой пора... Онъ посмотрѣлъ на небо:—Боюсь, чтобы дождикъ не застукалъ,—тучки какъ будто собираются.

Дмитрій Ивановичъ и Софья Андреевна тоже посмотрѣли на небо.

— Это облака, а не тучки, Евграфъ Степановичъ... проговорила Софья Андреевна.

— Да изъ облачковъ-то и тучки дѣлаются, Софья Андреевна! отвѣчалъ Пуля и вдругъ громко засмѣялся.

— Эхъ, Евграфъ Степановичъ, вѣдь ты не сахарный,—не растаешь! сказалъ Дмитрій Ивановичъ и тоже разсмѣялся.

Нѣсколько секундъ они громко смѣялись, смотря другъ на друга.

Когда они перестали смѣяться, Софья Андреевна посмотрѣла на дочь.

— Ну, что же ты думаешь? Аль поумнѣть хочешь? спросила она ее.

— Я ничего... Я пойду... отвѣчала Нина и поднялась изъ-за стола. Пуля пошелъ за ней. Онъ рвалъ растущій по бокамъ аллеи крыжовникъ и, отрывая хвостики, ѣлъ его.

— Люблю крыжовникъ! говорилъ онъ.—Жаль только, что если много наѣшься его, животъ будетъ болѣть.

Когда они прошли аллею съ крыжовникомъ, Пуля поравнялся съ Ниной и пошелъ рядомъ, касаясь своимъ плечомъ ея лопатки.

— Вотъ вы, дюньцикъ, на меня тогда разсердились, что я васъ поцѣловалъ; а вѣдь я поцѣловалъ васъ любя, какъ свою будущую женку.

„Сейчасъ сдѣлаетъ предложеніе“... пронеслось въ головѣ Нины. „Что я ему скажу?“

— Я уже давно на васъ смотрю, какъ на свою дражайшую половину, продолжалъ между тѣмъ Пуля,—и потому обращаюсь съ вами такъ. Онъ взялъ ее за руку и заглянулъ ей въ лицо.—Вѣдь вы, я думаю, ничего не имѣете противъ того, чтобы раздѣлить со мной, какъ говорится, ложе и богатство? А? ничего?

„А вѣдь это роковая минута въ моей жизни...“ подумала Нина: „откажу—бѣдность, брань родителей, безысходность; соглашусь—богатство, но зато жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ, его мужицкія ласки, грубость... Что сказать? Боже, Боже!“

А Пуля прижимался къ ней плечомъ все плотнѣе и плотнѣе, учащенно дыша и смотря на нее горящими глазами.

— Я ничего вамъ не могу сказать теперь положительнаго, Евграфъ Степановичъ. Я подумаю. Пріѣзжайте завтра, послѣзавтра, или я вамъ напишу, но только сегодня я не могу... Это такъ неожиданно.

Но Пуля уже не слушалъ ее: грубая страсть вдругъ вспыхнула въ немъ, и онъ, охвативъ ее руками, сталъ цѣловать въ шею и въ губы.

— У-у... пухленькая какая!.. У-у, сдобненькая! У-у!.. шепталъ онъ между поцѣлуями.

Нинѣ показалось, что онъ ее задушитъ, и она стала вырываться у него изъ рукъ.

— Вы не смѣете!.. Пустите!.. Я закричу!..

— Я тебя сейчасъ хочу... понимаешь ты: сейчасъ хочу... Ууу!..

Въ эту минуту невдалекѣ послышался стукъ топора.

Нина рванулась.

— Пустите,—здѣсь люди.

Пуля выпустилъ ее и сталъ водить руками по лбу и волосамъ. Лицо его было красно и безсмысленно.

Нина долго смотрѣла на него жалобнымъ и укоризненнымъ взглядомъ. Оскорбляться и сердиться она уже не могла. Она видѣла, что и отецъ и мать противъ, что заступиться за нее некому. Одиночество и беззащитность удручающе дѣйствовали на ея и безъ того слабый, податливый характеръ. Она чувствовала, что слабѣетъ и что гордость ея и ея собственное достоинство постепенно замираютъ въ ней, подавляемыя обстоятельствами и силою окружающихъ ее людей.

Между тѣмъ Пуля, успокоившись, оглядѣлся кругомъ, улыбнулся и, расправивъ бороду, проговорилъ:

— Добре, ей-Богу, добре!

Потомъ онъ сѣлъ на стоящій поблизости пень и, вытянувъ впередъ ноги и склонивъ набокъ голову, началъ разсматривать прищуренными глазами Нину.

— Уфъ, какія мы сердитенькія!.. проговорилъ онъ.—Уфъ, какія мы недотроженьки!

Нина повернулась къ нему спиной и стала смотрѣть на виднѣющіяся вдали крыши дома и амбаровъ кольцовской усадьбы.

„Мое родное гнѣздо, думала она, а могу ли я найти защиту и пріютъ?“

— Вотъ тебѣ, франтъ московскій! проговорилъ вдругъ Пуля, прихлопывая на своемъ лицѣ комара.—Не суйся не въ свое дѣло, а то испанской инквизиціи предадимъ... Онъ положилъ его на ладонь и принялся отрывать ему ноги.

„Одна одна...“ проносилось въ головѣ Нины.

— Разъ! проговорилъ Пуля и оторвалъ одну ногу комару,—два! онъ оторвалъ другую,—три!..

Онъ говорилъ спокойнымъ, шутливымъ тономъ, а въ душѣ Нины разыгрывалась цѣлая драма. Она продолжала думать:

„Теперь мать и отецъ ждутъ нашего возвращенія. И вотъ вернусь я, и они сейчасъ же спросятъ у меня, сдѣлалъ ли мнѣ предложеніе Пуля и что я ему сказала. И если я откажу ему, заругаютъ меня и, вѣроятно, прогонять изъ дому. Что дѣлать, что дѣлать?“

Пуля, громко зѣвая, поднялся съ пня и подошелъ къ Нинѣ.

— Ну-съ, милая невѣстушка, я человѣкъ добрый. Идите домой и думайте, а завтра или послѣзавтра я пріѣду къ вамъ за отвѣтомъ. Богъ съ вами! Не хочу васъ въ шею гнать. Можетъ быть, оно съ непривычки и дѣйствительно страшно замужъ выходить. Богъ съ вами!

— Спасибо, Евграфъ Степановичъ! тихо проговорила Нина, и ей вдругъ показалось, что Пуля добрый и что онъ можетъ быть хорошимъ мужемъ. Но это было только минутное чувство, которое овладѣваетъ человѣкомъ, поставленнымъ въ безвыходное положеніе, когда онъ слышитъ хоть немного ласковое слово. Это чувство сейчасъ же исчезло, лишь только они сдѣлали нѣсколько шаговъ. Пуля опять началъ говорить грубые, неприличные комплименты. Между тѣмъ въ кольцовской усадьбѣ ихъ возвращенія ждали съ нетерпѣніемъ. И Дмитрій Ивановичъ и Софья Андреевна были увѣрены, что дѣло уже налажено и что они явятся женихомъ и невѣстой.

Дмитрій Ивановичъ велѣлъ приготовить закуску и ходилъ по балкону, потирая руки и весело напѣвая: „Allons, enfants, de la patrie“... единственный куплетъ, который сохранился у него въ памяти изъ всѣхъ когда-то бывшихъ познаній во французскомъ языкѣ.

Софья Андреевна, подобравъ платье и открывъ при этомъ большія ноги, обутыя въ старые съ протертой резинкой башмаки, бѣгала то въ кухню, то въ погребъ, то въ амбары, отдавая различныя хозяйственныя распоряженія и называя Малашку „Малашечкой-голубушкой“, что было признакомъ ея хорошаго расположенія.

Когда Пуля и Нина вернулись въ усадьбу, началъ накрапывать дождь и небо покрылось тучами.

Проходя мимо Софьи Андреевны, Пуля сказалъ:

— Моя правда, Софья Андреевна: вотъ и дождикъ.

Софья Андреевна испытующе посмотрѣла сначала на него, а потомъ на дочь.

Пуля подошелъ къ Дмитрію Ивановичу и сталъ съ нимъ говорить о посѣвахъ.

Софья Андреевна приблизилась къ Нинѣ.

— О чемъ онъ съ тобою говорилъ? спросила она ее.

— Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе... отвѣчала Нина.

— Ну, а ты что ему сказала?

— Я сказала, что окончательный отвѣтъ дамъ завтра...

— Что?.. Что?.. зашипѣла Софья Андреевна позеленѣвъ.

— Я не могла иначе,—нельзя же это сразу...

Пуля, замѣтивъ, что между Ниной и матерью что-то происходитъ, оставилъ Дмитрія Ивановича и подошелъ къ нимъ.

— Что за секреты? спросилъ онъ усмѣхаясь.

Софья Андреевна схватила его за руку и оттащила въ сторону.

— Голубчикъ, Евграфъ Степановичъ, не сердись ты, Христа ради, на Нинку: вѣдь она дура, барышня, — у нея все по городскому дѣлается.

— Ничего, ничего, Софья Андреевна,—я понимаю. Пускай ее пофасонится, хэ, хэ! Стыдливость женская... Потомъ, помолчавъ, онъ добавилъ:—Не трогайте ее и не ругайте, Софья Андреевна! Слышите?

Къ нимъ подошелъ Дмитрій Ивановичъ и они начали о чемъ-то тихо разговаривать. Нина ушла въ комнаты. Минутъ черезъ пятнадцать Пуля уѣхалъ. Дождь усилился, стала сверкать молнія и загремѣлъ громъ. На дворѣ сдѣлалось совсѣмъ темно. Нина долго не могла заснуть въ эту ночь. Она нѣсколько разъ открывала окно и высовывала въ него свое разгоряченное лицо. Кругомъ шумѣлъ дождь, ударяя по крышѣ и деревьямъ и стекая по трубамъ въ переполненныя водой бочки.

Она смотрѣла на разстилающійся передъ глазами мракъ, прислушиваясь къ шуму дождя, и на душѣ у нея становилось все тоскливѣй и тоскливѣй...

V.

Къ утру, часа въ три, Нина заснула. Заснула она спокойнымъ, хорошимъ сномъ. На нѣсколько

часовъ она забыла всѣ свои огорченія и треволненія. Ей снилось, какъ будто она попрежнему въ институтѣ съ совершенно ясной, беззаботной душой, какъ будто ее окружаютъ любящія подруги, какъ будто вмѣсто Пули за нее сватается любимый ею юноша, которому она назначаетъ свиданіе въ той самой рощѣ, гдѣ цѣловалъ ее Пуля. Юноша нѣженъ и говоритъ ей полныя неизъяснимой прелести слова. И откуда-то слышится музыка, сначала отдаленная, потомъ все ближе, ближе, наконецъ, совсѣмъ близко около нея. Ей вдругъ становится весело, радостно, ей начинаетъ казаться, что жизнь хороша и прекрасна...

Вдругъ юноша исчезаетъ, исчезаетъ и роща, и она остается одна. Только музыка попрежнему гремитъ и гремитъ... Она просыпается.

„Такъ это былъ только сонъ"... шепчетъ она. „Боже мой, какіе иногда бываютъ свѣтлые, чудные сны"! Потомъ, пораженная тѣмъ, что музыка не прекращается, она приподнимается на локтѣ и смотритъ въ окно. По дорогѣ идутъ войска. Вотъ проходитъ оркестръ, за нимъ идетъ пѣхота, потомъ кавалерія и, наконецъ, тяжело двигаются по рыхлой землѣ пушки. Съ боковъ и сзади войскъ бѣгутъ мужики, бабы и мальчишки. Всѣ веселы, возбуждены, радостно настроены; смѣются, громко разговариваютъ, шутятъ. Нина смотритъ на нихъ, и ей тоже вдругъ дѣлается весело. Жизнерадостная музыка, блестящіе на солнцѣ штыки, масса людей, стройныя колонны кавалеріи—все это сразу подняло въ ней духъ... Ей захотѣлось распахнуть окно, высунуться въ него и привѣтствовать войска. Ей захотѣлось, чтобы ее увидѣли офицеры, заинтересовались ею, остановились и поухаживали за ней. Но когда стихла музыка, войска прошли и вмѣсто нихъ передъ ея глазами предстали неподвижно стоящія мельницы съ облѣзшими соломенными крышами, желтое осиротѣвшее поле со скошеннымъ и уже убраннымъ хлѣбомъ, по которому въ разныхъ мѣстахъ прыгали вороны и галки, и одинокая, разбитая грозой, засохшая груша,—ей снова сдѣлалось грустно. Она сразу вспомнила Пулю и свое тяжелое положеніе. Когда она вышла изъ своей комнаты, то увидѣла отца, собирающагося ѣхать смотрѣть маневры. Онъ чистилъ щеткой себѣ сапоги и брюки и кричалъ въ окно пробѣгавшему мимо кучеру:

— Андронъ, прохвостъ рыжій, запрягай лошадь! Ѣдемъ на пальбу смотрѣть.

Когда лошадь была готова, онъ вышелъ на балконъ и сѣлъ въ тарантасъ.

— Часа черезъ три пріѣду! закричалъ онъ женѣ. — Приготовь мнѣ сырные вареники и малину со сливками. Ну, валяй! обратился онъ къ кучеру.

Андронъ хлестнулъ лошадь кнутомъ, и тарантасъ, скрипя колесами по засохшей травѣ, выѣхалъ за ворота.

Скоро съ той стороны, гдѣ происходили маневры, послышалась громкая пушечная пальба. Потомъ къ пушечной пальбѣ присоединились ружейные залпы. Сначала выстрѣлы слышались издали, но потомъ войска, вѣроятно, передвинулись, и пальба стала слышна совсѣмъ уже близко. Послѣ каждаго сильнаго пушечнаго выстрѣла стекла въ окнахъ дрожали и Малашка испуганно говорила:

— Ой, мамочка, они жъ всю землю перевернуть!

Мимо усадьбы часто скакали солдаты и пробѣгали бабы и мальчишки. Кругомъ царило необыкновенное оживленіе.

Нина сидѣла за воротами, смотрѣла на поднимающійся изъ-за лѣса пушечный дымъ, и ее тоже тянуло пойти посмотрѣть на людей и показать себя. Какъ она имъ завидовала въ эти минуты! Ей казалось, что ихъ жизнь такая разнообразная, такая веселая и полная новыхъ впечатлѣній. Всегда въ обществѣ, могутъ дѣлиться постоянно между собою своими чувствами и впечатлѣніями. А она? Она всегда одна съ замкнутой, оскорбленной душой. Давно уже она не видѣла ни любви, ни ласки, ни участія. И она знаетъ, что пропадетъ здѣсь, въ этой глуши, никому невѣдомой, необласканной, одинокой... Никто не поинтересуется ея жизнью, ея душой. Вотъ теперь маневры, кругомъ люди, кругомъ бьетъ жизнь; а она одна въ двухъ шагахъ отъ нихъ мучается, тоскуетъ, и никому изъ всей этой массы людей нѣтъ до нея никакого дѣла. А вѣдь она неглупая, образованная; могла бы и она имѣть хоть чуточку личнаго счастья. Зачѣмъ же ей даны тогда желанія, стремленія и жажда любви, если всему этому не суждено осуществиться? Неужели только для того, чтобы все это досталось грубому, развратному Пулѣ? И образъ Пули опять всталъ передъ ея глазами. Скоро онъ будетъ обладать ею, будетъ ласкать ее, цѣловать... И замрутъ въ ея душѣ всѣ свѣтлыя стремленія и порывы, и тяжелымъ кошмаромъ пройдетъ для нея вся послѣдующая жизнь. Прощайте, свѣтлыя грезы! Прощайте, мечты и надежды на счастье!

Уже давно умолкла пальба, маневры кончились, но Нина не замѣчала этого: она вся ушла въ свои грустныя думы. Только когда вблизи ея загремѣлъ тарантасъ и послышался голосъ отца, она очнулась и подняла голову. Къ воротамъ подъѣзжалъ Дмитрій Ивановичъ вмѣстѣ съ какимъ-то неизвѣстнымъ молодымъ офицеромъ.

— Отворяйте ворота! кричалъ Дмитрій Ивановичъ:—гостя везу.

Нина съ удивленіемъ смотрѣла на молодого офицера, не понимая, зачѣмъ онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ отцомъ. Вдругъ она встрепенулась. Сердце ея учащенно, радостно забилось; смутная надежда на что-то хорошее мелькнула въ ея головѣ.

Она поднялась со скамейки и побѣжала отворять ворота. Потомъ она побѣжала въ свою

комнату, схватила въ руку маленькое зеркальце и начала приглаживать на головѣ волосы, разсматривая себя со всѣхъ сторонъ. Она слышала, какъ отецъ говорилъ Софьѣ Андреевнѣ:

— Вотъ г. поручика на стоянку уговорилъ къ намъ заѣхать.

Когда ее позвали обѣдать, сердце ея сильно билось, и она должна была выпить стаканъ холодной воды, чтобы хоть немного успокоиться.

„Какая я нервная стала, какая нервная"... думала она, идя въ столовую.

— Вотъ вамъ моя барышня; два года назадъ всего институтъ кончила... проговорилъ Дмитрій Ивановичъ, указывая на Нину.

Во все время завтрака офицеръ почти не спускалъ съ нея глазъ. Повидимому, онъ былъ удивленъ встрѣчей съ Ниной. Онъ не ожидалъ, чтобы въ такой глуши могла жить такая хорошенькая, образованная дѣвушка. Онъ недавно только былъ прикомандированъ въ полкъ изъ Петербурга и еще не успѣлъ опровинціалиться. Онъ быстро завладѣлъ разговоромъ, и всѣ слушали внимательно и съ интересомъ. Дмитрій Ивановичъ, слушая его разсказы о столичной жизни, вспоминалъ свою молодость, когда онъ еще не опускался и не погрязалъ совершенно въ хозяйственную тину,—и ему казалось, что это время было такъ еще недавно, но что оно уже навсегда ушло отъ него и никогда больше не вернется. Онъ угощалъ офицера наливками, называлъ его камрадомъ и предлагалъ выпить брудершафтъ. Нина, слушая гостя, какъ бы переживала вмѣстѣ съ нимъ все то, о чемъ онъ разсказывалъ; а Софья Андреевна думала: „Ишь, франтикъ какой,—не намъ чета". Его разсказы изъ неизвѣстной для нея жизни были для нея новы и интересны.

— Эхъ, камрадъ, камрадъ! говорилъ опьянѣвшій Дмитрій Ивановичъ, ударяя кулакомъ по столу.—Напомнилъ ты мнѣ старое! И я вѣдь былъ когда-то военнымъ, веселился, покорялъ женщинъ, въ Парижъ ѣздилъ, по-французски говорилъ; а теперь, вотъ видишь, въ какой трущобѣ живу. Выпьемъ, камрадъ!

— Ну, ты нализался уже... говорила недовольнымъ тономъ Софья Андреевна.

— Молчи, жена! Не противорѣчь мнѣ! кричалъ Дмитрій Ивановичъ, грозя ей пальцемъ.—Иди коровъ доить! Не твое дѣло въ наши разговоры вмѣшиваться: ты баба и занятія твои бабьи понимаешь. Ну, изыди!

Нина смотрѣла на отца и мать, и ей стыдно было за нихъ передъ гостемъ.

Скоро Софья Андреевна ушла, а Дмитрій Ивановичъ, свѣсившись опьянѣвшей головой на столъ, напѣвалъ: „Allons, enfants, de la patrie" и т. д. и просилъ офицера взять его съ собою на войну. Потомъ онъ перебрался на кушетку и, вытянувшись на ней, заснулъ. Нина и офицеръ пошли въ садъ.

— Славно у васъ въ саду... говорилъ онъ, осматриваясь кругомъ.—Я такъ хорошо чувствую себя здѣсь послѣ трехдневнаго утомительнаго перехода. Вчера весь вечеръ шелъ дождь, и мы всѣ промокли. Было такъ мрачно, сыро, а сегодня такой чудный день, такъ ярко свѣтитъ солнце и на душѣ у меня какъ-то особенно легко.

Изъ сада они прошли въ орѣховую рощу, гдѣ такъ недавно Нина гуляла съ Пулей. Нина вспомнила свой сонъ, и ее вдругъ охватило радостное и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожное волненіе. Она смотрѣла на идущаго рядомъ офицера, и онъ казался ей такимъ красивымъ, славнымъ, симпатичнымъ. И садъ, и роща, и деревья, и цвѣты—все казалось ей сегодня какимъ-то особеннымъ, необыкновеннымъ. Ей хотѣлось пѣть и рѣзвиться. Она на время забыла Пулю и свое тяжелое положеніе. Но когда она вспомнила о немъ, ей сразу сдѣлалось грустно и захотѣлось плакать. Между тѣмъ офицеръ вспоминалъ всѣ тяжести похода, безконечные ряды солдатскихъ куртокъ, дожди, грязь, слякоть, и Нина казалась ему свѣтлымъ ангеломъ, посланнымъ въ награду за всѣ трудности лагерной жизни.

Наступилъ теплый, ароматный вечеръ. Луна еще не взошла и темное, почти черное небо горѣло миріадами большихъ и малыхъ звѣздъ. Ароматъ отъ цвѣтовъ усилился и распространился по всему саду.

— Какія прекрасныя ночи у васъ въ Малороссіи! говорилъ офицеръ, слушая соловьевъ и глядя на задремавшій, неподвижный садъ.

— Да, у насъ хорошія ночи... отвѣчала задумчиво Нина.—Вотъ скоро взойдетъ луна, и тогда отсюда съ балкона будетъ видна серебряная рѣка и далекое, желтое, точно золотое поле.

Офицеръ тоже сдѣлался задумчивымъ и сталъ что-то напѣвать.

Немного позже, когда взошла луна, Софья Андреевна закричала Нинѣ изъ своей комнаты:

— Иди, Нина, уже спать и гостю дай отдохнуть!

— Нѣтъ, мама, умоляющимъ голосомъ отвѣчала Нина,—позволь мнѣ еще немножко посидѣть! Ночь такая теплая, славная...

— Конечно, конечно, Софья Андреевна, позвольте Нинѣ Дмитріевнѣ еще посидѣть! Ночь дѣйствительно сегодня рѣдкая! вмѣшался офицеръ.

— Ну, ну, пускай, если ужъ ей такъ хочется... смилостивилась Софья Андреевна и, тихо прикрывъ скрипящую дверь, стала собираться спать.

Нина съ благодарностью посмотрѣла на офицера.

— Неужели вы такъ рано ложитесь? спросилъ онъ ее.

— Да, большею частью... отвѣчала Нина.—Что же дѣлать въ такой глуши, какъ не спать?

— Вамъ, вѣрно, скучно здѣсь?

— Еще бы! воскликнула Нина.

— Бѣдная вы! проговорилъ онъ:—такая молодая, милая и вдругъ сидите здѣсь безъ общества и развлеченій.

Нина, ничего не отвѣчая, опустила голову. Офицеръ подошелъ къ ней.

— Пойдемте въ садъ! Тамъ теперь хорошо... проговорилъ онъ и подалъ ей руку. Нина нѣсколько секундъ колебалась, но потомъ пошла.

Они пошли въ ногу, медленно ступая; кочковатый, необыкновенно бѣлый при лунномъ свѣтѣ песокъ хрустѣлъ подъ ихъ ногами. По бокамъ дорожки, на высокой травѣ блестѣла роса. Въ концѣ аллеи была небольшая, обвитая дикимъ виноградомъ бесѣдка. Они вошли въ нее. Нина сѣла на скамейку, а офицеръ остановился у перилъ, смотря на серебрившуюся вдали рѣку.

— А все-таки у васъ здѣсь хорошо... проговорилъ онъ.—Я съ удовольствіемъ пожилъ бы здѣсь немного.

— Такъ оставайтесь нѣсколько дней у насъ; поѣдемте верхомъ,—я вамъ всѣ достопримѣчательности покажу.

Офицеръ улыбнулся.

— Если бы могъ, то непремѣнно остался бы. Вы всѣ такіе славные, радушные, милые!

— Останьтесь! тихо проговорила она.

Офицеръ сѣлъ близко около нея.

— А вамъ развѣ хочется, чтобы я остался?

— Хочется... еще тише проговорила Нина.— Мнѣ скучно здѣсь. Съ отцомъ и съ матерью я не схожусь, а больше никого здѣсь нѣтъ. И вотъ я всегда одна...

И она начала расказывать ему, какая однообразная и сѣрая жизнь царитъ въ ея семьѣ и кругомъ у сосѣдей. Офицеръ внимательно слушалъ ее, и Нинѣ казалось, что онъ понимаетъ ее и сочувствуетъ ея тяжелому положенію. „Какой онъ хорошій, какой хорошій!" думала она, и довѣрчиво открывала ему свою душу, какъ близкому и родному человѣку. И когда онъ, придвинувшись къ ней, взялъ ее за руку, она не отняла руки. А онъ, пожавъ ея руку, участливымъ голосомъ сказалъ:

— Тяжело вамъ...

Нина грустно улыбнулась.

— Было тяжело, а теперь еще тяжелѣе. Раньше я хотя надѣялась выйти замужъ за любимаго человѣка, а теперь и эту надежду у меня отнимаютъ. Меня заставляютъ выйти замужъ за нелюбимаго, грубаго человѣка. Онъ богатъ и это прельщаетъ моихъ родителей, а до того, что я чувствую, имъ нѣтъ никакого дѣла...

И вдругъ ей до боли захотѣлось сочувствія и мягкой, нѣжной ласки. Захотѣлось хоть на мигъ забыть свою тяжелую жизнь. А кругомъ было такъ тихо и такъ торжественно свѣтло. И полная луна, стоявшая высоко въ небѣ, и бѣлыя цвѣтущія деревья, и ароматъ цвѣтовъ—все точно говорило, что есть хорошая жизнь, есть покой, есть счастье. И вдругъ она услыхала тихій голосъ:

— Я люблю васъ...

И что-то затрепетало въ ея сердцѣ, и захотѣлось плакать. Плакать легкими, радостными слезами.

А голосъ шепталъ:

— Вы такая хорошая, такая славная...

И лицо молодое и ласковое наклонялось къ ней. И точно новый міръ открывался ея душѣ, точно волшебную сказку переживала она. И чудилось ей, что давно-давно она любитъ сидящаго съ ней человѣка. И потомъ она разсказала ему всю свою жизнь, всѣ свои мысли и впечатлѣнія. А онъ слушалъ ее, и ему становилось невыносимо жаль ее, такую юную и такую несчастную. И хорошія, чистыя, давно забытыя чувства проснулись въ его сердцѣ въ эту лѣтнюю ночь.

Когда луна стала спускаться за высокіе клены и трели соловья стали дѣлаться все слабѣе и слабѣе и подулъ легкій предутренній вѣтеръ,— они разстались.

„Вотъ она жизнь, вотъ оно счастье"!.. думала Нина, оставшись одна въ комнатѣ. И ея отецъ, и ея мать, и Пуля—всѣ они представлялись ей теперь такими ничтожными и уже совершенно неопасными. Она знала, что она любима и что теперь есть человѣкъ, который за нее заступится.

И какимъ свѣтлымъ, радостнымъ представлялось ей будущее!

VI.

На другой день, часовъ съ шести утра, пошелъ мелкій, обложной дождь. На дворѣ сдѣлалось свѣжо и подулъ холодный осенній вѣтеръ. Софья Андреевна, идя доить коровъ, встрѣтила во дворѣ офицера. Онъ былъ одѣтъ по походному и имѣлъ смущенный и растерянный видъ.

— Что такъ рано поднялись? спросила у него остановившись Софья Андреевна.

— Да я уже думаю ѣхать. Сегодня маневры, кажется, рано назначены... боюсь опоздать.

— Ну, что же, я велю запречь лошадь.

— Да, если возможно, то пожалуйста...

— Хорошо. Она повернулась къ сараю.— Андронъ! закричала она,—Андронъ!

Изъ сарая вышелъ заспанный Андронъ.

— Запрягай лошадь г. офицеру и отвези его, куда онъ тебѣ прикажетъ.

— Ну, спасибо вамъ за хлѣбъ-соль! проговорилъ офицеръ и крѣпко пожалъ Софьѣ Андреевнѣ руку.—Поклонитесь отъ меня Дмитрію Ивановичу и... и Нинѣ Дмитріевнѣ. Онъ опустилъ глаза и, надѣвъ въ рукава пальто, добавилъ:—Какъ холодно стало!.. Вчера былъ такой чудный день, а сегодня ужъ осенью пахнетъ...

Они помолчали.

— Ну что же, вы заѣдете еще къ намъ? спросила Софья Андреевна.

— Нѣтъ, ужъ больше не заѣду. Сегодня вечеромъ мы уходимъ отсюда.

— Ну, значитъ, до свиданія! Счастливый вамъ путь...

— Спасибо, спасибо! Онъ еще разъ крѣпко пожалъ ей руку.

Пока Андронъ запрягалъ лошадь, онъ пошелъ побродить по саду и по рощѣ. И садъ и роща имѣли теперь грустный видъ. Онъ за-

шелъ въ бесѣдку и долго стоялъ въ ней. Чувство стыда передъ молодой дѣвушкой за свое бѣгство поднималось въ немъ. Онъ понималъ, какой страшный ударъ наноситъ онъ ей своимъ отъѣздомъ. Онъ вынулъ изъ бокового кармана записную книжку, оторвалъ изъ нея листикъ и написалъ на немъ карандашомъ то, что считалъ нужнымъ написать Нинѣ. Потомъ онъ положилъ листикъ въ конвертъ и заклеилъ его. Еще немного постоявъ въ бесѣдкѣ, онъ пошелъ по направленію къ дому. Спустя пять минутъ, онъ выѣзжалъ за ворота кольцовской усадьбы и скоро скрылся въ дождевомъ туманѣ.

Часовъ въ девять Нина проснулась. Первою ея мыслью была мысль объ офицерѣ. Она быстро одѣлась и вышла на балконъ. Потомъ она спустилась на землю и пошла ко флигелю. Ставни въ окнахъ были открыты. Тогда она вернулась въ домъ, обошла всѣ комнаты, потомъ побѣжала въ садъ, обыскала всѣ закоулки; но офицера нигдѣ не было. Тогда она вышла за ворота. По дорогѣ шагомъ возвращался съ пустымъ тарантасомъ Андронъ. Что-то вдругъ оборвалось въ сердцѣ Нины. Какое-то тяжелое предчувствіе охватило ее.

Андронъ тихо подъѣхалъ къ воротамъ, соскочилъ съ козелъ и, подойдя къ Нинѣ, подалъ ей запечатанный конвертъ. Нина взяла его и распечатала дрожащими руками. Прочла она скакавшія передъ глазами буквы какъ-то машинально, безчувственно. Вотъ что было написано въ письмѣ: „Дорогая Нина Дмитріевна, простите меня, что я уѣзжаю; но иначе я поступить не могу. Сегодня я разсудилъ холоднымъ умомъ, и рѣшилъ, что наши чувства ни къ чему не приведутъ. Жениться я не хочу, а такъ, что называется, крутить романъ—у меня нѣтъ времени, да вы и сами едва ли согласитесь. Я—перелетная птица и весь нахожусь во власти обстоятельствъ. Вы славная, милая, хорошая дѣвушка, и мнѣ отъ всей души жаль васъ; но чѣмъ же я могу вамъ помочь? Единственно, что я могу сдѣлать, это дать вамъ слѣдующій совѣтъ: примиряйтесь съ жизнью и съ тѣми условіями, въ которыя она васъ ставитъ. Всѣ мы живемъ не такъ, какъ хотимъ, и никогда не имѣемъ того, къ чему особенно стремимся. Прощайте и не осуждайте меня!“

Нина прочла, но ничего не поняла. Она только почувствовала, что въ письмѣ заключается для нея что-то ужасное. У нея захватило дыханіе, и она нѣсколько секундъ стояла неподвижно, съ безсильно опущенными руками.

За ворота вышелъ Дмитрій Ивановичъ и сѣлъ на скамейку.

— У тебя все платье отъ дождя мокрое! сказалъ онъ Нинѣ.

— Да я знаю... отвѣчала Нина и стала ощупывать на себѣ платье.

Они помолчали. Дмитрій Ивановичъ скользнулъ взглядомъ по насаженнымъ около забора молодымъ тополямъ.

— Славно деревья принялись... проговорилъ онъ.—Нужно только колья около нихъ лучше вбить, а то во время бури они сломаться могутъ.

Нина посмотрѣла на колья, и они показались ей необыкновенно тонкими и слабо вбитыми въ землю. Она вспомнила, какъ нѣсколько дней тому назадъ былъ сильный вѣтеръ, и удивлялась, какъ онъ не сломалъ ихъ.

— Нужны новые колья... проговорила она.

Дмитрій Ивановичъ вынулъ изъ кармана смятую папироску и закурилъ ее. Затянувшись нѣсколько разъ, онъ сплюнулъ и, посмотрѣвъ на Нину снизу вверхъ, спросилъ:

— Что, еще не стрѣляли изъ пушекъ?

— Нѣтъ, еще...

— Ну, значитъ, сейчасъ начнутъ...

Какъ бы въ отвѣтъ на его слова, въ эту минуту далеко-далеко выстрѣлила пушка. Нина вздрогнула и вдругъ вспомнила пробужденіе, вспомнила ряды войскъ, вспомнила встрѣчу съ офицеромъ, вечеръ, проведенный съ нимъ, надежды, любовь...

— Сегодня далеко стрѣляютъ... проговорилъ Дмитрій Ивановичъ.

— Да, сегодня далеко, далеко... прошептала Нина и закрыла лицо рукой.

Выстрѣлила другая пушка, потомъ третья...

Когда Дмитрій Ивановичъ докурилъ папироску и посмотрѣлъ на дочь, онъ увидѣлъ, что она плачетъ.

— Ты что? спросилъ онъ ее съ удивленіемъ и хотѣлъ подойти въ ней, но она вдругъ быстро повернулась отъ него и вбѣжала въ калитку. Она пробѣжала дворъ, палисадникъ, садъ, рощу, и только въ самой чащѣ лѣса остановилась и начала еще разъ читать письмо. Теперь она поняла, что было въ немъ написано. Никогда неиспытанное до сихъ поръ бѣшенство тотчасъ вдругъ овладѣло ею. Она упала на траву, рвала на себѣ волосы и кричала. Это была послѣдняя вспышка оставшагося въ ней, еще не подавленнаго обстоятельствами, молодого чувства.

Къ вечеру она стихла. Какая-то апатія охватила ее. Она только повторяла: „Нужно примиряться съ жизнью, нужно примиряться съ жизнью“...

Когда она вернулась домой, Пуля встрѣтилъ ее около садовой калитки.

— А, вотъ и вы!.. радостно проговорилъ онъ.—А мы уже хотѣли было панихиду служить. Онъ пошелъ рядомъ съ ней. Немного не доходя до дома, онъ спросилъ ее:

— Ну-съ, дюньцикъ, какой же отвѣтъ вашъ будетъ?

— Я согласна быть вашей женой, Евграфъ Степановичъ... отвѣчала Нина.

Пуля притянулъ ее къ себѣ и началъ цѣловать въ шею, въ губы и въ лицо.

Нина уже не сопротивлялась...

Вл. Кохановскій.

РОДИТЕЛИ.

8 часовъ вечера. На дворѣ—морозъ, идетъ снѣгъ, вотъ уже пятый день. Въ столовой купца Ивана Трифоныча Егорова тепло и уютно. Ставни съ улицы давно уже закрыты и укрѣплены болтами; посрединѣ комнаты, на кругломъ столѣ шумитъ самоваръ, выпуская вверхъ паръ; надъ столомъ горитъ висячая лампа съ молочнымъ абажуромъ и отражается въ окнахъ, стаканахъ, въ кафельной печи.... За столомъ, другъ противъ друга, сидятъ и пьютъ чай въ прикуску самъ хозяинъ, Иванъ Трифонычъ, маленькій старичокъ съ виноватыми, слезящимися глазами, и гость Михайло Михайловичъ, тоже купецъ, его ближайшій пріятель и кумъ,—человѣкъ, наоборотъ, огромнаго роста, заросшій весь волосами, въ очкахъ, которыя въ аптекарскихъ магазинахъ называютъ „консервами". У печи пріютилась жена Ивана Трифоныча, старушка въ черномъ платкѣ, такая же маленькая и сморщенная, какъ онъ; сидитъ согнувшись и вяжетъ чулокъ, быстро двигая спицами.

Егоровъ всю жизнь торговалъ кожами и готовой обувью, нажилъ большія деньги, теперь уже бросилъ торговлю и славится въ городѣ тѣмъ, что много заботится о душѣ и жертвуетъ на дешевыя столовыя и ночлежные дома. Со всѣми онъ всегда ладилъ, покупатели любили его за тихій, уступчивый характеръ и торговля шла на славу. Михайло Михайлычъ наоборотъ: торгуетъ и до сихъ поръ, но ему не везетъ и онъ постоянно переучитываетъ векселя, ворча, что въ Россіи нельзя вести правильной торговли и не прыгать съ крышъ, т. е. не банкротиться. Но зато онъ славится и уважаемъ въ округѣ за свою образованность: онъ выписываетъ дешевыя газеты, споритъ со старообрядцами о перстосложеніи и даже, когда единственный сынъ Ивана Трифоныча, Александръ, будучи студентомъ, пріѣзжалъ домой изъ Питера, Михайло Михайлычъ обстоятельно разъяснялъ ему, почему слово *хлѣбъ* пишется черезъ *ѣ*. Но самымъ главнымъ и удивительнымъ его достоинствомъ было то, что имена всѣхъ православныхъ святыхъ онъ зналъ по днямъ года; стоило спросить: „А такого-то числа какихъ преподобныхъ?" и Михайло Михайлычъ, немножко подумавъ, говорилъ безошибочно. Однажды архіерей, ѣздившій по ревизіи, узналъ объ этомъ, призывалъ его къ себѣ и, проэкзаменовавъ по Святцамъ, очень удивился и сказалъ:

— Ну, память! Для государственнаго мужа это было бы весьма величайшее облегченіе.

Съ тѣхъ поръ Михайло Михайловичъ еще больше гордится собой... Если бы въ городѣ была дума, то его непремѣнно избрали бы въ головы.

Въ большомъ, бездѣтномъ домѣ Ивана Трифоныча полнѣйшая тишина. Освѣщена только столовая, а остальныя комнаты погружены во мракъ. Слышно только, какъ въ залѣ попискиваетъ канарейка да часы иногда отбиваютъ время. И среди этой тишины густой басъ Михайла Михайлыча, медленный, разсудительный, кажется толстымъ канатомъ, который безпрестанно разворачивается и все тянется, тянется, такъ что не знаешь, когда ему будетъ конецъ...

— Конешно, говоритъ онъ, выбирая ложечкой варенье изъ стакана,—если посмотрѣть на твоего сына Александра, а моего крестника, не прилагая особаго умственнаго разсужденія, то, оно конешно... Проживаетъ онъ въ столицѣ Россійской Имперіи, занимается писаніемъ разсказовъ и прочихъ свѣтскихъ сочиненій, включая сюда и стихосложеніе, и получаетъ за это деньги. Прекрасно! Это, конешно, такъ... Съ точки зрѣнія матеріальной, за что бы ты ни получалъ деньги,—лишь бы получалъ. И твой сынъ Александръ Ивановичъ, какъ ты самъ неоднократно говорилъ мнѣ въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ, зарабатываетъ въ мѣсяцъ рублей сто восемьдесятъ, двѣсти...

— А ужъ это какой мѣсяцъ, батюшка, отозвалась старуха,—какой мѣсяцъ! А то и 250 выгоняетъ.

— А то и 250 выгоняетъ... подтвердилъ Иванъ Трифонычъ.—Мѣсяцъ на мѣсяцъ не приходится...

— Прекрасно, мать, прекрасно... Пусть будетъ 250! Деньги, конешно, хорошія, что и говорить! Но все не то, что состоять на государственной службѣ! Не то! Тамъ ты служишь, и не только, что въ настоящемъ, скажемъ, жалованье получаешь, столовыя, квартирныя, отопленіе, освѣщеніе и все прочее, но и въ будущемъ себѣ уготовишь: въ отставку выйдешь—пенсіонъ тебѣ по основнымъ учрежденіямъ и законодательствамъ полагается. Какъ первое число подошло, отправляйся, сударь мой, въ государственное казначейство и только труда тебѣ, что росписаться въ полученіи. Получилъ, молъ, слѣдуемыя мнѣ и такъ далѣе...

— Ну-у! протянула старуха, кланяясь ему.— У насъ, батюшка, своихъ 400 тысячъ въ банкѣ лежитъ: всѣ Сашенькѣ! Дѣтей у насъ нѣтъ... А домъ-то! Во какой! Умремъ—квартирантовъ пуститъ—и то 500, а то и больше получать будетъ...

— Скажемъ, деньжищъ у васъ пропасть! соглашается Михайло Михайловичъ, и по лицу его пробѣгаетъ легкая тѣнь зависти, но сейчасъ же смѣняется прежнимъ задоромъ: онъ хитро щуритъ глазъ и пристукиваетъ пальцемъ по столу.—Ну, а скажи-ка мнѣ, матушка, что, состоя въ оныхъ сотрудникахъ и литераторахъ разныхъ ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и еже-

мѣсячныхъ журналовъ, можно ли, напримѣръ, чиновъ добиться? Можно ли, напримѣръ, быть удостоеннымъ причисленія къ чину 14 класса, губернскаго секретаря, скажемъ? Ага! Можно ли, состоя въ оныхъ литераторахъ и стихотворцахъ, быть сопричисленнымъ къ ордену, хотя быть святыя Анны 3-й степени? Ага! Да ты хоть сорокъ тысячъ разсказовъ напиши золотыми буквами, а ничего не добьешься. Потому, государыня моя, частная служба. Что конторщикъ у тебя, бывало, счета писалъ и ты его могла ругать на всѣ корки,—то и писатель. Даже, мать моя, формы никакой ему не полагается. Да. Поѣзжай-ка въ Москву: тамъ увидишь ихъ тьму - тьмущую! И все смотришь, изъ дворянишковъ какихъ промотавшихся да изъ поповичей, семинарскаго званія. Право. Голытьба! Какому-нибудь писцу штатному въ казенной палатѣ и кокарда полагается и золотыя пуговицы... Приди ты къ нему въ канцелярію, онъ накричитъ на тебя, и слова ему супротивъ не скажешь. Потому чинъ! Баринъ! Мужъ государственный! Персона! А писателю—ничего. Что писатель, что аптекарь—одна честь. Ходи въ шляпѣ и никакихъ. Ага? То-то оно и есть!

Михайло Михайлычъ отгрызъ кусочекъ сахару и принялся за чай. Было видно, когда онъ громко тянулъ съ блюдечка, что какія-то новыя мысли, новые аргументы рождаются теперь въ его мозгу и только ждутъ, когда хозяинъ ихъ, наконецъ, освободитъ ротъ отъ посторонних занятій, чтобы сейчасъ же вылетѣть на свободу, — и Михайло Михайловичъ улыбался имъ, лукаво щурился, чувствуя, какой эффектъ онѣ должны сейчасъ произвести. Не было такого въ мірѣ занятія, ремесла, котораго бы онъ не оцѣнивалъ со своей точки зрѣнія, строго практической,—и поэтому всѣ, напримѣръ, художники для него были возможны и онъ соглашался признать ихъ полезными людьми лишь постольку, поскольку они могли писать иконы и вывѣски; музыканты—играть на свадьбахъ, управлять хорами и сочинять новыя херувимскія. На театръ онъ глядѣлъ, какъ на баловство, и актеровъ величалъ развратниками; а про беллетристику презрительно отзывался: „Рòманы“!

Допивъ чай, онъ перевернулъ стаканъ вверхъ дномъ, на которомъ положилъ оставшійся мокрый кусочекъ сахару, погладилъ бороду и улыбнувшись началъ опять:

— Сашенька-то твой простой человѣкъ, не хитрый... Хотя и университетъ окончилъ, высшее, скажемъ, учебное заведеніе, которыхъ на всю Россію девять зданій полагается. Весь вотъ въ него, въ старика, пошелъ. Такой же! Воды не помутитъ. А ты на другихъ писателей посмотри. Вотъ тебѣ Толстой графъ! Онъ, матушка моя, сначала до графовъ дошелъ, а потомъ уже и за письмо принялся. На гулянкахъ, такъ сказать, на досугѣ, отъ нечего дѣлать. И пишетъ! Говорятъ, умно пишетъ, замѣчательно пишетъ! Всѣ газеты такъ и трубятъ. Заграничные люди и то удивляются. Какъ это, молъ, въ такой дикой и необразованной странѣ и такое вдругъ, наше вамъ, писатель! Хорошо-съ. Слышу я такія рѣчи, беру повѣсть одну его сочиненія и читаю, конешно. Читаю внимательно, вслухъ, навостривъ весь свой мозгъ. Повѣсть про хозяина и работника. Ну, думаю, вотъ сейчась планы разведетъ, какъ оно и что. Графъ! А повѣсть, угадай, о чемъ написана? Михайло Михайлычъ усмѣхнулся.—Пишетъ это онъ, какъ мужикъ лошадь на дворѣ запрягалъ, потомъ они поѣхали степью; описываетъ, какъ мятель поднялась и какъ хозяинъ замерзъ, а работникъ живъ остался. А ѣхали-то они лѣсъ покупать! И все?! Старый человѣкъ, а такія повѣсти и разсказы пишетъ! Ну что тутъ особеннаго? Замерзъ и замерзъ. Ну, царство тебѣ небесное! Мало ли народу всякаго званія зимой замерзаетъ? Какой въ этомъ особенный сюжетъ? На то она и зима. Все, значитъ, и описывай?

— А тутъ, можетъ, нравоученіе молодымъ людямъ... упрямо качнувъ головой, замѣтила старуха.—Не ѣздій, значитъ, въ мятель, погляди, батюшка, сначала на небо да одежой теплой запасись хорошенько. И къ мѣсту, значитъ, сочиненіе выходитъ. Ты въ разумъ возьми!

Михайло Михайлычъ досадливо поморщился.

— Ну, скажемъ, это такъ... А твой сынъ, Александръ Ивановичъ, такое, мать моя, пишетъ, что почитаешь и удивишься: неужели этому...

Но тутъ Михайло Михайлычъ внезапно смолкъ, такъ какъ Иванъ Трифонычъ, встревоженный, умоляюще глядѣлъ на него и дѣлалъ изъ-за самовара знаки, чтобы замолчать. Онъ смутился, густо покраснѣлъ, неловко погладилъ бороду и замѣтилъ совершенно инымъ тономъ:

— Погода-то... разыгрывается... Почты уже другой день нѣтъ. Въ сѣверныхъ странахъ при такихъ обстоятельствахъ костры на улицахъ зажигаютъ. Проходящій народъ идетъ и грѣется.

Наступаетъ молчаніе. Михайло Михайловичъ стучитъ ложечкой по блюдцу и не моргая смотритъ въ темное, точно отлакированное окно, въ которомъ отразилась и лампа, и самоваръ, и бѣлая дверь. Иванъ Трифонычъ облокотился на столъ и задумался. Старуха попрежнему вяжетъ чулокъ и улыбается чему-то далекому-далекому. А на дворѣ мало-помалу поднимается вѣтеръ, и слышно, какъ онъ то ставней рванетъ, то загудитъ въ трубѣ и со свистомъ пронесется по крышѣ. Маленькій, сонный городокъ теперь весь занесенъ снѣгомъ и, кажется, что онъ, въ поискахъ тепла и уюта, еще больше прижался къ землѣ своими деревянными, покривившимися домиками... Темно, на улицахъ нѣтъ никого... И только кое-гдѣ, черезъ отверстіе въ ставнѣ пробивается роб-

кая полоска свѣта, причудливо отражаясь на высокихъ сугробахъ...

Приходитъ кухарка Марья, босая, съ засученными рукавами, убираетъ остывшій самоваръ, и тѣнь ея тоже отражается въ окнѣ... А три человѣка все сидятъ, о чемъ-то думаютъ, и медленно тянется незаполненное ничѣмъ время.

Наконецъ, въ залѣ часы степенно, по купечески, отбиваютъ девять...

— Охо-хо-хо!.. вздыхаетъ Михайло Михайлычъ и потягивается, забрасывая назадъ руки.— Засидѣлся я... Итти надо, итти... Ребята, небось, уже затворили... Сказываютъ, будто купецъ незнакомый изъ Астрахани пріѣхалъ, фамиліе чудное... Не то Боболѣевъ, не то Околѣевъ... Чудное! Д-да... Сегодня у насъ восемнадцатое? Восемнадцатое! Завтра, значитъ... Завтра, значитъ... и онъ, прищуривъ глазъ, о чемъ-то напряженно задумался.—Завтра, значитъ, пророка Авдія и мученика Авраама. До Рождества еще цѣлый мѣсяцъ... О-хо-хо-оо!.. Ну, прощай, мать!.. Вяжи чулокъ хорошенько...

— Прощай, батюшка, прощай! Заходи вечеркомъ...

— Зайду, зайду... И то каждый вечеръ хожу...

Иванъ Трифонычъ зажегъ свѣчу и пошелъ проводить его по темнымъ комнатамъ до передней. Тамъ Михайло Михайловичъ облачился въ свою огромную волчью шубу, спрятавшую его всего, и еще для чего-то замоталъ шарфомъ шею, и тѣнь его, занявшая всю комнату, безпокойно колыхалась на потолкѣ и на стѣнахъ. Иванъ Трифонычъ, стоя передъ нимъ со свѣчкой въ рукахъ, долго мялся и, наконецъ, сказалъ нерѣшительно, чуть слышно:

— Сколько разъ я, Миша, просилъ тебя! Не говори ты, Создателя ради, о чемъ пишетъ Сашенька. Вѣдь она мать, дура, неграмотная. Вѣдь она помретъ, если узнаетъ. Я ужъ и то всяческими силами стараюсь скрыть отъ ней. Всяческими силами, братецъ!

И онъ выпустилъ его въ дверь. Порывъ вѣтра затушилъ свѣчу и обдалъ старика холодомъ. И уже изъ темноты, съ порога, раздался басъ Михайла Михайлыча, застѣнчивый, виноватый:

— Все, братъ, забываю... Увлекаюсь... Неправильное функціонированіе памяти и другихъ головныхъ сосудовъ. Не буду больше.

— Не надо, братецъ, не надо... Зачѣмъ безпокоить ее? Она дура, неграмотная...

Иванъ Трифонычъ заперъ за нимъ дверь, потрогалъ замокъ, крѣпокъ ли, и осторожно, ощупью, воротился въ темныя, чуть освѣщенныя комнаты... И въ залѣ и въ гостиной горятъ передъ образами дорогія, массивныя лампады, а изъ столовой въ гостиную, чрезъ отворенную дверь падаетъ широкая полоса свѣта, ярко выдѣляя у порога блестящій кусокъ паркетнаго пола...

Дѣлать нечего... И вотъ каждый вечеръ, проводивъ кума, Иванъ Трифонычъ ходитъ по этимъ темнымъ, чуть освѣщеннымъ комнатамъ, и думаетъ... Слышно, какъ въ столовой Марья накрываетъ ужинъ и, гремя тарелками, говоритъ:

— У Петровыхъ опять собака воетъ. Старикъ, вѣрно, кончится скоро... Соборовали уже два раза. Мятель!..

Что-то отвѣчаетъ старуха, и разговоръ затѣвается у нихъ длинный, мирный...

А онъ все ходитъ, ходитъ... Большія комнаты, тишина, одиночество, старость, большое состояніе—такъ ненужны, тяжелы для него... Гдѣ-то назади, далеко, какъ пройденная дорога, протянулся длинный и безцѣльный трудовой вѣкъ, дни котораго такъ похожи другъ на друга. Гдѣ же радость? Гдѣ счастье? Почему его не охватываетъ трепетъ при мысли, что въ банкѣ, какъ должный и достойный результатъ этого труда, лежатъ 400 тысячъ?

— Купцу надо дѣтей имѣть, много дѣтей... вспоминаетъ онъ слова Михайла Михайлыча.—Потому купецъ безъ дѣтей, какъ змѣй безъ хвоста.

Старикъ закрываетъ глаза, и передъ нимъ, какъ живой, выростаетъ Сашенька со своимъ обычнымъ, грустнымъ и задумчивымъ лицомъ. Для него нажиты деньги, но почему онъ никогда не говоритъ, не пишетъ о нихъ? Съ тѣхъ поръ, какъ его отправили въ университетъ, онъ сдѣлался чужимъ для ихъ дома. Не успѣвалъ, бывало, пріѣхать на каникулы, какъ черезъ недѣлю его снова тянуло въ Питеръ: глаза дѣлались вялыми, сонными и онъ говорилъ:

— Скучно у васъ, папаша, скучно! Въ Питеръ надо ѣхать: тамъ люди, газета, опера, тамъ жизнь! А здѣсь... глушь, акцизные чиновники какіе-то...

Его собирали, провожали на вокзалъ, и тамъ, стоя на платформѣ, онъ, казалось, понималъ полныя ласковой любви тоску и грусть стариковъ и говорилъ:

— Жалко мнѣ васъ, ей Богу! Одни вы! И зачѣмъ вы меня учили? Мнѣ бы тогда не было скучно здѣсь! Жилъ бы съ вами, торговалъ...

А когда трогался поѣздъ, онъ уже веселый, улыбающійся, махалъ имъ платкомъ изъ вагона и кланялся; а они смотрѣли ему вслѣдъ, и въ головѣ Ивана Трифоныча безсмысленно вертѣлись слова: „Люди, газеты, опера“... И хотѣлось сказать старухѣ, что Сашенька для нихъ чужой человѣкъ теперь...

Вспоминаетъ старикъ, какъ это сознаніе росло въ немъ все больше и больше, когда Саша окончилъ курсъ и пріѣзжалъ къ нимъ уже не въ студенческой формѣ, а въ штатской, красиво облегавшей его парѣ. Онъ возмужалъ, выросла бородка, усы сдѣлались длинными и красивыми. Взглядъ сталъ еще глубже, серьезнѣе и какъ-то грустнѣе. Всѣ думали, что Са-

шенька теперь поступитъ на службу, будетъ судебнымъ слѣдователемъ или адвокатомъ; а онъ какъ-то, послѣ обѣда, позвалъ отца въ кабинетъ и, протягивая ему газету, сказалъ:

— Вотъ видишь? Въ этомъ номерѣ напечатанъ мой разсказъ. Прочти-ка! И смотри! Видишь? Подпись „А. Егоровъ". И онъ ногтемъ придавилъ то мѣсто.—Теперь я, братъ, литераторъ...

Онъ спросилъ: „А на службу? не думаешь поступать?" Саша только усмѣхнулся и черезъ два дня уѣхалъ, и опять, когда они провожая стояли на платформѣ, въ головѣ Ивана Трифоныча вертѣлись слова: „Люди, газеты, опера"... И было ясно, что какіе-то люди, газеты, опера отнимаютъ у нихъ сына, и что въ сущности не надо было цѣлый вѣкъ гнуть спину, трудиться наживать 400 тысячъ...

И вотъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, на имя Ивана Трифоныча пришла изъ Петербурга заказная бандероль. Въ ней была вложена небольшая желтенькая книжка, на обложкѣ которой, вверху, раздѣльно и ясно, было напечатано: „Александръ Егоровъ", а пониже, еще крупнѣе, во всю ширину листа, стояло: „*Разсказы*". У старика задрожали руки... Саша написалъ цѣлую книгу! Съ гордостью онъ подалъ ту книгу старухѣ и сказалъ волнуясь:

— Вотъ, мать, Саша-то! Книга-то! Его сочиненіе!

Старуха, неграмотная, ласково улыбаясь, вертѣла книгу въ рукахъ, перелистывала неразрѣзанные листы, и на глазахъ у нея блестѣли слезы.

— Это что жъ? спросила она.—Изъ своей головы Сашенька написалъ или такъ?

— Нѣтъ! гордо усмѣхнулся старикъ,—у сосѣда ходилъ голову занимать!

И она долго, точно силясь понять и разобрать тѣ длинныя и черныя строки, которыя прежде, чѣмъ попасть въ книгу, были въ головѣ Сашеньки, всматривалась въ нихъ и вздыхала: зачѣмъ она не умѣетъ читать!

Онъ отлично помнитъ, какъ въ тотъ же день онъ благоговѣйно разрѣзалъ желтенькую книжку, потомъ отвернулъ первый листъ и началъ читать... И помнитъ онъ, какъ, чѣмъ дольше читалъ страницы, написанныя рукой его сына, тѣмъ болѣе и болѣе росло въ немъ недоумѣніе, и въ то же время какой-то необъяснимый страхъ охватывалъ его.

— Зачѣмъ онъ это пишетъ? вертѣлись въ головѣ безпокойныя думы.—Зачѣмъ онъ пишетъ объ этомъ?

Неужели въ столицахъ только и замѣчательнаго, что падшія женщины, вертепы всякіе, пьяныя, разгульныя ночи, побоища? Во второмъ разсказѣ Сашенька описывалъ какихъ-то маляровъ, грязныхъ, оборванныхъ, ругающихся между собой. Въ третьемъ разсказывалъ про студента, который пилъ водку и сдѣлался босякомъ. И вся книжка объ этомъ. О тѣхъ мерзкихъ, продажныхъ женщинахъ, имя которыхъ никогда не произносилось въ ихъ благочестивой, богобоязненной семьѣ, о которыхъ боялись думать,—Сашенька говорилъ публично, въ печатной книжкѣ, такъ же просто, какъ о хорошихъ купцахъ или почетныхъ гражданахъ. Записывалъ рѣчи маляровъ, рисовалъ жизнь падшихъ женщинъ, ихъ слезы, страданія. И неужели Сашенька, этотъ милый и чистый, на котораго когда-то вѣтрамъ не позволяли дуть, знакомъ со всей этой грязью, ходитъ въ дома, участвуетъ, быть можетъ, и самъ въ этихъ разгулахъ? Да и навѣрное участвуетъ,—иначе онъ и не зналъ бы этой жизни, не описывалъ бы ее такъ подробно, съ такой жалостью, съ такой грустью, отъ которой при чтеніи душа сжимается, на глазахъ навертываются слезы и дѣлается стыдно, что на свѣтѣ есть нужда, такая огромная, гнетущая, а у тебя въ банкѣ лежатъ безъ дѣла 400 тысячъ, и ты, только вдвоемъ, живешь въ большомъ, просторномъ домѣ, ѣшь каждый день вкусные обѣды и пьешь чай съ сухарями утромъ и вечеромъ. А люди, несчастные, забитые, ожесточаются, называютъ жизнь безсмысленной, жестокой, проклинаютъ ее, заливаютъ горе виномъ, и ихъ тащатъ въ участокъ, бьютъ сапогами по лицу; а проснувшись поутру, они плачутъ, и опять съ прежней силой на ихъ плечи наваливается старая тоска, и въ то же время, такіе жалкіе и несчастные, они не вѣрятъ въ Бога, въ ангеловъ-хранителей, посылаемыхъ каждой душѣ христіанской, ни въ загробную жизнь, ни въ причастіе. И старикъ здѣсь возмущался... Онъ зналъ и могъ согласиться, что можно скучать и тосковать, если подойдетъ глухая, одинокая старость, если около тебя не улыбается молодое, милое лицо, для котораго жилъ, трудился,—но говорить о тоскѣ и скукѣ жизни, о ея безцѣльности, когда на небѣ есть милосердный Богъ, Который все дастъ, все пошлетъ, все проститъ, припади только съ вѣрою предъ Его Распятіемъ; когда будетъ святая загробная жизнь, ради которой цѣлые милліоны людей молятся, постятся, отрекаются отъ земной жизни, живутъ въ пещерахъ и спятъ въ гробахъ; когда настанетъ часъ, въ который всѣ умершіе возстанутъ и оживутъ, и услышатъ гласъ Сына Божія,—это для него казалось дикимъ и нелѣпымъ. Прежде онъ зналъ, что Саша далекъ отъ него, чуждъ ему; а теперь стало ясно и то, что Саша сбился съ дороги, пошелъ не по тому пути, сталъ, быть можетъ, несчастнымъ человѣкомъ... То же самое говорилъ и Михайло Михайловичъ.

И теперь, каждый вечеръ, напившись чаю, Иванъ Трифонычъ ходитъ сгорбившись по ковровой дорожкѣ изъ залы въ гостиную и думаетъ. Гдѣ Саша? Можетъ быть, онъ сейчасъ сидитъ гдѣ-нибудь въ притонѣ и говоритъ, какъ пьяный студентъ въ его книжкѣ, о томъ, что нѣтъ Бога, что жизнь скучна и мерзка? Мо-

жетъ быть, онъ тоскуетъ и пьетъ водку, плачетъ? И старикъ чувствовалъ, что эти думы съѣдаютъ его, какъ огонь свѣчу. Пусть Саша не хочетъ земного счастья, пусть ненужны ему родители, чины, ордена; но зачѣмъ онъ душу свою губитъ? Сколько разъ хотѣлъ онъ написать ему въ Петербургъ, чтобы онъ вѣрилъ въ Бога, не забывалъ Его, молился Ему,—бралъ перо, долго смотрѣлъ въ чистую бумагу, которую раскладывалъ передъ собой, и не находилъ словъ.

Долго ходитъ старикъ. И когда сердце его заполняется тоской и отчаяніемъ, когда ему трудно становится дышать и по лицу льются слезы,—онъ близко подходитъ къ темнымъ образамъ, въ которыхъ скрывается счастье и его, и сына, и всего міра; долго глядитъ въ пятно, отраженное стекломъ отъ краснаго свѣта дорогихъ хрустальныхъ лампадъ,—и шепчетъ свою завѣтную думу:

— Господи! Господи! Батюшка! На Тебя одна надежда моя! На Тебя! Пошли Ты ему, Милостивый, вѣру въ Тебя! Укрой его! Упаси его!

И слезы бѣгутъ по щекамъ веселыми капельками...

— Старикъ! Старичокъ! раздается вдругъ изъ гостиной ласковый голосъ,—ужинать иди! Уже готово.

Иванъ Трифонычъ вздрогнулъ, быстро вытеръ лицо и откликнулся:

— Иду, иду!

На порогѣ, въ полосѣ свѣта, которую бросала изъ столовой лампа, стояла старуха и улыбалась ему навстрѣчу.

— Опять, опять, старичокъ? съ ласковымъ укоромъ сказала она, замѣчая, что глаза его красны.—Ну зачѣмъ, зачѣмъ это? Зачѣмъ, дорогой мой, старичокъ мой? Опять тоскуешь? Вѣдь Сашенька пріѣдетъ къ намъ! Онъ будетъ съ нами! Вотъ повѣрь мнѣ! Чѣмъ хочешь отвѣчаю тебѣ: онъ будетъ съ нами! И мы, всѣ трое, будемъ жить въ этомъ домѣ, тихо, мирно. Мы съ тобой тихонько будемъ доживать вѣкъ свой, а онъ будетъ писать свои разсказы. Теперь ты читаешь ихъ, а тогда онъ самъ будетъ читать ихъ. Онъ пріѣдетъ къ намъ! Пріѣдетъ... Вѣдь въ Питерѣ жить плохо, ему тамъ не нравится,—я знаю, знаю! А у насъ—придетъ весна, зацвѣтутъ яблони, вишни, на пруду заколосятся камыши,—онъ это любитъ, онъ говорилъ мнѣ. И говорилъ онъ мнѣ, что звѣзды у насъ серебряныя, яркія,—а тамъ, въ Питерѣ, не видать ихъ изъ-за домовъ; а если и увидишь, то онѣ маленькія, тощія, чуть видныя... Какъ же онъ будетъ жить? Чудачокъ ты этакій! А ты тоскуешь... Эхъ, ты!

Иванъ Трифонычъ съ улыбкой смотрѣлъ на нее, на ея вѣрящіе, ласковые глаза, и ему стало легко.

— Ну, ну, хорошо! сказалъ онъ.— Пусть ѣдетъ! пусть! Мѣста у насъ много, домъ большой, тихій...

Послѣ ужина Марья быстро прибираетъ со стола посуду, вытираетъ тряпкой клеенку и застилаетъ ее поверхъ скатертью, а потомъ одергиваетъ свои рукава и садится въ уголку комнаты.

— Ну, что жъ? говоритъ Иванъ Трифонычъ, лукаво улыбаясь и чувствуя себя господиномъ положенія.—Надо ночь дѣлить. Стели-ко, Марьюшка, постельку! да баиньки! на спокой!

— Ну-у, Иванъ Трифонычъ! разочарованно протягиваетъ старуха,—спать! Съ этихъ поръ, съ десяти часовъ! Еще успѣешь: ночь—годъ. Наспишься! Ты почитай намъ лучше Сашенькину книжку...

— Да вѣдь и такъ всю прочитали! говоритъ Иванъ Трифонычъ. — Самая малость осталась до конца.

— Ну, да! малость! Разсказывай! Эхъ, будь я грамотная!.. Не стала бы просить! Сама бы такъ отчитывала, что мое вамъ почтеніе! Сходи-ко въ кабинетъ, Марьюшка, принеси книжку-то! Знаешь, желтенькая, съ краю на этажеркѣ лежитъ...

— Знаю, знаю! говоритъ Марья и исчезаетъ за дверью, громко шлепая по полу босыми ногами.

— Эхъ, будь я грамотная!.. задумчиво повторяетъ старуха, и глаза ея загораются.— Да я бы!.. Она машетъ рукой и останавливается въ безсиліи выразить то, что сдѣлала бы тогда.— Я бы каждый день ему письма писала! И такое бы писала, что ахъ! Сказать не могу! Мнѣ тоже скучно, старикъ! И какъ скучно бываетъ-то! До краевъ душа переполняется! И ничего сдѣлать съ собой не можешь... А иногда какъ подумаю, да посмотрю на свѣтъ Божій, да гляну на небо, а тамъ Божьи звѣздочки теплятся, да мѣсяцъ погуливаетъ, да тучки несутся,—и такой радостью тогда загорится сердце мое! И тогда я не только тебя люблю, Сашеньку, Марью, домъ нашъ,—а и Петербургъ люблю, и Москву люблю, и все, все я люблю! И вотъ тогда хочется мнѣ Сашенькѣ писать письма! Очень хочется! И не умѣю! Не умѣю, старикъ!

Иванъ Трифонычъ глядитъ на нее, улыбается и думаетъ, какъ похожъ на нее былъ Сашенька, когда говорилъ ему, что онъ теперь будетъ въ газетахъ писать и на службу не поступитъ. Глаза у него были точь въ точь такіе, какъ сейчасъ у старухи: такъ же горѣли, блестѣли, такъ же размахивалъ онъ руками... Точь въ точь! И Ивану Трифонычу становится почему-то весело.

Но вотъ по залу опять раздается шлепанье босыхъ ногъ, и въ комнатѣ появляется Марья съ книжкой въ рукахъ. На лицѣ ея изображается необычайно торжественное выраженіе и удовольствіе...

Иванъ Трифонычъ беретъ книжку, достаетъ изъ футляра очки, долго протираетъ ихъ, поглядывая на свѣтъ, потомъ надѣваетъ, солидно кашляетъ, разворачиваетъ книжку въ томъ мѣ-

стѣ, гдѣ лежитъ бисерная закладка, проводитъ по корешку листовъ ладонью, снова кашляетъ и, наконецъ, говоритъ важнымъ, необычно торжественнымъ голосомъ:

— Ну-съ, прочтемъ! Вчера остановились на 261 страницѣ...

Затѣмъ онъ еще разъ оглядываетъ своихъ слушательницъ долгимъ, строгимъ взглядомъ и начинаетъ, глядя въ книжку:

— Было море, далекое-далекое. Этого моря нельзя увидѣть отсюда никоими способами, даже если влѣзть на самую высокую гору и смотрѣть въ самую лучшую подзорную трубу, стоящую сто рублей... Иванъ Трифонычъ перевелъ духъ и посмотрѣлъ на окно, въ которомъ отражались и лампа, и онъ самъ, и старуха съ чулкомъ...

— По морю, конечно, плавали корабли и возили товары. Ѣздили купцы и бывали бури. Въ бурю корабли разбивались о скалистые берега, и тогда матросы и купцы гибли, а которые спасались, тѣ выходили на берегъ и, мокрые, озябшіе, становились на колѣни и молились Богу...

Иванъ Трифонычъ, наслюнивъ палецъ, медленно переворачиваетъ страницу.

— И вотъ однажды шелъ корабль по имени „Крылатый"... Онъ усиленно напрягаетъ мозги, стараясь создать что-нибудь интересное, захватывающее; припоминаетъ все, что ему приходилось читать въ житіяхъ святыхъ, въ газетахъ, что разсказывалъ Михайло Михайловичъ, и сочиняетъ, сочиняетъ, перелистывая страницы, въ которыхъ написано о мерзкихъ женщинахъ, малярахъ, побоищахъ и о всемъ томъ, чего старухѣ слушать нельзя.

— Везли на немъ товаровъ тьму тьмущую! И товаръ былъ не простой, а выписывалъ его царь персидскій, дочку свою выдавалъ замужъ и готовилъ приданое. Потому по нынѣшнимъ временамъ и въ Персіи, дикой странѣ, безъ приданаго не очень-то берутъ. Тамъ были брилліанты, сапфиры, дорогія шелковыя и парчевыя ткани по сту рублей за аршинъ, башмачки, осыпанные жемчугомъ; а что пуще всего берегли купцы, это былъ ларчикъ, спрятанный на самомъ днѣ корабля. А въ ларчикѣ томъ, на бархатномъ футлярѣ, лежала корона изъ упавшихъ звѣздъ...

Иванъ Трифонычъ постепенно, самъ не замѣчая того, увлекается, забываетъ переворачивать страницы и смотритъ все въ одно мѣсто; а глаза его оживляются, и картины, одна за другой, вырисовываются въ воображеніи, и онъ, какъ умѣетъ, просто, безхитростно разсказываетъ ихъ своимъ слушательницамъ. Тутъ дѣйствуютъ и колдуны со своими страшными заговорами и заклятіями, и звѣри съ хвостами въ 100 верстъ, и почему-то телефоны. Добродѣтель борется со зломъ и послѣ огромныхъ усилій, при помощи благодѣтельныхъ геніевъ, побѣждаетъ, конечно. И вдругъ, въ самую интересную минуту, сквозь радугу собравшихся образовъ, Иванъ Трифонычъ снова слышитъ робкій голосъ жены:

— Старикъ! Старичокъ!—и вздрагиваетъ...

— Ну, чего еще? недовольно спрашиваетъ онъ и сердито смотритъ на нее черезъ очки...

Иванъ Трифонычъ очень не любитъ, когда ему мѣшаютъ при чтеніи, потому что, во-первыхъ, можно сбиться, а во-вторыхъ, онъ уже и самъ начинаетъ вѣрить въ то, что разсказываетъ, и кажется ему, будто онъ дѣйствительно читаетъ по книжкѣ, а не сочиняетъ, и слова, красивыя и звучныя, свободно вылетаютъ изъ груди, и кажется, будто разсказываешь о такихъ случаяхъ, которые дѣйствительно бывали въ жизни, только много-много лѣтъ тому назадъ, или, по крайней мѣрѣ, обязательно будутъ когда-нибудь.

— Да вѣдь ты, милый, опять про корабль читаешь... и про корону... говоритъ старуха, разматывая клубокъ.— Ты намъ онамеднясь читалъ объ этомъ. И какъ водяной дно ему поцарапалъ, хотѣлъ дыру прогрызть, и какъ монахъ на колѣнкахъ молитвы сталъ читать по молитвеннику. Только монаха-то будто звали Антоніемъ, а не Иваномъ... И опять, птицъ этихъ не было...

Иванъ Трифонычъ сразу смутился, потерялъ увѣренность, виновато заморгалъ, потрогалъ очки и нерѣшительно замѣтилъ:

— Какъ читалъ? Не можетъ быть! Не могъ я этого читать! Мы до этого еще не доходили!

И онъ, еще болѣе смутившись, покраснѣвъ отъ волненья, быстро перелистываетъ книгу, озабоченно разглядывая что-то по страницамъ, и даже капли пота выступаютъ у него на лбу... „Попался!" думаетъ онъ. „Ахъ, дуракъ старый, дуракъ старый"! и вдругъ радостно вспоминаетъ, находя что-то въ книжкѣ и поднимая очки:

— Тэ-тэ-тэ-тэ-э! И лицо Ивана Трифоныча снова проясняется въ улыбку.—Господи, Боже мой! И вправду ошибся! Фу ты, дѣло какое! Вотъ память-то индюшиная! Вѣдь мы остановились не на 148 страницѣ, а на 141-й! Такъ, такъ, такъ... Фу ты, Господи! Какъ это меня угораздило!

— Ну, вотъ то-то! говоритъ старуха.—А я слушаю, слушаю и думаю: да вѣдь это знакомое дѣло: и корабль, и монахъ...

— Такъ, такъ, такъ! соглашается Иванъ Трифонычъ, облегченно вздыхая.—Сбился, сбился! Эка грѣхъ! Что значитъ старость-то! А? И умереть такъ-то забудешь. Надо съ 168, а я съ 141-ой! Такъ, такъ! Ну, начнемъ другой читать. Марьюшка! приверни лампу, пожалуйста. Коптитъ, кажется. Фитиль, вѣрно, перегорѣлъ. Эка, Господи!

Марья влѣзаетъ на стулъ и, озабоченно глядя подъ колпакъ, привертываетъ фитиль. Становится немного темнѣе, и старикъ подноситъ книгу ближе къ глазамъ. Онъ все еще улы-

бается своему промаху и время отъ времени укоризненно потряхиваетъ головой.

— Ну, другой начнемъ! повторяетъ онъ.— Эка, Господи! Нужно съ 173-й, а я съ 148-й! Память!.. Ну, вотъ другой разсказъ—„Утесъ"! торжественно возглашаетъ онъ и медленно начинаетъ:

— Страница 154-я! Разсказъ „Утесъ"! На Тихомъ океанѣ, гдѣ живутъ китайцы и другіе разные народы, похожіе на калмыковъ, былъ утесъ. Такой большой, что не только порохомъ, но и динамитомъ, самымъ сильнѣйшимъ, не взорвешь. И въ томъ утесѣ одинъ святой человѣкъ вырубилъ пещеру, поставилъ тамъ себѣ иконки, зажегъ лампадку, разложилъ на аналойчикѣ книги и проводилъ жизнь въ уединеніи и молитвѣ. Услышавъ о такой его святой жизни, началъ со всѣхъ сторонъ собираться къ нему народъ и просить исцѣленья. И онъ кому давалъ святую воду, кому образочекъ, кому ладонцу, а кому прямо говорилъ строгимъ голосомъ: „Не грѣши!" И грѣшники горько плакали о дѣлахъ своихъ... И вотъ однажды...

Иванъ Трифонычъ слюнитъ палецъ, медленно переворачиваетъ листъ и въ то же время съ улыбкою поглядываетъ на своихъ слушательницъ: старушка вяжетъ чулокъ, а Марья подперла щеку ладонью и смотритъ куда-то далеко-далеко передъ собой,—мечтаетъ, очевидно, думаетъ о святой жизни, о пещерахъ, о схимникахъ...

— И вотъ однажды, такъ, часовъ въ одиннадцать утра, медленно продолжаетъ Иванъ Трифонычъ,—только стало припекать солнце, къ этому самому праведному человѣку прилетаетъ орелъ, могучій такой, страшный, съ когтями, и говоритъ человѣчьимъ голосомъ: „Скажи ты мнѣ, преподобный старецъ..."

И снова Иванъ Трифонычъ увлекается и забываетъ переворачивать страницы... Медленный его голосъ спокойно то повышается, то понижается, и на душу обѣихъ женщинъ вѣетъ покоемъ, счастьемъ, и комната кажется еще уютнѣе. А на дворѣ все больше и больше разыгрывается мятель и рветъ ставней; въ залѣ часы отбиваютъ время и чирикаетъ проснувшаяся канарейка; кругомъ тишина; и только, когда притихаетъ голосъ разсказчика, слышатся порою тихія, радостныя восклицанья:

— Какъ хорошо! Какъ хорошо пишетъ Сашенька!

Илья Сургучевъ.

ПОТЯНУЛО.

Вслѣдъ за дачниками сталъ сниматься съ мѣстъ бродячій рабочій людъ.

Первымъ изъ „Ознобишина" уѣхалъ маляръ Николай. Передъ отъѣздомъ онъ заходилъ по нѣскольку разъ на день въ мелочную лавочку Анисимова, гдѣ торговала краснощекая, обильная тѣломъ племянница хозяина, Ольга Митревна, и грустно говорилъ, что въ этомъ году его непремѣнно забреютъ.

— Лобовой выходишь ты! шутила надъ нимъ Ольга Митревна.— Гриву твою снимутъ, и будешь ты казенный человѣкъ.

— Невзначай лобовой... Мать лѣтось умерла. Незадача мнѣ во всемъ.

Николай поднималъ выразительные, мечтательные глаза на улыбавшуюся дѣвицу и накупалъ себѣ карамели и орѣховъ.

— А ты замужъ, Ольга?

— Какъ дяденька прикажутъ. Мнѣ и такъ хорошо.

— Ну, до свиданьица!

— До свиданьица!

У себя на дворѣ Николай подзывалъ оставленнаго дачниками понураго, исхудалаго сеттера „Арапку", ласково трепалъ его за ушами и въ разговорѣ съ мясникомъ-разносчикомъ Анкудимомъ Охапочкинымъ удивлялся, что ознобишинскіе чухны-арендаторы собираются въ Америку.

— И чего имъ тамъ?

— Одновѣрцы ихніе сманиваютъ. Пишутъ, будто жизнь безъ утѣсненія, почва мягкая и все прочее... медленно тянулъ Охапочкинъ.— Такъ-то, малецъ... Понимаешь?

— Понимаю... А я въ деревню... Лобовой я... Сосетъ меня что-то, дядя Анкудимъ.

— Безпокойство одолѣваетъ. Военная служба не тары-бары. Призадумаешься. Вотъ у меня тоже мальчонка былъ... утонулъ въ позапрошлый годъ.

Охапочкинъ, коренастый, короткій мужикъ, глубокомысленно смотрѣлъ на вилявшаго облѣзлымъ хвостомъ „Арапку".

— На каждаго въ жизни сомнительность находитъ, не безъ того. Только лучше по боку ее. Вотъ ты къ дому теперь?

— Къ дому.

— Въ Тверскую губернію? Ну, кланяйся родной землицѣ. Родная земля это, братъ, все... А ты, чудакъ-человѣкъ, хнычешь...

Послѣ Николая неожиданно поднялся „Чортъ", скуластый, огромнаго роста, со щетинистыми черными усами, хохолъ—слесарь. Сидѣлъ онъ и пилъ съ компаніей носильщиковъ въ буфетѣ на станціи и мрачно разсуждалъ, что жить въ „Ознобишинѣ" кромѣ собаки никакая порядочная скотина не станетъ.

— Мразь ты и потому синюю форму носишь! задѣлъ онъ станціоннаго жандарма, мирно спорившаго съ буфетчикомъ о томъ, гдѣ журавли гнѣзда вьютъ: на крышахъ строеній или въ болотѣ.

— Напьется онъ, и всегда оскорбленіе получается... конфузливо пояснилъ жандармъ сво-

ему собесѣднику.—А сократить нельзя, потому сестра его за нами.

— Слушать противно! оборвалъ „Чортъ“.— Самъ длинноногій какъ журавель, а капризу этого самаго, что у городской барыни въ подолѣ.

Компанія „Чорта“ шумно расхохоталась.

— Тише вы, зубоскалы!

— А этого не хочешь?

„Чортъ“ подскочилъ къ жандарму и поднесъ къ самому лицу его здоровенный кулачище.

— Люблю я мять вашего брата. Лучшее удовольствіе мнѣ на свѣтѣ. Ей Богу!

— И какой ты, Яковъ, человѣкъ есть... Почтенія ни въ какую минуту не имѣешь. Чтобы по родственному, по хорошему... Не можешь? Такъ то сообразить надо, что репутацію свою въ обиду я по закону дать не могу.

Жандармъ звякнулъ шпорами, оправился и молодцовато началъ прохаживаться мимо столика „Чорта“.

— А лѣшій со всѣми вами! Печалиться нечего.

„Чортъ“ выругался всласть. Въ эту минуту подошелъ поѣздъ.

— Прощай, честная компанія!

Мигомъ онъ сбѣгалъ за билетомъ и больше не показывался...

А потомъ потянулись и другіе...

Съ недѣлю уже, какъ отъ дачниковъ и посторонней публики стало чисто. И первое время пустота дачнаго поселка будила пріятное чувство. Точно въ домѣ стало, откуда наконецъ выбрались шумные и черезчуръ засидѣвшіеся гости. Свободнѣе вздохнулось. Весело затрещала гармоника. Частушки визжали надрывисто-громко, безъ стѣсненія. Бабы сдѣлались уступчивѣе и ласковѣе. Любили ходить холодными мѣсячными вечерами далеко по дорогѣ, жались къ парнямъ и иногда затягивали хоромъ пронзительную, безпокойную пѣсню.

„Канитель у нихъ выходитъ наружу...“ думалъ обосновавшійся съ весны въ „Ознобишинѣ“ сапожникъ, Михайло Егоровъ Кузнецовъ, бралъ со стѣны гитару и подъ ея сиповатые звуки мурлыкалъ свой любимый романсъ: „Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“!

Михайло Егоровъ снималъ новую избенку въ два окна, рядомъ съ чайной, куда заѣзжали окрестные извозчики закусить, покатать шары и побаловаться чайкомъ, ожидая прихода поѣзда.

Передъ избой былъ раскинутъ квадратный садикъ съ худосочными, невысокими березами, кустомъ сирени и большеголовыми жирными подсолнечниками. Воробьи хлопотливо переговаривались въ немъ, суетились и прыгали съ вѣтки на вѣтку, точно дѣлали нужное дѣло, и кромѣ самихъ себя ни на кого не обращали вниманія.

Кузнецовъ уважалъ свой уголъ, уважалъ потому, что теперь все у него было, какъ и у другихъ хозяйственныхъ людей, прочно, основательно и нажито собственнымъ трудомъ. Въ крошечныхъ каморкахъ возилась мамаша Кузнецова, безобидная и тихая старушка, любившая всенощныя подъ двунадесятые праздники, степенные разговоры за вечернимъ самоваромъ и разные таинственные случаи, о которыхъ такъ хорошо разсказывалъ Анкудимъ Охапочкинъ.

Свой уголъ Михайло Егоровъ собирался завести давно и въ мечтахъ рисовалъ его себѣ обязательно съ чистой комнатой, съ мамашей и вывѣской у двери: „Сапожный мастеръ Кузнецовъ“. Ниже этой надписи должна быть приписка: „Работаю вполнѣ добросовѣстно и умѣю дамскую обувь“.

И вотъ мечты исполнились.

Подходя къ дому, Кузнецовъ издали замѣчалъ новенькую, аккуратную вывѣску, и сердце его взволнованно замирало. Сладко и туманно думалось о томъ, что прежде представлялось невыполнимымъ, принадлежащимъ только чистымъ и состоятельнымъ людямъ, а не ему, оборванному и грубому, часто сидѣвшему безъ мѣста и таскавшемуся по отчаяннымъ трущобамъ.

Раньше дѣйствительно крутился онъ безъ стыда и совѣсти. Тоска какая-то неопредѣленная была, душа бродила. Неизвѣстно чего хотѣлось. Онъ зашибалъ, пропивалъ послѣдніе гроши и ходилъ угрюмый и безшабашный.

И это лѣто, когда хозяйство только что устроилось, чуть было не сорвался. „Чортъ“ подзадорилъ. Пили они цѣлую недѣлю безъ перерыва, вопя во все горло дикія, несуразныя пѣсни и ломая по ночамъ дачные палисадники. Мать даже въ деревню собралась.

— Охъ, Мишута, Мишута! счастья своего бѣжишь ты, болѣзный! унимала она.

Кузнецовъ рукой махнулъ: отстань, молъ, не твое дѣло, сами великолѣпно знаемъ... Домой приходилъ онъ подъ утро, до обѣда валялся на кровати, а послѣ обѣда исчезалъ. Въ чистой комнатѣ запахло виннымъ перегаромъ и крѣпкими сигарами. Не звенѣла больше сиповатая гитара. Заказчики уходили недовольные и злые и грозились отдавать работу другимъ.

— Сомнительность на него нашла... успокоивалъ Охапочкинъ мамашу Кузнецова.—Съ хозяйствомъ своимъ воюетъ онъ. У молодыхъ всегда насчетъ хозяйства. Да ты не бойся: совладаетъ. Крѣпкій онъ у тебя.

Старуха не вѣрила.

Однако, Кузнецовъ въ самомъ дѣлѣ сумѣлъ взять себя въ руки, рѣшилъ, что достаточно нагулялся, и съ тяжелой, больной съ похмѣлья, головой засѣлъ починять сапоги господамъ чиновникамъ, гимназистамъ и прочимъ лѣтнимъ жителямъ „Ознобишина“.

Гитара, висѣвшая на стѣнѣ, вызвала на печальныя размышленія. Кузнецовъ задумался. „Эхъ, жизнь наша“! подвелъ онъ итогъ своимъ думамъ и укоризненно покрутилъ жидкіе рыжеватые усы.

Мамаша не разъ заглядывала въ этотъ день изъ чистой комнаты и внимательно всматривалась въ лицо сына. Темная ситцевая кофта съ бѣлыми горошинами была надѣта на ней. Безцвѣтныя губы сжимались сердечкомъ. Она хотѣла что-то сказать и не рѣшалась.

Кузнецова безпокоилъ и стѣснялъ ея пристальный взглядъ. Руки у него дрожали, тѣло ныло, во рту ощущался непріятный привкусъ. Онъ пересиливалъ себя и не шелъ опохмѣляться.

— Шабашъ, больше не буду! вечеромъ, окончивъ работу, веселымъ голосомъ высказалъ онъ матери свое рѣшеніе.—И скверно это, мамаша! Безобразіе одно.

На улицу въ этотъ вечеръ выйти посовѣстился и отложилъ сходить въ лавку къ Ольгѣ Митревнѣ до другого дня.

„Бывалая исторія"! понукалъ онъ себя утромъ; принфрантился, намочилъ носовой платокъ дешевымъ одеколономъ и, скрѣпя сердце, вышелъ.

У крыльца мелочной кормилъ голубей овсомъ купецъ Анисимовъ. Онъ стоялъ къ Кузнецову спиной и слащаво выкрикивалъ:

— Пожалуйте, голубки, голубочки, пожалуйте!

— Кормите, Василь Григорьичъ?

Анисимовъ медленно повернулся.

— Здравствуй, Михайло Егоровъ... Божья птица. Нельзя не покормить.

— Истинно, что Божья... Глянцовитая птица.

Кузнецовъ почувствовалъ, что дѣлается смиреннымъ, и несморгнувъ выдержалъ испытующій взглядъ Анисимова.

— А мы на тебя насчетъ племянницыныхъ ботинокъ объявку подавать, признаться, хотѣли.

— Вотъ они, готовы! перебилъ Кузнецовъ.—А „Чорта" бросилъ я, Василь Григорьичъ. Такіе пріятели намъ не ко двору.

— Будто бы! усомнился Анисимовъ, и въ его маленькихъ глазкахъ заискрилась насмѣшка.

— Ей Богу!

— Вотъ ты божишься. А въ Ивангилѣ что сказано? Не знаешь? Эхъ, люди, люди!

Уничтоженный Кузнецовъ нерѣшительно мялся на мѣстѣ.

— Ермолай! крикнуль Анисимовъ, проходившему мимо мужику.—Ты что же насчетъ должка запамятовалъ? Смотри, ничего отпускать не велю.

Лицо его приняло злое, хищное выраженіе, но только на минуту. Ермолай, нервно теребя фуражку, объяснилъ, что получитъ съ подрядчика и дня черезъ два обязательно отдастъ.

— Какъ можно забыть, Василь Григорьичъ? Самъ съ хозяина получить не могу, оттого и задержка. Неужели я разрѣшу себѣ такое?

— Бога разрѣшаете обманывать... наставительно замѣтилъ Анисимовъ и опять принялся пищать:—Пожалуйте голубки, голубочки, просимъ милости...

„Тысячъ двадцать, должно, есть у него"... оцѣнилъ грузную фигуру Анисимова Кузнецовъ и поднялся наципочкахъ въ мелочную...

— Любить вы не умѣете, Ольга Митревна. И вотъ разныя обстоятельства происходятъ.

— Какія такія обстоятельства?

Ольга Митревна метнула на него многозначительнымъ взглядомъ и медлила рѣзать хлѣбъ.

— Жизни настоящей все не видишь. Ходишь кругомъ да около. Въ этомъ вся и штука.

Дѣвица сдѣлалась серьезной.

— Вести себя надо, какъ слѣдуетъ. Тогда и добиться можно.

— Въ самдѣлѣ? обрадовался Кузнецовъ...

Дни пошли за днями, одинаковые, спокойные, медленные. Кузнецовъ словно отдыхалъ отъ прежней рваной и непристойной жизни. Достатокъ увеличивался. Въ сапожномъ дѣлѣ онъ былъ настоящимъ художникомъ, любилъ и умѣлъ работать. „Видно, братъ, что безъ Михайловыхъ рукъ не обошлось"... любовался онъ на только что сшитую пару и полный неясныхъ грезъ медлилъ приниматься за слѣдующую. Подымалось сложное, сладко волнующее чувство и почему-то было жаль себя

Въ „Ознобишинѣ" дѣла пошли бойко. Репутація быстро возстановилась, и всѣ заказы направлялись къ нему. Старый сапожникъ, оставшійся безъ заработка, отъ зависти грозился побить Михайла Егорова, а однажды въ пьяномъ видѣ сорвалъ вывѣску. Ходилъ слухъ, что какіе-то господа изъ Петербурга пріѣзжали нарочно, чтобы спросить, гдѣ тутъ живетъ сапожникъ Кузнецовъ. Охапочкинъ, по крайней мѣрѣ, утверждалъ, что это правда. „Самъ видѣлъ, собственными глазами"... говорилъ онъ своимъ покупательницамъ, не допускавшимъ возможности такого случая. А тѣ, конечно, разсказывали знакомымъ.

Батюшку тоже взять: началъ называть по имени, отчеству и крестъ даетъ цѣловать не тычкомъ, какъ обыкновеннымъ мужикамъ, а съ умилительнымъ видомъ. Услышавъ, что Михайло Егоровъ поетъ, онъ пригласилъ его въ пѣвчіе и ласково пожурилъ за скрытность:

— Богатый теноръ, а мы въ невѣдѣньи. Какъ же такъ, Михайло Егорычъ? Или нашего общества избѣгаешь?

Въ день церковнаго праздника Кузнецовъ былъ снятъ съ мѣстнымъ причтомъ на фотографіи. Группа эта висѣла у Михайла Егорова на почетномъ мѣстѣ, подъ образами, рядомъ съ картиной „Піянство есть величайшее зло", купленной и прибитой къ стѣнѣ мамашей Кузнецова въ злополучные дни гулянки его съ „Чортомъ".

Постепенно завязывалось короткое знакомство со стоющими людьми, пьющими чай со сладкими булками и живущими тихо и мирно въ уютныхъ домикахъ, гдѣ герань на окнахъ и столъ съ вышитой скатертью въ главной комнатѣ.

Анисимовъ при встрѣчѣ на улицѣ останавливалъ Кузнецова и зазывалъ къ себѣ въ гости. Ольга Митревна отдавала ему явное предпочтеніе, болтая охотнѣе и дольше, чѣмъ съ другими ухаживателями, и болтовня эта дѣлалась у нея все дѣловитѣе, напримѣръ: какая кожа считается лучше, или что въ прошломъ году яблоки были горазъ дороги, просто хоть не торгуй.

„Дѣвица по всѣмъ статьямъ настоящая. Не чета другому товару. И нѣтъ въ ней этой самой загвоздки. Хорошая хозяйка будетъ, кому придется“! мысленно надѣлялъ Кузнецовъ разнообразными достоинствами свой новый предметъ.

Его влекло въ мелочную лавку, и онъ высиживалъ тамъ иногда по цѣлому часу. „Судьба моя неизвѣстная“... приходило тогда въ голову. Щемила смутная печаль. И было безразлично, что случится.

Самъ батюшка пришелъ однажды къ Кузнецову снять мѣрку. Кузнецовъ любовно и осторожно пощупалъ его въ разныхъ мѣстахъ ноги.

— Въ самый разъ потрафимъ. Самосильно довольны будете! пошутилъ онъ и, не одѣвая фуражки, проводилъ батюшку до станціи.

Батюшкины штиблеты вышли одно загляденье: легкіе, изящные, удобные. Даже носить ихъ было жалко. И батюшка въ благодарность напоилъ Михайла Егорова чаемъ. Канарейка распѣлась въ то утро въ батюшкиной столовой звонкими, трещащими трелями. Матушка, варившая варенье изъ лѣсной малины, стремительно вбѣгала то за сахаромъ, то за ягодами, то по ошибкѣ, впопыхахъ. Лицо у нея было потное, красное, взволнованное. Бѣлыя, мягкія руки, съ засученными выше локтя рукавами, соблазнительно мелькали въ глазахъ Кузнецова.

— Хорошо у васъ, батюшка... сказалъ онъ, опрокинувъ стаканъ на блюдце.

— Квартирка ничего, веселенькая.

— А въ архиреи вы можете?

— Вотъ, жена помретъ...

— Ну, это, знаете...

Кузнецовъ сдѣлалъ подобіе улыбки, поправилъ смятую скатерть и приподнялся.

— Покорнѣйше благодаримъ за чай, за сахаръ.

Продѣлалъ онъ это такъ почтительно, что самъ удивился своей обходительности.

— Жениться бы тебѣ, Михайло Егорычъ! на прощанье замѣтилъ батюшка.—Человѣкъ ты въ самой порѣ. Который годъ идетъ?

— Двадцать девятый.

— Ну, вотъ видишь... Дѣтки, этакія канашки, пойдутъ. Жена розовенькая. Превосходно!

Батюшка напиралъ на букву о. На минуту онъ задержалъ Кузнецова и весело шепнулъ на ухо:

— Любишь бабъ, поди?

И подержалъ за талью.

— Кто ихъ не любитъ! едва успѣлъ отвѣтить Кузнецовъ, польщенный и обрадованный фамильярностью батюшки...

„Превосходно“! повторялъ онъ, отправляясь въ городъ, чтобы купить на полученныя отъ батюшки деньги мамашѣ на кофточку и себѣ третью по счету новую фуражку. Лучшаго назначенія этимъ деньгамъ придумать онъ не могъ.

„Превосходно“! вертѣлось у него весь день въ головѣ, и воображеніе рисовало объемистую Ольгу Митревну, голыя, холеныя руки, бесѣды съ батюшкой. Ночью, размечтавшись, онъ долго не засыпалъ. Къ грезамъ о будущей сладкой жизни мимолетно примѣшалось воспоминаніе о гулящей Маланьѣ, подругѣ „Чорта“, походившей больше на мужика, чѣмъ на бабу. „Груба она очень и притомъ пьяница“! отдалъ Кузнецовъ послѣдній долгъ ея памяти.

Теперь душа была всецѣло во власти заманчивыхъ мечтаній о надвигающемся счастьи, о малиновомъ вареньѣ и уютномъ домикѣ въ четыре окна, а не то даже больше.

Отъѣздъ „Чорта“ и другой публики не произвелъ на него сначала особаго впечатлѣнія. Первое время онъ не замѣтилъ даже, что „Чорта“ нѣтъ. А когда разсказали, какъ тотъ въ послѣдній разъ отдѣлалъ своего шурина, жандарма, Михайло Егоровъ наморщилъ свѣтлыя брови и раздраженно обронилъ:

— Непутевый человѣкъ, по всему видно. Почему, за что такое, скажите, оскандалить неповиннаго человѣка? Ихъ, мерзавцевъ, не трогаютъ... Не понимаемъ мы этого.

— „Чортъ“-то, мамаша, вы слышали? съ дѣланнымъ изумленіемъ разсказалъ онъ матери. Зло разобрало его, точно обиду нанесли не жандарму, а лично ему, Кузнецову.

Но осень все же дала знать о себѣ. Работы стало меньше, да и была она неинтересная, мелкая, случайная. Дожди пошли. Свободнаго времени некуда дѣвать. Березы въ саду растеряли золотой, нарядный листъ и какъ-то пригнулись, точно совѣстились, что зря, ни за что, ни про что утратили свѣжесть, молодость и красоту. Подсолнечники стояли какъ виноватые. Стебли ихъ сморщились и потемнѣли. Мятыя, трепаныя шапки повисли безсильно... Ухабистая, покрытая лужами дорога мало выдѣлялась отъ грязноватаго фона обезцвѣченнаго и невыносимо однообразнаго поля. Михайло Егоровъ смотрѣлъ на унылую картину и просилъ у матери кваску, хотя пить вовсе не хотѣлось.

— Осенью всегда скучно, мамаша. Такое ужъ время года. Въ субботу на всенощной народу почти не было. И басъ запилъ. Вмѣсто него Анкудимъ Охапочкинъ пѣлъ. Онъ на разные голоса можетъ. Синицѣ тоже отлично подражаетъ... пробовалъ завязать разговоръ Кузнецовъ.

— Правда твоя, Мишута, скучно. И мнѣ скучно. Медвѣдь скоро берлогу рыть будетъ... соглашалась старуха.

Она сидѣла у кухоннаго стола, подперевъ голову высохшими руками, и глядѣла куда-то въ сторону тусклымъ, безжизненнымъ взоромъ.

— Прилечь развѣ?

— Все вы спите, мамаша!

— Что же дѣлать, сынокъ? Старость пѣсенъ пѣть не умѣетъ. Тебѣ по улицѣ пройтись и то развлеченіе. А у меня было это, да прошло. Года и нужда одинъ сонъ оставили.

— А то и въ самомъ дѣлѣ пройтись развѣ?

— Поди, прогуляйся. Воздухомъ подышишь, потолкуешь съ пріятелями, время-то, глядишь, и къ ночи.

Михайло Егоровъ старательно начищалъ щеголеватые сапоги, фабрилъ усы пахучей помадой, вертѣлся передъ засиженнымъ мухами зеркаломъ и, предупредивъ, чтобы мать безъ него не ужинала, шелъ на улицу.

Тамъ было пусто, покинуто и холодно. Ни одного яркаго пятна. Люди спрятались по домамъ. Птицы улетѣли. Тучи сплелись въ сѣрую, ровную ткань и не собирались расходиться. Нехотя моросилъ мелкій дождь. Казалось, что жизнь остановилась на самомъ неинтересномъ мѣстѣ. Одинъ вѣтеръ не хотѣлъ угомониться и метался изъ стороны въ сторону, срывая злобную тоску на обнаженныхъ, жалкихъ деревьяхъ.

Въ лавочкѣ у Ольги Митревны никого. Она сидѣла, положивъ голову на конторку, и дремала.

Кузнецовъ захлопалъ въ ладоши. Заспанное, подпухшее лицо съ неудовольствіемъ повернулось къ нему.

— Зимогоръ я, Ольга Митревна! Вотъ и пришелъ къ вамъ раздѣлить тоску и скуку.

Двѣ-три фразы нашлись еще, а потомъ наступило напряженное молчаніе. Ольга Митревна выстукивала что-то на счетахъ. Михайло Егоровъ смотрѣлъ на промокшее, скользкое крыльцо и уныло придумывалъ, что бы сказать.

— Рябины нонече много... Къ войнѣ говорятъ... выручила Ольга Митревна.

— Существуетъ такая примѣта.

— А вы думаете, съ кѣмъ можетъ быть?

— Между мной и вами, къ примѣру, ежели вы уважительны не будете.

— Охапочкинъ говоритъ, что со многими державами предстоитъ. Съ Англіей перво-наперво. Потомъ Сербія. Государя своего тамъ офицеры убили.

— Каша выходитъ.

— Охапочкинъ говоритъ, всемірная война...

— Оставьте вы этого фрукта!

Съ политики перешли на чувства, но тутъ уже совсѣмъ не клеилось. Оставалось проститься и уйти. Ольга Митревна умильно поглядывала на конторку и зѣвнула не одинъ разъ.

„Эти бабы, все равно, какъ колоды. Не расшевелишь ихъ“! разсердился Кузнецовъ и направился къ станціи.

По длинной и широкой, открытой со всѣхъ сторонъ плаформѣ, ожидая прихода поѣзда, сиротливо бродило нѣсколько фигуръ: помощникъ начальника станціи въ клеенчатомъ плащѣ, жандармъ и жавшіеся отъ холода и вѣтра пассажиры.

Въ буфетѣ—пустыня. Бѣлобрысый, безцвѣтный слуга Алексѣй, лѣтъ пятнадцать собиравшійся жениться и все не рѣшавшійся на этотъ исключительный для его жизни шагъ, прикурнулъ за столикомъ безъ скатерти, предназначеннымъ для черной-публики. Невысокій, плотный буфетчикъ, типичный ярославецъ, медленно жевалъ бутербродъ.

— Маланья вчерась полы вымыла и укатила... встрѣтилъ онъ Кузнецова.—Полтинникъ на дорогу отработала.

— Своихъ не было! усмѣхнулся Михайло Егоровъ.

— Всѣ тронулись, рѣшительно всѣ! продолжалъ буфетчикъ, и въ его голосѣ зазвучало вдохновеніе.—Одинъ зимній звѣрь остался. Эхъ, если бы тысячъ десять, не сидѣлъ бы я тутъ. Ресторанчикъ обмозговалъ бы на Садовой или Гороховой. Органъ „Не бѣлы снѣги“ выводитъ. Купцы за чайными приборами благодушествуютъ. Шестерки бѣгаютъ, какъ ошпаренные... Жизнь!

Отъ нечего дѣлать Кузнецовъ разсмотрѣлъ зимнее расписаніе поѣздовъ, выпилъ стаканъ чаю съ лимономъ, походилъ въ залѣ перваго класса и потрогалъ изразцы камина.

„Отлично устроено. На всякое дѣло, то-есть, свой мастеръ бываетъ“... развлекалъ онъ себя непритязательными разсужденіями.

И опять прошелъ черезъ буфетную комнату, а оттуда въ самый конецъ платформы, гдѣ долго стоялъ, прислушиваясь къ шопоту озябшей, соскучившейся ночи.

Жизнь казалась далеко, дальше, чѣмъ фонарь семафора, дальше очертаній темнаго, насупленнаго лѣса, тамъ, гдѣ „Чортъ“ и Маланья, гдѣ забреютъ лобъ Николаю, гдѣ самъ онъ напивался до одури, дикой драки и побоевъ въ участкѣ.

И вдругъ его потянуло.

Онъ не удивился, словно зналъ, что это должно случиться, и только радостно встревожился.

Тоскуютъ деревья, плачутъ деревья...

О чемъ тоскуютъ деревья въ осеннюю долгую ночь?

Можетъ быть, о пестромъ зябликѣ, улетѣвшемъ въ неизвѣстную страну, можетъ быть, о сѣромъ зайцѣ, которому плохо теперь. Пусть себѣ тоскуютъ. Ихъ дѣло! Ихъ дѣло!

„И батюшкѣ, поди, скучно здѣсь... всѣмъ, всѣмъ скучно...“ оправдывалъ себя Кузнецовъ... „А сейчасъ спятъ они“.

Ознобишинская жизнь потускнѣла и отошла отъ него. Что-то новое вливалось, неопредѣленное, заманчивое, сказочное.

„Вотъ и Ольга Митревна. Развѣ можно такъ? Барыней бы могла быть“.

Рѣзкій вѣтеръ обдалъ лицо ночной сыростью.

Взглядъ Кузнецова случайно упалъ на съежившагося мальчугана, прислонившагося къ периламъ.

— Ты, малый, что здѣсь проѣдаешься?

Глаза мальчика сверкнули, но онъ не шевельнулся и продолжалъ стоять въ прежней позѣ.

— Слышишь или нѣтъ? Тебя спрашиваютъ.

— Убѣгшій я... еле слышно отвѣтилъ продрогшій мальчуганъ.—Лампу у тетки разбилъ. На окнѣ она стояла. А я буквы по стеклу писалъ, свою фамилію. Тетка страсть баловства не любитъ. Злющая она. Не приведи Богъ, когда осерчавши. Въ Питеръ теперь, къ тятькѣ хочу.

— Къ тятькѣ? Врешь ты все.

— Онъ на Путиловомъ служитъ. Истинная правда. Можетъ, слышалъ: Иванъ Дроботовъ. Двадцать три версты отсюда наша деревня, Волково называется.

— А на дорогу откуда взялъ?

— Скопилъ за лѣто. Барину червяковъ копалъ, и онъ мнѣ то двѣ, то три копѣйки. Пятачка вотъ не хватаетъ.

— Экой ты, братъ, проворный! Гривеникъ я тебѣ дамъ. Только молчокъ.

Кузнецовъ досталъ кошелекъ и порылся въ немъ. Потомъ оглядѣлъ мальчугана съ ногъ до головы.

— Не модель это отъ тетки... Ну, да Богъ съ тобой! Дѣлай, что хошь... Мы не отвѣтственны. И поѣзда притомъ долго тебѣ ждать. Черезъ два часа пойдетъ! рѣзко докончилъ онъ и повернулъ къ дому.

Обидно было.

Голыя деревья склонялись надъ нимъ и убого жаловались на свою печаль и покинутость. Калоши мягко шлепали по пропитанной водой землѣ. Темныя, съ неосвѣщенными окнами строенія неуклюже выступали изъ густой и холодной мглы.

Небо прояснилось. Млечный путь раскинулся на немъ широкой и неправильной лентой. Мѣсяцъ ходилъ между звѣздами безучастный и притихшій. И все молчало, не вспоминало, не радовалось.

На душѣ стало мутно и горько. Хотѣлось забыть о себѣ и покориться. Больше ничего...

Солнце выходило на другой день... Опять былъ дождь... И снова всю недѣлю негрѣющее, низкое солнце. Михайло Егоровъ, когда мамаша говорила, что вотъ погода радовать начинаетъ,—капризно отвѣчалъ, дѣлая рукой брезгливый жестъ, что никакой тутъ радости нѣтъ. На воскресенье онъ и въ церковь не пошелъ, разсудивъ, что пѣть не для кого. Все равно зря поешь, безъ чувства... Канитель одна.

Теперь онъ валялся по цѣлымъ днямъ на кровати, скучалъ и только тренькалъ на гитарѣ, выводя пріятнымъ теноркомъ старинную пѣсенку, которой научилъ его студентъ, снимавшій комнату у одного изъ городскихъ хозяевъ Кузнецова:

Плохой тотъ мельникъ долженъ быть,
Кто вѣкъ свой дома хочетъ жить,
Все дома, все дома,
Все дома!..

Звуки эти тревожили, настраивали меланхолично и мечтательно, напоминали о возможности другой жизни смутными и дразнящими образами. Кузнецовъ подъ ихъ бодрящій призывъ начиналъ расцвѣчивать яркими красками шумныя улицы, рисовалъ себѣ трактирную обстановку и вполголоса подпѣвалъ:

Прощай, хозяинъ дорогой!
И я пойду вслѣдъ за водой
Далеко, далеко,
Далеко!..

Онъ не понималъ, что происходитъ въ душѣ, и ждалъ чего-то. Потомъ ожиданіе надоѣло и перешло въ нетерпѣніе. Работа больше не увлекала. Все въ „Ознобишинѣ“ становилось противно.

Церковный сторожъ, болѣзненный Осипъ принесъ въ починку батюшкины штиблеты и настойчиво просилъ, чтобы къ вечеру они были готовы.

— Никакъ невозможно! объявилъ Кузнецовъ.

— Батюшкѣ безпремѣнно нужны. Строго просилъ.

— Духовное лицо вѣдь... съ упрекомъ напомнила мать.

— Намъ безразлично кому, хоть самому губернатору—все единственно. Сказано: черезъ два дня. Не согласны—не надо. Ищите другого.

Сторожъ нерѣшительно мялся.

— Мишута!.. опять сунулась старуха.

Тутъ ужъ Кузнецовъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Что, Мишута? Дался я вамъ. Сидишь изъза васъ въ поганомъ мѣстѣ...

Съ сердцемъ швырнулъ онъ штиблеты въ уголъ и ушелъ въ чистую комнату.

— Ровно ежъ ершится! посочувствовалъ старухѣ Осипъ.—У насъ лѣтъ десять назадъ священникъ тоже брюзга былъ... Н-да!

Старуха молча покивала головой.

Она и раньше смутно догадывалась о борьбѣ, происходившей въ душѣ сына, но тутъ увидѣла, что дѣло зашло далеко, и спохватилась. Стала внимательнѣе приглядываться къ нему, не оставляла наединѣ, стряпала любимыя кушанья и осуждала „Чорта“.

— Что вы, мамаша, ко мнѣ, какъ банный листъ, пристаете? не сдержался Кузнецовъ.—Все „Чортъ“ да „Чортъ“, точно другихъ людей нѣтъ.

И тотчасъ же раздраженно прибавилъ, что этимъ его не удержишь, потому что въ „Ознобишинѣ“ работа изъ рукъ валится.

— Своя шкура мнѣ дороже.

— Да я то что, сынокъ? Господь съ тобой! Я въ деревню—и была такова. Сбираться очень немного. Пальтишко надѣть да платокъ накинуть—вотъ и всѣ мои сборы.

— Со мной въ другое мѣсто можете.

— По трактирамъ и портернымъ мнѣ, ягодка, не житье. Не обижайся ты, что правду говорю. Протянулъ бы зиму лучше, а тамъ къ веснѣ и разъѣзжаться можно.

Она подошла къ сыну и присѣла на краешекъ кровати.

— Скучно тебѣ, сынокъ, знаю я. И мнѣ тоже скучно. Спать бы только. И вотъ жила я и будто не жила. Вся жизнь, какъ въ туманѣ. Парни... мужъ, царство ему небесное, дѣти, ты. Что еще сказать, сынокъ? Состарилась я и никому не нужна.

— Я, мамаша, ничего не говорю... растрогался Кузнецовъ.

Но старуха продолжала свое.

— Съ непривычки тебѣ это. А мы, бабы, всегда такъ. И насъ, ягодка, не спрашиваютъ: хорошо ли намъ или худо? Ой, умру, сынокъ, и некому удержать тебя будетъ. Несидячее сердце у тебя. Въ дѣда моего, слышь, пошелъ. Отъ рекрутчины сбѣжалъ дѣдъ-то. И мучили его за это смертнымъ боемъ.

Она быстро смахнула набѣжавшую слезинку и, поправивъ сбившіеся волосы, на минутку замолчала.

„Все это я очень отлично понимаю"... думалъ Кузнецовъ. Въ головѣ бродили какія-то туманныя мысли. Онъ хотѣлъ уловить ихъ и не могъ. Не зналъ даже, что отвѣтить.

— Придетъ время, вотъ женишься. Испытаешь все.

— Никогда этого не будетъ...

— Чахотка у меня. Первый признакъ—аппетита нѣтъ! напугалъ онъ мать какъ-то утромъ.— Лѣчиться, пожалуй, придется.

И весь этотъ день ходилъ, словно тѣнь, не зная, за что приняться.

А старуха какъ будто принизилась. И слышно не было, что она рядомъ въ кухнѣ. Въ чистую комнату совсѣмъ не ходила. Спать укладывалась теперь послѣ сына, просиживая длинные осенніе вечера у кухоннаго стола, смотрѣла въ темное, запотѣлое окно и задумавшись слушала завыванье озлобленнаго вѣтра.

Да! тамъ далеко другая жизнь—безпокойная, нехозяйственная. И сгубить она можетъ. И ничего, ровно ничего не подѣлаешь.

„Пользительный воздухъ здѣсь, право, пользительный..." иногда пробовалъ утѣшать себя Кузнецовъ. „Чахоткѣ этой самой смерть здѣсь".

И сразу же ловилъ себя на другой мысли.

„Не удержусь... Отчаянности во мнѣ удивительно много"!

Мечты неслись къ тревожному и захватывающему и покоряли его. Не на что опереться было.

„Ну, хозяйство. Это всегда возможно. И чего? Развѣ въ городѣ хуже? Бабы вѣчно на свой ладъ. Имъ бы спать и дѣтей рожать. Удивительный народъ".

Цѣпко захватила вражда къ чистой комнатѣ, къ батюшкѣ, къ Ольгѣ Митревнѣ и не давала покою.

„Большой порокъ пить, подумаешь. Пьяница порядочнымъ человѣкомъ быть не можетъ. Кто сказалъ? Благополучные люди. Не вѣримъ мы этому. Для себя они стараются".

Безцѣльно собрался Кузнецовъ погулять на станцію и одиноко ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ. Шипя подошелъ жизнерадостный поѣздъ, и черезъ нѣсколько минутъ унесъ свое оживленіе отъ постылаго „Ознобишина" въ иную, счастливую сторону.

„И напьюсь же я когда-нибудь. Пусть смотрятъ!" злобно рѣшилъ Михайло Егоровъ, заглянулъ въ буфетъ и спросилъ лимонаду.

— Лимонадцу? повторилъ буфетчикъ.

— Оглохли вы, что ли?

— Не оглохли, а за день утомишься и не человѣкомъ станешь,—не то на умѣ.

За два столика отъ Кузнецова пьянствовали желѣзнодорожные: багажный и билетный кассиры и съ ними застрявшій на зиму въ „Ознобишинѣ" чиновникъ какого-то вѣдомства. У нихъ было весело. Чиновникъ разсказывалъ сальные анекдоты и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ громко причмокивалъ, подчеркивая значеніе этихъ мѣстъ. Толстякъ, билетный кассиръ приходилъ въ восторгъ и просилъ повторить.

— И кто придумаетъ такія вещи? удивлялся онъ.—Голова, вѣрно.

Багажный не принималъ участія въ собесѣдованіи, пучилъ налившіеся кровью глаза и тыкалъ указательнымъ пальцемъ въ солонку.

Потомъ онъ, путаясь и сбиваясь, заговорилъ. Голосъ постепенно повышался, окрѣпъ и сдѣлался жесткимъ и сильнымъ. Мускулы лица нервно подергивались.

— Самая паршивая дорога во всемъ мірѣ—наша. Всѣ воры, всѣ грабители! Подлецъ на подлецѣ. И я, какъ честный человѣкъ, брошу ее или сойду съ ума. Что-нибудь одно. Что-нибудь рѣшительное. Не перебивайте! Михаилъ Воиновъ самъ знаетъ, что говоритъ. Клянусь, что брошу. Вотъ образъ, видите?

Онъ размашисто перекрестился.

— Я не пьянъ еще. Буду пьянъ. У меня заповѣдь такая на каждый день. Но никто не смѣетъ сказать мнѣ: „Ты, Михаилъ Воиновъ,—прохвостъ". Всѣ воры, всѣ грабители! Чужое имущество въ домъ къ себѣ тащатъ. Отца родного убьютъ. И служить съ ними вмѣстѣ я не желаю. Понимаете: не желаю! Эта форма—кровная обида моей личности. Жжетъ она меня.

— Залей пивомъ.

— Молчи, мастодонтъ! Р-разнесу!.. .

Михайло Егоровъ насторожился.

„Хорошо говоритъ... Правильно говоритъ“.

Подступала назойливая тоска, особенно обострившаяся за послѣдніе дни.

„Всѣ воры, всѣ грабители. На самомъ дѣлѣ это такъ. Правильно человѣкъ разсуждаетъ. И все въ свой домъ норовятъ, въ свое хозяйство. Почему, напримѣръ, батюшка за похороны беретъ? Развѣ кто виноватъ, когда померъ“?

— Омутъ! продолжалъ багажный. — Что у васъ за природа здѣсь, я спрашиваю? Это—березы? Такія березы бываютъ? Да у насъ въ Замосковьи ихъ руками вашими длинными не обхватишь. А тѣнь! Десять человѣкъ подъ одну сядетъ, и солнце никого не тронетъ.

— Ну, пошелъ! брезгливо замѣтилъ билетный кассиръ.

— Обидно мнѣ, мастодонтъ, что стихіи смѣются надо мной. Силу въ себѣ я чувствую.

„Такія березы бываютъ“... отдавалось въ мозгу Кузнецова. Его охватывалъ острый порывъ. Слова багажнаго жгли.

„Мамашѣ бы послушать“...

„Уѣхать... Непремѣнно уѣхать“...

„Уѣхать“...

Онъ застылъ на этой мысли...

— И ты пьешь лимонадъ?

— Пью... глухо отвѣтилъ Кузнецовъ.

— Ты кто такой?

Багажный распростеръ надъ нимъ руки.

— Сапожникъ.

— Тѣмъ хуже для тебя. Ты погибъ!

— Хотите, угощу? просительно вырвалось у Кузнецова. Онъ искоса посмотрѣлъ на багажнаго и добавилъ:—Проводы я себѣ устроить хочу.

— Уѣзжаешь?

— Въ самую точку попали.

— Молодецъ, коли такъ. Люблю, когда уѣзжаютъ. Угощай! Отъ этого я не откажусь. Всѣ люди—братья. Вѣрно?

— Вѣрно.

— Батарею пива намъ сюда!

— Шесть бутылокъ!

На столѣ появилось пиво. Прозрачная, свѣтлая жидкость играла. Кузнецовъ чувствовалъ себя какъ во снѣ, смутно понимая происходящее. Но онъ все-таки счелъ долгомъ завести приличный разговоръ.

— Нѣмецкое пиво вотъ не въ примѣръ лучше. На вкусъ благороднѣе... Умнѣющая нація.

— Ты противъ русскихъ?

— Это я къ слову только. Какъ можно? Мы себѣ измѣны не позволимъ. Мы по совѣсти.

— Нѣмецъ, братъ, дуракъ. Карлъ Ивановичъ, Амалія Ѳедоровна—вотъ кто такое нѣмецъ. У нихъ сладкій супъ на первое жрутъ.

Оба они быстро хмѣлѣли. Кузнецовъ прямо глоталъ, хвастаясь, что сапожники пить умѣютъ, и одни портные имъ въ этомъ дѣлѣ не уступять, а остальные—лучше не суйся. Спрошена была водка. Потомъ столъ опять украсился высокими, гранеными бутылками съ янтарной жидкостью. Языкъ у Кузнецова развязался. Багажный впалъ въ элегическій тонъ и плачущимъ голосомъ доказывалъ, что жить хорошему человѣку гдѣ бы то ни было—вездѣ зарѣзъ.

Кузнецову не нравились такія рѣчи.

— Врешь! Въ городѣ каждому мѣсто найдется. Да взять меня сейчасъ. Руки оборвутъ. Всѣ знакомые хозяева на перебой. Выбирай, Михайло Егоровъ, любого.

— Не вѣрю... усомнился багажный.

— Отчего отсюда тогда бѣгутъ всѣ, объясни!

— Не вѣрю.

Багажный мрачно поднялъ глаза.

— Ты меня уважать долженъ, понимаешь? А допросъ этотъ къ чорту. Я дворянинъ, и у моихъ предковъ такіе, какъ ты, ноги лизали.

— Ну, это оставь. Понятія въ васъ, значитъ, нѣтъ.

Михайло Егоровъ разгорячился и перешелъ на ты.

— Я уступаю, бормоталъ про себя багажный,—уступ-паю. Фамильная честь... и ее по боку. Все пропью.

— Какія у тебя разсужденія! Насосался, какъ піявка, а еще дворянинъ. Тютя ты!

— Я уступ-паю... повторялъ багажный...

Было около часу ночи. Прошелъ послѣдній поѣздъ. Буфетчикъ убиралъ со стойки бутерброды и прочія украшенія.

— Закрываемся мы сейчасъ... вѣжливо напомнилъ онъ.

Кузнецовъ потрясъ за плечо совершенно посоловѣвшаго багажнаго.

— Вставай, помѣщикъ!

Они вышли.

— Пр-ров-води меня до дому, голубчикъ... Всѣ люди—братья. Прошу тебя.

— Иди, когда ведутъ.

— Ну, давай поцѣлуемся!

Багажный потянулся къ лицу Кузнецова. Тотъ грубо толкнулъ его. Лишенное опоры тѣло рухнуло въ канаву.

Кузнецовъ, не разбирая лужъ, быстро зашагалъ къ дому.

Полный мѣсяцъ былъ на небѣ и ночь, пронизанная ясными лучами, казалась красивой и обворожительной. Пятна свѣта полосами ложились на дорогу.

„А мамашу въ деревню отправлю. Ей же лучше тамъ, у своихъ...“

— Скотина!.. донесся до Кузнецова возбужденный голосъ багажнаго, и снова раздался глухой шумъ падающаго тѣла...

— Мамаша, это я!.. тихо отвѣтилъ на окрикъ матери Кузнецовъ и, сдерживая дыханіе, чтобы не пахло виномъ, вошелъ въ сѣни.

— Погода сегодня пріятная. Хоть всю ночь гуляй. Пивка мы немного выпили.

— Порѣшилъ, значитъ...

— Не могу я иначе. И хочу, да не могу. Вы, мамаша, не сердитесь. Такой ужъ человѣкъ я.

— Чего сердиться? Твое дѣло.

— Извините меня, мамаша!

— Богъ проститъ.

Легкія, бѣлыя, какъ лебяжій пухъ, снѣжинки кружатся въ воздухѣ, смѣются, радуются. Хорошо имъ здѣсь, въ волнахъ электрическаго свѣта, среди веселаго шума и людской толпы.

Онѣ любятъ этотъ громадный, оживленный городъ. Въ полѣ тамъ пустынно и холодно. Тамъ черная ночь, остовы голыхъ деревьевъ.

А здѣсь хорошо.

Михайло Егоровъ проводилъ мамашу. Около двухъ часовъ высидѣли они до отхода поѣзда на Николаевскомъ вокзалѣ, изрѣдка перекидываясь короткими, полными какого-то особаго значенія фразами.

Кузнецову смутно взгрустнулось. Было совѣстно и неловко. Уѣзжаетъ мамаша и не жалуется. Тихая она теперь, сосредоточенная... Нѣсколько узелковъ на скамейкѣ рядомъ съ ней. Она все поглядываетъ, чтобы не унесъ ихъ кто. Больно озорной народъ.

Этого ничего теперь съ нимъ не будетъ. Рѣшительно ничего.

Михайло Егоровъ подавилъ вздохъ.

Мамаша собралась, было, поплакать. Онъ замѣтилъ и торопливо позвалъ носильщика.

— Къ чему, Мишута? Деньги тебѣ самому пригодятся. Не умѣешь, сынокъ, беречь ихъ. Охъ, не умѣешь...

— Не хуже другихъ, мамаша... Все какъ слѣдоваетъ. Вы напрасно на этотъ счетъ... Вотъ вамъ еще трешница ва всякій случай.

— Мнѣ хватитъ. Себѣ оставь.

Носильщикъ увлекъ ихъ въ толпу.

— Береги свое здоровье. Не пей! глухо шепнула старуха.

— Ладно.

Она прильнула къ лицу сына и долго не могла оторваться. Потомъ задрожала. Набѣжали слезы.

— Богъ съ тобой, сынокъ!

— Кланяйся дядѣ и всѣмъ имъ. Можетъ, на лѣто отдыхать пріѣду... утѣшалъ Кузнецовъ.— Къ сѣнокосу если... Страсть люблю покосить.

— Гдѣ ужъ!..

Поѣздъ тронулся. Михайло Егоровъ замахалъ носовымъ платкомъ.

— Счастливо тебѣ, мамаша!..

Барышни стояли около него. Одна высокая, со стриженными волосами. Другая хрупкая и усталая, съ небрежно накинутымъ на плечи башлыкомъ.

— На три года ужасно долго, Женя... И потомъ такая глушь. Измучается онъ. Махнетъ рукой на все.

— Не думаю.

Онѣ медлили уходить, точно надѣялись вернуть потерянное.

Кузнецовъ невольно наблюдалъ за ними.

— И такъ безъ конца: одного за другимъ... Боюсь я за себя. Натворю что-нибудь. Одна ненависть во мнѣ осталась.

— Жениха провожаете? безотчетно спросилъ Кузнецовъ.

— Вамъ-то что?

Высокая пожала плечами и рѣзко докончила:

— Ну, провожаемъ, если хотите. Намъ это пока позволяютъ...

— За что вы на меня разсердились, барышня? удивился Кузнецовъ.

— На васъ я не сержусь...

— Оставь, Женя!

— Я человѣкъ темный. Прощенья просимъ, если обидѣлъ чѣмъ.

Угловатой, нетвердой походкой, не оглядываясь, пошелъ онъ къ выходнымъ дверямъ.

Сердце горько сжалось.

Потомъ свѣтлая, шумная улица поглотила его. Оживленная толпа шла навстрѣчу. Оживленная толпа была сзади. Изъ трактирнаго заведенія неслась гулкая, веселая музыка.

Словно волна подхватила Кузнецова. Лихорадочное, возбужденное чувство жуткой, неожиданно полученной свободы рвалось наружу.

„И на что мнѣ своя мастерская? Чудаки... Говорятъ тоже...“

„И-ихъ хорошо!..“

— Эй, паря! Посторонись! весело крикнулъ онъ зазѣвавшемуся прохожему.—Торопимся мы. Не видишь, что ли?..

А городъ сіялъ огнями...

И легкія, блестящія снѣжинки кружились и падали.

В. Башкинъ.

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКИХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

(Окончаніе).

VIII.

Однако, Ярославскому собору не пришлось избрать государя, и „царское обиранье“ совершено было уже другимъ земскимъ соборомъ послѣ „московскаго очищенья“. Освободивъ Москву, отогнавъ далеко одну часть казаковъ и добившись подчиненія другой, временное правительство распустило выборныхъ ярославской сессіи и грамотами (до 15 ноября 1612 года)

созывало въ Москву „изо всякихъ чиновъ", „изо всѣхъ городовъ", „по десяти человѣкъ отъ городовъ" для „государственныхъ и земскихъ дѣлъ", а главнымъ образомъ для избранія государя, которое должно было совершиться „всякими людьми отъ мала и до велика". Выборное начало въ представительствѣ выступаетъ на соборѣ 1613 года уже въ полной силѣ, какъ общепринятая и вполнѣ выработанная норма. Составъ земскаго собора 1613 года, судя по подписямъ его участниковъ на соборной грамотѣ, опредѣляется такъ: Священный соборъ включалъ въ себѣ трехъ митрополитовъ (Ефрема, Кирилла и Іону), архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ. Священники давали свои подписи вмѣстѣ съ городскими представителями и иногда называли себя „выборными",—знакъ, что они являлись на соборъ мірскими уполномоченными на основаніи тѣхъ порядковъ, которые укрѣпились въ городахъ въ Смутное время и которые втягивали духовенство въ мірскія дѣла, вплоть до ратнаго дѣла. Поэтому-то бѣлое духовенство и слѣдуетъ считать не въ освященномъ соборѣ, а въ рядахъ земскихъ представителей. Боярская дума на соборѣ 1613 года играла особую роль. „Начальники" изъ Ярославля пришли съ Пожарскимъ подъ Москву и продолжали здѣсь быть правительственнымъ совѣтомъ. Когда бояре, сидѣвшіе въ Москвѣ съ поляками, были освобождены, они по сану своему должны были занять первыя мѣста въ синклитѣ у Пожарскаго. Но „начальники", очевидно, относились къ нимъ, какъ къ измѣнникамъ, и подняли вопросъ о нихъ. Одинъ изъ современниковъ записалъ, что въ Москвѣ бояръ, которые въ осадѣ сидѣли, „въ думу не припускаютъ, а писали о нихъ въ городы ко всякимъ людямъ: пускать ихъ въ думу или нѣтъ?" И вопросъ, повидимому, былъ рѣшенъ отрицательно: бояре разъѣхались изъ Москвы по селамъ и не были на самомъ избраніи царя. Ихъ возвратили въ Москву, когда Михаилъ былъ уже избранъ, для участія въ окончательномъ провозглашеніи новаго царя въ засѣданіи 21 февраля. Соборною же дѣятельностью руководили не эти старые бояре, а „начальники", которые, по свидѣтельству современника, снова восхотѣли себѣ царя „отъ иновѣрныхъ" и въ этомъ разошлись съ земскими людьми, хотѣвшими избирать царя изъ своихъ. Такъ устроены были высшіе органы управленія, церковнаго и государственнаго, вошедшіе въ соборъ. Земскіе представители на соборѣ 1613 года были, по основанію представительства, двухъ категорій. Одни явились на соборъ по старому порядку, въ силу своего служебнаго положенія; это—придворные чины, „большіе дворяне" и приказные люди. Другіе были посланы на соборъ по избранію и явились туда съ „договорами", то-есть, съ инструкціями избирателей, и „съ выборами за всякихъ людей руками", то-есть, съ документами, удостовѣряющими правильность ихъ избранія. Это были, по старому опредѣленію, „изо всѣхъ городовъ лучшіе и разумные постоятельные люди". Москва не опредѣляла ихъ числа точнымъ и обязательнымъ для городовъ порядкомъ. Въ одной грамотѣ Пожарскій просилъ, какъ мы видѣли, по десяти человѣкъ отъ города; по другому свидѣтельству, изъ Москвы просили прислать „изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ и изъ гостей и изъ торговыхъ и изъ посадскихъ и изъ уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже". Нельзя поэтому сказать, сколько всего выборныхъ ожидалось въ Москву. Нельзя опредѣлить и того, сколько ихъ дѣйствительно туда пріѣхало, такъ какъ у насъ нѣтъ точнаго списка участниковъ собора. Подъ однимъ экземпляромъ избирательной грамоты ими сдѣлано 235 подписей, подъ другимъ—238 подписей, а въ нихъ упомянуто около 277 именъ соборныхъ участниковъ [1]). Но это не ест точное число. Выборные подписывали грамоту одинъ за многихъ товарищей, не называя ихъ поименно; такъ, выборныхъ нижегородцевъ было на соборѣ, какъ мы случайно знаемъ, не менѣе 19-ти, а подписали грамоту всего 5 человѣкъ на одномъ экземплярѣ и 6 на другомъ. Можно поэтому думать, что число участниковъ собора, и въ частн.сти выборныхъ изъ городовъ, было гораздо больше, чѣмъ мы знаемъ по ихъ подписямъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что всего соборныхъ людей могло быть до 700. Разбираясь въ тѣхъ данныхъ, какія представляютъ намъ подписи соборныхъ выборныхъ, мы видимъ, что на призывъ Москвы откликнулось много городовъ и уѣздовъ. Можно насчитать не менѣе 50 городовъ, представители которыхъ были на соб рѣ 1613 года. Для того времени это очень большое число, тѣмъ болѣе внушительное, что въ него вошли города самыхъ различныхъ областей государства, отъ Бѣлаго моря до Дона и Донца. Такимъ образомъ въ территоріальномъ отношеніи составъ представительства надобно признать достаточно полнымъ. Въ сословномъ же отношеніи принято считать соборъ 1613 года самымъ полнымъ, потому что на немъ, кромѣ служилыхъ людей и тяглыхъ горожанъ, были еще „уѣздные люди". За уѣздныхъ людей на одномъ экземплярѣ избирательной грамоты есть 12 подписей, на другомъ—11. Подъ этимъ немного неопредѣленнымъ названіемъ уѣздныхъ людей обыкновенно разумѣютъ представителей крестьянства. Для Двинскаго уѣзда это и вѣроятно, потому что на Московскомъ сѣверѣ, какъ мы уже видѣли, процвѣтало крестьянское самоуправленіе въ свободныхъ крестьянскихъ общинахъ. Но для ос-

[1]). „Утвержденная грамота объ избраніи М. Ѳ. Романова", изданная въ Москвѣ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (М. 1904).

тальныхъ мѣстъ, отъ которыхъ явились представители „уѣздныхъ людей", это сомнительно. За исключеніемъ Устюжны „Желѣзныя", во всѣхъ прочихъ десяти уѣздахъ нельзя предполагать существованія свободныхъ отъ вотчинной власти крестьянскихъ міровъ. Эти мѣста Московскаго юга (Тула, Брянскъ, Новосиль, Курскъ и др.) извѣстны господствомъ служилаго землевладѣнія въ его мелкихъ формахъ, исключавшихъ въ то время возможность развитія свободнаго крестьянскаго владѣнія и самостоятельныхъ тяглыхъ организацій. Въ этихъ уѣздахъ подъ „уѣздными людьми" надлежитъ разумѣть скорѣе всего низшие разряды служилыхъ людей, приписанныхъ по службѣ къ городамъ, а обезпеченныхъ участками пахотной земли и угодьями внѣ городовъ. Осторожнѣе будетъ не настаивать на мысли, что на соборѣ 1613 года сословное представительство было полнѣе, чѣмъ на прочихъ соборахъ XVII вѣка. На всѣхъ соборахъ одинаково крестьяне не пользовались правомъ отдѣльнаго представительства и на всѣхъ соборахъ одинаково были представлены уѣздные люди. Представительство сѣверныхъ областей сливало въ одно уѣздныхъ крестьянъ съ посадскими людьми, съ которыми они иногда сливались и въ отношеніи податного самоуправленія, а представительство южной половины государства соединяло уѣздныхъ людей низшихъ служилыхъ званій вмѣстѣ съ помѣстнымъ дворянствомъ въ одну среду „всякихъ служилыхъ людей". Такое пониманіе дѣла кажется намъ единственнымъ возможнымъ.

Такъ опредѣлился составъ собора, избравшаго новую московскую династію. „Власти" и дума вошли въ соборъ цѣликомъ, какъ въ XVI вѣкѣ. Высшіе слои служилаго московскаго люда были допущены безъ избирательныхъ полномочій и, если не поголовно, то по старому порядку—на основаніи ихъ служебнаго положенія и значенія. Рядовое провинціальное дворянство (съ низшими слоями служилаго люда) и городское податное населеніе (съ близкими къ нему слоями свободнаго сѣвернаго крестьянства) были привлечены къ участію въ соборѣ на основѣ выборнаго представительства, въ которомъ приняло участіе и городское духовенство, избиравшее и избираемое въ городскихъ избирательныхъ округахъ. Въ такомъ приблизительно видѣ земскіе соборы сложились и дѣйствовали въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича. Въ новой своей фазѣ они были продуктомъ тѣхъ условій, которыя образовались въ московскомъ обществѣ благодаря бурямъ Смутнаго времени и которыя измѣнили не только составъ соборовъ, но и ихъ политическое значеніе.

IX

Политическое значеніе собора 1613 года заключалось не въ томъ одномъ, что онъ избралъ новаго государя, но и въ томъ, что онъ образовалъ новый порядокъ въ странѣ. На основаніи всего сказаннаго выше не трудно понять, что земскіе соборы 1612 года и 1613 года, Ярославскій и Московскій, были органами той общественной среды, которая сплотилась для борьбы не только съ поляками, съ которыми связало себя боярство, сидѣвшее въ Москвѣ, но и съ казаками, желавшими радикальнаго общественнаго переворота. Въ противоположность аристократическому слою боярства и демократическому слою казачества общественные слои, соединившіеся въ ярославскомъ ополченіи, представляли собою общественную середину, средніе классы, совершенно равнодушные къ кружковымъ стремленіямъ боярства и враждебные казачьему радикализму. Органомъ этихъ среднихъ классовъ и стали какъ Ярославскій соборъ въ ополченіи Пожарскаго, такъ и избирательный Московскій соборъ 1613 года. Побѣдивъ своихъ враговъ подъ Москвою и въ Москвѣ, освободивъ столицу и ставъ распорядителями дѣлъ въ государствѣ, средніе слои населенія стремились закрѣпить побѣду избраніемъ царя, который могъ бы стать внѣшнимъ символомъ ихъ единенія и торжества. Выразитель этихъ стремленій, земскій соборъ, въ отсутствіе большихъ бояръ успѣлъ отстранить кандидатуру иноземныхъ принцевъ на московскій престолъ, хотя „начальники" и хотѣли себѣ царя „отъ иновѣрныхъ" Равнымъ образомъ покончено было и съ самозванщиной, которая служила для казаковъ средствомъ узаконивать разрушительныя вожделѣнія. Соборъ избралъ *своего* царя изъ такого рода, который въ серединѣ XVI вѣка боярами-князьями назывался иногда „рабскимъ", но который въ то же время почитался стариннымъ „великимъ" московскимъ родомъ. Избравъ царя не отъ королей и князей, а отъ бояръ, соборъ сталъ охранять его, какъ своего избранника и ставленника, готовый въ немъ защищать свое единство и свой возстановленный земскій порядокъ. Съ своей стороны, избранный соборомъ, государь не видѣлъ возможности безъ содѣйствія собора править страною и унять „всемірный мятежъ" и даже не желалъ принимать власть и „идти къ Москвѣ", пока соборъ не достигнетъ прочнаго успокоенія государства. Выходило такъ, что носитель власти и народное собраніе не только не спорили за первенство своего авторитета, но крѣпко держались другъ за друга въ одинаковой заботѣ о собственной цѣлости и безопасности. Сознаніе общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ея земскій совѣтъ къ полнѣйшей солидарности, обращало государя и соборъ въ одну политическую силу, боровшуюся съ враждебными ей теченіями какъ внутри государства, такъ и внѣ его. Соборъ не стремился раздѣлить съ верховною властью ея прерогативы, потому что сама власть ими тогда не дорожила; напротивъ, государь желалъ раздѣлить съ соборомъ тяжелое бремя управленія и отвѣтственность за возмож-

ныя неудачи. Такимъ образомъ, вопросъ о формальномъ опредѣленіи отношеній царя и собора не имѣлъ тогда поводовъ возникнуть, и мы лично совершенно не вѣримъ въ существованіе такъ называемой ограничительной записи, будто бы данной Михаиломъ боярству.

Правительственное значеніе земскаго собора было основаніемъ новаго порядка, возникшаго въ Московскомъ государствѣ послѣ Смуты. Первые шаги новой власти дѣлались не иначе, какъ „по совѣту всея земли", и офиціально и гласно признавалось, что важныхъ дѣлъ вообще нельзя было рѣшать „безъ совѣту всего государства". Вопросы о войнѣ и мирѣ и вообще дѣла внѣшней политики; вопросы финансовые и податные, въ особенности назначеніе новыхъ экстренныхъ сборовъ; вопросы сословнаго устройства и отношенія сословныхъ группъ къ государственнымъ повинностямъ; вопросы административнаго благоустройства и, наконецъ, вопросы законодательные—вотъ сфера дѣйствія „совѣта всея земли" при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Въ первое десятилѣтіе его царствованія соборъ, повидимому, существовалъ непрерывно. Избравъ царя, соборъ 1613 года оставался при немъ до 1615 года. Въ концѣ 1615 г. была призвана новая сессія выборныхъ, дѣйствовавшая до 1619 г. Въ срединѣ 1619 г. самъ соборъ рѣшилъ созваніе новой сессіи представителей ему на смѣну, и эта новая сессія существовала въ Москвѣ до 1622 г. Повидимому, какъ ранѣе, въ XVI вѣкѣ, „изъ городовъ выборъ" (намъ уже извѣстный) командировался въ Москву на трехлѣтній срокъ, такъ въ первые годы царя Михаила выборные представители мѣстныхъ обществъ, замѣнившіе на соборахъ старый „выборъ", призывались въ Москву тоже на трехлѣтіе. Въ послѣдующее время, позднѣе 1622 года, непрерывности соборныхъ сессій не наблюдается, но соборы все-таки остаются весьма частымъ явленіемъ правительственной практики. У правительства какъ будто всегда находится подъ рукою контингентъ представителей „городовъ" и оно имѣетъ возможность въ короткій срокъ созвать ихъ на совѣщаніе хотя бы и по частному вопросу, случайно возникшему въ сферѣ внѣшнихъ сношеній или во внутренней жизни государства. При этомъ прежнее стремленіе возможно полнѣе устроить представительство областей къ концу царствованія Михаила какъ будто слабѣетъ. Такъ, въ началѣ 1642 года, при осложненіи отношеній съ турками и татарами, по вопросу о крѣпости Азовѣ земскій соборъ созвали менѣе, чѣмъ въ недѣлю, и при этомъ обошлись безъ епархіальныхъ архіереевъ въ освященномъ соборѣ и безъ выборныхъ отъ провинціальныхъ посадовъ. Мало того, къ избранію представителей были призваны не мѣстныя общества въ ихъ полномъ составѣ, а лишь тѣ провинціальные дворяне, которые находились въ ту минуту въ Москвѣ. Правда, въ январѣ 1642 года въ Москвѣ по нѣкоторымъ причинамъ былъ значительный съѣздъ провинціальныхъ дворянъ; вѣроятно, этотъ съѣздъ и послужилъ основаніемъ для того, чтобы организовать выборы на соборъ въ самой Москвѣ. Меньшее напряженіе соборной дѣятельности къ концу правленія Михаила Ѳедоровича и меньшая забота о полнотѣ представительства объясняются, конечно, общимъ успокоеніемъ государства. Внѣшнія войны были кончены, казачество перестало грозить государству, общественное благоустройство сдѣлало нѣкоторые успѣхи, и вмѣсто непрерывнаго ряда экстренныхъ усилій и тревогъ для правительства наступила будничная рутина, при которой не было уже побужденій непрерывно обращаться къ совѣту всея земли. Въ началѣ царствованія Михаила, въ періодъ наибольшей энергіи земскихъ соборовъ, они ни разу не пытались взять на себя иниціативу въ законодательствѣ или политикѣ и всегда лишь отвѣчали на обращенный къ нимъ запросъ государя. Даже соборъ 1619 года, выработавшій замѣчательно стройную программу внутренней политики, дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ подъ вліяніемъ и руководствомъ государева отца, патріарха Филарета и въ сущности лишь давалъ отвѣты на вопросы, поставленные „владительнымъ" патріархомъ. Этой неизмѣнною пассивностью соборовъ достаточно уясняется то обстоятельство, почему соборы, насколько мы знаемъ, не заявляли сами о желательности урегулировать сроки ихъ созыва тогда, когда власть перестала ихъ регулярно созывать и дѣятельность соборовъ ослабѣла. Однако, предлагая правительству свой совѣтъ и свою помощь въ той мѣрѣ, въ какой оно ихъ желало, соборы всегда пользовались правомъ челобитій въ той мѣрѣ, въ какой они сами считали это нужнымъ для себя. Рутинная обстановка послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Михаила вела къ нѣкоторому забвенію тѣхъ повседневныхъ тяготъ и нуждъ, которыя угнетали сословную жизнь. На соборѣ 1642 г. сословные представители обнаружили эти тяготы и нужды съ полною откровенностью и указывали безъ обиняковъ на недостатки административнаго строя, отъ которыхъ терпѣло московское общество. Такимъ образомъ, не стремясь къ сохраненію исключительной роли постояннаго правительственнаго органа — роли, усвоенной имъ Смутою,—соборы не потеряли съ теченіемъ времени своего значенія „совѣта всея земли", служащаго точнымъ отзвукомъ дѣйствительнаго настроенія этой земли.

X.

Итакъ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ земскій соборъ былъ выразителемъ среднихъ слоевъ московскаго общества, а самъ Михаилъ былъ царемъ этихъ же среднихъ слоевъ, которые противопоставили его боярскому царю „иновѣрному" (Владиславу) и казачьему ца-

ренку самозванному („Маринкину сыну"). Служа выразителями одного и того же общественнаго элемента, царь и соборъ были въ неразрывномъ союзѣ противъ общихъ враговъ, пока эти враги имѣли силу и были опасны. Замиреніе государства дѣлало этотъ союзъ менѣе напряженнымъ и сознательнымъ. Въ правительствѣ, вокругъ государя, заново сформировался разбитый Смутою „приказный", бюрократическій классъ; получивъ силу, онъ пользовался возможностью обходиться въ управленіи безъ „совѣта всея земли", злоупотреблялъ своимъ дѣловымъ вліяніемъ и незаконно обогащался. Недовольный администраціей, земскій людъ на соборахъ обличалъ ее, противополагая свой земскій интересъ „московской волокитѣ". На счетъ администраціи относили земскіе люди многія существенныя настроенія своей сословной жизни и били челомъ государю объ искорененіи безпорядковъ и насильствъ со стороны „сильныхъ людей", то-есть, самоуправцевъ изъ дворцовой знати и приказныхъ дьяковъ. Жизнь разводила такимъ образомъ старыхъ союзниковъ, власть и земство, и иногда вела къ столкновеніямъ довольно остраго свойства.

При Михаилѣ Ѳедоровичѣ эти столкновенія были словесными: земщина посредствомъ заявленій („сказокъ") на соборахъ и подачи коллективныхъ челобитій просила охраны своихъ правъ и интересовъ. Со вступленіемъ на престолъ царя Алекѣя дѣло стало серьезнѣе.

Царь Алексѣй былъ очень молодъ, неопытенъ и мягокъ для того, чтобы понимать дѣла и руководить ими. Около него образовалась такая клика дѣльцовъ, которая своимъ произволомъ и наглостью превзошла всѣхъ „сильныхъ людей" времени царя Михаила. Держась за сильнаго покровителя, „дядьку" царя, боярина Б. И. Морозова, эти приказные люди хвалились, что у нихъ вся Москва „въ рукѣ,"— и довели Москву до открытаго бунта. Морозовъ едва уцѣлѣлъ, остальные насильники погибли. За Москвою толпа и въ другихъ городахъ произвела безпорядки. Предъ царемъ Алексѣемъ стала задача—найти средство умиротворить общество и примирить его съ правительственною средою, съ которою оно разошлось. Трудно сказать, по чьей мысли было указано хорошее средство, состоявшее въ томъ, чтобы собрать, привести въ порядокъ и пересмотрѣть дѣйствовавшіе тогда законы.

Не распространяясь объ этомъ сложномъ сюжетѣ, можно опредѣлить значеніе намѣченнаго предпріятія такъ. Страна не имѣла тогда не только печатнаго текста законовъ, но и рукописнаго ихъ сборника. Сборникъ XVI вѣка, такъ называемый Судебникъ, устарѣлъ. Дополненія къ нему записывались по вѣдомствамъ („указныя книги" приказовъ) не въ системѣ, а въ хронологическомъ порядкѣ, и составляли достояніе однѣхъ канцелярій. Пробѣлы въ законахъ пополнялись не всегда правильнымъ порядкомъ, чрезъ указъ государевъ, а произвольнымъ примѣненіемъ подходящихъ статей Литовскаго статута, Кормчей или же приказнаго обычая. Эти источники права, можетъ быть, и доброкачественные, были такъ же невѣдомы населенію, какъ и указъ государевъ, сказанный въ думѣ и записанный для себя дьякомъ. Поэтому была настоятельная нужда дать законъ въ руки населенію, составивъ кодексъ и публиковавъ его посредствомъ печати. Но одною кодификаціей дѣйствовавшаго права нельзя было тогда обойтись. Недовольное своей обстановкою, общество въ челобитіяхъ просило улучшеній своего быта. Именно средніе классы населенія, на которыхъ тогда покоился государственный порядокъ, съ особенною настоятельностью указывали на желательныя имъ перемѣны. Служилый людъ желалъ равномѣрнаго распредѣленія служебныхъ тяготъ и укрѣпленія своего имущественнаго положенія. Онъ жаловался на духовенство и знать, которыя отбирали у рядовыхъ служилыхъ людей ихъ земли и крестьянъ; онъ жаловался на администрацію, вносившую своимъ произволомъ безпорядокъ въ отправленіе службъ дворянами; онъ жаловался, наконецъ, на крестьянъ, не сидѣвшихъ на мѣстахъ и подрывавшихъ своимъ уходомъ помѣщичье хозяйство. Сокращеніе землевладѣльческихъ правъ духовенства и его исключительной подсудности; обузданіе произвола „сильныхъ" людей, льготныхъ землевладѣльцевъ бояръ и безконтрольной администраціи, наконецъ, прикрѣпленіе крестьянъ,—вотъ къ чему стремился служилый людъ. Тяглые черные люди, свободные обыватели посадовъ, желали того же въ своемъ быту, чего желали дворяне въ своемъ: равномѣрнаго распредѣленія платежей и повинностей и укрѣпленія имущественнаго положенія. Они жаловались на духовенство и знать, которые вторгались съ своими торгово-промышленными операціями въ посады и увлекали къ себѣ изъ тягла городскихъ людей и земли; они жаловались на администрацію, угнетавшую своимъ произволомъ общину; они жаловались, наконецъ, на свою же братью, недобросовѣстныхъ или малодушныхъ тяглецовъ, не сидѣвшихъ на своихъ тяглыхъ участкахъ и подрывавшихъ незаконнымъ уходомъ общинное хозяйство. Сокращеніе судебныхъ льготъ духовенства и земельныхъ захватовъ на посадахъ духовенства и знати, обузданіе произвола и злоупотребленій „сильныхъ людей", наконецъ, прикрѣпленіе тяглыхъ людей къ посадамъ и недопущеніе на посады крестьянъ и вообще постороннихъ тяглой общинѣ элементовъ,—вотъ къ чему стремились тяглые люди. Къ этимъ пожеланіямъ торговый классъ присоединялъ еще одно—уничтоженіе на русскихъ рынкахъ торговой конкурренціи иноземныхъ купцовъ. Полное соотвѣтствіе стремленій служилыхъ людей и тяглыхъ придавало имъ особую силу и заставляло серьезно подумать о созданіи въ законѣ такихъ

нормъ, которыя могли бы на дѣлѣ обезпечить интересы средняго московскаго люда. Не трудно замѣтить, что эти новыя нормы, удовлетворяя общественную середину, должны были неизбѣжно направиться противъ общественныхъ вершинъ (духовенства и знати) и противъ общественныхъ низовъ (крестьянства и частновладѣльческихъ людей, боярскихъ и иныхъ „закладчиковъ").

Такимъ образомъ правительству царя Алексѣя Михайловича предстояла не только кодификація, но и реформа. Ходъ ея былъ опредѣленъ такъ: 16-го іюля 1648 года государь съ освященнымъ соборомъ и думными людьми рѣшилъ вопросъ о кодексѣ: боярину князю Н. И. Одоевскому съ четырьмя помощниками было поручено собрать старый законодательный матеріалъ, тѣ „статьи", которыя „пристойны къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ", то-есть, еще не утратили практической приложимости. Обнаруженные же въ старомъ законѣ пробѣлы предположено было пополнить „общимъ совѣтомъ", съ помощью земскаго собора, составъ котораго былъ тщательно обдуманъ. На соборъ къ 1 сентября 1648 года призывались выборные люди: отъ придворныхъ и столичныхъ служилыхъ людей „изъ чину по два человѣка"; дворянъ отъ большихъ городовъ по два человѣка, отъ меньшихъ городовъ и отъ Новгородскихъ пятинъ по одному человѣку; гостей три человѣка; отъ гостиной и суконной сотенъ по два человѣка; отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ и отъ провинціальныхъ посадовъ по одному человѣку. Въ такомъ видѣ составъ земскаго собора нѣсколько отличался отъ соборовъ болѣе раннихъ. Раньше придворные и столичные чины являлись на соборы въ большомъ числѣ и, повидимому, не по выбору. Въ 1642 г. впервые мы видимъ указаніе, что эта среда приглашалась выбрать своихъ представителей наравнѣ съ низшими служилыми чинами; но желательное количество выборныхъ изъ этихъ „большихъ статей" указано было тогда значительно большее, чѣмъ отъ прочихъ. На соборѣ 1642 года и было выборныхъ отъ стольниковъ 10, отъ жильцовъ 12, отъ московскихъ дворянъ 22; провинціальные же дворяне выбрали всего по 3—4 человѣка отъ города. Въ 1648 г. было рѣшено уравнять московскіе чины съ провинціальными дворянами въ отношеніи количества представителей, чѣмъ достигался, конечно, полный перевѣсъ провинцій надъ Москвою и рядового дворянства надъ высшими служилыми чинами. Въ то же время провинціальные посады, не всегда представляемые на соборахъ, призывались всѣ къ участію въ „общемъ совѣтѣ", что также усиливало провинцію на соборѣ. Краснорѣчивы цифры, установленныя изслѣдователями: на 6 московскихъ выборныхъ дворянъ на соборѣ 1648 года было болѣе 150 провинціальныхъ и на 15 московскихъ гостей и тяглыхъ людей было не менѣе 80 посадскихъ изъ городовъ. Такое большое число мѣстныхъ представителей получилось потому, что къ представительству было приглашено и приглашеніемъ воспользовалось очень много городовъ и уѣздовъ: число представленныхъ городовъ на соборѣ 1648 года доходитъ до 120, если не болѣе.

Итакъ, подготовительная работа собиранія законодательныхъ матеріаловъ была въ 1648 г. возложена на „приказъ" князя Н. И. Одоевскаго и велась канцелярскимъ порядкомъ; обсужденіе же новыхъ „статей" будущаго кодекса предоставлено было „общему совѣту", который созывался на 1 сентября 1648 года въ Москву. Приблизительно съ 1 сентября и началась дѣятельность земскаго собора. Соборъ былъ раздѣленъ на двѣ палаты. Одну составляли дума и освященный соборъ, съ которыми царь и патріархъ „слушали" законопроектъ Одоевскаго. Другую составляли всѣ выборные люди, сидѣвшіе въ Отвѣтной палатѣ дворца подъ предсѣдательствомъ князя Ю. А. Долгорукаго. При чтеніи сдѣланнаго Одоевскимъ „собранія" выборные люди возбуждали вопросы о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіи дѣйствующаго закона и заявляли о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Заявленія выборныхъ, въ формѣ челобитій „всѣхъ выборныхъ людей отъ всея земли", восходили въ верхнюю палату, къ государю, а тамъ обыкновенно получали санкцію, послѣ чего и обращались въ новыя „статьи" закона, находившія себѣ мѣсто въ кодексѣ. Эти новыя статьи, ранѣе обнародованія ихъ въ составѣ законодательнаго сборника, публиковались въ видѣ особыхъ государевыхъ указовъ и обращались къ немедленному исполненію, такъ что земщина могла по нимъ слѣдить за ходомъ и направленіемъ законодательныхъ работъ. Къ 29 января 1649 года дѣло было окончено и „Уложенная книга" была готова. Она получила названіе „Соборнаго уложенія", потому что была совершена соборомъ и скрѣплена подписями соборныхъ людей.

Нетрудно, конечно, догадаться, о чемъ просили выборные люди въ своихъ соборныхъ челобитныхъ. Мы видѣли, что главнымъ ихъ желаніемъ было упорядоченіе ихъ служебъ, повинностей и платежей и укрѣпленіе ихъ имущественнаго положенія. Стремясь къ этому, они били челомъ: объ уничтоженіи исключительной подсудности духовенства; о воспрещеніи духовенству пріобрѣтать служилыя вотчины и объ отобраніи въ казну вотчинъ, пріобрѣтенныхъ имъ съ 1584 года; о воспрещеніи духовенству и боярству (вообще льготнымъ землевладѣльцамъ) принимать въ закладъ тяглые участки въ городахъ и брать за себя тяглыхъ людей (закладчиковъ); о воспрещеніи духовенству и боярамъ селить на посадскихъ „выгонныхъ" земляхъ своихъ людей и ставить для нихъ подгородныя слободы; о прикрѣпленіи къ тяглымъ участкамъ посадскихъ людей и о запрещеніи

имъ выхода изъ посадовъ въ другія сословныя группы; объ уничтоженіи срока давности для исковъ; о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, иначе говоря, о полномъ прикрѣпленіи крестьянъ, и наконецъ, объ уничтоженіи даннаго при царѣ Михаилѣ иноземнымъ купцамъ права льготнаго торга на внутреннихъ рынкахъ государства. Большая часть этихъ ходатайствъ имѣла значеніе для одного какого-либо сословія: для служилыхъ людей, или для тяглыхъ, или для торговыхъ; но обыкновенно „вся земля" поддерживала односословное ходатайство, и челобитье являлось отъ имени всѣхъ сословій. Между соборными представителями различныхъ сословныхъ группъ существовалъ очевидный союзъ, направленный противъ землевладѣльческихъ и судебныхъ льготъ высшихъ общественныхъ слоевъ и противъ остатковъ былой бродячей вольности низшаго тяглаго люда. Общественная середина, составлявшая на соборѣ подавляющее большинство, „за себя стала" и своими челобитьями искала возможности провести въ законъ такія „статьи", которыя бы дѣйствительно охраняли до тѣхъ поръ попираемый ея сословный интересъ. За исключеніемъ одного пункта (отобраніе земель, пріобрѣтенныхъ духовенствомъ въ 1584—1648 гг.), всѣ остальныя челобитья были удовлетворены государемъ и обратились въ статьи Уложенія. Такихъ новыхъ статей на 1000 приблизительно статей Уложенія насчитывается около 80; это можетъ до нѣкоторой степени дать понятіе о напряженности законодательной энергіи соборныхъ людей.

Такова была побѣда среднихъ классовъ на соборѣ 1648 года. Отъ новаго закона они выигрывали, а проигрывали ихъ житейскіе соперники, стоявшіе наверху и внизу тогдашней соціальной лѣстницы. Какъ въ 1612—1613 г. средніе слои общества возобладали благодаря своей внутренней солидарности и превосходству силъ, такъ и въ 1648 г. они достигли успѣха, благодаря единству настроенія и дѣйствія и численному преобладанію на соборѣ. И всѣ участники „великаго земскаго дѣла", какимъ было составленіе Уложенія, понимали важность минуты. Однихъ она радовала: тѣ, въ чью пользу совершалась реформа, находили, что наступаетъ торжество справедливости: „Нынѣча Государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ", писалъ одинъ дворянинъ другому: „и ты, государь, насильства не заводи, чтобы міръ не провѣдалъ!" Нѣкоторые даже находили, что слѣдуетъ итти далѣе по намѣченному пути перемѣнъ. Такъ, курскіе служилые люди были недовольны своимъ выборнымъ на соборѣ Малышевымъ и „шумѣли" на него, по одному выраженію, за то, что „у государева у Соборнаго уложенья по челобитью земскихъ людей не противъ всѣхъ статей государевъ указъ учиненъ", а по другому выраженію, за то, что „онъ на Москвѣ розныхъ ихъ прихотей въ Уложеньѣ не исполнилъ". Но если одни хотѣли еще больше, чѣмъ получили, то другимъ и то, что было сдѣлано, казалось дурнымъ и зловѣщимъ. Закладчики, взятые изъ льготной частной зависимости въ тяжелое государево тягло, мрачно говорили, что „ходить намъ по колѣно въ крови". По ихъ мнѣнію, общество переживало прямую смуту („міръ весь качается"), и обездоленной Уложеніемъ массѣ можно было покуситься на открытое насиліе противъ угнетателей, потому что этой массы будто бы всѣ боялись. Не одно простонародье думало такимъ образомъ. Патріархъ Никонъ подвергалъ рѣзкой критикѣ Уложеніе, называя его „проклятою" и беззаконною книгою. По его взгляду, оно составлено „человѣкомъ прегордымъ", княземъ Одоевскимъ несоотвѣтственно царскому указанію и передано земскому собору изъ боязни предъ мятежнымъ „міромъ". Онъ писалъ: „и то всѣмъ вѣдомо, что зборъ (т. е. соборъ) былъ не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради". Разумѣется, Никона волновали иныя чувства, чѣмъ боярскихъ закладчиковъ. Въ большой запискѣ онъ доказывалъ, что первоначальныя намѣренія государя заключались въ томъ, чтобы просто собрать старые законы „ни въ чемъ же отмѣнно" и преподать ихъ свѣтскому обществу, а не патріарху и не церковнымъ людямъ. Обманомъ же „ложнаго законодавца" Одоевскаго и междоусобіемъ отъ всѣхъ черныхъ людей вышелъ „указъ тотъ же патріарху со стрѣльцомъ и съ мужикомъ" и были допущены вопіющія нарушенія имущественныхъ и судебныхъ льготъ духовенства въ новыхъ законахъ, испрошенныхъ земскими людьми. Поэтому Никонъ не признавалъ законности Уложенія и не разъ просилъ государя Уложеніе „отставить", т. е. отмѣнить. Таково было отношеніе къ собору и его Уложенной книгѣ у сам го яркаго представителя тогдашней іерархіи. Можемъ быть увѣрены, что ему сочувствовали и прочіе: реформа Уложенія колебала самый принципъ независимости и особности церковнаго строя и подчиняла церковныя лица и владѣнія общегосударственному суду; мало того, она больно затрогивала хозяйственные интересы церковныхъ землевладѣльцевъ. Сочувствія къ ней въ духовенствѣ быть не могло, какъ не могло быть и сочувствія къ самому земскому собору, который провелъ реформу. Боярство также не имѣло основаній одобрять соборную практику 1648 года. Къ серединѣ XVI столѣтія изъ развѣянныхъ Смутою остатковъ стараго боярства, какъ княжескаго происхожденія, такъ и съ болѣе простымъ „отечествомъ", успѣла сложиться новая аристократія придворно-бюрократическаго характера. Не питая никакихъ политическихъ притязаній, это боярство приняло „приказный" характеръ, обратилось въ чиновничество и, какъ мы видѣли, повело управленіе мимо соборовъ. Хотя новые бояре и ихъ помощники, дьяки, сами происходили изъ рядо-

вого дворянства, а иногда и ниже, тѣмъ не менѣе у нихъ былъ свой гоноръ и большое стремленіе наслѣдовать не только земли стараго боярства, но и землевладѣльческія льготы стараго типа, когда-то характеризовавшія собою удѣльно-княжескія владѣнія. Обработанные И. Е. Забѣлинымъ документы вотчинъ знаменитаго Б. И. Морозова [1]) вводятъ насъ въ точное разумѣніе тѣхъ чисто государственныхъ пріемовъ управленія, какіе существовали во „дворѣ“ и въ „приказахъ“ Морозова. Вотъ эта-то широта хозяйственнаго размаха, поддерживаемая льготами и фактическою безотвѣтственностью во всемъ, и послужила предметомъ жалобъ со стороны мелкопомѣстнаго служилаго люда и горожанъ. Уложеніе проводило начало общаго равенства предъ закономъ и властью („чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меншаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна“) и этимъ становилось противъ московскаго боярства и дьячества за мелкую сошку провинціальныхъ міровъ. Притязанія этой сошки охранить себя посредствомъ соборныхъ челобитій отъ обидъ насильниковъ московская администрація свысока называла „шумомъ“ и „разными прихотьми“, а шумѣвшихъ—„озорниками“. Тенденція Уложенія и челобитья соборныхъ людей никакъ не могли нравиться московской боярской и дьяческой бюрократіи.

Такъ, съ ясностью обнаруживается, что, созванный для умиренія страны, соборъ 1648 г. повелъ къ разладу и неудовольствіямъ въ московскомъ обществѣ. Достигшіе своей цѣли, соборные представители провинціальнаго общества возстановили противъ себя сильныхъ людей и крѣпостную массу. Если послѣдняя, не мирясь съ прикрѣпленіемъ къ тяглу и къ помѣщику, стала протестовать „гилемъ“ (т. е. безпорядками) и выходомъ на Донъ, подготовляя тамъ Разиновщину,—то общественная вершина избрала легальный путь дѣйствій и привела правительство къ полному прекращенію земскихъ соборовъ.

XI.

Земскій соборъ 1648 года былъ самымъ полнымъ, самымъ дѣятельнымъ и самымъ вліятельнымъ изъ соборовъ при новой династіи. Почетно поставленные и обезпеченные казною на все время работъ въ Москвѣ, выборные люди привлекались иногда въ ряды московской администраціи не только для отдѣльныхъ порученій, но и на должности по мѣстному и центральному управленію. Имъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ почетомъ, оказывалось и довѣріе. Но въ то же время въ обстоятельствахъ собора 1648 года крылись уже причины быстрой развязки, конца соборовъ. Конецъ этотъ пришелъ такъ неожиданно, что позднѣйшему наблюдателю онъ можетъ показаться какъ бы переворотомъ въ правительственной системѣ.

Послѣ собора объ Уложеніи въ Москвѣ были еще соборы въ 1650, 1651 и 1653 годахъ. Первый изъ нихъ занимался вопросомъ объ умиротвореніи Пскова, гдѣ тогда шло очень острое броженіе. Два послѣднихъ были посвящены вопросу о присоединеніи Малороссіи. Послѣднее засѣданіе собора 1653 года происходило 1 октября,—и болѣе соборы въ Москвѣ не созывались. Можно думать, что отъ нихъ московское правительство отказалось сознательно. Послѣ 1653 года, въ тѣхъ случаяхъ, когда признавалось необходимымъ обратиться къ мнѣніямъ свѣдущихъ людей, въ Москвѣ созывали на совѣтъ уже не „всѣхъ чиновъ выборныхъ людей“, а представителей только того сословія, которое было всего ближе къ данному дѣлу. Такъ, въ 1660, 1662—1663 годахъ шли совѣщанія бояръ съ гостями и тяглыми людьми г. Москвы по поводу денежнаго и экономическаго кризиса. Въ 1672 году въ Посольскомъ приказѣ высшее московское купечество было привлечено къ обсужденію армянскаго торга шелкомъ; въ 1676 году тотъ же вопросъ былъ предложенъ гостямъ въ Отвѣтной палатѣ. Въ 1681—1682 годахъ въ Москвѣ были двѣ односословныя комиссіи: одна, служилая, занималась вопросами военной организаціи; другая, тяглая,—вопросами податного обложенія; обѣ были подъ руководствомъ одного предсѣдателя, князя В. В. Голицына, но ни разу не соединились въ одну палату выборныхъ. Только однажды члены служилой комиссіи вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ и думою составили общее засѣданіе для торжественной отмѣны мѣстничества; но это, конечно, не былъ земскій соборъ въ томъ смыслѣ, какъ мы условились понимать этотъ терминъ. Прибѣгая къ совѣту съ экспертами въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ требовались спеціальныя свѣдѣнія, московская власть въ общихъ дѣлахъ, хотя бы и большой государственной важности, довольствовалась „соборомъ“ властей и бояръ. Такъ, въ 1673 и 1679 годахъ экстренные денежные сборы въ виду войны съ турками были назначены приговорами освященнаго собора и думы. Ранѣе же такіе сборы назначались неизмѣнно земскими соборами. Словомъ, послѣ 1653 г. московское правительство систематически стало замѣнять соборы другими видами совѣщаній, на которые ему указывала традиція. Мы видѣли, что и комиссіи свѣдущихъ людей при боярской думѣ и „соборы“ властей и бояръ существовали еще до Смутнаго времени и были освящены еще большею давностью, чѣмъ выборные „совѣты всея земли“. Признавъ послѣдніе нежелательными, легко обратились къ первымъ, видя въ нихъ не меньше смысла, но больше удобствъ и безопасности.

Однако, земскіе люди, замѣтивъ перемѣну въ отношеніи власти къ земскимъ соборамъ, не

[1]) *И. Е. Забѣлинъ.* „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“ („Вѣстникъ Европы“ 1871 г.).

скрыли при случаѣ, что съ своей стороны они дорожатъ опальнымъ учрежденіемъ. Когда въ 1662 году, въ смутную пору тяжелаго денежнаго кризиса, московское правительство неоднократно звало на совѣтъ московскихъ гостей, людей гостиной и суконной сотенъ и черныхъ сотенъ и слободъ, то всѣ эти люди въ числѣ мѣръ къ пресѣченію кризиса предлагали созвать соборъ. „То дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ“, говорили гости и торговые люди: „и о томъ у великаго государя милости прсимъ, чтобы пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по 5 человѣкъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно“. Черные люди просили того же: „О томъ великаго государя милости просимъ, чтобы великій государь указалъ взять изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ лучшихъ людей; а безъ городовыхъ людей о мѣдныхъ деньгахъ сказать не умѣть, потому что то дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей“. Но судьба соборовъ была уже рѣшена, и великій государь соборовъ болѣе не созывалъ.

Послѣ сказаннаго нами нѣтъ надобности много говорить о причинахъ прекращенія соборовъ. Служа въ XVII вѣкѣ политическимъ органомъ среднихъ классовъ московскаго общества, соборы были сначала въ тѣсномъ единеніи съ монархомъ, который въ моментъ избранія своего самъ былъ излюбленнымъ вождемъ тѣхъ же среднихъ классовъ. Дружное соправительство двухъ родственныхъ политическихъ авторитетовъ, царя и собора, продолжалось до того времени, пока верховная власть не эмансипировалась отъ сословныхъ вліяній и пока вокругъ нея не сложилась придворно-аристократическая бюрократія. При первыхъ же признакахъ разлада между земскимъ представительствомъ и „сильными людьми“, между нижнею и верхнею палатами земскаго собора 1648 года, правительственная среда перестаетъ пользоваться помощью собора и прибѣгаетъ къ другимъ видамъ совѣщаній, существовавшимъ издавна въ московскомъ обиходѣ. Земскому собору перестаютъ довѣрять, потому что связываютъ его дѣятельность съ тѣмъ „въ міру великимъ смятеніемъ“, которое колебало государство въ 1648—1650 годахъ. Власть ищетъ дальнѣйшей опоры уже не въ соборахъ, а въ собственныхъ исполнительныхъ органахъ: начинается бюрократизація управленія, торжествуетъ „приказное“ начало, которому Петръ Великій далъ такое полное выраженіе въ своихъ учрежденіяхъ.

Такова была внутренняя причина паденія соборовъ. Не сомнѣваемся, что главнымъ виновникомъ перемѣны правительственнаго взгляда на соборы былъ патріархъ Никонъ. Присутствуя на соборѣ 1648 года въ санѣ архимандрита, онъ самъ видѣлъ знаменитый соборъ; много позднѣе онъ выразилъ свое отрицательное къ нему отношеніе въ очень рѣзкой запискѣ. Во второй половинѣ 1652 года сталъ Никонъ патріархомъ. Въ это время малороссійскій вопросъ былъ уже переданъ на сужденіе соборовъ. Когда же въ 1653 году соборъ покончилъ съ этимъ вопросомъ, новыя дѣла уже соборамъ не передавались. Временщикъ и іерархъ въ одно и тоже время, Никонъ не только пасъ церковь, но вѣдалъ и все государство. При его-то власти пришелъ конецъ земскимъ соборамъ.

Очеркъ исторіи земскихъ соборовъ показываетъ намъ, что вопреки старымъ утвержденіямъ, будто бы соборы не пережили своей зачаточной формы, можно наблюдать въ жизни этого учрежденія извѣстное движеніе, ростъ и совершенствованіе. Въ первое время нашего знакомства съ соборами, въ 1566 году, соборъ является предъ нами какъ бы чрезвычайнымъ засѣданіемъ боярской думы, въ которое приглашены свѣдущіе люди, выбранные самимъ правительствомъ изъ лицъ, находившихся въ ту минуту въ столицѣ и принадлежавшихъ къ верхамъ двухъ основныхъ сословій страны, служилаго и тяглаго. Представительства, въ нашемъ обычномъ пониманіи этого слова, еще не существуетъ; его замѣняетъ правительственное приглашеніе. Провинціальное общество, если не считать дворянъ изъ Торопца и В. Лукъ, вовсе не представлено прямыми представителями. Изслѣдователямъ приходится пускать въ ходъ все свое остроуміе для того, чтобы объяснить, почему подобнаго рода собраніе могло почитаться въ XVI вѣкѣ за совѣтъ всея земли. Прошло столѣтіе и на своемъ закатѣ земскій соборъ предстаетъ предъ нами совсѣмъ въ иной формѣ. Въ составѣ собора 1648 года столица побѣждена провинціей и общественные верхи побѣждены общественною серединою. Прежде составъ собора опредѣлялся приглашеніемъ правительства, имѣвшимъ въ виду лишь столичныхъ обывателей, постоянныхъ и временныхъ. Позднѣе мы видимъ, что дворянскія уѣздныя общества и тяглыя городскія общины путемъ правильныхъ выборовъ посылаютъ на соборъ своихъ выборныхъ уполномоченныхъ; и городъ Москва наряду съ провинціей посылаетъ отъ себя тѣмъ же порядкомъ избранныхъ въ его сословныхъ организаціяхъ представителей. Раньше на соборахъ бывали сотни москвичей и десятки „городовыхъ“ людей; въ 1648 году мы видимъ на соборѣ сотни городовыхъ людей и десятки москвичей. Начало выборнаго представительства, выработанное въ буряхъ Смутнаго времени, привело къ тому, что соборы стали отражать въ себѣ, вмѣсто одной столицы, все государство. Съ нашей точки зрѣнія, устройство представительства было въ 1648 году мало совершенно;

сравнительно же съ XVI вѣкомъ оно сдѣлало громадные успѣхи. Оно превратило земскіе соборы изъ вспомогательнаго правительственнаго совѣщанія въ политическій органъ среднихъ классовъ московскаго общества. Собственно говоря, одно учрежденіе какъ бы смѣнилось другимъ, хотя оба они и носили одно и то же имя „совѣта всея земли."

Въ томъ и въ другомъ своемъ видѣ, то-есть, и тогда, когда соборъ былъ правительственною комиссіей свѣдущихъ людей, и тогда, когда соборъ сталъ собраніемъ земскихъ уполномоченныхъ,—онъ игралъ роль по преимуществу совѣщательную. Руководство московскою правительственною практикою сосредоточивалось въ боярской думѣ. Одинаково при государяхъ и въ безгосударное время дума стояла во главѣ текущаго управленія; совѣтъ же всея земли былъ совѣщаніемъ экстреннаго порядка, въ которое обращались только дѣла чрезвычайной важности. Изъ своей пассивной роли совѣтника соборъ выходилъ лишь въ исключительныя минуты государственной жизни, когда ему усваивалась, можно сказать, верховная власть. Мы видѣли, что въ эпохи междуцарствія она принадлежала ему нераздѣльно; при новой династіи въ важнѣйшіе моменты ея дѣятельности (мѣропріятія 1619 года, Соборное уложеніе, присоединеніе Малороссіи и т. п.) сами государи сливали свой авторитетъ съ авторитетомъ „вс. я земли". Но проходилъ исключительный моментъ, наступало затишье, — и соборы опять входили въ свою обычную роль совѣтника, ожидающаго призыва со стороны власти. Мы видѣли, чѣмъ объяснялась эта пассивность земскихъ соборовъ въ пору ихъ наибольшаго процвѣтанія и значенія. Соборы были органомъ тѣхъ же среднихъ общественныхъ классовъ, представительницею и выразительницею которыхъ была сама новая династія. Въ общей „разрухѣ" царь и соборъ представляли одну политическую сторону, были одною политическою силою, имѣли однихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Это были не противники, готовые спорить между собою за власть, а союзники, готовые дружно защищать общее добро. Не ревнивый контроль, а спокойное довѣріе характеризовало ихъ взаимныя отношенія, и не желаніе верховодить, а стремленіе „заложиться" другъ за друга господствовало въ нихъ. Таковъ былъ историческій моментъ, длившійся, прибавимъ, недолго. Въ серединѣ XVII вѣка жизнь стала разводить друзей. Власть постепенно освождалась отъ вліянія среднихъ слоевъ населенія, бывшихъ ранѣе ея поддержкою. Она видѣла въ себѣ руководительницу всего замиреннаго послѣ Смуты московскаго общества, представительницу всего государства. Задачи ея естественно становились болѣе широкими и шли далѣе односторонней защиты интересовъ того или иного сословія. А соборы продолжали быть органомъ общественной середины и выразителями интересовъ именно среднихъ классовъ. Съ другой стороны, вокругъ государя постепенно образовалась „приказная", бюрократическая среда, своего рода „средостѣніе" между властью и обществомъ. Раздражаемая злоупотребленіями приказныхъ людей, земщина стала мѣнять тонъ на соборахъ; въ 1648—1649 гг. она явно стала противъ „сильныхъ людей", и въ борьбѣ съ ними инстинктивно потянулась къ тому, что называется законодательною инициативой. Пассивный прежде совѣтникъ теперь становился неудобнымъ для приказно-бюрократическихъ круговъ и потому былъ очень скоро устраненъ. Стало быть, какъ въ отношеніи состава, такъ и въ отношеніи политической роли, исторія соборовъ представляетъ картину быстрыхъ перемѣнъ. Будучи собраніемъ чиновниковъ (правительственныхъ агентовъ, какъ выражается В. О. Ключевскій) въ началѣ своей дѣятельности, соборъ затѣмъ является собраніемъ земцевъ правительственной партіи, а въ концѣ показываетъ возможность обратиться и въ оппозиціонную организацію.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ ни быстро мѣнялась физіономія изучаемаго нами учрежденія, оно во всѣхъ фазахъ своихъ признавалось всѣми цѣннымъ и полезнымъ участникомъ московской государственной работы. Мы видѣли, какъ часто и охотно прибѣгала власть къ созыву соборовъ и какъ высоко ставился „совѣтъ всея земли" всѣми временными правительствами Смутной эпохи. Соборы давали возможность власти точно узнать мнѣніе и настроеніе общества и достичь увѣренности, что принятое на соборѣ рѣшеніе будетъ принято и исполнено всѣмъ обществомъ. Для земщины соборъ былъ средствомъ довести до власти свои жалобы, нужды и желанія, „разсказать про неправды и разоренія", достичь справедливости и порядка въ своей жизни. На соборъ населеніе смотрѣло, какъ на лучшій свой органъ, безъ котораго нельзя было рѣшать важныхъ дѣлъ, „великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно", какъ выражались наши предки. Какъ средство общенія власти съ управляемымъ обществомъ, соборы сослужили Москвѣ большую службу. Московскій государственный порядокъ, изъ котораго ведетъ свое начало новая Россія, былъ созданъ и укрѣпленъ, послѣ ужасающей смуты начала XVII вѣка, болѣе всего авторитетомъ земскаго собора.

Таково значеніе и заслуги московскаго „совѣта всея земли". Отвѣчая потребностямъ и условіямъ своей эпохи, этотъ совѣтъ былъ движущимъ началомъ московской исторіи. Для насъ, съ нашими злобами дня, онъ только любопытный архаизмъ. Оживить его ветхія формы невозможно, какъ невозможно возстановить сословную жизнь Московской Руси. Но изучать старый „совѣтъ всея земли" намъ очень полезно: для разрѣшенія вѣковой проблемы объ идеальномъ отношеніи власти и народа онъ

даетъ наблюдателю цѣнный и свѣтлый матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, что наши предки умѣли находить отвѣчавшія потребностямъ ихъ времени формы „общаго совѣта" и совершенствовать ихъ сообразно съ успѣхами своей общественности.

Проф. С. Платоновъ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

III.

Для сужденія о недостаткахъ существующаго устройства крестьянскаго управленія имѣются весьма полныя и разнообразныя свѣдѣнія, собиравшіяся въ разное время и по разнымъ поводамъ.

Останавливаясь прежде всего на устройствѣ и дѣятельности сельскихъ обществъ, этихъ низшихъ и первичныхъ ячеекъ всего крестьянскаго устройства, нельзя обойти вниманіемъ одного чисто внѣшняго ихъ недостатка, на который неоднократно и въ разное время указывали дѣятели мѣстныхъ учрежденій. Этотъ недостатокъ заключается въ крайне неравномѣрномъ распредѣленіи крестьянъ по сельскимъ обществамъ. Средней величиной сельскаго общества, по 46 губерніямъ Европейской Россіи, является составъ общества около 300 наличныхъ душъ мужского пола. По отдѣльнымъ губерніямъ эта средняя величина, однако, колеблется отъ 111 душъ (въ Новгородской губерніи) до 1.100 душъ (въ Астраханской губерніи). Еще значительнѣе колебанія численнаго состава отдѣльныхъ обществъ. Наряду съ обществами въ 5—6 дворовъ встрѣчаются общества изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ. Какъ слишкомъ мелкія, такъ и слишкомъ крупныя общества одинаково неудобны. Въ мелкихъ обществахъ нехватаетъ средствъ на содержаніе сельскаго управленія, не изъ кого выбирать должностныхъ лицъ, въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ не можетъ быть безпристрастія и т. д. Въ крупныхъ обществахъ другія неудобства: почти невозможно собраніе сходовъ, иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ; на такихъ сходахъ, когда удается ихъ собрать, очень много времени уходитъ на повѣрку явившихся; обсужденіе дѣлъ во многолюдной толпѣ идетъ безпорядочно, и дѣла рѣшаются большею частію случайно, подъ вліяніемъ горлановъ; далѣе, дѣятельность должностныхъ лицъ во многолюдныхъ обществахъ чрезмѣрно усложняется и, вслѣдствіе отсутствія общественнаго надзора, въ общественныхъ дѣлахъ часто бываютъ злоупотребленія.

Указанные недостатки сельско-общественной жизни, зависящіе отъ неравномѣрнаго распредѣленія крестьянъ по обществамъ, однако, легко поправимы. Мелкія общества могутъ быть соединяемы, на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ, въ болѣе крупные союзы. Что касается чрезмѣрно большихъ обществъ, то, съ одной стороны, нельзя отрицать возможности раздѣленія такихъ обществъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они состоятъ каждое изъ нѣсколькихъ селеній, а съ другой стороны — неправильная дѣятельность сельскихъ сходовъ во многолюдныхъ обществахъ можетъ быть улучшена, даже безъ раздѣла обществъ, а путемъ установленія въ такихъ обществахъ, вмѣсто полныхъ сходовъ домохозяевъ,—выборныхъ сходовъ (подобно волостнымъ сходамъ). Такіе выборные сходы уже имѣются въ настоящее время въ сельскихъ обществахъ поселянъ - собственниковъ (бывшихъ колонистовъ), подъ названіемъ „малыхъ сходовъ".

Гораздо важнѣе недостатки не количественнаго, а качественнаго состава сельскихъ обществъ.

Для того, чтобы извѣстный общественный союзъ могъ правильно разрѣшать отнесенныя къ его вѣдѣнію дѣла и вообще успѣшно завѣдывать этими дѣлами, необходимо, чтобы дѣла эти были близки членамъ союза, т. е. чтобы самый союзъ состоялъ изъ лицъ, которыхъ прямо касаются союзныя дѣла.

Руководясь этимъ общимъ и необходимымъ требованіемъ правильнаго устройства общественныхъ союзовъ, составители Положеній 1861 г., которыхъ прежде всего озабочивало завѣдываніе взаимными отношеніями между крестьянами и помѣщиками, установили соединеніе въ сельскія общества крестьянъ каждаго помѣщика въ отдѣльности. Такой пріемъ былъ совершенно понятенъ и неизбѣженъ, потому что только крестьяне одного помѣщика (совершенно независимо отъ того, жили ли они въ разныхъ деревняхъ, или въ одной деревнѣ съ крестьянами другихъ помѣщиковъ) имѣли общность указанныхъ выше отношеній. Временнообязательныя отношенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ уже давно прекратились. Какія же другія отношенія, дѣла и потребности составляютъ теперь содержаніе сельско-общественной жизни? Только отвѣтивъ предварительно на этотъ вопросъ, можно затѣмъ рѣшить, насколько составъ существующихъ сельскихъ обществъ отвѣчаетъ условіямъ правильнаго завѣдыванія указанными отношеніями и дѣлами, насколько эти дѣла и отношенія близки составу сельскихъ обществъ.

Въ кругѣ тѣхъ разнообразныхъ и сложныхъ отношеній, которыя наполняютъ въ настоящее время крестьянскую общественную жизнь, можно различить два крупные разряда совершенно особыхъ по качеству отношеній: 1) отношенія земельно-хозяйственныя и 2) отношенія къ общественному благоустройству и порядку. Наличность у крестьянъ общественно-земельныхъ отношеній объясняется тѣмъ, что крестьяне по-

лучили надѣлы въ общественное пользованіе по общимъ, а не особымъ для каждаго крестьянина актамъ отвода и укрѣпленія (уставныя грамоты, выкупные акты, владѣнныя записи и т. п.). Съ другой стороны, наличность въ крестьянской средѣ взаимныхъ, т. е. общественныхъ отношеній по дѣламъ благоустройства и порядка, вытекаетъ изъ того обстоятельства, что крестьяне разселились не на отдѣльныхъ островахъ среди „моря-окіяна", а поселились сосѣдями, въ селахъ и деревняхъ. Эти два разряда отношеній (земельныя и сосѣдскія) и составляютъ отношенія, изъ которыхъ складывается сельская общественная жизнь.

Посмотримъ далѣе, какими именно общественными союзами крестьянъ должны вѣдаться указанныя выше общественныя ихъ отношенія. Очевидно, что земельными отношеніями можетъ вѣдать только совокупность крестьянъ, имѣющихъ общее землепользованіе. Съ другой стороны, сосѣдскія отношенія благоустройства и порядка могутъ сосредоточиваться только въ завѣдываніи дѣйствительныхъ сосѣдей, т. е. крестьянъ, проживающихъ въ одномъ селеніи, деревнѣ и т. п., ибо отношенія эти вытекаютъ всецѣло изъ совмѣстнаго жительства. Говоря иначе, завѣдываніе земельными отношеніями тяготѣетъ къ земельнымъ общинамъ, а завѣдываніе отношеніями благоустройства и порядка—къ седамъ и деревнямъ, т. е. къ отдѣльнымъ населеннымъ мѣстамъ.

Тѣми и другими отношеніями крестьянъ завѣдываютъ нынѣ сельскія общества, образованныя въ разное время и на разныхъ основаніяхъ. Если общества эти по своему составу совпадаютъ съ составомъ дѣйствительныхъ единицъ крестьянскаго землевладѣнія, а также и съ составомъ населенія отдѣльныхъ селъ и деревень, то устройство этихъ обществъ слѣдуетъ признать правильнымъ и соотвѣтственнымъ свойству тѣхъ общественныхъ отношеній, которыми они завѣдываютъ. Въ дѣйствительности, однако, устройство существующихъ сельскихъ обществъ не совпадаетъ въ громадномъ числѣ случаевъ ни съ составомъ земельныхъ общинъ, ни съ отдѣльными населенными мѣстами, а представляетъ по отношенію къ тѣмъ и другимъ самыя разнообразныя сочетанія.

Въ запискѣ, приложенной къ т. II трудовъ редакціонной комиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ по пересмотру крестьянскихъ узаконеній, приведены 10 различныхъ, основанныхъ на официіальныхъ свѣдѣніяхъ, сочетаній состава существующихъ сельскихъ обществъ съ составомъ селеній и земельныхъ общинъ.

Изъ этихъ сочетаній видно, что сельское общество состоитъ иногда изъ части жителей одного селенія, другія части котораго образуютъ самостоятельныя сельскія общества. Нерѣдко также (въ сѣверныхъ мѣстностяхъ) сельскія общества заключаютъ въ своемъ составѣ каждое нѣсколько отдѣльныхъ, разбросанныхъ селеній и поселковъ. Иногда въ одномъ и томъ же обществѣ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ земельныхъ единицъ, но случается также, наоборотъ, что нѣсколько обществъ имѣютъ общее землевладѣніе и т. д.

Можно себѣ представить, какъ хорошо должны итти общественныя и земельныя дѣла въ указанныхъ разновидностяхъ сельскихъ обществъ; каковъ долженъ быть общественный порядокъ въ селеніи, которое состоитъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, имѣетъ нѣсколько сходовъ и нѣсколько старостъ, взаимно независимыхъ одинъ отъ другого; каковъ долженъ быть порядокъ разрѣшенія земельныхъ дѣлъ на сельскихъ сходахъ, которые состоятъ изъ членовъ различныхъ земельныхъ общинъ, и т. п. Повидимому, въ такихъ случаяхъ должна происходить невообразимая путаница общественныхъ и земельныхъ отношеній. Путаница и бываетъ, хотя и не столь значительная, какъ кажется на первый взглядъ, потому что жизнь поправляетъ законъ, когда онъ неисполнимъ. Въ виду того, что земельныя дѣла могутъ разрѣшаться только на сходахъ, состоящихъ изъ членовъ одной земельной общины, такія дѣла, въ тѣхъ случаяхъ, когда земельныя общины не совпадаютъ съ сельскими обществами, разрѣшаются по обычаю не на сельскихъ, а на особыхъ земельныхъ сходахъ, т. е. на сходахъ крестьянъ, имѣющихъ общее землевладѣніе. Бываютъ также случаи, когда для разрѣшенія дѣлъ по благоустройству такихъ отдѣльныхъ селеній, которыя либо составляютъ часть сельскаго общества, либо сами состоятъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, созываются особые селенные сходы, независимые отъ сельскихъ сходовъ. При этомъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерніяхъ встрѣчается, что при несовпаденіи сельскихъ обществъ съ земельными обществами и съ селеніями, какъ тѣ, такъ и другія избираютъ своихъ особыхъ должностныхъ лицъ, не указанныхъ въ законѣ (деревенскіе старосты, сотники, вытчики, капралы и т. п.). Говоря иначе, оказывается, что во многочисленныхъ случаяхъ несовпаденія состава существующихъ сельскихъ обществъ съ составомъ жизненныхъ крестьянскихъ союзовъ (земельныхъ и сосѣдскихъ) жизнь какъ бы раздираетъ эти общества на такіе союзы.

Исходя изъ такой жизненной потребности разслоенія существующихъ сельскихъ обществъ на особые земельные и общественные союзы, соотвѣтственно двумъ указаннымъ выше разрядамъ отношеній, составляющимъ содержаніе деревенской общественной жизни,—работавшая въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія комиссія по составленію проектовъ мѣстнаго управленія (Кахановская комиссія), между прочимъ, предполагала совершенно выдѣлить земельныя общества изъ состава существующаго сельскаго устройства. По предположеніямъ этой комиссіи, каждая совокупность крестьянъ, имѣющихъ общее землевладѣніе, должна была составить, не-

зависимо отъ условій ихъ разселенія (въ одной или въ нѣсколькихъ деревняхъ), самостоятельный поземельный союзъ, или поземельную общину. Такимъ общинамъ и союзамъ слѣдовало, по мнѣнію комиссіи, дать самостоятельное устройство и управленіе, независимое отъ устройства сельскихъ обществъ, предоставивъ имъ составлять свои земельные сходы и выбирать своихъ земельныхъ должностныхъ лицъ (уполномоченныхъ или довѣренныхъ).

При этомъ Кахановская комиссія считала, что указанное выдѣленіе земельныхъ союзовъ изъ состава существующихъ сельскихъ обществъ должно быть произведено не только въ тѣхъ особыхъ случаяхъ, когда составъ сельскихъ обществъ не совпадаетъ съ составомъ земельныхъ союзовъ, но вездѣ и повсемѣстно, не исключая и случаевъ совпаденія тѣхъ и другихъ обществъ и союзовъ.

Высказанныя въ Кахановской комиссіи по этому вопросу весьма подробныя соображенія могутъ быть сведены къ слѣдующему общему положенію: въ деревняхъ и селахъ, наряду съ приписанными къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ крестьянами, т. е. наряду съ членами мѣстныхъ поземельныхъ общинъ, поселилось значительное число постороннихъ лицъ (крестьянъ другихъ обществъ и волостей, мѣщанъ, ремесленниковъ и т. п.), привлеченіе которыхъ къ мѣстному мірскому обложенію и къ участію въ дѣлахъ мірского (общественнаго) благоустройства можетъ быть достигнуто только въ случаѣ самостоятельнаго образованія сельскихъ обществъ, независимо отъ обществъ земельныхъ.

Предположенія Кахановской комиссіи о раздѣленіи на указанныхъ выше основаніяхъ существующаго сельско-общественнаго устройства на два ряда учрежденій, союзно-земельныхъ и сельско-общественныхъ, не осуществились въ свое время, но не заглохли, и теперь всплываютъ опять, такъ какъ опытъ истекшихъ со времени работъ Кахановской комиссіи двадцати лѣтъ доказалъ, что дѣйствительно существующіе въ сельской жизни два вида общественныхъ единеній (земельно-хозяйственное и сосѣдское) никакъ не укладываются въ одной оболочкѣ сельскаго общества, а только безпомощно бьются въ этой оболочкѣ, либо разрываютъ ее.

За послѣднее время къ прежнимъ доводамъ въ пользу отдѣльнаго устройства земельно-хозяйственныхъ и сельско-общественныхъ союзовъ прибавился еще новый. А именно, какъ въ печати, такъ и въ офиціальныхъ отзывахъ, указывается, что при искусственномъ соединеніи тѣхъ и другихъ союзовъ въ составѣ сельскаго общества, дѣятельность общества прежде всего направляется на завѣдываніе дѣлами землепользованія, которыя наиболѣе важны для мѣстнаго крестьянскаго поселенія. Поэтому дѣла общественнаго благоустройства остаются въ загонѣ,—ими никто не занимается. Оттого именно такъ мало благоустройства и порядка въ нашихъ селахъ и деревняхъ. Только тогда деревенская общественная жизнь наладится, когда всѣми отношеніями этой жизни будутъ завѣдывать особые сельско-общественные союзы, независимые отъ союзовъ земельно-хозяйственныхъ.

Отдѣленіе земельныхъ обществъ отъ сельскихъ обществъ предполагается въ настоящее время и въ трудахъ редакціонной комиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ по пересмотру Положеній о крестьянахъ (отдѣлъ общественнаго управленія) и въ соображеніяхъ, представленныхъ на обсужденіе Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Вопросъ этотъ вызываетъ тѣмъ менѣе сомнѣній, что въ настоящее время имѣется уже опытъ устройства земельныхъ общинъ отдѣльно отъ устройства сельскихъ обществъ. Таковы поземельныя товарищества, пріобрѣтающія землю съ содѣйствіемъ крестьянскаго поземельнаго банка *).

При этомъ не встрѣчается никакихъ затрудненій для опредѣленія состава земельныхъ обществъ, а также и разрядовъ подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ. Каждая совокупность крестьянъ, имѣющихъ въ общемъ владѣніи какую-либо землю (надѣльную или купчую), можетъ составить по владѣнію такой землей—земельное общество. Затѣмъ, что касается предметовъ вѣдомства земельнаго общества, или точнѣе, земельнаго схода, на которомъ должны разрѣшаться дѣла земельнаго общества, то эти дѣла, или предметы вѣдомства, опредѣляются очень легко посредствомъ простой выборки изъ предметовъ вѣдомства существующихъ сельскихъ сходовъ тѣхъ дѣлъ, которыя относятся къ общественному землепользованію. Таковы указанныя въ пунктахъ 4, 8, 10, 14 и 17 статьи 62 Общ. Пол. (изд. 1902 г.) дѣла о пріемѣ въ общество новыхъ членовъ и объ увольненіи изъ общества, передѣлы и раздѣлъ земель, распоряженіе упразднившимися надѣлами, раскладка повинностей, причитающихся съ земли, и т. п.

Нельзя не сознаться, что такое устройство земельныхъ обществъ, соотвѣтствуя „современнымъ потребностямъ жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ", вполнѣ соотвѣтствуетъ въ то же время одному изъ главныхъ началъ Положеній 1861 г., въ силу котораго на сельскія, или мірскія общества, составляемыя изъ крестьянъ, получившихъ общій надѣлъ, возлагалась, независимо отъ временнаго посредничества между крестьянами и помѣщикомъ, постоянная задача завѣдыванія земельными отношеніями крестьянъ.

Значительно большія затрудненія представляетъ устройство сельскихъ обществъ (по выдѣленіи изъ нихъ земельныхъ обществъ). Не рѣшенъ до сихъ поръ еще вопросъ, поставлен-

*) Прилож. къ ст. 45 Высочайше утвержденнаго 15 декабря 1895 г. устава Крестьянскаго банка.

ный Кахановской комиссией, о томъ, слѣдуетъ ли допускать въ составъ сельскихъ обществъ (въ новомъ значеніи такихъ союзовъ) такихъ мѣстныхъ жителей, которые не принадлежатъ къ крестьянскому сословію. Противъ такого допущенія говорятъ обыкновенно, что проживающія въ сельскихъ мѣстностяхъ лица некрестьянскаго сословія настолько чужды бытовому строю крестьянства, что участіе ихъ въ сельскомъ управленіи можетъ быть только вредно для крестьянъ. Это прежде всего не совсѣмъ вѣрно. Въ сельскихъ мѣстностяхъ проживаетъ, напримѣръ, не мало мѣщанъ, которые, занимаясь земледѣліемъ, очень мало отличаются отъ крестьянъ. Далѣе, несомнѣнно, что отъ крестьянъ существеннымъ образомъ отличаются проживающіе въ деревняхъ и вообще въ сельскихъ мѣстностяхъ—ремесленники, учителя, фельдшера, священники, почетные граждане, дворяне и т. д. Участіе ихъ, напримѣръ, въ разрѣшеніи крестьянскихъ земельныхъ дѣлъ было бы, конечно, неправильно и едва ли допустимо уже потому, что они не имѣютъ никакого отношенія къ этимъ дѣламъ. Но почему, съ другой стороны, имъ могутъ быть чужды и недоступны ихъ обсужденію такіе вопросы, какъ, напримѣръ: устройство колодца, изъ котораго вся деревня, не исключая и этихъ лицъ, беретъ воду; или содержаніе въ исправности переправъ, мостовъ, улицъ и дорогъ, которыми эти лица пользуются наравнѣ съ крестьянами; или принятіе мѣръ противъ пожаровъ, отъ которыхъ они могутъ пострадать такъ же, какъ и мѣстные крестьяне; или учрежденіе ночныхъ карауловъ; или устройство церквей, школъ, пріемныхъ покоевъ и т. д. Между тѣмъ, такія именно дѣла общественнаго благоустройства и порядка должны составить содержаніе дѣятельности сельскихъ обществъ (по выдѣленіи изъ нихъ поземельныхъ общинъ).

Разрѣшая поэтому въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о всесословномъ, или точнѣе, о безсословномъ устройствѣ сельскихъ обществъ, необходимо затѣмъ разрѣшить другой существенно-важный для устройства этихъ обществъ вопросъ—о томъ, какими признаками, предѣлами или границами должно опредѣляться устройство такихъ новыхъ сельскихъ обществъ?

„Каждый поселокъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, живетъ своей самостоятельной жизнью", указывало одно изъ губернскихъ совѣщаній, созванныхъ въ 1894 г. для пересмотра узаконеній о крестьянахъ (Нижегородское). Дѣйствительно, основнымъ средоточіемъ сосѣдскихъ отношеній по дѣламъ благоустройства и порядка является именно одно мѣсто жительства: поселокъ, деревня, село. Поэтому за каждымъ отдѣльнымъ поселкомъ, какъ бы онъ ни былъ малъ или великъ, слѣдуетъ признать право самостоятельнаго завѣдыванія своими общественными дѣлами благоустройства и порядка. Можно ли, однако, признать каждый поселокъ за „сельское общество" и затѣмъ считать дѣло устройства сельскихъ обществъ совершенно законченнымъ? Для болѣе или менѣе значительныхъ поселковъ можно бы, конечно, этимъ ограничиться, да и то не совсѣмъ... Дѣло въ томъ, что хотя мѣстныя отношенія благоустройства и тяготѣютъ почти исключительно къ составу отдѣльныхъ поселковъ, ограничиваясь, такъ сказать, усадебной чертой селеній, но нѣкоторыя изъ этихъ отношеній, какъ, напримѣръ, отношенія къ исправному содержанію дорогъ между селеніями,—несомнѣнно, выходятъ за указанную выше черту. Затѣмъ, потребности полицейскаго порядка и безопасности, сосредоточиваясь, главнымъ образомъ, въ мѣстахъ совмѣстнаго жительства, распространяются естественно и на окружающее ихъ пространство. Округъ общественныхъ потребностей каждаго отдѣльнаго селенія, т. е. общественный сельскій округъ, не можетъ заключаться въ тѣсной чертѣ усадебной осѣдлости селенія. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что отдѣльные мелкіе поселки, имѣя свои собственныя ближайшія потребности общественнаго благоустройства и порядка, которыя могутъ быть удовлетворяемы собственными ихъ силами и дѣятельностью (какъ, напримѣръ, простѣйшія потребности содержанія въ порядкѣ улицъ и дворовъ, устройства ночныхъ карауловъ и т. п.), связываются болѣе сложными отношеніями общественнаго благоустройства и порядка (какъ, напримѣръ, устройство школъ и церквей, общій полицейскій надзоръ и т. п.) съ сосѣдними поселками. При хуторскомъ разселеніи, указаннаго рода отношеніями прямо объединяется цѣлая совокупность отдѣльныхъ самостоятельныхъ хуторовъ или односелій. Поэтому слѣдуетъ признать, что сельское общество должно быть извѣстнымъ, опредѣленнымъ сельскимъ округомъ, состоящимъ либо изъ одного селенія съ прилегающимъ къ нему пространствомъ земель, либо изъ нѣсколькихъ смежныхъ, мелкихъ поселковъ, которые, сохраняя свою самостоятельность по своимъ особымъ мѣстнымъ дѣламъ, объединялись бы съ сосѣдними поселками по остальнымъ, общимъ для тѣхъ и другихъ дѣламъ общественнаго благоустройства и порядка. Общества перваго рода являлись бы, по существу, простыми, или обыкновенными, а второго рода—сложными сельскими обществами.

Что касается предметовъ вѣдомства такихъ новыхъ сельскихъ обществъ, то, совмѣщая въ своемъ устройствѣ многія черты низшихъ городскихъ и земскихъ округовъ, такія общества могли бы вѣдать тѣми же дѣлами, которыя отнесены къ вѣдѣнію городского и земскаго общественнаго управленія, съ добавленіемъ къ нимъ, какъ указано выше, вѣдомства дѣлъ полицейскихъ, ибо условія деревенской жизни настолько далеки отъ надлежащаго обезпеченія безопасности лицъ и имуществъ, а также и полицейскаго порядка, что сельскія общества не могутъ быть лишены права установить въ

своихъ предѣлахъ такое обезпеченіе доступными для нихъ средствами.

Сохраняя за новыми сельскими обществами вѣдомство дѣлъ полицейскихъ, нельзя, однако, не имѣть въ виду указаній опыта о томъ приниженіи общественныхъ должностей сельскихъ старостъ, которое связывается съ возложеніемъ на нихъ полицейскихъ обязанностей и ставитъ старостъ въ положеніе чуть ли не полицейскихъ разсыльныхъ. Эти указанія опыта обязываютъ признать, что такія обязанности не должны быть возлагаемы на выборнаго главу сельскаго общества и руководителя всѣхъ его общественныхъ начинаній, но должны принадлежать особому должностному лицу, избираемому или даже нанимаемому сельскимъ обществомъ. Такой представитель полицейской власти въ предѣлахъ сельскаго общества могъ бы называться „полицейскимъ старостой"; а настоящему общественному старостѣ, т. е. предсѣдателю сельскаго схода и руководителю всѣхъ общественныхъ дѣлъ, можно бы присвоить отличительное наименованіе „сельскаго головы" (подобно городскому головѣ). Должности эти вообще не подлежали бы соединенію въ одномъ лицѣ, кромѣ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда въ особо мелкихъ и малоимущихъ обществахъ само общество, для сокращенія расходовъ, признало бы необходимымъ соединить эти должности.

Что касается остальныхъ подробностей устройства сельскихъ обществъ, то онѣ, конечно, должны опредѣляться въ зависимости отъ многолюдности обществъ, численный составъ которыхъ, очевидно, не можетъ быть одинаковымъ, ибо многолюдное селеніе, какъ бы ни было велико его населеніе, можетъ во всякомъ случаѣ составить только одно общество. Во многолюдныхъ обществахъ, вмѣсто полныхъ сходовъ, придется, вѣроятно, установить выборные сходы, а также учредить, въ помощь сельскому головѣ, сельскія управы или вообще какія-либо вспомогательныя должности. Наоборотъ, въ мелкихъ обществахъ весь составъ управленія можетъ заключаться въ сходѣ и въ должности сельскаго головы.

Итакъ, на основаніи данныхъ опыта и отдѣльныхъ предположеній о наилучшемъ сельскомъ устройствѣ, заключающихся въ различныхъ офиціальныхъ изслѣдованіяхъ и отзывахъ, слѣдуетъ признать необходимымъ по части сельскаго устройства: а) выдѣленіе изъ состава существующаго сельскаго управленія крестьянскихъ земельныхъ союзовъ или общинъ, съ пріуроченіемъ земельно-союзнаго устройства къ каждой совокупности крестьянъ, владѣющихъ сообща какой-либо землей (надѣльной или купчей), и б) учрежденіе сельскихъ обществъ въ видѣ сельскихъ округовъ, состоящихъ либо изъ одного селенія съ прилегающими къ нему землями разныхъ владѣльцевъ, либо изъ нѣсколькихъ смежныхъ селеній, точно также съ окружающими ихъ землями.

Отъ сельскаго общества перейдемъ къ волости.

О волости за послѣднія сорокъ лѣтъ говорили и писали очень много, но все это многое сводится къ двумъ положеніямъ: 1) волость, какъ общественное учрежденіе, почти не существуетъ въ дѣйствительности, и 2) волость, какъ единица управленія, является учрежденіемъ не крестьянскаго, но общаго управленія, и притомъ учрежденіемъ весьма несовершеннымъ.

Доказательства того и другого положеній разсѣяны во многочисленныхъ офиціальныхъ и частныхъ изслѣдованіяхъ, отзывахъ и заключеніяхъ.

Въ доказательство утраты волостью своего общественнаго значенія указывалось и указывается: а) на совершенную бездѣятельность волостныхъ сходовъ, которые собираются очень рѣдко и притомъ почти исключительно для производства выборовъ, учета и назначенія содержанія волостнымъ должностнымъ лицамъ; б) на крайнюю ничтожность волостныхъ расходовъ по предметамъ общественнаго благоустройства и хозяйства, по сравненію съ расходами на содержаніе собственно волостного управленія (первые—12°/о и вторые—88°/о всѣхъ волостныхъ расходовъ), и в) на отсутствіе въ большинствѣ волостей какихъ-либо волостныхъ имуществъ, волостныхъ учрежденій общественнаго призрѣнія, волостныхъ школъ и т. п.

Причинами упадка волостной общественной жизни обыкновенно считаются: а) неудачное соединеніе въ волости такихъ селеній, которыя не имѣютъ никакихъ взаимоотношеній по дѣламъ общественнаго благоустройства; б) отсутствіе у крестьянъ, изъ которыхъ составляются волостныя общества, какихъ-либо особыхъ, имъ однимъ присущихъ потребностей благоустройства, независимыхъ отъ такихъ же потребностей остальнаго мѣстнаго населенія, не входящаго въ составъ волостей, и в) неимѣніе у крестьянъ достаточныхъ средствъ для самостоятельнаго веденія волостного общественнаго хозяйства, безъ содѣйствія остальныхъ мѣстныхъ жителей.

На основаніи этихъ данныхъ, предполагается необходимыхъ, собственно для завѣдыванія дѣлами общественнаго благоустройства въ предѣлахъ волостей, включить въ составъ волостныхъ обществъ все мѣстное населеніе (по однимъ предположеніямъ — безъ различія сословій, а по другимъ—только крестьянъ и мѣщанъ). Для такого объединенія предлагаются два способа. Первый—раздѣленіе всего уѣзда на земскіе округа, съ тѣмъ, чтобы въ каждый округъ входили всѣ находящіяся въ его предѣлахъ сельскія общества, образованныя на указанныхъ выше основаніяхъ, а также и частно-владѣльческія имѣнія, не вошедшія по тѣмъ или другимъ причинамъ въ составъ сельскихъ обществъ (вслѣдствіе ихъ значительной величины либо отдаленности отъ средоточій сельскаго управленія и т. п.). Такимъ земскимъ округамъ, бо-

лѣе обширнымъ, чѣмъ округи сельскихъ обществъ, присваивается обычно названіе „мелкихъ земскихъ единицъ“, и соотвѣтственно такому названію опредѣляются и предметы ихъ вѣдомства, къ которымъ причисляются дѣла земскаго хозяйства, безъ какой-либо примѣси дѣлъ общественнаго порядка и безопасности. Другой способъ — разрѣшеніе сельскимъ обществамъ и частнымъ владѣльцамъ, не входящимъ въ составъ сельскихъ обществъ, соединяться вмѣстѣ въ добровольные союзы для удовлетворенія тѣхъ или иныхъ общихъ потребностей (какъ то: потребностей школьныхъ, санитарныхъ, дорожныхъ, полицейскихъ и т. п.). Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ своихъ защитниковъ и свои преимущества. Первый—рѣшительнѣе, а второй—медленнѣе, но вѣрнѣе, ведутъ къ одной и той же цѣли планомѣрнаго удовлетворенія мѣстныхъ общественныхъ потребностей высшаго порядка, по сравненію съ потребностями, удовлетворяемыми дѣятельностью сельскихъ обществъ. Отдать положительное и окончательное предпочтеніе которому-нибудь изъ этихъ двухъ способовъ очень трудно, и выборъ того или другого всецѣло зависитъ отъ условій мѣстности и времени. Несомнѣнно только одно: во всѣхъ мѣстностахъ, гдѣ будутъ учреждены указанныя выше сельскія общества, имъ безусловно слѣдуетъ предоставить право составлять союзы между собою и частными владѣльцами, не входящими въ составъ сельскихъ обществъ, по опредѣленнымъ дѣламъ общественнаго благоустройства и порядка. Затѣмъ, слѣдующей степенью дальнѣйшаго развитія мѣстнаго общественнаго устройства можетъ быть обязательное установленіе подобныхъ союзовъ, точно также по нѣкоторымъ опредѣленнымъ дѣламъ, и, наконецъ, въ послѣдней степени такого разввія можетъ быть допущено принудительное образованіе указаннаго рода союзовъ по всѣмъ дѣламъ мѣстнаго благоустройства и порядка, т. е. учрежденіе мелкихъ земскихъ единицъ или всесословныхъ волостей. Опредѣленіе, когда и гдѣ можно ввести тотъ или другой способъ объединенія общественной дѣятельности сельскихъ обществъ, по весьма распространенному и справедливому мнѣнію, могло бы быть предоставлено существующимъ земскимъ учрежденіямъ, съ надлежащаго разрѣшенія правительственной власти.

Обращаясь отъ общественной дѣятельности, или точнѣе, отъ общественной бездѣятельности волостей къ существующему значенію волостныхъ учрежденій, въ качествѣ учрежденій приказныхъ, слѣдуетъ различать въ такой дѣятельности ихъ двѣ стороны: 1) удовлетвореніе потребностей гражданскаго оборота крестьянъ, т. е. засвидѣтельствованіе и удостовѣреніе гражданскихъ отношеній крестьянъ (сдѣлокъ, договоровъ, духовныхъ завѣщаній, актовъ усыновленія и т. п.), веденіе списковъ населенія (посемейные списки) и разборъ гражданскихъ споровъ, а также дѣлъ о проступкахъ, возникающихъ въ крестьянской средѣ, и 2) посредничество между мѣстнымъ населеніемъ и всѣмъ строемъ разнообразныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, т. е. исполненіе требованій этихъ учрежденій, доставленіе имъ необходимыхъ свѣдѣній и завѣдываніе по ихъ порученію различными дѣлами управленія, какъ, напримѣръ, дѣлами податными, страховыми, по воинской и военноконской повинности, по народному продовольствію и т. п.

Удовлетвореніе потребностей гражданскаго оборота крестьянъ выражается, главнымъ образомъ, въ дѣятельности волостного суда, который, однако, только внѣшнимъ образомъ пріуроченъ къ волостному устройству, ибо самые выборы волостныхъ судей происходятъ не на волостномъ сходѣ, а на сельскихъ сходахъ. Кромѣ того, въ настоящемъ своемъ положеніи, волостные суды являются совершенно самостоятельными судебными мѣстами и принадлежатъ къ общему строю мѣстныхъ судебныхъ учрежденій, связываясь съ нимъ черезъ посредство уѣздныхъ съѣздовъ. Затѣмъ, волость сама по себѣ является лишь болѣе или менѣе случайнымъ судебнымъ участкомъ. Поэтому обсужденіе вопроса о волостныхъ судахъ должно быть совершенно выдѣлено изъ разсужденій собственно объ устройствѣ волостного управленія, ибо волостные суды не принадлежатъ, по существу, къ этому устройству.

Останавливаясь вслѣдствіе этого только на разборѣ тѣхъ потребностей гражданскаго оборота крестьянъ, которыя удовлетворяются волостными правленіями (т. е. засвидѣтельствованіе актовъ и сдѣлокъ, а также веденіе списковъ населенія), слѣдуетъ признать, что дѣятельность эта по количеству очень невелика, а по качеству столь же несовершенна. Частію вслѣдствіе ограниченности полномочій волостныхъ правленій по засвидѣтельствованію сдѣлокъ и договоровъ, а частію вслѣдствіе неподготовленности личнаго состава волостныхъ правленій для такихъ дѣйствій, крестьяне очень рѣдко обращаются по этимъ дѣламъ въ волостныя правленія. Когда нужно закрѣпить сдѣлку или договоръ, крестьяне предпочитаютъ обращаться въ общія нотаріальныя учрежденія, если это оказывается возможнымъ для участниковъ сдѣлки; для большинства же это невозможно, въ виду связанныхъ съ обращеніемъ въ нотаріальныя учрежденія значительныхъ расходовъ; а потому большинство заключаемыхъ въ крестьянской средѣ сдѣлокъ (не исключая и сдѣлокъ на продажу недвижимости) совершается въ видѣ частныхъ расписокъ и условій: такія расписки по большей части не имѣютъ никакой законной силы и, въ случаяхъ возбужденія судебныхъ споровъ по поводу существа сдѣлокъ, правая сторона нерѣдко оказывается виноватой и обратно. Указанныя неустройства уже давно вызываютъ предположе-

нія объ учрежденіи особыхъ сельскихъ нотаріусовъ. Въ случаѣ учрежденія такихъ нотаріусовъ къ завѣдыванію ихъ могло бы быть отнесено съ большимъ удобствомъ также и веденіе списковъ населенія (посемейныхъ списковъ), которые въ большинствѣ волостныхъ правленій ведутся небрежно и неисправно.

Переходя ко второй сторонѣ дѣятельности волостныхъ правленій, а именно къ ихъ распорядительно - исполнительнымъ дѣйствіямъ по разнообразнымъ отношеніями всѣхъ административныхъ учрежденій къ мѣстному поселенію и обратно, необходимо признать прежде всего, что дѣйствія эти касаются не однихъ только крестьянъ или крестьянскихъ дѣлъ. По дѣламъ страховымъ, по военно-конской повинности, по торгово-промышленному надзору, по веденію почтовыхъ операцій, по доставленію всевозможныхъ статистическихъ свѣдѣній и отдѣльныхъ справокъ и т. п., дѣятельность волостныхъ правленій распространяется на все, безъ различія сословій, мѣстное поселеніе. Затѣмъ, по чисто крестьянскимъ дѣламъ волостныя правленія завѣдываютъ не столько отношеніями крестьянскаго населенія къ управленію, сколько отношеніями этого управленія къ крестьянамъ, ибо въ такой своей дѣятельности волостныя правленія являются не столько представителями населенія передъ лицомъ управленія, сколько, наоборотъ, исполнительными учрежденіями. Такимъ образомъ, въ главномъ своемъ значеніи исполнительно-распорядительныхъ учрежденій волостныя правленія должны быть признаваемы не учрежденіями крестьянскаго сословнаго строя, а низшими учрежденіями общаго административнаго строя, т. е. деревенскими приказами, или канцеляріями.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такая постановка волостныхъ правленій имѣетъ тотъ крупный и первый недостатокъ, что учрежденія, въ значительной степени чуждыя крестьянамъ, содержатся исключительно на крестьянскій счетъ.

Недостатокъ этотъ сознается очень давно, и въ сознаніи его не разъ разрабатывались и даже вносились въ высшія государственныя установленія законодательныя предположенія о принятіи на счетъ казны части расходовъ по содержанію волостныхъ правленій. Нельзя, однако, не сознаться, что такая мѣра еще больше подчинила бы волостныя правленія воздѣйствію мѣстныхъ административныхъ учрежденій. Участвуя въ содержаніи волостныхъ правленій, казна, въ томъ или иномъ видѣ, должна бы принять естественное участіе въ замѣщеніи волостныхъ должностей, а потому самыя волостныя учрежденія, связь которыхъ съ крестьянскими обществами поддерживается нынѣ исключительно замѣщеніемъ по выбору важнѣйшихъ волостныхъ должностей,—оказались бы совершенно оторванными отъ крестьянской общественной жизни.

Такое положеніе не можетъ не вызывать вопроса, нужны ли вообще волостныя правленія, въ качествѣ тѣхъ деревенскихъ канцелярій, какими они нынѣ являются?

Было время, когда безъ такихъ деревенскихъ канцелярій уѣздное управленіе совсѣмъ не могло обойтись, ибо управленіе это, сосредоточенное въ уѣздныхъ городахъ, не имѣло на мѣстахъ, на всемъ пространствѣ уѣздовъ, никакихъ другихъ представителей своей власти, кромѣ малочисленной и обремененной многочисленными обязанностями полиціи. Поэтому именно на волостныя правленія постепенно возлагались разнообразныя исполнительныя обязанности по общему управленію, которыя отклонили дѣятельность волостныхъ правленій отъ первоначальнаго, очень ограниченнаго ихъ назначенія. Теперь общее устройство уѣзднаго управленія значительно измѣнилось. Независимо отъ увеличенія числа полицейскихъ чиновниковъ на мѣстахъ, многія учрежденія уѣзднаго управленія получили особыхъ мѣстныхъ представителей: земскихъ начальниковъ, податныхъ инспекторовъ, земскихъ агентовъ и уполномоченныхъ и т. д. Между уѣзднымъ и волостнымъ дѣленіями возникаетъ постепенно новое административное дѣленіе—участковое, которое все болѣе приближается къ существующему волостному дѣленію.

Если при такихъ условіяхъ принять во вниманіе, что содержаніе волостныхъ правленій, только въ губерніяхъ Европейской Россіи, стоитъ около 15 милліоновъ рублей въ годъ, то оказывается совершенно очевиднымъ, что съ волостными правленіями уже пора разстаться.

Такъ смотрѣла на этотъ вопросъ Кахановская коммиссія, работавшая болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, и прошедшій срокъ послѣ окончанія ея работъ принесъ только новыя подтвержденія правильности ея мнѣнія.

Конечно, упраздненіе волостныхъ правленій должно вызвать и упраздненіе существующихъ волостей, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ волостныхъ правленій (волостные суды, какъ указано выше, занимаютъ совершенно самостоятельное положеніе, и къ нимъ мы перейдемъ особо). Далѣе, за такимъ упраздненіемъ должны, конечно, послѣдовать соотвѣтственныя преобразованія въ участковомъ и уѣздномъ управленіи. Свойство такихъ преобразованій уже выходитъ за предѣлы крестьянскаго вопроса, а принадлежитъ къ общей губернской и уѣздной реформѣ; но съ точки зрѣнія разсматриваемаго вопроса о крестьянскомъ управленіи можно все-таки сказать по поводу необходимаго направленія этихъ преобразованій, что въ составѣ преобразуемаго губернскаго и уѣзднаго управленій не можетъ быть мѣста особымъ учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. Въ настоящее время такія учрежденія держатся исключительно на сословномъ, по буквѣ закона, устройствѣ волостей и сельскихъ обществъ. Если волости подлежатъ совершенному упраздненію, а сельско-общественное устройство, по

выдѣлении изъ него крестьянскихъ земельныхъ союзовъ, должно выразиться въ учреждении безсословныхъ сельскихъ обществъ (сельскихъ округовъ), а также—добровольныхъ и принудительныхъ союзовъ такихъ обществъ какъ между собою, такъ и съ частными владѣльцами, то правительственныя учрежденія, которыя призваны будутъ къ необходимому надзору за дѣятельностью указанныхъ обществъ и союзовъ, не могутъ быть учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ.

Ив. Страховскій.

ОБЪ УСИЛЕННОЙ И ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ОХРАНѢ.

Пунктомъ пятымъ указа 12 декабря 1904 г. „о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка“ установлено: „Пересмотрѣть изданныя во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться при этомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на который они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности“. Законоположенія, о которыхъ говорится въ этомъ пунктѣ указа: положенія 14 августа 1881 г. объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и административной высылкѣ и положеніе 12 марта 1882 г. о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей. Задача настоящей статьи путемъ разбора этихъ узаконеній и сопоставленія съ общими законами выяснить значеніе ихъ для жизни русскаго общества и отдѣльныхъ его членовъ.

I.

12 февраля 1880 г. въ Петербургѣ была учреждена, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта гр. Лорисъ-Меликова, Верховная распорядительная комиссія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Поводомъ образованія этой комиссіи было, какъ сказано въ указѣ Сенату, „твердое рѣшеніе положить предѣлъ безпрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ“. Главному начальнику Верховной комиссіи была предоставлена неограниченная власть „дѣлать всѣ распоряженія и принимать всѣ вообще мѣры, которыя онъ признаетъ необходимыми для охраненія государственнаго порядка“, при чемъ отъ усмотрѣнія его зависѣло опредѣлять мѣры взысканія за неисполненіе или несоблюденіе его распоряженій, „а также порядокъ наложенія этихъ взысканій“. Такимъ образомъ, главный начальникъ комиссіи въ дѣятельности своей не былъ связанъ рѣшительно никакими законодательными указаніями. Отъ воли его зависѣло издавать тѣ или иныя постановленія, предпринимать различныя мѣры. Въ лицѣ его былъ сосредоточенъ и судъ надъ ослушниками его велѣній. Такое совершенно исключительное положеніе Имперіи продолжалось недолго, около 6 мѣсяцевъ. И указомъ отъ 6 августа 1880 г. императоръ Александръ II объявилъ, что „дальнѣйшія указанія Наши по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія могутъ быть приводимы въ исполненіе въ общеустановленномъ закономъ порядкѣ“. Верховная распорядительная комиссія была закрыта.

Но жизнь „по закону“ продолжалась недолго. 14 августа 1881 г. были изданы указанныя выше положенія объ охранахъ. Въ указѣ Сенату по поводу изданія этихъ положеній было сказано, что „дѣйствія постоянныхъ законовъ, сообразованныхъ съ обычнымъ состояніемъ мирнаго общежитія, недостаточно для охраненія порядка и спокойствія, нарушенныхъ прискорбными событіями чрезвычайнаго свойства. Прискорбныя событія и смута въ государствѣ вызываютъ печальную необходимость допустить на время чрезвычайныя мѣры преходящаго свойства для водворенія полнаго спокойствія и искорененія крамолы“. Такимъ образомъ, самъ законодатель смотрѣлъ на положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ какъ на мѣру „чрезвычайнаго, преходящаго свойства“, какъ на мѣру временную. Первоначально и предполагалось ограничить срокъ существованія ихъ 3 годами *). Однако, прошло 23 года со времени изданія положеній, и лишь въ наши дни возникли предположенія о пересмотрѣ и „возможномъ ограниченіи“ дѣйствія этихъ положеній. Благодаря этому, создалось необычное положеніе государственной жизни. Весьма и весьма многіе „постоянные законы, сообразованные съ обычнымъ состояніемъ мирнаго общежитія“, бездѣйствовали. Ихъ замѣняло усмотрѣніе административныхъ властей: министра внутреннихъ дѣлъ и подчиненныхъ ему полиціи и чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Въ результатѣ оказалось положеніе вещей, мало чѣмъ отличавшееся отъ того, что было создано учрежденіемъ Верховной распорядительной комиссіей, съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ, что она просуществовала всего нѣсколько мѣсяцевъ.

II.

Право ввести въ извѣстной мѣстности положеніе объ усиленной охранѣ и тѣмъ пріостановить дѣйствіе обыкновенныхъ законовъ принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ и генералъ-губернаторамъ съ утвержденія министра. Постановленіе объ объявленіи той или иной мѣстности на положеніи усиленной охраны имѣетъ силу въ теченіе года, и для продленія дѣйствія положенія каждый годъ необходимо издавать новое постановленіе. Объявленіе мѣстности на положеніи усиленной охраны влечетъ за собою, по словамъ закона, расширеніе предѣловъ власти административныхъ установленій. И, дѣйствительно, положеніе объ усиленной охранѣ охватываетъ весьма многія, если не всѣ стороны жизни.

Такъ, прежде всего, положеніемъ объ усиленной охранѣ, генералъ-губернаторы, а гдѣ ихъ нѣтъ, губернаторы и градоначальники уполномочиваются издавать обязательныя постановленія „по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности“. Это право даетъ администраціи чрезвычайно

*) Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ подъ редакціею статсъ-секретаря Куломзина, т. IV, стран. 17.

широкое поле издавать своего рода мѣстные законы и, какъ это неоднократно отмѣчалось въ юридической литературѣ, „безконечно разнообразныя“, въ зависимости „отъ личныхъ мнѣній и взглядовъ отдѣльнаго администратора“. Изданіе обязательныхъ постановленій предоставлено губернаторамъ и градоначальникамъ и при обычномъ теченіи государственной жизни (Св. Зак. т. II, ст. 421 и слѣд. Общ. учр. губ.). Но разница между этими послѣдними и издаваемыми по правиламъ охраны громадная и именно по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя влечетъ неисполненіе обывателями этихъ обязательныхъ постановленій. Въ мѣстностяхъ, гдѣ положеніе объ охранѣ не введено, за неисполненіе требованій полиціи и обязательныхъ постановленій, виновные привлекаются къ судебной отвѣтственности по ст. 29 Устава о наказаніяхъ. Судъ, согласно предписаніямъ Сената, по каждому такому обвиненію обязанъ дать оцѣнку того: законно ли требованіе и постановленіе, не превысила ли администрація своихъ правъ при изданіи этихъ постановленій. При наличности этихъ условій, признавъ обвиняемаго виновнымъ, судъ можетъ, какъ высшее наказаніе, назначить штрафъ въ 50 руб. Такимъ образомъ, при дѣйствіи общихъ законовъ, интересы населенія по дѣламъ этого рода ограждены судомъ, дѣйствующимъ, какъ извѣстно, подъ строгимъ надзоромъ высшихъ судебныхъ установленій во главѣ съ Правительствующимъ Сенатомъ, куда въ концѣ концовъ недовольные приговоромъ и могутъ обращаться съ жалобами.

Совершенно иначе разрѣшаются эти дѣла въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны. Здѣсь они разрѣшаются административнымъ порядкомъ губернаторами, градоначальниками и оберъ-полиціймейстерами. Жалобы на эти рѣшенія администраціи не допускаются. Наказаніе, которое можетъ быть ими наложено, высоко: либо денежный штрафъ въ 500 руб., либо арестъ на три мѣсяца. Такимъ образомъ, въ противорѣчіе основному началу государственнаго устройства, что „никто не можетъ быть судьею въ своемъ дѣлѣ“, по положенію объ охранѣ, администрація является судьею по дѣламъ о нарушеніи ею же изданныхъ постановленій.

Олицетворяя по этимъ дѣламъ судъ, представители администраціи — генералъ-губернаторы и министръ внутреннихъ дѣлъ — въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи охраны, пріобрѣтаютъ, кромѣ того, огромное вліяніе и на дѣятельность судебныхъ установленій: окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ. Они въ правѣ требовать, чтобы судъ разбиралъ каждое ими указываемое дѣло не гласно, а при закрытыхъ дверяхъ, т. е. безъ публики. Далѣе, они въ правѣ передавать отдѣльныя дѣла изъ гражданскихъ судовъ на разсмотрѣніе военнаго суда съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени, что означаетъ чрезвычайное усиленіе наказаній. Наконецъ, они уполномочены требовать, чтобы лицамъ, виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, въ нападеніи на войска и полицію и на всѣхъ должностныхъ лицъ, если притомъ было совершено убійства, поджогъ, нанесены раны, увѣчья,—наказаніе опредѣлялось по ст. 279 Воинскаго устава о наказаніяхъ. А статья эта предписываетъ съ виновными поступать какъ съ измѣнниками отечеству, т. е. подвергать смертной казни.

Непремѣннымъ условіемъ правильной постановки суда въ государствѣ является самостоятельность и независимость суда, т. е. такое его положеніе, чтобы при отправленіи своей тяжкой и отвѣтственной задачи онъ руководился только закономъ и велѣніями своей совѣсти, безъ всякаго вліянія и воздѣйствія иныхъ властей и лицъ. Эти основы судоустройства были восприняты нашимъ законодательствомъ еще 40 лѣтъ тому назадъ, со введеніемъ Судебныхъ уставовъ Императора Александра II-го, и вновь подтверждены указомъ 12 декабря 1904 г. Изъ изложеннаго видно, насколько положеніе суда въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи объ охранѣ, далеко отъ этихъ законныхъ требованій.

III.

Центромъ полномочій, предоставляемыхъ администраціи положеніемъ объ усиленной охранѣ, являются тѣ мѣры воздѣйствія, которыя оно въ правѣ предпринимать по отношенію къ обывателямъ, и личная свобода послѣднихъ, даже въ предѣлахъ, очерченныхъ нашимъ законодательствомъ, претерпѣваетъ еще дальнѣйшія ограниченія. Мѣры эти, въ сущности, серьезныя кары, предпринимаемыя въ условіяхъ нормальной жизни не иначе, какъ представителями судебной власти: арестъ, обыски и выемки, ссылка и полицейскій надзоръ.

По нашему законодательству, лишеніе свободы въ видѣ ареста можетъ быть наложено, либо по приговору суда, либо до судебнаго разбирательства, какъ мѣра пресѣченія уклоненія отъ суда и слѣдствія; т. е. по отношенію къ обвиняемымъ въ преступленіи полиція можетъ задержать обывателя въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, напр., когда обвиняемый застигнутъ на мѣстѣ преступленія, пустился бѣжать и пр. (ст. 257 Уст. угол. суд.). Затѣмъ обвиняемый предается въ руки судебной власти. Судебный слѣдователь можетъ заключить подъ арестъ только послѣ допроса обвиняемаго, при чемъ долженъ письменно изложить соображенія, на основаніи которыхъ онъ пришелъ къ убѣжденію о необходимости принять эту крайнюю мѣру. На постановленіе слѣдователя обвиняемый можетъ жаловаться суду. Таковы тѣ скромныя гарантіи, которыя даетъ нашъ законъ личной неприкосновенности гражданъ.

Положеніе объ усиленной охранѣ зачеркиваетъ и ихъ. По ст. 21, полиція и жандармы въ правѣ арестовывать на срокъ до 2-хъ недѣль всѣхъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій, въ прикосновенности къ нимъ, въ участіи въ противозаконныхъ сообществахъ, а также и лицъ, вредныхъ для государственнаго и общественнаго спокойствія. Но такъ какъ законъ не даетъ никакихъ данныхъ, при наличности которыхъ подозрѣніе должно считаться основательнымъ, то, какъ справедливо указывалось въ юридической литературѣ *), понятіе лицъ, внушающихъ подозрѣніе, крайне растяжимое, открывающее широкій просторъ для фантазіи. Личная свобода гражданъ при дѣйствіи положенія ихъ усиленной охранѣ ограждена единственно лишь усмотрѣніемъ, волею администраціи. Мыслимы поэтому и на практикѣ существуютъ такіе приказы о лишеніи свободы, какъ: „арестовать впредь до выясненія причинъ ареста“. „Основательное подозрѣніе“, о которомъ говоритъ положеніе, въ этихъ случаяхъ выясняется уже по лишеніи свободы. Никакому обжалованію дѣйствія администраціи, конечно, не подлежатъ.

---

*) *В. Аванасьевъ.* Судебное обозрѣніе, № 1, 1905 г. „Объ усиленной и неусиленной охранѣ“. *А. Горбуновъ.* Право № 1, 1905 г. „Законность управленія и ея необходимыя условія“.

Законъ каждой страны, въ томъ числѣ и нашего отечества, охраняетъ святость и неприкосновенность домашняго очага. Войти въ жилище гражданина съ цѣлью произвести обыскъ и выемку, можетъ, по нашему Уставу уголовнаго судопроизводства, только судебный слѣдователь, а полиція—лишь въ отсутствіе слѣдователя и только при условіи, что слѣды преступленія до прибытія слѣдователя могутъ изгладиться. Законъ требуетъ такъ же, какъ и при лишеніи свободы, мотивированнаго постановленія; самое производство обыска обставляется извѣстными требованіями, напримѣръ, присутствіемъ понятыхъ; производится обыскъ днемъ (только въ экстренныхъ случаяхъ ночью), непремѣнно въ присутствіи кого-либо изъ домашнихъ лицъ; обыскъ въ бумагахъ долженъ производиться „съ крайнею осторожностью, безъ оглашенія обстоятельствъ, не относящихся къ слѣдствію".

Положеніе объ усиленной охранѣ и въ этомъ отношеніи снабжаетъ чиновъ полиціи и жандармеріи чрезвычайными правами. Производить обыски они могутъ во всякое время, во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ, при чемъ имъ даруется право налагать арестъ и на всякаго рода имущество. Правилъ производства обыска, которыя такъ подробно изложены у насъ въ законѣ, въ положеніи мы не находимъ. И такъ какъ, по общему правилу, все, что не воспрещено, то дозволено, то производство обысковъ, на основаніи положенія объ охранѣ, всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія администраціи. Но этого мало. Положеніе объ охранѣ не только разрѣшаетъ чинамъ администраціи вторгаться въ частное жилище съ цѣлью произвести обыскъ и выемку, но и по другимъ поводамъ, притомъ въ положеніи не указаннымъ. Это слѣдуетъ изъ права администраціи воспрещать не только общественныя, но даже и частныя собранія. Само собою разумѣется, что воспретить частное собраніе безъ вторженія въ помѣщеніе, гдѣ оно происходитъ, немыслимо. Если къ изложенному еще добавить о правѣ администраціи на основаніи положенія объ усиленной охранѣ закрывать всякія общественныя и народныя собранія, торговыя и промышленныя заведенія и воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи объ охранѣ, то кольцо ограниченій, которымъ охватываются обыватели въ этихъ мѣстностяхъ, будетъ почти замкнуто. Остается сказать только объ административной высылкѣ и о тѣхъ ограниченіяхъ, которыми высланный обставляется на мѣстѣ своего поселенія. Къ нимъ я и перехожу.

IV.

Административной высылкѣ могутъ быть подвергаемы лица, признаваемыя мѣстными административными властями (губернаторами, градоначальниками) вредными для государственнаго и общественнаго спокойствія. Вопросъ о высылкѣ разрѣшается постановленіемъ особаго совѣщанія министерства внутреннихъ дѣлъ, которое состоитъ изъ предсѣдателя — товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго полиціею, и четырехъ членовъ: двухъ представителей отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и двухъ — отъ министерства юстиціи. Разрѣшается дѣло о высылкѣ исключительно на основаніи того матеріала, который сочтетъ нужнымъ сообщить мѣстная власть. Въ этомъ сообщеніи, на основаніи ст. 33 положенія, должны заключаться подробныя объясненія основаній къ высылкѣ и указаніе срока. Срокъ безвыѣзднаго пребыванія на мѣстѣ ссылки можетъ быть опредѣленъ отъ 1 до 5 лѣтъ. Характеризуя этотъ порядокъ лишенія свободы обывателей не по суду, не на основаніи судебнаго приговора, который является результатомъ обсужденія всѣхъ обстоятельствъ, какъ представляемыхъ прокуроромъ-обвинителемъ, такъ и обвиняемымъ или его защитникомъ, а по приказу администраціи,—нашъ извѣстный профессоръ и юристъ-практикъ, сенаторъ Н. С. Таганцевъ говоритъ: „Не нужно забывать, что эта послѣдняя инстанція (особое совѣщаніе) имѣетъ предъ собой непосредственно не живое дѣло, а мертвый докладъ, что она дѣйствуетъ по принципамъ стараго нашего процесса, но безъ гарантій для подсудимаго. А какой просторъ для неизбѣжныхъ вліяній и искательствъ всякаго рода, очень часто не имѣющихъ ничего общаго съ интересами правосудія и государства"! Къ этой яркой оцѣнкѣ порядка административнаго разсмотрѣнія едва ли что-либо можно прибавить.

Осужденіе въ ссылку является само по себѣ уже наказаніемъ очень суровымъ. До 1900 года, когда ссылка на поселеніе и на житье въ Сибирь была отмѣнена, ей подлежали осужденные судомъ за такія тяжкія преступленія, какъ грабежъ, подлогъ векселя, покушеніе на поджогъ и др. Между тѣмъ, административная ссылка отягощается еще учрежденіемъ надъ высланнымъ полицейскаго надзора, являющагося въ сущности добавочнымъ и чрезвычайно тяжкимъ наказаніемъ. Въ древнемъ Римѣ было для тяжкихъ преступниковъ особое наказаніе — aquae et ignis interdictio (въ дословномъ переводѣ—запрещеніе воды и огня), сущность котораго заключалась въ томъ, что виновный лишался охраны государства, всѣ его гражданскія права могли безнаказанно нарушаться. Наказаніе это воскресло въ концѣ XIX в. У насъ полицейскій надзоръ нѣчто весьма близкое этому древне-римскому наказанію. Сущность правилъ о полицейскомъ надзорѣ заключается въ слѣдующемъ. Поднадзорный лишается всѣхъ документовъ о своемъ званіи, а также паспорта. Взамѣнъ ихъ ему выдается свидѣтельство на проживаніе. Свободы передвиженія онъ лишенъ. „По особо уважительнымъ причинамъ и при одобрительномъ поведеніи" ему могутъ быть разрѣшены на опредѣленное время отлучки изъ мѣста поселенія. Въ этихъ случаяхъ ему выдается проходное свидѣтельство и маршрутъ, въ которомъ точно и подробно описывается путь слѣдованія. Измѣнить маршрутъ, остановиться въ пути поднадзорный права не имѣетъ. По пріѣздѣ въ мѣсто отпуска онъ обязанъ немедленно явиться въ полицейское управленіе. Въ такія до крайности стѣснительныя рамки поставлено право передвиженія поднадзорнаго „по особо уважительнымъ причинамъ", подъ чѣмъ нельзя разумѣть другого, какъ болѣзнь и др. несчастья поднадзорнаго или его близкихъ. И въ этихъ случаяхъ право передвиженія поставлено всецѣло въ зависимость отъ полицейскаго управленія, такъ какъ даже при наличности уважительныхъ причинъ отлучка поднадзорнаго возможна лишь при условіи одобрительнаго поведенія его полиціею.

Въ неменьшую зависимость отъ произвольнаго усмотрѣнія полиціи поставлена жизнь поднадзорнаго и въ мѣстѣ его поселенія.

По первому требованію полиціи онъ обязанъ являться въ полицейское управленіе, хотя бы эти требованія были ежедневны. „Во всякое время", т. е. днемъ и ночью, полиція можетъ войти къ нему въ квартиру. Это право

не поставлено положеніемъ о надзорѣ въ зависимость отъ какихъ-либо цѣлей и надобностей, ради которыхъ полиція можетъ войти въ помѣщеніе поднадзорнаго, и потому посѣщенія эти могутъ быть постоянны. Полиціи предоставлено производить обыски и выемки въ квартирѣ поднадзорнаго, при чемъ не указано въ положеніи обязанности со стороны полиціи соблюдать установленныя закономъ и указанныя нами выше правила о производствѣ обысковъ.

Поднадзорные, не имѣющіе средствъ къ жизни, получаютъ пособіе отъ государства. Но „уклоняющіеся отъ занятій по лѣности, дурному поведенію или привычкѣ къ праздности“—этого пособія лишаются. Удостовѣряется лѣность и праздность, конечно, полиціею. Легко видѣть, какое широкое поле для произвола предоставляетъ само по себѣ это правило положенія. Громадное значеніе его станетъ еще болѣе яснымъ, если обратиться къ тѣмъ правиламъ положенія, которыми регулируются дѣятельность и занятія поднадзорныхъ.

Имъ безусловно воспрещены: государственная и общественная служба, участіе въ частныхъ обществахъ и компаніяхъ, въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ и служба въ нихъ, участіе въ сценическихъ представленіяхъ, чтеніе публичныхъ лекцій, торговля книгами, всякая педагогическая дѣятельность и „вообще всякаго рода публичная дѣятельность“. Не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, поднадзорные могутъ быть допущены къ письменнымъ занятіямъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, быть опекунами и попечителями, заниматься врачебной, акушерской и фармацевтической практикой. „Всѣ остальныя занятія“, дозволенныя закономъ, говорится въ положеніи (ст. 29), „разрѣшаются поднадзорнымъ“. Однако, и здѣсь еще „но“. „Но губернатору, говорится далѣе въ положеніи, предоставляется воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе“. Если вспомнить, что полицейскій надзоръ учреждается преимущественно надъ лицами интеллигентныхъ профессій, то станетъ яснымъ какъ то безпомощное положеніе, въ которое учрежденіемъ надзора ставятся обыватели, такъ и легкость обвинить поднадзорныхъ въ праздности и лѣности и тѣмъ лишить послѣднихъ средствъ къ существованію въ видѣ казеннаго пособія.

Неисполненіе со стороны поднадзорнаго указанныхъ ограниченій, напр., подача врачебной или акушерской помощи, не имѣя на то разрѣшенія,—влечетъ за собою наказаніе. Полицiймейстеръ или исправникъ можетъ арестовывать поднадзорныхъ на 3 сутокъ, губернаторъ на 7, а по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ арестъ можетъ быть продолженъ до 1 мѣсяца съ тѣмъ, что поднадзорный можетъ быть заключенъ въ тюрьму.

Наконецъ, послѣднее и едва ли не самое тяжкое въ положеніи поднадзорныхъ ограниченіе заключается въ томъ, что вся получаемая поднадзорными корреспонденція направляется предварительно на просмотръ либо начальнику жандармскаго управленія, либо исправнику, отъ которыхъ и зависитъ уже выдача ея по принадлежности. Поднадзорные, подъ угрозой указаннаго взысканія, обязаны всю предполагаемую къ отправкѣ корреспонденцію представлять на просмотръ тѣмъ же чинамъ администраціи.

V.

Положеніе о *чрезвычайной охранѣ*, сохраняя за чинами полиціи и жандармеріи тѣ же полномочія, которыми они обладаютъ при объявленіи мѣстности на положеніи усиленной охраны, снабжаетъ еще генералъ-губернатора нѣсколькими исключительными полномочіями. Изъ нихъ наиболѣе существенными представляются: право устранять отъ должности всѣхъ лицъ, служащихъ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, право пріостанавливать повременныя изданія и закрывать учебныя заведенія. Наказанія за неисполненіе обязательныхъ постановленій также значительно повышены при дѣйствіи положенія о чрезвычайной охранѣ. Администрація уполномочивается подвергать виновныхъ въ томъ лицъ тюремному заключенію до 3 мѣсяцевъ или штрафу до 3.000 руб.

Таковы тѣ правоограниченія, которымъ могутъ быть подвергнуты обыватели распоряженіемъ администраціи въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи охраны. Необходимо имѣть еще въ виду, что изданными одновременно съ положеніемъ объ охранѣ „правилами для мѣстностей, не объявленныхъ въ исключительномъ положеніи“, во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства чины администраціи уполномочены принимать многія мѣры положенія объ охранѣ. Именно: подвергать аресту до 7 дней подозрѣваемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ и въ прикосновенности къ нимъ, производить обыски и выемки, передавать судебныя дѣла на разсмотрѣніе военнаго суда и, наконецъ, дѣлать представленія объ административной высылкѣ, которая, какъ мы знаемъ, влечетъ за собой учрежденіе надъ высланнымъ полицейскаго надзора.

Результатомъ всѣхъ этихъ мѣропріятій было то, что тѣ правомочія, которыми администрація была снабжена для борьбы со смутой, оказались обычными ея правами, осуществленіе которыхъ производилось уже среди „мирной обстановки общежитія“. Такимъ образомъ, положеніе объ охранѣ повлекло за собою нарушеніе тѣхъ гражданскихъ правъ, которыя обезпечены за обывателями нашими законами. Насколько же эти положенія дали средства правительственной власти для борьбы съ крамолою, это лучше всего видно изъ опубликованнаго только что журнала Комитета министровъ отъ 11 января 1905 г. о порядкѣ выполненія пункта пятаго Именного Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. „Если возобновить въ памяти событія, имѣвшія мѣсто въ Россіи съ конца 1881 года до настоящаго времени, читаемъ въ журналѣ, то едва ли представится какая-либо возможность утверждать, что за разсматриваемый періодъ времени усилія правительства, направленныя къ искорененію крамолы, въ достаточной мѣрѣ достигли своей цѣли“.

Эти слова журнала Комитета министровъ нельзя иначе разсматривать, какъ полное осужденіе исключительныхъ законоположеній начала восьмидесятыхъ годовъ, лишившихъ русское общество условій нормальнаго и здороваго государственнаго общежитія. Для пересмотра этихъ законоположеній учреждается особая комиссія. За дѣятельностью ея съ напряженнымъ вниманіемъ будетъ слѣдить все русское общество. Въ рукахъ комиссіи теперь многое. Отъ результатовъ ея работы въ значительной мѣрѣ зависитъ судьба мирнаго гражданскаго преуспѣянія нашего отечества.

А. Лазаренко.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

Недостатки англійской парламентской системы.

Одинъ изъ видныхъ публицистовъ либеральной партіи Англіи недавно помѣстилъ въ Daily News интересную статью, въ которой онъ заявилъ приблизительно слѣдующее:

„Я считаю себя честнымъ, искреннимъ либераломъ, и мое сердце поэтому теперь давитъ тяжелая тоска и грусть. И я увѣренъ, что совершенно также теперь должны чувствовать себя всѣ искренніе либералы. Да, мы должны теперь поникнуть головой и преисполниться печали, потому что близокъ часъ побѣды либеральной партіи, потому что теперь неминуемо наше торжество... Эта побѣда должна страшить насъ, такъ какъ за ней послѣдуетъ еще болѣе постыдное пораженіе. Я говорю прямо: наше неминуемое торжество есть позорное торжество. Что, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлали мы для завоеванія народнаго довѣрія?—Ничего! Какую программу выставили мы, какія реформы проведемъ мы, когда власть перейдетъ въ наши руки? Увы, мы выставили лишь полумѣры, мы обѣщаемъ лишь не замѣнять свободной торговли протекціонизмомъ, не тратить народныхъ денегъ на завоевательныя авантюры, не отдавать народныхъ школъ въ руки духовенства. Но развѣ одна отрицательная программа можетъ сохранить намъ довѣріе народа? Нѣтъ, мы побѣждаемъ теперь на выборахъ не благодаря нашимъ заслугамъ, а лишь потому, что консервативная партія сдѣлалась угрозой нашему національному благополучію, потому что она не только перестала работать для блага страны, но и своей безумной политикой грозитъ разрушить имперію и разорить народъ. И чтобы отдѣлаться отъ этихъ опасныхъ правителей, избиратели отдаютъ власть намъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ другого выбора“...

Авторъ этой статьи, Ж. Честертонъ извѣстенъ своими парадоксами, своимъ пристрастіемъ къ преувеличеніямъ и крайностямъ, и поэтому многіе изъ его читателей отнеслись къ его статьѣ, какъ къ остроумному, но лишенному серьезнаго значенія произведенію. Нашлось, однако, не мало и такихъ либераловъ, которые увидѣли въ ней совершенно правильное отраженіе политической жизни Англіи послѣдняго десятилѣтія. И съ мнѣніемъ этихъ либераловъ нельзя не согласиться.

Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ называемыя „большія“ рѣчи главныхъ вожаковъ, лидеровъ либеральной партіи, тѣ рѣчи, въ которыхъ должна быть обрисована программа ихъ будущей дѣятельности. 17-го января произнесъ такую „большую“ рѣчь сэръ Генри Кампбель-Баннерманъ. Эта рѣчь, произнесенная имъ въ Стирлингѣ, отличалась выдающейся силой и рѣзкостью. Въ ней онъ подвергъ самому тщательному, справедливому и безпощадному анализу консервативное правительство послѣднихъ десяти лѣтъ. Въ яркихъ краскахъ изобразилъ онъ ту имперіалистскую и реакціонную политику, которая привела, съ одной стороны, къ южно-африканской войнѣ, къ уничтоженію двухъ демократическихъ республикъ, къ замѣнѣ въ Трансваалѣ свободнаго труда рабскимъ трудомъ ввозимыхъ катайцевъ, къ безплодной растратѣ цѣлыхъ милліардовъ изъ казны англійскаго народа, къ удвоенію военнаго и морского бюджетовъ; и съ другой стороны, къ усиленію вліянія духовенства въ народныхъ школахъ, къ обогащенію на народный счетъ пивоваровъ и кабатчиковъ, къ росту числа безработныхъ и къ ухудшенію условій жизни рабочихъ классовъ.

„Наша задача, когда власть перейдетъ въ наши руки, будетъ поэтому двойная. Мы будемъ избѣгать хвастливой и безумной аггрессивной политики и стремиться въ веденіи государственныхъ дѣлъ къ строгой экономіи. И во-вторыхъ, мы будемъ всѣми средствами, имѣющимися въ нашихъ рукахъ, при помощи законодательныхъ мѣръ и путемъ административной власти, при помощи содѣйствія общественнаго мнѣнія и путемъ приглашенія всѣхъ слоевъ помогать намъ своими совѣтами,—всѣми этими орудіями общественной самодѣятельности мы будемъ способствовать повышенію уровня потребностей рабочихъ классовъ. Мы будемъ стараться, чтобы они сами создали себѣ болѣе благопріятныя условія жизни, чтобы они имѣли запасъ про черный день, когда наступитъ промышленный кризисъ, и чтобы у нихъ окрѣпла надежда на полное устраненіе въ будущемъ такихъ черныхъ дней (*Одобреніе*). Для націи является опасность, когда большія количества человѣческихъ существъ живутъ скученно въ кварталахъ, лишенныхъ чистаго воздуха и яркаго солнечнаго свѣта, въ домахъ, переполненныхъ народомъ, дорого оплачиваемыхъ и обладающихъ плохими санитарными условіями. Для націи является опасность, когда эти трудящіяся массы, вынужденныя жить въ такихъ принижающихъ и нездоровыхъ условіяхъ, въ то же время подвергаются неодолимому искушенію со стороны этой огромной привилегированной питейной промышленности, которой правительство нашей страны только что дало въ руки новое орудіе для причиненія зла.

„Я спрашиваю: можетъ ли быть болѣе благородная задача для государства, чѣмъ увеличеніе богатства и благосостоянія населенія, чѣмъ болѣе справедливое распредѣленіе этого богатства и благосостоянія путемъ содѣйствія увеличенію спроса на предметы необходимости и комфорта жизни? Теперь многія изъ этихъ потребностей остаются неудовлетворенными. Необходимо помнить и неустанно повторять, что, если вы хо-

тите оживить ваши внутренніе рынки, вы этого не можете достигнуть грубымъ и ложнымъ методомъ покровительственныхъ тарифовъ. Чтобы добиться расширенія рынковъ, необходимо повысить общій уровень жизненныхъ потребностей, нужно уничтожить эти стоячія болота нищеты, являющіяся позоромъ для нашего имени. И разъ вы достигнете этого расширенія внутренняго рынка, расширится также и станетъ болѣе устойчивымъ спросъ на трудъ, и уменьшится сила промышленныхъ кризисовъ (*Одобреніе*). Поэтому мы должны прежде всего вступить въ упорную и безстрашную борьбу съ этими нищенскими условіями жизни трудящихся классовъ и уничтожить эту нищету или, по крайней мѣрѣ, существенно ослабить ее. Мы должны бороться безпощадно съ монополіями и классовыми привилегіями, являющимися источниками общественныхъ золъ и стоящими на пути къ національному прогрессу (*Одобреніе*). Мы должны расширить полномочія органовъ мѣстнаго самоуправленія, перераспредѣлить нашу налоговую систему и измѣнить поземельные законы такимъ образомъ, чтобы въ городахъ и деревняхъ участки земли для постройки дешевыхъ домовъ и для земледѣлія сдѣлались болѣе доступными. Мы должны, словомъ, уравнять для всѣхъ бремя государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ и дать передъ лицомъ закона каждому человѣку одинаковые шансы въ борьбѣ за существованіе. (*„Слушайте! слушайте“!*). Дайте каждому человѣку возможность пробиться въ жизни,— такова дорога къ прогрессу, счастію и могуществу націи. По этой дорогѣ ведетъ насъ истинная, а не ложная мудрость, истинный, а не квасной патріотизмъ и, добавлю, истинный, а не предательскій имперіализмъ". (*Шумное, долгое рукоплесканіе*).

Мы здѣсь имѣемъ широкую программу общественныхъ реформъ, но, къ сожалѣнію, изложенную въ столь общихъ выраженіяхъ, что подъ ними можно понимать и весьма многое и очень малое. На другой день произнесъ большую рѣчь Джонъ Морлей, другой видный лидеръ либеральной партіи, получившій кличку „честнаго Джона“ за свою безусловную искренность и прямоту. Но и „честный Джонъ“ большую часть своей рѣчи посвятилъ нападенію на имперіалистскую и протекціонистскую политику правительства; программу же будущаго либеральнаго министерства онъ опять-таки обрисовалъ лишь въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ. Совершенно также поступили и другіе крупные вожди либеральной партіи: Асквитъ, сэръ Эдуардъ Грэй и др. Предположимъ, однако, что эти общія обѣщанія слѣдуетъ толковать въ широкомъ смыслѣ, и посмотримъ, въ состояніи ли будетъ либеральное правительство провести коренную реформу земельныхъ, аграрныхъ законовъ, сумѣетъ ли оно „бороться безпощадно съ монополіями и классовыми привилегіями, являющимися источниками общественныхъ золъ и стоящими на пути къ національному прогрессу“?

Голосъ народныхъ массъ, несомнѣнно, окажется на сторонѣ правительства, искренно стремящагося къ реформамъ. Большинство избирателей на ближайшихъ всеобщихъ выборахъ будетъ на сторонѣ либераловъ. Со времени окончанія южно-африканской войны и, слѣдовательно, исчезновенія военной горячки, въ Англіи было болѣе сорока частичныхъ выборовъ, т. е. выборовъ, назначенныхъ въ отдѣльныхъ избирательныхъ округахъ по случаю смерти или выхода въ отставку прежняго члена парламента. Эти 40 округовъ раньше были представлены 29 консервативными и 11 либеральными и рабочими депутатами; теперь же, послѣ частичныхъ выборовъ, эти округа послали въ парламентъ 26 либеральныхъ и рабочихъ депутатовъ и только 14 консерваторовъ. Такимъ образомъ, 15 мѣстъ изъ 40 перешли въ руки прогрессивной партіи. И если на ближайшихъ общихъ выборахъ избиратели всѣхъ округовъ будутъ вотировать такъ же, какъ они вотировали на частичныхъ выборахъ, то въ одной только Англіи и Шотландіи, не считая Ирландіи, на долю либеральной и рабочей партій достанется приблизительно на 200 депутатскихъ мѣстъ больше, чѣмъ на долю консервативной партіи. Либеральная партія, такимъ образомъ, окажется всесильной въ палатѣ общинъ и, повидимому, она сумѣетъ выполнить обѣщанія, данныя въ приведенной выше рѣчи ея вождя. Но это только повидимому. Она могла бы это сдѣлать, если бы въ Англіи воля большинства членовъ палаты общинъ была бы всесильной, если бы было совершено справедливо гордое заявленіе Гладстона: „Мы — самоуправляющаяся нація, т. е. нація, управляемая голосомъ большинства ея членовъ“. Но на самомъ дѣлѣ, согласно англійской конституціи, голосъ большинства здѣсь еще далеко не имѣетъ рѣшающей силы.

Въ Англіи, какъ извѣстно, верховная власть принадлежитъ королю, палатѣ лордовъ и палатѣ общинъ. Никакая мѣра не можетъ сдѣлаться закономъ и потому не имѣетъ силы въ странѣ, если она не принята всѣми этими тремя элементами верховной власти. Власть короля строго ограничена конституціонными законами. Она не можетъ проявляться иначе, какъ черезъ посредство кабинета министровъ, которые, согласно конституціонному обычаю, отвѣтственны передъ палатой общинъ и избираются изъ среды партіи, имѣющей большинство мѣстъ въ этой палатѣ. Такимъ образомъ, англійскій король не имѣетъ никакой дѣйствительной власти. Король царствуетъ, но не управляетъ, не вмѣшивается въ государственныя дѣла. Онъ можетъ принять или отвергнуть законъ, прошедшій черезъ обѣ палаты парламента. Но и въ этомъ вопросѣ онъ долженъ всецѣло подчиниться указанію главы кабинета министровъ. Страной въ дѣйствительности управляетъ кабинетъ министровъ. И хотя

королю принадлежитъ право увольненія и назначенія кабинета министровъ, но и въ этомъ вопросѣ онъ долженъ всецѣло руководиться голосомъ большинства палаты общинъ. Власть англійскаго короля, такимъ образомъ, чисто номинальная.

Нельзя того же сказать о власти палаты лордовъ. Эта палата имѣетъ по конституціи право участія въ законодательной дѣятельности страны, почти равное праву, принадлежащему палатѣ общинъ. Палата общинъ имѣетъ преимущество передъ палатой лордовъ только въ выработкѣ финансовыхъ законопроектовъ. Государственный бюджетъ, равно какъ и установленіе новыхъ или отмѣна старыхъ налоговъ и вообще всякая реформа податной системы вырабатываются исключительно палатой общинъ и уже во вполнѣ обработанномъ видѣ пересылаются въ палату лордовъ, которая можетъ или цѣликомъ отвергнуть или цѣликомъ принять ихъ, но не имѣетъ права вносить какія-либо поправки или измѣненія. И такъ какъ палата общинъ можетъ внести желательныя ей податныя реформы въ государственный бюджетъ въ видѣ части его, то палатѣ лордовъ приходится подчиниться въ этомъ отношеніи волѣ палаты общинъ: отвергнуть весь законопроектъ о государственномъ бюджетѣ она не можетъ, такъ какъ это пріостановило бы всю дѣятельность государственнаго механизма. Въ 1861 г. палата лордовъ сдѣлала послѣднюю попытку вмѣшаться въ финансовыя дѣла страны. Она отказала въ своемъ согласіи законопроекту относительно уничтоженія налога на бумагу, стѣснявшаго свободу печати. Но палата общинъ энергично отстояла свои исключительныя права на финансовыя мѣры, и съ тѣхъ поръ эти права болѣе не оспаривались палатой лордовъ.

Такимъ образомъ, единственной областью, находящейся въ исключительномъ завѣдываніи палаты общинъ, т. е. прямыхъ представителей англійской націи, является область государственнаго хозяйства и налоговой системы. И хотя эта область въ Англіи далеко еще отъ *того порядка*, какой уже выработанъ наукой финансоваго права и политической экономіи, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ области государственныхъ финансовъ и налоговой системы Англія далеко опередила всѣ другія европейскія страны. Въ 1894 году либеральный министръ финансовъ Вильямъ Гаркортъ ввелъ налогъ на наслѣдства, который теперь доставляетъ казнѣ около 170 мил. р. въ годъ *). Въ основѣ этого налога положена справедливая мысль, что богатства, достающіяся наслѣдникамъ, являются для послѣднихъ ничѣмъ не заслуженнымъ даромъ, что эти богатства не представляютъ собой результата труда наслѣдниковъ, и что поэтому государство имѣетъ право воспользоваться по крайней мѣрѣ частью богатствъ своихъ умершихъ гражданъ. И чѣмъ неожиданнѣе и крупнѣе эти сваливающіяся на головы наслѣдниковъ богатства, тѣмъ значительнѣе должна быть часть, удѣляемая въ пользу государственной казны. По закону Гаркорта казна взимаетъ 1% съ наслѣдствъ въ 1.000—5.000 р., 2%—съ наслѣдствъ въ 5.000—10.000 р., 3%—съ наслѣдствъ въ 10.000—100.000 р. и т. д. Съ наслѣдствъ, оцѣниваемыхъ въ 100.000.000 р. и выше, взимается 8%, т. е. 8 мил. р. со 100 мил. р. Точно такимъ же образомъ измѣняется доля, достающаяся казнѣ, въ зависимости отъ большей или меньшей отдаленности степени родства наслѣдника съ лицомъ, оставившимъ наслѣдство. Съ наслѣдствъ, достающихся лицамъ, не находящимся ни въ какой степени родства съ завѣщателемъ, казна взимаетъ высшую долю, 10%. Таковъ *прогрессивный* налогъ на наслѣдства. На ряду съ этимъ налогомъ въ Англіи существуетъ налогъ на доходъ. Финансовая наука учитъ насъ, что государство должно облагать налогами только такихъ лицъ, которыя получаютъ доходы, и притомъ только такіе доходы, которые превышаютъ необходимыя средства къ существованію. Англійскій подоходный налогъ отвѣчаетъ именно этому принципу финансовой науки. Въ Англіи доходы и заработки, не превышающіе 1.600 руб. въ годъ, совершенно освобождаются отъ налога. Доходы же, превышающіе эту сумму, облагаются налогомъ въ 5%; но этотъ налогъ, въ зависимости отъ государственныхъ нуждъ, понижается или повышается. Такъ, передъ послѣдней (южно-африканской) войной взималось только 3¾% съ доходовъ. Потомъ, во время войны, налогъ этотъ былъ повышенъ до 6¼%; а въ началѣ прошлаго столѣтія, во время войнъ съ Наполеономъ, онъ достигалъ 10%. Въ этой-то *эластичности* англійскаго подоходнаго налога заключается его главное достоинство. Но финансовая наука требуетъ также, чтобы подоходный налогъ былъ и *прогрессивенъ* (какъ мы это видѣли выше на примѣрѣ налога на наслѣдства), а именно, чтобы крупные доходы облагались сравнительно сильнѣе, чѣмъ болѣе мелкіе, т. е. чтобы съ каждыхъ 100 р. крупныхъ доходовъ взималось болѣе, чѣмъ съ каждыхъ 100 р. сравнительно мелкихъ доходовъ. Предполагается, что для человѣка, получающаго 10.000 руб. въ годъ, гораздо менѣе чувствительно заплатить 1.000 руб. налога, чѣмъ для человѣка, получающаго 2.000 р., заплатить 200 р., потому что у перваго все еще останется 9.000 р., а у второго лишь 1.800 р., т. е. въ 5 разъ меньше. Вотъ этотъ-то принципъ прогрессивности пока еще проведенъ очень слабо въ англійскомъ подоходномъ налогѣ. Мы видѣли, что доходы, не превышающіе 1.600 р., совершенно освобождаются отъ налога; налоги на доходы отъ 1.600—7.000 р. взимаются не со всей суммы, а только съ

---

*) Мы вездѣ переводимъ англійскіе фунты стерлинговъ на рубли, считая по 10 руб. за 1 ф. ст.

части доходовъ; но принципъ прогрессивности совершенно исчезаетъ для доходовъ, превышающихъ 7.000 р. въ годъ: всѣ доходы выше этой суммы платятъ одинаковый процентъ налоговъ.

Демократичность англійскихъ налоговъ проявляется и въ другихъ отрасляхъ податной системы. Таможенныя пошлины существуютъ почти исключительно только для предметовъ роскоши: заграничныхъ винъ, какао и шоколада, табачныхъ издѣлій. Только въ самое послѣднее время обложенъ пошлиной сахаръ и усилена пошлина на чай. Эти реакціонныя мѣры удалось провести консервативному министерству во время возбужденія, вызваннаго южно-африканской войной.

Если исключить вопросы финансовые и податные, то во всей остальной законодательной дѣятельности палата лордовъ имѣетъ равныя права съ палатой общинъ. Она имѣетъ, наравнѣ съ палатой общинъ, право законодательной иниціативы, т. е. право вносить на обсужденіе свои собственные законопроекты. Ей принадлежитъ также право вносить, какія она найдетъ нужнымъ, поправки къ законопроектамъ, принятымъ палатой общинъ. Наконецъ, палата лордовъ по конституціи имѣетъ право и совершенно отвергнуть законопроекты, прошедшіе черезъ палату общинъ, и свести такимъ образомъ къ нулю всѣ попытки этой палаты народныхъ представителей провести полезныя странѣ реформы. И этимъ своимъ правомъ она нерѣдко пользуется. Эти равныя права обѣихъ палатъ во всѣхъ отрасляхъ законодательной дѣятельности стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ вышеприведеннымъ заявленіемъ Гладстона, что англійская нація управляется „голосомъ большинства ея членовъ". По своему составу палата лордовъ совсѣмъ не является выразительницей желаній большинства англійскаго народа, а между тѣмъ отъ нея зависитъ судьба всякаго закона (кромѣ финансоваго). Членами этой палаты являются не лица, избранныя населеніемъ, а старшіе представители титулованныхъ фамилій (князья, графы, маркизы, лорды), и право ихъ засѣдать въ парламентѣ есть право пожизненное и наслѣдственное, переходящее къ старшему сыну въ родѣ. Епископы и архіепископы господствующей церкви также по конституціи пользуются пожизненнымъ правомъ засѣдать въ палатѣ лордовъ. Такимъ образомъ, палата лордовъ, состоящая изъ 593 членовъ, является представительницей не англійской націи, а лишь нѣсколькихъ сотенъ богатыхъ семействъ, главнымъ образомъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ и высшихъ прелатовъ церкви, получающихъ доходы въ сотни тысячъ и милліоны рублей въ годъ. Такая палата, естественно, является прежде всего защитницей интересовъ крупнаго землевладѣнія, крупныхъ капиталовъ и привилегій господствующей церкви. И въ этомъ фактѣ лежитъ причина того, что на проведеніе какой-нибудь законодательной реформы нерѣдко требуются десятки лѣтъ усиленной агитаціи.

Надо, однако, замѣтить, что власть палаты лордовъ налагать свое запрещеніе, veto, на билли, принятые нижней палатой, не безгранична. Согласно конституціи, король имѣетъ право даровать лордское достоинство любому гражданину Британской имперіи, и всякій новый лордъ получаетъ право засѣдать въ палатѣ лордовъ. Поэтому, если верхняя палата упорно противится проведенію какой-нибудь важной реформы, желательной палатѣ общинъ, то въ рукахъ короля имѣется оружіе для укрощенія своихъ лордовъ. Онъ можетъ возвести въ званіе лордовъ такое количество сторонниковъ реформы, которое было бы достаточно многочисленно, чтобы создать большинство въ палатѣ лордовъ въ пользу этой реформы. Королю нѣтъ даже необходимости прибѣгать къ этому средству: стоитъ ему намекнуть лордамъ о своей готовности прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и они немедленно подчинятся его волѣ, потому что массовое возведеніе въ санъ лордовъ лицъ радикальнаго образа мыслей обезсилило бы палату лордовъ въ ихъ противодѣйствіи не только данной реформѣ, но и всякой другой реформѣ, и понизило бы самое достоинство лордовъ вообще. Исторія послѣдняго вѣка знаетъ нѣсколько случаевъ, когда лордамъ пришлось согласиться на принятіе реформъ изъ страха передъ угрозой короля: такъ прошли избирательная реформа 1832 г., аграрные законы Гладстона, касающіеся Ирландіи, и т. д. Не слѣдуетъ, однако, думать, что король можетъ назначать новыхъ лордовъ по своему произволу. Такое право давало бы ему возможность вмѣшиваться въ политическую жизнь страны, а мы уже видѣли, что англійскій король только „царствуетъ, но не управляетъ". На самомъ дѣлѣ, онъ даже въ вопросѣ возведенія въ лордское достоинство и раздачи титуловъ всецѣло слѣдуетъ указаніямъ своего премьера, главы кабинета министровъ. А министры, какъ мы видѣли, являются выразителями воли большинства палаты общинъ и отвѣтственны только передъ ней. Такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ рѣшающій голосъ въ Англіи имѣетъ палата общинъ, т. е. народныхъ выборныхъ; если она дѣйствительно хочетъ провести данную реформу, она можетъ заставить палату лордовъ пойти на уступки. Палата лордовъ, благодаря своему праву veto, *можетъ задерживать прогрессъ англійскаго законодательства*, но не можетъ окончательно остановить его.

Что же представляетъ собою палата общинъ? Въ принципѣ это есть палата народныхъ представителей, но на дѣлѣ народъ въ ней представленъ весьма несовершенно, какъ мы увидимъ при ближайшемъ разсмотрѣніи системы выборовъ въ эту палату. Согласно англійскому избирательному закону, всякій совершеннолѣтній гражданинъ, занимающій домъ или имѣющій квартиру цѣной не менѣе 100 руб. и проживш

въ данномъ избирательномъ округѣ не менѣе 12 мѣсяцевъ, получаетъ право голоса для выборовъ въ палату общинъ. Но, какъ извѣстно, значительная часть рабочихъ вынуждена мѣнять часто свою квартиру въ своихъ поискахъ за заработкомъ; много есть также и такихъ рабочихъ, которые снимаютъ комнату цѣною менѣе 100 р. въ годъ или которые живутъ у своихъ родителей или хозяевъ. Всѣ эти труженики лишены права голоса. Число избирателей, занесенныхъ въ 1904 г. въ избирательные списки, равнялось 7.066.702, между тѣмъ какъ число совершеннолѣтнихъ гражданъ превышаетъ 10 мил. Такимъ образомъ, почти цѣлая треть лицъ, достигшихъ 21 г., лишена права голоса въ Англіи и не представлена въ парламентѣ.

Вторымъ важнымъ недостаткомъ палаты общинъ является то обстоятельство, что издержки на выборы чрезвычайно высоки. Кандидату въ палату общинъ приходится затратить на одни только выборы не менѣе 5—6 тыс. р., а нерѣдко и цѣлые десятки тысячъ р. Сверхъ того, если ему уже удается попасть въ палату, то ему приходится тратить на свое содержаніе, такъ какъ изъ казны депутаты не получаютъ никакого жалованья, и ему приходится дѣлать массу другихъ расходовъ, неизбѣжно связанныхъ со званіемъ депутата. Законъ нарочно обставилъ выборы цѣлымъ рядомъ обязательныхъ издержекъ, чтобы закрыть доступъ въ палату лицамъ небогатымъ. И въ результатѣ палата общинъ представляетъ собою въ дѣйствительности палату милліонеровъ. Всякій имѣетъ *право* быть выбраннымъ въ палату общинъ, но только крупные богачи имѣютъ *возможность* воспользоваться этимъ правомъ. Число кандидатовъ поэтому ограничено до крайности, и когда наступаютъ выборы, избирателямъ приходится лишь отвѣчать на вопросъ: хотятъ ли они имѣть своимъ представителемъ вотъ этого богача, называющаго себя консерваторомъ, или же того богача, объявляющаго себя либераломъ? Другого выбора у нихъ нѣтъ. Есть, правда, въ палатѣ общинъ, въ видѣ исключенія, около дюжины рабочихъ депутатовъ. Англійскіе рабочіе союзы—трэдъ-юніоны насчитываютъ до 2 мил. членовъ и, благодаря правильнымъ членскимъ взносамъ, многіе изъ этихъ рабочихъ союзовъ имѣютъ въ своихъ кассахъ крупные капиталы. Наиболѣе богатые изъ трэдъ-юніоновъ, убѣдившись въ необходимости имѣть въ палатѣ общинъ представителей изъ своего собственнаго класса, рѣшили покрыть издержки на выборы изъ своихъ кассъ и послать своихъ собственныхъ кандидатовъ. Вотъ такимъ-то образомъ въ парламентѣ очутилась горсть рабочихъ представителей. Но эта дюжина людей, конечно, не можетъ имѣть значенія въ палатѣ, насчитывающей 670 членовъ. Притомъ эта дюжина рабочихъ не имѣетъ никакой общей программы, въ противоположность нѣмецкимъ или французскимъ рабочимъ депутатамъ. Они посланы въ палату не рабо... классовые интересы, а ли... юніонами; и каждый изъ нихъ ... представителемъ интересовъ и ... славшаго его рабочаго союза. А ин... и воззрѣнія нерѣдко отличаются крайней уз... Такъ, всѣ англійскіе рабочіе стоятъ за огр...ниченіе закономъ дѣтскаго труда; но ланкаширскіе ткачи стоятъ противъ такого ограниченія и поэтому посылаютъ одного депутата въ палату общинъ, чтобы бороться противъ законопроектовъ, ограничивающихъ дѣтскій трудъ. Точно также огромное большинство англійскихъ углекоповъ стоятъ за восьмичасовой рабочій день; но дургэмскіе углекопы, вслѣдствіе мѣстныхъ условій труда, не желаютъ такого ограниченія закономъ длины рабочаго дня, и они оплачиваютъ расходы на выборы и содержаніе депутата, который борется противъ всякихъ попытокъ парламента ограничить рабочій день. Во всѣхъ другихъ вопросахъ рабочіе депутаты отстаиваютъ интересы своего класса. Но, связанные порученіями, мандатами, пославшихъ ихъ рабочихъ союзовъ, они расходятся другъ съ другомъ въ частностяхъ и потому не имѣютъ общей программы и не объединены въ независимую партію.

Чтобы закончить съ характеристикой палаты общинъ, отмѣчу еще двѣ ея черты. Англійскіе депутаты избираются на семилѣтній срокъ. Такой долгій срокъ является естественнымъ результатомъ крайней дороговизны выборовъ: частные выборы были бы разорительны даже и для богатыхъ людей. Но длинный срокъ полномочій депутатовъ ослабляетъ ихъ отвѣтственность передъ избирателями, и палата, избираемая на цѣлыхъ семь лѣтъ, можетъ надѣлать много вреда населенію. Такъ, нынѣшняя палата общинъ была выбрана въ 1900 г., когда еще не была закончена южно-африканская война; консервативные депутаты получили огромное большинство мѣстъ, такъ какъ избиратели полагали, что эта партія сумѣетъ успѣшно довести войну до конца. Но война была закончена въ 1901 г., а распущеніе палаты на новые выборы по конституціи обязательны лишь не позже 1907 г. Такимъ образомъ, консервативное министерство, имѣющее за собою большинство голосовъ въ палатѣ, продолжаетъ править страной и проводитъ реакціонные законы, хотя избиратели, какъ можно судить по многимъ признакамъ, давно уже потеряли довѣріе къ посланнымъ ими депутатамъ.

Упомяну еще объ отсутствіи въ Англіи перебаллотировокъ. Избраннымъ считается кандидатъ, получившій на выборахъ наибольшее число голосовъ, хотя бы онъ и не получилъ обсолютнаго большинства голосовъ всѣхъ занесенныхъ въ списки избирателей. Если на выборахъ ставитъ свою кандидатуру рабочій кандидатъ, помимо консервативнаго и либеральнаго, то часть прогрессивныхъ избирателей голосуетъ за ра-

части до[illegible] совочаго, другая—за либерала. И хотя совокупность ихъ голосовъ можетъ значительно превышать число консервативныхъ голосовъ, но такъ какъ они разбиты между двумя кандидатами, то они оба могутъ оказаться въ меньшинствѣ и выбраннымъ можетъ оказаться консерваторъ. Если бы была перебаллотировка, какъ это имѣетъ мѣсто во Франціи или Германіи, прогрессивные голоса соединились бы на томъ изъ двухъ прогрессивныхъ кандидатовъ, который имѣетъ больше шансовъ на побѣду, и на вторыхъ, окончательныхъ выборахъ консервативный кандидатъ былъ бы побѣжденъ. Вотъ вслѣдствіе этого-то отсутствія перебаллотировокъ, въ Англіи борьба на выборахъ ведется обыкновенно лишь между двумя кандидатами, либеральнымъ и консервативнымъ; „трехугольные" выборы, т. е. при трехъ кандидатахъ, являются здѣсь исключеніемъ. Отсутствіе перебаллотировокъ есть, такимъ образомъ, еще одно условіе, затрудняющее рабочимъ классамъ доступъ въ парламентъ.

Легко предвидѣть, какой получится составъ палаты при всѣхъ этихъ ограниченіяхъ. Въ числѣ членовъ нынѣшней палаты общинъ имѣется 78 крупныхъ желѣзнодорожныхъ акціонеровъ; между тѣмъ желѣзнодорожные рабочіе и служащіе, число которыхъ достигаетъ 400.000 чел., имѣютъ только одного своего депутата. Землевладѣльцы имѣютъ 155 депутатовъ, а сельско-хозяйственные рабочіе только одного. Владѣльцы каменноугольныхъ копей имѣютъ 22 мѣста въ палатѣ общинъ, а союзы углекоповъ съ ихъ 655.000 членовъ—только семь мѣстъ, и т. д. Совершенно естественно, что когда въ палатѣ общинъ вносится какой-нибудь билль, имѣющій въ виду интересы рабочихъ классовъ, т. е. большинства населенія Англіи, то голосъ палаты высказывается противъ него, потому что такой билль шелъ бы въ разрѣзъ съ интересами владѣющихъ классовъ, изъ представителей которыхъ и состоитъ палата. Нерѣдко, однако, подъ давленіемъ избирателей, палата общинъ принимаетъ прогрессивный законопроектъ; но и въ такихъ случаяхъ у депутатовъ всегда есть скрытая увѣренность, что законопроектъ этотъ провалится въ палатѣ лордовъ. И только когда становится яснымъ, что народное недовольство готово вылиться въ опасныя волненія, палата общинъ и вслѣдъ за ней палата лордовъ уступаютъ требованіямъ времени.

Мы можемъ теперь отвѣтить на поставленный выше вопросъ: будутъ ли выполнены будущимъ либеральнымъ министерствомъ широкія обѣщанія реформъ, данныя Кампбель-Баннерманомъ? Мы отвѣчаемъ безъ колебаній, что никакой серьезной реформы, направленной противъ „классовыхъ привилегій и монополіи", проведено не будетъ. Милліонеры палаты общинъ не отдадутъ добровольно своихъ привилегій, и если бы они даже приняли какой-нибудь радикальный билль, то лишь въ полной увѣренности, что палата лордовъ не пропуститъ его. Никакая серьезная соціальная или экономическая реформа невозможна, пока не будетъ проведена политическая реформа, пока не будетъ реформированъ парламентъ. Англія есть самоуправляющаяся нація, потому что власть англійскаго короля есть лишь своего рода декорація, лишенная дѣйствительнаго содержанія. Англія есть также страна парламентарная, потому что исполнительная власть въ ней отвѣтственна передъ парламентомъ. Но ея парламентаризмъ несовершененъ: онъ построенъ на принципѣ аристократизма и плутократизма, а не на чисто демократическихъ началахъ. Поэтому Англія страдаетъ *не вслѣдствіе* парламентаризма, какъ это утверждаютъ нѣкоторые односторонніе или пристрастные умы, а наоборотъ, она страдаетъ вслѣдствіе недостаточности ея парламентаризма, вслѣдствіе слабости его демократическаго элемента. И чѣмъ болѣе будутъ развиты демократическія начала ея парламентарной системы, тѣмъ болѣе мощнымъ будетъ шествіе англійской націи по пути прогресса.

Наиболѣе радикальные слои либеральной партіи уже давно выработали проектъ реформы парламента. Они требуютъ, чтобы парламентъ избирался на трехлѣтній, а не семилѣтній срокъ; чтобы всякій гражданинъ, достигшій 21 года, получалъ избирательныя права, если онъ прожилъ въ данномъ округѣ не менѣе трехъ мѣсяцевъ; чтобы избирательныя издержки оплачивались казной и изъ казны же выдавалось жалованье членамъ парламента; чтобы была введена перебаллотировка, и, наконецъ, чтобы у палаты лордовъ было отнято право налагать запрещеніе, veto, на билли, принятые палатой общинъ. Эти реформы несомнѣнно превратили бы нынѣшній парламентъ изъ аристократическаго въ демократическое учрежденіе. Но такія реформы могутъ быть проведены въ жизнь только подъ давленіемъ сильной и независимой рабочей партіи. Такая партія въ настоящее время и образуется въ Англіи; но объ ней мы поговоримъ въ другой разъ.

Д. Альбіоновъ.

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

Предпринятое японцами общее наступленіе для многихъ явилось неожиданностью. Мало кто вѣрилъ въ возможность веденія въ это время года серьезныхъ операцій, которыми можно бы было добиться рѣшительныхъ результатовъ. Сообщаемыя свѣдѣнія объ отношеніи силъ противниковъ, движеніе арміи ген. Гриппенберга, большая привычка къ суровымъ погодамъ нашего солдата и много второстепенныхъ обстоятельствъ—все это скорѣе позволяло предвидѣть наше наступленіе, вѣроятнымъ срокомъ котораго многіе считали одно изъ чиселъ второй половины февраля.

Однако, маршалъ Ояма рѣшилъ предупредить подобный шагъ нашего главнокомандующаго и двинулъ свои силы впередъ въ началѣ этого мѣсяца. Такое рѣшеніе, очевидно, явилось результатомъ взвѣшиванія многихъ обстоятельствъ силы, пространства и времени, и мы постараемся, по мѣрѣ возможности, показать тѣ изъ нихъ, которыя поддаются какому-нибудь учету.

Въ послѣднемъ нашемъ обозрѣніи мы указали на нѣкоторые признаки, которые безспорно утверждаютъ мнѣніе о возможности, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, развитія японскихъ операцій непосредственно противъ Владивостока. Къ перечисленнымъ уже признакамъ въ настоящее время можно прибавить такія важныя обстоятельства, какъ переводъ крѣпости изъ 2-го въ 1-й разрядъ, объявленіе ея на осадномъ положеніи, слухи высадкѣ новой японской арміи на материкъ и, наконецъ, неоднократныя заявленія видныхъ политическихъ дѣятелей Японіи о необходимости захвата Владивостока для возможности предъявить Россіи въ будущемъ опредѣленныя требованія. Овладѣніе Владивостокомъ является для японскихъ стратеговъ задачей, которую имъ ставитъ и политика и обстоятельства чисто военнаго характера, о которыхъ мы уже говорили прошлый разъ.

Какимъ же путемъ противникъ нашъ можетъ разрѣшить эту проблему?

Комбинированіе важнѣйшихъ условій всякой операціи въ примѣненіи къ данному случаю убѣждаетъ насъ въ возможности для противника осуществить свой планъ только двумя путями. Въ одномъ случаѣ онъ можетъ высадить свою новую самостоятельную армію въ какомъ-либо пунктѣ южнѣе Владивостока и двинуться прямо на крѣпость. Обложивъ ее съ суши, непріятель долженъ будетъ выставить самостоятельный отрядъ, который въ зависимости отъ обстоятельствъ послужитъ либо заслономъ, либо активной силой въ тылу нашихъ манчжурскихъ армій. Надо полагать, что благоразуміе, свойственное въ высокой степени нашему противнику, побудило бы его воздержаться отъ непосредственныхъ операцій противъ крѣпости, если бы онъ не имѣлъ достаточныхъ силъ для одновременнаго наступленія къ западу отъ Владивостока. Слишкомъ опаснымъ является десантный маневръ, не прикрытый со стороны сильнаго противника дѣйствительными средствами. Такимъ средствомъ можетъ быть только наступленіе отъ Владивостока къ Харбину, чѣмъ вызывается движеніе нашей главной арміи къ сѣверу для обезпеченія своего угрожаемаго жизненнаго пункта. Вслѣдъ за отступающими нашими силами двинулся бы и маршалъ Ояма, который, получивъ на сѣверѣ подкрѣпленіе своего праваго крыла, смогъ бы стать своими главными силами между крѣпостью и арміями генерала Куропаткина.

Такимъ образомъ создалось бы по отношенію къ Владивостоку положеніе, схожее съ портъ-артурскимъ. Такое же положеніе можетъ быть достигнуто другимъ путемъ. Пятая армія противника можетъ пойти на усиленіе праваго крыла маршала Оямы, которое повиснетъ надъ нашими силами, какъ то было до Ляояна. Вынужденное вслѣдствіе этого отступленіе генерала Куропаткина могло бы быть продолжено до Харбина, пункта, гдѣ маршалъ Ояма неизбѣжно изолируетъ Владивостокъ и прикроетъ своими главными силами частныя операціи противъ этой крѣпости. Второй путь не требуетъ чрезмѣрнаго количественнаго преобладанія и менѣе рисkованъ, но зато, по сравненію съ пе... дленнѣе ведетъ къ достиженію цѣл... игравшіяся событія позволяютъ дума... японцы болѣе склонны къ принятію по... няго плана, такъ какъ они стремятся выз... отступленіе нашихъ армій до начала операц... противъ Владивостока.

Таковы общія соображенія, освѣщающія въ сильной степени необходимость для нашего противника общаго перехода въ наступленіе. Но подобное движеніе впередъ было бы осуждено оставаться въ области неисполнимыхъ желаній, если бы не имѣлись на лицо обстоятельства, позволявшія осуществить задуманный ходъ. Указаніе этихъ обстоятельствъ выясняетъ въ извѣстной степени направленіе и характеръ бывшаго сраженія и даетъ представленіе о причинахъ его возникновенія въ тотъ или иной моментъ общаго хода событій на театрѣ войны.

Однимъ изъ первыхъ факторовъ успѣшнаго наступленія является условіе численнаго перевѣса, и японцы, судя по свѣдѣніямъ изъ нашихъ и японскихъ источниковъ, вполнѣ располагали имъ. Къ началу сраженія противникъ подтянулъ всѣ силы ген. Ноги и ввелъ въ сферу расположенія своихъ армій территоріальныя дивизіи ген. Кавамуры (числомъ 3 или 4). По свѣдѣніямъ нашего официальнаго военнаго органа „Русс. Инв.", имѣвшіяся въ распоряженіи маршала Оямы силы достигли 13-ти дивизій (гвардейская, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 10-я, 11-я и 12-я) и 11 резервныхъ бригадъ (гвардейская, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 9-я, 10-я, 11-я и 12-я) и, не считая территоріальныхъ войскъ, были распредѣлены, повидимому, слѣдующимъ образомъ.

Правый флангъ, дѣйствовавшій подъ общимъ начальствомъ ген. Куроки, на фронтѣ нашихъ позицій отъ Кандолисана до Кудяза, составляли 3 полевыхъ дивизіи (гвардейская, 2-я и 12-я) и 5 резервныхъ бригадъ (гвардейская, 2-я, 5-я, 9-я и притянутая съ р. Ялу 12-я), не считая нѣсколькихъ бригадъ территоріальной арміи, несомнѣнно, подтянутыхъ къ району Узянчана изъ числа высаженныхъ въ Гензанѣ для наступленія, будто бы, къ Владивостоку, а по послѣднимъ сообщеніямъ заграничной печати—для обхода лѣваго фланга нашего расположенія.

Центръ расположенія японскихъ армій состоялъ изъ 2-хъ полевыхъ дивизій (5-я и 6-я) и 3 резервныхъ бригадъ (4-я, 6-я и 10-я).

Лѣвый флангъ японскаго наступленія, повидимому, образовалъ 2 группы: а) обходящую армію въ составѣ 4 дивизій (1-я, 7-я, 9-я и 11-я) и 2 резервныхъ бригадъ (1-я и 11-я) и б) подчиненную командовавшему войсками центра генералу Оку группу, дѣйствовавшую вдоль р. Хуньхэ для обезпеченія праваго фланга обходящей арміи и состоявшую, повидимому, изъ 2 полевыхъ дивизій (3-я и 4-я) и 1 резервной бригады (3-я). Остальныя 2 полевыя дивизіи, а именно—8-я и 10-я, повидимому, образовали собою резервъ обѣихъ группъ лѣваго фланга, державшійся въ районѣ долины р. Хуньхэ.

Такимъ образомъ, на лѣвомъ флангѣ японцами было сосредоточено не менѣе 8 дивизій и 3 резервныхъ бригадъ.

Кромѣ того, концентрированіе своихъ силъ къ моменту начала сраженія и пополненіе потерь во время многочисленныхъ частныхъ боевъ маршалъ Ояма могъ производить за счетъ ослабленія своего тыла, чего мы не могли дѣлать въ такой же степени. Всѣ эти обстоятельства позволили японскому главнокомандующему сосредоточить на полѣ

Масштабъ 10 верстъ въ 1 дюймѣ.

сраженія превосходныя силы, что замѣтно сказывалось во всѣхъ происшедшихъ бояхъ.

Выборъ времени наступленія японскихъ армій явился результатомъ нѣсколькихъ весьма вѣскихъ соображеній. Прежде всего маршалъ Ояма желалъ использовать временное значительное превосходство своихъ силъ,—превосходство, которое должно было въ сильной степени исчезнуть съ подходомъ въ мартѣ къ генералу Куропаткину подкрѣпленій изъ Европейской Россіи. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, японскій главнокомандующій долженъ былъ начать наступленіе именно въ первыхъ числахъ февраля, такъ какъ къ концу этого мѣсяца въ Манчжуріи начинается распутица, въ которую невозможны обширныя операціи и въ теченіе которой мы получили бы ожидаемыя подкрѣпленія. Потомъ маршалъ Ояма счелъ своевременнымъ использовать моральное вліяніе неудачнаго движенія генерала Гриппенберга и отрицательное значеніе пертурбацій въ высшемъ командованіи нашими арміями, явившееся результатомъ той же неудачи. Кромѣ того, японскій главнокомандующій ускорилъ общее наступленіе съ цѣлью не дать намъ времени для очищенія тыла нашихъ армій отъ появившихся тамъ японо-хунхузскихъ отрядовъ. Намѣреваясь выполнить обходъ нашего праваго фланга съ нарушеніемъ нейтралитета Китая, не обращая вниманія на условныя политическія границы театра военныхъ дѣйствій, неоднократно нарушаемыя обѣими сторонами въ ихъ мелкихъ операціяхъ, онъ спѣшилъ это сдѣлать до того времени, когда мы, наученные дѣятельностью японцевъ въ Монголіи, примемъ надлежащія мѣры противодѣйствія. Всѣ эти соображенія должны были оказать свое вліяніе на рѣшеніе маршала Оямы предпринять общее наступленіе, начало котораго, какъ мы знаемъ, онъ и пріурочилъ къ 6 февраля.

Въ основу японскаго плана общаго наступленія легли соображенія, основанныя на расчетѣ, на преимуществѣ численнаго превосходства армій маршала Оямы и несокрушимости позицій на рѣкѣ Шахэ, особенно сильно укрѣпленныхъ за послѣднее время съ подвозомъ сюда тяжелой артиллеріи изъ-подъ Портъ-Артура. Въ зависимости отъ этихъ

Масштабъ 10 верстъ въ 1 дюймъ.

двухъ обстоятельствъ противникъ повелъ весьма энергичное наступленіе на нашъ лѣвый флангъ и на центръ и выполнилъ, въ силу указаннаго количественнаго преимущества, обходъ нашего расположенія на западѣ отъ полотна желѣзной дороги. Укрѣпленный центръ сыгралъ роль оси захожденія фланговыхъ армій непріятеля, изъ которыхъ восточная имѣла центральную цѣль наступленія—Фуншунъ, открывающій доступъ къ Тѣлину, а западная обезпечивала своимъ продвиганіемъ впередъ связь главныхъ армій съ обходной. Отдѣльные эпизоды выполненія этого плана пріобрѣтали въ разное время свое стратегическое значеніе настолько важное, что является возможнымъ считать указанный исходъ результатомъ извѣстнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ, а не эти обстоятельства—слѣдствіемъ осуществленія основной идеи плана. Для насъ, впрочемъ, безразлично, осуществлялся ли заранѣе составленный планъ, или онъ выработался уже во время самаго сраженія. Въ настоящее время болѣе существеннымъ является отмѣтить главные періоды происшедшаго боя, ибо такое расчлененіе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на смыслъ описанныхъ выше многочисленныхъ частныхъ столкновеній.

Наступленіе японцевъ впервые было обнаружено 6 февраля на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, въ гористой мѣстности южныхъ отроговъ Далинскаго хребта. Продолжалось оно съ замѣтнымъ для японцевъ успѣхомъ вплоть до 13 февраля, когда восточная армія противника ген. Куроки была остановлена на укрѣпленной линіи селеній Гаотулинъ-Убенапуза-Кудяцзы. Всѣ дальнѣйшія усилія противника, выразившіяся цѣлымъ рядомъ ожесточенныхъ атакъ, веденныхъ вплоть до 22 февраля, не привели его къ какимъ-либо тактическимъ результатамъ, но, какъ увидимъ далѣе, имѣли весьма важное стратегическое значеніе. Почему маршалъ Ояма началъ наступленіе своимъ правымъ флангомъ и продолжалъ его здѣсь до 17 февраля безъ участія на другихъ фронтахъ своихъ 2-й и 3-й арміи,—это вопросъ, на который пока трудно было бы дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Въ настоящее время представляется лишь возможнымъ отмѣтить нѣкоторыя соображенія и обстоятельства, которыя могутъ въ извѣстной степени объяснить подобный шагъ японскаго главнокомандующаго. Прежде всего необходимо напомнить, что лѣвое крыло нашей арміи, силы генерала Леневича, до начала японскаго наступленія занимало охватывающее, по отношенію къ позиціямъ противника на р. Шахэ, положеженіе. Поэтому для маршала Оямы являлась настоятельная необходимость выровнять, для цѣлей общаго наступленія, линію расположенія своихъ армій. Ген. Куроки не только выполнилъ эту задачу, но успѣлъ въ своемъ наступленіи оттѣснить наше лѣвое крыло настолько, что самъ занялъ нависшее положеніе по отношенію къ арміи ген. Бильдерлинга. Слѣдующей побудительной причиной движенія правофланговыхъ армій противника была для него необходимость обезпечить свои сообщенія съ среднимъ теченіемъ рѣки Ялу, откуда, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и предположеніямъ, крайніе восточные его отряды получаютъ свое снабженіе. Другими словами, крайній правый флангъ японцевъ стремился обезпечить себѣ базированіе на среднее теченіе рѣки Ялу, и, какъ видимъ, наступленіемъ ген. Куроки эта задача была успѣшно разрѣшена, такъ какъ изъ все выясняющихся обстоятельствъ видно, что именно сюда были притянуты силы ген. Хасегавы изъ сѣверо-восточной Кореи и высадившіяся въ Гензанѣ территоріальныя дивизіи ген. Кавамуры. Съ этой точки зрѣнія для насъ не явилось бы неожиданностью подтвержденіе слуховъ изъ японскихъ источниковъ объ организаціи маршаломъ Оямой дальняго стратегическаго обхода лѣваго фланга нашей отступающей арміи. Главный, наконецъ, смыслъ энергичнаго наступленія правофланговыхъ армій противника кроется въ намѣреніи произвести серьезнѣйшую демонстрацію противъ лѣваго фланга арміи ген. Куропаткина съ цѣлью оттянуть наши силы съ праваго фланга. Такъ какъ демонстрація была произведена по правилу: „Демонстрирующій самъ не долженъ знать, что онъ производитъ демонстрацію",—то дѣятельность ген. Куроки носила характеръ рѣшительнаго наступленія, и для ген. Куропаткина дѣйствительно стало необходимымъ усилить свой лѣвый флангъ, что и сказалось въ увеличеніи стратегическаго резерва въ Фушунѣ за счетъ второго резерва, могущаго быть сосредоточеннымъ гдѣ-либо у Мукдена. По частнымъ свѣдѣніямъ, мы перебросили съ запада на востокъ (отъ Мукдена до Фушуна свыше 30 верстъ) цѣлый корпусъ, т. е. 30 тыс. человѣкъ. Это перемѣщеніе должно было быть произведено около 17 февраля, такъ какъ въ этотъ день японцы начали атаковать позиціи нашего центра и одновременно перешли въ наступленіе вдоль рѣки Хуньхэ лѣвымъ крыломъ своей западной арміи и правымъ флангомъ обходящей группы войскъ, движеніе которой къ сѣверу, вдоль Ляохэ, было обнаружено еще наканунѣ, 16 февраля. Остальные отряды обходящей арміи японцевъ распространялись далѣе къ сѣверу, за дорогу изъ Мукдена въ Синминтинъ. Такимъ образомъ, къ этому времени центръ тяжести наступленія японцевъ перемѣстился въ западный районъ расположенія нашей арміи, и дальнѣйшія операціи противника въ этомъ мѣстѣ производились подъ прикрытіемъ ожесточенныхъ демонстрацій на лѣвомъ нашемъ флангѣ и въ центрѣ. До 20 февраля японцы успѣли вдоль рѣки Хуньхэ занять рядъ нашихъ укрѣпленныхъ позицій и такимъ образомъ обезпечить себя отъ возможности прорыва здѣсь линіи ихъ расположенія и отъ слѣдующей отсюда опасности для обходящей арміи быть отрѣзанной отъ главныхъ силъ. Ген. Куропаткину оставалось либо самому перейти въ обходъ обходящей арміи противника, либо перемѣнить фронтъ расположенія арміи ген. Каульбарса. Для осуществленія перваго плана у нашего главнокомандующаго не было надлежащаго количества войскъ, прочно прикованныхъ яростными демонстраціями противника къ линіи своего расположенія, и ген. Куропаткинъ принялъ единственное остающееся въ его распоряженіи средство противодѣйствія—перемѣну фронта. Средство единственное, какъ мы сказали, и, къ сожалѣнію, наименѣе выгодное, такъ какъ допускаетъ только лишь пассивную оборону.

Въ виду этого обстоятельства частныя отступленія начались 22 февраля, а въ ночь на 23-е число арміи генерала Бильдерлинга и генерала Леневича были уже въ движеніи на укрѣпленныя позиціи на рѣкѣ Хуньхэ.

На слѣдующій день, по донесенію корреспондента „Нов. Врем." г. Табурно, войска наши занимали слѣдующее положеніе: вдоль рѣки Хуньхэ, начиная около пятнадцати верстъ восточнѣе Фушуна до Мадяпу на западѣ, далѣе на сѣверъ параллельно желѣзной до-

рогѣ въ разстояніи шести-восьми верстъ отъ нея до высоты Разъѣзда 97-го, находящагося въ девяти верстахъ на сѣверъ отъ станціи Мукденъ. Въ этотъ день свирѣпствовалъ страшный ураганъ пыли, направленіемъ съ юга. Напряженіе дошло до крайнихъ предѣловъ; чувствовалось, что если какая-нибудь часть сдастъ, то все дѣло пропало. Казалось, что самое опасное мѣсто—на сѣверъ отъ станціи Мукденъ, гдѣ одновременно съ прорывомъ непріятель можетъ и отрѣзать намъ путь отступленія; туда и была направлена большая колонна нашихъ войскъ, которую повелъ самъ Куропаткинъ. Ему утромъ удалось оттѣснить непріятеля отъ желѣзной дороги и очистить пространство восточнѣе желѣзной дороги отъ непріятеля. Нашъ маневръ былъ таковъ, чтобы оттѣснить непріятеля и заставить его отойти по направленію Синминтина. Были признаки, что этотъ маневръ намъ удался, какъ вдругъ прибыла ужасная неожиданная вѣсть: японцы прорвались между первымъ и четвертымъ армейскимъ корпусами, воспользовавшись ураганомъ, бьющимъ облаками пыли въ лицо нашимъ войскамъ. Корпуса были далеко не въ полномъ составѣ. Явилась опасность быть отрѣзанными съ восточной стороны желѣзной дороги. Поддержать отошедшіе корпуса было нельзя; перебросить туда какую-нибудь часть не было физической возможности, и въ девять часовъ вечера было приказано начать отступленіе на тѣлинскія позиціи.

Послѣ 20 февраля создалось положеніе вещей, когда нашъ главнокомандующій могъ бы дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, обрушиваясь на части окружающаго его противника. Успѣхъ въ о... мѣстѣ растянутаго фронта непріятеля мо... еще рѣшительнымъ образомъ подѣйствов... на общій ходъ сраженія. Для осуществлен... подобнаго плана необходима большая освѣдомленность о передвиженіяхъ противника и о группировкѣ его войскъ; но преимущество этой освѣдомленности всегда было и теперь осталось на сторонѣ непріятеля. Естественно поэтому, что онъ, а не мы, смогъ нанести рѣшительный ударъ въ слабѣйшемъ пунктѣ расположенія арміи. Прорывъ былъ совершенъ въ районѣ расположенія 1 и 4 армейскихъ корпусовъ, по всей вѣроятности, вблизи селенія Кіузань, ибо генералъ Куропаткинъ донесъ о появленіи частей правофланговой арміи японцевъ къ востоку отъ Мандаринской дороги, въ районѣ селеній Давана и Пухэ (послѣднее верстъ на 20 сѣвернѣе Мукдена).

Размѣры пораженія, постигшаго нашу армію, выяснятся въ ближайшемъ будущемъ, въ зависимости отъ того, какъ японцы воспользуются своимъ успѣхомъ. Періодъ начала отступленія генерала Куропаткина пріобрѣтаетъ поэтому особенное значеніе, и мы не имѣемъ въ настоящее время возможности сказать что-либо опредѣленное относительно характера выполненія этого труднаго маневра. Работу эту мы откладываемъ до слѣдующаго обозрѣнія, когда выяснятся всѣ обстоятельства послѣднихъ дней сраженія и когда возможно будетъ болѣе объективное отношеніе къ происшедшему, когда на событіе можно будетъ посмотрѣть съ разстоянія времени.

Степняковъ.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА.

Кончина Великаго Князя Сергія Александровича.— Петербургскіе рабочіе.— Государственное страхованіе.— Комиссія Шидловскаго.— Забастовки по Россіи.— Желѣзнодорожные служащіе.— Высшія учебныя заведенія.— Докладныя записки представителей промышленности.— Чрезвычайныя мѣры по охранѣ порядка.—Вѣротерпимость.—Проявленія смуты.—Новый проектъ устава о печати.— Высочайшій манифестъ 18 февраля.— Именной Высочайшій указъ Сенату.— Высочайшій рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ.

4 февраля, въ 2 ч. 45 м. пополудни, въ Москвѣ произошло потрясающее событіе: въ въ Кремлѣ, на Сенатской площади, взрывомъ бомбы былъ убитъ Великій Князь Сергій Александровичъ. Вѣсть объ этомъ немедленно распространилась по городу и собрала къ стѣнамъ Кремля большую толпу народа.

Великій Князь только что выѣхалъ изъ Николаевскаго дворца, направляясь въ генералъ-губернаторскій домъ. Когда карета Великаго Князя подъѣзжала къ Никольскимъ воротамъ, раздался оглушительный взрывъ, гулъ котораго рѣзко пронесся, среди городского шума, на далекое разстояніе отъ Кремля. Когда разсѣялся высоко поднявшійся дымъ, тѣло Великаго Князя лежало бездыханнымъ на снѣгу. Карета была разбита въ щепки. Кучеръ сильно израненъ и умеръ въ больницѣ. Преступникъ, бросившій бомбу, силою взрыва былъ отброшенъ въ сторону и задержанъ стоявшимъ на посту у Никольскихъ воротъ городовымъ и агентами охраннаго отдѣленія, наблюдавшими за проѣздомъ Великаго Князя. Арестованный отказался назвать себя и заявилъ, что онъ принадлежитъ къ революціонной партіи.

Къ срединѣ января стали возобновляться работы на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ, и 15-го числа, по газетнымъ свѣдѣніямъ, работало уже около 100 тысячъ человѣкъ. Но, съ одной стороны, не прекращались переговоры и совѣщанія между рабочими, съ другой—они продолжали заявлять свои желанія и требованія фабричной администраціи. Все это время происходили также совѣщанія фабрикантовъ и заводчиковъ, которые 20-го января выработали общее постановленіе. По словамъ газ. „Русь", фабриканты и представители промышленныхъ предпріятій признали не подлежащими обсужденію тѣ требованія рабочихъ, которыя носятъ общій характеръ, а именно: 8-часовой рабочій день, участіе рабочихъ въ установленіи заработной платы и въ урегулированіи внутренняго распорядка, уничтоженіе штрафовъ за прогулы. Министру финансовъ, черезъ особую депутацію, представлено письмо съ заявленіемъ о необходимости скорѣйшаго разрѣшенія этихъ вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ, при участіи фабрикантовъ и рабочихъ. Признавая, что рабочіе были вовлечены въ настоящее движеніе причинами внѣшними и притомъ не экономическаго характера, собраніе единодушно признало отсутствіе взаимнаго озлобленія. Согласно съ этимъ рѣшено было не примѣнять въ данномъ случаѣ правилъ о штрафахъ, не принимать мѣръ къ обнаруженію „зачинщиковъ" и „главарей" и, отказавъ въ выдачѣ платы за время забастовки, предложить рабочимъ безвозвратныя пособія, но предоставить

двухъ обстоятельствъ противникъ повелъ весьма энергичное наступленіе на нашъ лѣвый флангъ и на центръ и выполнилъ, въ силу указаннаго количественнаго преимущества, обходъ нашего расположенія на западѣ отъ полотна желѣзной дороги. Укрѣпленный центръ сыгралъ роль оси захожденія фланговыхъ армій непріятеля, изъ которыхъ восточная имѣла центральную цѣль наступленія—Фуншунъ, открывающій доступъ къ Тѣлину, а западная обезпечивала своимъ продвиганіемъ впередъ связь главныхъ армій съ обходной. Отдѣльные эпизоды выполненія этого плана пріобрѣтали въ разное время свое стратегическое значеніе настолько важное, что является возможнымъ считать указанный исходъ результатомъ извѣстнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ, а не эти обстоятельства—слѣдствіемъ осуществленія основной идеи плана. Для насъ, впрочемъ, безразлично, осуществлялся ли заранѣе составленный планъ, или онъ выработался уже во время самаго сраженія. Въ настоящее время болѣе существеннымъ является отмѣтить главные періоды происшедшаго боя, ибо такое расчлененіе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на смыслъ описанныхъ выше многочисленныхъ частныхъ столкновеній.

Наступленіе японцевъ впервые было обнаружено 6 февраля на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, въ гористой мѣстности южныхъ отроговъ Далинскаго хребта. Продолжалось оно съ замѣтнымъ для японцевъ успѣхомъ вплоть до 13 февраля, когда восточная армія противника ген. Куроки была остановлена на укрѣпленной линіи селеній Гаотулинъ-Убенапуза-Кудяцзы. Всѣ дальнѣйшія усилія противника, выразившіяся цѣлымъ рядомъ ожесточенныхъ атакъ, веденныхъ вплоть до 22 февраля, не привели его къ какимъ-либо тактическимъ результатамъ, но, какъ увидимъ далѣе, имѣли весьма важное стратегическое значеніе. Почему маршалъ Ояма началъ наступленіе своимъ правымъ флангомъ и продолжалъ его здѣсь до 17 февраля безъ участія на другихъ фронтахъ своихъ 2-й и 3-й арміи,—это вопросъ, на который пока трудно было бы дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Въ настоящее время представляется лишь возможнымъ отмѣтить нѣкоторыя соображенія и обстоятельства, которыя могутъ въ извѣстной степени объяснить подобный шагъ японскаго главнокомандующаго. Прежде всего необходимо напомнить, что лѣвое крыло нашей арміи, силы генерала Леневича, до начала японскаго наступленія занимало охватывающее, по отношенію къ позиціямъ противника на р. Шахэ, положеженіе. Поэтому для маршала Оямы являлась настоятельная необходимость выровнять, для цѣлей общаго наступленія, линію расположенія своихъ армій. Ген. Куроки не только выполнилъ эту задачу, но успѣлъ въ своемъ наступленіи оттѣснить наше лѣвое крыло настолько, что самъ занялъ нависшее положеніе по отношенію къ арміи ген. Бильдерлинга. Слѣдующей побудительной причиной движенія правофланговыхъ армій противника была для него необходимость обезпечить свои сообщенія съ среднимъ теченіемъ рѣки Ялу, откуда, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и предположеніямъ, крайніе восточные его отряды получаютъ свое снабженіе. Другими словами, крайній правый флангъ японцевъ стремился обезпечить себѣ базированіе на среднее теченіе рѣки Ялу, и, какъ видимъ, наступленіемъ ген. Куроки эта задача была успѣшно разрѣшена, такъ какъ изъ все выясняющихся обстоятельствъ видно, что именно сюда были притянуты силы ген. Хасегавы изъ сѣверо-восточной Кореи и высадившіяся въ Гензанѣ территоріальныя дивизіи ген. Кавамуры. Съ этой точки зрѣнія для насъ не явилось бы неожиданностью подтвержденіе слуховъ изъ японскихъ источниковъ объ организаціи маршаломъ Оямой дальняго стратегическаго обхода лѣваго фланга нашей отступающей арміи. Главный, наконецъ, смыслъ энергичнаго наступленія правофланговыхъ армій противника кроется въ намѣреніи произвести серьезнѣйшую демонстрацію противъ лѣваго фланга арміи ген. Куропаткина съ цѣлью оттянуть наши силы съ праваго фланга. Такъ какъ демонстрація была произведена по правилу: „Демонстрирующій самъ не долженъ знать, что онъ производитъ демонстрацію",—то дѣятельность ген. Куроки носила характеръ рѣшительнаго наступленія, и для ген. Куропаткина дѣйствительно стало необходимымъ усилить свой лѣвый флангъ, что и сказалось въ увеличеніи стратегическаго резерва въ Фушунѣ за счетъ второго резерва, могущаго быть сосредоточеннымъ гдѣ-либо у Мукдена. По частнымъ свѣдѣніямъ, мы перебросили съ запада на востокъ (отъ Мукдена до Фушуна свыше 30 верстъ) цѣлый корпусъ, т. е. 30 тыс. человѣкъ. Это перемѣщеніе должно было быть произведено около 17 февраля, такъ какъ въ этотъ день японцы начали атаковать позиціи нашего центра и одновременно перешли въ наступленіе вдоль рѣки Хуньхэ лѣвымъ крыломъ своей западной арміи и правымъ флангомъ обходящей группы войскъ, движеніе которой къ сѣверу, вдоль Ляохэ, было обнаружено еще наканунѣ, 16 февраля. Остальные отряды обходящей арміи японцевъ распространялись далѣе къ сѣверу, за дорогу изъ Мукдена въ Синминтинъ. Такимъ образомъ, къ этому времени центръ тяжести наступленія японцевъ перемѣстился въ западный районъ расположенія нашей арміи, и дальнѣйшія операціи противника въ этомъ мѣстѣ производились подъ прикрытіемъ ожесточенныхъ демонстрацій на лѣвомъ нашемъ флангѣ и въ центрѣ. До 20 февраля японцы успѣли вдоль рѣки Хуньхэ занять рядъ нашихъ укрѣпленныхъ позицій и такимъ образомъ обезпечить себя отъ возможности прорыва здѣсь линіи ихъ расположенія и отъ слѣдующей отсюда опасности для обходящей арміи быть отрѣзанной отъ главныхъ силъ. Ген. Куропаткину оставалось либо самому перейти въ обходъ обходящей арміи противника, либо перемѣнить фронтъ расположенія арміи ген. Каульбарса. Для осуществленія перваго плана у нашего главнокомандующаго не было надлежащаго количества войскъ, прочно прикованныхъ яростными демонстраціями противника къ линіи своего расположенія, и ген. Куропаткинъ принялъ единственное остающееся въ его распоряженіи средство противодѣйствія — перемѣну фронта. Средство единственное, какъ мы сказали, и, къ сожалѣнію, наименѣе выгодное, такъ какъ допускаетъ только лишь пассивную оборону.

Въ виду этого обстоятельства частныя отступленія начались 22 февраля, а въ ночь на 23-е число арміи генерала Бильдерлинга и генерала Леневича были уже въ движеніи на укрѣпленныя позиціи на рѣкѣ Хуньхэ.

На слѣдующій день, по донесенію корреспондента „Нов. Врем." г. Табурно, войска наши занимали слѣдующее положеніе: вдоль рѣки Хуньхэ, начиная около пятнадцати верстъ восточнѣе Фушуна до Мадяпу на западѣ, далѣе на сѣверъ параллельно желѣзной до-

рогѣ въ разстояніи шести-восьми верстъ отъ нея до высоты Разъѣзда 97-го, находящагося въ девяти верстахъ на сѣверъ отъ станціи Мукденъ. Въ этотъ день свирѣпствовалъ страшный ураганъ пыли, направленіемъ съ юга. Напряженіе дошло до крайнихъ предѣловъ; чувствовалось, что если какая-нибудь часть сдастъ, то все дѣло пропало. Казалось, что самое опасное мѣсто—на сѣверъ отъ станціи Мукденъ, гдѣ одновременно съ прорывомъ непріятель можетъ и отрѣзать намъ путь отступленія; туда и была направлена большая колонна нашихъ войскъ, которую повелъ самъ Куропаткинъ. Ему утромъ удалось оттѣснить непріятеля отъ желѣзной дороги и очистить пространство восточнѣе желѣзной дороги отъ непріятеля. Нашъ маневръ былъ таковъ, чтобы оттѣснить непріятеля и заставить его отойти по направленію Синминтина. Были признаки, что этотъ маневръ намъ удался, какъ вдругъ прибыла ужасная неожиданная вѣсть: японцы прорвались между первымъ и четвертымъ армейскимъ корпусами, воспользовавшись ураганомъ, бьющимъ облаками пыли въ лицо нашимъ войскамъ. Корпуса были далеко не въ полномъ составѣ. Явилась опасность быть отрѣзанными съ восточной стороны желѣзной дороги. Поддержать отошедшіе корпуса было нельзя; перебросить туда какую-нибудь часть не было физической возможности, и въ девять часовъ вечера было приказано начать отступленіе на тѣлинскія позиціи.

Послѣ 20 февраля создалось положеніе вещей, когда нашъ главнокомандующій могъ бы дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, обрушиваясь на части окружающаго его противника. Успѣхъ въ о… мѣстѣ растянутаго фронта непріятеля мо… еще рѣшительнымъ образомъ подѣйствов… на общій ходъ сраженія. Для осуществлен… подобнаго плана необходима большая освѣдомленность о передвиженіяхъ противника и о группировкѣ его войскъ; но преимущество этой освѣдомленности всегда было и теперь осталось на сторонѣ непріятеля. Естественно поэтому, что онъ, а не мы, смогъ нанести рѣшительный ударъ въ слабѣйшемъ пунктѣ расположенія арміи. Прорывъ былъ совершенъ въ районѣ расположенія 1 и 4 армейскихъ корпусовъ, по всей вѣроятности, вблизи селенія Кіузань, ибо генералъ Куропаткинъ донесъ о появленіи частей правофланговой арміи японцевъ къ востоку отъ Мандаринской дороги, въ районѣ селеній Давана и Пухэ (послѣднее верстъ на 20 сѣвернѣе Мукдена).

Размѣры пораженія, постигшаго нашу армію, выяснятся въ ближайшемъ будущемъ, въ зависимости отъ того, какъ японцы воспользуются своимъ успѣхомъ. Періодъ начала отступленія генерала Куропаткина пріобрѣтаетъ поэтому особенное значеніе, и мы не имѣемъ въ настоящее время возможности сказать что-либо опредѣленное относительно характера выполненія этого труднаго маневра. Работу эту мы откладываемъ до слѣдующаго обозрѣнія, когда выяснятся всѣ обстоятельства послѣднихъ дней сраженія и когда возможно будетъ болѣе объективное отношеніе къ происшедшему, когда на событіе можно будетъ посмотрѣть съ разстоянія времени.

Степняковъ.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА.

Кончина Великаго Князя Сергія Александровича.— Петербургскіе рабочіе. — Государственное страхованіе. — Комиссія Шидловскаго. — Забастовки по Россіи.— Желѣзнодорожные служащіе. — Высшія учебныя заведенія. — Докладныя записки представителей промышленности. — Чрезвычайныя мѣры по охранѣ порядка.—Вѣротерпимость.—Проявленія смуты.—Новый проектъ устава о печати.— Высочайшій манифестъ 18 февраля.— Именной Высочайшій указъ Сенату.— Высочайшій рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ.

4 февраля, въ 2 ч. 45 м. пополудни, въ Москвѣ произошло потрясающее событіе: въ въ Кремлѣ, на Сенатской площади, взрывомъ бомбы былъ убитъ Великій Князь Сергій Александровичъ. Вѣсть объ этомъ немедленно распространилась по городу и собрала къ стѣнамъ Кремля большую толпу народа.

Великій Князь только что выѣхалъ изъ Николаевскаго дворца, направляясь въ генералъ-губернаторскій домъ. Когда карета Великаго Князя подъѣзжала къ Никольскимъ воротамъ, раздался оглушительный взрывъ, гулъ котораго рѣзко пронесся, среди городского шума, на далекое разстояніе отъ Кремля. Когда разсѣялся высоко поднявшійся дымъ, тѣло Великаго Князя лежало бездыханнымъ на снѣгу. Карета была разбита въ щепки. Кучеръ сильно израненъ и умеръ въ больницѣ. Преступникъ, бросившій бомбу, силою взрыва былъ отброшенъ въ сторону и задержанъ стоявшимъ на посту у Никольскихъ воротъ городовымъ и агентами охраннаго отдѣленія, наблюдавшими за проѣздомъ Великаго Князя. Арестованный отказался назвать себя и заявилъ, что онъ принадлежитъ къ революціонной партіи.

Къ срединѣ января стали возобновляться работы на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ, и 15-го числа, по газетнымъ свѣдѣніямъ, работало уже около 100 тысячъ человѣкъ. Но, съ одной стороны, не прекращались переговоры и совѣщанія между рабочими, съ другой—они продолжали заявлять свои желанія и требованія фабричной администраціи. Все это время происходили также совѣщанія фабрикантовъ и заводчиковъ, которые 20-го января выработали общее постановленіе. По словамъ газ. „Русь", фабриканты и представители промышленныхъ предпріятій признали не подлежащими обсужденію тѣ требованія рабочихъ, которыя носятъ общій характеръ, а именно: 8-часовой рабочій день, участіе рабочихъ въ установленіи заработной платы и въ урегулированіи внутренняго распорядка, уничтоженіе штрафовъ за прогулы. Министру финансовъ, черезъ особую депутацію, представлено письмо съ заявленіемъ о необходимости скорѣйшаго разрѣшенія этихъ вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ, при участіи фабрикантовъ и рабочихъ. Признавая, что рабочіе были вовлечены въ настоящее движеніе причинами внѣшними и притомъ не экономическаго характера, собраніе единодушно признало отсутствіе взаимнаго озлобленія. Согласно съ этимъ рѣшено было не примѣнять въ данномъ случаѣ правилъ о штрафахъ, не принимать мѣръ къ обнаруженію „зачинщиковъ" и „главарей" и, отказавъ въ выдачѣ платы за время забастовки, предложить рабочимъ безвозвратныя пособія, но предоставить

распространение этой последней мѣры на всѣхъ рабочихъ или на часть ихъ—усмотрѣнію владѣльцевъ. Переговоры о требованіяхъ частнаго характера поставлены въ зависимость отъ полнаго возобновленія работъ.

Кромѣ желаній, указанныхъ въ постановленіи петербургскихъ фабрикантовъ, рабочіе предъявляли и другія, какъ общаго характера—страхованіе на случай старости, инвалидности, болѣзни и смерти,—такъ и частнаго, каковы: вѣжливое обращеніе, отмѣна обысковъ при выходѣ съ фабрики, смѣна лицъ низшей, по преимуществу, фабричной администраціи, обвиняемыхъ рабочими въ грубости или несправедливомъ отношеніи, устройство и расширеніе библіотекъ и читаленъ, больницъ и яслей, увеличеніе платы, установленіе разцѣнокъ соглашеніемъ фабричной администраціи съ выбранной рабочими комиссіей и т. д. Нельзя не признать, что если не всѣ эти требованія, то многія изъ нихъ съ гораздо меньшими затратами силъ могли бы быть удовлетворены фабричнымъ законодательствомъ, болѣе согласованнымъ съ запросами жизни, и измѣненіемъ въ юридическомъ положеніи рабочаго, расширеніемъ его правъ, какъ личности и какъ члена общаго цѣлаго. Многое, конечно, зависитъ отъ условій, господствующихъ въ нашей жизни вообще, изъ которыхъ трудно выдѣлить фабрику, какъ таковую, съ ея рабочимъ населеніемъ.

На почвѣ общихъ и частныхъ требованій со стороны рабочихъ то и дѣло за все это время происходили частичныя и временныя прекращенія работъ. 28 января началась забастовка на Путиловскомъ заводѣ, самомъ многолюдномъ въ Петербургѣ. Всѣ рабочіе (13500 чел.) въ 4 часа пополудни бросили работу послѣ того, какъ директоръ заводовъ отказался удовлетворить ихъ требованія. Немедленно же у воротъ мастерскихъ и вдоль Петергофскаго шоссе были расположены преображенскій и конно-гвардейскій полки. На слѣдующій день, 29 января, наблюдались группы рабочихъ, прогуливавшихся по длинному протяженію отъ мастерскихъ до Нарвскихъ воротъ. Рабочихъ не разсѣивали и запрещали только останавливаться.

Правительство не могло ограничиться охраненіемъ порядка, предоставить фабрично-заводскія отношенія частнымъ сдѣлкамъ.

Одна изъ законодательныхъ мѣръ по рабочему вопросу предрѣшена была указомъ 12 декабря прошлаго года, именно, страхованіе рабочихъ. Комитетъ министровъ въ засѣданіи своемъ 24 декабря, ссылаясь на опытъ западныхъ государствъ, установилъ „три вида обезпеченія рабочихъ: при несчастныхъ случаяхъ, болѣзняхъ и инвалидности вообще". При этомъ первый изъ указанныхъ видовъ обезпеченія осуществляется безъ денежнаго участія рабочихъ, въ остальныхъ же привлекаются къ составленію необходимыхъ средствъ и рабочіе. Не имѣя нынѣ въ своемъ распоряженіи обстоятельныхъ данныхъ по настоящему вопросу, Комитетъ не считалъ себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе его по существу.

Комитетъ „призналъ необходимымъ учредить при министерствѣ финансовъ для составленія законопроекта о государственномъ страхованіи утратившихъ трудоспособность рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ комиссію, подъ предсѣдательствомъ товарища министра финансовъ, въ составѣ по одному представителю отъ заинтересованныхъ вѣдомствъ.

Въ Комитетѣ было указано на желательность приглашенія къ занятіямъ въ комиссіи представителей фабричной и горной инспекціи, а равно и лицъ изъ рабочаго класса, отъ которыхъ можно было бы ожидать полезныхъ для всесторонняго освѣщенія дѣла свѣдѣній и объясненій, при чемъ предположеніе это будетъ выполнено путемъ предоставленія общаго полномочія предсѣдателю комиссіи приглашать въ засѣданія свѣдущихъ въ обсуждаемыхъ вопросахъ лицъ".

1 февраля появилось офиціальное сообщеніе („Петерб. агентство"): „Въ засѣданіи Комитета министровъ 28 и 31 января происходило обсужденіе вопросовъ о порядкѣ разработки мѣръ къ фабрично-заводскому законодательству, которыя въ интересахъ спокойнаго хода промышленной жизни страны подлежало бы осуществить въ ближайшемъ будущемъ. Предметомъ занятій Комитета по этому вопросу было соображеніе мѣръ общаго характера, подлежащихъ разработкѣ для примѣненія ихъ во всѣхъ промышленныхъ районахъ Имперіи. Установивъ въ принципѣ, что завѣдываніе направленіемъ промышленной жизни страны должно остаться на обязанности министерства финансовъ и что достиженіе упорядоченія фабрично-заводскаго дѣла должно вообще происходить путемъ неослабнаго развитія соотвѣтственнаго законодательства, Комитетъ предположилъ поручить министру финансовъ приступить къ безотлагательной разработкѣ вопросовъ: а) объ организаціяхъ для обсужденія и разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ на почвѣ договора и найма, а также и для улучшенія фабрично-заводскаго дѣла и заводскаго быта рабочихъ; б) о возможности дальнѣйшаго, сравнительно съ закономъ 2 іюля 1897 г., сокращенія рабочаго времени; в) объ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій о стачкахъ и забастовкахъ, при условіи возникновенія ихъ исключительно на экономической почвѣ и безъ какого-либо нарушенія общественнаго спокойствія и порядка, и г) объ обезпеченіи рабочимъ больничной помощи, а равно и другихъ вопросовъ, кои могутъ выясниться при обсужденіи вышеозначенныхъ мѣръ и въ ряду ихъ—вопроса объ объемѣ правъ и обязанностей фабричной инспекціи. Обсужденіе этихъ вопросовъ Комитетъ предположилъ поручить особой, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, комиссіи изъ членовъ, коихъ Его Императорскому Величеству угодно будетъ для этого назначить, и представителей отъ подлежащихъ вѣдомствъ, съ возложеніемъ на обязанность этой комиссіи принимать въ соображеніе также и объясненія промышленниковъ и рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ скорѣйшей разработки изложенныхъ выше вопросовъ, Комитетъ находилъ необходимымъ освободить министра финансовъ отъ обязанностей входить съ главными начальниками разныхъ вѣдомствъ въ письменныя сношенія по разсмотрѣннымъ комиссіей вопросамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить ему вносить въ Государственный совѣтъ указанные вопросы, хотя бы не въ общей ихъ совокупности, а послѣдовательно, по мѣрѣ ихъ разработки".

Наряду съ этимъ были приняты и другія мѣры въ томъ же направленіи, мѣстнаго и чрезвычайнаго характера. 31-го января обнародовано Высочайшее повелѣніе:

„Государь Императоръ 29 января Высочайше повелѣть соизволилъ: независимо отъ происходящаго нынѣ, по Высочайшему повелѣнію, обсужденія въ Комитетѣ министровъ общихъ мѣръ для упорядоченія быта и положенія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ,

образовать подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго совѣта, сенатора дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Шидловскаго особую комиссію для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ Петербургѣ и его пригородахъ и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ. Комиссія должна состоять изъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, назначаемыхъ по соглашенію предсѣдателя комиссіи съ подлежащими министрами и представителей промышленниковъ по ихъ выбору и рабочихъ по избранію самихъ рабочихъ. Предоставить предсѣдателю комиссіи право непосредственно входить со всеподданнѣйшими докладами по дѣламъ комиссіи, приглашать въ засѣданія комиссіи лицъ, могущихъ оказаться полезными въ обсужденіи дѣла, равно установить число и порядокъ избранія представителей промышленниковъ и рабочихъ".

7 февраля появилось сообщеніе предсѣдателя комиссіи, устанавливающее порядокъ избранія представителей промышленности и представителей рабочихъ. Всѣ промышленныя заведенія Петербурга и его пригородовъ раздѣлены на 9 группъ, по роду производства. Право участвовать въ выборахъ „представителей промышленности" предоставлено всѣмъ владѣльцамъ промышленныхъ заведеній, имѣющихъ не менѣе 100 чел. рабочихъ. Общее собраніе владѣльцевъ должно было выбрать 15 представителей; порядокъ производства выборовъ и распредѣленіе представителей по группамъ промышленности предоставлены взаимному соглашенію. Число представителей отъ рабочихъ и распредѣленіе по группамъ въ сообщеніи не указаны. По газетнымъ слухамъ, ихъ должно было быть 60.

Избраніе выборщиковъ происходило 13-го февраля. Высказанныя при этомъ рабочими желанія, которыя выборные ихъ должны были передать комиссіи, оказались почти тождественны. Кромѣ тѣхъ, которыя разсматривались на совѣщаніяхъ предпринимателей, укажемъ: свободу стачекъ, собраній и союзовъ, обнародованіе путемъ печати всѣхъ рѣшеній комиссіи сенатора Шидловскаго, открытіе бюро труда, свободу печатнаго слова, мотивировавшуюся нуждами рабочихъ.

На 18-е февраля было назначено избраніе выборщиками представителей въ комиссію. Но еще до выборовъ предсѣдателю ея было предъявлено выборщиками заявленіе о томъ, что они откажутся отъ выборовъ, если не будутъ удовлетворены ихъ требованія, изложенныя въ упомянутомъ заявленіи. Въ отвѣтъ на это предсѣдателемъ комиссіи было объявлено, что нѣкоторыя требованія не могутъ быть удовлетворены, какъ выходящія изъ предѣловъ полномочій предсѣдателя. Послѣ этого отвѣта выборщики 7 группъ изъ 9 отказались отъ производства выборовъ, и самое образованіе комиссіи вслѣдствіе этого не могло осуществиться. Въ виду сего Государь Императоръ 20-го февраля Высочайше повелѣть соизволилъ дѣятельность комиссіи прекратить. Того же 20-го числа Государь Императоръ Высочайше соизволилъ назначить членами комиссіи подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ для обсужденія мѣръ по упорядоченію быта и положенія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ — членовъ Государственнаго совѣта: сенатора Шидловскаго, Балашева и Стевена, товарища министра финансовъ князя Оболенскаго, товарища министра земледѣлія Шванебаха и состоящаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника Рукавишникова.

Признаки недовольства, для выясненія причинъ котораго въ Петербургѣ была назначена комиссія сенатора Шидловскаго, обнаруживались и во многихъ другихъ мѣстахъ, не только среди рабочихъ, но и со стороны служащихъ въ разнаго рода предпріятіяхъ. Мотивы недовольства, высказанныя при этомъ желанія, а слѣдовательно, и самыя причины всего явленія выходятъ за стѣны промышленныхъ предпріятій. Размѣры движенія, выразившагося въ забастовкѣ, очень велики. Оно не было одновременнымъ, не всегда даже общимъ для данной мѣстности, а волною перекатывалось по странѣ; кончаясь въ однихъ предпріятіяхъ, готово было начаться въ другихъ. Но такъ или иначе оно охватило почти всю страну.

Въ Москвѣ забастовочное движеніе на фабрикахъ и заводахъ, повидимому, было изъ болѣе слабыхъ. Оно распространилось было на всѣ почти заведенія, но продержалось сравнительно недолго: къ 20 января все почти стихло, хотя 22—25 января опять начались отдѣльные случаи забастовокъ. Въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Минскѣ забастовка продолжалась отъ 2 до 7 дней и распространялась на отдѣльныя предпріятія.

Болѣе продолжительная и мѣстами почти всеобщая забастовка возникла въ южномъ промышленномъ районѣ. Она началась 17 января въ Екатеринославѣ, и къ 21 января забастовавшихъ насчитывалось до 20 тысячъ человѣкъ; движеніе захватило и февраль мѣсяцъ, изъ города перешло въ другія заводскія мѣстности губерніи, какъ, напр., с. Каменское, на рудники и угольныя копи. Съ 29 января прекратились работы на паровозостроительномъ заводѣ и другихъ крупныхъ предпріятіяхъ Харькова, а также въ мелкихъ мастерскихъ. Къ 3 февраля стачка продолжалась только на тѣхъ заводахъ, гдѣ администрація во всемъ отказала рабочимъ.

Въ Среднемъ Поволожьѣ движеніе шло по большимъ городамъ — Саратовъ, Самара, Казань—съ юга на сѣверъ и притомъ въ убывающей степени. Въ первыхъ двухъ городахъ прекращеніе работъ было общимъ или почти общимъ; въ Казани оно началось тогда, когда въ другихъ городахъ уже кончилось, и прошло почти незамѣтно. Въ Саратовѣ, гдѣ отказъ отъ работъ былъ болѣе продолжительнымъ, съ 12-го января до середины 20-хъ чиселъ мѣсяца, онъ опять возобновился 7-го февраля на мельницахъ, лѣсопильняхъ и заводахъ. Въ срединѣ января стачка охватила Иваново-вознесенскій промышленный районъ, гдѣ остановились, между прочимъ, крупныя фабрики Саввы и Викула Морозовыхъ, въ Орѣховѣ.

Забастовка въ Ригѣ, начавшаяся вскорѣ послѣ петербургской, продолжалась еще и въ февралѣ и только въ началѣ этого мѣсяца на время ослабѣвала. Къ 10-му числу количество забастовщиковъ доходило, по свѣдѣніямъ „Риж. Вѣстн.", до 12 тысячъ. Въ Ревелѣ и Либавѣ стачка на фабрикахъ и заводахъ прекратилась въ началу февраля.

Въ Царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ рабочее движеніе привело къ полной остановкѣ промышленной жизни во всѣхъ болѣе крупныхъ центрахъ, распространившись и тамъ и здѣсь почти на весь край. Варшава, Лодзь, Петроковъ, Сосновицы, Згержъ, желѣзныя дороги, каменно-угольныя копи и т. д. въ привислинскихъ губерніяхъ,—Баку, Батумъ, Тифлисъ, Кутаисъ, Поти, нефтяные промыслы, желѣзнодорожныя линіи и марганцевые рудники на Кавказѣ—или охвачены были общей забастовкой, или же, въ иныхъ мѣстахъ, испы-

тывали повторныя остановки работы. И тамъ и здѣсь одинаково рабочее движеніе наиболѣе осложнено было мотивами не экономическими, частью — національными, частью — политическими. На Кавказѣ и особенно въ Царствѣ Польскомъ болѣе часты были случаи употребленія въ дѣло оружія при подавленіи волненій. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ привислинскихъ губерніяхъ убито было 144 чел., ранено – 105.

Въ теченіе мѣсяца періодически бездѣйствовали желѣзныя дороги въ Царствѣ Польскомъ и въ Закавказьи; останавливали движеніе Ряз.-Уральская, Моск.-К.-Воронежская, Юго-Западныя, Моск.-Казанская жел. дор. и др. Циркулярной телеграммой министра путей сообщенія сообщено о Высочайшемъ разрѣшеніи временно примѣнить въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ слѣдующія мѣры: 1) сократить продолжительность рабочаго времени до девяти часовъ въ сутки; 2) допустить по отношенію особо чтимыхъ праздниковъ сокращеніе продолжительности работъ наканунѣ этихъ праздниковъ; 3) допустить къ работамъ желающихъ въ табельные дни, за исключеніемъ дней тезоименитства и рожденія Государя Императора; 4) допустить учрежденіе въ мастерскихъ и депо особо выборныхъ отъ рабочихъ для заявленія о своихъ нуждахъ и ходатайствахъ, примѣнительно къ закону 10 іюля 1903 года; 5) допустить при разцѣнкѣ на сдѣльныя работы экспертовъ изъ болѣе старыхъ и опытныхъ мастеровыхъ частью по выбору мастеровыхъ, при условіи, чтобы окончательное утвержденіе разцѣнокъ принадлежало власти начальника дорогъ; 6) отмѣна ограниченій процентнаго заработка по задѣльнымъ работамъ; 7) привести заработную плату чернорабочихъ въ соотвѣтствіе съ данными мѣстными условіями и цѣнами на предметы первой необходимости и, если окажется нужнымъ, то повысить плату.

Наши высшія учебныя заведенія — и университеты, и спеціальные институты—или не открывали своихъ дверей послѣ Рождества, или отворяли ихъ лишь для того, чтобы сейчасъ же закрыть снова. Учащаяся молодежь въ большинствѣ заявила, что чрезвычайныя и тягостныя событія послѣдняго времени слишкомъ удручаютъ и волнуютъ ее и не позволяютъ спокойно заниматься научнымъ трудомъ. Правда, въ иныхъ газетахъ стали появляться письма студентовъ, желающихъ возобновленія занятій, но пока не видно, чтобы ихъ было не только большинство, а даже сколько-нибудь значительное меньшинство. Въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ профессора на этотъ разъ оказались въ согласіи со студенчествомъ, въ другихъ, какъ, напр., въ Петербургскомъ университетѣ, 7 февр. администрація не нашла возможнымъ прибѣгать къ употреблявшимся раньше карательнымъ мѣрамъ и дозволила студентамъ спокойно обсудить дѣло и высказать свое мнѣніе. Желаніе молодежи—видѣть науку и научное преподаваніе свободными и неприкосновенными; а это должно быть не только желаніемъ, но необходимымъ условіемъ дѣятельности профессора, одушевленнаго истинной преданностью наукѣ. „Наука можетъ развиваться только тамъ, гдѣ она свободна, гдѣ она ограждена отъ посторонняго посягательства, гдѣ она безпрепятственно можетъ освѣщать самые темные углы человѣческой жизни. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ и высшая школа, и средняя, и начальная — должны быть признаны безнадежно обреченными на упадокъ и прозябаніе". Такъ говоритъ напечатанная въ газетахъ „Записка 342 ученыхъ". „Записка" не оставляетъ безъ вниманія ни одного изъ трехъ подраздѣленій нашей школы и съ полнымъ основаніемъ выражаетъ свою неудовлетворенность. Дѣйствительно, низшая школа угнетена чрезмѣрностью надзора и узостью программы, средняя не удовлетворяетъ ни родителей, ни учениковъ, ни самихъ учителей даже, такъ какъ скорѣе убиваетъ, чѣмъ развиваетъ въ молодежи любовь къ знанію и умѣніе самостоятельно мыслить; высшая... но положеніе ея мы уже видѣли. А между тѣмъ, странѣ всей, государству и народу настоятельно нужны умственныя силы съ широкимъ образованіемъ.

Указаніемъ этой именно потребности и заканчивается составленная 28 января „Записка совѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ", появившаяся въ газетахъ. Записка эта, какъ говорятъ о ней сами авторы, „является голосомъ сотенъ милліоновъ рублей, вложенныхъ въ русское желѣзное дѣло, которое связано съ судьбою сотенъ тысячъ рабочихъ и которое зависитъ отъ правильнаго развитія русской народной жизни". Докладная записка была подана предсѣдателю Комитета министровъ С. Ю. Витте. Это придаетъ ей тѣмъ большее значеніе.

„Устранить болѣзненныя начала, дѣлающія невозможнымъ для промышленности итти впередъ и съ успѣхомъ бороться съ иностранной конкуренціей, говорится въ заключительной части записки, мыслимо лишь тогда, когда будутъ осуществлены реформы, за необходимость которыхъ единодушно высказались земскіе дѣятели, представители городского самоуправленія и разныхъ другихъ обществъ и сословій".

Записка посвящена рабочему вопросу и для правильной постановки его признаетъ нужнымъ слѣдующее:

„1) Существующее законодательство не соотвѣтствуетъ потребностямъ населенія и въ частности — потребностямъ русской промышленности. Въ выработкѣ законодательныхъ нормъ необходимо участіе представителей всѣхъ классовъ населенія и въ томъ числѣ промышленниковъ и рабочихъ.

2) Необходима равноправность всѣхъ и каждаго передъ закономъ.

3) Необходимо законное огражденіе неприкосновенности личности и жилища.

4) Рабочимъ должны быть предоставлены право сходокъ и собраній, право организоваться въ союзы и всякаго рода другія сообщества для самопомощи и защиты своихъ интересовъ, право отдѣльно и совокупно отказываться отъ работы. Такое же право должно быть предоставлено промышленникамъ.

5) Личность отдѣльнаго рабочаго должна быть законнымъ порядкомъ ограждена отъ насилій рабочихъ-стачечниковъ, если, не сочувствуя объявленной стачкѣ, рабочій не желаетъ къ ней присоединиться, ибо право устраивать забастовку для желающихъ участвовать въ ней не должно означать обязанности примкнуть къ ней для нежелающихъ.

6) Необходима свобода слова и печати, ибо безъ нея невозможны выясненія нуждъ и интересовъ рабочихъ, правильное освѣщеніе условій улучшенія быта и положенія рабочихъ, а также условій здороваго развитія промышленности.

7) Необходимо введеніе всеобщаго обязательнаго школьнаго обученія съ расширеніемъ программъ существующихъ народныхъ школъ, а также облегченіе порядка открытія учебныхъ заведеній, библіотекъ, читаленъ, про-

свѣтительныхъ учрежденій и обществъ, такъ какъ въ просвѣщеніи народа — сила и могущество государства и его промышленности".

Въ томъ же смыслѣ составлены записки московскихъ фабрикантовъ и петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ и „Записка инженеровъ", поданная также предсѣдателю Комитета министровъ отъ вновь образовавшагося въ Петербургѣ „Союза инженеровъ".

15 февраля офиціально сообщено:

„Комитетъ министровъ, обсуждая 11 февраля пересмотръ исключительныхъ узаконеній для противодѣйствія врагамъ общественнаго порядка и разсматривая законоположеніе 1881 г., какъ временное, находя, однако, что, хотя въ 1903 году правила объ усиленной охранѣ распространялись въ районѣ 850 тысячъ кв. верстъ съ населеніемъ въ 30 милліоновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ усомнился въ возможности утверждать, что усилія правительства въ разсматриваемый періодъ, направленныя къ искорененію крамолы, въ достаточной мѣрѣ достигли своей цѣли. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Дурново объяснилъ, что мѣстная администрація изъ предоставленныхъ ей полномочій пользовалась на практикѣ, главнымъ образомъ, воспрещеніемъ отдѣльнымъ лицамъ пребыванія въ данной мѣстности и административною высылкою неблагонадежныхъ въ опредѣленную мѣстность Европейской или Азіатской Россіи. Поселяясь въ районахъ, не состоящихъ въ исключительной охранѣ, высланные подвергали населеніе своему вліянію, занося пропаганду въ новыя мѣста; почему сенаторъ Дурново полагалъ бы всемѣрно ограничить примѣненіе этой мѣры. По его мнѣнію, искусственно поддерживаютъ раздраженіе въ обществѣ усиленные аресты и обыски, а равно наложеніе административныхъ взысканій по дѣламъ, подлежавшимъ судебному разбирательству.

„Предсѣдатель Комитета выразилъ убѣжденіе, что истинная причина распространенія усиленной охраны въ томъ, что, считая ее средствомъ для удаленія вредныхъ накипей, правительство упускало изъ вида прямой путь, состоящій не въ репрессіи, а въ предупрежденіи зла удаленіемъ основныхъ его причинъ. У насъ законодательство или шло слишкомъ медленно, или же результаты законодательныхъ работъ, не соображенныхъ всесторонне съ общественными нуждами, порождали немаловажныя затрудненія. Предсѣдатель Комитета свою мысль пояснилъ примѣрами, указавъ на недостаточно развитое законодательство о рабочихъ, задержанное преобладающимъ воззрѣніемъ, что въ Россіи рабочій вопросъ далеко не вступилъ еще въ тотъ фазисъ, когда правительству надлежитъ стать во главѣ его. Другимъ безпокойнымъ элементомъ является учащаяся молодежь. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ волненія учащихся были единичными явленіями. Пресѣченіе ихъ предполагалось тогда возможнымъ чрезъ предоставленіе назначеннымъ отъ правительства учебнымъ органамъ ближайшаго наблюденія за академическою жизнью. Тѣсная связь студентовъ съ профессорами была признана нежелательною. Но результаты этого преобразованія признаны нынѣ неудовлетворительными самимъ правительствомъ. Затѣмъ предсѣдатель Комитета упомянулъ о евреяхъ, что враждебное ихъ отношеніе вызывается тяжелыми матеріальными условіями, подъ гнетомъ ограничительныхъ законовъ. Комитетъ нашелъ, что органы государственной власти могутъ успѣшно исполнять свои обязанности для пресѣченія вредныхъ для политическаго положенія страны дѣяній лишь при облеченіи ихъ, въ силу общихъ законовъ, достаточными и вполнѣ опредѣленными полномочіями; чрезвычайныя же права ихъ по возстановленію нарушеннаго порядка должны каждый разъ ограничиваться райономъ обнаруженія и временемъ продолженія исключительныхъ событій. Придя къ заключенію о необходимости пересмотра законоположеній, обезпечивающихъ спокойное теченіе государственной жизни, Комитетъ полагалъ для этого образовать особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Высочайше избраннаго лица изъ Всемилостивѣйше назначенныхъ лицъ, а также товарищей министра внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и другихъ высшихъ чиновъ этихъ вѣдомствъ, содѣйствіе коихъ будетъ признано предсѣдателемъ полезнымъ. Затѣмъ предоставить предсѣдателю право выработанный законопроектъ внести въ Государственный совѣтъ безъ предварительныхъ сношеній съ вѣдомствами. Положеніе это Высочайше утверждено 10 февраля".

Предсѣдателемъ особаго совѣщанія для пересмотра установленныхъ для охраны государственнаго порядка исключительныхъ законоположеній назначается членъ Государственнаго совѣта графъ Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ. Членами назначены: члены государственнаго совѣта: Петровъ, Пантелѣевъ, князь Вяземскій, сенаторъ Бутовскій и сенаторы: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, графъ Бобринскій и тайные совѣтники—баронъ Корфъ и Зволянскій.

Стѣсненія, до сихъ поръ испытывавшіяся въ дѣлахъ вѣры, хорошо знакомы всякому. Сколь необходима была отмѣна ограниченій и преслѣдованій, показываютъ, напр., послѣднія относящіяся сюда извѣстія. Таково сообщеніе П. Д. Боборыкина въ „Русскомъ Словѣ", что какъ разъ во время обсужденія въ Комитетѣ министровъ вопроса о вѣротерпимости подготовлялась чуть не массовая эмиграція въ Америку штундистовъ. Возбужденіе столь назрѣвшаго вопроса имѣло уже нѣкоторые результаты.

Въ газетѣ „Слово" мы находимъ, что бывшій до послѣдняго времени подъ надзоромъ полиціи старообрядческій архіепископъ Іоаннъ Московскій освобожденъ изъ-подъ надзора. Ему разрѣшенъ въѣздъ въ Москву. До настоящаго времени онъ обязанъ былъ проживать во Владимірской губ. Въ концѣ января архіепископъ Іоаннъ воспользовался даннымъ ему разрѣшеніемъ и переѣхалъ въ Москву. Затѣмъ, изъ Суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря освобождены религіозные узники, крестьяне: Ермолай Федосѣевъ, Алексѣй Калечинъ, Ѳедоръ Ганчжевъ, Евфимій Поповъ, Кузьма Мошковъ и мѣщанинъ Ѳедоръ Ковалевъ, и изъ Соловецкаго монастыря — Петръ Леонтьевъ.

Обсуждая вопросы, относящіеся къ п. 6 указа, Комитетъ въ засѣданіяхъ 1 и 8 февраля останавливался на необходимости различать среди разнообразныхъ вѣроученій, объемлемыхъ общимъ именемъ раскола, главныя отдѣльныя группы старообрядцевъ, сектантовъ и приверженцевъ изувѣрныхъ ученій. Ближе остановившись на положеніи первой изъ этихъ группъ, Комитетъ склонялся къ тому, чтобы примѣнять къ старообрядческимъ согласіямъ правила, общія для иныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и обсуждалъ вопросы о признаніи нѣкоторыхъ правъ юридическихъ лицъ за молитвенными домами и богоугодными заведеніями старообрядцевъ; объ открытіи закрытыхъ нынѣ раскольничьихъ моленъ и разрѣшеніи постройки новыхъ, а также объ

устройствѣ старообрядческихъ обителей и о содержанiи понятiя оказательства раскола. Затѣмъ Комитетъ перешелъ къ разсмотрѣнiю положенiя духовныхъ лицъ старообрядческихъ согласiй, при чемъ обсуждались вопросы о предоставленiи имъ права именоваться наставниками, или настоятелями, и отправлять требы въ частныхъ и публичныхъ мѣстахъ, напримѣръ, приводить своихъ единовѣрцевъ къ присягѣ, напутствовать умирающихъ въ больницѣ и тому подобное, преподавать дѣтямъ раскольниковъ въ школахъ Законъ Божiй, при условiи обладанiя извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, вести метрическiя записи подъ контролемъ общественныхъ учрежденiй. Далѣе Комитетъ обсуждалъ возможность открытiя старообрядцами своихъ школъ, печатанiя различныхъ изданiй на общихъ для сего основанiяхъ; также разсматривалъ вопросъ объ уравненiи права старообрядцевъ съ лицами иноославныхъ христiанскихъ вѣроисповѣданiй въ отношенiи правилъ, касающихся смѣшанныхъ браковъ, а равно въ отношенiи государственной и общественной службы.

Высочайше утвержденнымъ положенiемъ Комитета министровъ опредѣлено: „1) предоставить министру внутреннихъ дѣлъ: а) безъ замедленiя и во всякомъ случаѣ не позднѣе трехъ мѣсяцевъ со дня утвержденiя сего положенiя распорядиться отмѣною всѣхъ, кромѣ указанныхъ въ слѣдующемъ пунктѣ, стѣсняющихъ свободу исповѣданiя вѣры и не основанныхъ прямо на законѣ административныхъ распоряженiй; б) если изъ числа стѣсняющихъ свободу исповѣданiя вѣры административныхъ распоряженiй окажутся такiя, примѣненiе коихъ по соображенiямъ государственнаго порядка онъ признаетъ необходимымъ, то на утвержденiе испросить черезъ Государственный совѣтъ Высочайшее соизволенiе; в) принять дѣйствительныя мѣры надзора, чтобы никакими административными учрежденiями и лицами впредь не устанавливалось какихъ-либо стѣсненiй въ области религiи, закономъ не указанныхъ. 2) Поручить министру внутреннихъ дѣлъ: а) не допускать впредь примѣненiя къ дѣламъ религiознаго свойства положенiй о мѣрахъ къ охраненiю государственнаго порядка и полицейскомъ надзорѣ; б) немедленно прекратить дальнѣйшее дѣйствiе всѣхъ принятыхъ по дѣламъ религiознаго свойства въ административномъ порядкѣ мѣръ; в) поручить главнымъ начальникамъ вѣдомствъ, и въ частности оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, немедленно войти со всеподданнѣйшими докладами къ Его Императорскому Величеству о помилованiи лицъ, которыя подвергнуты безъ суда высылкѣ изъ мѣстъ постояннаго жительства или лишенiю свободы за религiозныя заблужденiя и вытекающiе изъ того поступки“.

Когда приступаютъ къ „обновленiю духовной жизни народа, упроченiю его благосостоянiя и усовершенствованiю государственнаго порядка“, какъ говоритъ намъ Высочайшiй Манифестъ,—тогда темныя силы зла и невѣжества дѣлаютъ послѣднiя усилiя и заводятъ смуту.

Иначе нельзя назвать тѣ дикiя и огульныя подстрекательства, которыя выразились въ Москвѣ, Казани изустно, а во Псковѣ даже письменно, въ видѣ нелѣпыхъ прокламацiй: „Бейте студентовъ“,—бейте, даже не выслушавъ. Иначе нельзя назвать и нелѣпую басню о 18-ти англо-японскихъ миллiонахъ, на которые яко бы были подкуплены бастовавшiе рабочiе и многiе другiе,—басню, пущенную въ ходъ какимъ-то „*латинскимъ*“ агентствомъ и кое-гдѣ подхваченную съ видомъ мнимой авторитетности. Такой же характеръ имѣли и тамбовскiя происшествiя, начиная съ избiенiя земскихъ гласныхъ и кончая страннымъ оборотомъ, какой приняла тамъ забастовка наборщиковъ: въ то время, какъ губернская типографiя охранялась отъ забастовки, въ земскую типографiю, какъ было установлено на засѣданiи губ. земскаго собранiя, явилось одно должностное лицо и совѣтовало—впрочемъ, безъ успѣха—рабочимъ начать забастовку по мотивамъ „классоваго самосознанiя“. Такова же была сцена, разъигравшаяся въ Ѳеодосiи 7 февраля, когда во время забастовки раздались возгласы: „бей жидовъ“, и послѣдовалъ погромъ. Но особенно прискорбна, даже ужасна, рѣзня въ Баку. По офицiальнымъ сообщенiямъ, все дѣло началось тамъ съ обиды, нанесенной однимъ армяниномъ татарину. Но во всякомъ случаѣ, изъ тѣхъ же сообщенiй видно, что никакихъ мѣръ почти не принималось, чтобы остановить, не дать разгорѣться искрѣ. А въ результатѣ — въ первый день, по офицiальнымъ извѣстiямъ, 35 труповъ; продолжалось же избiенiе чуть не недѣлю. Слухи, переданные газетами, говорятъ о 500. Помочь дѣлу, т. е. разъяснить въ данномъ случаѣ и содѣйствовать предупрежденiю въ будущемъ, въ силахъ были бы серьезное разслѣдованiе и печать. Настоятельно требуютъ разслѣдованiя и жестокiя сцены избiенiя учащихся дѣтей въ Курскѣ, 12 января.

Положенiе нашей перiодической печати было первымъ вопросомъ, по которому Комитетъ министровъ, разрабатывая преобразованiя, означенныя въ указѣ 12 декабря, принялъ отчасти постановленiя, въ видѣ непосредственно исполненныхъ мѣропрiятiй. Зависимость печати отъ административнаго усмотрѣнiя, дѣлающая положенiе печати шаткимъ и голосъ ея малозначащимъ, запрещенiе касаться многихъ важныхъ сторонъ общественной жизни, что искусственно и односторонне сосредоточиваетъ вниманiе всего общества на явленiяхъ менѣе важныхъ и случайныхъ, нарушенiе существенныхъ гражданскихъ интересовъ какъ издателей, такъ и публики — все это пространно разъяснено журналомъ Комитета отъ 28 и 31 декабря. Согласно установленному имъ общему принципу — не брать на себя законодательной роли, Комитетъ прежде всего отмѣнилъ тѣ правила и положенiя, которыя раньше проводились черезъ Комитетъ же. Впрочемъ—не всѣ. Часть ихъ предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ пересмотрѣть и соображенiя свои внести въ Государственный совѣтъ. Отмѣнено право министра внутреннихъ дѣлъ запрещать газетамъ печатанiе частныхъ объявленiй; возстановлена ст. 122 Уст. цензуры о печати, отмѣненная 28 марта 1897 года, по которой изданiе можетъ переходить отъ одного лица къ другому лишь при заявленiи объ этомъ въ срокъ, а не при условiи разрѣшенiя, какъ это было съ 1897 года. Разъяснено, что розничная продажа воспрещается лишь въ разносъ, на улицахъ и въ вокзалахъ, а не изъ магазиновъ и библiотекъ.

Но осталось въ силѣ подчиненiе предварительной цензурѣ изданiй, которыя вновь начинаютъ выходить послѣ 3-го предостереженiя. Порядокъ прекращенiя изданiй совѣщанiемъ министровъ внутр. дѣлъ, юстицiи, просвѣщенiя и оберъ-прокурора Святѣйшаго синода оставленъ въ силѣ, хотя по основному закону (врем. правила 1865 г.) изданiя могли прекращаться лишь по суду. Далѣе, Комитетъ

призналъ нужнымъ сохранить за министромъ внутр. дѣлъ право пріостанавливать выпускъ подцензурныхъ изданій.

Затѣмъ, для пересмотра дѣйствующихъ постановленій и составленія проекта новаго устава учреждено особое совѣщаніе, предсѣдателю котораго предоставлено „право приглашать въ засѣданія лицъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ свѣдѣній и объясненій, въ томъ числѣ дѣятелей провинціальной печати". Въ совѣщаніе назначенъ предсѣдателемъ директоръ публичной библіотеки, членъ Государственнаго совѣта Д. Ѳ. Кобеко. 10 февраля открылись засѣданія совѣщанія въ слѣд. составѣ: предсѣдатель и члены по Высочайшему назначенію: сенаторъ Боровиковскій, сенаторъ Случевскій, сенаторъ Звѣревъ, вице-президентъ Императорской академіи наукъ Никитинъ, ординарный академикъ Ключевскій, почетные академики: сенаторъ Кони, графъ Голенищевъ-Кутузовъ, редакторъ-издатель журнала „Вѣстникъ Европы" Стасюлевичъ, редакторъ-издатель „Гражданина" кн. Мещерскій, редакторъ-издатель „Кіевлянина" Д. И. Пихно, издатель газ. „Новое Время" А. С. Суворинъ; представители министерствъ: внутреннихъ дѣлъ кн. Шаховской, народнаго просвѣщенія Радловъ, юстиціи Дерюжинскій, орд. проф. дух. академіи Рождественскій, управляющій дѣлами Комитета министровъ баронъ Нольде.

Уже послѣ перваго засѣданія назначены членами комиссіи: предсѣдатель ученаго комитета Сонинъ, членъ совѣта мин. нар. просв. кн. Голицынъ, Юзефовичъ и кн. Цертелевъ.

Въ первыхъ засѣданіяхъ совѣщаніе высказалось за уничтоженіе предварительной цензуры и за явочный порядокъ возникновенія новыхъ періодическихъ изданій.

Заключаемъ на этотъ разъ хронику официальными документами чрезвычайнаго значенія:

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч., и проч. и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ: Неисповѣдимому Промыслу Божію благоугодно было посѣтить Отечество наше тяжкими испытаніями: кровопролитная война на Дальнемъ Востокѣ за честь и достоинство Россіи и за господство на водахъ Тихаго океана, столь существенно необходимое для упроченія на долготу вѣковъ мирнаго преуспѣянія не только нашего, но и иныхъ христіанскихъ народовъ,—потребовала отъ народа русскаго значительнаго напряженія его силъ и поглотила многія дорогія, родныя сердцу Нашему жертвы. Въ то время, когда доблестнѣйшіе сыны Россіи, съ беззавѣтною храбростію сражаясь, самоотверженно полагають жизнь свою за вѣру, Царя и Отечество,—въ самомъ Отечествѣ нашемъ поднялась смута на радость врагамъ нашимъ и къ великой сердечной Нашей скорби. Ослѣпленные гордынею, злоумышленные вожди мятежнаго движенія дерзновенно посягаютъ на освященные Православною Церковью и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и, вмѣсто онаго, учредить новое управленіе страною на началахъ, Отечеству Нашему несвойственныхъ. Злодѣйское покушеніе на жизнь Великаго Князя, горячо любившаго первопрестольную столицу и безвременно погибшаго лютою смертію среди священныхъ памятниковъ Московскаго Кремля, глубоко оскорбляетъ народное чувство каждаго, кому дороги честь русскаго имени и добрая слава нашей родины. Со смиреніемъ принимая всѣ сіи, ниспосланныя Правосудіемъ Божіимъ испытанія, Мы почерпаемъ силы и утѣшеніе въ твердомъ уповании на милосердіе Господа, отъ вѣка Державѣ Россійской являемое, и въ извѣстной Намъ исконной преданности Престолу вѣрнаго народа Нашего. Молитвами святой Православной Церкви, подъ стягомъ Самодержавной Царской Власти и въ неразрывномъ единеніи съ Нею Земля Русская не разъ переживала великія войны и смуты, всегда выходя изъ бѣдъ и затрудненій съ новою силою несокрушимою. Но внутреннія нестроенія послѣдняго времени и шатанія мысли, способствовавшія распространенію крамолы и безпорядковъ, обязываютъ Насъ напомнить правительственнымъ учрежденіямъ и властямъ всѣхъ вѣдомствъ и степеней долгъ службы и велѣнія присяги и призвать къ усугубленію бдительности по охранѣ закона, порядка и безопасности, въ строгомъ сознаніи нравственной и служебной отвѣтственности передъ Престоломъ и Отечествомъ. Непрестанно помышляя о благѣ народномъ и твердо вѣруя, что Господь Богъ, испытавъ Наше терпѣніе, благословитъ оружіе Наше успѣхомъ, Мы призываемъ благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній, каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ, соединиться въ дружномъ содѣйствіи Намъ словомъ и дѣломъ во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ Землѣ нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней, памятуя, что лишь при спокойномъ и бодромъ состояніи духа всего населенія страны возможно достигнуть успѣшнаго осуществленія предначертаній Нашихъ, направленныхъ къ обновленію духовной жизни народа, упроченію его благосостоянія и усовершенствованію государственнаго порядка. Да станутъ же крѣпко вокругъ Престола Нашего всѣ русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной старины, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами. И да подастъ Господь въ Державѣ Россійской: пастырямъ — святыню, правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и тишину, законамъ—силу и вѣрѣ—преуспѣяніе къ вящшему укрѣпленію истиннаго Самодержавія на благо всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ въ восемнадцатый день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

данный Правительствующему сенату.

1905 года, февраля 18-го. „Въ неустанномъ попеченіи объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго благосостоянія Имперіи Россійской признали Мы за благо облегчить всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ, возможность непосредственно быть Нами услышанными. Въ виду сего повелѣваемъ:

Возложить на состоящій подъ предсѣдательствомъ нашимъ совѣтъ министровъ, сверхъ

дѣлъ, ему нынѣ подвѣдомственныхъ, разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на Имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія. Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее по сему предмету распоряженіе.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ
на имя министра внутреннихъ дѣлъ.

Александръ Григорьевичъ!

Вѣрныя исконному обычаю народа русскаго—нести къ престолу изъявленіе чувствъ своихъ во дни радостей и печалей, переживаемыхъ отечествомъ,—дворянскія и земскія собранія, купеческія, городскія и крестьянскія общества, со всѣхъ концовъ земли русской, принесли Мнѣ многочисленныя поздравленія по случаю радостнаго событія рожденія Наслѣдника Цесаревича, съ выраженіемъ готовности пожертвовать своимъ достояніемъ дѣлу успѣшнаго завершенія войны и посвятить всѣ свои силы для содѣйствія Мнѣ въ усовершенствованіи государственнаго порядка. Отъ имени Ея Величества и Моего поручаю вамъ передать привѣтственно обратившимся ко Мнѣ собраніямъ и обществамъ сердечную Нашу благодарность за выраженіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, которыя въ трудное, переживаемое нами время были Намъ тѣмъ болѣе отрадны, что высказанная въ тѣхъ обращеніяхъ готовность, по зову Моему, придти и содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ Мною преобразованій, всецѣло отвѣчаетъ душевному Моему желанію: совмѣстною работою Правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія Моихъ предначертаній, ко благу народа направленныхъ. Преемственно продолжая царственное дѣло Вѣнценосныхъ Предковъ Моихъ,—собираніе и устроеніе Земли Русской,—Я вознамѣрился отнынѣ, съ Божіей помощью, привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Соображая особыя условія обширнаго Отечества нашего, разноплеменность состава его населенія и слабое въ нѣкоторыхъ его частяхъ развитіе гражданственности, Государи Россійскіе въ мудрости своей всегда даровали необходимыя, въ зависимости отъ назрѣвшихъ потребностей, преобразованія лишь въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности и съ осмотрительностью, обезпечивающею неразрывность крѣпкой исторической связи съ прошлымъ, какъ залога прочности и устойчивости сихъ преобразованій въ будущемъ. И нынѣ, предпринимая сіе преобразованіе, Мы увѣрены, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ, разумное и откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечитъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа. Я вмѣстѣ съ тѣмъ предвижу всю сложность и трудность проведенія сего преобразованія въ жизнь, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи. А посему, хорошо зная многолѣтнюю административную вашу опытность и цѣня спокойную увѣренность характера вашего, Я признаю за благо учредить подъ вашимъ предсѣдательствованіемъ особое совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей Моей воли. Да благословитъ Господь сіе благое начинаніе Мое и да поможетъ вамъ исполнить оное успѣшно на благо Богомъ ввѣреннаго Мнѣ народа. Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

18 февраля 1905 г. Царское Село.

Высочайшій рескриптъ ясно указываетъ въ какомъ направленіи предположено „обновленіе духовной жизни народа" и „усовершенствованіе государственнаго порядка", возвѣщенныя Манифестомъ 18 февраля. *И. С.*

Издатель **В. С. Миролюбовъ**. Редакторъ **П. В. Голяховскій**.

ГОДЪ X. 1905. № 4. АПРѢЛЬ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
Журналъ для всѣхъ.

М. ПОЖАРОВА.

ПРОРОКЪ ИСАІЯ.

(ФРЕСКА МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО).

Онъ грозно-величавъ таинственнымъ
лицомъ,—
Какъ свѣточи во тьмѣ, какъ звѣзды
въ безднахъ черныхъ,
Горятъ зрачки очей властительно-
упорныхъ
И волосы змѣясь сплетаются вѣнцомъ.
Мечъ мудрости своей въ горнилѣ странъ
надгорныхъ
Онъ закалилъ—и всталъ безтрепетнымъ
борцомъ
Надъ полчищемъ грѣховъ безумныхъ
и тлетворныхъ.
Изъ жаркихъ устъ его, расплавленнымъ
свинцомъ,
Текутъ въ сердца людей завѣты
прорицаній;
Порывъ его—какъ смерчъ, какъ вихрь
неотвратимъ.
Откликнулись вѣка на громъ его воззваній!
И страстью онъ объятъ... И чудится,
надъ нимъ,
Какъ молнія небесъ, блистаетъ серафимъ,
И ослѣпленный міръ исполненъ содраганій.

НОЧЬЮ, ВЪ ТИШИНѢ...

Отдаваясь этой вѣщей, говорящей тишинѣ,
Поздней ночью, мирной ночью, цѣпенѣю
въ полуснѣ.
Неустанны, непрерывны и загадочно-
призывны,
Волны трепетныхъ минутъ
Въ вѣчность медленно плывутъ...
Чутко слушаю я ночью, въ неподвижномъ
полуснѣ,
Какъ трепещутъ крылья смерти,
приближаяся ко мнѣ,
Какъ крыло не затихая, ткани жизни
разрывая,
Мѣрно бьется о крыло...
Внятный сердцу отзвукъ рая затаила
ночь нѣмая
И во мглѣ ея—свѣтло!

М. ВЕСКИНЪ.

Гдѣ вы, гдѣ вы, люди чистые?
Изъ окна своей тюрьмы
Вижу облики лучистые
И хочу уйти изъ тьмы.
Вижу я одежды бѣлыя
И прозрачныя тѣла,
Слышу рѣчи ваши смѣлыя
И прекрасныя дѣла.
Изумленный, очарованный,
Я взываю изъ тюрьмы:
„Здѣсь я, слабый, здѣсь я, скованный,—
Разорвите цѣпи тьмы!
Я давно васъ жду, могучіе,
Свято вѣря въ вашъ приходъ...
Осушите жъ слезы жгучія,
Облегчите страшный гнетъ!"
Но молчатъ видѣнья чистыя,
Бредъ усталаго ума...
Гдѣ же, гдѣ же вы, лучистые?!...
Или вѣчно будетъ тьма?...

В. ВАШКИНЪ.

ВЪ КУЗНИЦѢ.

Тотъ, кто живетъ съ раннихъ лѣтъ бѣд-
някомъ,
Въ тѣсной каморкѣ, въ грязи и въ
пыли,
Будетъ свободнаго счастья творцомъ
И властелиномъ земли.

Надо желѣзо ковать, добывать,
Бить молоткомъ, подымать рычагомъ,
Чтобы свободную долю узнать,
Чтобы смѣяться потомъ.

Мелкая пыль разъѣдаетъ глаза...
Вѣтеръ ворвался въ раскрытую
дверь...
Мечутся тучи... Пылаетъ гроза...
Некогда медлить теперь!

Такъ и гуляетъ въ рукѣ молотокъ,
Ходитъ размашисто взадъ и впередъ,
Въ кузницѣ старой дрожитъ потолокъ,
Ветхій колеблется сводъ.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

НЕБО.

Въ деревнѣ капали капели,
Былъ теплый солнечный апрѣль,
Блестѣли вывѣски истекла
И празднично бѣлѣлъ отель.

Въ деревнѣ смѣхъ звучалъ и говоръ,
Всѣ улыбались безъ причинъ
И томно щурились отъ солнца,
Отъ яркихъ снѣговыхъ вершинъ.

А надъ деревней, надъ горами
Раскрыты были небеса,
И по горамъ, къ вершинамъ бѣлымъ,
Шли темносиніе лѣса.

И отъ вершинъ, какъ мраморъ чистыхъ,
Отъ изумрудныхъ ледниковъ
И отъ небесъ зеленоватыхъ
Тянуло свѣжестью снѣговъ.

И я ушелъ къ зимѣ, на сѣверъ.
И цѣлый день бродилъ въ лѣсахъ,
Душой теряясь въ необъятныхъ
Зеленоватыхъ небесахъ.

И цѣлый день я приближался
Къ ихъ непорочной красотѣ,
И взглядъ встрѣчался только съ бездной—
Съ лазурной бездной въ высотѣ.

Не на землѣ я жилъ какъ будто,
Не на землѣ, а въ той странѣ,
Гдѣ я былъ счастливъ до рожденья,
Гдѣ все такъ близко было мнѣ.

И радуясь душа стремилась
Рѣшить одно: зачѣмъ живу?
Зачѣмъ хочу сказать кому-то,
Что тянетъ въ эту синеву,

Что прелесть этихъ синихъ красокъ
Словами выразить нѣтъ силъ,
Что только небо—только радость
Я цѣлый вѣкъ въ душѣ носилъ?

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ПОРТРЕТЪ.

Черты твои—дѣтскія, скромныя,
Закрыты стыдливо виски,
Но смотрятъ такъ странно, бездонные,
Большие зрачки.

Не сомкнуты губы безсильныя,
Какъ будто имъ нечѣмъ вздохнуть,
Какъ будто покровы могильные
Томятъ тебѣ грудь.

Движеньями грустно усталыми
Ты просишь: оставьте меня!
Язвитъ тебя жгучими жалами
Дѣйствительность дня.

Какъ призраки, горько ненужные,
Мы, люди, скользимъ предъ тобой.
Ты смотришься въ дали жемчужныя
Поникшей душой,

Къ глубинамъ роднымъ наклоняешься
И рада видѣньямъ,—но вдругъ,
Вся вздрогнувъ, опять возвращаешься
Печальна въ нашъ кругъ.

Г. ГАЛИНА.

ЖЕМЧУЖИНА.

Въ ней тихій, тусклый свѣтъ, какъ будто сквозь туманъ,
Сіяетъ матовой, загадочной звѣздою...
Одной изъ чудныхъ звѣздъ, которыхъ подъ волною
Хранитъ такъ много океанъ...
Холодныхъ раковинъ красивая печаль,
Застывшая слезой на стѣнкахъ перламутра,
Молочно-бѣлая, какъ блѣдный отблескъ утра,
Чуть серебрящійся сквозь облачную даль...
И этотъ странный блескъ, неясныхъ полный грезъ
Въ душѣ рождаетъ звукъ тревожный и далекій,
Какъ будто гдѣ-то тамъ, на самомъ днѣ, глубоко
Звенятъ жемчужины давно забытыхъ слезъ...

П. П. ГАЙДЕБУРОВЪ.

ИВЫ.

Надъ излучиной сонною,
Зноемъ дня утомленною,
Гдѣ изрѣзали берегъ обрывы,
Наклонились плакучія ивы.
Подъ водою глубокою,
За прибрежной осокою,
Мѣсяцъ выплылъ, лѣниво качаясь,
Ключевою струей умываясь.

Хороводы огнистые
Водятъ съ нимъ звѣзды чистыя,
И лучами онъ съ ними играетъ
И волну серебромъ убираетъ.
Ивы кротко-безгласныя
Въ очи мѣсяца ясныя
Грустно смотрятъ, склонясь надъ обрывомъ,
И завидуютъ звѣздамъ счастливымъ!..

Л. М. РАДІОНОВА.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Я слушала ея ужасные разсказы,
И вѣялъ въ душу мнѣ непобѣдимый страхъ
И жертва бѣдная губительной заразы
Понятной стала мнѣ въ тѣхъ роковыхъ стѣнахъ,

Мнѣ близкой сдѣлалась за долгія страданья,
За слезы жгучія, за длинный рядъ обидъ,
За жажду правоты, за смѣлыя признанья,
Будившія у ней давно забытый стыдъ.

То руки заломивъ мучительно тоскливо,
То отвернувъ лицо пылавшее къ стѣнѣ,
Нервна, надорвана — безъ связи, торопливо
Ты жизнь погибшую описывала мнѣ.

То замолкала вдругъ и ужасомъ объята
Глядѣла въ душный мракъ, гдѣ дремлетъ ночь-судьба,
И синимъ рукавомъ казеннаго халата
Стирала крупный потъ съ нахмуреннаго лба.

То, бурныхъ слезъ потокъ перерывая смѣхомъ,
Циничной шуткою ты заглушала стонъ...
И старая тюрьма ей отвѣчала эхомъ,
И черный мракъ ночной густѣлъ со всѣхъ сторонъ.

Увы! не знала ты животворящей тайны
О томъ, что божій день сіяетъ въ высотѣ.
Ты родилась въ грязи, дитя любви случайной,
Ослѣпла съ первыхъ дней въ холодной темнотѣ.

Тебя отбросила въ свой океанъ столица
И задохнулась ты въ кошмарѣ вѣчной мглы.
Несчастье—мать твоя, твой отчій домъ—темница:
Ты умирать пришла въ тюремные углы.

Стыда и нищеты свободная рабыня,
Ты въ старости своей на всей землѣ одна,
И въ сердцѣ у тебя — зловѣщая пустыня
И жуткій страхъ стоитъ надъ пропастью безъ дна.

Въ моей душѣ кипитъ какой-то ядъ кровавый,
А ты ведешь разсказъ и шутишь надъ судьбою
И скорбь и гнѣвъ зовешь господскою забавой,
И если плачу я — смѣешься надо мною.

Н. КРАНДІЕВСКАЯ.

КЪ БОГУ.

Я не знаю Тебя, я Тебя не видала.
Какъ могла я постигнуть Тебя?
Но такъ часто въ душѣ у себя повторяла:
„Онъ великъ. Онъ пойметъ, Онъ услышитъ меня!"
Кто Онъ, что Онъ, — не знаю и знать не хочу я.
Но душа такъ привыкла къ Нему,
И такъ часто страдая и молча тоскуя,
Посылаетъ молитвы Ему одному.
И теперь я какъ прежде Тебя призываю,
О, мой Богъ, мой далекій, таинственный Богъ!
Погляди, я устала, я вѣру теряю,
Я стою на распутьи, не зная дорогъ,
И въ тоскѣ непонятной къ Тебѣ обращаясь,
Я гляжу на востокъ, на дрожащій разсвѣтъ...
Ты молчишь, — и въ туманѣ сомнѣній теряясь,
Я и жду и не вѣрю въ желанный отвѣтъ.

Но въ предутренней мглѣ, разлитой предо мною,
И въ безбрежности мнѣ неизвѣстныхъ дорогъ
Я ищу Тебя вновь съ безконечной тоскою
О, мой Богъ, мой далекій, таинственный Богъ!

Е. Е. НЕЧАЕВЪ.

ЛѢСНОЙ ШУМЪ.

(Изъ М. Конопницкой).

Отъ моихъ тоскливыхъ звуковъ
Пѣсни скорбной и печальной
Зашумѣлъ листвой зеленой
Лѣсъ надъ рѣчкою зеркальной.
Понеслися не смолкая
По вершинамъ сосенъ звуки
Изъ груди моей разбитой
Думы-стоны, сердца муки.
Вторя имъ смѣлѣй и громче,
Зажурчалъ ручей свободный,
Берега съ травой душистой
Осыпая пылью водной.
И на листьяхъ точно слезы
Брызги влаги засіяли,
Отраженьемъ звѣздъ алмазныхъ,
Что горятъ въ безбрежной дали.
Подхватилъ тѣ пѣсни вѣтеръ
И полуночью глубокой
Эхомъ жалобы и гнѣва
Онъ понесъ ихъ въ край далекій.
Но не въ силахъ вѣтеръ братьямъ
Передать мою тревогу,—
Къ милымъ хатамъ, въ край родимый
Не найти ему дорогу.

ЖАЛОВАНЬЕ.

Повѣсть.

I.

Когда Талымовъ, вернувшись домой со службы, объявилъ женѣ неестественно-веселымъ голосомъ, что онъ поругался съ директоромъ правленія и „отрясъ прахъ“, Александра Сергѣевна только подняла съ удивленіемъ брови.

Талымовъ предвидѣлъ, что она подниметъ брови, и это заранѣе смущало его. Вѣдь она же давно знаетъ, что при новомъ директорѣ служба сдѣлалась для него невыносимой: подъ начальствомъ Мокрицына могутъ служить только лакеи, потому что онъ третируетъ своихъ подчиненныхъ, какъ прислугу.

— Мнѣ 45 лѣтъ. У меня вонъ ужъ сѣдина въ головѣ. Я двѣнадцать лѣтъ служилъ въ „Хамелеонѣ“, былъ правой рукой Николая Степановича,—я не могу позволить, чтобы мнѣ читали нотаціи, какъ школьнику. Не смѣй, изволите видѣть, выкурить въ правленіи папиросу, выпить стаканъ чаю, не смѣй громко разговаривать, смѣяться. Тьфу! Такую чистоту вдругъ завели въ правленіи, что войти страшно....

— Не понимаю, что ты имѣешь противъ чистоты? возразила Александра Сергѣевна.

— Тутъ, конечно, не въ чистотѣ... Меня возмущаетъ вотъ что: почему Ильинъ, у котораго при Николаѣ Степановичѣ въ бородѣ всегда застревали хлѣбныя крошки и начинка пирога, теперь, при Мокрицынѣ, вдругъ сталъ расчесывать ее волосокъ къ волоску? почему у Полозьева не только манишки, но даже и лысина вдругъ какъ-то неестественно заблестѣла, точно онъ сталъ умащать ее елеемъ? почему? А потому, что—хамы! Прикажи имъ господинъ Мокрицынъ снимать въ правленіи сапоги,—и они снимутъ. А я не сниму! Да, не сниму!

Онъ долго и горячо говорилъ, а Александра Сергѣевна молча смотрѣла на него прищуренными глазами.

— Да тутъ все ясно, какъ Божій день, внезапно оборвалъ себя Талымовъ:—или откажись отъ своего человѣческаго достоинства, или бросай службу! Я выбралъ послѣднее.

Онъ началъ сердито снимать сапоги и надѣвать туфли, все время чувствуя на себѣ прищуренный взглядъ, всегда вызывавшій въ немъ неопредѣленное безпокойство. Почти 20 лѣтъ прожилъ онъ съ женой, и до сихъ поръ въ этой худощавой, необыкновенно чистоплотной блондинкѣ, въ этомъ правильномъ, моложавомъ лицѣ съ гладкой, сухой кожей, въ этихъ загадочно-прищуренныхъ голубыхъ глазахъ—ему чудилось что-то чужое, непонятное. Александра Сергѣевна не упрекала его за потерю мѣста; она только молча смотрѣла на него и, казалось, спрашивала: „Да умно ли все это“?

Дѣти отнеслись еще спокойнѣе къ извѣстію. Леонидъ, гимназистъ 7-го класса, небольшого роста, коренастый, черненькій, очень похожій на отца, пріѣхалъ изъ гимназіи на велосипедѣ и долго отдувался, вытирая потное лицо платкомъ; услыхавъ про Мокрицына, онъ сказалъ только: „Бюрократишко поганый“! и сталъ расчесывать слипшіеся на лбу волосы.

Такъ же безразлично отнеслась къ извѣстію и дочь. Женя была вполнѣ сложившейся дѣвушкой, съ безукоризненнымъ цвѣтомъ лица, красиво очерченными губами и ясными, не то карими, не то голубыми глазами, которые она любила прищуривать, какъ мать, хотя не была близорукой. Она училась въ послѣднемъ классѣ гимназіи, но производила впечатлѣніе скорѣй учащей, чѣмъ учащейся.

— „Мокрицынъ“... Какая гадкая фамилія! замѣтила она, когда отецъ разсказалъ ей о своемъ столкновеніи съ директоромъ.

Къ обѣду пришелъ студентъ Плотниковъ, высокій, очень худой шатенъ, съ большими на выкатѣ, какъ у рака, глазами, серьезными и наивными вмѣстѣ, которыми онъ напряженно всматривался передъ собой сквозь очки. Онъ былъ когда-то репетиторомъ Леонида и съ тѣхъ поръ сдѣлался у Талымовыхъ своимъ человѣкомъ: приходилъ черезъ кухню въ любое время, обѣдалъ запросто, самъ доставая себѣ иногда приборъ изъ буфетнаго шкапа, и вообще умѣлъ никого не стѣснять.

Выслушавъ новость, онъ только произнесъ свое коротенькое „а!“ и по его не то усталому отъ занятій, не то разсѣянному лицу нельзя было угадать, разобралъ ли онъ толкомъ, о чемъ ему разсказывали.

— Иванъ Николаевичъ такъ ушелъ въ свою химію, что его могутъ занимать только лабораторныя происшествія, замѣтилъ Талымовъ.

Онъ старался говорить въ шутливомъ тонѣ, но внутри у него было непокойно. Его смущало молчаніе жены. Хотя она и вообще была не разговорчива, но тутъ молчала какъ-то особенно умно и внушительно. А теща, Анна Ипполитовна, очень худая и унылая дама, даже измѣнилась въ лицѣ и сжала свои блѣдныя губы съ необыкновенно зловѣщимъ видомъ. Весь обѣдъ она упорно смотрѣла въ свою тарелку и только подъ конецъ рѣшилась поднять свои маленькіе, безцвѣтные глаза на Талымова и промолвить свистящимъ шопотомъ:

— Вы потеряли мѣсто?

И въ этихъ словахъ: „потеряли мѣсто“ было столько паническаго страха, что Леонидъ громко расхохотался, а Женя взглянула съ улыбкой на Плотникова, какъ бы желая сказать: „Не правда ли, до чего бабушка смѣшна? Впрочемъ, на то она и бабушка“.

II.

Талымовъ отдалъ 1-го числа деньги за квартиру, внесъ въ гимназію за дѣтей—и вдругъ

увидалъ, что отъ его небольшихъ сбереженій осталось очень мало. Это застигло его врасплохъ: онъ столько лѣтъ подъ рядъ получалъ аккуратно каждый мѣсяцъ крупное жалованье, что не представлялъ себѣ, какъ это можно оказаться совершенно безъ денегъ?

До сихъ поръ онъ почти не хлопоталъ о мѣстѣ, а только, бывая въ гостяхъ, навѣдывался при случаѣ: не окажется ли чего-нибудь подходящаго? Всѣ обѣщали и всѣ тотчасъ же забывали..

Теперь Дмитрій Петровичъ принялся усиленно хлопотать и обошелъ для этого всѣхъ знакомыхъ. Раньше ему приходилось хлопотать только за другихъ, и онъ дѣлалъ это съ легкимъ духомъ; но просить за себя самого... Онъ не подозрѣвалъ, что это до такой степени мучительно. Большинство отнеслось къ нему съ искреннимъ участіемъ, но въ этомъ участіи Талымову мерещился оттѣнокъ какого-то пренебреженія. Ужъ одно то, что всѣ сидятъ на мѣстахъ, а онъ оказывается безъ мѣста, унижало его передъ другими: точно всѣ одѣты, а онъ одинъ среди нихъ голый... Выходило такъ, будто въ немъ есть какой-то изъянъ, — оттого онъ и болтается безъ мѣста; и Талымову казалось, что всѣ сидящіе на своихъ мѣстахъ начинаютъ подозрѣвать въ немъ этотъ изъянъ... „Вздоръ! нелѣпость!" говорилъ онъ себѣ. „Я остался безъ мѣста только потому, что во мнѣ сохранилось еще чувство человѣческаго достоинства... Только поэтому!" Но сознаніе не помогало, и Талымовъ, возвращаясь послѣ хлопотъ домой, каждый разъ чувствовалъ себя такъ, точно вынесъ тѣлесное наказаніе. Пусть онъ невиненъ, но вѣдь наказаніе-то все-таки унижаетъ! И въ немъ болѣзненно ныло то самое чувство человѣческаго достоинства, ради котораго онъ не подорожилъ хорошимъ жалованьемъ.

Всѣ какъ будто соглашались, что онъ имѣлъ полное основаніе разругаться съ Мокрицынымъ, но кончали тѣмъ, что покачивали головами и говорили:

— А все-таки вы напрасно погорячились...

И въ самомъ Талымовѣ гдѣ-то глубоко-глубоко шевелился порою безпокойный вопросъ: „А хорошо ли я, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ"?.. Но онъ вспоминалъ ненавистнаго Мокрицына, вспоминалъ, какъ всѣ его домашніе возмущались прежде поведеніемъ Мокрицына и не разъ говорили: „Это Богъ знаетъ что!... Это невозможно!.. Какъ ты, папа, позволяешь ему"?..— вспоминалъ все это и опять внутренно рѣшалъ:

„Нѣтъ, я хорошо сдѣлалъ, что плюнулъ и ушелъ. Я долженъ былъ сдѣлать это. Я не могъ поступить иначе".

III.

Вотъ и опять 1-ое число. Удивительно скоро бѣжитъ время: не успѣлъ отдать деньги за квартиру, а ужъ прошелъ мѣсяцъ, и аккуратный Петръ Харитоновичъ, управляющій домомъ, опять звонитъ и опять спрашиваетъ изъ передней изысканно вѣжливымъ тономъ:

— Виноватъ... Можно войти?

— Пожалуйте...

Петръ Харитоновичъ, высокій, тонкій, въ длинномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, вошелъ, шаркая изъ вѣжливости по паркету, и привѣтливо поздоровался. Его полусѣдая, круглая, стриженая подъ гребенку голова равномѣрно покачивалась, руки производили неторопливыя, закругленныя движенія, съ губъ не сходила очаровательно-любезная улыбка.

— Какова погодка-то! весело произнесъ Петръ Харитоновичъ, слѣдуя за Талымовымъ въ кабинетъ.

— Нда...

— Всѣ ли у васъ въ добромъ здоровьи?

— Благодарю васъ. Всѣ здоровы...

Послѣ этихъ словъ, повторявшихся аккуратно каждое 1-ое число, Талымовъ открывалъ ящикъ письменнаго стола и доставалъ оттуда деньги за квартиру; а Петръ Харитоновичъ говорилъ: „виноватъ-съ"! осторожно бралъ со стола перышко, писалъ на бумажкѣ расписку, посыпалъ песочкомъ, расшаркивался и уходилъ. На этотъ разъ Талымовъ не полѣзъ въ ящикъ и не досталъ денегъ, а попросилъ „обождать съ недѣльку". Петръ Харитоновичъ сначала какъ будто опѣшилъ немного, а потомъ вдругъ засуетился, закивалъ головой и молвилъ съ пріятнѣйшей улыбкой:

— Очень хорошо съ... Виноватъ, что обезпокоилъ... Такъ черезъ недѣльку?..

IV.

Всю эту недѣлю Талымовъ старался раздобыть денегъ. Онъ вспомнилъ объ Апетовѣ, который давно уже былъ долженъ ему порядочную сумму, и рѣшилъ обратиться къ нему. Апетовъ служилъ въ какомъ-то вѣдомствѣ, имѣлъ казенную квартиру и законную семью, очень многочисленную, а кромѣ того, еще приватную квартиру и приватную семью, тоже довольно многочисленную. Талымовъ отправился къ нему на казенную квартиру и засталъ Апетова за вечернимъ чаемъ, въ кругу своихъ безчисленныхъ домочадцевъ. Сильно обрюзгшее, сангвиническое лицо Апетова выразило при видѣ гостя неподдѣльную радость, такъ какъ у него мгновенно мелькнула счастливая мысль отправиться съ Талымовымъ въ ресторанъ, а оттуда, простившись съ гостемъ, заѣхать въ свою приватную семью.

Талымову пришлось довольно долго просидѣть за чаемъ, отбывая поневолѣ разговорную повинность. Онъ все ждалъ, когда уйдутъ домочадцы, чтобы поговорить наединѣ съ хозяиномъ. Онъ уже опорожнилъ не безъ отвращенія третій стаканъ и сталъ нетерпѣливо ерзать на стулѣ.

— Я было хотѣлъ съ вами объ одномъ дѣльцѣ... нерѣшительно началъ онъ.

Апетовъ подхватилъ Дмитрія Петровича подъ руку и повелъ въ кабинетъ.

— Съѣздимъ-ка мы лучше съ вами въ ресторанчикъ, шепнулъ онъ:—давно не видались, надо ознаменовать... Тамъ поговоримъ на просторѣ.

Талымовъ не любилъ ресторановъ, но рѣшилъ, что это нужно для дѣла, и согласился: въ ресторанѣ онъ выпьетъ, и тогда ему легче будетъ заговорить съ Апетовымъ о долгѣ...

Но и въ ресторанѣ у него не хватало духу заговорить... Апетовъ разсказывалъ анекдотъ за анекдотомъ; Талымовъ заставлялъ себя смѣяться, а самъ весь подергивался отъ нетерпѣнія, ежеминутно собираясь перебить Апетова и напомнить ему о долгѣ. „Вѣдь я не милостыни хочу просить“, мысленно внушалъ онъ себѣ: „вѣдь тутъ дѣло идетъ о моихъ собственныхъ деньгахъ...“

Онъ раскрывалъ ротъ, чтобы начать давно приготовленную фразу: „Не можете ли вы, Василій Павловичъ“...—но языкъ не поворачивался, и Талымовъ, вмѣсто „фразы“, выпивалъ еще рюмку для развязности. Наконецъ, послѣ долгихъ терзаній, выпивъ шестую или седьмую рюмку и уже съ трудомъ поворачивая языкъ, онъ рѣшился высказать суть дѣла... Апетовъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ, торопясь возвратить долгъ, раскрылъ его и потомъ, какъ бы самъ изумляясь, объявилъ:

— А вѣдь денегъ-то нѣтъ... Странно! Ужъ я попрошу васъ подождать до среды. Въ среду я завезу вамъ деньги... Человѣкъ, подай еще бутылку!

V.

Прошла среда, прошли четвергъ и пятница, а Апетовъ не заѣзжалъ. Въ субботу изъ передней опять послышался мягкій, почти нѣжный голосъ:

— Виноватъ!.. Можно видѣть дорогого хозяина?

Талымова передернуло. Онъ торопливо вышелъ въ переднюю, смущенно поздоровался съ Петромъ Харитоновичемъ и, скребя ногтями бороду, попросилъ его подождать еще денька два.

— Очень хорошо-съ! сказалъ Петръ Харитоновичъ, раскачивая головой и, подъ наплывомъ любезности, извиваясь весь какъ червь.— Погодка-то какова стоитъ?

— Нда... дѣйствительно... Такъ денька черезъ два...

— Слушаю-съ! Виноватъ, что обезпокоилъ...

Талымовъ написалъ Апетову, а самъ отправился къ другому своему должнику, архитектору Толоконникову. Этотъ громадный рыжій мужчина бывалъ прежде у Талымовыхъ, но съ тѣхъ поръ, какъ занялъ у Дмитрія Петровича 200 руб. „до будущаго мѣсяца“, совсѣмъ перестал бывать, и Талымову было страшно совѣстно разыскивать его черезъ два года въ адресномъ столѣ и итти къ нему прямо за деньгами.

„Главное, ужъ очень много времени прошло“, думалъ онъ морщась.

Толоконниковъ, повидимому, думалъ въ такомъ же родѣ: онъ какъ будто стыдился за своего нежданнаго гостя, вспомнившаго такую древность.

— Да, давно, давно это было... повторялъ онъ, какъ бы укоряя Талымова.

Дмитрій Петровичъ смутился и сталъ говорить о своемъ затруднительномъ положеніи: „Ушелъ со службы“... „Въ настоящее время— безъ мѣста... семья“... Вдругъ онъ весь вспыхнулъ при мысли, что вѣдь онъ точно оправдывается въ чемъ-то, что онъ точно проситъ вспомоществованія... Онъ нахмурился и замолчалъ.

— Да... такъ вы, стало быть, очень нуждаетесь? произнесъ равнодушнымъ баскомъ Толоконниковъ.—Хорошо... Я при первой возможности возвращу вамъ...

Выходило такъ, будто Талымовъ проситъ у него взаймы, а Толоконниковъ, движимый состраданіемъ, обѣщаетъ ссудить. Что за гнусность!

Когда Дмитрій Петровичъ вернулся домой, онъ почувствовалъ, что у него начинается разлитіе желчи.

VI.

Въ понедѣльникъ аккуратный Петръ Харитоновичъ опять зашелъ, но горничная объявила ему, что господъ нѣтъ дома.

Анна Ипполитовна, подсматривавшая въ щелку, видѣла, какъ Петръ Харитоновичъ усмѣхнулся, молча помоталъ головой и вышелъ. Когда она сообщила объ этомъ дочери, Александра Сергѣевна покраснѣла, потомъ собрала золотыя вещи—часы, брошку, кольцо—и поручила матери свезти это въ ссудную кассу, что та и исполнила потихоньку отъ прислуги.

Вечеромъ Талымовъ самъ отнесъ деньги за квартиру, и Петръ Харитоновичъ превзошелъ на этотъ разъ самого себя въ очаровательности, поминутно повторяя съ самой нѣжной улыбкой:

— Виноватъ!... Тысячу разъ виноватъ!.. Зачѣмъ вы безпокоитесь? Зачѣмъ изволите утруждать себя?..

Въ тотъ же вечеръ Талымовъ написалъ еще двумъ своимъ должникамъ: Павлову и Кудряшину... Павловъ прислалъ въ отвѣтъ жалобное письмо: у него хворали то дѣти, то жена, родился еще ребенокъ, денегъ не хватаетъ на прожитіе; ему очень стыдно, но заплатить долга онъ сейчасъ положительно не можетъ... Талымову отъ этого письма стало такъ совѣстно, точно онъ имѣлъ намѣреніе ограбить этого бѣднаго и надорваннаго труженика.

Кудряшинъ черезъ нѣсколько дней принесъ Талымову двадцатипятирублевку и долго извинялся, что не можетъ отдать всей суммы. Талымовъ видѣлъ, какъ мучится этотъ болѣзненно честный человѣкъ отъ своей неисправности. Ему тяжело

было брать у Кудряшина деньги: можетъ быть, онъ принесъ послѣднія и сейчасъ же опять побѣжитъ куда-нибудь занимать? У Дмитрія Петровича мелькнула мысль не брать этихъ двадцатипяти рублей, но онъ вспомнилъ, что впереди виднѣется зловѣщее 1-ое число, что надо платить жалованье прислугѣ, что часть вещей уже свезена сегодня въ ссудную кассу,—вспомнилъ все это, тяжело вздохнулъ и положилъ бумажку въ карманъ.

VII.

Большинство считало Александру Сергѣевну очень умной женщиной: во-первыхъ, потому, что сама она никогда не дѣлала глупостей, и во-вторыхъ, потому, что отлично умѣла подмѣчать чужія глупости; кромѣ того, она мало разговаривала и только щурила глаза, отчего многимъ казалась проницательной.

Когда Талымовъ пытался объяснить ей, что не по легкомыслію онъ бросилъ мѣсто, а по болѣе серьезнымъ мотивамъ,—она наморщивала свой гладкій лобъ, и это дѣлало ея моложавое лицо одновременно и очень серьезнымъ и некрасивымъ. Талымовъ понималъ, что жена составила уже свое мнѣніе и ни въ какомъ случаѣ не отступится отъ него. Она не говорила мужу ничего непріятнаго, но ея глаза, ея молчаніе, всѣ ея жесты и рядъ неуловимыхъ оттѣнковъ въ тонѣ—безпрерывно заявляли ему, что онъ поступилъ не умно и что она стоически выноситъ послѣдствія его безтактнаго поступка. Сама она ничего не предпринимала, но имѣла такой видъ, точно все уже обдумано ею и даже приняты необходимыя мѣры...

— Благоразумнѣе было бы сначала найти другое мѣсто, а потомъ ужъ бросать службу, говорила она матери, и Анна Ипполитовна, слыша ея разсудительныя слова, со вздохомъ думала, что теперь „одна надежда—на Сашу".

Она, какъ и дочь, была очень молчалива, но молчаніе Александры Сергѣевны казалось умнымъ, а безсловесность Анны Ипполитовны производила впечатлѣніе чего-то ограниченнаго. Дочь молчала спокойно, потому что все было ей до смѣшного ясно; а въ безмолвіи матери чудилось что-то безтолково-тревожное, какая-то мечущаяся во всѣ стороны нелѣпость.

Талымова раздражало это краснорѣчивое безмолвіе. Онъ чувствовалъ, что Анна Ипполитовна каждую минуту чего-нибудь крайне не одобряетъ. Ея молчаніе было похоже на затаенный протестъ, необъяснимый, безпредметный, какой-то паническій. Выдала она дочь за Талымова вполнѣ охотно, потому что считала его хорошимъ человѣкомъ, получающимъ хорошее жалованье; но едва Талымовъ сталъ женихомъ, какъ у Анны Ипполитовны тотчасъ выросъ противъ него зубъ. Она продолжала считать его хорошимъ человѣкомъ, а зубъ, въ свою очередь, продолжалъ расти. И Плотникова она считала хорошимъ („такой скромный, умный"), но косилась на него всякій разъ, какъ онъ приходилъ, и неодобрительно вздыхала по его адресу. И кухарку Дарью она называла „хорошей бабой, не испорченной", но каждый разъ, заходя въ кухню, окидывала ее изъ-подъ очковъ съ головы до ногъ подозрительнымъ взглядомъ. Съ того дня, какъ Талымовъ остался безъ мѣста, Анна Ипполитовна еще плотнѣе сжала губы и стала еще старательнѣе молчать, находясь въ то же время съ утра до вечера въ непрерывномъ безпокойствѣ и движеніи. Она даже съѣздила кое къ кому изъ своихъ старыхъ знакомыхъ, чтобы похлопотать тамъ о мѣстѣ для зятя, хотя отлично знала, что эти знакомые не могутъ ничего сдѣлать для Дмитрія Петровича, а если бы и могли, такъ не захотѣли бы. Тѣмъ не менѣе она возвращалась домой со смутнымъ сознаніемъ, что сдѣлала хорошее дѣло, и тотчасъ же сваливалась въ постель, какъ человѣкъ, измученный непосильной работой...

Когда Талымовъ видѣлъ плотно сжатыя губы тещи или прищуренные глаза жены, онъ невольно начиналъ чувствовать себя какимъ-то преступникомъ: точно онъ совершилъ подлогъ или кражу со взломомъ; и рядомъ съ этимъ изъ глубины души его поднимался глухой, ожесточенный протестъ противъ этого приговора. „Человѣкъ долженъ прежде всего чувствовать себя человѣкомъ, а не сморчкомъ!" думалъ онъ, и все-таки не могъ отдѣлаться отъ подозрѣнія къ себѣ самому: на него какъ будто напялили арестантскій халатъ,—и вотъ онъ, вопреки своему разсудку и волѣ, самъ начинаетъ смотрѣть на себя какъ на преступника. Раньше онъ всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ нравственную невозможность служить у Мокрицына, а теперь все какъ-то спуталось въ его глазахъ, и онъ иногда даже самъ путемъ не понималъ, изъ-за чего собственно вышла вся эта исторія? Прежде для него было ясно, какъ день, что нельзя ради жалованья оставаться тамъ, гдѣ тебя самымъ безцеремоннымъ образомъ смѣшиваютъ съ грязью: вѣдь это значило бы „отмѣнить въ себѣ человѣка!" А теперь онъ спрашивалъ себя: „А можетъ быть, это, такъ называемое, человѣческое достоинство есть только игра самолюбія? И что такое, въ сущности, значитъ „отмѣнить въ себѣ человѣка?"

Талымову казалось, что, если бы кто-нибудь понялъ, какъ слѣдуетъ, самое больное его мѣсто, давно нывшее въ немъ, то тотчасъ же и для него самого стало бы яснымъ все это непріятное происшествіе. Дочь, можетъ быть, и поняла бы: вѣдь она—очень неглупая дѣвушка; но у нихъ съ Плотниковымъ есть какая-то своя жизнь, передъ которой всѣ эти Мокрицыны, „Хамелеоны", „правленія" и разные житейскіе вопросы казались Женѣ черезчуръ скучными и ничтожными. У нея съ Плотниковымъ были свои разговоры, свои занятія, свои вопросы: когда Женя выходила изъ своей комнаты въ столовую, она продолжала жить тѣмъ,

что сейчасъ только читалось или говорилось, и оба они съ Плотниковымъ имѣли видъ заговорщиковъ, преданныхъ другъ другу и какому-то общему дѣлу.

У сына тоже была какая-то своя жизнь. По вечерамъ онъ часто отправлялся къ Надеждинымъ или Воропаевымъ, гдѣ собиралась учащаяся молодежь, читались доклады и велись горячіе споры. Возвращался онъ оттуда оживленный, взвинченный, стучалъ сапогами и, если заставалъ кого-нибудь изъ своихъ еще не спящимъ, то набрасывался на него съ вопросами, которые только что обсуждались молодежью, и спѣшилъ высказаться, мало обращая вниманія на то, что говорилъ ему его невольный собесѣдникъ.

— Я бы, папа, на твоемъ мѣстѣ тоже плюнулъ и ушелъ, отрѣзалъ онъ однажды, не выслушавъ Талымова до конца, и тотчасъ же принялся развивать передъ отцомъ собственные взгляды и настроенія. Раскачиваясь на стулѣ и пощипывая верхнюю губу, гдѣ, на зло инспектору, ясно вырисовывались черные усики, онъ заговорилъ о томъ, что не выноситъ самаго слова „служить“.

— „Работать“... „изучать“... „пахать“... „писать“—все это я понимаю; но „служить“... Что за отвратительный терминъ? Какъ ни поворачивай, „служить“—значитъ: быть чьей-нибудь прислугой... Мерзко!

— Но если необходимо зарабатывать деньги, кормить семью?

— „Семья“? Что такое „семья“? Собственно говоря, ничего не надо.

— То-есть, какъ „ничего“?

— Да такъ... ничего обывательскаго. Надѣлъ шапку и вышелъ на всѣ четыре стороны! Вотъ это я понимаю.

„Независимость“ была конькомъ Леонида. Изъ любви къ ней онъ ходилъ по улицѣ разстегнувшись и носилъ небрежно ранецъ на одномъ плечѣ; онъ и курить-то началъ главнымъ образомъ ради независимости. О чемъ бы ни заговаривали, онъ торопился свести разговоръ къ своей любимой темѣ, которую разработалъ со всѣхъ сторонъ. И на этотъ разъ онъ долго говорилъ, съ жаромъ, но сбивчиво: о независимости, о правахъ личности, и ссылался на Нитцше, котораго мечталъ проштудировать въ подлинникѣ. А отецъ слушалъ его и думалъ: какъ бы дать почувствовать сыну свое самое больное мѣсто?

— Понимаешь, Леонидъ,—тутъ дѣло не въ самолюбіи: самолюбіемъ еще можно поступиться. Нѣтъ, тутъ создалась такая подлая атмосфера, пошло такое халуйство!.. При Николаѣ Степановичѣ у насъ все было по-семейному. Хорошій старикъ былъ! Бывало, привезетъ въ правленіе пирожковъ, самъ угощаетъ всѣхъ,—и пойдетъ по всему правленію начинка: на полу, на столахъ, на бумагахъ, даже въ бородѣ у Николая Ильича...

— Ха-ха-ха!

— Дѣло, конечно, не въ начинкѣ, а въ духѣ, въ настроеніи, продолжалъ Талымовъ, ободренный звонкимъ смѣхомъ Леонида.—Было попроще, погрязнѣе... побезалабернѣе, если хочешь, но зато человѣчнѣе. И дѣла шли не хуже, а, пожалуй, лучше, чѣмъ при Мокрицынѣ: если кто и проманкируетъ, такъ зато потомъ наверстаетъ, чтобы старичка не подвести. Работали весело, потому что дышали свободно, чувствовали себя людьми. А пришелъ Мокрицынъ, сказалъ: „цыцъ!“—и всѣ точно умерли: одна чистота осталась. Сразу всѣ онѣмѣли. Если вдругъ, по старой памяти, заговоришь громко или засмѣешься, такъ собственнаго голоса не узнаешь... Честное слово!.. Вѣдь мерзко, унизительно? А посмотрѣлъ бы ты, какъ Мокрицынъ разговаривалъ съ нами: точно ротный командиръ съ солдатами! Если, бывало, здороваясь протянетъ кому-нибудь руку, такъ словно боится замараться... Однимъ словомъ, онъ сразу далъ намъ понять, что мы вовсе не люди, а просто пишущія машины...

— Великій человѣкъ на малыя дѣла... буркнулъ Леонидъ.

— Вотъ именно!.. Для меня главный вопросъ былъ не въ самолюбіи, а въ томъ: „люди мы или не люди?“ И когда я понялъ, что мы перестали быть людьми, служба сдѣлалась для меня невыносимой. Я возненавидѣлъ все, что связано съ проклятымъ „Хамелеономъ“... Мой столъ въ правленіи помѣщался у самаго окна. Прежде я смотрѣлъ въ него и видѣлъ мостовую, огромный домъ напротивъ, подъѣздъ, вывѣски и прочее такое, и не соединялъ съ этимъ никакого чувства: я—самъ по себѣ, а эта улица—тоже сама по себѣ... А вотъ при Мокрицынѣ мнѣ стало физически тошно видѣть все это изо дня въ день. Мнѣ казалось, что всѣ эти безчисленныя вывѣски, всѣ эти *фирмы... склады... правленія...* какъ-то нахально лѣзутъ мнѣ въ глаза, а эта многоэтажная нелѣпая глыба нарочно загораживаетъ передо мной свѣтъ, надменно смотритъ на меня своими бездушными стеклянными глазами и грозится раздавить меня. Все кричитъ мнѣ, что я не смѣю быть человѣкомъ: я—рабъ Мокрицына, рабъ всѣхъ этихъ „правленій“, рабъ этой улицы, которая, если смилуется, выброситъ мнѣ кусокъ хлѣба, а не смилуется,—сотретъ меня въ порошокъ. Самъ по себѣ я—нуль: я ничего не могу и ничего не стою... Ахъ, какъ я ненавидѣлъ эту улицу!.. А когда я отворачивался отъ окна и видѣлъ согнутыя спины сослуживцевъ, ихъ прилизанные волосы, ихъ гладко выскобленныя щеки,—все клокотало во мнѣ, а въ головѣ вертѣлось одно: „Плюнуть и уйти!.. плюнуть и уйти!..“ Каждый день я возвращался со службы домой, какъ оплеванный. Мнѣ было стыдно смотрѣть въ глаза вамъ, дѣтямъ, стыдно было сознавать, что вашъ отецъ—не человѣкъ, а рабъ, лакей, продающій

за жалованье свое достоинство, свою человѣческую душу... Я ожесточался; я спрашивалъ себя: „Такъ неужели же я ничего не могу, ничего не смѣю? неужели я потерялъ право быть человѣкомъ, личностью? Такъ нѣтъ же! Плюну и уйду!“ Ты понимаешь, Леонидъ, чего мнѣ это стоило, въ чемъ тутъ былъ главный...

— Да разумѣется, папа! Я только удивляюсь, какъ ты выносилъ эту дрянную Мокрицу. Я бы давно далъ ему въ рожу... Вообще, люди вашего поколѣнія черезчуръ привыкли разбираться во всемъ. Мы смотримъ на это иначе... Вотъ вчера у Надеждиныхъ какъ разъ былъ разговоръ объ этомъ...

И Леонидъ, раскачиваясь на стулѣ, принялся передавать подробно вчерашній разговоръ; а Талымовъ чувствовалъ, что его что-то больно царапаетъ по душѣ. Чѣмъ рѣшительнѣе Леонидъ одобрялъ поступокъ отца, тѣмъ яснѣе становилось для Талымова, что сынъ не понимаетъ да и не хочетъ понять его настроенія... И ему казалось оскорбительнымъ то, что онъ какъ будто оправдывается передъ Леонидомъ, а тотъ какъ будто поучаетъ его.

VIII.

Прошло 1-ое число и еще 1-ое число, а деньги за квартиру не заплачены.

— Вы, какъ я слышалъ, потерпѣли аварію?.. спросилъ осторожно Петръ Харитоновичъ.

Талымовъ покраснѣлъ: онъ скрывалъ отъ управляющаго, что потерялъ мѣсто, и тотъ узналъ объ этомъ стороною...

Съ этихъ поръ Петръ Харитоновичъ замѣтно перемѣнился: глаза его смотрѣли на Талымова, но были тусклы и какъ будто не видѣли передъ собой Дмитрія Петровича; станъ его не извивался, какъ прежде, и голова не покачивалась кокетливо, а все стало прямымъ и неподвижнымъ. Когда ему говорили: „Барина нѣтъ дома“, онъ недовѣрчиво крякалъ и вздыхалъ неприлично громко. Потомъ онъ сталъ посылать со швейцаромъ напоминающія записки, и у швейцара тоже было какъ будто другое лицо, не прежнее: раньше у него все время держалась на лицѣ свѣтлая, дѣтски-простодушная улыбка, а теперь онъ сталъ серьезенъ и важенъ, не перхалъ уже, дожидаясь отвѣта въ передней, осторожно въ руку, а громко и нетерпѣливо кашлялъ и развязно заговаривалъ съ горничной...

Чтобы отдать Петру Харитоновичу хоть за одинъ мѣсяцъ, пришлось заложить рояль. Это поразило и потрясло и Александру Сергѣевну и дѣтей гораздо больше, чѣмъ отставка Талымова. Когда четыре дюжихъ мужика выносили рояль, всѣ испытывали такое чувство, точно присутствовали при выносѣ родного покойника. Въ залѣ образовалась большая брешь, которую поспѣшили заставить стульями; эта брешь впервые наглядно показала всѣмъ, какое разрушеніе постигло ихъ спокойную, сытую, благоустроенную жизнь.

Едва отдали Петру Харитоновичу деньги, какъ опять подошло проклятое 1-ое число, и опять управляющій заходитъ и съ параднаго и съ чернаго хода. Эта квартира, какъ огромная печь, съ изумительной быстротой пожирала движимое Талымовыхъ!

Чтобы уплатить хоть за полмѣсяца, заложили еще часть вещей; но деньги, не успѣвъ дойти до Петра Харитоновича, мгновенно разошлись на разныя хозяйственныя нужды и жалованье прислугѣ, которая съ каждымъ днемъ становилась все сумрачнѣе.

Анна Ипполитовна ходила чаще прежняго въ церковь и возвращалась оттуда каждый разъ съ такимъ видомъ, точно ее постигла тамъ большая непріятность. Однажды, вернувшись отъ вечерни, она рѣшила не обѣдать и нѣсколько дней, ради домашней экономіи, питалась однѣми баранками. Кончилось тѣмъ, что она слегла; пришлось позвать доктора и отдать ему за визитъ послѣднюю трехрублевку. Это окончательно убило Анну Ипполитовну; цѣлую недѣлю она охала, стонала, плакала и говорила о смерти, а когда немножко успокаивалась, то надоѣдала всѣмъ вопросами:

— Хлопочетъ ли Дмитрій Петровичъ о мѣстѣ? Отчего онъ не хлопочетъ?

А Дмитрій Петровичъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ: по нѣсколько разъ обошелъ всѣхъ знакомыхъ, писалъ чуть не ежедневно письма,— и получалъ въ отвѣтъ, что „какъ только что-нибудь откроется“... или: „Теперь такое тяжелое время: вездѣ сокращаютъ“... или, наконецъ: „Сколько ни бились, ничего не можемъ“... У Талымова выростало подозрѣніе, что его просто-напросто обманываютъ, водятъ за носъ, что въ сущности-то никому нѣтъ до него никакого дѣла.

Отношенія незамѣтно портились: однимъ становилось непріятно видѣть хмурое, недовѣрчивое лицо Талымова, другихъ онъ сгоряча обидѣлъ намеками и упреками, третьимъ было неловко съ нимъ, потому что они не могли ничѣмъ помочь ему. Да и вообще онъ сталъ плохимъ собесѣдникомъ: говорить о службѣ, о нуждѣ, о заработкѣ надоѣло, а разговоры о посторонних вещахъ не клеились. Что ему за дѣло до политики, до искусства, до женскаго образованія, если скоро ему и заложить нечего будетъ, а Петръ Харитоновичъ шмыгаетъ и съ передняго и съ задняго крыльца? Вопросъ о заработкѣ, какъ мучительно ноющій зубъ, не давалъ Талымову жить, разговаривать, интересоваться чѣмъ бы то ни было,—и Дмитрій Петровичъ не ходилъ уже никуда, какъ гость, а только—какъ проситель. Съ своей стороны, знакомые все рѣже бывали у Талымовыхъ: „Вѣдь это для нихъ — лишняя трата“, говорили Надеждины: „только напоить гостя чаемъ—и то расходъ“...

Бывали дни, когда Талымовымъ приходилось обѣдать впроголодь. Въ этихъ случаяхъ родители дѣлали видъ, что они сыты, и Леонидъ, какъ бы самъ не замѣчая, съѣдалъ ихъ доли; что касается Жени, то она всегда ѣла очень мало.

Плотниковъ, запоздавъ какъ-то къ обѣду, нашелъ все съѣденнымъ, и съ тѣхъ поръ сталъ являться къ Талымовымъ пообѣдавши. Это каждый разъ больно кололо Дмитрія Петровича, но онъ не разспрашивалъ Плотникова; Александра Сергѣевна и Женя тоже молчали, и обѣ усиленно щурились.

Попрежнему Женя и Плотниковъ уединялись послѣ обѣда для совмѣстнаго чтенія, и никто изъ нихъ ни однимъ словомъ не намекалъ на перемѣну въ обстоятельствахъ: Женя брезговала говорить о житейскомъ, а Плотниковъ не придавалъ особеннаго значенія тому, что человѣкъ ѣстъ, во что одѣвается, въ какой обстановкѣ живетъ...

— Все книжки читаютъ... говорилъ про нихъ насмѣшливо Леонидъ.

Онъ тоже продолжалъ жить по-старому: презиралъ гимназію, носилъ ранецъ небрежно на одномъ плечѣ, катался на велосипедѣ, любилъ тугo накрахмаленные воротнички съ крылышками: все также мечталъ прочитать Нитцше въ подлинникѣ и для этого собирался изучать нѣмецкій языкъ. Теперь онъ чаще прежняго уходилъ по вечерамъ изъ дому, гдѣ стало такъ уныло и скучно. „Киснутъ всѣ“! говорилъ онъ про своихъ.

Это было не совсѣмъ вѣрно, потому что Александра Сергѣевна подавала всѣмъ съ утра до вечера примѣръ того, какъ надо переносить испытанія. Можно сказать, что это стало главнымъ дѣломъ ея жизни. Правда, она осунулась немного, но держалась все такъ же прямо и щурилась съ видомъ человѣка, принявшаго какія-то рѣшительныя, тайныя мѣры.

IX.

Унылый великопостный звонъ боязливо дрожитъ и замираетъ въ воздухѣ: точно кто-то тяжко виновный, близкій къ отчаянію, безнадежно вздыхаетъ и рабски молитъ о снисхожденіи...

Анна Ипполитовна, въ платьѣ какого-то необыкновенно скучнаго цвѣта, еще болѣе съежившаяся и затихшая, собирается къ мефимонамъ и разсказываетъ вполголоса дочери видѣнный ею сегодня зловѣщій сонъ. Талымовъ слышитъ это изъ кабинета и досадливо хмурится. И этотъ плачевный звонъ, и траурный голосъ тещи, и ея зловѣщіе сны—все точно говоритъ ему, что онъ не имѣетъ больше права думать о жизни, а долженъ ждать возмездія и плакать. И ему становится тѣсно, душно, невыносимо; хочется нашумѣть, накричать, разбить что-нибудь, бѣжать куда-нибудь..

— Да бросьте вы къ чорту эти сны! кричитъ онъ имъ съ раздраженіемъ.

Александра Сергѣевна входитъ, притворяетъ за собой неторопливо дверь...

— Надо считаться со взглядами старыхъ людей, говоритъ онъ своимъ умнымъ голосомъ:— ты ихъ все равно не передѣлаешь.

— Я давно совѣтую ей завести „сонникъ“, ворчитъ Талымовъ.—Тамъ всѣ сны по алфавиту указаны: „абрикосы ѣсть“, „акушерку видѣть“, „аршиномъ мѣрить“...

— Я вовсе не суевѣрна, говоритъ Анна Ипполитовна черезъ дверь,—а только я знаю, что бываютъ указанія свыше.

— Откуда же вы это знаете?

— Я-то знаю... слышится дрожащій отъ обиды голосъ, послѣ чего Анна Ипполитовна начинаетъ тяжело дышать и поспѣшно отходитъ отъ двери...

Александра Сергѣевна молча смотритъ на мужа проницательнымъ взглядомъ, давая ему знать, что она понимаетъ отлично и его и маму, а кромѣ того, понимаетъ еще нѣчто, выходящее изъ круга ихъ пониманія... Талымовъ чувствуетъ, какъ по всему его существу бѣгаютъ холодныя мурашки, непріятно щекочутъ его, заставляютъ нервно передергиваться.

Въ передней раздается звонокъ. Талымовъ вздрагиваетъ, Александра Сергѣевна выпрямляется, какъ человѣкъ, готовый къ оборонѣ... Кто это? Можетъ быть, дѣти вернулись изъ гимназіи? Нѣтъ, они ходятъ теперь черезъ кухню, потому что имъ непріятно проходить мимо швейцара. Это кто-нибудь посторонній,—а отъ посторонняго можно ждать только непріятностей...

Въ залѣ раздается голосъ Петра Харитоновича, увѣренный и громкій, точно онъ ходитъ по пустой квартирѣ.

— Вотъ это—зала, а вотъ тамъ кабинетъ... говоритъ Петръ Харитоновичъ.

Талымовы догадываются, что это управляющій показываетъ кому-то ихъ квартиру; а вѣдь онъ на-дняхъ только писалъ имъ, что квартиру будутъ передѣлывать и потому хозяинъ проситъ ихъ „очистить помѣщеніе“. Это ужъ черезчуръ безцеремонно!.. Талымовъ стискиваетъ зубы, у Александры Сергѣевны появляются на щекахъ розовыя пятна.

— Можно войти? раздается звучный голосъ Петра Харитоновича.

Талымовъ никогда не подозрѣвалъ, что у него такой хорошій, звучный голосъ. Онъ встаетъ и молча отворяетъ дверь. Петръ Харитоновичъ вводитъ толстаго человѣка въ дорогой шубѣ, запыхавшагося отъ лѣстницы. Толстякъ дѣлаетъ движеніе корпусомъ въ сторону Талымовыхъ, какъ бы извиняясь; Александра Сергѣевна встаетъ съ достоинствомъ и выходитъ... Петръ Харитоновичъ ведетъ себя такъ, будто не замѣчаетъ присутствія Талымова.

— Квартиру запустили немного, говоритъ онъ толстяку, извиваясь всѣмъ туловищемъ,

точно оно у него на шарнирахъ:—пыль такая вездѣ... Но мы вычистимъ, вычистимъ...

Дмитрій Петровичъ хмурится, кусаетъ губы и выходитъ слѣдомъ за женой.

И въ спальнѣ, и въ гостиной, и въ комнатахъ дѣтей—вездѣ пыль, паутина... Съ тѣхъ поръ, какъ пришлось разсчитать горничную и остаться съ одною кухаркой, комнатъ не успѣваютъ убирать. Правда, Александра Сергѣевна сама обметаетъ крылышкомъ пыль, но, къ ея удивленію, пыль опять садится на прежнее мѣсто, что заставляетъ ее пожимать плечами. Анна Ипполитовна тоже не сидитъ безъ дѣла: по цѣлымъ часамъ она кряхтя волочитъ ноги изъ одной комнаты въ другую, наводя всюду порядокъ; а къ вечеру какъ-то оказывается, что все осталось въ прежнемъ видѣ, только цвѣты политы...

Хлопнула съ трескомъ кухонная дверь: это Леонидъ пришелъ изъ гимназіи. Теперь онъ возвращается всегда злой и обиженный: онъ самъ стоически отказался брать съ собой завтракъ, но все-таки злится, потому что приходитъ страшно голоднымъ, а брать на завтракъ черный хлѣбъ ему совѣстно. Многое его ожесточаетъ: во-первыхъ, велосипедъ взяли у него и заложили; во-вторыхъ, сапогъ у него протерся; въ-третьихъ, до сихъ поръ не внесли въ гимназію плату за второе полугодіе. Онъ отлично понимаетъ, что велосипедъ необходимо было заложить: онъ даже самъ вызвался сдѣлать это; онъ видитъ, какъ всѣ въ семьѣ страдаютъ отъ нужды, видитъ, какъ мучится отецъ; но не можетъ побороть въ себѣ ожесточенія.

— Опять инспекторъ напоминалъ про деньги... говоритъ онъ, швыряя ранецъ на стулъ.

— Я напишу ему... Попрошу подождать... отзывается Талымовъ сквозь зубы.

— Онъ сказалъ, чтобы немедленно...

Талымовъ хмурится, чувствуя себя виноватымъ. Леонидъ угрюмо смотритъ въ уголъ, вспоминая инспектора...

Возвращается изъ гимназіи Женя. Она, какъ и братъ, приходитъ не въ духѣ, потому что и къ ней пристаютъ съ деньгами. Каждое утро она думаетъ, что лучше не ходить въ гимназію, пока не будетъ внесена плата; но каждый разъ, скрѣпя сердце, идетъ: ей нельзя манкировать, такъ какъ она кончаетъ курсъ, и вскорѣ послѣ Пасхи начнутся экзамены. Когда въ гимназіи ее спрашиваютъ: „А принесли деньги?"—ей дѣлается стыдно до слезъ, невыносимо совѣстно передъ подругами, среди которыхъ она чувствуетъ себя какой-то паріей. Она боится, какъ бы кто-нибудь изъ нихъ не предложилъ сдѣлать складчину чтобы внести за нее деньги... Приходя домой, она иногда запирается у себя въ комнатѣ и плачетъ злыми слезами. Такъ она сдѣлала и на этотъ разъ.

— Женя заперлась у себя... говоритъ Александра Сергѣевна, входя къ мужу.—Необходимо внести за нее деньги,—иначе она...

— Знаю, что необходимо.

— Надо достать гдѣ-нибудь.

— Знаю, что надо.

— Или просить объ освобожденіи...

— Просилъ. Отказали... Ты знаешь это.

Александра Сергѣевна пожимаетъ плечами.

— Займи у кого-нибудь.

— У кого же?

Талымовъ уже занималъ и у Столяровскаго. и у Игорева—и никогда не забудетъ этихъ отвратительныхъ минутъ. Вторично просить у нихъ—языкъ не повернется; а больше—не у кого ..

— Можетъ быть, у Поясухина? произноситъ не безъ труда Александра Сергѣевна и прищурившись смотритъ въ окно

— Что ты,—помилуй! Мы его чуть не выгнали—и вдругъ...

— Никто его не выгонялъ.

— Но мы ясно дали ему понять, что его дальнѣйшія посѣщенія... Или ты забыла?

Поясухинъ прошлой зимой вдругъ зачастилъ къ Талымовымъ, открыто и настойчиво ухаживая за Женей. Иногда онъ пріѣзжалъ навеселѣ и такъ развязно велъ себя, что Женя запиралась отъ него въ своей комнатѣ, а Леонидъ говорилъ матери, что „разобьетъ ему морду". Александра Сергѣевна очень прозрачно намекнула Поясухину, что онъ у нихъ—не ко двору; а Талымовъ однажды прямо заявилъ ему:

— Знаете, вамъ бы лучше куда-нибудь въ ресторанъ поѣхать...

Поясухинъ сдѣлалъ сначала большіе глаза, потомъ расхохотался.

— А вѣдь, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ лучше... сказалъ онъ, простился съ Талымовымъ, уѣхалъ и съ тѣхъ поръ не показывался.

— Ну, если не у Поясухина, такъ, можетъ быть, у Алексѣева? Вообще, надо же что-нибудь предпринять.

— Мы не настолько знакомы съ Алексѣевымъ, чтобы...

— Опять самолюбіе?

— Какъ это „опять?" Ты почему-то убѣждена, что я способенъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ для своего мелкаго самолюбія. А я тебѣ скажу, что ты гораздо щекотливѣе меня въ этомъ отношеніи. Я все-таки прошу, хлопочу, занимаю, т. е. побираюсь со скрежетомъ зубовнымъ; а ты вонъ даже не хотѣла съѣздить въ гимназію, попросить начальство... Ты любишь толковать о самостоятельности женщины,—ну, вотъ и покажи эту самостоятельность!

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ объ этомъ? возразила Александра Сергѣевна, неторопливо скрещивая руки.

— А затѣмъ, что ты...

Собственно говоря, Талымовъ самъ не понималъ хорошенько, зачѣмъ онъ упомянулъ объ этой „самостоятельности": ему просто хотѣлось уколоть жену, наговорить ей побольше непріятностей.

— Ты, должно быть, привыкла видѣть во мнѣ только карманъ, изъ котораго черпаетъ семья; а до моей души тебѣ нѣтъ дѣла, продолжалъ Талымовъ, разжигаясь все больше.

— Это неумно... замѣтила Александра Сергѣевна, прищуриваясь на мужа; потомъ встала и притворила плотнѣе дверь.

— Пока я получалъ жалованье, я былъ уменъ; а какъ только пересталъ получать, сдѣлался глупымъ. Все это я знаю... Ты, вѣроятно, и вышла-то не за меня, а за мое жалованье.

— Ну, ужъ это прямо пошло! возмутилась невозмутимая Александра Сергѣевна.

Она вышла за Талымова потому, что онъ былъ неглупъ, недуренъ собой и сходился съ нею во взглядахъ; кромѣ того, онъ получалъ хорошее жалованье. Это было, конечно, не главное, но все-таки играло для Александры Сергѣевны извѣстную роль, и въ грубыхъ словахъ Талымова была маленькая частица правды: вотъ потому-то Александра Сергѣевна и возмутилась. Она была глубоко убѣждена, что, выходя за Талымова, думала только о его образѣ мыслей, о его развитіи и убѣжденіяхъ, а отнюдь не о его заработкѣ...

— Это пошло!.. повторила Александра Сергѣевна, брезгливо оттопыривая губу, и вышла изъ кабинета.

Н. Тимковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИГРА.

I.

Въ день получки наградныхъ коллежскій секретарь Подосеновъ пріѣхалъ домой на извозчикѣ, котораго взялъ не торгуясь. По дорогѣ онъ завернулъ въ ресторанъ, гдѣ ѣлъ буттерброды со свѣжей икрой и пилъ заграничное пиво,—и въ аптекарскій магазинъ, гдѣ купилъ женѣ большой флаконъ духовъ. Съ двумя сторублевками въ карманѣ онъ чувствовалъ себя точно обновленнымъ, и въ голосѣ его появились солидныя нотки, а жестикуляція и походка сдѣлались преувеличенно твердыми. Шумно вошелъ онъ въ квартиру, размашисто и небрежно сбросилъ пальто и даже съ женой поздоровался съ оттѣнкомъ нѣкотораго покровительства.

За обѣдомъ говорили о праздничныхъ расходахъ, о томъ, какіе долги заплатить раньше другихъ, какой матеріи подарить на платье нянькѣ, и все время у Подосенова было такое чувство, какъ будто въ его жизни произошла крупная и важная перемѣна. Двѣсти рублей, ворвавшись въ нищенскій бюджетъ, разсчитанный до копѣйки и едва оплачивавшій стѣны, ѣду и необходимѣйшія услуги,—внесли въ него небывалый размахъ и дерзость. Заговорили о елкѣ для маленькой Лидочки и о томъ, что непремѣнно нужно нѣсколько разъ побывать въ театрѣ, а на третій день Рождества собрать сослуживцевъ Подосенова на винтъ и маленькое макао. Послали прислугу въ винную лавку размѣнять сторублевыя бумажки на четвертныя и золото. Разложили деньги на столбики и кучки. Подосеновъ вдохновился, выработалъ обширную программу увеселеній, въ которой театры чередовались съ поѣздками на острова, а традиціонный рождественскій гусь плавалъ въ морѣ „настоящаго“ шампанскаго и ликеровъ. И когда на повѣрку оказалось, что, за покрытіемъ неизбѣжныхъ праздничныхъ расходовъ, а также долговъ мебельщику и портному, остается „на удовольствія“ всего двѣнадцать рублей,—Подосеновъ и его жена спустились съ облаковъ на землю. Снова разложили столбики и кучки, сократили праздничныя дворникамъ, рѣшили подарить нянькѣ вмѣсто шерстяной матеріи дешевенькаго ситцу; но тутъ выплыли мелкіе позабытые долги, и въ результатѣ получился уже не остатокъ, а чистый дефицитъ.

Мужъ съ женой смотрѣли другъ на друга, и у обоихъ были мертвенно-скучные глаза, въ которыхъ точно пряталась ихъ маленькая жизнь, лишенная неожиданностей, смѣлыхъ рѣшеній и праздничныхъ веселыхъ красокъ. Невольно вспомнилось, что раньше, когда наградныя выдавались по меньшему окладу, не было болѣе трудныхъ, скучныхъ и нерадостныхъ дней, чѣмъ Рождество. И стали ненавистны правильные столбики и кучки, эти чужія, давно истраченныя деньги; хотѣлось разметать ихъ по столу, и одна и та же мысль, полная запрета, искушенія и риска, кружила голову обоимъ.

Въ одиннадцатомъ часу ночи, когда Подосеновъ надѣвалъ пальто, его жена, стараясь подавить слезы, упрямо махала рукой и говорила:

— Ты правъ, Викторъ: довольно, надоѣло, осточертѣло!.. У меня мутится разсудокъ отъ вѣчнаго выгадыванья грошей, и у меня не меньше твоего связаны крылья. Постылая нищенская жизнь!.. Конки, подержанныя платья, рыночная обувь, злосчастныя ежедневныя котлеты, сахаръ, разсчитанный чуть не по кусочкамъ... Какое рабство! Не могу я больше... Мѣсяцъ, недѣлю, одинъ день свободы!..

И вмѣстѣ съ голосомъ молили ея глаза, мокрыя отъ слезъ щеки, прядь растрепавшихся волосъ.

Несмотря на жалость къ женѣ, на взбаломученную скуку жизни, Подосеновъ вышелъ изъ воротъ все той же новой, твердой походкой, какой входилъ сегодня въ ресторанъ. По дорогѣ въ клубъ, сидя на извозчикѣ, онъ мчался легковѣснымъ взоромъ навстрѣчу желтымъ и краснымъ огнямъ, сулившимъ безумный угаръ удачи. Бѣжали стѣны домовъ, танцовали вы-

вѣски и окна, а надъ головой Подосенова недвижно и низко-низко стояло черное небо. И теперь Подосеновъ бросалъ этому небу вызовъ, и оно представлялось ему нелѣпымъ дурацкимъ колпакомъ, подъ которымъ до сихъ поръ, въ силу какого-то недоразумѣнія, копошились его маленькія, несмѣлыя, придавленныя нуждою желаньица и мысли.

Пять десятирублевыхъ золотыхъ, лежавшихъ въ кошелькѣ, ласково нащупывались рукою и, казалось, грѣли кровь. Они сулили радость, свободу и веселье жизни, и, высоко поднявъ голову, Подосеновъ невольно думалъ, что это его первыя минуты беззавѣтнаго мальчишескаго риска за долгіе годы студенчества и службы. Тщетно онъ пытался припомнить въ своей жизни что-нибудь смѣлое, исключительное, какое-нибудь оригинальное приключеніе или знакомство, какую-нибудь опасность и рискъ. Дни, дни, дни, тусклые закаты и разсвѣты... Съ горькой усмѣшкой онъ признался себѣ, что до сихъ поръ лучшимъ его воспоминаніемъ была студенческая попойка, случайно затянувшаяся на нѣсколько сутокъ. Пили, хохотали, сплетали дерзкія, безумно-смѣшныя рѣчи, держали невѣроятныя пари, гурьбой шатались по улицамъ, спали гдѣ попало, и крикъ молодой свободы потрясалъ счастливыя сердца.

И вспомнивъ объ этомъ, Подосеновъ вдругъ догадался, что онъ несчастливъ, и въ то же время ему сдѣлалось страшно весело, и онъ весь опьянѣлъ отъ дикой, звѣриной жажды новизны, неожиданности и риска. Казалось, что желтый свѣтъ фонарей сошелъ съ ума, хохочетъ, гримасничаетъ и пляшетъ, что лошади фыркаютъ, задыхаясь отъ смѣха, и когда Подосеновъ, подъѣхавъ къ клубу, выскочилъ изъ саней, черный колпакъ, стоявшій надъ головой все время, уже не посмѣлъ перешагнуть освѣщеннаго пятна передъ подъѣздомъ.

Подосеновъ посмотрѣлъ на небо, погрозилъ кому-то пальцемъ и засмѣялся.

II.

На лѣстницѣ онъ увидалъ женщинъ въ цвѣтныхъ, кричащихъ нарядахъ, съ обнаженными плечами, услышалъ музыку моднаго танца, и потомъ, начиная съ комнаты, гдѣ ему пришлось расписаться въ книгѣ, во всѣхъ гостиныхъ, коридорахъ, помѣщеніяхъ буфета молодыя женскія лица съ глазами, горящими одной съ нимъ жаждой, плыли ему навстрѣчу.

Былъ большой танцовальный вечеръ. Все время ощущая въ карманѣ золото, Подосеновъ прошелъ въ игорный залъ не сразу, а сначала выпилъ у буфета нѣсколько рюмокъ коньяку. Рядомъ съ нимъ закусывали и пили, мимо него сновали пары, и безшабашный, веселый сонъ ударилъ Подосенову въ голову, сдѣлалъ его желанья откровенно-смѣлыми, а взоръ прозрачнымъ и острымъ. Онъ видѣлъ плечи и руки, тающія въ нагрѣтой и душистой мглѣ, и, плохо зная расположеніе комнатъ, долго ходилъ взадъ и впередъ, пока не попалъ въ игорную залу.

Двѣ тонкихъ декораціи, поставленныхъ подъ угломъ, отдѣляли эту залу отъ танцовальной, и звуки музыки, стонущій и страстный гулъ веселья мѣшались съ разсыпчатымъ звономъ золота и серебра.

Играли за множествомъ круглыхъ столовъ, охваченныхъ тѣсными кольцами людей, совершенно чужихъ другъ другу и въ то же время страшно близкихъ, хранившихъ общую и мрачную серьезность. Большинство привыкло встрѣчаться здѣсь каждый вечеръ и, не зная даже именъ другъ друга, обмѣнивалось взорами сочувствія или досады, обнажая на минуту душу въ странной интимности общаго риска, прорвавшихся наружу страстей, дѣлавшихъ людей врагами и друзьями вмѣстѣ.

Судорожно комкались засовываемыя куда попало ассигнаціи и глухо звякали въ ладоняхъ тяжелые серебряные рубли. Между столами взадъ и впередъ ходили проигравшіеся съ безнадежно-разсѣянной тѣнью на лицахъ. Тутъ же топтались берегущіе послѣднюю ставку, и по тому, какъ они смотрѣли куда-то въ сторону и, заложивъ руки въ карманы, небрежно цѣдили слова,—было видно, что они ведутъ съ самими собой другую тайную игру. И вдругъ, не въ силахъ бороться дальше, то одинъ, то другой внезапно вынималъ руки изъ кармановъ и, протиснувшись къ столу, бросалъ на сукно послѣдній золотой или рубль.

Было душно отъ дыма, толкотни, торопливаго звона денегъ, ропота сдавленныхъ голосовъ, и звуки длительнаго беззавѣтнаго вальса врывались контрастомъ въ мелкую напряженную работу ставокъ, методичныхъ вопросовъ и счетовъ.

За столомъ, къ которому подошелъ Подосеновъ, металъ банкъ совершенно юный канцеляристъ военнаго вѣдомства съ едва замѣтными нахальными усиками и билъ карту за картой, и по мѣрѣ того, какъ росла куча денегъ, неровныя бѣло-розовыя пятна все сильнѣе проступали на щекахъ около зеленоватыхъ глазокъ. Тѣсное кольцо игроковъ, окружавшихъ столъ и трое сидѣвшихъ за столомъ партнеровъ военнаго канцеляриста, съ упрямой настойчивостью повышали ставки, бросая деньги на сукно, при чемъ всѣми одинаково чувствовалось, что ставки будутъ убиты. Банкометъ, не снимавшій банка, сдѣлался объектомъ жгучей и общей ненависти, должно быть, понималъ это и боялся поднять глаза. Самый воздухъ вокругъ стола казался молчаливымъ и хмурымъ и весь былъ пронизанъ тончайшими перекрестными нитями раздраженія, зависти, безсильной злобы и того непонятнаго упорства, съ которымъ деньги бросаются на вѣрный проигрышъ.

Розовыя пятна на лицѣ канцеляриста, методическое шлепанье картъ, открываемыхъ съ съ жестокой увѣренностью счастья и точно бью-

щихъ партнеровъ по лицу,—все это внесло въ настроеніе Подосенова какую-то хищную нотку. Отдѣльно разбросанные по сукну золотые кружочки смотрѣли ему прямо въ глаза, гипнотизируя подобно взгляду змѣи, и рука, все время нащупывавшая кошелекъ, невольно потянулась къ столу.

Подосеновъ поставилъ золотой, потомъ другой, и проигралъ. Потянулся съ третьимъ, но въ это время канцеляристъ съ нахальными усиками бросилъ метать и сгребъ деньги подъ салфетку. Сосущій, ѣдкій холодокъ пробѣжалъ по сердцу Подосенова, и на минуту проигрышъ двадцати рублей точно сдунулъ съ его головы веселый, безшабашный сонъ, ударившій въ нее вмѣстѣ съ звуками бальной музыки, мельканьемъ голыхъ плечъ и смѣшаннымъ запахомъ духовъ и молодого женскаго тѣла. Но когда за спиной Подосенова, рѣшившаго немного переждать и освѣжиться, захлопнулась дверь игорной комнаты, тотъ же сонъ внезапно охватилъ и понесъ его куда-то.

По гостинымъ струилась толпа, а въ большомъ театральномъ залѣ танцовали модный краковякъ. Студенты, въ мундирахъ съ шаржированно-высокими воротниками и преувеличенно-жирнымъ золотымъ шитьемъ, и молодые люди во фракахъ, съ каплями пота на блаженно улыбающихся лицахъ, стучали каблуками, выворачивая ноги общимъ вычурнымъ движеніемъ. Казалось, что ногами управляетъ музыка, а музыкой—ноги, и что танцоры и музыканты одинаково не въ силахъ остановиться. Безконечной, заколдованной цѣпью тянулись пары, и съ неожиданнымъ любопытствомъ Подосеновъ ловилъ тайную игру зовущихъ, отдающихся взоровъ, незамѣтныхъ сліяній, порывовъ откровенной нѣги, всего того, что люди таятъ другъ отъ друга въ жизни и чего не стыдятся въ танцахъ.

III.

Студенты въ юмористически расшитыхъ мундирахъ, танцующіе съ полузнакомыми и совсѣмъ незнакомыми женщинами, эти подсмотрѣнныя сліянія взоровъ, оглушительно-веселый громъ оркестра показались Подосенову чѣмъ-то прекраснымъ, новымъ, какимъ-то откровеніемъ. Его толкали, и онъ съ наслажденіемъ принималъ толчки; глупыя физіономіи танцоровъ приближались къ его лицу, и онъ улыбался имъ благожелательной улыбкой и дѣлалъ любовные, одобрительные жесты.

Онъ стоялъ у самыхъ дверей въ помѣщеніе буфета, откуда, то и дѣло, выходили мужчины съ маленькими остро-смѣющимися глазками. Многіе изъ нихъ были членами клуба, что какъ-то странно угадывалось въ ихъ покривившихся галстухахъ и по домашнему висящихъ пиджакахъ. Неподалеку отъ Подосенова, высокій блондинъ въ старенькой технологической тужуркѣ стоялъ и чему-то улыбался одиноко и хорошо, и смотрѣлъ далеко впередъ веселымъ и умнымъ взоромъ. Студентъ слегка притопывалъ ногами, жестикулировалъ, издавалъ про себя какія-то восклицанія, и, несмотря на это, было видно, что онъ совершенно трезвъ, и его веселье передавалось каждому, кто, проходя мимо, обращалъ на него вниманіе. Подосеновъ чувствовалъ къ нему необъяснимую симпатію, старался встрѣтиться съ его взглядомъ, и ему страшно хотѣлось подойти къ технологу и сказать что-нибудь задушевное, товарищеское. Но толпа, вдругъ хлынувшая изъ зала, гдѣ кончился краковякъ и отрывисто прозвучалъ ритурнель кадрили,—отдѣлила его отъ студента.

Подосеновъ совершенно позабылъ о проигрышѣ, шелъ впередъ, и у него было такое ощущеніе, какъ будто его впервые поставили лицомъ къ лицу съ какой-то новой житейской правдой, смотрѣвшей на него со всѣхъ сторонъ, звучавшей тысячью ликующихъ голосовъ. И снова, какъ и по дорогѣ въ клубъ, у него шевельнулась мысль о томъ, что онъ несчастливъ, что веселье и радость прошли мимо его жизни, обогнувъ ее за тысячу шаговъ, и что никогда ему не завоевать ихъ. Толпа, влекущая Подосенова за собою въ упругихъ, тѣсныхъ и живыхъ объятіяхъ, томная усталость на лицахъ женщинъ, смѣющіяся самонадѣянныя искорки въ глазахъ мужчинъ вдругъ показались ему чѣмъ-то совершенно постороннимъ и непохожимъ на то, чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ и что оставилъ дома. Болѣзненно сжалось сердце при воспоминаніи о сегодняшнихъ разговорахъ за обѣдомъ, неосуществимыхъ планахъ, столбикахъ и кучкахъ денегъ, о слезахъ и жалобахъ другого, одинаково съ нимъ несчастнаго человѣка. И на минуту онъ словно испугался толпы и музыки и общаго ликующаго шума, и ему захотѣлось бѣжать изъ клуба безъ оглядки. Но тотчасъ же знакомый заманчивый и убѣдительный голосъ запѣлъ у него въ душѣ, выгоняя оттуда мелочныя, опасливыя, предусмотрительныя мысли.

Подосеновъ прошелъ въ буфетъ, выпилъ еще нѣсколько рюмокъ коньяку, и съ великой отчетливостью почувствовалъ, что другой Подосеновъ, маленькій и осторожный, задавленный страхомъ жизни, улетѣлъ отъ него куда-то вдаль.

Онъ шелъ впередъ и самъ удивлялся тому, что высоко и прямо держитъ голову, свободно смотритъ въ толпу и ловитъ чужія лица жаднымъ, объемлющимъ, безстрашнымъ взоромъ. Онъ показался самому себѣ выросшимъ на цѣлый аршинъ, и его былыя застѣнчивость и робость, боязнь новыхъ знакомствъ превратились въ острую жажду большой, полузнакомой компаніи, какой-то случайной, втайнѣ лелѣянной встрѣчи. Преувеличенно открытыя платья женщинъ, прически со множествомъ полукруглыхъ гребенокъ, усѣянныхъ фальшивыми камнями, крупные поддѣльные брилліанты, сверкавшіе въ ушахъ, запудренныя лица, чрезмѣрный запахъ

духовъ, струившійся при каждомъ движеніи шелковыхъ юбокъ,—все это фальшивое, искусственное и преднамѣренное показалось Подосенову чѣмъ-то откровеннымъ и свободнымъ, бросающимъ кому-то вызовъ.

Проходя черезъ послѣднюю комнату буфета, Подосеновъ увидалъ за однимъ изъ столиковъ молодого военнаго канцеляриста съ крошечными усиками, того самаго, который металъ въ игорномъ залѣ банкъ. Большая ваза съ фруктами и осмоленное горлышко бутылки, косо выглядывавшее изъ мельхіороваго ведра, отдѣляли его отъ дамы въ черномъ платьѣ съ обнаженными руками, спиной и шеей. Подосенову не было видно ея лица, но въ бѣгломъ огонькѣ, который вспыхивалъ въ зеленоватыхъ глазкахъ канцеляриста, въ быстромъ движеніи пальцевъ, щипавшихъ бѣлесоватые нахальные усики, онъ прочиталъ, что это лицо красиво. Странное любопытство къ этой женщинѣ вмѣстѣ съ необъяснимымъ раздраженіемъ противъ канцеляриста вдругъ овладѣло Подосеновымъ, и онъ, ни съ того ни съ сего, занялъ сосѣдній столикъ.

И онъ увидалъ, что не только не ошибся, что женщина эта не только молода и красива, но для него, Подосенова, представляетъ нѣчто большее.

IV.

Изъ-подъ нависшей шапки волосъ, темно-каштановыхъ, видимо покорныхъ и мягкихъ, подъ крутыми изгибами бровей, поставленныхъ высоко и горделиво, смотрѣли тоскливые и страстные глаза, тѣ самые, которые въ мечтахъ и во снѣ Подосеновъ видѣлъ всю жизнь.

Молодая женщина слушала чиновника, прихлебывавшаго шампанское, точно квасъ, оскорбительно ровными и глубокими глотками, не дотрогивалась до своего бокала и разсѣянно перебирала рукой вѣтку мелкаго чернаго винограда. Въ ея губахъ змѣилась едва замѣтная насмѣшка, и губы эти, полныя и маленькія, съ опущенными внизъ углами, сочныя и алыя губы, казались Подосенову той же знакомой, давно лелѣянной мечтой. Онъ сидѣлъ почти за спиной военнаго канцеляриста, тоже невольно и едва замѣтно улыбался и слушалъ.

А канцеляристъ говорилъ:

— Вы имѣете такую точку зрѣнія, а я иную, и всякій можетъ свободно придерживаться своего мнѣнія. Ежели я родился подъ счастливой звѣздой и моя жизнь течетъ, какъ по маслу, то слѣдовательно нужно пользоваться и благодарить Бога. И я полагаю, что удача приходитъ не всякому человѣку и не даромъ. И кому приходитъ удача, тотъ всегда хорошій человѣкъ и всѣ должны ему оказывать уваженіе и любовь, а въ особенности миловидныя женщины съ голубыми глазами. Не могу ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, ну, напримѣръ, въ качествѣ золотыхъ вещей или, скажемъ, по модной части. Пожалуйста, не стѣсняйтесь и не считайте за одолженіе. Мнѣ это все равно, что дунуть. Для счастливаго человѣка деньги самое пустое дѣло. Хотите, спеціально для васъ поставлю карточку?.. Одна минута, и я здѣсь, у вашихъ ногъ.

Въ дымчато-голубыхъ тоскующихъ глазахъ сверкнулъ огонь, недовѣрчивый и любопытный, и въ то же мгновенье погасъ. Едва замѣтная насмѣшка превратилась въ дѣланную привѣтливую улыбку, и Подосеновъ услышалъ странно-высокій, пѣвучій голосъ:

— А если вы проиграете?

— Не можетъ этого быть! увѣренно воскликнулъ канцеляристъ.

— Ну, хорошо, сказала молодая женщина,— только съ условіемъ не засиживаться,—мнѣ неудобно оставаться одной.

— Ручку на счастье!

Въ изгибѣ длинной и плоской таліи, въ игривомъ росчеркѣ ногъ и въ томъ, какъ военный чиновникъ поцѣловалъ протянутую ему руку, было что-то эгоистическое, самовлюбленное и въ то же время чувствовалась желѣзная воля. И Подосенову почему-то вспомнился шлепающій, безпощадный звукъ, съ какимъ чиновникъ во время метки открывалъ карты.

Молодая женщина осталась одна, и то подмывающее, безстрашное чувство, которое родилось у Подосенова полчаса тому назадъ, вдругъ удесятерилось, просясь наружу. Громко онъ позвалъ лакея и приказалъ подать себѣ ликеръ и кофе. Легкимъ движеніемъ вынулъ портсигаръ и закурилъ папироску. И такъ же внезапно, какъ многія ощущенія сегодняшняго вечера, у него явилось новое чувство, какая-то безсознательная догадка, горделивая и сладостная. Вспомнилъ Подосеновъ, и притомъ не мыслью, а всѣмъ существомъ своимъ, даже тѣломъ, что онъ здоровъ и молодъ, что какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ его густыя кудри и нѣжное женственное лицо останавливали на себѣ вниманіе.

И онъ снова почувствовалъ себя свободнымъ отъ предусмотрительнаго и мелочного страха, наполнявшаго до сихъ поръ его жизнь, дѣлавшаго его ненаходчивымъ, ординарнымъ и скучнымъ, и вдругъ любовно повѣрилъ въ себя и въ то, что пришла его первая и послѣдняя счастливая минута.

Дымчато-голубые, тоскующіе и страстные глаза, губы съ опущенными углами, уклончиво-покорныя линіи шеи и подбородка, мечта и несбыточный сонъ его жизни перестали быть мечтой и сномъ и такъ реально томились и скучали въ двухъ шагахъ отъ него.

Жаднымъ, стремительнымъ, ненасытнымъ взоромъ впивалъ Подосеновъ свою воплощенную мечту, кощунственно срывалъ покровы и ласкалъ съ жестокостью звѣря, и наслаждался радостью сна наяву. Вдохновеніе небывалое и тѣлесное, похоже на сказочную смѣлость, вышло изъ него наружу и невидимыми, огненными ни-

тями соединило его съ тоскующими, страстными глазами, съ манящею бѣлизною шеи и плечъ. И ему сдѣлалось совершенно ясно, что женщина, смотрящая на него, не можетъ имъ не любоваться, такъ же, какъ и онъ, думаетъ о сближенiи, о томъ, какъ скучны избитыя слова, условности и подходы и какъ хорошо было бы ихъ отбросить. Тогда Подосеновъ понялъ, что лучшее, что онъ можетъ сдѣлать,—это сразу подойти и заговорить, и сдѣлать это съ великой искренностью, простотой и свободой.

V.

Онъ всталъ, почувствовалъ, что освѣтилось его лицо и засіяли глаза, сдѣлалъ два шага и поклонился.

— Хотите со мной познакомиться? сказалъ онъ.—Ей-Богу, я недурной человѣкъ, и мы можемъ очень весело провести время.

Подосеновъ сдѣлалъ паузу, улыбнулся и выжидательно, лучисто смотрѣлъ ей прямо въ глаза. Онъ былъ изященъ, безукоризненно-учтивъ и простъ, и скромный, поношенный костюмъ сидѣлъ на немъ вдохновенно.

Молодая женщина невольно разсмѣялась и спросила своимъ странно-высокимъ голосомъ:

— Какъ же, напримѣръ, мы будемъ проводить время?

— Господи! сказалъ Подосеновъ, продолжая проникновенно смотрѣть ей въ глаза,—на это существуютъ всевозможные патентованные способы. Мы могли бы потанцовать, но, къ сожалѣнію, я не танцую. Господинъ, который ушелъ поставить карту на ваше счастье, кажется, ужасно скучный дядя. Я могъ бы предложить вамъ сбѣжать отъ него совсѣмъ и перейти со мною въ кабинетъ. Мы бы поужинали.

Молодая женщина сказала:

— Вы предлагаете возмутительныя вещи... Впрочемъ, отчего вы стоите?

Онъ отвѣчалъ:

— Вы хотите, чтобы я сѣлъ за чужой столъ? Не лучше ли пройтись немного, посмотрѣть танцы...

Какое-то безпокойство на секунду мелькнуло въ ея глазахъ, но затѣмъ она поднялась съ мѣста и сказала:

— Хорошо, пройдемтесь; мой кавалеръ навѣрное застрянетъ,—мы можемъ вернуться попозже.

Подосеновъ пропустилъ ее впередъ, и она прошла мимо него медленно и совсѣмъ близко, такъ что онъ почувствовалъ запахъ ея волосъ, а уклончивыя линіи плечъ, шеи и подбородка мелкнули живой, ощутительной и доступной сказкой. Онъ замѣтилъ, что на его спутницѣ не было никакихъ украшеній, ни золота, ни камней, и даже браслеты и кольца отсутствовали на рукахъ. Черное, сильно вырѣзанное платье, безъ отдѣлки и кружевъ, гладкое, наивно и безстыдно прилегавшее къ тѣлу, казалось, пріобрѣло его теплоту и нѣжность, было неотдѣлимо и создавало иллюзію особенной, чрезмѣрной наготы.

Подосеновъ пошелъ съ ней рядомъ, не чувствуя шаговъ, не видя и не слыша толпы, и сладкій, безбоязненный сонъ наяву двинулся за нимъ, толкая впередъ, подсказывая простоту, безнаказанность и краткость. Онъ наклонился къ ея плечу и прошепталъ:

— Я бы хотѣлъ видѣть васъ голой...

Она не успѣла ничего отвѣтить, какъ онъ взялъ ее подъ-руку, приблизилъ къ ея глазамъ свои, взглянулъ въ нихъ увѣренно и лучисто и докончилъ:

— Не сердитесь: я влюбленъ въ васъ! да, да, я влюбленъ въ васъ!

Онъ пилъ дымчато-голубой огонь удивленья и безсильнаго протеста, струившійся изъ ея глазъ, и чувствовалъ, какъ этотъ огонь входитъ въ его кровь. Онъ шелъ, незамѣтно ласкалъ обнаженную, близкую, отдающуюся руку и говорилъ безстыдныя, причудливыя рѣчи; а женщина беззвучно смѣялась и ободряла его невидимымъ наклономъ головы. Онъ вѣрилъ въ себя, въ свою молодость, въ свой страстный, повелительный голосъ, былъ гордъ проснувшейся въ немъ смѣлостью звѣря, и звуки музыки неслись изъ зала для него.

VI.

У самаго входа въ залъ Подосеновъ и молодая женщина столкнулись съ высокимъ студентомъ въ старенькой технологической тужуркѣ, который шелъ съ гордо-поднятой головой, попрежнему жестикулировалъ и чему-то смѣялся одиноко и хорошо. Технологъ какъ будто узналъ Подосенова и, увидавъ, что онъ не одинъ, сдѣлалъ круглые, одобрительные глаза.

— Теперь пустите, проходя въ залъ, сказала Подосенову его спутница и высвободила руку.

— Вы интересный... обернувшись назадъ, шепнула она.

— Я люблю тебя, стоя за ея спиной, твердилъ Подосеновъ,—я опьяненъ тобою, я хочу цѣловать твое тѣло.

Молодая женщина обернула къ нему лицо, полуоткрыла маленькій, сонный ротикъ съ опущенными внизъ углами, и Подосеновъ услыхалъ голосъ, полный пѣвучей, сдержанной ласки:

— Однако, не будемъ забывать, что мы знакомы не больше десяти минутъ и что я... что я...

Она не договаривала; дымчато-голубые глаза смѣялись, прекрасные мелкіе зубы блестѣли заманчиво и покорно.

— Что я, наконецъ, замужняя женщина.

Подосеновъ нисколько не смутился и сказалъ:

— Это не можетъ мнѣ помѣшать любить васъ, а вамъ меня.

— Сумасшедшій!.. сказала она и отвернулась.

— Послушайте, немного сдержаннѣе заговорилъ Подосеновъ, наклоняясь къ ея плечу:—дѣйствительно вы замужемъ? Кто вашъ мужъ,

молодой или старый? Почему вы здѣсь одна, и кто же тогда военный чиновникъ, съ которымъ вы пили шампанское?..

Ей стало смѣшно отъ его скороговорки, и она отвѣтила тономъ ученицы на экзаменѣ:

— Я дѣйствительно замужемъ; мой мужъ старикъ, живетъ на пенсіи; я здѣсь одна, потому что онъ старъ и мнѣ скучно дома; военный чиновникъ нашъ хорошій знакомый.

Чувство необъяснимаго раздраженія противъ канцеляриста снова шевельнулось у Подосенова, и ему страстно захотѣлось, не возвращаясь въ буфетъ, уѣхать съ молодой женщиной изъ клуба.

Онъ слегка дотронулся до ея локтя и сказалъ:

— Я мечталъ о васъ всю жизнь, вы мнѣ снились, и я все не вѣрю тому, что нашелъ васъ. Мнѣ кажется, что, проснувшись завтра, я уже никогда васъ не встрѣчу. Молю васъ, уѣдемъ!

Голосъ Подосенова былъ глухъ, серьезенъ, и странная торопливость звучала въ немъ. Молодая женщина обернулась, и онъ увидалъ внимательные глаза и строгую складку сомкнутыхъ, не улыбающихся губъ.

— Мнѣ непонятно то, что вы говорите. Пока вы были милымъ, сумасшедшимъ гимназистомъ, вы были забавны. А теперь я боюсь васъ. Простите, но дѣйствительно становится неудобно... Опомнитесь!.. уже ласково докончила она.

И вмѣстѣ съ ея словами Подосеновъ вдругъ услыхалъ разноголосый шумъ толпы и назойливые звуки танца, и увидалъ множество ногъ, съ необъяснимымъ усердіемъ, вычурно и подробно рисующихъ на паркетѣ какой-то общій рисунокъ. Студенты въ мундирахъ и фрачники съ блаженно-улыбающимися лицами, голыя шеи и плечи и тяжелый, грузный топотъ, и все чуждое, выпуклое и внѣшнее, что провалилось куда-то съ самаго начала его знакомства съ этой женщиной,— надвинулось на него со всѣхъ сторонъ, объяло страннымъ холодомъ.

— Ради Бога, произнесъ онъ почти съ отчаяніемъ,—не сердитесь... Я дѣйствительно... Бываютъ встрѣчи...

— Глупости, возразила она,—перестаньте! Вѣдь вы же меня совсѣмъ не знаете... А вы очень милый... неожиданно заявила она, скользнувъ по немъ какимъ то слишкомъ пытливымъ взоромъ,—я надѣюсь, что мы какъ-нибудь встрѣтимся, только не сегодня... Ну, будьте паинькой, проводите меня назадъ. Мой кавалеръ можетъ обидѣться.

Она сама взяла Подосенова подъ руку и повлекла изъ зала, и громъ оркестра остался позади, и чѣмъ онъ становился глуше, тѣмъ страшнѣе вырисовывались въ памяти большая ваза съ фруктами и косое горлышко бутылки.

— Одна минута... сказалъ Подосеновъ, замедливъ шаги:—неужели нѣтъ никакой возможности увидѣться сегодня?

— Есть, отвѣчала она спокойно, почти холодно, и дымчато-голубые глаза на мгновенье сдѣлались стальными. Но линіи губъ, подбородка и шеи попрежнему были уклончивы и покорны, манили сонной теплотой и кружили Подосенову голову.

— Какая же? волнуясь спросилъ онъ.

Она отвѣчала коротко:

— Выкупъ...

Подосеновъ догадался не сразу.

— Хорошо, требуйте, чего хотите. Для меня не существуетъ жертвъ...

— Вы, кажется, слишкомъ возвышенно поняли, иронически произнесла она.—Я поясню: мой знакомый пошелъ поставить карту на мое счастье. Я знаю, что ему колоссально везетъ... Теперь вы поняли?

Она стояла передъ нимъ, улыбалась почти цинично, не опускала глазъ, и Подосеновъ, наконецъ, догадался, что эта женщина развращена, продажна и ведетъ съ нимъ открытый торгъ. Но это не ошеломило его и, къ удивленію своему, онъ почувствовалъ, что минутный холодокъ, пахнувшій на него въ залѣ, вдругъ превратился въ прежній влекущій и безбоязненный дурманъ. И черное платье, безстыдно приникшее къ тѣлу, страстные голубые глаза, сонныя, опущенныя, вакхически-наивныя губы,— все это не только не поблѣднѣло, но пріобрѣло особую, разжигающую цѣнность.

Подосеновъ нагнулся къ ней, почти цѣлуя ея ротъ, взялъ за обѣ руки и, жадно сжимая ихъ, спросилъ:

— Сколько?

— Сто... коротко отвѣтила она и, высвободивъ руки, быстро пошла впередъ.

Онъ догналъ ее почти у самаго буфета и увидалъ, что столикъ съ мельхіоровымъ ведромъ и вазой никѣмъ не занятъ.

— Вашъ знакомый еще не возвратился... нерѣшительно вымолвилъ онъ.

— Это значитъ, что моя карта обѣщаетъ вырасти въ цѣлый капиталъ, шутливо замѣтила она и сѣла за столикъ.

— Я тоже иду играть, сказалъ онъ.—Вы даете слово?

Она поднялась съ мѣста, очутилась близко-близко, стала оживленной и доброй, и онъ услышалъ надъ самымъ ухомъ:

— Мой милый, сумасшедшій мальчикъ, все будетъ зависѣть отъ васъ; я задержу своего кавалера и буду васъ ждать до самаго закрытія.

— Съ правомъ выкупа? весело спросилъ Подосеновъ.

— Да, да, да!

VII.

Въ игорномъ залѣ вокругъ многочисленныхъ столовъ тѣснилась та же толпа людей, разобщенныхъ и близкихъ, хранившихъ мрачную, озлобленную серьезность. Такъ же звякали тяжелые серебряные рубли, и только придушенный ропотъ голосовъ казался лихорадочнѣй и торо-

пивѣй да потолокъ, утонувшій въ дыму, какъ будто опустился ниже. Въ сосѣднемъ залѣ, отдѣленномъ тонкими декораціями, танцовали мазурку, и крикливые, понукающіе звуки оркестра мѣшались съ неровнымъ, прыгающимъ топотомъ ногъ.

Подосеновъ подошелъ къ ближайшему столу и среди игроковъ увидалъ военнаго канцеляриста, а передъ нимъ столбики золота и пышную пачку ассигнацій. Партнеръ, сидѣвшій отъ канцеляриста справа, металъ банкъ, и по всему сукну были разбросаны солидныя золотыя кучки. Переждавъ нѣсколько минутъ, Подосеновъ увидѣлъ, что канцеляристъ ставитъ деньги то на свои, то на чужія карты, бьетъ безъ ошибки, и на лицѣ, вмѣсто взволнованныхъ бѣло-розовыхъ пятенъ, лежитъ жестокая, увѣренная тѣнь. Подосеновъ поставилъ за нимъ три раза по золотому, и выигралъ 30 рублей. Онъ удвоилъ ставку, взялъ 20, и тогда у него образовалось всего со своими деньгами 80. Но тутъ банкометъ бросилъ колоду, и она перешла къ канцеляристу.

Холодный, хлещущій звукъ, съ которымъ тотъ открывалъ карты, жестокая, насмѣшливая тѣнь, лежавшая на его лицѣ, почему-то не испугали Подосенова, и острое самолюбивое чувство, близкое къ ненависти, протянуло его руку съ новой ставкой. Канцеляристъ металъ неровно: то бралъ, то платилъ; громадная куча денегъ, лежавшая передъ нимъ, не увеличивалась и не уменьшалась, и это казалось Подосенову какимъ-то издѣвательствомъ и насмѣшкой.

И потомъ, когда канцеляристъ началъ бить карту за картой, Подосеновъ ставилъ деньги, уже не помня себя. Деньги не возвращались, а игроки все съ тѣмъ же непонятнымъ упрямствомъ увеличивали ставки, и мрачная, озлобленная тишина прерывалась тонкимъ журчаньемъ золота и безпощаднымъ хлещущимъ звукомъ открываемыхъ банкометомъ картъ.

Подосеновъ ставилъ послѣдніе 5 рублей, когда канцеляристъ вдругъ бросилъ колоду. Равнодушно онъ приплюснулъ толстую пачку ассигнацій, и, разстегнувъ блестящую пуговицу сюртука, спряталъ эту пачку въ карманъ, а затѣмъ, вынувъ небольшой съ виду кошелекъ, подставилъ его къ борту стола, щелкнулъ застежкой, и кошелекъ оказался громаднымъ и глубокимъ, какъ цѣлая сумка, и золото, сметаемое рукой, посыпалось въ него съ безнадежнымъ плачущимъ звономъ. Никто не поднялъ на канцеляриста глазъ и, несмотря на то, что уносились общія деньги, никто не почувствовалъ сожалѣнія, когда тотъ всталъ и направился къ выходу.

— Мѣсто свободное, мѣсто! заученнымъ тономъ кричалъ служитель клуба, расхаживая въ проходѣ между столами.

А Подосеновъ, зажавъ въ рукѣ единственный золотой, смотрѣлъ и не могъ оторвать взгляда отъ длинной и плоской таліи форменнаго сюртука и ногъ, идущихъ ровной, эгоистической, самовлюбленной походкой.

Стукнула дверь, а съ нею что-то захлопнулось въ сознаніи Подосенова. Онъ весь сжался отъ внутренняго холода, и вдругъ сдѣлался прежнимъ, маленькимъ и осторожнымъ Подосеновымъ, задавленнымъ нуждою и мелочнымъ страхомъ жизни. Что-то огромное, яркое, ослѣпительно-счастливое оторвалось отъ его сердца вмѣстѣ съ этимъ звукомъ хлопнувшей двери, оставляя крошечную, почти несбыточную надежду. Дымчато-голубые, страстные и тоскующіе глаза манили умирающимъ взглядомъ и точно пытались вытащить его изъ пропасти, уже зіявшей подъ ногами.

Въ танцовальномъ залѣ давно прекратилась музыка, потухли огни, и край декорацій, поставленныхъ подъ угломъ, рисовался на черномъ, пустынномъ фонѣ какимъ-то напоминаніемъ.

Подосеновъ почти подбѣжалъ къ столу, размѣнялъ золотой на 5 серебряныхъ рублей и поставилъ одинъ изъ нихъ на первыя попавшіяся карты. Онъ проигралъ, поставилъ еще рубль, и проигралъ... Ужасъ сдѣлалъ его безпомощнымъ и сиротливымъ, и Подосеновъ засуетился между столами, чувствуя, что обливается потомъ и что ноги у него сдѣлались слабыми, какъ тростинки. Безсознательно онъ поставилъ куда-то всѣ 3 рубля, и выигралъ; бросилъ опять всѣ деньги, и снялъ 12 рублей. Остатки безбоязненнаго дурмана зашевелились на днѣ души, вытѣсняя жалобное, сиротливое чувство. Нѣсколько разъ Подосеновъ поднимался до 40 р.блей и спускался до рубля, видѣлъ, какъ рѣдѣетъ т.лпа игроковъ, и вдругъ понялъ, что ему уже не отыграться.

Мертвеннымъ движеніемъ поставилъ Подосеновъ все, что у него накопилось, рублей 15, и прежде, чѣмъ открылись карты, совершенно отчетливо почувствовалъ, что ставка будетъ убита. А затѣмъ уже не онъ, а кто-то чужой, безтѣлесный и мертвый, двинулся отъ стола.

И только чувство острой брезгливости къ себѣ влекло его впередъ, и самъ себѣ онъ казался отверженнымъ и жалкимъ, и у него не хватило смѣлости пройти въ швейцарскую главнымъ ходомъ. Узкимъ боковымъ коридоромъ и полутемными комнатами, съ грудами вѣнскихъ стульевъ, крался Подосеновъ, слыша и презирая свои шаги. Но и боковой коридоръ привелъ его къ ярко-освѣщенной площадкѣ главной лѣстницы, и, спускаясь внизъ, онъ отворачивался отъ своего отраженія въ зеркалахъ, произносилъ несуществующія слова, морщился и высовывалъ языкъ. У него не было ни копѣйки денегъ, чтобы заплатить швейцару, и, быстро надѣвъ пальто, онъ невольно сгорбился, и промежутокъ, отдѣлявшій его отъ двери, показался ему безконечнымъ.

Издѣваясь гримасничали желтые фонари, колючія снѣжинки мстительно хлестали лицо,

и вѣтеръ съ нескрываемой насмѣшкой гудѣлъ въ телефонныхъ проволокахъ.

Подосеновъ шелъ неровными, большими и крошечными шагами, бѣжалъ бѣгомъ и плелся, едва волоча ноги. Ему хотѣлось визжать и кататься по землѣ, и онъ то ненавидѣлъ, то жалѣлъ себя, то билъ и щипалъ себѣ лицо, то заливался короткимъ, жалобнымъ плачемъ.

И онъ не замѣтилъ, какъ очутился около своего дома. Только у запертыхъ воротъ, жутко-опредѣленныхъ и знакомыхъ, онъ слегка пришелъ въ себя, и весь задрожалъ отъ страха. Вспомнились ему почему-то буттерброды со свѣжей икрой и сладковатое заграничное пиво, которое онъ пилъ сегодня въ ресторанѣ, а затѣмъ правильные столбики и кучки денегъ, слезы и причитанія жены...

Дворникъ распахнулъ калитку, посторонился; но Подосеновъ все не могъ перешагнуть порога: ноги у него подкашивались, и пустота открытой калитки казалась ему могилой.

Анатолій Каменскій.

БРЕДЪ.

Когда здоровякъ, членъ суда Лаврентій Лукичъ заболѣлъ, то жена его Степочка этому не повѣрила и только на четвертый день пригласила доктора, который нашелъ у больного тифъ.

Степочка помѣстила его во флигелѣ, чтобы онъ не заразилъ дѣтей; наняла къ нему сидѣлку и сѣла гадать на картахъ: опасна ли болѣзнь и скоро ли онъ поправится? Вышло, что болѣзнь не опасна и поправится онъ скоро, но потомъ ему предстоитъ дорога и денежный интересъ въ бубновомъ домѣ.

Степочка успокоилась и пошла наблюдать за рубкой капусты.

Стояла осень; моросилъ изъ подымавшагося тумана мелкій дождь, и падали на землю желтые листья.

Лаврентій Лукичъ лежалъ въ низкой, зеленой отъ зеленыхъ шторъ комнатѣ и видѣлъ, какъ въ дальнемъ углу въ креслѣ сидѣла какая-то незнакомая толстая баба и упорно и безконечно вязала чулокъ.

Подбородокъ у бабы былъ двойной и плотный, на головѣ бѣлый чепчикъ съ кружевомъ, локти двигались медленнымъ галопомъ: разъ-два-три, разъ-два-три... Слышно было, какъ она зѣвала и какъ звенѣли спицы.

На потолкѣ длинной и правильной фигурой, похожей на созвѣздіе Большой Медвѣдицы, расположились засыпающія мухи.

Было душно и пахло какимъ-то острымъ лѣкарствомъ.

Лаврентій Лукичъ чувствовалъ, какое у него горячее тѣло и какое оно тяжелое, точно прикованное къ кровати. И въ головѣ его было что-то тяжелое и густое, такъ что еле проползали тамъ лѣнивыя односложныя мысли. Языкъ былъ сухъ, что-то болѣло въ боку и трудно было дышать.

Иногда онъ забывался на время и ничего не ощущалъ, а очнувшись, видѣлъ свою длинную, сѣдую, съ желтыми прядями бороду, жилистыя руки, полосатое одѣяло, зеленыя шторы, сидѣлку и мухъ на потолкѣ.

Потомъ вспоминалъ, что онъ членъ суда, что у него есть жена Степочка и четверо дѣтей, такихъ же безнадежныхъ, какъ и ихъ мать,— студентъ, гимназистъ, невѣста и дѣвочка.

И онъ думалъ, какъ это хорошо, что никого онъ не видитъ, что не слышитъ растяжного купеческаго говора Степочки и скрипа ея башмаковъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что флигель, въ которомъ онъ лежитъ, огромный домъ за флигелемъ съ одной стороны и садъ съ другой—Степочкины, что въ банкѣ лежатъ ея деньги, что Степочкой себя назвала она сама, а настоящее ея имя—Степанида.

Можетъ быть, оттого, что въ комнатѣ были зеленыя шторы, ему представлялось зеленое лѣто, сухой, далекій лугъ, вербы надъ рѣкой, озаренныя солнцемъ и оттого глянцевитыя, яркія, веселыя. Солнце, точно колетъ иголками, жжетъ; листья, точно нарисованные, неподвижны.

Между вербами бѣлѣетъ китель и краснѣетъ потная, лысая голова. Это исправникъ Адамъ Адамычъ ловитъ рыбу.

Слышно, какъ онъ говоритъ кому-то сердито и хрипло:

— Не беретъ!.. Совсѣмъ не беретъ, какъ отрѣзало... Ни на червя, ни на хлѣбъ, ни на овесъ... ни на что... Не хочетъ!.. Черви-то какіе! Полюбуйтесь, милый мой, черви-то какіе!.. Самъ бы съѣлъ живьемъ, а она—нуль вниманія...

Въ сторонѣ идетъ черный паромъ; на паромѣ бабы—красныя, синія, желтыя. Лицъ не видно; слышно только, какъ онѣ поютъ хоромъ то тягуче, то часто:

Была я у матушки первая дочка,
Стала меня матушка замужъ выдавати,
Дала за мной матушка:
Десять быковъ, десять козловъ,
Девять быковъ, девять козловъ,
Семь быковъ, семь козловъ,
Шесть быковъ, шесть козловъ,
Четыре быка, четыре козла,
Три быка, три козла,
Два быка, два козла,
Одного-о быка, одного-о козла...

Звуки визгливые, какъ ржавое желѣзо, страшные и старые, точно идутъ изъ-за тысячи верстъ тысячи лѣтъ... Жарко... такъ жарко, что въ груди крупно и часто стучитъ сердце, и боль въ боку стала широкой и тупой.

Языка нельзя повернуть во рту. Хочется пить. Онъ хочетъ сказать это, но не можетъ и стонетъ. Передъ глазами плавно и быстро вращаются зеленые, красные, синіе круги, и кажется, что это не круги, а колеса поѣзда, что колеса эти пробѣгаютъ куда-то мимо, одно за другимъ, и бьютъ его тупыми осями въ виски... И головѣ больно...

Вьется какая-то тропинка въ лѣсу по просѣкѣ. Среди зелени чернѣютъ пеньки, точно кто разложилъ въ молоднякѣ цилиндры. Поютъ осы надъ ежевикой, а на опушкѣ стоятъ дубы безъ листьевъ съ такимъ страннымъ переплетомъ вѣтвей, точно сотни рукъ заломили въ пляскѣ... И они пляшутъ. Они движутся на тонкихъ корняхъ и кружатся, они сходятся и расходятся по просѣкѣ, они пляшутъ и качаютъ въ тактъ головами... Все быстрѣй и быстрѣй... Сплетаются руками... Мчатся куда-то,—становится свѣтло и зелено... Вдругъ опять приходятъ, кружатся и шумно подпрыгиваютъ, и видно, какіе на ихъ рукахъ тонкіе, черные пальцы... точно черви... Кто-то поетъ далеко и тонко... Баржу тянутъ? Нѣтъ, это осы надъ ежевикой. Жарко. Онъ смотритъ на солнце,—высоко... И странно, что въ лѣсу совсѣмъ нѣтъ тѣни, и воздухъ такой желто-золотистый... Онъ вспоминаетъ, онъ знаетъ: земля попала въ хвостъ кометы, оттого такъ жарко и такой воздухъ. И онъ видитъ эту комету: кругомъ черно, а она мчится кровавая, яркая, точно чей-то огромный испуганный глазъ, налитый кровью, и пышетъ отъ нея жаромъ. Онъ стонетъ... Что-то заколыхалось около сѣрое и большое... Это сидѣлка съ чулкомъ... И вода... и стаканъ ляскаетъ по зубамъ такъ звонко, и капли текутъ по щекѣ, а онъ не можетъ подняться.

II.

Утро или вечеръ?..

Сквозь шторы полосками ползетъ жидкій, сѣрый свѣтъ. На прежнемъ мѣстѣ, въ креслѣ сидѣлка. Отъ Большой Медвѣдицы мухъ осталось только четыре въ видѣ трапеціи.

Лаврентій Лукичъ не въ силахъ припомнить: что-то случилось радостное и новое, что-то такое блестящее, какъ мечъ, и пополамъ, какъ мечъ, разсѣкшее жизнь.

Онъ долго думаетъ... Есть что-то внутри, точно въ сундукѣ подъ крышкой, и нельзя открыть. Мелкія, растерянныя мысли ходятъ и вьются вокругъ, и ему больно отъ того, съ какимъ усиліемъ протискиваются внутрь эти мысли.

Онъ вспоминаетъ, что *это* раньше, что тогда онъ былъ здоровъ и поссорился со Степочкой, накричалъ на нее въ первый разъ за все время супружества и назвалъ ее „свинымъ корытомъ", и еще какъ-то назвалъ и еще что-то кричалъ и топалъ ногами.

И Степочка тоже кричала громко и визгливо, какъ рыночная торговка, и еще шире сдѣлались ея челюсти и уже черепъ; браслеты звякали на голыхъ, противныхъ рукахъ, и въ ушахъ дрожали и блестѣли серьги.

Онъ вспоминаетъ, что сидѣлъ тогда противъ открытаго окна. Въ окно дуло октябрьскимъ холодомъ. На тополяхъ въ саду чернѣли запоздалые дрозды и не пѣли, а хохлились и прыгали по вѣткамъ, и гдѣ-то скрипѣлъ возъ, и пахло дымомъ изъ трубъ.

Потянулась въ креслѣ сидѣлка и поднялась... Значитъ, она спала... значитъ, теперь утро.

Свѣту изъ оконъ больше... виднѣе мухи на потолкѣ, яснѣе точеныя шишечки на его кровати...

Онъ вспомнилъ: это—письмо. Маленькій клочокъ бумаги въ размашисто подписанномъ синемъ конвертѣ... И вспомнилъ онъ ту, кто писалъ, — курсистку-медичку Галю... давно... двадцать шесть лѣтъ назадъ.

Было поздно вечеромъ, когда они сидѣли на взморьи, надъ гаванью.

Отъ берега видны были одни черные силуэты, отъ моря—огни на судахъ, тысячи огней—бѣлыхъ, красныхъ, зеленыхъ... Небо было чистое, звѣздное, и огни на судахъ были ярче звѣздъ и казались тоже звѣздами, только спустившимися на землю, молчаливыми, чуткими.

Море и небо сливались въ одно. Вставали влажныя воспоминанія. Вѣяло вѣчнымъ, предъжизненнымъ и большимъ...

Они говорили о чемъ-то красивомъ, о чемъ-то важномъ, и души ихъ были одно, какъ море и небо. И горѣли въ нихъ огни, и вѣяло сказкой.

Но онъ не сказалъ ей тогда того, что было нужно.

Они сидѣли рядомъ въ оперѣ, высоко на балконѣ. Внизу толпа, но они одни, и для нихъ звуки... Звуки эти заполнили все: весь огромный залъ, весь театръ, весь міръ... И звуки эти всѣ красочные, сверкающіе, пахучіе, точно живая душа міра, точно то, что выжато изъ міра художникомъ и мощно брошено въ воздухъ, полное смысла и блеска надъ холоднымъ трупомъ.

Ползутъ черные хребты. Только чувствуется, какъ тяжелы они,—вершинъ ихъ не видно въ темномъ небѣ. Но сверкнула молнія и зажгла вершины. Ослѣпительный снѣгъ рѣжетъ глаза, и по горамъ ползутъ развиваясь мантіи изъ свѣта...

Качаются камыши... Жесткіе листья шуршатъ, и кланяются султаны... и ломаются болѣе яркія, чѣмъ они, ихъ отраженія въ водѣ.

Пахнетъ левкоями и ирисами въ широкой, темной аллеѣ...

Что-то сплетается и подымаетъ снизу и несетъ и закрываетъ глаза.

Она была рядомъ и была то же, что онъ, и онъ не сказалъ ей того, что было нужно.

И не сказалъ, когда она оставалась голодать на курсахъ, а онъ уѣзжалъ служить въ провинцію...

Вошелъ докторъ, за нимъ Степочка и дочь, обѣ въ бѣлыхъ халатахъ.

Докторъ—тотъ самый молодой земскій врачъ,

который ѣздилъ недавно по дѣламъ въ Петербургъ и привезъ ему письмо отъ жены своего профессора, отъ Гали... Маленькій клочокъ бумаги въ синемъ конвертѣ...

А черезъ три дня онъ заболѣлъ тифомъ.

Докторъ измѣрилъ и записалъ температуру, пробовалъ шутить, называлъ его „стариною".

Онъ не отвѣчалъ.

Степочка поправила ему подушку, прикрикнула на сидѣлку... Дочь его, юное и уже вымокшее существо, смотрѣла на него съ испугомъ...

Потомъ всѣ ушли. Остались только сидѣлка, мухи на потолкѣ и зеленыя шторы.

Отъ шторъ поползли зеленые пауки по стѣнамъ... Стало слышно, какъ гдѣ-то близко, за стѣной гудитъ машина фабрики, и хлюпаютъ приводные ремни, и тащатъ что-то тугое, цѣпкое, упрямое.

Тысячи колесъ!.. То вправо, то влѣво вращаются и что-то крошатъ зубцами. Зубцы красные... Можетъ быть, это кровь? Можетъ быть, человѣчьи тѣла крошатъ въ куски!..

А вверху частые переплеты тусклыхъ, слѣпыхъ оконъ, и полъ дрожитъ, и вмѣстѣ съ нимъ начинаетъ дрожать его тѣло... И зеленые пауки пляшутъ по стѣнамъ...

III.

Звонко заржала на конюшнѣ лошадь. Это сѣрый въ яблокахъ изъ Степочкина выѣзда... Лаврентій Лукичъ очнулся и слушаетъ. Заржалъ еще. Сначала высоко и тонко, потомъ низко, кругло, разсыпчато... Похоже на тонкую мочалку, на которую нанизаны крендели.

Сидѣлка вяжетъ, и часто мелькаютъ спицы. На стѣнѣ какія-то картины въ черныхъ рамкахъ, которыхъ не было раньше. На столѣ высокій коричневый пузырекъ съ желтой бумажкой.

Лаврентій Лукичъ думаетъ, отчего это, когда Адамъ Адамычъ надѣнетъ новый парадный мундиръ, онъ становится глупѣе вдвое, и дѣлается совсѣмъ глупымъ старый лабазникъ, отецъ Степочки, когда начнетъ говорить о судѣ, о газетахъ.

И въ городѣ у нихъ вообще только стертое и линючее—къ мѣсту, а все новое и яркое непріятно рѣжетъ глаза.

А онъ безвыѣздно прожилъ здѣсь всю жизнь, всѣ двадцать шесть лѣтъ самостоятельной жизни. И пригвоздили его здѣсь восемьдесятъ тысячъ Степочкина приданаго.

Онъ игралъ въ карты, ѣздилъ крестить, ѣздилъ ловить рыбу, и его называли за это общественнымъ человѣкомъ...

Докторъ говорилъ, что у Гали почетное имя въ средѣ врачей, идейная работа, чудная семья.

Только бы во-время повернуть уголъ своей жизни въ ея сторону, и жизнь была бы разумной и красивой...

Онъ видѣлъ Галю такою, какой она была тогда,—бѣлой, высокой, русоволосой.

Она проходила передъ нимъ медленно и плавно, точно плыла между зелеными шторами, какъ сказочная царевна-лебедь между высокой осокою.

И горѣли звѣзды на ея лбу, и звѣздами, какъ свѣтляками, были осыпаны ея волосы и платье.

Она смѣялась тихо и ласково, какъ будто ручей журчалъ въ лѣсу, и пахло ландышами и березовымъ сокомъ.

Представлялся сосновый боръ... Гдѣ онъ его видѣлъ?.. Огромный боръ. Стволы прямые и бѣлые, какъ колонны. И тяжело дышитъ гдѣ-то водокачка—фу-фу, фу-фу!.. Тропинка узкая-узкая, а по бокамъ болото, и какіе-то высокіе, красные цвѣты на немъ, и бабочка кружится большая, бѣлая, съ темными глазами... Ближе, ближе и больше... Садится около, смотритъ... Это Галя!.. Вѣтки надъ ней, какъ рѣзныя арабески, и боръ—точно огромная церковь съ высокими, частыми колоннами, и слышно пѣніе... Гдѣ-то идутъ и поютъ, медленно, торжественно, и ладаномъ пахнетъ...

Большое и сѣрое закачалось передъ глазами, точно туманъ, и все пропало... Это баба съ двойнымъ подбородкомъ... Что ей нужно? По какому праву она здѣсь?.. Лѣкарство... Отъ чего?.. Тяжелая ложка стучитъ по зубамъ, что-то противное вливается внутрь... Его лѣчатъ... Отъ чего его лѣчатъ?

Вспоминаются усы доктора, широкіе и пушистые, а надъ ними маленькій вздернутый носъ и веснушки по лицу.

Изъ-за него выступаетъ старшій сынъ, студентъ, выпячиваетъ трубочкой губы, говоритъ то, что говоритъ всегда: „Юррунда!" и затягивается сигарой.

Потомъ Степочка въ бѣломъ балахонѣ гдѣ-то въ сторонѣ кричитъ скороговоркой:

— Подаютъ гуся съ капустой, а я имъ: „Вотъ, говорю, какъ хорошо, что у васъ гусь съ капустой, а то теперь вездѣ пошла мода съ яблоками подавать. Скажите, пожалуйста, деликатность какая!.." Вотъ имъ и спичка въ носъ,—пускай-ка раскусятъ: небось, будутъ въ другой разъ съ яблоками подавать!..

Въ головѣ что-то тяжело дышитъ, какъ водокачка: фу-фу... фу-фу!.. И желтѣютъ стѣны водокачки. Стѣны сначала деревянныя, потомъ каменныя... стѣны растутъ, и лѣсъ свѣтлѣе кругомъ... Лѣса уже нѣтъ, есть улица, высокіе дома и водокачка—это окружной судъ...

Выбѣгаетъ курьеръ и суетъ бумагу...

„Препровождая при семъ жалобу дворянина Ивана Онуфріева, имѣю честь... въ окружный судъ объясненіе по поводу... и подлинное по сему дѣлу производство"... Буквы мчатся быстро-быстро, сливаются въ длинные, черные зигзаги, кружатся передъ нимъ и кажутся уже не буквами, а баграми на пожарѣ.

Багры вонзаются въ горящія бревна... бревна шипятъ, трещатъ и рушатся... Бѣлые столбы воды подымаются искристыми фонтанами... Шумитъ толпа... воютъ собаки... ржутъ и пя-

тятся лошади съ краснымъ заревомъ пожара въ глазахъ.

Огненными искрами испятнилось небо... Что-то тревожно трепещетъ въ немъ крыльями... Голуби... А дымъ клубится, черный, съ бѣлымъ хребтомъ, и свирѣпо падаетъ внизъ, точно хочетъ разорвать землю—лапами... И лапы эти, видно, мягкія, ползучія, крѣпкія...

Онъ видитъ, какъ надъ нимъ трескается потолокъ черными змѣйками справа налѣво. Дальше... дальше... И въ трещины уже глядятъ чьи-то горячіе, красные языки и дышатъ и разворачиваютъ камни...

Кто-то запѣваетъ надъ нимъ похоронно и тягуче, точно ржавчину бросаетъ въ воздухъ:

Десять быковъ, десять козловъ,
Девять быковъ, девять козловъ...

Потолокъ тихо раздвигается по трещинамъ. Красные языки спустились надъ нимъ и сплетаются въ горячій клубокъ. Кто-то глухо сопитъ и стучитъ зубами...

Ему страшно. Худой и застывшій подымается онъ съ кровати, выставивъ впередъ костлявыя руки, и надтреснуто кричитъ:

— Га-а-ля!

Съ кресла подымается въ отвѣтъ сидѣлка и движется къ нему, какъ сѣрое облако.

IV.

Онъ не знаетъ, что это—ночь или день,—но знаетъ, что съ нимъ его Галя.

Она сидитъ около, смотритъ вглубь его радостными глазами, такими широкими, какъ цѣлый міръ, такими свѣтлыми, какъ кристаллы льда, и смѣется.

То мѣсто, гдѣ она,—все въ цвѣтахъ, и кругомъ цвѣты; а она среди нихъ—простая, безъ очертаній, безъ рисунка, только глаза и изломъ губъ. И въ этомъ все, и ничего не нужно.

Въ глазахъ поютъ ангелы, маленькіе, радостные, съ бѣлыми крылышками,—тамъ небо; а въ изломѣ губъ—земля: тамъ молніи, въ которыхъ спятъ и пробуждаются ночныя тѣни. Только одинъ яркій штрихъ на темныхъ тучахъ,—и горизонтъ полонъ и широкъ.

Она наклоняется, и слышно ея дыханіе. И видно, какъ синіе слѣпые призраки сползаютъ со стѣнъ и сжимаясь протискиваются въ трещины оконъ.

Она съ нимъ, его Галя, и онъ знаетъ, что ничего не было, и все—легко; знаетъ, что такъ же молодъ, какъ и она, и что передъ ними сверкаетъ будущее.

Она здѣсь,—онъ чувствуетъ близость ея тѣла... Что это стучитъ такъ громко за окнами? Это пустыя телѣги на мостовой... Нѣтъ, не тамъ: онѣ въ его головѣ, въ огромной головѣ, въ которой просторно цѣлому міру.

Телѣги бьются съ разгона въ стѣнки черепа, и черепу больно, но онъ крѣпокъ... Новыя телѣги мчатся и бьются, и новая боль... Откуда столько телѣгъ? Видны спицы колесъ, черныя и прямыя, какъ разжатые пальцы. Ему страшно... Но она здѣсь, и это ея руки проходятъ легкія, какъ паутина, по его лицу. И глаза ея надъ его глазами... смотрятъ вглубь и что-то видятъ, и улыбаются губы.

Онъ бросается обнять ее и кричитъ:

— Галя!..

Она строго качаетъ головой и тихо отходитъ.

— Галя, мы обвѣнчаемся! кричитъ онъ ей вслѣдъ.

Онъ не слышитъ, какъ въ креслѣ, считая петли чулка, неодобрительно говоритъ сидѣлка:

— Старый человѣкъ, а о чемъ думаетъ!.. И тоже, какъ Галя, качаетъ головой.

Онъ не видитъ, какъ въ широкомъ подбородкѣ сіяетъ ея непогрѣшимость.

Онъ видитъ, какъ оттуда, куда ушла Галя, сверху, черными комочками съ длинными стрѣлками хвостовъ, похожія на бойко написанныя запятыя, соскакиваютъ мыши. Мягкія, противныя, пискливыя, онѣ устилаютъ весь полъ сѣро и густо... Онѣ кипятъ, какъ вода... Да это и есть вода, это не мыши... Это вода у берега утромъ, пока еще не поднялся туманъ... На водѣ плаваетъ лебедь... Онъ подплываетъ къ нему,—какой бѣлый!

Это тѣ же глаза, какъ кристаллы, и тотъ же изломъ губъ, какъ молнія... Галя!..

Лебедь отплылъ; но онъ бросается къ нему и летитъ въ пропасть...

Впереди узкій коридоръ, низкій, тѣсный; но онъ идетъ... Надъ головой висятъ камни. На нихъ сѣдая слизь и отблескъ скуднаго свѣта... И вдругъ сразу какая-то площадь, и опять телѣги... Пятятся лошади съ испуганными глазами, и гдѣ-то въ сторонѣ трескъ... Кто-то хватаетъ его за руку. Чья-то рука охватила его шею... Его свалили и душатъ...

— Галя! кричитъ онъ въ испугѣ.

Сидѣлка слышитъ, какъ, свѣсившись головой съ подушки, бормочетъ онъ скороговоркой:

— Десять возовъ овса... десять возовъ овса... пять возовъ... шесть возовъ...

И вдругъ начинаетъ запѣвать:

— Три быка, три козла,
Два быка, два козла...
Одного быка, одного козла...

А на него опять ползетъ что-то. Это тучи, горячія и липкія. Охватываютъ его со всѣхъ сторонъ, оставляютъ на немъ что-то бѣлое, какъ соль, и проходятъ мимо.

Внизу провалы. Оттуда подымается пьедесталъ, на немъ статуя. Она все выше, выше... Около нея мѣдныя трубы, на нихъ блеститъ солнце... Гремятъ звуки марша... Статую несутъ на рукахъ. Масса рукъ облѣпила ее снизу. Толпѣ нѣтъ конца. Черная, шумная, ползетъ она по широкимъ улицамъ. На домахъ флаги. Воздухъ неподвиженъ, и флаги повисли, точно

пристально смотрятъ внизъ. Но вотъ страшный грохотъ и вой: статуя падаетъ. Она разбивается въ мелкіе обломки и давитъ толпу, трубы, флаги. И это не статуя, это Галя. Ея крутой, высокій лобъ, надъ нимъ гладкіе волосы, и такъ много правды и неба въ глазахъ и такъ много красивой земли въ изломѣ губъ.

Она говоритъ ему что-то. Это не слова, это музыка, только тонкая, какъ ароматъ незабудокъ. Онъ силится понять, что она говоритъ... Хоть одно слово... хоть одинъ ясный звукъ... Развѣ можно понять языкъ аромата?

Онъ слышитъ теплоту ея тѣла, гибкаго, бѣлаго, безъ очертаній.

Она наклонилась надъ нимъ. Глаза ея широки какъ жизнь, и въ нихъ маленькіе ангелы трепещутъ крылышками...

Онъ силенъ, молодъ и вылился весь въ экстазѣ... Широко раскрытыми руками онъ обнялъ ее всю и плачетъ и цѣлуетъ и теплое тѣло безъ очертаній, и бѣлокрылыхъ ангеловъ въ ясныхъ глазахъ, и извивы волосъ, и губы...

Онъ бормочетъ что-то часто-часто, и раскинувшееся въ жару по кровати худое, горячее тѣло его вздрагиваетъ, вскидывается и бьется.

V.

Была ночь. Сидѣлка спала въ креслѣ, и передъ большой иконой въ углу горѣла лампадка. Лампадка была розовая, и огонекъ былъ тоже нѣжно-розовый, какъ зимняя заря.

Онъ метался въ жару и бредилъ.

Яснымъ призракомъ передъ нимъ стояла она въ какой-ро рѣзкой, богатой рамѣ, какъ святая на иконѣ.

Она звала его, и онъ ясно видѣлъ, какіе причудливые, дѣтскіе и мудрые были ея глаза... и лукавые... и губы дрожали отъ счастливой, сдержанной улыбки. Потомъ она ушла.

Ушла въ двери,—это онъ ясно видѣлъ.

А изъ оконъ налетѣли и закружились какіе-то мягкіе, сѣрые хлопья, били его по лицу и снова летѣли въ окна.

Тогда онъ всталъ и пошелъ за нею.

Онъ чувствовалъ страшную силу въ своемъ тѣлѣ и зналъ, что оно молодо. И зналъ еще, что его Галя близко, что нужно сейчасъ ее найти, и они сольются навсегда.

На немъ было только бѣлье и суконные чулки на ногахъ.

Онъ тихо прошелъ мимо сидѣлки и тихо откинулъ крючокъ отъ двери. Безъ шума отворилась обитая войлокомъ дверь... Длинная передняя... Еще дверь... Крыльцо... Четыре ступеньки лѣстницы—и онъ въ саду.

Ея нѣтъ,—значитъ, она дальше.

Скользя въ липкой грязи и въ опавшихъ листьяхъ, онъ побѣжалъ по аллеѣ.

Было холодно и темно, и дулъ вѣтеръ.

Вѣтеръ хлопалъ его рубахой, какъ парусомъ, пересчитывалъ кости на его старомъ тѣлѣ, ерошилъ сѣдые волосы и недоумѣвающій мчался въ кусты разсказать о странномъ бѣломъ человѣкѣ, какого такъ поздно и въ такой легкой одеждѣ никогда еще не видалъ садъ.

Высокіе тополи важно и сухо качали головами и сыпали въ него сверху желтыми листьями, какъ дождемъ.

А онъ бѣжалъ и думалъ, что она въ бесѣдкѣ. Онъ помнилъ, что видѣлъ ее въ маленькой бесѣдкѣ, обвитой дикимъ виноградомъ.

Чулки его промокли и стали тяжелы отъ грязи. Подъ рубаху его, какъ иззябшая собака, пробирался холодъ и, сжавшись въ комокъ, грѣлся на его груди.

Кругомъ было что-то большое, темное и зловѣщее, но онъ не видѣлъ. Въ его горячемъ мозгу были широкіе, какъ небо, ея глаза и тонкая линія губъ, и увѣренностью въ себѣ и силой, не знающей преграды, вѣяло отъ ея высокаго тѣла.

И онъ и она тамъ были—одно; и его не было, была она, больше она, чѣмъ онъ. Онъ былъ какъ ласточкино гнѣздо на окнѣ, она—какъ окно.

— Завтра мы обвѣнчаемся... увѣреино говорилъ онъ.—Горы сдвинемъ вдвоемъ и шире сдѣлаемъ жизнь... И будемъ жить!

Онъ дрожалъ. Это было волненіе, а не холодъ. Цѣпляясь ногами за скользкую землю, онъ все бѣжалъ дальше, къ бесѣдкѣ,—и ударился объ нее грудью.

Но это была не та бесѣдка: это была большая, новая, и на ней, какъ бечевки, болтались сухіе стебли „крученыхъ паничей" и турецкихъ бобовъ; а та была маленькая и старая и вся обвитая дикимъ виноградомъ.

Онъ вошелъ въ бесѣдку, провелъ рукою по мокрымъ лавкамъ, остановился на секунду въ недоумѣніи, но тутъ же сердито сказалъ самому себѣ: „Дальше!" и побѣжалъ дальше.

Она была здѣсь недалеко; въ этомъ онъ былъ увѣренъ больше, чѣмъ въ томъ, что живъ.

Нѣсколько шаговъ еще, и она увидитъ его и пойдетъ навстрѣчу.

Кругомъ было темно и сыро. Вѣтеръ еще звончѣй и нахальнѣй смѣялся надъ сѣдымъ, страннымъ человѣкомъ, и тополи неодобрительно покачивали головами.

Длинная аллея кончилась. На него колючей стѣною ринулся частый боярышникъ, и онъ сталъ.

— Какъ такъ? спросилъ онъ самъ себя вслухъ.

Сквозь кусты забѣлѣлъ деревянный заборъ, и онъ понялъ: она здѣсь; это мелькнуло вблизи ея бѣлое платье.

Ползкомъ, какъ звѣрь, полѣзъ онъ около самыхъ корней, гдѣ меньше вѣтокъ. И ему казалось, что это далекій и узкій гротъ, и кусты по сторонамъ—скользкіе камни.

Заборъ былъ невысокій, но мокрый и гладкій. Трудно было влѣзть на него, скользили ноги,—но онъ влѣзъ и спрыгнулъ.

Стало шире и виднѣй, и забрезжила въ сѣ-

рой мглѣ дорога, какъ чей-то длинный, пушистый хвостъ.

Онъ оглядѣлся по сторонамъ, точно что-то припоминалъ и взвѣшивалъ, и побѣжалъ по дорогѣ. Бѣжалъ онъ вприпрыжку, нагнувъ голову и болтая руками. Останавливался, осматривался кругомъ и бѣжалъ снова.

За садомъ вдоль дороги шло поле.

Какіе-то клочья трепались кое-гдѣ по сторонамъ, не то вѣхи, не то пугала. Лѣтомъ здѣсь были бахчи, теперь было пусто, и вѣтеръ носился здѣсь на свободѣ, рождаясь въ темнотѣ и въ темнотѣ умирая.

А тамъ, гдѣ бѣжалъ онъ, была сѣрая мгла, и въ ней все чернѣла дорога, какъ чей-то огромный хвостъ.

Черная дорога казалась ему шумной улицей, треплющіяся въ сторонѣ пугала—многолюдной толпой.

Забывъ, что между Галей и имъ выросла стѣна въ 26 лѣтъ времени и въ 2.000 верстъ пространства, бѣжалъ онъ по грязной дорогѣ и падалъ, и подымался снова, и снова бѣжалъ и смѣялся и вылъ, какъ капризное дитя,—старый статскій совѣтникъ съ бѣлыми, какъ мѣлъ, волосами.

А поле попрежнему было мглисто, пусто и безконечно, и извилистымъ хвостомъ все чернѣла и чернѣла дорога... И шедшая позади его тьма видѣла, какъ онъ исчезъ во тьмѣ, впереди идущей.

Его нашли только утромъ, лежащаго ничкомъ въ глубокой канавѣ, закоченѣвшаго, скрюченнаго, мокраго, худого, похожаго на кожаный мѣшокъ съ костями, грязнаго и мертваго.

И когда подносили тѣло его къ дому, на крыльцѣ стояла Степочка въ бѣломъ балахонѣ и, скрестивъ толстыя руки на высокомъ животѣ, раскачиваясь и сверкая серьгами, визгливо ругалась съ сидѣлкой.

С. Сергѣевъ-Ценскій.

ГОСТЬЯ.

Въ комнатѣ, въ которой горитъ лампа, у двери стоитъ, держа въ рукахъ зажженную свѣчу, Николай Ивановичъ, огромный, неуклюжій, съ близорукими глазами на выкатѣ, въ очкахъ, съ длиннымъ, толстымъ носомъ и длинными, тонкими обвисшими усами, которые придаютъ его лицу какъ-то сразу и угрюмый и насмѣшливый видъ.

Передъ нимъ, глядя на него съ низу вверхъ, стоитъ Анна Павловна, маленькая и плотная, съ круглыми плечами и румяными щеками. Въ рукахъ у нея, сложенныхъ спереди такъ, какъ ее учили дѣлать еще въ гимназіи, когда она носила бѣлый фартукъ,—толстая книга „Политическая исторія современной Европы" Сеньобоса, и она говоритъ пѣвучимъ груднымъ голосомъ:

— Спасибо вамъ большое, Николай Ивановичъ. А то мнѣ такъ и сказали, что если я у слѣдователя Стратилатова не найду этой книги, такъ уже больше, значитъ, нигдѣ и нѣтъ ея въ нашемъ городѣ, и ходить искать нечего...

Она разъединила свои сложенныя впереди руки, сама первая протянула Николаю Ивановичу свою горячую, мягкую, маленькую руку, всунула въ его, похожую на медвѣжью лапу, и по-мужски потрясла ее нѣсколько разъ.

Уже Николай Ивановичъ выпустилъ ея руку, а самъ все стоитъ у притолки, не двигаясь, держа свѣчу передъ ея лицомъ и своими выпуклыми глазами такъ внимательно разсматривая ее, будто передъ нимъ не Анна Павловна стояла, а лежалъ кѣмъ-то взломанный мудреный замокъ.

Николай Ивановичъ уже минутъ пять тому назадъ зажегъ свѣчу, чтобы самому проводить Анну Павловну къ парадной двери, для чего нужно сначала пройти въ его камеру и темный коридоръ,—да остановился и свѣчи не тушитъ, хотя въ этой комнатѣ лампа горитъ. У него такое ощущеніе, будто онъ чего-то не договорилъ, и ему что-то нужно сказать. Третъ себѣ лобъ, собранный въ длинныя складки, поправляетъ очки на носу и все смотритъ въ лицо Анны Павловны своими выпуклыми глазами, будто на немъ найти хочетъ что-то. А въ душѣ у него какія-то неясныя мысли, не то воспоминанія крѣпко сплелись между собою въ плотный клубокъ и застряли. Вертится тамъ этотъ клубокъ и все никакъ не развертывается, не разматывается. Онъ хочетъ сосредоточиться, а его мысль все переносится туда, въ Москву, гдѣ, какъ онъ уже изъ газетъ зналъ, на курсахъ прекратились лекціи, и откуда такъ неожиданно среди года пріѣхала Анна Павловна.

И ему такъ живо представляются хорошо знакомыя, такія милыя, широкія улицы, и по нимъ толпами ходятъ вотъ такія молоденькія дѣвушки, какъ стоящая передъ нимъ Анна Павловна, и такіе студенты, какимъ онъ былъ самъ всего 9 лѣтъ тому назадъ. Ходятъ оживленные, взволнованные, возбужденные, громко говорятъ, спорятъ. Они всѣ вѣрятъ, что дѣлаютъ большое дѣло и рѣшаютъ большіе вопросы, и въ душѣ у нихъ такія большія чувства... Оля вспоминается. Когда онъ былъ студентомъ, она была курсисткой, вотъ такая же краснощекая, какъ Анна Павловна, и тоже все съ книжками. Теперь она гдѣ-то въ Томской губерніи. У нея въ комнатѣ всегда было такъ свѣтло, на столѣ книжки всегда и пахло чѣмъ-то такъ хорошо... Онъ шутилъ, что

это пахнетъ хорошей душой и хорошими книжками...

Мелькаютъ воспоминанія, и онъ улыбается, а то, что ему такъ хочется сказать, все не приходитъ. А кромѣ того, Николай Ивановичъ чувствуетъ, какъ его волнуетъ и какъ-то возбуждаетъ то, что въ его холостой квартирѣ и слѣдовательской камерѣ, похожей на пустой сарай,—сейчасъ находится молоденькая, свѣжая, умная, милая дѣвушка, и она принесла сюда съ собою что-то такое уютное, мягкое, теплое,—такое новое для него и въ то же время такое давнишнее, дорогое-дорогое, безъ чего жалко и страшно остаться. Уйдетъ и унесетъ все съ собою. Все пропадетъ вдругъ...

И Николаю Ивановичу мучительно хочется еще удержать ее, и онъ усиленно думаетъ, какъ это сдѣлать, и ничего не можетъ придумать.

Анна Павловна тоже молча стоитъ передъ нимъ, тоже не знаетъ, что дѣлать и что сказать; думаетъ, что ей, кажется, уже можно уйти, и говоритъ:

— Еще разъ спасибо вамъ, Николай Ивановичъ. А я поспѣшу. Мнѣ сегодня нужно еще много успѣть проштудировать изъ этой книги. Я себѣ такой урокъ задала.

И она улыбнулась, сверкнувъ ровными, маленькими зубами. Она такъ и сказала: „проштудировать“, и опять сунула свою руку Николаю Ивановичу.

Онъ пожалъ. А клубокъ въ душѣ у него все не разматывался. И онъ нерѣшительно продвинулся въ другую комнату, такой походкой и такъ неся передъ собою зажженную свѣчу, будто въ той комнатѣ стояли бочки съ порохомъ.

Тамъ за столомъ—его письмоводитель. На его молодомъ и помятомъ парикмахерскомъ лицѣ усики тщательно закручены кверху, волосы на лбу завиты и сильно напомажены.

Николай Ивановичъ, все усиленно думая, попрежнему какъ-то черезчуръ осторожно неся передъ собой свѣчу, будто они шли во мракѣ и на краю пропасти, а не въ освѣщенной комнатѣ,—неловко, бокомъ какъ-то, пятился къ двери и своимъ неуклюжимъ тѣломъ почти загораживалъ дорогу Аннѣ Павловнѣ. Она мелкими, твердыми шажками пыталась обойти его. За что-то зацѣпилась. Оглянулась. На нее валилось прислоненное къ стѣнѣ цѣлое деревцо, срубленное у самаго корня, со срѣзанными вѣтками, съ заостреннымъ концомъ.

Николай Ивановичъ съ неожиданной ловкостью подхватилъ его, взялъ въ руки и поднялъ его къ глазамъ Анны Павловны.

— Видите?

— Что это?

Онъ укаывалъ ей глазами какія-то широкія, ржавыя пятна по всему дереву.

— Это кровь.

— Человѣческая?..

— Самая настоящая человѣческая.

Анна Павловна вся отшатнулась и съ ужасомъ смотрѣла, какъ его рука привычнымъ движеніемъ касалась этихъ страшныхъ пятенъ. Съ ужасомъ подумала, что ея рука только что была въ этой его рукѣ.

А онъ спокойно держалъ деревцо въ сильныхъ рукахъ, перебирая пальцами, какъ флейту, и, оттого, что оно уже почти мѣсяцъ стоитъ у него въ комнатѣ, и онъ много разъ бралъ его въ руки и привыкъ къ нему,—уже не было смущенія, и онъ говорилъ:

— Вотъ этимъ кривымъ коломъ Иванъ Курденковъ свою жену убилъ. Онъ полюбилъ другую, а жена мѣшала. Поѣхалъ онъ лѣсъ рубить, взялъ съ собою жену да тамъ и убилъ. Всю голову размозжилъ, ребра поломалъ. Это далеко было, за сотни верстъ отсюда. А теперь этотъ колъ въ крови—у меня. Вошелъ въ мою жизнь—и вотъ дни и ночи стоитъ у меня въ комнатѣ и у меня въ головѣ... А вотъ еще посмотрите-ка, замокъ какой... Вотъ какъ его Бурлаковъ разворотилъ... А? Василій Бурлаковъ хотѣлъ жить шире, кутить хотѣлъ. А дядюшка денегъ не давалъ, держалъ подъ этимъ замкомъ... Хорошъ замочекъ?

Николай Ивановичъ уже поставилъ колъ въ уголъ и перевертывалъ въ рукахъ замокъ.

Зажженная свѣча все стоитъ на томъ же столѣ, гдѣ горитъ лампа.

А Николай Ивановичъ уже забылъ о ней. Онъ чувствуетъ, что въ душѣ у него клубокъ разматывается, и онъ теперь знаетъ, что хотѣлъ сказать. Онъ обрадовался и говоритъ тихимъ голосомъ, ласково такъ глядя въ лицо Анны Павловны:

— Да, милая барышня, вотъ въ этомъ и ужасъ моей жизни. Тамъ гдѣ-то, за много сотенъ верстъ отъ меня живутъ совсѣмъ неизвѣстные мнѣ Курденковы и Бурлаковы, живутъ полною жизнью, можетъ быть, яркой и сильной, предаются всѣмъ радостямъ, всѣмъ страстямъ, не останавливаются даже передъ преступленіемъ... А у меня своей жизни нѣтъ, и я живу только потому, что Курденковы и Бурлаковы совершаютъ преступленія. Я живу *для того*, что они тамъ ломаютъ замки и убиваютъ. И если бы вдругъ нестало преступленій, ненужна была бы и вся моя эта жизнь со всей моей работой, съ годами работы. Вѣдь это ужасно! Поймите, поймите меня, милая барышня! За мѣсяцъ я недѣли дома не живу. Все трясусь въ тарантасѣ, скачу по дорогамъ и безъ дорогъ, на солнцѣ и подъ дождемъ, и въ мятель. Скачу недѣли и ѣмъ, гдѣ и какъ придется, всякую дрянь, сплю какъ попало, съ тараканами и клопами... Некогда и негдѣ сорочку перемѣнить! Тонуть приходилось... А все потому, что гдѣ-то тамъ Курденковы и Бурлаковы жить хотятъ и совершаютъ преступленія. Будто весь я купленный... Для нихъ купленный. Вѣдь это же ужасно! ужасно, милая барышня!..

Николай Ивановичъ смотритъ на нее своими выпуклыми глазами, видитъ у нея на лицѣ ужасъ и жалость къ себѣ, и ему такъ пріятно. Хочется, чтобы его жизнь была еще страшнѣе, и чтобы она еще больше пожалѣла его. Онъ говоритъ:

— Пріѣдешь изъ уѣзда, весь грязный, весь измученный. На столѣ ворохъ газетъ не распечатанныхъ. Книжки журналовъ не разрѣзанныя лежатъ. Ну, скорѣе смывать грязь съ себя. Приведешь себя въ порядокъ. Вотъ, думаешь, дорвусь до газетъ, до журналовъ. Что тамъ въ мірѣ Божьемъ дѣлается?.. А тутъ срочные пакеты. Тамъ-то убили, тамъ-то подожгли. Такъ и не прочитаешь даже газеты. Вѣрите ли, милая барышня, отъ одного пристава о японско-русской войнѣ узналъ черезъ недѣлю послѣ того, какъ она началась. А раньше еще какъ-то отъ кабатчика Дрынкина объ Андреевѣ узналъ, когда онъ уже прогремѣлъ. А? Милая барышня! Вѣдь это ужасно? Вонъ у моего письмоводителя и то своя жизнь есть. Успѣлъ жену найти, семьей обзавелся и теперь еще вечеромъ по бульварамъ гуляетъ. А мнѣ куда тамъ!.. Некогда. А какъ подумаю, что моя жена да дѣти по недѣлямъ одни будутъ сидѣть... Нѣтъ! Куда тамъ! Сказано: я существую, со своей душой, съ плотью и кровью, только потому, что Курденковы и Вурлаковы совершаютъ преступленія...

Онъ махнулъ рукою и взялъ со стола свѣчу. Опять остановился.

— И знаете, милая барышня, я часто думаю, зачѣмъ я былъ въ университетѣ, если теперь даже газеты не могу читать? А вѣдь тогда готовился къ чему-то большому... Ждалъ отъ жизни чего-то...

Голосъ у него растроганный и грустный.

Вдругъ повернувшись спиной и согнувшись, онъ прошелъ въ дверь; за нимъ Анна Павловна. Въ темномъ коридорѣ Николай Ивановичъ опять остановился.

Ему жаль, что она вотъ только пройдетъ еще нѣсколько шаговъ, и за нею закроется выходная дверь, и тогда, если онъ даже станетъ кричать, она не придетъ. Не придетъ ни сегодня, ни завтра, никогда. Зачѣмъ? Что ей тутъ дѣлать у него? Она пришла изъ другого міра. Случайно влетѣла, какъ молодая ласточка въ окно. Тотъ міръ—далекій и такой свѣтлый, широкій...

Онъ отступаетъ на шагъ и обводитъ свѣчей всю ея фигурку съ головы до ногъ, смотритъ на нее съ нескрываемымъ восхищеніемъ. Потомъ говоритъ:

— Милая барышня! А у васъ тамъ жизнь шумная, яркая, сверкающая...

Онъ даже глаза прищурилъ, глядя на нее.

— Волнуетесь... боретесь... ищете... Вы тамъ всю большую жизнь видите. Видите, куда вся жизнь идетъ. Хотите за собой людей вести. Тамъ у васъ свои пророки и вожди... Пусть вы ошибаетесь. Но вы вѣрите, вѣрите! А это все! У васъ есть свой богъ и пророки, и вожди. Васъ не тащитъ жизнь куда-то, какъ рыбу на крючкѣ... Нѣтъ! И богъ, и пророки, и вожди! Ахъ, какъ это хорошо! Какъ это славно, милая барышня!..

И какъ раньше Николаю Ивановичу хотѣлось сдѣлать свою жизнь еще темнѣй и страшнѣе, такъ теперь хотѣлъ онъ ту, не его жизнь сдѣлать еще радостнѣй и лучезарнѣй. Отъ этого гостья становится еще дороже, и совсѣмъ непонятно, какъ это *она, оттуда* —и у него, здѣсь...

Онъ удивляется. Онъ не вѣритъ своимъ глазамъ. Часъ тому назадъ онъ ея не зналъ, и она пришла къ нему оттуда. Къ нему?.. Будто живой голосъ изъ того міра. Чтобы позвать его...

И въ возбужденномъ чувствѣ Николая Ивановича она одѣвается въ ореолъ все ярче и ярче, расцвѣчивается всѣми красками того міра, на который такъ непохожа его жалкая, ничтожная жизнь...

Идя къ выходной двери, онъ нагибается и освѣщаетъ ей дорогу, держа свѣчу близко къ неровному полу, будто боится, что вдругъ она споткнется и упадетъ, и вся разсыплется передъ его глазами, какъ фарфоровая ваза.

Онъ, огромный и неуклюжій, согнувшись, шагаетъ рядомъ съ нею, и на стѣнѣ и на потолкѣ переломилась чудовищная тѣнь, похожая на орангутанга съ руками такими же длинными, какъ и ноги.

Прощаясь, уже на крыльцѣ, онъ чуть помялъ въ своей рукѣ ея руку, не сжимая, будто боясь поломать или раздавить ее.

Долго стоялъ онъ на улицѣ безъ шапки и со свѣчей въ рукѣ. Было тихо. Пламя чуть гнулось.

А войдя въ свою комнату, онъ, не потушивъ свѣчи, какъ былъ, повалился на кровать, уткнувъ лицо въ подушку.

Огромная, холодная, злая тоска тяжело ворочалась съ болью въ его груди. Его мучительно тянуло туда, гдѣ живутъ не для того, что гдѣ-то тамъ люди совершаютъ преступленія, а для себя, и знаютъ своего бога и пророковъ, и вождей...

А изъ другой комнаты уже нѣсколько разъ кашлянулъ деликатный письмоводитель.

Нужно итти къ нему...

Мих. Борецкій.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

IV.

Послѣ особенн стей управленія и самоуправленія, слѣдующей важной особенностью крестьянскаго устройства и законодательства является особое *крестьянское землевладѣніе.* Этому сложному вопросу посвящена едва ли не большая часть изслѣдованій, изысканій, предположеній и споровъ, относящихся къ крестьянскому дѣлу. Чрезмѣрно расширившійся объемъ насто-

ящихъ замѣтокъ, предлагаемыхъ вниманію читателей „Журнала для всѣхъ", обязываетъ насъ, однако, къ возможной краткости въ этомъ вопросѣ.

Въ существѣ крестьянскаго землевладѣнія слѣдуетъ различать три стороны, или три отдѣльныхъ вопроса: 1) неотчуждаемость надѣльныхъ земель, 2) общинное владѣніе и 3) семейное владѣніе (вопросъ о „крестьянскомъ дворѣ").

Неотчуждаемость надѣльныхъ земель и даже самое понятіе особыхъ надѣльныхъ земель суть понятія сравнительно новыя. При изданіи Положеній 1861 г., когда установлено было надѣленіе землей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не было проведено никакого положительнаго различія между надѣльнымъ и не надѣльнымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ. Правда, что въ первое время послѣ отвода помѣщичьимъ крестьянамъ надѣловъ изъ состава помѣстныхъ земель, владѣніе этими надѣлами носило нѣкоторыя отличія отъ обыкновенныхъ условій землевладѣнія, но эти отличія зависѣли всецѣло: а) отъ переходнаго состоянія крестьянскаго землевладѣнія, пока право собственности на отведенные крестьянамъ надѣлы сохранялось за помѣщиками, а крестьяне имѣли только право безсрочнаго пользованія этими надѣлами, за барщину либо оброкъ, и б) отъ особыхъ обязанностей крестьянъ къ казнѣ, по платежу выкупного долга, — въ томъ громадномъ большинствѣ случаевъ, когда такія обязанности возникали вслѣдствіе пріобрѣтенія крестьянами своихъ надѣловъ въ собственность, при денежномъ содѣйствіи казны (посредствомъ выкупной операціи). Отличія перваго рода изложены были въ различныхъ мѣстныхъ Положеніяхъ о временно-обязанныхъ крестьянахъ и прекращались одновременно съ переходомъ крестьянъ на выкупъ; а отличія второго рода, изложенныя въ Положеніи о выкупѣ, прекращались послѣ полнаго погашенія выкупного долга казнѣ. При наступленіи послѣдняго условія должно было сгладиться всякое различіе между надѣльнымъ и не надѣльнымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, что и было прямо выражено въ ст. ст. 33—37 Общ. Пол. и ст. 159 Пол. вык. 1861 г., въ которыхъ указывалось, что крестьяне распоряжаются выкупленными землями на такихъ же основаніяхъ, какъ и всякими иными землями, пріобрѣтенными ими въ собственность сверхъ надѣла.

Бывшіе государственные крестьяне, при самомъ поземельномъ ихъ устройствѣ, получили на отведенные имъ надѣлы полное право собственности, обусловленное лишь уплатой казнѣ постоянной оброчной подати (преобразованной въ 1886 г. въ повышенные и срочные выкупные платежи). При этомъ для отчужденія надѣловъ государственныхъ крестьянъ въ постороннія руки требовалось только предварительное погашеніе капитализованной оброчной подати либо замѣнившихъ ее выкупныхъ платежей. По окончаніи сроковъ уплаты выкупныхъ платежей, разсчитанныхъ на 44 года, отпадало и это послѣднее небольшое ограниченіе и затѣмъ окончательно устранялось всякое различіе между надѣльными и не надѣльными землями государственныхъ крестьянъ.

Однако, задолго еще до погашенія выкупного долга бывшими помѣщичьими крестьянами и до истеченія послѣднихъ сроковъ уплаты выкупныхъ платежей бывшими государственными крестьянами, когда для тѣхъ и другихъ крестьянъ должно было наступить время уничтоженія всѣхъ особенностей надѣльно-выкупного землевладѣнія,—изданъ былъ, 14 декабря 1893 г., законъ о неотчуждаемости надѣльныхъ земель, которымъ впервые установлено было постоянное различіе между надѣльнымъ и не надѣльнымъ землевладѣніемъ—различіе, далеко ушедшее отъ тѣхъ немногихъ и небольшихъ ограниченій надѣльнаго землевладѣнія, которыя лишь временно связывались съ выкупнымъ періодомъ.

А именно, указаннымъ закономъ 14 декабря 1893 г., въ той части, въ которой онъ касается собственно неотчуждаемости надѣльныхъ земель, установлены были нижеслѣдующія ограниченія надѣльнаго землевладѣнія: 1) какъ цѣлымъ сельскимъ обществомъ, такъ и отдѣльнымъ подворнымъ владѣльцемъ, безусловно воспрещено отдавать надѣльныя земли въ залогъ; 2) цѣлымъ сельскимъ обществамъ дозволено продавать участки надѣльной земли не иначе, какъ съ особаго, въ каждомъ случаѣ, разрѣшенія губернскаго присутствія или нѣсколькихъ министровъ (въ зависимости отъ цѣнности продаваемыхъ участковъ), и 3) отчужденіе подворныхъ участковъ, посредствомъ даренія и продажи, какъ добровольной, такъ и съ торговъ (за недоимки окладныхъ сборовъ), дозволено только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ.

Независимо отъ перечисленныхъ ограниченій, установленныхъ закономъ 14 декабря 1893 г., пріобрѣтеніе надѣльной земли обусловливается иными ограниченіями для тѣхъ случаевъ, когда такое пріобрѣтеніе происходитъ не въ прямой формѣ покупки надѣльной земли, но въ косвенной формѣ—вступленія въ составъ сельско-земельныхъ обществъ, съ правомъ на участіе въ надѣльномъ землепользованіи, и также въ случаяхъ отвода новыхъ надѣловъ изъ казенныхъ земель.

Въ виду сбивчиваго изложенія въ дѣйствующемъ законѣ правилъ объ административномъ и земельномъ распорядкѣ въ составѣ существующихъ сельскихъ обществъ, вступленіе въ составъ сельскаго общества, какъ союза сословно-административнаго, обыкновенно смѣшивается съ полученіемъ права на участіе въ общественномъ землевладѣніи—и обратно. Поэтому признается, что полученіе послѣдняго права должно подчиняться тѣмъ же ограниче-

ніямъ и правиламъ, какъ и приписка къ сельскимъ обществамъ, т. е., между прочимъ, и правилу, изложенному въ ст. 219 общ. Пол. (изд. 1902 г.) о томъ, что въ сельскія общества могутъ вступать только крестьяне, мѣщане, ремесленники и рабочіе люди.

Подъ вліяніемъ такого смѣшенія понятій, дѣйствующая практика, между прочимъ, весьма ограничительно истолковала то полномочіе, которое предоставлено закономъ членамъ сельскихъ обществъ — уступать, съ согласія обществъ, свою долю участія въ общественномъ землевладѣніи „лицамъ постороннимъ" (Общ. Пол., ст. 11; Пол. вык., ст. 112). А именно, Сенатомъ признано было, что въ этомъ случаѣ законъ имѣлъ въ виду не совершенную уступку надѣла лицамъ постороннимъ, которыя тогда естественно входили бы въ составъ земельнаго общества, безъ особой къ нему приписки, а только сдачу надѣловъ во временную аренду. Полученіе же постояннаго права на участіе въ надѣльномъ землевладѣніи можетъ быть допущено, по мнѣнію Сената, только въ порядкѣ формальной приписки къ сельскимъ обществамъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ право на такую приписку.

Что касается ограниченій круга лицъ, имѣющихъ право на непосредственное надѣленіе землей отъ казны, то, согласно законамъ о переселеніяхъ на казенныя земли, такое право предоставляется крестьянамъ, а также тѣмъ мѣщанамъ, которые лично занимаются землепашествомъ. При этомъ мѣщане, получающіе казенную землю, обязательно перечисляются въ крестьянское сословіе.

Въ однородныя условія поставлено пріобрѣтеніе земли при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, которое имѣетъ многія общія черты съ надѣленіемъ землей, отличаясь отъ послѣдняго, главнымъ образомъ, только тѣмъ, что пріобрѣтеніе земли при посредствѣ банка разсчитано не на запасъ свободныхъ казенныхъ земель, а на частно-владѣльческія имѣнія, предлагаемыя къ продажѣ. Затѣмъ, содѣйствіемъ банка, также какъ и надѣленіемъ землей отъ казны, могутъ пользоваться только крестьяне, а также мѣщане, „постоянно занимающіеся земледѣліемъ" (Уст. банка, ст. ст. 45 и 46).

Такимъ образомъ, сводя вмѣстѣ всѣ существующія въ законѣ и въ практикѣ ограниченія надѣльно-крестьянскаго землевладѣнія, оказывается: 1) получать надѣлы отъ казны, а также пользоваться ея содѣйствіемъ при покупкѣ частно-владѣльческихъ земель, могутъ только крестьяне и мѣщане; 2) получать право на участіе въ общественномъ землевладѣніи цѣлыхъ сельскихъ обществъ, путемъ вступленія въ составъ такихъ обществъ, могутъ, равнымъ образомъ, только крестьяне и мѣщане, а также принадлежащіе къ городскому состоянію ремесленники и рабочіе люди; 3) пріобрѣтать, въ особенности, подворно-надѣльные участки, посредствомъ купли-продажи, даренія и т. п., могутъ одни только крестьяне; 4) пріобрѣтать покупкой земельные участки изъ состава общественныхъ надѣльныхъ земель могутъ лица всѣхъ сословій, но съ особаго въ каждомъ данномъ случаѣ административнаго разрѣшенія, и 5) обремененіе надѣльныхъ земель долгомъ, т. е. залогъ этихъ земель, безусловно воспрещается.

Всѣ перечисленныя правила мало согласованы одно съ другимъ, но тяготѣютъ къ одной и той же мысли — дать земельное обезпеченіе извѣстному, опредѣленному разряду лицъ и затѣмъ сберечь это земельное обезпеченіе.

Указанная мысль, составляющая весь смыслъ особаго надѣльно-крестьянскаго землевладѣнія, обыкновенно обосновывается государственной необходимостью—создать и сохранить въ государствѣ земледѣльческое сословіе, ибо только при наличности такого сословія государственная жизнь можетъ покоиться на твердыхъ устояхъ. Въ новѣйшей русской литературѣ убѣжденнымъ защитникомъ этой мысли является Ѳ. Г. Тернеръ, къ сочиненію котораго „Государство и землевладѣніе" мы и отсылаемъ читателей, особо интересующихся этимъ вопросомъ.

Признавая указанную общую мысль вполнѣ справедливой, необходимо, однако, провѣрить и выяснить, насколько соотвѣтствуютъ этой мысли тѣ средства, которыя установлены въ законѣ и въ практикѣ для поддержанія и сохраненія сословія или разряда землепашцевъ.

Остановимся, прежде всего, на условіяхъ надѣленія землей. Кому слѣдуетъ отводить надѣлы? Законъ и практика отвѣчаютъ на этотъ вопросъ: крестьянамъ и тѣмъ мѣщанамъ, которые лично занимаются земледѣліемъ. Въ этомъ опредѣленіи приведены два различныя основанія для надѣленія землей: одно—чисто сословное, безъ всякихъ дополнительныхъ условій, а именно, принадлежность къ крестьянскому сословію; другое же — земледѣльческое занятіе, соединенное съ мѣщанскимъ званіемъ. Остановимся на разборѣ каждаго изъ этихъ основаній, въ отдѣльности.

Если бы каждый крестьянинъ, въ силу своего званія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣльцемъ, то трудно было бы сказать что-нибудь противъ признанія за всѣмъ крестьянскимъ сословіемъ, въ его совокупности, права на полученіе надѣловъ. Дѣйствительно, отъ кого же можно ожидать наилучшаго использованія надѣловъ, въ цѣляхъ надѣльной политики (т. е. личной обработки этихъ надѣловъ), какъ не отъ лицъ, которыя уже занимаются земледѣльческимъ трудомъ, но только стѣснены въ этомъ занятіи либо недостаткомъ, либо отсутствіемъ собственной земли? Нельзя, однако, не замѣтить, что, наряду съ преобладающимъ большинствомъ крестьянъ-земледѣльцевъ, имѣется не мало крестьянъ:

промышленниковъ, торговцевъ, прасоловъ и т. п.

Признаніе за такими уже давно отбившимися отъ земледѣльческаго труда лицами права на полученіе надѣловъ, едва ли соотвѣтствуетъ самой цѣли надѣленія землей; кромѣ того, при этомъ рѣшеніи создается едва ли сп аведливая конкуренція для крестьянъ - земледѣльцевъ, такъ какъ пространство земель, на которое можно разсчитывать для отвода надѣловъ, далеко не б зграничио.

Независимо отъ указанныхъ частныхъ неудобствъ, данное рѣшеніе вопроса связано еще съ болѣе общими и болѣе серьезными недостатками. Существуетъ такой роковой жизненный законъ, что особыя преимущества цѣлаго сословія въ концѣ концовъ обращаются противъ этого сословія.

Такой неожиданный оборотъ уже теперь получила надѣльно-крестьянская политика. Только потому, что за каждымъ крестьяниномъ, въ силу одного его сословнаго званія, признается право на надѣлъ,—дѣйствующее законодательство и практика усиленно толкаютъ *всѣхъ* крестьянъ въ надѣльно-земледѣльческій загонъ, очень неохотно открывая выходъ изъ него неземледѣльческимъ наклонностямъ и способностямъ. Поэтому, нерѣдко, къ земледѣлію прикрѣпляются такія лица, которыя къ нему не склонны, чѣмъ искусственно понижается уровень земледѣльческаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все крестьянское сословіе стѣсняется въ свободномъ выборѣ занятій. Признавая за всѣми крестьянами право на надѣлъ, законъ какъ бы не хочетъ знать никакихъ иныхъ крестьянъ, кромѣ „надѣльныхъ". Въ связи съ этимъ крестьянское законодательство принимаетъ одностороннее направленіе, которое обособляетъ все крестьянство въ его совокупности, безъ всякаго отношенія къ роду занятій отдѣльныхъ его разрядовъ.

Какъ ни странно на первый взглядъ, но дѣйствительное и окончательное уничтоженіе существующей обособленности крестьянъ возможно только тогда, когда надѣленіе ихъ землей будетъ опредѣляться не сословнымъ ихъ званіемъ, а свойствомъ ихъ занятій. Составляя громадное большинство земледѣльцевъ въ государствѣ, крестьяне и тогда ничего не проиграютъ въ земельномъ отношені , но зато выиграютъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, а именно въ смыслѣ отмѣны всѣхъ правовыхъ ограниченій, которыя нынѣ связываются съ сословнымъ ихъ надѣленіемъ.

Такимъ образомъ, какъ со стороны основныхъ цѣлей надѣльнаго землевладѣнія, такъ и со стороны привходящихъ интересовъ крестьянства, слѣдуетъ признать необходимымъ, чтобы надѣленіе землей связывалось не съ какимъ - либо сословнымъ званіемъ, самимъ по себѣ, а съ земледѣльческимъ занятіемъ. Надѣльнымъ кандидатомъ можетъ быть каждый земледѣлецъ, будь онъ по происхожденію крестьянинъ (громадное большинство), либо мѣщанинъ (это уже признано закономъ), либо лицо иного происхожденія (ничтожное меньшинство, отвергать котор е было бы, однако, непослѣдовательно).

Отъ условій надѣленія землей перейдемъ къ условіямъ надѣльнаго землевладѣнія. Если порядокъ надѣленія долженъ быть сообразованъ съ намѣреніемъ образовать разрядъ землепашцевъ-собственниковъ, то съ другой стороны—условія надѣльнаго землевладѣнія должны обезпечивать сохраненіе этого разряда. Какія же опасности могутъ грозить существованію землепашцевъ-собственниковъ? Съ какой стороны или съ какихъ сторонъ надвигаются на нихъ грозовыя тучи? Такихъ опасностей можетъ быть три. Одна изъ нихъ внѣшняя: скупка у землепашцевъ земли не землепашцами, т. е. уменьшеніе площади надѣльнаго землевладѣнія. Другія двѣ лежатъ въ самой средѣ землепашцевъ: а) скупка надѣловъ отдѣльными землепашцами въ такомъ количествѣ, при которомъ сами землепашцы вревращаются изъ земледѣльцевъ въ землевладѣльцевъ, и б) такое дробленіе величины отдѣльныхъ надѣловъ, при которомъ на нихъ невозможно веденіе какого-либо хозяйства.

Каковы же средства борьбы противъ указанныхъ опасностей?

Казалось бы, что проще всего—запретить, какъ продажу надѣльныхъ земель не землепашцамъ, такъ равно скупку и дробленіе надѣловъ свыше извѣстныхъ предѣловъ.

По этому пути, какъ указано выше, идетъ дѣйствующій законъ, запрещая, между прочимъ, продажу надѣльно - подворныхъ участковъ не крестьянамъ, разрѣшая вступленіе въ сельско-земельныя общества только крестьянамъ и мѣщанамъ и, наконецъ, запрещая совершенно залогъ надѣльныхъ земель.

Запрещенія эти, съ одной стороны, настолько стѣснительны, что въ нихъ теряется право собственности крестьянъ на надѣльную землю, которое вообще является однимъ изъ главныхъ двигателей хозяйственной дѣятельности; а съ другой стороны, эти запрещенія не достигаютъ основной своей цѣли, ибо не преграждаютъ пріобрѣтенія надѣльной земли не землепашцами, имѣющими крестьянское или мѣщ нское званіе.

Мѣры противъ скупки надѣловъ наличными членами сельскихъ обществъ, а также противъ дробимости надѣловъ—не введены еще въ законъ, въ качествѣ общаго правила, но уже намѣчены въ проектѣ редакціонной комиссіи М-ва В. Д., при чемъ, согласно этому проекту, установленіе наибольшаго и наименьшаго количества земли, которое можетъ быть во владѣніи одного домохозяина, возложено на земскія учрежденія, а надзоръ за соблюденіемъ этого правила—на земскихъ начальниковъ.

Нельзя пр знать эти правила практичными: съ одной стороны, земскія учрежденія едва ли будутъ въ состояніи установить такіе предѣлы дробимости и скупки надѣльныхъ земель, ко-

торые будутъ соотвѣтствовать хозяйственному укладу каждаго отдѣльнаго сельско-земельнаго общества; а съ другой стороны, такое вмѣшательство въ хозяйственную жизнь обществъ могло бы быть съ полнымъ правомъ названо произвольнымъ. Что же касается надзора земскихъ начальниковъ за соблюденіемъ указанныхъ условій, то въ виду большого числа сельскихъ обществъ, дѣйствительность такого надзора подлежитъ серьезному сомнѣнію.

Мы стоимъ, повидимому, передъ неразрѣшимой задачей: нужно, несомнѣнно, поставить надѣльное землевладѣніе въ такія условія, при которыхъ оно могло бы противостоять всѣмъ угрожающимъ ему опасностямъ (скупкѣ и раздробленію надѣловъ); но практическое установленіе этихъ условій никакъ не дается...

Не дается разрѣшеніе указанной задачи, однако, только потому, что при ея рѣшеніи мы, совершенно необъяснимо и слѣпо, отказываемся отъ помощи исконнаго народно-земельнаго учрежденія, участіе котораго въ этомъ дѣлѣ наиболѣе умѣстно, а именно отъ помощи *земельной общины*.

Теперь очень принято нападать на общину. Какую книгу ни раскроешь, сейчасъ же встрѣчаешься въ ней съ намѣреніемъ сокрушить, изничтожить, стереть съ лица земли земельную общину *). Въ этомъ „крестовомъ походѣ“ на общину прежде всего поражаетъ какое-то недоразумѣніе. Непонятно, о чемъ идетъ рѣчь, о какой общинѣ? Въ дѣйствительности, виды общиннаго землевладѣнія безконечно разнообразны. На крайнихъ его граняхъ стоятъ, съ одной стороны, такъ называемое уравнительное землепользованіе, съ ежегодной скидкой и накидкой тяглъ и съ запутанной черезполосицей, а съ другой стороны—постоянное потомственное владѣніе опредѣленными участками, которое только слегка контролируется общиной въ случаяхъ перехода участковъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ, а также въ случаяхъ необходимости распоряженія упразднившимися участками. Въ промежуткѣ между этими двумя крайними степенями общиннаго землевладѣнія имѣется многое множество переходныхъ степеней.

Нападки на общину направляются, по преимуществу, противъ одной только крайней степени ея выраженія, а именно противъ непрерывно-уравнительнаго землепользованія. Не говоря уже о томъ, что такой способъ землепользованія существуетъ въ дѣйствительности лишь въ небольшой части общинъ, слѣдуетъ въ особенности отмѣтить и постоянно помнить, что такой способъ землепользованія совершенно не вытекаетъ изъ существа общиннаго землевладѣнія, а происходитъ отъ постороннихъ общинѣ причинъ, отъ внѣшнихъ на нее вліяній, къ которымъ она лишь приспособляется, какъ можетъ. Эти вліянія заключаются, до извѣстной степени, въ тяжести выкупныхъ платежей и другихъ налоговъ, которые лежатъ на общинной землѣ и нерѣдко, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, превышаютъ ея доходность. Въ виду постояннаго измѣненія платежной силы отдѣльныхъ дворовъ, община вынуждается постоянно уравнивать между ними тяжесть платежей, и уже въ зависимости отъ такого поравненія слѣдуетъ за нимъ и поравненіе землепользованія. Въ такихъ случаяхъ земельное поравненіе имѣетъ не самостоятельное, а служебное значеніе. Скидываются и накидываются не земельныя доли, а тягла, или душевые оклады. Такой извращенный внѣшними податными вліяніями порядокъ землепользованія не можетъ быть поставленъ въ вину самой общинѣ, и не даромъ одинъ изъ очень серьезныхъ и осторожныхъ изслѣдователей русской общины (Р. Качаровскій) не рѣшается даже причислить подобное передѣльно выкупное владѣніе къ основнымъ видамъ общиннаго владѣнія.

Существо общиннаго владѣнія заключается не въ постоянныхъ и уравнительныхъ передѣлахъ, не въ скидкѣ и въ накидкѣ тяглъ, а въ земельной общности всѣхъ соучастниковъ общиннаго владѣнія. Различаясь по степени своего развитія, такая общность можетъ существовать и при наличности въ общинѣ подворнаго и даже хуторского способа землепользованія. Въ послѣднихъ случаяхъ общность эта можетъ выражаться въ принятіи самой общиной мѣръ, направленныхъ въ поддержанію хозяйственной устойчивости отдѣльныхъ членовъ общины и къ охраненію самаго существа земледѣльческаго хозяйства, въ предѣлахъ общины. Къ числу такихъ мѣръ принадлежатъ: установленіе высшихъ и низшихъ размѣровъ землевладѣнія отдѣльныхъ членовъ общины, соотвѣтственно существующимъ условіямъ хозяйства; предупрежденіе скупки надѣловъ, какъ самими общинниками, такъ и посторонними лицами; распоряженіе упразднившимися надѣлами и пріисканіе для нихъ новыхъ хозяевъ; изысканіе способовъ расширенія общиннаго землевладѣнія для надѣленія безземельныхъ членовъ общины и т. п.

Въ этомъ отношеніи, между прочимъ, очень любопытенъ примѣръ существующихъ въ Россіи нѣмецкихъ колоній. Получивъ сразу большіе надѣлы, за небольшіе платежи, эти колоніи, мало стѣсненныя податными обязательствами, могли болѣе или менѣе свободно устроить свою внутреннюю хозяйственную жизнь. И что же получилось? Большинство колонистовъ владѣютъ землею подворно, но каждая колонія тѣмъ не менѣе составляетъ земельную общину. Во многихъ колоніяхъ установленъ нормальный размѣръ подворныхъ участковъ, при чемъ сама колонія наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы участки эти не раздроблялись и чтобы нѣсколько участковъ не соединялось въ однѣхъ рукахъ; затѣмъ, по

*) См., напр., изслѣдованія А. Никольскаго „Земля, община“ и X томъ, А. Риттиха „Зависимость крестьянъ отъ общины и міра“, а также Труды редакціонной комиссіи М. В. Д. томъ V и др.

мѣрѣ увеличенія народонаселенія и въ зависимости отъ состоянія общинныхъ средствъ, колонія заботится о пріобрѣтеніи земель для безземельныхъ ея членовъ и т. д.

Рѣзкимъ противоположеніемъ такой формы землевладѣнія является порядокъ, къ которому стремятся современные разрушители общины, т. е. порядокъ, состоящій въ полномъ обособленіи земельнаго владѣнія каждаго отдѣльнаго домохозяина, съ уничтоженіемъ всякой связи между такими обособленными владѣльцами.

Припомнимъ дѣтскую притчу о вѣникѣ и прутьяхъ, изъ которыхъ онъ связанъ. Какъ трудно переломить вѣникъ, такъ же легко переломать отдѣльно всѣ прутья. И никакія запрещенія и ограниченія закона, въ родѣ неотчуждаемости подворныхъ участковъ, недробимости ихъ и т. п., не охранятъ обособленныхъ подворныхъ владѣльцевъ отъ поглощенія ихъ растущей силой капитала, если между этими владѣльцами будетъ уничтожена всякая связь.

Необходимая связь, или взаимная спайка землепашцевъ-собственниковъ, которая одна можетъ уберечь ихъ отъ всѣхъ грозящихъ имъ нынѣ разнообразныхъ опасностей, заключается именно въ общинѣ, въ общинномъ началѣ, и большой грѣхъ на душу берутъ тѣ, кто стремится выкурить это начало изъ крестьянской земельной жизни.

Конечно, признавая за общиной такое всеобъемлющее значеніе для всѣхъ видовъ общиннаго землевладѣнія (начиная отъ землепользованія черезполосно-уравнительнаго и кончая подворно-хуторскимъ), нельзя оставаться равнодушнымъ зрителемъ неустройствъ и безпорядковъ современной общинно-земельной жизни.

Въ этихъ неустройствахъ мы сами виноваты, но они, къ счастью, легко поправимы. Обременивъ общины податью, которая теперь, въ добрый часъ, постепенно понижается, мы оставили права и обязанности общинъ безъ всякаго опредѣленія и въ то же время не обезпечили общинамъ никакой возможности установить самопроизвольно твердые внутренніе распорядки. Между тѣмъ, главный и существенный недостатокъ современнаго общиннаго землевладѣнія заключается именно въ его неопредѣленности и въ неустойчивости его проявленій: ни сами общины не знаютъ, на что и при какихъ условіяхъ онѣ имѣютъ право; ни члены общинъ не знаютъ, что съ ними завтра сдѣлаетъ община.

Чтобы выйти изъ этого положенія и обезпечить общинамъ возможность дальнѣйшаго спокойнаго развитія, необходимо, во-первыхъ, ясно и точно указать въ законѣ права и обязанности общинъ, а во-вторыхъ, предоставить каждой общинѣ право установить, въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, свой собственный внутренній распорядокъ, такъ сказать, составить свой уставъ, который не подлежалъ бы измѣненію по одному только случайному большинству голосовъ на сходахъ.

Первая задача чрезвычайно облегчается намѣченнымъ выше, въ главѣ III, обособленіемъ земельныхъ обществъ отъ сельскаго управленія. Права и обязанности земельныхъ обществъ, которыя и должны быть признаваемы земельными общинами, естественно вытекаютъ изъ природы этихъ обществъ. Въ частности имъ должно принадлежать разрѣшеніе вопросовъ: о покупкѣ и продажѣ общественной земли; объ установленіи внутренняго земельнаго распорядка въ составѣ общества, т. е. избраніе передѣльно-уравнительнаго, подворнаго, хуторского или иного способа землепользованія, съ оговорками или безъ оговорокъ о предѣлахъ дробимости и соединенія надѣльныхъ участковъ; разрѣшеніе переуступки надѣльныхъ участковъ между членами общества, а также и уступки ихъ постороннимъ лицамъ, съ принятіемъ послѣднихъ въ составъ общества; непосредственное принятіе на свободные участки новыхъ членовъ изъ числа лицъ, занимающихся земледѣльческимъ трудомъ, и т. п.

Намѣтить заранѣе содержаніе общинныхъ уставовъ очень трудно. Несомнѣнно, что законъ долженъ дать нѣсколько образцовъ такихъ уставовъ, при чемъ выборъ между ними (съ тѣми или иными поправками) долженъ быть предоставленъ самимъ земельнымъ обществамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ уставахъ должно быть оговорено, при какихъ условіяхъ и въ какомъ порядкѣ общества могутъ производить уставныя измѣненія.

Въ случаѣ установленія такого рода правилъ, самъ собою, безъ всякой ломки и потрясеній, въ постепенномъ соотвѣтствіи съ мѣстными хозяйственными условіями, будетъ совершаться переходъ къ наиболѣе подходящимъ видамъ владѣнія землепашцевъ-собственниковъ и въ то же время сохранится оберегающее этихъ собственниковъ въ круговоротѣ жизни исконное русское учрежденіе—земельная община.

Въ заключеніе очерка о надѣльно-крестьянскомъ землевладѣніи, необходимо остановиться на вопросѣ о такъ называемомъ семейномъ владѣніи, которое прилагается обыкновенно только къ надѣльному землевладѣнію и къ принадлежностямъ его, т. е. къ инвентарю, необходимому для веденія земельнаго хозяйства. Существо этого вопроса заключается въ томъ, кто именно: отдѣльныя лица—домохозяева или совокупности лицъ—крестьянскіе дворы являются нынѣ и должны быть признаваемы и въ будущемъ владѣльцами надѣловъ, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ способѣ землепользованія.

Законъ по этому поводу ничего не говоритъ или говоритъ такъ неясно, что встрѣчающіяся въ немъ изрѣдка выраженія „дворъ", „семейный участокъ" и т. п. могутъ быть скорѣе понимаемы въ качествѣ особыхъ наименованій семьи „домохозяина", (т. е. самостоятельнаго хозяина) и земельнаго его участка, чѣмъ въ

качествѣ собирательныхъ владѣльцевъ и принадлежащихъ имъ земель. По закону выходитъ, что домохозяинъ является именно лицомъ, владѣющимъ землей, а дворъ или семья—только принадлежность этого лица, его семейная обстановка, но никакъ не обратно.

Обратное пониманіе, т. е. признаніе владѣльцами надѣльной земли цѣлыхъ семействъ или дворовъ, а домохозяевъ—лишь представителями этихъ дворовъ, встрѣчается только въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ Сената, состоявшихся по поводу отдѣльныхъ дѣлъ, въ которыхъ обнаруживались отдѣльные признаки семейнаго владѣнія.

Несомнѣнно, что въ крестьянской средѣ существуютъ нѣкоторыя черты семейнаго владѣнія, или, точнѣе, нѣкоторыя ограниченія земельно-имущественныхъ правъ домохозяевъ въ пользу членовъ ихъ семействъ; но эти отдѣльныя черты и ограниченія совсѣмъ не вытекаютъ изъ существующей будто бы у крестьянъ семейной собственности и не даютъ твердой почвы для обязательнаго, силою закона, установленія такого вида собственности.

Въ крестьянской средѣ домохозяинъ не всегда полноправенъ, а члены его семьи, даже при жизни его, признаются иногда имѣющими право на извѣстную долю его имущества (главнымъ образомъ—надѣла), по двумъ причинамъ, или основаніямъ.

Первое основаніе заключается въ томъ, что у крестьянъ въ настоящее время еще очень мало чистаго владѣнія землей, а идетъ еще пріобрѣтеніе земли: земля „окупается", или выкупается. При этомъ выкупъ земли производится не на счетъ свободныхъ ея доходовъ, а посредствомъ личнаго труда домохозяина и всѣхъ членовъ его семьи. Эти-то именно личныя трудовыя доли, внесенныя въ пріобрѣтеніе земли всѣми членами крестьянской семьи, и даютъ имъ право на землю, а никакъ не отвлеченное понятіе семейной собственности, будто бы свойственное крестьянамъ.

Вѣрность указанной мысли можетъ быть провѣрена на примѣрѣ покупки участка земли кѣмъ-либо изъ членовъ крестьянской семьи. Если такой участокъ будетъ купленъ на общія средства семьи, то всѣ члены семьи получаютъ на него извѣстныя права. Если же, наоборотъ, такой участокъ будетъ пріобрѣтенъ единоличными усиліями покупщика, то послѣдній естественно сохраняетъ за собою полное право распоряженія этой землей, несмотря на то, что самъ онъ принадлежитъ къ составу двора, т. е. участокъ не дѣлается семейнымъ.

Другой случай, когда у крестьянъ наблюдается нѣчто, похожее на семейную собственность, имѣетъ мѣсто тогда, когда послѣ смерти домохозяина-родителя (отца или дѣда) члены его семьи не расходятся, а продолжаютъ жить вмѣстѣ, при чемъ одинъ изъ нихъ принимаетъ на себя завѣдываніе нераздѣленнымъ наслѣдственнымъ имуществомъ, т. е. домомъ, дворомъ и надѣломъ. Этотъ случай не имѣетъ ничего особо-крестьянскаго, ибо встрѣчается вездѣ, у лицъ всѣхъ сословій, при самыхъ разнообразныхъ занятіяхъ.

Такимъ образомъ, не гоняясь ни за какими отвлеченными построеніями семейной собственности у крестьянъ, гораздо проще и ближе къ жизни признать, что единственнымъ отличіемъ имущественно-семейныхъ отношеній въ земледѣльческомъ быту можетъ быть только признаніе за младшими членами семьи нѣкоторыхъ личныхъ правъ на имущество домохозяина, вслѣдствіе приложенія ими своего труда къ накопленію этого имущества.

Съ такой оговоркой, которая одинаково относится къ земледѣльцамъ крестьянамъ и не крестьянамъ, оказывается вполнѣ возможнымъ установить въ надѣльномъ землевладѣніи ясное и всѣмъ понятное начало личнаго владѣнія, замѣнивъ имъ запутанныя и туманныя измышленія о семейномъ владѣніи у крестьянъ.

Подобное рѣшеніе вопроса о „крестьянскомъ дворѣ" представляется тѣмъ болѣе жизненнымъ, что только при немъ возможно дѣйствительное ограниченіе дробимости дворовыхъ участковъ, путемъ выплаты наслѣдственныхъ и трудовыхъ долей и освобожденія дворовыхъ надѣловъ отъ такого числа соучастниковъ во владѣніи ими, которыхъ надѣлъ не можетъ кормить. Въ случаѣ принятія правила о семейномъ владѣніи, при которомъ каждый изъ членовъ семьи будетъ считать себя имѣющимъ право не только на вознагражденіе за свой трудъ или за отказъ отъ наслѣдственной доли, но право на самую землю, указанная выше задача, столь существенная для самосохраненія надѣльнаго землевладѣнія, оказалась бы совершенно неразрѣшимой.

Ив. Страховскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

I.

Государственное хозяйство играетъ въ наши дни чрезвычайно большую роль. Государство ведетъ цѣлый рядъ промышленныхъ предпріятій, держитъ у себя на службѣ сотни тысячъ рабочихъ, собираетъ въ свои кассы и тратитъ милліарды рублей. Помимо политической власти, оно владѣетъ и экономическимъ могуществомъ.

Чтобы дать понятіе о томъ, какія суммы расходуются государствомъ, воспользуемся расчетомъ французскаго финансиста Леона Сэ. Леонъ Сэ высчиталъ, что за 1800—1886 годы французское правительство издержало 138 милліардовъ франковъ. Эта цифра такъ велика, что

мы въ сущности ясно не представляемъ себѣ ея размѣровъ. Но если положить на 138 милліардовъ монетъ по пять су одна возлѣ другой, то получится серебряная лента, которою можно $25^{1}/_{2}$ разъ опоясать всю землю. Для того, чтобы одному человѣку сложить эту массу денегъ, считая по секундѣ времени на монету, надо употребить 900 лѣтъ, не теряя времени ни на ѣду, ни на сонъ. Въ поэтическихъ сравненіяхъ часто говорятъ о неустанно мчащейся впередъ колесницѣ государства. Попробуемъ прозаически подсчитать, во сколько обходится эта историческая поѣздка французскому народу, если считать, что она продолжается безостановочно день и ночь. Оказывается, что въ часъ при консульствѣ и имперіи государство стоило народу 115.000 франковъ, при реставраціи—119.000 франк., въ эпоху іюльской монархіи—150.000 франк., при второй республикѣ — 173.000 франк., при второй имперіи—249.000 франк., въ теченіе первыхъ 11 лѣтъ третьей республики—по 405.000 франк. въ часъ, съ 1882 года—по 463.000 франк. *).

Эти данныя показываютъ, что народъ долженъ значительную часть своего рабочаго времени посвящать труду на удовлетвореніе потребностей государства. Есть попытки опредѣлить, какую долю народнаго дохода въ разныхъ странахъ беретъ себѣ правительство. Извѣстный французскій ученый, П. Лероа Болье различаетъ: а) страны съ легкими налогами, въ которыхъ правительство беретъ 5 или 6% народнаго дохода (Бельгія); b) страны съ умѣренными налогами, гдѣ граждане платятъ государству и мѣстнымъ органамъ отъ 7 до 8% (Англія); с) страны съ тяжелыми налогами, какъ Франція, гдѣ граждане отдаютъ почти 11% или даже, быть можетъ, 15% **). Итальянскій финансистъ Ф. Нитти дополняетъ эту классификацію еще одной рубрикой: „страны съ тягчайшими налогами". Такъ, въ Италіи, по его расчетамъ, граждане платятъ около 20% своего дохода; не меньше платятъ они въ Австро-Венгріи и въ Россіи ***). Эти вычисленія не точны, конечно; но приблизительное представленіе о роли государственнаго хозяйства въ наши дни они все-таки даютъ.

Что касается, въ частности, Россіи, то здѣсь государство—въ хозяйственной сферѣ, какъ и въ иныхъ областяхъ народной жизни, въ исторіи, какъ и въ современной дѣйствительности, — имѣло и имѣетъ столь сильное вліяніе, какого оно, по всѣмъ даннымъ, не оказывало и не оказываетъ въ другихъ европейскихъ странахъ.

Намъ, выросшимъ и воспитавшимся въ этой атмосферѣ государственнаго властвованія, быть можетъ, не такъ замѣтна роль государства въ экономическихъ отношеніяхъ. Но посторонняго наблюдателя указанное могущество поражаетъ. Въ этомъ смыслѣ любопытно предоставить характеристику значенія русскаго государства, какъ хозяйственнаго организма, иностранному изслѣдователю. Недавно вышла въ Вашингтонѣ интересная работа статистическаго бюро департамента торговли и труда подъ названіемъ „Commercial Russia in 1904" („Торговая Россія въ 1904 г."). Здѣсь, на первой же страницѣ, при разсужденіи о промышленномъ развитіи Россіи, находимъ такія строки: „Никогда, быть можетъ, въ исторіи человѣчества дѣятельность правительства въ чисто промышленной области не была болѣе широкой и всеобъемлющей, чѣмъ за послѣдній періодъ русской исторіи. Русское правительство, съ помощью центральнаго государственнаго банка, контролируетъ финансовое положеніе страны; оно владѣетъ и управляетъ двумя третями всей желѣзнодорожной сѣти и семью восьмыми всѣхъ телеграфовъ. Почти одна треть всей земли и двѣ трети лѣсовъ еще въ его непосредственномъ завѣдываніи. Оно владѣетъ наиболѣе цѣнными рудниками и обрабатываетъ на своихъ заводахъ продукты, добытые изъ этихъ рудниковъ. Оно продаетъ всѣ спиртные напитки, потребляемые свыше, чѣмъ 120-милліоннымъ населеніемъ, и скупаетъ весь спиртъ, необходимый для народнаго потребленія. Русское государство, какъ было правильно указано, „самый крупный землевладѣлецъ, самый крупный капиталистъ, самый крупный строитель желѣзныхъ дорогъ и самый крупный предприниматель во всемъ мірѣ" *).

Согласно даннымъ послѣдняго отчета Государственнаго контроля, въ 1903 году получено русскимъ государствомъ доходовъ (обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ) всего два милліарда двѣсти три милліона рублей. Изъ нихъ отъ казенной продажи питей получено 542 милліона, отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ 453 милліона. Принимая во вниманіе еще другіе предпринимательскіе доходы государства, приходимъ къ выводу, что свыше 1 милліарда рублей государство получаетъ въ качествѣ промышленника. Между тѣмъ офиціальныя исчисленія общей цѣнности ежегоднаго фабрично-заводскаго производства страны даютъ для 1897 года всего 2,7 милліарда руб. Обороты текстильной промышленности, наиболѣе крупной отрасли фабричнаго производства въ Россіи, исчислялись въ 1897 году въ 946 съ небольшимъ милліоновъ рублей. (Въ текстильной промышленности занято было 42% всѣхъ фабричныхъ рабочихъ). Общая стоимость добытыхъ русскою горнопромышленностью продуктовъ, по послѣднимъ расчетамъ, равняется 150 милліонамъ рублей. Средній оборотъ по внѣшней торговлѣ Россіи за послѣднее пятилѣтіе (т. е. сумма ввоза и вывоза) составлялъ 1,2 милліарда руб., а одинъ вывозъ въ 1901 г. равнялся лишь 761 милліону руб. При сравненіи съ этими цифрами передъ нами вырисовывается по истинѣ грандіозная величина государственнаго бюджета и становится яснымъ, какъ велико должно быть въ Россіи значеніе государственнаго хозяйства. Глубокій интересъ, поэтому, пріобрѣтаютъ вопросы о томъ, изъ какихъ источниковъ добываетъ государство свои громадныя средства, какимъ путемъ оно ихъ собираетъ, на какія нужды расходуетъ и, особенно, на чьи плечи ложится бремя государственнаго бюджета.

II.

Обращаясь къ болѣе подробному изученію государственныхъ доходовъ и расходовъ въ Россіи, мы прежде всего замѣчаемъ, что нашъ государственный бюджетъ поразительно быстро увеличивается за послѣдніе годы**).

---

*) L. Say. Les finances de la France sous la troisième république. T. III, p. 2—5.

**) Leroy Beaulieu. Traité de la science des finances. T. I, 6me édition, p. 141 etc.

***) Франческо Нитти. Основныя начала финансовой науки. М. 1904, стр. 98—99.

*) Departement of Commerce and Labor. Commercial Russia in 1904. Washington 1904, 2755.

**) См. Кашкаровъ. „Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія (1892—1901)", 2 тома, гдѣ содержится богатый матеріалъ для характеристики нашего государственнаго хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенные доходы по отдѣльнымъ десятилѣтіямъ росли такъ: съ 1874 по 1883 на 25,71%, съ 1883 по 1892 на 38,37%, съ 1892 по 1901 на 85,5%. Но и въ послѣднее десятилѣтіе ростъ доходовъ былъ неравномѣренъ: въ первое пятилѣтіе (1892—1896) онъ равнялся 29%, а во второе 41%. Каковы же были причины, особенно содѣйствовавшія росту государственныхъ доходовъ въ послѣднее десятилѣтіе вообще и въ послѣднее пятилѣтіе въ особенности? Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что за послѣднія десять лѣтъ расширилась сѣть казенныхъ дорогъ: были построены новыя дороги и пріобрѣтены въ казну частныя старыя; во-вторыхъ, съ 1895 г. появился новый, все возрастающій источникъ дохода—казенная продажа питей. Поступленія отъ этихъ предпріятій растутъ, однако, рука объ руку съ увеличеніемъ расходовъ на нихъ. Поэтому, чтобы опредѣлить дѣйствительное увеличеніе государственнаго бюджета, слѣдуетъ выдѣлить эти два дохода. Тогда получится, что за 1883—1892 годы обыкновенные доходы государства увеличились на 28,98%, а за 1892—1901 на 40,38%. За тѣ же годы населеніе выросло на 16% и на 13%. Увеличеніе поступленій по пятилѣтіямъ опредѣляется теперь такъ: за 1887—1891 гг.—19,33%, за 1892—1896—15,92%, за 1897—1901—18,54%. Отсюда ясно, что необычайный ростъ нашего бюджета за послѣдніе годы объясняется, главнымъ образомъ, расширеніемъ государственнаго хозяйства по желѣзнымъ дорогамъ и винной монополіи, что не могло не оказаться повышеніемъ какъ на сторонѣ прихода, такъ и на сторонѣ расхода. Изъ всего обыкновеннаго дохода въ 1,8 милліардовъ въ 1901 году около $^1/_3$ представляло собой лишь оборотныя суммы, значившіяся и въ графѣ прихода и въ графѣ расхода; „чистый“ же бюджетъ равнялся 1,2 милліардамъ рублей. Разсчитывая обыкновенные доходы (безъ поступленій отъ желѣзныхъ дорогъ и винной монополіи) на душу населенія, получаемъ, что въ 1901 г. на каждую душу приходилось по 13 р. 50 к.

Такова величина нашего государственнаго бюджета. Посмотримъ теперь, какимъ путемъ собираются обыкновенные доходы. Прямые налоги дали въ 1901 г. 10%, косвенные 55%, пошлины 7%, имущества, капиталы и предпріятія казны 14%, выкупные платежи 7% и т. д. Прямыхъ налоговъ на душу населенія приходилось 98 к., косвенныхъ 5 р. 15 к., пошлинъ—71 к., доходовъ отъ правительственныхъ предпріятій 1 р. 67 к. На душу населенія акцизовъ падало: питейнаго дохода 2 р. 34 к., акциза со спирта и вина 2 р. 18 к., съ табака 31 к., съ сахара 53 к., съ керосина 21 к., со спичекъ 6 к. Въ отдѣлѣ прямыхъ налоговъ главную роль играетъ сборъ съ торговли и промысловъ (государственный промысловый налогъ). Изъ 135 милл. р., поступившихъ въ 1903 г., промысловый налогъ далъ 68 милл. р., поземельные налоги, съ недвижимыхъ имуществъ и подати—50 милл. р. Косвенные налоги принесли 440 милл. р. Изъ нихъ: таможенный доходъ—241 милл. р., сахарный—75 милл. р., табачный—49 милл. р., сборы съ питей—34 милл. р., нефтяной доходъ (на керосинъ)—32 милл. р. Пошлинъ (гербовыхъ, судебныхъ, съ переходящихъ имуществъ и др.) собрано всего на 107 милл. р. Казенныя имущества, капиталы и предпріятія дали 1.177 милл. р. Изъ нихъ казенная продажа питей 512 милл. р., казенныя желѣзныя дороги 453 милл. р., лѣсной доходъ 62 милл. р., почтовый, телеграфный и телефонный доходы 58 милл. р. Выкупные платежи принесли не малую сумму въ 89 милл. р. *).

Итакъ, главнѣйшія статьи доходовъ: винная монополія, казенныя желѣзныя дороги и таможенныя пошлины. Но первымъ двумъ статьямъ поступленій соотвѣтствуютъ въ отдѣлѣ расходовъ значительныя суммы, приводящія даже къ убыткамъ по статьѣ „Желѣзныя дороги“. Значеніе же таможеннаго дохода тѣмъ самымъ выдвигается еще болѣе и заставляетъ нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть этотъ источникъ государственныхъ средствъ. Въ 1903 г., какъ уже сказано, таможеннаго дохода поступило 241 милл. рублей. Изъ этой суммы пошлина на чай дала 44 милл. р., обложеніе хлопчатой бумаги—сырца—51 милл. р., машины принесли 10 милл. р., пошлина на шерсть — 9 милл. р., овощи, фрукты, пряности—9 милл. р., вина виноградныя—7 милл. р. Эти данныя показываютъ намъ, что названные привозные товары, обремененные сборомъ въ пользу казны, должны были попадать въ руки населенія по значительно повышенной цѣнѣ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ являются постояннымъ предметомъ потребленія недостаточныхъ массъ населенія (чай, издѣлія, на которыя идетъ въ качествѣ матеріала хлопокъ), а другіе необходимы для производства, для улучшенія техники предпріятій (машины). Насколько удорожаютъ таможенныя пошлины привозные продукты, видно изъ того, что процентное отношеніе таможенныхъ пошлинъ къ цѣнности привоза было въ 1901 году 37%. Хотя чай въ быту нашихъ рабочихъ часто служитъ единственной горячей пищей, пошлина на чай въ Россіи чрезвычайно высока по сравненію съ иностранными государствами: въ 1897 г. пошлина на чай въ Россіи равнялась 79 к., въ Англіи—17 к., въ Голландіи—8 к., въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки—0 к. Соотвѣтственно этому, на душу населенія потребленіе чаю составляло: въ Россіи—0,9 ф., въ Англіи—6,7 ф., въ Голландіи—1,5 ф., въ Соединенныхъ Штатахъ—1,4 фунта. Не надо еще забывать, что и въ Англіи, и въ Голландіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ пьютъ много кофе, который у насъ доступенъ лишь горожанамъ. Фунтъ чая среднихъ сортовъ стоитъ въ Петербургѣ 1 р. 50 к., въ Англіи 50 к., въ Соединенныхъ Штатахъ 25 к. Стало быть, за тѣ же деньги, за которыя русскій рабочій или крестьянинъ пріобрѣтаетъ одинъ фунтъ чаю,—неизмѣримо лучше вознаграждаемый рабочій Англіи можетъ купить 3 фунта, а гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ даже 6 фунтовъ.

III.

Ознакомившись кратко съ видами государственныхъ доходовъ, переходимъ къ выясненію вспроса, на что тратитъ государство тѣ огромныя суммы, которыя оно собираетъ съ населенія. Общая сумма обыкновенныхъ расходовъ въ 1903 году—1,9 милліардовъ—по вѣдомствамъ распредѣлялась такъ: система государственнаго кредита (платежи по займамъ) поглощала 289 милліоновъ, изъ коихъ по желѣзнодорожнымъ долгамъ уплачено было 136 милліоновъ; военное и морское министерства истратили 465 милліоновъ, министерство путей сообщенія—456 милліоновъ (въ

*) Объяснительная записка къ отчету Государственнаго контроля за 1903 годъ. Спб., 1904, стр. 8—10.

томъ числѣ на желѣзныя дороги 416 миліоновъ), министерство финансовъ—366 милліоновъ (въ томъ числѣ расходы по казенной продажѣ питей составляли 170 милліоновъ р.), министерство внутреннихъ дѣлъ—100 милліоновъ, министерство земледѣлія израсходовало 52 милліон. р, министерство юстиціи—49 милл., министерство народнаго просвѣщенія должно было довольствоваться скромной цифрой въ 39 милл. руб., сравнительно не на много превышая траты святѣйшаго синода, который издержалъ 28 милл. рублей.

Въ процентахъ распредѣленіе расходовъ по вѣдомствамъ въ 1903 году было таково: военное и морское министерства 24%, министерство путей сообщенія 24%, министерство финансовъ 20%, система государственнаго кредита 15%, министерство внутреннихъ дѣлъ 5%, министерство юстиціи и министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ по 3%, министерство народнаго просвѣщенія всего только 2%, вѣдомство святѣйшаго синода $1^1/_2$%. (Вычислено по даннымъ объяснительной записки къ отчету Государственнаго контроля за 1903 годъ).

Но это распредѣленіе расходовъ по вѣдомствамъ, принятое въ нашей смѣтѣ и отчетахъ Государственнаго контроля, не даетъ истиннаго понятія о томъ, на какія нужды идутъ средства государственнаго казначейства. Дѣло въ томъ, что въ смѣтахъ различныхъ вѣдомствъ имѣются однородные расходы: наприм., платежи по займамъ значатся и въ иныхъ рубрикахъ, кромѣ „системы государственнаго кредита", точно также расходы на народное образованіе имѣются почти во всѣхъ смѣтахъ. Далѣе, въ итоги смѣтъ военнаго министерства входятъ самые различные расходы, не имѣющіе ничего общаго съ содержаніемъ арміи; въ то же время по нѣкоторымъ смѣтамъ гражданскихъ вѣдомствъ заносятся расходы на чисто военныя потребности. Для того, чтобы получить болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о распредѣленіи расходовъ государства по важнѣйшимъ потребностямъ, надо произвести сложную и большую работу. Такой трудъ, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно, выполненъ для періода 1892—1901 годовъ г. Кашкаровымъ въ его изслѣдованіи „Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія". Такъ какъ съ 1901 года очень немногое измѣнилось (мы имѣемъ съ тѣхъ поръ только два отчета Государственнаго контроля: за 1902 и недавно появившійся отчетъ за 1903 г.), то вполнѣ позволительно считать данныя этого года пригодными и для характеристики современнаго положенія вещей.

По вычисленіямъ г. Кашкарова, на армію истрачено было 35% всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ *), на народное образованіе 6%, на управленіе финансами 5%, на общее управленіе и полицію 4%, на пенсіи, пособія и аренды 4%, на почту, телеграфы и телефоны 3%, на пути сообщенія 3%, на юстицію 3%, на религіозныя потребности $1^1/_2$%, на расходы императорскаго двора, на народное здравіе, на тюрьмы и арестантскую часть, на государственный контроль, на управленіе государственными имуществами и земледѣліемъ по 1%, на управленіе промышленностью и торговлей и на внѣшнія сношенія по $^1/_2$%.

Сравнивая ростъ расходовъ на важнѣйшія государственныя потребности за десятилѣтіе 1892—1901 гг., мы видимъ, что особенно увеличились расходы, по сравненію съ прежними, на управленіе промышленностью и торговлей (на 417%), на пути сообщенія (на 89%), на народное образованіе (на 87%), на флотъ (на 84%), на управленіе финансами (на 74%), на государственный контроль (на 66%). Наиболѣе отраднымъ кажется ростъ затратъ на главнѣйшую потребность Россіи — народное образованіе. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что расходы министерства народнаго просвѣщенія увеличились лишь на 35%, расходы же на учебныя заведенія вѣдомства св. синода умножились въ $5^1/_2$ разъ, а расходы на учебныя заведенія по части торговли и промышленности стали больше почти въ 17 разъ. Всего за 1892—1901 годы обыкновенные расходы по этому расчету увеличились на 294 милл. руб. Главное увеличеніе пришлось на долю слѣдующихъ нуждъ: расходы на армію—85 милл. р., флотъ—40 милл. р., народное образованіе—30 милл. р., управленіе финансами—24 милл. р., пути сообщенія—15 милл. р., общее управленіе и полиція—12 милл. р.

Такъ какъ вопросъ объ употребленіи государственныхъ доходовъ чрезвычайно важенъ, то попытаемся еще освѣтить его самыми поздними свѣдѣніями, относящимися къ послѣднему пятилѣтію, хотя эти данныя и выражены въ несовершенной формѣ: разнесены по вѣдомствамъ. За пятилѣтіе 1899—1903 гг. обыкновенные государственные расходы возросли на 384 милл. р., или почти на 25%. На какія же нужды стали тратить больше? Что признавалось особенно важнымъ въ устроеніи государства? Увеличеніе расходовъ падаетъ главнымъ образомъ на слѣдующія министерства: финансовъ—на 130 милл. р. (55%), въ томъ числѣ на желѣзнодорожныя надобности и по казенной продажѣ питей 100,4 милл. р.; путей сообщенія—127 милл. р. (39%), въ томъ числѣ на желѣзнодорожныя надобности 124 милл. р.; морское—30 милл. р.; военное—23 милл. р.; внутреннихъ дѣлъ—18 милл. р.; земледѣлія и государственныхъ имуществъ 15 милл. р.; система государственнаго кредита 13 милл. р.; министерство народнаго просвѣщенія 10 милл. р.; вѣдомство святѣйшаго синода 7 милл. р. и т. д.

Сводя приведенныя выше цифры въ общую характеристику, мы должны признать, что главный доходъ русское государство получаетъ отъ продажи и обложенія питей, отъ таможенныхъ пошлинъ съ предметовъ, необходимыхъ всякому, отъ налога на сахаръ, отъ выкупныхъ платежей, отъ промысловаго налога и торговли лѣсомъ. Расходуются эти деньги въ подавляющей части на армію и флотъ, на уплату процентовъ по займамъ и, только то, что остается, распредѣляется на остальныя нужды. При такихъ условіяхъ на наиболѣе производительныя затраты остается немного: народное образованіе и сельское хозяйство вынуждены питаться лишь крохами. Между тѣмъ въ Россіи внѣ городовъ живетъ 87% населенія, которое почти цѣликомъ занято сельскимъ хозяйствомъ, какъ главнымъ промысломъ.

О государственныхъ платежахъ нашего сельскаго населенія мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

М. Фридманъ.

*) Необходимо замѣтить, что въ этотъ расчетъ распредѣленія обыкновенныхъ расходовъ не входятъ расходы на казенныя желѣзныя дороги и на винную монополію.

РАБОЧІЙ ВОПРОСЪ И ЕГО ПОСТАНОВКА ВЪ РОССІИ И НА ЗАПАДѢ.

I.

Рабочій вопросъ, который въ послѣднее время приковалъ къ себѣ вниманіе русскаго правительства и общества, не является какимъ-то чуждымъ наростомъ на нашемъ тѣлѣ, несвойственнымъ условіямъ русской жизни, но представляетъ собою необходимаго спутника совершающихся въ нашемъ хозяйствѣ перемѣнъ. Со времени паденія крѣпостного права Россія быстро двинулась по тому пути экономическаго развитія, который привелъ западно-европейскія страны къ ихъ современному состоянію. Знаменательный актъ 19 февраля 1861 г. снялъ путы съ производительныхъ силъ нашей родины: была провозглашена свобода труда и равенство передъ закономъ. Пробужденная личная самодѣятельность способствовала скопленію капиталовъ и приложенію ихъ къ дѣлу; на смѣну казеннымъ банкамъ, фабрикамъ и заводамъ, съ вялыми оборотами и ничтожною производительностью, выступаютъ частныя предпріятія. Фабрично-заводское производство дѣлаетъ быстрые шаги впередъ: въ половинѣ прошлаго столѣтія оно вырабатывало продуктовъ всего на 160 милл. рублей, а въ концѣ его производительность достигаетъ уже громадной суммы, въ $2^3/_4$ милліарда руб. Неудержимо растетъ желѣзнодорожная сѣть, связывающая другъ съ другомъ самыя отдаленныя части имперіи, вызывая развитіе обмѣна и разрушая прежній патріархальный строй русскаго хозяйства.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы развитіе нашей обрабатывающей и добывающей промышленности совершалось вполнѣ естественнымъ путемъ: прочность ея могла основываться только на созданіи хорошаго внутренняго рынка, т. е. увеличеніи средствъ и потребностей у многочисленной крестьянской массы. Извѣстно, что наша деревня, за послѣднія десятилѣтія, въ силу самыхъ разнообразныхъ условій, переживаетъ хроническое недомоганіе; но, тѣмъ не менѣе, значительная часть фабрично-заводскаго производства пустила глубокіе корни въ русское хозяйство и стала неотъемлемою принадлежностью послѣдняго. Соотвѣтственно этому возрасталъ и рабочій классъ въ Россіи: достигая въ пятидесятыхъ годахъ едва 500.000, теперь онъ насчитываетъ въ своихъ рядахъ около двухъ съ половиною милліоновъ людей, т. е. увеличился за 50 лѣтъ почти въ пять разъ. И если къ нуждамъ деревни до поры, до времени можно было относиться съ канцелярскимъ спокойствіемъ, то вопросы улучшенія быта фабрично-заводскихъ рабочихъ скоро стали носить очень жгучій и острый характеръ. Скопленіе въ одномъ мѣстѣ большого количества лицъ, съ одинаковыми нуждами и запросами, выполняющихъ общую работу и несущихъ общій гнетъ, неминуемо развиваетъ въ нихъ духъ общественности и стремленіе улучшить свое положеніе совмѣстными усиліями. Признакомъ глубокаго недовольства условіями жизни являются стачки рабочихъ. Проявляясь сначала въ стихійной формѣ, съ разграбленіемъ имущества, съ разрушеніемъ машинъ, съ 1896 г. наши забастовки стали принимать болѣе спокойный характеръ; но вслѣдствіе совершенно отрицательнаго отношенія къ нимъ со стороны закона и администраціи онѣ неминуемо сопровождались безпорядками большихъ или меньшихъ размѣровъ. У насъ хотѣли совершенно подавить всякое самостоятельное рабочее движеніе, предполагая, что само правительство въ силахъ опредѣлить нужды рабочихъ и мѣры къ ихъ удовлетворенію, и забывая, что именно забастовки выводятъ наружу вопіющіе недостатки рабочаго быта. Достаточно указать на то, что наше фабричное законодательство, какъ и во всякой другой странѣ, по большей части подвигалось впередъ подъ давленіемъ рабочихъ волненій. Очевидно, что практиковавшійся до сихъ поръ у насъ способъ разрѣшенія рабочаго вопроса не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ, такъ какъ не гарантируетъ, прежде всего, общественнаго спокойствія. „Прорубивши окно въ Европу" еще въ началѣ 18-го столѣтія и перестраивая свою жизнь на европейскій ладъ, мы должны у своихъ сосѣдей поучиться и тѣмъ пріемамъ, съ помощью которыхъ имъ удается междоусобной войнѣ труда и капитала придать болѣе мирныя, культурныя формы.

II.

Причины возникновенія рабочаго вопроса, который уже болѣе 100 лѣтъ волнуетъ западно-европейскій міръ, коренятся глубоко въ условіяхъ современной хозяйственной жизни. Въ силу разнообразныхъ историческихъ законовъ владѣніе землей и капиталами сосредоточилось въ рукахъ однихъ классовъ; масса же населенія вынуждена зарабатывать себѣ пропитаніе трудомъ своихъ рукъ. Надъ работникомъ не тяготѣютъ узы рабства или крѣпостного права; онъ, повидимому, совершенно свободно вступаетъ въ договоръ со своимъ хозяиномъ. Однако, этотъ юридически свободный договоръ, по существу дѣла, оказывается принудительнымъ. Такъ какъ единственный источникъ существованія работника представляетъ его заработная плата, то всякій, болѣе или менѣе продолжительный перерывъ въ работѣ грозитъ полнымъ разореніемъ рабочей семьѣ, сулитъ въ будущемъ нищету и голодную смерть. Отдѣльный работникъ — совершенно безсиленъ, и принужденъ соглашаться даже на такія условія труда, которыя не обезпечиваютъ нормальнаго человѣческаго существованія. Эту тяжелую завис-

мость рабочихъ отъ нанимателя подмѣтилъ еще Ад. Смитъ, считающійся отцомъ экономической науки: „Поземельный собственникъ, фермеръ, фабрикантъ или купецъ могутъ вообще, не нанимая ни одного рабочаго, прожить годъ или два на полученную уже ими выгоду. Большая часть работниковъ не можетъ просуществовать безъ работы недѣли, небольшое число проживетъ мѣсяцъ, и врядъ ли найдется одинъ, который бы былъ въ состояніи пробиться годъ. Въ концѣ-концовъ, разумѣется, что какъ хозяину нуженъ работникъ, такъ и работнику — хозяинъ; но потребность перваго менѣе настоятельна“.

Такимъ образомъ, самый ужасный изъ бичей— голодъ—фактически дѣлаетъ рабочій договоръ несвободнымъ; *экономическая зависимость* современнаго работника отъ предпринимателя налагаетъ печать на все его существованіе. Такъ какъ человѣкъ, занимаясь хозяйствомъ, стремится прежде всего къ своей личной выгодѣ, то, конечно, предприниматель, если не встрѣчаетъ отпора со стороны организованныхъ рабочихъ или правительства, склоненъ использовать насколько возможно болѣе необезпеченность и несамостоятельность рабочаго. Трудъ сталъ въ современномъ хозяйствѣ—товаромъ, и цѣль нанимателя—купить повыгоднѣе этотъ товаръ, т. е. съ наименьшими издержками на него. Надо выжать изъ рабочаго какъ можно больше часовъ въ день и платить за часъ какъ можно меньше.

Крайне продолжительный рабочій день, изнурительныя ночныя работы, эксплоатація женскаго и дѣтскаго труда—все это необходимыя принадлежности развивающагося капиталистическаго хозяйства. Насколько ужасно было положеніе рабочихъ въ Англіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, объ этомъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ офиціальныя изслѣдованія 40-хъ годовъ. Яркими красками изображены страданія трудящагося люда и въ знаменитой книгѣ Фр. Энгельса „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“. Безвыходная нищета, безпросвѣтное невѣжество, ужасающая смертность, вырожденіе, разложеніе семьи—все это стало удѣломъ „свободнаго“ рабочаго. Итакъ, первое зло, съ которымъ онъ сталкивается въ жизни, это полная невозможность единоличными усиліями избавиться отъ тяжелой экономической зависимости со стороны своего нанимателя.

Если существованіе работника зиждется только на скудномъ ежедневномъ заработкѣ, то, очевидно, всякій перерывъ въ работѣ составляетъ крупное несчастье въ его жизни. Болѣзнь; увѣчье, сопровождающееся потерей трудоспособности, преждевременная старость — все это выбиваетъ работника изъ колеи и толкаетъ его на путь нищеты. Честный труженикъ, принесшій много пользы обществу долгими днями и ночами работы, выбрасывается за бортъ, какъ негодная ветошь, если только не въ состояніи больше прилагать своихъ силъ въ хозяйствѣ. Старость, отъ которой многіе ожидаютъ спокойствія, отдыха, превращается для рабочаго въ страшный, безжалостный призракъ.

Но и вполнѣ здоровый рабочій можетъ оказаться въ такомъ же положеніи: извѣстно, что современное хозяйство періодически переживаетъ такъ наз. кризисы, когда произведенная масса товаровъ не находитъ сбыта, фабрики должны либо совсѣмъ закрываться, либо уменьшать производительность и распускать часть рабочихъ. Владѣльцы все же могутъ перебиться нѣкоторое время „на полученные раньше доходы“, какъ выражается Ад. Смитъ, или остающіеся капиталы; представители же физическаго труда должны голодать. Независимо отъ этихъ острыхъ потрясеній хозяйства, каждый годъ извѣстная часть рабочихъ остается безъ занятій: такъ, по германскимъ свѣдѣніямъ, въ 1895 г. лѣтомъ не находило себѣ работы 143.166, а въ холодные зимніе мѣсяцы 479.091 рабочій. Послѣдняя сумма составляетъ $3,_{49}\%$ общаго числа рабочихъ.

Изъ всего вышесказаннаго ясно видно, насколько тяжело складывается въ капиталистическомъ хозяйствѣ жизнь рабочаго и какъ должны быть безрезультатны его единоличныя усилія улучшить свою участь. Мечтать объ этомъ онъ можетъ только при условіи поддержки со стороны товарищей. Соглашеніе съ ними естественно облегчается условіями труда на фабрикѣ: скопленіемъ въ одномъ помѣщеніи многихъ сотенъ людей, возможностью быстро и удобно обмѣниваться мыслями.

Сплотившись, рабочіе уже могутъ предъявлять извѣстныя требованія предпринимателю, они могутъ торговаться съ нимъ, угрожая, въ случаѣ непринятія ихъ предложеній, остановить забастовкой производство. *Рабочій союзъ* даетъ возможность, если не вполнѣ, то все же отчасти сдѣлать договоръ коллективнымъ. Обыкновенная забастовка есть уже шагъ въ движеніи къ таковому договору; но если временное соглашеніе рабочихъ при стачкѣ не подкрѣпляется постоянными соглашеніями въ рабочихъ союзахъ, не руководится осмысленною дѣятельностью послѣднихъ, то оно обыкновенно носитъ стихійный, неправильный характеръ. При отсутствіи рабочихъ организацій трудно отдѣльнымъ работникамъ, здраво смотрящимъ на дѣло, понимающимъ, чего можно требовать отъ хозяевъ при современномъ положеніи,—проводить свои взгляды въ возбужденную толпу и удерживать ее отъ печальныхъ столкновеній. Опытъ западноевропейскихъ странъ показалъ, что объединившіеся въ союзахъ рабочіе добились многихъ уступокъ со стороны хозяевъ, въ смыслѣ увеличенія заработной платы, уменьшенія количества рабочихъ часовъ, измѣненія внутренняго распорядка на фабрикахъ, не прибѣгая непремѣнно къ забастовкѣ, а только угрожая ею, противопоставляя хозяйской волѣ свою собствен-

ную. На почвѣ рабочихъ союзовъ развились болѣе нормальныя отношенія предпринимателей къ работникамъ: появилось взаимное довѣріе и уваженіе [1]). Въ 60-хъ годахъ въ Англіи возникаютъ особыя примирительныя учрежденія изъ представителей фабрикантовъ и рабочихъ для улаженія взаимныхъ споровъ — и дѣятельность ихъ оказалась весьма полезной, вызвавши подражаніе въ другихъ странахъ.

Цѣли, преслѣдуемыя рабочими союзами, могутъ быть болѣе или менѣе широки: англійскіе трэдъ-юніоны, владѣющіе большими средствами, много удѣляютъ на поддержку своихъ членовъ въ случаѣ безработицы, болѣзни, инвалидности и проч.; въ Германіи нѣкоторыя траты такого характера, по крайней мѣрѣ въ большомъ размѣрѣ, оказываются излишними, въ виду существующаго государственнаго страхованія рабочихъ. Но, во всякомъ случаѣ, профессіональные рабочіе союзы облегчаютъ гнетъ капитала надъ трудомъ, воспитываютъ самостоятельность работника и повышаютъ общій уровень его жизни. Проф. *Геркнеръ* говоритъ: „Всѣ непредубѣжденные наблюдатели сходятся въ томъ, что ничто не способствовало въ такой мѣрѣ, какъ именно профессіональное движеніе, воспитанію изъ рабочихъ самостоятельныхъ людей и свободныхъ, равноправныхъ гражданъ“.

По даннымъ статистики, организованныхъ въ союзы рабочихъ въ 1902—3 г. считалось: въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ—2.500.000, въ Великобританіи и Ирландіи — 1.915.506, въ Германіи — 1.092.642, во Франціи — 614.204.

Итакъ, рабочіе союзы стремятся, главнымъ образомъ, къ *увеличенію* заработка; другія формы соединеній—потребительныя общества—стараются уменьшить непроизводительные расходы рабочей семьи. Извѣстно, что въ мелочныхъ лавкахъ обыкновенно сбываются плохіе товары и по дорогой цѣнѣ; если при этомъ торговцы оказываютъ еще кредитъ, то въ итогѣ въ ихъ пользу переплачиваются громадныя суммы. Чтобы уничтожить это вредное посредничество, создаются потребительскія общества, закупающія оптомъ по болѣе низкой цѣнѣ товары и продающія ихъ своимъ членамъ; торговая прибыль идетъ въ руки участниковъ товарищества.—Однако, какъ бы ни была плодотворна дѣятельность рабочихъ союзовъ, они не являются въ настоящее время такой силой, которая могла бы способствовать удовлетворенію всѣхъ нуждъ и всего рабочаго класса. Прежде всего, большая часть рабочихъ, въ силу различныхъ условій, остается внѣ союзовъ.

Затѣмъ, помимо вопросовъ заработной платы и рабочаго времени, есть еще санитарная, гигіеническая, моральная сторона дѣла, вліять на которую современные рабочіе союзы не имѣютъ большой возможности, особенно когда это касается условій жизни всего рабочаго класса. Обезпеченіе трудящагося люда на случай болѣзни, несчастья и проч. не можетъ быть проведено вполнѣ удовлетворительно однѣми рабочими организаціями; а положеніе неорганизованныхъ рабочихъ въ этомъ случаѣ оказывается особенно печальнымъ. Проф. Зомбартъ по этому поводу замѣчаетъ: „Профессіональные союзы являются для рабочихъ и для общества въ высшей степени полезными учрежденіями; ихъ дальнѣйшее развитіе желательно и необходимо. Однако, ихъ дѣятельность остается ограниченной: они охватываютъ въ настоящее время всегда только небольшую часть рабочихъ, удовлетворяютъ только часть изъ нуждъ и проводятъ въ жизнь свою помощь только при содѣйствіи принудительнаго государственнаго законодательства. По этимъ основаніямъ, необходимо, чтобы рядомъ съ самопомощью рабочихъ выступала государственная помощь, чтобы такимъ образомъ общественная реформа передавалась не только въ руки рабочаго класса, но и представителямъ общественныхъ интересовъ—государству и органамъ самоуправленія“.

Путь, которымъ правительство должно итти на помощь рабочему классу, двоякаго рода: оно должно *охранять* работника во время заключенія и выполненія рабочаго договора и *обезпечивать* его въ случаѣ потери трудоспособности. Такъ называемые „фабричные законы“ преслѣдуютъ охрану рабочаго сословія. Всѣ они и во всѣхъ странахъ выросли на почвѣ рабочихъ движеній и обнаруженія крайнихъ злоупотребленій со стороны предпринимателей.

Если намѣтить главные вопросы, вокругъ которыхъ вращается фабричное законодательство всѣхъ странъ, то получится приблизительно такая картина. Во-первыхъ, извѣстнымъ лицамъ рабочаго класса воспрещаются или вообще всякія занятія на фабрикахъ и заводахъ, или только въ опредѣленныхъ, вредныхъ для здоровья производствахъ; такъ, напр., дѣти до извѣстнаго возраста, который бываетъ различнымъ въ разныхъ странахъ, не могутъ приниматься на фабричныя работы; трудъ несовершеннолѣтнихъ и женщинъ подвергается извѣстнымъ ограниченіямъ. Затѣмъ, законодательнымъ порядкомъ могутъ проводиться ограниченія рабочаго времени, касающіяся труда взрослыхъ: можетъ назначаться количество часовъ въ день, больше котораго нельзя занимать рабочаго (напр., въ Швейцаріи и Австріи разрѣшается только 11 ч. рабочій день, въ Новой Зеландіи 8 ч.); создаются постановленія, касающіяся обязательнаго празднованія воскреснаго дня; запрещается или ограничивается ночная работа. Самыя условія выполненія рабочаго договора составляютъ предметъ государственной заботы. Фабричные законы предписываютъ необходимость чистаго содержанія мастерскихъ, огражденія машинъ во избѣжаніе несчастій, хорошаго освѣщенія, отопленія и пр. Требуется, чтобы расплата со-

---

[1]) Фабриканты вступаютъ въ переговоры съ рабочими.

вершалась аккуратно и наличными деньгами, а не условными знаками (марками), за которые можно получить провизію изъ съѣстныхъ лавокъ фабриканта. Такого рода злоупотребленія были очень часты въ началѣ развитія капиталистическаго хозяйства да и теперь встрѣчаются во многихъ странахъ.

Необходимо также, чтобы фабрикантъ не налагалъ по своему усмотрѣнію штрафовъ и такимъ образомъ не сокращалъ и безъ того недостаточную заработную плату.

А для наблюденія за выполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ необходимо было создать особые органы—фабричную инспекцію—и поставить ее въ надлежащее независимое положеніе.

Необезпеченность рабочаго, раскрывающаяся такъ грозно при потерѣ имъ трудоспособности, заставляетъ правительства принять участіе въ его судьбѣ. Какъ быть съ работникомъ, если онъ, выполняя свой трудъ, потерпитъ увѣчье? Предоставлять ли ему искать свои убытки съ хозяина обычнымъ порядкомъ гражданскаго судопроизводства? А это обозначаетъ, что рабочій долженъ доказать виновность хозяина въ непринятіи надлежащихъ мѣръ по огражденію машинъ. Но обыкновенно несчастія случаются безъ всякой вины и со стороны рабочаго, и со стороны хозяина,—таковъ характеръ современнаго крупнаго производства, гдѣ среди грохота колоссальныхъ машинъ теряется человѣкъ и ослабляется его вниманіе. Поэтому, болѣе справедливымъ оказывается переложить на вырабатываемые продукты стоимость обезпеченія рабочихъ въ случаѣ несчастій съ ними. Для достиженія этой цѣли устанавливается отвѣтственность предпринимателя за несчастные случаи; рабочій или его семья отъ него должны получить вознагражденіе. Практика показала, что обязательное страхованіе рабочихъ по требованію правительства лучше и полнѣе удовлетворяетъ такія нужды.

Государство въ такихъ случаяхъ, признавая вышеуказанную отвѣтственность предпринимателей, требуетъ, чтобы они обязательно страховали своихъ рабочихъ; для этого въ Германіи они должны соединяться въ особыя товарищества.

Въ этой странѣ вопросъ о страхованіи особенно подвинулся въ своемъ разрѣшеніи: здѣсь рабочіе, по закону, обезпечиваются на случай болѣзни, увѣчья, старости и потери силъ. Чтобы судить о германскомъ страхованіи рабочихъ, не мѣшаетъ познакомиться со слѣдующими цифрами:

Въ 1901 г. было застраховано на случай *болѣзни* . . .	9.641.742 человѣка
„ „ „ роздано было пособій	178.039.195 марокъ (=46 к.).
Въ 1901 г. противъ *несчастій* было застраховано . . .	18.866.712 чел.
„ „ „ расходовъ было произведено	125.217.400 марокъ.
На дѣло обезпеченія слабосильныхъ (инвалидовъ) и достигшихъ старческаго возраста въ 1902 г. было истрачено.	111.200.000 марокъ.

Конечно, подобными правительственными мѣропріятіями не исчерпывается весь рабочій вопросъ. Мы уже знаемъ, что при современныхъ условіяхъ хозяйственной жизни, не всякій здоровый человѣкъ, полный силъ и желанія трудиться, можетъ найти себѣ занятіе. Безработица то большаго, то меньшаго размѣра—вотъ зло, которое тѣсно связано съ капиталистическимъ строемъ. До какихъ размѣровъ она можетъ доходить, мы имѣли случай видѣть на приведенныхъ въ началѣ статьи цифрахъ. Какъ съ нею бороться? Рабочіе союзы тратятъ немаловажную часть своихъ средствъ на поддержку такихъ невольныхъ безработныхъ; но, конечно, это не можетъ измѣнить несчастья, корни котораго такъ глубоко кроются. Поднимался въ Германіи вопросъ о государственномъ страхованіи противъ безработицы, но врядъ ли правительство сможетъ взять въ свои руки всѣ хозяйственныя силы и учесть возможные результаты періодическихъ потрясеній—кризисовъ. Для облегченія нахожденія заработка кромѣ частныхъ конторъ во многихъ городахъ существуютъ т. н. *биржи труда*, куда обращаются ищущіе работы, а также присылаютъ свои заявленія желающіе нанять. Что оказываемыя биржами услуги могутъ быть немаловажными, можно судить по тому факту, что въ Мюнхенѣ въ 1901 г. 45.000 человѣкъ изыскали чрезъ такое учрежденіе себѣ занятія. Такая дѣятельность болѣе всего подобаетъ городскимъ управленіямъ *), знающимъ мѣстныя условія и могущимъ даровымъ образомъ предоставлять свои услуги. Города же могутъ возложить на себя заботу въ удовлетвореніи жилищной нужды, которая, какъ извѣстно, для рабочаго населенія составляетъ существенное зло. Многочисленныя изслѣдованія, произведенныя въ различныхъ странахъ, показали, что рабочія квартиры неудовлетворительны во всѣхъ отношеніяхъ: въ нихъ мало свѣта, воздуху, нѣтъ хорошихъ приспособленій; онѣ являются разсадниками заразныхъ болѣзней и быстро подтачиваютъ жизнь бѣднаго человѣка. Обходятся же ему эти каморки относительно дороже, чѣмъ владѣльцамъ хорошихъ квартиръ. Эта сторона дѣла составляетъ цѣлый жилищный вопросъ, разсматривать который мы сейчасъ не имѣемъ возможности; скажемъ только, что нѣкоторое облегченіе можетъ быть достигнуто запрещеніемъ сдавать въ наемъ квартиры, не удовлетво-

*) Съ привлеченіемъ представителей рабочихъ.

ряющія извѣстнымъ гигіеническимъ и санитарнымъ требованіямъ, установленіемъ надзора за квартирами, а также устройствомъ на счетъ города или обществъ домовъ, доставляющихъ за небольшую цѣну здоровыя и дешевыя жилища.

Какія бы мѣры для улучшенія рабочаго быта ни принимались, первымъ условіемъ является точное обслѣдованіе нужды трудящагося люда: необходимо прежде знать размѣръ и характеръ послѣднихъ, а тогда уже приниматься за посильное ихъ удовлетвореніе. Поэтому-то въ культурныхъ странахъ обращаютъ большое вниманіе на т. н. рабочую статистику: въ Англіи этимъ дѣломъ занимается департаментъ труда министерства торговли, основанный въ 1886 г.; во Франціи—Office du Travail съ 1891 г.; въ Германіи въ 1903 г.—особое отдѣленіе при императорскомъ статист. бюро; наибольшаго развитія рабочая статистика получила въ Сѣвероамер. Соединенныхъ Штатахъ (съ 1864 г.).

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ разнообразныя мѣры, съ помощью которыхъ культурныя страны пытаются поставить рабочій вопросъ на путь мирнаго разрѣшенія. Конечно, рѣчь идетъ не о полномъ устраненіи всѣхъ золъ рабочаго быта: это не подъ силу нашему времени; надо только стараться о превращеніи безпорядочной борьбы между трудомъ и капиталомъ въ болѣе или менѣе мирное соперничество. Бѣдность рабочаго класса и на Западѣ еще велика; можно сказать, что громадная часть населенія и тамъ не живетъ еще въ условіяхъ, достойныхъ человѣка. Однако, надо признать, что въ силу разумнаго сочетанія начала самопомощи и поддержки со стороны правительства, рабочій классъ значительно подвинулся впередъ за послѣднія 50—60 лѣтъ; этому способствовало также и неуклонное развитіе промышленности, не встрѣчающее препятствій въ устарѣвшихъ формахъ государственной жизни, и общій культурный подъемъ населенія, столь высоко вліяющій на производительность труда.

Разъ Россія желаетъ развивать у себя промышленность по западно-европейскому образцу, то ей, конечно, приходится считаться и съ рабочимъ вопросомъ; посильный способъ разрѣшенія послѣдняго подсказывается той же западной практикой.

Но, можетъ быть, наши рабочіе не находятся въ тяжелыхъ условіяхъ?

Посмотримъ, какъ отвѣчаетъ жизнь на этотъ вопросъ.

III.

Прежде всего, *какъ великъ средній заработокъ, получаемый нашимъ фабричнымъ рабочимъ?* Въ 80-хъ годахъ извѣстный докторъ Дементьевъ для Московской губ. опредѣлилъ мѣсячную заработную плату—11 руб. 89 коп. Легко можно себѣ представить, каковы должны быть условія жизни человѣка, который на удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей располагаетъ всего 40 коп. въ день! Средній заработокъ англійскаго рабочаго въ то же время опредѣлялся 26 руб. 64 коп., а американскаго (въ Массачузетсѣ)—56 руб. 97 коп. Среднія цифры для отдѣльныхъ производствъ получались такія:

Заработная плата мужчинъ.

	Московская губ.	Англія.	Массачузетсъ.
Бумаго-прядильное производство	13,58	41,48	52,11
Ситце-набивное	13,88	33,92	55,42
Шерсто-прядильно-суконное	14,87	42,14	42,34
Машиностроительное	23,34	44,50	66,48

Несмотря на то, что у насъ большее количество праздниковъ, но число рабочихъ часовъ въ мѣсяцѣ, въ силу большей продолжительности рабочаго дня, оказывается выше, чѣмъ въ этихъ странахъ:

въ Московской губ.	284,6	часовъ.
„ Англіи	234,7	„
„ Массачузетсѣ	255,7	„

Такимъ образомъ получалось, что рабочій часъ у насъ оплачивался всего 5 съ лишнимъ копѣйками, въ Англіи около 20 коп., въ Америкѣ около 26 коп.

Конечно, многіе сырые продукты въ заграничныхъ странахъ цѣнятся дороже, чѣмъ у насъ, но г. Дементьевъ показалъ, что эту разницу въ цѣнахъ не слѣдуетъ преувеличивать.

Если оставить въ сторонѣ говядину, свинину и яйца, т. е. такіе припасы, которые нашъ народъ довольно рѣдко употребляетъ въ пищу, то окажется, что только картофель у насъ раза въ три дешевле, а хлѣбъ стоитъ почти въ одной цѣнѣ (пшеничный—значительно дороже у насъ, чѣмъ въ Англіи и Массачузетсѣ); сало въ Америкѣ дешевле, а въ Англіи немного дороже, чѣмъ у насъ; молоко въ обѣихъ этихъ странахъ дешевле русскаго; а о керосинѣ, мылѣ, сахарѣ, одеждѣ и пр. и говорить нечего.

Руководясь этими данными, г. Дементьевъ замѣчаетъ: „Несоразмѣримо болѣе низкая заработная плата у насъ никоимъ образомъ не

можетъ быть объяснена большею дешевизной предметовъ первой необходимости; такое объясненіе могло бы быть въ извѣстной степени допущено лишь по сравненію съ Англіей“. (171).

Позднѣйшія изслѣдованія показали, что среднее вознагражденіе рабочаго у насъ повысилось, но параллельно шло и вздорожаніе необходимыхъ для жизни предметовъ. Нынѣшній средній годовой заработокъ русскаго фабричнаго рабочаго опредѣляется приблизительно 194 руб., при колебаніяхъ отъ 89 руб. до 606 руб. (въ концѣ 90-хъ г.). Наибольшее вознагражденіе получается въ машиностроительномъ производствѣ: среднее—525 руб. въ годъ. Что касается отдѣльныхъ районовъ, то хуже всего обстоитъ дѣло въ Кіевскомъ округѣ, гдѣ средняя заработная плата составляетъ въ годъ 134 руб.; затѣмъ идетъ Поволжскій—съ 156 руб., Московскій—170 руб., Привислинскій — 228 и, наконецъ, Петербургскій фабр. округъ съ 265 р. Основнымъ „продовольствіемъ“ средняго русскаго фабричнаго рабочаго является, какъ и у крестьянина, хлѣбъ, топленое сало и постное масло; мяса онъ съѣдаетъ въ годъ лишь около 4 пудовъ, на 15 руб., тогда какъ его англійскій собратъ по занятіямъ употребляетъ и молоко, и яйца, и масло, чай и сахаръ—въ изрядныхъ количествахъ.

Поднимая вопросъ, отчего же нашъ рабочій получаетъ сравнительно такое ничтожное вознагражденіе, отвѣта должны искать въ условіяхъ жизни нашей страны, какъ общихъ, такъ и промышленныхъ. Непосредственно вліять на повышеніе заработной платы правительство не можетъ, но въ его рукахъ могущественныя косвенныя средства.

Опытъ всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и Россіи, показываетъ, что чѣмъ выше образованіе рабочаго, тѣмъ его трудъ производительнѣе, его работа успѣшнѣе, а слѣдовательно, ему можетъ быть выдано и большее вознагражденіе.

Современное фабричное производство основано на усовершенствованной техникѣ, а какъ говорятъ американцы, „улучшенныя машины требуютъ улучшенныхъ людей“: безграмотному, невѣжественному рабочему ни одинъ порядочный техникъ не поручитъ обслуживанія машины. Между тѣмъ, извѣстно, какъ низко мы стоимъ относительно грамотности по сравненію съ западно-европейскими странами: болѣе $^3/_4$ нашего населенія не умѣетъ ни писать, ни читать; на привислинскихъ фабрикахъ грамотные составляютъ менѣе половины всѣхъ рабочихъ, на лучшихъ московскихъ—менѣе трети. А между тѣмъ, не говоря о многочисленныхъ данныхъ Западной Европы, доказывающихъ весьма убѣдительно прямую связь между высотой заработной платы и развитіемъ рабочаго, мы и въ Россіи можемъ замѣтить подобное же явленіе. Г. Шестаковъ, изслѣдовавшій быть рабочихъ на одной большой московской фабрикѣ, нашелъ слѣдующее:

	Пол чали въ день: грамотные	негра-мотные
въ возрастѣ 15—20 л.	33,5 коп.	31,1 коп.
„ 20—25 „	51,9 „	45,6 „
„ 25—30 „	62,1 „	48,2 „
„ 30—35 „	89,7 „	59,8 „
„ 35—40 „	88,5 „	64,8 „
„ 40—45 „	88,9 „	69,7 „
„ 45—50 „	107,5 „	71,4 „

Въ рукахъ государства есть такимъ образомъ возможность, расширяя народное образованіе, подготовить почву для повышенія заработной платы. Въ 90-хъ годахъ у насъ на 100 жителей приходилось не болѣе 3 учащихся (въ начальныхъ школахъ). Обязательное начальное образованіе и возможное развитіе профессіональнаго техническаго—вотъ великая задача ближайшаго будущаго Россіи.

Съ другой стороны, примѣръ Зап. Европы показываетъ, что значительное увеличеніе зар. платы было достигнуто дѣятельностью рабочихъ союзовъ, умѣло и дѣловито пользующихся состояніемъ рынка для повышенія своего вознагражденія. Забастовки и рабочія организаціи—прекрасное средство единоличный договоръ замѣнить коллективнымъ; правительства всѣхъ просвѣщенныхъ странъ отказались отъ попытокъ мѣшать законнымъ стремленіямъ рабочаго класса, карать и не допускать устройства стачекъ и союзовъ.

Англія первая вступила на этотъ путь въ 1824 г. (въ 1870 г. были сдѣланы еще дополненія), Франція—въ 1864 г., Германія—въ 1869 г. Россія продолжаетъ смотрѣть на стачку и забастовку, какъ на опасное нарушеніе общественнаго спокойствія, и подвергаетъ уголовной отвѣтственности ихъ участниковъ. Точно также у насъ не разрѣшаются свободные рабочіе союзы. Этимъ, какъ видно, изъ всего предыдущаго, наносится серьезный ущербъ рабочимъ интересамъ.

Сколько часовъ трудится нашъ работникъ? До изданія закона 1897 г., ограничивающаго продолжительность рабочаго дня $11^1/_2$ часами, мы имѣли свѣдѣнія, говорящія о чрезмѣрной продолжительности работы. Можетъ казаться, что теперь немыслимо истощеніе рабочаго на фабрикѣ. Но, къ сожалѣнію, законъ 1897 г., самъ по себѣ взявшій высокую норму рабочаго дня, совершенно ослабляется циркуляромъ мин. фин. 1898 г., разрѣшающимъ сверхурочныя работы въ неограниченномъ размѣрѣ (при соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей по дѣлу ихъ исходатайствованія). Вслѣдствіе этого распоряженія, какъ показала практика, фактически рабочій день во многихъ мѣстахъ не понизился, такъ какъ фабриканты разсчитываютъ рабочихъ, не соглашающихся работать сверхурочно. Изъ „Свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 г.“ мы узнаемъ, что въ этомъ году было рабочими

принесено 3.273 жалобы „по поводу принужденія работать сверхурочно".

Въ виду такого положенія вещей, мы не далеко уклонимся отъ истины, признавши, что, подобно прежнему, обычная норма фабричныхъ работъ 12—14 часовъ въ день, и что, несмотря на значительное количество праздничныхъ дней въ году, наши рабочіе трудятся больше западно-европейскихъ. Для 90-хъ годовъ годовое количество часовъ на русскихъ фабрикахъ 3.484—3.588, на американскихъ—3.070, англійскихъ—2.810.

Извѣстно, что рабочихъ въ послѣднее время охватило стремленіе къ сокращенію рабочаго дня. Признавая это требованіе вполнѣ основательнымъ, мы думаемъ, что для окончательнаго его разрѣшенія требуется собраніе всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ, т. е. производство т. н. анкеты, обслѣдованія рабочаго быта. Надо узнать точно производительность рабочаго и прибыль фабриканта; одно можно сказать навѣрное: продолжительность рабочаго дня должна быть сокращена, и даже значительное сокращеніе ея не пойдетъ въ убытокъ фабриканту. Это можно доказывать и теоретическими соображеніями, давно ставшими избитымъ мѣстомъ въ экономической наукѣ, и опытомъ Зап. Европы, не совсѣмъ чуждымъ и Россіи. Слишкомъ продолжительный трудъ мало интенсивенъ, т. е. утомленный рабочій не въ состояніи напрягать всѣхъ своихъ силъ и подъ конецъ дня работаетъ совсѣмъ вяло. Сокращеніе числа часовъ позволяетъ ему трудиться гораздо болѣе успѣшно. А вотъ интересныя показанія одного практическаго дѣятеля, введшаго у себя на заводѣ 8-ми часовой рабочій день (Ратау—Богемія): „Восьми-часовой рабочій день для нѣкоторыхъ производствъ представляется такой мѣрой, которая не имѣетъ въ виду односторонніе выгоды рабочаго, но можетъ быть введена и въ интересахъ фабриканта... Я ввелъ съ мая 1892 г. .... восьми-часовую смѣну, и могу доказать, что нынѣ рабочій при этихъ условіяхъ зарабатываетъ столько же, даже больше, чѣмъ въ теченіе 12-ти-часового дня; стало быть, и столько же производитъ, ибо поштучная плата стала неизмѣнной. При этомъ введенъ такой порядокъ, что печи въ состояніи доставлять столько, сколько рабочій можетъ перерабатывать, и вальцы... приспособлены къ болѣе усиленной работѣ" (78). Конечно, успѣхи сказались не въ первый же мѣсяцъ, такъ какъ рабочіе должны были еще приноровиться къ новымъ условіямъ.

Что касается обстановки нашихъ фабрикъ и заводовъ, то, несмотря на существующія и довольно многочисленныя постановленія, они должны быть признаны крайне неудовлетворительными. По статистическимъ даннымъ, очень неточнымъ и повиннымъ въ преуменьшеніи, оказывается, что у насъ на рудничныхъ работахъ погибаетъ на 1.000 человѣкъ 3,3, тогда какъ въ Бельгіи—2,3, въ Германіи—2,2, во Франціи—1,9, въ Англіи—1,8. Въ 90-хъ годахъ ежегодно на горныхъ и заводскихъ работахъ оказывалось пострадавшихъ 9.900 ч. Въ 1901 г. по отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ общее число пострадавшихъ простиралось до 24.744 чел. Д-ръ Никольскій, собиравшій свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими на нефтяныхъ промыслахъ, говоритъ, что увѣчья отъ поломки машинъ, разрывовъ отдѣльныхъ частей и пр. „происходили почти всецѣло отъ техническихъ упущеній и неправильныхъ пріемовъ работы". Достаточно указать на тотъ фактъ, что очень часто верхъ вышки, гдѣ производятся работы, не имѣетъ никакихъ огражденій—и, конечно, въ результатѣ—много паденій оттуда.

Помимо этихъ, бросающихся въ глаза, несчастныхъ случаевъ, вся фабричная обстановка медленно, но вѣрно убиваетъ организмъ рабочаго. Г. Дементьевъ говоритъ: „Вездѣ, за немногими исключеніями, воздухъ на фабрикахъ (при изслѣдованіяхъ) былъ найденъ болѣе или менѣе испорченнымъ. Причина этого лежитъ въ заурядномъ отсутствіи надлежащихъ искусственныхъ приспособленій для вентиляціи". Гдѣ есть ночныя смѣны, воздухъ испорченъ „безусловно всегда".

Ужасныя гигіеническія и санитарныя условія фабричной жизни даютъ основаніе этому изслѣдователю сказать слѣдующее: „Всѣ безчисленные примѣры повышенной заболѣваемости и смертности въ тѣсныхъ казармахъ и тюрьмахъ—развѣ все это не то же, что на нашихъ фабрикахъ?" Фабричный бытъ дѣйствуетъ, какъ „никому незамѣтный, медленный, безболѣзненный ядъ, отравляющій тысячи людей, понижающій во всѣхъ отношеніяхъ ихъ физическія качества".

А вотъ каковы жилища многихъ тысячъ рабочихъ. Тамъ, гдѣ фабрики довольно далеко отстоятъ отъ города, рабочимъ предлагаются на мѣстѣ квартиры: это „громадныя, многоэтажныя казармы съ центральными коридорами и комнатками-каморками по сторонамъ, отдѣленными одна отъ другой дощатыми, не доходящими до потолка перегородками. Въ каморкѣ помѣщается часто по два, по три, до семи семействъ". Для правильнаго дыханія человѣку нужно 3 кубич. сажени воздуху, но фабрики, гдѣ въ рабочихъ помѣщеніяхъ приходится даже по 1 сажени,—рѣдкость. Спятъ вповалку, одинъ возлѣ другого, и рѣдко гдѣ женскія помѣщенія отдѣлены отъ мужскихъ. „Послѣ продолжительнаго труда въ испорченномъ воздухѣ мастерскихъ рабочіе тотчасъ переходятъ въ еще болѣе испорченный воздухъ фабр. спаленъ". Кто живетъ на своей квартирѣ, тотъ пользуется лишь немного лучшимъ помѣщеніемъ. А иногда встрѣчаются прямо-таки звѣриныя логовища: на одномъ изъ промысловъ въ Баку рабочіе, числомъ 12, „жили въ землянкѣ, представляющей собою большую 4-хъ-угольную яму, вырытую въ сы

рой землѣ, на глубинѣ 142 саженъ, закрытую сверху тонкою дощатою крышей.... Въ землянкѣ на грязныхъ доскахъ помѣщаются, какъ сельди въ бочкѣ, рабочіе въ голодѣ и холодѣ, съ ногъ до головы вымазанные нефтью". (Никольскій).

Если жилищный вопросъ еще и не вполнѣ осознанъ нашимъ рабочимъ классомъ, то правительству и обществу слѣдуетъ приняться за его посильное разрѣшеніе: необходимо требовать отъ предпринимателей, снабжающихъ рабочихъ квартирами, соблюденія ряда гигіеническихъ и санитарныхъ правилъ; такія же требованія должны быть предъявлены къ домохозяевамъ, и предложеніе дешевыхъ жилищъ должно быть увеличено дѣятельностью городскихъ хозяйствъ.

Переходя къ вопросу обезпеченія рабочихъ на случай болѣзни и несчастія на фабрикѣ, мы должны признать, что въ этомъ отношеніи у насъ еще мало сдѣлано. Мы знаемъ, что въ послѣднее время рабочіе сильно жаловались на врачебный персоналъ, состоящій, согласно требованію закона, на фабрикахъ. Предполагается, что рабочихъ своихъ долженъ лѣчить предприниматель; при такихъ условіяхъ трудно рабочему разсчитывать на своевременную и внимательную врачебную помощь. Жизнью подсказывается необходимость правильной постановки обязательныхъ *больничныхъ* кассъ, которыя выдавали бы заболѣвшему рабочему пособіе на лѣченіе.

Что касается несчастныхъ случаевъ на фабрикѣ или заводѣ, то новый законъ 2-го іюня 1903 г. признаетъ предпринимателей отвѣтственными передъ рабочими; этимъ, конечно, значительно облегчается обезпеченіе трудящихся классовъ. Однако, уже въ самомъ законѣ находится пагубное ограниченіе его дѣйствія: предприниматель не отвѣчаетъ за увѣчья, полученныя рабочимъ вслѣдствіе его „грубой неосторожности". Совершенно достаточно было бы упоминаніе только о „зломъ умыслѣ", какъ основаніи, лишающемъ рабочаго права требовать вознагражденія: естественно, что предприниматели склонны будутъ всякій неосторожный шагъ рабочаго считать проявленіемъ „грубой" невнимательности.

Насколько удачнымъ окажется этотъ законъ, покажетъ ближайшее будущее; но все же его благотворное вліяніе обнаруживается въ сказавшемся уже стремленіи фабрикантовъ разложить другъ на друга рискъ съ помощью обществъ взаимнаго страхованія.

Возможно ли у насъ государственное страхованіе рабочихъ, подобное германскому, отъ болѣзней, несчастій, инвалидности и старости— этотъ вопросъ остается открытымъ.

Мы уже имѣли случай указать, что успѣхъ фабр. законовъ въ жизни обусловливается созданіемъ самостоятельныхъ и вліятельныхъ органовъ, надзирающихъ за ихъ выполненіемъ. У насъ фабричный инспекторатъ появился въ 1882 г. Первый опытъ оказался очень удачнымъ, несмотря на ограниченное количество инспекторовъ, главнымъ образомъ въ виду прекраснаго подбора лицъ и ихъ независимости отъ мѣстныхъ властей. Законъ 1894 г., увеличивши число членовъ фабричной инспекціи, нанесъ жестокій ударъ всему учрежденію, ослабивши его вліяніемъ губернаторской власти. Возстановленіе прежней самостоятельности этихъ необходимыхъ органовъ должно быть дѣломъ ближайшаго будущаго.

Мы не имѣемъ возможности въ настоящей статьѣ подробно останавливаться на выясненіи многоразличныхъ нуждъ русскаго рабочаго сословія и указаніи мѣръ ихъ удовлетворенія; затронутые здѣсь вопросы должны быть подвергнуты болѣе тщательной разработкѣ въ рядѣ отдѣльныхъ статей. Наша задача ограничивалась только намѣченіемъ самыхъ существенныхъ и острыхъ пунктовъ того „проклятаго" вопроса, который именуется „рабочимъ". Въ заключеніе постараемся собрать воедино тѣ выводы, къ которымъ мы пришли.

IV.

Рабочій вопросъ появился у насъ, какъ непосредственный результатъ развитія промышленности. Уже съ половины прошлаго столѣтія нашему правительству пришлось считаться съ рабочимъ движеніемъ и такъ или иначе отвѣчать на представляемые жизнью запросы. Опытъ заграничныхъ капиталистическихъ странъ показалъ, что дѣлу можно помочь только разумнымъ сочетаніемъ началъ самопомощи рабочихъ, требующей свободы союзовъ и стачекъ, и—государственнаго содѣйствія, проявляющагося во многостороннемъ фабричномъ законодательствѣ. Наше правительство предполагало удовлетворить назрѣвающимъ нуждамъ только однимъ средствомъ — собственнымъ вмѣшательствомъ въ отношенія фабриканта и рабочаго, отрицая совершенно самодѣятельность послѣдняго. Очевидно, прежде всего надо выступить на новую дорогу. Нужно не только не препятствовать образованію свободныхъ рабочихъ организацій, но всяческими мѣрами способствовать ихъ развитію. Забастовки, которыя представляютъ собою споръ экономическаго характера между предпринимателемъ и рабочимъ, должны быть допущены; караться могутъ только проявленія насилія.

Въ области фабричнаго законодательства силою вещей выдвинуты слѣдующіе вопросы: сокращеніе слишкомъ продолжительнаго рабочаго дня (въ особенности правильная постановка сверхурочныхъ работъ), улучшеніе надзора за гигіенической и санитарной стороной фабричнаго быта, правильное устройство фабричной инспекціи и, наконецъ, изысканіе лучшихъ способовъ обезпеченія рабочихъ на случай болѣзни, увѣчій, инвалидности и старости.

М. Бернацкій.

ИЗЪ ЖИЗНИ ЯПОНІИ.

Очеркъ современнаго состоянія образованія въ Японіи.

Давность распространенія грамотности среди японскаго населенія.—Начало дѣйствующей системы народнаго образованія.—Принципы, положенные въ основу этой системы.—Статистическія данныя о современномъ распространеніи начальнаго образованія.—Характеристика высшей и низшей начальныхъ школъ.—Манифестъ микадо, опредѣляющій основы преподаванія въ школѣ кодекса нравственности.— Организація подготовки педагогическаго персонала для начальныхъ школъ (нормальныя школы и статистическія данныя объ ихъ дѣятельности).

Русскій капитанъ Василій Михайловичъ Головнинъ, бывшій въ плѣну у японцевъ въ 1811—13 гг., писалъ: „Что касается до народнаго просвѣщенія въ Японіи, то, сравнивая массою одинъ цѣлый народъ съ другимъ, по моему мнѣнію, японцы самый просвѣщенный народъ во всей подсолнечной. Въ Японіи нѣтъ человѣка, который не умѣлъ бы читать и писать и не зналъ бы законовъ своего отечества. Правда, у насъ болѣе наукъ и художествъ, у насъ есть люди, которые съ неба звѣзды хватаютъ; а у нихъ нѣтъ. Но затѣмъ, на одного такого звѣздочета мы имѣемъ тысячу, которые, такъ сказать, трехъ перечесть не умѣютъ... Если же вообще взять народъ, то японцы имѣютъ лучшее понятіе о вещахъ, нежели нижній классъ людей въ Европѣ“.

Итакъ, грамотность среди населенія Японіи была широко распространена уже давно; но начало дѣйствующей нынѣ системы народнаго образованія въ этой странѣ было положено только послѣ реставраціи (1867 г.). Эдиктъ микадо, предпосланный обнародованію закона (1872 г.), устанавливающаго эту систему, обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, слѣдующими строками:

„Всякія знанія, отъ существенныхъ въ обыденномъ обиходѣ каждаго до высшихъ, необходимыхъ для образованія офицеровъ, чиновниковъ, землевладѣльцевъ, купцовъ, врачей, ремесленниковъ и т. п.,— пріобрѣтаются путемъ изученія соотвѣтственныхъ наукъ. Законъ имѣетъ въ виду такое распространеніе образованія, при которомъ не могло бы быть деревни съ неграмотнымъ семействомъ и семейства съ неграмотнымъ членомъ“.

Современныя общеобразовательныя учебныя заведенія въ Японіи раздѣляются на слѣдующія категоріи: начальныя школы низшаго и высшаго разрядовъ, среднія школы, высшія школы и университеты. Къ сѣти этихъ учебныхъ заведеній надо присоединить еще дѣтскіе сады и нормальныя школы (соотвѣтствующія нашимъ учительскимъ семинаріямъ и педагогическимъ институтамъ)—для подготовки учителей. Въ основу системы начальнаго образованія положены начала обязательности его для всѣхъ подданныхъ государства,— вслѣдствіе чего всѣ дѣти школьнаго возраста (отъ 6 до 14 лѣтъ) должны посѣщать начальную школу,—и свѣтскости, т. е. запрещеніе преподаванія какихъ бы то ни было предметовъ, касающихся религіи, въ тѣхъ школахъ, которымъ въ какомъ-либо отношеніи дарованы правительственныя права или правительственныя субсидіи.

Курсъ ученія въ начальныхъ школахъ каждаго разряда—четырехлѣтній, такъ что полный курсъ начальнаго образованія—восьмилѣтній [1]) При начальныхъ школахъ могутъ учреждаться и дополнительные курсы для тѣхъ дѣтей, которыя уже окончили установленный курсъ начальнаго образованія или вообще какимъ-либо образомъ пріобрѣли равносильныя ему познанія. Дополнительные курсы не должны продолжаться болѣе двухъ лѣтъ, и на нихъ могутъ преподаваться лишь спеціальныя знанія, отвѣчающія мѣстнымъ требованіямъ“.

Начальныя школы содержатся главнымъ образомъ на средства городовъ, селъ и деревень и сообразно этому находятся въ вѣдѣніи мѣстнаго самоуправленія, хотя и инспектируются агентами министерства народнаго просвѣщенія. Успѣхъ, достигнутый въ дѣлѣ проведенія въ жизнь принципа обязательности начальнаго образованія, рельефно свидѣтельствуется тѣмъ фактомъ, что къ 1-му января 1901 года число дѣтей школьнаго возраста въ Японіи было 7.466.886, изъ коихъ 6.497.489 человѣкъ, т. е. 88,9% всего числа, посѣщали школы, при чемъ на долю мальчиковъ приходилось 93%, а на долю дѣвочекъ—81%. Умѣстно замѣтить здѣсь, что распространеніе женскаго начальнаго образованія довольно долго значительно отставало отъ мужского; такъ, еще въ 1891 году процентъ числа дѣвочекъ, посѣщавшихъ начальную школу, былъ всего 32 (противъ 67% мальчиковъ); но, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, за дясять лѣтъ послѣ того онъ увеличился почти на 50%, быстро догоняя соотвѣтствующій процентъ для мальчиковъ... И согласно проектамъ правительства, въ текущемъ 1905 году начальное образованіе дѣвочекъ должно будетъ стать наравнѣ съ начальнымъ образованіемъ мальчиковъ и количественно, какъ стоитъ оно теперь качественно.

Несмотря на обязательность начальнаго образованія въ Японіи, оно не безплатно. Правда, плата за ученіе, взимаемая съ учениковъ, невелика (2—3 іены въ годъ); тѣмъ не менѣе, статистика показываетъ, что обязательные и добровольные взносы по этой статьѣ во всѣхъ начальныхъ общественныхъ школахъ вмѣстѣ дали въ 1899 году сумму, немного болѣе пятой части всего расхода на содержаніе ихъ.

Однако, есть несомнѣнные показатели того, что Японія стремится къ принятію принципа безплатности начальнаго образованія, и въ 1899 году въ парламентъ ея былъ внесенъ законопроектъ объ ассигнованіи для этой цѣли изъ государственнаго казначейства субсидіи на начальныя школы въ размѣрѣ 4.000.000 іенъ ежегодно; но онъ не прошелъ тогда только въ виду все возраставшихъ требованій на удовлетвореніе расходовъ по военному и морскому вѣдомствамъ.

Не останавливаясь подробно на учебномъ планѣ начальныхъ школъ, отмѣтимъ только нѣкоторыя выдающіяся особенности его. Здѣсь прежде всего поражаетъ европейца большое число уроковъ на чтеніе, сочиненіе и чистописаніе, что требуетъ отъ дѣтей огромнаго труда. Причиною тому является то обстоятельство, что японскія книги пишутся на чистомъ китайскомъ письменномъ языкѣ, который, какъ извѣстно, въ противоположность разговорному, очень богатъ и еще болѣе сложенъ. Онъ

1) Предметы преподаванія: кодексъ нравственности, чтеніе и сочиненіе, чистописаніе, географія, предметные уроки съ естествознаніемъ, математика, исторія, ручной трудъ, рукодѣліе (для дѣвочекъ), гимнастика и пѣніе. Кромѣ того, во многихъ начальныхъ школахъ высшаго разряда введенъ англійскій языкъ, какъ предметъ не обязательный; однако обыкновенно онъ научается почти всѣми учениками.

имѣетъ около 49.000 письменныхъ знаковъ—іероглифовъ, или, вѣрнѣе, идеографовъ, т. е. знаковъ, выражающихъ отдѣльные предметы и цѣлыя понятія; и даже усилія обойтись съ наименьшимъ возможнымъ числомъ ихъ привели только къ тому, что приходится употреблять ихъ все-таки не менѣе 3.000... Министерская инструкція требуетъ, чтобы въ школахъ дѣти усваивали „только эти три тысячи знаковъ"...Какъ иронически звучитъ это „только", въ сопоставленіи сопровождающаго его числа съ числомъ 35 буквъ нашего алфавита! И легко вообразить, какого напряженія памяти и сколько механическаго труда и усидчивости требуется отъ ребенка для запоминанія этого огромнаго количества идеографовъ и для овладѣнія умѣньемъ писать эти „фигуры", нерѣдко весьма сложныя по очертаніямъ и отличающіяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ другъ отъ друга едва уловимыми для европейца тонкостями.

Вредное вліяніе на дѣтскій организмъ упомянутой усидчивости успѣшно парализуется въ японской школѣ раціональною постановкой физическаго воспитанія, и на основаніи личныхъ наблюденій я могу съ увѣренностью сказать, что школьныя физическія упражненія въ Японіи организованы по крайней мѣрѣ не хуже, чѣмъ въ Англіи, гдѣ, какъ мы всѣ знаемъ, дѣло это поставлено очень высоко. Укажемъ здѣсь и на ту особенность, что въ мужскихъ начальныхъ школахъ высшаго разряда ученики, достигшіе 13-лѣтняго возраста, на урокахъ гимнастики обязательно занимаются военными маршировками и упражненіями съ ружьми, а въ женскихъ школахъ многія игры, развивая въ ученицахъ силу и ловкость, воспитываютъ въ нихъ въ то же время и эстетическій вкусъ.

Въ силу принципа свѣтскости образованія, преподаваемый въ школахъ (взамѣнъ Закона Божьяго) кодексъ нравственности не содержитъ ни малѣйшаго намека на какія бы то ни было религіозныя ученія. Въ объяснительной запискѣ министерства къ этому кодексу говорится, что цѣль преподаванія его—„развивать въ дѣтяхъ совѣсть, направлять ихъ къ добру и знакомить ихъ съ практическими обязанностями человѣка съ точки зрѣнія естественной нравственности". Даже въ программахъ нормальныхъ школъ сказано, что „великіе принципы естественной нравственности должны преподаваться въ духѣ императорскаго манифеста". Текстъ этого манифеста, изданнаго въ 1890 году, т. е. черезъ годъ послѣ провозглашенія конституціи, заслуживаетъ того, чтобы привести его здѣсь въ дословномъ переводѣ.

„Наши предки дали государству широкія основанія, въ которыхъ глубоко посѣяны сѣмена добродѣтели; и наши подданные въ теченіе вѣковъ единодушіемъ своей великой лояльности и сыновней преданности вырастили эти сѣмена въ совершенствѣ. Такова сущность національной политики и таковъ истинный принципъ нашей системы воспитанія.

„Вы, наши возлюбленные подданные, будьте преданными сынами, добрыми братьями, любящими мужьями и женами и вѣрными друзьями. Ведите себя со скромностью и будьте добры ко всѣмъ. Развивайте ваши умственныя способности; совершенствуйтесь въ вашей нравственной силѣ, накопляя знанія и пріобрѣтая умѣнья.

„Также работайте въ интересахъ общественныхъ и будьте преданы общественнымъ дѣламъ. Почитайте государственное устройство. Повинуйтесь законамъ страны и, въ случаѣ необходимости, отъ всего сердца жертвуйте собою для общаго блага.

„Оказывайте также полную поддержку нашей императорской династіи вѣчной, какъ вселенная.

„Тогда вы не только будете нашими вѣрными подданными, но вы будете при этомъ способны проявлять благородный характеръ вашихъ предковъ.

„Такой завѣтъ, оставленный намъ нашими предками, который долженъ быть соблюдаемъ также и ихъ потомками и ихъ подданными.

„Эти принципы совершенны для всѣхъ вѣковъ и примѣнимы во всемъ. Наше желаніе—носить ихъ въ своемъ сердцѣ вмѣстѣ съ вами, наши подданные, съ тѣмъ, чтобы мы могли навсегда овладѣть этими добродѣтелями".

Японцы любятъ этотъ манифестъ, проповѣдующій, какъ мы видимъ, патріотизмъ, благоговѣйное почитаніе предковъ и обожествленіе императорской династіи; учителя и школьники знаютъ его наизусть, и поэтому можно признать основательнымъ замѣчаніе французскаго автора Веллёрса, что онъ является какъ бы „школьнымъ катехизисомъ" Японіи.

Быстрый ростъ числа учащихся и числа школъ порождаетъ большія затрудненія въ вопросѣ о комплектованіи педагогическаго состава. Ощущавшійся до послѣдняго времени недостатокъ спеціально подготовленныхъ преподавателей не возмѣщался даже тѣмъ, что японецъ владѣетъ отъ природы задатками хорошаго педагога. Правительство вынуждено поэтому съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивать дѣятельность такъ называемыхъ нормальныхъ школъ, въ родѣ нашихъ учительскихъ семинарій и институтовъ. Эти школы дѣлятся на два разряда: обыкновенныя, которыя приготовляютъ учителей начальныхъ школъ, и высшія, приготовляющія преподавателей для обыкновенныхъ нормальныхъ школъ, а также для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Въ положеніи о нормальныхъ школахъ читаемъ:

„Хоккаидо (т. е. островъ Езо), Фу (столичные города) и Кенъ (провинціи) должны учредить каждая, по крайней мѣрѣ, по одной нормальной школѣ, съ присоединенной къ ней начальною школой для практическихъ занятій учениковъ нормальной. Курсъ обученія продолжается четыре года въ мужскихъ и три года въ женскихъ нормальныхъ школахъ. Согласно мѣстнымъ условіямъ, въ дополненіе къ регулярному учебному курсу должны учреждаться упрощенные нормальные курсы, приготовительные курсы и практическіе, для занятія со школьными учителями и учительницами, а также курсы для подготовки руководительницъ дѣтскими садами".

Интересны слѣдующія статистическія данныя:

	Число учениковъ.	Число учителей.
1897 г.		
Мужчинъ	6.021	677
Женщинъ	720	43
1902 г.		
Мужчинъ.	11.900	956
Женщинъ	2.000	76

Сравненіе между собою чиселъ этой таблицы показываетъ, во-первыхъ, развитіе (по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи)

за послѣднее пятилѣтіе дѣла подготовки учительскаго состава вообще, а во-вторыхъ—обращеніе за это время особеннаго вниманія на подготовку учительницъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ число учениковъ въ названныхъ школахъ за разсматриваемый періодъ не успѣло удвоиться, число ученицъ почти утроилось... И въ Японіи, хотя и позже, чѣмъ въ Европѣ и Америкѣ, признанъ фактъ, что въ начальныхъ школахъ учительницы лучше справляются со своимъ дѣломъ, чѣмъ учителя.

Высшихъ нормальныхъ школъ въ Японіи только двѣ (обѣ въ Токіо): мужская (съ 5-лѣтнимъ курсомъ) и женская (съ 6-лѣтнимъ курсомъ). При обѣихъ состоятъ начальныя школы, и кромѣ того при мужской —средняя мужская школа, а при женской—высшая женская школа *) и дѣтскій садъ, „чтобы дать будущимъ учителямъ и учительницамъ возможность практиковаться въ преподаваніи, а администраціи производить педагогическія изслѣдованія въ строго контролируемыхъ условіяхъ".

Прогрессивное развитіе дѣятельности разсматриваемыхъ нормальныхъ школъ свидѣтельствуется фактомъ, что съ 1897 года до 1902 г. число учениковъ въ мужской школѣ возросло съ 416 до 619, а въ женской—съ 205 до 417, т. е. за пять лѣтъ удвоилось. Замѣтимъ еще, что обѣ школы пользуются въ своей дѣятельности Токійскимъ педагогическимъ музеемъ—учрежденіемъ, которое, по моему мнѣнію, выдержитъ сравненіе съ лучшими учрежденіями этого рода въ Европѣ.

Н. Азбелевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) О высшихъ женскихъ школахъ см. ниже.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

Новыя вліянія въ англійскомъ рабочемъ движеніи.

Было время, когда рабочій классъ въ Англіи далеко не представлялъ собой той мирной общественной силы, какой онъ является теперь. Это было въ первой половинѣ 19-го вѣка, когда рабочіе не имѣли еще избирательныхъ правъ. Въ то же время ихъ экономическое положеніе было въ высшей степени печально. Ихъ права устраивать стачки, организоваться въ рабочіе союзы, имѣть свою собственную прессу были сильно ограничены закономъ; условія труда на фабрикахъ, заводахъ, на фермахъ и въ мастерскихъ были поэтому крайне тяжелы, заработная плата низка, рабочій день чрезмѣрно длиненъ; а цѣны на хлѣбъ и другіе предметы первой необходимости были очень высоки, вслѣдствіе существованія тогда высокихъ таможенныхъ пошлинъ. По словамъ лучшаго изслѣдователя англійскаго рабочаго движенія, Сиднея Вебба, положеніе рабочаго класса постепенно ухудшалось во второй половинѣ 18-го вѣка и въ первой половинѣ 19-го ст. и достигло наиболѣе низкаго уровня приблизительно въ 1837 году. Положеніе труда въ Англіи становилось тяжелѣе по мѣрѣ того, какъ исчезали остатки феодализма и ручной трудъ замѣнялся машинной работой. Исчезновеніе мелкаго земледѣлія съ одной стороны и домашняго и ремесленнаго производствъ съ другой выбрасывали на рабочіе рынки городовъ гораздо большее количество рабочихъ рукъ, чѣмъ того требовало развитіе крупнаго производства, и рабочіе, лишаясь всѣхъ тѣхъ выгодъ, какими они пользовались при отжившемъ патріархальномъ экономическомъ строѣ (мелкая собственность, постоянная работа на опредѣленный рынокъ, охрана интересовъ труда при помощи цеховыхъ организацій), въ то же время не успѣли еще завоевать тѣхъ орудій самозащиты, какими трудящіеся классы располагаютъ при развитомъ капиталистическомъ строѣ. „Можно почти навѣрное сказать, заявляетъ Сидней Веббъ, что тщательное сравненіе условій жизни рабочаго класса въ 1787 и 1837 гг. указало бы на значительное пониженіе уровня этихъ условій во второй изъ этихъ двухъ періодовъ; и весьма возможно, что 1787 г. представлялъ, съ своей стороны, пониженіе сравнительно съ 1737 г."

Къ сожалѣнію, о положеніи рабочихъ классовъ первой половины 18 ст. не сохранилось достаточно данныхъ, и мы не имѣемъ возможности провѣрить, насколько правильно утвержденіе, что положеніе труда непрерывно ухудшалось въ теченіе всего столѣтія, пока совершалась замѣна ручного производства машиной. Но сохранившіеся матеріалы доказываютъ съ несомнѣнностью, что за 40 лѣтъ, протекшихъ отъ начала войнъ Англіи съ Наполеономъ до проведенія первой реформы англійскаго парламента (1832 г.) и вообще до середины 30-хъ гг. прошлаго вѣка,—положеніе трудящихся классовъ значительно ухудшилось и, наконецъ, достигло того предѣла, когда рабочимъ невмоготу стало жить. И чѣмъ тяжелѣе становилось рабочему классу, тѣмъ болѣе усиливалось въ немъ недовольство существующимъ строемъ, тѣмъ легче распространялись среди рабочихъ политическія идеи и тѣмъ революціоннѣе становились ихъ требованія и способы борьбы. Въ парламентскихъ отчетахъ 1834 г. мы находимъ, напримѣръ, такое заявленіе: „Ланкаширъ (область въ Англіи, гдѣ наиболѣе распространены ткацкія и бумагопрядильныя производства) отличался когда-то необычайной преданностью своихъ жителей коронѣ. При началѣ войнъ противъ Наполеона правительство выпустило воззваніе къ ланкаширцамъ, и 30.000 волонтеровъ выступили впередъ; изъ нихъ около 20.000 были ручными ткачами... Осмѣлится ли правительство взывать къ патріотизму этихъ людей, которые живутъ теперь на три шиллинга (1 р. 50 к.) въ недѣлю?"

Три шиллинга въ недѣлю были, конечно, скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ, но въ общемъ положеніе трудящихся классовъ сдѣлалось невыносимымъ, и они сильно волновались въ теченіе всей первой половины 19 в. Волненія эти нерѣдко заканчивались столкновеніями съ полиціей и войсками, при чемъ случались единичныя жертвы съ той и другой стороны. Но какъ ни серьезны бывали эти волненія, они никогда не принимали характера рѣшительнаго, революціоннаго нападенія на правительство. Знаменитый англійскій философъ Бэконъ справедливо замѣчаетъ, что то правительство благоразумно, которое оставляетъ недовольнымъ элементамъ „нѣкоторый лучъ надежды", которое не закрываетъ всѣхъ путей для выхода накопляющихся взрывчатыхъ газовъ общественнаго недовольства. Англійскій народъ никогда не лишался „луча надежды", и ему всегда оставлялись открытыми пути для проявленія своего недовольства. Англійскій за-

конъ начала 19 в. облагалъ пошлиной въ 4 пенса (около 16 к.) каждый экземпляръ общественной политической газеты; этимъ путемъ было до крайности затруднено созданіе дешевой, доступной народу прессы. Но цензуры на печать не было, и свобода слова, хотя и стѣсненная пошлиной, позволяла друзьямъ народа вести, въ предѣлахъ закона, энергичную агитацію въ пользу отмѣны ненавистной „пошлины на знаніе". И подъ давленіемъ этой агитаціи, правительство вынуждено было отмѣнить „пошлину на знаніе": въ 1836 г. пошлина была понижена до 1 пенса, а въ 1855 г. она была окончательно уничтожена.

Въ своей борьбѣ за улучшеніе условій труда, повторяемъ, рабочіе классы Англіи никогда не лишались „лучей надежды". Они пользовались полной личной неприкосновенностью (Habeas Corpus Act), свободой слова и собраній, а съ 1825 г. и свободой союзовъ и стачекъ. Позднѣе, въ 1837 г. возникло „чартистское" движеніе, выставившее на своемъ знамени требованіе народной „хартіи" изъ 6 пунктовъ: всеобщаго избирательнаго права, тайной подачи голосовъ, уничтоженія имущественнаго ценза для депутатовъ, равныхъ избирательныхъ округовъ, жалованья депутатамъ и ежегодныхъ выборовъ въ парламентъ. Въ 1848 году, когда народный лидеръ Фергюсъ О'Конноръ повезъ въ парламентъ петицію о „хартіи", подписанную двумя милліонами человѣкъ, революція казалась многимъ столь неминуемой, что болѣе 150.000 лондонскихъ гражданъ записалось въ „добровольцы" для защиты существующихъ учрежденій. И тѣмъ не менѣе революціи не было ни тогда, ни послѣ, несмотря на то, что пункты народной „хартіи" далеко еще не всѣ осуществлены даже въ настоящее время. Причина этого сравнительно мирнаго характера исторіи Англіи 19 в. заключается въ той гражданской свободѣ, которой пользовались всѣ граждане, не исключая и трудящихся классовъ. Имѣя возможность бороться за улучшеніе условій труда при помощи устнаго и печатнаго слова, массовыхъ собраній въ залахъ и подъ открытымъ небомъ, при помощи стачекъ, рабочихъ союзовъ и устройства производительныхъ и потребительныхъ коопераціи,—трудящіеся классы пользовались одновременно въ большей или меньшей степени всѣми этими способами борьбы какъ экономической, такъ и политической; и они постепенно добивались завоеваній то въ той, то въ другой области общественно-экономической жизни. Они, такимъ образомъ, пріучались видѣть въ „законныхъ" средствахъ борьбы „лучи надежды" на лучшую жизнь, и естественно поэтому, революціонная борьба никогда не могла привлечь къ себѣ соединенныхъ силъ всего рабочаго класса. Съ другой стороны, правящій классъ, благодаря гражданскимъ свободамъ, обезпечивающимъ открытые, законные пути для проявленія народнаго недовольства, могъ всегда судить о степени серьезности въ данное время революціоннаго настроенія массъ; и если это настроеніе дѣлалось дѣйствительно серьезнымъ, правительство сразу взвѣшивало опасность и дѣлало необходимыя уступки. Вся исторія Англіи послѣдняго вѣка представляетъ вслѣдствіе этого исторію компромиссовъ между привилегіями правящихъ класовъ и требованіями рабочихъ. Въ критическій моментъ обѣ стороны уступаютъ другъ другу, предпочитая синицу въ рукахъ журавлямъ въ небѣ. „Не заботьтесь о недостижимомъ, не страдайте изъ-за неосуществимаго", сказалъ рабочимъ одинъ изъ ихъ вождей, Томасъ Бэртъ.

Та или другая политическая партія можетъ держать въ своихъ рукахъ власть только съ молчаливаго или открытаго согласія большинства народа. И въ борьбѣ другъ съ другомъ за власть обѣ господствующія буржуазныя партіи, либеральная и консервативная, поневолѣ должны искать поддержки у рабочаго класса и покупать эту поддержку цѣной широкихъ обѣщаній и, время отъ времени, дѣйствительныхъ уступокъ.

Владѣя цѣлымъ арсеналомъ орудій борьбы, англійскіе рабочіе въ теченіе своихъ долголѣтнихъ и непрестанныхъ усилій улучшить свое положеніе получили возможность оцѣнить сравнительную плодотворность тѣхъ или другихъ изъ этихъ орудій. Они убѣдились, что умѣлымъ и организованнымъ пользованіемъ законными орудіями, находящимися къ ихъ услугамъ, благодаря гражданской свободѣ, они раньше или позже добиваются удовлетворенія своихъ требованій, и они поэтому совершенно отвернулись отъ революціонныхъ путей борьбы, стоившихъ имъ слишкомъ большихъ жертвъ. Исчезновенію революціонныхъ движеній во второй половинѣ 19 в. помогло, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ и то обстоятельство, что промышленность въ Англіи стала быстро развиваться (вслѣдствіе отмѣны таможенныхъ пошлинъ), и заработокъ сдѣлался болѣе постояннымъ и устойчивымъ. Рабочіе получили возможность *ждать* и потому предпочли медленную, но вѣрную законную борьбу быстрымъ, но невѣрнымъ революціоннымъ средствамъ. Трэдъ-юніонизмъ—союзы— и кооперація, эти два родственныхъ потока рабочаго движенія, росли и развивались въ теченіе всей второй половины прошлаго вѣка, и въ настоящее время число членовъ англійскихъ тредъ-юніоновъ достигаетъ двухъ милліоновъ, а число членовъ артелей—кооперативныхъ обществъ—далеко превысило эту цифру. Объединеніе такой массы людей въ солидарныя организаціи представляетъ собой могучую общественную силу, даже если эта сила и не принимаетъ прямого участія въ парламентской жизни. При помощи одной только стачечной борьбы трэдъ-юніонамъ удалось мало-помалу добиться улучшенія условій труда въ каждой отдѣльной отрасли производства; а путемъ косвеннаго давленія на парламентъ имъ удавалось также проводить время отъ времени полезные для нихъ рабочіе законы. Джорджъ Хоувелль, въ своей книгѣ *Trade-Unionism New and Old*, насчитываетъ 36 новыхъ законовъ, изданныхъ въ интересахъ рабочихъ за десять только лѣтъ (1890—1900). Рабочіе поэтому не чувствовали настоятельной необходимости имѣть свою собственную рабочую партію въ палатѣ общинъ. Мы видѣли уже*), какихъ громадныхъ денегъ стоятъ выборы въ англійскій парламентъ; и хотя въ кассахъ трэдъ-юніоновъ имѣется нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, накопленныхъ отъ членскихъ взносовъ,—рабочіе отказывались тратить эти деньги на политическую борьбу, казавшуюся имъ ненужной роскошью. Они предоставляли пользоваться почти всѣми мѣстами въ парламентѣ владѣющимъ классамъ, и зачастую они избирали своими представителями въ палату общинъ тѣхъ самыхъ предпринимателей, на чьихъ фабрикахъ они работали и противъ которыхъ они неутомимо боролись на экономической почвѣ. Такимъ образомъ какъ бы оправдывались слова англійскаго писателя Темпля: „If the sheep would have a vote they

*) См. „Недостатки англійской парламентской системы", въ „Журн. для всѣхъ" за мартъ 1905 г.

would elect their butcher",—если бы овцамъ были даны избирательныя права, онѣ выбрали бы своими представителями мясника.

За послѣднія 10—15 лѣтъ, однако, жизнь стала давать жестокіе уроки политической мудрости англійскому рабочему классу. Конкуренція новыхъ капиталистическихъ странъ стала тѣснить англійскіе товары на международномъ рынкѣ и задерживать ростъ англійской промышленности. Число безработныхъ стало расти и завоеваннымъ раньше рабочими улучшеніямъ стала грозить серьезная опасность. Предприниматели всей Англіи сорганизовались въ могучій союзъ — Федерацію хозяевъ, и эта федерація, владѣющая колоссальными капиталами, сохраняющая въ тайнѣ принятыя ею мѣры борьбы и рѣшенія противъ рабочихъ и имѣющая въ своихъ рукахъ парламентъ,—очень скоро оказалась сильнѣе трэдъ-юніоновъ. Въ 1893 г. большинство хозяевъ каменноугольныхъ копей вошло между собой въ соглашеніе, чтобы понизить заработную плату углекоповъ на $2^1/_2$ рубля въ недѣлю. Свое рѣшеніе они мотивировали тѣмъ, что цѣны на уголь тогда пали вслѣдствіе перепроизводства. Рабочіе рѣшили бороться. „Если мы уступимъ, говорили они, то гдѣ гарантія, что черезъ нѣкоторое время хозяева не потребуютъ дальнѣйшаго пониженія разцѣнокъ"? Началась стачка, въ которой участвовало до 300.000 углекоповъ. Борьба была неравная. У рабочихъ было запасено нѣсколько милліоновъ рублей въ ихъ стачечной кассѣ, и въ то же время трэдъ-юніоны всѣхъ другихъ отраслей промышленности имъ усердно помогали деньгами во все время стачки. Но что значатъ милліоны рублей, когда нужно было кормить 300.000 семействъ? Съ другой стороны въ боевой кассѣ Федераціи хозяевъ имѣлось нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, и они вначалѣ стачки не только не терпѣли убытковъ, но даже получали крупные барыши, такъ какъ они успѣли запасти, готовясь къ стачкѣ, цѣлыя горы каменнаго угля, который и продали во время стачки по очень высокимъ цѣнамъ: дѣло было зимою, спросъ на уголь былъ сильный, и цѣны поднялись быстро, вслѣдствіе прекращенія работъ въ копяхъ. Тѣмъ не менѣе, углекопы въ теченіе пяти мѣсяцевъ стойко продолжали борьбу, пока, наконецъ, хозяева не нашли, что имъ болѣе невыгодно держать свои копи закрытыми и не сдѣлали кое-какимъ пустыхъ уступокъ истощеннымъ отъ голода рабочимъ. Стачка прекратилась, но побѣда, хотя и неполная, была на сторонѣ хозяевъ. Еще болѣе упорной была борьба Союза металлическихъ рабочихъ (Amalgamated Society of Engineers) противъ Федераціи хозяевъ. Этотъ союзъ, насчитывающій около 80.000 членовъ, забастовалъ въ 1897 г., требуя установленія въ ихъ отрасли промышленности 8-ми часового рабочаго дня, вмѣсто существующаго 9-ти часового. Стачка длилась болѣе полугода (26 недѣль) и закончилась полной побѣдой Федераціи хозяевъ. Такимъ же пораженіемъ кончились двѣ стачки пенринскихъ рабочихъ, изъ коихъ первая длилась 11 мѣсяцевъ, а вторая почти *три года**).

Стачки эти были проиграны рабочими потому, что имъ приходилось бороться уже не противъ отдѣльныхъ предпринимателей, а противъ всего класса хозяевъ, объединенныхъ въ федерацію. И рабочіе на дѣлѣ убѣдились, что одной только экономической борьбой они не могутъ болѣе противостоять силѣ предпринимателей. Думали они было попробовать объединить всѣ трэдъ-юніоны въ одну двухмилліонную федерацію рабочихъ, но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ оказалось, что такая гигантская организація не въ силахъ работать съ быстротой, необходимой въ горячее время борьбы. Рабочіе стали поэтому искать новыхъ орудій для защиты своихъ интересовъ, а событія самыхъ послѣднихъ лѣтъ показали рабочимъ, что имъ приходится думать уже о прямой защитѣ того, что они отвоевали цѣной столѣтней борьбы и страданій. Когда хозяева почувствовали, что они сильнѣе трэдъ-юніоновъ, они пустили въ ходъ парламентъ и судъ, чтобы уничтожить совсѣмъ силу рабочихъ союзовъ и отягчить, въ свою пользу, положеніе рабочаго класса. Тяжесть налоговъ, падающихъ на рабочіе классы, была значительно увеличена, и въ то же время простымъ рѣшеніемъ суда была отмѣнена неприкосновенность трэдъ-юніонистскихъ кассъ. Этимъ былъ нанесенъ ударъ уже не тому или иному трэдъ-юніону, а самому существованію трэдъ-юніонизма вообще. Во время стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ Тафвальской компаніи, 1900 г., хозяева предъявили въ судъ искъ къ Объединенному союзу желѣзнодорожныхъ рабочихъ, требуя возмѣщенія убытковъ за причиненныя стачкой компаніи потери, опредѣленныя ею въ 27.000 ф. ст. (свыше четверти милліона рублей). Поводомъ для этого иска послужило то, что одно изъ должностныхъ лицъ трэдъ-юніона занималось „picketing", т. е. стояло у входа въ желѣзнодорожныя мастерскія и убѣждало рабочихъ не работать. Picketing считалось законнымъ въ теченіе четверти вѣка, но теперь компанія вздумала оспаривать это право. Дѣло это тянулось болѣе двухъ лѣтъ, и трэдъ-юніонъ проигралъ во всѣхъ инстанціяхъ, затративъ около 100.000 рублей на судебныя издержки. Судъ, вѣроятно подъ закулиснымъ давленіемъ правительства, призналъ въ принципѣ, что picketing запрещено закономъ и что всякій трэдъ-юніонъ отвѣтственъ своей казной за дѣйствія своихъ должностныхъ лицъ, и присудилъ взыскать съ Объединеннаго союза жел.-дорожныхъ рабочихъ въ пользу Тафвальской компаніи 23.000 ф. ст. (около 220.000 рублей). Палата лордовъ, занимающая въ Англіи положеніе высшей судебной инстанціи, подтвердила это рѣшеніе, и сумма эта была взыскана съ союза.

Съ тѣхъ поръ еще нѣсколько подобныхъ же тяжбъ было рѣшено противъ рабочихъ союзовъ, и положеніе тредъ-юніонизма сдѣлалось крайне шаткимъ. По закону 1875 г. было признано, что „всякое дѣйствіе, совершенное нѣсколькими лицами или союзомъ, должно считаться ненаказуемымъ, если такое же дѣйствіе, совершенное однимъ лицомъ, считается ненаказуемымъ. Поэтому, право picketing, т. е. право, принадлежащее каждому отдѣльному лицу, убѣждать мирными средствами своихъ товарищей, чтобы они присоединились къ стачкѣ,—такое право законъ болѣе или менѣе ясно призналъ и за цѣлымъ союзомъ. Безъ такого права стачки дѣлаются крайне затрудненными для рабочихъ. И въ теченіе четверти вѣка никто не оспаривалъ этого права у союзовъ; теперь же палата лордовъ лишила ихъ этого основного права. Сверхъ того, по тому же закону 1875 г., тредъ-юніоны не признавались юридическими лицами; иначе говоря, рабочій союзъ не считался отвѣтственнымъ за дѣйствія того или иного

*) Эти стачки весьма характерны, и мы поэтому даемъ отдѣльный очеркъ жизни пенринскихъ рабочихъ.

изъ своихъ членовъ или должностныхъ лицъ (секретарей, кассировъ, организаторовъ и т. п.). Поэтому касса его была неприкосновенна. Теперь же судъ нашелъ, что трэдъ-юніоны отвѣтственны всей своей казной за правонарушенія, совершенныя секретарями союзовъ или другими ихъ должностными лицами. Это подкашиваетъ въ корнѣ всякую возможность бороться противъ хозяевъ путемъ стачки. Лишь только рабочій союзъ объявляетъ стачку, хозяинъ заявляетъ, что онъ по суду потребуетъ убытковъ изъ кассы союза, и рабочимъ приходится подчиниться.

Англійскій трэдъ-юніонъ не есть просто организація рабочихъ для взаимо-помощи во время стачки. Трэдъ-юніонъ есть общество съ весьма сложными задачами. Онъ даетъ еженедѣльное пособіе своимъ членамъ, не имѣющимъ работы; онъ помогаетъ имъ, если они заболѣютъ; онъ даетъ имъ пенсію при старости, когда они достигаютъ опредѣленнаго возраста; онъ выдаетъ опредѣленную сумму вдовѣ на похороны умершаго члена и т. д. Возьмемъ для примѣра 100 главныхъ трэдъ-юніоновъ Англіи. Число членовъ этихъ ста союзовъ равнялось въ 1903 г.—1.133.640. Каждый членъ вноситъ въ среднемъ около 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ*), и доходъ этихъ ста союзовъ за весь годъ равнялся около 20,7 милліоновъ руб. Расходъ за годъ равнялся 18,9 милліоновъ: изъ нихъ на помощь стачечникамъ было истрачено только 1,7 милліона р.; безработнымъ членамъ выдано было 5 милліоновъ р.; а на похороны, болѣзни, пенсіи и т. п. были истрачены остальные 12 мил. р. И, несмотря на эти колоссальные расходы, въ кассахъ упомянутыхъ ста трэдъ-юніоновъ накопилось въ настоящее время свыше 40 милліоновъ рублей. Эти немногія цифры показываютъ, какой громадной денежной силой располагаютъ трэдъ-юніоны. Но отнимите у нихъ эти силы, и вы, въ сущности, лишите рабочій классъ возможности вести сколько-нибудь успѣшную борьбу на чисто экономической почвѣ. Вотъ почему прямымъ результатомъ приведенныхъ выше судебныхъ рѣшеній долженъ явиться переходъ англійскаго рабочаго класса къ политической борьбѣ. „Разъ парламентъ и судъ парализуютъ рабочіе союзы, рабочіе союзы должны завоевать преобладающее вліяніе въ судѣ и парламентѣ“,—такъ говорятъ теперь здѣшніе рабочіе вожди.

Надо замѣтить, однако, что попытка рабочихъ проникнуть въ парламентъ не нова въ Англіи. Въ концѣ 60-хъ гг. прошлаго вѣка трэдъ-юніоны также подверглись преслѣдованію со стороны суда, и рабочіе тогда тоже выставили своихъ кандидатовъ въ парламентъ. Въ 1874 г. двое рабочихъ-углекоповъ были выбраны въ палату общинъ, и издержки на ихъ выборы и содержаніе были оплачены Союзомъ углекоповъ. Эта попытка рабочихъ перейти къ политической борьбѣ такъ напугала Дизраэли, стоявшаго тогда во главѣ министерства, что онъ въ слѣдующемъ же году провелъ законъ, обезпечившій трэдъ-юніонамъ на цѣлыхъ 25 лѣтъ спокойное существованіе (вышеупомянутый законъ 1875 г.). Этой своевременной уступкой правительство надолго задержало политическое движеніе рабочаго класса. Рабочіе всецѣло занялись укрѣпленіемъ своихъ трэдъ-юніоновъ и экономической борьбой, и снова предоставили парламентъ правящимъ классамъ. Рабочее представительство въ палатѣ общинъ шло впередъ крайне медленно и невѣрными шагами, какъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Въ 1874	г.	было выбрано	2	рабоч.	депут.
„ 1880	„	„ „	3	„	„
„ 1885	„	„ „	11	„	„
„ 1886	„	„ „	9	„	„
„ 1892	„	„ „	15	„	„
„ 1895	„	„ „	12	„	„
„ 1900	„	„ „	11	„	„

Если бы рабочее представительство продолжало прогрессировать и впредь столь же медленно, рабочій классъ могъ бы получить большинство мѣстъ въ палатѣ общинъ не раньше, какъ черезъ 6—7 столѣтій. Но и выбранные до сихъ поръ депутаты отъ рабочихъ никоимъ образомъ не могутъ считаться представителями рабочаго класса, какъ я уже говорилъ въ прошломъ очеркѣ. Они не имѣютъ никакой общей программы, и во всѣхъ вопросахъ, кромѣ вопросовъ, касающихся непосредственно интересовъ трэдъ-юніона, пославшаго ихъ въ парламентъ, они слѣдуютъ за либеральной партіей и, такъ сказать, плетутся въ ея хвостѣ. На положеніе независимой партіи, преслѣдующей классовыя задачи, они никогда не претендовали, и поэтому вліяніе ихъ въ палатѣ ничтожно.

Взгляды многихъ рабочихъ, естественно, измѣнились послѣ стачекъ металлическихъ рабочихъ, пенринской и тафвальской, и въ особенности послѣ упомянутыхъ судебныхъ рѣшеній. Рабочій классъ все болѣе теперь приходитъ къ убѣжденію въ необходимости созданія своей собственной рабочей партіи, которая завоевала бы достаточное количество мѣстъ въ палатѣ общинъ и образовала бы тамъ самостоятельную группу, независимую отъ консерваторовъ или либераловъ и имѣющую своею цѣлью проведеніе мѣръ, направленныхъ къ улучшенію условій труда. Для достиженія этой цѣли въ концѣ 1900 г. состоялся съѣздъ представителей отъ трэдъ-юніонистскихъ и соціалистическихъ организацій, и на этомъ съѣздѣ было положено основаніе Комитету рабочаго представительства (Labour Representation Committee), члены котораго обязываются вносить одинъ пенсъ (около 4 коп.) въ годъ для покрытія издержекъ на выборы и содержаніе рабочихъ представителей въ парламентѣ. Комитетъ этотъ принимаетъ въ члены не отдѣльныхъ рабочихъ, а союзы рабочихъ, трэдъ-юніоны и другія организаціи. Число членовъ такихъ союзовъ, присоединившихся къ комитету, въ настоящее время уже превышаетъ 900.000, и въ „парламентскомъ фондѣ“ комитета пока имѣется свыше 60.000 руб.

Сравнительно съ прежними попытками созданія рабочей политической партіи, нельзя не признать быстроту роста комитета поразительной. За четыре года своего существованія комитету уже удалось провести въ парламентъ 5 своихъ членовъ и подготовить около 50 кандидатуръ для ближайшихъ всеобщихъ выборовъ. Насколько сильно этотъ успѣхъ повліялъ на правящіе классы, можно видѣть изъ того, какъ отнеслась палата общинъ къ рабочему биллю, имѣющему цѣлью узаконить picketing и сдѣлать неприкосновенными кассы трэдъ-юніоновъ. Этотъ законопроектъ былъ впервые внесенъ въ палату въ 1903 году. Правительство высказалось противъ него, и онъ былъ отвергнутъ 256 голосами противъ 226. Въ 1904 г. этотъ билль снова былъ внесенъ въ палату общинъ, и

*) Взносы колеблются, смотря по союзамъ. Наименьшій взносъ равняется 35 коп. въ мѣсяцъ, наивысшій—три рубля. Величина взноса зависитъ отъ того, насколько сложными задачами задается союзъ.

правительство снова заявило, что оно не можетъ поддерживать его; тѣмъ не менѣе билль прошелъ вторымъ чтеніемъ большинствомъ 238 голосовъ противъ 199. Но при дальнѣйшемъ обсужденіи противникамъ билля удалось провалить его. Наконецъ, въ мартѣ этого года билль былъ въ третій разъ внесенъ въ палату общинъ; правительство на этотъ разъ сочло благоразумнымъ не вмѣшиваться въ дебаты, и билль прошелъ вторымъ чтеніемъ огромнымъ большинствомъ, въ 122 голоса (254 противъ 132). Многіе депутаты, голосовавшіе за билль, дѣлали это исключительно изъ боязни передъ своими избирателями и въ надеждѣ, что противники билля сумѣютъ провалить его при третьемъ чтеніи. И нѣтъ сомнѣнія, что, если билль и пройдетъ черезъ палату общинъ, онъ непремѣнно будетъ отвергнутъ палатой лордовъ. Но если Комитетъ рабочаго представительства будетъ развиваться и впредь съ такой же быстротой, съ какой онъ прогрессировалъ до нынѣшняго года, палата лордовъ уступитъ его требованіямъ и если не въ этомъ году, то въ будущемъ приметъ рабочій билль.

Надо, однако, замѣтить, что успѣхъ комитета еще далеко не обезпеченъ. За самые послѣдніе мѣсяцы ростъ числа членовъ пріостановился.

Въ 1900—1 г.	число	член.	ком.	равн.		375.931
„ 1901—2	„	„	„	„	„	469.311
„ 1902—3	„	„	„	„	„	861.150
„ 1903—4	„	„	„	„	„	969.800
„ 1904—5	„	„	„	„	„	900.100

Рабочій классъ Англіи все еще не можетъ вполнѣ отдѣлаться отъ своего недовѣрія къ политической борьбѣ, и большая половина трэдъ-юніонистовъ до сихъ поръ еще не присоединилась къ комитету. „Наши рабочіе по инстинкту консерваторы, сказалъ въ своей предсѣдательской рѣчи Джонъ Ходжъ на конференціи комитета 1904 г.,—и нужно очень сильное убѣжденіе, чтобы порвать со старыми связями, общественными, политическими или религіозными“. Большинство англійскихъ рабочихъ до сихъ поръ этихъ связей еще не порвало и именно потому, что у нихъ еще нѣтъ твердой вѣры въ комитетъ. Если бы эта вѣра была, рабочій классъ въ массѣ присоединился бы къ нему, и каждый членъ его сталъ бы вносить на парламентскую борьбу не пенсъ, а шиллингъ, какъ вначалѣ предполагалось. Тогда у комитета было бы 4 милліона членовъ (сумма членовъ всѣхъ трэдъ-юніоновъ и кооперативныхъ обществъ), и членскіе взносы доставили бы ему два милліона рублей въ годъ. Съ такими силами комитету дѣйствительно удалось бы создать въ самое короткое время независимую и вліятельную рабочую партію въ парламентѣ. Но такой вѣры комитетъ вселить въ рабочемъ классѣ еще не можетъ, потому что онъ до сихъ поръ еще не рѣшился выступить съ ясной программой. Единственный пунктъ его программы, ясно формулированный, заключается въ томъ, что члены комитета, попавшіе въ парламентъ, должны образовать тамъ рабочую партію, вполнѣ независимую отъ консервативной или либеральной партіи, и что эти члены не имѣютъ права поддерживать либеральныхъ или консервативныхъ кандидатовъ на выборахъ. „Мы должны быть независимы въ парламентѣ, говорится въ одномъ изъ изданій комитета,—для того, чтобы мы могли слѣдовать нашей собственной рабочей политикѣ, чтобы мы могли принять наиболѣе дѣйствительныя мѣры для установленія торжества правъ труда и для улучшенія условій жизни народа“. Но въ чемъ заключается программа этой рабочей политики? Комитетъ перечисляетъ рядъ мѣръ, какъ: пенсіи для престарѣлыхъ рабочихъ, улучшенныя жилища, свобода торговли, мѣры для народнаго образованія и т. д. Но всѣ эти мѣры входятъ въ программу и либеральной партіи, по крайней мѣрѣ, радикальной ея части, и многіе рабочіе спрашиваютъ, почему же отдѣлять рабочую партію отъ либеральной, почему запрещать всякій союзъ между ними? Именно поэтому отдѣлился отъ комитета такой талантливый рабочій членъ парламента, какъ Ричардъ Белль. Поэтому также не присоединяется къ комитету другой, еще болѣе талантливый и вліятельный, рабочій депутатъ Джонъ Бернсъ. Эти два рабочихъ вождя требуютъ для себя права дѣйствовать въ союзѣ съ либералами, когда они найдутъ это полезнымъ.

Д. Альбіоновъ.

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

Прорывъ нашего южнаго фронта на участкѣ его между с. Кіузань и д. Тита, равно какъ дальнѣйшее распространеніе обходнаго движенія противника, появившагося у с. Тасинтунь, послужили ближайшими тактическими причинами отхода нашихъ армій на сѣверъ. Въ ночь на 25 февраля ген. Куропаткинъ отдалъ приказъ объ общемъ отступленіи, которое подъ вліяніемъ создавшейся обстановки приняло безпорядочный, стремительный характеръ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ офиціальныя извѣщенія ничего почти не говорятъ о причинахъ, создавшихъ тяжкія условія для отвода главныхъ нашихъ силъ, и мы принуждены ограничиться при описаніи перваго, самаго труднаго, періода отступленія частными источниками, русскими и иностранными. Выясняется при этомъ, что замѣшательство въ рядахъ отступающей арміи обусловливалось не только внѣшними причинами, къ которымъ надо отнести проникновеніе отрядовъ противника въ тылъ нашего расположенія и угрожающее положеніе, занятое арміей ген. Ноги на нашемъ правомъ флангѣ,—но и обстоятельствами, стоящими въ связи съ дѣломъ организаціи самаго отхода. По свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ, приказъ о движеніи обозовъ къ сѣверу былъ отданъ главнокомандующимъ еще 23 февраля, но по неизвѣстнымъ причинамъ онъ не былъ приведенъ въ исполненіе до начала общаго отступленія. Сообщаютъ, кромѣ того, что 3-й арміи было предписано двигаться по дорогамъ къ востоку отъ желѣзнодорожнаго полотна, 2-й арміи—придерживаться западныхъ путей и силамъ ген. Линевича отходить по своимъ, спеціально разработаннымъ дорогамъ отъ Фушуна на Тѣлинъ. Но, какъ это въ настоящее время выясняется, правильный отходъ выполнила только 1-я армія. Что же касается силъ ген. Бильдерлинга (3 армія), то уже при отступленіи съ позицій на рѣкѣ Шахэ части его арміи сдвинулись значительно западнѣе, чѣмъ то слѣдовало изъ предписанія ген. Куропаткина, и въ результатѣ образовались ослабленія фронта между 1-й и 3-й арміей, чѣмъ и воспользовались японцы, прорвавъ его на участкѣ Кіузань-Тита. Позже, во время уже общаго отступленія, части 2-й и

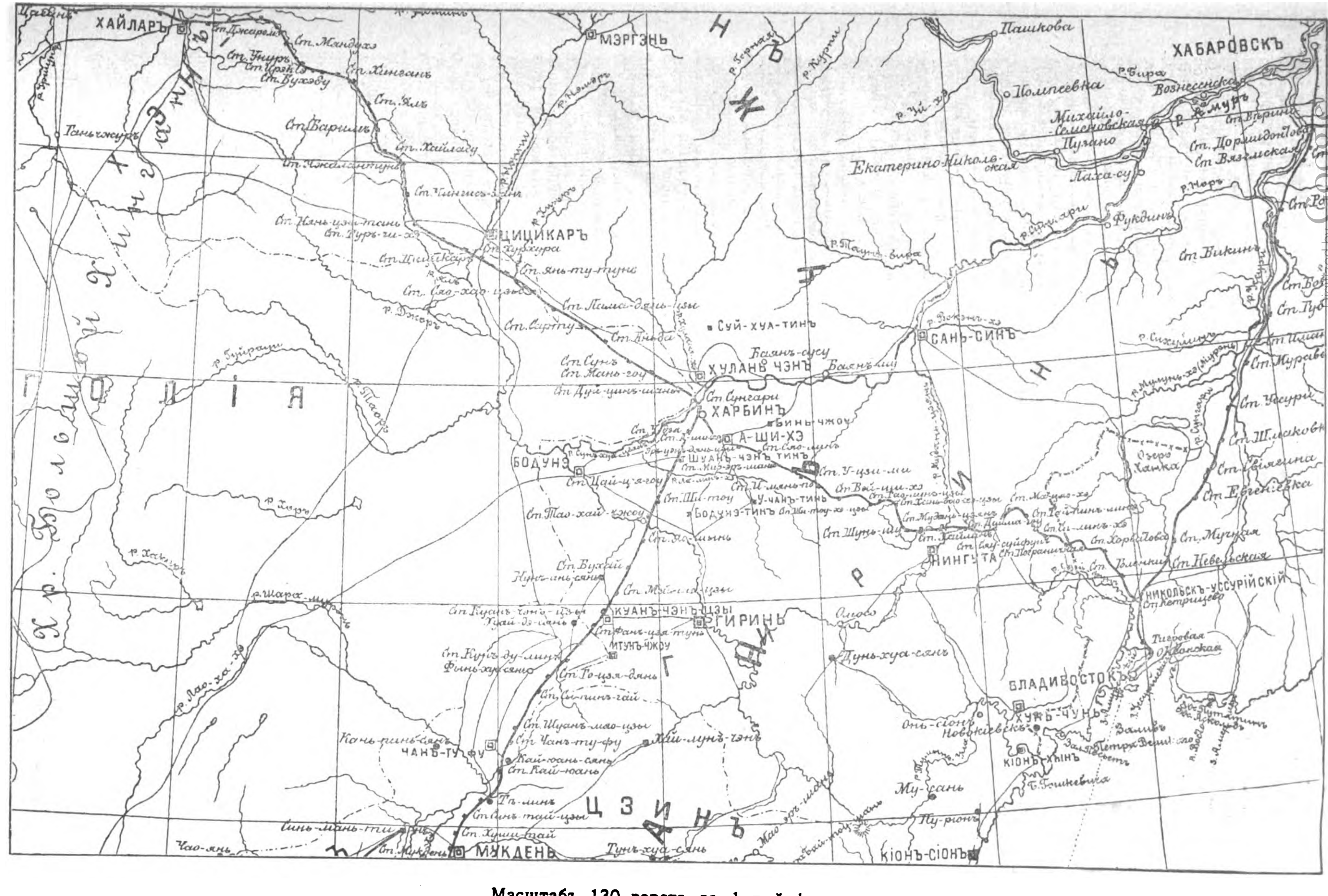
3-й арміи, подъ давленіемъ противника съ востока и запада, устремились по одной дорогѣ. Здѣсь перемѣшались войска, обозы военные и частные, госпитали и артиллерія. Днемъ, 25 февраля, этотъ безпорядочный потокъ людей, повозокъ и орудій подвергся артиллерійскому обстрѣливанію со стороны селеній Пухэ и Давана и изъ орудій западной обходящей арміи. Движеніе совершенно разстроилось и обозы двигались цѣлиной, по мѣстности, пересѣченной многочисленными рѣчками съ крутыми берегами. Приходилось подготовлять въ саперномъ отношеніи переправы, которыя при спѣшности работы не могли, конечно, отвѣчать своему назначенію. Въ такихъ мѣстахъ образовались пробки изъ обозовъ, и движеніе войскъ замедлялось, чѣмъ вносилось еще большее замѣшательство въ напиравшія сзади части. Въ этотъ періодъ отступленія дезорганизація арміи въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигла высшей формы своего выраженія, характеризующейся признаками мародерства и дезертирства (корреспонденція газеты „Рус. Сл.", № 63). Наиболѣе трудно пришлось 2-й арміи, которая прикрывала отходъ силъ ген. Бильдерлинга и нѣкоторыя части которой, расположенныя къ юго-западу отъ Мукдена, должны были пробиваться. Именно здѣсь, если вѣрить японскимъ источникамъ, части нашихъ разрозненныхъ отрядовъ были взяты въ плѣнъ противникомъ Неизбѣжнымъ результатомъ подобнаго оборота дѣла явились громадныя потери людьми, утрата части артиллеріи съ ея боевыми запасами и большей части собраннаго здѣсь продовольствія.

26 февраля аріергардъ 3-й арміи былъ уже въ 25 верстахъ къ югу отъ Тѣлина по мандаринской дорогѣ, части арміи ген. Каульбарса двигались уступомъ южнѣе и уступомъ впереди 2-й и 3-й армій отступалъ по восточнымъ дорогамъ ген. Линевичъ. Съ этого времени отступленіе повидимому, принимаетъ болѣе правильный характеръ, и въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней наши арміи занимаютъ позиціи въ районѣ рѣкъ Фаньхэ и Чайхэ, лѣвыхъ притоковъ р. Ляохэ, берущихъ начало на сѣверныхъ склонахъ хребта Хамалинъ. Здѣсь, на тѣлинскихъ позиціяхъ, главнокомандующій до нѣкоторой степени возстановилъ порядокъ въ разстроенныхъ частяхъ, организовалъ обозы 1-го разряда и сосредоточилъ въ аріергардѣ тѣ части свѣжихъ войскъ и части бывшей въ дѣлѣ арміи, которыя не были дезорганизованы. По крайней мѣрѣ, уже 1 марта одинъ изъ сибирскихъ корпусовъ съ успѣхомъ отразилъ попытку японцевъ прорвать нашъ центръ на р. Фаньхэ. На слѣдующій же день наши аріергарды, остановившіеся послѣ отхода изъ Тѣлина на гребнѣ высотъ у деревни Палицуанъ, въ 4 верстахъ къ сѣверу отъ устья р. Чайхэ,—отбили рядъ атакъ японскаго авангарда и не позволили ему продвинуться впередъ. Тѣмъ не менѣе отходъ подъ прикрытіемъ аріергадовъ продолжался, такъ какъ постоянный обходъ нашей арміи въ западномъ направленіи дѣлалъ для нея невозможной сколько-нибудь значительную остановку. Аріергарды заняли въ этотъ день позиціи у деревни Каолицзанъ, расположенной приблизительно на серединѣ излучины, образуемой въ этомъ мѣстѣ рѣкой Ляохэ; но, въ связи съ появленіемъ противника въ Факумынѣ, принуждены были отступить въ сѣверномъ направленіи. 4 марта командованіе всѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствующими противъ Японіи, ген. Куропаткинъ сдалъ ген. Линевичу, который въ послѣдующіе дни продолжалъ намѣченное въ цѣляхъ сосредоточенія движеніе нашихъ армій къ сѣверу. Въ теченіе этого времени боевыя столкновенія происходили только въ аріергардахъ и не носили серьезнаго характера. Войска наши, отступая, разрушали мосты, постройки и другія желѣзнодорожныя сооруженія. 7 марта ген. Линевичъ далъ арміямъ дневку, первую послѣ оставленія Тѣлина. День этотъ, повидимому, можно считать концомъ непосредственнаго, тѣснаго преслѣдованія нашихъ отходящихъ силъ противникомъ. Насѣданіе крупныхъ отрядовъ непріятеля прекратилось и, взамѣнъ того, японцы установили постоянную связь съ нашими аріергардами черезъ посредство своей кавалеріи. Произведенное въ послѣдующіе дни дальнѣйшее отступленіе нашихъ армій почти остановилось къ 11 марта, когда противникъ прекратилъ насѣданіе даже мелкими кавалерійскими частями. Линія соприкосновенія нашихъ аріергардовъ и передовыхъ частей авангарда противника установилась на высотѣ ст. Сыпингай, при чемъ фронтъ расположенія японской арміи обозначился селеніями Мыньхуанчай—Хунтанфу—Эршаотунь, т. е. линіей, перпендикулярной къ полотну желѣзной дороги, верстахъ въ 10 къ сѣверу отъ ст. Чантуфу. Начиная съ 11 марта на фронтѣ боевого расположенія враждующихъ армій наступило видимое затишье, обусловливаемое какъ понятнымъ утомленіемъ обѣихъ сторонъ, такъ и значительными затрудненіями, созданными наступившей распутицей. Судя же по иностраннымъ извѣстіямъ, пріостановка движенія японскихъ главныхъ силъ является результатомъ стратегическихъ соображеній, въ силу которыхъ значительные отряды противника выполняютъ въ настоящее время глубокіе обходы въ восточномъ и западномъ направленіяхъ. При такихъ условіяхъ дальнѣйшее наше движеніе къ сѣверу, очевидно, является нежелательнымъ для маршала Оямы, и пріостановка имъ наступленія вдоль полотна желѣзной дороги логически вытекаетъ изъ предполагаемыхъ его соображеній.

Проигранное нами при Мукденѣ сраженіе—величайшее, какое знаетъ мировая военная исторія. Полный его учетъ принадлежитъ будущему. Мы же, не выходя изъ рамокъ военнаго обозрѣнія, коснемся нѣкоторыхъ стратегическихъ послѣдствій, которыя изъ него вытекаютъ и которыя могутъ оказать рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія операціи обѣихъ сторонъ.

13 мѣсяцевъ мы вынуждены были вести активную оборонительную войну, постепенно сосредоточивая такую армію, съ которой мы могли бы наконецъ перейти въ наступленіе. Періодъ зимняго затишья, позволившій намъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безпрепятственно увеличивать численность нашихъ армій, приковавъ преобладающаго въ силахъ противника къ одному мѣсту, создалъ положеніе дѣлъ, лучше котораго мы врядъ ли скоро дождемся въ текущую войну.

Пораженіе наше при такихъ обстоятельствахъ особенно тягостно и не можетъ не имѣть глубокихъ, коренныхъ послѣдствій для настоящей борьбы, выражающихся въ самомъ общемъ случаѣ измѣненіемъ политическихъ ея цѣлей какъ для насъ, такъ и для нашего противника. Если до Мукденскаго сраженія мы оборонялись, имѣя въ виду перейти въ наступленіе для обратнаго занятія утраченной нами территоріи, то въ настоящее время мы стремительно отступаемъ съ цѣлью получить возможность вести активную оборону подступовъ къ нашему Пріамурью, а можетъ быть, и самого Пріамурья. Этимъ общимъ положе-

Масштабъ 130 верстъ въ 1 дюймъ.

ніемъ опредѣлился характеръ ближайшихъ операцій.

Арміи наши были сдвинуты изъ-подъ Мукдена съ такой силой, что ихъ стремительное движеніе не могло быть остановлено даже на тѣлинскихъ позиціяхъ, являющихся стратегическимъ ключомъ при переходѣ изъ южной въ среднюю Манчжурію. Въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи наши главныя силы встрѣтятъ первыя, удобныя въ смыслѣ обороны, позиціи въ бассейнѣ рѣкъ Сунгари и Нонни. Удерживаніе за собою на возможно болѣе продолжительный срокъ этой области важно для насъ по многимъ причинамъ. Мы, прежде всего, обезпечиваемъ себѣ обильное и сравнительно дешевое продовольствіе нашихъ армій средствами богатой хлѣбородной Гиринской области. Вся провозоспособность Сибирской магистрали можетъ быть при этомъ обращена на усиленный подвозъ подкрѣпленій изъ Европейской Россіи и на доставку артиллеріи и боевыхъ припасовъ, столь нужныхъ въ настоящее время для ген. Линевича. Задержаніе противника въ мѣстахъ, возможно болѣе удаленныхъ къ югу отъ Харбина, обезпечиваетъ нашу главную коммуникаціонную линію отъ ударовъ обходныхъ отрядовъ непріятеля.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ближе расположены наши главныя силы отъ Харбина, тѣмъ болѣе обнажается ихъ главная жизненная артерія — желѣзнодорожный путь, ломающій въ этомъ пунктѣ свое направленіе на 90°. Съ отступленіемъ арміи ген. Линевича къ сѣверу, фронтъ ея расположенія постепенно дѣлался параллельнымъ своей коммуникаціи, что, конечно, недопустимо. Наступитъ, безъ сомнѣнія, такой моментъ, когда отступленіе наше въ сѣверномъ направленіи должно будетъ измѣниться на западное, дабы прикрыть Сибирскую магистраль перпендикулярнымъ къ ней расположеніемъ фронта армій. Такимъ образомъ оттѣсненіе нашихъ армій съ нѣкоторыхъ позицій къ югу отъ Харбина будетъ имѣть послѣдствіемъ очищеніе и этого послѣдняго, или, другими словами, борьба за Харбинъ, благодаря направленіямъ желѣзнодорожныхъ линій, можетъ вестись только на позиціяхъ, довольно значительно расположенныхъ къ югу отъ него.

Первой оборонительной линіей, удовлетворяющей указаннымъ условіямъ, является рядъ позицій между ст. Куанченцзы и Гириномъ. Правый флангъ расположенныхъ здѣсь армій питался бы желѣзнодорожнымъ путемъ, лѣвый — мандаринской дорогой изъ Гирина, черезъ Тао-хай-чжоу, на Бодунэ и параллельнымъ этой дорогѣ теченіемъ рѣки Сунгари, судоходной для мелко-сидящихъ баржъ. Всѣ эти коммуникаціонныя линіи соединяются между собою разработанными дорогами, обезпечивая, такимъ образомъ, правильное функціонированіе тыльныхъ частей дѣйствующей арміи. Расположеніе главныхъ силъ на линіи Куанченцзы-Гиринъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ залогомъ наиболѣе успѣшной защиты теченія р. Сунгари на участкѣ ея отъ Гирина до слiянія съ р. Нонни, ибо выдвинутое положеніе арміи является необходимымъ условіемъ активной обороны рѣки.

Второй оборонительной линіей, въ случаѣ оттѣсненія нашей арміи изъ района Куанченцзы—Гиринъ—Тао-хай-чжоу, можетъ быть теченіе той же Сунгари на участкѣ ея отъ мѣста сліянія съ р. Нонни до Харбина. Въ этомъ случаѣ лѣвое крыло арміи опиралось бы на Харбинъ, а правое прикрывалось бы теченіемъ рѣки Нонни и политически условной границей театра войны (граница Монголіи). Въ сущности, вторая оборонительная линія прикрываетъ еще Харбинъ, но не обезпечиваетъ уже сообщеній съ Владивостокомъ, и при занятіи ея нашей арміей возможно расположеніе главныхъ силъ противника между Харбиномъ и Владивостокомъ, т. е. возможно начало осады нашей крѣпости.

Сможетъ ли ген. Линевичъ задержаться на этихъ линіяхъ или будетъ оттѣсненъ къ западу отъ Харбина? Отвѣтить трудно. Все будетъ зависѣть отъ того соотношенія силъ нашей и непріятельской армій, которое установится ко времени подхода главныхъ силъ маршала Оямы къ указаннымъ позиціямъ. Большое количественное превосходство дало бы японскому главнокомандующему возможность широко пользоваться обходами, въ результатѣ чего могло бы быть только стремительное отступленіе ген. Линевича въ направленіи желѣзнодорожнаго пути. Уступка крайне важныхъ позицій безъ боя была бы меньшимъ изъ золъ, изъ которыхъ ген. Линевичъ былъ бы принужденъ выбирать. Такъ какъ подходъ крупныхъ подкрѣпленій изъ Европейской Россіи не можетъ быть скоро осуществленъ, то вопросъ о томъ, какими силами располагаетъ нашъ главнокомандующій въ настоящее время и будетъ располагать въ ближайшемъ будущемъ,—пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе. Точныя цифры, къ сожалѣнію, не представляется возможнымъ дать, такъ какъ до сихъ поръ не опубликованы наши потери подъ Мукденомъ. Однако, комбинируя нѣкоторыя данныя изъ офиціальныхъ и частныхъ источниковъ, можно составить нѣкоторое приблизительное представленіе о численности арміи ген. Линевича. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ „Рус. Ин.“, по 27 февраля въ Харбинъ по желѣзной дорогѣ перевезено 13.087 офицеровъ и 761.467 нижнихъ чиновъ. Къ началу войны въ Харбинѣ и къ югу отъ него, до Портъ-Артура включительно, была уже сосредоточена армія численностью приблизительно до 56000 человѣкъ, такъ что всего на театръ военныхъ дѣйствій было доставлено, въ круглой цифрѣ, 825.000 человѣкъ. Потери наши за это время выражаются слѣдующими приблизительными цифрами:

при	Тюренченѣ	2400	чел.
„	Вафангоу	4000	„
„	Дашичао	700	„
„	Симученѣ	1900	„
„	Ляоянѣ	25000	„
„	Шахэ	45000	„
„	Сандепу-Хейгоутай	23000	„
„	Оборонѣ Квантуна съ Портъ-Артуромъ	50000	„
	Мелкія потери	15000	„
„	Мукденѣ	175000	„
		342.000	„

Прибавляя сюда 5% эвакуированныхъ вслѣдствіе заболѣваній, что составитъ 41.000 ч., и 20% нестроевыхъ чиновъ, дающихъ внушительную цифру 165.000 чел.,—видимъ, что изъ всей перевезенной массы людей необходимо выдѣлить по разнымъ причинамъ около 550.000 человѣкъ. Тогда въ строю остается 275.000 штыковъ и сабель, а можетъ быть, принимая во вниманіе, что часть раненыхъ возвращалась въ строй, цифра эта достигаетъ 300.000—320.000. Вычитая отсюда численность гарнизона Владивостока и охраны желѣзнодорожнаго пути—около 100.000 человѣкъ,—видимъ, что въ распоряженіи ген. Линевича находится въ настоящее время армія не болѣе, какъ 200.000—220.000 штыковъ, сабель и ар-

тиллерійской прислуги. Что касается такихъ элементовъ силы арміи, какъ количество находящихся въ настоящее время въ ея распоряженіи орудій, боевыхъ запасовъ и матеріальнаго снабженія,—то сказать что-либо опредѣленное по этому поводу не представляется возможнымъ. Еще болѣе невыясненнымъ остается вопросъ объ отношеніи силъ нашего и японскаго главнокомандующихъ, а между тѣмъ это отношеніе и является главнымъ показателемъ характера развиваемыхъ нынѣ операцій. Иностранные источники въ большинствѣ случаевъ считаютъ, что наша армія по силѣ составляетъ въ настоящее время не болѣе, какъ 55%—60% арміи маршала Оямы, т. е. почти вдвое меньше ея. Если это такъ, то слухи о предпринятыхъ японцами стратегическихъ обходахъ обоихъ фланговъ нашей арміи заслуживаютъ довѣрія. Захожденія праваго крыла противника имѣли бы цѣлью скорѣйшее разобщеніе Владивостока съ нашими главными силами и вообще съ Россіей. Обходъ праваго крыла арміи ген. Линевича преслѣдуетъ такую же цѣль, но по отношенію ко всѣмъ нашимъ силамъ, и можетъ имѣть послѣдствіемъ отходъ ихъ по своей коммуникаціонной линіи въ сѣверномъ и далѣе, въ западномъ направленіи.

Каковъ бы ни былъ ходъ дальнѣйшихъ дѣйствій, въ настоящую минуту для нашего главнокомандующаго на первый планъ выступаетъ разрѣшеніе задачи возстановленія поколебленныхъ моральныхъ силъ арміи. Въ этой работѣ нельзя получить откуда-либо подкрѣпленія, и она цѣликомъ лежитъ на обязанности новаго главнокомандующаго. Первые шаги въ этомъ направленіи сдѣланы. Высшее командованіе, кажется, получило въ лицѣ генераловъ Линевича, Куропаткина, Каульбарса и Батьянова столь необходимую для пользы дѣла устойчивость. Изъ частныхъ извѣстій видно, кромѣ того, что въ возстановленную въ смыслѣ внѣшней организаціи армію главнокомандующій пытается внести ту внутреннюю спайку, которая позволила бывшей его 1-й арміи съ честью выйти изъ Мукденскаго сраженія. Вѣра войскъ въ ген. Линевича, какъ въ боевого вождя, подкрѣпленная послѣдними событіями, поможетъ ему съ успѣхомъ разрѣшить эту трудную задачу.

Степняковъ.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА.

Адресы и петиціи земствъ, городскихъ думъ и общественныхъ собраній по поводу Высочайшаго рескрипта и указа 18 февраля. Организація совѣщанія подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина. Работы Комитета министровъ и правительственныхъ комиссій. Общественное движеніе. Забастовки на фабрикахъ и заводахъ. Петиціи рабочихъ и служащихъ торгово-промышленныхъ заведеній. Аграрные безпорядки. Кавказъ. Итоги бакинскихъ ужасовъ. Привислинскій край. Жизнь учебныхъ заведеній. Дѣла печати. Новый внутренній заемъ.

Къ событіямъ внутренней жизни нашего отечества за послѣднее время съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались цивилизованныя страны; чутко и нервно относилось къ нимъ русское общество, сознавая все величіе переживаемаго историческаго момента. Событія эти можно раздѣлить на двѣ большія группы: *первая* — мѣропріятія правительства, направленныя къ обновленію страны и избавленію ея отъ той „смуты", которая въ столь сильныхъ выраженіяхъ изображена въ манифестѣ 18 февраля, и *вторая* — проявленія общественнаго движенія, широкой и глубокой волной идущаго по нашему отечеству, захватывая широкіе круги населенія, все новыя области жизни.

Центральными актами правительственныхъ мѣропріятій являются, конечно, Высочайшій рескриптъ 18 февраля 1905 г. на имя министра внутреннихъ дѣлъ гофмейстера Булыгина и указъ Правит. сенату отъ того же числа. Въ сознаніи громаднаго значенія этихъ законодательныхъ памятниковъ сошлись люди всѣхъ убѣжденій и направленій, единодушно признавая, что „18 февраля 1905 г. навсегда останется памятнымъ днемъ нашей государственной жизни... День этотъ составитъ поворотный пунктъ въ нашей исторіи... Высочайшій рескриптъ 18 февраля—та дверь, за которой рисуются перспективы свѣтлаго будущаго" („Право" № 7)—„первая ласточка грядущей политической весны" („Рус. Вѣд." №69).

Правительство пошло навстрѣчу стремленіямъ взволнованнаго общества, объявивъ о своемъ твердомъ намѣреніи призвать народныхъ представителей къ постоянному сотрудничеству въ законодательной работѣ, и общество не замедлило откликнуться на этотъ призывъ, въ которомъ оно не могло не усмотрѣть акта довѣрія къ его силамъ со стороны верховной власти. Первой откликнулась Москва. Уже на слѣдующій день по опубликованіи Высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ, 19 февраля, въ засѣданіи Московскаго губернскаго земскаго собранія предсѣдатель, напомнивъ собранію о Высочайшемъ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ, выразилъ надежду, что онъ отвѣтитъ общему желанію, если предложитъ собранію отправить Государю Императору телеграмму съ выраженіемъ чувствъ, воодушевляющихъ гласныхъ. Предложеніе встрѣчено было апплодисментами. Д. Н. Шиповъ прочиталъ слѣдующій проектъ телеграммы: „Животворною вѣстью пронеслась сегодня по всей Россіи выраженная Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ воля Ваша, Государь, привлечь достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ законодательной работѣ. Московское земское собраніе спѣшитъ въ этотъ знаменательный для нашего Отечества день высказать Вашему Императорскому Величеству воодушевляющія Московское земское чувство благодарности и радости, вызванныя указаніемъ Вашимъ, Государь, что выраженная Землею Русской готовность, по зову Вашему, прійти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ Вами преобразованій всецѣло отвѣчаетъ душевному желанію Вашего Величества. Московское губернское земское собраніе проникнуто сознаніемъ, что призывъ Вами, Государь, свободно избранныхъ представителей народа укрѣпитъ единеніе Верховной Власти съ Землею, обезпечитъ плодотворность законодательной работы, внесетъ успокоеніе во внутреннюю жизнь нашу и возстановитъ въ странѣ прочный порядокъ и правильное теченіе общественной и государственной жизни".

Черезъ три дня, 22 февраля, Московской городской думой былъ принятъ слѣдующій

предложенный городскимъ головой, всеподданнѣйшій адресъ:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Въ великій со времени славнаго царствованія Державнаго Дѣда Вашего Императорскаго Величества день 19 февраля съ благоговѣйнымъ восторгомъ узнала Москва о благодатномъ рѣшеніи Вашего Императорскаго Величества призвать русскій народъ въ лицѣ избранныхъ имъ представителей къ участію въ зиждительной работѣ законодательнаго творчества на преуспѣяніе дорогого отечества.

„Вы даруете народу Своему драгоцѣнное право отнынѣ присылать нарочито выбранныхъ имъ излюбленныхъ людей своихъ къ Престолу Вашему для совмѣстнаго съ правительствомъ Вашего Императорскаго Величества высокаго служенія родинѣ, ея лучшимъ завѣтамъ и идеаламъ.

„Московская городская дума всѣмъ сердцемъ вѣруетъ, что пробужденная Державнымъ призывомъ Вашимъ, Государь, родная страна, давшая столько великихъ людей, прославившихъ царствованія вѣнценосныхъ предковъ Вашего Императорскаго Величества, снова дастъ рядъ героевъ, геніевъ, мыслителей, служителей правды, какъ только получитъ возможность выдвинуть ихъ, какъ только порученное имъ дѣло явится служеніемъ истиннымъ интересамъ родины и великимъ историческимъ задачамъ, стоящимъ передъ ней.

Славныя реформы, сорокъ лѣтъ тому назадъ дарованныя Россіи Царемъ-Освободителемъ, пріучили русскій людъ къ зрѣлой работѣ на общественномъ поприщѣ. Въ думахъ, судахъ, земствахъ, разнообразныхъ собраніяхъ давно уже находила свое выраженіе творческая работа русской мысли. Только дѣлу, только вопросамъ жизни она посвящена тамъ. На вершинѣ государственнаго строя она проявитъ себя въ плодотворномъ трудѣ подлѣ Васъ, Государь, проникнутая глубокимъ знаніемъ жизни и безпредѣльной любовью къ родинѣ. Москва вѣритъ, что въ скоромъ осуществленіи государственныхъ реформъ, Вами предначертанныхъ, лежитъ надежный залогъ прекращенія внутренней распри, измучившей всю Россію. Мы счастливы, Государь, въ сердечномъ единеніи съ Вами встрѣтить грядущій день русской исторіи. Онъ несетъ Вамъ великую славу, больше того — безсмертіе. Явленное Вами великодушное довѣріе къ народу Вашему, призывъ свободно избранныхъ представителей его къ участію въ осуществленіи законодательной власти установитъ въ странѣ прочный правопорядокъ, власти же Вашей, Государь, сообщитъ новую силу въ лучезарномъ ореолѣ народной любви".

Та же идея—обезпеченія созывомъ народныхъ избранниковъ плодотворности законодательныхъ работъ, успокоенія внутренней жизни и возстановленія въ странѣ прочнаго порядка — звучитъ и въ другихъ всеподданнѣйшихъ адресахъ, по поводу рескрипта 18 февраля. Такъ, С.-Петербургская городская дума говоритъ: „Откровенное мнѣніе свободно избранныхъ лицъ дастъ Вашему Величеству возможность быть постоянно освѣдомленнымъ о нуждахъ народа; предоставленіе же избранникамъ населенія разработки и участія въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ послужитъ залогомъ соотвѣтствія издаваемыхъ законовъ дѣйствительнымъ потребностямъ населенія, что при существующемъ порядкѣ было недостижимо". Въ адресѣ Саратовской городской думы говорится: „Собравшійся вокругъ престола вѣрный и преданный Царю народъ русскій въ единеніи со своимъ Монархомъ найдетъ пути къ грядущимъ свѣтлымъ днямъ". Кромѣ перечисленныхъ, всеподданнѣйшіе адресы были принесены отъ Вологодскаго губернскаго и Боровичскаго уѣзднаго земскаго собранія, Томской, Черкасской и Красноярской городскихъ думъ, общаго собранія сахарозаводчиковъ и др.

Стремленіе къ обновленію нашего государственнаго строя на новыхъ началахъ, возвѣщенныхъ рескриптомъ 18 февраля, и къ скорѣйшему устраненію изъ уклада нашей жизни всего того, что признано несоотвѣтствующимъ современнымъ нуждамъ и потребностямъ страны извѣстнымъ указомъ 12 декабря 1904 г., —съ еще большею силою сказалось, къ сожалѣнію, пока еще не во многочисленныхъ петиціяхъ различныхъ общественныхъ учрежденій, въ которыхъ, однако, широко использовано, дарованное, какъ извѣстно, указомъ 18 февраля, право представлять въ Совѣтъ министровъ „виды и предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія". Величайшую государственную важность указа 18 февраля общественныя учрежденія и собранія усмотрѣли—и совершенно справедливо—въ томъ, что въ этомъ указѣ имѣется призывъ къ общественному мнѣнію высказаться по вопросу „объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ". Они взглянули на этотъ призывъ какъ на долгъ, обязанность помочь правительству въ устроеніи и обновленіи страны. „Въ данную минуту молчаніе является преступнымъ предъ отчизною", читаемъ мы въ заявленіи кіевскихъ гласныхъ въ городскую думу. И если долгъ этотъ исполненъ пока еще не всѣми, то, быть можетъ, потому, что въ выполненіи его общественныя учрежденія встрѣтили препятствія со стороны администраціи. Такъ, калужскій губернаторъ снялъ съ очереди вопросъ о представленіи Калужскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ Совѣту министровъ предположеній о порядкѣ созыва народныхъ представителей.

Характерной чертой всѣхъ челобитныхъ общественныхъ собраній является то, что въ нихъ затрогиваются исключительно общія условія государственной жизни, содержатся пожеланія политическаго свойства. И хронологически и по внутреннему своему содержанію указъ 18 февраля тѣсно связанъ съ рескриптомъ о созывѣ народныхъ избранниковъ. На организаціи особаго совѣщанія гофмейстера Булыгина, на условіяхъ работъ совѣщанія и созыва избранниковъ и останавливаются петиціи общественныхъ учрежденій. Наибольшей полнотой по вопросу объ организаціи совѣщанія А. Г. Булыгина отличается петиція Московскаго губернскаго земскаго собранія. Указавъ на важность задачи совѣщанія и на то, что составъ совѣщанія рескриптомъ 18 февраля не опредѣленъ, Московское губернское земство говоритъ, что для продуктивности работъ совѣщанія необходимъ немногочисленный составъ, человѣкъ 40—50, изъ которыхъ не менѣе половины, по мнѣнію земства, должны быть привлечены изъ среды общества, должны пользоваться авторитетомъ и довѣріемъ различныхъ общественныхъ группъ. Въ этихъ цѣляхъ, по мысли земства, слѣдовало бы предоставить земствамъ и думамъ городовъ съ населеніемъ свыше 100 т. избрать по два представителя; избранные представители, собравшись въ Петербургѣ, изберутъ уже лицъ, которыхъ правительству надлежало бы привлечь къ участію въ совѣщаніи А. Г. Булыгина.

Московская дума въ засѣданіи 8 марта также постановила ходатайствовать о включеніи выборныхъ думы въ составъ совѣщанія Булыгина. Оба московскія общ. собранія единодушно высказались, что трудамъ совѣщанія слѣдуетъ придать широкую гласность. Почти тождественны петиціи Воронежскаго губ. зем. собр. и Петровскаго уѣзднаго зем. собранія. Городскими думами Петербурга, Харькова, Кіева, Самары, Минска, Воронежскимъ и Петербургскимъ губернскими земскими собраніями организованы комиссіи для выработки предположеній по вопросамъ общегосударственной важности.

По волнующимъ общество вопросамъ о созывѣ народныхъ избранниковъ высказались и разныя общественныя собранія. Екатеринославское юридическое общество и общее собраніе с.-петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, указавъ на необходимость привлеченія въ особое совѣщаніе представителей населенія, въ своихъ петиціяхъ говорятъ: Екатеринославское юридическое общество—о необходимости, въ интересахъ спокойствія и порядка, свободы слова и собраній и немедленнаго провозглашенія въ законодательномъ порядкѣ неприкосновенности личности и отвѣтственности только по закону; собраніе присяжныхъ повѣренныхъ—чтобы единственной задачей совѣщанія была выработка избирательнаго закона, чтобы предварительно были отмѣнены законы объ усиленной охранѣ, всѣ административныя стѣсненія слова, печати, собраній, союзовъ, обезпечена неприкосновенность личности и жилищъ и объявлена амнистія по всѣмъ политическимъ и религіознымъ преступленіямъ. Оба собранія находятъ, что избраніе народныхъ представителей должно покоиться на основѣ всеобщей, равной, прямой и закрытой подачи голосовъ. На призывъ указа 18 февраля откликнулись и окраины. Кіевское, Виленское, Минское и Ковенское сельско-хозяйственныя общества въ своихъ адресахъ и петиціяхъ ходатайствуютъ о вызовѣ представителей ихъ мѣстностей къ участію въ предстоящей созидательной работѣ по государственному устройству родины, объ устраненіи того исключительнаго положенія, въ которомъ находятся окраины, о гарантіи правъ каждаго гражданина безъ національныхъ и иныхъ различій.

По газетнымъ свѣдѣніямъ, въ Совѣтъ министровъ поступило отъ различныхъ земствъ нѣсколько проектовъ по вопросу о созывѣ народныхъ представителей; въ Петербургъ съѣхалось много земскихъ дѣятелей, и предполагается частное ихъ совѣщаніе по тѣмъ же вопросамъ; въ концѣ февраля въ Москвѣ былъ съѣздъ городскихъ головъ; 10 марта въ Москвѣ же открылся съѣздъ губернскихъ предводителей дворянства.

Всѣ эти петиціи, адресы и съѣзды ярко говорятъ о чрезвычайномъ подъемѣ духовныхъ силъ страны, о полной готовности зрѣлыхъ силъ общества къ творческому обновленію отчизны.

18 марта въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" опубликовано сообщеніе, изъ котораго видно, что ходъ работъ по организаціи выборовъ представителей общества для участія въ законодательствѣ будетъ таковъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ первоначальныя соображенія по этому вопросу внесетъ сначала „для согласованія съ общими видами правительства" въ Совѣтъ министровъ, и затѣмъ уже эти предположенія будутъ разсмотрѣны въ особомъ совѣщаніи, учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина. По словамъ сообщенія, совѣщаніе это „должно объединить" какъ представителей вѣдомствъ, такъ и лицъ, заявившихъ особыми познаніями на государственной и общественной службѣ и знакомыхъ съ условіями отдѣльныхъ мѣстностей имперіи. По словамъ сообщенія, всѣ эти подготовительныя работы могутъ быть закончены въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ.

Надъ созданіемъ новыхъ условій государственной жизни въ теченіе этого промежутка времени трудились, во исполненіе предначертаній указа 12-го декабря, Комитетъ министровъ и цѣлый рядъ комиссій. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ Комитетѣ министровъ обсуждались весьма важные вопросы общественно-государственной жизни. Такъ, по свѣдѣніямъ „Руси", Комитетъ министровъ обсуждалъ вопросъ о положеніи католицизма въ Россіи, о положеніи нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, о положеніи среднихъ учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ, причемъ большинство Комитета высказалось противъ стѣсненій польскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ; наконецъ, обсуждался вопросъ объ организаціи выборовъ представителей земствъ и городовъ въ комиссію о самоуправленіи. Но журналы Комитета по этимъ вопросамъ доселѣ не опубликованы. Въ появившихся въ печати журналахъ Комитета отъ 28 и 31 января „о постановленіяхъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія промышленниковъ и рабочихъ", и отъ 15 февраля „объ отмѣнѣ ограничительныхъ мѣръ по изданію Св. Писанія на малороссійскомъ языкѣ"—предположены и установлены слѣдующія мѣропріятія. Во-1-хъ, признано, что фабричное законодательство и фабричная инспекція и впредь должны находиться въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, съ тѣмъ, однако, что фабричная инспекція находится „подъ наблюденіемъ" и руководствомъ губернаторовъ. Во-2-хъ, „что опредѣленіе отношеній между фабрично-заводскими промышленниками и рабочими должно быть проводимо не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, вслѣдствіе чего никакія организаціи сихъ отношеній не должны быть допускаемы". Въ 3-хъ, министру финансовъ предоставлено разработать „безотлагательно" вопросы: а) „объ организаціяхъ для обсужденія и разрѣшенія возникающихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ на почвѣ договора найма вопросовъ, а также для улучшенія фабрично-заводскаго быта рабочихъ; б) о возможности дальнѣйшаго, сравнительно съ закономъ 2 іюня 1897 г., сокращенія рабочаго времени; в) объ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій о стачкахъ и забастовкахъ, и г) объ обезпеченіи рабочимъ больничной помощи". Въ 4-хъ, для разработки этихъ вопросовъ, а также и другихъ, которые могутъ выясниться при работахъ, учреждена подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ ст.-секр. Коковцова особая комиссія. По второму изъ приведенныхъ журналовъ Комитетъ полагалъ: „отмѣнить ограничительныя мѣры, установленныя для изданія книгъ Священнаго Писанія на малорусскомъ языкѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы на каждое такое изданіе испрашивалось благословеніе Святѣйшаго Синода.

Соображенія Комитета министровъ, на основаніи которыхъ приняты эти предположенія, интересны и поучительны, какъ оцѣнка существующаго положенія этихъ вопросовъ и какъ указаніе на то, въ какомъ направленіи они должны быть разрѣшены въ будущемъ. По вопросу объ отношеніяхъ промышленниковъ и рабочихъ Комитетъ министровъ, указавъ, что фабричное законодательство наше, къ

созданію коего было приступлено въ 80-хъ годахъ, подвигалось впередъ весьма медленно и выразилось въ проведеніи весьма немногихъ законовъ, между тѣмъ какъ развитіе такихъ сторонъ быта рабочихъ, которыя уже не предусматривались существующимъ закономъ, продолжалось,—обнажаетъ и причины такого ненормальнаго порядка вещей. Существовало мнѣніе,—возражать противъ котораго, по словамъ журнала Комитета, теперь нѣтъ болѣе надобности,—что въ Россіи нѣтъ въ сущности рабочаго вопроса, почему нѣтъ надобности и въ фабричномъ законодательствѣ, что у насъ нѣтъ систематической борьбы рабочихъ съ предпринимателями и что „благодаря счастливымъ условіямъ землепользованія, фабричныя работы—не что иное, какъ отхожіе промыслы. Эта задержка въ развитіи законодательства перенесла экономическую борьбу въ область политической агитаціи и полицейскаго воздѣйствія. Плодотворность работъ фабричной инспекціи парализовалась постоянными предположеніями о передачѣ внутренней жизни промышленныхъ заведеній въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое только въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1904 г. отказалось отъ этихъ настояній. Перейдя затѣмъ къ предстоящей задачѣ объ упорядоченіи промышленной жизни страны, Комитетъ отвергъ возможность „немедленнаго успокоенія рабочихъ путемъ скораго и возможно широкаго удовлетворенія ихъ весьма простыхъ и ясныхъ требованій“, такъ какъ „вступленіе на путь непремѣнныхъ уступокъ рабочимъ, не согласованныхъ со всесторонней оцѣнкою интересовъ и нуждъ промышленности, повлекло бы послѣднюю къ неотвратимой гибели, обрекая ее на постоянное внутреннее броженіе“. Руководствуясь тѣмъ, что „въ виду надвинувщихся обстоятельствъ, въ настоящее время необходимы мѣры, содѣйствующія скорѣйшему успокоенію фабричнозаводскаго населенія“, и разсмотрѣвъ вопросъ о стачкахъ, Комитетъ обратилъ вниманіе на то, что наказуемая по нашимъ уголовнымъ законамъ стачка въ иностранныхъ законодательствахъ не карается, что „забастовка есть явленіе чисто экономическое, при извѣстныхъ условіяхъ не угрожающее общественному порядку“, и потому призналъ „весьма желательнымъ предоставить министру финансовъ войти въ соображеніе объ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій о стачкахъ и забастовкахъ, при условіи возникновенія ихъ исключительно на экономической почвѣ и безъ нарушенія общественнаго порядка и спокойствія, для приведенія закона въ надлежащее соотвѣтствіе съ условіями и требованіями промышленной жизни“.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 20 февраля въ составъ комиссіи ст.-секр. Коковцова назначены: члены Гос. сов.: сенаторъ Шидловскій, Балашевъ, Стевенъ, тов. мин. фин. кн. Оболенскій, тов. мин. земл. и госуд. им. Шванебахъ и т. с. Рукавишниковъ.

Первое засѣданіе комиссіи, по свѣдѣніямъ газетъ, состоялось 15 марта. Комисссіей рѣшено привлечь къ участію въ трудахъ своихъ представителей комитетовъ торговли и мануфактуръ, биржевыхъ комитетовъ, горнопромышленниковъ, металлозаводчиковъ, нефтепромышленниковъ, желѣзнодорожниковъ, сахаро-заводчиковъ, мукомоловъ и пр., представителей отъ земствъ 10 наиболѣе промышленныхъ губерній и крупныхъ городовъ. Вопросъ о принятіи комиссіей въ соображеніе объясненій рабочихъ, вызвавъ оживленныя пренія, остался открытымъ.

О ходѣ работъ въ большинствѣ остальныхъ многочисленныхъ комиссій, образованныхъ для выполненія предначертаній указа 12 декабря 1904 г., свѣдѣній въ ежедневной печати нѣтъ. Единственная комиссія, о результатѣ работъ которой имѣются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія, это комиссія д. т. с. Кобеко по дѣламъ печати. Въ цѣломъ рядѣ засѣданій отчеты о которыхъ появились въ газетахъ, комиссіей разрѣшены слѣдующіе весьма существенные вопросы. Цензура для періодическихъ изданій, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, подлежитъ отмѣнѣ. Послѣ горячихъ дебатовъ по вопросу о томъ, какой долженъ быть установленъ порядокъ открытія газетъ и журналовъ: концессіонный (по которому требуется предварительное разрѣшеніе подлежащаго вѣдомства, у насъ главн. упр. по дѣламъ печати) или явочный (сущность котораго въ томъ, что по открытіи газеты и журнала объ этомъ сообщается власти), комиссія высказалась за установленіе послѣдняго. Залоги съ издателей періодическихъ изданій для обезпеченія налагаемыхъ на нихъ штрафовъ и удовлетворенія исковъ частныхъ лицъ комиссія признала необходимымъ удержать и на будущее время. Засѣданіе 1 марта было посвящено комиссіей одному изъ коренныхъ вопросовъ о свободѣ печати: быть или не быть 140 ст. нынѣшняго Уст. о ценз. Статья эта предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ право временно запрещать газетамъ обсуждать тѣ или другіе вопросы государственной жизни, а въ случаѣ неисполненія ими данныхъ указаній—налагать различныя наказанія, до пріостановки изданія на три мѣсяца. Послѣ многочисленныхъ рѣчей всѣхъ членовъ совѣщанія въ томъ числѣ епископа Антонина (высказавшаго, что „всѣ наши работы клонились къ тому, чтобы поставить печать на почву закона, а не личнаго усмотрѣнія властей; 140 ст. даетъ характернѣйшій примѣръ личнаго усмотрѣнія, которое во всякомъ случаѣ не можетъ быть желательно“), комиссія признала желательнымъ полную отмѣну ст. 140. Въ засѣданіяхъ 3 марта и послѣдующихъ комиссія обсуждала вопросы о книжной литературѣ. Громаднымъ большинствомъ голосовъ (18 противъ 2) комиссія высказалась за упраздненіе предварительной цензуры для книгъ и брошюръ независимо отъ ихъ размѣра. Книги будутъ задерживаться только по суду. Такимъ образомъ, комиссіею д. т. с. Кобеко рисуются свѣтлые горизонты для будущаго русской печати и книгоиздательства. Однако, будущее это далеко. По сообщенію газетъ, осталось еще разсмотрѣть комиссіи 18 крайне сложныхъ вопросовъ, и работы комиссіи грозятъ затянуться на долгое время.

Послѣ этого, приступая къ лѣтописи общественнаго движенія за послѣднія недѣли, надлежитъ памятовать, что совокупность жизненныхъ и правовыхъ условій осталась прежняя и характеръ мѣропріятій къ устраненію „смуты“ и успокоенію общества въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не измѣнился.

Прежде всего, необходимо отмѣтить, что рабочее движеніе, о началѣ и развитіи котораго извѣстно изъ предыдущей хроники, продолжалось и въ истекшемъ мѣсяцѣ. Районъ рабочаго движенія, по словамъ „Новостей“, охватилъ слѣдующія мѣстности: Баку, Батумъ, Бѣлостокъ, Варшава, Вильна, Виндава, Воронежъ, Гомель, Горки, Гродно, Екатеринославъ, Елисаветполь, Заверце, Ивановъ-Вознесенскъ, Иркутскъ, Казань, Кіевъ, Клинцы, Ковно, Ковровъ, Козловъ, Копысь (Могил. г.) Красноярскъ, Крынка, Кутаисъ, Кутно, Кѣльцы, Либава, Лодзь, Люблинъ, Минскъ, Моги-

девъ, Мозырь, Москва, Нахичевань, Новорадомскъ, Орѣховъ, Островецъ, Перновъ, Петербургъ, Петроковъ, Полтава, Поти, Прилуки, сл. Покровская (Сар. губ.) Радомъ. Ревель, Рига, Ровно, Ростовъ-на-Дону, Самара, Саратовъ, Севастополь, Скаржиско, Сосновицы, Сухумъ-Кале. Сѣдлецъ, Тифлисъ, Томашевъ, Царицынъ, Ченстоховъ, Шавли, Ярославль, Ѳеодосія.

Характеръ стачекъ остался тотъ же, перемежающійся, что и въ предыдущемъ мѣсяцѣ. Затихая въ одномъ мѣстѣ, онѣ возникаютъ въ другомъ и даже болѣе въ одномъ и томъ же центрѣ и притомъ на однихъ и тѣхъ же фабрикахъ и заводахъ; рабочіе то возобновляютъ работы, то бастуютъ. Въ Петербургѣ стачки, въ началѣ февраля прекратившіяся, вновь возникли на слѣдующій день по закрытіи комиссіи сенатора Шидловскаго. 21 февраля забастовали Путиловскій и Обуховскій заводы, при чемъ рабочіе мотивировали стачку отказомъ сенатора Шидловскаго удовлетворить ихъ просьбы. Вслѣдъ затѣмъ забастовка распространилась на Ижорскіе заводы, Балтійскій металлическій, сахарный заводъ Кенига и всѣ крупнѣйшія фабрики столицы. Къ концу февраля работы начали возобновляться, и 28-го февраля, по свѣдѣніямъ „Нов. Вр.", не работало всего 16.150 человѣкъ. Путиловскій и Александровскій механическій заводы тоже начали работы. Но 9 марта стачки снова возобновились. Забастовали Александровскій механическій заводъ, Спасская и Петровская мануфактура, Охтенская бумаго-прядильная фабрика и др. На Невскомъ стеариновомъ заводѣ стачка возникла 10 марта и прекратилась 12. Мотивами стачекъ были увеличеніе расцѣнки поштучной платы, увольненіе товарища-рабочаго, требованіе принять уволеннаго депутата и т п. На нѣкоторыхъ заводахъ рабочіе были окончательно разсчитаны, и по сообщенію „Руси" (отъ 25 февраля), начался массовый выѣздъ рабочихъ изъ столицы, направляющихся главнымъ образомъ въ деревню.

Совершенно такой же характеръ движеніе носитъ и въ др. промышленныхъ центрахъ. Такъ, въ Ригѣ начавшаяся 1 марта стачка разрослась къ 3, но 4-го уже она уменьшилась: возобновили работы на фабрикѣ Формана и др. 5 марта газеты вновь сообщили, что на фабрикѣ Формана — забастовка, а 8 марта, что „забастовка опять быстро увеличивается"; съ 11 марта забастовка начала уменьшаться,—не работали только лишь 12 заводовъ. Въ Харьковѣ, по словамъ „Придн. Кр.", хотя работы вездѣ начаты, жизнь заводовъ никакъ не можетъ войти въ свою колею. Это сказывается на безпокойной неувѣренности хозяевъ. То же замѣчается и въ др. мѣстахъ Малороссіи. Въ Полтавѣ 6 дней была забастовка типографій, въ Кіевѣ два дня бездѣйствовалъ Деміевскій заводъ. Въ Подмосковномъ районѣ забастовки были: въ Н.-Новг., всеобщая - въ Орѣховѣ-Зуевѣ (40 т. чел.), въ Тулѣ, гдѣ всѣ рабочіе были разсчитаны. Въ Приволжскомъ районѣ бастовали Жигулевскіе, Алафузовскіе заводы, мельница Эрлангера.

На окраинахъ Европейской Россіи стачки носили нѣсколько иной характеръ. Онѣ если и не охватывали всего района, то въ томъ центрѣ, гдѣ стачки вспыхивали, онѣ распространялись на всѣ заводы и фабрики и затягивались на продолжительное время. Такъ, въ Александровскѣ (Екат. губ.) забастовка продолжалась болѣе 3-хъ недѣль и закончилась лишь 15 марта, когда, по сообщенію Петерб. Агент., было отслужено торжественное богослуженіе и дано угощеніе рабочимъ. Заводы приступили въ полномъ составѣ къ работамъ въ виду достигнутаго соглашенія съ фабрикантами. Въ Царицынѣ бастовали всѣ рабочіе (10 т.) 10 дней съ 14 по 24 февр. Въ Екатеринбургѣ и Ростовѣ-на-Дону—забастовка рабочихъ всѣхъ предпріятій; бастовали двѣ недѣли. Въ Двинскѣ 4 дня продолжалась всеобщая забастовка. Магазины были закрыты, населеніе города голодало и не выходило изъ домовъ. По сообщенію „Руси" и „Сѣв.-Зап. Края" (5 марта), въ Бѣлостокѣ забастовка, начавшаяся 17 февраля, приняла небывалый по размѣрамъ характеръ: забастовали рабочіе на всѣхъ фабрикахъ, заводахъ, мастерскихъ (болѣе 12 т. чел.). Была демонстрація, во время которой убитъ исправникъ; въ 1-ый полицейскій участокъ была брошена бомба; были выстрѣлы въ патрули солдатъ. Запасы муки и др. продуктовъ на исходѣ, подвоза нѣтъ. Спокойствіе въ городѣ не возстановлено до 7 марта. Въ районѣ г. Сосновицы (Петрок. губ.) забастовка продолжалась болѣе мѣсяца, и лишь въ началѣ марта начали возобновляться работы.

Нѣтъ надобности говорить о томъ значеніи, которое имѣютъ стачки и забастовки для жизни страны. Учесть общіе результаты того, какъ онѣ отразились, конечно, немыслимо будетъ даже въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ. Однако, нѣкоторые непосредственные результаты уже существуютъ, и ихъ необходимо отмѣтить. Въ коммерческомъ мірѣ Варшавы произвелъ впечатлѣніе отказъ нѣмецкихъ фирмъ въ кредитѣ. На почвѣ недоѣданія, по свидѣтельству общества больничныхъ врачей, въ Петербургѣ рѣзко повысилась заболѣваемость тифомъ и острыми заразными болѣзнями въ средѣ рабочаго населенія. Въ условіяхъ работы—стачки дали несомнѣнные результаты. На фабрикахъ Варшавы и Царицына, сахарн. заводахъ Кіева установленъ 9 час. рабочій день. Въ Экспедиціи заготовл. госуд. бумагъ и на крупнѣйшей ростовской мельницѣ введенъ 8 час. рабочій день. На многихъ фабрикахъ заработная плата повышена на 10—15%, отмѣнены личные осмотры рабочихъ, результатомъ чего явилось то, что кражъ нѣтъ и сами рабочіе охраняютъ неприкосновенность имущества.

Въ заключеніе обзора движенія фабрично-заводской промышленности необходимо отмѣтить, что при прекращеніи стачекъ въ различныхъ мѣстахъ неоднократно прибѣгали къ содѣйствію оружіемъ. На щербинскихъ рудникахъ (Екат. районъ) было произведено 2 залпа, раненыхъ и убитыхъ 12 челов.; въ Двинскѣ пострадавшихъ 20 чел. Войска требовались въ Орѣхово-Зуево, Юзовку и др. промышленные центры.

Рабочее движеніе не ограничилось только фабрично-заводскими предпріятіями. Оно распространилось и охватило чуть ли не всю область торгово-промышленныхъ предпріятій. Волновались, подавали петиціи, устраивали собранія для выясненія своихъ нуждъ, бастовали: приказчики, фармацевты, наборщики, модистки, сапожники, булочники, столяры, портные, прислуга. Центромъ ихъ ходатайствъ были—нормировка рабочаго дня, праздничный отдыхъ и повышеніе заработной платы. Наиболѣе энергично шло движеніе среди приказчиковъ, охвативъ слѣдующіе города: Москву, Лодзь, Минскъ, Таганрогъ, Новороссійскъ, Одессу. Харьковъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ, Кіевъ, Оренбургъ, Самару, Саратовъ, Царицынъ, Камышинъ и такія захо-

лустья, какъ Новоузенскъ, сл. Покровскую и пос. Дубовку. Въ Кіевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ковнѣ были забастовки фармацевтовъ; въ Одессѣ, Кишиневѣ ходатайства ихъ были удовлетворены. Въ Минскѣ бастовали сапожники и модистки. Предъявляли свои просьбы парикмахеры въ Спб., Одессѣ, Кіевѣ, Самарѣ; наборщики бастовали въ Н.-Новгородѣ, Кишиневѣ, частью въ Петербургѣ; устраивались ихъ совѣщанія въ Екатеринбургѣ, Ригѣ, Кіевѣ. Банковскими служащими была устроена забастовка въ Вильнѣ (зем. банкъ), въ Москвѣ предъявленъ рядъ требованій, въ Ревелѣ были забастовки булочныхъ и столяровъ, въ Симферополѣ—портныхъ. Броженіе среди прислуги газетами отмѣчено въ Петербургѣ (больницъ), въ Ревелѣ, въ Самарѣ (гостиницъ и ресторановъ).

Не успѣло русское общество изжить одинъ рабочій вопросъ, какъ жизнь властно выдвинула другой, не менѣе важный и трудный - аграрный, или точнѣе, крестьянскій. Въ концѣ февраля газеты принесли краткія, но тревожныя извѣстія объ аграрныхъ безпорядкахъ. Начались безпорядки въ Глуховскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, Сѣвскомъ у. Орловской и Дмитріевскомъ у. Курской губ. въ срединѣ февраля; но въ Глуховѣ—ближайшемъ къ мѣсту безпорядковъ городкѣ—стало извѣстнымъ это лишь 21 февраля, когда были вытребованы войска и вслѣдъ затѣмъ прибыли представители высшей власти—губернаторы. Въ настоящее время о происшедшемъ получены болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія и, со словъ газетъ, главныя черты безпорядковъ таковы. Большею частью крестьяне предупреждали заранѣе владѣльца, что явятся къ нему тогда-то. Въ назначенный день недалеко отъ усадьбы зажигался ометъ соломы, костеръ или просто большой пукъ соломы на длинной жерди, и по этому сигналу собиралась толпа крестьянъ съ подводами; подводъ иногда съѣзжалось до 500—700. Собравшись, крестьяне направлялись на экономію; подходя къ ней, дѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, ломали замки у амбаровъ, нагружали хлѣбъ на подводы и уѣзжали. Присутствіе хозяина или управляющаго нисколько ихъ не смущало; они дозволяли ему быть свидѣтелемъ происходящаго, не отгоняли отъ себя, но въ то же время и не вступали съ нимъ ни въ какія объясненія. Грабили главнымъ образомъ зерновой хлѣбъ; другіе продукты увозили въ рѣдкихъ случаяхъ; поэтому никакихъ другихъ построекъ, кромѣ хлѣбныхъ амбаровъ, обыкновенно не трогали. Въ дома обыкновенно не заглядывали. Денегъ не требовали. Вообще крестьяне старались вести себя сдержанно и не выходить изъ извѣстныхъ предѣловъ. Въ винныхъ лавкахъ водка выпивалась, но помѣщеній не трогали. На больницы и школы никакихъ покушеній не дѣлали.

Въ общемъ, какъ сказано, крестьяне старались не выходить изъ извѣстныхъ границъ, но это имъ не всегда удавалось. Иногда, подъ вліяніемъ возбужденія, опьяненія или особенно обостренныхъ отношеній, страсти разгорались, и тогда уже происходилъ разгромъ въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова. Въ Гламаздинѣ крестьяне не только разграбили хлѣбъ, но и сожгли всю усадьбу, жилой домъ, винокуренный заводъ и прочія постройки. Такая же участь постигла Хинельскій винокуренный и Михайловскій сахарный заводы. На Хинельскомъ заводѣ крестьяне сперва въ ночь съ 20-го на 21-е февраля разграбили хлѣбъ, а потомъ уже, 22-го, явились вторично и сожгли самый заводъ. На Хинельскомъ заводѣ погромъ принялъ наиболѣе ужасающіе размѣры: подъ вліяніемъ опьяненія толпа совершенно перестала владѣть собой и уничтожала все, что попадалось подъ руку. Сожжены всѣ постройки, и отъ громаднаго завода осталась только кузница и бондарня (дощатый сарай); сожжены всѣ квартиры служащихъ, сожжена воловня, гдѣ находилось большое количество скота (до 50-ти головъ), частью экономическаго, частью принадлежавшаго гуртовщикамъ и стоявшаго на выкормкѣ бардой. Убытки, произведенные безпорядками, громадны и исчисляются милліонами: одинъ Михайловскій заводъ стоилъ нѣсколько миліоновъ рублей.

Причины безпорядковъ какъ общія, такъ и мѣстныя, слишкомъ сложны, и разобраться въ нихъ нелегко. Чрезвычайно цѣнное объясненіе причинъ аграрнаго движенія въ этихъ губерніяхъ находимъ въ авторитетномъ мнѣніи, высказанномъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловымъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Петербургской Газеты". „Можно думать, сказалъ министръ, что на гнусныя преступленія толкнула крестьянъ обострившаяся нужда. У меня имѣются подробныя донесенія о положеніи крестьянскаго хозяйства въ этой мѣстности; они рисуютъ неутѣшительную картину. Въ прошломъ году неурожай хлѣбовъ сильно пошатнулъ экономическое положеніе мѣстныхъ крестьянъ, а тутъ еще нахлынула война. Обезсиленному отъ плохого урожая крестьянству пришлось вынести мобилизацію". По описанію „Слова", положеніе крестьянъ Курской губ. крайне тяжко. Мѣстныя деревни убоги. Земли приходится едва 1—1½ десятины на душу, а то и на семью. Крестьянство, не довольствуясь своими надѣлами, ищетъ себѣ поддержки въ отхожихъ промыслахъ; мѣстные плотники—а ихъ множество въ Сѣвскомъ уѣздѣ—ходятъ на заработки въ Кіевскую губернію и въ другія мѣста. Тощее и бѣдное сельское хозяйство никого не обезпечиваетъ.

На мѣсто безпорядковъ командированъ состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ т. с. Звегинцевъ, которому даны широкія полномочія, до примѣненія военно-полевого суда включительно. Говоря объ аграрныхъ безпорядкахъ въ среднихъ губерніяхъ, нельзя обойти молчаніемъ тѣ мѣры, которыя только и могутъ послужить, по мнѣнію помѣщиковъ тѣхъ губерній, въ которыхъ происходятъ волненія, къ успокоенію крестьянъ. Въ газетахъ появилось открытое письмо курскаго помѣщика Левшина, въ которомъ между прочимъ говорится, что „большинство крестьянъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, не видя для себя нигдѣ просвѣта, идетъ по пути разоренія и уничтоженія чужого имущества. Дайте имъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, дайте имъ защитниковъ ихъ интересовъ въ видѣ свободно ими выбранныхъ представителей, призовите ихъ къ такимъ выборамъ,—и партія порядка, къ которой принадлежитъ большинство крестьянъ, одержитъ верхъ. Чувство законности у нашихъ крестьянъ высоко развито, но беззастѣнчивое нарушеніе закона со стороны офиціальныхъ представителей его, на которое житель деревни наталкивается на каждомъ шагу, переполнило чашу великаго крестьянскаго терпѣнія".

Одновременно съ крестьянскимъ движеніемъ въ средней полосѣ Россіи, аграрныя волненія возникли въ Витебской (Двинскомъ, Рѣжиц-

комъ и Люцинскомъ уѣздахъ) и Минской (Игуменскій у.) губерніяхъ. Первоначально движеніе выражалось въ массовыхъ порубкахъ лѣсовъ; рубили большими толпами (чел. 800), опустошали участки лѣсовъ до 100 дес. Затѣмъ были разграблены 6 имѣній. Были вызваны войска; сколько убитыхъ и раненыхъ неизвѣстно; арестовано 500 чел. Волненія утихли, но „по словамъ крестьянъ, едва ли совсѣмъ; въ окончательное успокоеніе крестьянъ не вѣрятъ и сами помѣщики, переѣзжающіе въ городъ". По сообщенію „Зап. Окр." въ Витебской и Минской губ. замѣчается массовая эмиграція: уѣзжаютъ ежедневно 25—30 чел. молодыхъ парней, не находящихъ себѣ, благодаря переживаемому кризису, никакой работы.

Несравненно болѣе бурно шло аграрное движеніе въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губ. Движеніе началось въ первыхъ числахъ марта забастовкою сельско-хоз. рабочихъ (батраковъ), требовавшихъ улучшенія своего положенія; затѣмъ къ этому присоединилось движеніе среди крестьянъ, вырубавшихъ лѣса, грабившихъ, сожигавшихъ и разрушавшихъ усадьбы. Какъ крестьяне, такъ и помѣщики и ихъ охрана вооружены, и происходили перестрѣлки, бывшія, напр., у имѣнія ф.-Брюмера въ Венденскомъ у., въ м. Алацкиви Юрьевск. у., гдѣ, съ одной стороны, стрѣляли въ депутатовъ рабочихъ, а съ другой—былъ убитъ лѣсничій. На мѣстѣ безпорядковъ—войска. По сообщенію Петерб. Агентства отъ 15 марта, Лифляндская и Курляндская губ. объявлены на положеніи усиленной охраны. Аналогичные безпорядки были и въ Привислинскомъ краѣ, распространившіеся по губерніямъ Варшавской (Кутновскій и Гостынинскій уѣзды), Сѣдлецкой и Люблинской. Здѣсь движеніе также началось забастовкой сельскихъ рабочихъ, требовавшихъ повышенія заработной платы на 5 р. въ годъ, предоставленія врачебной помощи, улучшенія продовольствія, школъ для дѣтей. Затѣмъ началось аграрное движеніе: крестьяне забираютъ хлѣбъ, скотъ; но насилій надъ личностью помѣщиковъ не было. Безпорядки, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, возникли на почвѣ крайняго истощенія матеріальныхъ средствъ польской деревни. Находящіяся на мѣстѣ безпорядковъ войска въ Кутновскомъ у. дѣйствовали оружіемъ: 11 человѣкъ убито и 10 ранено. 2—7 марта, по сообщенію „Варш. Дн.", возникли безпорядки въ Петроковской губ. Кромѣ перечисленныхъ безпорядковъ, захватившихъ болѣе или менѣе обширные районы, аграрное движеніе вспыхнуло въ истекшемъ мѣсяцѣ въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи. Подъ Харьковомъ истреблена очень цѣнная роща г. Квитки, въ Кишиневскомъ у. вырубленъ вассіенскій лѣсъ. Получены краткія сообщенія объ аграрномъ движеніи въ Саратовской (Балашовскій у.) и Тульской губ. По послѣднимъ извѣстіямъ аграрные безпорядки возникли вновь въ Орловской г. (Трубчевск. у.) Воронежской, Кіевской и Нижегородской. По сообщенію „Придн. Кр.", въ Харьковѣ замѣчается наплывъ помѣщиковъ, бѣгущихъ изъ имѣній.

Такимъ образомъ, крестьянское движеніе за истекшій мѣсяцъ проявилось въ предѣлахъ 19 губерній (Черниговской, Орловской, Курской, Харьковской, Кіевской, Воронежской, Бессарабской, Саратовской, Нижегородской, Тульской, Витебской, Минской, Лифляндской, Эстляндской, Курляндской, Варшавской, Сѣдлецкой, Люблинской и Петроковской).

Но какъ ни ужасны и ни прискорбны крестьянскіе безпорядки Европейской Россіи, все это блѣднѣетъ предъ тѣмъ, что переживаетъ теперь Кавказъ. „Въ одной части его—Кутаисской губ., говоритъ кавказскій корреспондентъ „Руси" (отъ 5 марта), идетъ аграрное движеніе, достигшее размѣра бунта, вызвавшаго военное положеніе".

Въ Кутаисской губ. движеніе вспыхнуло въ такъ наз. Гуріи, подъ которой разумѣютъ обыкновенно Озургетскій уѣздъ. Въ Гуріи аграрное движеніе, на почвѣ безземелья и крайней бѣдности, возникло еще 3 года тому назадъ, приведя къ тому, что крестьяне отказались арендовать помѣщичьи земли. Нынѣ волненія въ Гуріи приняли очень острую форму. Гурійцы отказались прибѣгать къ суду и администраціи, разрѣшая всѣ дѣла при содѣйствіи своихъ выборныхъ. Администрація покинула свой постъ. Судъ бездѣйствовалъ. Въ Гурію, объявленную на военномъ положеніи, были двинуты войска. Но гурійское дворянство просило, чтобы репрессіи не примѣнялись, войска были отозваны, такъ какъ присутствіе ихъ можетъ вызвать столкновеніе. Ходатайство было удовлетворено. Въ Гурію командированъ тайн. сов. Султанъ-Крымъ-Гирей, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ. Населеніе отнеслось къ нему съ довѣріемъ, и онъ разъѣзжаетъ по Гуріи безъ конвоя, бесѣдуя съ депутатами отъ населенія, которое добилось обѣщанія неприкосновенности своихъ выборныхъ. Послѣдніе выяснили нужды населенія въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ. „Народу нужны три вещи: хлѣбъ, правосудіе и свобода. Мы работаемъ, какъ волы, а умираемъ съ голода; у насъ нѣтъ ни земли, ни воды". Въ г. Батумѣ Кутаисской губ., по сообщ. Рос. тел. аген. 8 и 9 марта, конца стачекъ не предвидится. Городъ понемногу замираетъ, лавки закрыты, извозчиковъ нѣтъ, нѣтъ ни хлѣба, ни мяса, въ учебныхъ заведеніяхъ занятія прекращены.

Кровавыя событія въ Баку начинаютъ мало-помалу выясняться. Для предварительнаго изслѣдованія событій и успокоенія въ Баку былъ командированъ ген.-ад. кн. Амилахвари, которому были присвоены права генералъ-губернатора. Изслѣдованіе событій производится комиссіей изъ выборныхъ населеніемъ лицъ. Первоначальная версія о томъ, что причина рѣзни—національная рознь мусульманъ и татаръ, теперь оставлена какъ недостовѣрная. Бакинскіе инженеры, бакинское общественное собраніе и собраніе присяжной адвокатуры, а также и городская дума въ своихъ резолюціяхъ единодушно удостовѣряютъ, что расовой и религіозной вражды между мусульманами и армянами нѣтъ и не было, нѣтъ и экономическаго антагонизма. Бойня явилась результатомъ внѣшняго вліянія, была подготовлена. Число жертвъ до сихъ поръ даже приблизительно не опредѣлено. Несомнѣнно одно, что первоначальныя цифры значительно были уменьшены. По даннымъ офиціальнаго „Кавказа", 9 и 10 февр. отправлено въ кладбищенскій пріемный покой 150 труповъ. До 18 февраля прокурорскимъ надзоромъ зарегистрировано 202 убитыхъ. О числѣ сгорѣвшихъ въ подожженныхъ домахъ свѣдѣній пока нѣтъ вовсе. Въ началѣ марта было объявлено Высочайшее повелѣніе о назначеніи сенаторской ревизіи г. Баку и губерніи. Ревизія возложена на сенатора Кузьминскаго. Это старое, не примѣнявшееся 23 года, но испытанное мѣропріятіе, несомнѣнно, дастъ всестороннее освѣщеніе событія и обстоятельствъ, ему предшествовавшихъ и его сопровождавшихъ. Ревизующій сенаторъ обладаетъ огромными полномочіями. Ему подчи-

няются всѣ отрасли управленія, всѣ вѣдомства; онъ въ правѣ устранять отъ должности всѣхъ представителей власти, не исключая и высшихъ.

Кромѣ того Высочайшимъ указомъ Сенату 26 февраля возстановлено на Кавказѣ намѣстничество. Намѣстникомъ назначенъ членъ Гос. сов. ген.-ад. Воронцовъ-Дашковъ.

Столь же тревожное положеніе въ истекшемъ мѣсяцѣ было и въ Варшавѣ. Центральная городская телефонная станція безпрерывно, днемъ и ночью, охраняется военнымъ карауломъ. Сама станція въ виду этого функціонируетъ исправно, но не прекращаются порчи телефонныхъ распредѣлителей. У моста черезъ Вислу — постоянное дежурство часовыхъ. Не проходитъ дня, чтобы въ хронику происшествій не было занесено одного, а то и нѣсколькихъ случаевъ кровавыхъ столкновеній между рабочими, „лобузами" и полиціей. Офиціально объявлено, что нападающіе на чиновъ полиціи будутъ предаваться военному суду.

Рабочее движеніе далеко еще не закончилось. Оно то утихаетъ, то снова разгорается. Всѣ учебныя заведенія закрыты.

Тревожное состояніе края подтверждается и Высочайшимъ рескриптомъ отъ 14 марта на имя вновь назначеннаго Варшавскаго генералъ-губернатора ген.-ад. Максимовича. Въ виду чрезвычайной важности этого законодательнаго акта приводимъ его полностью:

„Константинъ Клавдіевичъ.

„Естественный ходъ жизни за послѣднія сорокъ лѣтъ, истекшія со времени коренного обновленія гражданскаго быта въ Привислинскомъ краѣ, выдвинулъ на очередь рядъ немаловажныхъ мѣстныхъ потребностей, служащихъ нынѣ предметомъ особливой заботливости правительства.

„Къ сожалѣнію, преступныя усилія враговъ правопорядка пытаются внести замѣшательство въ мирную среду польскаго населенія, осложняя этимъ спокойное обсужденіе назрѣвшихъ нуждъ.

„Одновременно нѣкоторые круги польскаго общества необдуманно и въ незаконныхъ проявленіяхъ обнаруживаютъ чрезмѣрныя притязанія относительно предѣловъ примѣненія государственнаго языка, коему во всѣхъ частяхъ разноплеменной Россійской Имперіи должно быть всегда обезпечено подобающее высокое значеніе безъ излишняго однако и несправедливаго стѣсненія языковъ мѣстныхъ.

„Ввѣривъ вамъ ближайшее, сообразно моимъ предначертаніямъ, руководительство дѣлами губерній Привислинскаго края, признаю за благо, дабы, наряду съ закономѣрнымъ и твердымъ подавленіемъ искусственно поддерживаемой смуты, вы приступили къ разработкѣ тѣхъ преобразованій въ мѣстномъ строѣ, которыя будутъ признаны необходимыми для дальнѣйшаго преуспѣянія этого всегда близкаго Моему сердцу края, въ неразрывномъ единеніи его съ остальными частями Россійской державы".

Общественное нестроеніе, лѣтопись котораго за истекшій мѣсяцъ мы изложили, не могло не отразиться на академической жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, „этихъ, по выраженію Пирогова, барометровъ общественнаго настроенія". Въ истекшемъ мѣсяцѣ, какъ и предыдущихъ, всѣ университеты и др. высшія учебныя заведенія были закрыты. Предложенія министра народнаго просвѣщенія о возобновленіи занятій вызвали со стороны конференцій и совѣтовъ высшихъ учебныхъ заведеній единогласный отвѣтъ, что при современныхъ условіяхъ объ открытіи занятій не можетъ быть и рѣчи. Въ настоящее время въ Комитетѣ министровъ разрѣшается вопросъ о переходныхъ и выпускныхъ экзаменахъ. Судя по сообщенію „Руси", большинство министровъ во главѣ съ предсѣдателемъ ст.-секр. Витте высказались противъ начала экзаменовъ. Волненія охватили и нашу среднюю школу. Въ учебныхъ заведеніяхъ двадцати одного города: Баку, Варшавы, Вологды, Вятки, Калиша, Казани, Курска. Кутаиса, Минска, Москвы, Одессы, Пензы, Петербурга (2-ая гимн.). Плоцка, Самары, Саратова, Ставрополя, Тифлиса, Уфы, Харькова и Ярославля, —занятія прекращались; учащіеся и ихъ родители подавали петиціи учебному начальству; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти петиціи были удовлетворены, что послужило къ немедленному успокоенію какъ учащихся, такъ и общества. Благодаря волненіямъ во многихъ городахъ (Курскъ. Минскъ и др.) было примѣнено весьма важное для педагогики средство, о которомъ тщетно говорилось въ обществѣ и въ печати въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ,— собранія педагоговъ и родителей учениковъ. Собранія эти въ большинствѣ случаевъ дали благіе результаты.

Движеніе коснулось и духовныхъ учебныхъ заведеній. Волненія были въ Саратовской, Ярославской, Вятской и Минской дух. семинаріяхъ. Особенно бурны безпорядки были въ Минской, гдѣ были разбиты окна, испорчена вся внутренняя обстановка зданія, а само зданіе поврждено. Указомъ Синода 18 марта семинарія была закрыта.

По отношенію печати въ истекшемъ мѣсяцѣ были приняты слѣдующія мѣры: 24 февраля объявлено газетѣ „Вечерняя Почта" первое предостереженіе. 17, 19, 20 и 22 марта, на основаніи прим. къ ст. 144 уст. о ценз., были конфискованы номера газеты „Сынъ Отечества".

Заключаемъ нашу хронику сообщеніемъ о мѣропріятіи правительства, имѣющемъ цѣлью внѣшнюю безопасность государства, но несомнѣнно, отражающемся и на внутренней жизни страны. Указомъ 12 марта 1905 г. министру финансовъ повелѣно „для дальнѣйшаго подкрѣпленія средствъ государственнаго казначейства, необходимыхъ на покрытіе расходовъ, вызываемыхъ войною съ Японіей", приступить къ выпуску внутренняго государственнаго займа. Новый заемъ пятипроцентный, выпускается на 200 мил. рубл., освобождается навсегда отъ сбора съ доходовъ съ денежныхъ капиталовъ. Выпускъ новаго займа биржа приняла дальнѣйшимъ паденіемъ курса нашей 4% госуд. ренты, курсъ которой упалъ еще на 3%.

Александръ Любинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

С. Елпатьевскій. Разсказы. 3 тома. Изд. товарищ. „Знаніе". СПБ. 1904. Ц. 3 р.

Одна изъ трехъ книжекъ прямо посвящена воспоминаніямъ; по преимуществу къ воспоминаніямъ сводятся также разсказы, собранные въ двухъ другихъ. Не всегда по существу, иногда только по настроенію, очерки г. Елпатьевскаго неизмѣнно напоминаютъ картины пережитого, мягкія, пытливо-задумчивыя, очень рѣдко обличительныя, хотя у автора чувствуется богатый матеріалъ для обличеній. Но онъ какъ бы вы-

ше рѣзко-отрицательнаго отношенія къ дѣйствительности: онъ слишкомъ настойчиво ищетъ у жизни положительнаго, жадно вглядываясь въ нее, наполняя окружающее своей мыслью и о чемъ-то спрашивая у него вездѣ, куда его ни забрасывала судьба: въ крымскія горы, въ сибирскую тайгу, въ римскій колизей, во французскій парламентъ или въ Вяземскую лавру. Онъ знаетъ, какъ многообразны условія, подъ вліяніемъ которыхъ складывается отдѣльная судьба; но болѣе всего изъ этихъ условій его интересуетъ индивидуальная мысль, безконечно своеобразная, неожиданная, ничѣмъ не предопредѣлимая. Что происходило въ мысли человѣка, когда жизнь его слагалась такъ или иначе?—вотъ вопросъ, не сходящій съ умственнаго горизонта нашего писателя во время его творческой работы. И—какъ всякій подвигъ мысли—это вниманіе къ другимъ несетъ въ себѣ и лучшую благодарность: оно дастъ болѣе ясное представленіе о духовномъ складѣ писателя, чѣмъ это могли бы сдѣлать его разсказы о себѣ. Онъ лирикъ по преимуществу, но лучшіе образцы его лирики въ изображеніи чужой жизни, къ интересамъ которой его привлекаютъ не художественныя соображенія, а живая мысль о живомъ человѣкѣ.

А. Горнфельдъ.

Танъ. Очерки и разсказы. 2 изд. Глаголева. Томы I—IV. СПБ. 1904.

Одни художники выхватываютъ изъ дѣйствительности и запечатлѣваютъ въ своихъ образахъ опредѣляющія черты отдѣльной душевной жизни; другихъ больше привлекаетъ совокупный душевный міръ человѣческихъ группъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ авторъ „Чукотскихъ разсказовъ“. Не только по внѣшнимъ поворотамъ своей судьбы, но по существу своего живого дарованія—онъ настоящій этнографъ. Онъ не умѣетъ говорить о себѣ своими образами; если надо, онъ прямо разскажетъ о себѣ въ лирическихъ признаніяхъ безъ непосредственности, но съ подъемомъ. Какъ истый путешественникъ—онъ прежде всего Колумбъ и изобразитель совершенно новыхъ и чуждыхъ намъ міровъ. Онъ не изъ тѣхъ, кто открываетъ намъ новое въ томъ, что казалось намъ знакомымъ и извѣстнымъ: онъ разсказываетъ намъ о томъ, чего мы совсѣмъ не знали: о русскихъ духоборахъ въ Америкѣ, о чукчахъ и ламутахъ на дальнемъ сѣверо-востокѣ Азіи, о кучкѣ интеллигентной молодежи въ поселкахъ сибирской тундры. Все это ново до фантастичности: сложная душевная жизнь полныхъ жизни культурныхъ людей, надолго закинутыхъ превратностями русской дѣйствительности въ полярную пустыню „города Пропадинска“, оказывается столь же новой и неожиданной для насъ, какъ и безконечно своеобразный и подчасъ чудовищно-странный міръ сѣверныхъ дикарей, пестро и жизненно изображенный въ „Чукотскихъ разсказахъ“. Въ этой отдаленности какъ бы открываемаго имъ міра особенность письма г. Тана, но, конечно, этимъ внѣшнимъ интересомъ не исчерпывается живоевниманіе, съ которымъ читаются его произведенія.

А. Горнфельдъ.

Разсказы Вазова. Переводъ и вступительная статья Андрея Сиротинина. Ц. 90 к. 208 стр.

Природа, любовь и Богъ — вотъ основные мотивы творчества болгарскаго поэта и беллетриста Вазова. Къ первой онъ относится съ благоговѣйной нѣжностью, какъ къ женщинѣ, или вѣрнѣе, какъ къ матери; особенно ему дорога его р о д н а я природа, его Болгарія, милѣе и краше которой онъ не находитъ на всемъ земномъ шарѣ... Л ю б о в ь Вазовъ понимаетъ въ самомъ широкомъ, общечеловѣческомъ смыслѣ,—любви къ людямъ, ко всѣмъ „униженнымъ и оскорбленнымъ“; любовь къ женщинѣ является у него только какъ одно изъ частныхъ проявленій его безграничной любви ко всему человѣчеству... Любовь, по понятію Вазова, возвышаетъ, облагораживаетъ душу человѣка, способствуетъ проявленію лучшихъ, свѣтлыхъ сторонъ его натуры... Бога онъ понимаетъ, какъ высшее духовное начало, вѣдающее тайны міразданія, влекущее человѣка все „выше, выше“, къ идеалу безконечнаго совершенствованія... По природѣ и основнымъ тенденціямъ своего дарованія, Вазовъ отнюдь не б о р е ц ъ, въ активномъ, боевомъ значеніи этого слова; его поэтической, любвеобильной душѣ чуждо всякое насиліе; онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ—увы! —быть можетъ, „у т о п и с т о в ъ“, которые пламенно вѣрятъ въ то, что міръ можетъ быть перестроенъ на началахъ гуманизма—любви, милосердія, взаимнаго пониманія... Въ пятнадцати небольшихъ разсказахъ, которымъ въ настоящемъ изданіи предпосланъ несоразмѣрно обширный критико-біографическій очеркъ,—ярко вырисовываются гуманистическія тенденціи автора. Если читатель станетъ искать въ этихъ разсказахъ вычурныхъ красокъ, острыхъ штриховъ, захватывающихъ впечатлѣній, то разсказы Вазова не удовлетворятъ его... Если же онъ способенъ цѣнить искренность и непосредственность души, теплоту и свѣжесть чувства, вѣчно юную, пламенную вѣру въ торжество истины и справедливости,—пусть онъ прочтетъ произведенія Вазова. Мы считаемъ расказы „Дочь Пилата“, „Звѣзда“, „Во мракѣ“ и „Спустя 20 лѣтъ“—за лучшіе по красотѣ настроенія и мягкости красокъ.

А. Чеботаревская.

Александра Ефименко. „Южная Русь“. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Изд. Общ. имени Т. Г. Шевченко. Т. I. Спб. Ц. 2 р. 1905 г. А. Я. Ефименко—одна изъ первыхъ русскихъ женщинъ, посвятившихъ всю свою жизнь серіознымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Оригинальная мыслительница, одаренная выдающимся публицистическимъ талантомъ, она выступила въ печати въ началѣ 70-хъ годовъ цѣлымъ рядомъ вполнѣ самостоятельныхъ изслѣдованій народной жизни сѣверной и южной Россіи. Сочувствуя задачамъ Петербургскаго общества имени Шевченко (дающаго пособія южно-русскимъ учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы), А. Я. Ефименко сдѣлала ему драгоцѣнный даръ: она предоставила ему право издать въ свою пользу всѣ ея статьи и изслѣдованія, относящіяся до исторіи и литературы Южной Руси. Общество, хотя до сихъ поръ и не занималось издательской дѣятельностью, съ глубокой благодарностью приняло даръ извѣстной писательницы и для изданія предоставленныхъ ему литературныхъ работъ А. Я. выдѣлило изъ среды своей комиссію, которая распредѣлила ихъ на два тома и приступила къ ихъ изданію. Теперь только что вышелъ 1-й томъ съ портретомъ автора. Въ него вошли самыя крупныя и цѣнныя изслѣдованія А. Я. по исторіи Малороссіи: „Малорусское дворянство и его судьба“, „Очерки исторіи правобережной Украйны“, „Южнорусскія братства“, „Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси“ и нѣсколько короткихъ, но очень цѣнныхъ монографій по древнѣйшей исторіи: „Копные суды въ лѣвобережной Украйнѣ“, „Народный судъ въ Западной Руси“, „Литовско-русскіе данники и ихъ дани“, „Архаическія формы землевладѣнія у германцевъ и славянъ“.

Яркость изложенія, всегда своеобразное, глубокодумчивое и оригинальное отношеніе автора къ изслѣдуемому вопросу придаютъ особенный интересъ сочиненіямъ А. Я. Разсѣянныя по разнымъ старымъ и новымъ журналамъ, они до настоящаго времени представляли библіографическую рѣдкость такъ же, какъ и первое изданіе ея изслѣдованій народной жизни, вышедшее въ началѣ 80-хъ годовъ. Теперь, объединенныя въ одномъ изданіи, они производятъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе не только силою выдающагося ума историка, но и тѣмъ великимъ чувствомъ любви и уваженія къ народной массѣ, какимъ они всѣ проникнуты, и вызываютъ такое же чувство и въ читателяхъ. Особенно талантливо написаны „Малорусское дворянство“ и „Южнорусскія братства“; какъ много вносятъ они въ наше столь неполное пониманіе малорусской народной жизни, всегда опирающейся на свои историческія основы. Нельзя не пожелать, чтобы

„Южная Русь“ была прочтана возможно большимъ числомъ людей: она дастъ имъ много новыхъ точныхъ знаній, а что еще важнѣе—пробудитъ во многихъ новые взгляды на историческое прошлое Малороссіи, заставитъ дрогнуть во многихъ дремлющія струны любви къ родинѣ.

Чистый сборъ отъ изданія прекраснаго подарка г. Ефименко предназначается Обществу имени Шевченке для фонда на устройство общежитія и столовой для учащейся молодежи обоег пола, слетающейся съ разныхъ концовъ благодатнаго юга Россіи въ нашу столицу, гдѣ столькіе изъ нихъ гибнутъ отъ убійственныхъ условій жизни. Предполагаемый Обществомъ фондъ значительно улучшилъ бы ихъ положеніе.

С. Русова.

Издатель В. С. Миролюбовъ. Редакторъ П. В. Голяховскій.

Сезонъ весны и лѣта 1905 г.

Русская почтовая экспедиція

ЛЬВА РУБАШКИНА въ Лодзи

предлагаетъ

ДЛЯ МУЖЧИНЪ

готовое платье (собственнаго производства).

№ 59. Солидный, элегантный пиджачный костюмъ одно- или двухбортный, сшитый по послѣдней модѣ изъ гладкаго практичнаго и прочнаго трико-шевіота, цвѣтовъ: чернаго, т.-синяго, сѣраго, коричневаго и оливковаго, или изъ трико англійскаго вкуса, чернаго съ бѣлыми крапинками или заткан. новомодн. цвѣтными клѣтками—12 руб.

№ 60. Такой же костюмъ шит. изъ гладкаго весьма прочнаго трико-шевіотъ высшаго сорта, чистой шерсти безъ примѣси и тѣхъ же цвѣтовъ, или же изъ трико-фуле (новинка сезона), цвѣта чернаго съ бѣлыми крапинами или заткан. новомодн. цвѣтн. клѣтками—16 руб.

№ 61. Солидный и изящный костюмъ изъ лучшаго шерстяного шевіота или трико, самой прочной гладкой выдѣлки, цвѣтовъ: чернаго, т.-синяго, маренго, или чернаго съ бѣлой искрой, или полосками новѣйш. выработки въ англійскомъ вкусѣ—20 руб.

По желанію могутъ быть заказаны въ отдѣльности брюки; брюки съ жилетомъ и пиджаки по соотвѣтственнымъ цѣнамъ.

№ 69. Зимнее или весеннее пальто одно или двухбортное, шитое по послѣдней модѣ изъ гладкаго драпа или изъ драпа въ англійскомъ вкусѣ съ чуть видными свѣтл. полосками, цвѣтовъ: чернаго, темно-синяго и темно-сѣраго (маренго) на теплой шерстяной подкладкѣ „флора" съ бархатнымъ воротникомъ или по желанію на шерстяной ватѣ и на подкладкѣ изъ шерст. атласа—18 руб.

№ 70. Такое же пальто, тѣхъ же цвѣтовъ изъ драпа и подкладки луч. качест.—24 руб.

№ 71. Пальто изъ драпа наивысшаго сорта, тѣхъ же цвѣтовъ, на наилучшей шерстян. подкладкѣ Флора, или на подкладкѣ шерст. плюша, а по желанію на шерстян. ватѣ и шелковой атласной подкладкѣ—32 руб.

№ 69а. За 16 руб. пальто лѣтнее изъ шевіотъ-меланжа, цвѣтовъ: маренго, черный, синій, оливковый, коричневый, песочный на шерстяной подкладкѣ съ бархатнымъ, или по желанію изъ того же матеріала, воротникомъ.

При заказѣ слѣд. обозначить въ сантим. или вершкахъ слѣд. мѣрку: для пиджака, тужурки и пальто: 1) длину сзади, 2) ширину спинки между швами рукавовъ, 3) длину рукава по заднему шву отъ плеча черезъ локоть до кисти, 4) объемъ груди подъ мышками и 5) объемъ таліи. Для брюкъ: 1) объемъ пояса, 2) длину отъ пояса до конца, 3) длину въ шагу, 4) объемъ ноги у паха, у колѣна и у сапога. Для жилета—длину его отъ шва на плечахъ вдоль груди.

Условія высылки. Упаковка и пересылка за счетъ фирмы. Заказы исполняются немедленно, аккуратно и безъ всякаго задатка. Наложеннымъ платежемъ до 5 р. на 10 к. дороже; свыше 5 р. по 2 к. съ каждаго рубля. Въ Западн. Сибирь и Туркестанскій край причитывается 5%, а въ Восточную Сибирь 10% съ суммы заказа.

Безъ всякаго риска! Не понравившееся принимается обратно для обмѣна или возвращаются деньги обратно по почтѣ сполна.

За высланные товары фирма удостоена многочисленными благодарностями отъ своихъ заказчиковъ.

Требованія прошу адресовать: **Льву РУБАШКИНУ, Лодзь.**

ПРИМѢЧАНІЕ: Прошу **не смѣшивать съ разными многими товариществами.**

Я

изучала стенографію по упрощенной системѣ I. Животовскаго *) заочно по присылаемымъ мнѣ лекціямъ, будучи уже не молодой и имѣя громадную семью. Я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ заявить, что система эта въ высшей степени проста, составлена такъ разумно, что все послѣдующее логически вытекаетъ изъ предыдущаго, и потому изученіе ея не представляетъ никакихъ затрудненій: напротивъ того, мнѣ занятія стенографіей положительно доставляли удовольствіе и служили отдыхомъ. Послѣ 9 лекцій (всѣхъ 12) я стала очень усердно писать подъ диктовку, имѣя въ виду получить практическія занятія въ земствѣ, и послѣ изученія 11 лекціи, я уже выступила въ качествѣ признанной стенографистки и работала вдвоемъ съ другою въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленн. и въ Воронежскомъ губ. земскомъ собраніи, такъ что потребную для полученія 12 лекціи практическую работу я посылала г. Животовскому такую, за которую уже получила деньги. Для замужней женщины стенографія представляетъ самое удобное занятіе, потому что она отнимаетъ какой-нибудь мѣсяцъ въ годъ во время сессіи земскаго собранія и даетъ за этотъ мѣсяцъ хорошій заработокъ, а все остальное время можно вполнѣ посвятить своей семьѣ. Я глубоко убѣждена, что, когда система г. Животовскаго получитъ доступъ въ среднія учебныя заведенія, стенографія станетъ достояніемъ большинства образованныхъ людей и стенографъ не будетъ такой рѣдкостью, какъ былъ до сихъ поръ, когда изученіе стенографіи по прежнимъ системамъ (Габельсбергера, Штольце и др.) было дѣйствительно неимовѣрной трудностью.

Жена ст. с. Л. И. ЛѢПНЕВА, Воронежъ, Кручиновская, № 3.

*) Курсы стенографіи I. Животовскаго въ Одессѣ, Дерибасовская, д. Ж. В. Санца. Программы и условія высылаются за 14 коп. марку.

ПРОСИМЪ УБѢДИТЬСЯ!!!

Не гонитесь за дешевыми, но никуда негодными часами, а выписывайте изъ нашего склада по оптовой цѣнѣ патентованные во всемъ мірѣ карманные мужскіе часы „Хронометръ", настоящіе Женевскіе, знаменитой фабрики „La Brandor et C°", анкерные, ходъ на камняхъ, съ усовершенствованной, никогда неперекручивающейся пружиной (ново!), ремонтуаръ (заводъ безъ ключа); корпусъ часовъ изъ настоящей англійской черной ворон. стали, по небывалой еще цѣнѣ, всего за 5 руб. 30 коп. съ пересылкой.

Часы „Хронометръ" по своей изящности, прочности механизма (даже при сильномъ паденіи часы не повреждаются) и хронометрически вѣрному ходу—не уступаютъ самымъ дорогимъ часамъ. Мы ручаемся, что всякій, кто выпишетъ эти часы, будетъ намъ всегда благодаренъ. Часы высылаются обтянутые и провѣренные въ секунду и снабжаются письмен. гарантіей на 6 лѣтъ. Даромъ прилагается къ каждымъ часамъ изящная не чернѣющая цѣпочка „шатленъ" или бортовая съ парижскимъ брелокомъ. Дамскіе часы, цилиндръ, той же фабрики съ шейной цѣпочкой новоамериканскаго золота 5 руб. Заказы исполняются наложеннымъ платежомъ и безъ задатка. Адресовать: Въ складъ настоящихъ Женевскихъ часовъ Товарищества „Бостонъ", Варшава с. д. ● Въ Сибирь присчитывается за пересылку 40 к. и безъ задатка 2 р. (можно почтов. марками) не высылается. ● Безъ риска! Если часы не будутъ хороши или несогласны съ объявленіемъ, то примемъ ихъ обратно и возвратимъ деньги. ● ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ: Во избѣжаніе подделокъ на циферблатѣ каждыхъ часовъ имѣются надписи „Chronometr" и „La Brandor et C°". Просимъ не смѣшивать съ часами „Роскопъ-Хронометръ".

Все только за 6 р. 75 к. съ пересылкой!

Высылаемъ 9 нижеслѣдующихъ предметовъ, за которые удостоились многихъ благодарностей: 1) Часы черной ворон. стали откр. (мужск. или дамскіе), заводъ безъ ключа (ремонтуаръ), тщательно провѣренные съ письмен. ручат. на 6 лѣтъ. 2) Цѣпочка панцырная, шатленъ или шейная дамская. 3) Брелокъ изящный. 4) Кольцо золотое 56 пробы или взамѣнъ 6 серебр. 84 пробы брелковъ. 5) Портмонэ прочное кожаное съ 6 отдѣл. и механич. затворомъ содержащимъ штемпель (имя, отчество и фамилію). 6) Портсигаръ аллюминіевый элегантный. 7) Спичечницу такую же. 8) Ножикъ заграничный съ 2 лезвіями и пробочникомъ или складныя заграничныя ножницы въ футлярѣ. 9) Мундштукъ гигіеническій Д-ра Коха. Глухіе часы со всѣми приложеніями на 1 руб. дороже. За золотое украшеніе на часахъ доплачивается 50 к. Въ Азіатскую Россію на 25 коп. дороже. Заказы высыл. нал. платежомъ. Адресовать: Складу часовъ „Конкурренція". Варшава.

ГИТАРА

Усл. заочнаго обученія игрѣ безплатно. I-я лекц. 35 коп. Г. Тюмень, Тобольск. г., А. М. АФРОМѢЕВУ.

БЕЗПЛАТНО

высыл. **Книжки о Стенографіи.** Требованія адресов. такъ: Одесса, Центральный почтамтъ, въ абон. ящикъ № 970.

ГОДЪ X. 1905. № 5. МАЙ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Журналъ для всѣхъ.

Л. М. ВАСИЛЕВСКІЙ.

Помнишь первый гулъ природы
Послѣ ужаса зимы?
Помнишь первый вздохъ свободы
Отъ безстрастья и тюрьмы?

...Вешній день. Раскрыты окна.
Раззолоченная пыль...
Вьются свѣтлыя волокна...
Это сказка—или быль?

Помнишь—тишь нѣмого парка?..
Дерзость юности... Изъ тьмы
Что-то дышитъ сильно, ярко...
Въ цѣломъ мірѣ—только мы.

Это будетъ—или было?
Или давней грезы пыль?
Колыбель— или могила?
Сказка это—или быль?

———

Это было такъ недавно—
Или, можетъ быть, давно?
Вешній лучъ тепло и славно
Заглянулъ въ мое окно.

Расцвѣтилъ пустыя стѣны,
Скучный, сѣрый потолокъ.
Сладкой болью перемѣны
Населилъ мой уголокъ.

Это было такъ недавно—
Въ пустотѣ мелькали дни...
Загорѣлись своенравно
Въ сердцѣ новые огни.

Какъ весеннихъ шумовъ эхо,
И во мнѣ и надо мной
Загудѣли волны смѣха,
Жизни радостной прибой.

Сквозь угрюмый ледъ безстрастья
Въ сердце хлынула волна,
Захлестнула жаждой счастья.
Здравствуй, радость и весна!

В. БАШКИНЪ.

Ждемъ весны въ этотъ годъ мы безъ яркихъ цвѣтовъ,
Безъ довѣрчивыхъ пѣсенъ волны говорливой.
Будетъ май, какъ раздумье страны сиротливой
На могилѣ отважныхъ борцовъ.
Не шелохнетъ рѣка межъ густыхъ тростниковъ,
Лѣсъ весенняго вѣтра поклономъ не встрѣтитъ,
Небесамъ на улыбку земля не отвѣтитъ
Благовоннымъ дыханьемъ луговъ.

Такъ тепла еще скорбь тѣхъ безжалостныхъ дней,
Такъ ярка еще память о пролитой крови,
Словно призракъ зловѣщій стоитъ наготовѣ,
Жадно рвется въ жилища людей.
Словно ходитъ онъ каждую ночь у дверей,
Смотритъ въ темныя окна со злобой упрямой,
Неожиданно стукнетъ неплотною рамой,
Напугаетъ уснувшихъ дѣтей.

ДРУГАЯ.

СОНЕТЪ.

Весь вечеръ музыка. Мелодія мечты
То нѣжно-чуткая, то сдержанно-больная.
Въ людской толпѣ со мной была не ты.
Ко мнѣ склонилась дѣвушка другая.
Въ послѣдній вечеръ ласковаго мая
Безцѣльно плачутъ блѣдные цвѣты.
Я все смотрѣлъ на тонкія черты,
Задумавшись и что сказать не зная.
А музыка звала, и шуменъ праздникъ былъ...
И жизнь опять во мнѣ запечатлѣла
Свой скорбный ликъ, набросанный несмѣло,
Штрихами мягкими. И я тебя любилъ...
Душа рвалась, душа къ тебѣ хотѣла,
Но я другой о счастьѣ говорилъ.

М. ПОЖАРОВА.

ГРОТЪ «BOVE MARINO», НА ОСТРОВѢ КАПРИ.

Разбиваясь объ утесы, мчится пѣнистый
прибой
Въ гротъ морского чародѣя, въ царство
сказки водяной.

Тамъ заклятіе безвластно, тамъ витаетъ
колдовство...
Все таинственно-прекрасно и обманчиво-
мертво.

Какъ открытая гробница—мшистой арки
глубина,
Въ ней песковъ изборожденныхъ золотая
пелена.

Фантастическія глыбы. Стонъ и бѣшенство
валовъ.
Прихотливые изгибы нависающихъ
зубцовъ.

И, средь отблесковъ мерцанья, дрожь
измѣнчивыхъ тѣней,
Черно-синихъ и тягучихъ, словно цѣпь
сплетенныхъ змѣй...

Если хочешь вѣдать тайны, жгучимъ
сномъ упиться въявь,
Въ часъ лазурный новолунья свой челнокъ
сюда направь.

Пусть чешуйчатыя волны, въ искрахъ
луннаго огня,
Зашипятъ, смятенья полны, негодуя и
стеня;

И грозясь изъ дикихъ впадинъ, пусть,
не зная торжества,
Хищный Страхъ, безсильно жаденъ,
шепчетъ смутныя слова.

Заглуши его угрозы! Непреклонный, смѣло
жди!
Неразгаданныя грезы улыбнутся впереди.

Что-то дрогнетъ въ полумракѣ... что-то
вспыхнетъ, какъ алмазъ...
Ты уловишь на мгновенье льдистый блескъ
зовущихъ глазъ,

Чей-то смѣхъ прозрачно-нѣжный
донесется—и замретъ,
Кто-то грудью бѣлоснѣжной на
поверхности мелькнетъ,

И, охваченная страстью, влюблена,
упоена,—
Засверкаетъ, заиграетъ набѣжавшая волна

И одѣнетъ въ брызги пѣны, въ
златоцвѣтную фату,
Выплывающей сирены неживую красоту..

* * *

Сегодня небо — точно море:
Какъ сонмы пѣнистыхъ валовъ,
Тѣснятъ другъ друга въ бурномъ спорѣ
Громады синихъ облаковъ

И въ безднѣ, полной содроганья,
Средь тусклыхъ отблесковъ лучей,
Всплываютъ смутно очертанья
Какихъ-то призрачныхъ тѣней...

О, позабудь нашъ міръ туманный!
Растутъ мечты, блуждаетъ взоръ —
И съ безпредѣльностью желанной
Душа заводитъ разговоръ.

Въ тѣняхъ неясно-уловимыхъ,
Скользящихъ легкой чередой,
Видѣнья близкихъ и любимыхъ
Я вызываю предъ собой,

Здѣсь, въ жизни, трепетно
мелькнувшихъ,—
Какъ промелькнемъ и ты и я,—
И безвозвратно потонувшихъ
Въ струяхъ иного бытія.

О, непреложность обновленья!
И наши робкія сердца
Познаютъ мигъ преображенья
Въ грядущемъ таинствѣ конца!

Какъ блѣдный сонъ исчезнетъ горе,
Въ послѣдній разъ любовь вздохнетъ,
И насъ въ невѣдомое море
Волнами смерти унесетъ.

САМОУГЛУБЛЕНІЕ.

ИЗЪ БОДЛЭРА.

О, Скорбь моя, смирись!. Ты вечера
желала,—
Теперь разумна будь: онъ близокъ, онъ
идетъ.
На городъ темнота прозрачная упала
Однимъ неся покой, другимъ тоску заботъ.

Тогда, какъ смертные, достойные
презрѣнья,
Сойдутся подъ бичомъ безжалостныхъ
Утѣхъ,
На рабскомъ празднествѣ, гдѣ дышатъ
Угрызенья,—
Дай руку,Скорбь моя! Мы далеко отъ всѣхъ.

Смотри: таинственно, въ безбрежности
холодной,
Года умершіе глядятъ изъ замка тучъ,
И Сожалѣніе встаетъ изъ глуби водной
Съ улыбкой призрачной... И гаснетъ
спящій лучъ.
И сладостная Ночь,—ты слышишь, другъ
печальный?—
Къ востоку тянется, какъ саванъ
погребальный.

А. ѲЕДОРОВЪ.

СУББОТА.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека... Какъ тишина чутка.
Земля темна, а глубь небесъ свѣтла
И такъ таинственно близка.
Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека... Прозрачна и легка,
Въ настороженныхъ вѣткахъ бродитъ мгла,
Предвѣстница весенняго тепла.
Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека... Звенитъ моя тоска
Предчувствіемъ весны, и ожила
Моя душа, какъ подо льдомъ—рѣка.
Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека... Ни вздоха вѣтерка.
Ночь первую звѣзду свою зажгла.
Весна идетъ. Жди перваго цвѣтка.

ЕЛИСАВЕТА ДИТЕРИХСЪ.

Дождикъ въ окно барабанитъ уныло.
Вечеръ туманный печально глядитъ.
Гдѣ же желанный? Гдѣ же мой милый?
Грудь надрывается, сердце болитъ.
Людямъ нѣтъ дѣла до нашей разлуки.
Что имъ до нашей печальной любви?
Слышишь—дрожитъ мое сердце отъ муки?
Милый! зови же меня, о, зови!
Гдѣ же конецъ этимъ буднямъ унылымъ,
Гдѣ же просвѣтъ этимъ сѣренькимъ днямъ,
Мыслямъ тяжелымъ, думамъ постылымъ,
Мраку конецъ и осеннимъ дождямъ!..

ИВ. БѢЛОУСОВЪ.

ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ.

Ахъ, качайся, ты качайся,
    Колыбелюшка моя!
За тебя, сыночекъ милый,
    Помолюся Богу я.
Пусть тебя Хранитель-Ангелъ
    Сохранитъ годокъ, другой,
А потомъ тебя отнимутъ:
    Будешь барскимъ ты слугой!..
Ахъ, качайся, колыбелька,
    Ты качайся побыстрѣй!
Изо льна спряду я нитку—
    Луга барскаго длиннѣй.
Будетъ та, сыночекъ, нитка
    И сѣра, и не мягка,
Словно наша доля—горе,
    Словно доля мужика.
Раскачайся, колыбелька...
    Чу! и музыка гремитъ,
И сынокъ въ походъ собрался,—
    У порога мать стоитъ...
Ахъ, качайся, ты качайся,
    Колыбелюшка моя!
Одинокой, безпріютной
    Побреду по свѣту я.
Свѣтъ широкъ... Да отъ сыночка
    Далеко я не уйду:
На своемъ родномъ погостѣ—
    Тамъ мѣстечко я найду!..

А. ВОАНЕ.

Чѣмъ-то свѣтлымъ, теплымъ, радостнымъ и милымъ,
Словно тихой лаской въ сердце мнѣ пахнуло,
Запахъ розъ донесся съ вѣтромъ легкокрылымъ,
Иль лучомъ весеннимъ солнышко сверкнуло?
Отчего вдругъ сердце трепетно забилось,
Замерло отъ счастья, сжалось въ сладкой мукѣ?
Чье лицо съ участьемъ надо мной склонилось,
Чьи ко мнѣ съ любовью протянулись руки?..
Какъ во снѣ блаженномъ по душѣ нежданно
Чья-то промелькнула тѣнь неуловимо,—
И приснился сердцу счастья сонъ желанный,
И приснился образъ, нѣкогда любимый.
Кто прислалъ привѣтъ мнѣ въ этотъ часъ печали?
Чья душа съ моею обнялась душою?
Или ты, быть можетъ, тамъ, въ безвѣстной дали,
Средь забавъ веселыхъ, вспомнила былое?..

НАТАЛЬЯ КРАНДІЕВСКАЯ.

Что ты боишься меня?
Робко, тревожно глядишь...
Птичка больная моя,
Что ты дрожишь?
Мы далеко отъ людей...
Грубою, властной рукой
Я не встревожу твоей
Раны больной!
Видишь, я самъ одинокъ...
Оба съ тобой мы больны...
Сонъ моей грустной весны
Тоже далекъ!
Что ты глядишь на меня
Съ тихой, тревожной мольбой?
Птичка больная моя,
Что же съ тобой?

М. БЕСКИНЪ.

Дружнѣй усилья—
И цѣпь падетъ...
Долой безсилья
Тяжелый гнетъ!
    Мы долго спали,
    Своей судьбы,
    Своей печали
    И слезъ рабы;
Но дивной силой
Отъ муки сна
Насъ пробудила,
Смѣясь весна.
    И въ блескѣ свѣта,
    Забывъ о снѣ,
    Мы пѣснь привѣта
    Поемъ веснѣ.

ЖАЛОВАНЬЕ.

(Повѣсть).

(Окончаніе).

X.

За обѣдомъ Женя сидѣла съ припухшими глазами и старалась ни на кого не глядѣть. Пришелъ Плотниковъ и принесъ переписку для Жени. Уже съ мѣсяцъ и она и Леонидъ ищутъ себѣ уроковъ, и не могутъ найти. У Плотникова былъ дешевый урокъ, и время отъ времени перепадала переписка, часть которой онъ отдавалъ Женѣ, не говоря, впрочемъ, ей, что отнимаетъ у себя самого. Почеркъ у Жени былъ плохой, и Плотникову самому приходилось переписывать то, что она перепишетъ; но зато онъ имѣлъ возможность давать ей два-три рубля за работу, потому что просто взять у него она никогда бы не согласилась.

Вечеромъ явился Горлянскій, старый знакомый Талымовыхъ, болѣзненный господинъ лѣтъ 50-ти, всегда тихій, всегда усталый. Это былъ единственный человѣкъ, съ которымъ Талымовъ чувствовалъ себя попрежнему легко...

— Голубчикъ мой, что же это вы пропали? сказалъ Талымовъ, усадивъ его у себя въ кабинетѣ.—Или ужъ очень скверно стало у насъ въ домѣ?

— Нѣтъ, просто, устаю. Какъ придешь изъ конторы, такъ ужъ на весь день никуда и не годишься. И итти никуда не хочется... Старость подкатываетъ. Ну, а вы какъ? Постарѣли-таки за это время. Ничего пока не имѣется въ виду?

Талымовъ махнулъ рукою.

— Эхъ, напрасно вы бросили мѣсто!

Горлянскій понималъ, что заставило Талымова уйти изъ „Хамелеона", но онъ былъ убѣжденъ, что нельзя рѣшаться на такой шагъ, не сдѣлавъ предварительно солидныхъ сбереженій.

— Вотъ я теперь работаю, пока еще не совсѣмъ надорвался; во всемъ отказываю себѣ, чтобы подъ старость не побираться.

Талымовъ вспыхнулъ при словѣ „побираться", но вмѣстѣ съ этимъ у него промелькнула мысль: „Значитъ, у Алексѣя Ивановича скоплены какія-нибудь деньги",—и онъ, непомѣрно волнуясь, разсказалъ Горлянскому, почему ему до зарѣзу нужны деньги. Алексѣй Ивановичъ тоже заволновался и, слушая Талымова, весь точно замеръ... даже какъ будто слегка поблѣднѣлъ.

— Я, собственно говоря, могу вамъ дать немного, произнесъ онъ какимъ-то глухимъ и словно не своимъ голосомъ.—У меня есть сбереженія на черный день... да. Скажу откровенно: я боюсь тронуть изъ нихъ хоть бы копѣйку. Можетъ быть, это и свинство, но посудите сами: не сегодня—завтра я лишаюсь работоспособности и.. какъ же я тогда буду жить? У меня и теперь ужъ разныя недомоганія: то ноги болятъ, то глаза, то въ головѣ какой-то странный шумъ... Или, напримѣръ, лопается наша контора,—и вотъ я на улицѣ... Да просто, меня могутъ сковырнуть съ мѣста... ну, хотя бы для того, чтобы очистить его для хозяйскаго протеже... Вѣдь мы ежеминутно висимъ на волоскѣ... Конечно, я вамъ дамъ небольшую сумму: когда получите мѣсто, тогда вернете. Только я попросилъ бы васъ объ одномъ: не говорите никому, что у меня есть сбереженія... Пусть это останется между нами.

XI.

Вотъ уже полторы недѣли, какъ Женя не ходитъ въ гимназію. Половина денегъ, взятыхъ у Горлянскаго, пошла на уплату мелкихъ долговъ: лавочнику, молочнику, кухаркѣ и на необходимое иждивеніе, а другая половина—на взносъ за Леонида, которому инспекторъ не давалъ прохода.

Женя была глубоко обижена такимъ предпочтеніемъ и засѣла безвыходно въ своей комнатѣ, гдѣ она по нѣсколько разъ на дню принималась плакать. Александра Сергѣевна также чувствовала себя оскорбленной за дочь, хотя отлично понимала, что за сына тоже нельзя было не внести. Впрочемъ, она не укоряла мужа, а только, проходя мимо него, замѣчала какъ бы вскользь: „Женя опять плачетъ..." или: „Я боюсь за здоровье Жени..."

— За что на меня дуются? сердито говорилъ Леонидъ отцу.—Виноватъ я, что ли?

Раздраженный тѣмъ, что онъ долженъ чувствовать себя почему-то виноватымъ, Леонидъ тоже затворялся въ своей комнатѣ, гдѣ у него было всегда страшно накурено. Онъ уже не ходилъ по гостямъ, во-первыхъ, потому, что сапоги истрепались, а во-вторыхъ, потому, что его и у Надеждиныхъ и у Воропаевыхъ спрашивали: „А что, вашъ отецъ все еще не нашелъ мѣста?"—И ему казалось тогда, что всѣ смотрятъ на него съ состраданіемъ, всѣ замѣчаютъ, что онъ обносился. Онъ боялся съѣсть въ гостяхъ лишній бутербротъ за чаемъ,—пожалуй, подумаютъ: „Бѣдный, какъ онъ голоденъ!" Когда онъ въ послѣдній разъ пришелъ къ Воропаевымъ, добрая Марья Петровна внимательно посмотрѣла на него и сказала: „Вы, должно быть, очень устали? Не хотите ли закусить чего-нибудь?" Леонидъ вспыхнулъ и въ смущеніи проворчалъ что-то нескладное... Послѣ этого онъ не ходилъ къ Воропаевымъ. У Надеждиныхъ ему какъ-то предложили билетъ на концертъ; онъ покраснѣлъ, увидя въ этомъ подачку, и рѣзко отказался. Да и вообще онъ сталъ чувствовать себя въ гостяхъ нехорошо: кругомъ него разговаривали объ общественныхъ собраніяхъ, о литературѣ, о театрѣ; а онъ си-

дѣлъ, старательно поджимая подъ себя ноги и не переставая ощущать прорѣху на сапогѣ. Даже когда говорили и спорили на его любимыя темы: о свободѣ личности, о Нитцше и сверхчеловѣкѣ, о томъ, что „надо жить голымъ“,—Леонидъ никакъ не могъ одушевиться и забыть о своихъ сапогахъ. Среди молодого энтузіазма и смѣлыхъ рѣчей, онъ невольно думалъ о томъ, что хорошо бы найти какой-нибудь урочишко и поправить свой костюмъ, что вотъ сейчасъ, вернувшись домой, онъ принужденъ будетъ звонить къ швейцару, который отопретъ ему съ грубымъ ворчаньемъ, или стучать въ кухню къ Дарьѣ, которая тоже забормочетъ что-нибудь оскорбительное.

Онъ ожесточался все больше и больше и кончилъ тѣмъ, что засѣлъ упорно, озлобленно у себя въ комнатѣ.

— Ты злишься на меня, Леонидъ? спрашивалъ отецъ, входя къ нему.

— За что мнѣ злиться? сумрачно отзывался сынъ и старательно отмалчивался.

И всѣмъ въ семьѣ было какъ-то не до разговоровъ. Прежде Талымовъ разговаривалъ съ женой о разныхъ новостяхъ, преимущественно общественныхъ, и хотя Александра Сергѣевна щурилась иногда при этомъ нѣсколько насмѣшливо, но въ общемъ взгляды Талымовыхъ совпадали. Оба они усвоили еще съ юности символъ вѣры либеральнаго интеллигента, оба были убѣждены, что нужна политическая свобода и вообще свобода, что административный произволъ есть зло, что классическіе языки надо уничтожить, что земство лучше бюрократіи и что необходимо дать женщинѣ широкій доступъ къ образованію... И они мирно разговаривали объ этихъ вопросахъ; когда приходили гости, то завязывался такой же мирный общій разговоръ. А теперь эти вопросы отошли отъ нихъ куда-то далеко и, если случалось затрагивать ихъ, оба тотчасъ же чувствовали свое разногласіе: не въ этихъ вопросахъ, а въ чемъ-то другомъ, болѣе глубокомъ и больномъ для нихъ. И каждый мысленно спрашивалъ себя: какъ это онъ прежде не замѣчалъ, что они—совсѣмъ разные люди и чувствуютъ совсѣмъ по разному? Александра Сергѣевна морщилась отъ легкомыслія мужа, а Дмитрій Петровичъ непріятно поражался отсутствіемъ чуткости въ женѣ. И оба замолкали, недовольные другъ другомъ, мысленно рѣшая не заводить впредь подобныхъ разговоровъ.

На бѣду, и знакомые почти перестали бывать. Изрѣдка забѣжитъ кто-нибудь, но какъ то второпяхъ; скажетъ: „Ахъ, мнѣ еще надо въ одно мѣсто“... и убѣжитъ. Когда заходилъ Горлянскій и участливо спрашивалъ: „Ну, какъ дѣла?“—Талымову казалось, что Алексѣй Ивановичъ съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда онъ, наконецъ, получитъ мѣсто и будетъ въ состояніи вернуть ему долгъ. Если Горлянскій разговаривалъ о своихъ болѣзняхъ, Талымову казалось, что онъ намекаетъ на близость того „чернаго дня“, для котораго Алексѣй Ивановичъ бережетъ свои деньги.

„А вѣдь онъ, навѣрное, боится, какъ бы я еще разъ не попросилъ у него взаймы?“ мелькало въ головѣ Талымова. И Горлянскій, въ свою очередь, подозрѣвалъ, что Талымовъ думаетъ такъ о немъ, и въ эти минуты они боялись глядѣть въ глаза другъ другу.

XII.

Тоскливо было въ квартирѣ Талымовыхъ. Уныніе глядѣло изъ всѣхъ угловъ вмѣстѣ съ паутиной, на которую всѣ давно махнули рукой. Всѣмъ сдѣлались ненавистны эти большія, свѣтлыя комнаты, откуда такъ настойчиво, такъ безцеремонно старался выжить ихъ Петръ Харитоновичъ. Эти комнаты были словно чужія; стѣны ихъ смотрѣли на обнищавшихъ жильцовъ съ холодной, злой насмѣшкой, а швейцаръ сердито говорилъ вслѣдъ Леониду, когда ему случалось взбираться по парадной лѣстницѣ:

— Вы бы калоши сымали... Всю лѣстницу у меня загрязните...

Но у Леонида не было калошъ, и онъ ограничивался тѣмъ, что ругалъ швейцара сквозь зубы „скотиной“.

— Хоть бы куда-нибудь переѣхать изъ этого поганаго дома! говорилъ Леонидъ.—Хоть на Хитровъ рынокъ—и то лучше!

Но перемѣнить квартиру было невозможно: нечѣмъ было заплатить за старую и не на что было нанять новой. Талымовымъ приходилось жить въ дорогой квартирѣ, ежеминутно трепеща при мысли, что вотъ-вотъ войдетъ управляющій, швейцаръ, дворникъ—принесутъ повѣстку отъ мирового или ультиматумъ отъ домохозяина.

Всѣ замолкли, замерли по своимъ угламъ. Женя старалась работать, чтобы не срѣзаться на экзаменахъ, но работа не шла, и она по цѣлымъ часамъ сидѣла безъ мыслей надъ книгой, сжавъ голову руками. Болѣла голова, болѣли глаза, ночью спалось скверно...

Плотниковъ приходилъ, какъ и прежде, почти каждый день, приносилъ книжки для совмѣстнаго чтенія; но и чтеніе шло плохо: Женя слушала безучастно и думала о своемъ. Плотниковъ закрывалъ книгу и пробовалъ разговаривать на прежнія темы: о научныхъ и моральныхъ вопросахъ, о своихъ идейныхъ планахъ на будущее, о рабочемъ движеніи и популяризаціи научныхъ знаній среди массы... Женя вяло отвѣчала и продолжала думать о своемъ. Плотниковъ замолкалъ и озабоченно почесывалъ переносицу; потомъ осторожно заводилъ рѣчь о злобахъ дня: о гимназіи, заработкѣ, о Дмитріи Петровичѣ, о квартирѣ... Тогда Женя болѣзненно морщилась, ея лицо дѣлалось одновременно и страдальческимъ, и брезгливымъ, и черствымъ...

XIII.

Послѣ одного изъ такихъ разговоровъ Плотниковъ пропалъ и черезъ нѣсколько дней принесъ Женѣ деньги, чтобы внести въ гимназію. Женя остолбенѣла, потомъ побагровѣла до корней волосъ, потомъ истерически расплакалась... Плотниковъ совсѣмъ растерялся и стоялъ среди комнаты, зажавъ въ кулакъ деньги и ничего не понимая.

— Не хочу, не хочу... Не возьму! говорила истерически Женя.

— Да почему же? пробормоталъ Плотниковъ, утирая рукавомъ холодный потъ, выступившій у него на лбу.

Онъ собралъ эти деньги по мелочамъ среди товарищей и прибѣжалъ, чтобъ поскорѣе обрадовать Женю. А она вотъ бьется передъ нимъ въ истерикѣ... Плотниковъ былъ ошеломленъ такъ, какъ будто у него въ ретортѣ, вмѣсто ожидаемаго газа, вдругъ появился чертенокъ и высунулъ ему языкъ.

Тѣмъ не менѣе, деньги были взяты и внесены за Женю, и она опять начала ходить въ гимназію. Но эта услуга не сблизила Плотникова съ Женей, какъ онъ разсчитывалъ, а наоборотъ, отдалила ее. Чѣмъ выше цѣнила Женя услугу Ивана Николаевича, тѣмъ тяжелѣе ей становилось съ нимъ. Она безпрестанно помнила, что онъ видѣлъ ея униженіе, ея безпомощность и сталъ какъ будто ея благодѣтелемъ. И вѣдь это тотъ самый Иванъ Николаевичъ, который когда-то, голодный, безъ гроша денегъ, прибѣгалъ къ нимъ обѣдать и жадно съѣдалъ все, что ставили передъ нимъ! Иванъ Николаевичъ—умный, добрый, но чѣмъ выше поднимется онъ, тѣмъ ниже опустится она, Женя, принужденная тщательно прятать отъ него протертые локти своего платья. Когда онъ приносилъ съ собой интересную книгу и принимался читать, Женя думала: „Онъ читаетъ, чтобы утѣшить меня“... и морщила свой гладкій, бѣлый лобъ, отчего лицо ея дѣлалось старообразнымъ и недобрымъ. А когда онъ, какъ въ былое время, заговаривалъ съ нею своимъ тихимъ, вдумчивымъ голосомъ о „вѣчныхъ вопросахъ“, ей казалось, что онъ вразумляетъ ее, хочетъ возвысить ее до себя; тогда она сжимала, какъ бабушка, губы, и на лицѣ ея застывало не то обиженное, не то упрямое выраженіе. Плотниковъ не узнавалъ ея, терялся въ догадкахъ и смущенно потиралъ руки. Нѣсколько разъ пытался объясниться съ ней, но онъ совершенно не умѣлъ разговаривать ни о чувствахъ и настроеніяхъ, ни о житейскихъ вещахъ: онъ невольно сбивался на общія, расплывчатыя фразы, а Женя отвѣчала ему такими же общими словами, послѣ чего оба долго сидѣли другъ противъ друга въ томительномъ молчаніи, разстроенные, неудовлетворенные.

XIV.

Наступила весна. Снѣгъ давно растаялъ, на улицахъ было сухо; уже двѣ недѣли, какъ поѣхали на колесахъ.

Талымовъ безцѣльно шелъ по улицѣ, понуря голову и стараясь не глядѣть на прохожихъ. Солнце припекало по лѣтнему, и ему жарко было въ ватномъ пальто и шапкѣ, но все лѣтнее было давно заложено, и не предвидѣлось возможности выкупить.

Съ тѣхъ поръ, какъ Талымовъ, лишившись мѣста, обилъ напрасно столько пороговъ, исколесилъ столько улицъ и переулковъ въ погонѣ за заработкомъ,—улицы стали противны для него. Всѣ эти идущіе и ѣдущіе люди представлялись ему хищниками, захватившими всѣ мѣста и безпощадно-равнодушными къ тѣмъ, кто не успѣлъ захватить. А когда ему попадался нищій или оборванецъ, онъ невольно ставилъ себя на одну доску съ ними, невольно представлялъ себя такимъ же оборваннымъ, протягивающимъ на улицѣ руку... Онъ поспѣшно отворачивался отъ нихъ и прибавлялъ шагу, стараясь утомить себя ходьбой, чтобъ никакія мысли не лѣзли въ голову. Какъ ни постыла была для него улица, все-таки здѣсь ему было легче, чѣмъ дома, гдѣ измучили его лица родныхъ, ихъ молчаніе и неотвязная мысль, запечатлѣвшаяся въ глазахъ каждаго. И онъ убѣгалъ отъ этихъ молчаливыхъ лицъ, ходилъ до изнеможенія по улицамъ, чтобы, вернувшись домой, брякнуться на диванъ и лежать въ тяжелой полудремотѣ.

— Ба! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! окликнулъ его чей-то молодой теноръ.

Съ пролетки соскочилъ Поясухинъ, щеголевато одѣтый блондинъ лѣтъ подъ 30, съ маленькой бородкой клинышкомъ и красивыми, закрученными вверхъ усами.

— Какъ живете-можете? говорилъ онъ пріятельскимъ тономъ, здороваясь съ Талымовымъ.— Что это ужъ больно тепло одѣлись?

— Да не во что больше... вяло отвѣтилъ Талымовъ, смотря въ сторону.

Въ послѣднее время на него все чаще находили минуты апатіи, когда для него все становилось одинаково безразличнымъ. Онъ какъ будто не узналъ Поясухина и протянулъ ему руку почти съ недоумѣніемъ.

— Какъ, „не во что“? удивился тотъ и затѣмъ, посмотрѣвъ на Талымова своими большими, всегда точно немножко пьяными глазами, добродушно расхохотался.—Прокутились, что ли?

Талымовъ, продолжая глядѣть въ сторону, апатично объяснялъ Поясухину, въ чемъ дѣло; а тотъ все смотрѣлъ на него смѣющимися глазами...

— Такъ надо, батенька, какой ни на есть гешефтъ устроить! сказалъ онъ весело.—Вотъ я нынче увижу одного хорошаго еврея... Отличнѣйшій еврей, — какими дѣлами ворочаетъ!

Надо его попросить... Онъ съ большущей душой человѣкъ. Занятный еврей! Право, славный... хотя и неправославный... ха, ха!

Поясухинъ разсказывалъ про еврея, потомъ сталъ разспрашивать Талымова о семьѣ... Дмитрій Петровичъ незамѣтно вышелъ изъ своей апатіи. Его тронула незлопамятность Поясухина, который велъ себя такъ, точно Талымовы были всегда его закадычными друзьями.

— Вы все на старомъ мѣстѣ живете? спросилъ онъ прощаясь.

— Да...

— Я къ вамъ прямо отъ израильтянина и заѣду... Вечеркомъ, значитъ... А то завтра утромъ... До свиданія! Низкій поклонъ вашимъ...

Но ни вечеромъ, ни утромъ онъ не заѣхалъ. Между тѣмъ семья Талымова взволновалась. Анна Ипполитовна расхваливала Поясухина и видѣла въ случайной встрѣчѣ съ нимъ перстъ Божій; Александра Сергѣевна хоть и прищуривалась на мать, но также сказала про Поясухина что-то одобрительное.

Всѣ совѣтовали Дмитрію Петровичу самому зайти къ Поясухину и почему-то были увѣрены, что тогда все сразу поправится. Даже Леонидъ пробурчалъ, что Поясухинъ „всегда былъ похожъ не на купца, а на человѣка".

Талымовъ трижды заходилъ къ Поясухину и все не могъ застать; въ третій разъ артельщикъ сказалъ ему, что „Сергѣй Николаевичъ ужъ двѣ ночи дома не ночевали". Наконецъ, Дмитрію Петровичу удалось захватить его около полудня въ постели. Поясухинъ лежалъ на огромной кровати съ позолоченными ножками и пилъ содовую воду. Голосъ его былъ немного хриплый, но лицо почти свѣжее...

— Я сдѣлалъ вамъ маленькое свинство, сказалъ онъ дружески: — закрутился и забылъ про еврея! А теперь онъ уѣхалъ. Ну, да ладно, я папашку своего попрошу. Онъ у меня старикъ ничего... Тоже большимъ дѣломъ ворочаетъ. Вы гдѣ служили-то? Въ конторѣ?

— Въ правленіи „Хамелеона".

— Ну, все равно: одинъ чортъ... Попрошу старика, чтобы онъ васъ въ какое-нибудь правленіе... Только какъ бы опять не забыть? Вы вотъ что... Вы напишите мнѣ на бумажкѣ и положите вотъ сюда... въ портъсигаръ. Какъ поговорю съ тятькой, такъ къ вамъ и заѣду... неупустительно.

XV.

Дни шли за днями, а Поясухинъ не ѣхалъ и не писалъ. Талымовъ зашелъ къ нему, но не засталъ дома; еще разъ зашелъ и оставилъ записку; но и на записку Поясухинъ не отозвался.

Какъ прежде Талымовы вдругъ всѣ почему-то увѣровали въ него, такъ теперь, наоборотъ, вдругъ всѣмъ сдѣлалось ясно, что отъ такого человѣка, какъ Поясухинъ, нечего ждать.

— Странно, что мы понадѣялись на этого жуира, говорила Александра Сергѣевна, пожимая плечами.

Дмитріемъ Петровичемъ окончательно овладѣло тупое равнодушіе, когда человѣкъ ничего не ищетъ, не ждетъ, ни на что не надѣется, а только терпитъ, стиснувъ зубы.

— Сходили бы вы еще разъ къ этому Поясухину, замѣчала плаксиво Анна Ипполитовна.

— Никуда больше не пойду, глухо ворчалъ Талымовъ.

А нужда все надвигалась... Дмитрій Петровичъ получилъ повѣстку отъ мирового: очевидно, у домохозяина истощилось терпѣнье. Талымовъ отнесся равнодушно и къ повѣсткѣ, но остальные члены семьи растерялись такъ, какъ будто въ квартиру къ нимъ попала не повѣстка, а бомба.

— Насъ теперь на улицу выбросятъ! твердила, замирая отъ страха, Анна Ипполитовна.

И всѣ невольно взглядывали въ окна на эту страшную улицу, съ чувствомъ, похожимъ на то, которое испытываетъ осужденный на смерть при видѣ мѣста казни. И ночью, лежа въ постеляхъ и прислушиваясь къ шуму этой улицы, они не могли заснуть и вздрагивали отъ тяжелаго предчувствія...

Нужда лѣзла во всѣ щели. У Жени износились башмаки, у Леонида ползла по швамъ куртка; нечѣмъ было заплатить ни прачкѣ, ни кухаркѣ, которая вдобавокъ жаловалась, что ее морятъ голодомъ. Случалось, что не было ни чаю, ни сахару, не на что было купить булку. Не разъ приходилось сидѣть безъ обѣда и довольствоваться черным хлѣбомъ съ молокомъ или закладывать жилетку, ложку, икону... или, наконецъ, бѣжать и просить взаймы у кого-нибудь три-пять рублей.

Всѣ исхудали и какъ-то полиняли. Александра Сергѣевна продолжала щуриться, но теперь она дѣлала это не для того, чтобы казаться проницательной, а чтобы скрыть безпомощное выраженіе своихъ глазъ. У Леонида цвѣтъ лица сталъ землистымъ, носъ обострился и казался страшно большимъ; у Жени явилась синева подъ глазами и экзема на рукѣ...

Никто изъ нихъ не могъ найти себѣ заработка, да и искать перестали. Только Александра Сергѣевна повторяла сто разъ на дню, какъ автоматъ:

— Вотъ, если бы мнѣ удалось найти переводъ съ французскаго... Вотъ когда я найду переводъ...

XVI.

Въ камерѣ мирового Талымовъ впервые встрѣтился со своимъ домохозяиномъ, огромнымъ, неуклюжимъ, краснолицымъ человѣкомъ, напоминающимъ по наружности громоздкій, безобразно построенный кирпичный домъ. На всѣ резоны Талымова онъ только упорно твердилъ: „Мы ничего этого не знаемъ"; но наконецъ великодушно согласился дать ему неболь-

шую отсрочку. Талымовъ вышелъ изъ камеры, раздавленный его брезгливымъ величіемъ и столь же брезгливымъ великодушіемъ.

Дома его встрѣтила Александра Сергѣевна съ заплаканными глазами. Талымовъ не помнилъ, чтобы жена когда-нибудь плакала, и теперь это страшно поразило его: навѣрно, случилось что-нибудь потрясающее.

— Что такое? Что еще вышло?..

— Кухарка уходитъ... отвѣтила Александра Сергѣевна въ отчаяніи.

— Какъ! Ты объ этомъ плачешь? изумился Дмитрій Петровичъ.

Александра Сергѣевна сѣла и, закрывъ глаза платкомъ, беззвучно плакала. Талымову бросились въ глаза ея маленькія исхудавшія руки и мелкія морщины на лбу...

— Куска хлѣба нѣтъ въ домѣ... говорила она тономъ, похожимъ на причитанье.—Чѣмъ мы будемъ кормиться сегодня?.. Съ квартиры гонятъ... Дѣти начинаютъ хворать, истощаться... У Жени экзема... Господи, чѣмъ же это кончится?! Вотъ теперь кухарка уходитъ... Этого еще недоставало!

Талымовъ слышалъ ея плачущій голосъ, и ему казалось, что передъ нимъ не Александра Сергѣевна, всегда такая прямая, стройная, непоколебимо-разсудительная, а Анна Ипполитовна, старчески слезливая и малодушная. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понялъ, что тутъ дѣло не въ кухаркѣ, а въ томъ, что нервы жены не выдержали: она надломилась...

— Такъ что жъ намъ дѣлать?!.. шепталъ онъ, сдавливая себѣ до боли пальцы.—Ну, говори!.. говори!.. Просить? У кого просить? Говори!.. Я побѣгу, буду клянчить... Или украсть гдѣнибудь?.. Или душу чорту заложить?..

Въ дверяхъ показалась Анна Ипполитовна. Щеки и губы прыгали у нея, какъ у человѣка, охваченнаго внезапнымъ ужасомъ. Въ трясущейся рукѣ она несла пачку ассигнацій...

— Вотъ... вотъ... всхлипывала она, протягивая руку.—Берите!.. Все берите!

Слезы катились у нея изъ глазъ и мѣшали ей видѣть. Кое-какъ добралась она до стола...

— Вотъ... возьмите... лепетала она, кладя деньги на столъ.—На погребенье, на поминъ души копила... Это—святыя деньги... Пятнадцать лѣтъ по грошамъ откладывала...

Она вдругъ точно задохлась, всхлипнула и пошла къ дверямъ, завывая протяжно и однотонно: „у, у, у!“ какъ будто покидала только что зарытую могилу...

Александра Сергѣевна, очнувшись, бросилась за матерью, а Талымовъ машинально взялъ со стола деньги, сырыя отъ слезъ, машинально пересчиталъ ихъ и сунулъ въ боковой карманъ; потомъ вспомнилъ, что карманъ весь истерся, вынулъ деньги и долго держалъ ихъ съ недоумѣніемъ въ рукѣ...

XVII.

Благовѣстили къ вечернѣ. Талымовъ, лежа въ кабинетѣ, видѣлъ черезъ отворенную дверь, какъ Александра Сергѣевна надѣваетъ передъ зеркаломъ шляпку; руки у нея дрожатъ, лицо какое-то дѣтски-испуганное...

— Ты уходишь?

— Да...

— Куда?

— Я—съ мамой... пробормотала она виноватымъ голосомъ—и пошла.

— Въ церковь?

Александра Сергѣевна молча скрылась... На Талымова пахнуло чѣмъ-то замогильнымъ, и въ душѣ шевельнулись слова: „старость“... „смерть“... „и въ землю обратишься“... Жена прежде только щурилась на мать, когда та говорила ей о Богѣ и о церкви; а вотъ теперь она бѣжитъ съ перепугу къ вечернѣ и будетъ тамъ по-старушечьи молиться тому Богу, къ которому была всегда равнодушна... И Талымову звукъ колокола невольно казался чѣмъ-то въ родѣ повелительнаго голоса начальника, могущаго ежеминутно или помиловать тебя, или погубить. Нервы его напрягались и вздрагивали отъ непріятной, неопредѣленной тревоги: „Зовутъ... велятъ итти... велятъ исполнить что-то“...

Талымовъ усмѣхнулся: „Развѣ жену потянуло къ свѣту? развѣ она пошла искать тамъ для себя высшей силы, высшей истины? Нѣтъ, она побѣжала туда, какъ въ канцелярію вершителя судебъ, чтобы подать свидѣтельство о бѣдности и вымаливать пособія и покровительства... Просто потому, что нѣтъ у нея никакой другой канцеляріи, гдѣ могли бы принять и уважить ея просьбу“.

Талымовъ усмѣхался, а холодъ и уныніе все глубже прокрадывались въ его душу. Впервые его поразилъ въ самое сердце вопросъ: куда же дѣвалось все, чѣмъ раньше жила его семья и онъ самъ, ихъ интересы, взгляды, упованія, всѣ основы ихъ жизни? И какъ они не замѣчали прежде, что все это виситъ на волоскѣ? Дунулъ вѣтеръ—и все смело, какъ пыль! Подуетъ другой вѣтеръ — и опять нанесетъ... ту же самую пыль или, можетъ быть, другую. А вѣдь прежде казалось, что у нихъ наладилась прочная, осмысленная, стройная семейная жизнь, что съ другими такими же семьями ихъ прочно связываетъ взаимное уваженіе, общіе взгляды, общіе интересы... и даже Петръ Харитоновичъ невольно оказываетъ имъ должное. А вѣдь на самомъ дѣлѣ-то... ничто не связываетъ, нѣтъ никакого прочнаго уваженія, никакой взаимной поддержки. Вотъ паутина въ лѣсу тянется отъ одного куста къ другому, и кажется, что она связываетъ ихъ, а пройдетъ кто-нибудь, махнетъ палкой, и вотъ уже отъ паутины остались одни клочья... Да неужели же для насъ не можетъ существовать иной силы, кромѣ призрачной, иной жизни, кромѣ паутинной?

Размышленія Талымова были прерваны громкимъ стукомъ въ дверь. Стучали въ парадной, гдѣ электрическій звонокъ давно былъ испорченъ. Скоро въ передней послышался голосъ Поясухина.

— Дома? А, да это вы, Женичка! Куда же вы? Дайте на васъ посмотрѣть!

Слышно было, какъ Женя убѣгала по коридору въ свою комнату.

— Чудная какая ваша Женичка... виноватъ: Евгенія Дмитріевна... говорилъ Поясухинъ, здороваясь съ Талымовымъ.—Отперла мнѣ и опрометью побѣжала... точно... точно я кредиторъ... ха, ха!.. Ну, батенька, вы простите, что я съ вами такъ по-свинячьи: все хотѣлъ заѣхать или написать, да какъ-то все не могъ собраться. Вѣдь тятька мой нашелъ-таки вамъ мѣсто.

Талымовъ обомлѣлъ... Такъ чувствуетъ себя преступникъ, который вдругъ вмѣсто „каторги" слышитъ: „не виновенъ".

— Какое мѣсто? черезъ силу выговорилъ онъ.

— Въ правленіи страхового общества.

— Какого же, именно?

— Да вашего же дурацкаго „Хамелеона".

Талымовъ поблѣднѣлъ и попятился...

Поясухинъ звонко расхохотался.

— Такая, стало быть, ваша судьба: вѣдь вотъ какъ занятно вышло!.. Этотъ и какъ его?.. Мокришинъ... Мокрушинъ? — оказался пайщикомъ въ нашемъ товариществѣ... такъ, плохенькимъ. Давно передъ моимъ тятькой на заднихъ лапахъ ходитъ: все выпрашиваетъ еще паевъ... Вотъ тутъ-то тятька его и пристегнулъ: „Давай мѣсто для хорошаго человѣка!" Должно быть, я здорово родителя насчетъ васъ назудилъ...

— Вашъ отецъ сказалъ ему мою... фамилію?

— Само собой!.. Мокрушкинъ такую рожу скорчилъ... „Непріятный, говоритъ, человѣкъ". А тятька ему: „У насъ, говоритъ, тоже много этихъ непріятныхъ, да мы на это не смотримъ. Лишь бы дѣло свое зналъ". Покобенился Мокрушкинъ, да видно, паевъ ему нашихъ очень хочется: „Для васъ, говоритъ, сдѣлаю: пусть явится ко мнѣ въ „правленіе". Такъ и сказалъ: „явится"... Онъ тамъ сталъ было сокращать штатъ, да, должно быть, уже очень пересократилъ... Такъ вы валяйте завтра въ правленіе... Что, можно мнѣ повидать Евгенію Дмитріевну?

И не дожидаясь отвѣта, онъ пошелъ къ комнатѣ Жени. Талымовъ почти рухнулъ на стулъ и блѣдный сидѣлъ, свѣсивъ голову на грудь. Точно сквозь дремоту слышалъ онъ, какъ Поясухинъ стучался къ Женѣ, какъ та кричала ему испуганнымъ и раздраженнымъ тономъ: „Ко мнѣ нельзя, нельзя!.. Не ходите!.. Я не одѣта"!..

— Досадно... сказалъ Поясухинъ, возвращаясь въ кабинетъ.—Ну, я заѣду въ другой разъ, когда она будетъ одѣта. А пока до увиданья...

Онъ только теперь замѣтилъ разстроенное лицо Талымова.

— Что съ вами, батенька?

— Опять Мокрицынъ?.. Опять „Хамелеонъ"? Я не могу... Я не въ состояніи...

— Вотъ чудакъ! Такъ какъ же быть?.. Ну, вы подумайте, сообразите; а мнѣ надо летѣть... До пріятнѣйшаго!.. Поклонъ Женичкѣ...

Когда дамы вернулись изъ церкви и узнали отъ Жени, что былъ Поясухинъ, Анна Ипполитовна пришла въ совершенный ражъ.

— Я тебѣ говорила, Шура: „Сходи, помолись"... Ну, вотъ видишь теперь? Развѣ это не перстъ?... Нѣтъ, я вѣрю, вѣрю, вѣрю!..

Александра Сергѣевна тоже была какъ будто поражена и даже забыла снять шляпку.

— Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ? Что говорилъ? спросила она у дочери.

— Не знаю... Я не выходила къ нему.

— Какъ же это ты, Женичка? огорчилась Анна Ипполитовна.

— Вы видите, во что я одѣта? И кромѣ того, башмаки... Довольно того, что мнѣ пришлось самой отпирать ему... Леонидъ куда-то провалился, а эта новая кухарка... она поминутно убѣгаетъ... Кажется, онъ говорилъ съ папой о какомъ-то мѣстѣ.

Обѣ дамы, не снимая шляпокъ, поспѣшили въ кабинетъ. Талымовъ лежалъ, подложивъ руки подъ голову, и мрачно думалъ.

— Тутъ безъ насъ Поясухинъ былъ? спросила Александра Сергѣевна съ несвойственною ей стремительностью.

— Опять въ „Хамелеонъ"... отвѣтилъ гробовымъ тономъ Талымовъ.

— Что такое? Какъ?

— Опять къ Мокрицыну... Въ лакеи къ нему.

Всѣ молчали. Анна Ипполитовна крестилась подъ мантильей маленькими крестиками и шептала что-то своими безкровными губами. Александра Сергѣевна сидѣла потупившись и прерывисто дышала. Потомъ она подняла голову и прищурила глаза на мужа.

— Мы должны жить для дѣтей... сказала она многозначительнымъ тономъ.

Талымовъ, вмѣсто отвѣта, всталъ и пошелъ къ дочери. Женя лежала съ книгой въ рукахъ на постели, подвернувъ подъ себя ноги и покрывшись платкомъ: за послѣднее время она постоянно зябла. При видѣ отца, она поднялась на постели и бросила на него тускло-вопросительный взглядъ.

— Вотъ... предлагаютъ мнѣ опять на прежнее мѣсто: къ Мокрицыну... произнесъ онъ съ усиліемъ и сѣлъ возлѣ постели.

— Это Поясухинъ сегодня?..

Губы ея дрожали...

— Да... Что ты скажешь на это?

Женя сидѣла сгорбившись и молча разсматривала свой худой башмакъ. Талымовъ посмотрѣлъ на ея лицо, такое блѣдное, закаменѣлое, съ прикушенной губой; потомъ пере-

велъ взглядъ на ея башмаки, махнулъ рукой, всталъ и вышелъ.

Онъ бродилъ по улицамъ, пока не стемнѣло, потомъ вернулся домой и отправился прямо въ комнату Леонида. Тотъ сидѣлъ въ сумеркахъ на подоконникѣ и смотрѣлъ въ окно на уличный фонарь.

— Слышалъ? спросилъ Талымовъ.

— Да... отвѣтилъ Леонидъ угрюмо и сталъ еще пристальнѣе смотрѣть на фонарь.

— Что же мы теперь съ тобой будемъ дѣлать? Какъ же намъ съ независимостью-то быть? А?.. Гдѣ же права личности-то?

Въ тонѣ Талымова слышались горечь и сарказмъ. Леонидъ нервно пощипывалъ верхнюю губу и молчалъ съ видомъ человѣка, выслушивающаго нотацію.

— Вотъ опять буду на мѣстѣ, опять стану получать каждый мѣсяцъ жалованье, говорилъ Талымовъ, словно глумясь надъ кѣмъ-то. —Тогда, братъ, мы съ тобой опять можемъ разговаривать о независимости и прочемъ такомъ... И видъ будемъ имѣть независимый... и сапоги у насъ будутъ, какъ у порядочныхъ людей... Да. Потомъ ты и самъ выйдешь на дорогу, и тоже будешь получать порядочное жалованье... дѣти твои будутъ жить въ порядочной квартирѣ... словомъ, тоже будутъ порядочными людьми. И они тоже будутъ говорить о независимости и... тоже будутъ получать порядочное жалованье. И внуки, и правнуки, и... Словомъ, мы съ тобой теперь можемъ спокойно спать: жалованье обезпечено...

XVIII.

На другой день, въ 11 час. утра, Талымовъ былъ въ правленіи „Хамелеона".

— А! протянулъ Мокрицынъ усмѣхнувшись.—Опять къ намъ пожаловали? Милости просимъ...

Потомъ, посмотрѣвъ на посѣдѣвшую голову Талымова, на его поношенный костюмъ, прибавилъ:

— Вотъ видите, что значитъ—заниматься „критикой существующаго порядка?" Надѣюсь, вы теперь будете осторожнѣе и... посмирнѣе... Вы давно знакомы съ Поясухинымъ? прибавилъ онъ скороговоркой.

— Давно... угрюмо солгалъ Талымовъ.

— Вы будете помощникомъ Никанора Ильича... Никаноръ Ильичъ, укажите господину Талымову мѣсто.

Сказавъ это, Мокрицынъ вышелъ, а Никаноръ Ильичъ, который занималъ теперь прежнее мѣсто Талымова за столомъ у окна, пробурчалъ солидно:

— Пожалуйте сюда!

Борода Никанора Ильича была расчесана волосокъ къ волоску, а самъ онъ сдѣлался какъ будто еще тяжелѣе, еще увѣсистѣе, и производилъ впечатлѣніе строгаго начальника. И манерами и тономъ онъ сразу далъ понять Талымову, что желаетъ ограничиться съ нимъ одними чисто офиціальными отношеніями.

— Вотъ сюда... сказалъ онъ, кивнувъ на пустой стулъ.—Присядьте, обождите... Я вотъ покончу съ работой и покажу вамъ, что дѣлать... Обождите...

Когда Талымовъ пришелъ со службы домой, никто не разспрашивалъ его, какъ онъ провелъ день. Всѣ сидѣли за обѣдомъ, уставясь въ тарелки; всѣ торопились кончить ѣду и уйти изъ-за стола.

Послѣ обѣда Александра Сергѣевна пришла въ кабинетъ къ мужу. Талымовъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и разсѣянно просматривалъ старый газетный листъ. Она положила ему сзади руку на плечо и ласково сказала своимъ неторопливо-умнымъ тономъ:

— Ты не огорчайся. Теперь ты можешь исподволь подыскивать себѣ другое мѣсто.

Талымовъ хотѣлъ что-то возразить ей, но промолчалъ и уткнулся въ газету.

— Я вижу, ты имѣешь что-то противъ меня... противъ всѣхъ насъ... какъ будто мы въ чемъ виноваты передъ тобой. Но посуди самъ: что же мы могли сдѣлать?

Талымовъ круто повернулся въ креслѣ; щеки его покраснѣли; какія-то горькія, негодующія слова просились у него на языкъ... Онъ уже готовъ былъ заговорить, но вдругъ, къ своему изумленію, почувствовалъ, что ему нечего сказать: прежде получалъ жалованье, кормилъ семью, потомъ пересталъ получать, и семья голодала,—все это необыкновенно просто, даже какъ будто пошло и... и о чемъ тутъ разговаривать?

— Я усталъ и хочу отдохнуть... вяло сказалъ онъ женѣ.

Александра Сергѣевна прищурилась на него, пожала плечами и пошла къ матери.

„Да, все это очень просто, думалъ Талымовъ:—такъ же просто, какъ то, что я дѣлаюсь старъ и черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ умру; а у моихъ дѣтей будутъ, въ свою очередь, дѣти... и такъ далѣе, и такъ далѣе... Господи, какая тоска!"

— Ну, слава Богу! слышался за дверью громкій, тревожный шопотъ Анны Ипполитовны: —теперь уже не очутимся на улицѣ. Только пускай Дмитрій Петровичъ будетъ впередъ благоразумнѣе... А главное—вотъ что, Шура: теперь надо копить, копить, копить!

„Господи, какая тоска!"

XIX.

Жизнь мало-помалу входила въ свою обычную колею. Анна Ипполитовна молилась, вздыхала и молчала; Александра Сергѣевна опять держалась необыкновенно прямо, говорила мало, но умно и дѣлала проницательные глаза. Талымову выдали на службѣ авансъ, и Леонидъ тотчасъ же выкупилъ велосипедъ, на которомъ послѣ каждаго экзамена усердно но-

сился по пыльной мостовой; по вечерамъ онъ надѣвалъ туго накрахмаленный воротничокъ съ крылышками и отправлялся къ Надеждинымъ или Воропаевымъ, гдѣ попрежнему собиралась молодежь и велись шумные, оживленные разговоры. Опять наняли горничную, которая убирала комнаты; выкупили рояль, и Александра Сергѣевна изрѣдка играла на немъ, какъ и прежде, „Пѣсни безъ словъ“ Мендельсона. Опять начали время отъ времени появляться гости, и въ квартирѣ Талымовыхъ снова слышались бесѣды объ общественныхъ дѣлахъ, объ искусствѣ, о женскомъ вопросѣ. Опять швейцаръ, при встрѣчѣ съ Талымовымъ, вѣжливо кланялся и любезно осклаблялся; опять Петръ Харитоновичъ, приходя къ Талымовымъ, покачивалъ съ пріятностью головой и дѣлалъ волнообразныя движенія туловищемъ. Онъ все убѣждалъ Дмитрія Петровича не бросать квартиры, обѣщая ему устроить въ ней за ту же плату ванну и оклеить кабинетъ новыми обоями. Но Анна Ипполитовна твердила дочери, что надо „копить, копить“, и потому Александра Сергѣевна поручила ей присмотрѣть квартиру подешевле...

Снова Дмитрій Петровичъ ходилъ аккуратно каждое утро на службу, но уже не занимался тамъ „критикой существующаго порядка“. Это былъ уже не прежній Талымовъ.

Когда Леонидъ, который переходилъ въ послѣдній классъ и чувствовалъ себя почти студентомъ, принимался мечтать вслухъ объ университетѣ, о томъ, какъ онъ лѣтомъ займется нѣмецкимъ языкомъ и прочитаетъ Нитцше въ подлинникѣ,—Талымовъ равнодушно слушалъ его и думалъ: „Какой тамъ Нитцше? Все равно, все останется по-старому“.

Или когда разсудительная Александра Сергѣевна начинала неторопливо развивать передъ нимъ свой взглядъ на женскій вопросъ,—онъ мысленно говорилъ себѣ: „И какъ ей не надоѣстъ плести эту паутину?...“

Каждый разъ, возвращаясь изъ правленія, онъ чувствовалъ, что ему не хочется итти домой: пусто тамъ, скучно!.. Да и вообще вездѣ какъ-то пусто и скучно.

„Вотъ она, старость!“ думалъ онъ, разсматривая въ зеркало свои посѣдѣвшіе волосы и мѣшки подъ усталыми глазами. Странное дѣло,—ему казались старыми и всѣ его домашніе: не только жена, которая опять какъ будто помолодѣла, но и Женя, и Леонидъ. Мало того: безконечно старыми и затрепанными казались ему и всѣ разговоры объ идеяхъ, идеалахъ, наукахъ, искусствахъ...

„Прожилъ вѣкъ, отзвонилъ—и съ колокольни долой! Пускай другіе послѣ меня отзванивають“...

„Скучно жить на свѣтѣ!“ думалъ онъ, сидя въ правленіи рядомъ съ монументальнымъ Никаноромъ Ильичомъ.

„Ужъ поскорѣй бы ночь приходила — да и спать“... думалъ онъ, вернувшись домой.

Между тѣмъ дома относились къ нему гораздо нѣжнѣе, чѣмъ прежде. Всѣ точно чувствовали какую-то вину передъ нимъ и, видя его мрачное лицо, старались наперерывъ какъ-нибудь незамѣтно выказать ему свое вниманіе и участіе. Анна Ипполитовна набивала для него папиросы; Леонидъ подставлялъ отцу стулъ, подавалъ спички, газету; Женя особенно робко и ласково говорила ему утромъ: „Здравствуй, папа“... и почти нѣжно цѣловала его. Александра Сергѣевна спрашивала его заботливо: „Ты усталъ, Дмитрій?“ и иногда, какъ бы невзначай, клала ему на плечо руку... Бывали минуты, когда Талымовъ, тронутый этимъ безпрестаннымъ, стыдливо прячущимся участіемъ семьи, согрѣвался душой и говорилъ вмѣстѣ съ Александрой Сергѣевной: „Мы должны жить для дѣтей“... Тогда ему казалось, что онъ въ чемъ-то виноватъ передъ семьей, которая такъ любитъ его, что онъ—просто эгоистъ, не умѣющій забывать себя для другихъ, что онъ не даетъ семьѣ всего, что могъ бы дать...

Особенно больно бывало ему въ эти минуты за дочь. Женя какъ-то неестественно затихла, точно человѣкъ, истощенный тяжелой болѣзнью. Она кончала экзамены, занималась по цѣлымъ днямъ, но и отецъ и мать видѣли, какъ она иногда сидитъ подолгу надъ книгой, забывъ о ней и раздумывая о чемъ-то невеселомъ. Они догадывались, что ее мучитъ мысли о Плотниковѣ, который давно пересталъ бывать у нихъ. Александра Сергѣевна осторожно допытывалась у нея, почему Плотниковъ пропалъ? Отецъ тоже пробовалъ разспрашивать ее... Женя отвѣчала, что у него экзамены; но было ясно, что она чего-то не договариваетъ. Всѣ въ домѣ привыкли думать, что какъ только Женя и Плотниковъ кончатъ курсъ, такъ сейчасъ же и повѣнчаются. Женя сама прежде намекала на это. Значитъ, между ними что-то произошло, а онъ, отецъ, не имѣетъ понятія объ этомъ!

Талымовъ рѣшилъ поговорить съ Плотниковымъ, узналъ черезъ Леонида его адресъ и въ ближайшее воскресное утро отправился къ нему.

XX.

Онъ засталъ Плотникова за книгой.

— Я помѣшалъ вамъ? спросилъ онъ, останавливаясь на порогѣ миніатюрной комнаты.— У васъ спѣшная работа?

— Завтра послѣдній экзаменъ.

— Такъ я не буду мѣшать вамъ... Лучше я зайду послѣ экзамена.

— Ничего, ничего. Входите... Я успѣю...

Плотниковъ поздоровался съ гостемъ и зашагалъ по комнатѣ, потирая отъ смущенія руки и поминутно поправляя очки, которыя и безъ того словно приросли къ его слегка горбатому носу. Талымову показалось, что онъ сильно похудѣлъ, даже постарѣлъ; на лбу у него появилась морщина, придававшая ему безпокойный и озабоченный видъ.

Оба молчали. Талымовъ сидѣлъ и осматривался. Комната была до смѣшного мала; окно упиралось въ глухую каменную стѣну высокаго дома; повсюду были навалены и разбросаны книги, тетради, листки; на этажеркѣ, на столѣ, на подоконникѣ помѣщались химическіе приборы. На столѣ стоялъ крошечный, грязный, остывшій самоваръ и лежала половина калача...

— Неуютно у васъ тутъ...замѣтилъ Талымовъ.

— Ничего... Тихо... разсѣянно отозвался Плотниковъ, продолжая ходить изъ угла въ уголъ.

Опять замолчали. Плотниковъ какъ будто понималъ, зачѣмъ пришелъ къ нему Талымовъ, и волновался; Талымовъ не зналъ, съ чего начать, и тоже волновался.

— Вы слышали, я опять на старомъ мѣстѣ служу? сказалъ онъ.

Талымовъ ожидалъ услыхать отъ Плотникова его обычное „А!"—но, къ удивленію своему, увидалъ, что новость задѣла Плотникова за живое: онъ остановился и посмотрѣлъ на гостя большими, встревоженными глазами.

— На старомъ мѣстѣ? То-есть, какъ же это?..

Талымовъ принужденно усмѣхнулся:

— Все у того же Мокрицына...

Потомъ, видя, что Плотниковъ смотритъ на него съ недоумѣніемъ, пояснилъ:

— Ничего не подѣлаешь: семья...

— Семья? Гм... Да, да, семья...

Плотниковъ опять пустился по комнатѣ и опять сталъ тереть натертыя уже докрасна руки. Оба молчали... За стѣной, въ комнатѣ квартирной хозяйки, щебетала какая-то птица; въ кухнѣ бурлилъ самоваръ...

— Вы что же забыли насъ, Иванъ Николаевичъ? спросилъ Талымовъ, закуривая для развязности папиросу. — Все некогда было? Экзамены?

Плотниковъ еще быстрѣе заходилъ по комнатѣ, покручивая свою крошечную бородку; пальцы его замѣтно дрожали...

— Нѣтъ, не экзамены... сказалъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.—Видите ли... Я не знаю, говорила ли вамъ Евгенія Дмитріевна... У насъ съ ней была идея... насчетъ брака... То-есть, значитъ, какъ кончимъ курсъ, такъ и... Не знаю, говорила ли она вамъ?

— Мы съ женой тоже предполагали...

— Ну, видите... когда я заходилъ къ вамъ въ послѣдній разъ, я поднялъ этотъ вопросъ...

— И что же?

— Евгенія Дмитріевна боится...

— Боится? кого? чего?

— Нужды.

Плотниковъ стоялъ и смотрѣлъ на Талымова изъ-подъ очковъ добрыми, печальными глазами, и по его глазамъ Талымовъ видѣлъ, что не легко достался ему этотъ послѣдній мѣсяцъ.

— Да, она испугалась нужды... Она не согласна... Говоритъ, что довольно съ нея униженій.

— Но вѣдь вы вотъ кончите курсъ и будете имѣть какой-нибудь заработокъ?

— Видите ли, Дмитрій Петровичъ... Въ провинціи я получилъ бы мѣсто, но я не могу уѣхать: мнѣ надо заниматься наукой, а это возможно только здѣсь... Впрочемъ, можетъ быть, мнѣ удалось бы и здѣсь получить мѣсто, хотя не навѣрное... Во всякомъ случаѣ, у меня есть одинъ частный урокъ, а съ осени еще обѣщали... Можетъ быть, и Евгеніи Дмитріевнѣ удалось бы раздобыть урокъ...

— Вы говорили ей это?

— Говорилъ.

— Что же она?

— Она боится...

— Гм... Нѣтъ, тутъ что-то не такъ... Хотите, я поговорю съ ней?

Плотниковъ судорожно вытянулъ шею и повелъ головой, точно воротникъ тужурки сталъ вдругъ для него нестерпимо узокъ.

— Это безполезно, Дмитрій Петровичъ...

— Или вотъ что... это еще лучше... Знаете, что мы сдѣлаемъ? сказалъ Талымовъ, беря Плотникова за руку.—Пойдемте сейчасъ къ ней и поговоримъ всѣ вмѣстѣ откровенно.

И глаза и щеки Плотникова покраснѣли. Онъ судорожно дернулъ шеей, поправилъ дрожащими пальцами очки и произнесъ тихо, рѣшительно:

— Нѣтъ, Дмитрій Петровичъ, я больше не пойду къ ней.

— Да послушайте... Если вы любите другъ друга... Вѣдь я вижу, какъ Женя мучится... Вамъ тоже, кажется, не легко.

— Да, мнѣ не легко, но я все-таки не пойду. Прежде я тоже думалъ, что если любимъ другъ друга, то и разсуждать нечего; а теперь... Жизнь оказалась совсѣмъ не тѣмъ, за что я ее принималъ. И все оказалось не тѣмъ... да. Точно все это было подъ чехломъ, а потомъ вдругъ чехолъ сняли, и... Мнѣ думалось, что если есть любовь и общіе умственные интересы, то все остальное не важно. А вышло наоборотъ.

— Я не совсѣмъ понимаю... пробормоталъ Талымовъ, теперь только начиная понимать.

— Ахъ, нѣтъ, Дмитрій Петровичъ, вы-то это лучше меня понимаете... вырвалось у Плотникова.

— То-есть, почему, собственно? угрюмо спросилъ Талымовъ.

Плотниковъ остановилъ на немъ не то усталый, не то задумчивый взглядъ.

— Простите меня: вѣдь вамъ очень тяжело было итти опять къ этому Мокрицыну?

Талымовъ поблѣднѣлъ, низко опустивъ голову, и молчалъ.

— Видите ли, Дмитрій Петровичъ... нужды я не боюсь, а *этого* боюсь, говорилъ Плотниковъ глухо и нервно.—Мнѣ страшно, что семья можетъ потребовать отъ меня *этого*. Я обязанъ обезпечить для Евгеніи Дмитріевны приличную квартиру, приличную обстановку,—иначе она будетъ чувствовать себя униженной... Я вонъ въ какой тужуркѣ хожу вездѣ, и мнѣ

въ голову не приходитъ стыдиться; а Евгеніи Дмитріевнѣ будетъ стыдно и за себя, и за меня. Я не думаю о томъ, что скажетъ обо мнѣ швейцаръ, кухарка, извозчикъ; а она на этотъ счетъ прямо мученица. Ко мнѣ придетъ коллега, надо его чѣмъ-нибудь угостить, а у меня есть только кусокъ черстваго калача. Мнѣ это не кажется унизительнымъ; а Евгенія Дмитріевна плакала бы отъ стыда. И во всемъ такъ...

Талымовъ слушалъ, сжимая подъ столомъ пальцы, и ему казалось, что онъ въ эту минуту ненавидитъ семью. Она представлялась ему чѣмъ-то враждебнымъ, пригибающимъ его къ землѣ; она бьетъ его безпрестанно кнутомъ, заставляя разстилаться передъ Мокрицынымъ, передъ домохозяиномъ, управляющимъ, передъ кредиторами и должниками, — передъ всѣмъ, что можетъ помочь или повредить семьѣ; это какая-то кучка заговорщиковъ, которые окружили его желѣзнымъ кольцомъ и держатъ въ плѣну его мысль, совѣсть, достоинство, его силы, нервы, его время, его свободу...

— Ну да... можетъ быть, вы правы... сказалъ онъ, вставая съ кривой усмѣшкой; потомъ протянулъ Плотникову руку и прибавилъ:

— Прощайте! Не буду мѣшать вамъ.

Онъ пошелъ къ двери, бормоча что-то про себя; на порогѣ остановился и произнесъ, какъ бы отвѣчая на собственныя мысли:

— Да, вотъ, если бы можно было начать жизнь сызнова, опять все съ самаго начала...

— Попробуйте начать съ середины... задумчиво молвилъ Плотниковъ, стоя у окна спиной къ гостю.

— Да можно ли... съ середины-то?

Плотниковъ не отвѣчалъ.

Н. Тимковскій.

ПО ЭТАПАМЪ СИБИРИ.

Все это стало ужъ достояніемъ исторіи. Сибирская желѣзная дорога, а затѣмъ отмѣна ссылки въ Сибирь избавили отъ тысячи страданій и безъ того страдающихъ людей, на которыхъ русское правосудіе изъ года въ годъ налагаетъ свою тяжелую, карающую руку.

Не то было прежде.

Если бы можно было подняться въ высь и оттуда глянуть на длинную дорогу, которая ведетъ изъ Томска въ Иркутскъ черезъ крутыя горы, черезъ темные, дремучіе лѣса, черезъ широкія, могучія рѣки, то всякій разъ на этомъ пути, растянувшемся ни много, ни мало, какъ на полторы тысячи верстъ,—можно было бы видѣть круглый годъ одну и ту же картину. Черезъ каждыя, примѣрно, сто верстъ по всей этой дорогѣ движутся чуть замѣтно пятнадцать сѣрыхъ, маленькихъ точекъ, похожихъ, какъ одна, другъ на друга. И въ то время, какъ одна изъ этихъ точекъ, послѣдняя, исчезала, наконецъ, теряясь въ предмѣстьяхъ Иркутска, на смѣну ей выползала съ другого конца, изъ Томска, точно такая же, двигалась ровно девяносто дней и затѣмъ тоже исчезала въ Иркутскѣ; а на смѣну ей появлялась новая. И такъ все время двигались онѣ, счетомъ пятнадцать, все въ одномъ и томъ же направленіи, съ одной и той же скоростью, на одномъ и томъ же другъ отъ друга разстояніи.

Все это—громадныя стада преступниковъ, партіи людей, изгнанныхъ изъ Россіи, какъ опасныхъ и вредныхъ членовъ общества.

Одна изъ такихъ партій въ свѣжее, тихое августовское утро готовилась къ выходу изъ томской пересыльной тюрьмы. На этотъ разъ партія была „семейная", т. е. мужья съ осужденными женами, жены съ преступниками-мужьями, матери и отцы съ дѣтьми разнаго возраста. Съ ними отправляли по обыкновенію и партію „холостыхъ" женщинъ. Все это спѣшно выползало изъ воротъ тюремнаго частокола и выходило сразу прямо въ необъятный просторъ Сибири, такъ какъ пересыльная тюрьма была далеко за городомъ.

Растянувшаяся цѣпь солдатъ окружила эту сѣрую массу арестантскаго люда, мужчинъ съ бритыми головами, съ кандалами на ногахъ и съ длинными котомками на спинахъ,—молодыхъ и старыхъ женщинъ съ жестяными чайниками у пояса, грудными дѣтьми за пазухой, съ подростками-дѣтьми въ рукахъ. Все это суетится, кричитъ, ругается, оретъ, плачетъ и спѣшитъ къ стоящимъ въ цѣпи телѣгамъ. На нихъ бросаютъ котомки, запихиваютъ дѣтей, садятся женщины, кто попало и какъ попало, и все это вопитъ, реветъ и надрывается отъ крика. А разъяренный староста партіи, высокій и рыжій, похожій на возмездіе, носится, какъ вихрь, отъ одной телѣги къ другой и старается водворить порядокъ, гдѣ сбросивъ съ воза лишняго ребенка, гдѣ давъ тумака расходившейся бабѣ, а гдѣ просто, для большей убѣдительности, хвативъ объ землю своей шапкой, похожей на блинъ.

Одни солдаты-конвоиры стоятъ чинно и апатично смотрятъ на все происходящее, ожидая обычной команды.

— Староста, станови на повѣрку! кричитъ, наконецъ, фельдфебель.

— Бабы, на повѣрку! живѣй! командуетъ бабій староста, бойкая, востроносая бродяжка Зипунова.

— У тебя ихъ сколько? спрашиваетъ Зипунову конвоиръ.

— Цѣлыхъ сорокъ,—хватитъ съ тебя!

Разсѣвшіяся въ телѣгахъ женщины съ дѣтьми, для которыхъ собственно и предназначены возы, слѣзаютъ и строятся въ длинную линію. Повѣрка происходитъ по счету головъ.

— Четыреста семь,—всѣ!

Живая линія мгновенно дрогнула, схватилась, и во весь духъ хлынула снова къ возамъ, наскакивая, перескакивая, спотыкаясь и падая. Опять староста мечется отъ одной телѣги къ другой, чинитъ расправу и водворяетъ, наконецъ, порядокъ. Плачъ и крики смолкаютъ. Появляется командный офицеръ.

— Васъ, господа, двѣнадцать... обращается офицеръ къ группѣ арестантовъ, одѣтыхъ въ вольную одежду и стоящихъ поодаль.—Подъ багажъ вамъ три подводы, подъ васъ тоже три. Вашимъ дамамъ будетъ нѣсколько неудобно. Но что жъ подѣлаете? Усаживайтесь, кто какъ хочетъ.

Партія выстроилась, растянувшись почти на полверсты. Впереди сорокъ уголовныхъ женщинъ,—всѣ онѣ въ чистыхъ, бѣлыхъ рубахахъ, бѣлыхъ арестантскихъ юбкахъ, бѣлыхъ кофтахъ, и головы ихъ покрыты чистыми, бѣлыми платками. Викторъ Гюго провелъ бы, вѣроятно, богатую, красивую антитезу по поводу этого бѣлаго и чистаго наряда на этой грѣшной толпѣ женщинъ.

Далѣе мужчины съ женами и дѣтьми-подростками; за ними телѣги, нагруженныя малыми ребятишками и матерями съ грудными дѣтьми. Въ заключеніе, маленькая группа въ 12 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, въ сопровожденіи конвойнаго офицера и 12 солдатъ.

— Отваливай! командуетъ офицеръ.

Раздается свистокъ.

Не то робость, не то нерѣшительность овладѣваетъ всѣми. Чувствуется, что отвалить, сдѣлать первый шагъ, значитъ—тронуться въ далекій-далекій, тяжелый, полный неизвѣстности, тысячеверстный путь.

— Господи, благослови!

Бритыя головы обнажились. Всѣ крестятся. Живая линія шевельнулась; лязгъ доброй сотни кандаловъ показался теперь почему-то особенно унылымъ. Партія тронулась въ путь.

Первый шагъ сдѣланъ,—и еще болѣе жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно-важно становится на душѣ... Съ пригорка раскрылась вдругъ во всей своей мощи Сибирь, та самая страна, вглубь которой вы направляетесь. Широкая, громадная, безъ конца и краю, покрытая мелкимъ березничкомъ, окаймленная, куда ни глянь, до самаго небосклона, таинственной, синѣющей вдали тайгой. И вся эта ширь и просторъ кажутся послѣ тѣсныхъ стѣнъ тюрьмы чѣмъ-то сказочнымъ, невѣроятно-громаднымъ, подавляющимъ.

И словно отвѣчая общему настроенію, маленькая партія грянула вдругъ пѣсню:

Гей, гукъ, маты, гукъ,
Де козаки йдуть!
Невесела та дороженька,
Куды воны йдуть!...

Мощная и печальная, долго несется она въ невѣдомую даль. И на глаза, чувствуешь, невольно набѣгаютъ слезы.

Какая, однако, здѣсь смѣсь „племенъ, нарѣчій, состояній!“ Да, печальная судьба сравняла тутъ всѣхъ. Евреи, поляки, чухна, татары, нѣмцы, черкесы. Хохолъ-штундистъ съ энтузіазмомъ страдальца за вѣру несетъ свой крестъ и идетъ рядомъ съ убійцей, отправившимъ на тотъ свѣтъ на своемъ вѣку душъ двадцать. Мошенника изъ дворянъ шокируетъ путешествіе въ такомъ хамскомъ обществѣ. Покуривая благородный картузный табачокъ, онъ идетъ въ сторонкѣ, возлѣ своей телѣги, памятуя, что „жиды съ самарянами, а черти съ дворянами—не сообщаются“, и повязавъ для отличія черный, тоненькій, какъ червячокъ, галстучекъ.

II.

Прекрасна сибирская природа осенью. Среди зеленыхъ березъ рѣзко выдѣляется вся красная, какъ кровь, осина. Ее первую убралъ такъ утренникъ-морозъ. Впрочемъ, и березы ужъ не всѣ зелены. Тѣ, что послабѣе или у которыхъ ободрали кору, уже пожелтѣли. Кудрявыя и ярко-желтыя, золотыя до послѣдняго листочка, онѣ выглядятъ будто вышедшія только что изъ позолоты. Исчерна зеленыя пихты и ели перемѣшались гдѣ съ красной бояркой и осиной, гдѣ съ ярко-желтыми березами. И этотъ причудливый коверъ лѣсной, то подымаясь по взгорьямъ, то опускаясь въ долины, покрылъ предъ вами всю сибирскую ширь. А воздухъ! Чистый, здоровый, пахучій. Пахнетъ смолою, лѣсомъ, травой.

Тихо падаетъ желтый листъ съ придорожной молодой березки, символизируя печаль, разлуку, конечный итогъ молодой жизни. Онъ встаетъ теперь предъ вами ясно и отчетливо, и подъ проведенной для итога чертой большими буквами написано: „Сибирь“.

Путь съ непривычки утомителенъ, а надо пройти до этапа 29 верстъ. Особенно плохо кандальщикамъ,—они то и дѣло поправляютъ свои подкандальники и видимо страдаютъ. На десятой и двадцатой верстѣ привалы и отдыхъ по четверти часа.

По сторонамъ дороги стараешься не смотрѣть.

— Да что ты за мной увязался? Отстань,—я по своему дѣлу! чуть не плача говоритъ дѣвушка неотступно слѣдующему за ней солдату.

— А ты съ дороги не сходи,—нельзя, а то прикладомъ вытяну.

— О, Господи, что это за срамъ такой! напрасно протестуетъ дѣвушка.

Вечеръ. Заходящее солнце задумало поиграть лучами и побѣгать по лѣсу. Вотъ оно брызнуло длинной и узкой полоской мягкихъ, ласкающихъ лучей на листья и стволы березъ и на мигъ радостно зажгло, позолотило ихъ, а затѣмъ вдругъ перебѣжало на потемнѣвшую уже прогалину, на ней поиграло мигъ, другой и, вдругъ исчезнувъ, быстро освѣтило ужъ то двумя, то тремя пятнышками сосѣднюю гору, а кругомъ на все набросило вечернюю тѣнь.

Потянуло прохладой. Вотъ и этапъ, расположенный впереди села. Близость ночлега и отдыха придаетъ бодрости усталымъ и голоднымъ людямъ.

Передъ воротами партія выстроилась для повѣрки. Всякій норовитъ стать прямо противъ гостепріимно отворенныхъ воротъ этапнаго двора. Первый рядъ стоитъ, подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ, въ положеніи состязателей въ бѣгѣ; лица у всѣхъ рѣшительныя, серьезныя, какъ передъ битвой.

— Четыреста семь! возглашаетъ фельдфебель.

Мгновенно вся масса мужчинъ рванулась въ ворота и, какъ бѣшеный вихрь, понеслась по двору, къ этапному зданію, чтобы занять на нарахъ мѣсто для ночлега. Съ гикомъ, лязгомъ и крикомъ несется этотъ вихрь; опрокидывается на пути большая кадка съ водой; попавшаяся подъ ноги палка летитъ вверхъ и бьетъ по лбу набѣжавшаго, и горе сбитымъ съ ногъ,— по тѣламъ взбѣгаютъ на крыльцо и, взбѣжавъ въ камеру, растягиваются во всю длину тѣла поперекъ наръ, ожидая въ такомъ положеніи своихъ присныхъ. Лава пронеслась. Сбитые, смятые и покалѣченные разочарованно плетутся къ крыльцу, и затѣмъ по двору выступаетъ и медленно движется тяжелая артиллерія, въ видѣ матерей, навьюченныхъ халатами, кошмами, платками и дѣтьми.

Размѣстились всѣ кто на нарахъ, кто просто на полу. Споры, крики и ругань мало-помалу улеглись. Дворъ этапный, въ теченіе недѣли обыкновенно пустой и безмолвный, теперь полонъ жизни и движенія. Въ углу двора водогрѣйка, и два парнишки, должностныя лица партіи, завѣдуютъ кипяткомъ и едва успѣваютъ наполнять подаваемые чайники.

— Вотъ спасибо начальству, что водогрѣйки сдѣлали тутъ... По Томской губерніи лахва нашему брату итти, говорятъ бывалые арестанты,—и харчъ дешева! А по Иркутской что будетъ! ни харчей тебѣ достать, ни кипятку не дадутъ,—самъ изловчайся.

Еще задолго до прихода партіи во дворѣ размѣстились въ два длинныхъ ряда мѣстныя бабы—торговки. Торговля харчевой идетъ оживленно и бойко,—каждый оставитъ свои 10 к. кормовыхъ, полагающихся ему въ день. Тутъ все вы найдете: хлѣбъ, молоко, яйца, пироги съ черемухой, пироги съ осердіемъ и картофелемъ, супъ, кашу, ватрушки, блины, шаньги и даже сибирское лакомство — кедровые орѣхи. И все тутъ дешево: не выше пятачка, а больше по копѣйкѣ. Каждая серебряная монета прежде, чѣмъ попасть въ карманъ торговки, побываетъ у нея въ зубахъ на испытаніи, не фальшивая ли; а бумажные рублевки берутся неохотно.

Маленькая партія арестантовъ въ вольныхъ костюмахъ сильно чѣмъ-то взволнована; зовутъ офицера.

— Неужто и дамы должны ночевать въ одномъ помѣщеніи съ нами? въ ужасѣ спрашиваетъ староста этой партіи любезно явившагося офицера.

— А вы думали какъ? говоритъ офицеръ.—Вы видите, что этапъ малъ... Да это еще сносное помѣщеніе,—дальше не то будетъ; тутъ хоть и парашу на ночь можно въ коридорѣ поставить, а въ ретирадъ ночью не пустятъ,—вѣдь васъ запрутъ сейчасъ до утра. Вы ужъ всякія церемоніи оставьте, господа, совѣтуетъ уходя офицеръ.

Происходитъ вечерняя повѣрка. Два парашника, раздававшіе кипятокъ, теперь внесли въ коридоръ одну общую для всѣхъ зловонную посудину. Дежурный заперъ на замокъ наружныя двери. 407 человѣкъ размѣстились въ трехъ небольшихъ камерахъ и заснули.

III.

Не всѣ они сами поднялись на другой день: многихъ должны были вынести на воздухъ, чтобы оживить, такъ какъ ночью они обмерли отъ сильнаго „духу“. Партія вышла съ восходомъ солнца. Опять потянулись вчерашніе виды: телеграфные столбы съ тремя проволоками, длинные обозы съ ящиками чая, зашитыми въ бараньи шкуры. Пашенъ нѣтъ; кругомъ лѣсочки и лѣса, а вдали тайга темно-синяя. Попадаются кое-гдѣ круглыя земляныя насыпи со столбиками посрединѣ.—„Что это? вѣрно, землю размежевываютъ? „Нѣтъ, это чугунка на трактъ выбѣгаетъ, вонъ и анжинеръ ѣдетъ“.—„А ты знаешь, что это за чугунка? спрашиваютъ конвоира-солдата.—„Баютъ, печь такая здоровенная изъ глины; она ѣдетъ и свиститъ все“.

Небо заволокли тучи; подулъ вѣтеръ; березки зашептали, зашелестѣли умирающимъ листомъ; зазвенѣли сосны; брызнули крупныя капли дождя. Осеннее ненастье началось. Партія наддаетъ шагу; но пѣшеходовъ постоянно задерживаютъ частыя остановки сзади: то распряжется лошадь, то упадетъ съ воза сонное дитя, то столкнутъ въ канаву съ телѣги неіпріятнаго компаніона. Партія останавливается и ожидаетъ, пока все уладится. А вотъ и веселое приключеніе,—есть чѣмъ позабавиться даже въ дождь: перекинулась телѣга съ еврейскимъ семействомъ, заѣхавъ однимъ колесомъ въ глубокую яму съ водой, и стоитъ пустая, ребромъ къ небу. Перепуганныя дѣти барахтаются въ ямѣ, а отецъ семейства, юркій еврей, съ двумя спасенными ватрушками въ рукахъ, бѣгаетъ вкругъ ямы, растерялся и не знаетъ, что дѣлать. Кто-то ехидно толкаетъ его подъ локоть, и ватрушки летятъ въ воду; желтенькая собачка, бѣгущая при партіи, вдругъ бросается ловить ихъ, къ общему удовольствію зрителей. Конвоиры ругая вытаскиваютъ дѣтей. А потѣшившіеся арестанты, довольные приключеніемъ, живо разводятъ костеръ, заботливо ухаживаютъ, сушатъ одежду ревущихъ съ холода и перепуга дѣтей и грѣютъ ихъ.

— Радимай! дозволь мнѣ съ сыночкомъ хоть у огонька вмѣстѣ погрѣться, проситъ офицера старушка, мать одного арестанта, идущая по своей волѣ изъ Россіи за сыномъ. Она ужъ четыре раза просила, чтобы ее „заарестовали", т. е. позволили путешествовать вмѣстѣ съ сыномъ на казенный счетъ; но матерей обыкновенно не „заарестовываютъ". Эта бодрая старушка долго еще шла за партіей, пока какой-то благодѣтель, конвойный офицеръ, не разрѣшилъ ей итти вмѣстѣ съ сыномъ въ солдатской цѣпи и ночевать на этапахъ. Пройти старческими ногами не одну тысячу верстъ, кормиться въ пути милостынькой—подвигъ не легкій.

Слава Богу, вотъ, наконецъ, и этапъ. Тутъ будетъ дневка, можно хорошенько обсушиться и отдохнуть, лежа цѣлый день на нарахъ.

Опять этапъ берутъ съ боя, на ура. Онъ оказывается болѣе обширнымъ и помѣстительнымъ, чѣмъ прежній. Рядомъ съ моимъ помѣщеніемъ за тонкую перегородку ворвалась партія холостыхъ бабъ. Если, по пословицѣ, двѣ бабы дѣлаютъ базаръ, а три ярмарку, то можно представить, во что способны превратить небольшую, тѣсную камеру сорокъ, да еще обострожившихся бабъ. Нервы не могутъ выдержать этого страшнаго, всепотрясающаго хаоса криковъ, визга, воплей, брани, змѣинаго шипѣнія, цокотанія и хрипѣнія, наводящаго на васъ буквально какой-то животный страхъ. Въ чемъ тамъ дѣло, нельзя разобрать; но нѣтъ сомнѣнія, сейчасъ будетъ смертоубійство, и надо звать на помощь конвой. Но меня успокаиваютъ,—это идетъ обычная перебранка изъ-за мѣстъ и личная пикировка между дамами. Черезъ полчаса тонъ этой вальпургіевой музыки понижается до того, что можно разслышать, какъ старостиха Зипунова увѣщаетъ своихъ подчиненныхъ.

— Слухайте сюды, бабы, пронзительно кричитъ она:—господа просили, чтобъ не ругаться скверными словами. Такъ ежели которая посмѣетъ ругаться, сейчасъ къ начальнику,—живо наручни надѣнуть, до самаго Иркутска въ наручняхъ поведутъ!

Располагаются пить чай; наступаетъ сравнительно затишье, только кое-гдѣ за чашкой чая идетъ пикировка между особенно озлобленными; но колкости, произносимыя осипшими отъ натуги голосами, уже не производятъ эффекта. Чай отпитъ; согрѣлись, отдохнули, перемѣнилось и настроеніе.

— Ой, полола горлыця лободу, лободу! запѣваетъ, выходя на средину камеры, высокая скуластая бродяжка, дробно семеня ногами.

— Да послала припотня по воду, по воду! подхватывается дружно хоромъ бабъ, только что перессорившихся и перeругавшихся.

Балъ открытъ, недостаетъ только кавалеровъ. Но вотъ въ той камерѣ, что передъ приходомъ партіи заперли на замокъ, ихъ цѣлыхъ двадцать. Это такъ называемая обратная партія, идущая отчасти въ Россію, отчасти... трудно сказать куда,—вообще на западъ. Для порядка ихъ теперь, съ приходомъ нашей партіи, заперли въ отдѣльную камеру.

— Сорокъ бабъ! вотъ лахва! Господинъ фельдфебель, просятъ въ одинъ голосъ обратные,—выпустите насъ, пожалуйста!

— Нельзя.

— Пошто?

— По закону; еще смѣняется кто,—отвѣчай тогда за васъ, чертей этакихъ.

— Помилуйте, вѣдь это семейная партія,—какая жъ тутъ можетъ быть смѣнка? авторитетно возражаютъ ему.—Отоприте, ваше благородіе, потому тутъ сидѣть нельзя,—отъ параши духъ пошелъ.

— Ахъ, чтобъ васъ язвило, путаники проклятые! ругается фельдфебель, даруя заключеннымъ свободу.

Не будемъ описывать, что происходитъ дальше...

Скажемъ лучше нѣсколько словъ о характерѣ обратныхъ партій. Къ концу лѣта и осенью онѣ становятся все многочисленнѣе,—всѣ бездомные, не пристроившіеся, праздно шатающіеся, съ наступленіемъ холодовъ спѣшатъ заарестовываться, чтобъ зиму провести въ стѣнахъ тюрьмы, спасаясь тамъ отъ голода и холода. Есть въ этихъ партіяхъ и опасные бѣглые, совершившіе преступленіе и скрывшіе свои прежнія фамиліи. На вопросъ: „Куда направляетесь"? они даютъ загадочный отвѣтъ: за нитками, за сухарями, за кандалами, на чужія мѣста и проч. Идущихъ въ обратной партіи обыкновенно называютъ „путаниками". Да и какъ тутъ не путать? Попадается на глаза начальству какой-нибудь слишкомъ ужъ подозрительный субъектъ.—„Видъ у тебя есть?" спрашиваетъ начальство.—„Никакъ нѣтъ".—„Ты кто же такой?"—„Кто жъ бы я такой"? задумывается на мигъ субъектъ.—„Вывшій московскій дворянинъ Шарфовъ", палитъ онъ наобумъ, „въ Маріинскѣ проживалъ на поселеніи".—„Негодяй ты, а не Шарфовъ!"—„Прошу не ругаться! оскорбляется тотъ, какъ и подобаетъ дворянину изъ Москвы,—а удостовѣриться можете на мѣстѣ въ правдѣ моихъ словъ". Наводятся справки, оказывается, что Шарфовъ дѣйствительно проживалъ на поселеніи въ Маріинскомъ округѣ, и подозрительнаго субъекта отправляютъ для водворенія туда. Отъ случайности зависитъ, займетъ ли онъ тамъ чужое мѣсто и имя, или же, за обнаруженіемъ обмана, долго еще будетъ перекочевывать изъ тюрьмы въ тюрьму и путать.

Виртуозность по части присвоенія чужихъ именъ и мѣстожительствъ, укрывательствѣ своей подлинной личности, смѣнки другъ съ другомъ и прочей „путанины"—доходитъ, напримѣръ, до того, что разъ пришлось видѣть, какъ среди партіи обратниковъ путешествовала довольно молодая и смазливая женщина, одѣтая въ мужской костюмъ. Она раньше была приговорена

къ каторгѣ, но по дорогѣ туда смѣнялась съ мужчиной, слѣдовавшимъ на поселеніе. Только передъ выходомъ на поселеніе обманъ обнаружился, и „малютку-терпи-горе“, какъ прозвали арестанты свою оригинальную спутницу, отправляли теперь по требованію зачѣмъ-то въ Петербургъ въ мужской одеждѣ.

Первая дневка, благодаря сутолокѣ, массѣ народа и новизнѣ положенія, проходитъ незамѣтно. Въ общемъ счетѣ дней путешествія до Иркутска на эти дневки придется 30 дней,—цѣлый мѣсяцъ; но безъ дневокъ обойтись немыслимо, особенно идущимъ въ кандалахъ.

— Баринъ, прочитайте, что тутъ подъ нарами написано, проситъ бродяжка Зипунова.

Тотъ, къ кому обращена эта просьба, залазитъ подъ нары и читаетъ на стѣнкѣ надпись: „Ромка ляже въ Ачинскому въ больницу, буде дожидать Домну. Скажите ей“.

— Домна! кричитъ Зипунова одной изъ бабъ,—твой Ромка ждетъ тебя въ Ачинской больницѣ.

Домна несказанно радуется: наконецъ-то, нашелся ея любезный и остался вѣренъ ей!

Надписи на стѣнкахъ этапныхъ помѣщеній—это цѣлая литература, характерная и интересная, какъ арестантскій мірокъ. Тутъ и изреченія досужихъ моралистовъ, поэтовъ и философовъ, остроумныя каррикатуры, иногда неподдѣльные вопли наболѣвшей души, дѣловыя извѣщенія, въ родѣ вышеприведеннаго, впечатлѣнія пути, новости въ арестантскомъ мірѣ и безчисленные поклоны разнымъ милымъ Санькамъ, Манькамъ и Ванькамъ отъ ихъ любезныхъ. Хотя безпощадный цензоръ, въ видѣ солдата-каморщика, вооружившись вмѣсто краснаго карандаша, обыкновеннымъ плотничьимъ стругомъ, часто погуливаетъ по исписаннымъ стѣнамъ и уничтожаетъ текущую литературу до тла, но только что выстроганная имъ стѣнка выглядитъ до того чисто и соблазнительно, что кажется, будто ее приготовили нарочно для надписей. И литература процвѣтаетъ. „Здѣсь убили Скворцова арестанты ночью“. „Прошли шарлатаны Косой и Рыжій и съ ними вобратникъ Грызунъ. Едва уплелся отъ 50 розогъ, остерегался“. „Тотъ несчастливъ былъ, кто по этапамъ ходилъ“. „Тотъ у насъ лишь и блаженъ, кто въ майданъ не долженъ“. „Non se rebus; sed sibi res submittere“, прочтете вы на одной стѣнѣ. „Тюрьма ты, тюрьма, порча человѣческой души и ума“! искренно сѣтуетъ какой-то несчастный и тутъ же уныло пишетъ: „Бѣгутъ годы, словно рѣчка, человѣкъ живетъ, какъ свѣчка,—вѣтеръ дунулъ, онъ погасъ“! и раздражается проклятіемъ: „Проклятая эта жизнь! кричитъ онъ,—отнынѣ и до вѣка проклята мною!“ Рядомъ читаете: „Милый Вася, я тогда тебя забуду, когда крѣпкимъ сномъ усну“, и шутливый отвѣтъ Васи: „Плачь, Маргарита, плачь, дорогая, а я не буду плакать за тобой“. А вотъ снова крикъ истрадавшейся души: „О, Боже мой, какая скука, зачѣмъ на свѣтъ я рождена? Зачѣмъ мнѣ боги сердце дали? Теперь узнала я печаль. Разступись для меня, мать сыра-земля, возьми, возьми меня нечестную (должно быть, несчастную) Катьку-каторжанку“. А вотъ и описаніе жестокой расправы съ партіей: „Дали намъ не 20, а 15 подводъ; не хотѣли выходить. На меня, старосту, офицеръ наручни надѣлъ, велѣлъ усѣхъ прикладами лупить; били нашихъ младенцевъ, семейныхъ, потомъ погнали. Староста семейной партіи Иванъ Печкинъ“. Подъ этимъ краткимъ сообщеніемъ французская надпись: „Que tout individu, qui usurperae la suveraineté, soit à l'instant mis à mort par les hommes libres (Droits de l'homme)“. Ее дальше кто-то пояснилъ: „Что французу здорово, то русскому смерть.

IV.

Осеннее ненастье даетъ себя знать болѣзнями и смертями. Тифъ, оспа и дифтеритъ начинаютъ ложить народъ на телѣги. За пятнадцать дней пути умерло 26 душъ. Медицинская помощь подается черезъ каждые десять дней пути; тамъ устроены лазареты и имѣется фельдшеръ. Но въ лазаретахъ такъ плохо, что ихъ боятся и избѣгаютъ.—„Не дай Богъ туда попасть, говорятъ съ ужасомъ арестанты,—лучше на вову помереть“. Семейная партія особенно тщательно скрываетъ больныхъ дѣтей, да и завѣдующіе лазаретомъ неохотно принимаютъ больныхъ семейной партіи. „Одинъ ребенокъ боленъ, а черезъ него все семейство оставлять на этапѣ надо, говорятъ они,—пусть ужъ лучше“... Поэтому больше ѣдутъ при партіи, и подъ нихъ то и дѣло прибавляютъ подводъ. Партія подымается въ путь такъ же рано, какъ и прежде, но за ворота этапнаго двора выходятъ не всѣ: человѣкъ 40 не могутъ выйти изъ камеръ, ихъ оттуда выносятъ и складываютъ на подводы.

— Ваше благородіе, повремените маленько,—оно уже холодненькое стало, сейчасъ кончится... проситъ офицера мать, у которой отходитъ ребенокъ.

— Нельзя, матушка, нельзя, сочувственно говоритъ офицеръ:—партія ожидаетъ.

Мать, всхлипывая, торопливо укутываетъ полумертвое дитя и усаживается съ нимъ на телѣгу. Умершихъ дорогой складываютъ у этапныхъ воротъ; сельскія власти приносятъ гробы, складываютъ туда трупы и несутъ на кладбище.

— Не плачь, красотка; чтожъ, померъ,—воля Божья; не убивайся! утѣшаютъ молодую мать, лишившуюся перваго ребенка.

— Не того я плачу, что Богъ прибралъ, всхлипываетъ она,—а что померъ сыночекъ на чужой сторонѣ, и кинули какъ собаку.

Существовавшее на первыхъ порахъ уваженіе къ смерти и внимательность, хотя бы и пассивная, къ умирающему, мало-по-малу ис-

чезаютъ. Вотъ въ камерѣ, гдѣ расположились холостыя бабы, умираетъ ребенокъ. Лежитъ онъ въ углу, на холодномъ и грязномъ полу („Все равно, вѣдь помретъ,—зачѣмъ ему на нарахъ чужое мѣсто занимать?“). Въ камерѣ, по обыкновенію крики, шумъ, танцы. Полъ отъ танцевъ дрожитъ и дитя часто вздрагиваетъ. „Бабочки, голубочки, вы бы маленько того... посмирнѣй,— вишь какъ его бѣднаго подкидаетъ“... рѣшается просить мать. Но напрасно: не монастырь же тутъ въ самомъ дѣлѣ, и арестантки не чернички, конечно; сегодня одинъ помираетъ, завтра другой,—не ходить же всю дорогу на цыпочкахъ! Вечеръ. Всѣ выходятъ на повѣрку, за исключеніемъ двухъ женщинъ; у нихъ кончаются дѣти. Въ камерѣ наступаетъ, наконецъ, тишина. Огарокъ сальной свѣчи, вставленный въ жестяной чайникъ, тускло освѣщаетъ молчаливую группу въ углу. Ребенокъ, одѣтый уже на смерть въ чистенькій чепчикъ, лежитъ на халатѣ и трудно дышитъ,—его душитъ дифтеритъ, и это его послѣднія муки. Мать склонилась надъ ребенкомъ и тупо глядитъ. Тутъ же сидитъ другая мать и держитъ на рукахъ мальчугана, тоже больного. Мальчикъ во всѣ глаза удивленно смотритъ на умирающаго и на его предсмертныя судороги. Изъ другого угла возлѣ дверей несутся отрывистые стоны больной женщины, а рядомъ, за неплотно прикрытой дверью, въ сѣняхъ камеры два солдата спѣшатъ воспользоваться присутствіемъ двухъ запоздавшихъ на повѣрку молодыхъ арестантокъ.

— Что, померло? спрашиваютъ бабы, возвращаясь съ повѣрки.

— Померло, голубочки, сейчасъ вотъ скончалось.

— Бабы, эй, слухайте сюды, бабы! предлагаетъ старостиха Зипунова:—давайте сложимся, кто что дастъ изъ кормовыхъ, кто копѣйку, кто двѣ, да купимъ на гробъ ангельской душѣ ситцу; а то мы (крѣпкое словцо) не давали его душенькѣ цѣлый день къ Господу Богу на небеса отлетѣть!

Предложеніе Зипуновой принято, и одинъ изъ только что ухаживавшихъ солдатъ уходитъ покупать на собранныя деньги ситцу, при чемъ утаиваетъ себѣ отъ покупки 2 копѣйки.

V.

Тифъ все валитъ и валитъ народъ на телѣги. Я лежу пластомъ рядомъ съ рыжебородымъ евреемъ и все мечтаю и мечтаю о больницѣ въ Красноярскѣ. До Красноярска осталось всего четыре дня, и онъ кажется мнѣ обѣтованной землей. „Тамъ я лягу на постель и тогда только начну умирать спокойно и мирно, какъ и подобаетъ: безъ этихъ толчковъ въ дорогѣ, безъ шуму на этапахъ, безъ этого рыжаго еврея и цѣлой толпы людей, ставшихъ для меня по своимъ поступкамъ и рѣчамъ какими-то непонятными и далекими. Тамъ только, въ Красноярскѣ, я постараюсь дать себѣ отчетъ во всемъ и тамъ начну умирать, а въ дорогѣ при такой обстановкѣ и неудобствахъ—ни за что! Скорѣе лишу себя жизни, а не умру на телѣгѣ!“ И я, лежа на возу, достаю изъ саквояжа пузырекъ съ тинктурой опія, выпиваю торопливо настойку и про запасъ съѣдаю еще 12 доверовыхъ порошковъ, зная, что тамъ есть также опій. Послѣднюю процедуру я продѣлываю съ большой осторожностью, боясь быть замѣченнымъ, и складываю бумажки отъ поѣдаемыхъ порошковъ аккуратно въ саквояжъ. Теперь я, а не тифъ лишитъ меня жизни! Я прислушиваюсь къ ударамъ сердца: опій дѣйствуетъ; удары становятся все слабѣе и медленнѣе, вотъ, наконецъ, ихъ осталось до полной смерти всего три. „Разъ!“ сладко считаю я...—„два! и... три“! Я умеръ.

По счастью, тинктура опія и порошки были сибирскаго приготовленія... Я пришелъ въ сознаніе въ красноярской больницѣ. Заботливый взглядъ какого-то толстаго, пріятнаго господина остановился на мнѣ. Господинъ что-то говорилъ, но я ничего не могъ и не хотѣлъ слушать, а напротивъ, думалъ удивить его веселой пѣсенкой.—„Ой, полола горлыця лободу, лободу!“ запѣлъ я могильнымъ голосомъ и старался подмигнуть господину съ пріятнымъ взглядомъ. Но онъ почему-то не раздѣлялъ моего настроенія, повернулся и ушелъ. Это былъ не кто иной, какъ покойный уже докторъ Мажаровъ, имя котораго, какъ и имя другого покровителя несчастныхъ, доктора Гааза, „написано на небеси“ и запечатлѣлось даже въ самыхъ грубыхъ сердцахъ.

Три мѣсяца проболѣлъ я.

Зима. Бѣлая снѣжная пелена укрыла землю. Паръ, выжатый изъ воздуха сильнымъ морозомъ, недвижно стоитъ надъ землею, и тускло-багровый дискъ солнца, холодный и безсильный, безучастно глядитъ на движущуюся партію. Отъ лошадей и людей идетъ тоже паръ, осѣдаетъ и покрываетъ ихъ сплошь сѣдымъ инеемъ. Съ укутанными лицами, сосредоточенные всецѣло на ощущеніи холода, движутся молчаливо люди, и только скрипъ сотенъ шаговъ да скрипъ полозьевъ по мерзлому, сухому снѣгу слышны далеко-далеко въ тихой тайгѣ. Эти звуки, однообразные, безпрерывные, тягучіе, сопровождаютъ, словно похоронный маршъ, изо дня въ день молчаливыя фигуры покрытыхъ инеемъ людей. И чудится, когда глянешь впередъ на избитую обозами дорогу, похожую теперь на фортепіанную клавіатуру, что это не дорога, а гигантская клавіатура какого-то чудовищнаго инструмента, играющаго сотни лѣтъ свой неизмѣнный печальный мотивъ...

Итти приходится все больше тайгою, безконечной, суровой. Ни въ дорогѣ, ни на этапахъ нѣтъ прежнихъ, даже относительныхъ удобствъ. Фунтъ хлѣба стоитъ иногда 7 копѣекъ, и партія питается впроголодь, такъ какъ кормовыхъ денегъ не хватаетъ даже на хлѣбъ. Дѣтей на этапъ часто привозятъ съ отмороженными...

животами,—родителямъ не всегда удается сѣсть на сани къ ребенку, дитя раскроется и отмораживаетъ животъ. Партію въ этапахъ ожидаютъ, но этапныхъ помѣщеній никогда не протопятъ напередъ, предоставляя это дѣлать самимъ арестантамъ, и тамъ холоднѣе, чѣмъ на дворѣ. Окоченѣлыми руками рубятся дрова для камерныхъ печей. Печи вездѣ маленькія, желѣзныя, къ тому жъ еще прожженныя, пробитыя. Но вотъ онѣ затоплены: дымъ наполняетъ всѣ камеры, и этапное помѣщеніе превращается въ царство тѣней,—ощупью отыскиваются вещи, и люди не видятъ другъ друга. На дневкахъ, когда отдохнутъ, люди, чтобъ не сидѣть въ дыму, бродятъ по двору безцѣльно и глупо, тщетно стараясь развлечься чѣмъ-нибудь. Достаточно, если сошлись два-три человѣка поругаться, поспорить или такъ побесѣдовать о чемъ-нибудь, чтобъ вся масса шатающихся мгновенно обступила ихъ. Въ надеждѣ поразвлечься, начинаются подстрекательства къ ссорамъ и иногда болѣе или менѣе удачныя.

— Жидъ! жидъ! задѣтый за живое кричитъ собравшейся толпѣ еврей.—А кто вамъ вѣры сдѣлалъ? многозначительно спрашиваетъ онъ, и, не дождавшись отвѣта, говоритъ:—Мы сдѣлали, потому ваши Исусъ и Марія евреи были,—вотъ что. Спасибо еще должны говорить мнѣ за это, а вы кричите: жидъ, жидъ!

— А чего тебѣ сердиться за „жида"? возражаетъ ему другой еврей.—Я и не обижаюсь никогда, пускай хоть десять разъ скажутъ, что я жидъ; я только засмѣюсь. Потому, что такое жидъ? Жидъ означаетъ „ожидать", т. е. Моисея ожиданіе,—вотъ что значитъ жидъ. И нечего обижаться,—это не ругань, а настоящее слово. Это одно людское народіе или просто суевѣріе, что „жидъ" бранное слово значитъ! Филологъ обводитъ побѣдоносно собравшихся глазами.

Это не нравится пермяку, низенькому арестантику въ короткомъ зипунѣ; онъ рѣшительно подходитъ къ еврею и, заложивъ руку за пазуху, вызывающе говоритъ:

— А вы насъ не ругаете? Какъ что, такъ сейчасъ „гой, гой". А что такое гой? это какъ понимать надо?

— Гой значитъ крещеный человѣкъ, объясняетъ еврей.

— Ну вотъ! А ты жидъ, свиное ухо и больше ничего!

Кому-то пришло въ голову разложить посрединѣ двора маленькій костеръ и варить на немъ картофель. Затѣя понравилась: костеръ становится все больше и больше. Поставивъ котелки на огонь, публика сидитъ у костра и, покуривая цигарки, слѣдитъ на этотъ разъ за религіознымъ диспутомъ. Диспутанты—прежній низенькій человѣкъ въ короткомъ полушубкѣ и вдумчивый хохолъ-штундистъ.

— Ну, что жъ это за вѣра, когда вы въ церковь не ходите, молитесь на кадку съ водою? Ну какая это вѣра? укоряетъ пермякъ хохла.

— Плести про человѣка все можно, возражаетъ обвиняемый.—Какой-то умникъ про кадку тебѣ сказалъ, ты и повѣрилъ. А какъ вотъ ты думаешь, что такое церковь?

— Церковь что? Да вотъ въ Евангеліи сказано, что вотъ какъ въ колоколъ ударятъ, да ты три раза перекрестился,—вотъ тебѣ за это и спасеніе.

— Гдѣ жъ это въ Евангеліи такъ сказано? Ты мнѣ укажи. Можетъ, это не въ Евангеліи, а въ Еруслане Лазаревичѣ сказано? иронизируетъ хохолъ.

— Мнѣ говорили такъ... говорено намъ, сказано, значитъ... увѣренно говоритъ пермякъ.—Или по вашей вѣрѣ пастырей не надо, продолжаетъ онъ обвинять:—какъ же безъ пастыря жить?

— Пастырь, братъ, одинъ у насъ—Христосъ, а учители и у насъ есть.

— А напримѣръ, нашъ батюшка и учитель хорошій, говоритъ пермякъ:—каждый праздникъ, сейчасъ вотъ, какъ отобѣдали, такъ сейчасъ въ колоколъ бовъ! и всѣ сейчасъ идутъ въ церковь, и скамейки тамъ стоятъ, всѣ сейчасъ садятся, а онъ поучаетъ, хорошо такъ поучаетъ; а ты пастырей отвергаешь. Вотъ четвертый годъ поученіе идетъ.

— Чему жъ онъ научилъ тебя за четыре года?

— Кто?

— Да пастырь твой, что ты говоришь? Скажи вотъ!

— Какъ, чему научилъ? Научилъ, значитъ; вѣрно говорю.

— Ну, такъ вотъ разскажи намъ, чему тебя училъ онъ.

— Да чего ты присталъ? Скажи ему да скажи! раздраженно говоритъ пермякъ.—Съ тобой свяжись, все равно, что съ фальшивой монетой: не отвяжешься, только грѣха наберешься.

И пермякъ недовольный удаляется.

— Такъ ты и не берись и не связывайся, когда ничего не знаешь, раздаются голоса изъ публики.—Не надо было и связываться, а то... (непечатное словцо) въ вѣрѣ не знаетъ, а полѣзъ спорить, дуракъ!

— Такъ, братъ, про вѣру говорить нельзя, какъ вотъ ты сейчасъ про нее срамно сказалъ, потому вѣра... И хохолъ, пользуясь предлогомъ, начинаетъ свою проповѣдь.

V.

Рождественскія святки. Партія идетъ большимъ и длиннымъ притрактовымъ селомъ. По случаю святокъ по селу то и дѣло попадаются группы пьяныхъ бабъ въ сопровожденіи такихъ же кавалеровъ; безстыжая пѣсня слышится изъ прекрасныхъ устъ гражданокъ Сибири. Возлѣ бакалейной лавки „братьевъ Гадаловыхъ" ви-

ситъ афиша съ выведенными на ней красной краской буквами: „Дѣвица-монстръ даетъ сегодня акробатическое представленіе на прежнемъ мѣстѣ“. Промчалась мимо запряженная тройкой кошева, наполненная какими-то подозрительными женщинами и пьяными мужчинами безъ шапокъ. Пустыя бутылки летятъ изъ кошевы въ партію вмѣстѣ съ гикомъ, смѣхомъ и отборной руганью.

— Эхъ, язви ихъ, разгулялись какъ! съ досадой и завистью говорятъ наши ямщики.

— Вотъ онѣ, бабы-то ваши! насмѣшливо говоритъ ямщику арестантъ.—Мужъ на пріиски пошелъ али въ извозъ, а бабы съ нашимъ братомъ да съ солдатами милуются, въ ситцы наряжаются, чай да вино трескаютъ. Житье! Вотъ отъ чего и хлѣбъ у васъ дорогой,—разврату много.

Эта тирада, оказывается, попадаетъ въ больное мѣсто одного изъ ямщиковъ.

— Безпремѣнно ей (крѣпкое словцо) волчій билетъ дамъ, рѣшительно говоритъ онъ, ни къ кому не обращаясь.—Одной ужъ далъ,—подъ заборомъ померла,—и этой то же будетъ.

— Ты ей, дядя Петраванъ, хоть лисій билетъ давай, не поможетъ, смѣется конвойный солдатъ:—она баба красивая,—намъ такихъ и надо.

— Ахъ, язви тя въ сердце! Ахъ... (крѣпкое словцо)... Я жъ ее хлѣбомъ-солью кормилъ, а она вотъ что! представивъ воочію всю свою доброту и все коварство жены, восклицаетъ съ горечью ямщикъ.

— А ты бы такъ сдѣлалъ, чтобъ она тебя пряниками кормила, подсмѣивается другой ямщикъ.—Моя баба завсегда меня пряниками кормила. Какъ идетъ это отъ приказчиковъ, пряника, бывало, безпремѣнно несетъ.

Слушатели хохочутъ.

— Вотъ, братцы, какая баба моя была,—первой сортъ, продолжаетъ иронизировать ямщикъ.—А я, братцы мои, пряники за обѣ щеки кушаю,—насилу догадался откудова.

— Ха, ха, ха, скусные пряники были! Что жъ, отблагодарилъ?

— Отблагодарилъ, какъ слѣдоватъ: сначала кнутомъ, а потомъ въ шею. Теперь безъ бабы живу.

— Я, дядя, тожъ бабу свою прогналъ, сознается шутившій предъ тѣмъ конвойный:—шутъ дернулъ платье ей новое подарить! Какъ подарилъ, такъ она и пошла въ обновкѣ крутить,—принужденъ былъ полную отставку дать. Теперь вотъ шестой годъ безъ бабы живу. Ну, а тоже кузнецъ въ нашемъ селѣ ловкую штуку придумалъ: шибко свою бабу проучилъ. И билъ ужъ онъ и срамилъ,—такъ нешто онѣ сраму боятся? Прогнать ежели, думаетъ, такъ какое хозяйство безъ бабы? Пришла это она разъ пьяная (съ фельдфебелемъ нашимъ гуляла); взялъ ее кузнецъ, повалилъ да носъ прямо зубомъ и скусилъ.

— Вотъ это такъ штука!

— Право слово: прямо весь хрящъ дочиста и спичтожилъ. „Теперь, говоритъ, тебя никто не пожелаетъ, а для меня и безъ носа ладна будешь“. Ну, живутъ теперь по этой самой причинѣ ладно.

Словно для того, чтобъ сильнѣй иллюстрировать святочный разгулъ деревни, въ концѣ села намъ попалась медленно ѣдущая кошева. Обнявшись съ кавалерами, нѣсколько бабъ сиплыми голосами пѣли:

„Не хочу муженька, возьму русскава,
Возьму русскава, петербурскава,
Я Ивана не хочу, я Ѳедора не терплю...

При послѣднихъ словахъ пѣсни ямщикъ, дядя Петраванъ сплюнулъ и злобно крикнулъ въ кошеву:

— Варнаки проклятые, отродье россійское, язви васъ въ сердце!

VI.

Чѣмъ ближе къ Иркутску, тѣмъ больше знакомыхъ изъ живущихъ по тракту поселенцевъ приходятъ навѣщать партію. Отыскивается прежній мужъ (разумѣется, незаконный) старостихи бабьей партіи, бродяжки Зипуновой. Это мужчина-богатырь, съ большой русой бородой и добродушной физіономіей, бродяга по профессіи. Идетъ онъ теперь за партіей въ ожиданіи, когда выпустятъ его подругу жизни. Трубкинъ, какъ зовутъ бродягу, посѣщаетъ Зипунову на каждомъ этапѣ и старается удовлетворить любопытство сѣрой публики о сибирскомъ житьѣ-бытьѣ и о положеніи поселенцевъ.

— Нѣтъ тебѣ тутъ никакихъ способовъ! говоритъ онъ арестантамъ.

— Такъ пошто ты не станешь куда? спрашиваютъ Трубкина.—На пріиски нанялся бы.

— Да, поди на пріиски, сунься туда! возражаетъ великанъ:—тамъ теперь докторъ каждаго свидѣтельствуетъ, здоровъ ли, годится ли на работу.

— Такъ нешто тебя забракуютъ! смѣются Трубкину.

— Да, положимъ, принять примутъ, да ты знаешь, что тамъ за работа? Спать некогда,—вотъ оно какъ, хуже каторги тамъ. Да, братцы, плохо жить по Иркутской губерніи,—на каторгѣ лучше. Тутъ теперь бродягамъ проходу нѣтъ: чалдонъ и ночевать въ избу не пуститъ, а въ баню ступай, да еще пятачокъ за ночлегъ возьметъ. Да развѣ у чалдона совѣсть есть? продолжаетъ возмущаться Трубкинъ.—Калачиковъ, примѣрно, дорогой настрѣляешь. Зашелъ ты на ночлегъ честь честью, вынулъ изъ котомки къ чаю калачикъ,—Господи благослови! А дитя хозяйское: „Мама, калачика хочу“.—„Гдѣ жъ я тебѣ возьму? Вонъ у дяди попроси“. Ну, разумѣется, дашь; а тамъ, смотри, другое реветъ, калача проситъ. Изъ избы чуть на минуту вышелъ, всѣ сейчасъ до котомки, сама хозяйка все раздѣлаетъ: „Ты, милый человѣкъ, еще, молъ, настрѣляешь, а намъ это неприлично“.

Публика смѣется. Поощренный вниманіемъ Трубкинъ закуриваетъ и продолжаетъ:

— Нѣтъ, тутъ нашему брату не житье. Три года я живу на волѣ; прекрасно вижу все. Говорятъ, кражей прожить здѣсь можно. Пустяки! въ Сибири кражей да воровствомъ не проживешь,—все будешь „на мойкѣ работать", грошъ выручать. „Въ Рассеи—это такъ.

— Обманомъ, говорятъ, можно... несмѣло замѣчаетъ одинъ изъ слушателей, высокій полякъ съ лакейской физіономіей.

— Ну, обманомъ—дѣло другое... соглашается Трубкинъ.—Только тутъ, братъ, умъ нуженъ, безъ ума нельзя. Догналъ меня недавно одинъ приказчикъ знакомый.—„Не знаешь ли такого-то"?—„Нѣтъ, говорю, не знаю (а я его между прочимъ хорошо знаю). А что?—„Да 50 рублевъ, говоритъ, у меня взялъ „блинчики печь"—фальшивки, значитъ, дѣлать". Ну, извѣстно, обманулъ. Вотъ и я недавно съ купца Путевого 200 рублей взялъ за пріискъ, улыбаясь хвалится Трубкинъ.

— За какой-такой пріискъ, ну? спрашиваютъ съ захватывающимъ интересомъ слушатели.

— Да вырылъ просто три шурфы въ горѣ, да и насыпалъ туды песочку немного (въ запасѣ былъ). Золото, говорю купцу, нашелъ. Ну, купилъ онъ этотъ секретъ у меня за 200 рублевъ. Послѣ стрѣчаетъ меня. „Ты что,—туды, растуды—надулъ меня: самъ золота насыпалъ!" Гмъ! Надулъ! А что жъ на старости лѣтъ трудиться я буду? Да я и то песку своего туда сколько убухалъ: на три ямы развѣ его мало пошло? А шурфы самыя развѣ шутка вырыть? Тоже работа!

Публика въ восторгѣ.

— Вотъ еще чалдоны сказки разныя слушать любятъ, продолжаетъ Трубкинъ,—и тутъ, кто наипаче про богатырей знаетъ, можетъ хорошо заработать. Одинъ тутъ бродяга только этимъ и живетъ. Какъ начнетъ имъ про богатырей всякихъ плести, чалдоны и уши развѣсятъ, рты раззяватъ. Другой и заснетъ за сказкой. Ну, тоже и тутъ хитрить надо: какъ хозяина зовутъ, такой фамиліи и богатырь долженъ быть. Сейчасъ: „А правда твоя, голубчикъ: мой дѣдъ изъ Кіева былъ, съ татарами бился и ворота золотыя на себѣ носилъ!" Другой чалдонъ и рубль дастъ. Да, братцы, Сибирь богатая, да мошка злая, народъ лихой! пессимистически заключаетъ Трубкинъ, поселяя въ слушателяхъ тревогу за свое близкое будущее. Иркутскъ уже недалеко, и для большинства изъ нихъ предстоитъ голодная и холодная воля.

Скрытый вначалѣ въ туманной перспективѣ полуторатысячной дали, начинаетъ выдвигаться Иркутскъ, и, наконецъ, настаетъ день, когда отворяются ворота иркутскаго тюремнаго замка, чтобы, принявъ на время измученныхъ дорогой людей, даровать имъ вскорѣ свободу. Тяжелый, проклятый путь конченъ. И когда, много лѣтъ спустя, приходится вспомнить о немъ и поискать въ душѣ, не осталось ли тамъ какого-нибудь, хоть одного хорошаго, хоть чуточку свѣтлаго воспоминанія, то, перебравъ и посравнивъ ихъ всѣ, даешь предпочтеніе одному воспоминанію—о тюремной больницѣ и тифѣ.

М. Ржмицкій.

ВЕСНОЙ ПОВѢЯЛО.

Весна летѣла на крыльяхъ, сотканныхъ изъ тепла и свѣта. И звенѣли золотыя крылья весны, пробуждая въ людяхъ смутную надежду на волю, на счастье. На рѣкѣ ломался ледъ; синія льдины, большія и малыя, стремительно неслись по теченію, колыхаясь на волнахъ и держась праваго берега. На пути онѣ встрѣчались съ твердыми устоями каменныхъ быковъ и съ глухимъ шумомъ, похожимъ на ропотъ, бились о нихъ своей ледяной грудью, дробились на мелкіе осколки и неслись дальше, издали похожія на морскихъ чаекъ.

Цѣлый день плыли льдины по широкой рѣкѣ, пересѣкавшей огромный городъ. Въ этотъ день Василій Павловъ, служившій шорникомъ на фабрикѣ Заварзинъ и К°, не пошелъ на работу. Проснушись по обыкновенію рано утромъ, онъ привычной дорогой направился было къ фабрикѣ, но, проходя черезъ мостъ, залюбовался ледоходомъ. Глядя на синія льдины, разбивавшіяся о гранитъ, онъ вдругъ ощутилъ въ груди непонятное и сладкое волненіе; почувствовалъ непреодилимое желаніе хоть на одинъ день оторваться и уйти подальше отъ обычной повседневной, надоѣвшей, какъ тяжелая ноша, работы.

Такое бодрое и радостное чувство переживалъ онъ уже давно, еще въ дѣтскіе годы, когда въ пасхальную ночь возвращался домой, тщательно прикрывая самодѣльнымъ бумажнымъ фонарикомъ колеблющееся пламя желтой восковой свѣчки.

На каменной мостовой, еще не успѣвшей просохнуть, онъ замѣтилъ случайно оброненный клочокъ сѣна, и эта маленькая подробность еще больше растрогала его, словно любимая сестра улыбнулась ему.

И захотѣлось шорнику во что бы то ни стало весело отпраздновать первый весенній солнечный день. Невольно махнувъ рукой по направленію къ фабрикѣ, онъ вернулся въ подвалъ, гдѣ снималъ уголъ, отдѣленный отъ хозяевъ ситцевой перегородкой; переодѣлся и пошелъ бродить изъ улицы въ улицу, радуясь солнцу, веснѣ и своей молодости.

Нѣсколько разъ попадались ему навстрѣчу рабочіе съ чужихъ фабрикъ и первые уступали ему дорогу, такъ какъ онъ былъ одѣтъ чище, чѣмъ они. Василій Павловъ шелъ и думалъ о томъ, какую великую силу имѣютъ солнечные лучи надъ людьми: люди, какъ цвѣты, тянутся къ солнцу, особенно дѣти... Вонъ сколько дѣтворы высыпало изъ нѣдръ сырыхъ подваловъ и темныхъ угловъ. Цѣлую долгую зиму ютились они тамъ, а теперь природа созвала ихъ на свой праздникъ; всѣхъ равно ласкаютъ золотые лучи.

Шустрый приказчикъ чуть не схватилъ за полу Павлова, зазывая въ свой магазинъ.

Длинныя галлереи Андреевскаго рынка при солнечномъ освѣщеніи казались полутемными и мрачными. Безконечно жалкими и несчастными казались теперь шорнику эти дородные коммерсанты, вѣчно сидящіе въ своихъ загородкахъ, обложенные грудами мертваго, сухого товара.

Когда шорникъ отвернулся отъ большой зеркальной витрины, въ живомъ потокѣ людей, лившемся ему навстрѣчу, онъ различилъ хорошо знакомую фигуру: шелъ Владиміръ Александровичъ Куделичевъ, пожилой инженеръ, управляющій завода Заварзинъ и К°; шелъ онъ, какъ всегда, съ королевской важностью, величаво раскачиваясь и съ достоинствомъ опираясь на крѣпкую, дорогую трость, украшенную серебромъ и слоновой костью. Шорникъ приподнялъ шляпу и поклонился, а на лицѣ его продолжала играть улыбка, отблескъ перваго весенняго солнечнаго дня. Инженеръ Куделичевъ пріятно улыбнулся, ловко сдернулъ лайковую перчатку и протянулъ руку удивленному и смущенному Павлову.

— Солнце-то нынче, добродушно, хотя и съ чувствомъ собственнаго достоинства, замѣтилъ Куделичевъ,—жаритъ во всѣ лопатки! А!

— Такъ точно, Владиміръ Александровичъ, удался денечекъ... лучше бы надо, да нельзя! смущенно пробормоталъ Павловъ.

Инженеръ слегка нахмурился.

— Представьте, продолжалъ онъ, — лицо очень знакомое, а вспомнить не могу...

— Въ шорникахъ я... Павловъ фамилія... на вашей фабрикѣ...

Лицо инженера вмигъ побагровѣло. Сверкнувъ золотыми очками, онъ торопливо спряталъ въ карманъ свою пухлую руку и, гордо закинувъ назадъ голову въ форменной фуражкѣ, волнуясь прошипѣлъ:

— Дурракъ!!

И, наступая прямо на Павлова, весь красный и какъ будто вздутый, быстро прошелъ къ извозчику и грузно поднялся на заскрипѣвшую кожей пролетку.

Извозчикъ быстрымъ движеніемъ руки поправилъ шапку и тряхнулъ вожжами. Красныя новенькія спицы нѣсколько разъ сверкнули на солнцѣ, и было что-то торжествующее и презрительное въ ихъ быстромъ вращеніи, мягко умчавшемъ инженера изъ глазъ ошеломленнаго, уничтоженнаго Павлова.

Широкая инженерская спина давно уже исчезла изъ глазъ, а шорникъ все стоялъ на томъ же мѣстѣ и, не замѣчая, что его толкаютъ прохожіе, растерянно смотрѣлъ на вереницу экипажей, бойко проносившихся мимо.

И странной казалась въ этомъ бѣшеномъ уличномъ водоворотѣ смущенная, растерянная фигура Павлова.

Между тѣмъ, все его вниманіе было поглощено мучительной внутренней работой. Онъ не боялся, что инженеръ прогонитъ его съ фабрики. Свѣтъ не клиномъ сошелся! Въ немъ угасало что-то свѣтлое, безгранично дорогое, что безсознательно впиталъ онъ въ себя еще въ дѣтствѣ, въ мужицкой семьѣ, и что въ тайникѣ души, несмотря ни на какія невзгоды, пронесъ черезъ всю жизнь, подобно тому, какъ проносилъ невредимой зажженную свѣчку въ вѣтренную пасхальную ночь.

Въ эту бѣлую весеннюю ночь не спалось Василію Павлову. Въ сотый разъ переживалъ онъ мысленно событія необычно прошедшаго дня. Такъ много впечатлѣній принесъ первый солнечный день, но теперь въ его воображеніи поперекъ всего стояла темная, грузная, вздутая фигура инженера Куделичева, и въ ночной тишинѣ подвала слышался ему злобно-взволнованный окрикъ:

— Дурракъ!..

Уже блѣдный разсвѣтъ заглянулъ украдкой въ тусклое окно. Бѣлая ночь снимала съ земли кисейное покрывало. А Павловъ все еще не ложился и думалъ...

И снова грезилась ему пасхальная ночь. Яркіе огни, торжествующій перезвонъ колоколовъ разливается въ весеннемъ бодрящемъ воздухѣ... Онъ раскрываетъ свои объятія для братскаго поцѣлуя, и вдругъ кто-то со всего размаха бьетъ его по щекѣ... такъ неожиданно, съ такимъ злымъ ожесточеніемъ...

За окномъ уличный шумъ усиливался.

Городъ просыпался. Ликующій весенній день летѣлъ на быстрыхъ и сильныхъ крыльяхъ, сотканныхъ изъ тепла и свѣта...

Иванъ Абрамовъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ.

Въ 230 номерѣ „N-го вѣстника“ была напечатана корреспонденція подъ заглавіемъ „Въ защиту безотвѣтныхъ“.

Содержаніе ея слѣдующее.

„Бѣдный народъ!.. Когда же ты будешь свободенъ, бѣдный народъ?!.. Бѣдность и невѣжество твои многимъ на руку. Безсердечіе, равнодушіе къ судьбѣ ближняго, пагубная страсть къ легкой наживѣ—захватываютъ всего тебя. выжимаютъ твои силы, закрѣпощаютъ тебя...

Пойдите на N-скіе соляные промыслы, гдѣ работаютъ тысячи людей; посмотрите, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ они работаютъ.

Здѣсь пущено въ ходъ все, что только можетъ изобрѣсти безсердечный, потерявшій всякія представленія о нравственности жестокій рабовладѣлецъ.

Я не былъ въ каторгѣ, но убѣжденъ, что работы на N-скихъ соляныхъ промыслахъ по своей тяжести не уступаютъ каторжнымъ работамъ. Страшно подумать, сколько пота, жизненной энергіи и слезъ поглощаетъ каждый гигантскій бугоръ соли.

— Тятька, я не могу везти дальше... сквозь слезы жалуется парень-подростокъ, изнемогающій отъ тяжести восьмипудовой тачки съ солью, идя рядомъ съ отцомъ.

— У... лодыры!.. Тащи сейчасъ!.. кричитъ „тятька“, и вслѣдъ за тѣмъ увѣсистый кулакъ гуляетъ по шеѣ „непокорнаго“ сына.

Обезсиленный работой „лодырь“ не выдерживаетъ тяжести кулака; тачка выскальзываетъ изъ его рукъ и, не выдержавъ собственной тяжести, лопается по всѣмъ швамъ; а „лодырь“ падаетъ на нее—и безутѣшно, какъ маленькій ребенокъ, рыдаетъ.

—У... дьяволъ!... съѣлъ тачку... Заработали, значитъ, сегодня... Два съ полтиной заплати, значитъ, за нее таперь управляющему. О, Господи!.. въ отчаяніи стонетъ отецъ.

А какъ вы думаете, что получаетъ за свой тяжелый трудъ „лодырь“? Полтину въ день—

въ длинный, безконечно длинный, жгучій лѣтній день.

Но главное впереди.

Слежавшуюся, за зиму превратившуюся въ камень соль въ буграхъ нужно размельчить, насыпать въ мѣшки, нагрузить на подводы, доставить на пристань, выгрузить и снова нагрузить на гиганты-пароходы.

Вы знаете, что значитъ нагрузить пароходы солью?.. Знаете, чего стоитъ рабочему каждый семипудовый конторскій мѣшочекъ?..

Посмотрите на спину бѣдняка: не ней живого мѣста нѣтъ отъ рѣжущихъ, колющихъ, острыхъ каменныхъ комьевъ соли.

О, какъ жестоки эти эксплоататоры!..

Для того, чтобы работа шла быстрѣе, они, видите ли, изготовили мѣшочки семипудовые. Будто съ богатырями они имѣютъ дѣло, а не съ обыкновенными слабыми, истощенными людьми.

И плата при нагрузкѣ не поденная уже, а попудная. Такъ вѣдь куда выгоднѣе для управляющаго.

При нагрузкѣ „лодырь" никогда не выработалъ бы и полтины, если бы не пускался на хитрости, страшныя хитрости, благодаря которымъ онъ часто рискуетъ своею жизнью.

Но что ему жизнь, когда ѣсть нечего?! Грошъ ей цѣна...

Попробуйте рубить первобытными орудіями—ломомъ, топоромъ каменную глыбу,—много ли вы за день нарубите? А вѣдь соляная гора—та же гора каменная,

Въ страхѣ и отчаяніи за завтрашній день, растерянные, перепуганные люди изобрѣтаютъ страшный, варварскій способъ рубки соли.

Для своего облегченія они подрываютъ громадные бугры снизу на сажень, на двѣ. Получается навѣсъ, который или самъ обрушивается, или падаетъ при сильныхъ ударахъ молотовъ сверху. При паденіи соль сама собой размельчается и работа ускоряется.

Вы представляете себѣ ту страшную опасность, какая угрожаетъ при такомъ способѣ работы людямъ? Если не представляете, то я вамъ разскажу.

Соль не во всѣхъ буграхъ одинаково плотно слеживается; дожди часто размываютъ одинъ бугоръ или даже часть одного бугра больше, другую меньше. Вотъ и опредѣлите, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ нужно подрыть бугоръ на сажень, а въ какомъ на двѣ, чтобы соль сама собой рухнула.

— Гляди, Митрій, не поддается бугоръ! раздается робкій голосъ изъ-подъ навѣса, этой могилы живого человѣка.

— Чаво робѣешь, вали еще маленько!.. утѣшаетъ Митрій, который посаженъ на бугрѣ въ качествѣ „анженера", для изслѣдованія плотности соляной глыбы.

Ухъ... ухъ... ухъ!.. продолжаетъ работать молотами артель.

— Кидайси, кидайси оттель, робята!.. Трешшитъ!..

Со страшной, всесокрушающей силой глыба летитъ внизъ. Артель кидается вразсыпную, а по пятамъ за ней летятъ увѣсистые комья соли.

— Во сила!.. Ишь, дьяволъ, какъ зашибилъ ногу!..

— Стой, робята!.. Прошки нѣтъ!..

Да, Прошки нѣтъ. Прошка похороненъ подъ бугромъ.

Ребята быстро кидаются къ бугру, въ отчаяніи, съ неимовѣрнымъ напряженемъ они работаютъ лопатами.

Послѣ получасовой дружной работы Прошка извлекается изъ могилы.

Боже мой, ужели это Прошка?..

Черепъ раскололся пополамъ; изъ зіяющей дыры въ головѣ, изъ раскрытаго рта глядятъ острые куски соли. Вмѣсто носа большое красное пятно, изъ груди сочится кровь, окрашивающая соль въ багровый цвѣтъ, лѣвый глазъ выскочилъ наружу и какъ бы подмигивая, лукаво говоритъ: „Плохой ты, братъ Митрій, анженеръ!.."

— Не дышшитъ!.. кто-то произноситъ печально.

—Опять, дьяволы, бѣды натворили!.. Отвѣчай за васъ!.. кричитъ обезкураженный управляющій, прибѣжавшій съ сосѣдняго бугра. — У, прожоры!.. Все мало, все вамъ мало... Дешева работа... Выдумали гибель на мою голову, анаѳемы!.. Вамъ только позволь, облегчи, помоги вамъ; а вы ни чести, ни благодарности не знаете!..

Растерянные, перепуганные рабочіе въ ужасѣ и отчаяніи глядятъ на Прошку.

— Охъ, грѣхи наши тяжкіе!.. Царство небесное!.. вырываются наконецъ изъ онѣмѣвшей толпы тяжелые вздохи, облегчающіе изстрадавшіяся души.

— Божье попущеніе!..

Видно, не одному Прошкѣ будетъ здѣсь могила".

Настоящая корреспонденція привела автора на скамью подсудимыхъ.

Встревоженный ею управляющій N-скихъ соляныхъ промысловъ привлекъ корреспондента къ отвѣтственности за клевету въ печати.

Обвиняемый—высокій, худой, съ серьезнымъ, грустнымъ лицомъ, видимо, исполненъ рѣшимости и вѣры въ правоту своего дѣла.

Въ качествѣ свидѣтеля въ судейскомъ залѣ находится вдова убитаго. Она безпрерывно всхлипываетъ и, убитая горемъ, изрѣдка довѣрчиво взглядываетъ слезящимися глазами на корреспондента. Въ немъ она видитъ своего защитника, свою надежду, свое утѣшеніе въ своемъ безпомощномъ положеніи.

Рядомъ съ ней у стѣны стоитъ группа рабочихъ съ промысловъ—тоже въ качествѣ свидѣтелей.

Секретарь читаетъ обвинительный актъ.

На основаніи слѣдствія, произведеннаго на мѣстѣ несчастья чиновникомъ горнаго управленія, устанавливается полная неприкосновенность къ несчастью управляющаго. Смерть Прошки приписывается собственной неосторожности.

Въ виду этого, сообщенія корреспондента, набрасывающія тѣнь на управляющаго и обвиняющія его въ попущеніи несчастья, противорѣчатъ истинному положенію дѣла.

По прочтеніи секретаремъ обвинительнаго акта, предсѣдатель обращается къ подсудимому съ обычнымъ вопросомъ:

— Признаете ли вы себя, г. обвиняемый, виновнымъ въ сообщеніи въ печати ложныхъ свѣдѣній, въ неправильномъ освѣщеніи несчастнаго случая, имѣвшемъ мѣсто на N-скихъ соляныхъ промыслахъ?

На блѣдномъ, съ мягкими чертами, взволнованномъ лицѣ подсудимаго выступаютъ красныя пятна. Дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышится и негодованіе, и обида за незаслуженное оскорбленіе, онъ убѣжденно говоритъ:

— Нѣтъ, не признаю!.. Мнѣ приходилось самому видѣть, какъ варварски производится рубка соли. Видѣлъ и ужасался тому, что это дѣлается съ вѣдома приказчика и управляющаго, которые часто сами присутствуютъ при

вырубкѣ соли и любуются ужасными картинами страшнаго риска жизнью рабочихъ.— Да я не одинъ, судьи!.. продолжаетъ обвиняемый.— Свидѣтели моей правоты—всѣ очевидцы несчастья — рабочіе на промыслахъ, а также и жена убитаго.

Допрашиваются порознь всѣ свидѣтели.

Предсѣдатель обращается ко вдовѣ, безпрерывно плачущей и не отрывающей отъ глазъ чернаго, грязнаго фартука, съ предложеніемъ разсказать исторію несчастья.

Сквозь горькія рыданія прорываются лишь отдѣльныя слова:

— Убили... родненькаго... убили... пятеро дѣтокъ...

— Скажите, вы были на промыслѣ въ то время, когда случилось несчастье? спрашиваетъ ее управляющій.

— Не была... миленькіе... Мнѣ Митрій разсказывалъ... Охъ, Боже мой!.. Дѣтки—сиротки... ѣсть нечего...

Далѣе допрашиваются рабочіе...

Первымъ входитъ высокій, рыжебородый „Митрій" Козявкинъ.

— Скажите, Козявкинъ, вѣрно то, что вы артельно рубите соль не террасами, а подкапываетесь подъ бугры на цѣлую сажень и больше? Скажите также, вѣрно ли и то, что подобная работа производится вами въ присутствіи приказчика и управляющаго?

— По собственной неосторожности... не задумываясь отвѣчаетъ „Митрій" Козявкинъ.

— Позвольте, Козявкинъ!.. Я васъ не о томъ спрашиваю. Правда ли, вѣрно ли, стараясь быть понятымъ, говоритъ предсѣдатель,— вѣрно ли, что вы, когда рубите соль съ бугровъ, то для ускоренія и облегченія дѣла подкапываете бугры снизу, и соль затѣмъ сама собой падаетъ размельчаясь? Вѣрно?..

— Ась?..

— Да вы слыхали, о чемъ я васъ спрашиваю?..

— Нѣтъ, не вѣрно... отвѣчаетъ наконецъ „Митрій", что-то соображая.

— Митрій, ты же самъ господину скороподенту разсказывалъ, какъ навалила на Прошку соль!.. вырвалось сквозь плачъ у вдовы.

„Митрій" лукаво поводитъ глазами въ сторону вдовы и упорно молчитъ.

На лицѣ „скороподента" сильно вздрагиваютъ мускулы. Съ сожалѣніемъ, презрѣніемъ и ненавистью онъ глядитъ на лжесвидѣтеля, хочетъ что-то сказать; но языкъ, видно, не повинуется ему, и онъ молчитъ.

— Ну, скажите же, Козявкинъ, какъ могло случиться то, что на Порфирія Терявкина навалилась цѣлая глыба соли?.. По какой причинѣ Порфирій Терявкинъ оказался подъ бугромъ?..

— По собственной неосторожности... понявъ въ этотъ разъ вопросъ предсѣдателя, отвѣчаетъ „Митрій".

Второй свидѣтель еще совсѣмъ молодой парень. Безостановочно моргая глазами, боязливо оглядываясь по сторонамъ, онъ, видно, очень смущенъ, испуганъ непривычной для него обстановкой.

— Окуневъ, разскажите исторію несчастья.

— По неосторожной собственности... прозвучалъ тоненькій, почти дѣтскій голосокъ парня!

— Да слушайте, о чемъ я васъ спрашиваю!.. волнуется измученный предсѣдатель и снова повторяетъ свой вопросъ.

Парень молчитъ и не зная, что отвѣчать, переминается съ ноги на ногу и оглядывается по сторонамъ, какъ бы ища помощи.

— Да скажите же, выходитъ изъ терпѣнія предсѣдатель,—вѣрно ли, что вы подкапываете бугры?..

— Вѣрно!.. Но голосъ парня, задрожавъ, обрывается.— Невѣрно, нѣтъ, невѣрно... Мы бугровъ не подкапываемъ. Рубимъ соль какъ слѣдоваетъ...

Всѣ остальные свидѣтели показываютъ то же самое.

— Обвиняемый, не имѣете ли еще что сказать?..

Съ искаженнымъ отъ боли лицомъ, обвиняемый поднимается со скамьи. Но, махнувъ безнадежно рукой, онъ безпомощно опускается вновь на скамью.

Судъ удаляется для совѣщанія и черезъ десять минутъ выноситъ подсудимому обвинительный приговоръ.

При гробовомъ молчаніи выслушивается приговоръ. Что-то непонятное, тяжелое повисло въ душной атмосферѣ судейскаго зала. Видно, всѣ удручены происшедшимъ рѣшеніемъ суда. Свидѣтели—рабочіе не то съ недоумѣніемъ, не то съ жалостью смотрятъ на осужденнаго. Притихла и вдова. Она не отрываетъ глазъ отъ судей и, видно, ждетъ еще чего-то...

Тишину нарушаетъ жандармъ, уводя изъ залы подсудимаго.

Выйдя изъ залы на улицу, рабочіе разбиваются на нѣсколько небольшихъ группъ.

Будто обрадовавшись свободѣ, всѣ дружно о чемъ-то говорятъ.

— Пойдемъ-ка, Пантелей, въ монопольку, дернемъ!.. слышно, говоритъ высокій, краснощекій, съ синимъ, большимъ носомъ рабочій, обращаясь къ другому.

Но Пантелей молчитъ. На серьезномъ, изможденномъ, исписанномъ морщинами лицѣ его видны слѣды какой-то жгучей, просящейся наружу мысли.

— Жаль, братъ, Гараська, скороподента!.. Засудили зря...

— А ловкачъ, братъ, нашъ управляющій!.. подхватываетъ, вспоминая что-то, „синій носъ".—Покеда пріѣхалъ на слѣдствіе анженеръ, все въ порядокъ привелъ: цѣлую ночь ровняли бугры... „Вы, говоритъ, дьяволы, одно зарубите себѣ на носу, одно знайте: по собственнной неосторожности, молъ, рѣшился жизни Прошка"... По собственной неосторожности—понимаешь?!.. „Пикни, говоритъ, только одинъ несуразное—всѣхъ чертей безъ мѣстовъ оставлю, всѣхъ прогоню съ промысловъ"!

— Пойдемъ, паря, хватимъ по собачкѣ!..

Василій Бойковъ.

Несмотря на извѣстность Андрея Петровича Рябушкина (1861—1904), какъ историческаго и бытового художника, какъ иконописца и иллюстратора, смерть его не произвела большого впечатлѣнія на русское общество. Онъ былъ плохо понятъ при жизни. Его картины пріобрѣтались за безцѣнокъ. Когда его не стало, слишкомъ немногіе почувствовали значеніе завѣщаннаго имъ художественнаго наслѣдія.

Обидное недоразумѣніе! Въ печати о немъ почти ничего не появилось: два-три біографическихъ очерка, нѣсколько замѣтокъ сдержанно-доброжелательныхъ и равнодушныхъ, какъ некрологъ. Не узнавъ Рябушкина, его уже начинаютъ забывать.

Это отчасти и понятно. Лучшіе холсты художника (если не считать немногихъ превосходныхъ картинъ, къ счастію, попавшихъ въ Третьяковскую галлерею и въ музей Александра III-го) находятся въ частныхъ рукахъ, такъ же, какъ большинство рисунковъ и эскизовъ. Съ ними мало кто знакомъ. Съ другой стороны, наиболѣе доступными для общества являются его церковныя композиціи, на мой взглядъ — наименѣе удачныя. То же самое можно сказать и относительно иллюстрацій Рябушкина, знакомыхъ „большой публикѣ" по разнымъ дешевымъ изданіямъ. Какъ мы скоро увидимъ, онѣ значительно хуже того, что онъ умѣлъ дѣлать въ свои „хорошіе часы".

Въ результатѣ—еще одинъ настоящій, даровитый русскій мастеръ ушелъ со сцены почти незамѣтно. Его оплакали только друзья и близкіе почитатели... Кто былъ Рябушкинъ? Что прекрасно въ его произведеніяхъ? Какое мѣсто принадлежитъ ему въ исторіи русской живописи? Нашей критикой — хотя прошло уже тринадцать долгихъ мѣсяцевъ со дня его смерти—не было сдѣлано ни одной попытки серьезнаго отвѣта на эти вопросы...

Въ лучшихъ произведеніяхъ Рябушкина (какъ, напримѣръ: „Русскія женщины и дѣвушки XVII-го вѣка въ церкви", „Московская улица допетровскаго времени", „Чаепитіе", „Ожиданіе посольства") свободная, творческая личность чувствуется, непокорная и сильная. Въ этихъ произведеніяхъ онъ самобытенъ безъ всякой претенціозности и націоналенъ безъ малѣйшихъ признаковъ того грубаго и непріятнаго „художественнаго шовинизма", которымъ отличаются народные жанры столь многихъ передвижниковъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Рябушкинъ — мастеръ въ высшей степени неровный. Иногда онъ геніаленъ, иногда не идетъ дальше зауряднаго ремесла.

Недавно я снова пересмотрѣлъ его рисунки для иллюстрированныхъ изданій. Между ними встрѣчаются удивительно яркіе, выпуклые, продуманные. Есть настоящіе образцы выдержанно-строгой стильности, достойные зависти лучшихъ рисовальщиковъ. И рядомъ попадаются образчики полнѣйшей безпомощности воображенія и техники. Особенно удручающее впечатлѣніе оставляетъ „Альбомъ былинныхъ богатырей" (изд. 1893 г., Германа Гоппе). Эти оперные „богатыри", помахивающіе бутафорскими палицами и гарцующіе на лошадяхъ „кавалерійской породы", изъ рукъ вонъ плохи.

Не говоря о томъ, что отъ нихъ не вѣетъ сказочной былью древней Руси, они просто нехудожественны. Рисунокъ совсѣмъ дѣтскій, композиція—тривіальна.

Я говорю все это для того, чтобы съ первыхъ же строкъ предупредить случайныхъ читателей, знакомыхъ съ Рябушкинымъ только по самымъ слабымъ и, къ сожалѣнію, самымъ распространеннымъ его рисункамъ. Мое предупрежденіе относится, между прочимъ, и къ нѣсколькимъ наброскамъ, которыми иллюстрирована появившаяся недавно въ „Историческомъ Вѣстникѣ" статья И. Ф. Тюменева „Рано угасшій талантъ" *). Трудно понять, почему авторъ статьи, изъ той богатой коллекціи рисунковъ, о которой онъ нѣсколько разъ упоминаетъ,—почему онъ выбралъ именно *эти* наброски въ „дурной манерѣ" Рябушкина? Плохихъ набросковъ, конечно, множество у всякаго еще незрѣлаго, ищущаго себя художника. Но зачѣмъ ихъ печатать? Развѣ непосвященный читатель не въ правѣ подумать, что ему показываютъ *лучшее*? У насъ, въ Россіи, надо быть исключительно осторожнымъ въ подобныхъ случаяхъ. Статья И. Ф. Тюменева написана горячо, интересно; въ ней много цѣнныхъ біографическихъ свѣдѣній. Но зачѣмъ эти иллюстраціи, да еще въ такой антихудожественной передачѣ?

Рябушкинъ, несомнѣнно, слишкомъ „рано угасшій талантъ". Долго таившаяся въ немъ болѣзнь легкихъ унесла его какъ разъ въ то время, когда онъ достигалъ полной творческой зрѣлости. Съ каждымъ годомъ его произведенія становились продуманнѣе, серьезнѣе, утонченнѣе. Въ немъ завершалась медленная эволюція: отъ неотесанности и отъ невольной подражательности псевдо-народному стилю—къ высшей культурности духа, безъ которой современный живописецъ, какъ бы онъ ни былъ талантливъ, не въ силахъ дать всего, что можетъ.

Недостатки раннихъ работъ Рябушкина (къ нимъ надо отнести и „былинныхъ богатырей" и упомянутые рисунки изъ коллекціи И. Ф. Тюменева) объясняются главнымъ образомъ недостаткомъ эстетической культуры и въ немъ и въ окружавшей его средѣ. Въ ту пору почти никому еще не приходило въ голову, что требованія, предъявляемыя къ художникамъ такими журналами, какъ „Всемірная Иллюстрація" или „Нива", ничего общаго съ искусствомъ не имѣютъ. Тогда еще многіе думали, что русскій патріотизмъ и самобытность русскаго искусства заключаются, главнымъ образомъ, въ „отрицаніи гнилого Запада". Все это, конечно, вліяло на молодого Рябушкина. Поступивъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, послѣ окончанія Московскаго училища живописи и ваянія, въ Петербургскую Академію, онъ принялся рисовать иллюстраціи на „русскія темы" и вообще сдѣлался страстнымъ „патріотомъ". Его нежеланіе „учиться у Запада" дошло до того, что онъ отказался отъ заграничной поѣздки, когда получилъ для нея денежную субсидію за свою конкурсную картину „Снятіе съ креста". Вотъ, что говоритъ по этому поводу И. Ф. Тюменевъ: „Всецѣло посвятившій себя своей родинѣ, направлявшій всѣ мысли и желанія къ изученію ея исторіи, народнаго творчества, быта, интересовавшійся въ этомъ отношеніи каждою мелкою подробностью, каждымъ стариннымъ костюмомъ, старинной пѣсней, старинною грамотою (нѣкоторыми почерками XVII и XVIII столѣтій онъ владѣлъ въ совершенствѣ), старинною утварью, рѣзьбою на избахъ, старинными узорами на тканяхъ, вышивками на полотенцахъ,—запоминавшій каждую интересную мелодію, каждое мѣткое выраженіе, однимъ словомъ, жившій и дышавшій только своимъ, народнымъ, русскимъ,—онъ *не могъ ѣхать къ нѣмцамъ, французамъ, итальянцамъ* *), и всю полученную сумму употребилъ на разъѣзды по Россіи, оставшись и въ этомъ отношеніи вполнѣ самобытнымъ, такъ какъ, насколько помнится, ни до, ни послѣ него не было слышно о пансіонерѣ, который отказался бы отъ заманчивой возможности побывать въ заморскихъ краяхъ".

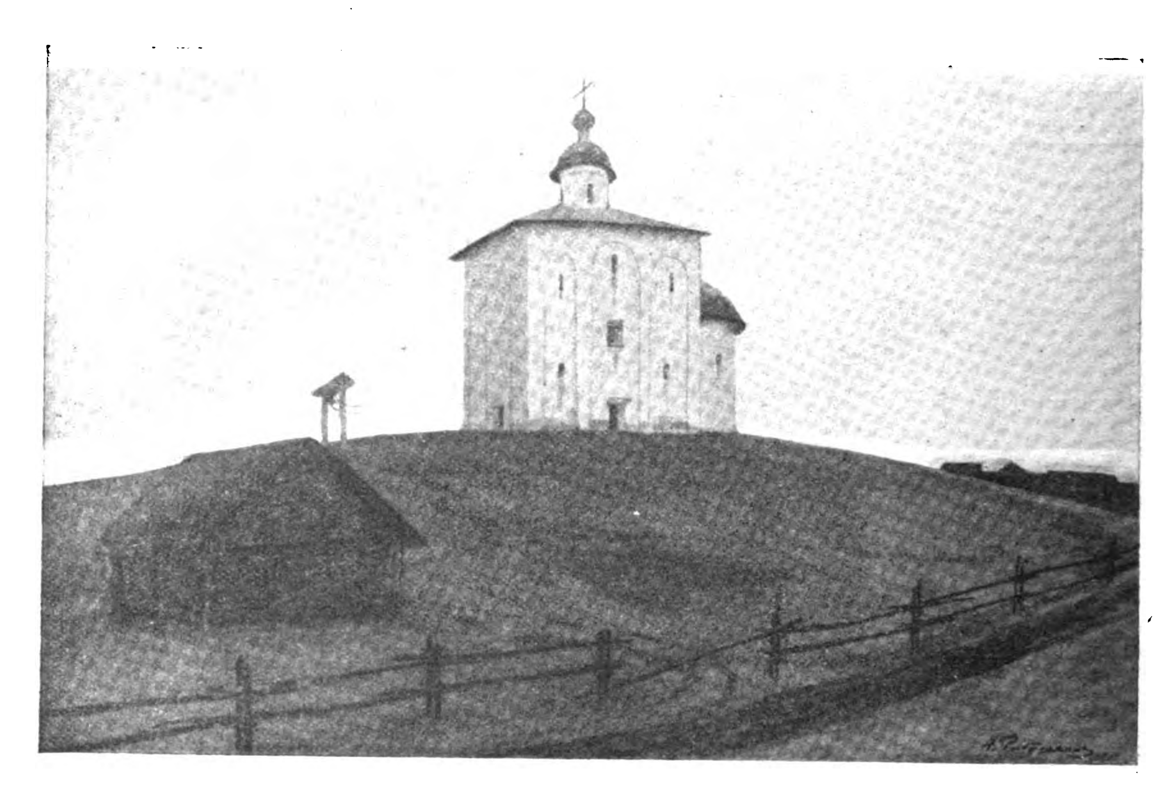
Можно отъ души пожалѣть, что въ то время не было у Рябушкина совѣтчика, который бы уговорилъ его все-таки отправиться въ „заморскіе края". Я убѣжденъ, что это нисколько не помѣшало бы ему посвятить всѣ свои силы родинѣ, но, можетъ быть, помогло бы выйти скорѣе и сознательнѣе на самостоятельный путь. Рябушкинъ нашелъ этотъ путь только въ концѣ жизни, тогда, когда волна обновленнаго „западнаго" творчества дошла наконецъ и до Россіи, и передовые ряды русскихъ художниковъ поняли, что пора перестать безпомощно топтаться на одномъ мѣстѣ. И развѣ не поучительно, что именно въ *это* время создались наши лучшіе, глубоко-самобытные художники: Васнецовы, Коровины, Нестеровъ, Полѣнова, Левитанъ...? Непростительно ошибаются патріоты, воображающіе, что „Западъ" — естественный врагъ русскаго художника, желающаго остаться русскимъ. Точно между нашимъ искусствомъ и художествомъ по ту сторону Вержболова какое-то противорѣчіе, какая-то непереходная бездна. Точно Россія въ своемъ художественно-культурномъ строительствѣ—не такая же европейская нація, какъ Франція или Германія! Къ чему нелѣпое *противоположеніе* „русскаго" „западному"? (Я говорю о дѣйствительно русскомъ и западномъ, а не о томъ, что подъ этими понятіями часто подразумѣвается). Для русскаго общества до сихъ поръ еще: или „все русское ничтожно", или, обратно, „все западное никуда не годится". Съ одной стороны—близорукій шовинизмъ, съ другой—не менѣе близорукое презрѣніе къ началамъ нашего національнаго творчества... Но въ этомъ и заключается главная бѣда! Надо не противополагать Россію Западу, надо сознательно и ревниво работать, пріобщая русское искусство къ другимъ великимъ сокровищамъ искусства европейскаго. Это—условіе дальнѣйшаго движенія впередъ и для нашихъ *національныхъ* художниковъ. Нужно учиться у Запада, а не чураться его. Учиться не значитъ подражать. Подражаютъ одни неучи. Если въ Россіи и талантливые живописцы такъ много подражали, то, конечно, не оттого, что они слишкомъ хорошо учились у западныхъ сосѣдей. Наоборотъ, учись они лучше, они вѣроятно лучше бы поняли значеніе національизма въ искусствѣ, значеніе, которое на Западѣ признано несравненно глубже и полнѣе, чѣмъ у насъ. Немногочисленность истинно-національныхъ памятниковъ искусства въ Россіи и недостатокъ любви къ нимъ объясняется, прежде всего, недостаточнымъ, поверхностнымъ пріобщеніемъ русскихъ художниковъ къ эстетической культурности Запада. Если эти художники долго ничего не знали объ элементахъ самостоятельной русской культуры, та-

*) Октябрь, 1904 г., стр. 260.

*) Курсивъ мой.

А. П. Рябушкинъ. Московскія женщины и дѣвушки XVII-го вѣка въ церкви.
(Третьяковская галлерея).

А. П. Рябушкинъ.
Въ деревнѣ.

щихся въ нашемъ народномъ творчествѣ *), то главнымъ образомъ оттого, что они были *плохими* европейцами.

Подойдя къ историко-бытовымъ картинамъ Рябушкина съ этой точки зрѣнія, мы видимъ, что онъ постепенно совершенствовался. Первый, выставленный имъ въ 1880 году, холстъ „Крестьянская свадьба" носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ грубоватаго „передвижничества". Таже грубость еще видна и въ картинахъ „Ожиданіе новобрачныхъ изъ церкви" и „Потѣшные Петра I-го въ кружалѣ" (Передвижныя выставки 1891 и 1892 гг.). Только произведенія, написанныя Рябушкинымъ за послѣднія восемь-десять лѣтъ, даютъ ему право занять почетное мѣсто въ семьѣ обновителей современнаго европейскаго искусства. Только въ нихъ выразился гармонично и ярко тотъ русскій народный духъ, который является эстетической сущностью его творчества.

Конечно, у всякаго, кому удалось посѣтить Третьяковскую галлерею за послѣдніе годы, остался въ памяти небольшой холстъ Рябушкина: „Русскія женщины и дѣвушки XVII вѣка въ церкви". Эту картину трудно забыть. Такой у нея хорошій, сильный тонъ, такъ она выдѣляется чисто-національной поэзіей общаго впечатлѣнія, гармоничной алостью красокъ и типически-живописной тѣснотою въ компановкѣ, изъ всего того, что у насъ обыкновенно называютъ „историческимъ жанромъ",— столько вложилъ въ нее художникъ непосредственнаго, любовнаго, *своего* пониманія русской старины. Вы сразу чувствуете, глядя на этотъ уголокъ древняго храма съ причудливой росписью стѣнъ и сводовъ, въ которомъ, близко другъ къ другу, стоятъ богомольно-неподвижныя фигуры женщинъ, нарядныя и немного неуклюжія въ своихъ тяжелыхъ парчевыхъ сарафанахъ и шушунахъ, опушенныхъ соболемъ, въ высокихъ кокошникахъ и вѣнцахъ, разубранныхъ яхонтами, бисеромъ, жемчугами,—вы чувствуете, что здѣсь родная стихія художника, что ему не пришлось мучиться, напрягая воображеніе, чтобы представить себѣ до мельчайшихъ подробностей невыразимую словами прелесть этой полутатарской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко-славянской колоритности древне-русскаго быта. Рябушкинъ не только знаетъ, во что одѣвались жены и дочери нашихъ бояръ XVII вѣка; онъ знаетъ, какъ онѣ носили свои платья, какъ бѣлились и румянились, какъ подвязывали на спинѣ длинные рукава душегрѣекъ, какъ вплетали въ косы разноцвѣтныя ленты, какъ складывали крестъ-накрестъ холеныя руки, украшенныя затѣйливыми перстнями, держа церемонно шелковые платочки съ золотой бахромой. Все это онъ *видитъ*... Много писалось и до него узорныхъ сарафановъ и кокошниковъ, иногда очень эффектно. Но немногіе изъ нашихъ мастеровъ умѣли передать съ такою законченностью характеръ надѣтаго на древне-московскомъ человѣкѣ древне-московскаго платья. Чтобы красиво написать старинные шелки и бархаты, не надо ничего, кромѣ технической виртуозности. Художникъ долженъ обладать высшимъ даромъ, чтобы вернуть этимъ бархатамъ и шелкамъ прежнюю жизнь, утраченный отпечатокъ времени и людей, создав-

*) См. мою статью „Народная сказка въ русскомъ художествѣ". Журналъ для всѣхъ, 1904, февр., стр. 98.

шихъ ихъ красоту, словомъ, чтобы превратить старинную *матерію* въ старинную *одежду*. Рябушкинъ, несомнѣнно, обладалъ этимъ даромъ. Онъ изображаетъ русскія одѣянія такъ, точно видѣлъ ихъ на московскихъ людяхъ допетровскаго періода; живописью складокъ, рисункомъ вышитыхъ золотомъ и серебромъ узоровъ онъ передаетъ не парадную внѣшность XVII вѣка, но внутренній стиль эпохи—что-то восточное, византійское, обрядовое и *теремное*, что было въ жизни нашихъ прадѣдовъ.

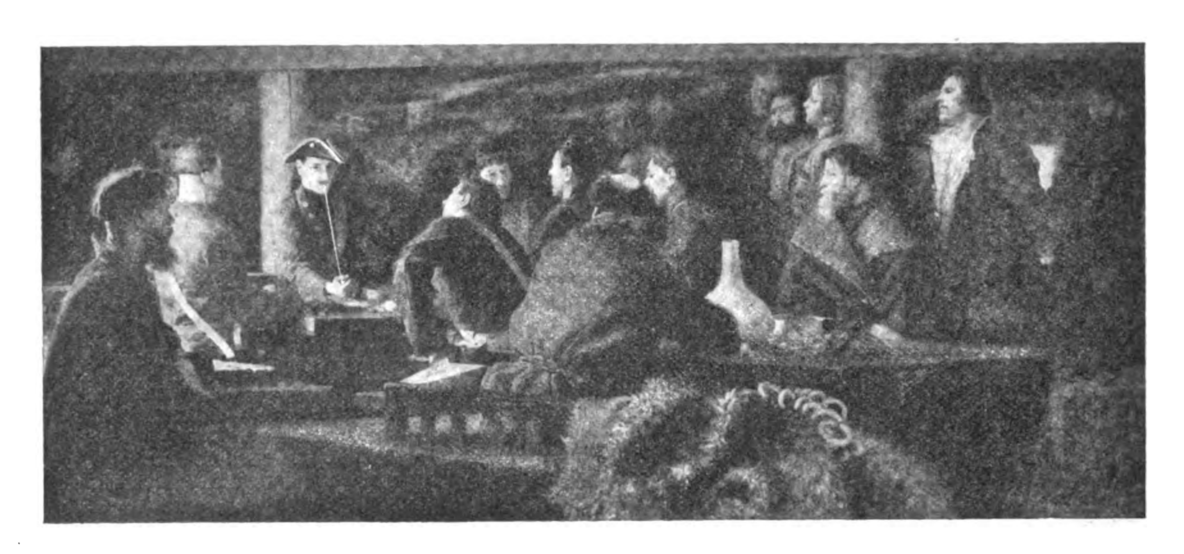
Композиціи Рябушкина—не археологическія возстановленія. Археологія даетъ ему только матеріалъ. Цѣль его творческихъ достиженій—импровизація, создающая иллюзію, грёзу о минувшемъ. Оттого въ его „историческихъ" картинахъ обыкновенно отсутствуетъ историческій *сюжетъ*. Онъ не иллюстраторъ отечественныхъ событій. Онъ воплощаетъ свое видѣніе старины внѣ всякихъ условностей исторической перспективы. Онъ разсказываетъ о своемъ непосредственномъ впечатлѣніи отъ нея, какъ отъ знакомой дѣйствительности. Прошлое для него — далекое настоящее. И въ этомъ утонченность его реализма.

Лучшіе холсты Рябушкина несомнѣнно знаменуютъ собою совершившійся за послѣднее время поворотъ въ творчествѣ нашихъ художниковъ отъ чисто-внѣшней исторической *иллюстраціи* къ болѣе интимному и непосредственно-впечатлѣющему воскрешенію былыхъ эпохъ. Этотъ „поворотъ" ясно ощущается, когда сравниваешь холсты Сурикова, Виктора и Аполинарія Васнецовыхъ, Н. Рериха, театральныя декораціи Головина, К. Коровина („Псковитянка", „Русланъ") съ произведеніями нашихъ прежнихъ иллюстраторовъ старины. Что-то кореннымъ образомъ измѣнилось во взглядѣ русскаго живописца на правду исторіи. Съ одной стороны онъ понялъ, что отъ нея неотдѣлимъ элементъ сказочный, фантастическій; съ другой стороны, онъ почувствовалъ и полюбилъ ея бытовую реальность; онъ увидѣлъ въ ней не только вѣнчанія на царства, не только побѣды и торжественныя заключенія союзовъ, словомъ, не только историческіе „моменты"; онъ понялъ, что громкія „событія", прежде, какъ и теперь, растворялись въ неуловимой стихіи жизни; онъ понялъ, что красота, поэзія минувшаго—не въ нихъ, что самое значительное и вѣчное не увѣковѣчивается славнымъ именемъ, что кромѣ той исторіи, о которой пишутъ историки, есть еще другая исторія, которую можетъ выявить лишь творческая грёза. Содержаніе *этой* исторіи неисчерпаемо, потому что оно растетъ вмѣстѣ съ ростомъ нашего постиженія жизни. Этой исторіи нельзя заключить въ рамки историческихъ фактовъ. Она—внѣ искусственныхъ, мнимыхъ предѣловъ, создаваемыхъ нашей мыслью о прошломъ. Вотъ почему современный художникъ, изображающій старину, хочетъ грезить о ней, какъ поэтъ и ясновидецъ, избѣгая всякой програмности, избѣгая опредѣленности *разсказа* въ картинѣ, избѣгая той литературной *сюжетности*, которую еще такъ недавно ставили на первый планъ. Если онъ и пользуется какимъ-нибудь готовымъ сюжетомъ для композиціи, напр., „Куликовской битвой" или „Казнью стрѣльцовъ", то исключительно какъ темой, облегчающей ему проникновеніе въ интимную сущность эпохи и глубже—въ вѣковѣчную сущность національной психики.

Впрочемъ, это относится не къ однимъ „историческимъ" композиціямъ, но вообще къ бытовой живописи. Я убѣжденъ, что такъ называемый жанръ, старый повѣствовательный жанръ, ошибочно считавшійся послѣднимъ словомъ реализма, въ особенности жанръ съ драматическимъ или юмористическимъ содержаніемъ, — понемногу отживаетъ свой вѣкъ, уступая мѣсто свободному, художественно-субъективному изображенію жизни, выявляющему ея безымянное значеніе, непостижимое богатство ея символовъ, ея тайный смыслъ, тайный и вѣчный. Отсюда—пря-

А. П. Рябушкинъ. Снятіе съ креста.
(Третьяковская галлерея).

А. П. Рябушкинъ. Потѣшные Петра Великаго въ кружалѣ. (Третьяковская галлерея).

мой путь къ примитивности въ живописи, къ стилизаціи рисунка и красокъ.

Стремленіе къ примитивности присуще Рябушкину, можетъ быть, больше, чѣмъ кому бы то ни было изъ русскихъ мастеровъ, стремленіе совершенно ненамѣренное. Потому его ὁбразы подчасъ такъ интимно-реальны и въ то же время почти сказочны. Въ его картинахъ ничего предвзятаго, никакой программы. Я повторяю: это импровизаціи. При этомъ каждая подробность обусловлена *цѣлымъ*, содѣйствуетъ ему и сливается съ нимъ, какъ отдѣльный звукъ въ аккордѣ. Онъ рисуетъ древне-русскій бытъ съ непосредственностью, которая кажется наивной. Но въ этой наивности—мудрость.

...Съ прошлаго приподнята завѣса. И передъ нами возникаютъ одинъ за другимъ, какъ видѣнія сна, ὁбразы далекой жизни.

Въ древнемъ храмѣ съ причудливой росписью стѣнъ и сводовъ толпятся молящіяся женщины въ пышно-узорныхъ нарядахъ... Богатая „купеческая семья" расположилась въ сѣняхъ: самъ хозяинъ, его жена съ ребенкомъ на колѣняхъ и, около нихъ, дочери-подростки, тщательно набѣленныя и нарумяненныя, по модѣ XVII вѣка; по ихъ выжидающей неподвижности можно догадаться, что они позируютъ передъ какимъ-нибудь заѣзжимъ живописцемъ изъ „фряжской земли"... Весело шумитъ въ весеннюю распутицу праздничный людъ на одной изъ широкихъ, покрытыхъ гатью улицъ допетровской Москвы; грязь по колѣно; надъ домами-избами сѣрое, теплое небо; въ воздухѣ — смѣхъ, шутки, щелканье бичей и покрикиваніе ѣздовыхъ; на первомъ планѣ — женщина въ красномъ... Передъ молодымъ Михаиломъ Романовымъ, вдоль стѣнъ думной палаты, сидятъ бояре, бородатые, тяжелые, степенные, въ парчевыхъ, сверкающихъ драгоцѣнными камнями кафтанахъ...

Какъ видѣнія сна возникаютъ передъ нами эти странно-знакомые, странно-реальные и почти сказочные образы далекой жизни... И черезъ нихъ начинаетъ мерещиться что-то, что за ними, что-то общее, неопредѣлимое, какая-то загадочная основа ихъ своеобразной красоты — духъ народа, духъ расы, духъ неисчислимыхъ вѣковъ племенного единенія, отразившійся во всѣхъ этихъ непохожихъ другъ на друга лицахъ женщинъ, дѣтей, бояръ, стрѣльцовъ, на всѣхъ этихъ замысловато-пестрыхъ одеждахъ, на каждой живописной детали, въ настроеніи каждой фигуры, въ самыхъ краскахъ и формахъ предметовъ.

Именно, духъ расы, нѣчто специфически-славянское...

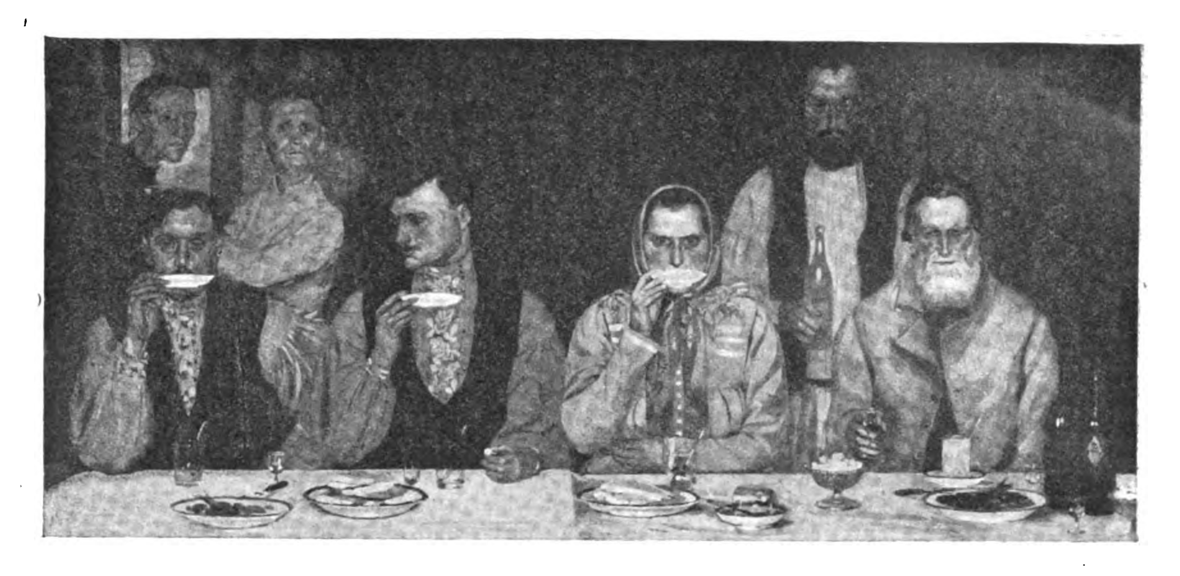
Націю создаетъ исторія. Племенныя особенности слагаются тысячелѣтіями доисторической жизни. Искусство даетъ почувствовать эти тысячелѣтія. Рябушкинъ, какъ живописецъ-историкъ и какъ бытовой живописецъ, изображаетъ извѣстную эпоху, извѣстную среду. Но невольно онъ заглядываетъ глубже и даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ. За это можно простить ему всѣ его недостатки: былыя увлеченія передвижничествомъ, плохіе рисунки для иллюстрированныхъ журналовъ и, наконецъ, неудачные образа̀, которые онъ писалъ серіями на заказъ, для церквей, въ модномъ, со времени Александра III, псевдо-русскомъ стилѣ.

Странно, образа̀ хуже всего удавались Рябушкину, хотя на нихъ потрачено имъ много силъ. Онъ смолоду зналъ ремесло церковной живописи. Отецъ его былъ крестьяниномъ-иконописцемъ. Будучи еще мальчикомъ, онъ помогалъ ему въ работѣ. Впослѣдствіи на него имѣлъ вліяніе В. Васнецовъ, по примѣру котораго онъ старался слить въ картинѣ-иконѣ элементы византійской, условной декоративности съ выразительностью одухотвореннаго реализма. Нѣкоторые лики его святыхъ задуманы очень серьезно и просто. Но не было въ немъ религіознаго вдохновенія, не было мистическаго порыва. Храмовое искусство было ему не по силамъ.

Тѣмъ больше сознаешь его настоящую силу, возвращаясь къ его картинамъ историческаго и бытового цикла, къ нѣкоторымъ позднѣйшимъ рисункамъ-иллюстраціямъ, напр., въ „Царской охотѣ" Кутепова и въ „Сочиненіяхъ" И. Ѳ. Горбунова *), и къ немногочисленнымъ пейзажамъ, удивительно яснымъ и тихимъ.

Послѣдняя картина Рябушкина, поразившая меня, — „Чаепитіе", на выставкѣ „Союза русскихъ художниковъ" 1903 года...

*) Изданіе общества любителей древней письменности. 1904—1905 г. тома I и II.

А. П. Рябушкинъ.
Чаепитіе.

Они пьютъ чай. За столомъ, покрытымъ бѣлой скатерью, они сидятъ, прямо противъ зрителя. Ихъ четверо: два молодыхъ, темноволосыхъ парня въ жилеткахъ и ярко вышитыхъ рубашкахъ, женщина въ платочкѣ и старый мужикъ съ аккуратно приглаженными сѣдѣющими волосами и бѣлой окладистой бородой. Сосредоточенно и молчаливо они пьютъ чай „въ прикуску" и „съ блюдечка". Позади видно еще нѣсколько фигуръ, выдѣляющихся на сумеречномъ фонѣ тѣсной и низкой избы: направо стоитъ чернобородый малый съ бутылкой водки въ рукѣ, налѣво—двѣ старухи въ кофтахъ и цѣлый выводокъ ребятишекъ, забравшихся на печь, подъ самый потолокъ и выглядывающихъ оттуда на безмолвную сцену. Они пьютъ чай. У нихъ упорныя, устало-неподвижныя лица; въ ихъ позахъ—что-то серьезное, почти торжественное, словно они совершаютъ за этимъ столомъ, покрытымъ бѣлой скатерью, древній, вѣками освященный обрядъ.

Въ этой картинѣ поражаетъ рисунокъ, поражаетъ своей суровой простотой, своей примитивностью, наводящею мысль на церковныя изображенія. Поклонниковъ законченнаго, „правильнаго", академическаго рисунка—онъ удовлетворить не можетъ; съ точки зрѣнія вѣрности „ракурсовъ, пропорцій и рельефа"—онъ не выдерживаетъ критики. Но именно *такимъ* рисункомъ художникъ достигъ силы настроенія, которая убѣждаетъ насъ, что необходимо или принять его цѣликомъ, или цѣликомъ отвергнуть. Эта цѣльность творчества обнаруживаетъ качество таланта.

Я не хочу преувеличивать значенія Рябушкина для русской живописи. Онъ не обладалъ стихійной мощью Сурикова, задушевной нѣжностью Левитана, мистическимъ паѳосомъ Врубеля, властностью рѣпинскаго реализма. Тѣмъ не менѣе, его неровное, но большое дарованіе даетъ ему, какъ я уже сказалъ, право на почетное мѣсто въ семьѣ современныхъ русскихъ мастеровъ, которыми, надо надѣяться, когда-нибудь Россія будетъ гордиться больше, чѣмъ теперь.

Сергѣй Маковскій.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

(*Окончаніе*).

V.

Волостные суды.

Наконецъ, необходимо остановиться на послѣдней крупной особенности крестьянскаго устройства, а именно, на особомъ положеніи крестьянъ въ отношеніи *суда*. Существующія по этой части особенности заключаются въ томъ, что крестьяне, съ одной стороны, подчиняются нѣкоторымъ особымъ правиламъ о проступкахъ и о гражданскихъ отношеніяхъ, а съ другой стороны—что гражданскія и уголовныя дѣла крестьянъ разбираются, по преимуществу, въ волостныхъ судахъ. Установленныя для крестьянъ особыя правила по дѣламъ о проступкахъ очень немногочисленны и незначительны, по существу. За отмѣной тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, эти особыя правила сводятся къ перечисленнымъ въ ст. 127 Общ. Пол. (изд. 1902 г.) дѣяніямъ, которыя, въ случаяхъ совершенія ихъ лицами другихъ состояній, кромѣ крестьянъ, не вызываютъ уголовнаго преслѣдованія, но считаются проступками только въ крестьянской средѣ. Таковы: а) нарушеніе договора-найма, заключеннаго безъ договорнаго листа, и б) мотовство и пьянство, влекущія за собою разстройство хозяйства. По поводу этихъ правилъ нельзя не замѣтить, прежде всего, что по точному смыслу ст. 127 Общ. Пол. упомянутые проступки, строго говоря, могутъ быть вмѣняемы въ вину всѣмъ вообще лицамъ, подвѣдомственнымъ волостному суду, т. е., кромѣ крестьянъ, также и проживающимъ въ сельскихъ мѣстностяхъ мѣщанамъ, ремесленникамъ и цеховымъ. Слѣдовательно, уже по дѣйствующему закону, такіе проступки не считаются по существу сословно-крестьянскими. Поэтому, если даже и признавать вообще подобныя дѣянія за проступки, то было бы вполнѣ послѣдовательно вмѣнять ихъ въ вину всѣмъ сельскимъ жителямъ, безъ различія состояній. Въ такомъ случаѣ, а также и въ случаѣ совершеннаго исключенія указанныхъ проступковъ изъ уголовнаго законодательства, въ этомъ законодательствѣ не осталось бы никакихъ особенностей для крестьянъ.

Болѣе значительны особенности крестьянскаго гражданскаго права. Не вытекая прямо изъ тѣхъ или иныхъ постановленій закона, эти особенности основываются на существующихъ, якобы, у крестьянъ обычаяхъ, примѣненіе которыхъ допускается взамѣнъ закона. Нельзя, однако, не замѣтить, что подобные обычаи, существующіе едва ли не исключительно по дѣламъ о наслѣдованіи, свойственны крестьянамъ не въ качествѣ сословія, а въ качествѣ разряда земледѣльцевъ. Обычаи эти тамъ, гдѣ они имѣются (а имѣются они не вездѣ), связаны не съ самымъ званіемъ крестьянина, а съ занятіемъ землепашествомъ. Если крестьянинъ не пахарь, а торговецъ или промышленникъ, имущественные обороты его, буде и подчиняются какимъ-либо обычаямъ, то во всякомъ случаѣ не земледѣльческимъ, а торговымъ. Каждому занятію свойственны свои обычаи, которые отражаются и на имущественныхъ отношеніяхъ лицъ, посвящающихъ себя данному занятію. Законъ въ той или иной мѣрѣ признаетъ за судомъ право примѣненія подобныхъ обычаевъ, наряду съ положительными, установленными въ законѣ, правилами, и въ этомъ отношеніи, по существу, нѣтъ никакой разницы между такъ называемыми крестьянскими, т. е. земледѣльческими обычаями, и, напримѣръ, торговыми обычаями. Для того, чтобы выйти изъ существующей нынѣ по этому вопросу путаницы понятій, которая ведетъ къ тому, что крестьяне оказываются внѣ закона, такъ какъ на каждое дѣло у нихъ предполагается обычай,—нужно только отказаться отъ непремѣннаго наименованія ихъ земледѣльческихъ обычаевъ крестьянскими вообще, такъ какъ послѣдняго рода обще-крестьянскихъ обычаевъ нѣтъ и никогда не было. При этомъ сами собой опредѣлятся и естественные предѣлы примѣненія этихъ обычаевъ. А именно, они будутъ примѣняться только къ тѣмъ отношеніямъ земледѣльческаго быта, по которымъ дѣйствительно въ данной мѣстности существуютъ твердые обычаи; все же остальное подойдетъ подъ законъ.

Съ предположеніемъ о существованіи у крестьянъ всеобъемлющихъ обычаевъ связано устройство волостного суда, основное отличіе котораго отъ другихъ судебныхъ мѣстъ заключается въ томъ, что судъ этотъ состоитъ исключительно изъ выборныхъ отъ крестьянъ и судитъ не по закону, а по обычаю (законъ примѣняется только къ дѣламъ о проступкахъ). Такое устройство волостного суда, конечно, соотвѣтствуетъ своей основной мысли, но, если эта мысль, а именно наличность у крестьянъ всеобъемлющихъ обычаевъ, подвергается сомнѣнію, то можетъ ли устройство волостного суда остаться неизмѣннымъ?

Уже теперь въ дѣятельности волостныхъ судовъ замѣчается тотъ существенный недостатокъ, что суды эти плохо справляются даже съ тѣми немногими постановленіями закона, которыя для нихъ обязательны. Когда же предѣлы примѣненія этими судами правилъ писанаго права, т. е. закона, а не обычая, сдѣлаются значительно шире, то осилятъ ли суды эту задачу? Очевидно, что нѣтъ...

Слѣдуетъ ли, въ такомъ случаѣ, уничтожить волостные суды и замѣнить ихъ особыми выборными либо назначенными единоличными судьями, подготовленными къ судебной дѣятель-

ности? И это рѣшеніе не годится, потому что судебныя дѣла деревенскаго обихода настолько своеобразны въ каждой мѣстности, что, совершенно даже независимо отъ примѣненія по нѣкоторымъ гражданскимъ спорамъ существующихъ мѣстныхъ обычаевъ, разбирательство подобныхъ мѣстныхъ дѣлъ будетъ очень трудно для лицъ, не принадлежащихъ къ той земледѣльческой средѣ, въ которой возникаютъ эти дѣла.

Если нѣтъ выбора между двумя крайними рѣшеніями настоящаго вопроса, то очевидно, что истина лежитъ между ними, а именно въ такомъ устройствѣ низшихъ судовъ, въ которыхъ предсѣдательство принадлежало бы лицамъ, имѣющимъ судебную подготовку, а членами были бы выборные судьи отъ мѣстнаго населенія, подобно существующимъ волостнымъ судьямъ *).

При этомъ представляется излишнимъ доказывать, что вѣдомство такихъ низшихъ судовъ не можетъ быть сословно-крестьянскимъ.

Выше разсмотрѣнными особенностями крестьянскаго управленія, землевладѣнія и суда исчерпываются всѣ главныя отличія существующаго крестьянскаго устройства.

Попробуемъ теперь, въ заключеніе настоящихъ очерковъ, свести воедино всѣ предположенія, вытекающія изъ разсмотрѣнія указанныхъ отдѣльныхъ вопросовъ крестьянскаго устройства. При такой сводкѣ мы получимъ слѣдующую совокупность предположеній:

По части крестьянскаго управленія оказывается необходимымъ—выдѣлить изъ состава этого управленія земельныя общества крестьянъ и затѣмъ, послѣ такого выдѣленія, слить крестьянъ, въ порядкѣ общественнаго и правительственнаго управленія, въ одно цѣлое съ мѣстными жителями другихъ сословій, для чего установить соединеніе тѣхъ и другихъ въ низшіе общественные союзы **) и подчинить подобные всесословные союзы завѣдыванію и надзору общихъ административныхъ учрежденій. Такое же сліяніе мѣстныхъ сословій устанавливается и въ порядкѣ суда.

Затѣмъ, исключеніемъ изъ общаго мѣстнаго распорядка остается устройство упомянутыхъ выше земельныхъ обществъ. Эти общества признаются союзами однихъ только землепашцевъ, при чемъ дѣятельность этихъ обществъ, не касаясь совершенно дѣлъ по мѣстному благоустройству и порядку (которыя передаются въ вѣдѣніе вышеуказанныхъ всесословныхъ общественныхъ союзовъ), направляется исключительно на установленіе и усовершенствованіе земельныхъ распорядковъ. Къ такимъ земельнымъ обществамъ пріурочивается надѣленіе землей, т. е. отводъ свободныхъ казенныхъ земель лицамъ, занимающимся земледѣльческимъ трудомъ, для чего изъ такихъ лицъ образуются новыя земельныя общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обществамъ этимъ предоставляется, при содѣйствіи закона, охраненіе надѣльнаго, т. е. мелкаго землевладѣнія, путемъ опредѣленія порядка землепользованія въ составѣ земельныхъ обществъ, предупрежденія скупки и дробленія надѣльныхъ земель, установленія условій принятія въ такія общества новыхъ участниковъ надѣльнаго землевладѣнія и т. п.

Спросимъ себя теперь, составляетъ ли совокупность указанныхъ предположеній общій крестьянскій вопросъ, т. е. вопросъ о самомъ крестьянствѣ? Гдѣ мы можемъ найти крестьянина въ этихъ предположеніяхъ? Во всей намѣчаемой новой, всесословной или безсословной обстановкѣ мѣстной жизни выдѣляются, въ качествѣ особаго учрежденія, одни только земельныя общества. Но можно ли считать эти общества всецѣло крестьянскими, а членовъ этихъ обществъ—крестьянами, въ современномъ смыслѣ этого слова? Выше указано было, что не всякій крестьянинъ, по происхожденію, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ какого-либо земельнаго общества, и уже теперь имѣется не мало такъ называемыхъ безземельныхъ крестьянъ, т. е. не принадлежащихъ къ земельнымъ обществамъ, а приписанныхъ только для счета къ сельскимъ обществамъ, либо къ волостямъ. Съ другой стороны, нельзя отрицать возможности (и возможность эта уже признается закономъ въ отношеніи мѣщанъ) такихъ случаевъ, когда въ земельныя общества будутъ вступать, по пріемнымъ приговорамъ обществъ, лица не крестьянскаго происхожденія.

Скажемъ даже больше: при новомъ сельскомъ и волостномъ устройствѣ, въ составъ котораго должны входить всѣ мѣстные жители различныхъ сословій, отпадаетъ всякая возможность удостовѣренія крестьянскаго званія, ибо званіе это удостовѣряется нынѣ исключительно припиской къ сельскимъ обществамъ и волостямъ (только тотъ и считается теперь крестьяниномъ, кто приписанъ къ сельскому обществу либо къ волости). Между тѣмъ, въ новыхъ сельскихъ обществахъ и волостяхъ, образуемыхъ изъ наличнаго и постоянно мѣняющагося состава мѣстнаго населенія, уже не будетъ никакой приписки. А разъ не будетъ приписки, то не будетъ и крестьянъ, въ современномъ смыслѣ этого слова.

Конечно, путемъ наведенія и толкованія можно еще считать, что крестьянской припиской останется принадлежность къ составу земельныхъ обществъ (кто входитъ въ составъ подобнаго общества, тотъ и крестьянинъ). Но нельзя не замѣтить, что такое новое пониманіе „крестьянина“ безконечно далеко отъ существующаго. Главнымъ ихъ взаимнымъ отличіемъ является

---

*) Суды такого устройства существуютъ, между прочимъ, въ губерніяхъ Царства Польскаго, подъ названіемъ гминныхъ судовъ, которые состоятъ изъ выбранныхъ отъ сельскаго населенія лавниковъ и предсѣдателей—гминныхъ судей.

**) Сельскіе округа или общества и союзы такихъ обществъ.

то, что новое крестьянское званіе не будетъ ни пожизненнымъ, ни потомственнымъ званіемъ. Продалъ свой подворный участокъ членъ земельнаго общества, либо уступилъ навѣчно свою долю общиннаго землепользованія—и тотчасъ же онъ перестаетъ быть членомъ земельнаго общества, перестаетъ быть крестьяниномъ, безъ всякаго особаго увольненія изъ общества или изъ крестьянства. И дѣти его, пока они сами по себѣ не вступятъ въ какое-либо земельное общество, не будутъ имѣть крестьянскаго званія.

Слѣдовательно, если вообще необходимо, хотя и въ переносномъ смыслѣ, присваивать членамъ земельныхъ обществъ званіе крестьянъ, то это званіе будетъ обозначать не разрядъ сословной приписки (какъ нынѣ), а только— „земледѣльческое занятіе“.

Вотъ къ какому неожиданному и громадному по своей важности выводу приводитъ насъ усовершенствованіе отдѣльныхъ частей существующаго крестьянскаго устройства.

Значительность этого вывода, измѣняющаго въ сущес.вѣ самое понятіе о крестьянствѣ, невольно вызываетъ на сомнѣнія въ его правильности. Такъ ли это, хорошо ли это?

Къ счастью, имѣется способъ для провѣрки правильности этого вывода, почерпнутаго изъ ряда разсужденій о настоящемъ крестьянскомъ устройствѣ (т. е. изъ такъ называемаго догматическаго его изслѣдованія), и способъ этотъ заключается въ соображеніи прошлаго нашего крестьянства (т. е. въ историческомъ взглядѣ на него).

Въ самыхъ краткихъ чертахъ, исторія крестьянства представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Когда-то, въ очень далекія времена, быть крестьяниномъ значило — „крестьянствовать“, т. е. обработывать землю личнымъ трудомъ. Затѣмъ, настала тяжелая пора строительства Московскаго государства и борьба его съ многочисленными внѣшними врагами. Борьба эта требовала большого напряженія всѣхъ государственныхъ силъ. Поэтому всякій, кто могъ нести государеву службу, былъ приписанъ къ той службѣ, которую онъ могъ нести. Такимъ путемъ образовались наши приписныя сословія. Изъ нихъ, сословія низшія (такъ называемыя податныя сословія) обязаны были уплачивать подушную подать, отправлять рекрутчину по набору, а кромѣ того — приписывались нерѣдко то къ помѣстьямъ (дабы помѣщики - дворяне, которые несли поголовную, обязательную службу, имѣли съ чего служить), то къ фабрикамъ и заводамъ, которые заводились для государственныхъ потребностей, и т. п. Всѣ многочисленные разряды податного населенія, проживавшаго внѣ городовъ, были впослѣдствіи объединены подъ общимъ названіемъ сельскихъ обывателей, изъ которыхъ далеко не всѣ занимались крестьянскимъ трудомъ. Послѣ крайняго напряженія борьбы за самосохраненіе государства и по мѣрѣ того, какъ государственное управленіе вырабатывало новыя средства привлеченія народныхъ силъ на свою службу, кромѣ обязательной приписки ихъ къ отдѣльнымъ, опредѣленнымъ службамъ,—началось освобожденіе сословій. Ранѣе другихъ освободилось отъ непосредственной обязательной службы дворянство. Освобожденіе торговаго сословія совершалось въ теченіе многихъ лѣтъ и выразилось, въ концѣ концовъ, почти въ полномъ упраздненіи этого сословія; оно стало свободнымъ въ томъ смыслѣ этого слова, что лицамъ каждаго сословія, т. е. лицамъ разнаго происхожденія, предоставлено теперь торговать на одинаковыхъ основаніяхъ. Еще медленнѣе совершалось освобожденіе сельскаго сословія. Прежде всего, уничтожена была обязательная приписка сельскихъ обывателей къ помѣстьямъ, фабрикамъ и заводамъ (отмѣнено крѣпостное право). Затѣмъ рекрутская повинность, составлявшая особую повинность податныхъ состояній, была распредѣлена между всѣми сословіями. Наконецъ, отмѣнена была подушная подать, составлявшая послѣднее отличіе, съ государственной точки зрѣнія, между такъ называемыми податными и неподатными состояніями. Съ уничтоженіемъ подушной подати сословіе сельскихъ обывателей перестало быть обособленнымъ, приписнымъ сословіемъ. Обособленность значительной части этого сословія (крестьянъ), однако, еще удержалась на нѣкоторое время, частію потому, что изъ закона не были исключены, одновременно съ отмѣной подушной подати, правила о податной припискѣ къ сельскимъ обществамъ и волостямъ, а частію потому, что надѣленіе землей большинства крестьянъ обособило ихъ, въ порядкѣ землевладѣнія и общественно-земельнаго устройства, отъ другихъ мѣстныхъ жителей. Это послѣднее отличіе является, однако, отличіемъ не приписного свойства, но отличіемъ занятій. Въ этомъ смыслѣ указанное отличіе составляетъ принадлежность всякаго свободнаго сословія. Тѣмъ именно и отличаются свободныя сословія отъ приписныхъ, что различіе между ними опредѣляется не велѣніемъ власти, выраженнымъ въ припискѣ, а свободно выбраннымъ занятіемъ. Только на лицъ одного занятія распространяется сословное устройство и лишь постольку они ему подчиняются, поскольку это требуется даннымъ занятіемъ. Гдѣ кончаются интересы особаго занятія, тамъ кончается и дѣйствіе особыхъ сословныхъ союзовъ.

Поступательное упраздненіе приписныхъ сословій, замѣщаемыхъ естественными и свободными сословіями, или дѣленіями по роду занятій, обязываетъ признать, что въ сторонѣ отъ этого движенія не можетъ остаться и существующее крестьянское сословіе. Его ближайшая судьба— быть освобожденнымъ отъ всѣхъ особенностей, которыя нѣкогда вытекали изъ приписного его состоянія, и затѣмъ излиться въ новое свободное сословіе землепашцевъ - собственниковъ, которое должно найти себѣ мѣсто въ государ-

ственной жизни, въ ряду другихъ свободныхъ сословій: торговцевъ, промышленниковъ, землевладѣльцевъ и т. д.

Итакъ, общее изслѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ или частей существующаго крестьянскаго устройства, а также соображеніе минувшихъ судебъ крестьянства, приводятъ въ одинаковой мѣрѣ къ постановкѣ *общаго крестьянскаго вопроса*: быть ли на Руси приписному крестьянству или свободному сословію землепашцевъ?

Ив. Страховскій.

ИЗЪ ЖИЗНИ ЯПОНІИ.

Очеркъ современнаго состоянія образованія въ Японіи.

Среднія школы и высшія (промежуточныя между средними школами и университетомъ).—Недостаточность числа ихъ.—Организація высшаго образованія: императорскіе университеты въ Токіо и Кіото и два частные университета.—Главнѣйшія свѣдѣнія о состояніи техническаго образованія.—Среднее и высшее женское образованіе.—Отставаніе развитія его отъ мужского образованія въ началѣ эры Мейдзи и быстрые успѣхи въ послѣднее десятилѣтіе.—Основаніе женскаго университета въ Токіо въ первый годъ текущаго столѣтія.—Значеніе этого факта для Японіи.—Соображенія о степени ощутительности результатовъ дѣйствующей системы образованія въ Японіи.

Среднее общее образованіе (будемъ говорить сначала о мужскомъ) распространяется въ Японіи при посредствѣ **средних ъ школъ**, учебный курсъ которыхъ, продолжающійся пять лѣтъ, по существу не очень далекъ отъ курса нашихъ реальныхъ училищъ *). Въ среднія школы принимаются молодые люди не моложе 12-лѣтняго возраста и обладающіе познаніями, по крайней въ объемѣ полнаго курса второго года начальной школы высшаго разряда.

Ученики, желающіе ограничить свое образованіе средней школой, съ пятаго курса ея начинаютъ слушать дополнительные курсы по какой-либо спеціальности (ремесленной, сельско-хозяйственной, коммерческой). Тѣ же, которые имѣютъ въ виду перейти въ высшую школу, какъ подготовительную къ университету (см. ниже),—сосредоточиваютъ свои занятія на общеобразовательныхъ предметахъ. Увеличеніе числа среднихъ школъ за послѣднее десятилѣтіе поразительно: въ 1893 г. ихъ было 68, а въ 1902 году—242, съ 88.400 учащимися. Но и это число далеко не удовлетворяетъ быстро возрастающему въ странѣ спросу на среднее образованіе, какъ это ясно видно изъ сравненія слѣдующихъ данныхъ за годы, раздѣленные между собою 5-лѣтнимъ промежуткомъ времени:

	1897 г.	1902 г.
Число кандидатовъ въ школы	31.633	50.484
Число принятыхъ въ школы .	21.967	29.596
°/₀°/₀ принятыхъ по отношенію къ числу кандидатовъ	69, 44	58,6

Окончаніе полнаго курса въ средней школѣ не даетъ права поступленія въ университетъ, для доступа въ который надо окончить еще какую-либо изъ **высшихъ** школъ (закрытыя учебныя заведенія съ 3-хлѣтнимъ курсомъ). Число ихъ—восемь; каждая съ отдѣленіями, согласованными, по содержанію курса, съ различными факультетами университета; но это число еще болѣе недостаточно для удовлетворенія требованіямъ населенія, чѣмъ число среднихъ школъ. Такъ, напримѣръ, въ 1902 г. изъ 4.000 человѣкъ, заявившихъ желаніе поступить въ нихъ, было принято только 1.500.

Проводниками высшаго образованія въ Японіи служатъ прежде всего императорскіе университеты, которыхъ въ настоящее время два: въ Токіо и Кіото. Организація ихъ, совершенно отличающаяся отъ нашихъ университетовъ, ближе всего напоминаетъ германскій политехникумъ или нѣкоторые изъ большихъ американскихъ университетовъ.

Въ общемъ университетскомъ уставѣ читаемъ: „1) Императорскій университетъ имѣетъ цѣлью обученіе наукамъ и искусствамъ, знаніе которыхъ признано полезнымъ для развитія государства, а также производство спеціальныхъ изслѣдованій въ области тѣхъ же наукъ и искусствъ; 2) каждый императорскій университетъ состоитъ изъ извѣстнаго числа факультетовъ, или коллегій, и изъ курсовъ ученыхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ предметамъ. Факультеты даютъ высшее теоретическое и практическое образованіе, а курсы имѣютъ цѣлью споспѣшествованіе оригинальнымъ изысканіямъ".

Токійскій университетъ, основанный въ 1877 году, имѣетъ, кромѣ упомянутыхъ курсовъ для спеціальныхъ изысканій, слѣдующіе факультеты: 1. **Юридическій**, съ двумя отдѣленіями—спеціально-юридическимъ и политическимъ; на каждомъ изъ нихъ курсъ продолжается 4 года.—2. **Медицинскій** (4 года) съ фармацевтическимъ отдѣленіемъ (3 года).—3. **Инженерный**, состоящій изъ слѣдующихъ десяти отдѣленій, каждое съ 3-лѣтнимъ курсомъ: гражданскаго, инженерно-механическаго, кораблестроительнаго, технологіи оружія, электротехническаго, архитектурнаго, химико-техническаго, технологіи взрывчатыхъ веществъ, горнаго и металлургическаго.—4. **Литературный**, также съ девятью отдѣленіями, при 3-лѣтнемъ курсѣ каждое: философское, японской литературы, китайской литературы, японской исторіи, всеобщей исторіи, сравнительной филологіи, англійской литературы, нѣмецкой литературы, французской литературы.—5. **Научный**, съ восемью отдѣленіями—всѣ съ 3-лѣтними курсами: математическое, астрономическое, теоретической физики, экспериментальной физики, химическое, зоологическое, ботаническое, геологическое.—6. **Земледѣльческій**, съ четырьмя отдѣленіями (на каждомъ курсъ 3-лѣтній): земледѣльческое, земледѣльческой химіи, лѣсное и ветеринарное.

Мы намѣренно привели перечень отдѣленій факультетовъ, или коллегій, такъ какъ онъ хорошо характеризуетъ ту спеціализацію, какую преслѣдуютъ японцы въ организаціи высшаго образованія вообще, а прикладныхъ отраслей его—особенно. „Общеобразователь-

*) Предметы преподаванія общеобразовательнаго курса: этика (собственно кодексъ морали съ теоретическими обоснованіями), японскій яз. и китайская литература, англійскій яз., французскій или нѣмецкій языкъ, всеобщая географія, японская и всеобщая исторія, математика, естественная исторія, физика и химія, письмо, рисованіе и черченіе, пѣніе и гимнастика.

ную основу должны давать среднія и промежуточныя между ними и университетами высшія школы", читаемъ мы въ объяснительной запискѣ министерства народнаго просвѣщенія къ дѣйствующей системѣ образованія.

Замѣтимъ еще, что при университетѣ имѣется обширная библіотека (въ 1902 г. изъ 317.935 томовъ, изъ которыхъ болѣе половины книгъ—около 191.000—на европейскихъ языкахъ остальныя—на китайскомъ и японскомъ), а также богато оборудованныя учрежденія для практическихъ занятій и научныхъ изслѣдованій: музеи—зоологическій, геологическій, ботаническій и антропологическій; астрономическая обсерваторія, сейсмологическая обсерваторія, ботаническій садъ съ питомникомъ и опытными отдѣленіями; морская біологическая станція съ лабораторіей въ бухтѣ Куадзиро, богатой морскими организмами. Наконецъ, къ университету же принадлежитъ 2.000 гектаровъ лѣса, роскошнаго, почти дѣвственнаго.

Въ университетѣ въ Кіото, кромѣ курсовъ спеціальныхъ изслѣдованій, открыты еще только факультеты юридическій, медицинскій, естествознанія и инженерный.

Въ 1902 году число студентовъ въ Токійскомъ университетѣ было 3.121 (болѣе всего на юридическомъ факультетѣ—995, и менѣе всего на факультетѣ естествознанія—68). Профессоровъ было 245, изъ нихъ 18 иностранцевъ. Въ университетѣ же въ Кіото въ томъ же году было студентовъ 491 и профессоровъ 82, изъ коихъ только одинъ иностранецъ.

Упомянутыя числа возросли бы,—судя по числу кандидатовъ, заявляющихъ ежегодно желаніе поступить въ университетъ,—вѣроятно, не менѣе, какъ въ пять разъ, даже при существующемъ числѣ среднихъ и высшихъ школъ, если бы въ университетахъ было достаточное число вакансій.

Два вышеописанные университета—не единственныя учебныя заведенія, распространяющія высшее образованіе въ Японіи; кромѣ нихъ, тамъ существуютъ еще два учрежденія, преслѣдующія эту цѣль (оба въ Токіо). Они не столь обширны, какъ университеты, но соперничаютъ съ ними въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Это—Сенмонская школа и коллегія Фукузавы (Кейіо-Гуидзику)

Первая, состоящая изъ трехъ факультетовъ,—литературнаго, юридическаго и политическаго,—основана извѣстнымъ японскимъ патріотомъ и вождемъ партіи либераловъ-націоналистовъ, графомъ Окума, который задался цѣлью прежде всего подготовить контингентъ молодыхъ людей, образованныхъ „политически". При этомъ подъ „политическими дѣятелями" онъ разумѣетъ не только министровъ, депутатовъ, администраторовъ, но также и журналистовъ. Самой интересной характеристикой школы является тотъ фактъ, что всѣ предметы преподаются тамъ на японскомъ языкѣ и только японцами.

Коллегія Фукузавы,—названная такъ по имени ея учредителя, знаменитаго японскаго дѣятеля эры Мейдзи на поприщѣ народнаго просвѣщенія и „европеизированія" страны,—основана еще въ 1858 году, т. е. тогда, когда „обученіе иностраннымъ языкамъ въ Японіи было сопряжено съ опасностью жизни". Университетскій курсъ, присоединенный къ ней съ 1889 года, раздѣляется также на 3 факультета: политико-экономическій, или финансовый, юридическій и литературный. Въ противоположность Сенмонской школѣ, въ коллегіи Фукузавы, какъ читаемъ въ одномъ изъ изданій ея, „образовательная система построена на началахъ, принятыхъ нынѣ на Западѣ. Японскіе и китайскіе классики не содержатъ ничего, что заслуживало бы вниманія съ точки зрѣнія современной науки. Но такъ какъ для знанія современной родной литературы японецъ долженъ знать китайскіе знаки—идеографы, то обученіе имъ введено въ нашу школу"...

Изъ нашего краткаго описанія Токійскаго университета можно уже видѣть, что высшее техническое образованіе представлено въ немъ самой обширной коллегіей его—инженерной; и общій голосъ японскаго общества говоритъ, что послѣдняя превосходно отвѣчаетъ потребностямъ страны. Рядомъ съ этимъ надо сказать, что и цѣлесообразная организація средняго и низшаго техническаго и вообще спеціальнаго образованія не встрѣчаетъ препятствій вслѣдствіе широкаго распространенія въ населеніи начальнаго образованія. Неудивительно поэтому, что число всякаго рода профессіональныхъ учебныхъ заведеній въ Японіи весьма велико, достигая въ 1902 году 392. Изъ нихъ: 16 механико-техническихъ, 79 земледѣльческихъ и лѣсныхъ, 41 коммерческая, 5 торгово-мореходныхъ, 5 рыбо-промышленныхъ, со включеніемъ въ курсѣ ихъ свѣдѣній по эксплоатаціи водныхъ богатствъ вообще, 25 учебныхъ мастерскихъ и 221 дополнительныя школы и вечерніе курсы для рабочихъ по различнымъ спеціальностямъ. Въ томъ же году общее число учащихся въ перечисленныхъ учрежденіяхъ достигало, въ круглыхъ числахъ, 36.000 человѣкъ... Кромѣ того, надо упомянуть еще о трехъ институтахъ для подготовки преподавателей профессіональныхъ школъ, изъ которыхъ одинъ—при агрономическомъ факультетѣ императорскаго университета въ Токіо.

Мнѣ удалось ознакомиться со многими изъ техническихъ учебныхъ заведеній въ Японіи, и я рѣшаюсь высказать убѣжденіе, что техническое образованіе въ этой странѣ не уступаетъ, по своей организаціи, системѣ этого образованія въ какомъ угодно изъ европейскихъ государствъ. Японецъ—искусный техникъ, и прикладная наука—отъ слесарнаго мастерства до медицинскихъ наукъ—вполнѣ по его способностямъ. Тотъ, кто былъ въ современной Японіи, не будетъ отрицать этого.

Выше мы видѣли, что какъ начальное женское образованіе, такъ и подготовка учительницъ развивались въ Японіи съ самыхъ первыхъ дней эры Мейдзи успѣшно. О слѣдующихъ же ступеняхъ этого образованія сказать нельзя, такъ какъ женщины въ этой странѣ только недавно начали признаваться существомъ, равно одареннымъ въ умственномъ отношеніи съ мужчиной. Это ярко иллюстрируется тѣмъ фактомъ, что женскія школы, учреждаемыя съ 1874 года для организаціи образованія слѣдующей степени за начальными, были названы высшими, хотя учебный курсъ ихъ сначала былъ не выше курса нашихъ прогимназій. Такимъ эпитетомъ какъ будто бы выражалось убѣжденіе, что болѣе обширныя познанія или недоступны или ненужны женщинамъ. Однако, за послѣднее десятилѣтіе „женскій вопросъ" въ Японіи принялъ такое направленіе, которое открываетъ и для японской женщины перспективу широкихъ горизонтовъ. Такъ, въ то время, какъ въ 1897 году число высшихъ женскихъ школъ было всего 25, къ 1902 году оно возросло до 66, т. е. болѣе, чѣмъ въ два съ половиной раза. Число же учащихся въ нихъ съ 2.000 (въ 1897 году) поднялось до 17.500 (въ 1902 году), т. е. за пятилѣтіе увеличилось

почти въ семь разъ. Кромѣ того, возрастающее довѣріе къ способностямъ женщины на поприщѣ просвѣщенія указывается еще и тѣмъ, что въ разсматриваемыхъ школахъ нынѣ число преподавательницъ (607) почти вдвое болѣе, чѣмъ число преподавателей (333).

Но еще знаменательнѣе фактъ основанія въ 1901 году женскаго университета въ Токіо. Учрежденіе это возникло по почину японца-христіанина Жинцо-Неруза, дѣятельная пропаганда котораго въ этомъ направленіи увѣнчалась сборомъ значительныхъ пожертвованій. Приведемъ здѣсь сущность интересной рѣчи графа Окума, произнесенной на торжествѣ открытія этого учебнаго заведенія.

Выразивъ убѣжденіе, что страна будетъ вдвое сильнѣе, чѣмъ теперь, когда женщины получатъ возможность достигать такого же образованія, какъ мужчины, онъ назвалъ стремленіе къ этой цѣли равносильнымъ поднятію двойного знамени. „Тѣ страны, которыя имѣютъ такое знамя, идутъ впереди другихъ народовъ. Турція, Египетъ, Персія и Китай, пытавшіеся и пытающіеся обойтись съ ординарнымъ знаменемъ, безспорно, остались далеко позади. Японія въ далекое старое время чтила женщину, что видно изъ того, что главнымъ божествомъ ея была богиня свѣта; но мало-помалу, къ несчастью для государства, женщина была низведена на низшую ступень. Это—болѣзнь государства, которою Японія, такъ сказать, заразилась отъ Китая, давшаго ей въ другихъ отношеніяхъ такъ много хорошаго, и излѣченіе которой не можетъ быть достигнуто заурядными средствами. Единственнымъ дѣйствительнымъ лѣкарствомъ надо считать радикальную реформу въ идеалахъ семейной жизни; а она можетъ быть совершена только улучшеніемъ положенія женщины,—улучшеніемъ, которому учрежденія, подобныя открывавшимся сегодня, будутъ сильно способствовать". Такіе взгляды виднаго передового дѣятеля страны отнюдь не являются нынѣ исключительными въ ней.

Не буду приводить здѣсь данныхъ объ учебной организаціи женскаго университета; если она и недостаточно широка и имѣетъ недостатки теперь, то послѣдніе, конечно, будутъ исправлены со временемъ, разъ учрежденіе всегда будетъ имѣть въ виду цѣль, такъ охарактеризованную въ уставѣ его: „Дать женщинамъ возможность получить образованіе и развитіе до предѣловъ ихъ природныхъ способностей".

Американецъ Эрнестъ Клементъ, называя фактъ открытія въ Японіи женскаго университета въ первый годъ XX столѣтія самымъ замѣчательнымъ событіемъ во внутренней жизни этой страны, дѣлаетъ по поводу его слѣдующее интересное замѣчаніе: „Что это обозначаетъ? Это обозначаетъ, что XX-ое столѣтіе должно быть такимъ же свѣтлымъ для женщинъ въ Японіи и, можетъ быть, въ другихъ странахъ Востока, какимъ явилось XIX-е столѣтіе для женщинъ на Западѣ. Этотъ новый университетъ будетъ центромъ дѣятельности женщинъ на поприщѣ соціальномъ, воспитательномъ, экономическомъ (и можетъ быть, политическомъ?) будущей жизни Японіи".

Часто приходится читать и слышать мнѣнія о томъ, что организація высшаго образованія въ Японіи еще не дала ощутительныхъ результатовъ въ смыслѣ подготовки контингента людей, которые сдѣлали бы самостоятельныя научныя работы, съ проявленіемъ творческой мысли въ области гуманитарныхъ европейскихъ наукъ вообще и отвлеченныхъ—въ частности. Можно ли было ожидать иного—пусть читатели судятъ сами, прочтя слѣдующую выдержку изъ статьи профессора филологіи въ Токійскомъ университетѣ Чемберлэна „Объ образованіи въ Японіи" *).

„Главной идеей японскаго правительства, въ дѣлѣ огранизаціи образованія, является желаніе сдѣлать національные методы мышленія подобными тѣмъ, какіе усвоены культурными европейскими народами. Въ какой мѣрѣ этотъ успѣхъ достигнутъ, лучше всего можно видѣть изъ сравненія любого изъ живыхъ еще представителей науки періода 50-хъ годовъ XIX столѣтія съ образованнымъ молодымъ человѣкомъ новой школы, окончившимъ Токійскій университетъ или коллегію Фукузавы. Они принадлежатъ какъ будто къ различнымъ мірамъ. Въ то же время ясно, что никакія усилія, какъ бы они ни были ревностны, не могутъ увѣнчаться полнымъ европеизированіемъ мозга японца. Въ самомъ дѣлѣ, углубимся въ положеніе дѣла. Всѣ народы Запада имѣютъ, говоря широко, общее прошлое, „общій фондъ идей", изъ котораго все, что они имѣютъ, и все, чѣмъ они сдѣлались, вытекаетъ естественно, какъ часть стройнаго, цѣлаго,—одна и та же Римская имперія въ основѣ, одна и та же христіанская религія въ центрѣ, одинаковая, постепенная эмансипація—сперва отъ феодализма и затѣмъ отъ абсолютизма, совершившаяся уже или еще находящаяся въ процессѣ развитія, одно искусство, одна музыка, одинъ корень языка, несмотря на разницу въ различныхъ странахъ словъ, изъ этого корня выросшихъ. Японія стоитъ въ сущности внѣ всего этого, потому что прошлое ея пережито при совсѣмъ иныхъ условіяхъ. Китай—ея Греція и Римъ. Ея языкъ—не арійскій. Ссылки, знакомыя каждому съ одного конца христіанскаго царства до другого, требуютъ цѣлую главу примѣчаній для того, чтобы сдѣлать ихъ ясными японскому студенту, который часто даже и тогда не найдетъ въ своемъ языкѣ словъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ, которыя хочетъ перевести. Такъ хорошо фактъ этотъ понятъ японскими профессорами, что уже много лѣтъ они дѣлаютъ усилія преподавать высшія отрасли знаній чрезъ посредство англійскаго языка. Это, однако, является огромнымъ придаточнымъ ярмомъ на шеѣ студента, потому что для японца обученіе на англійскомъ языкѣ безконечно труднѣе, чѣмъ для англійскихъ молодыхъ людей было бы обученіе на языкѣ латинскомъ, такъ какъ послѣдній по духу своему, въ концѣ концовъ, отличается уже не такъ широко отъ англійскаго. Это, такъ сказать, англійскій языкъ въ другихъ словахъ. Но между англійскимъ и японскимъ языками пропасть такъ велика, что умъ студентовъ долженъ быть постоянно напряженъ при прохожденіи черезъ нее. Чѣмъ проще и образнѣе англійскій языкъ, тѣмъ болѣе работы мозга требуется отъ японца для пониманія его. Трудно видѣть какой-нибудь выходъ изъ этой дилеммы".

Эти интересныя соображенія Чемберлэна не касаются, однако, вопроса о томъ, какую роль уже успѣло сыграть въ Японіи распространеніе среди населенія ея начальнаго образованія, съ одной стороны, и прикладныхъ знаній—съ другой... И въ слѣдующемъ очеркѣ своемъ, предметомъ котораго будетъ „Состояніе торговли и промышленности въ Японіи", мы надѣемся показать, что эта роль громадна.

Н. Азбелевъ.

*) Trings Japanese.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ СТРЕМЛЕНІЯ УЧИТЕЛЯ И ЛЕКЦІИ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

„Какъ у насъ боятся свѣта!" горестно писалъ намъ одинъ устроитель провинціальныхъ лекцій. И восклицаніе это, безъ сомнѣнія, повторятъ всѣ безпристрастные наблюдатели совершающихся у насъ административныхъ мѣропріятій. Быть можетъ, нигдѣ этотъ страхъ свѣта не проявляется такъ откровенно, какъ въ томъ административномъ центрѣ, который самъ призванъ быть источникомъ свѣта; и нигдѣ послѣдствія этого страха не ощущаются такъ тяжко, какъ въ учительской средѣ. Условія дѣятельности учителя сельской и городской школы, въ общемъ, всѣмъ извѣстны. Я позволю себѣ напомнить главныя черты, обрисовавшіяся на послѣднихъ учительскихъ съѣздахъ. Передъ состоявшимся 2 года назадъ съѣздомъ учительскихъ делегатовъ были произведены, какъ извѣстно, подробныя анкеты. Цѣлый рядъ статистическихъ цифръ и отвѣтовъ на запросы дали, въ результатѣ, яркую, образную картину. Передъ нами обрисовались два лагеря: учительскій персоналъ и его начальство. И между этими двумя, связанными общей цѣлью элементами, наблюдается не дружное единеніе, а постоянный антагонизмъ. Учительскій контингентъ жаждетъ знанія, безъ котораго немыслимо добросовѣстное исполненіе его миссіи. Начальство старается всячески затормазить образовательныя стремленія учителя. И получается любопытная картина: власть одной рукой открываетъ школы, училища, даже курсы, а другой стремится убить живое дѣло, превратить школу въ канцелярское учрежденіе. Учитель проситъ книгъ, лекцій, курсовъ; начальство или отказываетъ ему, или старается сократить всякій притокъ живой мысли. Въ докладѣ г-жи Вахтеровой, читанномъ на съѣздѣ учительскихъ делегатовъ два года тому назадъ, приводятся факты, ярко освѣщающіе отношеніе начальства къ умственнымъ запросамъ народнаго учителя. Хотя приведенныя здѣсь статистическія свѣдѣнія и собраны года три тому назадъ, но общая картина и сейчасъ едва ли явится устарѣлой. Народный учитель, какъ показываютъ анкеты, поставленъ относительно умственной пищи внѣ закона; такъ, онъ лишенъ права читать разрѣшенныя общей цензурой книги; а учительскія библіотеки не могутъ пополняться дозволенными въ общественныхъ библіотекахъ изданіями. Изъ 487 учащихъ въ Московской губерніи (одной изъ первыхъ по народному образованію) 112 отвѣчали отрицательно на вопросъ, выписываютъ ли они какія-либо газеты или журналы: не выписываютъ ни газетъ, ни журналовъ и не имѣютъ собственныхъ книгъ; а 38, кромѣ того, сообщили, что за неимѣніемъ газетъ, журналовъ и книгъ, „они не читаютъ никогда ничего". Изъ 604 школъ Тамбовской губерніи 109 учащихъ заявили, что они „ни откуда книгъ не достаютъ". Въ общемъ, по произведеннымъ за послѣдніе годы статистическимъ изслѣдованіямъ, около $^3/_4$ всѣхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія, около $^9/_{10}$ церковно-приходскихъ школъ и болѣе 96% школъ грамоты — не получаютъ ни газетъ, ни журналовъ. Цифры эти говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Ихъ дополняютъ отдѣльные отвѣты лицъ учительскаго званія. Учитель, живущій въ 40 верстахъ отъ города и получающій 163 рубля годового жалованья, пишетъ: „За послѣднія 8 лѣтъ я ничего не читалъ кромѣ классныхъ учебниковъ, да перечиталъ Еруслана Лазаревича". „Я—распространитель свѣта и истины", патетически восклицаетъ другой учитель, „но я... живу въ селѣ, гдѣ не съ кѣмъ перемолвиться словомъ, кругомъ кулачество, разореніе, невѣжество... Жутко... Другіе могутъ сказать: „читайте", — то-то и есть, что читать-то нечего: радъ бы радехонекъ, да книги нѣтъ... Денегъ получаю только на то, чтобъ не умереть съ голоду и не ходить въ лохмотьяхъ".

Какъ относится власть къ умственнымъ запросамъ учителя, показываютъ типическіе примѣры, приведенные въ томъ же докладѣ. Когда черниговское земство ходатайствовало о предоставленіи обществу взаимопомощи учащимъ права содѣйствовать пополненію педагогическихъ знаній своихъ членовъ, то изъ министерства было получено отношеніе, что „предварительно обсужденія сего ходатайства министерство желаетъ имѣть въ виду тѣ соображенія, на которыхъ основано означенное ходатайство"... „Хорошему учителю читать некогда", говорилъ одинъ наблюдатель учительскихъ курсовъ, — „читаютъ только плохіе учителя, которые выбираютъ по себѣ и дрянныя книги, затуманивающія ихъ головы и отвлекающія ихъ отъ обязательной работы въ школѣ".

Любопытный примѣръ отношенія просвѣтительной власти къ просвѣщенію приводитъ, между прочимъ, В. Г. Короленко. Нѣкая благотворительница, г-жа Тычино, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, пожелала однажды открыть въ городѣ Чудновѣ Волынской губерніи „центральную библіотеку для учащихъ въ школахъ г. Чуднова и прилежащихъ къ Чуднову школъ". Прошеніе объ этомъ было послано въ Кіевскій учебный округъ; тамъ оно пролежало на разсмотрѣніи года два, и наконецъ получился отвѣтъ. Оказалось, что къ открытію библіотеки въ г. Чудновѣ дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника препятствій не встрѣчается. Дозволено даже пользоваться книгами изъ этой библіотеки учителямъ чудновскихъ городскихъ училищъ. Но въ концѣ милостиваго разрѣшенія стояла слѣдующая достопримѣчательная оговорка: „Что же касается до учащихъ въ народныхъ училищахъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ г. Чуднова, то къ полученію ими книгъ изъ новооткрываемой библіотеки г. попечитель не видитъ достаточно законныхъ основаній". Г. Короленко разсказываетъ при этомъ, какъ пріѣхавшая въ то время въ Россію его знакомая — американка долго не могла повѣрить дѣйствительности прочитаннаго ею въ газетѣ эпизода, указывающаго, что у насъ учителю нужны особыя „законныя основанія для полученія изъ библіотеки книгъ", и она увезла съ собою № этой газеты, какъ вещественное доказательство русской некультурности.

Приведенные примѣры достаточно обрисовываютъ положеніе русскаго учителя и отношеніе къ нему начальства. Онъ долженъ учить по указанному шаблону, въ указанномъ порядкѣ и рамкахъ. А такъ какъ умственное развитіе плохо мирится съ сухимъ формализмомъ, то и всякій проблескъ живой мысли, живого слова вызываетъ подозрительное недовѣріе начальства. Невольно, при взглядѣ на столь извѣстную картину господствующей у насъ рутины, напрашивается сравненіе съ нашими западными сосѣдями, вспоминается рѣчь (на конгрессѣ въ Руанѣ) г. Буржуа,

бывшаго министра народнаго просвѣщенія во Франціи. Доказывая необходимость общественной самодѣятельности, онъ замѣчаетъ: „Каждый разъ, какъ обращались къ администраціи, встрѣчались различныя затрудненія, тормазившія дѣло образованія. Въ основѣ дѣла нужна свобода. Она особенно нужна въ программахъ. Пусть не говорятъ: „Давайте столько-то уроковъ и такихъ-то“... Для рѣшенія этого вопроса необходимо знаніе мѣстныхъ условій, потребностей даннаго населенія“... И говоря о горячемъ сочувствіи, съ которымъ учителя отнеслись къ идеѣ распространенія знаній среди взрослаго населенія, Буржуа прибавляетъ: „Пусть же они продолжаютъ свое дѣло, относясь къ нему не какъ чиновники, исполняющіе извѣстную часть своей программы, но какъ свободные граждане, стремящіеся помочь другимъ такимъ же свободнымъ гражданамъ“. Въ томъ же смыслѣ высказывается и англичанинъ, изучившій исторію развитія народныхъ университетовъ въ Англіи. (Д-ръ Джемсъ Руссель „Народные университеты въ Англіи и Америкѣ“). „Государственный надзоръ, имѣющій въ виду успѣшное проведеніе экзаменовъ“, говоритъ онъ, „государственная поддержка, предполагающая обязательное посѣщеніе лекцій или какой-либо другой осязательный результатъ; статуты, имѣющіе цѣлью введеніе большей симметріи въ занятіяхъ и облегченіе центральнаго управленія,—все это по природѣ своей противорѣчитъ свободѣ личности. Академическая свобода—необходимая принадлежность университетскаго образованія“. Совершенно обратныхъ принциповъ держатся наши столпы просвѣщенія. „Благодаря ихъ косности, невѣжеству и рутинности“, какъ замѣчаетъ въ своемъ „Дневникѣ“ г-жа Дьяконова, „наше просвѣщеніе движется еле-еле, точно арба какая, съ отчаяннымъ, нестройнымъ скрипомъ немазанныхъ колесъ“...

Возвращаясь къ условіямъ, въ которыя поставленъ русскій учитель, мы можемъ охарактеризовать ихъ словомъ умственнаго и нравственнаго порабощенія. „Да, надо бы хуже, да нельзя“, замѣчаетъ одинъ учитель, говоря о средствахъ къ самообразованію...

Окутанный сѣтью всевозможныхъ запретительныхъ циркуляровъ, временныхъ, случайныхъ, а иногда и произвольныхъ, учитель продолжаетъ стремиться къ просвѣщенію, пытается пробить брешь въ окружающей его глухой стѣнѣ. Такой брешью являются возникшіе по частной инициативѣ просвѣтительныя общества. Среди нихъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Московской комиссіи по организаціи домашняго чтенія, „Исторія дѣятельности Московской комиссіи“, пишетъ одинъ учитель (2-хклассной училища Министерства народнаго просвѣщенія въ Калужской губ.), „есть несомнѣнно пока самая свѣтлая страница въ исторіи народнаго просвѣщенія“. Значительный процентъ читателей комиссіи—учительскаго званія, много народныхъ учителей. И уже одинъ этотъ фактъ говоритъ самъ за себя. При скудномъ жалованьи, часто 15—18 руб. въ мѣсяцъ, да при поглощающихъ весь день школьныхъ занятіяхъ, затрата времени и денегъ на чтеніе по программамъ комиссіи свидѣтельствуетъ о страстной жаждѣ знанія. Но нерѣдко стремленія эти разбиваются при столкновеніи съ неумолимой дѣйствительностью. „Радостно и свѣтло было на душѣ именно въ тотъ день, когда получилъ книги и письмо по почтѣ, присланные комиссіей“, пишетъ учитель изъ далекой Сибири (18 мая 1902 года). „Но, увы! кажется, все разрушается... Голодъ въ Сибири каждодневно увеличивается, цѣна на хлѣбъ день ото дня все повышается быстрыми шагами, и наконецъ, совершенно негдѣ его купить“. Юноша, сельскій учитель Симбирской губерніи лихорадочно набрасывается на программы комиссіи, сразу подписывается на 3 отдѣла. Онъ хотѣлъ бы пройти и естественныя, и гуманитарныя науки, и словесность; а вдали, какъ свѣтлый маякъ, мерцаетъ передъ нимъ университетъ... „Но время и силы?... восклицаетъ онъ. Вмѣстѣ съ изученіемъ наукъ значительно увеличиваются и заботы о школѣ. Дѣло это теперь представляется мнѣ страшно сложнымъ, требующимъ отъ преподавателя прямо полнаго забвенія.“

Программы Московской комиссіи по орг. д. ч. удовлетворяютъ лишь одному изъ умственныхъ запросовъ учителя—на систематическое чтеніе; при чемъ программы эти являются лишь суррогатомъ—замѣной другого болѣе подходящаго руководства; а именно, и въ письмахъ читателей и на учительскихъ съѣздахъ неоднократно высказывались пожеланія и просьбы о скорѣйшей выработкѣ болѣе популярныхъ общеобразовательныхъ программъ. Комиссія по орг. д. ч. пошла навстрѣчу умственнымъ запросамъ провинціи и другой сферой своей дѣятельности, организацей лекцій и курсовъ. При чемъ и здѣсь учительскій контингентъ явился главнымъ союзникомъ ея и кліентомъ.

Мы не будемъ говорить о задачахъ Лекціоннаго бюро и его дѣятельности, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ; остановимся вкратцѣ лишь на достигнутыхъ результатахъ. Послѣдній вопросъ неизбѣжно поднимаетъ другой—о многообразныхъ препятствіяхъ, заграждавшихъ путь какъ Лекціонному бюро, такъ и обращавшимся къ его посредничеству устроителямъ лекцій. Главныя препятствія, какъ уже не разъ указывалось въ печати, сводятся къ слѣдующимъ: 1) отсутствіе постояннаго штата лекторовъ, 2) отсутствіе фонда для организаціи лекцій и 3) формальныя препятствія—задержки при разрѣшеніи лекціи и запрещенія. Послѣдній тормазъ—главный и наиболѣе роковой. Исторія ходатайствъ по разрѣшенію лекцій въ провинціальныхъ городахъ представляетъ любопытную страничку въ исторіи нашего просвѣщенія. Для разрѣшенія единичныхъ лекцій устроители, какъ извѣстно, должны обращаться къ попечителю мѣстнаго учебнаго округа; послѣдній нерѣдко требуетъ сверхъ программы представленія текста. Такъ какъ текста у многихъ лекторовъ не имѣется, то проектъ лекціи гибнетъ въ самомъ зачаткѣ. Но предположимъ, что первая стадія мытарствъ благополучно миновала. Учебное начальство сносится съ губернаторомъ, и тотъ, въ свою очередь, собираетъ свѣдѣнія о личности лектора, хотя, обыкновенно, онъ состоитъ при университетѣ или же занимаетъ извѣстное общественное положеніе. Свѣдѣнія собираются гдѣ-то въ охранномъ отдѣленіи, иногда также путемъ непосредственнаго обращенія къ полиціи. Случается, лекторъ внезапно получаетъ рядъ запросовъ біографическаго характера: гдѣ родился? гдѣ проживаетъ? куда и на сколько времени когда-либо отлучался изъ мѣста жительства и т. п. Такимъ образомъ лекторъ сразу попадаетъ въ разрядъ подозрительныхъ, „suspects“, какъ говорилось въ эпоху французскаго террора 1794 года.

Любопытно, что всѣ эти предупредительныя мѣры часто направляются противъ представителей самыхъ различныхъ направленій и даже противъ лицъ съ извѣстнымъ административнымъ положеніемъ: очевидно, уже

одинъ фактъ живого общенія лектора съ аудиторіей вызываетъ переполохъ среди ревниво-подозрительной власти. И вотъ, устроители такъ же, какъ лекторы, подвергаются медленной, долгой пыткѣ. Трудно себѣ представить, сколько силъ и времени уходитъ на процедуру разрѣшенія лекціи! Бывали примѣры, когда на безконечныя переписки, прошенія и т. п. уходили не только мѣсяцы, но даже годы. Бывали весьма часто еще болѣе печальные случаи категорическаго отказа: „Г. губернаторъ не находитъ нужнымъ устройство лекцій во ввѣренномъ ему краѣ". Такъ, въ одномъ городѣ, въ теченіе одного учебнаго сезона, общество хлопотало о разрѣшеніи тринадцати лекцій на разныя темы, и всѣ тринадцать были воспрещены. Бывали примѣры воспрещенія лекцій на такія невинныя темы, какъ о микробахъ, о жизни растеній и т. п. Весьма часто случалось также, что разрѣшенныя въ одномъ городѣ и благополучно тамъ состоявшіяся лекціи — запрещались въ другомъ городѣ. Вообще, какъ мы уже замѣтили, лекціонное дѣло не пользуется благосклонностью со стороны администраціи: и къ лектору и къ лекціи заранѣе относятся съ предубѣжденіемъ. Такія слова, какъ, напр., „психологія толпы", въ программѣ курса по психологіи возбуждаютъ недовѣріе: не скрывается ли подъ научнымъ терминомъ какое-либо потрясеніе основъ?... Лекція, озаглавленная „Борьба любви съ голодомъ",—звучала для власти подозрительно и встрѣчала на пути разрѣшенія серьезныя препятствія. Случалось также, что выдающійся успѣхъ лекціи оказывался роковымъ для даннаго города и даже для цѣлаго учебнаго округа. Такъ, въ очень недалекомъ прошломъ, лекція по русской литературѣ, вызвавшая шумныя оваціи публики, возбудила гнѣвъ начальства: съ тѣхъ поръ въ этомъ городѣ (и во всемъ округѣ) всякія лекціонныя затѣи подвергаюся нещадному преслѣдованію. Между тѣмъ, тѣ же лекціи по русской литературѣ читались въ нѣсколькихъ другихъ городахъ — и вполнѣ благополучно.

Еще большими камнями преткновенія обставлены разрѣшенія общеобразовательныхъ учительскихъ курсовъ, для которыхъ требуется санкція министра народн. просвѣщ. Главными организаторами учительскихъ курсовъ являются, какъ извѣстно, земства, нерѣдко обращающіяся къ содѣйствію Московскаго лекціоннаго бюро. И здѣсь опять-таки мы встрѣчаемъ ту же волокиту: прошенія, длинная переписка съ властями и, въ концѣ концовъ, часто—отказъ и нерѣдко безъ всякой мотивировки. Въ одномъ округѣ начальство стремится придать курсамъ практическій характеръ, ополчаясь противъ теоретическихъ знаній; въ другомъ не утверждаетъ выбранныхъ земствомъ рукодителей; въ третьемъ ограничиваетъ число слушателей и т. д. Благодаря всѣмъ этимъ многообразнымъ преградамъ, въ каждомъ учебномъ году приходится отмѣтить длинный списокъ несостоявшихся курсовъ. Такъ, въ 1902 году не могли состояться въ Саратовѣ—курсы по біологіи, по физикѣ, химіи и русской исторіи; въ Тамбовѣ—курсы по геологіи, по исторіи русской литературы и по школьной гигіенѣ; въ Ярославлѣ — курсы по физикѣ и химіи, по логикѣ и по исторіи русской литературы и т. д. Въ 1903 году не разрѣшены общеобразовательные учительскіе курсы въ Рязани, Воронежѣ, Владимірѣ. Относительно первыхъ двухъ министерство не дало никакого отвѣта или объясненія. Относительно курсовъ во Владимірѣ ученый комитетъ не одобрилъ тѣхъ самыхъ программъ, которыя раньше были имъ признаны за нормальныя.

Такая же судьба постигаетъ и многія другія попытки организаціи общеобразовательныхъ курсовъ. Но возьмемъ наиболѣе благопріятный случай: власть благосклонно отнеслась къ усиленнымъ просьбамъ устроителей; мытарства ихъ увѣнчались успѣхомъ: курсы разрѣшены. Вотъ и день открытія курсовъ,—заимствуемъ описаніе его изъ замѣтки слушательницы, участвовавшей въ учительскихъ курсахъ въ одной южной губерніи. „Кончился молебенъ... и на каѳедрѣ появляется мѣстный инспекторъ — наблюдатель курсовъ. „Не можетъ быть двухъ точекъ зрѣнія на курсы", слышимъ мы вѣско и авторитетно раздающіяся слова:—„единственно правильная на нихъ точка зрѣнія ясно выражена въ такомъ-то параграфѣ правилъ о курсахъ". И мы выслушиваемъ текстъ этого параграфа, гдѣ говорится, что курсы представляютъ собою временное учебное заведеніе, а учителя и учительницы — суть учащіеся. Взаимныя отношенія лицъ опредѣляются подчиненіемъ руководителей и учителей — наблюдателю, какъ главному начальнику заведенія". А въ случаѣ неисполненія его требованій, къ услугамъ наблюдателя имѣется другой параграфъ, предоставляющій ему удалять учителей, руководителей и даже закрывать курсы. Исторія учительскихъ курсовъ представляетъ примѣры и фактическое примѣненіе этого права. „Вообще на все были параграфы", передаетъ свои впечатлѣнія тотъ же очевидецъ,—„не знаю только, какіе параграфы требовали вмѣшательства въ частную жизнь учителей. Если они, напр., собирались на прогулку, ихъ уже непремѣнно спрашивали о поводѣ прогулки, о количествѣ принимавшихъ въ ней участіе, особенно о количествѣ комплектныхъ, т. е. непосредственно подчиненныхъ наблюдателю лицъ, а также и о томъ, не говорилось ли на прогулкѣ „чего-либо предосудительнаго". Такихъ параграфовъ, сколько мы ни искали ихъ въ правилахъ, тамъ не оказалось: очевидно, что это усердіе было, такъ сказать, „сверхкомплектное".

Намъ остается отмѣтить, въ заключеніе, позднѣйшій періодъ развитія лекціоннаго дѣла въ провинціи. Естественно было бы ожидать, что новыя вѣянія отразятся и въ области просвѣтительной инииціативы. Увы! ни весеннія вѣянія, ни политика довѣрія не повліяли на отношеніе къ лекціямъ губернаторовъ и попечителей,—не смягчили ихъ суровые приговоры, напротивъ. Вотъ приблизительная статистика несостоявшихся въ 1904 году лекцій и курсовъ. На западѣ, послѣ упомянутой уже блестящей лекціи по русской литературѣ, попечитель принципіально высказался противъ приглашенія иногороднихъ лекторовъ. И даже лекція на самую безобидную тему—„Гете какъ мыслитель", уже читанная въ одномъ изъ городовъ того же округа, не была послѣ этого разрѣшена для другихъ городовъ: попечитель потребовалъ текста, и, за неимѣніемъ его, лекція не состоялась. Въ томъ же западномъ округѣ не была разрѣшена читанная въ другихъ округахъ лекція о Чеховѣ. Наконецъ, тамъ же, въ отвѣтъ на прошеніе объ устройствѣ лекціи на тему „Душевныя качества насѣкомыхъ",—попечитель потребовалъ текстъ. На югѣ, послѣ лекціи на современну тему, прочитанной недавно въ одномъ городѣ съ большимъ успѣхомъ,—попечитель запретилъ цѣлый рядъ лекцій на различныя темы, также курсъ изъ исторіи Франціи конца XVIII вѣка. Въ

Воронежѣ лекція о психической заразѣ была разрѣшена лишь при условіи существенныхъ въ ней пропусковъ и если на лекцію не будутъ допущены учащіеся. Лекторъ отказался читать при подобныхъ условіяхъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ не были разрѣшены лекціи по русской литературѣ. Въ Харьковѣ губернаторъ затребовалъ текстъ лекціи на тему о „русско-японской войнѣ“; за отказомъ лектора, лекція не состоялась. Въ Полтавѣ не разрѣшены читанныя въ Екатеринославлѣ лекціи по русской литературѣ. Въ Рязани не разрѣшена лекція „О русской школѣ“; въ Саратовѣ не могла состояться лекція на тему „Психологія общества и хозяйственный строй“, такъ какъ въ теченіе долгаго времени не были „собраны справки о личности лектора“. Въ Твери не состоялись уже разрѣшенныя лекціи на литературныя темы въ виду того, что лекторъ могъ читать только по субботамъ. Въ Иркутскѣ губернаторъ не разрѣшилъ лекціи по тексту на темы: „Происхожденіе и устройство Государственнаго совѣта“, „Реформы Петра Великаго“ и „Паденіе крѣпостного права“. Наконецъ, въ томъ же 1904 году воспрещены общеобразовательные курсы въ Калугѣ, Воронежѣ, Рязани и Владимірѣ. При этомъ въ одномъ изъ упомянутыхъ городовъ одинъ изъ лекторовъ былъ отвергнутъ на томъ основаніи, что „литературные взгляды его не соотвѣтствуютъ положительнымъ требованіямъ отъ русскаго учителя“. Таковъ, въ краткихъ словахъ, географическій указатель къ исторіи организаціи лекцій и курсовъ въ провинціи: онъ показываетъ, какъ относится административная власть къ дѣлу просвѣщенія—даже въ эпоху весеннихъ вѣяній и политики довѣрія...

И все-таки, несмотря на всевозможныя преграды и тормазы, организація провинціальныхъ лекцій развивается, идетъ впередъ. На этотъ прогрессъ указываютъ слѣдующія статистическія цифры. Въ 1899 году, при посредствѣ Лекціоннаго бюро, организовано всего 13 лекцій, въ 1900 году—18, въ 1901 году—19,—цифры, ничтожныя для Россіи, сравнительно съ предъявляемымъ спросомъ. Но въ 1902 году устраивается уже 89 лекцій, въ томъ числѣ и курсы. Въ 1903 году—105 лекцій, считая курсы и нѣсколько лекцій, прочитанныхъ по тексту безъ лектора. Такую же цифру—105 лекцій мы находимъ и въ статистической записи за 1904 годъ. Если, такимъ образомъ, дѣло просвѣщенія все-таки развивается, это доказываетъ, что жизнь беретъ свое, побѣждая рутину, что образовательное теченіе прорываетъ встрѣчающіяся на пути его плотины и двигается впередъ. Но двигается оно медленно, цѣной героическихъ усилій отдѣльныхъ лицъ, при громадной затратѣ нравственныхъ силъ...

Въ заключеніе, я позволю себѣ выразить надежду, что такое ненормальное положеніе прекратится въ близкомъ будущемъ, что вскорѣ, употребляя выраженіе Короленко, „падутъ заставы и шлагбаумы для идей“, и очистятся „проѣзжія дороги для свободнаго обращенія внутри великой страны отечественной мысли и отечественнаго слова“.

Мировичъ.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА *).

Указъ 17 апрѣля о свободѣ христіанскихъ вѣроисповѣданій. — Вопросъ о созывѣ помѣстнаго собора русской церкви и учрежденіи патріаршества.— Общественные организаціи и союзы: профессоровъ, журналистовъ, врачей и др.—Организаціи земскихъ дѣятелей; группа г. Шипова.—Жизнь земства: сессія губернскихъ земскихъ собраній; постановленія по общимъ вопросамъ государственнаго устройства; сообщеніе костромского губернскаго предводителя дворянства; земство въ Сибири; мѣры борьбы противъ холеры. — Крестьянское дѣло: мѣры противъ аграрныхъ безпорядковъ; аграрное движеніе за мѣсяцъ; причины волненій; упраздненіе особаго совѣщанія ст.-секр. Витте; учрежденіе совѣщанія д. т. с. Горемыкина; указы 5 и 10 апрѣля.—Движеніе среди служащихъ торгово-промышленныхъ заведеній. — Труды правительственныхъ комиссій. — Дѣла печати. — Судъ надъ убійцей Вел. Кн. Сергія Александровича.—Возстановленіе московскаго генералъ-губернаторства.

Освободительное движеніе русскаго общества въ послѣднее полугодіе имѣетъ на скрижаляхъ нашего законодательства уже двѣ историческія даты: 12 декабря 1904 г.—день изданія указа объ усовершенствованіяхъ государственнаго порядка, и 18 февраля 1905 г.—день объявленія о призывѣ народныхъ представителей къ участію въ законодательствѣ. Къ этимъ датамъ нынѣ присоединяется еще и третья — 17 апрѣля — день изданія указа о свободѣ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Характерна разница между двумя первыми законодательными актами и послѣднимъ. Если первые два представлялись обѣщаніями, программой, путеводной нитью, придерживаясь которой, предполагалось реформировать наше государственное устройство, то послѣдній даетъ бо̀льшей части населенія нашего отечества вполнѣ реальныя блага. Указъ Сенату отъ 17 апрѣля гласитъ слѣдующее:

„Въ постоянномъ, по завѣтамъ Предковъ, общеніи со святою Православною Церковью неизмѣнно почерпая для Себя отраду и обновленіе силъ душевныхъ, Мы всегда имѣли сердечное стремленіе обезпечить и каждому изъ Нашихъ подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти. Озабочиваясь выполненіемъ таковыхъ намѣреній, Мы въ число намѣченныхъ въ указѣ 12 минувшаго декабря преобразованій включили принятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ устраненію стѣсненій въ области религіи.

„Нынѣ, разсмотрѣвъ составленныя, во исполненіе сего, въ Комитетѣ министровъ положенія и находя ихъ отвѣчающими Нашему завѣтному желанію укрѣпить начертанныя въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской начала вѣротерпимости, Мы признали за благо таковыя утвердить.

„Призывая благословеніе Всевышняго на это дѣло мира и любви и уповая, что оно послужитъ къ вящшему возвеличенію православной вѣры, порождаемой благодатію Господнею, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами, Мы, въ соотвѣтствіе съ этимъ рѣшеніемъ Нашимъ, повелѣваемъ:

*) По условіямъ изданія журнала, внутренняя хроника должна быть сдана въ печать въ двадцатыхъ числахъ отчетнаго мѣсяца, и потому, силою вещей, факты, имѣвшіе мѣсто въ концѣ мѣсяца, могутъ быть включены въ хронику слѣдующаго мѣсяца. Другими словами, въ апрѣльскомъ номерѣ журнала хроника обнимаетъ періодъ времени съ 20 февраля по 20 марта, настоящая хроника—съ 20 марта по 20 апрѣля и т. д. *А. Л.*

„1) Признать, что отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе не подлежитъ преслѣдованію и не должно влечь за собою какихъ-либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій, при чемъ отпавшее по достиженіи совершеннолѣтія отъ православія лицо признается принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію или вѣроученію, которое оно для себя избрало.

„2) Признать, что, при переходѣ одного изъ исповѣдующихъ ту же самую христіанскую вѣру супруговъ въ другое вѣроисповѣданіе, всѣ недостигшія совершеннолѣтія дѣти остаются въ прежней вѣрѣ, исповѣдуемой другимъ супругомъ, а при таковомъ же переходѣ обоихъ супруговъ дѣти ихъ до 14 лѣтъ слѣдуютъ вѣрѣ родителей, достигшія же сего возраста остаются въ прежней своей религіи.

„3) Установить, въ дополненіе къ симъ правиламъ (п.п 1 и 2), что лица, числящіяся православными, но въ дѣйствительности исповѣдывающія ту нехристіанскую вѣру, къ которой до присоединенія къ православію принадлежали сами они или ихъ предки, подлежатъ, по желанію ихъ, исключенію изъ числа православныхъ.

„4) Разрѣшить христіанамъ всѣхъ исповѣданій принимаемыхъ ими на воспитаніе некрещенныхъ подкидышей и дѣтей неизвѣстныхъ родителей крестить по обрядамъ своей вѣры.

„5) Установить въ законѣ различіе между вѣроученіями, объемлемыми нынѣ наименованіемъ „расколъ“, раздѣливъ ихъ на три группы: а) старообрядческія согласія, б) сектантство и в) послѣдователи изувѣрныхъ ученій, самая принадлежность къ коимъ наказуема въ уголовномъ порядкѣ.

„6) Признать, что постановленія закона, дарующія право совершенія общественныхъ богомоленій и опредѣляющія положеніе раскола въ гражданскомъ отношеніи, объемлютъ послѣдователей какъ старообрядческихъ согласій, такъ и сектантскихъ толковъ; учиненіе же изъ религіозныхъ побужденій нарушенія законовъ подвергаетъ виновныхъ въ томъ установленной закономъ отвѣтственности.

„7) Присвоить наименованіе старообрядцевъ, взамѣнъ нынѣ употребляемаго названія раскольниковъ, всѣмъ послѣдователямъ толковъ и согласій, которые пріемлютъ основные догматы Церкви Православной, но не признаютъ нѣкоторыхъ принятыхъ ею обрядовъ и отправляютъ свое богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ.

„8) Признать, что сооруженіе молитвенныхъ старообрядческихъ и сектантскихъ домовъ, точно такъ же, какъ разрѣшеніе ремонта ихъ и закрытіе, должны происходить примѣнительно къ основаніямъ, которыя существуютъ или будутъ постановлены для храмовъ инославныхъ исповѣданій.

„9) Присвоить духовнымъ лицамъ, избираемымъ общинами старообрядцевъ и сектантовъ для отправленія духовныхъ требъ, наименованіе „настоятелей и наставниковъ“, при чемъ лица эти, по утвержденіи ихъ въ должностяхъ надлежащею правительственною властью, подлежатъ исключенію изъ мѣщанъ или сельскихъ обывателей, если они къ этимъ состояніямъ принадлежали, и освобожденію отъ призыва на дѣйствительную военную службу и именованію, съ разрѣшенія той же гражданской власти, принятымъ при постригѣ именемъ; а равно допустить обозначеніе въ выдаваемыхъ имъ паспортахъ, въ графѣ, указывающей родъ занятій, принадлежащаго имъ среди этого духовенства положенія, безъ употребленія однако православныхъ іерархическихъ наименованій.

„10) Разрѣшить тѣмъ же духовнымъ лицамъ свободное отправленіе духовныхъ требъ какъ въ частныхъ и молитвенныхъ домахъ, такъ и въ иныхъ потребныхъ случаяхъ, съ воспрещеніемъ лишь надѣвать священнослужительское облаченіе, когда сіе будетъ возбранено закономъ. Настоятелямъ и наставникамъ (п. 9), при свидѣтельствѣ духовныхъ завѣщаній, присвоить тѣ же права, какими въ семъ случаѣ пользуются всѣ вообще духовныя лица.

„11) Уравнять въ правахъ старообрядцевъ и сектантовъ съ лицами инославныхъ исповѣданій въ отношеніи заключенія ими съ православными смѣшанныхъ браковъ.

„12) Распечатать всѣ молитвенные дома, закрытые какъ въ административномъ порядкѣ, не исключая случаевъ, восходившихъ чрезъ Комитетъ министровъ до Высочайшаго усмотрѣнія, такъ и по опредѣленіямъ судебныхъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ моленъ, закрытіе коихъ вызвано собственно неисполненіемъ требованій устава строительнаго.

„13) Установить, въ видѣ общаго правила, что для разрѣшенія постройки, возобновленія и ремонта церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій необходимо: а) согласіе духовнаго начальства подлежащаго инославнаго исповѣданія, б) наличность необходимыхъ денежныхъ средствъ и в) соблюденіе техническихъ требованій устава строительнаго. Изъятія изъ сего общаго правила, если таковыя будутъ признаны для отдѣльныхъ мѣстностей необходимыми, могутъ быть установлены только въ законодательномъ порядкѣ.

„14) Признать, что во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ, въ случаѣ преподаванія въ нихъ Закона Божія инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, таковое ведется на природномъ языкѣ учащихся, при чемъ преподаваніе это должно быть поручаемо духовнымъ лицамъ подлежащаго исповѣданія и, только при отсутствіи ихъ,—свѣтскимъ учителямъ того же исповѣданія.

„15) Признать подлежащими пересмотру законоположенія, касающіяся важнѣйшихъ сторонъ религіознаго быта лицъ магометанскаго исповѣданія.

„16) Подвергнуть обсужденію дѣйствующія узаконенія о ламаитахъ, возбранивъ впредь именованіе ихъ въ офиціальныхъ актахъ идолопоклонниками и язычниками,—и

„17) Независимо отъ этого привести въ дѣйствіе и остальныя, утвержденныя Нами сего числа положенія Комитета министровъ о порядкѣ выполненія пункта шестого Указа отъ 12-го декабря минувшаго года.

„Къ исполненію сего Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе“.

Въ утвержденныхъ п. 17 указа положеніяхъ Комитета министровъ, во-1-хъ, признается право религіознымъ обществамъ старообрядцевъ и сектантовъ (которыя должны именоваться отнынѣ „общинами“) на владѣніе движимыми и недвижимыми имуществами, на основаніяхъ, которыя будутъ установлены; во-2-хъ, разрѣшается съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, устройство скитовъ и обителей, въ-3-хъ, разрѣшается устройство начальныхъ школъ, въ-4-хъ, отмѣняются особыя постановленія о воспрещеніи ввоза изъ-за границы старообрядческихъ и сектантскихъ богослужебныхъ книгъ, въ-5-хъ, веденіе метрическихъ записей и книгъ передается изъ рукъ полиціи духовнымъ лицамъ старообряд-

цевъ и сектантовъ, въ-6-хъ, отмѣняется положеніе Комитета министровъ 4 іюля 1894 г. о воспрещеніи послѣдователямъ штунды ихъ молитвенныхъ собраній, въ-7-хъ, отмѣняется запрещеніе (31 марта 1898 г.) раскольникамъ поступать въ юнкерскія и военныя училища и быть производимыми въ офицеры. Кромѣ того, подлежащимъ министрамъ поручено изготовить и, въ отступленіе отъ обычнаго порядка, безъ сношенія съ другими вѣдомствами внести цѣлый рядъ законопроектовъ въ Государственный совѣтъ. Такимъ образомъ, полное устройство дѣлъ вѣры еще впереди, когда будутъ выполнены всѣ предстоящіе законодательные труды. Впереди и полная увѣренность, что свобода вѣры, провозглашенная указомъ 17 апрѣля, будетъ незыблема; эта увѣренность явится лишь тогда, когда будутъ у насъ облеченныя дѣйствительною властью учрежденія, гарантирующія, что разъ изданный законодательною властью актъ не подвергнется видоизмѣненіямъ и даже отмѣнѣ со стороны администраціи, примѣры чему недавни. Достаточно вспомнить невведеніе въ дѣйствіе, по предписанію покойнаго В. К Плеве, Высочайше утвержденныхъ лѣчебнаго и ветеринарнаго закона.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что законъ 17 апрѣля вызоветъ сильный религіозный подъемъ въ средѣ общинъ старообрядцевъ и сектантовъ. Простая справедливость требуетъ постановки и православной церкви въ такія условія, въ которыхъ религіозная жизнь могла бы свободно развиваться, въ условія, которыхъ, однако, въ настоящее время нѣтъ въ наличности.

До послѣдняго времени жизнь православной церкви, ея церковное управленіе почти не привлекали широкаго общественнаго вниманія. По многоразличнымъ причинамъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто нужно отнести стѣсненію всѣхъ видовъ общественной самодѣятельности, церковь наша утратила свободу самоопредѣленія и самоуправленія и изъ свободнаго общенія вѣрующихъ обратилась въ „вѣдомство православнаго исповѣданія“ съ многочисленными чиновниками и канцеляріями. Понятно, что „вѣдомство“ и чиновники, въ которыхъ стремились обратить всемѣрно и нашихъ священниковъ, не можетъ удовлетворить религіозныхъ нуждъ населенія, ибо нужды эти удовлетворяются въ обществѣ вѣрующихъ, которое, по слову Св. писанія, только и составляетъ церковь. Общества вѣрующихъ, свободной церковной жизни на началахъ самоуправленія, съ участіемъ мірянъ въ нашей православной церкви, какъ извѣстно, въ настоящее время нѣтъ. Оно сохранилось нынѣ только въ отдѣлившихся отъ господствующей церкви общинахъ старообрядцевъ и сектантовъ, бывшихъ до указа 17 апрѣля 1905 г. на положеніи „гонимыхъ“. По выраженію Достоевскаго, православная церковь находится „въ параличѣ“. Какъ къ недужной и относилось къ церкви огромное большинство русскаго общества.

Но вызванное развитіемъ общественнаго самосознанія освободительное движеніе послѣдняго времени пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все новую силу, захватываетъ всѣ классы населенія, собираетъ все большее и большее число лицъ. И въ концѣ марта вниманіе русскаго общества было приковано совершенно неожиданнымъ движеніемъ среди духовенства, того самаго духовенства, о которомъ Бѣлинскій когда-то писалъ, что оно искони отличалось безпримѣрнымъ равнодушіемъ къ общественнымъ дѣламъ. Возникъ вопросъ о созывѣ помѣстнаго собора русской церкви и учрежденіи патріаршества, возникъ онъ, по словамъ газетъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

По окончаніи въ особомъ совѣщаніи министровъ разсужденій по вопросамъ о положеніи сектантства и иновѣрія, предсѣдатель совѣщанія С. Ю. Витте обратился къ членамъ его съ краткою рѣчью, въ которой оттѣнилъ ту мысль, что теперь, когда Высочайшею волею будетъ дана свобода иновѣрію,—православной церкви, стѣсненной тяжелой опекой свѣтской власти, будетъ затруднительна борьба съ расколо-сектантствомъ; что, остановившись въ своихъ сужденіяхъ только на вопросахъ, касающихся иновѣрія, и не коснувшись положенія православной церкви,— „особое совѣщаніе“ взяло бы на свою душу тяжелый грѣхъ предъ общею нашею матерью— православной церковью.

Рѣчь предсѣдателя вызвала живое сочувствіе у членовъ совѣщанія и особенно у представителя церкви—высокопреосвященнаго Антонія. Послѣ того, какъ во взаимной бесѣдѣ высокопреосвященный изложилъ предсѣдателю совѣщанія „требованія и чаянія церковной іерархіи“, подъ непосредственнымъ руководствомъ Витте была составлена краткая записка „О современномъ положеніи православной церкви“, представляющая собою сводъ мнѣній выдающихся канонистовъ, современныхъ церковныхъ дѣятелей и профессоровъ духовныхъ академій о „характерѣ и каноническомъ достоинствѣ церковной реформы Петра Великаго“. Авторъ записки констатируетъ неканоническій характеръ реформы Петра и ея неблагопріятное вліяніе на послѣдующую церковную жизнь. Главная мысль записки и ея выводъ—тотъ, что со времени насильственной, совершенной по протестантскимъ образцамъ, реформы Петра, церковь русская въ своей канонической жизни порвала связь съ церковнымъ преданіемъ, что отъ этого глохнетъ религіозная жизнь. Не желая вести реформу бюрократическимъ путемъ, г. Витте совершенно воздержался въ запискѣ отъ проектовъ какихъ-либо реформъ, настаивая только на одномъ—на созывѣ помѣстнаго собора, на разсмотрѣніе котораго и долженъ быть представленъ вопросъ о церковной реформѣ.

Параллельно съ этимъ, подъ руководствомъ высокопреосвященнаго Антонія, наличнымъ составомъ канонистовъ и профессоровъ церковной исторіи и гомилетики С.-петербургской духовной академіи былъ выработанъ рядъ пунктовъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви. Представители академической науки и церковной власти, какъ можно судить по намѣченнымъ ими для предварительнаго обсужденія церковной реформы въ особомъ совѣщаніи Комитета министровъ пунктамъ, сошлись въ своемъ отношеніи къ современному церковному строю съ предсѣдателемъ особаго совѣщанія.

Дальнѣйшее обсужденіе церковной реформы произошло, однако, не въ особомъ совѣщаніи министровъ, а въ Синодѣ, куда вопросъ о созывѣ всероссійскаго собора былъ переданъ Высочайшимъ повелѣніемъ, согласно докладу синодальнаго оберъ-прокурора. Передъ засѣданіемъ Синода членамъ его была разослана отъ имени оберъ-прокурора ст.-секр. Побѣдоносцева записка, составленная докторомъ богословія Рункевичемъ. Въ запискѣ доказывалось, что реформа Петра I-го не оказала тягостнаго вліянія на церковную жизнь,

что церковь не стѣснена свѣтскими чиновниками, что Синодъ—соборъ, почему въ созваніи помѣстнаго собора необходимости нѣтъ, что возстановленіе патріаршества повело бы къ полному отдѣленію церкви отъ государства, а это представлялось бы вреднымъ въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ. Далѣе, въ запискѣ проводилась мысль, что епархіальные епископы вовсе не лишены самостоятельности, и что бюрократія не уничтожала самодѣятельности приходовъ. Въ заключеніе указывалось на необходимость сохраненія консисторій, которыя въ нѣкоторыхъ епархіяхъ имѣютъ до 20 тыс исходящихъ бумагъ, а также—существованія канцеляріи Святѣйшаго Синода. Записка эта не встрѣтила, однако, сочувствія у членовъ Синода, и Святѣйшій Синодъ, обсудивъ вопросъ въ засѣданіяхъ 17 и 22 марта, рѣшилъ созвать всероссійскій соборъ православной церкви въ октябрѣ мѣсяцѣ текущаго года и возстановить вновь въ Россіи патріаршество. Въ какія формы должно было вылиться новое устройство православной церкви по предположеніямъ Синода—въ точности неизвѣстно. Опредѣленіе Синода опубликовано не было. По газетнымъ извѣстіямъ, Синодомъ предполагалось, что власть новаго патріарха не должна быть властью единоличною, она должна опираться на рѣшенія состоящаго при немъ постояннаго собора епископовъ, въ которомъ патріархъ—лишь предсѣдатель, первый между равными. Ему принадлежитъ въ соборѣ при рѣшеніи дѣлъ такой же голосъ, какъ др. членамъ. Въ составъ собора должны входить 12 епископовъ, изъ которыхъ 6 постоянныхъ и 6 періодически призываемыхъ. Всѣ члены собора выборные, а постоянные пользуются правомъ несмѣняемости. Полной реорганизаціи должно было подвергнуться и епархіальное управленіе. Предполагалось всю русскую церковь раздѣлить на 4 митрополичьихъ округа, установить окружные съѣзды епископовъ для обсужденія церковныхъ нуждъ и рѣшенія менѣе важныхъ дѣлъ. Къ вѣдомству окружныхъ съѣздовъ предполагалось отнести и выборы епископовъ для епархій округа. Но на этомъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, проектъ Синода и останавливался. Ни вопроса объ организаціи общинной жизни прихода, ни вопроса объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви онъ не касался. Неизвѣстнымъ остался и составъ предполагавшагося всероссійскаго собора. По сообщенію „Руси", вопросъ объ участіи въ соборѣ бѣлаго духовенства возникъ среди высшихъ іерарховъ уже по составленіи проекта Синода и такимъ образомъ, видимо, предполагался только соборъ епископовъ.

2 апрѣля въ газетахъ было опубликовано слѣдующее правительственное сообщеніе: на всеподданѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 31-й день марта сего года, Собственноручно начертать:

„Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія".

Итакъ, переустройство церкви отложено до болѣе благопріятнаго времени. Но значеніе возбужденія этого вопроса въ переживаемое время безусловно велико. Мысль о необходимости для духовенства выйти изъ состоянія безразличія, понять насущную потребность объединенія и единенія съ обществомъ, дабы вступить живой и дѣятельной силой въ обновленную Россію, мысль эта формулирована, высказана брошена въ массу духовенства. Какъ на нее будетъ реагировать масса духовенства, въ какія формы выльются дальнѣйшія стремленія—покажетъ ближайшее будущее. Попытки организованнаго обсужденія вопросовъ, вытекающихъ изъ предположеній о церковномъ переустройствѣ, существуютъ. Къ сожалѣнію, онѣ не вездѣ увѣнчиваются успѣхомъ. Такъ, наряду съ сообщеніемъ газетъ, что въ Рижскомъ религіозно-просвѣтительномъ обществѣ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа, читался и обсуждался докладъ „о церкви",—изъ Москвы сообщаютъ, что митрополитъ не разрѣшилъ засѣданія Общества любителей духовнаго просвѣщенія, въ которомъ предполагался докладъ о духовномъ соборѣ. Наконецъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, проектируются особые комитеты духовенства для всесторонняго обсужденія вопросовъ объ обновленіи православной церкви.

Попытки организаціи духовенства, доселѣ еще немногочисленныя, представляютъ въ сущности лишь отдѣльный, частный случай организаціи и объединенія общественныхъ силъ страны. Явленіе это, вызванное широкимъ освободительнымъ движеніемъ въ обществѣ въ послѣднее полугодіе, явленіе чрезвычайной важности, съ особенной силой проявилось въ отчетный періодъ времени.

Какъ мы отмѣчали уже въ прошлой хроникѣ, указъ 18 февраля Сенату руское общество поняло, какъ призывъ къ исполненію долга, лежащаго на обществѣ, помочь правительству въ устроеніи страны на новыхъ началахъ, рескриптъ же отъ того же числа на имя министра внутреннихъ дѣлъ — какъ програму, указующую то направленіе, въ которомъ должна итти эта работа общественныхъ мысли и силъ. Столь важная и отвѣтственная задача, конечно, не можетъ быть исполнена единичными усиліями, раздробленнымъ обществомъ, и послѣднее начало сплачиваться, организоваться въ союзы. Но это только одностороннее значеніе отмѣчаемаго явленія. Легко понять, какое значеніе будутъ имѣть сплоченныя интеллигентныя силы, когда отечество наше обновится. Союзы эти составляются не на почвѣ какихъ-либо личныхъ профессіональныхъ цѣлей, лозунгомъ ихъ объединенія служатъ тѣ освободительныя стремленія русскаго общества, которыя вспыхнули яркимъ пламенемъ въ послѣднее полугодіе. Въ истекшемъ мѣсяцѣ, не считая образовавшагося еще ранѣе союза инженеровъ, организованы: союзъ профессоровъ, союзъ врачей, союзъ преподавателей въ среднихъ школахъ, союзъ адвокатуры, союзъ журналистовъ, союзъ агрономовъ и статистиковъ, союзъ дѣятелей по путямъ сообщенія, союзъ фармацевтовъ, союзъ дѣятелей типографскаго дѣла и др.

Рѣшеніе организовать союзъ педагоговъ принято собраніемъ кіевскихъ педагоговъ, въ Ростовѣ-на-Дону и въ Москвѣ. Наконецъ, возбужденъ вопросъ объ организаціи всероссійскаго союза педагоговъ и, по сообщенію „Россійскаго телеграфнаго агентства", на Святой предполагался ради этой цѣли съѣздъ педагоговъ въ Москвѣ. Всероссійскіе союзы ад-

вокатуры и журналистовъ образованы въ концѣ марта и началѣ апрѣля послѣ съѣздовъ представителей ихъ изъ всѣхъ краевъ Россіи въ Петербургѣ. По сообщенію газетъ, на съѣздѣ журналистовъ было 140 делегатовъ отъ 97 изданій.

Въ Москвѣ на общемъ собраніи всероссійскаго фармацевтическаго общества признано необходимымъ организовать союзъ фармацевтовъ; въ Петербургѣ въ началѣ апрѣля организованъ союзъ наборщиковъ. Въ концѣ марта въ Москвѣ организованы: союзъ агрономовъ и статистиковъ послѣ съѣзда дѣятелей въ области сельско-хозяйственной промышленности и союзъ дѣятелей по путямъ сообщенія, насущная потребность котораго формулирована на общемъ собраніи инженеровъ путей сообщенія въ слѣдующемъ положеніи: не отстраняя себя отъ участія въ активной дѣятельности всѣхъ мыслящихъ гражданъ отечества, русскіе дѣятели различныхъ спеціальностей должны вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящій моментъ сплотиться въ тѣсныя организаціи по профессіи, дабы съ возможно большею силою, почерпаемою изъ тѣснаго единенія, приступить къ практическому разрѣшенію предъявляемыхъ имъ жизнью задачъ въ болѣе узкой области своей общественной дѣятельности.

Мысль о необходимости объединенія путемъ учрежденія союзовъ, явившая, какъ мы видѣли, такіе значительные результаты въ теченіе сравнительно небольшого періода времени, не могла пройти безслѣдно въ средѣ, давшей фундаментъ для стремленій къ обновленію Россіи. Мы говоримъ о земскихъ дѣятеляхъ, объединившихся еще въ ноябрѣ прошлаго года на извѣстномъ совѣщаніи. Мысль о новомъ съѣздѣ представителей всѣхъ русскихъ земствъ созрѣла, и такой съѣздъ былъ назначенъ уже на 22 апрѣля, когда стало извѣстнымъ, что оставшіеся на ноябрьскомъ съѣздѣ въ меньшинствѣ земскіе дѣятели, во главѣ съ Д. Н. Шиповымъ, отказываются отъ участія на этомъ съѣздѣ и сбираютъ въ тѣ же числа въ Москвѣ свое особое совѣщаніе (За нѣсколько дней до предполагавшагося съѣзда Спб. аг. сообщило, однако, что московскій губернаторъ извѣстилъ предсѣдателя губ. земской управы, что ни офиціальный, ни частный съѣзды земцевъ не разрѣшены). Въ рядахъ земскихъ дѣятелей произошелъ расколъ на почвѣ разрѣшенія вопроса о порядкѣ созыва народныхъ представителей и ихъ правахъ. Большинство стоитъ за реформы въ широкомъ направленіи и по западно-европейскимъ образцамъ. Меньшинство, примыкая къ программѣ губернскихъ предводителей дворянства, о съѣздѣ которыхъ мы говорили въ прошлой хроникѣ, высказывается за участіе народныхъ представителей въ духѣ русскихъ историческихъ началъ и въ смыслѣ земскаго собора. Опубликованная записка губернскихъ предводителей дворянства, указавъ въ началѣ на тяжесть пережитыхъ въ послѣднее десятилѣтіе событій и бѣдствій переживаемыхъ, свидѣтельствуетъ, что все это, и война, и смута обнаружили негодность нашего государственнаго хозяйства, наше внутреннее духовное и гражданское неустройство. Съ изданіемъ рескрипта 18 февраля государство наше входитъ въ новую полосу исторической жизни. Время порицанія существующихъ порядковъ прошло, теперь время спокойной, трезвой, созидательной работы.

„Но этого мало: вступая въ новую гражданскую жизнь, не должно скрывать отъ себя, что впереди предстоитъ не только работа, но и борьба.

„Въ средѣ общественныхъ дѣятелей существуетъ весьма значительно сильная по своему личному составу, сплоченная группа сторонниковъ западно-европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія.

„Нѣтъ сомнѣнія, что группа эта будетъ проводить свои взгляды въ общественныхъ собраніяхъ и приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы дать предстоящимъ государственнымъ реформамъ направленіе строго-конституціонное.

„Съ этимъ, по мнѣнію нашему, надлежитъ бороться, проводя въ общественное сознаніе необходимость объединенія на почвѣ рескрипта 18-го февраля, провозгласившаго возрожденіе нашего отечества на основѣ самодержавія при народномъ представительствѣ.

„Западно-европейскія теоріи конституціонализма для многихъ соблазнительны, какъ соблазнителенъ всякій готовый, будто бы хорошо испытанный, рецептъ, съ помощью котораго врачеваніе и нашего государственнаго недуга кажется наиболѣе легкимъ.

„Мы же думаемъ, что западно-европейскія формы государственности отнюдь не исключаютъ возможности иныхъ, ибо врядъ ли основательно полагать, что политическое творчество народовъ сказало свое послѣднее слово въ области государственнаго строительства.

„Мы признали, что величайшее въ мірѣ государство способно и должно выработать самобытную форму правленія, органически связанную съ ея духовными, бытовыми, географическими и иными условіями.

„Мы утверждаемъ, что проченъ будетъ лишь тотъ строй, который образуется путемъ естественнаго развитія существующихъ основъ, а не путемъ искусственнаго, быть можетъ, даже насильственнаго насажденія новыхъ.

„Помимо сего мы настаиваемъ на томъ, что самодержавіе, при наличности народнаго представительства, одно способно въ настоящее время обезпечить въ равной мѣрѣ нужды разноплеменнаго населенія россійскаго государства и всѣхъ разнохарактерныхъ его классовъ и сословій, крестьянскаго въ особенности.

„Для прекращенія смуты, для справедливаго удовлетворенія назрѣвшей общественной потребности и для обезпеченія лучшаго управленія Россіей указанное въ рескриптѣ 18-го февраля народное представительство должно служить непосредственному приближенію къ Государю народной мысли и общественнаго мнѣнія.

„Оно не должно, по примѣру конституціонныхъ учрежденій, ограничивать его самодержавной власти, оно должно уничтожить произволъ правительственныхъ чиновъ, достовѣрно доводя до Монарха назрѣвшія нужды народа и страны. Оно должно состоять изъ выборныхъ людей.

„Кромѣ права разсмотрѣнія всѣхъ законопроектовъ, составленныхъ въ министерствахъ, оно должно имѣть право возбужденія вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ.

„Чтобы отвратить извращеніе законовъ исполнительными властями и ради охраненія свободы совѣсти, личности и слова — оно должно имѣть право запроса къ министрамъ, которые остаются отвѣтственными передъ Государемъ.

„Оно должно имѣть право разсмотрѣнія государственной росписи и право контроля надъ исполненнымъ бюджетомъ".

Проектъ государственнаго устройства, по программѣ этой политической партіи, предводительствуемой Д. Н. Шиповымъ и кн. П. Н.

Трубецкимъ, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ.

I. Народное представительство должно быть организована какъ особое выборное учрежденіе—государственный земскій совѣтъ.

II. Въ кругъ обязанностей государственнаго земскаго совѣта должны входить: а) разсмотрѣніе всѣхъ законопроектовъ; б) обсужденіе государственнаго бюджета; в) разсмотрѣніе отчетовъ по исполненію государственной росписи и дѣятельности вѣдомствъ; сверхъ того, предоставляется государственному земскому совѣту возбужденіе вопросовъ необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ.

Примѣчаніе. Всѣ законопроекты, возникшіе какъ по правительственной инціативѣ, такъ и по инціативѣ государственнаго земскаго совѣта, по предварительной разработкѣ ихъ въ подлежащихъ вѣдомствахъ, поступаютъ въ особое правительственное учрежденіе, которое и вноситъ ихъ въ окончательной формѣ на разсмотрѣніе государственнаго земскаго совѣта.

III. Государственному земскому совѣту должно быть предоставлено право запроса министровъ; но министры отвѣтственны не передъ народнымъ представительствомъ, а передъ Государемъ.

IV. Предсѣдатель государственнаго земскаго совѣта утверждается Государемъ изъ избранныхъ совѣтомъ кандидатовъ, и всѣ мнѣнія совѣта докладываются Государю предсѣдателемъ совѣта.

V. Народное представительство должно быть построено не на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а на основѣ реорганизованнаго представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія, при чемъ послѣднее должно быть распространено по возможности на всѣ части Россійской Имперіи.

VI. Русскій земско-государственный строй представляется въ слѣдующемъ развитіи: мелкія земскія единицы и уѣздные города, объединенные въ уѣздныхъ земствахъ, уѣздныя земства и губернскія города—въ губернскихъ земствахъ, губернскіе земства и города съ населеніемъ свыше установленной нормы—въ государственномъ земскомъ совѣтѣ.

VII. Представительство въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія должно быть организовано не на сословныхъ началахъ, и къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи должны быть привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія.

Въ то время, какъ по вопросу о земскомъ съѣздѣ въ средѣ земцевъ произошелъ, такъ сказать, программный расколъ, многочисленныя губернскія земскія собранія, происходившія въ теченіе истекшаго мѣсяца, несмотря на препоны и затрудненія, продолжали давать живой и единодушный откликъ на рескриптъ 18 февраля, стремясь всѣми силами использовать, дарованное указомъ Сената 18 февраля, право высказываться по вопросамъ государственнаго строительства. Къ сожалѣнію, и нынѣ, какъ и въ прошлой хроникѣ, приходится отмѣтить, что не вездѣ земствамъ была дана возможность исполнить свой долгъ предъ страной, въ виду воспрещенія нѣкоторыми губернаторами обсуждать вопросы, вытекающіе изъ рескрипта 18 февраля. По этому поводу въ сущности и до сихъ поръ еще не выяснено, чѣмъ обусловлено въ однихъ случаяхъ разрѣшеніе обсужденія вопросовъ государственнаго устройства, а въ другихъ запрещеніе. Такъ, полтавскій губернаторъ воспретилъ обсужденіе губернскимъ земскимъ собраніемъ этихъ вопросовъ, и земству на его попытки объ отмѣнѣ этого распоряженія былъ указанъ, какъ единственный, путь — обжалованіе дѣйствій администраціи Сенату, что собраніемъ и сдѣлано. Съ другой стороны, орловскій губернатовъ, также сдѣлавшій распоряженіе о необсужденіи губернскимъ земскимъ собраніемъ вопросовъ государственнаго благоустройства, на просьбу предсѣдателя собранія М. А. Стаховича объяснить это распоряженіе,—сначала указалъ на талеграмму отъ начальника главнаго управленія по дѣламъ земскаго хозяйства, дѣйствительно запрещавшую касаться вопросовъ, связанныхъ съ рескриптомъ 18 февраля, а затѣмъ взялъ обратно свое запрещеніе, ссылаясь на то, что это распоряженіе не министерское. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ было опубликовано 31 марта слѣдующее официальное сообщеніе: „Въ №№ 108 (въ статьѣ „Бюрократическая волокита“) и 110 (въ статьѣ „Противъ теченія“) газеты „Слово“, отъ 28-го и 30-го марта, между прочимъ, было сообщено о томъ, что, будто бы, главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства циркуляромъ запретило впредь земствамъ и городскимъ думамъ обсуждать какіе-либо проекты, касающіеся реформъ, предуказанныхъ рескриптомъ 18-го февраля. Сообщеніе это лишено всякаго основанія, такъ какъ подобнаго циркуляра главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства не издавало“.

Въ результатѣ этого недоразумѣнія явилось то, что, какъ видно изъ правительственнаго сообщенія, безъ всякаго основанія, нѣкоторыя земскія собранія оказались лишенными права голоса.

Въ сессіяхъ шести губернскихъ собраній (Вятскомъ, Саратовскомъ, Ярославскомъ, Нижегородскомъ, Орловскомъ и Екатеринославскомъ), которымъ дано было право слова, вопросы государственнаго строительства заняли имъ подобающее, первое мѣсто въ сужденіяхъ собраній: этимъ вопросамъ было посвящено много вниманія и силъ. Постановленія, которыя были сдѣланы земскими собраніями, почти тождественны, основная же мысль вездѣ одна и та же. Поэтому ограничиваемся приведеніемъ резолюціи Вятскаго губернскаго земскаго собранія, которая полностью опубликована въ ежедневныхъ газетахъ и въ сравнительно краткихъ словахъ выражаетъ путь обновленія государственнаго строя, какъ онъ мыслится земствами.

1) Вятское губернское земское собраніе признаетъ, что крайне тревожное настроеніе населенія, нерѣдко обостряемое нетактичнымъ вмѣшательствомъ духовенства и полиціи, быстро растетъ и грозитъ въ недалекомъ будущемъ проявиться такими ужасными бѣдствіями, какія имѣли уже мѣсто въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего государства. Такое состояніе страны теперь уже лишаетъ возможности всѣ продуктивныя силы населенія спокойно заниматься трудомъ и, разоряя отечественную промышленность, ведетъ къ обнищанію народа.

2) Единственнымъ дѣйствительнымъ выходомъ изъ этого грознаго положенія страны можетъ служить только скорѣйшее осуществленіе началъ, выраженныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, т. е. созывъ свободно избранныхъ народныхъ представителей для правильнаго участія въ законодательствѣ.

3) Для скорѣйшаго осуществленія указанной въ предыдущемъ пунктѣ государственной реформы въ смыслѣ выработки программы и

порядка проведенія ея въ жизнь, необходимъ немедленный созывъ избранныхъ представителей отъ существующихъ общественныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій, какъ полноправныхъ членовъ, въ особое совѣщаніе, образованное подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ.

При этомъ собраніе признаетъ, что засѣданія особаго совѣщанія должны происходить при гласномъ обсужденіи вопросовъ и что призывъ выборныхъ представителей для участія только съ совѣщательнымъ голосомъ не приведетъ къ желаемой цѣли и не дастъ умиротворенія странѣ.

4) Въ интересахъ успокоенія населенія и выясненія порядка проведенія реформы въ наибольшемъ ея соотвѣтствіи съ потребностями времени и запросами населенія, необходимо немедленное предоставленіе свободы слова, печати, собраній и обезпеченіе неприкосновенности личности съ отвѣтственностью только по суду.

5) Вятское собраніе выражаетъ твердую увѣренность, что всякое промедленіе въ осуществленіи вышеуказанныхъ реформъ повлечетъ за собой неизмѣримо тяжкія послѣдствія для страны, такъ какъ бѣдственныя военныя событія, усиливающееся броженіе во внутренней жизни страны, обнищаніе населенія и грозящая эпидемія холеры напрягли нервы народа до крайней мѣры, и вятское губернское земское собраніе неотступно проситъ правительство внять голосу земскихъ людей, близкихъ къ народу, и предотвратить грядущіе ужасы кровавыхъ событій скорѣйшимъ созывомъ свободно избранныхъ представителей народа для устраненія бѣдствій и для правильнаго и постояннаго участія въ законодательствѣ".

Заключаемъ нашъ обзоръ дѣятельности земствъ по вопросамъ, связаннымъ съ созывомъ народныхъ представителей, сообщеніемъ двухъ офиціальныхъ документовъ большой важности. Первый — офиціальное извѣщеніе костромского губернскаго предводителя дворянства, помѣщенное въ „Костромскомъ Листкѣ", гласитъ слѣдующее: „Государю Императору 30 марта 1905 года, во время представленія моего Ему въ Царскосельскомъ дворцѣ, благоугодно было повелѣть сообщить чрезъ меня дворянамъ Костромской губерніи слѣдующія Его слова:

„Воля Моя въ дѣлѣ созыва народныхъ представителей непреклонна, и министръ внутреннихъ дѣлъ прилагаетъ всѣ усилія къ скорѣйшему выполненію ея".

Второй документъ—Высочайшій рескриптъ на имя иркутскаго генералъ-губернатора графа Кутайсова о введеніи земскихъ учрежденій въ предѣлахъ Иркутскаго генералъ-губернаторства и въ губерніяхъ Тобольской и Томской. „Вновь возникшія бытовыя условія, говорится въ рескриптѣ, выдвинули на очередь рядъ весьма важныхъ задачъ, рѣшеніе коихъ не можетъ быть достигнуто безъ участія представителей населенія. Назрѣвшимъ потребностямъ не отвѣчаетъ болѣе дѣйствующій въ Сибири порядокъ завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ, и Я призналъ за благо завѣдываніе это въ предѣлахъ Иркутскаго военнаго генералъ-губернаторства и въ губерніяхъ Тобольской и Томской образовать на плодотворныхъ началахъ общественной самодѣятельности, обезпечивающихъ своевременное удовлетвореніе непрерывно нарастающихъ запросовъ жизни.

„Во исполненіе сего поручаю вамъ приступить къ разработкѣ вопроса о введеніи земскихъ учрежденій во ввѣренномъ вамъ генералъ-губернаторствѣ въ соотвѣтствіи съ предначертаніями Моими, предуказанными во 2-мъ пунктѣ указа Правительствующему Сенату отъ 12-го декабря 1904 года, и выработанныя вами соображенія сообщить министру внутреннихъ дѣлъ для дальнѣйшаго въ установленномъ порядкѣ направленія ихъ одновременно съ предположеніями о введеніи земскихъ учрежденій въ Тобольской и Томской губерніяхъ.

„Да послужитъ принимаемая мѣра къ вящшему преуспѣянію дорогого Мнѣ Сибирскаго края и къ тѣснѣйшему единенію его съ коренною Россіею".

Вопросъ о томъ, какой изъ двухъ типовъ земскихъ учрежденій получитъ Сибирь: общерусскаго образца или то, которымъ надѣлены сѣверо и юго-западныя окраины, повидимому, разрѣшается ссылкой, имѣющейся въ рескриптѣ на 2 п. указа 12 декабря. Этимъ пунктомъ, какъ извѣстно, устанавливается расширеніе вѣдомства и самостоятельности земства и учрежденіе мелкой земской единицы. Такимъ образомъ, Сибирь окажется, нужно надѣяться, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ тѣ окраины, въ которыхъ земскія, по названію, учрежденія были насаждены въ министерство В. К. Плеве.

Обращаясь отъ работъ земскихъ собраній по общимъ вопросамъ правовыхъ условій государственной жизни къ дѣяніямъ въ области ихъ обычныхъ трудовъ, необходимо указать, что всѣ собранія съ особою внимательностью отнеслись къ мѣропріятіямъ по борьбѣ съ надвигающеюся холерою.

Но экстренная задача организаціи помощи населенію въ борьбѣ съ предстоящею грозною эпидеміею не заслонила отъ земствъ и др. культурныхъ цѣлей. Въ трудахъ собраній читаемъ постановленія объ устройствѣ педагогическихъ курсовъ для учителей народныхъ школъ, о дальнѣйшихъ мѣрахъ къ развитію и поднятію народнаго образованія. Словомъ, минувшая сессія цѣлаго ряда земскихъ собраній, перенесшихъ свои засѣданія послѣ январьскихъ событій на весну, дала ту же картину плодотворной культурной работы, какъ и обычно.

Въ трудахъ земскихъ собраній мы не встрѣтили, по причинамъ, отъ земствъ, конечно, независящимъ, сужденій объ имѣвшихъ мѣсто и продолжающихся и понынѣ такъ наз. аграрныхъ безпорядкахъ. Тѣмъ большую цѣну имѣютъ сужденія и предполагаемыя мѣропріятія нѣкоторыхъ, высказавшихся по этому вопросу, сельско-хозяйственныхъ обществъ, состоящихъ въ громадномъ своемъ большинствѣ изъ представителей земли, тѣхъ же земцевъ. Тѣмъ большая цѣна этихъ постановленій, что они аналогичны извѣстному читателямъ изъ прошлой хроники, мнѣнію частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей въ Москвѣ о причинахъ аграрныхъ безпорядковъ и мѣрахъ къ ихъ прекращенію.

Въ цѣляхъ предупрежденія и пресѣченія аграрныхъ волненій принимаются мѣры и администраціею. Такъ, бессарабскій губернаторъ издалъ циркуляръ, въ которомъ предписываетъ „въ устраненіе подобныхъ (аграрныхъ) нетерпимыхъ, особенно въ настоящее тревожное время, явленій, поручаю тщательно наблюдать за подчиненіемъ всѣхъ лицъ, проживающихъ во ввѣренномъ вамъ уѣздѣ, законности порядка и уваженія къ чужой собственности и со всею строгостью относиться къ нарушителямъ оной". Полтавскій губернаторъ въ предупрежденіе возможныхъ среди крестьянъ волненій издалъ слѣдующую „инструкцію"

земскимъ начальникамъ и мѣстной полиціи: 1. Усилить наблюденіе за настроеніемъ населенія и сдѣлать помощь земскимъ начальникамъ возможно доступнѣе. 2. Противодѣйствовать пропагандѣ путемъ объѣздовъ и бесѣдъ съ крестьянами. 3. Объѣхать тѣ экономіи, гдѣ замѣчаются острыя отношенія населенія съ администраціей имѣній, и просить представителей администраціи имѣній о всякомъ замѣченномъ случаѣ доводить до свѣдѣнія земскихъ начальниковъ или чиновъ полиціи. 4. При полученіи такихъ заявленій немедленно выѣзжать на мѣсто для разслѣдованія и, если подтвердится заявленіе, немедленно увѣдомить губернатора. 5. Полиція и земскіе начальники оказываютъ другъ другу полное содѣйствіе и немедленно сообщаютъ другъ другу свѣдѣнія. 6. Желательно общеніе съ духовенствомъ, которому даны указанія отъ архіерея. 7. При бесѣдахъ съ крестьянами вліять на чувство патріотизма и выяснять послѣдствія безпорядковъ. 8. Разъяснять смыслъ манифеста 18-го февраля въ духѣ соблюденія порядка, подчиненія начальству и довѣрчиваго отношенія къ властямъ, поставленнымъ Царемъ для искорененія крамолы.

О настроеніи умовъ среди крестьянъ собираетъ свѣдѣнія и владимірскій губернаторъ, разославшій во всѣ уѣздные города непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія, которые собирали земскихъ начальниковъ и указывали, что узнавать настроеніе крестьянскихъ массъ нужно отнюдь не публично, а конфиденціально. На сомнѣніе нѣкоторыхъ земскихъ начальниковъ, какими путями этого достигнуть, было указано: ходить по базарамъ и пр.

Несмотря на предпринимаемыя, какъ видно изъ вышеизложеннаго, мѣры къ прекращенію аграрныхъ волненій, таковыя продолжаются, захватывая новые районы. Въ истекшемъ мѣсяцѣ аграрныя волненія проявились уже и на крайнемъ югѣ, въ Оргѣевскомъ у. Бессарабской губ. и Перекопскомъ у. Таврической губ. Въ Оргѣевскомъ у. волненія возникли на почвѣ пищенскаго „дарственнаго" надѣла крестьянъ, получившихъ при надѣленіи землею вмѣсто 8 дес. по 2 дес. на душу. Считая оставшуюся въ распоряженіи помѣщика землю своею и заявляя, что предковъ ихъ обманули, крестьяне начали насильственно распахивать землю. На мѣсто безпорядковъ выѣхали власти, были высланы драгуны, но, судя по сообщенію „Бесс. Жизни", дѣйствовать оружіемъ не пришлось, такъ какъ послѣ увѣщанія вице-губернатора крестьяне „повинились", а помѣщикъ сдалъ имъ землю въ аренду на льготныхъ условіяхъ. Въ Перекопскомъ у. волненія начались вслѣдствіе того, что новый владѣлецъ лишилъ крестьянъ земли, которую ранѣе они занимали „подъ скопщину" (видъ земельной аренды), что для крестьянъ равносильно полному разоренію. Волненія ограничились пока насиліемъ противъ личности помѣщика и сопротивленіемъ предпринимаемымъ имъ мѣрамъ.

Въ Малороссіи и губерніяхъ, къ ней прилегающихъ, наличность крестьянскаго движенія зарегистрирована въ слѣдующихъ губерніяхъ: по сообщенію Петерб. аген., въ Харьк. губ. и уѣзд. произведена массовая порубка лѣса крестьянами с. Бабаевъ, куда вызваны войска; „аграрное броженіе" полиціей замѣчено въ Роменскомъ уѣздѣ Полтав. губ., гдѣ были произведены аресты. Въ Новгородъ-Сѣверскѣ расклеены объявленія отъ командированнаго въ мѣстности аграрныхъ волненій т. с. Звегинцева, гласящія, что для подавленія крестьянскихъ волненій приняты и будутъ принимаемы быстрыя и рѣшительныя мѣры вооруженной силой.

Въ Кіевской губ. возбужденное настроеніе крестьянъ господствуетъ въ Каневскомъ и Васильковскомъ уѣздахъ; въ остальныхъ мѣстностяхъ губерніи, по сообщ. Пет. аг., благодаря принятымъ мѣрамъ, волненія улеглись. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля аграрные безпорядки, въ формѣ запашекъ земель, возникли въ Бирюченскомъ и Коротоякскомъ у. Воронеж. губ. Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля въ газетахъ появилось такое сообщеніе изъ Воронежа: „Возникло предположеніе о возможности аграрныхъ безпорядковъ въ Воронежскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе чего въ уѣздъ вызваны 2 роты солдатъ". Большихъ размѣровъ достигло крестьянское движеніе въ Подольской губ., охвативъ четыре уѣзда: Каменецкій, Проскуровскій, Углицкій и Подольскій. Здѣсь они выразились требованіями объ увеличеніи платы, прекращеніемъ работъ, насиліями надъ экономическими служащими, установленіемъ на сельскихъ сходахъ размѣра поденной платы, за которую батраки могутъ итти „въ наймы".

Въ Бѣлоруссіи аграрные безпорядки продолжались въ Люцинскомъ и Городокскомъ у. Витебской губ., гдѣ происходили ночные набѣги для рубки лѣсовъ, и въ Гродненской губ., гдѣ, по словамъ „Зари", во время безпорядковъ уничтожены всѣ дѣла и книги въ становыхъ квартирахъ. Несмотря на бѣдность свѣдѣній о томъ, что происходитъ въ Царствѣ Польскомъ, изъ газетныхъ извѣстій можно почерпнуть, однако, что крестьянскія волненія продолжаются въ Петроковской и Калишской губ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ объявленіе петроковскаго губернатора о преданіи участниковъ крестьянскихъ безпорядковъ военному суду для осужденія по законамъ военнаго времени, совѣщаніе калишскаго губернатора съ военными властями для выработки инструкціи о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ при безпорядкахъ и раздѣленіе губерніи на 7 охранныхъ районовъ съ назначеніемъ въ каждый изъ нихъ особыхъ войсковыхъ частей. (Сообщ. Пет. аг. 25 и 30 мар.). По сообщенію того же Петерб. аг., въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ распространяются прокламаціи, требующія, чтобы населеніе не платило податей. Широкое и глубокое крестьянское движеніе въ Царствѣ Польскомъ вызвало цѣлый рядъ изслѣдованій объ экономическомъ положеніи крестьянства, при чемъ картина этого положенія рисуется самая безотрадная. По сообщенію проф. Погодина, заработная плата батраковъ стоитъ очень низко: деньгами женатые и семейные служащіе у помѣщика получаютъ отъ 12 до 24 руб. въ годъ, кромѣ того, „ординарію", т. е. квартиру, мѣсячину (извѣстное количество провіанта), и въ общемъ содержаніе каждаго рабочаго обходится въ годъ 160—180 р. Заработная плата, остальной массы рабочихъ, живущихъ въ деревнѣ, чрезвычайно низка: въ среднемъ для мужчины 32 коп. и для женщины 22 коп.

„Напрасно считаютъ аграрный вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ разрѣшеннымъ; рано или поздно правительству придется къ нему вернуться", писалъ много лѣтъ тому назадъ Ю. Самаринъ. Происходившее въ послѣднее время въ прибалтійскихъ губ. крестьянское движеніе—яркое тому доказательство. По словамъ рижскихъ газетъ, записки крестьянъ, внесенныя ими въ бывшіе мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, раскрыли печальное состояніе сельскаго хозяйства въ краѣ. Особенно обращаетъ вни-

маніе положеніе многочисленнаго класса безземельныхъ батраковъ и арендаторовъ крестьянскихъ участковъ, всецѣло экономически зависимыхъ отъ помѣщиковъ, въ пользу которыхъ они отбываютъ еще барщину. По сообщенію „Риж. В." 1 апр, администрація приступила въ настоящее время къ разработкѣ вопроса о „квотныхъ" земляхъ, которыя предназначались правительствомъ для устройства быта батраковъ, но крупные землевладѣльцы, въ чье распоряженіе эти земли поступили, дали имъ другое назначеніе, и батраки остались безъ земли. Въ силу этихъ особенностей, аграрное движеніе Прибалтійскаго края носитъ совершенно особый отпечатокъ. Оно выражается въ забастовкахъ и стачкахъ батраковъ, требованія которыхъ сводятся къ улучшенію квартиръ, установленію праздничнаго отдыха, увеличенію заработной платы, которая, по словамъ „Риж. Вѣст.", не превышаетъ 25 к. въ сутки, при условіи не работать лишь два дня въ годъ: въ день причастія и мѣстной ярмарки. Волненія охватили весь край, отличаясь особенной силой въ Юрьевскомъ и Верроскомъ уу. Лифляндской губ., гдѣ зачастую разрушались усадьбы, были поджоги строеній, нападенія на находившихся въ экономіяхъ. Въ Курляндской губ. наиболѣе серьезные безпорядки были въ Вольмарскомъ у. Въ Эстляндской губ. были многочисленные поджоги. „Рижск. Вѣстн." отмѣчаетъ, что волненія немедленно прекращаются послѣ того, какъ помѣщики пойдутъ, хотя въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, навстрѣчу требованіямъ крестьянъ.

Нѣтъ спокойствія въ средѣ крестьянъ и въ сердцѣ Россіи—Великороссіи. По сообщенію газетъ, аграрные безпорядки были въ Суджанскомъ у. Курской губ., въ нѣскольких уѣздахъ Пензенской губ., въ Епифанскомъ у. Тульской губ.

Малоземелье великорусской губерніи—почва нынѣшнихъ аграрныхъ волненій—фактъ общеизвѣстный. Стремленіе къ землѣ, „жажда" земли сквозитъ въ каждомъ словѣ, безъискусственно и трогательно изложенныхъ всеподданнѣйшихъ адресовъ крестьянъ матреновскаго и пученскаго вол. сходовъ Бобровскаго у. Воронежской губ. Въ своемъ адресѣ матреновскій волостной сходъ говоритъ, что для нихъ, крестьянъ, дороги „Твои милости, выраженныя въ упраздненіи гнета круговой поруки и сложеніи долга выкупныхъ недоимокъ, которыя тяжело отразились на нашемъ имущественномъ благосостояніи. Но тѣ милости, которыя коснулись улучшенія быта нашего, еще дороже для насъ, Великій Государь. Ты знаешь, что благосостояніе твоихъ хлѣбопашцевъ всецѣло зависитъ отъ количества надѣльной земли; но съ того времени, какъ мы были надѣлены ею, много прошло лѣтъ и населеніе почти удвоилось, а потому и надѣлъ нашъ, за уплатой всевозможныхъ повинностей, лежащихъ на насъ, далеко не оправдываетъ всѣхъ насущныхъ нашихъ нуждъ; прибѣгать же къ постороннему найму земли стало почти невозможно за вздорожаніемъ арендной платы, которая за послѣднія 10—15 лѣтъ поднялась съ 7 рублей до 25—30 рублей за десятину на одинъ посѣвъ. Въ особомъ совѣщаніи, какъ намъ извѣстно, въ настоящее время изучають важнѣйшіе вопросы устроенія нашей жизни; вопросы ближайшимъ образомъ касаются насъ, а потому всеподданнѣйше просимъ Тебя, Великій Государь, прикажи особому совѣщанію принять во вниманіе голосъ народа Твоего".

Въ адресѣ пученскаго схода того же уѣзда читаемъ: „Мы глубоко тронуты правовымъ уравненіемъ насъ, Государь, съ прочими Твоими подданными передъ Тобой и закономъ. Эти милости Твои тѣмъ дороже для насъ, что онѣ идутъ навстрѣчу нашимъ давнишнимъ ожиданіямъ. Достаточно изстрадались мы, дорогой нашъ Монархъ, въ ожиданіи желанныхъ для себя дней: большинство изъ насъ очень занудились, находясь, за недостаткомъ надѣльной земли, въ трудномъ хозяйственномъ положеніи, такъ какъ арендная плата земли въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ поднялась съ 7 руб. до 25—30 руб. за десятину на одинъ посѣвъ. Вотъ что все же заставляетъ насъ возвысить голосъ до Престола. Опасаясь за успѣшное окончаніе преобразованій, касающихся улучшенія нашего хозяйственнаго положенія, молимъ Тебя, Государь: прикажи министрамъ Твоимъ при разработкѣ новыхъ реформъ выслушать голосъ и народа Твоего. Что же касается насъ, то позволь Тебѣ осмѣлиться доложить: наше хозяйственное положеніе можетъ быть улучшено только увеличеніемъ надѣла земли. Твои вѣрноподданные крестьяне Пученскаго волостного схода Бобровскаго уѣзда".

Такимъ образомъ, главное и основное, что выдвигаетъ „занудившаяся" деревня въ ряду своихъ нуждъ,—это потребность въ земельной реформѣ.

Мысль, что грядущее страны, если не всецѣло, то въ наибольшей степени зависитъ отъ того или иного разрѣшенія крестьянскаго вопроса, что этотъ вопросъ одинъ изъ самыхъ насущныхъ и самыхъ крупныхъ, а въ настоящій моментъ—и самыхъ острыхъ очередныхъ государственныхъ вопросовъ—мысль эта въ настояще время озабочиваетъ какъ общество, такъ и правительство. Послѣднимъ въ истекшемъ мѣсяцѣ предпринята весьма важная мѣра, ясно указавшая планъ разрѣшенія этого сложнаго и тревожнаго вопроса, планъ, устранившій „и преувеличенныя надежды, съ одной стороны, и преувеличенныя опасенія—съ другой". Опубликованнымъ 1 апр. указомъ Сенату упразднено особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, состоявшее подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. Витте, и образовано новое особое совѣщаніе „по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія", подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра вн. д., нынѣ члена Государственнаго совѣта, д. т. с. Горемыкина. Задачи и программа новаго совѣщанія предуказаны въ слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ на имя г. Горемыкина.

„Иванъ Логгиновичъ,

„Именнымъ указомъ, 12-го декабря минувшаго года Правительствующему сенату даннымъ, Мною было объявлено, что во главѣ заботъ Моихъ о благоденствіи Россійской Державы Я полагаю мысль о наилучшемъ устройствѣ многочисленнѣйшаго въ Россіи крестьянскаго сословія. Предпринятые еще ранѣе того, согласно повелѣнію Моему, подготовительные по этому предмету труды указали, что въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ Имперіи хозяйственное положеніе сего сословія въ значительной степени поколеблено.

„Признавая необходимымъ незамедлительно приступить къ изысканію средствъ для устраненія этого прискорбнаго явленія, Я нахожу полезнымъ, чтобы независимо отъ разрабатываемыхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ преобразованій въ области крестьянскаго управленія, особое вниманіе обращено было на непосредственное упроченіе земельнаго строя крестьянъ, какъ главной основы народнаго благосостоянія. Въ сихъ видахъ надле-

житъ нынѣ же озаботиться выясненіемъ практическихъ путей къ осуществленію намѣчаемой задачи при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ. При предстоящихъ по сему вопросу работахъ должны быть установлены мѣры къ предоставленію крестьянамъ удобнѣйшихъ, соотвѣтственно измѣнившимся хозяйственнымъ условіямъ, способовъ пользованія отведенными имъ надѣльными землями и къ облегченію нуждающемуся въ землѣ сельскому населенію возможности переселенія на предназначенныя для сего земли или расширенія своего землевладѣнія при содѣйствіи крестьянскаго банка. Въ связи съ симъ слѣдуетъ приложить заботы къ завершенію отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ вящшимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности.

„Находя, что успѣшное выполненіе предуказанной задачи возможно лишь при объединеніи всѣхъ относящихся къ этому предмету работъ, нынѣ разрозненныхъ между отдѣльными мѣстами и вѣдомствами, въ одномъ учрежденіи, Я призналъ за благо образовать для обсужденія вопросовъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія особое совѣщаніе изъ лицъ, по непосредственному избранію Моему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣня пріобрѣтенныя вами долговременною государственною службою обширныя познанія и опытность въ крестьянскомъ дѣлѣ, Я поручаю вамъ предсѣдательствованіе въ упомянутомъ совѣщаніи, отъ испытаннаго усердія вашего ожидая, что возлагаемая на васъ важная задача будетъ выполнена согласно Моимъ предуказаніямъ и въ возможно непродолжительномъ времени“.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 6 апрѣля членами новаго совѣщанія назначены слѣдующія лица: члены Госуд. совѣта: Семеновъ, Брянчаниновъ, Стишинскій, государственный секретарь бар. Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ, сенаторъ Треповъ, тов. м-ра земледѣлія Шванебахъ, тов. м-ра финансовъ Кутлеръ, завѣдывающій канцеляріей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны гр. Голенищевъ-Кутузовъ, управляющіе дворянскимъ и крестьянскимъ земельными банками, управляющій земскимъ отдѣломъ и начальникъ переселенческаго управленія, херсонскій губернскій предводитель дворянства Сухомлиновъ, отставной д. с. с. Хомяковъ, членъ совѣта главнаго управленія госуд. конноводства кн. Щербатовъ, начальникъ Алтайскаго округа бар. Меллеръ-Закомельскій и богородицкій уѣздный предводитель дворянства Самаринъ. Дѣлопроизводителемъ совѣщанія назначенъ камеръюнкеръ Плеве.

Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, замѣнить которое призвано новое совѣщаніе, просуществовало 3 года и 3 мѣсяца. За этотъ значительный промежутокъ времени оно проявило, не въ примѣръ другимъ комиссіямъ, удивительную работоспособность: совѣщаніе имѣло 90 засѣданій, особенно интенсивно работая въ послѣднее время, когда засѣданія происходили по 2 раза въ недѣлю. „Труды“ и „матеріалы“ совѣщанія огромны—обнимаютъ десятки томовъ. Что касается практическихъ результатовъ, достигнутыхъ упраздненнымъ совѣщаніемъ, то они невелики: организація мелкаго кредита, расширеніе травосѣянія, улучшеніе молочнаго хозяйства, разрѣшеніе работы въ праздничные дни — такими мелкими „реформами“ выразилась огромная работа совѣщанія. Нужно, однако, замѣтить, что указъ объ упраздненіи засталъ совѣщаніе въ тотъ моментъ, когда оно собиралось перейти къ разсмотрѣнію экономической стороны крестьянскаго дѣла. И въ засѣданіи, происходившемъ наканунѣ указа объ упраздненіи, по сообщенію „Нов. Вр.“, обсуждались вопросы о выходѣ изъ крестьянскихъ обществъ и о необходимости установить доступный для крестьянъ порядокъ укрѣпленія правъ на надѣльное имущество, т. е. послѣдніе въ серіи вопросовъ объ улучшеніи правового порядка крестьянъ. Окончательное рѣшеніе этихъ вопросовъ было отложено на засѣданіе 2 апрѣля, которому, однако, не суждено уже было состояться. Но если по практическимъ результатамъ значеніе упраздненнаго совѣщанія ничтожно, то, несомнѣнно, громадной заслугой его является обращеніе къ мѣстнымъ людямъ, учрежденіе мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, которыми была обставлена работа этихъ комитетовъ, работа эта дала многое: общественное сознаніе провинціи пробудилось, стали выясняться рѣшенія общихъ вопросовъ государственной жизни, программы различныхъ общественныхъ группъ.

Задача новаго особаго совѣщанія, какъ видятъ читатели, несомнѣнно, представляется болѣе узкой, чѣмъ имъ замѣняемаго, хотя это не значитъ, чтобы она была менѣе трудной и сложной. „Непремѣннымъ“ условіемъ разрѣшенія задачи совѣщанія служитъ дважды упоминаемая въ рескриптѣ охрана „частнаго землевладѣнія отъ всякихъ посягательствъ“. Такимъ образомъ, новому совѣщанію предстоитъ работа практическаго разграниченія интересовъ крестьянъ отъ интересовъ помѣщиковъ, для устраненія столкновенія которыхъ указаны два пути: 1) облегченіе переселеній и 2) облегченіе покупокъ земли при помощи крестьянскаго банка. Такимъ образомъ, разрѣшеніе крестьянскаго вопроса во всей его полнотѣ снято съ очереди. Взамѣнъ его предстоитъ практически осуществить два вышеуказанныхъ мѣропріятія, изъ которыхъ, въ виду общественной малой кредитоспособности крестьянской массы, особенно важное значеніе имѣетъ первое—переселеніе.

Но и при осуществленіи этого частичнаго вопроса „крестьянскаго дѣла“ новому совѣщанію придется столкнуться съ чрезвычайными трудностями. Какъ ни необъятно наше отечество, но удобныхъ для заселенія и способныхъ вмѣстить весь избытокъ населенія, за долгіе годы накопившійся въ странѣ, далеко не безграничное количество. Извѣстный знатокъ переселенческаго дѣла А. А. Кауфманъ, убѣдительно доказываетъ, что „даже для ежегоднаго прироста населенія трудно открыть возможность выселяться на новыя, незаселеныя земли. Между тѣмъ, чтобы путемъ переселеній сколько-нибудь ощутительно облегчить общее малоземелье, необходимо было бы въ настоящее время двинуть сразу приростъ многихъ лѣтъ. Для этихъ милліоновъ душъ нѣтъ мѣста на казенныхъ земляхъ, свободныхъ отъ ранѣе заявленныхъ правъ, не говоря уже о томъ, что большая часть земельнаго фонда государства доступна для заселенія лишь выходцамъ изъ лѣсныхъ мѣстностей и совершенно непригодна для переселенцевъ изъ наиболѣе малоземельныхъ районовъ Россіи—изъ черноземной полосы, съ ея преимущественно степнымъ характеромъ. Распредѣленный на всю Россію запасъ государственныхъ земель, доступныхъ переселенче-

скому движенію, сведется къ небольшимъ дозамъ, отъ которыхъ не приходится ждать серьезныхъ облегченій".

Несомнѣнно одно, и въ этомъ сошлись всѣ органы ежедневной печати, начиная отъ „Сына Отеч." (2 апр.) и кончая „Моск. Вѣд." (5 апр.), что рескриптъ на имя д. т. с. Горемыкина произведетъ огромное впечатлѣніе на мѣстахъ.

Большое впечатлѣніе должны произвести въ нашихъ земледѣльческихъ и землевладѣльческихъ классахъ населенія и указы Правительствующему сенату отъ 10 и 17 апрѣля Первый указъ гласитъ слѣдующее:

„Въ текущемъ году въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ возникли безпорядки, сопровождающіеся разгромомъ и грабежомъ преступными скопищами крестьянъ владѣльческихъ усадьбъ, торгово-промышленныхъ заведеній и движимаго имущества.

„Такое злонамѣренное нарушеніе имущественныхъ правъ не можетъ быть терпимо. Всякая частная собственность неприкосновенна, и охраненіе ея отъ незаконнаго посягательства, а тѣмъ болѣе отъ насилія, составляетъ первѣйшую обязанность Правительства и необходимое условіе мирнаго и спокойнаго преуспѣянія общественной жизни.

„Въ цѣляхъ вящшаго развитія въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія какъ въ неприкосновенности частной собственности, такъ и въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будутъ неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности, Мы повелѣваемъ:

„1) Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ учреждать, по мѣрѣ надобности, въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки, временныя уѣздныя комиссіи, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, уѣздныхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ, въ участкахъ коихъ произошли безпорядки, а также приглашаемыхъ въ комиссію одного или двухъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія, проживающихъ въ ближайшихъ къ мѣсту происшествій мѣстностяхъ.

„2) Возложить на означенныя въ п. 1-мъ комиссіи выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ крестьянъ, а также исчисленіе размѣровъ причиненныхъ ими убытковъ, для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканія на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи.

„3) Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ преподать упомянутымъ временнымъ комиссіямъ подробныя указанія о порядкѣ ихъ дѣйствій, а также командировать особо назначенныхъ для сего Министромъ лицъ, для руководства дѣйствіями сихъ комиссій.

„4) Поручить Министру Внутреннихъ Дѣлъ выработать и, по сношеніи съ Министрами Юстиціи и Финансовъ и Государственнымъ Контролеромъ, внести на Наше утвержденіе, чрезъ Комитетъ Министровъ, проектъ правилъ о порядкѣ осуществленія мѣры, указанной въ п. 2-мъ, и возмѣщенія убытковъ потерпѣвшимъ, а также объ оказаніи воспособленія выдачей ссудъ изъ казны тѣмъ изъ потерпѣвшихъ владѣльцевъ, кои оказались бы не въ состояніи собственными средствами немедленно возстановить свои усадьбы или пріобрѣсти необходимый для веденія въ нихъ хозяйства инвентарь.

„Правительствуюшій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе".

Указомъ Сенату отъ 5 апрѣля, опубликованнымъ 17 апрѣля, сельскому населенію предоставлены льготы по уплатѣ долговъ казнѣ продовольственныхъ и по обсѣмененію полей. Часть этихъ долговъ сложены со счетовъ сполна. Таковы, напр., недоимки общему по Имперіи продовольственному капиталу по существовавшему до 1866 г. продовольственному сбору, долги, выданные изъ того же капитала за время съ 1867 г. по 14 ноября 1894 г., долги по ссудамъ, выданнымъ изъ госуд. казначейства по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, а также ссуды мастеровымъ нѣкоторыхъ горныхъ заводовъ и фабрикъ. Затѣмъ, изъ общей суммы продовольственныхъ долговъ, числящихся за сельскимъ населеніемъ какъ казнѣ по ссудамъ, выданнымъ по случаю неурожаевъ 1891 и 1892 гг., такъ и въ общій по Имперіи продовольственный капиталъ, а также въ губернскіе продовольственные капиталы за время съ 14 ноябвя 1894 г. по 30 іюля 1905 г.,—сложены въ 43 губерніяхъ и областяхъ половина долговъ и въ 9 (Казанской, Нижегородской, Новгородской, Псковской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Уфимской губ., а также Терской области)—двѣ трети долговъ. Наконецъ, сложены полностью, числившіеся по 30 іюля 1905 г., долги въ казну, въ общій по Имперіи продовольный капиталъ и губернскіе продовольственные капиталы, съ тѣхъ семействъ, члены которыхъ призваны изъ запаса въ дѣйствующую армію и флотъ.

Въ день опубликованія указа Сенату отъ 5 апрѣля — 17 апрѣля въ „Правит. Вѣстн." напечатано было правительственное сообщеніе, въ которомъ выяснялось значеніе дарованныхъ льготъ. Въ настоящее время, по словамъ правительственнаго сообщенія, вся сумма продовольственнаго долга составляетъ въ среднемъ 92,6% по отношенію къ окладу казенныхъ и земскихъ сборовъ, превышая въ 9 губерніяхъ двойной окладъ ихъ и доходя въ Уфимской до 85 2%. Послѣ же дарованнаго сложенія оставшійся продовольственный долгъ будетъ составлять только 37,8% въ отношеніи къ окладу сборовъ, уменьшившись въ Уфимской до 28 4% и колеблясь въ остальныхъ мѣстностяхъ въ предѣлахъ отъ 0,1% въ Кіевской губ. до 10 9% въ Казанской. Засимъ общая продовольственная задолженность сельскихъ обывателей составляетъ теперь свыше 120 мил. руб., изъ которыхъ должны быть сложены, на основаніи указа, почти 73 мил р. и, такимъ образомъ, оставляемая за населеніемъ часть долга выразится лишь въ суммѣ около 47 мил. руб., или 38,4% общей суммы продовольственнаго долга. Въ дѣйствительности же и эту сумму нужно уменьшить въ виду особой льготы семьямъ запасныхъ, призванныхъ на войну.

Такимъ образомъ, указами отъ 5 и 10 апрѣля, съ одной стороны, въ значительной мѣрѣ уменьшена задолженность крестьянства, а съ другой—платежной силѣ его, экономическому положенію предстоитъ новое испытаніе. Суровая мѣра указа 5 апрѣля, какъ это отмѣчалось уже въ печати, замѣчательна тѣмъ, что взысканія въ возмѣщеніе убытковъ потерпѣвшимъ помѣщикамъ обращены „на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ, участвовавшихъ въ скопищахъ

крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи".

Такая редакція указа не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что для этого случая пріостанавливается дѣйствіе статей закона, коими опредѣляется минимумъ имущества, считающійся неприкосновеннымъ при производствѣ какихъ бы то ни было имущественныхъ взысканій по суду или административнымъ порядкомъ. Неяснымъ остается однако же, слѣдуетъ ли понимать подъ *недвижимымъ* имуществомъ частную собственность крестьянъ, т. е. такъ называемыя „прикупныя" земли, или также и надѣльныя, состоящія въ общинномъ вѣдѣніи „всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ, участвовавшихъ и т. д.".

Обращеніе взысканія на „все безъ изъятія" имущество виновныхъ представляется, безспорно, совершенно неизбѣжнымъ, разъ самое производство взысканій признается необходимымъ, такъ какъ у нашихъ крестьянъ вообще только въ рѣдкихъ случаяхъ имѣется въ наличности такое имущество, на которое можетъ быть обращено взысканіе безъ нарушенія упомянутыхъ статей закона, чѣмъ и обусловливается безплодность большинства какъ налагаемыхъ на крестьянъ взысканій по суду, такъ и взысканіе недоимокъ административнымъ порядкомъ.

Крестьянскія волненія, выливающіяся, благодаря общей некультурности деревни и отсутствію мирныхъ путей для протеста, въ тѣ страшныя формы грабежа и поджоговъ, о которыхъ, какъ мы видѣли, сообщаютъ газеты съ разныхъ концовъ Россіи, представляютъ послѣдній этапъ охватившаго всѣ классы населенія общественнаго движенія. Въ рабочихъ классахъ населенія, стоящихъ по своему культурному развитію выше землепашцевъ, общественное движеніе выражалось, какъ и въ прошломъ мѣсяцѣ, какъ и всегда, въ настойчивомъ добываніи себѣ новыхъ условій правовой и экономической жизни путемъ стачекъ, забастовокъ, подачей петицій и заявленій, выработанныхъ на общихъ собраніяхъ рабочихъ. Такъ было какъ въ средѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ, такъ и рабочихъ торгово-промышленныхъ заведеній. Забастовки на фабрикахъ и заводахъ въ текущемъ мѣсяцѣ имѣли мѣсто въ слѣдующихъ крупныхъ фабричныхъ центрахъ: Бѣлостокѣ, Батумѣ, Брянскѣ, Боровичахъ, Варшавѣ, Гомелѣ, Гроднѣ, Екатеринбургѣ, Житомірѣ, Казани, Костромѣ, Либавѣ, Лодзи, Лугѣ, Москвѣ, Митавѣ, Минскѣ, Ново-Вилейскѣ, Одессѣ, Петербургѣ, Пинскѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Самарѣ, Твери, Юзовкѣ.

Изложить сколько-нибудь подробно ходъ рабочаго движенія за недостаткомъ мѣста, мы лишены возможности. Ограничиваемся передачей нѣсколькихъ фактовъ.

Изъ Пинска Сѣв.-Зап. Краю сообщаютъ: „Во время возникшей забастовки желѣзнодорожныхъ рабочихъ городъ охватила тревога. Магазины начали запираться, по городу распространилось волненіе. Тогда рабочіе, чтобы успокоить населеніе, откомандировали нѣсколько депутацій, которыя обошли магазины и убѣдили торговцевъ, что имъ нечего опасаться, что рабочіе не думаютъ чинить какого-либо насилія надъ кѣмъ-либо изъ жителей. „Если бы нашлись такіе хулиганы, добавили они, которые захотѣли бы воспользоваться нашей забастовкой для своихъ гнусныхъ цѣлей и начали безпорядки, то дайте знать намъ, и мы явимся и сами возстановимъ спокойствіе".

Въ истекшемъ мѣсяцѣ зародилась всероссійская организація служащихъ въ такомъ богатомъ и огромномъ предпріятіи, какъ Азовско-Донской коммерческій банкъ, имѣющій свои отдѣленія въ 40 городахъ Россіи. Служащіе всѣхъ отдѣленій пришли къ мысли о необходимости созвать съѣздъ делегатовъ, на которомъ должны были обсуждаться такіе важные въ ихъ быту вопросы, какъ о нормировкѣ рабочаго дня, врачебной помощи для служащихъ, учрежденія товарищескаго суда для разбора недоразумѣній между служащими, а также между служащими и администраціей банка Правленіе банка сначала въ допущеніи съѣзда отказало и распорядилось, чтобы на пасхальныхъ праздникахъ (когда предполагался съѣздъ) служащимъ отпусковъ не давали. Затѣмъ, правленіе, въ виду заявленія служащихъ, что если не послѣдуетъ согласія, то съѣздъ все-таки состоится, делегаты будутъ взяты подъ свое покровительство и, въ случаѣ принятія по отношенію къ делегатамъ какихъ-либо мѣръ, всѣ отдѣленія забастуютъ. —правленіе согласилось на съѣздъ въ Петербургѣ и послѣ повторнаго требованія о допущеніи съѣзда въ Ростовѣ-на-Дону, правленіе обѣщало вновь обсудить этотъ вопросъ.

Въ апрѣлѣ вновь возникли забастовки на желѣзныхъ дорогахъ. Начались онѣ на Кавказѣ. Уже въ 20-хъ числахъ марта, согласно официальному сообщенію, началась забастовка линейныхъ служащихъ на трехъ участкахъ Закавказской ж. д. Затѣмъ, по сообщенію Петерб. Тел. Аг. 4 апрѣля, было пріостановлено движеніе всѣхъ поѣздовъ на всѣхъ линіяхъ Закавказскихъ ж. д. Забастовали всѣ машинисты, составители поѣздовъ, сцѣпщики, стрѣлочники. Попытки отправить поѣзда съ желѣзнодорожными воинскими чинами сопровождались крушеніемъ поѣзда вслѣдствіе злоумышленнаго снятія рельсовъ, убійствомъ машиниста. 7 апрѣля министръ путей сообщенія циркулярно объявилъ по Закавказскимъ желѣзнымъ дорогамъ, что если они чрезъ 3 часа послѣ объявленія его распоряженія не станутъ на работу, то всѣ будутъ высланы на Дальній Востокъ въ дѣйствующую армію. Однако, забастовка продолжалась. И. д. намѣстника кавказскаго, генераломъ Маламой было образовано для выясненія мѣръ по прекращенію забастовки особое совѣщаніе, и 10 апрѣля забастовщики, по объявленіи имъ, согласно заключенію особаго совѣщанія, готовности ген. Маламы удовлетворить нѣкоторыя претензіи, какъ сообщаетъ Пет. Аг.,—стали на работу по всей линіи желѣзныхъ дорогъ, кромѣ Елисаветполя, гдѣ движеніе поѣздовъ возобновилось 12 апрѣля. Кавказская желѣзнодорожная забастовка нашла себѣ откликъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ 18 апрѣля движеніе поѣздовъ было прекращено на Варшавско-Вѣнской ж. д. и подъѣздной ж. д. Яблонна-Ваверъ.

На трудахъ правительства по вопросу о созывѣ народныхъ представителей особенно сосредоточивалось общественное вниманіе. По свѣдѣніямъ газетъ (Нов. Вр.), въ непродолжительномъ времени должно появиться въ печати сообщеніе о подготовительныхъ работахъ особаго совѣщанія гофм. Булыгина; но до сихъ поръ оно опубликовано не было. Далѣе, въ газетахъ сообщалось, что въ особое совѣщаніе поступило болѣе 300 заявленій отъ общественныхъ организацій о желаніи принять участіе въ трудахъ совѣщанія. Наконецъ, появились сообщенія, что нѣкоторыми общественными учрежденія (напр., Калужскимъ земствомъ) представленъ въ совѣща-

ніе цѣлый проектъ о выборахъ народныхъ представителей. Вопросамъ, связаннымъ съ созывомъ народныхъ представителей, какъ мы уже говорили, посвящали особенное вниманіе общественныя собранія и организаціи. Нынѣ этому широкому обсужденію положены значительныя ограниченія циркуляромъ министра вн. дѣлъ, опубликованнымъ въ газетахъ 15 апр. Циркуляръ устанавливаетъ: 1) чтобы въ Совѣтъ министровъ были направляемы только тѣ постановленія, которыя не выходятъ изъ предѣловъ, предусматриваемыхъ указомъ 18-го февраля; всѣ же остальныя дѣла, лежащія въ сферѣ компетенціи общественныхъ организацій, направляются въ обыкновенномъ, закономъ предусмотрѣнномъ порядкѣ; 2) вмѣнить присутствующимъ въ общественныхъ собраніяхъ въ обязанность, чтобы обсужденіе вопросовъ, вытекающихъ изъ указа 18-го февраля, не допускалось въ присутствіи лицъ, не принадлежащихъ къ составу членовъ тѣхъ обществъ, собраній и учрежденій, которыя заняты разсмотрѣніемъ въ данный моментъ дѣлъ, относящихся къ общегосударственному устройству и народному благосостоянію; резолюціи и постановленія названныхъ собраній не должны быть публикуемы; 3) правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ, состоящимъ на службѣ въ этихъ учрежденіяхъ, участвовать въ обсужденіи названныхъ вопросовъ общегосударственнаго значенія не разрѣшается; 4) устройство собраній частныхъ лицъ для составленія предположеній о государственномъ благоустройствѣ и народномъ благосостояніи не можетъ быть препятствуемо, если эти собранія не нарушаютъ порядка и тишины, предусмотрѣнныхъ общимъ закономъ; 5) ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ направляются въ прежнемъ, закономъ установленномъ порядкѣ, и право непосредственнаго представленія предположеній въ Совѣтъ министровъ распространяется только на исключительныя дѣла, вытекающія изъ указа 18-го февраля.

Относительно работъ особаго совѣщанія д. т. с. Горемыкина газеты сообщаютъ, что первое засѣданіе состоится въ концѣ Ѳоминой недѣли; работы совѣщанія не будутъ затяжными; совѣщаніе не будетъ выдѣлять изъ своего состава особыхъ комиссій и подкомиссій, а будетъ работать непосредственно при совмѣстномъ участіи всѣхъ привлеченныхъ къ работамъ лицъ. Всѣ работы предположено окончить не ранѣе, однако, октября и ноября текущаго года.

Особое совѣщаніе ген.-ад. гр. Игнатьева по пересмотру положеній объ усиленной охранѣ собираетъ матеріалы: циркуляры и распоряженія министровъ и пр. административныхъ лицъ; запросило отзывы городскихъ думъ городовъ, гдѣ положеніе объ усиленной охранѣ введено, и первое засѣданіе совѣщанія состоится только въ послѣднихъ числахъ апрѣля.

По отношенію къ столичной прессѣ въ истекшемъ мѣсяцѣ послѣдовало слѣдующее распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ 1-го апрѣля 1905 года:

„Въ виду вреднаго направленія газеты „Слово", выразившагося, между прочимъ, въ статьяхъ: „Замѣтки на отрывномъ календарѣ" —въ № 100, „Бюрократическая волокита"— въ № 108 и „Война и реформы", „Противъ теченія" и „Шапка невидимка" — въ № 110 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи статьи 144-й Устава о цензурѣ и печати, Св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати,—опредѣлилъ: объявить газетѣ „Слово" первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, инженера путей сообщенія Николая Перцова и редактора, дворянина Петра Быкова.

Заключаемъ нашъ послѣдній отдѣлъ внутренней хроники слѣдующимъ офиціальнымъ сообщеніемъ, опубликованнымъ въ петербургскихъ газетахъ 6 апрѣля.

„Особое присутствіе Сената, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго сенатора Дейера при сенаторахъ: князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ, князѣ Голицынѣ, графѣ Бобринскомъ, Варваринѣ, Зволянскомъ и оберъ-прокурорѣ Щегловитовѣ и при сословныхъ представителяхъ: петербургскомъ губернскомъ предводителѣ дворянства графѣ Гудовичѣ, московскомъ городскомъ головѣ князѣ Голицынѣ, ямбургскомъ, Петербургской губерніи, волостномъ старшинѣ Варшавскомъ,—разсмотрѣло при закрытыхъ дверяхъ дѣло объ Иванѣ Платоновѣ Коляевѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ великаго князя Сергія Александровича. Въ засѣданіе Сената была допущена только мать убійцы. Защищали подсудимаго присяжные повѣренные Мандельштамъ и Ждановъ. Въ 5 час. дня Сенатъ объявилъ приговоръ, которымъ Коляевъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе".

Указомъ Сенату отъ 12 апрѣля вновь возстановлено Московское генералъ-губернаторство, упраздненное 1 января 1905 г.

На должность генералъ-губернатора назначенъ генералъ отъ кавалеріи А. А. Козловъ, бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ.

Александръ Любинъ.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

ГЛАВА ВТОРАЯ *).

I.

Невесела деревенская жизнь!.. Комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности дали намъ достаточный матеріалъ для вывода такого безотраднаго заключенія, для ознакомленія съ тѣмъ, какъ тяжело ложатся на крестьянъ налоговое бремя **).

Въ видѣ основного фона, комитеты единодушно отмѣчаютъ „оскудѣніе деревни". „Доказывать въ настоящей запискѣ оскудѣніе крестьянскаго населенія, читаемъ мы въ заявленіи земскихъ представителей Новгородскому губернскому комитету, нѣтъ надобности, ибо фактъ этотъ настолько уже рѣзко выразился, что сталъ общепризнаннымъ". „Полагаю, говоритъ въ своей запискѣ членъ Харьковскаго губернскаго комитета Н. Н. Ковалевскій, что никто не потребуетъ отъ меня доказательства тому, что наша деревня хирѣетъ. Процессъ этотъ не сегодня начался: онъ развивается на нашихъ глазахъ, быстро прогрессируя; мы, живя въ деревнѣ, непосредственно можемъ наблюдать, какъ, съ одной стороны, бѣднѣетъ и опускается крестьянское хозяйство, какъ вырождается и мельчаетъ крестьянское насе-

*) См. „Журналъ для всѣхъ", апрѣль, 1905 г..

**) Очень хорошая сводка мнѣній комитетовъ и матеріаловъ, собранныхъ ими, сдѣлана Н. Ѳ. Анненскимъ въ сборникѣ „Нужды деревни", т. II. Менѣе удачно справились со своей задачей составители офиціальныхъ сводовъ.

леніе, благодаря дурному питанію, негигіеничности жилищъ, трахомѣ и проч., и какъ, съ другой стороны, опускается болѣе крупное землевладѣніе".

„Поголовная бѣдность деревни, говорилъ въ Мензелинскомъ у. комитетѣ земскій начальникъ Красовскій,—бьетъ въ глаза всѣмъ укладомъ крестьянской жизни. Если мы посмотримъ, чѣмъ питается крестьянинъ, то увидимъ, что въ его пищѣ нѣтъ ни мяса, ни молока, ни яицъ; есть только, да и то не всегда, черный хлѣбъ и жидкій кирпичный чай". Эта пища особенно тяжело отзывается на дѣтяхъ, смертность которыхъ въ деревнѣ выше всякаго вѣроятія. Милліоны пудовъ хлѣба и милліоны штукъ яицъ отправляются за границу, а внутри России страдаютъ отъ недоѣданія, преждевременно хирѣютъ и умираютъ тѣ, кто трудился надъ воздѣлываніемъ хлѣба, надъ снабженіемъ яйцами, мясомъ и масломъ иноземцевъ.

При такой бѣдности каждая копѣйка налоговъ обременительна; между тѣмъ обложеніе крестьянъ очень высоко.

Въ запискѣ 18 земскихъ дѣятелей, поданной въ Московскій сельско-хозяйственный комитетъ, мы находимъ расчеты, сколько приходится платить налоговъ средней крестьянской семьѣ. Данныя взяты изъ записной книжки крестьянина, куда заносились изо дня въ день самые мелкіе расходы. Истрачено этой семьей въ годъ 390 руб. 21 коп., а получено приходу 386 р. 21 к. Общая же тяжесть всѣхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, опредѣлялась суммою около 70 рублей, т. е. свыше 18% своего скуднаго дохода крестьянинъ вынужденъ былъ приносить на алтарь государства, при этомъ „почти 12% уплачивались не въ силу того, что крестьянинъ получилъ какой-либо доходъ, говоритъ записка, а за то только, что пилъ, ѣлъ, одѣвался и не сидѣлъ впотьмахъ".

Въ Клинскомъ уѣздѣ той же Московской губ. на крестьянскій дворъ самой бѣдной группы, бюджетъ которой, въ среднемъ, равнялся 220 рублямъ, падало налоговъ около 75 рублей. Это значитъ, что болѣе трети плодовъ своего труда крестьянинъ наиболѣе распространенной группы отдавалъ на уплату налоговъ.

Елецкій уѣздный комитетъ Орловской губ. высчиталъ, что каждая десятина крестьянской земли несетъ всякихъ податей и сборовъ не менѣе 6 р. 33 коп., между тѣмъ чистая доходность ея равняется въ среднемъ 7 р. 28 к. „Налоговая тяжесть, говоритъ экономическая комиссія Елецкаго комитета,—истощаетъ народное благосостояніе не только непосредственно, но и косвенно: сознаніе матеріальной необезпеченности, увѣренность, что сколько ни работай, все уйдетъ не покрытіе текущихъ податей или всепоглощающей недоимки, — деморализуетъ населеніе. Это сознаніе безплодности экономическихъ усилій влечетъ за собою крайнее ихъ ослабленіе, безпечную и безрасчетную растрату даже необходимаго для хозяйства минимума средствъ. Отсюда огромная и неуменьшающаяся цифра питейнаго дохода, который не минуетъ, правда, государственнаго казначейства, но гибельно отзывается на благосостояніи преобладающаго класса населенія".

На каждую десятину въ Нижегородской губ. падаетъ въ среднемъ болѣе 2 р. однихъ только земельныхъ платежей, государственныхъ, земскихъ и мірскихъ. Изъ чистаго земледѣльческаго дохода эти платежи поглощаютъ болѣе половины въ среднемъ по всей губерніи; по отдѣльнымъ уѣздамъ это отношеніе еще выше, достигая 72, 79 и даже 86%.

Разумѣется, при такой высотѣ налоговъ нельзя вести съ выгодой земледѣльческое хозяйство; можно лишь накоплять громадныя недоимки по сборамъ. И дѣйствительно, за крестьянскихъ населеніемъ губерніи числилось недоимокъ по государственнымъ окладнымъ сборамъ къ 1 янв. 1901 г. болѣе 9 милл. р., т. е. свыше четырехъ окладовъ этихъ сборовъ, За десятилѣтіе 1882—1892 недоимки выросли на 237%, въ 1891—1900 еще вдвое.

Въ Курской губерніи стоимость всего урожая съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель, по расчету мѣстной казенной палаты, оцѣнивается въ 32 милл. р., стоимость же продовольствія крестьянскаго населенія и обсѣмененія полей — въ 28 милл. съ лишкомъ. Чистый доходъ отъ земли опредѣляется, стало быть, въ 3, 8 мил. р., а сумма всѣхъ прямыхъ налоговъ, лежащихъ на крестьянахъ, равна 7,8 милл. рублей.

Можетъ возникнуть подозрѣніе, что комитеты изъ жалости къ „мужичку" допустили преувеличенія,—до того поразительны эти факты. Обратимся же къ иному источнику, посмотримъ на тѣ данныя, которыя приводитъ нынѣшній товарищъ министра земледѣлія П. Х. Шванебахъ въ своей книгѣ „Податное дѣло". Рѣчь идетъ объ однихъ прямыхъ налогахъ казенныхъ, земскихъ, мірскихъ.

Въ Воронежской губ.: на покрытіе сборовъ требовалось въ 1894 г. 44,7% выручки отъ продажи хлѣба, сверхъ продовольственной нормы самого крестьянства, въ 1883—87 г. — 62,3%. Въ Саратовской губ. сборы поглощали 42,6 — 50% выручки, въ Тамбовской — 47,5 — 58%, въ Курской — 50—70%; въ Симбирской въ 1894 г. сборы составляли 3,2 милл. р., а отъ продажи хлѣба могло быть выручено всего только 2,6 милл. р., въ 1883—87 г. на уплату сборовъ ушло 52% выручки; въ Пензенской губ. въ 1895 г. для уплаты повинностей требовалось 90% выручки, а въ 1883—87 г. не хватало выручки на 1 милліонъ р.; въ Орловской губ. въ 1894 зерновое хозяйство не покрывало платежей на 964 тыс. р.; въ Рязанской губ. въ 1894 г. получался дефицитъ въ 1 милл., въ 1883—87—въ 1,9 милл. р.; въ зерновомъ хозяйствѣ тульскихъ крестьянъ дефицитъ за 1883—87 г.г. опредѣлялся въ суммѣ трехъ съ лишкомъ милліоновъ рублей.

Эти исчисленія очень неточны и они не претендуютъ на полную достовѣрность, но общее представленіе объ истинномъ вліяніи обложенія на деревню они все-таки даютъ.

Такова общая картина. Остановимся теперь на отдѣльныхъ этюдахъ къ ней, на вліяніи различныхъ видовъ обложенія.

II.

Первое мѣсто въ ряду жалобъ отведено косвеннымъ налогамъ, хотя и выкупные платежи, безспорно, сильно обременяютъ населеніе деревни.

Картинно изображаетъ значеніе акцизовъ членъ Волоколамскаго уѣзднаго комитета Московской губ. А. А. Зубрилинъ. „Не хочешь спать зимой по 17 часовъ, говоритъ онъ въ своей запискѣ, а работать при огнѣ—плати акцизъ на спички и керосинъ; хочешь покурить—плати акцизъ на спички и табакъ; хочешь выпить рюмку водки—плати въ 15 разъ дороже дѣйствительной ея стоимости; а если водку желаешь замѣнить чаемъ, плати за чай и сахаръ втрое дороже, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ; хочешь пахать плугомъ—плати таможенную пошлину на желѣзо и т. д. и т. д. Вообще, куда ни повернись сельскій обыватель, вездѣ онъ чувствуетъ, что съ него берутъ, берутъ и берутъ"...

Существуетъ мнѣніе, что косвенные налоги не могутъ тяжело ложиться на населеніе, такъ какъ, будто бы, отъ воли самого обывателя зависитъ, платить такой налогъ или нѣтъ. Этотъ взглядъ особенно опредѣленно высказанъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о государственной росписи на 1896 годъ, гдѣ, между прочимъ, отмѣчено, что „огромнѣйшая часть нашихъ податныхъ доходовъ относится къ категоріи косвенныхъ налоговъ и пошлинъ, уплачиваемыхъ лишь по такимъ поводамъ, которые находятся въ существенной зависимости отъ степени народнаго благосостоянія". Въ запискѣ Н. Н. Ковалевскаго Харьковскому губернскому комитету находимъ справедливую критику приведеннаго взгляда. „Несомнѣнно, говоритъ г. Ковалевскій, что увеличеніе доходовъ отъ пошлинъ на шампанское, на тонкіе гастрономическіе товары, на дорогія шелковыя матеріи и кружева—можетъ быть разсматриваемо какъ показатель увеличивающагося благосостоянія тѣхъ классовъ, которые эти предметы покупаютъ; но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, чтобы спички и керосинъ, чай и сахаръ и даже табакъ и водка—не говоря о желѣзѣ и сельскохозяйственныхъ машинахъ,—потреблялись тоже „по такимъ поводамъ, которые находятся въ зависимости отъ степени благосостоянія". Какъ ни низко стоитъ уровень потребностей нашего сельскаго обывателя, но нельзя отрицать, что у него уже есть потребность въ спичкахъ, керосинѣ, изрѣдка въ сахарѣ и чаѣ, въ видѣ лакомства, и въ водкѣ, при семейныхъ торжествахъ".

Нынѣшній товарищъ министра земледѣлія г. Шванебахъ ставитъ вопросъ, можно ли считать потребленіе чая, сахара, керосина, ситца и водки факультативнымъ, и отвѣчаетъ отрицательно, считая эти предметы столь же необходимыми, какъ хлѣбъ и соль. „Безъ хлѣба, правда, не проживешь и трехъ дней, тогда какъ безъ водки, чая, сахара и керосина можно прожить, сколько угодно. Но вѣдь это такъ, замѣчаетъ г. Шванебахъ, лишь пока мы разсуждаемъ отвлеченно; а попробуемъ только представить себѣ мужика, который не пилъ бы чая, не освѣщалъ избы керосиномъ и не носилъ ситцевой рубахи,—и мы убѣдимся, что между обложеніемъ этихъ предметовъ и обложеніемъ хлѣба и соли разница не такъ ужъ велика, какъ насъ стараются увѣрить" *).

Отношеніе большинства комитетовъ къ косвеннымъ налогамъ можно резюмировать слѣдующими словами записки 18 земскихъ членовъ Московскаго губернскаго комитета:

„Косвенные налоги, какъ и покровительственныя таможенныя пошлины, обременяютъ сельскаго хозяина, какъ потребителя и какъ производителя, ставятъ его въ невыгодныя условія конкуренціи, отвлекаютъ отъ земледѣлія капиталы, обогащаютъ немногихъ и, задерживая народное потребленіе и развитіе внутренняго рынка, тѣмъ самымъ вредятъ и промышленности".

III.

Поучительно обратить вниманіе, хотя бы и мелькомъ, на значеніе отдѣльныхъ видовъ косвеннаго обложенія.

Кіевскій уѣздный комитетъ высчиталъ, что населеніе уѣзда выплачивало казенныхъ налоговъ и мірскихъ сборовъ на 1 десятину надѣльной земли 2 р. 64 к., а на водку тратило, по расчету также на десятину, по 9 р. 40 к. На рабочую душу крестьянскаго населенія уѣзда приходилось 12 р. 35 к. въ годъ расходу на водку. При скудномъ крестьянскомъ бюджетѣ это тяжело ложилось на благосостояніе населенія и, естественно, дѣлало нелегкимъ и высокое обложеніе водки. Ссылаясь на приведенныя данныя, комитетъ утверждаетъ, что „пока питейный налогъ будетъ столь высокъ, какъ нынѣ, онъ будетъ служить мощнымъ насосомъ, высасывающимъ платежныя средства населенія. Нельзя не указать при этомъ, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и у отдѣльныхъ лицъ наблюдается злоупотребленіе спиртными напитками, но пьянство не составляетъ выдающагося порока мѣстнаго малорусскаго населенія". Съ тѣхъ поръ цѣна водки еще повышена...

По офиціальнымъ даннымъ министерства финансовъ, въ 1899 г. средній расходъ на вино составлялъ по различнымъ губерніямъ отъ 2 р. 77 к. до 7 р. 82 к. на душу пьющаго населенія. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ деревенская семья покупаетъ вина на 26—30—39 р., тогда какъ, напр., прокормленіе каждаго ея члена обходится въ годъ около 35 р., одежда 40 руб., всѣ повинности 15 р., прокормъ лошади 85 р., ремонтъ построекъ и земледѣльческихъ орудій, приблизительно, 20 р. и т. д.

Кіевскій уѣздный комитетъ—особенно компетентный свидѣтель въ вопросѣ объ обложеніи сахара, и онъ „считаетъ долгомъ указать на крайнюю высоту сахарнаго налога, стѣсняющаго развитіе свекло-сахарнаго производства". „Нынѣшній акцизъ и такъ называемая нормировка сахарнаго производства, говоритъ комитетъ, препятствуютъ сахару сдѣлаться предметомъ массоваго потребленія. Потребленіе сахара и чая твердо укрѣпилось въ городскомъ населеніи, а для сельскаго населенія оно является пока болѣе или менѣе случайною роскошью. Значительное пониженіе сахарнаго акциза и удешевленіе сахара принесло бы большую пользу сельскому хозяйству, улучшило бы народное питаніе и не нанесло бы ущерба государственному казначейству".

Относительно акциза на керосинъ любопытныя данныя можно найти въ статистической работѣ Владимірскаго земства, выполненной въ отвѣтъ на предложеніе бакинскихъ нефтепромышленниковъ выяснить, почему крестьяне расходуютъ такъ мало керосина. Корреспонденты земства, деревенскіе обыватели сообщаютъ, что керосинъ очень дорогъ, а потому крестьяне предпочитаютъ спать и не даютъ ни бабамъ заниматься пряжей, ни дѣтямъ читать книги. Дороговизна керосина приводила къ тому, что не зажигали хорошихъ лампъ, хотя мѣстами онѣ и были, а предпочитали обходиться коптилкой безъ стекла. „Я спрашивалъ ихъ, разсказываетъ учитель Тихомировъ изъ Ковровскаго уѣзда: какъ же занимаются у васъ ученики со своими книгами при такомъ освѣщеніи? Мнѣ отвѣчали:—„Для нихъ на часъ или два зажигаемъ лампу хорошую, а тамъ заставляемъ ихъ гасить и ложиться ранѣе спать". — „Да вѣдь спать съ 4 час. до 8 утра невозможно и надоѣстъ". Мнѣ говорили:—„Что же дѣлать, денегъ никакъ не хватаетъ на расходы, и приходится себѣ отказывать во многомъ".

Суммируя причины недостаточнаго потребленія керосина, названное изслѣдованіе отмѣчаетъ, что въ 41% отвѣтовъ причиной указывалась бѣдность населенія, въ 29%—дороговизна керосина. А между тѣмъ, какъ вѣрно говоритъ авторъ излагаемой работы, „керосинъ по своему значенію для народной жизни стоитъ на ряду съ предметами первой необхо-

*) Цитированная книга, стр. 45.

димости—пищей, топливомъ и одеждой" *). И высокій налогъ на освѣщеніе является тормазомъ къ развитію промысловъ, препятствіемъ къ распространенію просвѣщенія, затрудняя возможность почитать книжку въ долгіе зимніе вечера.

Высота таможенныхъ пошлинъ обратила на себя очень большое вниманіе комитетовъ. Нѣкоторые комитеты полагаютъ, что сумма переплатъ населенія на обложенныхъ таможенными пошлинами товарахъ только по нѣсколькимъ предметамъ (хлопчато-бумажнымъ, шерстянымъ, шелковымъ и льнянымъ тканямъ, каменному углю, чугуну, желѣзу, стали и издѣліямъ изъ этихъ металловъ) составляетъ около 300 милл. Изъ этой суммы только 70 милл. поступаютъ въ доходъ казны, остальные же 230 милл. идутъ въ пользу промышленниковъ и торговцевъ. Спеціально по отношенію къ желѣзу потери населенія, вызываемыя таможеннымъ покровительствомъ, принимаются нѣкоторыми изслѣдователями въ 100 милл. руб. въ годъ. По мнѣнію финансовой комиссіи Лохвицкаго у. комитета, потеря эта больше: „если принять во вниманіе не эту положительную сторону, т. е. не то, что мы переплачиваемъ, потребляя дорогое желѣзо, а сторону отрицательную, т. е. то, что теряетъ сельское хозяйство, потребляющее такъ мало желѣза и лишенное возможности потреблять его больше, такъ сказать, досыта: плохая соха и плохой топоръ—вотъ все желѣзное богатство крестьянина. Можно ли разсчитывать при этомъ на доброкачественность и успѣшность обработки? Даже гвоздь въ крестьянскомъ обиходѣ составляетъ такую рѣдкость, точно наша деревня переживаетъ времена доисторическаго періода". Редакціонная комиссія того же комитета жалуется, что „наша малороссійская деревня не въ состояніи замѣнить свои соломенныя крыши желѣзными, а между тѣмъ это значительно сократило бы неисчислимые убытки отъ пожаровъ"...

Итакъ, обобщая длинный рядъ фактовъ, изложенныхъ на предыдущихъ страницахъ, мы, думается, вполнѣ безпристрастно должны признать, что главные плательщики налоговъ— крестьяне — чрезмѣрно обложены. Насаждая крупную обрабатывающую промышленность, наше правительство не останавливалось ни передъ чѣмъ. Оно приносило въ жертву индустріи самые насущные интересы сельскаго хозяйства вообще и крестьянства въ особенности, не замѣчая даже, что тѣмъ роетъ яму и промышленности, сокращая рынокъ для сбыта.

IV.

Расходованіе громадныхъ суммъ, собираемыхъ столь дорогою цѣною, употребленіе, которое дается государственнымъ средствамъ,— рисуютъ намъ все ту же мало отрадную картину недостаточнаго вниманія къ интересамъ мелкаго люда. Наша желѣзодѣлательная промышленность росла и ширилась за счетъ казенныхъ заказовъ. На съѣздѣ желѣзозаводчиковъ при Техническомъ обществѣ г. Варзаръ выяснилъ, что въ 1900 г. изъ общаго потребленія чугуна, желѣза, стали и издѣлій изъ нихъ въ странѣ 48% потребляло государство, главнымъ образомъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Въ свое время много шуму надѣлало разоблаченіе того, что казенные заказы оплачиваются слишкомъ дорогими цѣнами. Тѣ заводчики, которые заказовъ не получали (привилегированныхъ заводовъ было 6), выяснили, что рельсы можно было бы имѣть, если бы заказы сдавались съ торговъ, по 80 коп. за пудъ; а казна платила по 1 р. 25 коп. Дѣлались расчеты, что Днѣпровскій заводъ получилъ отъ этой переплаты свыше 1 милліона руб., Таганрогскій — 600 тыс. р., Брянскій — 1½ милліона, Русско-бельгійскій—1,6 милл., Дружковскій—1,7 милл. р., Юзовскій свыше 2 милл. р. преміи *).

Исторія нашего желѣзнодорожнаго строительства полна примѣрами беззаботнаго разбрасыванія народнаго достоянія. По справедливой характеристикѣ проф. Мигулина, „вся исторія нашего желѣзнодорожнаго дѣла представляетъ печальную картину непроизводительной растраты громадныхъ казенныхъ капиталовъ, съ величайшими усиліями пріобрѣтенныхъ путемъ внѣшнихъ займовъ за крайне высокіе проценты,—картину крайне небрежнаго сооруженія дорогъ и хищнической ихъ эксплоатаціи—наживы частными лицами крупныхъ состояній за счетъ государственнаго казначейства" (проф. Мигулинъ, „Наша желѣзнодорожная политика"). По мнѣнію того же автора, „если постройка бездоходныхъ дорогъ будетъ продолжаться такъ же, какъ до сихъ поръ, государство можетъ прійти къ банкротству".

Но объ этомъ мы сейчасъ говорить не будемъ. Посмотримъ лучше, какова наша кредитная политика. Эта сторона дѣла важна вотъ почему. Несомнѣнно, что кредитъ — могучая сила въ современномъ хозяйственномъ оборотѣ: онъ даетъ капиталъ тому, кто имѣетъ возможность вести выгодное предпріятіе, но лишенъ необходимыхъ основныхъ или оборотныхъ средствъ; онъ изъ копѣекъ и рублей создаетъ милліоны, съ которыми можно осуществлять самыя грандіозныя предпріятія.

Русская деревня лишена денегъ, между тѣмъ крестьянское хозяйство нуждается въ полномъ переустройствѣ. И одной изъ самыхъ основныхъ задачъ государства должно было бы быть снабженіе крестьянъ дешевымъ и доступнымъ кредитомъ. Что же у насъ дѣлается въ этой области? Вѣдь государственный банкъ оперируетъ громадными средствами, вѣдь государственныя сберегательныя кассы собираютъ по мелочамъ крупнѣйшія суммы!

Изъ послѣдняго отчета государственнаго банка заимствуемъ слѣдующія данныя **).

Къ 1 января 1904 г. было учтено векселей на 253 милліона р., спеціальные текущіе счета составляли 90 мил. р., ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ 22 милл. р., ссуды подъ товары и документы на товары 52 милл. р., ссуды промышленнымъ предпріятіямъ 36 милл. р., ссуды сельскимъ хозяевамъ 8 милл. р., ссуды ремесленникамъ и кустарямъ всего 248 тыс. р., ссуды на покупку земледѣльческихъ орудій и машинъ 592 тысячи, ссудъ земствамъ и городамъ совсѣмъ не значилось; къ 1 января 1903 г. ихъ было выдано на 404 тысячи р., въ 1903 г. вновь дано на 106 тысячъ; суммы эти были въ томъ же году уплачены... а вновь не потребовалось, очевидно, несмотря на то, что города, по недостатку кредита, вынуждены нерѣдко занимать у частныхъ лицъ за ростовщическіе проценты.

Стоитъ нѣсколько поближе ознакомиться съ операціями банка. Произведя соотвѣтствующіе расчеты, получаемъ, что средній учтенный вексель былъ на сумму 700 руб., причемъ въ сто-

*) Арк. Смирновъ. Керосинъ во Владимірской деревнѣ, стр. 55, 68 и 69.

*) Проф. И. Х. Озеровъ. Экономическая Россія и ея финансовая политика. М. 1905 г., стр. 118—123.

**) Отчетъ государственнаго банка за 1903 г. С.-б. 1904.

личныхъ конторахъ учтено на 58 милл., т. е. около ¼ всего учета, а средній здѣсь учтенный вексель былъ около 1½ тысячъ рублей, т. е. вдвое крупнѣе, чѣмъ средній по Имперіи. Ссуды сельскимъ хозяевамъ—не изъ мелкихъ: средняя ссуда была болѣе 2.600 р. Но средняя ссуда промышленнымъ предпріятіямъ составляла свыше 100 тысячъ р., а въ столичномъ районѣ средняя ссуда была около 600 тыс. р. Съ другой стороны, средняя ссуда ремесленникамъ и кустарямъ равнялась всего-на-всего 80 рублямъ, а средняя ссуда на покупку земледѣльческихъ орудій и машинъ была менѣе 60 руб. Раздумывая о томъ, почему государственный банкъ предпочитаетъ ссуды крупнымъ промышленникамъ, оставляя въ пренебреженіи интересы сельскихъ хозяевъ, ремесленниковъ, кустарей и крестьянъ (на покупку земледѣльческихъ машинъ и орудій), —мы невольно набредаемъ на предположеніе: должно быть, эти мелкія ссуды убыточны, и банкъ боится рисковать общенародными, государственными средствами. Однако, это соображеніе разсѣивается какъ дымъ, лишь только мы разочтемъ, какой чистый результатъ получилъ банкъ отъ своихъ операцій по выдачѣ ссудъ. Выходитъ, что ссуды сельскимъ хозяевамъ привели за 1903 г. къ чистой прибыли въ 391.047 руб., ссуды ремесленникамъ и кустарямъ дали 4.215 р. прибыли, ссуды на покупку земледѣльческихъ машинъ и орудій принесли пользы 23.930 р., и только ссуды промышленнымъ предпріятіямъ закончились крупнымъ убыткомъ свыше 4 милліоновъ.

Сберегательныя кассы къ концу 1903 года имѣли остатковъ вкладовъ на сумму, превышающую милліардъ рублей, тогда какъ еще къ концу 1898 г. этотъ остатокъ былъ всего 593 милліона рублей *).

Средній размѣръ вклада равнялся 211 рублямъ, притомъ 38% вкладчиковъ имѣли не более 25 рублей, 20,4% отъ 25 до 100 руб. 28,9% отъ 100 до 500 рублей, свыше 500 рублей имѣли лишь 12,7% вкладчиковъ; въ то же время 41,6% всѣхъ вкладчиковъ, имѣвшихъ свыше 100 рублей, владѣло 93,2% всей суммы вложенныхъ въ сберегательныя кассы денегъ. Самую крупную группу вкладчиковъ и по числу книжекъ (24,3%) и по суммѣ вкладовъ (23,9%) составляли лица, занимающіяся земледѣліемъ и сельскими промыслами. Далѣе идетъ группа: „служба общественная и частная“, дающая 14,3% вкладчиковъ и 15,6% суммы вкладовъ. Вкладчиковъ крестьянскаго сословія всего-на-всего было 40,2%, сельскихъ вкладчиковъ было 41,3%, которые внесли 43,5% общей суммы вкладовъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что громадныя средства, собираемыя сберегательными кассами, составляются изъ мелкихъ взносовъ, во-первыхъ, и въ значительной части своей являются деревенской копѣйкой, во-вторыхъ. Посмотримъ теперь, на какое употребленіе шли эти сотни милліоновъ. Прежде всего часть денегъ отдавалась на текущій счетъ государственному банку. Къ концу года остатокъ по этому счету равнялся 73,5 милл. р., средній же годовой балансовый остатокъ составлялъ 97 милл. руб. Получали сберегательныя кассы за это отъ государственнаго банка 1%. Принявъ во вниманіе, что сами кассы платили по вкладамъ въ среднемъ 3,4%, приходимъ неизбѣжно къ выводу, что государственный банкъ отыскалъ себѣ недурной источникъ воспособленія, и что операція эта была убыточна для сберегательныхъ кассъ.

Далѣе, на средства кассъ покупались процентныя бумаги, которыхъ къ 1 января 1904 г. оставалось по покупной цѣнѣ на 853 милл. р. Изъ числа процентныхъ бумагъ наибольшую сумму составляли желѣзнодорожные займы—279,4 милл. р. (33%). Затѣмъ слѣдовали свидѣтельства крестьянскаго банка на 263 милл. (31%), закладные листы дворянскаго банка на 144 милл. р. (17%); государственныхъ займовъ было на 139 милл. р. (16%) и закладныхъ листовъ частныхъ земельныхъ банковъ на 26 милл. р. (3%).

Что говорятъ эти цифры? Собранныя у народа деньги, его сбереженія, не поступаютъ обратно расширеннымъ потокомъ на нужды мелкой промышленности и сельскаго хозяйства,—нѣтъ, онѣ идутъ на потребности государственнаго кредита, на постройку и поддержку желѣзнодорожныхъ предпріятій и тѣмъ самымъ—на поощреніе желѣзодѣлательной промышленности, на поддержаніе дворянскаго банка. Правда, значительныя суммы пошли на покупку свидѣтельствъ крестьянскаго банка; но при нынѣшней его дѣятельности иногда трудно сказать, кому это учрежденіе приноситъ больше пользы, крестьянамъ или помѣщикамъ, покупкѣ имѣній у которыхъ по высокой цѣнѣ оно содѣйствуетъ, помогая неумѣренному и безъ того росту земельныхъ цѣнъ.

Покупка закладныхъ листовъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ и облигацій московскаго и I общества подъѣздныхъ путей (бумагъ послѣднихъ двухъ категорій оставалось къ 1 января 1904 г. на 11 милл. р.) несогласна съ уставомъ банка, который требуетъ помѣщенія капиталовъ сберегательныхъ кассъ только въ правительственныхъ и правительствомъ гарантированныхъ бумагахъ. Зачѣмъ же сберегательныя кассы покупаютъ частныя бумаги? Проф. М. Я. Герценштейнъ высказываетъ предположеніе, что дѣло объясняется желаніемъ освободить государственный банкъ отъ тяжело реализуемаго портфеля. „Такъ какъ капиталами сберегательныхъ кассъ у насъ распоряжается не управленіе кассами, а государственный банкъ, пишетъ г. Герценштейнъ, то банкъ передаетъ имъ бумаги, которыя не могутъ быть проданы на рынкѣ, совершенно не справляясь не только съ основными задачами кассъ, но даже съ обезпеченностью продаваемыхъ бумагъ. Только этимъ можно объяснить, почему въ портфель сберегательныхъ кассъ попадаютъ иногда бумаги весьма сомнительнаго достоинства“ *)...

Такъ собираются и такъ расходуются доходы русскаго государства. И здѣсь мы замѣчаемъ тѣ же бѣды, тѣ же неурядицы, которыя признаны теперь уже офиціально.

М. Фридманъ.

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

Истекшій мѣсяцъ ознаменовался возобновленіемъ операцій на морскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Еще въ первыхъ числахъ марта телеграфъ принесъ извѣстіе съ о. Мадагаскара объ уходѣ эскадры адм. Рожественскаго по неизвѣстному назначенію. Такъ какъ это дви-

*) Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1903 годъ.

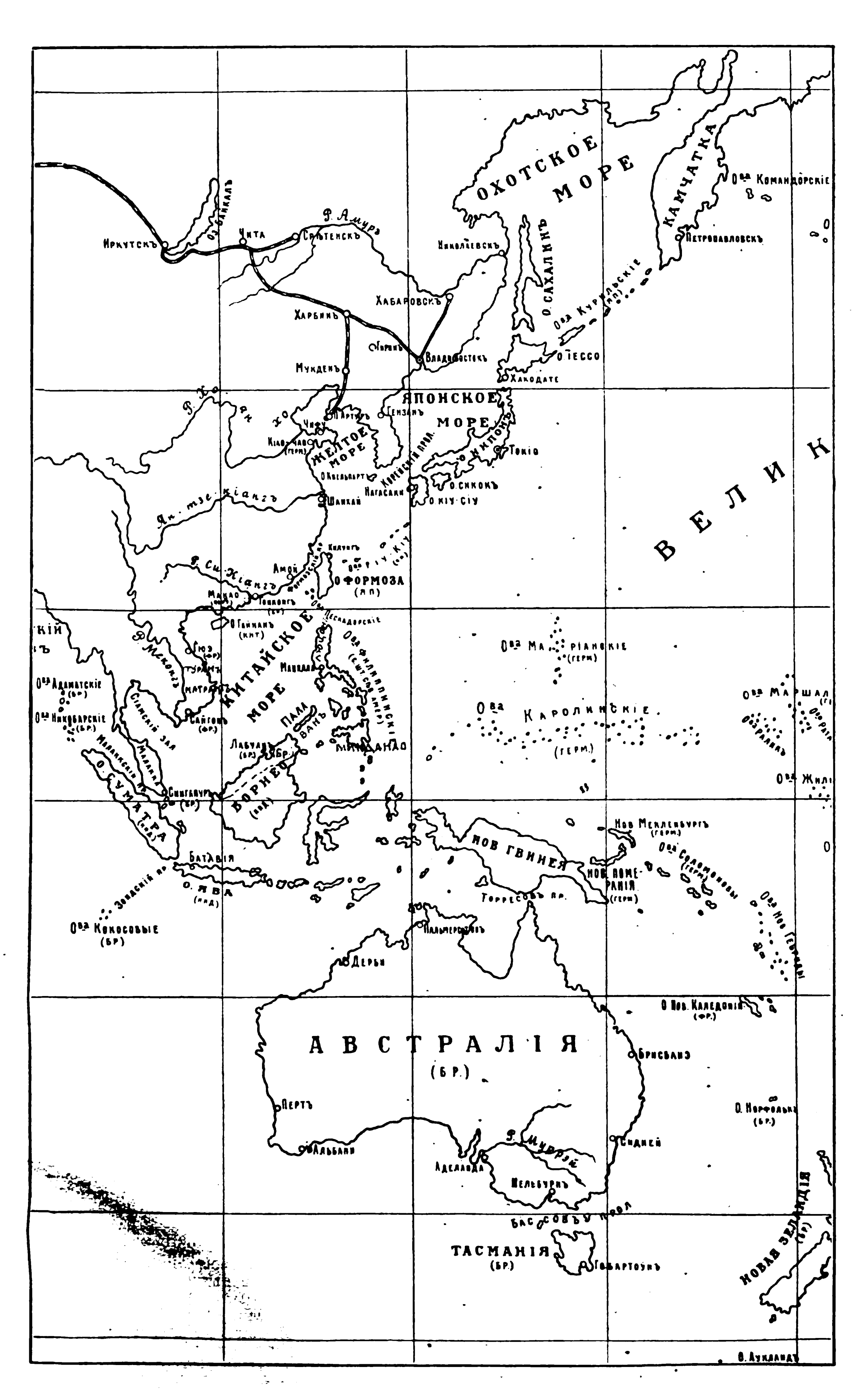
*) М. Я. Герценштейнъ, Мелкій кредитъ. Сборникъ „Нужды деревни“ т. II, стр. 416—449.

женіе нашей эскадры совпало по времени съ первыми днями послѣ пораженія нашей арміи въ мукденскихъ бояхъ, то первоначальныя догадки о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ адм. Рожественскимъ, сводились къ предположенію о возвращеніи эскадры въ европейскія воды. Однако, продолжающееся движеніе на востокъ отдѣльнаго отряда судовъ адм. Небогатова скоро побудило отвергнуть всякую мысль о возможности полнаго прекращенія морскихъ операцій, и уходъ нашего флота изъ Носсибэ стали объяснять желаніемъ адм. Рожественскаго обезпечить безпрепятственное соединеніе своей эскадры съ подходящими подкрѣпленіями. Мѣстомъ предполагаемаго соединенія большею частію называли острова Чагосъ или какой-либо астрономическій пунктъ вблизи этого архипелага. Какъ бы въ подтвержденіе подобныхъ предположеній, телеграфъ въ первыхъ числахъ марта принесъ рядъ извѣстій о движеніи отрядовъ военныхъ судовъ отъ Мадагаскара въ сѣверо-восточномъ направленіи по линіи о. св. Маврикія — о. Цейлонъ. Послѣ этого на сравнительно продолжительное время всякіе слухи о движеніи эскадры адм. Рожественскаго прекратились, что объясняется съ одной стороны отвлеченіемъ вниманія общества на послѣдующія послѣ мукденскаго сраженія событія на сухопутномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, съ другой же — общею освѣдомленностью о движеніи отряда адм. Небогатова, освѣдомленностью, которая убѣждала, что часъ соединенія эскадръ могъ наступить еще не скоро. Въ это время большинство слѣдящихъ за операціями лицъ было убѣждено, что наши главныя морскія силы будутъ крейсировать въ Индійскомъ океанѣ въ ожиданіи подхода своихъ подкрѣпленій. Тѣмъ большей неожиданностью явился цѣлый рядъ извѣстій о появленіи эскадры адм. Рожественскаго въ Малаккскомъ проливѣ. Еще 22 марта телеграфное агентство Рейтера передало извѣстіе о появленіи въ 60 верстахъ къ юго-востоку отъ Цейлона отряда военныхъ судовъ, державшихъ курсъ на Никоборскіе острова (у входа въ Малаккскій проливъ). Позже, 25 марта, въ восточной части пролива нѣсколько коммерческихъ пароходовъ встрѣтились съ частями эскадры адм. Рожественскаго и, наконецъ, 26 числа телеграфъ принесъ извѣстіе о проходѣ нашего флота черезъ Сингапурскій проливъ и о дальнѣйшемъ его движеніи въ восточномъ направленіи. Одновременно были получены свѣдѣнія о нахожденіи отряда адм. Небогатова на высотѣ острова Сокотора. Такимъ образомъ вмѣсто предполагаемаго соединенія эскадръ создалось стратегическое положеніе, при которомъ между нашими главными силами и ихъ подкрѣпленіями легъ Индійскій океанъ. Дальнѣйшее движеніе эскадры, какъ это въ настоящее время уже точно извѣстно, совершилось въ направленіи бухты Камранъ, куда адм. Рожественскій прибылъ къ 1 апрѣля и гдѣ онъ остановился на сравнительно продолжительный срокъ — до 13 числа того же мѣсяца. Въ этотъ день стоянка у Камранской бухты была покинута и флотъ нашъ ушелъ по неизвѣстному назначенію. Позднѣйшія телеграфныя донесенія установили, что адм. Рожественскій со своими главными силами не удалился отъ береговъ Аннама, вблизи которыхъ онъ крейсировалъ въ прибрежной полосѣ отъ мыса Варелла до остр. Хайнана. Указанныя краткія свѣдѣнія въ сущности исчерпываютъ все, что намъ извѣстно о движеніи эскадры. Отрядъ же адм. Небогатова былъ замѣченъ около 13 апрѣля у Пенанга и только 22 числа онъ прошелъ мимо Сингапура. Столь значительное замедленіе можетъ быть объяснено, съ одной стороны, какими-либо неизвѣстными намъ стратегическими требованіями, съ другой же—необходимостью погрузиться углемъ и произвести исправленія поврежденій, которыя могли, конечно, быть послѣ продолжительнаго форсированнаго перехода. Что же касается мѣстопребыванія или передвиженія японскаго флота, то поступающія извѣстія не даютъ возможности составить объ этомъ даже приблизительное представленіе.

Чтобы понять смыслъ разыгравшихся событій, необходимо обратиться къ разсмотрѣнію и взвѣшиванію тѣхъ факторовъ, которые рѣшительнымъ образомъ вліяютъ на тотъ или иной характеръ морскихъ операцій. На первый планъ въ данномъ случаѣ надо поставить общія, руководящія цѣли морской кампаніи, которыя даютъ внутреннее содержаніе всей дѣятельности флота на театрѣ военныхъ дѣйствій. Далѣе слѣдуютъ тактическія и стратегическія средства противниковъ, указывающія пути достиженія окончательныхъ цѣлей. Всѣ эти факторы находятся, конечно, въ естественной зависимости, и взаимодѣйтсвіе ихъ выливается въ форму тѣхъ маневровъ нашего и японскаго флотовъ, за теченіемъ которыхъ съ такимъ напряженіемъ слѣдитъ въ настоящее время весь міръ.

Въ предшествующихъ обозрѣніяхъ, учитывая значеніе мукденскихъ боевъ для всего хода операцій на театрѣ войны, мы указывали, между прочимъ, что захватъ Владивостока является тою цѣлью для нашего противника, которую его политика въ настоящее время ставитъ стратегіи. Это обстоятельство выдвигаетъ на первый планъ оборону нашей дальневосточной твердыни и въ сильной степени предуказываетъ направленіе дальнѣйшихъ сухопутныхъ и морскихъ операцій. Послѣ портъ-артурской эпопеи нечего, конечно, говорить о значеніи флота въ дѣлѣ непосредственной обороны крѣпости, особенно расположенной на оконечности полуострова, какъ это наблюдается относительно Владивостока. Поэтому мы не ошибемся, если скажемъ, что ближайшей и главнѣйшей цѣлью движенія эскадры адмирала Рожественскаго является достиженіе Владивостока для принятія участія въ приближающейся борьбѣ за эту крѣпость. Кромѣ того, необходимость прорыва во Владивостокъ флота обусловливается не только причинами общаго характера, но и тѣми спеціальными требованіями, которыя предъявляетъ морская стратегія. Каковы бы ни были задачи, предъявляемыя политикой стратегіи, эта послѣдняя всегда выдвигала и будетъ выдвигать на первое мѣсто необходимость активной борьбы. Истинная стратегія учитъ, что если даже оборона, вслѣдствіе отношенія силъ враждующихъ сторонъ, является вынужденной, то все же окончательной цѣлью такой обороны долженъ быть переходъ къ активному, наступательному образу дѣйствій.

Въ примѣненіи къ современному положенію вещей на морскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій это научное положеніе должно побудить адмирала Рожественскаго не ограничиваться только пассивной обороной крѣпости (въ случаѣ, конечно, благополучно выполненнаго прорыва), но стремиться къ такой борьбѣ на морѣ, которая отдала бы въ его руки госпо. ство если не надъ всѣмъ театромъ военноморскихъ дѣйствій, то, по крайней мѣрѣ, надъ возможно большей его частью. И вотъ самая возможность такой борьбы обусловливается опять-таки проникновеніемъ нашего флота

Карта путей слѣдованія 2 и 3 эскадръ Тихаго океана.

во Владивостокъ, являющійся въ настоящее время единственною оборудованной для него базой. Такимъ образомъ со всѣхъ главныхъ точекъ зрѣнія достиженіе Владивостока флотомъ является въ настоящую минуту единственной и первой задачей адмирала Рожественскаго. Подобный маневръ только въ томъ случаѣ можно будетъ считать удовлетворительно выполненнымъ, если флотъ нашъ, послѣ неизбѣжнаго столкновенія съ флотомъ противника, сохранитъ отношеніе силъ, позволяющее ему какъ принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ обороны крѣпости, такъ и начать, опираясь на Владивостокъ, какъ на базу, энергичныя операціи на морѣ.

Вопросъ о тактическихъ элементахъ нашего и японскаго флотовъ былъ уже нами задѣтъ въ одномъ изъ предшествующихъ обозрѣній (см. „Журналъ для всѣхъ", № 2), въ которомъ, между прочимъ, мы привели относящіеся сюда цифры, данныя въ повременной печати капитаномъ 2 ранга Кладо. Мы не станемъ поэтому повторять здѣсь полностью всѣ его данныя и напомнимъ только, что отношеніе силъ японскаго флота и 2-й нашей эскадры по его подсчету оказалось 1,8. Необходимо напомнить, что подобное неблагопріятное для насъ отношеніе является результатомъ учета самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, которыя адмиралъ Рожественскій могъ бы встрѣтить. Благополучное присоединеніе крейсеровъ изъ Владивостока, которые по послѣднимъ свѣдѣніямъ совершенно исправлены и развиваютъ свои полныя скорости хода, понижаетъ отношеніе эскадренныхъ коэффиціентовъ до 1,5. Подходъ же отдѣльнаго отряда адмирала Небогатова и весьма вѣроятное ослабленіе японскаго флота потерей эскадреннаго броненосца „Яшима" (потерей, по всей вѣроятности, не принятой во вниманіе въ подсчетахъ г. Кладо) почти уравниваютъ силы противниковъ, хотя мы все же остаемся въ общемъ болѣе слабой стороной. Необходимо отмѣтить, кромѣ того, что находимые эскадренные коэффиціенты получаются суммированіемъ судовыхъ коэффиціентовъ, и если предположить, что послѣдніе даютъ возможность сравнительно правильно учесть тактическіе элементы отдѣльнаго корабля, то нельзя того же сказать относительно суммы частныхъ коэффиціентовъ, какъ показателя мощи цѣлой эскадры. Въ самомъ дѣлѣ, указаннымъ способомъ врядъ ли удастся правильно опредѣлить вліяніе крупныхъ группировокъ эскадры. Весь опытъ прошедшей морской кампаніи показалъ, напримѣръ, исключительное значеніе броненосныхъ судовъ съ тяжелой артиллеріей для гарантированія успѣха въ эскадренномъ бою.

И вотъ оказывается, что отношеніе силъ крупныхъ бронированныхъ судовъ не такъ неблагопріятно для насъ, какъ отношеніе эскадренныхъ коэффиціентовъ. Въ самомъ дѣлѣ, броненосное ядро русской эскадры состоитъ изъ:

Эскадренныхъ броненосцевъ:	*Крупная артиллерія:*
„Князь Суворовъ"	по IV—12 дюйм.
„Императоръ Александръ III"	
„Бородино"	
„Орелъ"	
„Ослябя"	„ IV—10 „
„Наваринъ"	„ IV—12 „
„Сисой Великій"	
Бронированныхъ крейсеровъ:	
„Адмиралъ Нахимовъ"	по VIII—8 дюйм.
„Дмитрій Донской"	— —
Итого	24—12 д., 4—10 д. и 8—8 д.

Ядро японской эскадры:

Эскадренныхъ броненосцевъ:	*Крупная артиллерія:*
„Азахи"	по IV—12 дюйм.
„Миказа"	
„Шикишима"	
„Яшима" (?)	по IV—12 дюйм.
„Фуджи"	
„Чинъ-Іенъ"	
Броненосныхъ крейсеровъ:	
„Азама"	по IV— 8 дюйм.
„Итцумо"	
„Ивате"	
„Адзума"	
„Токива"	
„Якумо"	
„Ниссинъ"	I—10 д. и II—8 д.
„Касуга"	IV—8 д.
Итого	24—12 д., 1—10 д. и 30—8 д.

Такимъ образомъ, въ крупнѣйшей артиллеріи адм. Рожественскій сильнѣе своего противника. Подсчетъ боевыхъ коэффиціентовъ, сдѣланный г. Jane въ „Daily News", далъ для указанныхъ группъ судовъ отношеніе силъ всего лишь 1,2 и это для одной только 2-й эскадры адм. Рожественскаго съ нашей стороны. Если же къ броненосному ядру нашего флота прибавить тяжелую артиллерію броненосцевъ адм. Небогатова и 8 орудій восьмидюймоваго калибра на крейсерахъ „Громобой" и „Россія", то адм. Рожественскій можетъ даже получить преобладаніе въ силѣ своихъ главныхъ судовъ эскадреннаго боя. Здѣсь же будетъ умѣстнымъ упомянуть о „живучести" современныхъ броненосныхъ кораблей, ибо это ихъ качество правильнѣе всего разсматривать какъ одинъ изъ тактическихъ элементовъ боевого судна. Яркій примѣръ подобнаго качества являетъ броненосецъ „Цесаревичъ", который испыталъ разрушительное дѣйствіе мины Уайтхеда въ день открытія японцами непріязненныхъ дѣйствій, несъ трудную службу въ осажденной крѣпости, подвергся въ морскомъ сраженіи 28 іюля сосредоточенному обстрѣливанію со стороны японскаго флота, вынесъ рядъ послѣдующихъ ночныхъ минныхъ этакъ—и все же въ концѣ концовъ прибылъ въ Кіаочао самостоятельно и благополучно. Эта особенность современныхъ броненосцевъ хорошей конструкціи позволяетъ думать, что господство на морѣ въ настоящее время не можетъ быть утеряно или пріобрѣтено однимъ сраженіемъ, а достигается скорѣе упорной борьбой, успѣхъ которой въ сильной степени зависитъ отъ стратегической подготовки театра военно-морскихъ дѣйствій, оборудованія важныхъ стратегическихъ пунктовъ въ базы для дѣйствующаго флота), отъ морской индустріи страны, отъ развитія національнаго судоходства и отъ тому подобныхъ факторовъ. Въ подтвержденіе высказанной мысли можно указать на то обстоятельство, что японцы въ прошедшую кампанію добились полнаго командованія моремъ не столько успѣхомъ своего оружія въ

столкновеніяхъ съ нашимъ флотомъ, сколько использованіемъ нашей стратегической неподготовленности. Бой 28 іюля безусловно является побѣдой японскаго флота, но побѣда эта заключается не столько въ нанесеніи поврежденій нашей эскадрѣ, сколько въ оттѣсненіи ея въ необорудованный Портъ-Артуръ. Равнымъ образомъ и поврежденіе нашихъ броненосцевъ въ ночь на 27 января не могло бы имѣть серьезнаго значенія, если бы Портъ-Артуръ представлялъ изъ себя базу въ истинномъ значеніи этого слова.

Переходя къ дальнѣйшему разсмотрѣнію тактическихъ элементовъ обоихъ флотовъ, опять-таки не будемъ останавливаться на приведенныхъ уже нами въ предшествующихъ обозрѣніяхъ цифровыхъ данныхъ и ограничимся указаніями болѣе общаго характера. Подробный подсчетъ числа судовъ, ихъ тоннажа, орудій, минныхъ аппаратовъ и т. п.—показываетъ, что кромѣ указаннаго преимущества соединенныхъ эскадръ адм. Рожественскаго, всѣ остальныя тактическія выгоды на сторонѣ японскаго флота. Онъ несетъ болѣе могущественную среднюю артиллерію (до 120 мм. калибра включительно) и болѣе многочисленную мелкую скорострѣльную (калибра отъ 75 мм. до 37 мм.). Особенное значеніе надо придать превосходству нашего противника въ средней артиллеріи, которая предназначается для разрушенія слабо-бронированныхъ или незащищенныхъ частей корабля и, слѣдовательно, выводитъ изъ дѣйствія мелкую артиллерію, надводные минные аппараты, прожектора, сигнализацію, уничтожаетъ личный составъ и разрушаетъ дымовыя трубы, слѣдствіемъ чего является ненормально повышенный расходъ топлива и уменьшеніе разстоянія, которое корабль способенъ пробѣжать при обыкновенныхъ условіяхъ. Впрочемъ, преобладаніе средней артиллеріи противника до нѣкоторой степени можетъ уравновѣситься превосходствомъ нашего тяжелаго артиллерійскаго вооруженія, ибо морское сраженіе 28 іюля показало, что стрѣльба съ большихъ дистанцій изъ орудій 12-ти дюймоваго и 10-ти дюймоваго калибра дастъ, между прочимъ, тѣ же результаты, что и дѣйствіе средней артиллеріи съ болѣе близкихъ разстояній. Возвратившіяся въ Портъ-Артуръ суда, несмотря на то, что выдержали бой преимущественно на большихъ дистанціяхъ, оказались съ перебитыми мачтами, лишенными трубъ, прожекторовъ и значительной части мелкой артиллеріи, какъ это явствуетъ изъ частныхъ сообщеній.

Японскій флотъ безъ минныхъ судовъ располагаетъ большимъ числомъ минныхъ аппаратовъ, изъ которыхъ большая часть—подводные (ниже ватерлиніи), т. е. укрытые отъ разрушительнаго дѣйствія артиллеріи. На погибшемъ въ бою 1 августа крейсерѣ „Рюрикъ" всѣ минные аппараты были надводные и всѣ они къ концу сраженія вышли изъ дѣйствія, такъ что корабль остался безъ минной защиты и могъ бы быть тараненъ любымъ непріятельскимъ крейсеромъ, если бы не былъ затопленъ своими средствами. Въ то же время на крейсерѣ „Громобой", на которомъ установлены только подводные аппараты, всѣ они послѣ боя остались невредимы,—по крайней мѣрѣ, ничего не приходилось слышать о выходѣ ихъ изъ дѣйствія.

Если же принять во вниманіе миноносцы японскаго флота, то минное вооруженіе нашего противника является подавляющимъ. Большинство иностранныхъ обозрѣвателей считаетъ число исправныхъ минныхъ судовъ у японцевъ достигающимъ въ настоящее время внушительной цифры—100. Въ то же время адм. Рожественскій располагаетъ только 15 миноносцами. Нѣсколько сомнительнымъ можно считать вопросъ о дѣйствительныхъ скоростяхъ хода судовъ обоихъ флотовъ. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что средняя скорость хода японской эскадры выше, чѣмъ таковая на флотѣ адм. Рожественскаго, ибо суда противника не только построены на большую скорость, но могли ее сохранить, пользуясь доками для очистки и окраски подводной поверхности и мастерскими для капитальнаго ремонта судовыхъ механизмовъ. Но разница скоростей нашихъ и японскихъ судовъ, по всей вѣроятности, не такъ велика, какъ то многіе предполагаютъ. Во-первыхъ, какъ ни ремонтируй механизмъ, но 8 мѣсяцевъ напряженной службы не могли не отозваться вреднымъ образомъ, особенно на исправности судовыхъ котловъ. Во-вторыхъ, суда адм. Рожественскаго менѣе работали, и ихъ установки, надо полагать, болѣе исправны; что же касается обрастанія подводной поверхности ракушками и травами, то не представляется невозможнымъ очистить ихъ съ помощью водолазовъ, и адм. Рожественскій не преминетъ, конечно, исполнить эту работу передъ переходомъ въ наступленіе. Указаніе нѣкоторыхъ корреспондентовъ на то, что наши корабли при проходѣ Малаккскимъ проливомъ были очень обросшими по ватерлиніи водорослями, не имѣетъ большого значенія, такъ какъ морскія травы растутъ быстро именно у ватерлиніи и ниже не распространяются, тормазя притомъ ходъ очень мало.

По своему составу японскій флотъ представляетъ большую полноту тактической организаціи. Онъ насчитываетъ въ своихъ рядахъ надлежащее, по сравненію съ броненоснымъ своимъ ядромъ, количество крейсеровъ II-го ранга, миноносцевъ и, кажется, вспомогательныхъ крейсеровъ, такъ какъ недавно промелькнуло извѣстіе о покупкѣ японскими пароходными обществами 60 коммерческихъ судовъ, взамѣнъ такого же количества своихъ пароходовъ, перешедшихъ въ распоряженіе морского министерства. Параллельно съ этимъ были получены извѣстія, преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о скупкѣ быстроходныхъ пароходовъ для нуждъ нашей эскадры. Нечего, конечно, говорить о пользѣ, какую эти суда могутъ принести въ качествѣ развѣдчиковъ.

Стратегическія преимущества японцевъ прежде всего выражаются надлежащей подготовкой театра морской войны. Они располагаютъ на немъ въ настоящее время нѣсколькими хорошо оборудованными базами, тогда какъ адм. Рожественскій не имѣетъ ни одного опорнаго пункта и все свое оборудованіе ведетъ съ собою на судахъ спеціальнаго назначенія. Къ такимъ искусственно созданнымъ преимуществамъ японцевъ необходимо еще прибавить тѣ выгоды, которыя для нихъ вытекаютъ изъ естественныхъ особенностей театра военно-морскихъ дѣйствій и изъ условій распредѣленія на немъ морскихъ силъ воюющихъ сторонъ. Морской театръ войны представляетъ изъ себя водную поверхность Японскаго, Желтаго и Восточно-Китайскаго морей, замкнутую съ запада непрерывной цѣпью японскихъ острововъ. Южная часть этого театра, Восточно-Китайское море сравнительно доступно для флота, дѣйствующаго извнѣ, такъ какъ многочисленные проливы острововъ Ріу-Кіу позволяютъ проникнуть туда во многихъ мѣстахъ. Нельзя того же

сказать относительно Японскаго моря, которое сообщается съ внѣшними водами только тремя проливами: Лаперузовымъ, Сангарскимъ и Корейскимъ. (Татарскій проливъ не судоходенъ и проливъ между островами Ниппонъ и Кіу-Сіу закрытъ для нашихъ судовъ). Располагая, безъ сомнѣнія, большимъ числомъ наблюдательныхъ морскихъ пунктовъ и громадными развѣдочными средствами, японцы всегда смогутъ знать о движеніи нашей эскадры къ одному изъ проливовъ и сосредоточить туда свои главныя силы.

Другими словами, благодаря указанной особенности морского театра войны, противникъ находится въ завидныхъ условіяхъ, позволяющихъ ему дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ.

Что же касается распредѣленія силъ противниковъ, то и тутъ стратегическія выгоды на сторонѣ японцевъ, ибо ихъ флотъ уже сосредоточенъ, нашъ же раздѣленъ главными ихъ силами на двѣ части, при чемъ наблюденіе за владивостокскими крейсерами облегчается для непріятеля его центральнымъ положеніемъ и замкнутостью Японскаго моря.

Указанныя основныя цѣли движенія эскадры адм. Рожественскаго и перечисленныя тактическія и стратегическія средства ихъ осуществленія позволяютъ уже освѣтить въ нѣкоторой степени происшедшія на морѣ событія. Въ первыхъ числахъ марта, съ подходомъ отряда адм. Небогатова къ Красному морю, наша эскадра двинулась, какъ это теперь извѣстно, въ Южно-Китайское море, оставивъ далеко позади свои подходящія подкрѣпленія. Такой непонятный на первый взглядъ шагъ командующаго нашимъ флотомъ разъясняется очень просто, если признать, что адм. Рожественскій считаетъ себя настолько сильнымъ въ тактическомъ отношеніи, чтобы не опасаться столкновенія съ японскимъ флотомъ *при условіи равенства стратегической обстановки.* Такую вѣру въ силы своей эскадры адм. Рожественскій могъ почерпнуть, какъ мы это указали, только въ оцѣнкѣ боевыхъ качествъ своихъ броненосцевъ и, по всей вѣроятности, въ учетѣ моральныхъ силъ личнаго состава, который въ значительной степени воспитанъ и обученъ имъ самимъ за долгое время стоянки у Мадагаскара и перехода океанами. Какъ бы тамъ ни было, но вторая эскадра заняла въ сѣверной части Южно-Китайскаго моря вполнѣ опредѣленное стратегическое положеніе, у побережья Аннама, и адм. Того, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, не сдѣлалъ попытки атаковать ее своимъ броненоснымъ флотомъ. Выходитъ, какъ будто бы, что и японскій адмиралъ также оцѣниваетъ нашу эскадру съ боевой точки зрѣнія, какъ и командующій нашимъ флотомъ. Разъ же это такъ, то для того, чтобы понять смыслъ послѣдней операціи на морѣ, достаточно показать, чего адм. Рожественскій добился своимъ внезапнымъ появленіемъ въ Южно-Китайскомъ морѣ. Еще задолго до перехода въ наступленіе нашего флота многими высказывалось опасеніе, что проходъ его изъ Индійскаго океана въ моря Тихаго океана можетъ сопровождаться рядомъ нападеній непріятеля въ узкостяхъ Зондскихъ островов. Считалось даже возможнымъ, что флотъ противника, опираясь на какую-либо временную базу, дастъ здѣсь рѣшительное сраженіе. Послѣднее предположеніе оказалось, какъ это и можно было предвидѣть при болѣе тщательномъ изученіи средствъ обѣихъ сторонъ, ошибочнымъ; но почти нельзя въ то же время сомнѣваться, что минныя атаки были противникомъ подготовлены въ проливахъ, которыми предполагался проходъ нашей эскадры. По крайней мѣрѣ, относительно такой подготовительной дѣятельности были неоднократныя указанія въ иностранной печати. И вотъ, отказъ адм. Рожественскаго отъ соединенія съ своими подкрѣпленіями въ Индійскомъ океанѣ, равно какъ движеніе его къ Малаккскому проливу, являющемуся главной артеріей торговаго движенія между океанами,—сдѣлали появленіе его здѣсь полной неожиданностью для всѣхъ. Весьма вѣроятно, что противникъ нашъ, благодаря этому, не сосредоточилъ въ надлежащемъ мѣстѣ тѣхъ минныхъ судовъ, которыми онъ располагаетъ въ такомъ изобиліи. Съ этой точки зрѣнія прорывъ адм. Рожественскимъ опасной зоны всяческихъ узкостей нельзя не признать извѣстнымъ успѣхомъ.

Далѣе, пройдя проливы, адм. Рожественскій занялъ положеніе у Кохинхины и съ тѣхъ поръ до дня, которымъ мы заканчиваемъ настоящее обозрѣніе, не покидалъ ея прибрежной полосы, явно выжидая подхода отряда адм. Небогатова. Выгоды, которыхъ онъ добился этимъ стратегическимъ ходомъ, довольно разнообразны. Въ случаѣ, если бы адм. Того рѣшилъ напасть на него своими главными силами, бой произошелъ бы у береговъ дружественной намъ Франціи, и суда, лишенныя способности къ самостоятельному продолжительному перемѣщенію, могли бы укрыться въ Сайгонъ или какой-либо другой портъ французской территоріи (съ тѣмъ, конечно, чтобы тамъ разоружиться). Хотя и японцы могутъ, безъ сомнѣнія, воспользоваться этимъ правомъ, но для нихъ оно не представляетъ ничего заманчиваго, такъ какъ они отказываются отъ возможности пользоваться своими базами и попадаютъ въ равныя условія съ нами, не имѣющими ни одного опорнаго пункта. Группировка нашей эскадры въ сѣверной части Южно-Китайскаго моря побуждаетъ противника сосредоточиться въ южныхъ водахъ Восточно-Китайскаго моря, по всей вѣроятности, у о. Формозы, предоставляя этимъ нѣкоторую свободу дѣйствій владивостокскому отряду крейсеровъ.

Далѣе, пребываніе нашей эскадры у береговъ Аннама ставитъ ее во фланговое положеніе относительно пути Малаккскій проливъ—Формоза. Благодаря этому, адм. Небогатову врядъ ли слѣдуетъ опасаться столкновенія съ броненоснымъ флотомъ противника. Если бы адм. Того рискнулъ отправить къ югу достаточно сильный отрядъ бронированныхъ судовъ, то наша эскадра, пожертвовавши отрядомъ адм. Небогатова, безнаказанно прорвалась бы во Владивостокъ,—а на это, конечно, адм. Того не пойдетъ. Такимъ образомъ, наиболѣе вѣроятная опасность для судовъ адм. Небогатова грозитъ со стороны непріятельскихъ миноносцевъ, которые могутъ быть въ большомъ количествѣ отправлены адм. Того въ южную часть Южно-Китайскаго моря. Наконецъ, пребываніе эскадры у побережья Аннама позволяетъ ей двинуться, послѣ соединенія съ отрядомъ адм. Небогатова, въ любомъ направленіи—въ Тихій океанъ или въ Восточно-Китайское море. Проистекающая отсюда возможность болѣе сложнаго маневрированія можетъ быть только на руку намъ, такъ какъ адм. Рожественскій долженъ стремиться восполнить удачнымъ маневрированіемъ превосходство противника въ тактическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, второй шагъ адм. Рожественскаго, занятіе стратегическаго поло-

женія въ сѣверной части Южно-Китайскаго моря, является удачнымъ результатомъ взвѣшиванія всѣхъ обстоятельствъ „за“ и „противъ“. Адмиралу Того была, въ сущности, поставлена дилемма: либо выйти со своими главными силами въ Южно-Китайское море и дать адм. Рожественскому бой въ равныхъ съ нимъ стратегическихъ условіяхъ, либо допустить соединеніе нашихъ эскадръ. Адм. Того, очевидно, выбралъ второе рѣшеніе, считая выгоды своего стратегическаго положенія болѣе значительными, нежели тактическія преимущества, пріобрѣтаемыя адм. Рожественскимъ съ подходомъ къ нему отряда адм. Небогатова.

На сухопутномъ театрѣ военныхъ дѣйствій за истекшій мѣсяцъ не произошло существенныхъ перемѣнъ. Вся дѣятельность обѣихъ сторонъ была направлена въ сторону тѣхъ подготовительныхъ, внутреннихъ работъ, начало которыхъ мы уже отмѣтили въ предшествующемъ обзорѣ; боевыя же дѣйствія ограничивались столкновеніями передовыхъ отрядовъ, производившихъ энергичныя развѣдки въ сторону расположенія противника. Эти развѣдки, равно какъ и извѣстія изъ иностранныхъ источниковъ, указываютъ на законченность подготовительныхъ мѣропріятій противника и на возможность вслѣдствіе этого скораго перехода его въ наступленіе.

Такимъ образомъ можно ожидать, что май мѣсяцъ ознаменуется весьма рѣшительными операціями какъ на морскомъ, такъ и на сухопутномъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Степняковъ.

Въ статью Бернацкаго — „Рабочій вопросъ“ (№ 4) вкрались слѣдующія опечатки и неточности: Стр. 238 — второй столбецъ, въ скобкахъ — „въ Новой Зеландіи 8 час.“ вмѣсто: „въ Новой Зеландіи фактически 8 ч. р. день“, что должно было быть помѣщено въ примѣчаніи, а не текстѣ. Стр. 241 — 2-й столбецъ, объ англійскихъ законахъ: „въ 1870 г. были сдѣланы еще дополненія“ — должно было быть: „въ 70-хъ годахъ“... Стр. 243 — первый столбецъ — первая строка: „на глубинѣ 142 с.“ слѣдуетъ: „на глубинѣ $1^1/_2$ саж.“.

Издатель **В. С. Миролюбовъ.** Редакторъ **П. В. Голяховскій.**

Дозв. ценз. Спб., 30 апрѣля 1905 г. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

ГОДЪ X. 1905. № 6. IЮНЬ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Журналъ для всѣхъ.

Г. ГАЛИНА.

Весна, опять весна на родинѣ моей!..
Веселые грачи и вербы цвѣтъ пушистый,
И мелкій листъ березъ, дрожащій и
душистый,
И влажная земля проснувшихся полей...
Весна, опять весна... Но будутъ ли
встрѣчать
Въ поляхъ ея приходъ надежды и молитвы?
Спятъ крѣпко пахари въ крови послѣдней
битвы...
И не проснуться имъ и никогда не встать...
Родное солнышко надъ ними не блеснетъ
Весенней радостной, румяною зарею,
Ихъ грудь придавлена чужой сырой-
землею
И сонъ ихъ стережетъ холодный небо-
сводъ...

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЯ.

Дорогой ты мой другъ!.. Надъ могилой
твоей
Затихаютъ послѣднія пѣсни мои...
Пусть приснятся тебѣ наши вешніе дни,
Пусть согрѣютъ они холодъ вѣчныхъ
ночей...
Пусть взойдутъ надъ тобой голубые цвѣты,
Голубые цвѣты, какъ мечты,
И пусть шепчутъ они о безсмертьи души
И баюкаютъ сонъ твой въ тиши...
И когда я пройду одинокій мой путь,
Мы увидимся снова съ тобой...
Спи, мой милый... къ тебѣ я приду
отдохнуть
Отъ тревоги и грусти земной...

ЕЛИСАВЕТА ДИТЕРИХСЪ.

Вы начали гордо, свободно и смѣло,
Героями правды, царями любви.
Вы жили, и сильное пламя горѣло
Въ безтрепетномъ сердцѣ и чистой крови.

Слова ваши вѣрой открытой звучали.
Вы истиной были, всѣ вмѣстѣ возставъ,
Надеждой зарю молодую встрѣчали
И... плотью кончаете, духомъ начавъ...

Ѳ. ГАВРИЛОВЪ.

Ударили! Звонятъ! Внимай съ благого-
вѣньемъ:
Привѣтствуютъ приходъ чарующей весны...
Разсѣетъ сумерки, повѣетъ обновленьемъ
И воплотитъ она заманчивые сны.
Веселый перезвонъ отъ края и до края
Вѣщаетъ родинѣ пророческую вѣсть,
Что рушится стѣна,—и солнышко играя
Дастъ силу мощную духовно ей расцвѣсть!
О, это не обманъ! не сладостныя грезы!
Дождемся ранѣе дряхлѣющихъ сѣдинъ,
Когда съ улыбкою, стряхнувъ былыя слезы,
Насъ встрѣтитъ за трудомъ свободный
гражданинъ!

Л. М. ВАСИЛЕВСКІЙ.

НОЧЬ ВЪ ХАМАДАНѢ.

ИЗЪ ПЕРСИДСКИХЪ МОТИВОВЪ.

Тихо, знойно. Я на кровлѣ легъ на мягкіе
ковры.
Надо мною только звѣзды, только звѣздные
міры.
Какъ горитъ Кассіопея! Какъ прекрасенъ
Оріонъ!
Въ темныхъ чарахъ пламенѣя, воздухъ
страстью опьяненъ.
Тишина глаза смыкаетъ. Городъ, кажется,
уснулъ,
Лишь порою долетаетъ каравана дальній
гулъ.
Тихо, знойно. Къ изголовью кто-то словно
подошелъ,
Поманилъ меня любовью, къ чашѣ радости
подвелъ.
Неизвѣданною страстью, какъ огнемъ, меня
обжегъ,
Къ заповѣданному счастью звалъ въ
таинственный чертогъ.
Звалъ чарующе и страстно. Я боролся и
дремалъ,
Но мою дремоту властно тайный голосъ
прерывалъ.
Душно. Замеръ голосъ жгучій. Въ синемъ
небѣ безъ слѣда
За одной звѣздой падучей снова падаетъ
звѣзда.

М. ПОЖАРОВА.

СТАРОЕ СЧАСТЬЕ.

Вихремъ меня донесло,
Сквозь тучи и зной, и ненастье,
Въ край, гдѣ когда-то цвѣло
Мое позабытое счастье.

Прежней тропою схожу
Молиться на выступѣ горномъ,
Прежнія тайны бужу
Въ молчаньи, былому покорномъ.

Вновь отлетающій день
Роняетъ надъ сонной лощиной
Крыльевъ серебряныхъ тѣнь
И пѣсней звенитъ лебединой.

Море зеленыхъ лѣсовъ
Волнами уходитъ въ безбрежность.
Слышу таинственный зовъ...
Въ душѣ — опьяненная нѣжность.

Шорохъ незримыхъ одеждъ...
Мгновенье плѣнительной встрѣчи:
Фея лазурныхъ надеждъ
Мнѣ шепчетъ дразнящія рѣчи.

— Видишь, какъ свѣтелъ твой путь?
Зажглись небывалыя краски!
Нѣжитъ усталую грудь
Приливъ возрастающей ласки.

Чуешь безмѣрность мечты,
Блаженную боль окрыленья?
Сказочно рдѣютъ цвѣты
Въ огнѣ твоего возрожденья.

Новыхъ восторговъ лучи
Дрожатъ за кристальнымъ туманомъ!...
— Фея, о фея, молчи!
Слова твои дышатъ обманомъ.

Фея, о фея, не пой!
Въ душѣ не проснется участье...
То изъ могилы сырой
Встаетъ погребенное счастье.

Тянется зыбкимъ цвѣткомъ,
Мерцаетъ прозрачною кровью,
Вѣетъ несбывшимся сномъ,
Давно отсіявшей любовью.

Призракомъ къ сердцу прильнетъ —
И снова, безъ власти, безъ силы,
Мертвое счастье заснетъ
Въ холодныхъ объятьяхъ могилы...

ВОЛНЫ.

Просторъ лазурный безпредѣленъ...
Бѣгутъ къ утесу волны снѣжныя,
Въ тайникъ мерцающихъ расщелинъ,
Гдѣ глыбы свѣсились прибрежныя.

Песокъ размытъ кипѣньемъ гнѣвнымъ
Волны, борьбою обезсиленной;
Другая, съ гуломъ перепѣвнымъ,
Змѣится трепетной извилиной,

Блеститъ игрой оттѣнковъ новыхъ
И, раздробленная преградами,
Съ уступовъ, царственно суровыхъ,
Скользитъ алмазными каскадами...

Мои мечты, какъ волны моря,
Къ твоей душѣ, гранитомъ скованной,
Въ одной мольбѣ другъ другу вторя,
Бѣгутъ чредою очарованной.

Твоя душа — утесъ могучій.
Ужели снова, побѣжденныя,
Отхлынутъ ропотомъ созвучій
Мои мечты неутоленныя?

А. ѲЕДОРОВЪ.

Если мы не вдвоемъ, если я не могу
О любви тебѣ тайно шепнуть,
Знай, что слово „люблю" я въ душѣ берегу,
И оно заливаетъ мнѣ грудь.
И когда я въ толпѣ, раздѣляющей насъ,
Молча взглядъ на тебя устремлю,
Слышишь, какъ онъ поетъ, какъ кричитъ
онъ изъ глазъ
Беззавѣтное слово „люблю"?
Если я не съ тобою веду разговоръ,
Все равно тамъ, браню иль хвалю,
Въ каждомъ словѣ звучитъ всѣмъ
словамъ въ перекоръ
Лишь одно только слово: „люблю".
На рѣсницахъ слеза замерла какъ хрусталь,
О дитя, я о прошломъ скорблю.
Не отчаянье скорбь и слеза не печаль, —
Это только лишь слово „люблю"

Путникъ идетъ по дорогѣ.
Вѣтеръ безумный шумитъ,
Сумракъ беззвѣздный слѣпитъ.
Ноютъ усталыя ноги.

Вонъ огонекъ въ отдаленьи.
Мимо! Темно впереди.
Сердце заныло въ груди,
Сердце въ тоскливомъ смятеньи.

Мимо! Въ степи — одинокій
Крестъ на холмѣ; припади,
Выплачь тоску и иди
Въ путь безнадежно далекій.

Ю. ВАЛТРУШАЙТИСЪ.

НА ПОРОГѢ НОЧИ.

Въ вечерней мглѣ теряется земля...
Въ тиши небесъ раскрылось міровое,
Гдѣ ярче блещетъ пламя бытія,
Гдѣ весь просторъ, какъ празднество живое...
Восходятъ въ высь, въ великій храмъ ночной,
Недвижныхъ тучъ жемчужныя ступени,—
И тяжко намъ, на паперти земной,
Сносить тоску извѣданныхъ томленій...
Куда ни взглянешь взоромъ ненасытнымъ,
Ночная глубь таинственно горитъ,—
Весь Божій міръ предъ сердцемъ беззащитнымъ
Во всей своей безгранности раскрытъ...
Все шире ночь, въ убранствѣ златотканномъ,
Плететъ узоръ безтрепетныхъ огней,—
И трудно жить на днѣ земли туманномъ,
И страшно сердцу малости своей,—
Для насъ земля—послѣдняя ступень;
Въ ночныхъ моряхъ она встаетъ утесомъ,
Гдѣ человѣкъ, какъ сумрачная тѣнь,
Поникъ, одинъ, съ молитвеннымъ вопросомъ...

С. КАРАСКЕВИЧЪ.

ДРУГУ.

Какъ ты любила эти огни!
Снова надъ тихою, сонной Невою,
Въ черную ночь убѣгая толпою,
Звѣздною цѣпью сверкнули они...
Встань изъ могилы, взгляни!
Все, что казалось мечтою напрасной
Въ наши тревожные, юные дни,
Сдѣлалось правдой простою и ясной...
Другъ моей юности, другъ мой прекрасный!
Встань изъ могилы, взгляни!

А. ВОЛХОВСКОЙ.

Мы съ нимъ говорили о всемъ и о всѣхъ,
Но только—о, нѣтъ!—не о ней!
Звучалъ беззаботный нашъ дружескій смѣхъ
И рѣчи звучали нѣжнѣй...
Неискренность мы презирали всегда.
Душою сливались съ душой;
Мы пѣли съ нимъ пѣсни—и даже тогда—
О, нѣтъ!—не о ней, не о той!
Мы вмѣстѣ любили... Она умерла...
И въ сумракѣ темныхъ ночей
Грустна и мрачна наша пѣсня была,
Но только—о, нѣтъ!—не о ней!
И онъ умиралъ... И объятый тоской
О жизни погибшей своей,
Онъ все завѣщалъ мнѣ высокой душой,
Но только—не память о ней!...

Л. АНДРУСОНЪ.

М. Л.

Смѣхъ... музыка... шумное море
Веселыхъ, нарядныхъ людей...
Мерцаютъ огни золотые,
Колышатся тѣни вѣтвей.
Ты снова и снова проходишь
Нѣжнѣй и прекраснѣй мечты...
О мукахъ любви одинокой
Тебѣ не разскажутъ цвѣты.
И ты никогда не узнаешь,
Какъ больно тебя я люблю...
Гляжу въ твои очи и взглядомъ
Цѣлую улыбку твою.
Смѣешься, цвѣты обрывая
Безпечно-небрежной рукой,
И тонешь въ толпѣ—мимолетной,
Какъ сонъ, недоступной мечтой...
А музыка льется надъ моремъ
Веселыхъ, нарядныхъ людей
Ликующимъ смѣхомъ и плачетъ
Въ душѣ одинокой моей.

ВЛ. ВОЛЬКЕНШТЕЙНЪ.

Есть отрада въ угрюмыхъ ночахъ, полныхъ знойной, безсонной тревоги.
Въ эти ночи—правдивѣй душа; въ эти ночи, къ прошедшему строгій,
Отрываюсь я вдругъ отъ всего, что мнѣ льстило и что утѣшало,
Что средь міра печалей меня безполезной мечтой искушало...
Въ эти ночи, въ удушливой тьмѣ, нѣтъ соблазновъ и нѣтъ примиренья...
И хочу я великой тоски, оттого что хочу обновленья!

От мечтаній къ страстямъ, отъ страстей къ изступленью—
Коротка роковая дорога!
Все къ сильнѣйшему душу влечетъ упоенью...
Въ ней глухая слышнѣе тревога.
Не мечтать—я не могъ! А теперь предо мною
Эта скорбь, этотъ ужасъ тлетворный!..
Я къ погибели рвался тревожной душою,
Обаянію жизни покорный.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Цвѣтикъ бѣлоснѣжный
У тропы телѣжной
Выросъ въ мѣстѣ незнакомомъ.
Ты, мой другъ, простился съ домомъ,
Ты ушелъ далече,—
Суждена ль намъ встрѣча?
Цвѣтикъ нѣжный, синій,
Надъ нѣмой пустыней
Выросъ въ мѣстѣ незнакомомъ.
Ты, мой другъ, разстался съ домомъ,—
Отъ тебя хоть слово
Я услышу ль снова?

ГРИГОРІЙ ПЕТРОВИЧЪ.

I.

Не болѣе, какъ въ верстѣ отъ нашего маленькаго городка, проживала въ своей усадьбѣ генеральша Саламатова. Я хорошо помню эту генеральшу, и помню, что она проявляла какую-то особенную и непонятную власть надъ городскими обывателями. Это была грязная, грубая, крайне несимпатичная старуха, рѣшительно ничѣмъ не заслужившая права на людское уваженіе; а между тѣмъ всѣ, даже такіе умные и независимые люди, какъ мой дядя и его милая жена, считали какимъ-то долгомъ посѣщать эту особу. Генеральша уже нѣсколько лѣтъ, какъ лишилась употребленія ногъ, и нерѣдко принимала гостей въ крайне неопрятной своей спальнѣ, иногда даже лежала при этомъ въ постели, тоже неопрятной, издающей непріятный запахъ. Прибывшій долженъ былъ сыграть съ хозяйкой партію въ пикетъ; при этомъ генеральша, если проигрывала, то сердилась и ругала гостя „вислоухимъ" и „бараномъ". И все это принималось посѣтителями безъ обиды.

Я немного помню и генерала; но онъ оставилъ во мнѣ лишь воспоминаніе о томъ, что все воевалъ съ генеральшей. Онъ тоже не владѣлъ ногами, и вотъ супруги сидѣли въ креслахъ другъ противъ друга и по нѣсколько разъ въ день начинали военныя дѣйствія. Сначала въ видѣ застрѣльщиковъ шли ругательства, потомъ поднимался артиллерійскій огонь и по воздуху носились футляры отъ очковъ, окурки сигаръ, кожаная подушка генеральши. Говорили, что генералъ проявлялъ не столько таланта въ военныхъ операціяхъ, сколько пылу; военныя же дарованія, а равно и удача оставались на противной сторонѣ.

Однажды генеральша такъ счастливо пустила въ супруга стаканомъ, что на лбу генерала сразу сѣла шишка. Побѣжденный даже заплакалъ отъ боли и злобы и спустился на полъ, чтобы хоть на рукахъ доползти до врага и вступить въ рукопашный бой. Эта попытка стоила ему дорого. Генералъ лишился чувствъ и черезъ день скончался.

За годъ до своей смерти генеральша Саламатова все чаще и чаще роптала на судьбу.

— Вотъ, помру и некому Куплина передать. Послѣдняя я въ роду... сирота, одна какъ перстъ...

— Помилуйте, ваше превосходительство, возражали ей: — вѣдь у васъ родной племянникъ въ живыхъ. Отъ сестрицы, отъ Прасковьи Андреевны...

— Ты что мнѣ племянникомъ тычешь? обрывала генеральша.—Видно и ты такой же дуракъ, какъ и онъ... Знать не хочу племянника... Понялъ?.. Племянникъ—дуракъ и гордецъ... Тьфу мнѣ на племянника!.. Въ монастырь передамъ имѣніе, и дѣлу конецъ...

Она даже призвала разъ съ этой цѣлью нотаріуса, но изъ-за чего-то неожиданно поссорилась съ нимъ и выгнала вонъ, пустивъ ему въ догонку своей засаленной наколкой. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого маленькаго событія она скоропостижно скончалась, такъ и не оставивъ завѣщанія.

Прошло съ полгода, и вотъ у насъ прошла вѣсть, что въ Куплинѣ появился новый хозяинъ, тотъ самый нелюбимый племянникъ покойной, Базановъ.

Вѣсть эта, разумѣется, очень взволновала городскихъ обывателей, но затѣмъ они успокоились. Базанова никто въ городѣ не зналъ, но выяснилось, что лицо онъ не богатое и не чиновное (какой-то отставной подпоручикъ), а слѣдовательно, и не интересное. Однако, ему суждено было вскорѣ опять встревожить любопытство горожанъ. Замѣтили, что онъ сталъ часто показываться на главной городской улицѣ, направляясь къ торговымъ рядамъ. И вотъ, не прошло и двухъ недѣль, какъ многіе почему-то его возненавидѣли. Почему? сказать трудно. Можетъ быть, просто наружность его возбудила неопредѣленное обывательское негодованіе, какъ вылетѣвшая на волю изъ клѣтки заморская птица возбуждаетъ злобу пернатыхъ туземцевъ.

Какъ бы то ни было, даже еще не разглядѣвъ хорошенько лица Базанова, обыватели нашли, что онъ фатъ, противный, и сейчасъ же стали примѣрять къ нему разнообразныя клички: лапсердачный джентльмэнъ, Тарасъ Бульба въ чахоткѣ, тараканьи мощи и пр...

Было ему въ то время лѣтъ сорокъ пять-шесть; былъ онъ довольно высокъ ростомъ, но очень худощавъ, со впалыми, всегда гладко выбритыми щеками и съ длиннѣйшими, какъ у Бульбы, полусѣдыми усами. Одѣвался онъ очень чисто, но немного необычно, въ какой-то коричневаго цвѣта, длиннополый сюртукъ, какихъ въ то время уже не носили. Но что болѣе всего возбуждало негодованіе жителей, это лайковыя перчатки и монокль на широкой черной лентѣ, которые украшали Базанова. Монокль никогда не бывалъ въ дѣлѣ и свободно висѣлъ около низа жилета; а такъ какъ Базановъ имѣлъ особую, подпрыгивающую походку, то стеклышко это скакало вправо и влѣво во время передвиженія его хозяина.

Замѣтили потомъ, что этотъ слегка горбившійся человѣкъ весьма вѣжливъ, всегда готовъ уступить дорогу встрѣчнымъ, а передъ дамами приподнимаетъ щеголеватую шляпу-пирожокъ. Все это было даже очень мило, но... озлобленіе противъ него росло, стихійное безпричинное.

II.

Болѣе всѣхъ негодовали Алешунинъ и Клавдія Осиповна. Алешунинъ, старѣющійся холостякъ, застрявшій неизвѣстно ради чего въ нашемъ городѣ, человѣкъ, предававшійся праздности и чревоугодію, былъ, вообще говоря, довольно незлобивъ, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ могъ быть склоненъ и къ рѣшительнымъ тѣлодвиженіямъ. Въ обычное время, однако, онъ только благодушно улыбался, видимо, гордясь своей величавой наружностью стариннаго боярина. Онъ собиралъ временами у себя мужскую кутящую компанію, съ которой за бутылкой вина любилъ придумывать остроумныя прозвища городскимъ обывателямъ.

Тѣмъ удивительнѣе казалось, что этотъ благодушный въ сущности, молчаливый человѣкъ почувствовалъ такую ненависть къ ничѣмъ не провинившемуся передъ нимъ Базанову.

— Не могу, знаете, видѣть этой... морды! пояснялъ Алешунинъ, поглаживая свою бобровую бороду.

— Ахъ, вы правы, правы! подхватывала Клавдія Осиповна: — въ немъ есть что-то... этакое... ну, однимъ словомъ, противное, противное... Это совсѣмъ и не мужчина...

Клавдія Осиповна, дѣвица лѣтъ тридцати, чувствовала особое влеченіе къ мужчинамъ. Въ женскомъ обществѣ она скучала, но среди мужчинъ держала себя съ истеричной веселостью и хохотала такъ неестественно и нелѣпо, какъ будто ее щекотали.

Была она недурна собой, хорошо сложена, но при этомъ крайне необразована, тупа и вульгарна. Жила она со старушкой матерью, вдовой какого-то небольшого чиновника, и хотя была принята въ обществѣ, но третировалась нѣсколько свысока. Въ прошломъ у ней были бурные моменты, и она не скрывала этого, а только хихикала при напоминаніяхъ и намекахъ. Вообще въ ней проглядывало какое-то животное, мало смышленное, но назойливое, немного жалкое, немного грязноватое. Къ ней снисходили, ее терпѣли, но, въ сущности, глубоко презирали. И не только женщины, но и мужчины. И даже тѣ изъ мужчинъ, которые любили краткіе романы...

И вотъ эта самая Клавдія Осиповна возвысила голосъ и объявила во всеуслышаніе, что Базановъ „противный мужчина", и что она, Клавдія Осиповна, его не переноситъ. Это заявленіе было знаменательно...

Между тѣмъ, городскіе наблюдатели узнали и то, зачѣмъ Базановъ ходитъ въ гостиный дворъ. Оказалось, что онъ является въ лавку Синюшева и покупаетъ на десять копеекъ шоколадныхъ конфектъ. И это казалось противнымъ: мужчина—и такой лакомка!..

Синюшевъ уже такъ привыкъ къ этимъ покупкамъ, что лишь только Базановъ появлялся въ его полутемной лавкѣ, какъ онъ кричалъ мальчику изъ за своей конторки, гдѣ цѣлый день пилъ чай:

— Ва-силь... Абрикосова на десять копеекъ...

Базановъ вѣжливо приподымалъ свой пирожокъ и клалъ на прилавокъ гривенникъ. А Синюшевъ считалъ своимъ долгомъ вступить съ нимъ въ разговоръ.

— Пріятная нонѣ погода, говорилъ онъ любезнымъ голосомъ.

— Чрезвычайно пріятная, мягкимъ теноромъ и съ полной учтивостью спѣшилъ отвѣтить посѣтитель.

— Н-да... а журавли, сказывали, ужъ летятъ?..

— Къ сожалѣнію, этого не умѣю сказать въ точности... Что-то летѣло вчера, но подозрѣваю, что это вороны... До свиданія...

— До свиданія... Василь, отвори дверь, болванъ!..

Далѣе любопытствующіе узнали, что Григорій Петровичъ обыкновенно съѣдаетъ не болѣе одной конфетки. Остальныя онъ раздавалъ встрѣчнымъ ребятишкамъ. Остановится около какого-нибудь босоногаго пузыря, который глядитъ на него, засунувъ палецъ въ ротъ, или около озябшей, въ рваномъ платьишкѣ дѣвочки съ замарашкой братомъ на худенькихъ рукахъ,—вынетъ конфетку и дастъ. А самъ поглядитъ прямо въ глаза удивленному ребенку, вздохнетъ и, слегка подпрыгивая на ходу, идетъ дальше, при чемъ монокль летаетъ изъ стороны въ сторону.

III.

Прошло еще нѣсколько времени, и о Базановѣ стали забывать: любознательность притупилась. Но Григорію Петровичу, очевидно, суждено было занимать своею особою умы гражданъ.

Обстоятельства сложились такъ, что въ тотъ годъ городская наша полиція состояла или изъ дряхлыхъ старичковъ или изъ людей, мало пригодныхъ для службы. Исправнику было лѣтъ подъ восемьдесятъ, помощнику—въ родѣ того; надзиратель кромѣ спиритизма не занимался ничѣмъ. И вотъ случилось такъ, что и полицейскіе солдаты все были старички, почтенные, правда, но малосильные и робкіе. Теперь все это перемѣнилось, но иные находятъ, что не къ лучшему. На душѣ бывало покойнѣе, когда видали сгорбленную фигуру Михеича, который, пожевывая беззубымъ ртомъ, обходилъ городъ съ клюкой, или когда худенькій, чахлый Самсоновъ вязалъ на посту варежки.

Но оказывались отъ этого переполненія полицейскаго штата почтенными стариками и свои неудобства. Существовалъ въ городѣ картузникъ, мѣщанинъ Кузькинъ. Это былъ человѣкъ крупнаго роста и большой физической силы, при этомъ смиренникъ, покорный и даже робкій, но только до вторника, когда въ городѣ происходилъ базаръ. Въ тотъ день Кузькинъ выходилъ на рынокъ съ товаромъ, а затѣмъ обязательно напивался пьянъ и начиналъ кричать и ругаться на всю площадь. И замѣчательно, что гнѣвъ его обрушивался, главнымъ образомъ, на полицейскихъ солдатъ. Казалось, даже въ томъ фактѣ, что они не являются во-время усмирять его, Кузькинъ почерпалъ новый матеріалъ для негодующихъ обличеній. Обыватели не разъ бывали пріятно развлекаемы видомъ полицейскаго Савкина, сердито шамкавшаго беззубымъ ртомъ, но вынужденнаго, несмотря на свое служебное положеніе и на грозную шашку, спасаться отъ Кузькина, бѣгая вокругъ опустѣвшихъ рыночныхъ столовъ и подавая отъ времени до времени предупреждающіе свистки. А Кузькинъ, полный гражданской скорби и негодованія, бѣгалъ за нимъ, обѣщая стереть его съ лица земли.

— Да отстань, разбойникъ! кричитъ, бывало, задыхавшійся старичекъ.—Вотъ стащу въ холодную да протоколъ и составлю... Разбойникъ!..

— Я те научу, какъ службу сполнять! неистовствуетъ Кузькинъ, продолжая погоню, — я те научу порядку, фараонова мышь!..

Это преслѣдованіе почтенныхъ и во всякомъ случаѣ заслуженныхъ лицъ вынудило у исправника рѣшительныя мѣры. Когда тотъ же Савкинъ пришелъ однажды къ нему и доложилъ:

— Вашскородіе, извольте меня уволить. Черезъ мошенника Кузькина служить невозможно...

Исправникъ тотчасъ же его уволилъ и назначилъ на его мѣсто молодого и здоровеннаго солдата Баринова.

— Смотри, сказалъ онъ ему,—по вторникамъ не смѣй у меня уходить съ базара, и главное, не давай воли Кузькину.

Скоро Кузькинъ почувствовалъ все значеніе реформы: съ Бариновымъ шутки оказывались плохія, и онъ быстро внушилъ протестанту уваженіе къ власти. Въ первый же вторникъ Бариновъ препровождалъ ошеломленнаго Кузькина въ кутузку, награждая его оглушающими подзатыльниками. Рядомъ злорадно шествовалъ отставной Савкинъ, поощряя своего преемника и по временамъ прибавляя Кузькину „отъ себя"...

— Что, дождался, подлецъ? шамкалъ онъ язвительно.—Ишь, морда-то вся рудой зашла... Это тебѣ не со мной, старикомъ... Поддай ему, Бариновъ, еще поддай для науки!..

Бариновъ исполнялъ совѣтъ своего опытнаго коллеги, и Кузькинъ, едва успѣвшій подняться, опять устремлялся впередъ отъ не-

ожиданнаго удара и падалъ на пыльную дорогу, которую орошалъ кровью изъ разбитаго носа...

На эту сцену равнодушно смотрѣли обыватели, находя, вѣроятно, что все тутъ въ порядкѣ. Прежде Кузькинъ одолѣвалъ престарѣлаго полицейскаго Савкина, теперь молодой полицейскій Бариновъ одолѣвалъ Кузькина...

Какъ разъ въ это время проходилъ по улицѣ Базановъ. Увидавъ человѣка съ окровавленнымъ лицомъ, всего въ грязи и награждаемаго затрещинами, онъ поблѣднѣлъ и спѣшно подошелъ къ нему.

— Стойте! крикнулъ онъ Баринову.—Какъ вы смѣете бить человѣка? Отпустите его сейчасъ же...

Полицейскій искоса и сердито глянулъ на него.

— Никакъ невозможно, пробормоталъ онъ,—потому въ безобразномъ видѣ. И притомъ по приказу начальства...

— Оставьте, сейчасъ оставьте!.. Вы не имѣете права...

Онъ возбужденно говорилъ что-то о достоинствѣ личности и священныхъ обязанностяхъ полиціи по охраненію обывателей. Потомъ, вынувъ платокъ, онъ принялся вытирать лицо Кузькина. А самъ все дрожалъ нервно и шепталъ:

— И это люди, и это христіане! О, Боже, Боже!... Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!..

— Я доложу надзирателю, началъ было городовой, — что вы мѣшаете сполнять службу...

Но Григорій Петровичъ въ отвѣтъ опрокинулъ на него цѣлую рѣчь, очень возвышенную и столь мало понятную, что Бариновъ совершенно растерялся и покорно исполнилъ всѣ распоряженія Григорія Петровича. А распоряженія эти свелись къ тому, что побѣжденный Кузькинъ подъ руки былъ препровожденъ домой. Тройка, состоявшая изъ городового, Кузькина (въ серединѣ) и Григорія Петровича съ другой стороны, мирно направилась въ переулокъ и скрылась въ сѣняхъ Кузькиной избушки. Но передъ входомъ Кузькинъ рванулся, освободился отъ державшихъ его рукъ и кинулся Григорію Петровичу въ ноги... Онъ чувствовалъ, вѣроятно, что безъ вмѣшательства этого страннаго барина „реформа“ могла бы кончиться для него далеко не благопріятно...

И долго потомъ онъ говорилъ о немъ:

— Съ роду такого барина не бывало... Анделъ...

IV.

Происшествіе это надѣлало шуму. Составились весьма разнообразныя мнѣнія: иные изъ общества находили, что Базановъ подрываетъ значеніе власти, другіе—что Базановъ человѣкъ безъ такта, третьи—что онъ просто полоумный. И опять-таки больше всѣхъ негодовала почему-то Клавдія Осиповна.

Эта особа была вообще не говорлива; она только хихикала около мужчинъ и всегда имѣла жалкій видъ человѣка презираемаго, терпимаго изъ снисхожденія. Но тутъ она почему-то возвысила голосъ и нѣсколько дней подъ рядъ носилась съ возмутительнымъ, непристойнымъ поступкомъ“ *этого* Базанова. Она такъ привыкла чувствовать себя предметомъ общественнаго порицанія, что была счастлива возможностью высказать и свое порицаніе.

Прекратилъ ея волненіе Алешунинъ. Когда она въ одномъ домѣ, раскраснѣвшаяся отъ негодованія, со сверкающими глазами, въ сотый разъ высказывала свое удивленіе по поводу Базанова,—величавый, спокойный Алешунинъ, со свойственною ему безцеремонностью, хлопнулъ ее по плечу и проговорилъ своимъ густымъ басомъ:

— Клавдинька, успокойтесь... можетъ, еще пригодится вамъ...

Клавдинька только хихикнула въ отвѣтъ и, дѣйствительно, умолкла....

А вслѣдъ за тѣмъ Григорій Петровичъ сдѣлалъ вдругъ то, на что уже перестали разсчитывать, а именно визиты всѣмъ городскимъ.

Помню, что у моего дяди, гдѣ я тогда жилъ, его приняли съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, не то холодно, не то удивленно. И дядя и моя маленькая, суетливая тетя просто не знали, какъ начать разговоръ. А гость, одѣтый въ новую черную пару, изысканно-вѣжливо представился, картинно положилъ щегольскую шляпу на сосѣднее кресло и изящно бросилъ въ нее перчатки. Но только что всѣ сѣли и приступили къ бесѣдѣ, какъ неожиданно вбѣжавшая въ комнату двоюродная сестра моя, двѣнадцатилѣтняя Надя опять было попортила дѣло. Вбѣжавъ и встрѣтивъ незнакомаго новаго человѣка, она растерянно остановилась.

— Это моя младшая.. сухо проговорилъ дядя.

Гость быстро вскочилъ и, изящно изогнувшись, подошелъ къ дѣвочкѣ.

— Имѣю честь представиться, сударыня, проговорилъ онъ съ такимъ видомъ почтенія, что Надя вся вспыхнула и едва нашлась присѣсть.

Эта чрезмѣрная учтивость сбила хозяевъ съ толку, а тетя чуть было не запротестовала противъ чрезмѣрной галантности по отношенію къ „дѣвчонкѣ“. Но гость уже невозмутимо-спокойно сѣлъ опять въ кресло и продолжалъ прерванный разговоръ. Минутъ десять спустя, Надя, оставшаяся около отца, вставила въ качествѣ общей баловницы и любимицы, какое-то замѣчаніе въ разговоръ старшихъ. Базановъ тотчасъ же повернулся къ ней всѣмъ корпусомъ и даже нагнулся впередъ, будто желая приподняться.

— Сударыня, сказалъ онъ, — я долженъ замѣтить, что вполнѣ солидаренъ въ этомъ съ вами...

Надя покраснѣла до того, что ея хорошенькое, плутоватое личико стало похоже на яблочко, но, видимо, была польщена вѣжливостью гостя. Впрочемъ, торжество ея было непродолжительно. Тетя, сдѣлавъ сердитое лицо, отослала ее (на французскомъ, разумѣется, діалектѣ) въ дѣтскую.

Гость раскланялся и ушелъ. Хозяева съ минуту оставались въ раздумьи.

— А лѣшій его разберетъ, что онъ такое, проговорилъ дядя:—фигляръ какой-то. Точно на пружинахъ весь...

Тетя только губами пожевала и не сказала ничего.

— Неправда, все неправда! раздался вдругъ изъ сосѣдней комнаты сердитый голосъ Нади:—онъ просто прелесть, онъ хорошій, добрый...

Замѣчаніе это вызвало смѣхъ у взрослыхъ, а смѣхъ вызвалъ полную обиду съ потоками слезъ у Нади. Но затѣмъ тетя серьезно замѣтила мужу:

— А и вправду, Иванъ Иванычъ, глаза-то у этого Базанова добрые...

Дядя сердито махнулъ рукой и направился въ кабинетъ. Но сужденіе уже было высказано и какъ-то сразу утвердилось не только въ нашемъ домѣ, но и во всемъ городѣ.

Всѣ порѣшили, что Григорій Петровичъ, хоть и чудакъ, но добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ. А еще немного спустя, Григорій Петровичъ сталъ настолько популяренъ, насколько прежде былъ ненавистенъ. Его вездѣ приглашали, не только въ семейные дома на вечеринки, но и на холостыя сходки, хотя Базановъ ни въ карты не игралъ, ни вина не пилъ.

И Григорій Петровичъ всюду шелъ по приглашенію, терпѣливо высиживалъ около карточныхъ столовъ, слѣдя за игрой, въ которой ничего не понималъ, и съ восхищеніемъ наблюдая, какъ молодежь танцуетъ. Онъ и самъ бы съ удовольствіемъ танцовалъ, но ревматизмъ въ ногахъ мѣшалъ этому занятію. Женская молодежь увлеклась имъ вскорѣ окончательно. Григорія Петровича иначе теперь не называли, какъ милый Григорій Петровичъ, голубчикъ Григорій Петровичъ. Это не мѣшало, однако, молодымъ барынямъ и барышнямъ немилосердно мучить его, устраивать надъ нимъ шутки; но Базановъ принималъ всѣ эти мученія неизмѣнно добродушно, весело и спокойно, всегда рыцарски вѣжливый и благосклонный...

V

— Знаете ли, что такое женщина? говорилъ разъ Базановъ въ одну изъ минутъ вдохновенія, всегда немного сентиментальный, немного приподнятый и очень отвлеченный:—женщина—это вѣнецъ созданія, послѣдній, рѣшающій взмахъ великой кисти Творца. Мы догадываемся о мірѣ прекрасномъ, о мірѣ нездѣшнемъ, о мірѣ свѣтлыхъ духовъ. А женщина—звено между землей и этимъ міромъ. Она даетъ намъ понятіе о небѣ; она земной хранитель человѣчества... Женщина,—это драгоцѣнность, которую надо беречь, лелѣять. На нее взглянуть косо уже преступленіе; ей надо отдать все: силы, трудъ, самую жизнь...

Эту рѣчь Базановъ произнесъ однажды у Алешунина послѣ ужина, когда и хозяинъ и гости были уже слегка навеселѣ. Самъ Алешунинъ по обычаю молчалъ, подперевъ свою огромную, красивую голову пухлыми руками и добродушно покачивая ею на всѣ разсужденія окружающихъ. Но маленькій, тщедушный Микляевъ, который въ трезвомъ видѣ былъ просто гаденькій человѣкъ, а въ нетрезвомъ—становился желченъ, придирчивъ, ехиденъ,—началъ привязываться къ оратору.

— А вы, позвольте васъ спросить, визгливо прервалъ онъ Базанова,—женаты или нѣтъ?

— Я вдовецъ... тихо и понуривъ голову, отвѣтилъ Базановъ.

— Такъ-съ. Ну, а позвольте васъ спросить, вы въ вашей покойной супругѣ тоже усматривали нѣчто въ родѣ ангела, или нѣтъ?

Базановъ поблѣднѣлъ.

— Зачѣмъ вы переносите на личную почву?

— Нѣтъ-съ, позвольте, однако. Такъ нельзя. Если вы рекомендуете ваши взгляды на этотъ предметъ и притомъ такимъ проникновеннымъ голосомъ, то я желаю знать, какъ вы поступаете на практикѣ...

— Я васъ прошу не касаться моей... семейной жизни...

Базановъ, говоря это, видимо, страдалъ, но Микляевъ не желалъ уняться.

— Нѣтъ, кричалъ онъ уже злобно,—вы должны отвѣчать! Мнѣ, напримѣръ, не безызвѣстно, что супруга ваша покинула васъ...

Базановъ вскочилъ со стула, блѣдный, дрожащій. Но онъ не успѣлъ вымолвить еще ни слова, какъ могучая рука Алешунина спокойно протянулась къ плечу Микляева и дружески встряхнула его, такъ что у оппонента голова болтнулась изъ стороны въ сторону.

— А ты, мой ангелъ, говори, да не заговаривайся! внушительно замѣтилъ Алешунинъ.—Базанова никто не смѣетъ оскорбить: Базановъ мнѣ другъ... Базановъ, выпьемъ „на ты"!..

Онъ грузно поднялся, взялъ Григорія Петровича подъ руку и степеннымъ шагомъ стариннаго боярина повелъ его къ крюшону.

— Выпьемъ брудершафтъ!..

И просвѣтлѣвшій, ставшій опять добродушнымъ, Базановъ отхлебнулъ вина и съ удовольствіемъ поцѣловался съ Алешунинымъ.

— Н-ну-съ, продолжалъ послѣдній, поглаживая свою великолѣпную бороду.—Микляшка, эй!..

— Ну, полноте, зачѣмъ?.. началъ было Базановъ.

— Не разсуждай!.. Микляшка, не слышишь, что ли?..

Но Микляевъ уже былъ подлѣ него, гаденькій, трусливый.

— Проси прощенія!

— Полно... протестовалъ Базановъ:—я не сержусь.

— Прощаешь?

— И въ мысляхъ не держу...

— Ну, такъ выпей и съ нимъ...

И Базановъ съ полной готовностью жалъ руку Микляеву, обнимался съ нимъ.

Съ тѣхъ поръ, всѣ это замѣтили, Алешунинъ очень привязался къ Григорію Петровичу и будто взялъ его подъ свое покровительство. Онъ начиналъ сердиться, если кто-нибудь позволялъ себѣ хоть какую-нибудь шутку надъ Базановымъ.

Узнали мы вскорѣ и біографію Григорія Петровича. Она была очень несложна. Началъ онъ свою жизненную дорогу въ качествѣ круглаго сироты, не помнящаго ни отца, ни матери. Чьимъ-то покровительствомъ опредѣленъ онъ былъ въ кадетскій корпусъ, лѣтъ двадцати отъ роду произведенъ онъ былъ въ офицеры въ глухой пѣхотный полкъ, но служилъ недолго и вышелъ оттуда по непріятности. Онъ не могъ видѣть мордобитія, которое еще существовало въ его время, и однажды схватилъ за руку батальоннаго командира, когда послѣдній награждалъ оплеухами солдата. Подъ судъ Базанова не отдали,—неловко было; но посовѣтовали уйти изъ полка. Базановъ исполнилъ это безъ возраженій и вскорѣ послѣ того женился. Что за человѣкъ была его жена,—не знаю. Знаю только, что жили они вмѣстѣ недолго, потому что мадамъ Базанова увлеклась какимъ-то актеромъ и сама поступила на сцену.

Она умерла лѣтъ за пять до пріѣзда Григорія Петровича въ наши края; а самъ Базановъ отыскалъ себѣ занятія въ какой-то торговой конторѣ и служилъ тамъ безсмѣнно вплоть до того времени, когда умерла его тетушка, оставивъ небольшое наслѣдство, дававшее ему возможность отдохнуть, пожить на волѣ...

VI.

Какъ-то случилось такъ, что изъ всѣхъ городскихъ, я, въ то время еще совсѣмъ мальчикъ, особенно тѣсно сошелся съ Григоріемъ Петровичемъ. Я чувствовалъ къ нему непреодолимое влеченіе и рѣдкій день не порывался навѣстить его въ его старенькомъ домикѣ, въ сельцѣ Куплинѣ. Дядя даже сердился на меня и стыдилъ:

— Что это, братецъ, за неделикатность! Вѣдь этакъ ты на смерть надоѣшь человѣку...

Но дядя и не подозрѣвалъ, что мои посѣщенія бывали для Григорія Петровича такъ же отрадны, какъ и для меня. Мы садились другъ противъ друга, каждый у окна, пили чай и бесѣдовали о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ: о конечной цѣли мірозданія, объ идеалахъ добра и красоты и пр. Говорилъ, впрочемъ, только Григорій Петровичъ. Моему пятнадцатилѣтнему разуму все это бывало не вполнѣ ясно, но мы оба мало смущались этимъ обстоятельствомъ.

Помню я одинъ такой вечеръ, тихій, теплый, весенній. Гасла заря. Въ открытое окно вѣяло свѣжестью, ароматной прохладой. Въ саду и въ рощѣ смолкало щебетанье птицъ. На темнѣющемъ небѣ зажигались звѣзды. Мы молча сидѣли въ полусвѣтѣ догорающаго дня. Я помню, что на сердцѣ у меня скоплялась та сладкая тоска, та чарующая боль, которая только и бываетъ, что въ юности, когда начинаются смутныя грезы о чемъ-то невѣдомомъ, но прекрасномъ, о какомъ-то волшебномъ счастьи, которое будто глядитъ на тебя сквозь золотистую мглу весенняго вечера, въ тихомъ трепетаньи полнаго нѣги мая.

Но не мнѣ одному было хорошо и сладко, и безотчетно грустно въ тотъ вечеръ. Базановъ тоже проникся прелестью затишья и мечтательно глядѣлъ куда-то вдаль своими кроткими и печальными глазами.

А ночь уже наступала. Все тише и тише становилось въ рощѣ. Вѣтеръ улегся совсѣмъ, ни одинъ листокъ не шелохнулъ; а вслѣдъ за погасшей зарей на небѣ зажигались звѣзды. Изъ туманной дали донесся колокольный звонъ, проплылъ по воздуху чуть слышной волной и замеръ за вершинами лѣса.

На прудѣ въ концѣ сада всполохнулись дикія утки и со свистомъ пронеслись на новое становище. Гдѣ-то высоко-высоко зажужжалъ лѣсной барашекъ; потомъ послышалось глухое кряхтѣнье вальдшнепа, и опять все затихло, умолкло. Но вотъ среди ночной тишины раздался влюбленный голосъ соловья, и все будто замерло, будто прислушивалось къ его пѣснѣ. А у оконъ такъ сладко дышали во снѣ сирени и жасмины...

Базановъ глубоко вздохнулъ.

— Хорошо въ Божьемъ мірѣ! задумчиво проговорилъ онъ.—Любите, мой юный другъ, всю ширь мірозданья, любите и каждую былинку въ полѣ...

Онъ помолчалъ въ тихомъ, созерцательномъ настроеніи и потомъ заговорилъ мечтательно:

— Я потому люблю весь міръ, людей, все окружающее и видимое мною, что и меня любятъ вонъ эти тихія звѣзды... Сколько разъ, бывало, посылалъ я туда, къ этимъ ласковымъ огонькамъ мои скорби и каждый разъ получалъ взамѣнъ и утѣшеніе и отраду. Когда на сердцѣ скоплялась печаль, я шелъ въ лѣса, на нивы, къ рѣчнымъ волнамъ; я прислушивался къ шуму сосенъ, вглядывался въ звѣздную лазурь неба и всегда, отовсюду мнѣ слышался одинъ и тотъ же отвѣтъ...

— Какой же отвѣтъ, Григорій Петровичъ?

— Другъ мой, юный, дорогой другъ мой! Прислушайтесь сами, и вы тоже получите этотъ отвѣтъ. Завѣщаю вамъ всегда, до самой могилы внимать тому голосу, который заключенъ въ мірозданьи, который сильнѣе всего звучитъ въ душѣ человѣка. Этотъ голосъ есть призывъ къ любви. Что изъ того, что матерія бунтуетъ, что одна тварь терзаетъ другую? Надъ всѣмъ этимъ струится волна любви, и человѣкъ, осиливая велѣнія плоти, все больше и больше проникается любовью, состраданіемъ, жаждой уничтожить зло, оставить одну любовь... Любите Создавшаго міръ, любите людей, все созданное и прощайте зло, гасите его любовью...

Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ въ порывѣ нѣжности голову мою обѣими руками и слегка поднялъ лицо мое къ небу. А тамъ горѣли огни, то мерцая, будто замирая, то неподвижно свѣтясь блѣднымъ золотомъ. И мнѣ казалось, что звѣзды раздвигаются, что все новыя и новыя свѣтила выплываютъ изъ тайны безконечнаго, а я погружаюсь душой въ безпредѣльную глубину.

— Мой юный другъ, тихо сказалъ Базановъ, опять садясь у окна,—почувствуйте міровую любовь, проникайтесь ею, пока вы молоды и воспріимчивы... Придетъ время и въ человѣчествѣ окрѣпнетъ, уяснится сознаніе, что единственная въ мірѣ сила—это сила любви и что любовь—это жизнь. То, что зло, что ненависть, то гибнетъ, ибо зло есть смерть. Живетъ лишь любовь, и къ ней, пока еще мало сознательно, стремится человѣчество. Но придетъ золотой вѣкъ, когда осилитъ любовь, возьметъ окончательный верхъ надъ зломъ и все покоритъ себѣ. Изъ-за тумановъ отдаленья я слышу движеніе этой великой, всепокоряющей силы...

VII.

Базановъ не часто говорилъ такъ и не со всѣми. Онъ вообще былъ стыдливъ, робокъ, и больше молчалъ и слушалъ съ своей добродушной улыбкой. И я замѣчалъ, что онъ становился откровеннѣе и смѣлѣе, когда находился между очень молодыми людьми или прямо между дѣтьми.

Другимъ его повѣреннымъ и, можно сказать, другомъ его была Надя. Эта особа, достаточно избалованная, самоувѣренная, сразу привязалась къ Григорію Петровичу и сразу же догадалась своимъ женскимъ сердцемъ, что можетъ дѣлать съ нимъ все, что захочетъ. Поэтому, отдавъ ему свое сердце, она не преминула стать въ отношеніи его въ положеніе маленькаго деспота.

Къ веснѣ Григорій Петровичъ сталъ въ домѣ моего дяди своимъ человѣкомъ. Его не стѣснялись, его перестали „занимать", безъ уговору признавъ, что онъ членъ семьи,—и Григорій Петровичъ чувствовалъ себя у насъ, дѣйствительно, какъ дома.

Онъ приходилъ, сидѣлъ, читалъ, и зачастую никто изъ старшихъ не зналъ, что онъ пришелъ. Онъ бралъ меня и Надю и шелъ съ нами за городъ гулять, при чемъ бесѣдовалъ съ нами, какъ съ равными, нерѣдко о такихъ отвлеченныхъ вещахъ, которыя были мало доступны нашимъ дѣтскимъ умамъ. И, тѣмъ не менѣе, мы жадно слушали его, мы старались не проронить ни одного слова изъ его рѣчей, понимая ихъ по-своему. Я помню, что погружался подъ вліяніемъ его словъ въ какіе-то особые міры, гдѣ все было чудесно, не совсѣмъ, правда, понятно, но удивительно хорошо...

— Что такое человѣческій мозгъ? Это очагъ мысли, хранилище впечатлѣній. Человѣкъ неустанно, съ первыхъ дней рожденія и до могилы, ежечасно, ежеминутно, поглощаетъ все новыя и новыя впечатлѣнія внѣшняго міра... Одну часть оныхъ складываетъ онъ про запасъ въ сокровищницу памяти, другую перерабатываетъ на особомъ аппаратѣ и выпускаетъ въ свѣтъ при содѣйствіи языка.

Эти переработанныя и пущенныя въ обращеніе впечатлѣнія суть наши идеи. Онѣ воспринимаются нашими ближними и, въ свою очередь, подвергаются переработкѣ... И опять выпускаются въ свѣтъ, уже въ измѣненномъ видѣ, и такъ создается круговращеніе идей...

Онъ внезапно останавливался, чтобы сорвать притаившійся у корня дерева ландышъ и съ учтивымъ поклономъ передать его Надѣ.

— Дозвольте преподнести вамъ этотъ скромный, но благоуханный цвѣточекъ...

Надя дѣлала книксенъ, краснѣла до самой шейки отъ удовольствія и принимала цвѣточекъ. А Григорій Петровичъ подпрыгивая шелъ дальше и продолжалъ свою рѣчь:

— Когда первоначальное впечатлѣніе, пройдя черезъ извѣстное число мыслительныхъ аппаратовъ, отшлифуется такъ, что уже изъ слѣдующихъ аппаратовъ начнетъ выходить безъ дальнѣйшихъ передѣлокъ, тогда оно пріобрѣтаетъ значеніе истины. Этихъ истинъ немного, но зато онѣ непоколебимы... Надежда Ивановна, дозвольте, я понесу вашу накидку...

Онъ галантно протягивалъ руку; Надя не менѣе изящно передавала ему накидку, величиною съ носовой платокъ, и Базановъ вѣшалъ ее на локоть.

Солнце горѣло на безоблачной лазури неба, заливало золотомъ весенній чистый воздухъ, раскинутое передъ нами поле травъ и цвѣтовъ, черную, только что приподнятую и дымящуюся пашню, сверкающую въ сторонѣ рѣчку, змѣйкой изогнувшуюся въ поросшихъ лознякомъ берегахъ, синѣющіе во мглѣ дали лѣса. А надъ нами звенѣли жаворонки, вокругъ насъ порхали цвѣтные мотыльки.

И мнѣ представляется теперь, на разстояніи годовъ, что, какъ ни странно, повидимому, было со стороны взрослаго и уже пожилого человѣка развивать передъ дѣтьми отвлеченныя темы,—но все же и Базановъ, такъ искренно, съ такою любовью говорившій намъ эти рѣчи, и мы, жадно дѣтскими, неопытными умами внимавшіе ему, и солнце, лившее золото на насъ, и звонкія трели воздушныхъ пѣвцовъ, и вся эта сіяющая, живущая полною жизнью весенняя природа,—все составляло одно гармоническое цѣлое. Диссонанса не было, ни въ чуть слышномъ журчаньи недальняго ручья, бѣжавшаго по каменистому ложу, ни въ рѣчахъ нашего спутника, такъ жадно искавшаго всегда правды и любви въ міроданьи. И до сихъ поръ одно изъ лучшихъ воспоминаній моего далекаго прошлаго— это Григорій Петровичъ съ его искренними, задушевными рѣчами, съ его полнымъ непониманіемъ разницы между душой и разумомъ взрослаго сорокапятилѣтняго человѣка и двѣнадцатилѣтняго ребенка.

VIII.

Однажды въ концѣ мая возвращались мы съ Базановымъ въ городъ послѣ подобной прогулки и, завернувъ въ пригородную рощу, почти столкнулись съ Клавдіей Осиповной, которая шла подъ руку съ какимъ-то пѣхотнымъ юнкеромъ. Григорій Петровичъ тотчасъ же сдѣлалъ пріятнѣйшее лицо, низенько поклонился и далеко отставилъ правой рукой свою шляпу-пирожокъ. Но Клавдія Осиповна почему-то ужасно смутилась, покраснѣла и чуть не бѣгомъ прошла мимо насъ.

— Опять Мухинъ появился... прошептала недовольнымъ голосомъ Надя.

Я ни про какого Мухина до тѣхъ поръ не слыхивалъ, но Надя по разговорамъ старшихъ и прислуги познакомилась съ нимъ и составила себѣ представленіе о томъ, что Мухинъ желаетъ жениться на Клавдіи Осиповнѣ, а это ему не удается.

Вскорѣ и мнѣ пришлось узнать про Мухина, но уже иное, чѣмъ думала Надя. Оказалось, что Мухинъ служилъ лѣтъ пять подпрапорщикомъ въ какомъ-то полку, квартировавшемъ въ сосѣднемъ отъ насъ городѣ, и все никакъ не могъ дождаться офицерскихъ погонъ. Годъ тому назадъ онъ свелъ знакомство съ Клавдіей Осиповной и каждую недѣлю появлялся въ ея домѣ, но затѣмъ поссорился съ ней и даже будто побилъ ее, ревнуя къ чиновникамъ казначейства. И вотъ теперь онъ опять явился въ нашихъ мѣстахъ и, повидимому, былъ снова въ дружескихъ отношеніяхъ съ Клавдіей Осиповной.

Позднѣе я еще ближе узналъ Мухина. Это былъ парень лѣтъ двадцати шести-семи, весьма глупый, необразованный и почти всегда нетрезвый, но при этомъ широкоплечій, могучій, съ краснымъ, лоснящимся лицомъ упитаннаго мясника. Клавдія Осиповна питала къ нему чувства, преодолѣвавшія все, даже обиду отъ побоевъ.

Вѣсть о прибытіи Мухина скоро облетѣла весь городъ и всюду вызвала горячее негодованіе. Стали говорить, что Клавдія Осиповна рѣшительно пренебрегаетъ всѣми приличіями и злоупотребляетъ христіанскимъ терпѣніемъ своихъ знакомыхъ, что если ее, несмотря на сомнительное прошлое, продолжаютъ принимать въ порядочныхъ домахъ, то это лишь въ надеждѣ на ея исправленіе; а она... извольте радоваться, опять за старое...

Но Клавдія Осиповна въ ту весну какъ будто совсѣмъ соскочила съ рельсовъ. Она отлично понимала, что знакомые сердиты на нее, что ее просто хотятъ подавить общественнымъ презрѣніемъ; но только жалобно улыбалась при встрѣчахъ съ обвинителями, Мухина же не оставляла. Ея виноватое и жалкое лицо какъ будто говорило: „Простите меня... знаю, что нехорошо, но... не могу"...

До Базанова слухи о похожденіяхъ этой почтенной дѣвицы, повидимому, не доходили, такъ какъ онъ продолжалъ посѣщать ея домъ и попрежнему относился къ ней съ величайшимъ уваженіемъ. Но пришелъ, наконецъ, день, когда, благодаря внезапно разразившемуся громкому скандалу, даже Григорію Петровичу нельзя было не узнать очень многаго. Скандалъ оказался огромный и притомъ до такой степени нелѣпый, что самая очевидность казалась невѣроятной. Въ дѣлѣ, по какому-то чудовищному сплетенію, оказались замѣшанными разомъ: юнкеръ Мухинъ, предводительскій кучеръ и два писарька изъ полиціи. Самое затѣйливое воображеніе не могло распутать этой фантастической коллизіи, но и истолковать ее въ какомъ-нибудь благовидномъ смыслѣ тоже не было ни малѣйшей возможности. И наше общество, въ сущности очень добродушное и снисходительное къ человѣческимъ слабостямъ, тутъ просто переконфузилось. Съ этихъ поръ самое упоминаніе имени Клавдіи Осиповны стало считаться неприличнымъ...

Но вотъ на сцену опять выступилъ Григорій Петровичъ въ качествѣ защитника Клавдіи Осиповны... Скандалъ принялъ такіе размѣры и такую форму, что городъ опять зашумѣлъ и заговорилъ въ неописуемомъ волненіи.

IX.

Нѣсколько дней подъ рядъ Базановъ не появлялся у знакомыхъ и не принималъ ни-

кого у себя. Потомъ, въ одинъ прекрасный день его увидали на улицѣ, идущаго подъ руку съ Клавдіей Осиповной. Онъ былъ блѣденъ и въ волненіи. Онъ подпрыгивалъ выше, чѣмъ обыкновенно, а монокль энергичнѣе, чѣмъ когда-либо, леталъ изъ стороны въ сторону. И въ тотъ же день пронеслась по городу невѣроятная, чудовищная вѣсть, что Базановъ объявленъ женихомъ Клавдіи Осиповны и что свадьба будетъ послѣ Петрова дня.

Я помню, что вѣсть эта, какъ громомъ, поразила нашъ домъ. Дядя все что-то ругался и взволнованно ходилъ по залѣ, тетя расплакалась, Надя стала ей подражать и дошла до истерики, а я чувствовалъ себя такъ, какъ будто на вѣки терялъ кого-то дорогого, милаго. Потомъ дядя велѣлъ запречь лошадь и поѣхалъ въ Куплино, но вернулся назадъ туча тучей, ничего не желалъ говорить домашнимъ, накричалъ на меня, посулилъ своей баловницѣ Надѣ уголъ, а добрѣйшую тетю прямо отправилъ ко всѣмъ чертямъ сразу. Онъ заперся у себя въ кабинетѣ и не выходилъ до самаго вечера, пока, сверхъ чаянія, не явился къ намъ самъ виновникъ этой бури, Григорій Петровичъ.

Вошелъ онъ какъ-то робко, неувѣренно, не такъ, какъ прежде. Дядя встрѣтилъ его молча и только печально пожалъ его руку, говоря безъ словъ: „Несчастный, погибшій..." Но тетя сразу набралась смѣлости, пристально поглядѣла ему въ глаза и, не отпуская его руки, спросила прямо въ упоръ:

— Другъ мой, неужели все это правда?

Базановъ заморгалъ глазами, слегка измѣнился въ лицѣ и скороговоркой отвѣтилъ:

— Правда, я женюсь... это уже рѣшено...

— Другъ мой, продолжала тетя, — а я не вѣрю, не хочу вѣрить... Развѣ это возможно?..

— Людмила Андреевна, перебилъ ее гость,—даю вамъ честное слово, что я не отступлю. И хочу думать, что вы ни однимъ намекомъ не оскорбите при мнѣ моей... уважаемой мною невѣсты...

Тетя только скорбно вздохнула.

— Что же это у васъ... любовь, страсть?..

— Нѣтъ... отрывисто сказалъ Базановъ.

На томъ разговоръ о Клавдіи Осиповнѣ и окончился. Разумѣется, никто не сомнѣвался, что о любви здѣсь не могло быть и рѣчи. Григорій Петровичъ попросту не въ силахъ былъ перенести это всеобщее закидываніе грязью женщины и „дамы", и со свойственнымъ ему рыцарствомъ поспѣшилъ протянуть щитъ, чтобы прикрыть Клавдію Осиповну.

Почти каждый изъ знакомыхъ Базанова пытался образумить его. Къ нему ѣздили, писали письма, посылали даже анонимныя произведенія, въ которыхъ называли его невѣсту потерянной женщиной, сочиняли и расклеивали на фонарныхъ столбахъ юмористическіе стишки, вышедшіе изъ пылкихъ головъ мѣстныхъ приказчиковъ; но все было напрасно. Базановъ не позволялъ говорить ничего противъ Клавдіи Осиповны и сталъ избѣгать знакомыхъ.

Упорнѣе всѣхъ старался удержать его отъ этого шага Алешунинъ. Онъ дошелъ до того, что заплакалъ, убѣждая Григорія Петровича не губить себя. Тогда Базановъ растрогался и позволилъ своему другу высказать все откровенно. И Алешунинъ, оставивъ свою обычную вялую шутливость, говорилъ долго и съ жаромъ: охарактеризовалъ Клавдію Осиповну, пояснилъ, какой она глупый, грубый и развратный человѣкъ, привелъ въ извѣстность всю ея глубоко-скандальную біографію. Григорій Петровичъ блѣднѣлъ, слушая его, и нервно покусывалъ свой длинный усъ.

— Ты видишь, взволнованно закончилъ Алешунинъ, — ты видишь, что это за женщина... Она хуже любой потерянной. Та грѣшитъ ради куска хлѣба, а эта по органической склонности къ разврату.

Базановъ слушалъ, и сначала казалось, что слова частью дѣйствовали на него. Но, когда Алешунинъ кончилъ, Григорій Петровичъ взволнованно прошелся по комнатѣ, потомъ остановился передъ гостемъ и началъ вдохновенную и, по обычаю, слегка напыщенную рѣчь. Онъ опять отвернулся отъ дѣйствительности, ушелъ въ теорію и заговорилъ о значеніи женщины вообще, о порабощеніи ея мужчиной, о томъ, что во всякомъ паденіи женщины виновенъ мужчина.

— Нѣтъ, закончилъ онъ,—я не дамъ опозорить ее! Я буду тѣмъ человѣкомъ, который подастъ ей руку помощи, который скажетъ: „Не вѣрь, о, не вѣрь! Ты не ничтожество, не гадина, ты человѣкъ и... женщина"... И она возрыдаетъ слезами сердца, а возрыдавши убѣлится...

— Дру-угъ, возрыдаетъ ли? усомнился Алешунинъ.—Такая ли она и таковъ ли ты, чтобы заставить возрыдать?

— Не сомнѣваюсь!.. сказалъ Базановъ такимъ восторженнымъ голосомъ, что Алешунинъ махнулъ рукой и больше не настаивалъ.

X.

И невозможное совершилось: Григорій Петровичъ обвѣнчался съ Клавдіей Осиповной. Соборный протоіерей выразился о немъ послѣ вѣнчанія, раздумчиво покачивая головой:

— Кротокъ яко голубь, но не мудръ яко змій...

И дѣйствительно, можно было недоумѣвать, зачѣмъ нашъ милѣйшій Григорій Петровичъ, воплощенная доброта, честность и порядочность, принесъ эту жертву. Прежде всего жена его не только не „возрыдала", какъ онъ надѣялся, но сразу же стала третировать его свысока. Изъ уваженія и состраданія къ Базанову городскіе жители примирились съ Клавдіей Осиповной и приняли отъ Базановыхъ визиты; но молодая не только не чувствовала, что это дѣлается лишь для Григорія Петровича, а напротивъ, была необычно самоувѣренна, развязна и томно-нервозна, какъ это и подобаетъ новобрачной. Она утратила свой прежній видъ, жалкой, виновной собачки, была разговорчива, смѣло высказывала какимъ-то безапелляціоннымъ тономъ сужденія, подставляла мужу ноги для надѣванія калошъ и... слегка покрикивала на него...

Черезъ недѣлю послѣ этихъ визитовъ въ городѣ узнали, что Мухинъ переведенъ въ X. губернію, въ стоявшій тамъ какой-то полкъ, и произведенъ въ офицеры. А еще спустя недѣлю Клавдія Осиповна внезапно и потихоньку покинула своего супруга и, какъ это вскорѣ выяснилось, очутилась у Мухина...

Это послѣднее событіе поразило Базанова какъ громомъ. Разумѣется, не о попранной любви шла здѣсь рѣчь, но Базановъ не могъ постичь, какъ могла жена его не только не „возрыдать слезами сердца", но немедля же отплатила ему за его великодушіе такой черной неблагодарностью. Это совершенно не вязалось съ его міропониманіемъ. Онъ палъ духомъ, замкнулся въ своей усадьбѣ и совершенно отказался принимать кого-либо изъ своихъ знакомыхъ. Я не разъ пытался проникнуть къ нему, но всегда безуспѣшно. И только спустя недѣли двѣ послѣ отъѣзда Клавдіи Осиповны удалось мнѣ опять увидать

его. Онъ молча протянулъ мнѣ руку, потомъ обнялъ меня, поцѣловалъ и усадилъ въ кресло у окна. Онъ очень похудѣлъ за это время и постарѣлъ.

— Чаю? задалъ онъ односложный вопросъ и, получивъ мое согласіе, распорядился насчетъ самовара.

Это было опять поздно вечеромъ. И опять стояла тишина, и на безоблачномъ небѣ горѣли миріады кроткихъ огней. Базановъ молча сидѣлъ у окна, опершись на руку своей бѣдной головой, и задумчиво глядѣлъ на небо, позабывъ про остывшій чай и, вѣроятно, про меня.

— Что жъ это?.. Какъ она могла? прошепталъ онъ, быть можетъ, въ тысячный разъ съ тѣхъ поръ, какъ новобрачная покинула его.

Онъ тихо покачивалъ головой, будто посылая кроткій упрекъ неблагодарной женщинѣ; а слезы, одна за другой, текли по его худымъ, впалымъ щекамъ.

— Зачѣмъ это она? опять шепталъ онъ, а самъ все глядѣлъ на далекія звѣзды, въ эту неразгаданную тайну вѣчности и будто ждалъ изъ глубины небесъ отвѣта на свой горькій вопросъ.

По молодости лѣтъ я не въ силахъ былъ видѣть слезы у моего пожилого друга. Я самъ расплакался и бросился ему на шею. И мы долго сидѣли обнявшись, и плакали, и чувствовали, что сердца наши смягчаются, что намъ становится все легче и легче.

— Мой юный, дорогой другъ, проговорилъ наконецъ Григорій Петровичъ, — спасибо вамъ за ваше сочувствіе... Но, вѣроятно, я... слишкомъ строго отношусь къ ней... Знаете, у меня есть эта черствость сердца... Долженъ повиниться... Мы, мужчины, вообще несправедливы бываемъ... Быть можетъ, тутъ загадка, которой я еще не разгадалъ...

Мы опять молча сидѣли въ этомъ вечернемъ затишьи, упоенные прелестью ночи, утомленные недавними слезами. Григорій Петровичъ все глядѣлъ на усѣянное звѣздными огнями небо, но уже не задавалъ прежнихъ мучительныхъ вопросовъ. Онъ сокрушенно вздыхалъ и тихо говорилъ, будто самъ съ собой:

— Чувствую, что я эгоистъ, сухой, безсердечный. Чувствую и каюсь: прости меня, Боже, и смягчи... ибо самъ я безъ Твоей помощи не исправлюсь, не въ силахъ...

— Григорій Петровичъ, робко взмолился я,—какой же вы эгоистъ? Что вы!...

— Эгоистъ, несомнѣнно, эгоистъ... И какъ я не понялъ, что у нея сердце осилило, сердце превозмогло? Только женщина и умѣетъ такъ беззавѣтно любить... Она боролась, она спорила съ сердцемъ; но все было вотще. Любовь осилила, превозмогла... Нѣтъ, я не виню этой женщины. На то она и женщина, чтобы жить велѣніями сердца... Нѣтъ, не мнѣ обвинять ее...

Онъ всталъ, выпрямился и уже съ облегченнымъ сердцемъ обнялъ еще разъ меня.

— Мой юный другъ, женщина это перлъ, это недосягаемое величіе сердца... Помните это всегда, мой юный, неопытный другъ...

Черезъ нѣсколько дней онъ появился опять въ городѣ и попрежнему былъ благодушенъ, кротокъ, благосклоненъ.

Приняли его въ городѣ буквально съ распростертыми объятіями. Его нарасхватъ приглашали во всѣ дома и, надо отдать справедливость нашему обществу, дѣлали это съ такимъ тактомъ, что у Базанова и мысли не должно было явиться, будто кто-либо изъ знакомыхъ сожалѣетъ о немъ. Казалось, всѣ попросту соскучились, не видя такъ долго „милѣйшаго, добрѣйшаго“ Григорія Петровича, и ужасно рады, что онъ опять среди нихъ...

И только моя тетя однажды неумышленно его огорчила. Была она въ томъ, нерѣдкомъ у нея, настроеніи, когда люди и весь міръ представлялись ей въ какомъ-то печальномъ свѣтѣ, когда она начинала грустить за будущее дѣтей, мужа, знакомыхъ. Она скорбно глядѣла на сидѣвшаго у стола Базанова, потомъ сокрушенно покачала головой и проговорила со вздохомъ:

— Ребенокъ вы, ребенокъ!... И какъ только Господь хранитъ васъ невредимымъ?...

Базановъ даже покраснѣлъ отъ неудовольствія.

— Позвольте, какой же я ребенокъ?... Вы годились бы мнѣ въ дочери...

— То-то и есть, что сѣдой, а ребенокъ..

— Людмила Андреевна, вы женщина и человѣкъ, слѣдовательно, сердца; а я мужчина, человѣкъ разума, мозговой работы... Я сухъ, жестокъ, часто, о, часто несправедливъ, но я не ребенокъ, ибо я мужчина...

Но Людмила Андреевна только качала головой.

XI.

Казалось, все наладилось; жизнь потекла, какъ и прежде. Григорій Петровичъ былъ попрежнему всеобщимъ любимцемъ и другомъ мнѣ и Надѣ. Онъ мечталъ стать гласнымъ, „войти въ интересы уѣзда“, по его выраженію; мечталъ даже баллотироваться въ будущемъ въ члены управы. И, вѣроятно, такъ бы все и случилось, если бы не одно, совершенно, повидимому, случайное обстоятельство.

Въ концѣ сентября завернули вдругъ холода. Сначала лились страшные дожди, потомъ термометръ упалъ до нуля, потомъ опустился еще ниже; дожди смѣнились сухимъ снѣжкомъ, а вода покрылась саломъ. И вотъ, въ этотъ холодъ Базанову зачѣмъ-то понадобилось переѣзжать черезъ рѣку на лодкѣ. Почти на серединѣ рѣки изъ днища лодки выскочила пакля, затыкавшая огромную щель; лодка стала быстро наполняться водой, и путники едва-едва добрались до берега. Базановъ чуть не до пояса вымокъ, а пока успѣлъ добраться до дому, сапоги и одежда обледенѣли. Черезъ два дня онъ слегъ въ постель, а затѣмъ врачъ объявилъ, что положеніе больного крайне серьезно. Вѣсть объ этомъ встревожила весь городъ; каждый день по нѣскольку разъ посылали справляться о здоровьѣ Григорія Петровича, а нѣсколько дамъ устроили между собою дежурство у постели больного.

А послѣднему становилось все хуже и хуже, и, наконецъ, Базанова не стало

Какъ будто вчера его хоронили: такъ врѣзалась у меня въ памяти картина его погребенія.

Я помню, какъ хоронили у насъ Свистунова, какъ тягостна казалась утрата этого человѣка. Это былъ мѣстный дѣятель съ довольно крупнымъ общественнымъ положеніемъ, самовластный, деспотъ, но честный человѣкъ и притомъ человѣкъ, искренно преданный интересамъ уѣзда. Онъ сумѣлъ забрать себѣ въ руки почти неограниченную власть надъ уѣздомъ. Его боялись и слушались безпрекословно. Втихомолку роптали кое-гдѣ, но, въ концѣ-концовъ, всѣ чувствовали себя за нимъ, какъ за каменной стѣной. А когда онъ умеръ, то граждане растерялись, осиротѣли, оробѣли. „А ну, какъ не найдется другого, кто сѣлъ бы на насъ верхомъ и погонялъ бы такъ увѣренно, какъ Свистуновъ?..“

Помню я и другія похороны. Умеръ нѣкто Бѣльскій, врачъ и гласный, человѣкъ, отдавшій

всего себя на служеніе обществу. На его похоронахъ всѣ плакали, и большіе и малые, и женщины и мужчины. Это былъ взрывъ общественнаго горя, искренній, глубокій и болѣзненный. Стала вдругъ понятной необходимость не только въ Свистуновѣ, но и въ Бѣльскомъ. Общество почувствовало незаполнимую пустоту...

Похороны Базанова были третьими на моей памяти, которыя всколыхнули весь городъ. На этихъ похоронахъ никто не плакалъ, но какая-то особенная, гнетущая тишина царила въ толпѣ. Никто, кажется, ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова; всѣ молча, будто въ тяжеломъ раздумьи, провожали его къ послѣднему жилищу. Не страхъ, не отчаяніе, даже не печаль царили здѣсь, а тихая, торжественная грусть... Мы знали, что не пропадемъ безъ Базанова; но чувствовали, что жить безъ него будетъ холоднѣй...

Я ошибся, сказавъ, что никто не плакалъ. Страшно, безутѣшно плакали мы съ Надей. Потомъ явился въ церковь Кузькинъ и такъ разрыдался, что полиція нѣсколько встревожилась. Впрочемъ, Кузькинъ былъ пьянъ по случаю базарнаго дня.

Затѣмъ, когда отпѣваніе уже окончилось, сквозь толпу протискалась какая-то женщина подъ густымъ вуалемъ, стала у гроба, поглядѣла на усопшаго и, опустившись на колѣни, тихо заплакала.

Это была Клавдія Осиповна, успѣвшая прибыть изъ Х. на погребеніе мужа.

П. Булыгинъ.

СЛУЧАЙ.

Подъ горку худая, лохматая лошаденка трусила рысцой, телѣга дребезжала и трясла Петруху, изъ-подъ ногъ лошади столбомъ вылетала горячая, сухая пыль. Позади Петрухи на соломѣ лежалъ со связанными ногами теленокъ и, вытянувъ бѣлую голову съ желтыми пятнами, жалобно моргалъ мутными глазами и тонкимъ, слабымъ голосомъ мычалъ.

— Ну, ладно, будя ужъ! уговаривалъ Петруха, почесывая теленку подъ шеей. — Чего мычишь? Дурачокъ ты, желтенькій! Своей пользы не смыслишь! Ишь-те бока-то какъ скрючило! провелъ онъ рукой по торчащимъ ребрамъ теленка,—а тамъ, братъ, нѣтъ: у Прохора Лукьяныча пищая хорошая. „Привези, говоритъ. Ежели телка, возьму. Бычка ненадо, а телку ничего. Цѣной не обижу“. Ну, вотъ, послалъ Богъ телку...

Вдоль пыльной, извилистой дороги, по обѣ стороны, зеленой стѣной поднималась высокая, густая, сочная озимь. Жаркое солнце заливало ослѣпительнымъ блескомъ колыхающееся зеленое море, и легкій вѣтерокъ гналъ волны по его поверхности. Кругомъ, куда только хваталъ глазъ, сплошнымъ ковромъ разстилались хлѣбныя поля, мѣстами уже желтѣющія, назрѣвающія.

Петруха повертывалъ свое худое, запыленное, обгорѣлое лицо, съ желтой, клочковатой бородкой, во всѣ стороны и довольно ухмылялся.

— Послалъ Богъ хлѣбецъ: частель-то какая,—руки не просунешь. Дождечку бы еще самую малость... А вѣдь, кажись, это Прохора Лукьяныча? Его и есть. Наскрозь его. Никакъ, десятинъ, мотри, поболѣ ста засѣялъ. Справный мужикъ,—дай Богъ всякому... Тпру! Постой-ка! Это что за вещь лежитъ?

На дорогѣ, на свѣтло-сѣрой, мягкой пыли ясно чернѣлся какой-то странный предметъ. Петруха соскочилъ съ телѣги.

— Да никакъ, деньги кто-то посѣялъ! пробормоталъ онъ, поднимая щегольской, изъ черной кожи бумажникъ.—Ишь, какъ запачкали! Чего-то есть... Чижолый...

Петруха развернулъ бумажникъ. Оттуда глянули толстыя пачки разноцвѣтныхъ ассигнацій.

— Ого-го!..

Петруха съ изумленіемъ чесалъ затылокъ подъ рваной шапкой и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на деньги.

— Кого это угораздило? Этакую уйму! Вотъ, чай, хватилси, реву задалъ! Деньги не малыя,—заплачешь. Куды же я ихъ дѣну?

Петруха снялъ шапку. Лохматая, съ дырьями,—положить въ нее нельзя было,— вывалится. Въ куцомъ, облѣзломъ нагольномъ полушубкѣ, который Петруха носилъ и лѣтомъ и зимой, кармановъ не было. Въ синихъ посконныхъ порткахъ карманъ есть, да прохудился. Петруха подумалъ, подтянулъ поясомъ покрѣпче красную рубаху и положилъ бумажникъ за пазуху.

— Ну вотъ, этакъ ладно. Не провалится. Чего задумалась? потрепалъ онъ по изъѣденной мухами пыльной спинѣ свою лохматую, отощалую лошадь, которая, понуривъ голову и разставивъ ноги, тупо глядѣла въ землю.— Трогай полегоньку! Недалечко осталось.

Телѣга со скрипомъ двинулась. Петруха пошелъ рядомъ. Онъ размышлялъ. Лицо его омрачилось, на лбу явилась страдальческая морщинка.

— Эхъ ты, грѣхъ-то какой! моталъ онъ головой,—и не хотѣлось, а пришлось. Имъ только попадись на глаза, у нихъ одинъ разговоръ. „Принесъ?“—„Да нѣтъ, Лука Вавилычъ, ужъ повремени малость“...—„Чего временить-то, лобанъ ты этакій! Сколь время не платишь! Мотри, коровенку сведу!“ Конечно, ужъ служба такая. И съ него тоже взыскиваютъ. На то и старшиной поставили. Дужъ больно разговоръ негожій...

Телѣга взобралась на горку. Внизу блеснула узенькая рѣчка, а за ней раскинулось широкое село съ блестящимъ золотымъ крестомъ церкви. Петруха сѣлъ въ телѣгу и задергалъ вожжами. Лошадь побѣжала рысью, переѣхала черезъ мостъ изъ наваленнаго хвороста и навоза и въѣхала въ улицу.

На правой сторонѣ выдѣлялся большой домъ съ высокимъ крыльцомъ и вывѣской. Это было волостное правленіе. Петруха подъѣхалъ къ

крыльцу, медленно вылѣзъ и вяло, нехотя пошелъ по ступенькамъ.

— Эхъ, шутъ ихъ возьми! Не больно охота къ нимъ въ гости ходить... Онъ потоптался на крыльцѣ, сдернулъ съ головы шапку и потянулъ тяжелую дверь.

Въ просторной, свѣтлой комнатѣ, за широкимъ, длиннымъ столомъ съ наваленными книгами и бумагами сидѣло трое мужчинъ. Посрединѣ засѣдалъ Лука Вавилычъ, плотный, благообразный, съ черной, окладистой бородой. Съ одного края пристроился волостной писарь въ сѣромъ пиджакѣ и, наклонивъ набокъ русую голову съ подкрученными усами, что-то быстро и размашисто писалъ. На другой сторонѣ стола сидѣлъ и мирно бесѣдовалъ со старшиной богатый, толстый мужикъ въ суконной поддевкѣ.

— Кто это? Чего надо? строго произнесъ Лука Вавилычъ, всматриваясь въ вошедшаго Петруху.—А, соколъ ясный! Явился! Ну, что, сколь принесъ?

Петруха стоялъ у двери и смущенно теребилъ шапку.

— Аль языкъ невзначай отморозилъ? Всѣ, что ль, принесъ?

— Я, Лука Вавилычъ...

— Сорокъ лѣтъ ужъ Вавилычъ. А дальше что?

— Обожди, Лука Вавилычъ... Опосля жнитва безпремѣнно...

— Слыхали мы эту пѣсню. Который ужъ разъ... Тебѣ сказано: не принесешь къ Петрову дню, корову со двора. Разговоръ короткій. Слыхалъ?

— Какъ не слыхать... Дѣльцо у меня одно, Лука Вавилычъ.

— Ну, что еще скажешь?

— Ѣду я, значитъ, по дорогѣ...

— Знамо, не по воздуху. Ну?

— А на дорогѣ-то, значитъ, лежатъ деньги.

— Что ты мелешь? Какія деньги?

— А вотъ... Не знай чье... Петруха подошелъ къ столу, вытащилъ изъ-за пазухи бумажникъ и положилъ его на столъ.

Старшина, писарь и мужикъ въ поддевкѣ привскочили и озадаченно смотрѣли на бумажникъ и на Петруху.

— Гдѣ ты взялъ его? сердито закричалъ старшина,—гдѣ поднялъ? въ коемъ мѣстѣ?

— А тутъ недалечко. За горкой. Прямо, значитъ, посередь дороги и лежитъ.

Старшина схватилъ бумажникъ и порывисто развернулъ его. Оттуда выскочила пачка сторублевыхъ бумажекъ и вѣеромъ раскинулась на столѣ. Съ минуту всѣ остолбенѣло глядѣли на кучку ассигнацій. У старшины бумажникъ дрожалъ въ толстыхъ пальцахъ, на лбу напряглись жилы и выступилъ потъ. Мужикъ въ поддевкѣ ухватился руками за столъ, нагнулся къ деньгамъ и застылъ въ отупѣломъ изумленіи. Писарь нервически мялъ бумагу и безпокойно бѣгалъ глазами съ денегъ на Петруху, съ Петрухи на деньги, на старшину, на мужика.

Старшина очнулся и схватилъ свободной рукой деньги.

— Какъ теперь, Григорій Семенычъ? обернулся онъ къ писарю, держа въ одной рукѣ бумажникъ, а въ другой пачку кредитокъ,—куды ихъ? Въ сундукъ, пока что? А?

Голосъ его срывался отъ волненія, лицо покраснѣло и вспотѣло, руки дрожали.

— Въ сундукъ, въ сундукъ заприте! заторопился писарь. — А потомъ явку сдѣлаемъ, черезъ полицію. На предметъ розыска владѣльца.

— Нѣтъ, постойте! рѣшительно вмѣшался мужикъ въ поддевкѣ:—вы пересчитайте сперва. Понятыхъ позовите, пересчитайте, печатью припечатайте да въ сундукъ. А то еще бѣды наживете. Еще не знай, чьи деньги-то. А вдругъ нехватка? Съ кого взыщутъ?

Мужикъ въ поддевкѣ тоже раскраснѣлся и чрезвычайно взволновался.

— Да молодца-то этого хорошенько пощупайте, говорилъ онъ, тяжело и хрипло дыша.— Сколько слямзилъ? обернулся онъ вдругъ къ Петрухѣ.—Говори!

Петруха ухмыльнулся во весь ротъ.

— Отщипнулъ маненько! Тыщенки три!

— Ты хайло-то не раскрывай! изступленно закричалъ на него старшина.—Въ Сибирь захотѣлъ? Бралъ иль не бралъ?

— Да что ты, Лука Вавилычъ, аль исправды? испуганно изумился Петруха,—чужія-то деньги? Ну ихъ къ шуту! Сколь было, всѣ тутъ.

— Стойте! воскликнулъ мужикъ въ поддевкѣ, —а вѣдь я знаю, кто потерялъ! Сичасъ шелъ суды, земскій Владиміръ Викторычъ на парѣ прокатилъ. Окромя некому. Съ энтой стороны ѣхалъ.

Старшина съ ужасомъ посмотрѣлъ на мужика, и руки его безсильно опустились.

— Владиміръ Викторычъ?.. пробормоталъ онъ.

Писарь понуро задумался и мрачно смотрѣлъ на бумажникъ.

— А пожалуй, что и такъ! сказалъ онъ вдругъ, рѣшительно тряхнувъ головой:—я, кажется, и бумажникъ этотъ видѣлъ у него. Должно быть, казенныя. Надо послать къ нему.

— Митрій! подь суды! закричалъ старшина.

Десятникъ, низенькій старичокъ, мелкой трусцой подбѣжалъ къ столу.

— Бѣги сичасъ къ Владиміръ Викторычу. Скажи, деньги нашли. Пожалте, молъ, въ волостное. Аль намъ къ нему пойти? Григорій Семенычъ?...

— Не знай какъ... Скажи только, Митрій, что бумажникъ нашли; а тамъ, какъ велитъ.

Десятникъ рысцой побѣжалъ въ дверь.

Петруха нерѣшительно мялъ свою шапку.

— А я, Лука Вавилычъ, сказалъ онъ,— пойду на минутку. Ежели что, я тутъ вотъ: къ Прохоръ Лукьянычу теленка отвезу.

— Ступай! пробурчалъ старшина, махнувъ рукой. Онъ шептался о чемъ-то съ писаремъ.

Мужикъ въ поддевкѣ придвинулся къ нимъ ближе и вытягивалъ шею, прислушиваясь къ ихъ шепоту. Писарь, нахмуривъ брови, злобно смотрѣлъ на мужика и нервно дергалъ себя пальцами за усы.

Петруха вышелъ на крыльцо, напялилъ шапку и свободно перевелъ духъ.

— У, шутъ ихъ дери! пробормоталъ онъ, влѣзая въ телѣгу, дернулъ вожжами и поѣхалъ кверху по селу.

Подъ горку, навстрѣчу Петрухѣ, медленно спускался тарантасъ, запряженный парой ямскихъ съ бубенчиками. Въ тарантасѣ стоялъ и перегнувшись глядѣлъ на дорогу молодой человѣкъ съ кокардой. Лицо его, окаймленное красивой темной бородкой, было мертвенно-блѣдно.

Петруха при видѣ кокарды всегда чувствовалъ испугъ, ознобъ и слабость въ тѣлѣ и всегда сворачивалъ подальше въ сторону. И теперь онъ поспѣшно отъѣхалъ вбокъ и далеко обогнулъ тарантасъ. Онъ, впрочемъ, видѣлъ оглянувшись, что десятникъ Митрій со всѣхъ ногъ бѣжалъ къ тарантасу и кричалъ:

— Ваше благородіе! Владимиръ Викторычъ! Деньги нашлись!

И видѣлъ, какъ земскій поспѣшно выскочилъ изъ тарантаса, уронилъ фуражку на землю, поднялъ ее, спросилъ что-то Митрія, и оба они торопливо побѣжали въ волостное, и земскій впереди, съ открытой головой, махая фуражкой въ рукѣ.

— Ну вотъ, и хозяинъ нашелси! ухмыльнулся Петруха. — Ишь, обрадовалси. И проѣхавъ сажень десять, добавилъ: — Обрадуется, до кого ни доведись.

Стоялъ жаркій іюньскій полдень. Солнце палило и накаляло неподвижный воздухъ. Было душно, словно въ хорошо натопленной банѣ. На пустынной улицѣ не виднѣлось ни людей, ни собакъ. Должно быть, всѣ вповалку спали гдѣ-нибудь въ прохладныхъ мѣстахъ. Петруха подъѣхалъ къ новому, высокому, большому пятиоконному дому. И новыя, крѣпкія, толстыя ворота, и высокій, съ торчащими гвоздями наверху, заборъ, и желѣзная зеленая труба на крышѣ, и весь домъ, крѣпко и прочно поставленный,—говорили, что здѣсь живетъ обстоятельный, зажиточный мужикъ.

— Ладненько обстроилси... подумалъ Петруха, окидывая сочувственнымъ взглядомъ прочныя постройки.— Богатому и пожаръ на пользу. Нашъ братъ сгорѣлъ, по міру ступай, а ему что? лучше прежняго.

Петруха вылѣзъ изъ телѣги и взвалилъ теленка на руки. Вытягивая тонкую, слабую шею и моргая мутными, словно заплаканными глазами, теленокъ тоненько, жалобно замычалъ.

— Ну, опять! Экай ты... Чай, не рѣзать несу, толковалъ ему Петруха, подходя къ затворенной калиткѣ.—Заживешь за первый сортъ. Сичасъ тебѣ и молока нальютъ и чего хошь. Аль по матери скучилси? А? Ну, ничего. У Прохора, братъ, Лукьяныча... бормоталъ Петруха, стараясь рукой и колѣномъ отщелкнуть и отворить калитку. Но калитка оказалась запертой.

Переваливъ теленка на лѣвую руку и подпирая его колѣномъ, Петруха загремѣлъ желѣзнымъ кольцомъ калитки.

— Не слышатъ. Ишь, среди бѣла дня заперлись. Къ чему, на что? Диви бы, ночь аль что... укоризненно бормоталъ онъ, щелкая массивной щеколдой.

На дворѣ лѣниво залаяли собаки—одна хриплымъ басомъ, другая звонкимъ теноромъ. Заскрипѣла и стукнула дверь гдѣ-то внутри, послышались медленные, тяжелые шаги и непривѣтливый голосъ спросилъ изъ-за калитки:

— Кто тамъ?

— Это я, Прохоръ Лукьянычъ,—отопри!

— Да кто ты-то?

— Ну вотъ, аль не узналъ? Петруха Тепловскій.

Громыхнулъ тяжелый запоръ, калитка пріотворилась. Пожилой мужикъ въ розовой ситцевой рубахѣ, съ кудластой темнорусой съ просѣдью головой и широкой бородой, насупивъ лохматыя брови, угрюмо глядѣлъ на Петруху.

— Теленочка привезъ. Ты баилъ намеднись, ежели телка... Телочку Богъ послалъ...

— Ну, проходи. Въ горницу неси, нехотя и сурово проговорилъ Прохоръ Лукьянычъ.

— Крѣпконько живешь, Прохоръ Лукьянычъ, —и днемъ-то запершись... добродушно бормоталъ Петруха, влѣзая по ступенькахъ высокаго крыльца.

— Народъ всякій ходитъ, угрюмо отвѣчалъ хозяинъ, — спать легли, — лошадь свести не долго.

— Долго ли до грѣха... согласился Петруха.

Чрезъ просторныя, темныя сѣни, пахнущія свѣжимъ деревомъ, они вошли въ избу. Ставни оконъ были притворены отъ жары и мухъ. Большая горница съ чистыми, новыми деревянными стѣнами глядѣла строго и опрятно. Въ переднемъ углу висѣлъ большой кіотъ съ нѣсколькими иконами, подъ нимъ стоялъ большой столъ, накрытый бѣлой съ красной каймой скатертью, вдоль стѣнъ прочные, окрашенные въ желтый цвѣтъ стулья и табуретки. Широкая печь занимала весь задній уголъ. За перегородкой была другая комната. Молодая баба, краснощекая и здоровая, сидѣла около стола и кормила грудью ребенка. Напротивъ нея пристроилась худощавая, костлявая старуха. Она съ унылымъ видомъ, положивъ локоть на столъ и опершись щекой на руку, смотрѣла на сосущаго и чмокающаго ребенка.

— Здорово живете! весело проговорилъ Петруха, кладя у печки теленка.—Всѣ ли подобру, помаленьку?

— Спаси Христосъ! отвѣтила старуха.—Аль телочку привезъ?

— Она самая... говорилъ Петруха, развязывая мочалку на ногахъ теленка.—Ну, становись! Вотъ такъ! Ерой!

Теленокъ покачивался, еле удерживаясь на тонкихъ, слабыхъ ногахъ, и жалобно вытягивалъ худую, длинную шею.

— Тощой больно... хмуро сказалъ хозяинъ, осторожно дотрогиваясь до спины теленка.

— Поправится! увѣренно отвѣчалъ Петруха.—Пищея-то ему неспособна была. Окромя его, весело пояснилъ онъ,—три сосунка: Минька, Манька да Ѳедька. Коровенка-то одна, молочишко на всѣ рты. У васъ живой рукой поправится.

— Ну, сколь те за него?

— Да ужъ... безъ лишняго, положь гривенъ семь, неувѣренно произнесъ Петруха.

— Ну вотъ! За этакаго... дохлаго? Полтину, больше не дамъ.

— Накинь гривенничекъ, Прохоръ Лукьянычъ!

— Больше не дамъ. Сказалъ, и ладно. Вези коль назадъ.

— Дужъ чего везти?.. Полтину, такъ полтину. И полтина деньги.

Хозяинъ досталъ изъ кармана штановъ портмоне и вынулъ изъ него серебряный полтинникъ.

— Ну, ужъ и жара, прости Господи! сказалъ Петруха, беря монету и присаживаясь на табуретку у стѣны.—Передохнуть малость,—упарилси. Проѣзжалъ, Прохоръ Лукьянычъ, мимо твоей озими,—не къ худу сказать,—хороша!

— Хороша, да не больно, нехотя пробурчалъ хозяинъ:—вонъ какая сушь. Безъ дождику все спалитъ.

— Ну, покедова потерпитъ. А тамъ Богъ дастъ и дождикомъ помочитъ. А со мной какая оказія вышла: деньги, вѣдь, я нашелъ!

— Ой, дѣвыньки!.. воскликнула старуха.— Богъ счастье послалъ! Серебряны аль бумажку?

— Чего тамъ бумажку! Вотъ какую кучу! Насовано въ бумажникъ-то бознатъ что!

— Чего ты мелешь? строго сказалъ хозяинъ. — Нарочно, что ль, аль всамдѣлѣ нашелъ?

— Пра, ей Богу! На дорогѣ лежатъ. Развернулъ, а въ немъ бумажки—и сотельны, и всяки!

— Господи Исусе!.. перекрестилась испуганно старуха.

— Врешь ты! Гдѣ нашелъ? взволновался вдругъ Прохоръ Лукьянычъ и въ упоръ, сверкающими глазами уставился на Петруху,—покажь! Гдѣ онѣ?

— Разрази Господь! На дорогѣ нашелъ! Сичасъ вотъ только старшинѣ отдалъ.

— Какъ старшинѣ? Пошто? остолбенѣлъ Прохоръ Лукьянычъ.

— Куды же ихъ? Дужъ и хозяинъ сыскалси: земскай. Безъ шапки прибѣжалъ. Радъ, чай, до смерти. Баютъ, казенныя...

— Постой-ка... Не пойму я сразу-то... озадаченно говорилъ Прохоръ Лукьянычъ.—Какъ же ты это?.. Отдалъ?.. Погодилъ бы маненько... Поспѣлъ бы отнести-то...

— Да чего годить-то!

— Эка ты... Ну, пришелъ бы вотъ... посовѣтовались... подумали...

— Что ты, Лукьянычъ? Аль не слышишь? изумился Петруха. — Я те баю, хозяинъ ужъ сыскалси.

Прохоръ Лукьянычъ шагалъ по избѣ, нагнувъ кудластую голову.

— Эхъ ты... Вотъ исторія!.. разстроенно бормоталъ онъ.—Къ чему, на что отнесъ?.. Поспѣлъ бы... Этакія деньги...

Онъ постоялъ немного передъ дверью, глядя въ землю, махнулъ сердито рукой и вышелъ изъ избы.

Старуха проводила его печальными глазами. Помолчали.

— Скушный какой у васъ хозяинъ, сочувственно произнесъ Петруха.—Нездоровъ, можа?

— Охъ, и не бай! сокрушенно проговорила старуха:—и насъ-то всѣхъ замаялъ.

— Ишь ты! А допрежь-то веселый былъ, сказалъ Петруха, завязывая полтинникъ узломъ въ уголъ рубахи, и добавилъ просительнымъ тономъ: — Нѣтъ ли, баушка, испить чего? Кваску бы? Больно ужъ во рту спеклось.

— Сичасъ, родимый. Вотъ испей холодненькаго,—недавнышка съ погребицы нацѣдила, ласково сказала старуха, сходивъ за перегородку и подавая Петрухѣ въ жестяной кружкѣ бѣловатый, жидкій квасъ.—Допрежь-то чего не веселый былъ... Надо бы ужъ... Да поди ты вотъ: кровно сглазилъ кто. Опосля пожару это у него. Лѣтось сгорѣли,—помнишь? Да вѣдь чего бы: почитай, все вытащили. Лошадокъ, коровъ свели, а за избу-то штраховку получилъ. Убытку-то, почитай, что ничего. А вотъ поди ты съ нимъ... Задумалси да задумалси. И по ночамъ-то не спитъ. Встанетъ посередь ночи: „Никакъ, стукнулъ кто? Пойти поглядѣть“. То боится, лошадей уведутъ; а то вокругъ избы пойдетъ,—все чудится, не подожгли бы. И все тужитъ, обо всемъ тужитъ. Ржицы посѣялъ, безперечь въ окошко на небо смотритъ: „Эхъ, дождику нѣтъ! Эхъ, спалитъ все! Пропадутъ деньги!“ Царица Небесная! наказала, Матушка! Да шутъ съ ними, прости Господи, и съ деньгами-то! Пропади онѣ пропадомъ! Самъ-то весь извелси, ни нашто не похоже.

— Ая-яй! качалъ головой Петруха, — какъ его втянуло! Имъ только поддайси, этимъ самымъ деньгамъ, сичасъ тебя жадность-то и закрутитъ.

— И не бай... Кровно малый робенокъ: замстило ему разумъ-то,—самъ не пойметъ, къ чему хлопочетъ. Диви бы, плохо жили. А то, вѣдь, самъ знашь, слава тебѣ Господи, всего есть. И запасать-то не про кого. Одинъ вонъ сынъ, да у него своя голова на плечахъ. И внучекъ-то у насъ разъединый. Всѣ тутъ въ кучкѣ. Много ль намъ надо?

— Чего баить! На что бы лучше, дай Богъ всякому! подтвердилъ Петруха.

Наступило долгое молчаніе. Старуха сидѣла пригорюнившись. Петруха хлопалъ шапкой по колѣнкѣ и сочувственно вздыхалъ.

— Мамынька! сказала краснощекая сноха,— на, покачай Гришаньку,—я пойду коровамъ замѣшу.

— Подь, милая, подь! Давай его суды. У, мокроносенькій ты мой! ласково качала на рукахъ старуха завернутаго въ пеленки ребенка.

Сноха, мягко и твердо ступая босыми ногами, вышла изъ избы. Настало вновь молчаніе. За перегородкой слышался легкій храпъ. Старуха укачивала внука и ласково чмокала губами, нагнувшись къ его лицу. Петруха смотрѣлъ на мальченку и дружелюбно моргалъ глазами.

— Въ отца вышелъ: большелобый... сказалъ онъ и, расправляя шапку, добавилъ:—Ну, прости, Христа ради, баушка! Ко дворамъ пора. Заждались, чай, мои-то.

— Меня прости, родимый! Дай Богъ часъ... Заѣзжай коли...

Петруха надѣлъ шапку и вышелъ на крыльцо.

Старикъ-хозяинъ, угрюмо задумавшись, стоялъ около амбара и молча смотрѣлъ, какъ подъ навѣсомъ сноха быстро и ловко готовила въ колодѣ для коровъ мѣсиво изъ муки и соломы.

— Прощай, Прохоръ Лукьянычъ! крикнулъ Петруха, сходя съ крыльца:—ко дворамъ поѣду.

Хозяинъ медленно повернулся къ нему, посмотрѣлъ тяжелымъ, непривѣтливымъ взглядомъ и молча пошелъ къ калиткѣ. Выпустивъ Петруху на улицу, онъ исподлобья взглянулъ на него и сердито пробурчалъ:

— Эхъ ты!.. Ворона!..

Калитка захлопнулась, загремѣлъ тяжелый засовъ.

Петруха, удивленно разинувъ ротъ, поглядѣлъ на массивную калитку, потомъ широко осклабился и съ сожалѣніемъ покачалъ головой:

— Эка грѣхъ-то!.. Какъ онѣ его... зацѣпили...

Лохматая лошаденка покорно и понуро стояла у воротъ.

— Ну, трогай! бормоталъ Петруха, влѣзая въ телѣгу и поворачивая лошадь.—Загостились... Домой пора. Ну Лукьянычъ! Ая-яй! Вотъ онѣ деньги-то! Кто это ихъ выдумалъ? Въ нихъ только втянись,—бѣда! Вонъ вѣдь до чего: и чужихъ-то жалко! Все мало! Эко грѣхъ-то! Эко грѣхъ-то!.. А я давеча, вспомнилъ онъ,— держу, кровно трава! Право слово! Кровно быдто и не деньги! Какой въ нихъ прокъ, въ чужихъ-то!..

Лошадь затрусила подъ горку рысцой. Петруха, взглянувъ на волостное правленіе, задергалъ вожжами.

— Но! Но! Пыжжай скорѣе! Ну ихъ! Еще увидають!

Телѣга быстро, съ грохотомъ прокатила мимо волостного правленія и, раскатившись, съ той же скоростью переѣхала черезъ мостъ. Но за мостомъ, въ горку, лошадь пошла шагомъ. Петруха оглянулся. Сердце его екнуло. Отъ правленія бѣжалъ безъ шапки старикъ Митрій и махалъ ему рукой. Петруха испуганно отвернулся и усиленно задергалъ вожжами.

— Но! чего стала? Но! Шутъ те возьми!..

Онъ растерянно, съ испугомъ хлесталъ вожжами, боясь оглянуться. Задерганная лошадь собрала всѣ силы и побѣжала рысцой. Сзади слышался какой-то крикъ. Петруха только разобралъ: „Эй! Слышь!.. Назадъ!.. Требуютъ!..“ и еще сильнѣе задергалъ лошадь.

Старикъ Митрій, добѣжавъ до мостика, задохнулся отъ скораго бѣга и крика.

— Экай дьяволъ! выругался онъ:—шутъ его догонитъ! Не слышитъ, что ль?

Онъ вернулся назадъ. На крыльцѣ стоялъ земскій начальникъ. Лицо его сіяло счастьемъ. Фуражка бодро сдвинулась на затылокъ.

— Не догналъ, ваше благородіе! сказалъ запыхавшійся десятникъ.—Кричалъ, да, должно, не слыхалъ.

— Жаль! весело произнесъ земскій:—а я хотѣлъ ему на чай дать рубля два.

Петруха въ это время перебрался черезъ горку; село скрылось у него изъ вида, и онъ свободно, радостно вздохнулъ.

— Ну, слава те Господи! Знамъ мы эти разговоры!.. Отдамъ опосля жнитва,—чего еще?..

Впереди опять разстилалась пыльная, извилистая дорога, а по бокамъ, далеко во всѣ стороны, колыхалось и переливалось зеленое, кой-гдѣ желтѣющее море.

И. Жилкинъ.

БАШКИРЪ ЮМАНГУЛОВЪ.

I.

Всю ночь не спалъ и тревожно возился башкиръ Юмангуловъ. Рано утромъ, когда семья его валялась на полу скверной конуры, Юмангуловъ всталъ съ постели, накинулъ на себя какія-то лохмотья и вышелъ на дворъ.

Тамъ поднималось холодное и тусклое мартовское утро. За избой тотчасъ же начиналась ровная степь, перерѣзанная иногда рѣдкими и чахлыми кустами. Мѣстами снѣгу было еще много, хотя и чернѣли кое-гдѣ узкія прогалины. Озеро около деревни спало непробуднымъ сномъ, и мертвые, сухіе камыши были до половины засыпаны снѣгомъ. Степь казалась грустной и безжизненной, точно ее изморили голодомъ, и ея широкій, вольный размахъ напоминалъ далекій путь безъ цѣли. Верстъ за сорокъ отъ деревни начинались горы, и можно было иногда различить вершины и кряжи, выступавшіе, какъ

зубчатыя бойницы, въ прозрачномъ воздухѣ. И тянуло туда почему-то...

Башкиръ Юмангуловъ тупо осмотрѣлся кругомъ и тяжело вздохнулъ. Въ углу, подъ навѣсомъ изъ тонкихъ осиновыхъ палокъ, послышалось слабое ржаніе. Юмангуловъ подошелъ туда. Его встрѣтили грустные, слезящіеся глаза старой, исковерканной лошади, у которой рѣзко выступали подъ кожей кости.

— Чего тебѣ?

Скрытая тревога звучала въ голосѣ Юмангулова. Онъ зналъ, что лошадь не ѣла какъ слѣдуетъ почти всю зиму. И взглядъ башкира упалъ опять на острую, избитую спину, на ребра, на втянутые бока. И Юмангуловъ прошепталъ съ отчаяніемъ:

— На маханъ не годится!

Онъ порылся въ углу, досталъ клочокъ соломы и бросилъ лошади. Она жадно схватила и начала жевать.

Юмангуловъ подошелъ къ плетню, облокотился на него и задумался.

Деревня казалась еще спящей, и только тонкій дымокъ изъ чуваловъ давалъ знать, что обитатели просыпаются. Гдѣ-то прогорланилъ единственный пѣтухъ и за околицей завыла башкирская собака, тощая и злая, похожая на волка. Она всю ночь ловила у озера зайцевъ и теперь возвращалась въ деревню.

Упершись глазами въ тусклую степь, башкиръ Юмангуловъ размышлялъ. Мрачныя мысли, какъ кошмаръ, давили эту бритую голову, не привыкшую къ долгимъ и тяжелымъ думамъ.

Нынѣшняя зима была особенно тяжела для башкира Юмангулова. Во-первыхъ, его душили подати. Изъ года въ годъ накапливались недоимки, сначала копѣйками, потомъ рублями и, наконецъ, превратились въ грозные десятки рублей, налегавшіе на сознаніе Юмангулова тяжелой, безформенной глыбой. Нѣсколько разъ, въ теченіе этой зимы, въ избу Юмангулова заходилъ староста Садыковъ и каждый разъ онъ что-нибудь да уносилъ, держа подъ мышкой толстую, ненавистную книгу. Въ первый разъ онъ взялъ жеребенка, потомъ бычка, котораго Юмангуловъ собирался продать въ городѣ. Затѣмъ староста Садыковъ забралъ полушубокъ и даже хотѣлъ утащить самоваръ, но отстояла Берзифа. Она ухватилась обѣими руками за самоваръ и закричала старостѣ Садыкову, что она выдеретъ ему глаза. И староста отступился...

Да. Годъ былъ тяжелый и долгій, какъ заунывная башкирская пѣсня. Хлѣба Юмангуловъ сѣялъ всего двѣ десятины, и ему пришлось еще съ осени продать половину. Въ городѣ его ловко обвѣшивали; Юмангуловъ это чувствовалъ, но не зналъ, гдѣ жаловаться, и молчалъ.

А нужды было страшно много и ребятъ у Юмангулова было шестеро. Зиму бились здорово. Ѣли только одни пшеничные колобки и лепешки. Чай перепадалъ рѣдко, безъ сахару, а когда былъ чай, тогда отводили душу и пили много. Но и тутъ чуть не дрались. Дѣти ревѣли и просили чаю, но пили сначала старшіе—жадно и торопливо...

Правда, Юмангуловъ изрѣдка промышлялъ. Ночью онъ забирался въ казенную дачу, рубилъ тамъ лѣсъ и ночью же увозилъ въ городъ. Раньше лѣсники не особенно досматривали, но теперь стало страшно. Въ казенной дачѣ появился лѣсникъ, котораго прозвали Туйдуганомъ *). Огромный человѣкъ, непомѣрной силы, онъ уже поймалъ нѣсколько человѣкъ съ краденымъ лѣсомъ и отдалъ ихъ подъ судъ. И билъ каждаго сильно...

Былъ еще одинъ случай лѣтомъ, когда Юмангулову перепало. Въ деревню пріѣзжалъ арендаторъ озеръ—купецъ Залазаевъ. Привозилъ онъ съ собой подарки и водки. Даже деньги давалъ купецъ Залазаевъ, а водки пили много и купецъ пилъ вмѣстѣ. Юмангулову купецъ далъ пять рублей, а Берзифѣ подарилъ красный платокъ. За это Юмангуловъ что-то оралъ на сходкѣ за купца и подписалъ какой-то приговоръ. Говорили потомъ, что купецъ въ аренду башкирскія озера дешево взялъ; но узналъ это Юмангуловъ потомъ и не придалъ этому особеннаго значенія. Онъ помнитъ только, что онъ горланилъ на сходкѣ, пилъ водку и пьяный вечеромъ побилъ дома Берзифу...

Юмангуловъ опять вздохнулъ, тяжело повернулся и пошелъ въ избу. Тамъ уже вставали и Берзифа, тощая, костлявая женщина, разводила огонь въ чувалѣ. Въ углу избы ворочалась и поднималась Фатима, старшая дочь Юмангулова, дѣвочка лѣтъ четырнадцати. Она была такъ же худа и костлява, какъ мать, и у ней вѣчно болѣли и слезились глаза. Юмангуловъ иногда думалъ о томъ, что если бы Фатиму посватали, тогда бы можно было поправить дѣла, такъ какъ дадутъ калымъ **). Всматриваясь въ худыя черты лица дочери, Юмангуловъ размышлялъ, что большой калымъ за нее едва ли дадутъ, но если даже пара кобылъ перепадетъ, и то ладно... И въ душѣ Юмангулова поднималось скверное, ѣдкое чувство. Богъ наказалъ его! Дѣти его больны и тощи, а Берзифа едва похожа на женщину. Сухая, съ безкровными губами, она ходила какъ тѣнь и вѣчно кричала и била дѣтей. Во всей деревнѣ, кажется, только у него одна жена... Даже сосѣдъ его, косоглазый Шакиръ, и тотъ недавно взялъ вторую жену. Молодую, свѣжую, съ звенящими монетами на высокой груди... Эхъ!..

Встали дѣти. Грязныя, полунагія, сидѣли они на полу и чесали спины. Потомъ заревѣли и стали просить ѣсть.

— Убирайтесь, шайтаны! закричала Берзифа и толкнула ногой одного. Башкиренокъ заревѣлъ

*) Коршуномъ.

**) Выкупъ за невѣсту.

во всю глотку. И долго тянулся ревъ его, длинный и жалобный, и никто не унималъ его.

Черезъ часъ поѣли сухія лепешки и запили ихъ чаемъ, похожимъ на распаренный вѣникъ. Юмангуловъ всталъ, одѣлся и пошелъ.

Его тянуло на улицу...

На улицѣ пахло весной. Вмѣсто утренняго заморозка, въ воздухѣ стояла бодрая и душистая струя юной весны. Солнце грѣло сильнѣе и, казалось, было ближе къ землѣ. Степь точно помолодѣла, разнѣжилась и тянула къ себѣ, какъ молодая и красивая женщина. Горы выступали изломами чище, озеро чернѣло и вздувалось, а рыжія прогалины казались шире и тамъ, подъ старой и чахлой травой, робко дребезжали и падали куда-то тоненькіе ручьи. Направо, верстъ за пятнадцать, чернѣла казенная дача, гдѣ сохранилось еще много лѣсу.

Юмангуловъ долго смотрѣлъ кругомъ.

„Весна скоро"... подумалъ онъ.

На душѣ сдѣлалось веселѣе. Вотъ придетъ весна—и онъ поправится. Хлѣба надо будетъ засѣять нынѣ три десятины. Какъ-нибудь да надо. Вотъ только лошадь одна... На кумысъ нечего и разсчитывать — придется кое-какъ. Раньше Юмангуловъ имѣлъ три кобылы и лѣтомъ выѣзжалъ въ степь. Славное время было! Лежитъ, бывало, онъ цѣлые дни въ кошѣ и пьетъ кумысъ... А степь кричитъ разными голосами...

Взглядъ его упалъ на казенную дачу.

Широко раскинувшись, темная и огромная, она манила къ себѣ. Отлично бы можно было нарубить бревенъ и увезти въ городъ, если бы не этотъ проклятый Туйдуганъ! Въ трудныя минуты эта казенная дача выручала... А что, если еще попробовать?

Юмангуловъ опустилъ голову и задумался.

А Туйдуганъ? Но вѣдь онъ не всегда же тутъ торчитъ... Наконецъ, можно тихо и осторожно... Развѣ только удары топора?... Но если рубить ночью?.. Туйдуганъ въ это время спитъ на кордонѣ... Нѣтъ, надо попробовать...

Холодокъ пробѣжалъ по спинѣ башкира...

Онъ рѣшилъ ничего пока не говорить Берзифѣ до вечера. Лошадь онъ усердно кормилъ соломой и даже давалъ ей полизать соли.

Лошадь выглядѣла бодрѣе и увѣреннѣй, точно она угадала мысль своего хозяина.

Поздно вечеромъ онъ запрягъ лошадь въ сани, вошелъ въ избу, взялъ топоръ и заявилъ Берзифѣ, что онъ ѣдетъ...

— Куда?

— Въ дачу...

Берзифа уставилась на него.

— А... Туйдуганъ?

— Шайтанъ съ нимъ!.. Пусть его полѣзетъ... Развѣ нельзя его треснуть топоромъ?..

Берзифа долго смотрѣла на мужа, и лицо ея просвѣтлѣло.

— Мука скоро выйдетъ... добавила она.

— Знаю... Ну, айда!

Юмангуловъ свистнулъ и выѣхалъ со двора. Черезъ минуту онъ точно провалился въ мутныхъ очертаніяхъ степи.

Днемъ степь казалась размякшей и свѣжей, а теперь она опять точно сжалась и куталась, вздрагивала и одѣвала себя туманной вечерней изморозью. Высыпали, какъ дѣти, звѣзды крупныя, чистыя и дрожащія. Иногда глухой шумъ бѣжалъ и дробился по степи звучными отголосками. Это кололся настъ.

Юмангуловъ бойко ѣхалъ къ казенной дачѣ. Лошадь звонко стучала по ледяной дорогѣ и временами, насторoживъ уши, зорко всматривалась въ темную даль. Юмангуловъ тоже всматривался, и чѣмъ ближе было къ цѣли, тѣмъ громче и скорѣй у него стучало сердце. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже совсѣмъ остановился, чтобы повернуть обратно; но передъ глазами вдругъ вынырнуло злое и голодное лицо Берзифы. Ему показалось, что она плюнула ему въ лицо и крикнула:

— Трусъ! Шайтанъ!

И Юмангуловъ поѣхалъ дальше. Часамъ къ одиннадцати ночи онъ подъѣхалъ къ лѣсу.

Здѣсь, изъ глубины сѣрой и сжатой дали, вдругъ сразу вынырнули деревья. Дорога въ лѣсу была бѣлѣе и было здѣсь тише, ибо сюда не залеталъ вѣтеръ. Засыпанныя снѣгомъ, стояли здѣсь сосны и березы и спали загадочнымъ, тревожнымъ сномъ передъ весной. Днемъ, когда солнце мягко обнимало мерзлыя вѣтки, лѣсъ точно чуть-чуть открывалъ глаза, вздрагивалъ, сладко потягивался и слабо шумѣлъ, растревоженный весеннимъ угаромъ. Къ вечеру, когда холодъ сжималъ его и когда солнце жалось въ углу степи,—лѣсъ опять засыпалъ тяжелымъ и давящимъ сномъ...

Юмангуловъ, когда въѣхалъ въ лѣсъ, скоро своротилъ въ сторону. Въ лѣсу тихо, такъ было тихо, что каждый незначительный трескъ былъ слышенъ. Юмангуловъ старался не шумѣть, и когда лошадь ударяла ногой или фыркала, онъ пугливо осматривался кругомъ, тяжело переводя дыханіе.

Проѣхавъ въ сторону съ полверсты, Юмангуловъ остановился. Лѣсъ попадался гуще и ѣхать было труднѣе. Юмангуловъ отвелъ лошадь въ сторону, привязалъ ее и взялъ топоръ. Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ рѣшилъ срубить сосну, обдѣлать ее и увезти. Хорошее дерево въ городѣ продать легче.

Черезъ минуту Юмангуловъ началъ рубить дерево. Гулкіе удары далеко не улетали: ихъ сжималъ ночной холодъ и они ложились близко.

Дерево упало съ шумомъ. Юмангуловъ торопливо обдѣлалъ его—снялъ кору и вѣтки. Потъ лилъ съ него градомъ, и онъ такъ увлекся работой, что не обратилъ вниманія на чей-то мѣрный и неторопливый шагъ. Когда онъ поднялъ голову, то вдругъ страшно вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и выпустилъ топоръ. Шагахъ въ десяти отъ него, опершись на ружье,

стоялъ огромный человѣкъ и, повидимому, спокойно смотрѣлъ на башкира. Юмангуловъ почувствовалъ, что холодъ охватилъ его, и онъ застучалъ зубами, какъ въ лихорадкѣ.

— Туйдуганъ!... вихремъ пронеслось въ его головѣ.

Огромный человѣкъ долго стоялъ неподвижно. Потомъ зашевелился и подошелъ къ Юмангулову.

— Чей ты? спросилъ онъ глухо.

— Юмангуловъ...

— Изъ какой деревни?

Башкиръ назвалъ.

— Собака! вдругъ сказалъ Туйдуганъ, размахнулся, и страшный ударъ по головѣ оглушилъ Юмангулова.

— Собака! повторилъ Туйдуганъ и опять ударилъ башкира.— Запрягай, собака, лошадь!

Юмангуловъ, оглушенный, молча началъ запрягать.

— Клади бревно на сани!.. распорядился Туйдуганъ.

Юмангуловъ положилъ и привязалъ.

— Айда! приказалъ Туйдуганъ.

Онъ пошелъ впередъ, а Юмангуловъ повезъ за нимъ бревно. Дорогой Юмангулову пришла въ голову мысль, что хорошо бы теперь тяпнуть сзади Туйдугана топоромъ; но мысль такъ же внезапно потухла, какъ и вспыхнула. Молча, покорно склонивъ голову, ѣхалъ Юмангуловъ за своимъ огромнымъ вожакомъ и думалъ, что теперь все пропало.

Черезъ полчаса они подъѣхали къ кордону, стоявшему около большой проѣзжей дороги. Ихъ встрѣтили лаемъ двѣ большія лохматыя собаки. Туйдуганъ коротко приказалъ башкиру сбросить бревно у кордона, и когда тотъ сдѣлалъ это, Туйдуганъ рѣзко и отрывисто произнесъ:

— Теперь убирайся къ чорту, бритая собака!.. Во второй разъ убью!..

Онъ показалъ на ружье.

Юмангуловъ поѣхалъ. Проѣхавъ съ полверсты, онъ оглянулся. Кордона не видать было, и только огонь дрожалъ между деревьями да собаки глухо лаяли. Юмангуловъ ударилъ по лошади и погналъ домой...

II.

Въ началѣ мая, когда возились съ засѣвкой полей, Юмангулова однажды позвали въ волость. Онъ отправился, и дорогой у него на душѣ поднималась угрюмая и тяжелая мысль: „Опять, видно, подати“...

Въ волости ему указали на писаря. Писарь былъ русскій, старый, небольшой человѣкъ съ рыжими отъ табаку пальцами. Онъ порылся въ бумагахъ и подалъ Юмангулову листокъ бумаги.

— Чего это? спросилъ башкиръ.

Писарь любилъ иногда показать себя. Вытащивъ папиросу, онъ не спѣша закурилъ ее и задумчиво посмотрѣлъ въ окно. Потомъ взглянулъ на Юмангулова, пыхнулъ папиросой и произнесъ медленно и холодно:

— Ты привлекаешься по 155-й статьѣ Устава о наказаніяхъ...

Башкиръ молчалъ.

— Лѣсъ рубилъ?.. спросилъ писарь.

— Нѣтъ...

— Рубилъ, навѣрное... Привлекаешься за самовольную порубку лѣса,—слышишь?.. Ну, убирайся,—мнѣ некогда...

Юмангуловъ топтался на мѣстѣ. Его бросало въ жаръ.

— Въ городъ ѣхать надо... робко сказалъ онъ.

— Да... хотя явка и не обязательна...

— Это Туйдуганъ подалъ... мелькнуло въ головѣ у Юмангулова.— А я думалъ... онъ только побилъ меня...

Онъ взялъ повѣстку и вышелъ, какъ въ туманѣ, изъ волости. Дорогой онъ все время тщательно смотрѣлъ на бумагу, точно понималъ чего. Дома его окружили домашніе и всѣ начали смотрѣть на повѣстку.

— Это чего? спросила Берзифа.

— Бумага...

— Какая?

— Въ судъ надо...

— Какой судъ?...

— Лѣсъ рубилъ...

Берзифа потемнѣла.

— Но вѣдь ты не привезъ домой...

— Не привезъ... какъ эхо откликнулся Юмангуловъ.

— Такъ зачѣмъ въ судъ?

— Не знаю... Видно, Туйдуганъ написалъ...

Въ избѣ притихли. Немного погодя, Берзифа сѣла на нары въ самый уголъ и тихо и горько заплакала... Глядя на мать, заревѣлъ маленькій Ахметъ... Юмангуловъ схватилъ шапку и пошелъ въ степь. Тамъ онъ бродилъ долго, срывая зелень и кусая ее зубами. Степь казалась прекрасной, озеро дышало жизнью, воздухъ впивался въ грудь, но Юмангуловъ ничего этого не замѣчалъ и вернулся только къ ночи. Дѣти уже спали, но Берзифа все сидѣла въ той же неподвижной позѣ на нарахъ...

Къ назначенному сроку Юмангуловъ отправился въ городъ, до котораго считалось 20 верстъ. Лошадь нужна была дома, поэтому Юмангуловъ отправился пѣшкомъ. Въ карманѣ у него, въ красномъ платкѣ, туго была завязана повѣстка и бумажный рубль, который онъ взялъ подъ осеннюю работу у знакомаго мужика на заимкѣ. Долго шелъ Юмангуловъ, но къ вечеру пришелъ въ городъ. За постоялый дворъ нужно было платить деньги, Берзифа же строго наказала не тратить ихъ попусту. На рубль нужно было купить чаю, котораго давно не было, и дешеваго ситцу для Фатимы. Дѣвушка вся обносилась и ходила полуголой. Юмангуловъ добрался до зданія суда и здѣсь, на скамейкѣ, провелъ короткую майскую ночь.

На другой день его судили за самовольную порубку лѣса. Земскій начальникъ, бывшій акцизный чиновникъ, прочиталъ Юмангулову сначала длинную мораль. Воровать чужой лѣсъ, по словамъ земскаго, было грѣшно и недобросовѣстно. Потирая бѣлыя, пухлыя руки и глядя куда-то въ уголъ камеры, земскій доказывалъ Юмангулову, что честный человѣкъ никогда не воруетъ.

— У васъ, господа, вообще, такая масса надѣльной земли... такая масса... Я не понимаю... Такая масса земли—и воровать... Надо дѣломъ заниматься... да... Я рѣшительно не понимаю... Ну-съ... приступимъ къ дѣлу...

Юмангуловъ стоялъ и хлопалъ глазами. У земскаго онъ ничего не понялъ. Приговоръ онъ выслушалъ спокойно. Земскій объяснилъ ему, что онъ оштрафовалъ его на 10 рублей и взыскалъ по таксѣ за дерево 19 рублей 48 копѣекъ.

— Надѣюсь, больше не станешь воровать... У васъ такая, господа, масса земли... Ну, ступай!..

Юмангуловъ вышелъ изъ суда и пошелъ по улицамъ. Подходилъ вечеръ и Юмангуловъ рѣшилъ переночевать въ городѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не купилъ еще чаю и ситцу для Фатимы. Ему сильно хотѣлось ѣсть, и онъ рѣшилъ купить гдѣ-нибудь хлѣба. Проходя по одной изъ улицъ, онъ вдругъ увидалъ винную лавку. У самыхъ дверей стоялъ высокій мужикъ и, не обращая ни на кого вниманія, тянулъ черезъ горлышко водку. Ѣдкое, саднящее чувство вдругъ пробѣжало въ горлѣ Юмангулова, и онъ остановился...

Ему вдругъ страшно захотѣлось выпить. Хоть бы немного выпить, чтобы развеселить душу. Юмангуловъ вспомнилъ купца Залазаева, какъ пили тогда водку и какъ тогда весело было. И Юмангуловъ жадно посмотрѣлъ на мужика.

Онъ порѣшилъ выпить немного. Отвернувшись въ сторону, онъ торопливо развязалъ красный платокъ, вытащилъ засаленный рубль и, судорожно сжимая его въ рукѣ, вошелъ въ лавку. Купивъ полбутылки, онъ отошелъ въ уголъ, выбилъ пробку ловкимъ ударомъ и, оглянувшись кругомъ, выпилъ сразу полбутылки. Немного погодя, онъ опросталъ всю посудину.

Ему вдругъ сдѣлалось удивительно легко и весело. Голова заходила кругомъ, нѣкоторые предметы заплясали. Люди стали славные, добрые, и Юмангулову ужасно захотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь. Онъ подошелъ къ высокому мужику, который вертѣлъ цыгарку, и весело спросилъ:

— Выпивалъ мало-мало?..

И онъ хитро подмигнулъ глазомъ.

Высокій мужикъ посмотрѣлъ на Юмангулова осовѣлыми глазами и забормоталъ:

— Ты думаешь, я не понимаю... „Запряги, говоритъ, Иванъ, лошадь“... Ну, я запрегъ „Вези“, говоритъ... Ну, я везу... „Да ты, говоритъ, пьянъ, такой-сякой“... — „Извините, говорю, барыня... мы мужики“... Пріѣхали домой... „Разсчитать, говоритъ, его, подлеца!..“ Понимаете... Ра-з-счи-тать! Ме-ня! Ивана Подкорытова!.. Да меня весь городъ знаетъ... Эхъ, другъ, башкиръ!..

— Ничего, знакомъ, ничего... говорилъ Юмангуловъ и хлопнулъ мужика по плечу.

— Нѣтъ, ты посуди, башкиръ... Посуди, чертова голова! Семь лѣтъ служилъ я вѣрой-правдой у Петра Никитича... И хоть бы когда чего. Ни-ни! „Иванъ, говоритъ, запряги“... Черезъ полчаса готово... Вали! Жарь! Свисти! Готово! Эхъ ты, собачья голова... купи-ка водки!..

Юмангуловъ съ удовольствіемъ поддержалъ мысль. Вытащивъ красный платокъ, онъ отсчиталъ на бутылку водки, смутно предполагая, что все-таки придется отдать Берзифѣ точный и подробный отчетъ. Бутылку они съ высокимъ мужикомъ выпили, и оба окончательно опьянѣли. Мужикъ не выдержалъ и тутъ же свалился у забора, а Юмангуловъ залѣзъ въ уголъ около дома и присѣлъ на корточки. Огненная волна точно залила все его нутро, и ему хотѣлось теперь что-нибудь сдѣлать. Если бы была здѣсь Берзифа, онъ бы выместилъ на ней кое-что.

Ему вдругъ захотѣлось пѣть. Было уже темно и на улицѣ казалось пусто. Гдѣ-то гремѣли колеса и слышно было, какъ кто-то переругивался; но Юмангулову было рѣшительно все равно.

Онъ вздохнулъ и вдругъ запѣлъ вполголоса, гнусаво и протяжно. Опредѣленныхъ словъ у него не было. Но ему хотѣлось спѣть про свою жизнь, и онъ подбиралъ пѣсню.

Сначала онъ упомянулъ про степь, про широкую и вольную, какъ море, съ большими озерами и птицами. Раньше на ней жили батыри и у нихъ были богатые коши и кибитки. У нихъ были рѣзвые и дикіе кони и острыя стрѣлы. Какъ вѣтеръ, рыскали батыри по степи, гоняли всякаго звѣря, вволю пили кумыса и имѣли по пяти женъ.

Нынѣ, говорятъ старики, степь не та. Лѣтомъ она также купается на солнцѣ, но травы на ней меньше и она выглядитъ чахлой. Зимой бѣжитъ по ней мертвая, холодная зыбь, весной степь сверкаетъ живой нитью звонкихъ ручьевъ, а осенью, мертвая и вялая, она хоронитъ въ себѣ сверкающіе глаза волка.

Потомъ онъ затянулъ про то, какъ жилъ на свѣтѣ. Сначала онъ упомянулъ, какъ взялъ за себя Берзифу, какъ далъ за нее трехъ лошадей да муллѣ отдалъ за вѣнчанье хорошую лошадь. Съ Берзифой сначала они жили дружно, но теперь она сдѣлалась сварлива и стара тѣломъ. Кому нужны это истощенное тѣло и кости? О, если бы у него былъ хорошій калымъ! Каждый годъ староста Садыковъ что-

нибудь уноситъ за подати... Проклятые! Нужда заѣла его; и онъ не знаетъ, куда дѣваться...

Въ степи, огромной и дикой, много разбросано башкирскихъ деревень и селъ, но богаты только муллы да старосты. Не было въ жизни у Юмангулова никакой отрады, в ю жизнь его называли собакой и нужда заѣла его. Развѣ сталъ бы воровать онъ лѣсъ, если бы дѣти не просили ѣсть и если бы его не маяли подати? Никто никогда ничему не училъ его, земля плохо родитъ хлѣбъ, и шла его жизнь, угрюмая и дикая, какъ степь осенью. Если бы можно было провалиться сквозь землю, такъ онъ съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы это... Что онъ теперь скажетъ Берзифѣ и гдѣ онъ возьметъ деньги, чтобы заплатить штрафъ?

— Кто это тутъ гнуситъ? раздался возгласъ, и дюжія руки подняли Юмангулова за шиворотъ. Предъ нимъ блестѣла бляха.

— Чего ты орешь, татарское мурло? Это вѣдь не у себя въ деревнѣ!.. Айда!..

Юмангуловъ покорно послѣдовалъ, и его привели въ полицію. Тамъ онъ ночевалъ, а утромъ его выпустили на волю.

Утромъ голова болѣла у него страшно. Онъ купилъ себѣ хлѣба, а на остальныя деньги рѣшилъ купить на дорогу водки. Все равно уже было отдавать Берзифѣ отчетъ. Купивъ водки, онъ направился домой и, выйдя за городъ, тотчасъ же выпилъ всю, и ему захотѣлось спать. Онъ отошелъ въ сторону и уснулъ какъ убитый.

Проснулся онъ около пяти часовъ вечера. Солнце еще стояло довольно высоко, но итти надо 20 верстъ и Юмангуловъ быстро зашагалъ. Черныя мысли, какъ тучи, садились на душѣ и давили тамъ. Если бы былъ купленъ чай да ситецъ Фатимѣ, такъ тужить бы нечего. Но что онъ теперь скажетъ Берзифѣ? Если сказать, что рубль потерялъ дорогой, такъ она не повѣритъ...

Долго шелъ онъ. Солнце уже садилось, когда ему пришлось переходить дорогой русское село. На селѣ казалось тихо-тихо, точно все вымерло. Маленькая бѣлая церковь высилась между домовъ своимъ острымъ шпилемъ и дальше отъ нея начиналось кладбище. Стояли деревянные кресты, въ рощѣ было уютно и спокойно, и точно люди здѣсь прилегли уснуть. Почти въ концѣ села, за церковью, стоялъ поповскій домъ. Проходя мимо него, Юмангуловъ заглянулъ въ открытыя настежь ворота и невольно остановился...

На поповскомъ дворѣ, обширномъ и просторномъ, стоялъ рыжій жеребецъ, привязанный къ столбу. Отсюда можно было различить его крупные лоснящіеся бока, упругую шею и красивую голову съ тонкими, подвижными ноздрями. Онъ ежеминутно кружилъ на мѣстѣ, иногда фыркалъ звучно и тревожно, точно боялся скрытаго врага. На дворѣ казалось пусто. Только въ одномъ мѣстѣ клохталъ иногда индюкъ и будилъ дворъ своимъ безалабернымъ гортаннымъ выкрикомъ.

Прижавшись лицомъ къ дощатой перегородкѣ, сквозь щели, Юмангуловъ впился глазами въ лошадь. Полудикій степнякъ сразу оцѣнилъ всѣ достоинства поповскаго коня. Хорошая лошадь!.. Съ этой лошадью можно было бы много сдѣлать... и подати уплатить, и штрафъ, и Берзифѣ осталось бы...

Юмангулову стало жарко, и онъ облизалъ сухія губы...

На улицѣ было безлюдно. Гдѣ-то, съ краю, слышался скрипъ журавля,—черпали воду изъ колодца. Въ мягкихъ и влажныхъ сумеркахъ за околицей протяжно и звонко кричала пиголица:

— П-і-и!. П-і-и!..

Юмангуловъ вдругъ порывисто двинулся къ воротамъ. Со страшно бьющимся сердцемъ, не оглядываясь, онъ рѣшительно и твердо направился къ лошади. Конь, чуткій и напряженный, внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ башкира, и когда Юмангуловъ подошелъ близко, онъ фыркнулъ и попятился...

Юмангуловъ дрожащими пальцами, съ помутившимся взглядомъ, отвязывалъ лошадь и потянулъ ее къ воротамъ. Лошадь упиралась, но шла. Одна огненная мысль буравила и сверлила мозгъ Юмангулова:

„Только бы за околицу... до лѣсу“...

Ловкимъ и сильнымъ движеніемъ онъ вдругъ вскочилъ на коня и ударилъ его въ бока. Лошадь сразу взяла съ мѣста, и звонко стукнули копыта по твердой и сухой дорогѣ...

И вдругъ сзади, точно изъ-подъ земли, раздался чей-то протяжный и хриплый крикъ:

— Караулъ! Батюшки! Держи!

— Держи! гдѣ-то глухо откликнулось за околицей. Пиголица внезапно смолкла, и Юмангуловъ почувствовалъ, что теперь надо дѣйствовать...

Конь бѣжалъ по дорогѣ, но вдругъ опять въ сторонѣ что-то затрещало. Огромный мужикъ, ломая плетень, лѣзъ черезъ него. Въ одной рукѣ онъ держалъ толстый колъ. Перевалившись черезъ плетень, багровый и лохматый, онъ загремѣлъ на всю улицу:

— Держи его, собаку! Держи!

Маленькая собаченка, черная и кудластая, какъ камень, вылетѣла изъ одной подворотни и бросилась подъ ноги лошади. Конь вдругъ остановился и замеръ на мѣстѣ. Изо всей силы Юмангуловъ ударилъ его въ бока... Разъ!.. два!.. Лошадь хрипѣла, билась на мѣстѣ, но не шла. А улица уже вся зашевелилась, ревѣла и кричала нечеловѣческими голосами:

— Держи!

— Лови!

Толпа росла и сбивалась къ дорогѣ. Башкиръ спрыгнулъ съ лошади и бросился бѣжать. Черная кудластая собаченка сзади впилась ему въ ноги. Онъ схватилъ ее за голову, оторвалъ отъ ноги и швырнулъ въ сторону.

Башкиръ побѣжалъ. Одна и та же огненная мысль сверлила и рѣзала мозгъ:

„Только бы за околицу“!..

Но сзади росъ гулъ человѣческихъ голосовъ и, какъ волна, подкатывался ближе. Чье-то свистящее дыханіе было совсѣмъ близко. Страшно напрягая силы, какъ птица летѣлъ башкиръ и миновалъ околицу. Оставалось только повернуть къ лѣсу, но кто-то сзади схватилъ его за рубаху и прохрипѣлъ:

— Нѣтъ, стой!.. Не уйдешь!..

Юмангуловъ сдѣлалъ усиліе и отшвырнулъ человѣка, но подоспѣла толпа и окружила его. Тогда онъ вспомнилъ, что у него есть ножъ. Выхвативъ его, онъ съ какимъ-то дикимъ и гортаннымъ крикомъ бросился на толпу...

Огромный, лохматый мужикъ схватилъ его за руку. Юмангуловъ рванулся, но мужикъ такъ сдавилъ у него руку, что ножъ безсильно выпалъ изъ захрустѣвшихъ пальцевъ...

— Ахъ ты... с-с-собака! прохрипѣлъ мужикъ.

Изъ толпы вдругъ выдѣлился бѣлый и кудрявый парень и подошелъ къ Юмангулову. Въ рукахъ у него было круглое полѣно.

— Ну-ка пусти, дяденька!.. звонко и даже весело крикнулъ парень.—Конокрадовъ надо учить...

Лохматый мужикъ посторонился. Парень вдругъ развернулся и изо всей силы ударилъ башкира по головѣ.

— Р-р-р-азъ! крикнулъ онъ также весело и звонко.

Юмангуловъ упалъ на спину, какъ подкошенный. Парень опять размахнулся и опять ударилъ уже лежачаго:

— Д-в-в-а!

Отъ второго удара у Юмангулова хлынула кровь изо рта и носа, глаза, выпученные и налитые кровью, уставились неподвижно въ небо...

— Они вѣдь живучи, проклятые... проговорилъ тотъ же парень и ловко вскочилъ обѣими ногами на грудь башкира. И давнулъ...

Послышался хряскъ...

— Ай, батюшки! ахнулъ сзади толпы женскій голосъ.—Человѣка убили!..

Толпа притихла. Кудрявый парень вдругъ затерялся въ людяхъ и скрылся. Понемногу всѣ, точно сговорившись, молча разошлись въ разныя стороны. Юмангуловъ остался одинъ, неподвижный, съ вылетѣвшимъ глазомъ и съ залитымъ кровью лицомъ. По щекѣ медленно сползала багровая струя и впивалась въ землю.

Въ кустахъ послышался шорохъ. Къ трупу осторожно и тихо, черезъ дорогу, подошла бродячая собака. Она потянулась, понюхала и отошла...

А. Туркинъ.

ОБУХОВЪ.

День былъ жаркій, солнечный...

Павелъ лежалъ на травѣ, жмурясь отъ солнышка, которое било ему прямо въ глаза своими горячими, прямыми лучами.

Несмотря на воскресный день, улица была пустынна. Кое-гдѣ подъ навѣсами и плетнями, въ „затѣни“, сидѣли старухи съ грудными дѣтьми и дремали, разморенныя зноемъ; порой изъ воротъ показывался мужикъ и, закрывшись рукой отъ солнышка, съ минуту стоялъ неподвижно, устремивъ тупой взглядъ по деревнѣ, потомъ позѣвывая опять скрывался за воротами.

Съ рѣки долеталъ смѣхъ купающихся ребятишекъ, цѣлый день не вылѣзавшихъ изъ воды. Среди этого смутнаго шума порой вырывался рѣзкій дѣтскій голосъ: „Ванька, ау!“ и потомъ опять все покрывалось неяснымъ говоромъ и всплесками воды.

Въ застывшемъ и спертомъ, какъ въ жарко натопленной банѣ, воздухѣ гудѣли рои мухъ, слѣпней, трещали невидимые кузнечики...

Острые листья ветлы свернулись чуть не въ трубочку... Безпомощно опущенныя вѣтви рябины, бурый, сожженный подорожникъ, сухіе, поблекшіе листья подсолнечника, казалось, только и ждали благодатнаго ливня, изнывая подъ безоблачнымъ небомъ.

— Хоть бы капля упала! проворчалъ Павелъ, закрываясь картузомъ отъ солнышка.—Чисто въ огнѣ горишь!

Въ концѣ деревни показалась телѣга. Пѣгая лошаденка, понуривъ голову, плелась лѣниво. На передкѣ сидѣлъ толстый мужикъ въ красной рубахѣ, загорѣлый, съ лицомъ, густо обросшимъ рыжей бородой.

Въѣхавъ въ деревню, мужикъ поправилъ съѣхавшій набокъ картузъ и сипло прокричалъ:

— Дегтю... дегтю!

Лошаденка точно поняла привычный крикъ и поплелась еще тише.

Въ окнахъ избъ показывались головы.

— Надо ли дегтю-то, дядя Онисимъ? оборачивался дегтярь по сторонамъ.—Бери дегтю-то, тетка Ненила!

Головы безмолвно исчезали; порой слышался односложный отвѣтъ:

— Сичасъ!..

Скрипѣла калитка. Мужикъ нехотя плелся къ телѣгѣ, нехотя брался за шапку и также нехотя говорилъ:

— Налей лагушечку!

— Дегтю!.. дегтю! несся по деревнѣ стонущій голосъ.—Дегтю!..

— Ну, опять принесла нелегкая! проворчалъ Павелъ.—Давно ли былъ?..

— Бери дегтю-то, Обуховъ!

— Пошелъ ты и съ дегтемъ-то, обманщикъ! отмахнулся Павелъ.—Народъ обдувать твое дѣло только!...

— Перекрестись!.. Отъ тебя перваго слышу...

— То-то слышу! угрожающе покосился на дегтяря Павелъ.—Помѣрять бы твой-то лагунъ!..

— Помѣряй! прохрипѣлъ дегтярь недовольно.—Знать, угорѣлъ ты съ жары-то!

— Ты не угорѣлъ ли!.. Деньги берешь за первый сортъ, а людей надуваешь!

— Срамникъ, право, срамникъ!.. Но-о! Дегтарь тряхнулъ вожжами, и воздухъ опять огласился его хриплыми криками.

— Шельмы!.. послалъ ему вслѣдъ Павелъ.

Жара понемногу спадала. Показался съ сосѣдняго двора старикъ Митричъ. Прищурившись отъ солнышка и выбранивъ „надоѣдную жару“, онъ направился къ Обухову.

-- Лежишь, Панька?

— Лежу... хмуро отвѣчалъ послѣдній, не поднимая головы.

— Житье тебѣ, парень: поѣлъ да и на бокъ!..

— А кому заказано? Взялъ да и ты легъ...

— Это мы и безъ тебя знаемъ! вздохнулъ старикъ.—А ты скажи, кто кормить лежачаго-то будетъ?

— Богъ... ухмыльнулся Обуховъ.

— Сказывай!..

— А то кто же?.. Вонъ человѣкъ ѣздить. Деньга сама въ кошель ползетъ. Все равно, что рупь неразмѣнный въ карманѣ.

— А что?

— То... Въ лагунѣ двухъ фунтовъ не хватаетъ!

— Зря, чай!

— Да ты мѣрялъ ли? спросилъ Павелъ насмѣшливо.

— Больно мнѣ нужно,—стану еще мѣрять! отмахнулся старикъ.

— Ну, а я мѣрялъ! рѣзко сказалъ Обуховъ.

— Себѣ на душу!.. Онъ въ грѣхѣ, онъ и въ отвѣтѣ!

— Разговаривай!.. Плуты этому рады...

Митричъ укоризненно покачалъ головой.

— И коли, братецъ ты мой, ни послушай,— всѣхъ-то онъ бранитъ, всѣхъ ругаетъ... Нехорошо, Панька! дурно!

— Нѣтъ, хвалить мошенниковъ стану! Дожидайся!

— Не хвали, а къ чему ругаться?

Павелъ мрачно нахмурился.

— Когда на высидку-то?

Митричъ засмѣялся.

— Не знаю. Когда позовутъ...

— Эхъ! велѣлъ бы я тебѣ, Панька, сбавить карахтеру-то. Ты сердись, не сердись, а не похвалишь тебя за карахтеръ.

— Все можетъ... уклончиво проговорилъ парень.

— Надысь Миронова воромъ обозвалъ, а тотъ въ судъ... Нѣшто льзя такъ!

— А онъ не воръ? строго насупился Павелъ.

— Мало ли чего?..

— Нѣтъ, ты скажи: воръ онъ али нѣтъ? Обуховъ даже привсталъ на колѣни.

— Воръ, не воръ—помалкивай... Человѣкъ въ силѣ... Съѣстъ!

— Куракъ я былъ,—не сгануся плюнуть ему при народѣ въ дурную-то харю!

— Пошелъ свое!.. отмахнулся старикъ.

Разговоръ оборвался. Павелъ тупо смотрѣлъ въ землю. Митричъ вздыхалъ, бормоча втихомолку: „Ну и печетъ!.. Ну и власть Господня“!..

Постоявъ еще немного, старикъ зѣвнулъ.

— Надо косу поправить... Прощай!

— До свиданья! пробормоталъ Обуховъ.

— Ишь, растянулся!

Подошелъ разсыльный изъ волости.

— А, дядя Михей! Изъ села, что ли?

— Откуда же! Повадился я къ вамъ. Тебѣ опять повѣстка, — на высидку требуютъ за Миронова.

— Пора... И то опоздали! равнодушно замѣтилъ Павелъ. — Чай, скушно безъ меня, поди?..

— Ступай-ка, распишись проворнѣй!

— Пойдемъ въ хату!

Обуховъ небрежно сунулъ повѣстку въ карманъ и пошелъ съ разсыльнымъ въ избу.

— А вотъ и сама тетка Настасья! сказалъ Михей входя.—Здорово, баушка!

— Здорово, касатикъ!

Со скамейки встала старуха, мать Павла.

— Али опять что?.. спросила она тревожно.

— Есть маленько... Пеки на завтра Павлухѣ лепешки.

— Жди--напеку!.. Али на высидку?

— Нѣтъ, медъ ѣсть... засмѣялся разсыльный.—Готово ли?

— Готово! хмуро проговорилъ Павелъ.

-- Писарь, а вѣдь какъ намазалъ, грѣхи тебя разнеси!.. Ну, счастливо!

Разсыльный небрежно ткнулъ пальцемъ въ козырекъ и вышелъ.

— Ахъ! Люди все какъ люди, одинъ онъ— ни Богу свѣчка, ни бѣсу кочерга! заныла Настасья.

— Теперича пошла ѣсть!.. огрызнулся Павелъ на мать.

— Бить тебя надо, би-ить... Снять тяжъ съ оглобли да весь объ тебя истрепать... Вотъ постой, язва, пожалуюсь я на тебя старшинѣ Корнею Гаврилычу... Онъ те впоретъ!

— Пожалуйся!.. Давно пора!

Нащупавъ въ карманѣ огрызокъ карандаша и только что полученную изъ волости повѣстку, Павелъ ушелъ въ сѣнную закуту.

Вся семья Обуховыхъ состояла изъ трехъ человѣкъ: его, Павла, матери, старухи Настасьи, и сестры, дѣвки Аксютки, страшно глупой, бойкой и также страшно безобразной. Павлу шелъ двадцать шестой годъ, но онъ все еще былъ холостымъ, за что его по деревнѣ звали просто „Панька Переходникъ“. Его холостая жизнь почему-то была всѣмъ не по нутру,—въ

ней видѣли что-то нехорошее, унизительное. Старуха-мать день и ночь „долбила ему въ голову“, приставая къ нему съ женитьбой; однако на всѣ ея приставанья Павелъ отвѣчалъ уклончиво:

— Ну, заладила пѣсню!

— Дуракъ этакой! вразумляла старуха.— Ты хорошее-то время не упущай. Просрочишь— не воротишь. За переходника и дѣвки не пойдутъ замужъ...

— Много ихъ,—можетъ, найдутся... смѣялся Павелъ.—Глядишь, какая ни то косушка али рябушка и на меня польстится!

— Дуракъ, такъ дуракъ и есть! плевалась старуха:—ему добра, а онъ на смѣхъ...

— Хорошо добро... Попотчевала! ехидно ухмылялся сынъ.

— И сроду ты такой язва! наконецъ не выдерживала Настасья, раздражаясь бранью.— Губитель ты нашъ... Нѣтъ въ тебѣ добра-путинушки... Буйманъ! язва!

— И парнишкой такимъ былъ! жаловалась старуха сосѣдямъ:—хоть колъ ему бывало на головѣ теши, — онъ все свое. Не дашь, чего захочетъ, онъ во всее вселенную раздеретъ... А то упрется—и ничѣмъ его съ мѣста не сопрешь... Абысъ, сроду абысъ... Такъ и остался абысомъ!..

Когда Павлу было не больше десяти лѣтъ,— въ то время былъ еще живъ отецъ, Андрей Потапычъ, хилый, болѣзненный мужикъ,—его отдали въ ученье къ шорнику. Не прошло и недѣли, какъ мальчуганъ сбѣжалъ отъ него домой.

— Ты зачѣмъ ушелъ? спросилъ его отецъ.

— Онъ дерется! Все за волосы рветъ!

— Мало тебя, паскудника... Я еще прибавлю...

Мальчика жестоко избили, но все-таки итти къ шорнику онъ отказался наотрѣзъ.

— Не пойду! Онъ за волосья деретъ!

Потомъ Павла отдали къ сапожнику, но и здѣсь вышла та же исторія; потомъ свели къ портному. Отъ портного мальчикъ сбѣжалъ недѣли черезъ двѣ, въ то время, когда они ходили по деревнямъ въ поискахъ работы. На этотъ разъ Павелъ побоялся итти прямо домой и долго кормился милостыней, сказываясь прохожимъ. Его нашли только черезъ мѣсяцъ верстъ за шестьдесятъ отъ родной деревни.

— Пропалъ ты, Пашка, говорилъ съ сокрушеніемъ хворый Андрей Потапычъ:—не помощникъ намъ, не помощникъ!

Парнемъ лѣтъ съ девятнадцати Павелъ ходилъ на сторону, въ дворники, и эта „ходьба“ была какимъ-то мытарствомъ, вѣчнымъ скитаньемъ отъ одного хозяина къ другому, или, какъ жаловался потомъ самъ Павелъ, „отъ жулья къ жулью“.

Благодаря этому „шатанью“, домашніе его сидѣли по цѣлымъ мѣсяцамъ безъ гроша, а самъ онъ нерѣдко голодалъ, не имѣя въ карманѣ пятачка „на постоялый“.

Поступивъ къ кому-нибудь въ услуженіе, Павелъ держалъ себя крайне странно. Вмѣсто того, чтобы спокойно дѣлать свое дѣло, онъ начиналъ разузнавать, докапываться, кто такой его хозяинъ по происхожденію, откуда онъ родомъ и кто были его дѣдушка, бабушка, кто у него „теперича сродственники“ и нѣтъ ли въ этомъ народѣ какой-нибудь „фальши“. Отыскавъ въ хозяевахъ „фальшь“, Павелъ сразу измѣнялъ свои отношенія къ нимъ, грубилъ, отвѣчалъ на вопросы двусмысленно, намекая, закидывая „волчка“ о томъ, что „людей на свѣтѣ многое множество, и всѣ они живутъ разно: хорошо и плохо, и плохо живетъ большая часть“. Съ посторонними онъ просто бранилъ и „костилъ“ на всѣ корки подлецовъ-хозяевъ.

— Говорилъ онъ съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ:

Мое нутро не вынесетъ этой подлятины!

Разговоры скоро доходили до хозяевъ, и ему, разумѣется, отказывали отъ мѣста.

Находились, конечно, и менѣе взыскательные люди, которые „приживались“ къ ругани „дворника-чудачины“, терпя его присутствіе у себя; но эти еще больше раздражали Павла.

— Ты имъ хоть въ рожу наплюй... и ничего. Вотъ олухи-то!..

Иногда онъ положительно не выносилъ житья у „такихъ безстыжихъ“, и въ одно прекрасное утро являлся за расчетомъ.

— Что такое? дивился хозяинъ.—Недѣлю послужилъ да расчетъ... Почему?

— А это ужъ мое дѣло!.. говорилъ уклончиво Обуховъ.

— Можетъ быть, харчами недоволенъ?

— Нѣтъ!.. отчего! кобянился Павелъ.— Не въ харчахъ толкъ... Харчи харчами, а человѣкъ человѣкомъ. Вѣрно ли я говорю? прибавлялъ онъ съ усмѣшкой.

— Разумѣется... пожималъ плечами хозяинъ.

— Видишь... все само собою выходитъ на свѣтѣ-то.

— А чудакъ ты, однако...

— Чудакъ, такъ и расчетъ пожалуй.

— Съ Богомъ!.. Насильно никого не привяжешь.

Расчитавшись, Павелъ заходилъ проститься съ прочей прислугой. Въ это время онъ имѣлъ видъ человѣка, свалившаго съ плечъ огромную гору.

— Отмаялся... Ухожу!.. радостно сообщалъ онъ.

— И слава Богу! Куда теперича?

— Добрыхъ людей много... найду мѣсто!

На уходѣ онъ наказывалъ кухаркѣ или горничной:

— Поберегайся хозяина-то... Жуликоватъ мужикъ-то... Такой хлынъ,—не приведи Господи!

Когда померъ отецъ, Павелъ остался дома и сталъ „хозяйствовать“. Однако, никакой охоты къ хозяйству у него не было и даже, напротивъ, онъ тяготился имъ, махнувъ на него заранѣе рукой и рѣшивъ навсегда, что „изъ пустого выйдетъ одно порожнее“, а тѣмъ болѣе, „когда кругомъ мошенничество и подлятина“.

Мужики взглянули на Павла по-своему и сразу опредѣлили его какъ „неумѣху“, которому въ крестьянствѣ придется столкнуться со „всякой всячиной“. Подати „справлялъ“ Павелъ съ грѣхомъ пополамъ, а на замѣчаніе старосты и общества по поводу того, что „съ оброкомъ слѣдовало бы поторапливаться“, отвѣчалъ препирательствомъ, говоря, что за всѣми угоняться нельзя, потому что въ обществѣ есть немало „всякихъ людей“, которымъ „копѣйка легка“,—„надъ ней они горбъ не гнули, а вынули изъ чужого кармана“.

— Дуракъ!.. ругался староста.— Съ тебя подати требуютъ—ты и плати. А кто хорошъ, кто дуренъ—не твое дѣло.

— Дѣло и не мое, а правду скажешь.. нутренность не терпитъ!

Хозяйство Павла шло изъ рукъ вонъ плохо. Онъ не проявлялъ къ нему ни малѣйшаго рвенія; съ самымъ тупымъ равнодушіемъ, почти доходящимъ до апатіи, кое-какъ „тянулъ канитель“: жалъ, молотилъ, не задумываясь ни надъ какой мало-мальски серьезной работой,— все валилъ на одинъ ладъ, зря, черезъ пень-колоду.

— Все равно толку не будетъ!

Онъ не впору, не во-время сѣялъ, отчего сидѣлъ почти каждый годъ безъ хлѣба, не вовремя косилъ, и у него часто травили покосъ скотиной. Лежа на солнышкѣ по цѣлымъ днямъ, онъ или выражалъ свое недовольство первому встрѣчному, громя „мошенниковъ-міроѣдовъ“, или же выводилъ на грязномъ лоскуткѣ бумаги „цифири“, тогда какъ сосѣди, пользуясь ведромъ, торопились поскорѣе убрать хлѣбъ.

— Обуховъ, ты чего лежишь? спрашивали его мимоходомъ односельцы.

— А чего дѣлать-то?

— Голова дурья! сѣять!

— Сѣйте, а я подожду...

— Дождись ненастья!

— Что жъ, пущай! Лучше Богъ возьметъ, чѣмъ Маркъ Осиповъ...

Павелъ былъ недоволенъ до мозга костей. Онъ считалъ „жуликомъ, воромъ, кровопійцей“ всякаго, кто хоть чуть-чуть выползъ на Божій свѣтъ изъ вѣчной грязи и нищеты и сталъ „наживаться отъ лохмотниковъ“.

— Полѣзъ въ гору, обжора! сопѣлъ про такихъ Обуховъ.—Теперь какъ клопъ раздуется!.. Манка чужая кровь...

На сходкахъ, когда поднимался обычный, неизбѣжный на сходкахъ шумъ и препирательство, когда „воротилы“ силились перевернуть по-своему расходившуюся голь, негодующую и протестующую,— Павелъ стоялъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ и иронически улыбался, хотя зубы его стучали, выбивая дробь, а кулаки были сжаты...

— Облапили міръ-то, глоты! слышался вдругъ во время минутнаго затишья его желчный, дрожавшій голосъ.—Чужимъ потомъ упиваетесь.

На Павла смотрѣли враждебно всѣ мало-мальски „жилые“ мужики, если это не была перекатная голь. Голь, въ свою очередь, подшучивала и зубоскалила насчетъ Павла, и только одинъ Митричъ снисходительно „толковалъ“ съ нимъ и меньше другихъ перечилъ ему, когда онъ костилъ „кровопивную сволочь“. Старикъ давно привыкъ къ его злостнымъ нападкамъ и многое не ставилъ ему въ вину,— и Павелъ, казалось, отлично понималъ это: онъ, въ свою очередь, не слишкомъ разражался, когда у нихъ дѣло доходило до спора.

— Порядки! желчно говорилъ Павелъ иной разъ Митричу.—И какіе у насъ въ обчествѣ порядки... Кто съ кого смогъ, тотъ того и въ лобъ... Погляди ты, какъ поле верстаютъ, али покосъ дѣлятъ, али лѣсъ... А! За это ихъ, глотовъ, на горькую осину... Ей-Богу! Наберутся въ осьмаки многодушники, глоты, похватаютъ хорошую землю, а гольтепѣ шишъ...

— Жеребій! Панька, жеребій!.. перебиваетъ его Митричъ.—Все по жеребью дѣлается!

— Жеребій!.. дразнилъ Обуховъ. — Поди, свороти ихъ со старыхъ-то полосъ, они тебѣ рыло размозжатъ!.. Кто жеребій-то кидаетъ? Свой братъ, осьмашникъ... А ты поди, сунься къ нимъ! поди-ка!

— Жеребій—святое дѣло! не сдавался Митричъ.—Кажиный осьмакъ такъ!..

— Небось, Маркъ Осиповъ съ тобой въ осьмакѣ не сядетъ... Ему подавай Ходулина!

— Народъ богатый, извѣстно... Пословица говорится: „Свинья со свиньей и чухайся“...

— Плевать тебѣ и на пословицу-то! выходилъ изъ себя Павелъ:—пословицы ѣсть не будешь...

— Не нами, стариками сказано...

— Навѣсили намъ старики-то обузу!..

— Дуракъ!.. говорилъ Митричъ.—Голова-шабала!

— Я дуракъ, а вы умны! Взяли бы да завели порядокъ хорошій... А ты погляди, что у насъ дѣлается... Скажемъ, лѣсъ дѣлятъ... Намѣтятъ „курлинь“, размежуются полосами; артель Марка Осипова въ одну сторону, Ходулинъ въ другую, гольтепу, однодушниковъ, особо... Нѣшто это правило?.. А станутъ жеребьевать... Десять деревъ—соснякъ въ обхватъ, по пятишнѣ штука, а двадцать имъ взамѣнъ по грошу... Ну, жеребій бросятъ!.. Достался мнѣ хорошій кряжъ — плутня, подмѣнилъ жеребій: достался Корнею Гаврилову—правильно... А не достался Корнею—сичасъ наново, сызнова жеребьевка... Замѣть, Митричъ, Корней да Маркъ Осиповъ всегда съ лѣсомъ, а мы съ тобой все съ козьими ножками.—Что за чортова штука? А вѣдь жеребій!

— Зря, Павлушка... Только такъ думается тебѣ... Млѣніе одно!

— Не зря!

— Да намъ съ тобой и не болѣ другихъ надо... Пущай плутуютъ! говорилъ Митричъ успокоительно.—Насъ они обманутъ, а Бога-то не обманутъ... Все Онъ видитъ!..

— Видитъ-то, видитъ, а намъ ихъ не слѣдъ покрывать... „Плутуй, Маркъ Осипычъ, а я знать ничего не знаю“... Эхъ, вы! У меня нутро этого не вынесетъ!..

— Плюнь!.. отмахивался старикъ.

Зимой по вечерамъ, когда Настасья съ Аксюткой, напрявшись досыта, укладывались спать, Павелъ доставалъ изъ сундучка старые, закопченые счеты и ворохъ бумажныхъ лоскутковъ, исписанныхъ крупными каракулями. Онъ придвигалъ къ себѣ поближе лампочку и приступалъ къ сложнымъ выкладкамъ. Выкладки, очевидно, давались ему нелегко; надъ каждой цифрой онъ долго ломалъ голову, затрудняясь опредѣлить: такъ ли, вѣрно ли онъ понялъ свои собственныя каракули. За этой сложной, головоломной работой онъ просиживалъ долгіе часы, нерѣдко до позднихъ пѣтуховъ.

Куча бумажекъ, самая, что называется, разношерстная, устилала весь столъ. Тутъ были и осьмушки измятой бѣлой бумаги, и листы какого-то стараго романа, Богъ вѣсть какъ занесеннаго въ домъ, исписанные поперекъ текста, и просто красные, желтые, зеленые лоскутки чайной обертки. Однако, несмотря на эту разношерстность, въ кучѣ хранился свой порядокъ.

Однѣ бумажки были сплошь исписаны „цифирью“, на другихъ были только заголовки особыхъ „статей“, которыя должны заполниться потомъ, въ будущемъ,—третьи, на половину заполненныя цифрами, на половину разными поясненіями.

На лоскуткѣ изъ-подъ махорки значилась такая запись: „По мелошной лавке Михия Григоръева“. Дальше шло: „Масло горькое, тухлое, селедка гнилая, а кирасинъ по читыри копѣйки и въ емъ видитца вода... Кругомъ плутня“...

На оборотѣ бумажки было рѣшеніе самой трудной задачи: Сколько „Михій Григоръевъ“ „выпьетъ чужого поту“, если онъ будетъ въ бочку съ керосиномъ въ пять пудовъ лить, положимъ, только по ковшу-баннику воды въ одинъ мѣсяцъ. Въ тридцать лѣтъ,—а тридцать лѣтъ Михій Григорьевъ проживетъ вполнѣ „слободно“,—онъ мужикъ — дубъ,— получится колоссальная цифра. „Плутни“ на одномъ только керосинѣ... А масло постное? А деготь? А солодъ? А селедки? А сколько это будетъ лишнихъ копѣекъ, если не только самъ Михій Григорьевъ, а и его сынъ Максимка, и его внукъ Петрушка будутъ „заправскими торговцами“? Нѣчто невѣроятное, „тьма-тьмущая“, которой не въ состояніи обнять воображеніе Павла.

Затѣмъ въ отдѣльной связкѣ были бумажки „по волостному управленью и сельскимъ сходамъ“. „Въ учетѣ Корней Гавриловъ съжульничалъ и маляру Кузьмѣ не додалъ рупь съ четвертакомъ“, „Архипа забраковалъ по плотнишной части. Слышь, камерцію съ имъ не заводитъ“...

— Я бы учелъ Корнея Гаврилова! шепталъ онъ тихо, разбирая лоскутки.—Я учё-ёлъ бы...

Были бумажки, на которыхъ крупно было написано: „жулики—Павелъ Обуховъ“, „мошенники—Павелъ Обуховъ“, и такъ далѣе.

За выкладками Павелъ не замѣчалъ, какъ бѣжало время.

— Дрыхни, язва! ворчала впросонкахъ Настасья.—Чего ты свѣтъ-то тратишь!

И не разъ старуха задувала лампочку, оставляя Павла впотьмахъ съ разложенными по столу бумажками.

— Путай больше, путаникъ... Али мало сажаютъ язвителя! бранилась она, забираясь опять на печку.—Погоди, проказа, сгноятъ тебя въ острогѣ...

Ядовитыя насмѣшки и выходки противъ „утѣснителей и кровопивцевъ“, дѣйствительно, не всегда сходили Павлу съ рукъ. Его то и дѣло таскали въ волость по судамъ; но и въ судѣ онъ держалъ себя не какъ виноватый, не какъ подсудимый, а какъ человѣкъ, которому ничего „не страшно“. Онъ такъ же, какъ и въ обычное время, язвительно усмѣхался, говорилъ намеками, не досказывалъ то, что, по его мнѣнію, „всѣмъ извѣстно“, а потому нечего на него „указывать“.

— Эхъ, свинья, свинья! Хоть бы ты мать-то, старуху, пожалѣлъ! журилъ его предсѣдатель волостного суда и старшина Корней Гаврилычъ.— Она тебя, подлеца, сиротой поднимала, кузовкомъ кормила... А сестра-то! Вѣдь черезъ тебя и ее не берутъ замужъ! Скотина безчувственная!

Съ тѣхъ поръ, какъ Павлу прочитали первую „высидку“, ему уже ни разу не прощали и не давали поблажки.

И мужики привыкли видѣть его то и дѣло въ арестантской, и когда его не было, всѣмъ въ волости дѣлалось какъ будто скучновато.

— Обухова нѣтъ нынѣ весь мѣсяцъ... Ужъ не медвѣдь ли гдѣ околѣлъ!

— Долго его нѣтъ!

А въ то время, когда онъ сидѣлъ, къ нему въ чуланчикъ при арестантской заглядывали любопытные.

— А! Обуховъ!.. Сколько лѣтъ, сколько зимъ!.. Явился!

— А вамъ что? какая корысть отъ этого? слышался грубый отвѣтъ изъ чуланчика.

— Такъ!

— А такъ, такъ проваливай къ лѣшимъ!

— За что сидишь?

— За правду!

— Всегда за правду! Хороша,видно,правда-то больно!..

— Вотъ и хороша!

Разъ, возвратившись домой послѣ одного недѣльнаго ареста, Павелъ нашелъ свой сундучокъ съ отбитой крышкой. Онъ стоялъ у порога и въ немъ торчалъ грязный, мокрый вѣникъ.

— А бумаги гдѣ? спросилъ онъ у матери.

— Водяной [illegible]!.. Въ печкѣ! сердито крикнула стар[illegible] Настасья.—Путаешь на свою башку, язв[illegible]!

— Т[illegible]е не тронь!.. Всегда говорю! угрюмо пробо[illegible]талъ Павелъ.—Не тобой положено, не то[illegible] и возьмется...

Старуха накинулась на него съ бранью:

— Змѣй!. Мучитель!.. Язва ты поганая!..

Павелъ ушелъ и весь день пролежалъ въ сѣнной закутѣ.

Съ тѣхъ поръ онъ пряталъ написанное, какъ воръ, въ сѣно.

Однажды утромъ онъ пошелъ на рѣчку за водой. Спустившись къ мельницѣ, Павелъ встрѣтилъ толпу мужиковъ, которые что-то сильно кричали, не слушая и перебивая другъ друга. У плотины стоялъ мельникъ Мироновъ и въ чемъ-то горячо убѣждалъ мужиковъ.

— Прибавь гривенникъ! кричали въ толпѣ.—Чай, не разоришься!

— Надбавь! Надбавь!

— Будетъ, ребятушки! уговаривалъ ихъ мельникъ.—А вы того... принимайтесь съ Богомъ за дѣло!

— Не пожалѣй хоть пятака, Маркъ Осипычъ! Кабы не нужда—и просить не стали бы!

— Полноте, братцы!

— День вѣдь!

— Какой день!.. Замѣсто гулянки... Не палкой васъ погоняютъ... Три гривенника—красная цѣна!

— Подѣлай!.. крикнулъ кто-то.

— Три—такъ три! выступилъ впередъ высокій мужикъ.—Все лучше, чѣмъ пустое мѣсто!

— Не лѣзь, Данила! Маркъ Осипычъ! самъ разсуди: одного хлѣба на четвертакъ съѣшь!

— Чай, не корова... засмѣялся Мироновъ.

— Пусти, не задерживай! кричалъ Данила на низенькаго, рябого парня.—Дни-то—эна... Обѣдать пора! Айда, Митричъ!

Данила полѣзъ на плотину, за нимъ Митричъ и еще какой-то тощій, какъ палка, мужичонка.

— Ничего не подѣлаешь! сказалъ онъ.—Ѣсть надо... Хоть на соль!..

— Не соля поѣшь! сострилъ кто-то.—Больно солозобистъ!..

— Не даромъ тебя съ соли-то скрючило!

— Дураки!.. выругался сухой мужикъ.

Толпа присмирѣла; нѣкоторые пробовали протестовать, но въ голосахъ слышалась рознь и податливость.

— Народы!.. Чего околачиваться-то? кричалъ Данила.—Берись за дѣло!.. А то ничего не получишь!.. И такъ утретесь!

Многіе полѣзли въ воду, на плотину, другіе крестились и брались за лопаты и за заступы.

— Стой, братцы!

Къ мужикамъ подбѣжалъ Павелъ.

— Эй ты, борода клиномъ! Данилка! бросай работу!

— Пошелъ подуды! огрызнулся мужикъ.

— Говорю, бросай!

— Не лѣзь!

Завязалась борьба. Павелъ выхватилъ у Данилки лопату и спихнулъ его съ плотины.

— Кому прибавки надо? Говори, народъ! обернулся онъ къ мужикамъ.

— Всѣмъ надо! загудѣла толпа.

— Ты чего тутъ юлишь, сука? подошелъ къ Обухову Мироновъ.—Тебя кто звалъ-то?

— Я самъ пришелъ!

— Шельма!

— Отъ шельмы слышу!

Мельникъ толкнулъ его въ грудь, но Павелъ не только не попятился, а въ свою очередь наступалъ на него.

— Ты не толкайся, грабитель! У самихъ кулаки есть!

— Православные! будьте свидѣтели! завопилъ Мироновъ трусливо.—Онъ убьетъ меня.

Притихшая за минуту до того толпа заревѣла:

— На кой чортъ!.. Не хотимъ три гривенника!

— Заткни ими хайло!

— Это зарѣзъ!

— Требуй, братцы, полтину! громко крикнулъ Павелъ.

— Полтину! полтину!.. подхватила толпа.—Подавай по полтинѣ на брата!

— Будьте свидѣтели, ребята!.. Онъ меня обидѣлъ... Я жаловаться буду... Меня грабятъ! какъ-то жалко выкрикивалъ Мироновъ.

— Пошелъ къ чорту!

— Бѣдный крюкъ, чай!

За голосами многихъ десятковъ, ревѣвшихъ каждый свое, его крикъ терялся и тонулъ въ общемъ гвалтѣ.

Павелъ стоялъ, повернувшись лицомъ къ бушевавшимъ мужикамъ, съ разгорѣвшимися щеками, выпятивъ впередъ грудь и лихо заломивъ картузъ на самый затылокъ. Казалось, онъ выросъ за одну минуту и былъ выше своего роста...

— Полтину!.. Полтину!.. слышалось кругомъ.—Знать не хотимъ ничего!

— А я согласенъ и такъ... Пусти, Панька!..

Данила опять полѣзъ было на плотину, но Обуховъ однимъ ударомъ кулака снялъ его оттуда.

— Къ чорту, прихвостень! Не сбивай цѣну!

— Къ лѣшему Данилу!

— Павелъ, сказывай! говори за всѣхъ! гудѣло нѣсколько десятковъ голосовъ.

— Согласенъ на полтину,—будутъ работать... заговорилъ Обуховъ съ мельникомъ.—А не дашь—сичасъ всѣ разойдемся.

— Вотъ тебѣ, собака!.. выругался мельникъ, угрожая заступомъ.—Ты народъ мутишь!

— Молчи, выжига!

— Возмутитель! Песъ!..

— Кровопійца!..

Мельникъ скрылся за воротами, крикнувъ не своимъ голосомъ:

— Я тебѣ доставлю, епутатъ... Будешь у меня помнить, стерва!

Народъ сразу утихъ. Теперь слышались только отдѣльные голоса:

— Ушелъ!..

— И того не дастъ!..

— За карахтеръ откажетъ! горячился желтобородый толстый мужикъ.

— Стой, братцы! сдерживалъ Павелъ.—Не порти дѣло, не сдавайся!.. Дастъ! Ему безъ насъ никакъ нельзя!

Скоро, на самомъ дѣлѣ, мельникъ выслалъ работника объявить поденную цѣну по полтинѣ, только бы народъ поскорѣе приступалъ къ починкѣ плотины, которую смывало водой.

— Вотъ и взяли свое! Настояли!

Обуховъ махалъ въ воздухѣ картузомъ.

Черезъ полчаса работа на плотинѣ кипѣла...

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого случая въ Бабино пріѣхалъ становой.

Обуховъ пахалъ въ полѣ, когда за нимъ прислали десятника.

— Тебя баринъ требуетъ!

— Какой баринъ?.. недовольно сказалъ Павелъ.—Недосугъ мнѣ!

— Ступай—велѣно... Становой пріѣхалъ!

Изба старосты была биткомъ набита народомъ; мужики стояли молча, хмурые и съ недоумѣніемъ переглядывались, не понимая, чего добивается становой отъ старика Митрича, выспрашивая его про Обухова.

По одну сторону стола, за которымъ сидѣлъ становой, стоялъ, вытянувъ руки по швамъ, староста съ бляхой на груди, по другую урядникъ и двое сотскихъ съ такими же мѣдными бляхами.

— Ничего не знаю, батюшка, ваше благородіе: бунтилъ онъ, али нѣтъ! бормоталъ перепуганный Митричъ. — Я человѣкъ старый, батюшка... Мнѣ ужъ ни до чего!..

— А бранилъ онъ кого-нибудь? Ты не слыхалъ?

— Дѣло житейское... Коли, бываетъ, и побранивался...

— Кого же онъ бранилъ?

— Нашихъ, бабинскихъ!

— Кого же это вашихъ? Напримѣръ, бранилъ онъ тебя?

— Этого не скажу,—не знаю... А бываетъ, въ шутку и меня дуракомъ старымъ называлъ.

— Ну, такъ кого же онъ бранилъ?

Митричъ замялся.

— Ослобоните, ваше благородіе,—не знаю я ничего... Какъ передъ Истиннымъ Христомъ...

— Ты, старина, не путай! строго оборвалъ его становой.—А не то я велю тебя захватить въ станъ!

Митричъ растерялся окончательно. Онъ трясся и бормоталъ безсознательно:

— Не взыщите, ваше... благо...родіе!.. Изъ ума выжилъ..

— Обуховъ идетъ! пробѣжалъ въ народѣ тревожный шепотъ.

Къ столу протискался Павелъ. Онъ рѣзко, не глядя на становаго, спросилъ:

— Требовали меня?

Становой строго сдвинулъ брови.

— А ты чего смѣеш..? крикнулъ онъ на Павла, по губамъ котораго ..льзнула привычная улыбка.

— И не думалъ!.. спокойн.. возразилъ Обуховъ.

— Тебѣ нужно плакать, а не смѣ..ся, мерзавцу!

— Прикажете—и поплачемъ! также спокойно продолжалъ Павелъ.—У насъ и на это хватитъ сноровки... Ежели...

— Не разуждать!.. оборвалъ его становой.

Павелъ быстро захлопалъ глазами, въ которыхъ блеснулъ на минуту недобрый огонекъ.

— Крестьянинъ деревни Бабиной, Ольховской волости, Павелъ Андреевъ Обуховъ, вы обвиняетесь въ томъ, что двадцатаго мая нынѣшняго года, собравши шайку единомышленниковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, произвели возмущеніе...

— Никакого возмущенія я не производилъ! перебилъ становаго Павелъ.—Мало ли чего навретъ вамъ Мироновъ-то!

—... Произвели возмущеніе, продолжалъ становой,—и были этой шайкой посягателей на чужую собственность выбраны депутатомъ.

— Какимъ епутатомъ? Ничего я не знаю! И народъ спросите,—тоже скажетъ!

— Павелъ Андреевъ, признаете ли вы свое участіе въ возмущеніи, а также въ совершеніи насилія надъ мѣстнымъ крестьяниномъ деревни Бабиной, Маркомъ Осиповымъ Мироновымъ?

— Я и говорю: наврётъ вамъ Мироновъ-то... быстро заговорилъ Павелъ.—Мало онъ народъ прижимаетъ?.. Вамъ бы съѣхать къ намъ да пожить съ такимъ аредомъ! Узнали бы...

— Я тебя не объ этомъ спрашиваю! оборвалъ его становой.—Ты отвѣчай на вопросы...

— Спрашивай! грубо крикнулъ Павелъ.—Я всегда за себя отвѣчу.

— Признаетели вы себя виновнымъ въ возмущеніи? заученнымъ тономъ допрашивалъ становой.

— Никакъ нѣтъ!

— Учиняли ли вы насиліе надъ крестьяниномъ Маркомъ Осиповымъ Мироновымъ?

— Не причинялъ!

— И депутатомъ во время возмущенія не состояли?

— Не состоялъ! спокойно заявилъ Павелъ.

— Врешь, не отопрешься! послышался изъ толпы голосъ Миронова.—Братцы, пристыдите его, хвастуна!

— Былъ... Это вѣрно! пропищалъ чей-то тоненькій бабій голосокъ.

Остальные хранили упорное молчаніе; только сзади пробѣжалъ тревожный шопотъ:

— Въ свидѣтели приглашаетъ Марко...

— Ну его къ лѣшему!..

— Все правда, ваше благородіе! выступилъ впередъ Мироновъ.—Какъ въ прошеньи было обозначено... Я и свидѣтелей выставлю...

Павелъ задыхался; глаза у него стали злые и быстро забѣгали; въ груди сдавило.

— Ты, заворуй, не моги честныхъ людей марать! вдругъ выпалилъ онъ, сжимая кулаки.—Обироха! Міроѣдъ!

— Слышите, ваше благородіе!.. пробормоталъ растерявшійся Мироновъ.

— Сотскіе, взять Обухова! распорядился становой приставъ.

— Не за что! Я ничего не укралъ! кричалъ Павелъ.—Я не воръ!.. и по міру никого не пустилъ!

Но его уже не слушали. Мужики выводили на улицу.

— Не ори! Чего глотку пялишь? прикрикнулъ на Павла одинъ изъ сотскихъ.

— Доставить ко мнѣ въ станъ! на ходу распорядился становой и уѣхалъ въ сопровожденіи урядника.

Слѣдомъ за нимъ двинулись и сотскіе.

— Я ничего не укралъ!.. Мироновъ воръ!.. А вы, братцы, воровъ покрываете!..

— Иди, иди съ Богомъ! Никто не покрываетъ... сказалъ Данила.—Ты хорошъ ли? Достукался!..

Павла увели.

— За что его?.. тревожно заговорили въ толпѣ.

— За епутата! Не говори, чего не слѣдоваетъ! замѣтилъ глубокомысленно Данила.—За это, братъ, не больно хвалятъ...

— Зря говоришь! мрачно сказалъ рябой ткачъ Герасимко.—Онъ васъ вызволилъ, а вы его въ яму ввалили.

— Кто его ввалилъ! послышалось нѣсколько голосовъ.—Мы ничего не знаемъ...

— По-моему, ни за что... слабо поддержалъ ткача молодой бѣлобрысый парень съ большими, умными глазами. Что-нибудь перепутали...

— Кого винишь-то?.. Не будь епутатомъ!.. бормоталъ Данила.—Дѣло видное!

— Помолчи хошь малость! оборвалъ его Герасимко. Ничего не смышлишь, а говоришь!..

— Смыслю я съ твое-то.

— То-то смыслю...

— А ты чего встрялъ? накинулся на ткача старикъ Кондратій.—Што ты стоишь за Панькуто больно?

— Человѣка зря впутали... Надо бы заступиться всѣмъ обчествомъ... сказалъ Герасимко, отходя въ сторону.

— Кто въ грѣхѣ, тотъ и въ отвѣтѣ!

— Полтинники умѣли брать!

— Вѣрно! поддержалъ бѣлобрысый парень.— Грѣхъ вамъ, братцы...

— Народъ бунтить не велѣно! проворчалъ Кондратій.—Больно вы умны стали, фабришные-то!

— Православные, а я тутотко при чемъ? заговорилъ Митричъ.—Я человѣкъ старый...

— Нагоритъ тебѣ, старому-то! самодовольно улыбнулся Данила.

— Я ничего не знаю, куда хошь меня требуй!

— А мы знаемъ? Больно намъ...

— Вызвольте, братцы!

— Просилъ бы станового-то!..

— Надѣлалъ съ Панькой-то дѣловъ, старый хрѣнъ! проворчалъ Кондратій.—Вотъ теперича и колупайся!

Мужики расходились. Нѣкоторые говорили громко; другіе шли угрюмые, съ недовольными лицами, сосредоточенные...

Всѣ уже разошлись, а Митричъ все еще стоялъ безъ шапки и бормоталъ:

— Пущай куда хошь требуютъ, а я всетаки ничего не знаю!..

П. Мунисовъ.

НА ЗЕМЛѢ.

Въ весенній ясный день, Матвѣй Нуринъ, сгорбленный, сѣдой мужикъ, и сынъ его Митька сидѣли въ полѣ возлѣ телѣги и обѣдали; они ѣли черствый ржаной хлѣбъ, прихлебывая мутную воду. Митька сидѣлъ въ шапкѣ, сдвинувъ ее на затылокъ; смуглое лицо его было сердито и недовольно; онъ съ ожесточеніемъ грызъ хлѣбъ и проглатывалъ его большими кусками. Матвѣй сидѣлъ безъ шапки; согнувшись надъ чашкой съ водой, онъ съ благоговѣніемъ подбиралъ крошки хлѣба, складывалъ ихъ въ ложку, размачивалъ водой и ѣлъ. Солнечные лучи припекали его плѣшивую голову.

— Ты, Митя, выбрось изъ головы эту блажь, право... сказалъ Матвѣй, проглотивъ размоченныя крохи и взглянулъ на сына слезящимися, больными глазами.

Митька отвернулъ лицо въ сторону, стараясь не смотрѣть въ глаза отцу; ему какъ будто было стыдно его слезящихся старческихъ глазъ.

— По-твоему блажь, а по-моему нѣтъ. Что у насъ за жизнь? Онъ ужъ, батюшка, всѣ щеки проѣлъ... указывая на черствый коровай хлѣба, сказалъ онъ.

— Терпѣть надо, Митя, и молить Бога. Вотъ напашемъ съ тобой, уродитъ Кормилецъ, и жить будемъ безъ нужды.

— Ты весь вѣкъ свой пахалъ, а много выпахалъ? На нашей клячѣ много не напашешь. До обѣда съ трудомъ дотянулъ, а до вечера врядъ и выходитъ. Назола одна... сказалъ Митька, бросивъ презрительный взглядъ на буланую лошаденку, стоявшую по другую сторону телѣги, возлѣ колоды, и лѣниво жевавшую мѣсиво.

Матвѣй вздохнулъ и молча продолжалъ ѣсть.

— За нами недоимки одной семьдесятъ рублей да долговъ больше сотни. Пахари тоже: хлѣбъ съѣмъ, а ѣдимъ чужой, въ долгъ беремъ. Да и давать-то намъ съ тобой въ долгъ перестали, — не платимъ, нечѣмъ. За недоимку по новому закону землю отберетъ общество. Тогда чего будемъ дѣлать? Чего будемъ пахать? А ужъ купить намъ не на что земли будетъ. Я въ городѣ не пропаду, найду мѣсто, — въ городахъ работы много и людей надо много. Работы тамъ дороже оплачиваются, чѣмъ въ селахъ. Въ Баку у меня есть два товарища, у Нобеля служатъ, и меня опредѣлятъ, — я знаю вѣрно. Мои товарищи какъ баре живутъ, а я нужду трясу и ты тоже. Рѣшилъ я перемѣнить свое житье!

сказалъ Митька и всталъ. Богу онъ молиться не сталъ за обѣдъ. Онъ часто говорилъ, что послѣ плохой ѣды не хочется и Богу молиться,—не за что.

Матвѣй посмотрѣлъ на него грустно и со скорбью подумалъ:

„Не молится Богу, безбожникъ сталъ парень, начитался книжекъ... Эхъ, народъ молодой!..“

— Будя, Митя, Бога-то гнѣвить. Въ городахъ не всѣ люди живутъ хорошо и богато,— кому счастье, а кому счастьице. О-охъ! вздохнулъ Матвѣй и вставъ, кряхтя, началъ съ усердіемъ молиться Богу, кланяясь въ землю.

Помолившись, Матвѣй подошелъ къ лошади и заглянулъ въ колоду. Подошелъ и Митька.

— Какъ баринъ ѣстъ, съ прокламацiей: чвакаетъ, чвакаетъ, а все голодный, только кормъ переводитъ напрасно, сказалъ онъ.

— Посыпать надо еще мѣсиво-то мучицей, сказалъ Матвѣй и, взявъ съ мукой ведро, горсти три высыпалъ на мѣсиво. Буланый торопливо началъ слизывать муку.

Митька облокотился на телѣгу и погрузился въ раздумье.

— Лемешъ-то поточилъ бы... сказалъ ему отецъ; но онъ не слыхалъ его словъ, думая тяжелую думу и разрѣшая тяжелый вопросъ: уйти ему или нѣтъ отъ старика-отца, отъ тяжелой крестьянской жизни, отъ суровой и немилосердной нужды, и гдѣ-нибудь въ городѣ найти жизнь лучшую, безъ нужды.

Смотря на сына, и Матвѣй съ грустью думалъ:

„Сдурился парень... Бѣда съ молодымъ народомъ, — нѣтъ у него терпѣнія: все ропщетъ. А кто виноватъ? Божья воля, — знать, того достойны, чтобы жить въ бѣдности“. И Матвѣй глубоко вздохнулъ.

Надъ ними въ ясной лазури рѣзво кружились жаворонки и безумолку, радостно щебетали. Всюду видно было обновленіе, возрожденіе въ радостной весенней жизни; молодая зеленая травка выбивалась на свѣтъ изъ земли и быстро росла, птички вили гнѣзда, солнышко, разсыпая теплые лучи, согрѣвало воздухъ и землю. Только нерадостно было въ душѣ у пахарей, отца и сына,—нужда стояла между ними и солнцемъ.

Жизнь Матвѣя была такова: трехъ лѣтъ онъ остался круглымъ сиротою; его пріютилъ изъ жалости сосѣдъ и кормилъ его до семи лѣтъ, а потомъ сталъ нанимать его въ подпаски, къ пастуху мірского стада коровъ. Мальчикъ онъ былъ послушный и шустрый, правилъ свое дѣло хорошо, замѣняя взрослаго; пастухъ имъ былъ всегда доволенъ.

Въ подпаскахъ Матвѣй былъ до семнадцати лѣтъ; къ этому времени старый пастухъ умеръ, общество довѣрило стадо Матвѣю, и онъ сталъ самостоятельнымъ пастухомъ. 20-ти лѣтъ онъ женился на молодой вдовѣ. Вдова жила своимъ домкомъ; было у ней двѣ лошади, одна корова, съ десятокъ овецъ; дѣтей было два мальчика. Матвѣй вошелъ къ ней во дворъ; пасти коровъ онъ бросилъ и занялся крестьянскимъ хозяйствомъ. Дѣла его пошли хорошо, хлѣбецъ у него родился, и зажилъ онъ безъ нужды въ согласіи съ женой.

Но лѣтомъ, въ страду умерла у него жена отъ родовъ. Надъ сиротами, ея сыновьями отъ перваго брака, родные поставили опекунство, признавъ за ними все имѣніе, а Матвѣя изъ дома выгнали и не дали ему ни синя пороха изъ всего хозяйства.

Погоревавъ, онъ нанялся въ работники къ богатому мужику и жилъ безсходно пять лѣтъ. Денегъ онъ зря не тратилъ и скопилъ сотни двѣ рублей, потомъ женился вторично на посѣдѣлой дѣвкѣ; купилъ свою избенку, купилъ лошадь и опять занялся хозяйствомъ. Вторая жена, хотя и дурна была на лицо, но баба была бережливая, хозяйственная; онъ съ ней прожилъ 20 лѣтъ; когда она умерла, у Матвѣя на рукахъ осталось пять сиротъ, три сына и двѣ дочери.

Обѣ дочери были уже на возрастѣ и помогали отцу по хозяйству.

Но въ дому для него чего-то не доставало, — не съ кѣмъ было слово по душамъ сказать, и онъ женился въ третій разъ на пожилой вдовѣ. Дочерей онъ выдалъ въ замужество, а какъ подросли два старшіе сына, онъ большака Ивана женилъ; но Иванъ скоро ушелъ отъ него, не поладивъ съ мачехой. Потомъ онъ женилъ второго сына Василія, смирнаго парня, и заранѣе радовался, что Василій съ Митькой подросткомъ будутъ работать въ полѣ и смѣнятъ его, старика. Но надежды Матвѣя не оправдались. У Василія баба была сварливая и непослушная; съ первыхъ же дней замужества она взялась съ свекровью-мачехой зубъ за зубъ, въ домѣ каждый день были ссоры и брань. Василій пробовалъ бить жену, чтобы научить ее разуму; но жена отъ побоевъ становилась злѣе и говорила мужу: „Хоть убей, а въ семьѣ я жить не хочу и не буду“. Она уговорила мужа уйти отъ отца, и Василій ушелъ. Матвѣй остался съ Митькой и всю свою надежду возложилъ на него.

„Вѣрно, Митя смѣнитъ меня на трудовой работѣ, — пошли ему, Господи, силы и здоровья, ума и разума!.. говорилъ онъ.

Митька былъ послушный и смиренный парень; почиталъ отца, помогалъ ему въ работѣ, почиталъ и уважалъ мачеху. Въ двухклассномъ училищѣ Митька выучился грамотѣ и, еще когда учился, пристрастился къ чтенію книгъ и въ досугъ читалъ все, что попадалось. Книги расширили его умственный кругозоръ, и онъ кое о чемъ разсуждалъ и часто правильно. Вообще ему хотѣлось переиначить крестьянскую жизнь, поставить бѣдняка, темнаго крестьянина, въ другія условія жизни. Митька вглядывался въ жизнь людей разныхъ сословій, ученыхъ и неученыхъ, и находилъ большую разницу, и объ этой разницѣ онъ думалъ всегда. Ему хотѣлось переиначить жизнь и въ своей семьѣ, но нужда разбивала всѣ его планы. Жили они съ отцомъ бѣдно, жили такой жизнью ни хозяйственнной, ни батрацкой, словомъ, самой тяжелой. Въ долгъ имъ никто не сталъ вѣрить, даже на полтинникъ, отъ того, что самъ Матвѣй былъ старъ, а Митька не женатъ еще. И Митька рѣшилъ бросить все крестьянское дѣло и уѣхать въ городъ.

— Митя, а Митя! лемешъ-то поточи! сказалъ еще громче Матвѣй и закашлялъ.

Буланка слизалъ мѣсиво и внимательно поглядывалъ своимъ одинокимъ глазомъ на Матвѣя, ожидая отъ него еще горстку муки.

Митька очнулся отъ думъ, взялъ напилокъ, подошелъ къ плугу, вывернулъ его изъ борозды и началъ быстро и ловко точить лемешъ.

Матвѣй откашлялся; морщинистое лицо его посинѣло, на глазахъ блистали слезы; онъ утеръ ихъ полой рваной бекешки.

„О-охъ!“ вздохнувъ, подумалъ онъ, „знать, не долго осталось жить. Хоть бы Богъ далъ самому женить Митю. Грудь такъ и давитъ, поясницу ломитъ, въ бокахъ словно колья вострыя торчатъ, руки болятъ, ноги болятъ“.

— Четыре дня пахали, а полдесятины не спахали, сказалъ Митька, наточивши лемешъ,

съ грустью смотря на свою полосу, съ напаханной узкой лентой въ срединѣ.

— Спашемъ, Богъ дастъ. Впрягать, мотри, надо: люди ужъ, гляди, впрягаютъ, сказалъ Матвѣй и, отвязавъ буланку, подвелъ его къ плугу и сталъ впрягать.

— Люди не пашутъ, не сѣютъ, да калачи ѣдятъ и нарядно ходятъ; а мы съ тобой гляди-ка чего носимъ?—лохмотья,—а ѣдимъ-то мы то, чего у богатаго мужика свиньи не ѣдятъ, сказалъ Митька, поворачивая буланаго къ краю борозды.

— Не тужи, сынокъ: вотъ напашемъ, Господь уродитъ, и мы заживемъ не плохо, сказалъ Матвѣй, стараясь утѣшить сына.

— Напашутъ люди, а не мы съ тобой, отвѣтилъ Митька, хлестнулъ буланаго кнутомъ и зашагалъ возлѣ плуга, понуривъ голову.

Матвѣй посмотрѣлъ ему вслѣдъ и подумалъ: „Хоть бы весну прожилъ, право! Не по душѣ ему мужицкое житье. Хоть бы Богъ далъ спахать да посѣять, а тамъ пусть, видно, идетъ, куда хочетъ, - можа, и найдетъ свое счастье гдѣ-нибудь на чужой сторонѣ".

Часа черезъ два Митька возвратился съ того конца на станъ; буланый шелъ тихо.

— Ну, поворачивайся! кричалъ Митька, поворачивая лошадь. Спотыкаясь, буланка повернулся по управленію Митьки и остановился.

— Насилу дотянулъ съ того конца: черезъ каждую сажень останавливался отдыхать.

Горько было слышать Матвѣю такія слова, и сердце у него заболѣло; но онъ крѣпился и сказалъ въ утѣшеніе:

— Не робѣй, Митя: какъ-нибудь спашемъ; вотъ бороздку проѣхали, отдохнетъ буланка, другую проѣдемъ; устанетъ если, то покормимъ. Какъ-нибудь... Ну-ка, погоняй!

Буланка рѣдко и тяжело дышалъ, стоя на одномъ мѣстѣ какъ вкопанный, прищуривъ глазъ; бока у него ввалились.

Митька натянулъ вожжи и поднялъ кнутъ, дѣлая имъ кругъ въ воздухѣ.

— Эй, ну! уснулъ... крикнулъ онъ и хлестнулъ лошадь по костлявой спинѣ. Буланка встрепенулся отъ неожиданнаго удара, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, махнулъ сердито хвостомъ и торопливо зашагалъ.

— Гляди, какъ бодро пошелъ! Не робѣй, Митя, — спашемъ полосу, есть чего будетъ ждать, заговорилъ радостно Матвѣй. Но радость его была на мгновенье. Буланка остановился и опустилъ низко голову, — видно было, что онъ напрягалъ послѣднія силы.

— Пусть отдохнетъ... глухо сказалъ Матвѣй и присѣлъ на землю. Присѣлъ и Митька неподалеку отъ отца. Оба они молчали, имъ обоимъ было грустно и тяжело. Кругомъ нихъ по полю шла дружная работа-пашня; лошади у сосѣдей, фыркая, бойко ходили бороздами; полосы пашни все дѣлались шире и шире, только ихъ полоска не прибавлялась. Завидно имъ было смотрѣть на людское счастье. Матвѣй поперхнулся и закашлялъ; кашлялъ долго и весь посинѣлъ съ натуги. Отдохнувъ немного, онъ сказалъ:

— Эхъ Митя, трудно жить въ чужихъ людяхъ,—надо все услужить, угодить; какъ разъ не угодилъ, то все твое старанье пропало. Нѣтъ, лучше жить хозяиномъ, работать свою работу, а не чужую. Стараться надо. Богъ милостивъ—можа, не пошлетъ ли урожаю.

Надежда все еще согрѣвала сердце стараго пахаря, и онъ думалъ все, что полосу они спашутъ, а Богъ урожаю пошлетъ, и нужда тогда ходи дальше. Съ этой надеждой онъ прожилъ много лѣтъ и все ждалъ годъ отъ году лучшей жизни, урожаевъ; но ни того, ни другого въ жизни не видѣлъ. Много разъ на вѣку онъ сидѣлъ въ холодной за неплатежъ податей. Каждый годъ въ началѣ зимы ставилъ вѣхи по проселочнымъ дорогамъ, и все за неплатежъ податей, и много не въ очередь отбывалъ натурою мірскихъ повинностей. Много процентовъ переплатилъ сельскимъ выручателямъ. Терпѣлъ холодъ и голодъ.

Митька съ жалостью взглянулъ на отца и заговорилъ возбужденно:

— Тятя! жизнь крестьянская для бѣдняковъ становится годъ отъ году тяжелѣе. Земля измучена да и мало ея, а подати растутъ съ каждымъ годомъ. Ты самъ говорилъ, что двадцать четыре года тому назадъ у тебя было земли на одну душу восемь десятинъ, а податей ты платилъ за нее всего четыре рубля въ годъ, — а теперь? Теперь у насъ съ тобой на двѣ души всего три десятины, податей же двадцать три рубля съ полтиной въ годъ. Какъ же жить-то? Какъ держать хозяйство? Я знаю и тебѣ вѣрю, что хозяиномъ жить хорошо; но какъ же быть хозяиномъ-то? Бьемся мы съ тобой какъ рыба объ ледъ, работаемъ, а толку нѣтъ, живемъ ни сыты, ни голодны. Отпусти меня,—мы уже не пахари! Голосъ Митьки дрогнулъ, онъ быстро всталъ.

Матвѣй на него взглянулъ строго и сказалъ:

— Успѣешь, погоди! Ну-ка, погоняй,—отдохнулъ, поди... и кряхтя поднялся на ноги.

Митька тронулъ вожжами; буланка навалился всей грудью и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился, безсильно вздохнувъ.

Матвѣй всплеснулъ руками, присѣлъ опять на землю и опустилъ низко голову; ему было тяжело, душа у него скорбѣла, сердце ныло. Надежда у него пропала, вылетѣла изъ души, имъ овладѣло отчаяніе.

— Пропала весна,—безъ посѣву остались. Эхъ, житье, житье! сказалъ онъ про себя и закашлялъ.

Митька съ болью въ сердцѣ смотрѣлъ на старика-отца, тяжело кашлявшаго.

Вдругъ раздался свистокъ парохода (они пахали недалеко отъ рѣки). Митька встрепенулся и чутко прислушался,—свистокъ протяжно гудѣлъ. Матвѣй кашлялъ.

— Прошла кормилица, слава Богу! Лишь бы до Астрахани добраться, а тамъ недалеко и до Баку! разсуждалъ Митька. Сердце у него забилось, но ему было грустно. Свистокъ затихъ, но черезъ нѣсколько минутъ загудѣлъ опять.

— Тятя, прос... прощ... заговорилъ было Митька взволнованно, но не могъ произнести слова.

Матвѣй поднялъ голову, взглянулъ на сына жалобно покраснѣвшими, слезящимися глазами и спросилъ сквозь кашель:

— Ты, чего?..

— Итти хочу,—чего же тутъ?..

— Куда? Што ты, самовольникъ!.. Спашемъ полосу, тогда иди...

Митька стоялъ понуривъ голову; сердце у него часто билось, тоска сжимала сердце. Но вотъ на лицѣ его явилась рѣшимость, и онъ заговорилъ тверже:

— Тятя, что ужъ тутъ! Грустно мнѣ кинуть тебя на бороздѣ съ приставшей лошадью, да дѣлать нечего. Мы не пахари... Пойду!.. Все равно, когда ни итти, а надо итти. Ты не серчай на меня. Я тебя не забуду и пришлю тебѣ денегъ, какъ только заработаю. Пахать ты брось и буланку продай. Онъ замолчалъ и взглянулъ внимательно кругомъ: на отца, на буланку, на поле, на свою полоску съ напаханной лентой въ срединѣ, и ему стало

жаль все покидать. Цѣлый рой печальныхъ думъ тѣснился въ его душѣ. Жалость къ отцу на мгновеніе заставила его раскаяться въ своемъ поступкѣ. Но мысль — побѣдить нужду, выбиться на другую дорогу жизни,— бодрила его, поднимала энергію, утверждала волю своимъ твердымъ, рѣшительнымъ шепотомъ: „Иди скорѣе, не раскаивайся, —хуже не будетъ!" И сила воли побѣдила жалость. Митька быстро подошелъ къ отцу, сидѣвшему молчаливо, со скорбью въ душѣ, быстро поклонился ему въ ноги, поцѣловалъ въ старческія губы, всталъ и быстро пошелъ отъ отца, сказавъ на ходу:

— Прощай!..

Матвѣй молча посмотрѣлъ ему вслѣдъ и горько заплакалъ.

Буланка стоялъ неподвижно, возлѣ борозды; запряженный въ плугъ, опустивъ низко голову, онъ будто думалъ горькую думу. А кругомъ шла торопливая работа-пашня; черныя полосы пашни дѣлались все шире и шире, только полоса Матвѣя не прибавлялась.

Онъ сидѣлъ сгорбившись возлѣ плуга; лицо его съ натуги посинѣло, глаза покраснѣли; онъ то съеживался комкомъ отъ кашля, то выпрямлялся, слабо вздрагивая. По временамъ онъ произносилъ отрывочныя слова:

— Троихъ вырастилъ и всѣ бросили... Митя, не по нутру тебѣ нужда, а отецъ привыкъ къ ней... Иди, все равно, Богъ съ тобой; я не гнѣваюсь, ты не виноватъ; гонитъ нужда, бѣдность... Жить тяжело...

Солнце плавно скрылось за синими горами; загорѣлась заря, окрасивъ небо багровой краской; но вотъ и она потухла и небо приняло темно-синій цвѣтъ; замерцали скромно звѣзды. Въ полѣ стало тихо, не слышно было ни пѣсенъ птицъ, ни крика пахарей. Буланка стоялъ возлѣ борозды какъ вкопанный и отдыхалъ. Старый пахарь неподвижно лежалъ, согнувшись комкомъ возлѣ плуга; передъ лицомъ его на землѣ была лужица крови, вылившейся изо рта. Умеръ онъ на вечерней зарѣ, подъ дружный и радостный щебетъ жаворонковъ. Умеръ отъ кашля, который душилъ его много лѣтъ: умеръ такъ, какъ умираютъ большинство бѣдняковъ-трудолюбцевъ, на ходу. Умирая онъ взялъ въ горсть земли и безсознательно крѣпко сжалъ ее за то, что она мало родила ему хлѣба, мучила его всю жизнь безпощадно, глотала его силу и надрывала душу.

Крестьянинъ *А. Куракинъ*.

ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ КРЕСТЬЯНЪ.

Что Россія болѣе, чѣмъ всякая другая страна, живетъ земледѣліемъ и что главнымъ земледѣльцемъ въ ней является мелкій пахарь — крестьянинъ-лапотникъ,— извѣстно всякому. И тѣмъ не менѣе приходится подчеркнуть, что эти непреложныя истины были если не забыты, то совершенно игнорировались въ послѣднія десятилѣтія нашей жизни. Ни среди людей науки и теоріи, ни среди практическихъ дѣятелей, въ какой бы сферѣ они ни работали, коренные вопросы аграрной политики и благосостоянія главной массы населенія, т. е. крестьянства, не получали даже на время того преобладающаго вниманія, которое на самомъ дѣлѣ они заслуживаютъ. Здѣсь, однако, не мѣсто говорить о причинахъ подобнаго ненормальнаго явленія. Для цѣлей настоящаго очерка важно лишь напомнить, что для Россіи аграрный вопросъ сводится къ крестьянскому вопросу, и при разрѣшеніи его по необходимости приходится имѣть въ виду интересы главной массы трудящагося надъ землей люда, т. е. крестьянъ. Такая формулировка аграрнаго вопроса у насъ встрѣчается и въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, имѣвшихъ цѣлью, какъ извѣстно, выяснить причины констатированнаго правительствомъ оскудѣнія деревни. „Вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, говорится въ запискѣ предсѣдателя Борисоглѣбской земской управы, есть прежде всего вопросъ о положеніи и нуждахъ крестьянъ, такъ какъ въ Россіи 80% населенія занимается сельскимъ хозяйствомъ, и крестьяне являются преимущественно, если не исключительно, земледѣльческимъ классомъ... Вопросъ о мѣрахъ поднятія сельско-хозяйственной промышленности—есть главнымъ образомъ вопросъ о мѣрахъ поднять упавшее благосостояніе крестьянъ". Аналогичныя мнѣнія высказывались въ той или иной формѣ и въ другихъ комитетахъ.

Какъ извѣстно, программа тѣхъ вопросовъ, которые были предложены на заключеніе комитетовъ, не отличалась широкой постановкой вопроса о нуждахъ сельскаго хозяйства, а самое обсужденіе внѣпрограммныхъ вопросовъ часто подвергалось ограниченію. Самый составъ комитетовъ, гдѣ участіе крестьянъ было лишь исключительнымъ явленіемъ, не могъ, разумѣется, не отразиться зачастую на односторонности заключеній комитетовъ и правильности освѣщенія нѣкоторыхъ вопросовъ. При такихъ условіяхъ тѣмъ цѣннѣе, разумѣется, становятся мнѣнія тѣхъ комитетовъ, которые высказывались за необходимость разсматривать земельный вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ главной земледѣльческой массы и отождествляли аграрный вопросъ съ вопросомъ крестьянскимъ.

I.

Разъ идетъ рѣчь о крестьянинѣ, какъ о земледѣльцѣ, необходимо прежде всего посмотрѣть, какъ обезпеченъ этотъ земледѣлецъ собственной землей. Лучшимъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ можетъ служить историческая справка о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ послѣдовало освобожденіе крестьянъ. Предпослать эту справку тѣмъ болѣе необходимо, что безъ нея нѣкоторыя стороны народно-хозяйственной жизни рискуютъ остаться недостаточно освѣщенными.

До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной

зависимости степень ихъ обезпеченія земельными и другими угодьями схематически можетъ быть обрисована такъ: крестьяне или пользовались всѣми землями, принадлежавшими помѣщику, и платили за это *оброкъ*, или же помѣщикъ велъ собственное хозяйство при помощи своихъ крестьянъ, или такъ называемой *барщины*. При послѣднемъ способѣ веденія хозяйства, крестьянамъ для обезпеченія ихъ продовольственныхъ и другихъ нуждъ отводилось, по усмотрѣнію помѣщика, необходимое количество земли. Кромѣ этого, крестьяне пользовались правомъ пасти свой скотъ на помѣщичьей землѣ и рубить для своихъ надобностей господскій лѣсъ. Для работъ въ пользу помѣщичьяго хозяйства, т. е. на барщину, полагалось обыкновенно три дня въ недѣлю; въ остальные три дня крестьяне должны были справляться съ работой въ своемъ хозяйствѣ. Оброчная система существовала, главнымъ образомъ, на сѣверѣ и въ нечерноземныхъ губерніяхъ Великороссіи; въ Малороссіи и на югѣ Россіи почти сплошь примѣнялась барщинная.

Что касается такъ называемыхъ государственныхъ крестьянъ, то ихъ зависимость выражалась въ платежѣ правительству оброчной подати за имѣвшіяся въ ихъ пользованіи земельныя и другія угодья.

При освобожденіи владѣльческихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости вопросомъ первостепенной важности былъ, разумѣется, вопросъ о томъ, въ какой степени слѣдуетъ обезпечить крестьянъ землею: надѣлить ли ихъ такъ, чтобы крестьяне могли существовать отъ своей земли, или же такимъ образомъ, чтобы дать возможность бывшимъ владѣльцамъ имѣть постоянныхъ работниковъ и арендаторовъ. При существовавшихъ тогда всевозможныхъ теченіяхъ по этому вопросу было въ концѣ концовъ признано, что крестьяне при освобожденіи имѣютъ право получить за выкупъ въ свое пользованіе извѣстное количество земли. Исходнымъ пунктомъ для опредѣленія величины надѣла было признано то количество земли, которымъ пользовались крестьяне при *барщинной* системѣ веденія хозяйства. А такъ какъ въ этомъ случаѣ могла оказаться крайняя неравномѣрность по отдѣльнымъ обществамъ въ количествѣ той земли, которою пользовались крестьяне, то для устраненія крайностей,—во избѣжаніе обдѣленія крестьянъ и въ интересахъ помѣщика,—былъ установленъ съ одной стороны высшій предѣлъ крестьянскаго надѣла, съ правомъ помѣщика отрѣзать въ свою пользу излишнюю землю. Съ другой стороны, былъ установленъ также и низшій предѣлъ надѣла, съ обязанностью помѣщика нарѣзать крестьянамъ недостающую землю изъ той земли, которую онъ обрабатывалъ барщиной. Эти нормы, установленныя для каждой мѣстности въ особомъ расписаніи, примѣнялись въ тѣхъ случаяхъ, когда между помѣщикомъ и крестьянами не происходило добровольнаго соглашенія. При всѣхъ допускавшихся закономъ комбинаціяхъ за помѣщикомъ устанавливалось, однако, право оставлять себѣ одну треть или даже половину общаго количества угодій. Хотя въ основу реформы было положено надѣленіе крестьянъ землею въ количествѣ, „достаточно обезпечивающемъ крестьянскій бытъ и исправное отбываніе государственныхъ повинностей“, тѣмъ не менѣе помѣщику было предоставлено также право, по добровольному соглашенію съ крестьянами, дать имъ безвозмездно такъ называемый дарственный (нищенскій, сиротскій) надѣлъ вмѣстѣ съ усадьбой. Надѣлъ этотъ долженъ былъ равняться не менѣе $^1/_4$ высшаго для данной мѣстности надѣла. Кромѣ того дворовые люди, не пользовавшіеся раньше надѣломъ, не имѣли права на обязательное надѣленіе ихъ землей.

Таковы главнѣйшія основанія, на которыхъ было произведено при освобожденіи надѣленіе землею помѣщичьихъ крестьянъ какъ барщинныхъ, такъ и оброчныхъ. Удѣльные и государственные крестьяне оказались въ лучшихъ условіяхъ, получивъ то количество земли, которымъ они пользовались до освобожденія.

Исчерпывающихъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить о результатахъ всѣхъ земельныхъ прирѣзокъ и отрѣзокъ, не имѣется, и если судить о нихъ по тѣмъ цифрамъ, которыя даются Семеновымъ по шести губерніямъ, то за помѣщичьими крестьянами осталось въ концѣ концовъ $^4/_5$ находившейся въ ихъ пользованіи земли. На самомъ дѣлѣ надо полагать, что крестьянской земли отошло помѣщикамъ гораздо больше, такъ какъ данныя Семенова относятся къ губерніямъ, гдѣ главнымъ образомъ существовала оброчная система крѣпостного хозяйства. На какихъ бы, однако, расчетахъ ни останавливаться, надо все-таки имѣть еще въ виду, что кромѣ части этихъ земель крестьяне потеряли право пасти скотъ на помѣщичьихъ земляхъ и рубить для хозяйственныхъ надобностей лѣсъ.

Въ конечномъ результатѣ надѣленія крестьянъ землею оказалось, что государственные крестьяне получили надѣлъ въ среднемъ по 50 губ. 6,7 десятинъ на ревизскую душу, удѣльные—4,9 дес. и помѣщичьи—3,2 дес., т. е. помѣщичьи крестьяне получили душевой надѣлъ въ два раза меньшій, чѣмъ государственные. Особенно низкимъ у помѣщичьихъ крестьянъ оказался надѣлъ въ слѣдующихъ шести губерніяхъ: Воронежской, Харьковской, Тамбовской, Курской, Орловской и особенно Полтавской, гдѣ онъ равнялся 1,7 десят. Къ этому слѣдуетъ добавить еще, что въ этой категоріи крестьянъ надѣльная земля распредѣлилась чрезвычайно неравномѣрно: тогда какъ среди государственныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ удѣльными насчитывается только около 14% получившихъ надѣлъ ниже погубернскаго средняго на-

дѣла, — среди бывшихъ помѣщичьихъ такихъ хозяевъ насчитывается до 46%. Эта же категорія крестьянъ положила начало и деревенскому пролетаріату, выдѣливъ изъ своей среды дворовыхъ и обладателей нищенскаго надѣла.

Такъ какъ со времени освобожденія крестьянъ сельское населеніе почти удвоилось, то и душевая норма обезпеченія крестьянъ надѣломъ уменьшилась въ два раза, понизившись съ 4,8 дес. на одну душу мужского пола всѣхъ разрядовъ крестьянъ до 2,6 десят. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что, какъ и въ прежнее время, основой крестьянскаго землевладѣнія и понынѣ служитъ надѣльная земля, такъ какъ количество купленной крестьянами за это время земли (по 1900 годъ) равняется по взятымъ для сравненія 44 губерніямъ приблизительно 13 милліонамъ дес., тогда какъ надѣльная земля въ нихъ составляла около 114 милліоновъ. Нечего и говорить, что роль этого плюса для крестьянской массы и для рядового пахаря-крестьянина сводится почти къ нулю, такъ какъ покупаютъ землю вообще болѣе зажиточные крестьяне и даже дѣятельность крестьянскаго банка, купившаго для крестьянъ почти $4^1/_2$ милліона десятинъ, сводится, какъ это не разъ уже указывалось, въ концѣ концовъ къ помощи болѣе состоятельнымъ крестьянамъ *).

Итакъ, зная основанія, на которыхъ была произведена крестьянская реформа, и отвѣчая на поставленный въ самомъ началѣ вопросъ о степени обезпеченія землей крестьянской массы, можно прямо сказать, что это обезпеченіе являлось еще 44 года тому назадъ недостаточнымъ, особенно если имѣть въ виду помѣщичьихъ крестьянъ, составлявшихъ почти половину всего нашего крестьянства. Вѣдь основаніемъ того, что долженъ представлять собой высшій надѣлъ, послужили свѣдѣнія, относящіяся къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ крестьяне выполняли *барщину*; а тамъ они отдавали половину, если не болѣе, своего времени помѣщику; поэтому естественно, что, даже получивъ высшій надѣлъ, крестьяне получили его не въ достаточномъ количествѣ для того, чтобы использовать на немъ всю свою рабочую силу.

Если дѣло обстояло такъ сорокъ лѣтъ тому назадъ и у крестьянъ оставалось много лишнихъ рыбочихъ рукъ и тогда, то въ настоящее время ихъ стало еще больше. Обслѣдуя съ этой стороны данный вопросъ, министерство финансовъ, на основаніи цифровыхъ данныхъ послѣдняго времени, приходитъ къ тому заключенію, „что въ общемъ по 47 губерніямъ надѣльной удобной земли имѣется у крестьянъ на 79% менѣе того количества, которое соотвѣтствовало бы рабочей силѣ населенія... Въ среднемъ по 47 губерніямъ только 21% работниковъ нужны для сельско-хозяйственной дѣятельности на надѣльной землѣ, а остальные 79% рабочаго населенія являются излишними“. Итакъ, изъ 100 работниковъ на своей землѣ нечего дѣлать семидесяти девяти. Это вынужденное бездѣйствіе особенно рѣзко проявляется, разумѣется, въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ надѣлъ особенно малъ и которыя указаны уже выше. Въ частности, напримѣръ, въ Полтавской губерніи изъ 100 работниковъ на своей землѣ нечего дѣлать 89-ти, и само министерство финансовъ должно признать, что вредныя послѣдствія такого явленія не парализуются здѣсь, „какъ въ другихъ мѣстностяхъ съ относительно развитою промышленностью, посторонними заработками, получаемыми крестьянами отъ различныхъ промышленныхъ занятій“. На это же явленіе—несоотвѣтствіе надѣловъ наличнымъ силамъ семьи, — обращаютъ вниманіе и комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. „Только трехдушевой надѣлъ, говорится въ запискѣ, поданной въ Московскій комитетъ, даетъ возможность использовать сполна рабочую силу одного мужчины“. Средній надѣлъ въ 9 десятинъ на дворъ поглощаетъ здѣсь силу только одного работника. Во Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи половина лѣтняго рабочаго времени остается свободнымъ.

Но если даже въ основу расчетовъ положить не рабочую силу, а потребности крестьянской семьи въ пищѣ, (такъ называемыя продовольственныя потребности), то и тогда недостаточность крестьянскихъ надѣловъ обнаружится съ очевидностью. По расчету министерства финансовъ, въ среднемъ на одну душу не хватаетъ хлѣба, собраннаго съ надѣльной земли, по всей Россіи, трехъ пудовъ шестнадцати фунтовъ, или 17%, противъ продовольственной нормы, которая опредѣляется въ 20 пудовъ на душу. Нижегородскій комитетъ, примѣняя эту мѣру для опредѣленія степени достаточности надѣловъ, приходитъ путемъ подробныхъ вычисленій къ заключенію, что средней крестьянской семьѣ при существующемъ надѣлѣ не хватаетъ 60 р. для того, чтобы прокормиться, обуться и одѣться, т. е. почти одной трети расходовъ на эти предметы жизненнаго обихода.

Слѣдуетъ, разумѣется, имѣть въ виду, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о средней, обезличенной, такъ сказать, величинѣ, и что главная продовольственная нужда обнаруживается у хозяевъ, получившихъ особенно малый надѣлъ. Наиболѣе яркій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ собой одна изъ плодороднѣйшихъ губерній—Полтавская, гдѣ, по даннымъ земской

---

*) Картина распредѣленія земли, по даннымъ 1878 г., между разными категоріями владѣльцевъ въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи (безъ Донской области) такова:

Казенныхъ земель	150,4	мил. дес.	—38,5%
Удѣльныхъ	7,4	„ „	— 1,9%
Крестьянскихъ надѣльныхъ и собств.	131,4	„ „	—33,6%
Частныхъ собственниковъ. .	93,4	„ „	—23,8%
Юридическихъ лицъ . . .	8,5	„ „	— 2,2%
Всего . . .	391,1	мил. дес.	— 100%

статистики, 45% всего сельскаго населенія, т. е. почти милліонъ людей, испытываютъ обыкновенно нужду въ хлѣбѣ и не могутъ прокормить себя не только со своей земли, но даже снимая для этого подъ посѣвъ частновладѣльческія земли.

Если принять затѣмъ во вниманіе, что въ деревнѣ имѣется цѣлая категорія лицъ, освобожденныхъ вовсе безъ земли или же получившихъ нищенскіе надѣлы, то картина деревенскаго житья станетъ еще болѣе неприглядной. Какова общая численность безземельныхъ пролетаріевъ — неизвѣстно. Нѣкоторое представленіе объ ихъ числѣ даютъ слѣдующія цифры, попадающіяся въ трудахъ комитетовъ: „дарственниковъ" въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи имѣется 56 обществъ, или $^1/_5$ часть бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ; число безземельныхъ дворовъ по Херсонской губерніи достигаетъ 39.000, въ Самарской — 16%; въ Псковскомъ уѣздѣ — 20%. Но больше, чѣмъ гдѣ-либо, деревенскаго пролетаріата имѣется все въ той же „поэтической" Полтавщинѣ. Въ этой губерніи, гдѣ, по выраженію поэта, „все обильемъ дышитъ", *четверть* сельскаго населенія совершенно лишена земли и довольствуется однѣми усадьбами (впрочемъ, $3^2/_5$% всего сельскаго населенія не имѣютъ даже усадьбъ).

II.

Итакъ, главной бѣдой современной деревни является малоземелье, т. е. обладаніе такимъ количествомъ земли, при которомъ крестьянинъ не можетъ ни отдать всего своего времени земледѣлію, ни обезпечить себѣ удовлетвореніе насущныхъ потребностей. Если при такомъ опредѣленіи малоземелья принять во вниманіе разнообразіе почвенныхъ, климатическихъ и хозяйственныхъ условій Россіи, въ которыхъ ведется занятіе земледѣліемъ, то совершенно станетъ понятнымъ и тотъ фактъ, что съ крестьянскимъ малоземельемъ, какъ очень распространеннымъ явленіемъ, приходится считаться на пространствѣ всей Россіи. Перечисленныя условія налагаютъ свою мощную власть на мелкаго земледѣльца, опредѣляя и то количество земли, которое необходимо крестьянину хотя бы для безбѣднаго существованія. При разнородности этихъ условій количество собственной земли, которое было бы достаточнымъ для нормальнаго существованія средней крестьянской семьи, оказывается далеко не одинаковымъ: въ то время, когда, напримѣръ, въ Саратовской губерніи оно опредѣляется въ 30 десятинъ и въ Нижегородской въ 21 дес.,—въ Полтавской губерніи достаточно имѣть 6 десятинъ.

Совершенно естественно, что вопросъ о крестьянскомъ малоземельи дѣлался предметомъ особеннаго вниманія въ тѣхъ комитетахъ, которые, не довольствуясь вопросами программы, пожелали заглянуть вглубь народно-хозяйственной жизни и остановиться на коренной причинѣ оскудѣнія современной деревни. И большинство такихъ комитетовъ видѣло эту причину ни въ чемъ иномъ, какъ въ скудномъ обезпеченіи крестьянъ землею. Указанія на малоземелье, какъ на главный источникъ бѣдности народа, раздавались не только въ такихъ густо-населенныхъ губерніяхъ, какъ Полтавская, но и въ такихъ, которыя, не отличаясь особенной плотностью, могутъ считаться многоземельными, какъ, напримѣръ, губерніи Уфимская и Саратовская. Оказывается, что въ этихъ губерніяхъ, несмотря на ихъ земельный просторъ, имѣется громадное количество крестьянъ, получившихъ при освобожденіи скудные надѣлы. Такъ, въ Уфимской губерніи получили незначительный надѣлъ 78% всего надѣльнаго населенія; въ Саратовской бывшіе помѣщичьи крестьяне оказались тоже обдѣленными землей, да кромѣ того тамъ имѣется довольно много лицъ, получившихъ дарственный надѣлъ или же не получившихъ земли вовсе и живущихъ теперь исключительно арендой чужой земли.

Среди многочисленныхъ доказательствъ, представленныхъ въ комитеты по вопросу о малоземельи и его тяжелыхъ послѣдствіяхъ, достаточно будетъ привести одну записку, внесенную въ комитетъ крестьяниномъ Опочецкаго уѣзда. Записка эта представляетъ тѣмъ большій интересъ, что въ ней устами народа дана характеристика тѣхъ печальныхъ послѣдствій малоземелья, которыя въ той или иной степени приводились въ комитетахъ лицами другой, не крестьянской среды.

„Объясняю причины упадка сельскаго хозяйства, говорится въ этой запискѣ, отъ малаго количества земли, такъ что, если бы у крестьянъ было земли на каждаго мужчину законнаго положенія, то крестьяне могли бы улучшить свои хозяйства: сѣять клеверъ и дѣлить на шесть полей, а остальная могла бы быть подъ выгонъ или подъ разводъ лѣса. А теперь нѣтъ у крестьянъ достатка земли, и изъ-за этого падаетъ хозяйство. 1) Приходится снять въ аренду землю или покосъ отъ господина или помѣщика по большой цѣнѣ, и выходитъ неурожай; аренду надо платить, и бѣдный крестьянинъ отдаетъ послѣднія свои деньги. О, Господи! семейство или дѣти остаются безъ куска хлѣба, и приходится сбыть свой душевой надѣлъ какому-либо зажиточному человѣку для пропитанія своего семейства или становить въ работники своего сына или брата, чтобы купить хлѣба для своего семейства... Такъ и падаетъ сельское хозяйство. 2) Уйдетъ крестьянинъ куда въ аренду въ село или на пустошь къ господину или помѣщику, снимаетъ поневолѣ по большой цѣнѣ и поживетъ тамъ года два или три; выйдетъ неурожай, платить за аренду нечѣмъ, господинъ высылаетъ его вонъ, потому что условія у господина, и бѣдный крестьянинъ воротится на свою родину. Да, вотъ бѣда: нѣтъ у крестьянъ на каждаго

земли, и поневолѣ приходится итти въ городъ къ братьямъ или сыновьямъ для своего пропитанія. Выходитъ дѣло плохо: въ городѣ жить плохо отъ многолюдства, воротиться на родину—не имѣетъ своей земли; такъ и блудитъ безъ своего жилища. Такъ много падаетъ такихъ хозяйствъ. 3) Ваше Сіятельство, взгляните на тѣхъ людей, которые были дворовыми во время крѣпостной зависимости и вышли отъ своихъ господъ или помѣщиковъ безъ надѣла: ходятъ они безъ всякаго пріюта; такъ и весь мужской полъ послѣ послѣдняго передѣла земли и много такого народа, что вернулся домой съ военной службы, гдѣ служилъ и охранялъ отечество. Вотъ у отца пять сыновей да есть дочери, а земляной одинъ надѣлъ. И вотъ дѣло: надо отпустить братьевъ или сыновей на военную службу, это надо для охраны русской земли; да дѣло плохо въ томъ, что не съ чѣмъ отпустить, обуть и одѣть, и такъ многіе крестьяне сбываютъ свой послѣдній надѣлъ земли, отъ чего много падаетъ сельское хозяйство".

Пользуясь этой запиской и мнѣніями другихъ, болѣе интеллигентныхъ представителей комитетовъ, разсмотримъ подробнѣе, какъ въ самомъ дѣлѣ отражается крестьянское малоземелье на хозяйственной и культурной жизни страны и на благосостояніи самого пахаря.

Чѣмъ больше извлекается отъ земледѣлія продукта, тѣмъ это выгоднѣе, разумѣется, и для предпринимателя и для всей націи. Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ въ данномъ случаѣ является возможно лучшая обработка земли, съ примѣненіемъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Но при томъ количествѣ земли, которое имѣетъ крестьянинъ, ему, оказывается, нѣтъ выгоды, будь у него даже деньги для этого, обзаводиться хотя бы такимъ главнымъ орудіемъ для обработки своей нивы, какъ желѣзный плугъ. Разъ у крестьянина мало земли, а рабочихъ рукъ черезчуръ много, и имъ не удастся найти себѣ приложеніе гдѣ-либо на сторонѣ, то „такой хозяинъ, говоритъ по этому поводу предсѣдатель Нижегородской земской управы,—долженъ замѣнить своей собственной рабочей силой всѣ улучшенныя орудія труда, потому что своихъ собственныхъ работниковъ все равно кормить нужно, *а при покупкѣ улучшенныхъ орудій деньги пришлось бы все равно отдавать другимъ*". Самыя скромныя требованія, какія можетъ агрономія предъявлять въ настоящее время къ господствующимъ системамъ хозяйства, оказываются невыполнимыми, благодаря именно малоземелью. Чтобы использовать, напримѣръ, желѣзный плугъ и соотвѣтственное количество лошадей, въ Балашовскомъ уѣздѣ надо имѣть при трехпольѣ 18—27 дес. пахоти, между тѣмъ 2/3 хозяйствъ этого уѣзда не имѣютъ и половины этой нормы.

Отсюда происходитъ то, что увеличивающаяся подъ вліяніемъ прироста населенія потребность въ хлѣбѣ на продовольствіе удовлетворяется главнымъ образомъ путемъ увеличенія запашки на счетъ лѣсныхъ и луговыхъ пространствъ. Увеличивая этимъ путемъ посѣвную площадь, крестьяне сокращаютъ запасъ кормовыхъ средствъ, а это ведетъ за собой ухудшеніе и сокращеніе относительнаго количества скота, а слѣдовательно, и удобренія. Въ Нижегородской, напримѣръ, губерніи навоза хватаетъ всего на 1/5—1/3 часть надѣла, вслѣдствіе чего урожай получается очень низкій; въ Михайловскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи хватаетъ всего на 1/10—1/6 часть пара. Но и на этомъ не останавливаются: тамъ, гдѣ ужъ нечего больше распахивать, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Полтавской губерніи, трехполье уничтожается, и земля вовсе не отдыхаетъ; неудобренную, ее изъ года въ годъ пашутъ и засѣваютъ и въ конецъ истощаютъ почву. Естественно, что при такихъ условіяхъ урожайность крестьянскихъ полей повышаться не можетъ. Какъ свидѣтельствуютъ данныя нѣкоторыхъ мѣстностей, урожайность на поляхъ крестьянъ за послѣднее время даже понизилась (такіе расчеты приводятся, напримѣръ, по Тамбовской губерніи). Какъ велика разница въ урожайности полей въ мелкихъ, т. е. крестьянскихъ хозяйствахъ и въ крупныхъ экономіяхъ, видно хотя бы изъ данныхъ сельско-хозяйственной статистики относительно Полтавской губерніи. Средній урожай ржи здѣсь равняется за 16 лѣтъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ—50 пуд. съ дес., въ экономическихъ—65 пуд.; овса—51 пуд. въ крестьянскихъ хозяйствахъ и въ экономіяхъ—62 пуд.; урожай пшеницы у первыхъ—47 пуд. и въ экономіяхъ—59 пуд. Одно изъ самыхъ печальныхъ послѣдствій малоземелья заключается, однако, въ оставленіи крестьянами собственнаго хозяйства, иначе говоря, въ совершенномъ отказѣ крестьянъ отъ занятія земледѣліемъ подъ вліяніемъ постепеннаго разоренія отъ этого занятія. Слишкомъ незначительный размѣръ запашки, дѣлающій невозможнымъ использованіе силъ работника и рабочаго скота, — дѣлаетъ мелкое хозяйство убыточнымъ и порождаетъ сдачу надѣльной земли въ аренду или даже забрасываніе ее въ пустошь. Московскій губернскій комитетъ указываетъ, что вслѣдствіе вышеозначенныхъ причинъ въ деревнѣ „постепенно происходитъ отборъ семей, которыя еще считаютъ возможнымъ вести земледѣліе, и другихъ, которыя должны отказаться отъ него". Въ Московской губерніи такія отказавшіяся уже отъ собственнаго хозяйства семьи составляютъ 20%. Такое явленіе замѣчается и въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, гдѣ немало семей сдаютъ односельчанамъ свои надѣлы въ кортому за малую цѣну или за повинности, а сами кочуютъ по заработкамъ. Въ этой же губерніи наблюдается все чаще и чаще забрасываніе надѣловъ, а именно, количество пустующихъ надѣловъ въ 80-хъ годахъ

было 3.443, а въ 1900 г.—4.836, т. е. на 40% больше. Насколько, однако, описываемое явленіе оказывается распространеннымъ, судить, за отсутствіемъ полныхъ данныхъ, невозможно. Извѣстно, что количество безхозяйныхъ крестьянъ въ уѣздахъ, подвергшихся разновременно обслѣдованію земской статистики, равнялось 10% всѣхъ хозяйствъ.

Слѣдуетъ здѣсь замѣтить, между прочимъ, что описываемому явленію, свойственному землевладѣнію всѣхъ странъ, не противорѣчитъ нисколько наблюдаемый въ Полтавской губерніи приливъ сельскаго населенія къ занятію земледѣліемъ: здѣсь за послѣднія 12 лѣтъ количество хозяйствъ изъ группы безпосѣвныхъ сократилось почти на 10%, т. е. за обработку земли, хотя и чужой, принимались безземельные. Явленіе это произошло подъ вліяніемъ почти полнаго исчезновенія изъ практики частновладѣльческихъ хозяйствъ исконнаго способа земледѣльческаго заработка деревенскаго пролетарія, такъ называемаго „зажона"; зажонъ, или уборка хлѣба за извѣстный снопъ, почти исчезъ, поэтому жившіе раньше зажономъ должны были прибѣгнуть къ съемкѣ и арендѣ земли, примѣняя къ ея обработкѣ самый дешевый и недорогой живой и мертвый инвентарь. Другой причиной этого явленія служитъ сокращеніе отхода на заработки на югъ. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особо сложившимися хозяйственно-экономическими условіями губерніи и, пожалуй, съ характеромъ самого населенія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Рклицкій.

ГЕНРИ ДЖОРДЖЪ.

Карлейль назвалъ какъ-то политическую экономію „мрачной наукой". Большинство публики признало бы эту науку, сверхъ того, и скучной. Только сильный практическій интересъ, интересъ къ выводамъ, касающимся важныхъ вопросовъ общественной и личной жизни, можетъ побудить средняго читателя преодолѣть скуку абстрактныхъ разсужденій и цифровыхъ выкладокъ, изъ которыхъ обыкновенно слагаются экономическія сочиненія.

Но нѣтъ правила безъ исключеній—и среди экономическихъ сочиненій попадаются интересныя и даже очень интересныя, даже не менѣе интересныя, чѣмъ любой занимательный романъ. Къ числу такихъ, правда, крайне рѣдкихъ экономическихъ книгъ принадлежатъ почти всѣ произведенія знаменитаго американскаго экономиста и публициста Генри Джорджа. Его первая книга „Прогрессъ и бѣдность", вышедшая въ 1879 г., разошлась съ тѣхъ поръ во многихъ десяткахъ, быть можетъ, сотняхъ тысячъ экземпляровъ, и продолжаетъ привлекать къ себѣ вниманіе читающей публики всего міра.

Въ настоящее время большая часть сочиненій американскаго экономиста имѣется въ русскихъ переводахъ.

На дняхъ вышелъ вторымъ изданіемъ сборникъ „избранныхъ рѣчей и статей Генри Джорджа" въ прекрасномъ переводѣ С. Д. Николаева. Къ этому сборнику приложена и обширная біографія автора, составленная переводчикомъ. Русскій читатель получаетъ, такимъ образомъ, возможность ознакомиться не только съ ученіемъ, но и съ личностью автора „Прогресса и бѣдности".

А личность Джорджа достаточно интересна,—пожалуй, не менѣе интересна, чѣмъ его книги. Личная жизнь людей преимущественно умственнаго склада часто бываетъ поразительно незначительна сравнительно съ богатствомъ ихъ умственныхъ переживаній. Возьмите, напр., біографію величайшаго колосса мысли—Канта и выкиньте изъ этой біографіи книги, которыя имъ написаны. Что можетъ быть болѣе сѣраго, тусклаго, монотоннаго и неинтереснаго, чѣмъ продолжительное существованіе этого аккуратнѣйшаго изъ нѣмецкихъ профессоровъ, изъ года въ годъ и изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, неизмѣнно въ одинъ и тотъ же часъ, почти минута въ минуту, съ точностью идеально заведенной машины, отправлявшагося на лекціи, на прогулку, почти не выѣзжавшаго изъ своего родного города и почти не имѣвшаго въ жизни событій, о которыхъ можно было бы разсказать? Прожить такую долгую жизнь, понимать такъ необъятно много, чувствовать такой глубокій и дѣятельный интересъ къ самымъ разнообразнымъ и сложнымъ проблемамъ бытія—и уложить свое собственное существованіе въ такія скудныя рамки могъ лишь такой человѣкъ, какъ Кантъ. Его великая умственная сила раздавила своей тяжестью всѣ прочія проявленія его психической жизни. Зачѣмъ было Канту покидать Кенигсбергъ и нарушать часы своихъ прогулокъ, когда въ своей собственной головѣ онъ носилъ цѣлый міръ мысли, неизмѣримо болѣе яркій и завлекающій, чѣмъ все, что могъ ему представить внѣшній міръ? Ученіе объ идеальности пространства и времени какъ нельзя больше соотвѣтствовало душевному складу человѣка, столь отрѣшеннаго отъ практическихъ интересовъ конкретной жизни, какъ Кантъ.

Другое дѣло личная жизнь людей чувства. Если они при этомъ одарены большимъ и яснымъ умомъ, то ихъ личныя переживанія могутъ быть не менѣе поучительны, чѣмъ идеальное воспроизведеніе этихъ переживаній въ продуктахъ ихъ духовнаго творчества. Къ числу такихъ людей относится и Джорджъ. Достаточно

прочитать любую изъ его книгъ, чтобы почувствовать сильный интересъ и симпатію къ личности автора. Неудивительно, что среди всѣхъ соціальныхъ реформаторовъ только Джорджъ встрѣтилъ такое сочувствіе со стороны Льва Толстого. Благородная, открытая, любящая и вѣрующая душа американскаго гуманиста съ чрезвычайной яркостью выступаетъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Исторія его жизни только усиливаетъ и углубляетъ непосредственное впечатлѣніе, выносимое всякимъ чуткимъ человѣкомъ изъ чтенія его книгъ.

Кто помнитъ заключительныя страницы „Прогресса и бѣдности", съ ихъ полнымъ религіознаго энтузіазма призывомъ къ Богу, тотъ не будетъ удивленъ, узнавши, что Джорджъ происходилъ не только изъ строго религіозной, но почти изъ духовной семьи. Его отецъ занимался изданіемъ и комиссіонной продажей духовно-нравственныхъ книгъ епископальной церкви. Воспитаніе дѣтей велось въ духѣ стариннаго американскаго благочестія. Само собою разумѣется, что каждое воскресенье семья бывала въ церкви, а утромъ и вечеромъ собиралась на общую молитву. Духовныя лица были обычными и наиболѣе уважаемыми гостями въ домѣ.

Но, къ счастью для будущаго писателя, весь этотъ тѣсный и душный мірокъ, въ которомъ ему пришлось провести свои первые, дѣтскіе годы (род. онъ въ Филадельфіи въ 1839 г.), скоро распался: издательскія дѣла его отца разстроились, и торговлю духовно-нравственными книгами пришлось прекратить. Вмѣстѣ съ тѣмъ кончилось и относительное хозяйственное благополучіе семьи, состоявшей, кромѣ мужа и жены, изъ 8 дѣтей. Генри былъ вторымъ сыномъ и долженъ былъ уже на 14-омъ году жизни закончить свое школьное образованіе, которое, такимъ образомъ, не могло не быть крайне элементарнымъ, и начать самостоятельно зарабатывать свой кусокъ хлѣба. Онъ поступилъ приказчикомъ въ магазинъ, потомъ конторщикомъ у нотаріуса, а затѣмъ, всего 15 лѣтъ отправился юнгой въ далекое океанское плаваніе.

Воображеніе и любовь къ природѣ тянули молодого Джорджа къ путешествію, и ему, дѣйствительно, пришлось многое повидать. Больше чѣмъ годовое морское плаваніе дало смѣлому юношѣ то, чего онъ искалъ: передъ нимъ развернулись чудныя картины тропической природы; онъ побывалъ въ Австраліи, гдѣ почти всѣ матросы бросили судно и отправились на пріиски копать золото; стоялъ съ кораблемъ въ Индіи и поднимался по Гангу до Калькутты, гдѣ его поразили трупы туземцевъ, плывшіе по рѣкѣ и расклевываемые воронами; обогнулъ мысъ Доброй Надежды и четыре раза пересѣкъ экваторъ.

Трудности матросской службы были, однако, слишкомъ велики, и по возвращеніи судна въ Америку Джорджъ сталъ искать другихъ занятій. Ему удалось пристроиться наборщикомъ въ типографію, но ненадолго, такъ какъ послѣдовалъ промышленный кризисъ и типографія закрылась. Пришлось опять возвращаться къ морской службѣ. На этотъ разъ пароходъ повезъ Джорджа кругомъ Америки къ тому городу, которому было суждено стать для него второй родиной — къ Санъ-Франциско, куда молодой морякъ и прибылъ, когда ему едва исполнилось 18 лѣтъ.

Опять начались для Джорджа скитанія въ поискахъ за работой; онъ перепробовалъ самыя разнообразныя профессіи: былъ приказчикомъ, вѣсовщикомъ, искалъ золотоносныхъ участковъ, но въ концѣ концовъ остановился на своемъ старомъ ремеслѣ наборщика. Затѣмъ онъ попытался въ компаніи съ нѣсколькими наборщиками основать небольшую собственную газету. Дѣло лопнуло—и въ этотъ критическій для себя моментъ, на чужой сторонѣ, не имѣя ни гроша въ карманѣ, молодой Джорджъ женился. О матеріальномъ положеніи юной четы можно составить себѣ понятіе по тому, что все имущество невѣсты помѣстилось въ небольшомъ узелкѣ, а со стороны жениха единственнымъ обезпеченіемъ ихъ дальнѣйшаго существованія явился полученный имъ изъ какой-то кухмистерской двухнедѣльный кредитъ для него и его будущей жены.

Первые годы семейной жизни сопровождались для нашего героя тяжелыми лишеніями. Приходилось почти голодать; когда родился второй ребенокъ, нечѣмъ было накормить родильницу. „И вотъ, разсказываетъ Джорджъ, я вышелъ на улицу и рѣшилъ попросить денегъ у перваго попавшагося мнѣ человѣка, по внѣшности котораго можно было бы думать, что деньги у него есть. Я остановилъ какого-то совершенно незнакомаго мнѣ человѣка и попросилъ у него пять долларовъ. „Зачѣмъ вамъ нужны эти деньги?" спросилъ онъ. Я сказалъ, что у меня родила жена, а мнѣ нечего дать ей поѣсть. И онъ далъ мнѣ эти деньги. Я находился тогда въ состояніи такого отчаянія, что, кажется, если бы онъ мнѣ не далъ, я убилъ бы его".

Но, несмотря на всѣ эти трудности, молодому супругу не пришлось раскаиваться въ своей женитьбѣ. Онъ нашелъ въ женѣ преданнаго и вѣрнаго друга на всю жизнь. Любовь между супругами только углублялась годами. „Какое счастье быть въ бракѣ, писалъ Джорджъ много лѣтъ спустя своей женѣ, какое счастье быть въ бракѣ и тѣломъ, и душою, и разумомъ—въ томъ бракѣ, въ которомъ находимся мы съ тобою... Какъ много радости въ нашей любви... Какую крѣпкую связь она образуетъ между нами. Какъ близко мы бываемъ другъ къ другу даже тогда, когда насъ раздѣляетъ пространство. Да и не есть ли эта любовь нѣчто переходящее за предѣлы земной жизни? Другіе могутъ, но мы съ тобой, моя дорогая, не должны сомнѣваться въ благости Божьей. А чѣмъ болѣе я думаю о ней, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что наша любовь не ограничится одной нашей теперешней жизнью".

Съ такой же нѣжностью, заботливостью и любовью Джорджъ относился и къ своимъ четверымъ дѣтямъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ біографія знаменитаго автора „Прогресса и бѣдности“, составленная его старшимъ сыномъ и написанная въ духѣ самой горячей сыновней любви. Видно, какъ много значилъ отецъ въ жизни своихъ дѣтей. Онъ игралъ съ ними цѣлыми часами, разсказывалъ имъ сказки, читалъ книги, отправлялся со своими дѣтьми въ далекія экскурсіи въ окрестностяхъ Санъ-Франциско. Особенно любилъ онъ самыхъ маленькихъ, и его любимицей была младшая дѣвочка, которую онъ называлъ своимъ краснымъ солнышкомъ.

Способность къ энтузіазму, къ увлеченію далекими, идеальными цѣлями соединялась у Джорджа (а это встрѣчается очень рѣдко) съ любовью къ близкимъ, къ тѣсному кругу людей, съ которыми его сводила судьба. По справедливой характеристикѣ Макъ-Глина, „высокій умъ и мужественный характеръ сочетались въ немъ съ простотой и мягкостью ребенка — съ тѣмъ женственнымъ элементомъ, который, по выраженію одного француза, всегда можно замѣтить въ истинно великихъ людяхъ“.

Англосаксонская культура порождаетъ два одинаково законченныхъ типа—упорнаго, настойчиваго и безпощаднаго эгоиста и столь же упорнаго и настойчиваго человѣколюбца. Ко второму типу принадлежали многіе великіе англійскіе реформаторы, къ нимъ же принадлежитъ и авторъ „Прогресса и бѣдности“. Люди этого душевнаго склада, соединяя съ здоровой и крѣпкой жизненной энергіей англосаксонской расы чрезвычайную способность къ идеальнымъ увлеченіямъ, представляютъ собой удивительно привлекательный и гармоничный образчикъ человѣческой породы. Въ нихъ есть что-то эпическое, какъ бы библейское. Въ большинствѣ случаевъ, великіе люди хороши только издали, откуда видны не столько они сами, сколько ихъ великое дѣло. Но это совсѣмъ не вѣрно въ примѣненіи къ людямъ того типа, о которомъ я теперь говорю. Напротивъ, они тѣмъ лучше, тѣмъ намъ милѣе, чѣмъ ближе мы къ нимъ подходимъ, чѣмъ ярче и опредѣленнѣе обрисовываются черты ихъ интимной, будничной жизни.

Они обладаютъ добродѣтелями тѣхъ скромныхъ, маленькихъ людей, которыхъ не знаетъ исторія и которые дороги только крошечному кружку своихъ близкихъ. И если эти черты встрѣчаются у человѣка историческаго значенія, то онѣ кажутся намъ чѣмъ-то особенно трогательнымъ, дѣлаютъ его особенно привлекательнымъ въ нашихъ глазахъ, сообщаютъ ему нѣчто какъ бы дѣтское и наивное.

Развѣ могли жена и дѣти Джорджа не быть преданными своему мужу и отцу, заботившемуся о нихъ съ такой нѣжностью, какъ если бы у него не было никакого другого дѣла, никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ семьи? Вѣдь они то знали, что у него есть другой, великій интересъ, ради котораго онъ всѣмъ пожертвуетъ, —что онъ не только мужъ и отецъ, но и служитель великаго дѣла, для котораго онъ родился и которому онъ посвятилъ свою жизнь. Легко понять, какія тѣсныя и прочныя узы любви и преданности должны возникать на этой основѣ —способности великаго человѣка проникаться маленькими интересами окружающихъ его маленькихъ людей.

Вотъ почему семейное счастье кажется естественной наградой людей типа Джорджа. Будучи окружены любовью, люди эти воздаютъ сторицей человѣчеству.

Писательская дѣятельность Джорджа началась очень рано, когда ему едва исполнился 21-й годъ. Онъ участвовалъ въ составленіи маленькой мѣстной газеты, которую самъ и набиралъ. Болѣе серьезный характеръ писательство молодого публициста приняло черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Интересно, что нѣкоторое время его очень занимала мысль написать большой романъ; романиста изъ него не вышло, но самый фактъ подобныхъ попытокъ весьма характеренъ. Что въ талантѣ Джорджа чисто эстетическій, художественный элементъ игралъ выдающуюся роль, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Именно эстетическія достоинства доставили „Прогрессу и бѣдности“ такое массовое распространеніе и такой шумный успѣхъ.

Основой общественныхъ взглядовъ американскаго экономиста явилось его религіозно-нравственное міровоззрѣніе. Политическая экономія, по его пониманію, была чисто этической наукой,—ея всѣ самыя широкія обобщенія сводились, по словамъ Джорджа, къ простому правилу нравственности: „Не желай другому того, чего самъ себѣ не желаешь“. Его рѣчи и лекціи нерѣдко трудно отличимы отъ религіозныхъ проповѣдей, даже по ихъ названію, въ родѣ: „Не укради!“ „Да пріидетъ царствіе Твое!“ и т. п. Осуществленіе на землѣ нравственнаго закона, предписаннаго міру божествомъ,—таковы были конечныя цѣли общественной науки, какъ ее понималъ великій гуманистъ.

Но съ христіанской вѣрой онъ не соединялъ того, что исторически столь затемнило эту вѣру,—преклоненія передъ авторитетомъ. Наоборотъ, Джорджъ обладалъ полной независимостью и смѣлостью мысли. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ совершенно самостоятельно, безъ какихъ бы то ни было воздѣйствій со стороны, выработалъ свой планъ соціальной реформы и съ удивительной силой убѣжденія защищалъ его въ теченіе всей своей послѣдующей жизни.

Калифорнія, когда Джорджъ впервые туда прибылъ, была крайне рѣдко населенной страной, сообщеніе которой съ восточными штатами поддерживалось, главнымъ образомъ, моремъ вокругъ Южной Америки. Путь этотъ былъ такъ длиненъ, что новый штатъ былъ почти

отрѣзанъ отъ богатыхъ и культурныхъ старыхъ штатовъ. Неудивительно, что мечтою всякаго калифорнца была желѣзная дорога, долженствовавшая соединить Атлантическій и Тихій океаны. „Всѣ мы, говоритъ Джорджъ, и богатые и бѣдные—мечтали тогда о великой будущности, ожидавшей Калифорнію, о томъ времени, когда Санъ-Франциско сдѣлается однимъ изъ величайшихъ городовъ міра, а наша страна будетъ исчислять свое народонаселеніе уже не тысячами, а милліонами. Но въ душѣ моей никогда не переставалъ звучать голосъ того рудокопа, который говорилъ, сидя у мачты на шкунѣ, отходившей на Фразеръ: „Страна будетъ богатѣть, населеніе ея будетъ увеличиваться, но заработная плата будетъ все падать и падать".

Наконецъ, великая тихоокеанская дорога была выстроена. Санъ-Франциско сталъ огромнымъ городомъ, но, какъ и предвидѣлъ старый рудокопъ, бѣдняки отъ того не выиграли, а проиграли. Джорджъ подробно описываетъ, какимъ образомъ осѣнила его идея, въ которой онъ усмотрѣлъ рѣшеніе всей соціальной проблемы нашего времени и распространеніе которой онъ считалъ завѣтомъ себѣ свыше.

Онъ ѣхалъ въ глубокой задумчивости верхомъ въ окрестностяхъ одного калифорнскаго городка, вблизи котораго проходила желѣзная дорога. Земельныя цѣны въ этомъ районѣ быстро росли, и это было злобой дня мѣстныхъ жителей. Лошадь устала, всадникъ долженъ былъ остановиться и спросилъ отъ нечего дѣлать проходившаго пастуха, почемъ здѣсь продается земля. Пастухъ указалъ ему участокъ, въ которомъ земля продавалась по 1.000 долларовъ за акръ (т. е., приблизительно, по 5.000 р. десятина). „Мысль, почему бѣдность растетъ вмѣстѣ съ ростомъ богатства, блеснула тутъ у меня подобно молніи, говорилъ впослѣдствіи Джорджъ:—съ ростомъ населенія растетъ въ цѣнѣ земля, и людямъ все болѣе и болѣе приходится платить за позволеніе пользоваться ею".

Эту мысль, внезапно озарившую его своимъ свѣтомъ, онъ поспѣшилъ изложить въ своей первой книгѣ „Наша земля и земельная политика" (1871). Однако, книга не имѣла успѣха, и авторъ не былъ ею доволенъ. Затѣмъ для нашего энтузіаста прошло нѣсколько тревожныхъ и безпокойныхъ лѣтъ, когда заботы о заработкѣ и мелкія текущія дѣла не оставляли ему свободнаго времени для исполненія того великаго дѣла, къ которому онъ считалъ себя призваннымъ небомъ. Наконецъ судьба ему улыбнулась, и онъ получилъ должность, давшую ему нѣкоторый досугъ; онъ съ жаромъ принялся работать надъ своимъ сочиненіемъ, посвященнымъ рѣшенію великой проблемы—„устойчивости бѣдности среди растущаго богатства".

Конецъ 70-хъ годовъ былъ очень тяжелымъ временемъ для народныхъ массъ Америки: промышленный кризисъ вызвалъ продолжительную безработицу и упорныя стачки, свидѣтельствовавшія о крайнемъ возбужденіи американскаго пролетаріата. Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій и писалъ Джорджъ свою книгу, писалъ съ величайшимъ душевнымъ подъемомъ, вдохновеніемъ и энтузіазмомъ, безпорядочно, иногда днемъ, иногда ночью, часто бросая работу, когда волненіе достигало крайняго предѣла и слова не успѣвали угнаться за мыслью. „Однажды, говорилъ онъ одному своему другу много лѣтъ спустя, среди бѣла же дня, на одной изъ городскихъ улицъ мнѣ представилась мысль, видѣніе, зовъ—назовите, какъ хотите. Но каждая жила во мнѣ задрожала. И тогда же я далъ себѣ обѣщаніе, которому остался вѣренъ и въ горѣ, и въ радости, и въ томъ, что я дѣлалъ, и въ томъ, чего я не дѣлалъ. Оно побуждало меня писать „Прогрессъ и бѣдность" и оно поддерживало меня въ то время, когда я чувствовалъ себя безсильнымъ. И когда я окончилъ послѣднюю страницу моего изслѣдованія, я упалъ на колѣни и заплакалъ какъ дитя. Все остальное уже было въ Господнихъ рукахъ. Чувство, которое я испыталъ, никогда не покидало меня, оно всегда со мною. Оно вело меня куда-то все выше и выше. Оно дѣлало меня болѣе честнымъ, болѣе чистымъ человѣкомъ. Оно было для меня религіей, сильной и глубокой, хотя и неопредѣленной,—религіей, о которой я никогда не любилъ говорить, которую я никогда не допускалъ до чисто внѣшнихъ проявленій, но которой, однако, я всегда стремился слѣдовать.

Къ концу марта 1879 г. рукопись „Прогресса и бѣдности" была готова и разослана нѣсколькимъ издателямъ съ предложеніемъ ее издать.

Отвѣты издателей были, однако, неблагопріятны, и авторъ долженъ былъ самъ приступить къ набору и печатанію своего произведенія. Въ дневникѣ Джорджа подъ 17 мая стоитъ: „Началъ наборъ книги. Собственными руками набралъ двѣ первыя гранки". Въ августѣ печатанье книги было закончено, при чемъ было напечатано всего 500 экземпляровъ. Часть экземпляровъ была продана, часть разослана знакомымъ и издателямъ, съ предложеніемъ выпустить новое изданіе. Теперь издатель нашелся немедленно.

Своему отцу, которому въ это время шелъ 71 годъ, Джорджъ препроводилъ одинъ изъ первыхъ экземпляровъ книги съ письмомъ такого содержанія:

„Съ чувствомъ глубокой благодарности къ Небесному Отцу посылаю Вамъ печатный экземпляръ моей книги. Я благодарю Его за то, что Онъ далъ мнѣ возможность жить, чтобы написать ее, а Вамъ—чтобы видѣть ее. Она потребовала не мало труда и жертвъ; но теперь она кончена. Сначала она не будетъ признана—быть можетъ, не будетъ признана и въ теченіе нѣкотораго болѣе или менѣе продол-

жительнаго времени,—но въ концѣ концовъ на нее будутъ смотрѣть, какъ на великую книгу, ее будутъ издавать на обоихъ полушаріяхъ и ее будутъ переводить на разные языки. Это я знаю, хотя, быть можетъ, ни Вамъ, ни мнѣ не придется увидѣть этого здѣсь. Но то вѣрованіе, которое выражено мною въ этой книгѣ,—что насъ ждетъ еще иная жизнь,—дѣлаетъ это обстоятельство не имѣющимъ большого значенія".

Ожиданія Джорджа вполнѣ оправдались: его книга имѣла огромный, прямо небывалый въ исторіи экономической литературы успѣхъ и притомъ не только на его родинѣ, но и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра. Жизнь Джорджа рѣзко переломилась. Еще такъ недавно онъ былъ неизвѣстнымъ, скромнымъ провинціальнымъ публицистомъ, всѣ усилія котораго были направлены къ тому, чтобы кое-какъ обезпечить свою семью; теперь же, въ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ сталъ знаменитостью. Кругъ дѣятельности его сразу чрезвычайно расширился. Санъ-Франциско становится ему тѣсенъ, и онъ ѣдетъ, по приглашенію нѣкоторыхъ лицъ, въ Нью-Іоркъ, гдѣ говоритъ на митингахъ и читаетъ публичныя лекціи.

„Я отправился на митингъ, писалъ впослѣдствіи одинъ журналистъ, не зная толкомъ, кто будетъ говорить. Я былъ утомленъ послѣ своихъ занятій въ редакціи и приготовленій къ выборамъ и потому радъ былъ развалиться въ креслѣ въ сторонкѣ и тихонько вздремнуть подъ говоръ нашихъ обычныхъ ораторовъ. Но вдругъ я услыхалъ чей-то новый голосъ. До меня стали долетать отрывистыя, ясныя, рѣзкія замѣчанія сильно радикальнаго свойства. Я невольно встрепенулся, поднялся со своего мѣста и сталъ вглядываться въ новаго оратора. То былъ человѣкъ невысокаго роста, плотнаго сложенія, съ рѣдкими волосами и густой рыжей бородой. Мнѣ не случалось его раньше видѣть, но я не могъ ошибиться въ его манерѣ говорить. Я тутъ же сказалъ себѣ: „А, я знаю, кто это такой. Это, безъ сомнѣнія, авторъ „Прогресса и бѣдности". Я не дремалъ болѣе".

Около этого времени Джорджъ встрѣтился съ знаменитымъ ирландскимъ общественнымъ дѣятелямъ Михаиломъ Девиттомъ и завязалъ черезъ его посредство сношенія съ Ирландской земельной лигой. Въ скоромъ времени онъ получилъ приглашеніе поѣхать въ Ирландію и Англію и отправился туда съ женой и двумя дочерьми. Въ Ирландіи онъ велъ дѣятельную пропаганду своихъ плановъ земельной реформы и встрѣтилъ восторженный пріемъ со стороны народной массы; но съ вождями ирландскаго движенія онъ не поладилъ, такъ какъ они ставили на первый планъ политическую реформу (созданіе собственнаго ирландскаго парламента) и къ плану Джорджа относились частью прямо враждебно, частью съ большимъ недовѣріемъ.

За эту неудачу Джорджъ былъ вознагражденъ шумнымъ успѣхомъ своихъ рѣчей въ Англіи и Шотландіи, гдѣ ему удалось основать нѣсколько общественныхъ организацій, продолжающихъ и донынѣ вести неутомимую борьбу за земельную реформу. Въ особенности удачна была вторичная поѣздка нашего соціальнаго реформатора по разнымъ городамъ Великобританіи въ 1884 г. Несмотря на то, что ему приходилось бороться на два фронта—со сторонниками существующаго порядка и съ соціалистами,—число его сторонниковъ быстро росло.

Въ самой Америкѣ популярность Джорджа достигла апогея въ 1886 г., когда рабочіе союзы Нью-Іорка выставили его кандидатуру на должность нью-іоркскаго лордъ-мэра. Онъ не былъ выбранъ и не могъ быть выбранъ, такъ какъ выступалъ сразу противъ обѣихъ могущественныхъ партій—республиканской и демократической, дѣлящихъ между собой власть въ Соединенныхъ Штатахъ. Но Джорджъ, несомнѣнно, одержалъ моральную побѣду, получивши около 70 тысячъ голосовъ.

Избирательная кампанія велась съ неслыханнымъ ожесточеніемъ. Джорджъ говорилъ по 12 и 15 разъ въ сутки, подъ открытымъ небомъ, съ козелъ экипажей, въ клубахъ, утромъ и вечеромъ, вездѣ, гдѣ это было возможно. Не имѣя никакихъ личныхъ средствъ и выступая кандидатомъ партіи, столь же мало снабженной финансовыми рессурсами, онъ долженъ былъ бороться съ могущественной коалиціей, совершенно не считавшейся съ расходами.

„Много лѣтъ тому назадъ, закончилъ Джорджъ одну изъ своихъ рѣчей, я прибылъ въ Нью-Іоркъ съ Запада, никому не извѣстный и никого не знающій. И тутъ я впервые почувствовалъ поразительной контрастъ между чудовищнымъ богатствомъ и уничижащей бѣдностью. И тутъ я далъ себѣ слово, отъ котораго я никогда не отступалъ, изыскать и, если возможно, уничтожить причину, заставляющую малыхъ дѣтей жить такою жизнью, какой, вы знаете, живутъ они въ бѣдныхъ кварталахъ города. И, вѣрный этому слову, я стою теперь передъ вами въ качествѣ кандидата въ лордъ-мэры Нью-Іорка, принимая подъ свою защиту не только ваши права, но также и права тѣхъ, которые слабѣе васъ. Подумайте объ этомъ. Малыя дѣти мрутъ тысячами въ этомъ городѣ. Развѣ не нашъ долгъ, какъ гражданъ, бороться съ той неправдой, которая прогоняетъ изъ міра призванныхъ жить въ немъ чуть ли не ранѣе, чѣмъ они появятся въ немъ, которая выталкиваетъ молоденькихъ дѣвушекъ на улицу и заводитъ юношей въ кабаки, а потомъ въ тюрьмы? Мы начинаемъ движеніе, которое скажется и здѣсь, въ нашей странѣ, и всюду на свѣтѣ, и которое придастъ людямъ смѣлости и мыслить и дѣйствовать".

Въ это время Джорджъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ странѣ; въ немъ

цѣнили не только смѣлаго реформатора, но и благородную человѣческую личность, обаянію которой подпадалъ всякій.

За первыми успѣхами послѣдовало, однако, нѣсколько тяжелыхъ неудачъ. Въ партіи Джорджа обнаружился расколъ: отъ нея отдѣлились болѣе крайніе элементы; а затѣмъ и умѣренные съ католическимъ священникомъ Макъ-Глиномъ во главѣ разошлись съ авторомъ „Прогресса и бѣдности", оставшимся, такимъ образомъ, почти въ одиночествѣ. Но Джорджъ не упалъ духомъ и продолжалъ вести борьбу за свое дѣло, которое далеко вышло за предѣлы его родины и охватывало собой весь цивилизованный міръ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ долженъ былъ перенести свою агитацію въ далекую Австралію, куда звали его многочисленные друзья и послѣдователи. Эта поѣздка была настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ нашего соціальнаго реформатора. Его восторженно привѣтствовали тысячи рабочихъ и, что всего важнѣе, его слова падали не на каменистую почву, но превращались въ практическое дѣло жизни: не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ въ цѣломъ рядѣ австралійскихъ колоній были приняты законодательныя мѣры къ практическому осуществленію идей Джорджа.

Эта поѣздка была, вѣроятно, лучшимъ временемъ въ жизни Джорджа. Онъ чувствовалъ себя Моисеемъ, выводящимъ человѣчество изъ египетскаго плѣна нищеты. На обратномъ пути онъ заѣхалъ въ Европу, былъ въ Неаполѣ, Помпеѣ, Римѣ, Венеціи, говорилъ въ Лондонѣ и Глазго о поразительныхъ успѣхахъ своего дѣла въ южномъ полушаріи, и вернулся въ Нью-Іоркъ къ началу конференціи его сторонниковъ.

Какъ разъ въ это время ему исполнился 51 годъ, и публика устроила уже немолодому проповѣднику великой соціальной реформы шумную овацію. Многіе желали ему долгихъ дней. „Нѣтъ, не долгихъ дней желайте мнѣ, отвѣтилъ Джорджъ,—не долгихъ дней должны мы желать людямъ, которыхъ любимъ. Пожелайте лишь, чтобы за время моей жизни, долгой ли, короткой ли, все равно, я могъ исполнить свой долгъ и наилучшимъ образомъ сдѣлать свое дѣло".

Какъ и всѣ люди, служащіе не себѣ, а чему-то болѣе высокому, чѣмъ они сами, онъ совсѣмъ не боялся смерти. „Смерть такъ же естественна, какъ и жизнь, говорилъ онъ своему сыну. Смерть означаетъ лишь переходъ въ другую жизнь. Если человѣкъ хорошо жилъ, если онъ сохранилъ вѣру, то надо радоваться, а не печалиться, когда оканчивается борьба".

Послѣдніе годы жизни автора „Прогресса и бѣдности" были омрачены тяжелымъ ударомъ—смертью его замужней дочери. Конецъ его былъ, однако, такъ же прекрасенъ, какъ и вся его жизнь—жизнь человѣка поразительнаго душевнаго благородства. Его здоровье уже было сильно расшатано неутомимой дѣятельностью; вслѣдствіе нервнаго переутомленія, онъ лишился на нѣкоторое время способности рѣчи. Затѣмъ онъ нѣсколько отдохнулъ, и его силы возстановились. Въ 1897 г. предстояли новые выборы лордъ-мэра въ Нью-Іоркѣ, и Джорджа опять выставили кандидатомъ, какъ и одиннадцать лѣтъ тому назадъ. Но тогда это былъ крѣпкій, какъ духомъ, такъ и тѣломъ, боецъ, въ расцвѣтѣ своихъ силъ, теперь же это былъ старикъ, столь же бодрый духомъ, но физически совершенно разбитый. Врачи предупреждали его, что участіе въ избирательной агитаціи грозитъ ему смертью. Онъ обѣщалъ переговорить со своей женой и прямо поставилъ ей вопросъ.

—„Анна! сказалъ онъ,—помнишь ли, какъ послѣ убійства въ Фениксъ-паркѣ въ 1882 г. ты совѣтовала Михаилу Девитту отправиться въ Дублинъ и быть тамъ со своимъ народомъ, рискуя поплатиться за это жизнью? Я сказалъ тебѣ тогда, что, можетъ быть, напомню тебѣ когда-нибудь твои слова. И вотъ насталъ день, когда мнѣ понадобилось тебѣ ихъ напомнить. Откажешься ли ты повторить теперь то же самое мнѣ? Народъ зоветъ меня; у него нѣтъ другого человѣка, который могъ бы всѣхъ объединить. На очереди стоитъ не просто вопросъ о хорошемъ управленіи. Стоитъ мнѣ принять кандидатуру, какъ самъ собою выдвинется вопросъ о естественныхъ правахъ человѣчества. Нью-Іоркъ станетъ театромъ міровой борьбы, и мой успѣхъ двинетъ впередъ наше дѣло.

— Ты долженъ поступить такъ, какъ тебѣ предписываетъ твой долгъ, все равно, чего бы это тебѣ ни стоило, отвѣчала ему жена.

Началась избирательная кампанія. Опять Джорджъ говорилъ одну рѣчь за другой съ такимъ же жаромъ и воодушевленіемъ, какъ и 11 лѣтъ назадъ. Но прежней силы уже не было. Здоровье его не вынесло этого послѣдняго напряженія, и струна лопнула. 29 октября 1897 г., за 5 дней до выборовъ, Джорджъ скончался отъ апоплексическаго удара.

М. Т. Б.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

Лиможская стачка и итальянскіе ферровіеры.

Въ Лиможѣ, промышленномъ центрѣ Франціи, была въ началѣ апрѣля стачка фаянсовыхъ рабочихъ; тамъ были выстроены баррикады, произошли столкновенія съ войсками, двое рабочихъ было убито, трое рабочихъ и много солдатъ ранено. Въ Италіи началась и быстро закончилась колоссальная стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ; движеніе пассажировъ и

товаровъ было парализовано, вся страна приведена въ состояніе крайняго возбужденія. Въ Германіи рабочая и радикальная пресса полны негодующихъ статей противъ неожиданнаго вмѣшательства германскаго императора въ такъ называемый мароккскій вопросъ, лишь недавно, казалось, мирно разрѣшенный заинтересованными въ этомъ вопросѣ сторонами (Франціей, Англіей, Испаніей).

Лиможская стачка интересна для насъ именно тѣмъ, что на ней отразилась вся сложная борьба общественныхъ силъ Франціи. Исторія этой стачки такова.

Надсмотрщикъ одной изъ фабрикъ фаянсовыхъ издѣлій, принадлежащей Авилану, отличался своимъ развратомъ и злоупотреблялъ своей властью надъ работницами. Этотъ похотливый звѣрь дѣлалъ своими наложницами беззащитныхъ женщинъ и дѣвушекъ, работавшихъ во ввѣренной ему мастерской; тѣхъ же изъ нихъ, которыя отказывались удовлетворять его похоти, онъ подвергалъ жестокимъ преслѣдованіямъ. Жалобы рабочихъ хозяину не помогали и они, наконецъ, подъ угрозой стачки, потребовали отъ Авилана, чтобы онъ удалилъ навсегда своего надсмотрщика изъ фабрики. Авиланъ отказалъ, и всѣ рабочіе—мужчины, женщины и подростки бросили работу.

Лиможъ, городъ съ 80-тысячнымъ населеніемъ, является центромъ фаянсовой промышленности, и на его 32 фаянсовыхъ фабрикахъ работаетъ около 15.000 человѣкъ; хозяева этихъ фабрикъ объединены въ промышленный синдикатъ, а рабочіе, съ своей стороны, объединены въ рабочіе союзы. Въ Лиможѣ имѣется также много шерстяныхъ и разныхъ другихъ фабрикъ, и такъ какъ огромное большинство населенія составляютъ рабочіе, то городскіе гласные, избираемые въ городскую думу во Франціи на основаніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права, являются по большей часть сторонниками рабочихъ. Городскимъ головой (мэромъ) въ настоящее время состоитъ также депутатъ отъ рабочихъ—Лабуссіеръ, и по французскимъ законамъ право распоряженія городской полиціей принадлежитъ мэру, и только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ *назначаемый* правительствомъ префектъ города можетъ устранить на время полицію и призвать на ея мѣсто войска.

Рабочіе фабрики Авилана забастовали 30 марта. Авиланъ рѣшился поддержать своего развратнаго надсмотрщика, а синдикатъ хозяевъ фаянсовыхъ фабрикъ присоединился къ рѣшенію Авилана. „Мы не можемъ позволить рабочимъ вмѣшиваться въ право хозяевъ увольнять или не увольнять своихъ служащихъ“, заявилъ синдикатъ. Тщетно представители рабочихъ пытались объяснить хозяевамъ, что тутъ дѣло не въ правахъ хозяевъ или рабочихъ, а въ обязанностяхъ отцовъ, мужей и братьевъ не отдавать своихъ женъ, дочерей и сестеръ на поруганіе похотливому негодяю. Черезъ двѣ недѣли послѣ начала стачки рабочихъ Авилана, всѣ другіе фабриканты, входящіе въ синдикатъ хозяевъ, закрыли свои фабрики и выбросили на улицу своихъ рабочихъ. Такимъ образомъ, 15.000 человѣкъ было обречено на голодъ только затѣмъ, чтобы принудить работницъ Авилана подчиниться безнравственнымъ требованіямъ его надсмотрщика. Раздраженіе рабочихъ достигло крайнихъ предѣловъ, но гласные рабочей партіи и мэръ Лабуссіеръ прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы удержать ихъ въ предѣлахъ законности и устроить соглашеніе между ними и фабрикантами. Но фабриканты настаивали на своемъ „правѣ“, и борьба между рабочими Авилана и надсмотрщикомъ превратилась въ борьбу между классомъ фабрикантовъ и рабочимъ населеніемъ Лиможа. Начались шумныя демонстраціи рабочихъ, которыя, вѣроятно, прошли бы мирно, если бы въ дѣло не вмѣшался префектъ города. Онъ устранилъ городскую полицію, которою распоряжался Лабуссіеръ, отъ ея обязанности наблюденія за порядкомъ и вызвалъ на ея мѣсто войска. Мѣстнымъ гарнизономъ командовалъ генералъ Турніэ. Военный министръ Андрэ, бывшій членомъ кабинета Комба, уволилъ было этого генерала отъ службы, но новый военный министръ Берто, смѣнившій Андрэ, снова призвалъ Турніэ на службу. Когда Турніэ получилъ приглашеніе префекта вывести солдатъ, онъ вызвалъ войска изъ другихъ областей Франціи. Эти распоряженія все болѣе раздражали рабочихъ, и ихъ поведеніе становилось бурнымъ. Тогда префектъ запретилъ демонстраціи и арестовалъ пять человѣкъ. 17 апрѣля рабочіе потребовали отъ префекта отмѣны его распоряженій. Префектъ, слѣдуя указаніямъ министра внутреннихъ дѣлъ Этьена, отказалъ. Рабочіе пошли толпой къ тюрьмѣ, но солдаты успѣли окружить тюрьму. Началась борьба рабочихъ съ войсками. Въ результатѣ, двое рабочихъ было убито и множество солдатъ и рабочихъ ранено. Послѣ этого синдикатъ хозяевъ проявилъ духъ примиренія и заявилъ Авилану, что его надсмотрщикъ долженъ быть удаленъ. Авиланъ подчинился. 24 апрѣля всѣ фаянсовыя фабрики были снова открыты, и всѣ рабочіе вернулись на работы.

Стачка эта несомнѣнно оставитъ глубокій слѣдъ въ политической жизни Франціи. Она раскрыла передъ глазами націи истинные классовые интересы и симпатіи нынѣшняго министерства. Она показала, что замѣна радикальнаго министерства Комба министерствомъ Рувье не была простой смѣной лицъ, а была также и перемѣной политики. На другой день послѣ кровопролитія въ Лиможѣ, Жоресъ и Вальянъ сдѣлали въ парламентѣ запросъ правительству касательно причинъ этой драмы. Они возлагали отвѣтственность на хозяевъ и правительство и требовали назначенія коммиссіи для выясненія истинныхъ виновниковъ убійства

рабочихъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Этьенъ, поддерживаемый премьеромъ Рувье, въ отвѣтъ на запросъ заявилъ, что правительство беретъ на себя полную отвѣтственность за водвореніе „порядка", и что оно никогда не остановится передъ самыми энергичными мѣрами для укрѣпленія „законности" и защиты правъ собственности. Онъ отказалъ защитникамъ рабочихъ въ ихъ требованіи назначенія комиссіи, и палата высказалась противъ этого требованія большинствомъ 350 голосовъ противъ 152.

Тонъ, какимъ Этьенъ отвѣчалъ, указываетъ на возрожденіе политики, предшествовавшей правленію Вальдека Руссо и Комба. Во время министерства Вальдека Руссо и въ особенности смѣнившаго его Комба, правительство вынуждено было направить всѣ свои силы на борьбу противъ клерикализма и монархизма, грозившихъ тогда смести существующій республиканскій строй Франціи. Въ этой борьбѣ оно искало поддержки трудящагося населенія и въ особенности городского рабочаго класса; и потому въ парламентѣ оно выставляло весьма радикальную программу и опиралось въ палатѣ общинъ на такъ называемый республиканскій „блокъ", т. е. союзъ партій прогрессистовъ. Теперь же, очевидно, времена перемѣнились, такъ какъ общій врагъ, клерикализмъ, сильно ослабленъ законами Комба и не грозитъ болѣе буржуазной республикѣ. Теперь можно возобновить старую борьбу буржуазіи противъ растущей волны рабочихъ. И, поддерживая синдикатъ хозяевъ, Этьенъ и Рувье надѣялись нанести ударъ соціализму, который особенно силенъ въ Лиможѣ. Такимъ образомъ лиможская стачка и рѣчь Этьена знаменуютъ собой полный разрывъ кабинета Рувье съ соціалъ-демократами и отреченіе отъ обѣщанной имъ программы радикальныхъ реформъ, унаслѣдованной отъ Комба. И не только съ соціалъ-демократами разрываетъ теперь свою связь кабинетъ Рувье, но и съ искренними радикалами. Въ числѣ 182 депутатовъ, высказавшихся противъ правительства, были еще многіе радикалы, бывшіе министрами въ кабинетѣ Комба или же принадлежащіе къ тѣмъ самымъ группамъ, которыя выдѣлили изъ своей среды Берто, Дюбьефа, Мерлу и Бьенвеню-Мартена, самыхъ радикальныхъ членовъ нынѣшняго кабинета. Въ числѣ же 350 депутатовъ, высказавшихъ свое довѣріе кабинету, мы находимъ умѣренныхъ прогрессистовъ, консервативный центръ и реакціонныхъ монархистовъ и націоналистовъ. Свое огромное большинство правительство получило благодаря тому, что оно рѣзко повернуло свою политику слѣва направо.

Врядъ ли, однако, можно думать, что этотъ поворотъ въ сторону реакціи придастъ устойчивость кабинету Рувье и Этьена. Нынѣшнему парламенту остается жить только одинъ годъ. Весной 1906 года будутъ всеобщіе выборы, и чѣмъ ближе будетъ это время, тѣмъ болѣе депутатовъ будетъ отворачиваться отъ скомпрометировавшаго себя кабинета, изъ опасенія передъ избирателями, въ особенности передъ рабочимъ классомъ. А классъ этотъ, въ отношеніи пониманія своихъ интересовъ, сильно выросъ за послѣдніе годы. Подъ давленіемъ этой сознательной рабочей массы, вожди многочисленныхъ и долгое время враждовавшихъ между собой соціалъ-демократическихъ партій Франціи вынуждены были прійти къ соглашенію, и на этой недѣлѣ делегаты всѣхъ партій сошлись на конгрессъ и выработали уставъ, по которому всѣ они слились въ одну могучую, объединенную партію. Такимъ образомъ, на ближайшихъ всеобщихъ выборахъ можно ожидать крупной побѣды соціалъ-демократовъ. У насъ еще нѣтъ подъ руками устава соглашенія, выработаннаго на конгрессѣ, но программа, выработанная делегатами для обсужденія на конгрессѣ, даетъ ясное представленіе о тѣхъ началахъ, на которыхъ было предположено объединеніе.

Эти начала строго придерживаются рамокъ классовой борьбы, и въ сущности тождественны съ тѣми основами, на которыхъ держится единство нѣмецкой соціалъ-демократической партіи. И нѣтъ сомнѣнія, что лиможская стачка въ извѣстной степени способствовала выработкѣ соглашенія и объединенія всѣхъ партій.

Итальянская желѣзнодорожная стачка сходна съ лиможской стачкой въ томъ отношеніи, что и она была, такъ сказать, навязана рабочимъ правящими классами, въ надеждѣ сломить растущую силу демократической партіи. Въ Италіи почти всѣ желѣзныя дороги принадлежатъ государству, но въ 1885 году оно отдало эксплуатацію трехъ главныхъ линій частнымъ компаніямъ. Въ договорѣ были выговорены извѣстныя условія въ интересахъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ, но компаніи не выполняли этихъ условій, а правительство, несмотря на всѣ протесты рабочихъ, не настаивало на ихъ выполненіи. Вслѣдствіе этого заработная плата желѣзнодорожныхъ рабочихъ стояла на крайне низкомъ уровнѣ: такъ, напр., сторожа получали лишь около 60 копѣекъ въ день, и только послѣ 20 лѣтъ службы эта плата повышалась до одного рубля; сигнальщики получали 75 коп. и лишь послѣ 20 лѣтъ—1 р. 20 к. Если бы рабочіе получали тотъ минимумъ платы, который былъ выговоренъ въ договорѣ 1885 г., то компаніямъ пришлось бы отдать рабочимъ на 100 милліоновъ франковъ болѣе, чѣмъ сколько онѣ на самомъ дѣлѣ заплатили имъ. Не имѣя возможности добиться улучшенія своей участи отъ частныхъ компаній, рабочіе стали агитировать за обратный переходъ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства. И такъ какъ всѣ слои населенія Италіи жаловались на желѣзнодорожныя компаніи, взимавшія страшно высокую плату за проѣздъ пассажировъ и провозъ товаровъ, то правительство наконецъ рѣшилось уступить требованіямъ рабочихъ и голосу об-

щественнаго мнѣнія. Оно внесло нѣсколько недѣль тому назадъ въ парламентъ законопроектъ объ обратномъ переходѣ желѣзныхъ дорогъ къ государству. По этому проекту предполагалось улучшить матеріальное положеніе „ферровіеровъ“ (такъ называютъ въ Италіи желѣзнодорожныхъ служащихъ); но, съ другой стороны, по статьѣ 71-ой проекта, участіе въ стачкѣ наказывалось какъ преступленіе. Тогда ферровіеры, организованные въ сильный союзъ—въ немъ болѣе 65.000 членовъ, — прибѣгли къ „обструкціи“. Они принялись съ величайшей точностью выполнять всѣ желѣзнодорожныя предписанія. Вслѣдствіе этого всѣ поѣзда стали приходить съ большими запозданіями и все движеніе пришло въ страшный безпорядокъ. И такъ какъ правительство все-таки не сдавалось, то рабочіе стали грозить стачкой. Тогда премьеръ министерства Джіолитти подалъ въ отставку, и новый глава кабинета вычеркнулъ 71-ую статью изъ проекта. Но въ то же время онъ вычеркнулъ почти всѣ тѣ пункты, которыми улучшалось матеріальное положеніе ферровіеровъ, и, сверхъ того, онъ внесъ въ проектъ новую статью, по которой всѣ желѣзнодорожные служащіе — женщины, мужчины, дѣти—признаются государственными чиновниками. А такъ какъ, по итальянскимъ законамъ (ст. 181 уголовнаго кодекса), стачка чиновниковъ наказываеся штрафомъ въ 3000 франковъ и увольненіемъ со службы, то новый проектъ оказался еще хуже, чѣмъ прежній. Ферровіеры попали изъ огня да въ полымя. Новый проектъ былъ для нихъ прямымъ вызовомъ: волей-неволей пришлось имъ начать стачку, и черезъ нѣсколько дней эта стачка закончилась полнымъ пораженіемъ рабочихъ. Итальянское правительство, внося свой проектъ, дѣйствовало согласно съ желаніями реакціонной прессы, побуждавшей его открыть походъ противъ желѣзнодорожнаго рабочаго союза и поддерживающей этотъ союзъ демократической партіи. Правительство вызвало стачку, такъ какъ знало, что она породитъ раздраженіе во всѣхъ слояхъ населенія. Пріостановка желѣзнодорожнаго движенія влечетъ немедленный застой во всей національной промышленности и причиняетъ неисчислимыя затрудненія и бѣдствія для всей страны. Поэтому такая стачка можетъ пользоваться сочувствіемъ населенія только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда она начата въ прямыхъ интересахъ всего народа. При всѣхъ же другихъ обстоятельствахъ населеніе озлобляется противъ стачечниковъ и продолженіе стачки становится немыслимымъ. Такъ случилось и съ данной стачкой. Она немедленно породила всеобщее недовольство и раздраженіе противъ ферровіеровъ, и подъ шумъ этого недовольства правительство безъ труда провело черезъ парламентъ свой желѣзнодорожный законопроектъ. Стрѣлочники, сторожихи, кондуктора—всѣ сдѣлались теперь государственными чиновниками. Такимъ образомъ, правительству удалось нанести союзу ферровіеровъ сразу два чувствительныхъ удара. Союзъ проигралъ крупную стачку и въ то же время лишился по закону права защищать себя и въ будущемъ помощью стачекъ. Правительство повернуло круто въ сторону реакціи и благодаря этому одержало побѣду надъ рабочими. Но прочна ли эта побѣда?

Этотъ вопросъ рѣшитъ итальянскій народъ на ближайшихъ всеобщихъ выборахъ, которые несомнѣнно будутъ носить гораздо болѣе опредѣленный классовой характеръ, чѣмъ это было на прошлыхъ выборахъ. Три года тому назадъ Италіей управляло радикальное министерство Цанарделли, опиравшееся въ парламентѣ на лѣвыя партіи. Ферровіеры, незадолго передъ тѣмъ сорганизовавшіеся въ союзъ, потребовали тогда отъ правительства извѣстныхъ мѣръ для улучшенія ихъ участи, грозя въ случаѣ отказа всеобщей стачкой. Цанарделли, въ своей молодости самъ принимавшій участіе въ революціонномъ движеніи Италіи, зналъ по опыту, что запретить по закону стачку значитъ превратить мирное рабочее движеніе, держащееся рамокъ экономической борьбы, въ бурное революціонное движеніе съ рѣзкимъ политическимъ характеромъ. Поэтому онъ не грозилъ ферровіерамъ законными репрессіями, а наобротъ, вступилъ съ ними въ переговоры черезъ посредство рабочихъ вождей. Онъ уступилъ разумнымъ требованіямъ ферровіеровъ и такимъ образомъ подавилъ стачку и возможные безпорядки въ самомъ зародышѣ. Нынѣшній премьеръ поступилъ иначе: онъ закрылъ законные пути для мирнаго проявленія недовольства ферровіеровъ и этимъ самымъ сдѣлалъ невозможнымъ мирныя отношенія демократической партіи—естественной защитницы всѣхъ рабочихъ—съ правительствомъ. Поэтому, какъ уже было сказано, нужно ожидать болѣе обостренной борьбы между буржуазнымъ правительствомъ и трудящимися классами на ближайшихъ выборахъ.

За послѣдніе годы обѣ великія демократическія державы европейскаго континента—Франція и Италія—сдѣлали попытку мирнаго сотрудничества правящихъ классовъ съ соціалъ-демократическими партіями. Эта попытка несомнѣнно принесла цѣнные плоды трудящимся классамъ. Благодаря ей, значительно поднялся въ этихъ классахъ интересъ къ вопросамъ политики какъ внутренней, такъ и внѣшней. Народъ французскій и итальянскій сталъ болѣе сознательно относиться къ дѣламъ своей родины, и вслѣдствіе этого усилилось его вліяніе и значеніе демократіи въ политической жизни этихъ странъ. Испуганные этимъ фактомъ правящіе классы теперь круто повернули въ сторону реакціи и порвали свою временную связь съ соціалъ-демократами. Попытка мирнаго сотрудничества классовъ труда и капитала, такимъ образомъ, пришла къ концу.

Въ Германіи такой попытки сотрудничества правительства съ демократическими партіями до сихъ поръ сдѣлано не было. Тамъ борьба труда съ капиталомъ осложняется борьбой въ самыхъ рядахъ владѣющихъ классовъ,—борьбой между аграріями, т. е. землевладѣльческимъ классомъ, и промышленной буржуазіей. Благодаря этой борьбѣ владѣющихъ классовъ между собой, политическая исторія Германіи послѣдняго полустолѣтія носила весьма своеобразный характеръ. Этой борьбой объясняется тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что съ одной стороны, нѣмецкая монархія сохранила до сихъ поръ такую крупную долю своего вліянія на политическую жизнь Германіи, и съ другой, рабочее движеніе получило такую удивительную силу и столь рѣзко выраженный политическій и классовой характеръ. Ознакомленію съ политической жизнью Германіи мы и посвятимъ нашу слѣдующую статью, и въ ней же поговоримъ о поднятомъ Вильгельмомъ II марокскомъ вопросѣ, такъ сильно взбудоражившемъ недавно политическія сферы Европы.

Д. Альбіоновъ.

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

Протекшій мѣсяцъ принесъ намъ новое разочарованіе, новое крушеніе начавшей было теплиться надежды на нѣкоторое улучшеніе нашего положенія на морѣ. Бой второй тихоокеанской эскадры съ японскимъ флотомъ, происшедшій 14 мая въ Корейскомъ проливѣ, имѣлъ для насъ самыя роковыя послѣдствія. Почти всѣ наши боевыя суда были уничтожены и значительная часть флота перешла въ руки противника—случай, не имѣющій прецедентовъ ни въ нашей военно-морской исторіи парового флота, ни въ лѣтописяхъ военныхъ флотовъ другихъ державъ. Трафальгаръ и Абукиръ блѣднѣютъ передъ Цусимскимъ сраженіемъ, Лисса и Сантъ-Яго не могутъ итти съ нимъ въ сравненіе! Всѣ событія отступили на задній планъ передъ совершившимся актомъ міровой исторіи. Вниманіе всѣхъ приковано къ постепенно выясняющимся подробностямъ разыгравшейся драмы. Ни о чемъ другомъ не хочется ни думать, ни говорить. Тѣмъ не менѣе, побуждаемые характеромъ настоящей работы, мы должны сдѣлать отступленіе и изложить событія въ томъ хронологическомъ порядкѣ, въ которомъ они слѣдовали одно за другимъ, закончившись наконецъ днемъ 14 мая. Подобное изложеніе фактовъ позволитъ намъ усмотрѣть тѣ общія стратегическія соображенія, которыми руководствовались обѣ стороны и которыя привели къ столкновенію именно въ Корейскомъ проливѣ, а не въ какомъ-либо изъ сѣверныхъ проходовъ.

Конецъ апрѣля и первыя числа мая ознаменовались оживленіемъ дѣятельности нашего флота. Въ теченіе этого періода состоялось соединеніе эскадръ адмираловъ Рожественскаго и Небогатова, былъ совершенъ соединеннымъ флотомъ рядъ перемѣщеній съ цѣлью выиграть время для приведенія судовъ подошедшаго подкрѣпленія въ порядокъ послѣ продолжительнаго форсированнаго перехода и, наконецъ, начали появляться первые признаки перехода адм. Рожественскаго въ дальнѣйшее наступленіе. Всеобщее ожиданіе достигло крайняго напряженія, такъ какъ въ то время считалось почти вѣрнымъ, что японскій флотъ сосредоточенъ у Формозы и у Пескадорскихъ острововъ для защиты входовъ въ Восточно-Китайское море. Ожидалось развитіе контръ-операцій со стороны адм. Того. Положеніе осложнялось, кромѣ того, конфликтомъ между Франціей и Японіей, возникшимъ на почвѣ толкованія правилъ французскаго нейтралитета, нарушаемаго, по мнѣнію японцевъ, французами въ нашу пользу. Протестъ японскаго правительства въ то время сводился къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: 1) угольщики, сопровождающіе русскій флотъ, покупали уголь или въ Сайгонѣ, въ складѣ, устроенномъ русскими агентами, или у частныхъ лицъ, имѣющихъ углехранилища на французской территоріи; 2) берега Индо-Китая служатъ русскому флоту базою для операцій. Ж. Виллье въ „Temps“, офиціозномъ французскомъ органѣ, даетъ изложеніе тѣхъ данныхъ, которыми французское правительство возражало на японское „досье“ по вопросамъ нейтралитета. Прежде всего Франція излагаетъ принципіальную точку зрѣнія, которая можетъ быть опредѣлена такимъ образомъ: во первыхъ, въ чисто *юридическомъ отношеніи*, французское правительство напоминаетъ, что за отсутствіемъ какого-либо международнаго кодекса, державы не связаны какими-нибудь иными, какъ лишь своими собственными, правилами о нейтралитетѣ. Эти правила въ отношеніи Франціи были формулированы не по случаю настоящей войны, но въ самомъ началѣ войны испано-американской. Поэтому нѣтъ основаній подозрѣвать ихъ въ партійности. Къ тому же они въ февралѣ 1904 г. не вызвали никакого протеста. Главныя основанія ихъ слѣдующія: „Ни въ какомъ случаѣ воюющій не можетъ пользоваться французской гаванью для военной цѣли или для возобновленія своихъ запасовъ вооруженія, ни также производить, подъ предлогомъ починокъ, работы, имѣющія цѣлью усиленіе его военной силы. Продолжительность пребыванія во французскихъ портахъ судовъ воюющихъ державъ, не сопровождаемыхъ захваченными судами, не ограничена. Каждому изъ воюющихъ могутъ быть доставлены лишь жизненные припасы и средства для починки судовъ, необходимыя для существованія его экипажа и безопасности плаванія. Отсюда слѣдуетъ, что все, называемое Японіею нарушеніемъ нейтралитета, какъ-то: остановки во французскихъ водахъ, снабженіе съѣстными припасами экипажей, покупка угля (послѣдняя была къ тому же совершенно исключительнымъ случаемъ),—не составляетъ незаконныхъ дѣйствій. Французское правительство уже на этомъ основаніи могло бы отказаться отъ всякой отвѣтственности. Во-вторыхъ, *въ отношеніи справедливости*, французское правительство, озабочиваясь о томъ, чтобы исполнять не только по буквѣ, но и по духу, тотъ долгъ безпристрастія, который составляетъ сущность нейтралитета, признаетъ, что важность русской эскадры съ одной стороны, а съ другой ея близость, въ теченіе послѣднихъ недѣль, къ вѣроятному

театру рѣшительной встрѣчи, создаютъ особыя обстоятельства. Этимъ обязательствамъ оно удовлетворяетъ, при полномъ сохраненіи принципа своего суверенитета, посылкою точныхъ инструкцій колоніальнымъ властямъ Индо-Китая. Изложивъ свой основной взглядъ по вопросамъ о нейтралитетѣ, французское правительство разсматриваетъ дѣйствія русскаго флота въ индо-китайскихъ водахъ и приводитъ доказательства того, что нейтралитетъ ни разу не былъ нарушенъ эскадрой адмирала Рожественскаго. Доказательства эти въ сущности сводятся къ примѣненію вышеупомянутаго толкованія правилъ нейтралитета къ частнымъ случаямъ и потому мы ихъ не приведемъ въ подлинномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что инцинцентъ почти сразу оказался исчерпаннымъ, когда выяснилось удаленіе адмирала Рожественскаго отъ аннамскихъ береговъ.

1 мая, по свѣдѣніямъ японскаго правительства, адмиралъ Рожественскій, послѣ присоединенія въ морѣ судовъ адм. Небогатова, вернулся въ бухту Хонкоэ. Мѣстной французской администраціей немедленно былъ посланъ адм. Жонкьеръ для осмотра береговъ Аннама, который и донесъ 3 мая, что присутствіе русскаго флота не обнаружено имъ ни въ одной изъ бухтъ индо-китайскаго побережья. Очевидно, адм. Рожественскій зашелъ лишь на короткое время въ бухту Хонкоэ и вышелъ послѣ того въ открытое море съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе къ берегамъ французской колоніи. Дѣйствительно, 6 мая часть его эскадры обнаружила себя въ проходѣ Баши (между островами Формозой и Люцономъ). Отрядъ изъ 14 вспомогательныхъ крейсеровъ и транспортовъ при 6 контръ-миноносцахъ остановилъ здѣсь утромъ шведскій пароходъ „Оскаръ II", осмотрѣлъ его и отпустилъ для дальнѣйшаго слѣдованія. На слѣдующій день, по донесеніямъ изъ нѣкоторыхъ пунктовъ на сѣверо-западномъ берегу о. Люцона, эскадра наша въ полномъ составѣ, до 52 вымпеловъ, была замѣчена уже въ океанѣ, къ востоку отъ Батанскихъ острововъ, лежащихъ въ проливѣ Баши.

До 9 мая адм. Рожественскій крейсировалъ въ водахъ, прилегающихъ къ группѣ острововъ Ріу-Кіу, и принялъ за это время большое количество угля. Затѣмъ эскадра прошла группу острововъ Ріу-Кіу, повидимому, нѣсколькими отрядами и 11 мая оказалась на высотѣ Шанхая. Начиная съ этого времени движенія адм. Рожественскаго становятся настолько опредѣленными, что почти не остается сомнѣній относительно его намѣренія итти черезъ Корейскій проливъ.

Первымъ признакомъ появленія главныхъ нашихъ силъ въ Восточно-Китайскомъ морѣ явился приходъ въ Вузунъ (портъ Шанхая) значительной транспортной флотиліи, насчитывающей въ своемъ составѣ 6 пароходовъ и 2 вспомогательныхъ крейсера. Появленіе здѣсь цѣлой флотиліи транспортовъ, почти не конвоируемыхъ боевыми судами, ясно указывало, что эта часть моря находилась въ то время подъ прикрытіемъ нашихъ главныхъ силъ. Дѣйствительно, нѣсколько позже транспорты, возвратившіеся въ Сайгонъ со вполнѣ опорожненными угольными трюмами, категорически заявили о нахожденіи 11 мая всей эскадры адм. Рожественскаго на широтѣ Шанхая, у острововъ Сэддль, гдѣ она произвела погрузку угля. Отсюда, очевидно, часть угольщиковъ, имѣющихъ еще запасы угля, была направлена въ Вузунъ впредь до распоряженій, характеръ которыхъ долженъ былъ выясниться въ зависимости отъ исхода ожидаемаго сраженія. Наступленіе эскадры къ сѣверу дѣлало этотъ пунктъ тыльнымъ, и онъ вообще былъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ нашихъ транспортовъ, такъ какъ позже къ нему подошло до 16 пароходовъ разныхъ спеціальныхъ назначеній. Погрузка угля у устрововъ Сэддль, должно быть, была послѣднею, такъ какъ, взявъ здѣсь полный запасъ, эскадра могла совершить при нормальныхъ условіяхъ плаваніе въ 2.000 миль, — разстояніе же до Владивостока по кратчайшему пути исчисляется всего лишь въ 980 миль. Теперь стало извѣстно, что адм. Рожественскій появился въ Корейскомъ проливѣ у острова Цусимы 14 мая утромъ. Цифра эта, повидимому, точна, такъ какъ, если сопоставить ее съ агентскими сообщеніями о нахожденіи нашей эскадры 12 мая въ 12 час. дня еще въ широтѣ Шанхая, то переходъ въ 470 миль отъ острововъ Сэддль до острова Цусимы окажется совершеннымъ въ 43 часа, т. е. съ 11-тиузловой скоростью.

Вступленіемъ адм. Рожественскаго въ Корейскій проливъ закончился періодъ маневрированія, и эскадра наша стала лицомъ къ лицу со своимъ противникомъ. Рѣшеніе громадной и сложной операціи адм. Рожественскаго вышло изъ области стратегіи и руководящая роль перешла къ тактикѣ. Бой, вѣнчающій всѣ усилія стратегіи, долженъ былъ рѣшить участь всей операціи. Но прежде, чѣмъ описывать самое сраженіе, слѣдуетъ бросить общій взглядъ на то, что сдѣлалъ и могъ сдѣлать адм. Рожественскій своими стратегическими ходами, такъ какъ они въ сущности имѣютъ главнымъ назначеніемъ подготовить наивыгоднѣйшія условія боя.

Теперь уже раздаются голоса, осуждающіе рѣшенія адм. Рожественскаго итти во Владивостокъ черезъ Корейскій проливъ. Говорятъ, что онъ долженъ былъ направиться къ одному изъ сѣверныхъ проходовъ, предполагая, по всей вѣроятности, что сдѣлать тамъ прорывъ и легче и выгоднѣе.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Разсматривая въ послѣднемъ нашемъ обозрѣніи особенности театра военныхъ дѣйствій на морѣ и выясняя значеніе расположенія на немъ силъ обѣихъ сторонъ, мы указали, что маневрированія адм. Рожественскаго могли принести ему пользу только при разрѣшеніи задачи подхода къ одному изъ проливовъ, ведущихъ изъ Японскаго моря въ Тихій океанъ, при условіи, конечно, маневрированія японскаго флота въ водахъ Восточно-Китайскаго моря и въ части Тихаго океана, омывающей берега Японіи.

Но разъ флотъ противника оставался въ Японскомъ морѣ, всѣ попытки проникнуть черезъ проливы, не встрѣтивъ тамъ противника, были бы тщетны. Адмиралъ Того, располагая многочисленными развѣдчиками, пользуясь донесеніями коммерческихъ пароходовъ, имѣя возможность получать свѣдѣнія о движеніи противника по безпроволочному телеграфу цѣлой сѣти прибрежныхъ станцій (станція на о. Квельпартѣ, напримѣръ, сообщила адм. Того о появленіи нашей эскадры вблизи входа въ Корейскій проливъ еще 13 мая) и дѣйствуя, наконецъ, по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ Японскаго моря, — всегда могъ сосредоточить всѣ свои силы къ тому проливу, къ которому адм. Рождественскій направилъ бы свою громадную эскадру. Раздѣленіе нашего флота на части вызвало бы такое же раздѣленіе силъ противника и скорѣе всего, при указанныхъ стратегическихъ его преимуществахъ, привело бы насъ къ пора-

женію по частямъ, какъ это всегда бываетъ со стороною, дѣйствующею по внѣшнимъ операціоннымъ линіямъ и менѣе освѣдомленною по сравненію со своимъ противникомъ.

Такимъ образомъ, адм. Рожественскій зналъ, что въ какой бы проливъ онъ ни пошелъ—Корейскій, Сангарскій или Лаперузовъ, вездѣ его ожидалъ бы адм. Того со всѣмъ своимъ флотомъ. Многіе еще предполагали, что адм. Рожественскій, путемъ воздѣйствія на восточное побережье японскихъ острововъ, могъ бы вызвать японскій флотъ въ Тихій океанъ и извлечь изъ этого для себя какія-то выгоды.

Мы говоримъ „какія-то" потому, что рѣшительно не видимъ въ подобномъ маневрѣ какой бы то ни было пользы для нашего флота. Разберемъ болѣе подробно это положеніе.

Чтобы вызвать появленіе японскаго флота въ Тихомъ океанѣ, необходимо было имѣть возможность нанести тамъ противнику ощутимый вредъ, который принудилъ бы японскаго адмирала оставить свое выгодное стратегическое положеніе. Какой же ущербъ могъ нанести нашъ флотъ Японіи со стороны океана? Воздѣйствовать на важные жизненные центры онъ не былъ въ состояніи, такъ какъ всѣ подступы къ такимъ пунктамъ хорошо защищены бореговыми батареями, минными загражденіями и, быть можетъ, миноносцами и подводными лодками. Нападать на пункты, не имѣющіе военнаго значенія, это, собственно, по воробью стрѣлять изъ пушки. Производить серьезныя десантныя операціи адм. Рожественскій не могъ, такъ какъ у него не было съ собою десантныхъ войскъ, а морскія команды слишкомъ дороги для флота, чтобы ихъ расходовать на малоцѣнныя по существу высадки. Прервать торговое движеніе можно было, но этотъ образъ дѣйствій далъ бы замѣтные результаты по прошествіи значительнаго времени, и неизвѣстно, кому труднѣе пришлось бы въ теченіе этого періода—Японіи или нашей эскадрѣ, дѣйствующей безъ базы и съ крайне затруднительнымъ подвозомъ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ. Если принять во вниманіе, что японцы, безспорно, могли организовать крейсерскіе операціи для перехватыванія нашихъ транспортовъ, то продолжительное крейсированіе нашего флота могло бы окончиться катастрофой вслѣдствіе недостатка угля, снарядовъ, пропитанія и прочаго. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что даже передъ переходомъ въ наступленіе черезъ Корейскій проливъ адм. Рожественскій уже испытывалъ затрудненія, благодаря нехваткѣ угля и снарядовъ.

Допустимъ, наконецъ, что какими бы то ни было средствами адм. Рожественскому удалось вызвать японскій флотъ въ Тихій океанъ. Какую онъ извлекъ бы изъ этого обстоятельства пользу? Обмануть японскій флотъ при указанныхъ выше условіяхъ стратегической подготовки театра войны, при большей его быстроходности, и пройти безъ боя черезъ одинъ изъ проливовъ—врядъ ли могло удасться. Положительныхъ шансовъ на выполненіе подобнаго маневра такъ мало, что странно было бы, если бы адм. Рожественскій положилъ ихъ въ основу своихъ расчетовъ. Еще хуже было бы для насъ вызвать въ Тихомъ океанѣ бой: японцы и здѣсь близки къ своимъ базамъ, мы же оказались бы отрѣзанными отъ Владивостока не только громаднымъ воднымъ пространствомъ, но и проливами, въ которыхъ противникъ успѣлъ бы послѣ боя сосредоточиться, подкрѣпиться резервами и дать намъ второе сраженіе.

Такимъ образомъ, командующему нашимъ флотомъ съ указанной точки зрѣнія не было никакихъ основаній предпочитать прорывъ черезъ сѣверные проходы форсированію Корейскаго пролива. Разъ же у адмирала Рожественскаго сложилось убѣжденіе, что ему не удастся избѣжать встрѣчи съ непріятельскимъ флотомъ въ одномъ изъ проливовъ, то вопросъ о выборѣ такого пролива сводился къ изслѣдованіямъ чисто тактическаго характера: гдѣ ему выгоднѣе принять бой—въ Лаперузовомъ, Сангарскомъ или Корейскомъ проходѣ? Всѣ они почти равно отстоятъ отъ Владивостока, такъ что въ этомъ отношеніи сдѣлать какое-либо предпочтеніе не представлялось возможнымъ, хотя слѣдуетъ упомянуть, что Корейскій проливъ немного ближе къ нашей базѣ, нежели оба сѣверные прохода. Корейскій проливъ болѣе широкъ и состоитъ изъ двухъ рукавовъ, восточнаго и западнаго,—обстоятельство, которымъ адм. Рожественскій могъ воспользоваться съ нѣкоторой выгодою для себя, особенно въ случаѣ подходящаго состоянія погоды. Туманъ, напримѣръ, могъ бы помочь нашему флоту пройти незамѣченнымъ однимъ изъ рукавовъ, и такой оборотъ дѣла вполнѣ искупилъ бы рискъ отъ возможности подвергнуться внезапнымъ миннымъ атакамъ при неблагопріятныхъ для ихъ отраженія обстоятельствахъ.

Въ узкомъ же Сангарскомъ проливѣ, окутывающіе его въ это время года туманы не позволили бы адм. Рожественскому пройти незамѣченнымъ, а рискъ пострадать отъ минныхъ атакъ оставался такимъ же, какъ и въ южномъ проходѣ. Нѣтъ, какъ видимъ, никакихъ вѣскихъ данныхъ, на основаніи которыхъ командующій нашимъ флотомъ могъ бы предпочесть для прорыва какой-либо одинъ изъ трехъ проливовъ. Естественно поэтому, что флотъ нашъ направился кратчайшимъ путемъ, черезъ Корейскій проливъ, во избѣжаніе безполезныхъ и трудныхъ маневровъ въ Тихомъ океанѣ. Какъ бы тамъ ни было, адм. Рожественскій направился къ Цусимѣ, и адм. Того ожидалъ его тамъ.

Теперь уже выяснилось, что адм. Того настолько былъ увѣренъ въ успѣхѣ предстоящаго боя, что не считалъ нужнымъ развивать какія-либо операціи внѣ Японскаго моря, кромѣ носящихъ характеръ развѣдки. Нашъ флотъ маневрировалъ, такъ сказать, впустую. Но это обстоятельство не умаляетъ заслуги адм. Рожественскаго, который смѣло оперировалъ со своей эскадрой, правильно оцѣнивъ невыгодныя для японскаго флота условія маневрированія внѣ водъ Японскаго моря. Маневрированіе же впустую въ данномъ случаѣ является не излишней осторожностью, а необходимостью, вызванной недостаточной освѣдомленностью о непріятелѣ.

Переходя къ описанію самого боя, мы считаемъ долгомъ оговорить, что въ настоящей работѣ не имѣется въ виду дать подробности всего происходившаго въ теченіе 14, 15 и отчасти 16 мая. Поступающія по телеграфу донесенія настолько сбивчивы, противорѣчивы и страдаютъ такимъ отсутствіемъ полноты описанія, что не даютъ возможности составить детальное, подробное представленіе о ходѣ сраженія. Тѣмъ не менѣе, въ то время, когда мы заканчиваемъ эту статью, нѣкоторыя главныя условія и обстоятельства сраженія уже выяснились въ главныхъ чертахъ. Ихъ-то мы и имѣемъ въ виду здѣсь отмѣтить, подробное же описаніе отложимъ до того времени, когда заслуживающія довѣрія донесенія прольютъ наконецъ

свѣтъ на разыгравшуюся у Цусимы драму. Считаемъ необходимымъ, кромѣ того, упомянуть, что матеріаломъ для составленія описанія боя намъ послужили главнымъ образомъ офиціальныя донесенія наши и японскія, корреспонденціи „Нов. Вр.“ и „Рус. Сл.“ и рядъ сообщеній, появившихся въ болѣе освѣдомленныхъ иностранныхъ газетахъ.

14 мая рано утромъ вся наша эскадра приблизилась къ Корейскому проливу. Впереди въ двѣ колонны, каждая въ строѣ кильватера (гуськомъ), шли всѣ броненосцы. Справа были расположены „Князь Суворовъ“, Императоръ Александръ III“, „Бородино“ и „Орелъ“, слѣва — „Ослябя“, „Сисой Великій“, „Наваринъ“, „Императоръ Николай I“ и „адмиралы“: „Апраксинъ“, „Сенявинъ“ и „Ушаковъ“. Впереди броненосцевъ, въ качествѣ развѣдчиковъ, шли крейсеры „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“ Сзади тяжелыхъ судовъ шли крейсеры „Олегъ“, „Аврора“, „Нахимовъ“, „Дмитрій Донской“, „Владиміръ Мономахъ“, „Свѣтлана“, „Алмазъ“ и „Уралъ“, которымъ поручено было прикрывать транспортный отрядъ, состоящій изъ пароходовъ: „Анадырь“, „Иртышъ“, „Камчатка“, „Русь“ и „Свирь“. За ними слѣдовали всѣ миноносцы (9 штукъ) и, наконецъ, госпитальныя суда „Орелъ“ и „Кострома“. День былъ неясный, иглистый. Но все же въ 8 час. 30 мин. на югѣ былъ усмотрѣнъ нами японскій крейсеръ второго класса „Идзуми“, шедшій на сѣверъ. Опознавъ нашу эскадру, онъ повернулъ на параллельный съ ней курсъ, но оставался внѣ выстрѣловъ. Въ 10 час. 30 мин. на сѣверо-западѣ увидѣли четыре крейсера: „Читозе“, „Касаги“, „Тсусима“ и „Нитака“. Они тоже склонились на параллельный съ нашей эскадрой курсъ, но, находясь со стороны броненосцевъ, тотчасъ же были встрѣчены огнемъ съ нихъ и вслѣдствіе этого вскорѣ принуждены были удалиться за предѣлы видимости.

Послѣ этого, адмиралъ Рожественскій, ожидая появленія главныхъ силъ противника, перестроилъ свою эскадру въ боевой порядокъ, расположивши всѣ броненосцы и пять крейсеровъ слѣва, въ серединѣ размѣстивши транспорты и миноносцы и справа выдвинувъ, какъ прикрытіе, легкіе крейсера. Около 2 часовъ пополудни, когда эскадра наша уже вступала въ проливъ, впереди, слѣва отъ нея показался японскій броненосный флотъ, насчитывающій въ своемъ составѣ въ числѣ прочихъ судовъ четыре броненосца и броненосные крейсера: „Якумо“, „Нисинъ“, „Касуга“, „Ивате“, „Идзумо“ и „Адзума“. Огонь былъ открытъ съ обѣихъ сторонъ съ большимъ ожесточеніемъ, при чемъ можно было замѣтить, что японцы направляли его главнымъ образомъ на адмиральскіе корабли. Нашимъ транспортамъ приказано было отойти дальше вправо, а легкимъ крейсерамъ остаться правѣе ихъ. Благодаря мѣткости японскаго огня и его сосредоточенію на отдѣльныхъ корабляхъ, уже черезъ полтора часа броненосцы „Суворовъ“ и „Ослябя“ оказались сильно разстрѣлянными и въ критическомъ положеніи. Вскорѣ ихъ состояніе оказалось безнадежнымъ, и они погрузились въ воду.

Раненый въ самомъ началѣ боя, адм. Рожественскій, видя, что броненосецъ „Князь Суворовъ“ гибнетъ, перешелъ на контръ-миноносецъ „Буйный“. Почти одновременно съ появленіемъ броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ противника съ лѣвой стороны нашей эскадры, по правую ея сторону показались легкіе крейсеры непріятеля въ одной колоннѣ. Это были „Читозе“, „Касаги“, „Нитака“, „Тсусима“, „Матсушима“, „Хашидате“, „Акицузу“ и „Сума“. Они открыли огонь по транспортамъ и легкимъ крейсерамъ. На помощь послѣднимъ вышли изъ лѣвой колонны крейсеры „Владиміръ Мономахъ“ и „Дмитрій Донской“, благодаря частому огню которыхъ японскіе крейсеры были принуждены немного отойти и ослабить огонь по транспортамъ. Однако „Уралъ“ сильно пострадалъ: на немъ оказались сбитыми трубы и имѣлась пробоина въ носу подъ водой, отъ чего онъ сталъ медленно погружаться.

До 5 часовъ бой продолжался безъ особыхъ серьезныхъ потерь. Вскорѣ, послѣ 5 ч. броненосецъ „Императоръ Александръ III“ сильно накренился и принужденъ былъ выйти изъ строя, но, быстро справившись съ креномъ, вновь вступилъ въ общую линію, вставъ концевымъ, и возобновилъ стрѣльбу. Въ это время головнымъ шелъ броненосецъ „Бородино“. Замѣтивъ аварію на броненосцѣ „Александръ III“, японцы, послѣ его вступленія въ линію, вновь сосредоточили огонь на немъ и къ шести часамъ заставили его опять отстать отъ эскадры, которая и потеряла его изъ виду. Японцы между тѣмъ направили свой огонь главнымъ образомъ на нашъ головной корабль „Бородино“, который не могъ противостоять такому убійственному огню, и въ 7 ч. 30 м. погрузился въ воду.

Такимъ образомъ, къ наступленію сумерекъ мы потеряли 4 лучшихъ нашихъ броненосца, ибо отставшій „Императоръ Александръ III“ также затонулъ, какъ это выяснилось позже. Флотъ нашъ уже въ дневномъ артиллерійскомъ бою былъ разбитъ и, когда японцы съ наступленіемъ темноты двинули въ атаку свои многочисленныя минныя флотиліи и одновременно начали тѣснить наши суда навстрѣчу миноносцамъ,— въ построеніи нашей боевой линіи произошло полное замѣшательство. Суда эскадры адм. Рожественскаго разбились на группы, частью проскочившія въ Японское море, частью возвратившіяся обратно.

Ночной бой въ ночь на 15 мая и рядъ дневныхъ столкновеній того же числа нельзя, собственно, даже назвать сраженіемъ. Это была уже эксплоатація японцами побѣды, одержанной 14 мая днемъ. Суда наши уничтожались и брались въ плѣнъ, выбрасывались сами на берегъ или спасались бѣгствомъ по всѣмъ направленіямъ. Свѣдѣнія, относящіяся къ этому періоду сраженія, настолько сбичивы и противорѣчивы, что мы воздержимся отъ попытки установить болѣе или менѣе точно время, мѣсто и обстоятельства гибели каждаго нашего корабля въ отдѣльности. Здѣсь же отмѣтимъ только то, что не подлежитъ сомнѣнію.

15 мая уцѣлѣвшіе послѣ ночного боя остатки нашей броненосной эскадры были настигнуты японцами у скалъ Ліанкуръ, и броненосцы „Орелъ“, „Императоръ Николай I“, „Адмиралъ Сенявинъ“ и „Адмиралъ Апраксинъ“ сдались противнику. Тутъ же рядомъ, на виду спустившихъ свой флагъ броненосцевъ, ихъ сотоварищъ, слабый броненосецъ береговой обороны, „Адмиралъ Ушаковъ“ погибъ въ геройской борьбѣ съ двумя сильнѣйшими японскими броненосными крейсерами, „Ивате“ и „Якумо“, которымъ на предложеніе сдаться отвѣтилъ орудійными выстрѣлами.

Помимо указанныхъ выше обстоятельствъ гибели нашихъ лучшихъ броненосцевъ, вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о потопленіи нѣкоторыхъ остальныхъ судовъ получены только отъ командира крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“. Въ ночь на 15 мая это судно, идя въ составѣ эскадры, было атаковано японскими мино-

носцами и, получивъ пробоины, пошло ко дну около острова Цусимы. Объ участи адм. Рожественскаго сообщаетъ довольно подробно „Рус. Сл.“, корреспондентъ котораго почерпнулъ свои свѣдѣнія отъ офицеровъ, прибывшихъ на прорвавшихся судахъ во Владивостокъ. Въ этой передачѣ адм. Рожественскій, сойдя съ погружающагося „Суворова“ на миноносецъ „Буйный“, поднялъ на немъ сигналъ: „Адмиралъ легко раненъ въ руку и передаетъ командованіе Небогатову“. Но долго этотъ сигналъ не былъ замѣченъ, такъ какъ на миноносцы и ихъ сигналы не обращали въ горячемъ бою вниманія. „Буйный“ сталъ подходить къ кораблямъ и семафоромъ передавалъ приказанія адмирала.

Часовъ около девяти вечера, когда было уже совершенно темно, миноносецъ „Грозный“, не зная, что предпринять, такъ какъ не имѣлъ никакихъ приказаній,—сталъ пробиваться черезъ кольцо миноносцевъ и около южной оконечности острова Цусимы, увидѣвъ „Дмитрія Донского“, присталъ къ нему. Около „Дмитрія Донского“ находились миноносцы „Буйный“ и „Бѣдовый“. Обогнувъ островъ съ юга и подъ защитой „Дмитрія Донского“ отбившись отъ атаки миноносцевъ, всѣ четыре судна направились къ сѣверу, идя проливомъ Броутона. Утромъ 15-го мая вошли въ Японское море и направились во Владивостокъ. Часовъ около семи „Буйный“ поднялъ сигналъ, что не имѣетъ угля, и подошелъ къ „Дмитрію Донскому“ грузиться углемъ. Въ это время адмиралъ Рожественскій со штабомъ перешелъ на миноносецъ „Бѣдовый“. Послѣ погрузки угля на „Буйный“, всѣ пошли на сѣверъ. Вскорѣ „Дмитрій Донской“ и „Буйный“ повернули назадъ, а „Бѣдовый“ и „Грозный“ продолжали итти ко Владивостоку. Во второмъ часу слѣва показались два дымка. Когда дымки приблизились, „Грозный“ увидѣлъ два японскихъ большихъ миноносца и сообщилъ объ этомъ на „Бѣдовый“. Съ послѣдняго былъ данъ приказъ итти полнымъ ходомъ во Владивостокъ. Миноносецъ „Грозный“, не зная, что на „Бѣдовомъ“ находится адмиралъ Рожественскій, спросилъ, кто даетъ приказанія; съ „Бѣдоваго“ отвѣтили, что на миноносцѣ находится адмиралъ Рожественскій, раненый въ голову, а приказанія даетъ штабъ адмирала. Тогда миноносецъ „Грозный“, обогнавъ „Бѣдоваго“, пошелъ двадцатипяти-узловымъ ходомъ. Японскіе миноносцы, имѣя тридцати-узловой ходъ, настигли нашихъ. Командиръ „Грознаго“ спросилъ сигналомъ у „Бѣдоваго“, принимать бой или итти далѣе; но съ „Бѣдоваго“ ничего не отвѣтили. Онъ остановилъ машину. На него пошелъ одинъ изъ японскихъ миноносцевъ и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, но, замѣтивъ на „Бѣдовомъ“ флагъ „Краснаго Креста“, подошелъ къ нему. Что происходило потомъ, „Грозный“ не знаетъ, такъ какъ у него завязался бой съ другимъ японскимъ миноносцемъ, отъ котораго онъ, спустя нѣкоторое время, отдѣлался и прибылъ во Владивостокъ. По японской версіи, контръ-миноносецъ „Сазанами“ взялъ на буксиръ нашъ истребитель „Бѣдовый“ и привелъ его въ Сасебо.

Вполнѣ также установлено, какимъ нашимъ судамъ удалось спастись. Во Владивостокъ прибыли крейсеръ „Алмазъ“ и миноносцы „Грозный“ и „Бравый“. Транспорты „Корея“ и „Свирь“ прибыли 15 мая въ Шанхай. Туда же позже былъ приведенъ на буксирѣ англійскаго парохода „Kwailee“ контръ-миноносецъ „Бодрый“. Въ Маниллу пришелъ адм. Энквистъ съ крейсерами „Олегъ“, „Аврора“ и „Жемчугъ“. Это все, что осталось отъ громаднаго флота адм. Рожественскаго. Остальныя суда, за исключеніемъ плѣненныхъ, такъ или иначе уничтожены японцами въ теченіе 14—16 мая.

Даже краткое, сжатое изложеніе фактовъ показываетъ, что флотъ нашъ испыталъ не пораженіе, а какой-то небывалый разгромъ, ужасающую катастрофу. Невольно возникаетъ вопросъ: почему все это такъ случилось? Какія обстоятельства сыграли столь рѣшительную и печальную для насъ роль? Дать полный отвѣтъ на эти вопросы въ настоящее время, конечно, не представляется возможнымъ, но кое-что и теперь уже выяснилось въ достаточной степени. Разбираясь въ причинахъ, приведшихъ нашъ флотъ къ катастрофѣ у Цусимы, мы должны сказать, что почти всѣ онѣ являются результатомъ группировки обстоятельствъ, лежащихъ внѣ области вліянія адм. Рожественскаго, и только незначительная ихъ часть можетъ быть приписана качествамъ, присущимъ такому лицу, какъ командующій флотомъ. Выше мы доказали, что основная, поставленная адм. Рожественскому, задача—достиженіе Владивостока—привела его къ необходимости принять бой въ одномъ изъ проливовъ Японскаго моря, невозможность же безъ базы оперировать продолжительное время, вблизи сильнѣйшаго непріятеля, побудила его итти именно въ Корейскій проливъ. Тактическія преимущества противника здѣсь громадны. Ему, прежде всего, принадлежатъ въ проливѣ оба берега, и онъ могъ ихъ приспособить и приспособилъ для дѣйствія миноносцами и подводными лодками, для установки минныхъ загражденій и для укрытія массы мелкихъ судовъ, назначеніе которыхъ заключалось въ разбрасываніи плавучихъ минъ. Проливъ былъ изученъ противникомъ во всѣхъ отношеніяхъ и по всѣмъ направленіямъ и обставленъ всевозможными сигнальными приспособленіями, что дѣлало маневры японскаго флота въ высшей степени точными и подчиняющимися опредѣленному плану. Движенія нашей эскадры, наоборотъ, были крайне стѣснены. Она должна была двигаться въ проливѣ поступательно, чтобы скорѣе его пройти и не имѣла простора въ маневрированіи широкимъ фронтомъ, т. к. должна была опасаться войти крайними кораблями въ минированныя пространства. Японцы же, зная расположеніе своихъ минныхъ загражденій и не заинтересованные выходомъ изъ пролива, располагали полной свободой маневрированія. Это большое и неоспоримое преимущество, и чтобы оцѣнить его значеніе, надо понять, что преслѣдуется маневрированіемъ флота во время боя. Каждый военный корабль, въ зависимости отъ расположенія артиллеріи и отъ способа бронированія своихъ частей, имѣетъ относительно своей продольной вертикальной плоскости направленіе, по которому онъ можетъ развить наиболѣе сильный огонь, оставаясь въ то же время наилучше прикрытымъ своей броней. Задача адмирала, командующаго флотомъ, и заключается въ томъ, чтобы расположить свои суда, относительно судовъ противника, въ наивыгоднѣйшемъ порядкѣ, т. е. такъ, чтобы имѣть возможность развивать свой сильнѣйшій огонь, быть въ положеніи, въ которомъ корабли обращены къ противнику наиболѣе бронированными частями и не допускать въ то же время непріятеля сдѣлать нѣчто подобное. Разрѣшеніе этой задачи и преслѣдуетъ маневрированіе, а потому вполнѣ понятно, какъ должно было губительно дѣйствовать всякое стѣсненіе въ этомъ направленіи.

Эскадра наша, какъ мы уже упомянули, шла въ строѣ кильватера. Адмиралъ Того впервые появился впереди и слѣва и занялъ, очевидно, положеніе, при которомъ сразу развилъ наиболѣе сильный огонь, какой только былъ возможенъ на эскадрѣ. Всѣ его корабли, будучи въ строѣ кильватера, составляли прямую линію, почти перпендикулярно къ линіи нашихъ броненосцевъ, но расположенную нѣсколько влѣво. При такомъ относительномъ расположеніи японцы ввели въ дѣйствіе всю бортовую артиллерію и часть носовой и кормовой; мы же дѣйствовали носовой и только отчасти бортовой, такъ какъ передніе корабли закрывали горизонтъ обстрѣла для заднихъ, а суда наши, находящіяся въ хвостѣ, за удаленностью, совсѣмъ не могли принять участія въ бою. Въ результатѣ на первыхъ же порахъ мы потеряли оба флагманскіе корабля, „Князь Суворовъ" и „Ослябя". Какъ маневрировалъ адм. Рожественскій, чтобы выйти изъ этого невыгоднаго положенія, мы не знаемъ, но изъ японскихъ донесеній видно, что въ концѣ концовъ мы остались въ томъ же строѣ кильватера и шли къ сѣверу, а японцы заняли тремя колоннами положеніе на сѣверѣ, съ востока и запада. Эскадра наша была какъ бы въ мѣшкѣ, и благодаря своей тихоходности, по сравненію съ японскимъ флотомъ, не могла прорвать линію судовъ непріятеля, идущихъ впереди нея. Корабли наши одинъ за другимъ разстрѣливались сосредоточеннымъ перекрестнымъ огнемъ съ фронта и съ обоихъ фланговъ. Удачное маневрированіе дало, кромѣ того, японцамъ возможность занять такое положеніе относительно солнца, что лучи его слѣпили нашихъ артиллеристовъ, понижая мѣткость ихъ стрѣльбы изъ орудій. Навѣтренное же положеніе, занятое главными силами адм. Того, позволяло японцамъ посылать свои снаряды за вѣтромъ, что и увеличивало дальность ихъ полета и, быть можетъ, создало легенду на нашей эскадрѣ о большей дальнобойности японской артиллеріи. Здѣсь же будетъ умѣстнымъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, на первый взглядъ незначительномъ, но въ артиллерійскомъ бою навѣрно сыгравшемъ немаловажную роль. Японцы окрасили свои боевыя суда въ зеленовато-голубоватый цвѣтъ, однотонный съ цвѣтомъ воды Корейскаго пролива. Мѣра эта полезна въ томъ отношеніи, что дѣлаетъ суда на далекомъ разстояніи мало замѣтными, съ неясно очерченными силуэтами, и не даетъ, вслѣдствіе этого, противнику никакой возможности точно опредѣлять разстоянія, правильно наводить орудія и вообще производительно пользоваться своей артиллеріей.

Къ тактическимъ преимуществамъ, добытымъ японцами путемъ маневрированія, слѣдуетъ прибавить тѣ выгоды, которыя вытекали изъ преобладанія ихъ во многихъ эскадренныхъ боевыхъ элементахъ. Мы подробно уже развивали этотъ вопросъ въ послѣднемъ нашемъ обозрѣніи и здѣсь только напомнимъ общіе выводы. Эскадра противника располагала болѣе сильной артиллеріей (за исключеніемъ самыхъ тяжелыхъ орудій), болѣе многочисленными минными аппаратами, обладала преимуществомъ въ скорости хода и отличалась полнотой тактической организаціи, т. е. насчитывала въ своемъ составѣ надлежащее число судовъ всякаго рода. Минный флотъ японцевъ подавлялъ численностью наши 9 истребителей и дѣйствовалъ въ идеальныхъ для себя условіяхъ. Преимущество наше въ бронированіи крупныхъ судовъ, на которое небезосновательно возлагалось такъ много надеждъ, оказалось несостоятельнымъ. Теперь уже раздаются голоса, обвиняющіе наше кораблестроеніе...

При какихъ обстоятельствахъ произошла сдача — до сихъ поръ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Статья морского устава, трактующая подобные случаи, буквально составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Во время сраженія командиръ подаетъ примѣръ мужества и продолжаетъ бой до послѣдней возможности. Во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, ему разрѣшается, но не иначе, какъ съ *общаго* осогласія всѣхъ офицеровъ, сдать корабль въ нижеслѣдующихъ случаяхъ: 1) если корабль будетъ такъ пробитъ, что нельзя одолѣть течи и онъ видимо начинаетъ тонуть, 2) если всѣ заряды и снаряды истрачены, артиллерія сбита и вообще способы обороны истощены, или потеря въ людяхъ столь значительна, что сопротивленіе окажется совершенно невозможнымъ, 3) если на кораблѣ будетъ пожаръ, котораго нельзя погасить своими средствами, и если притомъ, во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, не будетъ возможности истребить корабль и искать спасенія команды на берегу или въ шлюпкахъ".

Объясняя эту статью, „Нов. Вр." говоритъ: „Смыслъ ея ясный—разрѣшается сдать собственно не самый корабль, а личный его составъ, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія. Самый корабль можно отдать непріятелю, помимо цѣлаго ряда указанныхъ въ этой статьѣ условій, лишь въ томъ случаѣ, если нѣтъ средствъ истребить корабль. Прежде, когда корабли были деревянные, дѣйствительно, очень трудно было истребить корабль. Взорвать его на воздухъ—для этого надо было еще имѣть достаточное количество пороха, чего могло не быть къ концу боя, когда истрачены „всѣ заряды", да наконецъ—это вмѣстѣ съ тѣмъ и истребленіе всѣхъ людей, и этого никакой уставъ требовать не можетъ, — это область не долга, а мученическаго подвига. Затопить же деревянный корабль было въ высшей степени трудно и требовало очень значительнаго промежутка времени. Но съ тѣхъ поръ, какъ корабли начали строиться изъ желѣза и стали, потопленіе корабля сильно упростилось, — надо только открыть кингстоны (отверстія въ подводной части корабля, служащія для впуска внутрь его воды для самыхъ различныхъ надобностей), и побѣдителю остается только снимать людей съ погружающагося корабля, но остановить это погруженіе почти невозможно: надо разъискать въ нѣдрахъ корабля цѣлый рядъ кингстоновъ, для чего надо детально знать внутреннее его устройство, а кромѣ того первыми заливаются водой именно эти нѣдра, и понятно, что при такихъ условіяхъ закрыть эти кингстоны прямо невозможно. Отъ нѣкоторыхъ кингстоновъ приспособленія для ихъ открытія и закрытія проведены въ верхнія части корабля, но разыскать ихъ непріятелю еще труднѣе, да и приспособленія эти легко могутъ быть испорчены. Такъ это и сдѣлалъ оставшійся старшимъ, послѣ смерти командира и старшаго офицера, лейтенантъ Ивановъ 13-й, на „Рюрикѣ", который погрузился въ воду, не спуская русскаго флага. Японцамъ оставалось только спасать людей, и около половины экипажа было спасено".

Что помѣшало сдѣлать то же самое на сдавшихся броненосцахъ? Этотъ вопросъ нестерпимо мучителенъ для всякаго русскаго человѣка, даже подъ ужаснымъ гнетомъ ог-

ромнаго несчастія—проиграннаго генеральнаго сраженія.

Цусимское сраженіе принадлежитъ къ тѣмъ великимъ событіямъ, которыя отмѣчаютъ важные этапные пункты міровой жизни. Съ этой точки зрѣнія полная его оцѣнка принадлежитъ исторіи и будетъ сдѣлана въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Характеръ настоящей работы побуждаетъ насъ вдвинуть его въ болѣе узкія рамки, достаточныя для того, чтобы вмѣстить ближайшія возможныя послѣдствія.

Пораженіе нашего флота въ Корейскомъ проливѣ означаетъ не только проигрышъ генеральнаго сраженія настоящей кампаніи, но почти полное крушеніе нашего морского могущества. Этимъ обстоятельствомъ опредѣляются главнѣйшія послѣдствія постигшей насъ катастрофы. Балтійское побережье, составляющее часть нашего западнаго фронта, совершенно теперь обнажено; мы не можемъ здѣсь ничего противопоставить даже второстепенной державѣ и не скоро будемъ въ состояніи сдѣлать это. Въ виду этого мы потеряли свое значеніе въ тѣхъ международныхъ комбинаціяхъ, въ которыхъ учитывались наши морскія силы.

Для Японіи, съ полнымъ уничтоженіемъ нашего флота, открылись новыя перспективы, выгодныя для нея и невыгодныя для насъ. Сахалинъ фактически уже принадлежитъ Японіи, такъ какъ безъ флота мы никакимъ путемъ, даже цѣной самыхъ блестящихъ побѣдъ на сушѣ, не смогли бы его возвратить.

Что касается вліянія 14 мая на ходъ операцій на сухомъ пути, то и здѣсь оно велико и безспорно. Исчезла всякая надежда не то ужъ, что на поворотъ военнаго счастія на морѣ, но даже на возможность для насъ обезпечить флотомъ хотя бы часть прибрежной полосы театра военныхъ дѣйствій. Отстоять при такихъ условіяхъ Владивостокъ въ случаѣ продолженія войны—врядъ ли представляется возможнымъ. И почти невозможно будетъ взять его обратно, при условіи господства противника на морѣ и, слѣдовательно, при полномъ обезпеченіи крѣпости людьми и припасами на сколь угодно продолжительное время.

Все побережье Японскаго и Желтаго морей, по отношенію къ нашей сухопутной арміи, обратилось безнадежно въ охватывающую прочную базу. Японцы имѣютъ возможность направлять свои главныя линіи сообщенія по радіусамъ, давая имъ начало въ прекрасно оборудованныхъ портахъ. Удачное наступленіе къ Харбину, что болѣе, чѣмъ вѣроятно, позволяетъ противнику сдѣлать его опорнымъ пунктомъ своихъ дѣйствующихъ армій. Такой опорный пунктъ, питаясь двумя желѣзными дорогами—отъ Владивостока и отъ Дальняго,—проходящими по густо-заселеннымъ территоріямъ, могъ бы питать безъ затрудненій громадную армію въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Содержаніе здѣсь значительныхъ массъ войскъ при этихъ условіяхъ стоило бы много дешевле, нежели содержаніе такой же арміи къ западу, ибо этой послѣдней пришлось бы питаться людьми и всевозможными запасами по одной парѣ рельсъ, протяженіемъ въ нѣсколько тысячъ верстъ по странѣ, едва способной удовлетворять свои нужды. Занятіе Харбина противникомъ знаменовало бы переходъ въ его руки той части Сибири, которая прилегаетъ къ океану, и отобраніе этой территоріи обратно было бы въ высшей степени трудно.

Степняковъ.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА.

Пораженіе флота и общественное настроеніе.—Ходатайства о созывѣ народныхъ представителей. Положеніе вопроса о народномъ представительствѣ. Работы комиссіи гофмейстера Булыгина. Проектъ организаціи народнаго представительства, сообщенный „Новымъ Временемъ“.—Указъ сенату 21 мая и общественная жизнь.—Общественное движеніе: профессіональные союзы и политическія партіи.—Крестьянское дѣло. Пути аграрной реформы. Аграрные безпорядки. Всеподданнѣйшіе адресы крестьянъ.—Рабочее движеніе. Празднованіе 1 мая. Забастовки. Комиссія ст.-секр. Коковцова.—Царство Польское.—Еврейскіе погромы.—Кавказъ.—Экономическое и финансовое положеніе. Новые налоги. Комиссія д. с. с. Кутлера о подоходномъ налогѣ.—Новый заемъ.—Дѣйствія правительства. Указъ 1 мая о 9 западныхъ губерніяхъ. Распространеніе дѣйствія положенія объ усиленной охранѣ.—Дѣла печати.—Казнь убійцы Вел. Кн. Сергѣя Александровича.

Страшный погромъ нашего флота, повергнувшій въ глубокій трауръ весь русскій народъ, послѣ первыхъ минутъ угнетенія, вызвалъ у всѣхъ русскихъ людей, сознающихъ великую важность и безпримѣрную сложность задачъ, стоящихъ передъ Россіей, одну мысль, одно стремленіе—„покончить съ тѣмъ порядкомъ вещей, дальнѣйшее существованіе котораго грозитъ и государству и народу“. Каждый день съ разныхъ концовъ Россіи приходятъ извѣстія, не оставляющія сомнѣнія въ томъ, что населеніе страны глубоко взволновано и съ несокрушимою вѣрою въ силу народнаго представительства ищетъ выхода къ новому, свѣтлому будущему. Въ сознаніи, что для спасенія національнаго достоинства необходимы дружныя усилія, самоотверженныя жертвы всего народа, страна, устами своихъ представителей въ мѣстныхъ самоуправленіяхъ, единодушно заявила о необходимости немедленнаго созыва народныхъ представителей для обсужденія тяжкаго внѣшняго и внутренняго положенія государства.

„До боли потрясены сердца извѣстіями послѣднихъ дней, пришедшими съ Дальняго Востока, читаемъ мы въ заявленіи московскихъ гласныхъ въ городскую думу. Ни разумъ, ни справедливость, ни чувство отвѣтственности предъ народною совѣстью не мирятся съ мыслью о томъ, что злополучная, кровопролитнѣйшая въ исторіи, возникшая по непонятнымъ измученной странѣ причинамъ, война продолжается, не имѣя за себя воли русскаго народа. Москва должна мужественно возвысить свой голосъ въ переживаемую тяжелую годину. Дальнѣйшая отсрочка созыва народныхъ представителей невозможна. Пришелъ часъ, когда самому народу пред-

стоитъ разрѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ, достойномъ Россіи, и приступить къ государственному строительству.

„Въ сознаніи своего гражданскаго долга, нижеподписавшіеся предлагаютъ Московской городской думѣ признать необходимымъ немедленный созывъ народныхъ представителей, первою задачей котораго должно быть разрѣшеніе вопроса о войнѣ или мирѣ“.

Слѣдуетъ 72 подписи.

Костромская городская дума приняла слѣдующую резолюцію:

„Глубоко скорбя о гибели флота, Костромская городская дума считаетъ необходимымъ, ради возможнаго улучшенія народнаго благосостоянія, спокойнаго проведенія внутреннихъ реформъ страны, указанныхъ манифестомъ 18-го февраля и подтвержденныхъ по волѣ Монарха костромскому губернскому предводителю дворянства, немедленное прекращеніе войны хотя бы и на тяжелыхъ условіяхъ. Свободная Россія, представленная лучшими, избранными народомъ людьми, быстро оправится отъ нанесенныхъ ей ранъ и займетъ почетное мѣсто среди братства свободныхъ народовъ“.

Корочанская городская дума въ резолюціи своей выражаетъ „напряженное ожиданіе предвозвѣщенныхъ въ рескриптѣ реформъ“.

Въ петиціи обывателей Каменской станицы Донецкаго округа, составленной на собраніи станицы подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго предводителя дворянства П. С. Грекова, въ пунктѣ первомъ говорится: „Главнѣйшая мѣра къ усовершенствованію государственнаго порядка—созывъ народнаго представительства, на основаніи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, съ правомъ законодательной дѣятельности, законод. почина, обсужденія росписи, контроля надъ администраціей“. Курское общество содѣйствія начальному образованію, охарактеризовавъ состояніе страны, приходитъ къ выводу, что единственный выходъ изъ настоящаго грознаго положенія—это скорѣйшій созывъ народныхъ представителей, избранныхъ всеобщимъ, тайнымъ, равнымъ и прямымъ голосованіемъ. Къ тождественнымъ выводамъ приходятъ и комиссіи общественныхъ учрежденій (напр., при С.-Петербургской гор. думѣ, при Саратовской губ. земск. управѣ), работающихъ во исполненіе постановленій собраній, надъ мѣрами къ упорядоченію государственнаго порядка.

Во всеподданнѣйшемъ адресѣ славяносербскаго крестьянскаго общества Тираспольскаго у. Херсонской губ. крестьяне въ такихъ словахъ изображаютъ и свою нужду и тѣ средства, которыя могли бы избавить ихъ „отъ современнаго безправія, духовной придавленности и несчастнаго хозяйства“.

„Мы обременены, говорятъ они, непосильными налогами—прямыми и косвенными. Размноженіе и тѣснота на нашихъ пятидесятилѣтнихъ надѣлахъ невѣроятныя. Мы раздробились и обезземелѣли“. Далѣе, просятъ: „Прикажи, Государь, министрамъ немедленно разобраться въ нашихъ нуждахъ при нашей же помощи. Мы прекрасно и ясно знаемъ, шагъ за шагомъ, всѣ причины, подорвавшія и подрывающія въ конецъ наше хозяйство, наши силы и нашу жизнь. Твои предки, Монархи нашихъ предковъ, внимали голосу нужды народной. Внемли же и Ты нашему голосу, нашему воплю изстрадавшейся души, истощеннаго тѣла“. „Ускорь, Государь, однимъ своимъ ласковымъ словомъ свою помощь, избави насъ отъ современнаго безправія, нашей духовной придавленности, избавь отъ голода и несчастнаго хозяйства, которое стало хуже каторги“.

„Распорядись, Государь, немедленно призвать нашихъ представителей, которые будутъ нами честно выбраны всеобщей, равной, тайной подачей голосовъ (ничего, что среди насъ будутъ другой вѣры и націи), чтобы эти выборные оказались людьми, къ которымъ лежитъ наше сердце и довѣріе“.

„Призови только нашихъ представителей-ходатаевъ, и все рѣшится само собой. Есть среди насъ, крестьянъ, настолько Богомъ одаренные разумомъ и сметкой, честностью, геройствомъ и самопожертвованіемъ, что не уступятъ Твоимъ министрамъ“.

Мысли, высказанныя въ адресѣ славяносербцевъ, фактъ далеко не единственный въ крестьянской средѣ. Крестьяне села Архангельскаго Ставропольской губ., выясняя свои нужды и нестроенія, происшедшія, по ихъ мнѣнію, отъ того, что между престоломъ и народомъ стала стѣна чиновничества, въ своемъ адресѣ просятъ Государя обратить на нихъ свое отеческое вниманіе, уменьшить тяготы косвенныхъ налоговъ и пр., для чего призвать народныхъ представителей на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Въ послѣднемъ пунктѣ петиціи крестьянъ Юрьевскаго у. Владимірской губ. говорится, что „необходимо даровать намъ (крестьянамъ) полную свободу избирать депутатовъ совмѣстно съ прочими подданными, чтобы выборы производились не въ присутствіи волостныхъ старшинъ и земскихъ начальниковъ. При этомъ, говорятъ крестьяне, мы, малоимущіе, просимъ не назначать никакого ценза для избирателей, а сдѣлать его всеобщимъ для всѣхъ мужчинъ (отъ 21 г.) и тайнымъ, иначе намъ нельзя будетъ выбирать желанныхъ намъ депутатовъ, да и для депутатовъ ценза никакого, кромѣ грамотности, не устанавливать. Всѣмъ депутатамъ слѣдуетъ назначить жалованье не менѣе 100 р. въ мѣсяцъ, чтобы мы могли выбрать депутата, хотя и изъ бѣдныхъ, но уважаемыхъ нами людей“.

Эти голоса крестьянъ съ полной очевидностью указываютъ, что мысль о народномъ представительствѣ глубоко проникла въ сознаніе всѣхъ слоевъ населенія и оно серьезно и вдумчиво готовится къ участію въ отвѣтственномъ и важномъ государственномъ дѣлѣ, къ которому оно призвано съ высоты престола.

Между тѣмъ съ 18 февраля, дня возвѣщенія о созывѣ народныхъ представителей, прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ, и до сихъ поръ офиціально неизвѣстно, когда будутъ созваны народные представители и на какихъ основаніяхъ; до сихъ поръ опредѣленно неизвѣстно о судьбѣ того дѣла, которое, какъ видятъ читатели изъ многочисленныхъ адресовъ и петицій, для русскаго народа всего важнѣе и настоятельнѣе.

Какъ извѣстно, разработка условій созыва народныхъ представителей составляетъ задачу особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина. Но изъ кого будетъ состоять это совѣщаніе, доселѣ еще неизвѣстно, и русское общество не имѣетъ никакой увѣренности въ томъ, что его допустятъ къ участію въ обсужденіи такъ волнующаго его дѣла. Свѣдѣнія о томъ, что предпринимается по вопросу о созывѣ народныхъ представителей, кратки и неясны. По газетнымъ извѣстіямъ, въ особое совѣщаніе поступило много проектовъ народнаго представительства

и производится сводка этихъ проектовъ. Совѣщаніемъ запрошены уѣздныя земскія собранія о числѣ крестьянскихъ владѣній, равняющихся нормамъ ценза для земскихъ гласныхъ, которыя также будутъ систематизироваться. Со словъ заграничныхъ газетъ, наши газеты сообщили, что подготовительный матеріалъ совѣщанія будетъ опубликованъ въ серединѣ іюня, а созывъ представителей состоится не позже 1 декабря. 19 мая въ газетахъ появились замѣтки о томъ, что министерство иностранныхъ дѣлъ разослало нашимъ посламъ за границей циркуляръ о томъ, что созывъ народныхъ представителей состоится въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Наконецъ. 21 и 24 мая въ „Правит. Вѣстн." появились офиціальныя сообщенія.

Первое гласитъ:

„Составленіе первоначальныхъ соображеній объ основаніяхъ, на которыхъ можетъ быть осуществлено, предуказанное Высочайшимъ рескриптомъ 18-го февраля сего года, привлеченіе избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, въ настоящее время закончено министромъ внутреннихъ дѣлъ и относящіяся къ этому предмету записки отпечатаны. Матеріалы эти, согласно послѣдовавшимъ Высочайшимъ указаніямъ, подлежатъ внесенію на разсмотрѣніе совѣта министровъ".

Во второмъ сообщеніи:

„Выработанный министромъ внутреннихъ дѣлъ первоначальный проектъ основаній, на которыхъ можетъ быть осуществлено предуказанное Высочайшимъ рескриптомъ 18-го февраля сего года привлеченіе избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, внесенъ въ совѣтъ министровъ, гдѣ означенный проектъ будетъ неотложно разсмотрѣнъ".

Основанія, на которыхъ, будто бы, особымъ совѣщаніемъ проектируется народное представительство, опубликованы „Нов. Временемъ." Газета оговаривается, что до окончанія работъ совѣщанія приводимыя ею формы народнаго представительства являются только проектомъ, что эти формы могутъ измѣниться „подъ вліяніемъ новыхъ событій, новыхъ предположеній". Въ существенныхъ чертахъ вопросъ о народномъ представительствѣ, по словамъ газеты, намѣчается такъ.

„Будетъ Земскій Совѣтъ. Онъ явится какъ бы нижней палатой, а Государственный Совѣтъ, безъ измѣненій законоположеній о немъ, верхней палатой. Членами Земскаго Совѣта могутъ быть лица только по избранію населенія, при чемъ предсѣдатель назначается Верховною Властью изъ числа членовъ Земскаго Совѣта. Всѣхъ членовъ Совѣта отъ 500 до 550. Члены Земскаго Совѣта не получаютъ никакого содержанія и только въ видѣ возмѣщенія ихъ расходовъ имъ будутъ выдаваться суточныя въ размѣрѣ 15 р. въ день. Срокъ избранія членовъ Совѣта трехгодовой.

„Сессія Земскаго Совѣта продолжается отъ половины ноября мѣсяца до января. Земскій Совѣтъ, какъ высшее государственное учрежденіе, имѣетъ право не только законосовѣщательное, т.-е. обсужденія проектовъ, вносимыхъ подлежащими вѣдомствами новыхъ законовъ, измѣненія и дополненія существующихъ, но и право законодательной инициативы, разработки, независимо отъ вѣдомствъ, новыхъ законопроектовъ, при чемъ можетъ образовать особыя комиссіи изъ состава своихъ членовъ.

„Земскій Совѣтъ обсуждаетъ государственную роспись, отдѣльныя финансовыя смѣты, а также разсматриваетъ отчеты по исполненію государственной росписи и смѣтъ.

„Земскому Совѣту принадлежитъ право запроса министровъ и главноуправляющихъ; но министры и главноуправляющіе отвѣтственны только передъ Верховною Властью. Одобренные Земскимъ Совѣтомъ законопроекты вносятся въ Государственый Совѣтъ и до разсмотрѣнія Государственнымъ Совѣтомъ и утвержденія ихъ не имѣютъ никакой силы. Въ случаѣ несогласія мнѣній Государственнаго и Земскаго Совѣтовъ вопросы рѣшаются Верховною Властью, а въ случаѣ разногласій съ отдѣльными вѣдомствами представители послѣднихъ входятъ въ соглашеніе съ Земскимъ Совѣтомъ.

„Наиболѣе сложный и трудный вопросъ о выборахъ въ члены Земскаго Совѣта пока склоняется въ пользу существующей системы выборовъ въ городскія и земскія учрежденія. Вопросъ о всеобщей подачѣ голосовъ не встрѣтилъ сочувствія въ виду неподготовленности массы населенія и физической невозможности производства выборовъ по этой системѣ на нѣкоторыхъ отдаленныхъ окраинахъ Имперіи. Вопросъ о посословности выборовъ отклоненъ въ виду того, что при преобладающемъ крестьянскомъ сословіи, число представителей отъ крестьянъ могло бы имѣть подавляющій перевѣсъ. Для того, чтобы всѣ группы безъ исключенія могли имѣть своихъ представителей, наилучшей считается система городскихъ и земскихъ выборовъ, объединяющая при имущественномъ цензѣ всѣ сословія. Такъ какъ земство не введено еще вездѣ, то предполагается раньше производства выборовъ ввести земское положеніе, кромѣ Сибири, на Кавказѣ, въ Царствѣ Польскомъ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ Финляндіи выборы представителей будутъ произведены на основаніи существующихъ организацій для выборовъ въ сеймъ".

Таковы, будто бы, основы народнаго представительства, выработанныя въ министерствѣ внутр. дѣлъ, по первоначальному сообщенію газеты. По сообщенію „Нов. Врем." отъ 23 мая, въ изложенный проектъ внесены слѣдующія измѣненія. Собраніе народныхъ представителей будетъ носить названіе „Государственной думы". Мысль о введеніи земскаго положенія, кромѣ Сибири, на Кавказѣ, Царствѣ Польскомъ и прибалтійскихъ губерніяхъ, пока оставлена. Выборы народныхъ представителей предположено производить въ порядкѣ земскихъ избирательныхъ собраній по земскому положенію 1864 г.

Одновременно съ опубликованіемъ о внесеніи проекта министра внутр. дѣлъ о созывѣ народныхъ представителей въ совѣтъ министровъ въ „Правит. Вѣстн." былъ опубликованъ указъ сенату о новомъ устройствѣ полиціи. Указомъ этимъ въ составѣ учрежденій министерства внутр. дѣлъ устанавливается въ сущности министерство полиціи, существовавшее у насъ съ 1810 по 1819 г. Оно было въ 1819 г. упразднено по тому соображенію, что при отдѣльной организаціи полиціи вѣдомство внутренихъ дѣлъ оказалось не только оторваннымъ отъ полиціи, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и подчиненнымъ полиціи, хотя задача послѣдней должна имѣть только подсобное значеніе. Указъ 21 мая во главѣ полиціи ставитъ товарища министра вн. дѣлъ, которому, однако, присваиваются права и пре-

рогативы министра, именно: завѣдываніе всей полиціей, командованіе корпусомъ жандармовъ, разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ власти министра, право непосредственныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, право давать указанія и разъясненія губернаторамъ, право распоряженія всѣми кредитами, отпускаемыми на содержаніе полиціи, право непосредственныхъ сношеній со всѣми правительственными мѣстами и лицами и т. д.

Указъ не указываетъ, далѣе, что товарищъ министра, завѣдывающій полиціей, подчиняется министру вн. дѣлъ. Наконецъ, товарищу министра вн. дѣлъ предоставляется право, которое сближаетъ его съ положеніемъ ген.-ад. гр. Лорисъ-Меликова въ качествѣ предсѣдателя верховной распорядительной комиссіи 1880 года. Именно, п. 6 отд. III указа 21 мая тов. министра, завѣдующему полиціею, предоставляется: закрывать съѣзды какъ разрѣшаемые, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, установленіями министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и разрѣшаемые установленіями другихъ вѣдомствъ, если дѣятельность сихъ съѣздовъ будетъ имъ признана вредною для общественной безопасности и порядка, а равно закрывать, въ тѣхъ же случаяхъ, временно, на срокъ до одного года, всякаго рода общества, собранія, союзы и тому подобныя учрежденія, въ какомъ бы порядкѣ ни послѣдовало ихъ открытіе и къ какому бы вѣдомству они не принадлежали".

Въ предыдущихъ хроникахъ мы уже отмѣчали какъ ростъ общественныхъ организацій, такъ и тѣ независящія отъ нихъ обстоятельства къ исполненію того долга предъ отчизною, который возложилъ на нихъ извѣстный указъ сенату 18 февраля о правѣ петицій. Несомнѣнно, что новыя прерогативы, полученныя главою полиціи, не послужатъ къ облегченію и устраненію этихъ препятствій въ осуществленіи общественной самодѣятельности. Наоборотъ, реализуясь, они могутъ пріостановить общественную жизнь въ любой части государства, даже не объявляемой на положеніи усиленной охраны.

Между тѣмъ, необходимость организоваться, объединяться является неотложною потребностью переживаемаго момента, именно, въ виду предстоящаго созыва народныхъ представителей. Мысль о необходимости объединяться твердо усвоена интеллигентными кругами русскаго общества, удачно понявшими ту задачу, которая на него возлагается важностью переживаемаго момента — формулировать потребности и запросы массъ населенія, приводить ихъ въ связь съ опытомъ минувшаго и теоретическими построеніями науки. Процессъ общественныхъ организацій, о которыхъ мы говорили въ прошлой хроникѣ, за истекшій мѣсяцъ сдѣлалъ большіе шаги впередъ въ смыслѣ объединенія единомышленныхъ круговъ общества и выясненія задачъ, этими кругами преслѣдуемыхъ. Наряду съ профессіональными союзами въ нашемъ обществѣ открыто появились политическія партіи. Образовавшіяся партіи представляютъ въ сущности дальнѣйшее развитіе и проявленіе растущаго у насъ освободительнаго движенія. Россія пережила уже періодъ резолюцій, которыя, какъ извѣстно читателямъ изъ предшествующихъ хроникъ, постановлялись самыми разнообразными общественными группами. Вслѣдъ затѣмъ начали образовываться профессіональные союзы, о которыхъ мы говорили въ прошлой хроникѣ. Въ настоящее время общество наше находится въ періодѣ образованія политическихъ партій. Хотя, какъ мы указывали въ прошлой хроникѣ, „лозунгомъ объединенія союзовъ служатъ освободительныя стремленія общества", но въ виду органической связанности въ союзахъ этихъ стремленій съ интересами профессіональнаго дѣла, союзы по завершеніи своей задачи объединенія широкихъ общественныхъ круговъ начинаютъ превращаться въ единенія, тѣсно связанныя единствомъ взглядовъ, направленія (программа) и планомъ дѣйствія для достиженія поставленныхъ задачъ (тактика). Однако, наряду съ организаціей политическихъ партій образованіе профессіональныхъ союзовъ дѣлаетъ дальнѣйшіе шаги. Въ истекшемъ мѣсяцѣ образовались всероссійскіе союзы инженеровъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ и произошло объединеніе всѣхъ существующихъ союзовъ въ „союзъ союзовъ", цѣль котораго—объединеніе общихъ дѣйствій всѣхъ союзовъ.

Число образовавшихся партій, несмотря на сравнительно короткій промежутокъ времени, по газетнымъ свѣдѣніямъ, значительно. Въ концѣ апрѣля и началѣ мая „Москов. Вѣд." сообщили объ организаціи „монархической партіи", по программѣ которой реформы, мыслимыя лишь по окончаніи войны, должны сводиться къ укрѣпленію самодержавія, возвеличенію православной церкви, къ развитію русской національной идеи. Глава партіи, г. Грингмутъ отпечаталъ и разослалъ манифестъ, подробно излагающій программу партіи. Тождественной по программѣ является партія „Святая Русь", которая, провозглашая: „Россія для русскихъ", свою задачу видитъ въ борьбѣ со всякими новшествами и въ поддержаніи существующихъ порядковъ. Весьма близка монархической партіи по своей программѣ и партія, принявшая названіе „союза русскихъ людей", во главѣ которой стоятъ графы Пав. Серг. и Петръ Серг. Шереметевы, арх. Анастасій, проф. Тарасовъ, кн. Н. С. Щербатовъ, г. Шараповъ, потом. почетн. гражд. Анисимовъ, приватъ-доценты Романовъ и Стратаницкій, канцелярскій служитель Ситновъ и др.

Опубликованная программа этой партіи ставитъ цѣлью „содѣйствовать единенію церкви, престола и народа, стараться правильно выполнить Царскую волю и безъ корысти выбирать, по первому Государеву призыву истинно достойныхъ людей. Выборные люди должны образовать государственную думу, въ кругъ обязанностей которой входятъ: 1) обсужденіе законопроектовъ и бюджета государственнаго роста, 2) разсмотрѣніе отчетовъ министерствъ, 3) представленіе Государю о нуждахъ народа, 4) запросъ министерствъ по вопросамъ, оглашеніе которыхъ не повлечетъ за собой вреда государству". Близка, но нѣсколько разнится, программа партіи, носящей названіе „русскаго національнаго кружка 18 февраля", во главѣ котораго стоятъ Дм. Хомяковъ, братья Самарины, гр. С. Шереметьевъ. Ближайшей цѣлью кружокъ поставилъ „особливо противодѣйствовать существующему въ обществѣ теченію конституціонному". Основныя вѣрованія кружка вполнѣ совпадаютъ съ положеніями, высказанными въ „Запискѣ губернскихъ предводителей дворянствъ", извѣстной читателямъ изъ прошлой хроники.

На съѣздѣ земскихъ дѣятелей въ Москвѣ, о созывѣ котораго мы сообщали въ прошлой хроникѣ и засѣданія котораго состоялись въ концѣ апрѣля, ярко выдѣлились двѣ политическихъ партіи: одна, называемая „Московск. Вѣд." и др. газетами „земской конституціонной демократической" и другая — „націо-

нально-патріотическая" во главѣ съ г. Шиповымъ. Программа послѣдней извѣстна читателямъ изъ хроники прошлаго мѣсяца, программа же первой, приводимая газетами въ короткихъ словахъ, такова: прочный правопорядокъ можетъ быть осуществленъ лишь при существованіи народнаго представительства. Народное представительство должно быть образовано изъ двухъ равноправныхъ учрежденій — палата народныхъ представителей и земская палата. Первая должна быть организована на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Вторая— изъ государственныхъ гласныхъ, избираемыхъ губернскими земскими собраніями и городскими думами городовъ съ населеніемъ свыше 200 тыс. жителей. Народные представители обѣихъ палатъ избираются на 3-хлѣтній срокъ, съ правомъ рѣшающаго голоса въ законодательныхъ работахъ. Родственна по своимъ задачамъ „земской" партіи „партія народной свободы". Девизъ партіи: „свобода и правопорядокъ, просвѣщеніе и экономическое благосостояніе народа". По ея программѣ, опубликованной „Моск. Вѣд.", народное представительство, участвующее съ рѣшающимъ голосомъ въ разсмотрѣніи всѣхъ законодательныхъ предположеній, росписи доходовъ и расходовъ, отчетовъ министерствъ, при условіи: права запроса министерствъ, законодательнаго почина и отвѣтственности министровъ,— должно состоять изъ свободно избранныхъ представителей. Эта партія не могла примкнуть, по словамъ „Рус. Листка", къ земской демократической, потому что послѣдняя обходитъ молчаніемъ вопросы о городскомъ самоуправленіи и рабочій вопросъ, по которому мнѣніе „партіи народной свободы" совпадаетъ со взглядами соціалъ-демократической партіи.

Перечисленными партіями, программы которыхъ получили широкую огласку въ ежедневной печати, число существующихъ русскихъ политическихъ партій, конечно, не ограничивается. Но охарактеризовать ихъ не представляется возможнымъ, за неимѣніемъ необходимаго матеріала. Попытку свести въ категоріи и вкратцѣ охарактеризовать русскія современныя партіи дѣлаетъ офиц. „Рижск. Вѣстн.". Онъ насчитываетъ такія категоріи: 1) соціалъ-демократы (рабочая партія), ратующіе за всеобщее, равное и прямое избирательное право, демократическій строй, широкія соціальныя реформы; 2) соціалисты-революціонеры—защитники общины и террора; 3) либералы-западники—защитники конституціонныхъ началъ (адвокатская группа, земцы инженеры и пр.); 4) русская народная партія (группы Хомякова, Шипова и др.); 5) партія центра, считающая возможнымъ примирить бюрократическій строй въ измѣненномъ видѣ съ новыми вѣяніями на началахъ сотрудничества; 6) консерваторы-гуманисты, стоящіе за опеку въ крестьянской жизни при условіи широкихъ преобразованій (группы гр. Толя, Бобринскаго, Штюрмера, Стишинскаго, Головина и др.); 7) русскіе націоналисты - консерваторы, отстаивающіе исконныя начала русской государственности; 8) консерваторы-бюрократы, считающіе существующій строй удачнымъ; 9) реакціонеры, считающіе, что теперешній строй даетъ излишній просторъ для свободы, и требующіе возвращенія порядковъ крѣпостничества.

Такимъ образомъ, въ программахъ большинства образовавшихся русскихъ политическихъ партій главный вопросъ, ими обсуждаемый,—это вопросъ о государственномъ переустройствѣ. И это, конечно, потому, что въ сознаніи всѣхъ лежитъ мысль, что только съ измѣненіемъ существующихъ порядковъ, съ установленіемъ основъ правового государства мыслимо коренное разрѣшеніе такихъ назрѣвшихъ вопросовъ русской дѣйствительности, какъ вопросы крестьянскій и рабочій. Это съ особенною яркостью сказалось въ возобновившихся послѣ двухмѣсячнаго перерыва работахъ комиссіи по рабочему вопросу ст.-секр. Коковцова. Какъ видно изъ рѣчи министра финансовъ, комиссіи предстояло разрѣшеніе двухъ вопросовъ: о свободѣ стачекъ и нормировкѣ рабочаго дня. Во второмъ засѣданіи приглашеные въ комиссію представители промышленности покинули залъ засѣданія. Мотивы отказа отъ участія въ работахъ ясно выражены въ поданной ими министру финансовъ запискѣ, напечатанной въ „Нов. Вр.". Она гласитъ слѣдующее:

„Созванные въ С.-Петербургѣ для участія въ комиссіяхъ по рабочему вопросу и пересмотру положенія о промысловомъ налогѣ представители торговопромышленнаго сословія, избранные на мѣстахъ совѣщательными по торговлѣ и промышленности учрежденіями, глубоко потрясены тяжелыми событіями, которыя обрушились на Россію въ послѣдніе дни. Взволнованная внутренними смутами и омраченная горемъ военныхъ невзгодъ, страна наша требуетъ отъ всѣхъ насъ прямого и откровеннаго слова. Представляя интересы обширной области народнаго хозяйства и близко связанные со всѣми производительными силами государства, мы не должны скрывать отъ себя неизбѣжность долгихъ и тяжкихъ испытаній, на которыя обречено все населеніе Россіи.

„Сознавая глубокую важность переживаемаго историческаго момента, мы почитаемъ своимъ священнымъ долгомъ просить Ваше Высокопревосходительство повергнуть на благовоззрѣніе Государя Императора наше глубокое и искреннее убѣжденіе, что единственно безотлагательное осуществленіе предуказаннаго Высочайшимъ рескриптомъ 18-го февраля призыва избранныхъ представителей народа можетъ вывести страну изъ настоящаго ея тяжелаго положенія, возвратить все населеніе къ мирному труду и дать правильное разрѣшеніе назрѣвшихъ государственныхъ вопросовъ".

Но, если стоящіе на очереди вопросы— крестьянскій и рабочій—мыслимо, по общественному признанію, разрѣшить только по коренномъ измѣненіи общихъ условій государственной жизни, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящее время пути разрѣшенія этихъ вопросовъ намѣчаются вполнѣ ясно. Въ частности, въ крестьянскомъ дѣлѣ главный вопросъ, который предстоитъ разрѣшить, это вопросъ объ увеличеніи площади земель, обрабатываемыхъ крестьянами. Мысль, что эта именно сторона крестьянскаго дѣла требуетъ неотложнаго разрѣшенія, получила почти всеобщее признаніе. Малоземелье ярко обнаруживается уже въ мѣстностяхъ, считавшихся до сихъ поръ наиболѣе богатыми и многонадѣльными. Изъ Елисаветградскаго у. Херсон. губ. газетамъ сообщаютъ: недостаетъ земли для посѣвовъ, нѣтъ достаточнаго количества выгоновъ, и все это налагаетъ на крестьянъ неизбѣжные и огромные платежи за землю, добываемую на сторонѣ. Каково положеніе крестьянъ въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ преобладающая масса земель находится въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ и гдѣ крестьяне располагаютъ такъ наз. нищенскими надѣлами совершенно истощенной земли плохого качества,—это понятно само собою.

„Наше положеніе, говорятъ въ своей петиціи крестьяне Юрьевскаго у. Владимір. губ., въ настоящее время такъ запутано и неопредѣленно, что почувствовать всю горечь его невозможно, не испытавъ этого на себѣ. Существованіе крестьянъ, главнымъ образомъ, зависитъ отъ надѣльной земли, которой у насъ весьма мало, да и самое пользованіе и распредѣленіе ея не соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ и выгодѣ, а обложеніе ея доходности превышаетъ во много разъ обложеніе земель частныхъ владѣльцевъ". И понятно поэтому, что во главѣ своей челобитной юрьевскіе крестьяне ставятъ: „увеличеніе надѣльной земли новой прирѣзкой изъ казенныхъ и частновладѣльческихъ земель съ правомъ обязательнаго выкупа дѣйствительной стоимости земли и установленія періода выкупа съ нашего согласія". Необходимость пользоваться земельными угодьями частныхъ владѣльцевъ, благодаря безземелью, приводитъ къ тому, что крестьянскій трудъ становится безплатнымъ. Изъ Юхновскаго у. Смоленской г. сообщаютъ, что работы за „уругу", за „уваженіе", за прогонъ, за выгонъ, за водопой и проч., и проч.— окончательно разоряютъ крестьянское населеніе уѣзда. Съ наступленіемъ весны, по словамъ корреспонденціи, весь уѣздъ обращается въ сплошную барщину.

По сообщенію „Нов. Вр.", въ засѣданіяхъ 5 и 19 апрѣля комитетъ министровъ постановилъ: испросить Монаршее соизволеніе на внесеніе непосредственно въ государственный совѣтъ законопроекта, сущность котораго сводится къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1) Нѣкоторыя облегченія крестьянамъ условій арендованія казенныхъ земель. 2) Облегченія крестьянамъ условій покупки казеннаго лѣса для топлива и деревъ для построекъ. 3) Нѣкоторыя облегченія въ условіяхъ арендныхъ платъ, имѣющія выразиться въ отсрочкѣ или сложеніи этихъ платъ въ случаѣ неурожая или градобитія. 4) Облегченіе крестьянамъ условій и расширеніе правъ въ пріобрѣтеніи въ собственность казенныхъ земель, а равно и въ правахъ пользованія ими для хозяйственныхъ нуждъ, какъ, напр., пастьба въ казенныхъ лѣсахъ.

Необходимо, однако, считаться съ тѣмъ, что свободныхъ казенныхъ земель, могущихъ быть предоставленными крестьянамъ, собственно немного. Если исключить лѣса, то пространство всѣхъ казенныхъ земель Европейской Россіи опредѣлится цифрою приблизительно въ 4 милліона десятинъ земли, но и изъ этого количества нужно еще исключить свыше милліона десятинъ, приходящихся на пески и солончаки, непригодные для полевой культуры, Астраханской и Ставропольской губерній. Основываясь на этомъ фактѣ и томъ соображеніи, что приростъ населенія смететъ всѣ благотворныя послѣдствія увеличенія надѣла и увеличенія, притомъ, сравнительно, незначительнаго, въ печати и обществѣ былъ высказанъ взглядъ, согласно которому исходъ изъ современнаго тяжкаго положенія—въ томъ, чтобы научить крестьянъ раціональнымъ пріемамъ сельскаго хозяйства. Интенсификація хозяйства (т. е. увеличеніе затраты труда и капитала на имѣющуюся въ распоряженіи площадь земли), переходъ къ болѣе производительнымъ системамъ земледѣлія (вмѣсто двухполья и трехполья—многопольная, плодосмѣнная и др.), распространеніе усовершенствованныхъ пріемовъ обращенія съ землею—вотъ единственно вѣрный путь, говорили сторонники этого взгляда, къ облегченію нужды нашего малоземельнаго крестьянства. Однако, взглядъ, что аграрный вопросъ разрѣшимъ этими мѣрами, въ настоящее время можно считать отвергнутымъ. Наибольшее число сторонниковъ и въ прессѣ и въ обществѣ имѣетъ за собою воззрѣніе, что подъемъ производительности сельско-хозяйственнаго труда не можетъ быть мгновеннымъ, и безъ предварительнаго увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія нельзя мечтать о повышеніи уровня хозяйства, ибо опытомъ дознано, что селенія, наиболѣе страждущія отъ малоземелья, крайне трудно склоняются къ замѣнѣ отжившихъ системъ хозяйства. Лишь обѣ мѣры: увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ и вслѣдъ затѣмъ усовершенствованіе системы хозяйства—въ силахъ вывести наше сельское хозяйство изъ переживаемаго кризиса.

Авторитетное подкрѣпленіе эта точка зрѣнія нашла и въ постановленіяхъ съѣзда представителей земства, сельско-хозяйственныхъ обществъ, агрономовъ и представителей науки, профессоровъ, бывшаго въ Москвѣ въ послѣднихъ числахъ апрѣля. Резолюціи съѣзда опубликованы въ газетахъ и въ короткихъ словахъ сводятся къ слѣдующему. Широкая аграрная реформа, необходимая какъ въ цѣляхъ умиротворенія страны, такъ и въ интересахъ развитія ея культурныхъ производительныхъ силъ, составляетъ неотложную государственную потребность и должна составить одну изъ первыхъ задачъ народнаго представительства. Одинъ изъ самыхъ коренныхъ и наиболѣе доступныхъ для законодательнаго разрѣшенія вопросовъ аграрной реформы — малоземелье крестьянъ, которое представляетъ непобѣдимое препятствіе для подъема благосостоянія населенія, усовершенствованія техники земледѣлія, повышенія продуктивности,—и долженъ быть ближайшею задачей поземельной политики. А эта послѣдняя можетъ быть планомѣрно развита только при условіи дополнительнаго надѣла. Фондомъ для надѣловъ должны служить какъ государственныя, такъ и монастырскія и частновладѣльческія земли, ибо лишь при выкупѣ части частновладѣльческихъ земель реформа можетъ дать ощутительные результаты. Земли эти подлежатъ выкупу государствомъ и зачисленію въ государственный фондъ для отвода крестьянамъ. По признанію съѣзда, проектируемая выкупная операція выполнима и съ финансовой точки зрѣнія безъ особаго напряженія въ виду того, что частное землевладѣніе крайне задолжено. Какъ велика эта задолженность, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, извлеченнымъ газетами изъ опубликованнаго на дняхъ отчета дворянскаго земельнаго банка за 1903 г. Къ 1 января 1904 г. въ залогѣ въ банкѣ состояло 17.474.484 дес., оцѣненныхъ въ 1.279.850.490 руб., подъ залогъ которыхъ выдано банкомъ 707.203.546 рублей. По опредѣленію г. Никонова, общая площадь дворянскаго землевладѣнія, обнимавшая ко времени освобожденія крестьянъ пространство въ 79.029.000 дес., къ 1905 г. исчисляется всего въ 31 милл. дес. земли.

Насколько великъ переходъ земель изъ рукъ дворянства, видно изъ того, что за пятилѣтіе 1898—1903 г., при посредствѣ дворянскаго и крестьянскаго поземельнаго банковъ, было продано 5.356.000 дес. земли. Другими словами, только съ помощью операцій этихъ двухъ банковъ дворянство за пятилѣтіе утрачивало въ среднемъ около 1.200.000 дес. въ годъ. Такимъ образомъ, приведенные факты съ достаточною ясностью говорятъ, какъ о томъ, что стремленіе, быть можетъ, и вынужденное, землевладѣльческаго класса

разстаться съ земельными богатствами налицо, такъ и о томъ, что выкупъ этихъ богатствъ, въ виду залога большей ихъ половины въ государственномъ дворянскомъ банкѣ, не представитъ непреодолимыхъ трудностей.

Весь планъ аграрной реформы, осуществимость и практичность предлагаемыхъ мѣропріятій сосредоточиваютъ на себѣ въ настоящее время вниманіе русскаго общества именно потому, что только съ проведеніемъ этихъ мѣръ мыслимо поднятіе экономическаго положенія „занудившагося" крестьянства. Серьезные шаги къ осуществленію этихъ реформъ устранятъ возможность и аграрныхъ безпорядковъ, каковые, начавшись въ февралѣ, продолжаются уже 4 мѣсяца. Газетныя сообщенія о крестьянскомъ движеніи попрежнему скудны и отрывочны. Однако, дѣлая сводку ихъ, „Хозяинъ" усматриваетъ въ немъ 3 слѣдующихъ главнѣйшихъ теченія: 1) чисто аграрное движеніе, въ основѣ котораго лежитъ стремленіе „прибавить мужику землицы"; 2) рабочее движеніе, направленное къ улучшенію батрацкаго положенія и условій работы въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; 3) аграрное или рабочее движеніе съ ясно выраженной политической тенденціей, въ смыслѣ стремленія къ областной автономіи (Кавказъ и Царство Польское). Эти три теченія крестьянскаго движенія сказались и въ истекшемъ мѣсяцѣ. Наиболѣе широкій районъ охваченъ первымъ теченіемъ, выражавшимся, какъ и въ прошлыхъ мѣсяцахъ, въ земельныхъ захватахъ, массовыхъ порубкахъ, запашкахъ, противодѣйствіи засѣву яровыхъ и т. д. Такого характера аграрное движеніе наблюдалось въ 21 губерніи: Тамбовской, Московской, Новгородской, Орловской, Тульской, Псковской, Рязанской, Херсонской, Полтавской, Екатеринославской, Черниговской, Симбирской, Нижегородской, Саратовской, Пензенской, Таврической, Бессарабской, Могилевской, Минской, Калишской и Сѣдлецкой.

Наиболѣе широко аграрные безпорядки шли въ Великороссіи (въ 7 губерніяхъ), гдѣ они сопровождались погромами и поджогами помѣщичьихъ усадьбъ (Богородицкій у. Тульской губ., Раненбургскій у. Рязанской губ.). Положеніе крестьянъ въ мѣстностяхъ, охваченныхъ аграрными волненіями, по газетнымъ свѣдѣніямъ, крайне неприглядно. Такъ, изъ Богородицкаго у. Тульской г. сообщаютъ, что хлѣба на душу собираютъ $2^1/_2$—4 копны. Многіе посѣютъ рожь—и хлѣбъ весь; у многихъ хлѣба съ своей земли хватаетъ лишь до Рождества, до половины года ни у кого не хватаетъ. Податей платятъ съ души по 3 р. 50 к. Поденный заработокъ въ мѣстной экономіи оплачивается такъ: женщинѣ зимою 15 к., а лѣтомъ 20 к., мужчинѣ 30—40 к. на своемъ содержаніи. Арендная плата земли стоитъ 9 руб. въ годъ. Болѣе спокойно, повидимому, шло движеніе въ Малороссіи, гдѣ, по сообщеніямъ Пет. аг., крестьяне предъявляли лишь разныя требованія, напр., объ отдачѣ земли подъ выпасъ, и прибывавшимъ на мѣсто волненій властямъ „говорили о своемъ безземельи и ужасающей нищетѣ". Въ Кременчугскомъ у. Полт. губ. крестьяне во многихъ селахъ составляли приговоры объ отчужденіи участковъ помѣщичьихъ земель, въ Прилукскомъ у. той же губ. требованія сводились къ уменьшенію арендной платы за землю, и безпорядки не приняли остраго характера въ виду того, что помѣщики пошли (въ дер. Середовкѣ и м. Сребикѣ) на уступки.

Въ Подольской губ. аграрные безпорядки продолжались и въ истекшемъ мѣсяцѣ, при чемъ они относились не только къ землепользованію, но и къ отношеніямъ хозяевъ и рабочихъ. Такъ, наряду съ разгромомъ экономіи с. Крутыхъ Балтскаго у., въ Проскуровскомъ и прилегающихъ къ нему уѣздахъ крестьянское движеніе выразилось главнымъ образомъ въ стремленіи путемъ требованій достигнуть измѣненій въ положеніи рабочихъ (батраковъ). Положеніе же сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Подольской губ. таково: поденная плата—женщинѣ 20 коп., мужчинѣ—25 к. рабочій день съ 5 ч. утра до 8 веч., съ перерывомъ $1^1/_2$ ч. на отдыхъ и обѣдъ. Лишь въ сравнительно короткій періодъ обработки и уборки свекловицы поденная плата возвышается, колеблясь между 40—60 коп. Но и такая плата существуетъ далеко не вездѣ. Въ сообщеніи проскуровскому съѣзду землевладѣльцевъ и каменецкому сельско-хоз. товариществу подольскій губернаторъ, по ознакомленіи съ бытомъ крестьянъ уѣздовъ, гдѣ происходили аграрныя волненія, указываетъ, что есть экономіи, въ которыхъ рабочіе получаютъ поденную плату 15—10 и даже 5 к.; многія помѣщичьи экономіи, пользуясь нуждой крестьянъ, довели заработную плату до размѣровъ нищенскаго содержанія. „Землевладѣльцы должны прекратить такую эксплоатацію", говоритъ губернаторъ: „войти въ соглашеніе съ рабочими"

Ко второму типу крестьянскаго движенія относятся и продолжающіяся волненія въ Прибалтійскомъ краѣ. Движеніе здѣсь выливалось въ форму стачки, носившей вначалѣ всегда совершенно мирный характеръ. Бурныя проявленія движенія (поджоги, погромы) начинались лишь при „усмиреніи". А насколько крупные землевладѣльцы Прибалтійскаго края злоупотребляли обращеніемъ къ военной охранѣ, характерно сообщаетъ „Риж. Вѣстн", повѣствуя о томъ, какъ одинъ крупный помѣщикъ, узнавъ, что „бобыли", съ разрѣшенія властей, устроили сходъ для обсужденія своихъ нуждъ, немедленно обратился по телефону съ просьбой о присылкѣ войскъ. Команда, однако, не была выслана въ виду сообщенія мѣстныхъ властей, что царитъ полное спокойствіе. По словамъ офиц. газеты, фактъ этотъ не единственный.

На Кавказѣ крестьянское движеніе приняло третье изъ указанныхъ направленій. Оно охватило всю Грузію, по сообщенію Р. аг. отъ 4 мая, проявилось и въ Тифлисской губ. По словамъ газетъ, здѣсь крестьянское движеніе проявляется въ слѣдующей формѣ. Крестьяне и крестьянки каждаго сельскаго общества или деревни въ назначенное время собираются вмѣстѣ, вырабатываютъ свои постановленія, закрываютъ сельскія канцеляріи, школы и пр., удаляютъ должностныхъ лицъ—старшину, старосту, священника и пр., и предъявляютъ свои требованія помѣщикамъ и высшей администраціи. Что особенно замѣчательно, такъ это то, что каждый крестьянинъ, подчиняясь постановленію особыхъ крестьянскихъ комитетовъ, прекращаетъ всякое сношеніе съ администраціей и за рѣшеніемъ того или другого спорнаго вопроса обращается къ мѣстнымъ судьямъ, выбраннымъ на короткое время самими же крестьянами. Все идетъ мирно, тихо и спокойно. Крестьяне своими собственными силами совершенно уничтожили воровство и мелкій разбой.

Заключаемъ нашу краткую лѣтопись аграрныхъ волненій за истекшій мѣсяцъ выдержкой изъ всеподданнѣйшаго адреса славяно-сербскаго крестьянскаго общества Тираспольскаго у. Херсонской губ.

Адресъ этотъ—новое доказательство и подтвержденіе того, насколько ясно крестьяне видятъ и причины аграрныхъ волненій и пути къ ихъ прекращенію.

„Мы слышали, говорится въ адресѣ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ были безпорядки. Крестьяне грабили чужое добро. Отпусти ихъ, Государь, ибо они сдѣлали это по своей темнотѣ и нуждѣ. Царь-Государь! Ты долженъ знать, что голодъ и нужда затемняютъ и свѣтлыя головы. Не наказаніе имъ нужно, а сытый кусокъ, теплый уголъ и устраненіе отчаянія и заботы за завтрашній день. Имъ нужна школа, образованіе, Государь! Прости имъ, ибо они не вѣдали, что творили и что творятъ".

Крестьянское дѣло, народное представительство—таковы тѣ главные вопросы русской дѣйствительности, на которыхъ напряженно сосредоточивается общественное вниманіе. Третій вопросъ русской жизни не меньшей важности, привлекающій къ себѣ и неменьшее общественное вниманіе, чѣмъ два первыхъ,—это рабочій вопросъ. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, поставленный на очередь къ разрѣшенію въ правительственныхъ сферахъ, продолжаетъ напоминать о себѣ постоянными стачками, свѣдѣнія о которыхъ газеты приносятъ ежедневно со всѣхъ концовъ русскаго государства.

Особенно многочисленны извѣстія газетъ по рабочему вопросу были въ первыхъ числахъ мая, сообщавшія о праздновании рабочими 1 мая. День этотъ—ежегодный праздникъ рабочихъ всѣхъ странъ; и въ числѣ требованій, выставлявшихся въ послѣднее время русскими рабочими, неизмѣнно повторяется одно—установленіе празднованія 1 мая. Обычно празднество это выражается въ собраніяхъ, гуляніяхъ, мирныхъ манифестаціяхъ, значеніе которыхъ лишь морально, усиливая идею солидарности интересовъ рабочихъ. По сообщеніямъ газетъ, 1 мая на на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ работы были прекращены.

Во многихъ мѣстахъ были устроены собранія, на которыхъ произносились рѣчи (митинги), гулянія, въ нѣкоторыхъ—манифестаціи. О праздновании 1 мая свѣдѣнія имѣются изъ 40 городовъ (Спб., Москва, Одесса, Кіевъ, Рига, Харьковъ, Митава, Лодзь, Самара, Саратовъ, Тверь, Ревель, Кострома, Ярославль, Ростовъ на Д., Полтава, Борисовъ, Елисаветградъ, Юрьевъ, Гродна, Сызрань, Камышинъ, Екатеринодаръ, Екатеринбургъ, Уфа, Новороссійскъ, Минскъ, Слуцкъ, Витебскъ, Плоцкъ, Либава, Пинскъ, Сморгонь, Кишиневъ, Екатеринославъ, Ковровъ и Архангельскъ).

Со 2 мая начались почти во всѣхъ промышленныхъ районахъ забастовки. Стачка охватила 42 промышленныхъ центра, достигнувъ въ такихъ промышленныхъ центрахъ, какъ Лодзь и Иваново-Вознесенскъ, внушительныхъ размѣровъ. Въ Лодзи число забастовщиковъ-рабочихъ въ серединѣ мая равнялось 18.000 человѣкъ, а по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ къ нимъ присоединились рабочіе и прочихъ фабрикъ и заводовъ.

Въ Иваново-Вознесенскѣ и с. Тейковѣ Влад. губ. къ забастовавшимъ 40.000 раб. присоединились всѣ фабричные и заводскіе рабочіе, всѣ фабрики стали, стачка проходитъ стойко, вполнѣ спокойно, рабочіе держатъ себя съ замѣчательнымъ тактомъ. Среди рабочихъ Петербурга, гдѣ забастовка охватила заводы Пализена, Невскій судостроительный, вагоностроительный, по словамъ газетъ, замѣчается движеніе въ пользу 9 час. рабочаго дня и въ пользу организаціи въ болѣе широкіе союзы, чѣмъ это было до сихъ поръ. Съ этою цѣлью устраиваются порайонныя и междурайонныя собранія депутатовъ рабочихъ. На Путиловскомъ заводѣ фактически установленъ 9 час. рабочій день.

16 мая Спб. вагоностроительный, а 18 мая заводъ „Леснеръ и К°" объявили, что, вслѣдствіе самовольнаго ежедневнаго ухода съ работъ рабочихъ ранѣе установленнаго времени, заводъ закрывается на неопредѣленное время и рабочіе получаютъ расчетъ.

18 мая опубликовано Высочайшее повелѣніе о введеніи на заводахъ морского вѣдомства 9-часового рабочаго дня.

Во многихъ мѣстахъ въ условіяхъ работы и жизни рабочей массы произошли замѣтныя измѣненія. Такъ, на Тверской мануфактурной фабрикѣ Морозова установленъ 8½ ч. рабочій день, на спичечныхъ фабрикахъ г. Борисова при 9 час. раб. днѣ заработная плата увеличена на 10%, на Прилукской табачной фабрикѣ „Рыболовъ" и мукомольной Турбовской мельницѣ Кіев. губ. введенъ 8-час. раб. день, при чемъ, по словамъ арендатора послѣдней, замѣтно улучшеніе качествъ труда въ смыслѣ большей его производительности. Но, само собою, движеніе среди рабочихъ не ограничивалось исключительно стремленіемъ къ улучшенію своего матеріальнаго положенія. Оно касалось и др. сторонъ жизни. И какъ ни скудны въ этой части газетныя извѣстія, въ нихъ находимъ слѣдующія интересныя сообщенія.

Въ Москвѣ, 10 мая, въ Грузинахъ былъ многолюдный митингъ, на которомъ рабочіе высказали негодованіе по поводу науськиванія хулигановъ и др. темныхъ силъ на интеллигенцію. Рабочіе постановили при малѣйшемъ проявленіи насилій со стороны темной массы давать ей дружный, организованный отпоръ. Митингъ происходилъ въ присутствіи чиновъ полиціи, которая, по просьбѣ рабочихъ, удаляла выпившихъ.

За послѣдній мѣсяцъ въ газетахъ мелькали краткія, но весьма содержательныя замѣтки о рѣшеніи рабочихъ того или иного района отказаться отъ употребленія водки. Рабочіе почти всѣхъ митавскихъ, рижскихъ, нѣкоторыхъ петербургскихъ, юрьевскихъ и нѣк. др. фабрикъ рѣшили впредь не употреблять крѣпкихъ напитковъ и выработали въ этомъ смыслѣ рядъ правилъ о наказаніяхъ за нарушеніе обѣта. Кары эти серьезны: уличенный въ употребленіи водки въ первый разъ штрафуется 3—5 рубл., во второй 5—10 р., въ третій—товарищескимъ судомъ приговаривается къ изгнанію изъ заведенія, въ которомъ работаетъ. Газеты отмѣчаютъ, что пропаганда полнаго воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ пользуется большимъ успѣхомъ въ рабочей средѣ. Борьба за трезвость ведется горячо, съ увлеченіемъ. Послѣдствія этого движенія сказываются уже и выражаются въ сокращеніи выручекъ винныхъ лавокъ. Въ Ригѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, такое сокращеніе прямо бросается въ глаза.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ начались засѣданія особаго совѣщанія, образованнаго подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, по рабочему вопросу, о перерывѣ въ работахъ котораго, вслѣдствіе ухода изъ совѣщанія представителей промышленности, мы говорили выше *). Въ совѣщаніи ст.-секр. Коковцова предполо-

*) О составѣ комиссіи и ея задачахъ см. „Внутр. хронику" за мартъ.

жено разсмотрѣть важные и цѣнные проекты по рабочему вопросу: объ организацiяхъ рабочихъ и свободѣ ихъ собранiй, о государственномъ страхованiи рабочихъ, подачѣ имъ медицинской помощи, о нормировкѣ рабочаго дня, который предположено опредѣлить въ 10 час., о свободѣ стачекъ. По послѣднему вопросу сущность внесеннаго въ комиссiю проекта сводится къ слѣдующему:

I. Несоблюденiе условiй договора о наймѣ не можетъ преслѣдоваться уголовнымъ порядкомъ. Нарушенiя матерiальной стороны договоровъ подлежатъ вѣдѣнiю гражданскаго суда, нарушенiя же чисто формальнаго свойства должны вѣдаться административнымъ судомъ, т. е. присутствiемъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ.

II. Уголовному наказанiю подлежатъ лишь насилiя или угрозы во время стачекъ, проявляемыя кѣмъ-либо по отношенiю къ личности или имуществу другого.

III. Отвѣтственность, и гражданская, и уголовная, должна быть одинаковой и для работодателей и для рабочихъ.

IV. Самый фактъ прекращенiя работы промышленнымъ заведенiемъ не можетъ почитаться нарушенiемъ, за исключенiемъ остановокъ заведенiй общественно-необходимыхъ (водопроводы, канализацiонныя сооруженiя и т. д.).

V. Насилiя и угрозы, имѣвшiя или могущiя имѣть послѣдствiемъ ущербъ только тѣхъ лицъ, къ коимъ они обращаются, преслѣдуются не иначе, какъ по ихъ жалобамъ. Если же насилiя и угрозы могли причинить вредъ и другимъ лицамъ, то право преслѣдованiя принадлежитъ представителямъ публичной власти.

VI. Всѣ дѣла, возбужденныя по обвиненiю въ насилiяхъ или угрозахъ, подлежатъ рѣшенiю общихъ судебныхъ установленiй въ обычномъ порядкѣ судопроизводства.

Таковъ проектъ мин—ва финансовъ. Газетные отчеты о первомъ засѣданiи комиссiи ст.-секр. Коковцова сообщили, что предсѣдатель, открывая засѣданiе, указалъ, что на очередь изъ вышеуказанныхъ вопросовъ ставится только два: о стачкахъ и о сокращенiи рабочаго времени. Остальные вопросы, отчасти за отсутствiемъ отзывовъ на проектъ министерства, отчасти же какъ требующiе большой осторожности и особыхъ условiй русской жизни (вопросъ о союзахъ рабочихъ), — разсмотрѣнiемъ отлагаются.

Первые шаги къ установленiю у насъ свободы стачекъ рабочихъ, однако, уже сдѣланы путемъ изданiя циркуляра. По сообщенiю газетъ, министерство финансовъ циркуляромъ отъ 15 марта 1905 г., за № 5209, извѣстило фабричныхъ инспекторовъ объ отмѣнѣ слѣдующихъ циркуляровъ, стѣснявшихъ стачку, какъ форму борьбы рабочихъ за улучшенiе условiй своего существованiя:

1) министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го августа 1897 г. № 7587,—воспрещавшаго безусловно всякiя собранiя стачечниковъ и предписывавшаго, въ случаѣ возникновенiя стачки, немедленно входить въ разслѣдованiе причинъ ея, предлагать сторонамъ войти въ миролюбивое соглашенiе, а за отсутствiемъ такового назначать стачечникамъ срокъ, въ который они должны были стать на работы, по истеченiи котораго высылать упорствующихъ на родину этапнымъ порядкомъ; 2) министра финансовъ отъ 8-го апрѣля 1897 г. № 9677, требовавшаго, чтобы фабричные инспектора ставили непремѣннымъ условiемъ переговоровъ между работодателями и ихъ забастовавшими рабочими возобновленiе работъ.

И забастовка, признанная комитетомъ министровъ, какъ „явленiе экономическое, не угрожающее государственному порядку“, съ необыкновенной быстротой дѣлается всеобщимъ средствомъ для завоеванiя лучшихъ условiй существованiя.

Лѣтопись общественнаго движенiя за истекшiй мѣсяцъ была бы неполна, если бы, хотя въ краткихъ словахъ, не коснуться скорбныхъ событiй, имѣвшихъ мѣсто въ Варшавѣ, Калишѣ и нѣк. др. городахъ Царства Польскаго и Кавказа, а также ужасныхъ погромахъ въ Житомiрѣ, Мелитополѣ и др. мѣстахъ.

Событiя въ Варшавѣ, произошли на почвѣ празднованiя рабочими дня 1 мая нов. стиля, совпавшаго со вторымъ днемъ праздника Пасхи—18 апрѣля. На основанiи свѣдѣнiй офиц. „Варшав. Дневн.“ ходъ событiй представляется въ такомъ видѣ.

Въ теченiе всего дня 18 апр. въ Варшавѣ происходили манифестацiи. Манифестанты ходили по городу значительными толпами съ красными флагами, пѣнiемъ пѣсенъ. Манифестацiи были въ разныхъ мѣстахъ города въ 11, 12, 1 ч. дня, 5, 6, 7, 9 ч. 25 м. и 10 ч. веч.; при разсѣянiи манифестантовъ дѣйствовали оружiемъ какъ манифестанты, такъ и войска. Особенно кровавой была манифестацiя въ 1 ч. дня на Iерусалимской аллеѣ, гдѣ при встрѣчѣ толпы около 2 т. чел. съ войсками кто-то началъ стрѣлять изъ толпы, былъ раненъ околот. надз. Залпами войскъ манифестанты были разсѣяны, оставивъ на мѣстѣ 25 убитыхъ и 20 раненыхъ. Всего, по офицiальнымъ свѣдѣнiямъ, за 18 апр. въ Варшавѣ было убито 31 чел. Затѣмъ, въ „Варш. Дн“. имѣются свѣдѣнiя о событiяхъ 20 апр., когда, по словамъ офиц. газеты, „Варшава еще разъ пережила тревожный день. Повинуясь приказу членовъ соцiалъ-демократической партiи, рѣшившихъ въ видѣ протеста почтить общей забастовкой память лицъ, пострадавшихъ 18 апрѣля“, жизнь въ городѣ совершенно прекратилась, закрыты были фабрики, заводы, рестораны, магазины и пр., колесное и трамвайное движенiе почти прекратилось. По поводу событiя 18 апр. варшавскiе жители обратились къ генералъ-губернатору съ петицiей.

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ петицiя варшавянъ приведена полностью:

„Случившiяся 1-го мая н. ст. с. г. событiя взволновали весь городъ, какъ по поводу количества жертвъ, такъ и по поводу мѣръ, предпринятыхъ органами безопасности противъ собиравшагося народа. Особенно выдающимся является то, что случилось на Iерусалимской аллеѣ. Какъ объ этомъ гласитъ установившаяся общественная молва, когда манифестанты двигались по Iерусалимской аллеѣ, былъ данъ приказъ стрѣлять въ толпу безъ соблюденiя троекратнаго предупредительнаго сигнала и безъ исчерпанiя другихъ мѣръ для предупрежденiя кровопролитiя; а когда послѣ залповъ толпа разсѣялась на всѣ стороны, началась кровавая расправа и не только съ людьми, оставшимися на улицѣ, но и съ тѣми, которые прятались по дворамъ домовъ или же искали спасенiя въ частныхъ помѣщенiяхъ. Вооруженные полицейскiе и солдаты бросались за уходившими людьми, отыскивали ихъ въ сѣняхъ и чуланахъ и тамъ стрѣляли и кололи, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. По общераспространеннымъ слухамъ, между прочимъ, въ домѣ № 99 по Iерусалимской аллеѣ 13-лѣтней дѣвочкѣ, искавшей убѣжища въ сѣняхъ существующей тамъ конторы, какой-

то полицейскій отрубилъ шашкой часть головы, а по 16-тилѣтнему мальчику, вбѣжавшему въ чужую квартиру и бросившемуся на кровать подъ одѣяло, данъ былъ черезъ окно смертельный выстрѣлъ изъ ружья. Не входя въ подробности другихъ происшествій этого дня, которыя вѣроятно будутъ обнаружены слѣдствіемъ во всей ихъ наготѣ, не можемъ не отмѣтить, что сказанныя событія произвели во всѣхъ слояхъ общества крайне удручающее впечатлѣніе, создавая общее волненіе умовъ. Намъ кажется, что для внесенія спокойствія въ обществѣ и для возстановленія нормальнаго хода общественной жизни необходимо точное, безпристрастное и быстрое разслѣдованіе сказанныхъ событій. Поэтому честь имѣемъ почтительнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство назначить особую комиссію для разслѣдованія дѣйствій органовъ безопасности 1-го мая н. ст. с. г. съ участіемъ въ оной представителей отъ общества".

Въ ходатайствѣ о назначеніи комиссіи генералъ-адъютантъ Максимовичъ отказалъ въ виду того, что всѣ подробности о событіяхъ 18 апрѣля уже разслѣдованы. Волненія въ Варшавѣ продолжаются, какъ это видно изъ объявленія генералъ-губернатора отъ 14 мая о введеніи въ Варшавѣ военнаго положенія и изъ многочисленныхъ случаевъ покушеній на жизнь полицейскихъ и высшихъ чиновъ. Событія, аналогичныя варшавскимъ и на той же почвѣ, произошли 18 апрѣля въ Ломжѣ, Сѣдлецѣ, Калишѣ и Лодзи.

Въ прошломъ мѣсяцѣ еще одно несчастіе посѣтило русское общество. Дикій разгулъ низменныхъ страстей темныхъ силъ и подонковъ населенія, тѣсный союзъ „черной сотни" и хулигановъ произвели въ Житомірѣ, Мелитополѣ, Винницѣ, Дусятахъ и нѣк. др. мѣстечкахъ жестокіе, безсмысленные еврейскіе погромы. Несмотря на сравнительное обиліе газетныхъ извѣстій объ этихъ погромахъ, въ виду противорѣчивости сообщеній о разныхъ моментахъ событій, невозможно составить ясную и отчетливую картину происшедшихъ безобразій. Одно выяснено съ безусловною точностью и единогласно подтверждается всѣми газетными извѣстіями—это то, что задолго до печальныхъ событій ходили слухи о готовящихся погромахъ. Затѣмъ, на фонѣ этихъ извѣстій выдѣляется фактъ, что изъ всѣхъ мѣстностей, гдѣ ожидались и начинались безпорядки, только въ одномъ Симферополѣ удалось предотвратить ихъ ужасныя послѣдствія. Наконецъ, положительно выяснилось, что въ числѣ хулигановъ, производящихъ „патріотическіе" разгромы и убійства въ Житомірѣ, были командированные изъ Москвы. Они кричали: „Мы бьемъ студентовъ, интеллигенцію и евреевъ, потому что они соціалисты, враги правительства и церкви. Насъ не даромъ выписали изъ Москвы".

На Кавказѣ продолжаются народныя волненія.

Въ Баку, начавшаяся въ апрѣлѣ ревизія сенатора Кузминскаго продолжается.

Въ петиціи, поданной сенатору Кузминскому, граждане г. Баку, привѣтствуя начало сенаторской ревизіи, просили: 1) устранить на время разслѣдованія мѣстнаго губернатора кн. М. А. Накашидзе и всѣхъ подчиненныхъ ему чиновъ городской полиціи отъ исправленія ихъ должностей; 2) принять дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы мѣстная полиція не могла путемъ угрозы административными мѣропріятіями препятствовать раскрытію передъ судомъ истины; 3) предоставить мирному населенію возможность въ это тревожное время обезопасить себя отъ посягательствъ со стороны преступной части общества, и 4) участія представителей общества и общественныхъ учрежденій въ производимомъ разслѣдованіи и полной его гласности.

Петиція эта, однако, не могла быть удовлетворена, такъ какъ сенатору Кузминскому не предоставлено права удалять чиновниковъ выше VI кл., а тѣмъ болѣе контролировать дѣйствія генералъ-губернатора. По сообщенію газетъ, населеніе крайне неохотно даетъ свѣдѣнія о февральскихъ событіяхъ и на пріемѣ сенатора Кузминскаго бываетъ не болѣе 3—4 чел. въ день. Вмѣстѣ съ тѣмъ, газеты сообщили, что ревизіей добыты достаточныя данныя для привлеченія къ отвѣтственности бакинскаго губернатора князя Накашидзе, и послѣдній остался при исполненіи обязанностей въ виду того, что для его привлеченія необходимо опредѣленіе сената. 11 мая князь Накашидзе убитъ брошенною бомбою, 17 и 18 мая газеты принесли тревожныя извѣстія изъ Эриванской губ. о бойнѣ, весьма похожей на бакинскую въ февралѣ. Вотъ одна изъ краткихъ телеграммъ:

„Въ Нахичевани Эриванской губ. и во всемъ Нахичеванскомъ уѣздѣ четвертый день идетъ страшная рѣзня. Татары рѣжутъ армянъ. Нападеніе татаръ на армянъ началось одновременно повсюду. На нахичеванскомъ базарѣ перерѣзаны всѣ армяне. Нынѣшняя бойня отличается отъ бакинской тѣмъ, что сейчасъ мусульмане не только убиваютъ армянъ, но и грабятъ ихъ имущество, жгутъ и уничтожаютъ дома. Поджоги и грабежи достигли огромныхъ размѣровъ. По улицамъ и площадямъ валяется множество раненыхъ и убитыхъ. Лежатъ обуглившіеся трупы. Въ деревняхъ рѣзня достигла еще болѣе ужасающихъ размѣровъ. Мусульмане громятъ и грабятъ армянскія церкви. Изъ одной церкви увезены св. мощи. Татарами объявлена священная война. Ожидается массовое нападеніе персидскихъ курдовъ.

„Погромъ начался 12 мая одновременно въ г. Нахичевани и въ деревняхъ Нахичеванскаго уѣзда. На одномъ нахичеванскомъ базарѣ установлено было 14 мая 30 убитыхъ армянъ. Мѣстная команда явилась только черезъ 2 часа. Въ общемъ, число убитыхъ превышаетъ сто человѣкъ армянъ".

На Кавказѣ впервые появились забастовки домашней прислуги, распространившіяся на многіе города. 14 мая телеграфныя агентства оповѣстили о чрезвычайно оригинальной забастовкѣ въ Тифлисѣ. Забастовали квартиронаниматели, прекратившіе платежи и предъявившіе требованія объ уменьшеніи квартирной платы. „Тяжелый экономическій кризисъ гнететъ тѣхъ и другихъ",—такъ заканчиваются эти сообщенія.

О тяжеломъ экономическомъ положеніи сообщаются не изъ одного Тифлиса. Извѣстія объ этомъ идутъ изъ разныхъ концовъ страны. Во многихъ мѣстахъ въ силу экономическаго кризиса закрываются фабрики и заводы (Юзовка, Верхнеднѣпровскъ и др.).

Тяжелое экономическое положеніе и отдаленная отъ центра государства война, на веденіе которой за годъ пришлось заключить внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ на милліардъ руб., конечно, не могли не отразиться на финансовомъ положеніи страны. Въ цѣляхъ изысканія новыхъ источниковъ дохода Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, по представленію министерства финансовъ, установлены съ 1 мая слѣдующіе новые налоги и увеличены суще-

ствующіе: 1) вычеты изъ содержанія чиновниковъ увеличены на 2—3%; 2) пошлины съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами (по дарственной, по наслѣдству), увеличены на 50%, 3) увеличенъ акцизъ: съ пуда солода при пивовареніи, съ зажигательныхъ спичекъ, съ прессованныхъ дрожжей, освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ. По предположеніямъ министерства финансовъ, это увеличеніе налоговъ составитъ ежегодное поступленіе въ 18 милліоновъ руб.

Сумма эта, ожидаемая отъ увеличенія налоговъ, при двухмилліардномъ бюджетѣ нашего отечества, конечно, ничтожна, и министерство финансовъ изыскиваетъ иные источники доходовъ. При министерствѣ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Н. Н. Кутлера, образована комиссія, задача которой—разработка проекта подоходнаго налога. Открывая второе засѣданіе комиссіи, товарищъ министра финансовъ Н. Н. Кутлеръ, резюмируя пренія перваго засѣданія, высказалъ слѣдующее: „Подоходный налогъ нужно ввести хотя бы ради одного того, чтобы устранить тотъ невозможный порядокъ, при которомъ наиболѣе богатые почти вовсе освобождены отъ уплаты налоговъ; нужно устранить вопіющую несправедливость, оставшуюся отъ прошлыхъ временъ въ виду раздѣленія народа на 2 категоріи, на два сословія—податное и неподатное". Что касается формы подоходнаго налога: долженъ ли онъ быть единымъ и значительно прогрессивнымъ, замѣняющимъ всѣ нынѣ существующіе, или дополнительнымъ, т. е. при его существованіи будутъ еще и нѣкоторые другіе,—то, по мнѣнію Н. Н. Кутлера, введеніе единаго подоходнаго налога требуетъ реформы всего мѣстнаго хозяйства; при данномъ же государственномъ механизмѣ это въ короткій срокъ осуществлено быть не можетъ. „Такая реформа, говорилъ Н. Н. Кутлеръ, можетъ быть проведена какъ слѣдуетъ только народными представителями". Далѣе, комиссіей установлено, что обложенію подоходнымъ налогомъ (въ размѣрѣ 2—3%) подлежатъ всѣ граждане, доходы которыхъ превышаютъ 1.000 р. въ годъ, причемъ обложенію подлежитъ вся совокупность доходовъ плательщика, въ чемъ бы таковые не заключались, за вычетомъ изъ валового дохода расходовъ: на веденіе хозяйства и страхованіе жизни и имущества, уплаты % по долгамъ и уплаты прямыхъ налоговъ и сборовъ государственныхъ, земскихъ, общественныхъ, а также тѣхъ косвенныхъ налоговъ, которые должно признать необходимымъ расходомъ хозяйства. Закончившіяся 17 мая работы комиссіи поступаютъ на разсмотрѣніе вѣдомствъ и выработанные ими проекты поступятъ опять въ комиссію Н. Н. Кутлера.

Введеніе, подоходнаго налога—дѣло будущаго, хотя, быть можетъ, и не отдаленнаго. Для текущихъ же военныхъ потребностей министерствомъ финансовъ предпринятъ новый заемъ: выпущены заграницей краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства на сумму 150 мил. руб., при чемъ уплата процентовъ, размѣръ которыхъ въ донесеніи министра финансовъ сенату не опредѣленъ, —должна производиться впередъ, какъ въ векселяхъ, путемъ учета соотвѣтственной суммы съ нарицательной цѣны обязательствъ. На какой срокъ выпущены обязательства, въ донесеніи министра финансовъ сенату о новомъ займѣ ничего не говорится.

Въ виду финансовыхъ затрудненій, вслѣдствіе военнаго времени и внутренняго экономическаго кризиса, по сообщенію газетъ, рѣшено продать казенные лѣса Вологодской губ. для сплава по р. Печорѣ. Въ настоящее время на мѣстѣ уже начали работать 2 большихъ иностранныхъ лѣсопильныхъ завода. Въ началѣ мая въ газетахъ появились извѣстія о займѣ за границей 800 мил. руб. подъ залогъ трехъ русскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ опроверженіе этихъ свѣдѣній, 10 мая въ газетахъ появилось слѣдующее офиціальное сообщеніе:

„Въ виду появившихся въ газетахъ извѣстій о послѣдовавшихъ будто бы предложеніяхъ иностранными капиталистами русскому правительству крупныхъ ссудъ подъ обезпеченіе доходами съ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, министерство финансовъ считаетъ необходимымъ разъяснить, что, во-первыхъ, такихъ предложеній не поступало, а во-вторыхъ, министерство не имѣетъ ни намѣреній, ни надобности заключать подобные займы. Точно также невѣрны и слухи о намѣреніяхъ правительства передать нѣкоторыя казенныя дороги въ эксплоатацію частнымъ обществамъ".

Кромѣ изложенныхъ выше распоряженій и сообщеній, дѣйствія правительства за истекшій мѣсяцъ выразились, кромѣ продолжающихся работъ особыхъ совѣщаній, образованныхъ для выполненія положеній указа 12 декабря прошлаго года, въ нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ, изъ которыхъ особенно важное значеніе имѣетъ указъ 1 мая о льготахъ для лицъ польской національности въ 9 западныхъ губерніяхъ.

Указомъ отмѣнены весьма многія ограниченія по землевладѣнію. Именно, указомъ уравниваются права польскихъ землевладѣльцевъ по арендованію земельныхъ имуществъ, по пріобрѣтенію имѣній для округленія имѣнія и уничтоженія черезполосицы, и для цѣлей промышленнаго свойства. Указъ возстановляетъ дворянскіе выборы и, наконецъ, допускается преподаваніе мѣстныхъ языковъ (польскаго, литовскаго) въ учебныхъ заведеніяхъ.

Изъ опубликованнаго журнала комитета министровъ видно, что мотивами къ изданію указа послужили, между прочимъ, тѣ соображенія, что существующія ограниченія тяжко отражаются на экономическомъ положеніи края, что большая часть ограниченій имѣли характеръ кары за смуту, а между тѣмъ имъ подвергается третье поколѣніе повстанцевъ, что, наконецъ, „какъ землевладѣльцы, польскіе помѣщики принадлежатъ къ числу лицъ наиболѣе консервативныхъ и склонныхъ защищать существующій строй. Поэтому, необходимо устранить причины, возбуждающія ихъ неудовольствіе".

Распоряженіями министра внутреннихъ дѣлъ, сообщенными сенату для распубликованія, въ истекшемъ мѣсяцѣ объявлены на положеніи усиленной охраны гг. Мелитополь, Уфа, Вильно, Гродно и Сморгонь, а также вся Таврическая губ.

Изъ работъ многочисленныхъ особыхъ совѣщаній, образованныхъ для выполненія предначертаній указа12 декабря 1094 г., общественное вниманіе привлекаетъ, какъ и въ предыдущихъ мѣсяцахъ, совѣщаніе д. т. с. Кобеко о положеніи печати. Особое совѣщаніе о печати, разрѣшивъ принципіальные вопросы объ уничтоженіи цензуры, о порядкѣ открытія органовъ печати и др. еще въ мартѣ, въ истекшемъ мѣсяцѣ разрабатывало какъ вопросы детальные о положеніи печати, такъ и вопросы, непосредственно съ нимъ связанные. Такъ, особымъ совѣщаніемъ предположено не требовать утвержденія редакторовъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати;

исключена статья устава объ обязанности редакторовъ, по требованію главнаго управленія о печати, сообщать имена авторовъ статей. Далѣе, совѣщаніе высказалось за явочный порядокъ открытія типографій, литографій и книжныхъ лавокъ, разсматривало, но оставило открытыми вопросы о цензурѣ драматической и иностранныхъ книгъ. По словамъ газетъ, лѣтнее время начало уже неблагопріятно отзываться на ходѣ работъ совѣщанія: въ послѣднемъ засѣданіи присутствовали вмѣсто 24 только 14 членовъ. Предполагается прервать засѣданія до сентября и такимъ образомъ внести на законодательное разсмотрѣніе проектъ совѣщанія осенью не удастся.

Наряду съ работами особаго совѣщанія о печати, по словамъ газетъ, государственный совѣтъ принялъ проектъ гофмейстера Булыгина, предоставляющій министру внутреннихъ дѣлъ единоличное право пріостанавливать періодическія изданія. Свои постановленія, согласно этому правилу, министръ долженъ вносить на усмотрѣніе сената, который уже постановляетъ окончательное рѣшеніе о судьбѣ пріостановленнаго изданія.

По обычаю, заканчиваемъ нашу хронику сообщеніями о мѣропріятіяхъ по дѣламъ печати за истекшій мѣсяцъ. 12 мая бакинскій генералъ-губернаторъ ген.-ад. кн. Амилахвари, на основаніи военнаго положенія, пріостановилъ изданіе газеты „Бакинскія Извѣстія". Цензурой изъято изъ обращенія выпущенное изданіе „Историческихъ писемъ" Миртова (П. Л. Лаврова), задержано 2 изд. сочиненій Лассаля въ пер. Зайцева. Задержаны цензурой первые номера газ. „Московская Недѣля".

По словамъ газетъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати д. с. с. Бельгардъ принципіально высказался противъ административныхъ взысканій, налагаемыхъ на газеты за напечатаніе статей „вреднаго направленія", замѣняя эти взысканія привлеченіемъ къ судебной отвѣтственности. Въ виду этого привлечены къ отвѣтственности по 1 ч. 129 ст. новаго угол. улож., карающей ссылкой на поселеніе или заключеніемъ въ исправительномъ домѣ до 3 лѣтъ, за распространеніе сочиненій, возбуждающихъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя, или учиненію бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянія,—редакторъ газеты „Новости" О. К. Нотовичъ, за напечатаніе въ газетѣ программы союза освобожденія, редакторъ газеты „Биржевыя Вѣдомости" Проппертъ, за напечатаніе фельетона, и редакторъ журнала „Судебное Обозрѣніе" Я. А. Канторовичъ.

18 мая въ „Прав. Вѣстн." было напечатано:

„5 апрѣля сего года особымъ присутствіемъ правительствующаго сената разсмотрѣно дѣло о мѣщанинѣ Иванѣ Платоновѣ Каляевѣ, преданномъ суду за предумышленное убійство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича. Особое присутствіе, признавъ Каляева виновнымъ, приговорило его, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни черезъ повѣшеніе. 10-го сего мая приговоръ приведенъ въ исполненіе, въ порядкѣ ст. 963 и 964 уст. уг. суд.".

Александръ Любинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Полуживотное", ром. Е. Белау. Ц. 50 коп. 173 стр. *„Женщина, которая осмѣлилась"*, ром. Грантъ-Аллена. Ц. 60 к. 170 стр. *„Изъ хорошей семьи"*, ром. Г. Рейтеръ. Ц. 1 р. 223 стр. *„Курсистки"*, ром. Г. Реваль. Ц. 80 к. 230 стр. Перев. Н. Дадоновой, подъ редакціей и въ изданіи г-жи Вербицкой.

Яркими, хотя подчасъ грубоватыми штрихами обрисовано въ названныхъ романахъ положеніе женщины—жены, матери, но больше всего удѣлено вниманія положенію современной дѣвушки. Вездѣ подчеркнута главнымъ образомъ ея зависимость, которая, быть можетъ, всего мучительнѣе проявляется въ области ея духовно-физической жизни... „Ужасающее противорѣчіе между независимостью духа и рабствомъ тѣла" признается устами одной изъ „курсистокъ", за главную язву современной женской психики... „Несмотря на огромный прогрессъ въ поступательномъ ходѣ женскаго движенія, все же женщина стоитъ еще на очень низкой ступени общественно-соціальной лѣстницы..." „Женщина все еще существо, которое не можетъ чувствовать и дѣйствовать, какъ человѣкъ, существо, въ которомъ признаютъ пока еще только полъ..."

Семья и возможное участіе женщины въ общей работѣ, въ жизни страны—вотъ рычаги, вокругъ которыхъ должна вращаться энергія женщины,—таковъ выводъ, который можно сдѣлать изъ намѣченныхъ положеній. „Не допускайте, чтобы женщина трудясь томилась, какъ хищникъ голодомъ, желаніемъ имѣть ребенка... Ребенокъ и трудъ! Дайте женщинѣ работу, отъ которой расширится ея душа, и ребенка, который будетъ радовать ея сердце". При современномъ общественномъ строѣ, какъ извѣстно, почти нѣтъ возможности совмѣстить эти обѣ стороны жизни, едва ли не равныя по значенію... Семья поглощаетъ женщину почти всецѣло, чувство обычно беретъ перевѣсъ надъ интеллектомъ. „Ужасно то, что мы, женщины, склонны все принести въ жертву любви, и любовь эта обратилась въ дикаго звѣря, котораго мы кормимъ тѣмъ, что есть въ насъ лучшаго". Для освобожденія отъ этихъ рабскихъ цѣпей, женщинѣ, по мысли автора ром. „Полуживотное", нужно еще много, долго и упорно работать, такъ какъ до сихъ поръ все въ исторіи человѣчества создано руками одного мужчины. Призывомъ къ этой освободительной и созидательной работѣ и кончается названный романъ: „Работай, Лу! Доработайся хоть до смерти... Трать свои силы на трудъ, а не на любовь и тоску—и ты станешь человѣкомъ"...

Значеніе и справедливость этихъ мыслей едва ли могутъ быть оспариваемы, а потому мы безъ колебанія рѣшаемся рекомендовать означенныя изданія вниманію нашихъ читателей...

А. Чеботаревская.

Баронъ М. А. Таубе, проф. Петерб. унив. *Христіанство и международный миръ*. Изд. „Посредника", 1905 г. цѣна 25 коп.

Свѣтлая идея о „мирѣ всего міра" родилась, какъ мы видимъ изъ чрезвычайно интересной и важной брошюры проф. Таубе, на самой зарѣ исторіи: на стѣнахъ карнакскаго храма въ Египтѣ до сихъ поръ сохранился гіероглифическій текстъ договора о вѣчномъ мирѣ, заключеннаго египетскимъ фараономъ Рамзесомъ II и царемъ хеттеянскимъ около 1300 л. до Р. Х. „На рубежѣ VII и VIII столѣтій до нашей эры мы слышимъ настоящій гимнъ миру въ Іудеѣ изъ устъ одного изъ величайшихъ пророковъ еврейскаго народа, Исаіи, который развертываетъ передъ нами грандіозную картину мира всего человѣчества (гл. II), переходящую затѣмъ въ картину мира всей природы (гл. XI)". Конгрессъ мира, проектированный Перикломъ, грезы Платона объ „Атлантидѣ", идеальное государство Безасъ, никогда не ведущее войнъ, циника Кратеса, учителя Зенона, великая идея единаго Бога и

вытекающая изъ нея идея братства людей, провозглашенная Моисеемъ, основанное на любви равенство людей, проповѣданное Сакія Муни (Буддой), ученіе стоиковъ, утверждавшихъ, что „мы всѣ родные“,—вотъ въ общихъ чертахъ постепенный, величавый ходъ великой идеи міра. Но „идея равенства и братства всѣхъ людей въ системѣ мозаизма зародилась слишкомъ рано и была поглощена узко-національнымъ чувствомъ исключительности; идея равенства буддизма явилась вдали отъ центра международной жизни и была затемнена чрезмѣрнымъ развитіемъ умозрительной, субъективной стороны ученія Будды; идея равенства стоиковъ не проникла за предѣлы тѣснаго кружка лицъ“,—такимъ образомъ, эти движенія „не могли ввести въ сознаніе міра идей любви, равенства всѣхъ людей, братства всѣхъ народовъ. Эти идеи далъ массамъ народа бѣдный галилейскій Плотникъ“, указавшій людямъ не только свѣтлый идеалъ царствія Божія, но и вѣрный путь къ нему.

Затѣмъ авторъ показываетъ намъ дальнѣйшую судьбу этой великой идеи Христа, всего Его великаго ученія въ такъ называемомъ „христіанскомъ“ мірѣ.

Первые вѣка нашей эры идетъ борьба между христіанствомъ и „колоссальнымъ организмомъ античнаго государства, не знающимъ границъ своей волѣ и власти“. „Salus publica suprema lex esto (государственная польза да будетъ наивысшимъ закономъ)“, говоритъ языческій міръ. „Для насъ ничто такъ не безразлично, какъ государство“, отвѣчаетъ устами Тертулліана христіанство, выносящее на первый планъ внутреннее содержаніе человѣка, исканіе царствія Божія и правды его и совершенно игнорирующее всѣ внѣшніе интересы личности—имущество, семью, отношеніе къ обществу, къ союзу религіозному, національность, государство. Отрицая государство, христіанская мысль не могла, конечно, не отрицать и войны и военной службы. „Христіанская община первыхъ вѣковъ нашей эры, почти до самаго V вѣка по Р. Х., совершенно ясно и прямо признавала устами самыхъ видныхъ и авторитетныхъ своихъ руководителей, великихъ отцовъ и учителей церкви, что христіанамъ запрещено всякое убійство себѣ подобныхъ“; христіанина, поступившаго на военную службу, она отлучала отъ церкви, а потерпѣвшихъ мученіе и смерть за отказъ отъ военной службы канонизировала, возводила въ святые. Но уже въ 416 г. эдиктомъ Ѳеодосія предписывается не допускать въ армію язычниковъ. Вступивъ на скользкій путь компромисса, остановиться было уже нельзя, и въ средніе вѣка народы залили землю морями крови въ безконечномъ рядѣ религіозныхъ войнъ—войнъ во имя Христа! Изъ категорической заповѣди Христа—„Не только не убій, но не противься злому (насиліемъ, зломъ)“—люди, называвшіеся христіанами, но въ душѣ и въ жизни глубокіе язычники, вывели—путемъ всевозможныхъ хитросплетеній, натяжекъ, подлоговъ, толкованій,—разрѣшеніе христіанину убійства.

Но, спрашиваетъ проф. Таубе, что же скажетъ на всѣ эти толкованія „каждый простой, безхитростный человѣкъ, что сказали бы тѣ старые рыбаки, плотники и мытари далекой Галилеи? Какой выводъ сдѣлали бы они изъ такихъ толкованій? Да только тотъ, который уже данъ все въ той же великой книгѣ: „Горе вамъ, законникамъ, что вы взяли ключъ разумѣнія; сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали (Лук., XI, 52)!“

Но „правда все-таки рано или поздно вырвется на Божій день, заключаетъ свой превосходный и глубоко поучительный очеркъ проф. Таубе.—И когда съ глазъ людей спадутъ наконецъ одна за другой старыя повязки, которыя наложило на нихъ тысячелѣтнее варварство, они увидятъ ясно, со стыдомъ и страхомъ и радостью, что изъ заповѣди „Не убій“ никакъ не вывести разрѣшенія убійства“.

Къ счастью для человѣчества, и теперь уже многіе видятъ это, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ хотя бы только что выпущенная тѣмъ же „Посредникомъ“ интересная брошюра В. Ольховскаго „Назаретъ“.

Ив. Наживинъ.

Издатель **В. С. Миролюбовъ**. Редакторъ **П. В. Голяховскій**.

Дозв. ценз. Спб., 1 іюля 1905 г. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.

